

Annotation

Два попаданца — немецкий националист и российский патриот. Погибли в нашем мире, защищая женщину и оказались в гитлеровской Германии, в 1940 году. Каждый из них любит свою страну и на многое готов чтобы та была сильной и свободной. Но что будет, если они столкнутся друг с другом? Кто победит? И какой ценой? Внимание, есть откровенные сцены!

Илья83

Моя страна — прежде всего!

Введение

Примечания автора: Примечание будет длинным, поэтому более подробно напишу Введение. Советую прочитать, чтобы потом не было разочарований и несбывшихся надежд.

1. Произведение будет большим. Скорее всего, несколько книг. Сюжет медленный, описание почти каждого дня. Почему? Потому что не люблю эти прыжки через дни, недели, месяцы. Моя книга напоминает пассажирский состав, останавливается на каждой остановке...

2. Книга НЕ толерантна и главные герои не собираются сдерживаться в обозначении своих взглядов на будущее других людей и народов. Помните, тогда было другое время, негров называли неграми, черномазыми и т. д. В современном мире один из ГГ тоже называет негров и арабов так как хочет а не так как заставляет политкорректность. Не считаю нужным приглаживать его взгляды в угоду другим. Я, как автор, не разделяю полностью взгляды моих ГГ на политику и повседневную жизнь СССР и Третьего Рейха. Поэтому, если это кого-то обидит, лучше не читайте. Это ваше право.

3. В книге будет секс. И не мало. Почему? Потому что считаю что ГГ живые люди и не собираются вести монашеский образ жизни. Вообще, меня всегда удивляли ГГ многих авторов которые, будучи окруженными кучей красивых девушек и женщин, всё время бегают от них, уделяя всё внимание прогрессорству, интригам, экшну. Причём это касается как супернагибаторов-подростков из Бояр-аниме (Метельский, Делакруз, Минин и похожие авторы) так и попаданцев в своё тело в СССР (Королёк, Марченко, Сапаров...). Справедливости ради, уточню, у Марченко и Сапарова они есть, но очень мало. К счастью, это разбавляется ГГ Храмцова, Самылова, Савелова которые ведут себя как нормальные молодые парни, обуреваемые юношескими гормонами. Причём, это не мешает им заниматься другими делами. Спрашивается, нахрена тогда ГГ член если он им пользоваться не хочет? И что, если у него взрослый разум? Чем это мешает сексу? Не понимаю и не принимаю таких ГГ. В общем, сексуальных сцен будет много, как и самих подружек ГГ, потому и тег "гаремник". Сцены будут более-менее подробными а не так"...он поцеловал её, они опустили на кровать и... всё". Так что, ревнителю нравственности и не любители таких сцен, для вас же будет лучше пролистывать такие моменты, или же вообще не читать.

3. Произведение будет полностью бесплатным. Так что, если кому понравится, простого "спасибо" хватит. Деньги на жизнь у меня есть, мне их хватает, поэтому не вижу смысла тянуть их с читателей. В основном, пишу ради того чтобы понять как у меня получится, так как это мой первый опыт. Я иногда комментировал произведения других писателей, высказывал им претензии по сюжету, поступкам ГГ... Мне часто отвечали — Я пишу так как хочу. Если хочешь чтобы было так как тебе нравится — пиши сам! Вот я и решил написать сам, своё видение альтернативной истории. Сюжет книги навеян кучей романов про попаданцев в СССР перед войной, которые быстро входят в доверие Сталина, изобретают промежуточный патрон, командирскую башенку на Т-34, или же воюют во вражеском тылу, устраивая немцам весёлую жизнь. По мне, так это просто огромный рожаль нашим соотечественникам, у немцев просто нет шансов. Вот я и решил уравновесить эти шансы, дав и СССР и Германии своих попаданцев, которые любят свою страну и готовы на всё, чтобы та стала сильной и люди там жили хорошо. Сторонники теории "Хорошо там где

жопа в тепле" — не читать, будете плевать!

4. Почти вся информация о людях, боевой технике, расположении городов и улиц взята из Википедии и воспоминаний ветеранов войны, так что если где накосячил, не обессудьте. Описания боёв постарался сделать как у автора Владимира Першанина, которого я считаю одним из лучших кто писал о войне. Не просто"..по танку ударил снаряд и он вспыхнул.." а детально прописано куда и как снаряд попал и что случилось внутри танка после этого. То же самое и в пехотных боях. Я знаю что ТТХ техники в WoT только приблизительные и не надо в меня кидать за это тапками)).

5. Принимается только конструктивная критика и сообщения об ошибках, которые, полюбому, всё-таки просочились в текст. "Книга — УГ, автора — в печку!" — это не критика а словесный понос, будет удаляться. Прода, предположительно, будет выкладываться раз в неделю. Приятного чтения!

6. Забыл добавить. Мои ГГ НЕ будут супернагибаторами, просчитывающие свои действия на 10 шагов вперёд и умеющие читать мысли других людей по движению глаз, бровей и других частей тела. Потому что, чем сложнее план тем больше шансов что он рухнет. То есть, они будут иногда ошибаться, жалеть о том что сделали... В общем, как и в реале. Насчёт сверхспособностей — у обоих будет послезнание и слегка повышенная регенерация. Ну и ещё один мааааленький бонус..)) Говорить о нём не буду, скорее всего, догадаетесь сами, если будете читать.

Глава 1

Июль 2019 года, Берлин.

Гюнтер Хаусманн.

Рейс из Москвы должен был приземлиться ещё полчаса назад, но из-за погодных условий его посадка задерживалась. Небо было затянуто тучами, по стеклу аэровокзала стекали даже не капли, а целые струи дождя. Гюнтер, сидя в кресле зала ожидания, выключил смартфон и устало потянулся, разминая своё крепкое, подтянутое тело. Каждый день, начиная с тринадцати лет, он бегал, подтягивался, отжимался и делал другие гимнастические упражнения. И теперь, достигнув двадцатипятилетнего возраста, он считал, что находится в оптимальном физическом состоянии как и положено было бы настоящему немцу. Его рост составлял 187 см, вес 85 кг, волосы коротко, по-армейски пострижены. Серо-голубые глаза пристально смотрели вперёд, словно прицеливаясь. Лицо с квадратным подбородком выглядело брутальным и вызывало чувство смутного опасения у мужчин, как бы предупреждая что прежде чем связаться с ним стоило бы хорошо подумать. На женщин же, наоборот, это действовало сногшибательно, не важно, была эта студентка университета или же почтенная замужняя фрау. Нужно сказать, это вызывало удовлетворение Гюнтера, чем он, время от времени и пользовался.

В данный момент у него не было постоянной спутницы в жизни и, когда требовалось, он легко находил желающую порадовать его своим телом, естественно, без всяких денег. Ну а он не считал для себя позорным также доставить удовольствие даме, причём ему доставляло равное удовлетворение как со скромницей, которая часто смущалась, так и с развратной домохозяйкой, пока её муж трудился на работе.

Родных у него не было, отец ушёл из семьи вскоре после его рождения и пропал бесследно. Мать воспитывала его до десятилетнего возраста, потом случилось несчастье — её сбила полицейская машина, преследующая каких-то преступников. Конечно, потом полиция выразила ему соболезнование, выплатила компенсацию, но это уже не могло вернуть ему единственного родного человека и к полицейским он теперь испытывал сдержанную ненависть. Были мысли узнать кто был за рулём патрульной машины, но при некотором размышлении, решил оставить это... Маму всё равно не вернёшь. Тем более, потом этот патрульный пришёл к нему домой, извинялся, говорил, что не успел среагировать... Задыхаясь от ярости, Гюнтер несколько раз ударил его своими слабыми силами и вытолкнул из дома. Тот молча ушёл.

— Проклятье, когда он уже сядет? — нахмурившись, он снова включил смартфон и посмотрел на часы. Гюнтер ждал Александра Самсонова или просто Алекса. Тот был на год его младше, тоже увлекался историей, особенно военной и сегодня они должны были, наконец, встретиться после долгого виртуального общения.

Познакомились они в интернете, на историческом русскоязычном форуме, когда Гюнтер, прочитав несколько сотен сообщений на тему Второй Мировой войны, написал что если бы не несколько грубейших ошибок фюрера, то история могла бы быть совершенно другой. Русский язык он знал довольно неплохо, так как начал его учить с пятнадцати лет, после того как познакомился с русской девчонкой, переехавшей в Берлин вместе с родителями. Через некоторое время они друг к другу потеряли интерес и расстались. А язык

остался... Этого хватало чтобы даже понимать смысл русских пословиц и поговорок.

После его поста, он был закидан кучей минусов, оскорбительными комментариями и советами присоединиться к своему фюреру как можно скорее. Гюнтер, после того как успокоился, корил себя что поддался желанию и написал что думал. В самом деле, какую реакцию он рассчитывал увидеть после того как пытался принизить их обожаемую победу? Ничего удивительного, он мог бы это и сразу понять но не сдержался. Печально, но теперь это будет ему уроком. Истинный немец не должен показывать свои эмоции.

Но среди того шлама что его закидали, зацепило одно сообщение от этого Алекса. Он спросил, какие именно, по его мнению, причины могли бы привести историю к другому финалу? И сказал, что ждёт ответа в личке, т. к. на форуме его вряд ли будут слушать. После этого и завязалось их общение, каждый высказывал свои аргументы и выслушивал противоположные. К некоторому стыду Гюнтера, он несколько раз вынужден был признать свою неправоту, к счастью, и Алекс поступал аналогично. В какой-то момент Гюнтер решил пригласить своего оппонента к себе, чтобы за кружкой доброго немецкого пива лично обсудить свои разногласия. Честно говоря, он не рассчитывал на согласие, думал, что Алекс откажется под каким-то предлогом... Однако, тот согласился и вот через несколько недель он уже над Берлином.

— Наконец-то... — пробурчал Гюнтер, слушая объявление о том что рейс из Москвы готовится к посадке. Взглянув в окно, он увидел, что ливень значительно ослаб и по стеклу стекает намного меньше воды, чем раньше. Он упруго встал и не торопясь, пошёл встречать гостя из России к выходу, который соединялся с аэровокзалом соединительным переходом. По пути ему встретились две стюардессы авиакомпании «Люфтганза». Он улыбнулся обеим красавицам, демонстративно посмотрев на их длинные, стройные ножки на невысоком каблуке из-под форменных юбок.

«Да, не помешало бы написать руководству авиакомпании, чтобы они слегка укоротили длину юбок своих сотрудниц... Уверен, количество пассажиров мужского пола только бы выросло!» — подумал он, проходя мимо. «Хотя, пассажирки были бы явно против...». Он прошёл дальше и не видел как стюардессы, слегка покраснев, улыбнулись друг другу и проводив его взглядом, пошли к эскалатору.

Перед вылетом Алекс рассказал во что будет одет, да и внешне Гюнтер его видел поэтому сразу узнал когда тот показался из перехода. Алексу было двадцать четыре года он, после службы в армии, не стал идти в университет, а пошёл работать водителем-экспедитором в крупную торговую компанию. Сюда он прилетел во время отпуска, буквально на неделю, в гости к Гюнтеру. Одет он был в лёгкие туфли, чёрные брюки и куртку с капюшоном. На плече нёс рюкзак. Внешность его была самой обычной, рост 175 см, вес около 80 кг, лицо с живыми глазами, волосы короткие.

— Здравствуй, Алекс! — сказал Гюнтер по-русски, протянув руку для встречи.

— Здравствуй, Гюнтер! — ответил Алекс, крепко сжимая его руку. Гюнтер решил попробовать сжать ее в ответ сильнее, недаром он занимался, в том числе и эспандером. Сначала лицо Алекса дрогнуло, но он быстро пришёл в себя и тоже усилил нажим. После десятисекундной заминки, во время которой они, улыбаясь, смотрели друг на друга, оба рассмеялись и разжали руки.

— А ты силён, германский викинг! — смеясь, произнёс Алекс.

— Настоящий немец и должен быть таким. Впрочем, и ты, русский варвар, не слабак! — ответил Гюнтер. Разговаривая о погоде, они пошли к выходу. На стоянке

аэропорта Гюнтер подошёл к чёрному «Фольксвагену» и, пикнув сигнализацией, разблокировал автомобиль.

— Что, поддерживаешь отечественного производителя? — хмыкнув, спросил Алекс.

— Да, в отличие от ваших машин, нам по-прежнему есть чем гордиться! — немного самодовольно ответил Гюнтер. К сожалению, эта область была одной из немногих за которую ему не было стыдно. Во многом другом ситуация в родной Германии его сильно удручала и даже злила. Да и о каком вообще величии Германии можно говорить, если ею правит старая, толстая учёная-физик, к тому же бывшая коммунистка? Немцам нужен сильный вождь, спланивавшая идеология и тогда они горы свернут. Увы, те времена прошли... Теперь эта, так называемая, федеральный канцлер пресмыкается перед США и не может прожить без русского газа... Позор! Гюнтер волевым усилием отбросил эти мысли, всё равно тут он ничего не сделает.

Они уселись в машину, и автомобиль, осторожно пробираясь по стоянке между других машин, покинул территорию аэропорта Берлин-Шёнефельд и выбрался на Вальтерсдорфер-Кауссе. Гюнтер жил в районе Нойкёльн и поездка обещала быть не слишком долгой.

— Скажи, Гюнтер, возможно сейчас еще не время для серьезных разговоров, но меня уже очень долго мучает один вопрос... Ты, конечно, можешь и не ответить или соврать, но я хотел бы услышать правдивый ответ... — колеблясь, спросил Алекс. Было видно, что начало далось ему нелегко, он не смотрел на Гюнтера, уставившись в боковое окно, сделав вид, что его всецело интересует пейзаж снаружи. Одной рукой, к тому же, он погладил шею, как будто она затекла.

— Попробую угадать... — усмехнулся Гюнтер. — Ты хочешь спросить не нацист ли я? Так?

— Да. Именно это я и хочу спросить! — на этот раз Алекс уставился на него в упор.

— Что ж, Алекс. Отвечу правдиво, так как думаю. Одно время я сам задавался этим вопросом и пришёл к выводу, что я не нацист, а патриот. Патриот настоящей Германии, а не этой псевдопародии на неё..

— Подожди, но эта Германия, по-моему, не так уж и плоха..

— Дай мне закончить, Алекс! — раздражённо сказал Гюнтер. Руки крепче сжали руль, губы плотно сомкнулись.

— Та страна, в которой мы живём, это не Германия! Это жалкое подобие! Завтра мы с тобой прогуляемся по улицам, и ты поймёшь, что я прав... Настоящая Германия никогда бы не впустила к себе столько бородатых ублюдков, которые ни хрена не делают полезного, только жрут, пьют и срут как паразиты... и еще плодятся как сумасшедшие кролики напичканные Виагрой. Они не хотят работать, только жить на наши деньги и лапать наших женщин... Помнишь те случаи попыток изнасилования в Кёльне? А ведь это было и в Берлине, только поменьше, и в новостях старались не упоминать про такое... Как же, проклятая политкорректность, вдруг эти суки обидятся... Я жалел что тогда меня не было рядом, будь уверен, не один из этих унтерменшей лишился бы зубов или обзавёлся сломанными рёбрами... Ещё хуже то что многие мои соотечественники молча стояли и не делали ничего чтобы защитить своих женщин!! Некоторые даже просто сбегали, трусливые скоты! А самое отвратительное то что полицейские, которые обязаны, мать их, защищать... они просто делали вид что ничего особенного не происходит... или подходили и вежливо просили прекратить... Ты представляешь, Алекс? Да они должны были как минимум, дубинками их проучить! Да где там... А потом, какая-то шишка то ли в МВД то ли в

администрации города, причём сама женщина, сказала, что наши фрау и фройляйн сами виноваты! И после этого ты говоришь что эта Германия не так уж плоха?? Да она вся насквозь прогнила! С потрохами! Правительство на наши деньги обеспечивает их пособиями, хотя должно вышвырнуть за границу. А эта дура, наоборот, больше всех в Европе к себе завезла. Я уж молчу про независимость... в стране американские военные базы, под предлогом защиты от вашего нападения... Боже, какая чушь! И ты хочешь, чтобы я гордился «такой» Германией?!

Гюнтера трясло, руки сжимали руль так словно хотели его сломать, нога жала на газ и машина уже несколько минут как довольно ощутимо прибавила в скорости, вот-вот грозя превысить разрешённую. Почувствовав это, он сбавил скорость и слегка приоткрыл окно, чтобы свежий вечерний воздух охладил разгорячённое лицо.

Несколько минут Алекс сидел, погружившись в раздумья.

— В чём-то ты прав, Гюнтер. Но, похоже, большинство немцев всё устраивает. Несмотря на то что ты сказал, многие из них неплохо живут и вряд ли намерены что-то менять. Да и Меркель, судя по тому, что ее несколько раз переизбрали, видимо, большинство устраивает.

Гюнтер усмехнулся.

— Ты ошибаешься, Алекс. Просто мы, немцы, законопослушная нация, дисциплина у нас в крови. Это наше преимущество и в то же время, недостаток. Вот увидишь, скоро терпение закончится и Меркель сбросят, а арабов и негров вышвырнут обратно. Я знаю, в армии многих офицеров достала эта ситуация и когда они выступают, а они выступают, я с радостью поддержу их. Знал бы ты как я радовался, когда в Австрии пришёл к власти Курц... думал, наконец-то, сильная личность, приверженец правых идей... Увы, как вы говорите — спёкся, стух... — Гюнтер разочарованно щёлкнул языком.

«Молодой, но слабый, какого чёрта я тогда так в него верил? Даже напился на радостях...» — подумал он.

Наконец они приехали, завернув к небольшому частному одноэтажному дому с парковочным местом. Вышли из машины, и подошли к двери. Она, в отличие от многих декоративных дверей со стеклянным окошком, была лишь с виду из дерева. На самом деле под тонким слоем скрывалась внушительная металлическая конструкция, которую, в случае чего, не факт что взяла бы даже пуля.

— Ну что, Алекс, добро пожаловать! Проходи, будь гостем... — улыбаясь, произнёс Гюнтер и распахнул дверь.

Берлин.

11 июля, вечер.

Александр Самсонов.

Перелёт прошёл, в общем, нормально, если не считать погоды, которая, в отличии от солнечной Москвы, здесь «обрадовала» сплошным ливнем. Он в первый раз летел на самолёте и по рассказам знакомых, опасался заложенных ушей и позывов к рвоте. Впрочем, один из них предложил ему в таких случаях вспоминать или обращать внимание на всё положительное и позитивное, по его словам, это здорово помогает. И уж точно не думать о всяких авиакатастрофах! В результате, Александр нашёл очень позитивный объект внимания в виде пассажирки сидевшей в соседнем ряду. С этим привлекательным объектом внимания

иногда конкурировал другой, в образе одной из стюардесс, которая, как ему показалось, поглядывала на него с любопытством.

Александр вздохнул. Как ни пытался он найти предлог познакомиться с пассажиркой, так и не нашёл весомой причины, тем более она на него ни разу не посмотрела. В отношениях с девушками он был слишком робок, отчего злился на самого себя и каждый раз обещал исправить это досадное неудобство. К сожалению, воз и поныне остался там где и был..

На выходе из перехода он сразу узнал Гюнтера. Высокий немец напоминал какую-то несокрушимую башню. Одетый в кроссовки, джинсы и тёмно-зелёную куртку с камуфляжными пятнами, он внимательно смотрел на него. Александр, обладая живым воображением, тут же представил его в полностью камуфлированной форме Вермахта, держащим в руках пулемёт «МГ— 42» или гранатомёт «Панцершрек» и стальном шлеме, слегка поёжился... Не хотелось бы с таким схлестнуться в бою. Рукопожатие также показало что этот немецкий. хм, националист, отнюдь не запускает себя и находится в отличной физической форме.

Пока они ехали к дому Гюнтера, дождь кончился и он, глядя в окно, погрузился в размышления. Являясь завсегдатаем военно-исторического форума, он удивился тому, что какой-то немец нашёл смелость (или наглость) написать такой провокационный пост, тем более, аватарка под ником «Тевтон» была пустой. Реакция форумчан была ожидаемой и Александр, движимый вялым любопытством решил написать ему, уверенный, что этот немец или, скорее всего, провокатор просто не ответит. Удивительно, но тот ответил, и завязалась переписка. «Тевтон» оказался из Берлина и довольно аргументированно отстаивал свою точку зрения, причём на хорошем русском языке. Неожиданно тот пригласил его к себе в гости, и Александр решил нанести визит в Германию, благо что деньги, отложенные за время работы в торговой компании, у него были. Загранпаспорт тоже был в наличии, сделанный год назад, когда вдруг у него возникло желание посетить Англию, Францию или Германию. Но навалились другие дела, заботы и... облом.

Мучивший его вопрос он решил задать после долгих колебаний. Не то что бы он боялся обидеть немца, просто не считал приличным сразу переходить к делу. Но смог перебороть себя, ведь в зависимости от того что ответит немец он сформулирует отношение к нему и соответственно, поведение.

Экспрессивный ответ Гюнтера он выслушал молча, после того как единственный раз перебил его и постаравшись поставить себя на место немца, вынужден был признать что в некотором роде разделяет его мысли. Ведь и в России были похожие проблемы, пусть и в меньшем масштабе и власти так же старательно замалчивали этнические проблемы. Их можно понять, ведь если разворошить это кубло то так рванёт что мало никому не покажется. Вот и терпела власть такое, не зная как усидеть на двух стульях.

Наконец, они приехали. Дом Гюнтера оказался аккуратным, с немецкой педантичностью чистым, подстриженный газон с ярко-зелёной травой манил пройти по нему голыми ногами, почувствовать мягкость и свежесть... С сожалением вздохнув, он прошёл мимо Гюнтера и оказался внутри. Что тут можно сказать? Чисто, все вещи лежат или висят там где им положено быть, ничего не валяется на полу... В общем, настоящий германский Ордунг. Именно с большой буквы. Прихожая, зал, две спальни, кабинет, кухня и совмещенный санузел. Отсутствие женских вещей и вообще следов представительниц слабого пола наглядно показывало что в этом жилище холостяка они бывают редко и

недолго.

— Вот, Алекс, твоя комната, располагайся! — открыв дверь одной из спален, пригласил его Гюнтер. — Если хочешь принять душ, он в конце коридора, справа. Как закончишь, приходи на кухню, я пока приготовлю что-то, что позволит утихомирить наши желудки... — он усмехнулся и ушёл по коридору.

Александр положил сумку, снял куртку и устало разлёгся на кровати. За окном изредка проезжали машины, шурша шинами по мокрому асфальту, солнце, похоже, решило сегодня больше не показываться. Накатилась усталость, он почувствовал, что совсем не против подремать прямо сейчас... «Ну нет, надо сначала смыть с себя весь пот, грязь, поесть и вот тогда можно и на боковую».

Приняв душ и переодевшись, он зашёл на кухню, где Гюнтер в простых штанах и футболке как раз ставил на стол аппетитно пахнущую сковороду с жареной картошкой, политой майонезом. Рядом на столе стояла упаковка кетчупа и две бутылочки пива «Лёвенбрау». «Мда, а хлеба-то маловато..» — подумал Александр. И, правда, на тарелке лежало всего четыре небольших кусочка.

— Что-то не так? — озадаченно спросил немец.

— Да нет, просто задумался о своём. Приятного аппетита, Гюнтер!

— И тебе, Алекс.

Ужин прошёл в молчании. Наконец, после того как они поели, Гюнтер, видимо, заметив что Александр буквально спит на ходу сказал:

— Иди спать, Алекс, завтра будет утро вечера мудренее, так ведь? — улыбнулся он.

— Да, Гюнтер, ты удивительно много знаешь наших идиом и пословиц, — сделал он комплимент немцу.

— Люблю учиться интересному. А ваш язык интересный! — вернул комплимент Гюнтер.

— Спокойной ночи, Гюнтер!

— Взаимно. Выспись получше, завтра у нас насыщенная программа, уверен, ты её не забудешь, — многозначительно хлопнув Александра по плечу, сказал немец.

Берлин.

12 июля, утро.

Утро действительно оказалось мудренее вечера. Выглянуло солнце и разбудило Сашу своими лучами, светя прямо в лицо через не задёрнутые занавески. Где-то на улице пела какая-то птичка... В общем, погода звала наружу и поднимала настроение.

Едва Александр умылся в ванной, туда вбежал Гюнтер весь в поту, после пробежки.

— О, ты уже встал? А я как раз хотел тебя будить и сказать — «Нас ждут великий дело!» Саша невольно улыбнулся.

— Нет, правильно — «Нас ждут великие дела!»

— Проклятье, всё-таки опять ошибся... — слегка помрачнел немец.

— Ничего, побольше практики и тебя скоро не отличишь по разговору от русского... — смеясь, ответил Александр.

— Ловлю на слове, Алекс! — подмигнув, сказал Гюнтер — Сейчас приму душ, позавтракаем и поедем на прогулку, покажу тебе Берлин, по крайней мере, ту его часть, что стоит посмотреть! — слегка грустно добавил он.

Они позавтракали яичницей с кофе, загрузились в «Фольксваген» и отправились на прогулку по городу. Сегодня Гюнтер был какой-то неестественно весёлый, то и дело шутил, смеялся, словом, вёл себя не как хладнокровный викинг, то и дело подтрунивал над ним... На губах играла улыбка, вот только в глазах была какая-то тоска, которую вскоре заметил и Александр. Сначала он подумал, что ему показалось, но после нескольких внимательных взглядов ему в глаза, убедился, что это не привиделось.

— Гюнтер, что с тобой? — с тревогой спросил он.

— Со мной? Ничего, всё в порядке, — ответил немец. — Почему ты спрашиваешь?

— Ты какой-то не такой сегодня.

— Хм, сегодня у меня хорошее настроение. Бывает и такое, почему нет? Слушай, давай съездим к Рейхстагу, посмотришь вблизи на эту нашу достопримечательность? — спросил Гюнтер, избегая смотреть ему в глаза.

— Хорошо, давай... — ответил Александр.

«Видимо, мне показалось... Я ведь вижу его второй день, кто знает от чего у него настроение меняется, верно?» — успокоил себя Саша.

После осмотра Рейхстага, где 74 года назад советские солдаты оставили свои автографы, они пообедали в кафе, выпили по целой кружке свежего немецкого пива и оживлённо переговариваясь, отправились дальше гулять по улице, наслаждаясь солнцем, и подшучивая друг над другом..

Берлин, день.

Гюнтер Хаусманн

С самого утра Гюнтер был не в себе. Спал плохо, хотя раньше никогда не жаловался на проблемы со сном. Снилось какая-то чертовщина, но, как ни старался так и не смог вспомнить подробности. Осталось лишь ощущение какой-то беды, угрозы, но никакой конкретики... Даже утренняя пробежка не смогла вернуть привычное душевное равновесие и хладнокровие. Это заметил и Алекс. Гюнтер постарался развеять его подозрения, но чувствовал, что это не слишком удалось..

Обедая в кафе, он явственно почувствовал, что ощущение тревоги усиливается. Такое у него было несколько раз перед разными неприятностями в жизни. Но больше всего напрягало, то, что на этот раз чувство было сильнее, чем раньше. Намного сильнее..

Он решил сразу после обеда прогуляться до машины, припаркованной через квартал от них и, под каким-нибудь предлогом уговорить Алекса вернуться домой. Шагая, не торопясь, по улице Гюнтер обратил внимание на очаровательную женщину, так же неспешно идущую перед ними метрах в двадцати в том же направлении. Она была в лёгком белом платье, перехваченном поясом, который подчёркивал ее стройную талию. На голове красовалась кокетливая шляпка с красной лентой. Из-под неё волнами струились рыжевато-коричневые волосы, которые хотелось потрогать рукой. Внизу из-под платья неторопливо шагали две восхитительные ножки, судя по шву, в чулках. Венчали всю эту красоту босоножки на каблук и белая сумочка, которой беззаботно помахивала её владелица.

«Чёрт побери, её фигура просто поразительна! Похоже, она постарше меня, но я не прощу себе, если не познакомлюсь с ней... Надо сейчас попросить Алекса подождать у машины..» Он повернулся в русскому.

— Алекс, ты не мог бы немного..

Он не закончил предложения, так как вновь посмотрев вперёд, не увидел красивую незнакомку, зато услышал отдалённый сдавленный крик. Насколько он помнил, примерно в том месте, где проходила женщина, был небольшой тупиковый переулок, неухоженный и явно неподходящий для такой красавицы. Да и что бы ей там делать? Внезапно чувство тревоги накрыло его ещё сильнее, чем в кафе, и он рванулся вперёд. Сзади раздался удивлённый возглас Алекса и его быстрые шаги вдогонку.

Добежав до переулочка, он заглянул в него и увидел такую картину, от которой непроизвольно сжал кулаки от ярости. Пятеро неряшливо одетых арабов, турок или сирийцев окружили очаровательную даму. Один из них обнял её сзади, другой рукой зажимая рот. Ещё один потрошил сумку, вытряхивая на землю её содержимое. Двое ублюдков нагло лапали её тело, разорвав платье на груди, а последний, сидя на корточках, задрал платье снизу и пытался стянуть трусики с жертвы.

Женщина слабо сопротивлялась, пытаясь одновременно сомкнуть ноги и закрыть грудь, но компания уродов, весело смеясь, держала её руки и не давала закрыться. Она, стоя лицом к выходу, увидела Гюнтера и заплаканными глазами с мольбой глядела на него.

Один из грабителей, засунув деньги из кошелька в свои грязные джинсы, поднёс к лицу женщины её банковскую карту и на отвратительном немецком проорал ей прямо в лицо:

— Какой пароль, сука?! Говори, или я тебе дойки отрежу, белая шлюха!

— Что происходит, Гюнтер? — запыхавшись, подбежал к нему Алекс. Но тоже заглянув в переулок, сразу всё понял. Пользуясь тем, что подонки до сих пор их не заметили, увлечённые женщиной, Гюнтер, дрожащим от ярости голосом, спросил:

— Я собираюсь показать этим грязным скотам их истинное место в моей стране. Ты со мной или побежишь за полицией?

— С тобой, конечно. Или ты сомневался? — тихим от злости голосом ответил Алекс.

— Отлично... Я беру на себя троих справа, ты двоих слева. Второго Кёльна здесь не будет! — и рванулся вперёд.

Александр Самсонов.

Честно говоря, он не сразу понял что случилось, но заглянув в тупик, почувствовал что внутри него поднимается глухая ярость при виде того что он обнаружил. Поэтому намерения немца нашли у него полную поддержку, разве что задели сомнения, которые озвучил Гюнтер. Неужели он думал, что Александр не поддержит его в такой ситуации? Да, он не такой силач как немец, но и не слабак! Пусть противников пятеро, но на их стороне внезапность и правое дело.

Подбегая к пятерке эмигрантов он увидел как Гюнтер, зарывав, со всей силы пнул в голову берцем того негодяя который сидел на корточках, пытаясь содрать трусики с женщины. Тот успел лишь удивлённо повернуться к ним лицом, в которое и пришёлся сильнейший удар. Раздался хруст и его тело, выгнувшись в воздухе дугой, пролетело пару метров, после чего безжизненно ударилось затылком об асфальт и неподвижно замерло. Под головой быстро прибывала кровь, глаза так и продолжали с удивлением смотреть в голубое небо, словно не веря, что случилось..

Потом ему уже некогда было следить за немцем, он сам схватился со своим первым противником, и немного повторив приём Гюнтера, ударом с ноги в грудь отправил в полёт того кто угрожал изуродовать женщину. Тщедушный араб с криком боли врезался спиной и

затылком в грязную кирпичную стену и кулем сполз на землю... На стене же остался кровавый след от столкновения с его головой. Не теряя времени, Александр набросился на второго, который успел выхватить нож и истерично что-то крича, размахивал перед собой оружием, время от времени пытаясь выпадам проткнуть его. Изловчившись, он двумя руками схватил вражескую руку с ножом и начал выворачивать её, пытаясь заставить бросить оружие. Араб не сдавался. Вспомнив, кадр одного из фильмов, он размахнулся и со всей силы ударил лбом в нос грабителя. Голова взорвалась от боли, но сквозь неё он увидел, что его противник, согнувшись, кричит и прижимает руки к окровавленному носу. Саша, шатаясь, подошёл к нему и размахнувшись, локтем сверху вниз ударил бандита по спине. Тот со стоном рухнул на асфальт и затих. Зло усмехнувшись, Александр перевёл взгляд на еще одного преступника... и похолодел.

Прямо на него смотрел ствол пистолета. Держащий его эмигрант дрожал как в лихорадке, так же дрожало и его оружие. Нервно сглотнув, Саша произнёс:

— Брось ствол, сука..

Что-то громко прокричав на своём языке, тот нажал на курок. Александр почувствовал сильнейший удар в живот, еще один, потом в грудь и почувствовал, как падает. Ноги подогнулись как чужие и вот он уже на асфальте... «Боже, как больно..» И его накрыла темнота.

Гюнтер Хаусманн

Первый удар вышел просто отличным. Ублюдок с удивлённо-выпученными глазами красиво полетел и так же красиво приземлился. Судя по хрусту, он ещё и нос сломал, вообще удачно. Повернулся ко второму противнику, ошеломлённо смотрящему на него, вырвал женщину из его рук и толкнул к выходу.

— Бегите, фрау! Быстрее!!! — и услышал за спиной удаляющееся цоканье каблучков, вперемешку с рыданиями. Мгновенно окинув взглядом второго араба, он хищно улыбнулся. Этот урод был почти с него ростом, но намного худее, сразу видно со спортом он явно не дружит. Краем глаза он заметил, что еще одна скотина лежит у стены, а Алекс пытается отнять нож у ещё одного грабителя-насильника. «Молодец, Алекс, хороший боец..»

— Зря вы приехали сюда, твари... — прохрипел он, севшим от ненависти голосом, — Что, думали, вам это сойдёт с рук?! Ошибаетесь, скоты! — проревел он и накинулся на второго врага. Осыпая его сильнейшими ударами по голове, груди он чувствовал, что из него выходит вся та ненависть от неспособности как-то повлиять на ситуацию в стране, напряжение, державшее его месяцами... Понимал, что делает нужное дело, что так ПРАВИЛЬНО! Так и должно быть! И когда его противник, хрипя и пузырясь кровью из разбитого рта, тяжело повалился на землю, он ощутил гордость за себя и радость победы..

Из этого состояния его вырвали звуки выстрелов. Не веря своим ушам, он обернулся вбок и увидел, как ещё одна тварь в упор расстреливает Алекса. Как минимум, две пули попали в живот, одна в грудь. Русский завалился на спину, зажимая раны руками.

— Я убью тебя, мразь!! — крикнул он и метнулся к последнему бандиту. Тот, продолжая что-то кричать, отступал и снова начал стрелять. Гюнтер почувствовал тупые удары в бедро, живот, грудь... Это было больно, как будто били молотком, но почему-то он ещё мог двигаться и не падал. Последний араб, отступая, споткнулся о лысую шину, лежащую на асфальте, и повалился на спину. Чувствуя, что его тело быстро охватывает

холод, Гюнтер был охвачен одной мыслью — «Не дать ему уйти. Не дать! Иначе..» Что иначе, он не мог для себя сформулировать, но знал что не должен упустить того кто убил Алекса. Навалившись на ублюдка, он вырвал пистолет у него из рук и, рыча, отбросил его в сторону. Слабея, он заметил совсем рядом лежащий кусок ржавой арматуры и схватил его. Размахнувшись остатками сил, он начал бить верещавшего эмигранта прутом по лицу, чувствуя, как на него брызгает чужая кровь... Когда тот перестал кричать и безжизненно затих, Гюнтер с трудом сполз с него. Лицо араба представляло собой мешанину из сломанных лицевых костей и крови. Он не дышал.

Гюнтер почти перестал чувствовать своё тело, холод всё больше охватывал его. Пытался вздохнуть, но изо рта хлынула кровь... «Вот и всё, конец... Умираю... Не обмануло предчувствие... Жалко Алекса... Погибаю как мужчина, спасая женщину... Не самая худшая смерть..» Он слабо улыбнулся.

Снова раздался быстрый стук каблуков и рядом с ним опустилась на колени та фрау которую они спасли вместе с Алексом. Она рыдала и дрожащими пальцами ощупывала его тело.

— Спасибо, спасибо вам! Если бы не вы... Я вызвала полицию, скорую, они уже едут! — она плакала, слёзы капали на его лицо... «Как жаль, что я уже не чувствую их». Он многое хотел бы сказать ей... Но не судьба.

Вдали, приближаясь, выли сирены.

— Фрау... — сумел прохрипеть он. — Как... вас... зовут?

— Хильда! Но вам нельзя говорить! Молчите, прошу вас!

— Хильда... Какое красивое имя... Я бы хотел... с вами... но... — язык еле двигался и уже не подчинялся мозгу. Вокруг становилось всё темнее, звуки постепенно пропадали..

— Вас сейчас отвезут в больницу! Вас спасут, слышите!! — кричала эта милая фрау, но он знал, что всё это поздно, он не жилец. Чувствуя что его куда-то тянет, он смог лишь улыбнуться ей напоследок и закрыл глаза... «Что ж, ну вот и всё... Конец истории».

Пресс-конференция начальника полиции Берлина Барбары Слевик:

«...— Госпожа Слевик, как вы можете прокомментировать то чудовищное массовое убийство, которое произошло совсем недавно в столице Германии? Правы ли наши источники, утверждающие, что это преступление было совершено на националистической почве двумя молодыми людьми, исповедующими национал-социалистическую идеологию?»

— Прежде всего, хочу сказать что мы все очень сожалеем что такое произошло в нашем городе. Наша федеральный канцлер, правительство и я лично всегда лишь приветствовали толерантность и религиозную терпимость ко всем кто приезжает к нам из других стран, спасаясь от преследований своих диктаторских режимов. Семьям погибших и раненых мирных беженцев обязательно будет выплачена компенсация, а также в скором времени будет рассмотрен вопрос о дальнейшей помощи. Мы решительно осуждаем такие чудовищные проявления нацизма и обещаем что полиция усилит контроль за всеми кто исповедует расизм и сочувствует гитлеровским идеям.

— Говорят, что эти двое убийц защищали женщину от ограбления и изнасилования. Что вы скажете по этому поводу?

— Эта версия еще проверяется, но следователи, ведущие это дело, склонны считать, что всё было иначе. Пятеро беженцев гуляли по улице, заблудились, вежливо попросили фрау Хильду Моритц показать им дорогу и попросили немного денег на автобус, чтобы доехать до своего дома. Внезапно налетели нападавшие, сразу нанеся тяжёлые увечья пострадавшим. В

результате, трое погибли и двое тяжело ранены, один из них в критическом состоянии, за их жизни борются наши врачи. Один из беженцев смог как-то отнять незарегистрированный пистолет у нападавших и защищаясь, убил их. К сожалению, после этого он умер из-за несовместимых с жизнью травм. Я не могу показать вам кадры с места преступления, они просто чудовищны..

— Но фрау Моритц утверждает, что эта версия неверна..

— По словам наших медиков, она находится в шоке и не может адекватно давать показания. Мы провели обыск в доме одного из подозреваемых, некоего Гюнтера Хаусманна. Он уже появлялся в оперативных сводках 5 управления полиции за высказывания националистического характера и призывы к депортации беженцев из страны. В подвале обнаружены флаги имперской Германии, свастика, книга Гитлера «Моя борьба», образцы военной формы Вермахта и СС. Также обнаружена националистическая литература, что подпадает под параграф 86а уголовного кодекса Германии, статьи организаций «Стальной шлем», НСДАП, «Союз немецкой молодёжи», «Немецкий народный союз», «Немецкая альтернатива», «Национал — демократическая партия Германии» и другие правые организации... Так что, как видите, тут всё ясно. Следующий вопрос, пожалуйста?...»

Глава 2

Берлин.

5 апреля, 1940 года.

Гюнтер Хаусманн.

Голова раскалывалась так как будто в темя вставили огромный гвоздь и со всей силы били по нему молотком. Открыть глаза не получалось, что-то мешало этому. Всё тело словно прошло через мясорубку и никак не хотело собраться воедино. Смутно слышались какие-то звуки, несколько голосов и почему-то, запах бензина.

— Бедные молодые люди, такое несчастье... — женский голос, с состраданием.

— Да, вот уж не повезло парням... — а это уже мужчина.

— Может, они ещё живы? — голос молодой девушки. — Вдруг просто потеряли сознание?

— Вряд ли, фройляйн. Смотрите, они же все в крови... Не уверен, что они смогут выжить.

Наконец Гюнтер с трудом смог открыть глаза, слепленные какой-то красноватой плёнкой, и тут же хрипло закашлялся, от чего тело и голова снова оказалась схвачены очередным приступом боли.

Он лежал на спине, похоже, прямо на улице. Голова покоилась на чем-то мягком, но на чём именно, пока было не ясно. Рядом, обступив его, стояли несколько человек, одетых в какую-то странную, но смутно знакомую одежду и озабоченно переговариваясь, рассматривали его. Мужчины были одеты в длинные плащи и шляпы, женщины и девушки так же в плащи и лёгкие пальто с меховыми воротниками, кокетливыми шляпками. Совсем рядом стоял автомобиль, уткнувшийся в стену здания с дымящимся капотом и выбитым лобовым стеклом. Передние колёса до отказа вывернуты. Странно, машина была ему совершенно незнакома, но в то же время он знал как она называется и её появление на этой улице было совершенно естественным.

«Похоже, у меня сильное сотрясение мозга после этой чёртовой аварии... Стоп! Какой ещё, на хрен, аварии?? Я помню, что мы с Алексом ввязались в драку, чтобы спасти милую фрау и поставить на место смуглых подонков... А потом? Потом... Алекса застрелили... и, похоже, меня тоже... Тогда при чём тут авария? Не понимаю..» — Он попытался хотя бы сесть, но смог только дёрнуться.

— Лежите, не вставайте, герр унтерштурмфюрер! Вам нельзя шевелиться до приезда врачей! — тут же подскочила к нему обладательница молодого голоса. Довольно симпатичная девушка была одета в тёмно-синюю юбку до колен, короткую светло-коричневую куртку с какой-то нашивкой на левом рукаве, берет, наполовину закрывающий слегка красные ушки, и маленький галстук с заколкой. Ещё на левом лацкане куртки был маленький значок в виде... свастики??

«А эта девчонка смелая, открыто носить копию одежды Союза германских девушек [\[1\]](#)... Да ещё и значок. И ведь не боится полиции..» Вот только зачем все вокруг так вырядились? Достали раритетный автомобиль, разбили его... Зачем всё это?

«Проклятье, со мной же был Дитрих! Где он? Подожди, какой Дитрих?? Что вообще

происходит в моей голове?» — несмотря на уговоры девушки, он повернул голову вправо и увидел лежащего рядом ещё одного человека. Его лицо было в крови, форма смята, окровавлена и кое-где порвана. Только он хотел спросить, что это за тип лежит рядом с ним как тут же вспомнил... Вспомнил, что за Дитрих, вспомнил как зовут его самого, кто они такие, куда и зачем шли и что с ними случилось... Осознание этого обрушилось на него как лавина, полностью затопляющая сознание, он впал в какой-то ступор, бессмысленно смотря на этого Дитриха, но не видя его..

Девушка озабоченно что-то говорила, протирая своим платочком его лицо, но он ничего не слышал, только чувствовал как волна воспоминаний, старых и новых врывается в сознание, вызывая нестерпимую боль. Наконец, мозг не выдержал этой пытки и просто отключился.

Берлин. Клиника Шарите.

6 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Гюнтер проснулся на следующий день значительно посвежевшим и отдохнувшим. И очень голодным. После плотного завтрака он кое-как вернулся в свою палату и, не обращая внимания на своего соседа, погрузился в размышления.

Итак, он по-прежнему, Гюнтер Хаусманн, житель Берлина, двадцать пять лет, не женат. И в то же время он — Гюнтер Шольке, двадцать четыре года, тоже берлинец, только из Панкова. Истинный ариец, унтерштурмфюрер СС, служит в особой части «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Это величайшая честь для любого немца. Почти каждый день видеть самого фюрера, его приближённых, о которых все остальные знают лишь из газет и радио. Награждён «Железным Крестом 2 класса» за бои в Польше.

Не женат, постоянной девушки нет. Есть родители и младший брат Вальтер, сейчас состоит в пимпфах^[2]. Зато есть лучший друг Дитрих Краузе. Он на год старше Гюнтера. Вчера он с другом гулял по улице в свободное от службы время, и они внезапно оказались сбиты потерявшим управление водителем «Опель-капитан». Сам водитель от столкновения вылетел из кабины через лобовое стекло и сломал шею, не пережив аварию. Сейчас Дитрих лежит в соседней палате, по-прежнему не приходя в сознание.

Гюнтер потянулся и посмотрел в небольшое зеркало, лежащее на тумбочке у кровати, которое, по его просьбе принесла медсестра. На него в упор уставилось лицо с решительным взглядом голубых глаз. Картину портила лишь повязка на голове, закрывшая лоб. Рост высокий, пожалуй, не меньше чем его настоящий. Телосложение сильное, жилистое, мускулистое. Неудивительно, физическая подготовка у них тяжелее, чем в Вермахте и инструкторы выжимают из них всё что можно и даже нельзя. Ведь они элита Рейха, на них все равняются, а потому, как бы не было трудно, он должен выдерживать всё.

Получается, там он умер и перенёсся сюда, на 79 лет назад, в тело лейтенанта СС. Даже имя совпало. И рост. Как и почему это произошло? Он не знал. Да, иногда у него проскальзывало желание оказаться в 30-х годах прошлого, точнее, уже нынешнего века и попытаться изменить судьбу своей страны, но... Это же было просто абстрактным желанием и всё! Кто умудрился с ним такое проделать? Бог? Или дьявол? Или это вообще было случайностью? Гюнтер не знал. С вопросом «Зачем?» у него было вполне логичное предположение... Видимо, кто-то узнал его мысли и желания и осуществил их. Значит, этот

незнакомец или незнакомцы хотят чтобы он спас Германию от поражения? Что ж, это отвечает и его интересам. Знать бы как они это сделали и кто они... Хотя это сейчас не важно. Важно другое.

Во-первых, надо полностью вжиться в роль этого Шольке, чтобы другие не почувствовали неладное. Благо, что память и голос бывшего владельца тела это позволяют. Во-вторых, надо как-то завоевать расположение фюрера и предостеречь его от ошибок совершённых им. Тогда удастся сохранить сильную Германию и уберечь её от гнили иммиграции и последователей "ЛГБТ". То, что он состоит в личной охране фюрера поможет ему. Хуже было бы оказаться он обычным немцем или, ещё хуже, евреем. Ну, кто бы стал слушать откровения немецкого еврея? Сразу бы пристрелили. Да и в нынешнем положении велик риск попасть в ряды сумасшедших. Желательно бы, подняться повыше по служебной лестнице, но для этого надо отличиться в бою либо иметь хорошие связи среди высших чинов Рейха и СС. А вот их как раз и нет. Печально... Надо думать. Так, что там скоро будет в апреле 1940 года?

Гюнтер нахмурился, пытаясь вспомнить хронологию событий... Вроде, совсем скоро должна начаться «Везерюбунг», операция вторжения в Данию и Норвегию. Она будет 9 или 10 апреля. Хм... Нет, точно 9. В этот же день будет уничтожен германский тяжёлый крейсер «Блюхер» от огня норвежской крепости Оскарсборг. Погибнет много людей из экипажа и пехотинцев, бывших на борту корабля. Как бы это использовать? Попытаться остановить фюрера во время дежурства, попросив отойти в сторону и вывалить ему всю правду? Маловероятно... Минимум, его вышибут из охраны и отправят в гости к психам. Но скорее всего, просто пристрелят, причём даже лоб мазать зелёной не будут, как Гюнтер читал, делали НКВД перед расстрелом.

Написать анонимное письмо? Не поверят, просто выкинут в мусор. Попытаться донести до фюрера правду с помощью кого-то из его приближённых? Но кого? Геринг? Точно нет, этот толстый боров самонадеянно пообещал, что ни одна бомба не упадёт на Германию! А итог? Да и потом развалил Люфтваффе, не давая внедрять перспективные машины в строй. В конце войны вообще предал фюрера, пытаясь воспользоваться тем, что Гитлер в 1941 году назначил его своим преемником. А его тяга к роскоши? Отгрохал себе роскошный дворец, натащив туда кучу награбленного добра. В нём уже давно не осталось ничего от героя-лётчика Великой войны. Нет, он точно не подходит! Более того, хорошо бы фюрер удалил его от себя и назначил кого-нибудь более компетентного в авиации.

Гиммлер? Тут есть как плюсы так и минусы. С одной стороны, он подвержен мистике и история о том, что один из его офицеров стал видеть пророческие вещи, могла увлечь его. Но тогда есть опасность того что, осознав важность такого Мессинга, он прикажет запереть его куда-нибудь в тайное место и окажется он, Гюнтер, вечным пленником. А он хочет жить и наслаждаться жизнью, в конце концов, он молод, красив, да и девушки... Так, отставить девушек! По крайней мере, сейчас. Они никуда не убегут. Как только он решит главную задачу, как привлечь внимание фюрера с пользой для себя, непременно займётся этим вопросом. Тем более, он видел, как на него смотрят несколько медсестёр в госпитале... Неудивительно, у него внешность настоящего рыцаря Рейха, ведь отбор в "Лейбштандарт" жесточайший.

Так, кто там еще? Геббельс? Нет, этот крикливый оратор хорош в своей области, но в данном случае на него рассчитывать не стоит. Не поверит он в такую историю.

Гюнтер шумно вздохнул. Задумчиво посмотрел в окно. Во дворе гуляло несколько

пациентов в тёплых халатах, греясь в лучах весеннего солнца, иногда проходили медсёстры..

А если попробовать нестандартный ход? Попытаться заинтересовать фюрера через женщин? Например, с помощью Евы Браун. Она сейчас, вроде, должна работать в фотоателье Гофмана... Или нет? Он не слишком глубоко интересовался подробностями жизни первой и последней жены фюрера. Из того что он читал в Википедии, было ясно что Гитлер хоть и был к ней привязан но держал её на расстоянии и посещал не слишком часто, а времени у него мало. Но просто сходить и посмотреть на неё не помешает. Если удастся просто привлечь её внимание и поговорить, уже будет неплохо. Маленький такой ключик к Гитлеру..

Магда Геббельс? Да, та тоже была близка к фюреру, но ему неизвестна степень её влияния на него. К тому же она замужем за Йозефом, не хотелось бы, чтобы её муж стал его врагом. Велик риск быть пойманным. Хотя у Магды были любовники, но... Словом, тут нужно хорошо подумать. Голова у него всего одна и незачем опрометчиво совать её в пасть зверю.

Какие ещё варианты? А что если..?

Гюнтер, не сдержавшись, сильно ударил по колену ладонью, чем вызвал удивлённый взгляд соседа.

Так-так... А ведь может и получится! Он одно время читал про вражеских агентов в гитлеровской Германии — «Красная капелла», участники заговора 20 июля, да и просто разные антинацисты... Нужно сосредоточиться и вспомнить как можно больше этих предателей..

Спустя несколько часов, Гюнтер обедал в общей столовой клиники, задумчиво поглощая еду, не чувствуя её вкус и тем более не обращая внимания на заинтересованные женские взгляды.

«Ну что ж, по-моему, всё что мог я вспомнил. Пора писать письмо. Как только я это сделаю — перейду Рубикон и вся моя жизнь изменится. И не только моя, но и всей Германии. Крохотный поворот в сторону от трагического конца... Постараться сохранить миллионы жизней немцев, разве это не достойная цель для настоящего патриота? Да, есть опасность что-то сделать не так, и получится ещё более худший финал... Но, как говорил Алекс, «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское»? Бедняга... Кто же знал, что у этих тварей будет пистолет..»

Сразу после обеда он, выпросив у медсестры несколько листов бумаги, сел в палате по удобнее, и начал писать:

"Рейхсканцлеру и Фюреру Германского народа! Уважаемый Фюрер, вчера, 5 апреля 1940 года, в результате несчастного случая, произошедшего со мной, унтерштурмфюрером СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» Гюнтером Шольке, я оказался при смерти и каким-то образом на время перенёсся в наше будущее, в тело немца, в 2019 год. Там я видел много разных технических новшеств в гражданской и военной области и с радостью поделюсь с Вами этими подробностями, которые, несомненно, помогут нам победить в войне. К сожалению, узнав историю событий произошедших начиная с нашего времени и до 2019 года, понял, что высшим руководством Германии были допущены грубейшие просчёты и ошибки, которые привели к военному поражению страны и краху идей Тысячелетнего Рейха уже к 1945 году. Исконно германская территория была захвачена и поделена между победителями — Советским Союзом и Союзниками во главе с Англией и США. Настоящие немцы в будущей Германии выродились, ослабли и разложились. О чистоте расы и крови

там давно забыли, величие Германии растоптано, и она находится под контролем Америки, которая продолжает держать в стране свои военные базы, хотя война давно окончилась. Американские солдаты ведут себя по-хамски и ни во что не ставят наши германские законы, так как подсудны только своему американскому командованию, которое сквозь пальцы смотрит на многочисленные нарушения законов своими солдатами и офицерами, которые, в частности справляют нужду на наши памятники и пристают к нашим женщинам. Но и это ещё не самое худшее, мой Фюрер! В стране, благодаря слабости федерального канцлера (женщины)!!! находятся множество иммигрантов из стран Африки и ближнего Востока. Пользуясь попустительством политики той Германии, они живут в наших городах, не занимаются ничем полезным, только прожигают наши деньги, пристают к женщинам, грабят магазины... Полиция не реагирует, так как боится последствий для себя лично. Абсолютно уверен, что Вы не меньше меня возмущены таким положением дел и сделаете всё возможное, чтобы не допустить такое ужасное будущее для нашей страны. Для этого у меня есть множество информации, которая существенно поможет Германии избежать будущих ошибок. К сожалению или к счастью, благодаря этому странному переносу сознания, я узнал имена и фамилии множества вражеских агентов и предателей, которые и сейчас активно собирают информацию о наших планах, возможностях и передают всё это своим хозяевам в Москву и Лондон. Они находятся в самых разных слоях нашего общества и играют роли истинных национал-социалистов, хотя втайне мечтают о нашем поражении и гибели. Поэтому эту информацию я вынужден передать лично Вам, так как шпионы имеются даже в службе безопасности Рейха. Вот имена и фамилии тех про кого я успел узнать, пока не вернулся в своё тело:

кружок Крайзо, участники — Хельмут фон Мольтке, Петер Йорк фон Вартенбург, Адам фон Тротт цу Зольц, Карл Дитрих фон Трота, Хорст Эйнзидель, Ганс Лукашек, Адольф Рейхвейн, Карл Мирендорф, Теодор Хаубах, Августин Рёш, Альфред Дельп, Лотар Кёниг.

Военные — Бек, Вицлебен, Ханс Остер, фон Тресков, фон Герсдорф, Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, полковник фон Штауффенберг, адмирал Канарис (агент английской разведки), Вагнер, Линдемманн, Штифф, Штюльпнагель, фон Шлабрендорф, Квирнхайм Фельгибель.

Сочувствовавшие изменникам — Гёпнер, Браухич, его племянник фон Хефтен, Гальдер, Фромм...

Гражданские — Ялмар Шахт, Карл Гёрделер, Йоханнес Попиц, Ульрих фон Хассель, дипломат фон Шуленбург, Ойген Больц, Йозеф Вирмер, Якоб Кайзер, Вильгельм Лёйшнер Пауль Лежен-Юнг, Карл Венцель, Рейнгольд Франк...

Советские агенты — Хайнц Харро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак, Вилли Лемаи (гестапо), Клара Шаббель, Ильза Штёбе, Рудольф Гернштадт, Рудольф фон Шелиа, Курт Шульце, Карл Хельфрих, Курт Шумахер, Ода Шоттмюллер, Джон Грауденц, Фриц Тиль, Леопольд Треппер, Фридрих Рехмер, Джон Ритмайстер и его жена, Лиана Берковиц, Урсула Гётце, Отто Гольнов, Отто и Элиза Хампель...

Всю эту информацию я узнал во всемирной информационной сети под названием Интернет. К сожалению, тот человек, в которого вселилось моё сознание, был убит на улице группой этих унтерменшей из ближнего Востока. Я не могу объяснить, как так вышло, что там куда я попал, прожил несколько дней, а здесь прошло всего несколько минут. Возможно, время тут и там различается. Прошу вас, мой Фюрер, когда Вы прочитаете это письмо, встретиться со мной и приказать рассказать более подробно, в том числе и о ближайших

Ваших соратниках по партии. В заключение, в качестве того, что я не обманываю Вас и не ввожу в заблуждение, хочу рассказать вам секретную, на данный момент, информацию о которой знаете только Вы и Генеральный штаб — всего через 2 дня, 9 апреля Вы хотите начать операцию «Везерюбунг» которая заключается в том чтобы присоединить к нашему Рейху территории Норвегии и Дании. А в начале мая настанет черёд и Франции. В случае же, если это моя ошибка, я готов к любому Вашему решению, в том числе расстрелу. Всегда верный Вам унтерштурмфюрер СС Гюнтер Шольке. Хайль Гитлер!»

Гюнтер устало помассировал руку и распрямил затёкшую спину, пришлось писать почти час. Аккуратно положил исписанные листки в конверт и заклеил его. Сегодня вечером его выписывают, и завтра утром он заступает на пост в Рейхсканцелярии. Завтра всё решится, как говорится, пан или пропал? Он сделал свой выбор и готов к любым последствиям.

Берлин. Клиника Шарите.
6 апреля 1940 года.
Александр Самсонов.

Он открыл глаза и тут же непроизвольно их закрыл. Общая слабость тела сказывалась даже на таком простом движении. Во рту было сухо, голова слегка кружилась, но не болела. Подождав несколько минут, он снова медленно открыл глаза и осторожно обвёл комнату взглядом.

Александр лежал в небольшой светлой комнате, в которую через лёгкие занавески заглядывало яркое солнце. Он сам был укрыт одеялом и одет в какую-то... пижаму? Рядом с кроватью стояла небольшая тумбочка, на которой возвышался стеклянный графин с водой и стакан. В углу комнаты примостился небольшой стол и рядом с ним стул. Напротив окна располагалась дверь с плакатом — строгая девушка в медицинской шапочке сосредоточенно смотрела прямо на него. За ней стояли еще две мужские фигуры — один с забинтованной головой, другой почему-то в немецкой каске времён войны. Надпись гласила — «Женщины ждут...» и что-то более мелко. Но больше всего его удивил знак, расположенный в левом верхнем углу плаката. Это был фашистский орёл, сжимающий в своих хищных лапах свастику.

Что-то во всём этом было не так, но он пока не мог понять что именно.

«Похоже, я в больнице... Только какая-то палата странная. И зачем здесь повесили фашистский плакат? Фигня какая-то... Хм, и почему-то не болит ничего, хотя в меня этот гад несколько пуль всадил... Выходит, я тут уже кучу времени валяюсь, раз всё успело зажить?.. И что случилось с Гюнтером? Чёртов водитель, как только выйду отсюда обязательно сдам его в крипо. Мерзавец, едва не убил меня!»

Тут Александр непроизвольно открыл рот от удивления.

«Какой ещё водитель? Какое крипо? У меня что, галлюцинации?»

Внезапно в его голове словно открылась потайная комната, в которой скрывалась часть информации и он, ошеломлённо уставившись на плакат но, не видя его, начал понимать что случилось.

Его зовут Александр Самсонов, и он же Дитрих Краузе, служит в берлинской полиции порядка в звании обермейстера. Они с этим Гюнтером друзья детства, росли в соседних

домах, играли и учились. Тот умудрился поступить в элитную часть СС, в охрану фюрера, побывал на фронте в Польше, получил «Железный Крест 2 класса» за подвиг на поле боя. Да и выглядел он весьма колоритно, высокий, мощный, голубоглазый, гроза девичьих сердец... В отличие от него, внешность Дитриха была намного скромнее, ростом он не блистал, да и с историей семьи у него было не всё гладко, так что стать сослуживцем друга ему не светило. Поэтому он, скрепя сердце, поступил в полицию, тоже нужное дело. Несмотря на это, Гюнтер не зазнался и в свободное от службы время они гуляли по городу, общались, пили пиво.

Не меньший шок вызвала дата на календаре, который висел на стене над столом — 6 апреля 1940 года! Как?? Каким образом он, вместо того чтобы умереть или хотя бы оказаться в обычной больнице своего времени, оказался на семьдесят с лишним лет назад? Он что, вселился в тело какого-то фашиста? Что за чушь! Он, бывало, читал разные книжки про попаданцев, но самому оказаться одним из них.

«И что теперь делать? Всего год до нападения на Россию... То есть, СССР. Надо как-то сообщить нашим... Или сбежать в Америку? Да ну, нафиг. Так, стоп! Что-то я разогнался... Прежде всего, надо выжить и слинять отсюда, пока меня не раскрыли знакомые по службе или родные этого полиция. Хотя я и знаю всё, что знал этот чёртов Дитрих, всё равно слишком опасно... Кстати, этот мой «друг» Гюнтер жив или в отличие от меня, ему не повезло в аварии? Если первое, то встречаться с ним не стоит, он быстро заметит странности друга детства. Надо собрать все силы, одеться и тихо покинуть это больничное царство..» — наметив первичный план Александр начал его выполнять, осторожно опустив ноги на пол.

К сожалению, правильно говорится — «Если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Так и в этот раз, едва он нашёл тапки рядом с кроватью, тихо открылась дверь и в палату вошла совсем молодая медсестра в переднике и шапочке с красным крестом. Она тут же увидела его и ахнув, подошла к кровати и чуть ли не насильно уложила его обратно.

— Герр Краузе, я очень рада что вы, наконец, очнулись, но вставать вам ещё рано, лежите, я позову доктора.

— Я только в туалет хотел сходить, — с сожалением проговорил раздосадованный Александр. «Дёрнула же тебя нелёгкая припереться ко мне именно сейчас..» — раздражённо подумал он.

Медсестра подавила улыбку и, вытащив из-под кровати больничную утку, сказала:

— Вот сюда вы можете сделать всё, что вам надо, герр Краузе... — пытаюсь сохранить серьёзность, она слегка отвернулась.

«Ну конечно, тебе смешно, дурочка, представлять как я наполняю эту посудину» — злясь, подумал Александр. Но раз уж она здесь, надо узнать кое-что..

— Скажите, мм..

— Извините, я не представилась, меня зовут Лаура.

— Очень приятно, Лаура, как зовут меня, вы уже знаете. Скажите, пожалуйста, мой друг, Гюнтер Шольке, жив? — с замиранием сердца спросил Саша.

Лаура, при упоминании Гюнтера радостно улыбнулась и прошептала:

— Да, конечно, он уже пришёл в себя и находится в своей палате. У него состояние намного лучше и я сейчас позову его. Хотите? Уверена, он будет очень рад узнать, что вы очнулись.

«Вот это мне как раз и не нужно. Чёрт, надо срочно уходить отсюда иначе могут быть проблемы и не маленькие» — подумал он.

— Нет, спасибо, Лаура, я потом зайду к нему, как только слегка окрепну. А сейчас, если вы не возражаете, я бы хотел остаться один. Хорошо?

— Да, герр Краузе, я понимаю... Ой, вот и доктор Венцель пришёл! — она обернулась к двери палаты, в которую только что вошёл мужчина в белом халате.

Ему было, на взгляд Александра, лет 40. Коротко постриженные волосы, монументальный нос, пронзительные карие глаза, которые внимательно смотрели на него. Из кармана халата свешивался стетоскоп. Он подошёл ближе, подтянул к себе стул и, усевшись, уставился на него.

— Здравствуйте, молодой человек! Меня зовут Венцель, Курт Венцель. А вы — герр Краузе, верно? — его глаза с любопытством смотрели на Александра. Казалось, он думал, что Саша скрывает какую-то тайну и ему не терпелось разгадать её.

— Как себя чувствуете? Ничего не болит? Голова не кружится?

— Всё хорошо, доктор, можно и выписывать. Пора на службу, хватит бока отлёживаться... — усмехаясь, ответил Александр.

— Bravo, герр обермейстер! — Венцель шутливо захлопал в ладоши. — Похвальное рвение. Но когда выписывать, тут решаю только я. И, на мой взгляд, вам ещё явно рановато на службу. Так что придётся вам продолжить пользоваться нашим гостеприимством, герр Краузе, — решительно закончил доктор.

— Кстати, Лаура, тебе не пора навестить других пациентов? — обернувшись к медсестре, спросил Венцель.

— Ой, и правда... Извините, доктор, я уже бегу.

Она развернулась и быстро покинула палату. Доктор лишь развёл руками:

— Что поделаешь, совсем молодая ещё, только недавно приняли на работу... — Тут он наклонился к Александру, и понизив голос, спросил:

— Герр Краузе, вы ничего не хотите мне рассказать? — и заговорщицки подмигнул.

Александр едва удержался, чтобы не вздрогнуть.

«Что он имеет в виду? Неужели меня как-то уже раскрыли? Но как? И почему нет гестапо?»

— Рассказать что? — сделав непонимающее лицо, спросил он. При этом постаравшись придать голосу самые удивлённые интонации.

— Хм... Вы ничего не находите странного в своём выздоровлении? — с любопытством спросил доктор. Он с интересом осматривал Александра, словно пытаясь найти то, что от него усиленно стараются спрятать.

— Хорошо, не буду вас мучить и спрошу прямо: откуда у вас такая необычная регенерация организма? Знаете, я не первый год встречаюсь с пострадавшими в автомобильных авариях и второй раз за день вижу, чтобы человек так быстро шёл на поправку. По всем канонам медицины вы должны лежать либо без сознания или еле двигаться, не говоря уже о гематомах на теле... А вы уже встали и даже, видимо, променад хотите сделать. Понимаете, я просто ошеломлён... Кстати, в детстве или в подростковом возрасте у вас раны заживали так же быстро?

— Вроде бы нет... Хотя, знаете, иногда я сам удивлялся, что порезы или лёгкие раны быстро проходили, но не придавал этому значения. — Осторожно ответил Александр. Сначала он хотел сказать правду, но потом подумал, что неизвестно почему именно сегодня

появившийся дар ещё больше заинтересует любопытного доктора. — Ну, раз я почти здоров, почему вы не хотите меня выписывать, доктор? Я же вам говорил, служба не ждёт, я горю желанием приступить к работе.

Доктор лишь самодовольно рассмеялся.

— Успокойтесь, герр Краузе. Вам некуда торопиться, я уже разговаривал с вашим начальством и убедил их позволить вам задержаться в нашем заведении. Они согласились некоторое время обойтись без ваших услуг, зато теперь вы сможете принести пользу нашей медицине. А всё время, что вы пробудете у нас, будет, разумеется, оплачено. Так что, наслаждайтесь вашим, так сказать, внеочередным отпуском! — усмехнулся Венцель.

Смутное подозрение осенило Александра.

— Подождите! Вы что, хотите меня тут изучать как лабораторную крысу? — с подозрением спросил он.

— Какое некорректное сравнение, герр Краузе! — с показным негодованием воскликнул доктор. — Просто несколько дней медицинских исследований... Уверю вас, это не больно и принесёт неоценимую помощь Рейху.

Александр, не находя слов от возмущения, молча смотрел на Венцеля.

«Да в гробу я видал ваш чёртов рейх... Ах ты, проклятая клистирная трубка, придушить бы тебя твоим же стетоскопом, исследователь хренов! Уже и с моим начальством подсуетился, скотина! Вмазать бы тебе, чтобы улетел далеко и надолго... Нет, надо точно валить отсюда, читал я о фашистских докторях, один Менгеле чего стоит, да и этот, похоже, не сильно от него отличается..»

Между тем Венцель встал и направился к двери.

— Что ж, герр Краузе, вы лежите, скоро вам принесут обед и завтра мы начнём наши... исследования. А сейчас я навещу вашего друга, к сожалению, его начальство не разрешило мне оставить герра унтерштурмфюрера подольше и я вынужден его выписать уже сегодня. А жаль, сразу два экзем... то есть, пациента с одинаковыми особенностями организма... — с воодушевлением произнёс доктор.

— Что, у него тоже эта ваша повышенная регенерация? — с равнодушным видом спросил Саша.

— Да, как ни удивительно, так и есть. Всего хорошего, герр Краузе, увидимся завтра утром! — доктор, буквально едва не потирая руки, вышел из палаты и Александр остался один.

«Так, не позднее ночи меня уже не должно быть тут... Кстати, а куда мне бежать-то? Вот же болван! Об этом даже не подумал... На деревню к дедушке и бабушке? Очень смешно, блин! Понятно, что к своим, только я даже из города не выберусь, тем более мою форму чёрт знает куда дели... в пижаме бежать? Ага, как в комедии про Шурика... А если в наше посольство? Например, я тайный немецкий коммунист, пытаюсь спастись, отправьте меня в СССР диппочтой... или раскаявшийся белоэмигрант под видом немца с секретной информацией? Вряд ли прямо во дворе посольства расстреляют... В каждом случае свои плюсы и минусы, главное, чтобы обратно не выдали. Значит надо готовиться, собрать побольше еды с обеда, найти хоть какую-то одежду..»

Тут его размышления прервал стук в дверь.

«Опять какой-то визитёр припёрся... никак меня в покое не оставят..» — раздражённо подумал Александр.

— Входите! — крикнул он.

Дверь открылась, и в палату вошёл высокий, голубоглазый парень с брутальной внешностью. Александр его сразу узнал, это был его друг унтерштурмфюрер Гюнтер Шольке.

«Вот чёрт, только его тут не хватало... Да что ж такое-то!»

Гюнтер Хаусманн (Шольке)

Он решил заглянуть к другу, как только узнал от проходившего мимо доктора Венцеля о том, что Дитрих очнулся. Хотя тот и был другом прежнего Гюнтера а не его самого, было бы странным если он не поинтересуется его состоянием. Всё-таки, друзья детства, тот явно удивится, если Гюнтер не навестит его. Сам он разоблачения не боялся, все воспоминания и личность Шольке органично разложились в его голове и он был готов к общению с любым человеком с кем тот раньше общался.

Как только Гюнтер вошёл в палату, сразу заметил, что Дитрих находится в каком-то подавленном и раздражённом состоянии. Видимо, нахождение в больнице так на него подействовало.

— Здравствуй, Дитер, дружище! Я рад что и с тобой всё в порядке. Когда тебя выписывают?

Дитрих скривился.

— Не знаю, Гюнни. Чёртов докторишка решил оставить меня тут в качестве лабораторной мыши. Уже с моим начальством договорился, сволочь..

Гюнтер нахмурился.

— Не понял. Почему? Что случилось?

Друг со злостью ответил:

— Да потому что у нас с тобой этот... костоправ обнаружил повышенную регенерацию, чтоб её! И теперь решил оставить меня, чтобы исследовать этот «феномен».. — и раздражённо потёр шею.

Гюнтер замер. Что-то зацепило его, но он никак не мог понять что именно. Дитер продолжал возмущаться намерениями любопытного доктора Венцеля, но он не слушал, пытаясь поймать ускользающую мысль... У кого-то он видел такую привычку, но у кого?

Наконец он вспомнил!.. У Александра была точно такая же привычка, за то время что он был у него в гостях, русский десятки раз тёр свою шею когда был возбуждён. Кстати, а вот у Дитриха никогда не было такого. Тот, если нервничал, трогал рукой подбородок. Странно... откуда у него вдруг появилась такая привычка?

Тут его посетила по-настоящему сумасшедшая мысль... «Нет, такого абсолютно не может быть! Полный бред! Невозможно!.. С другой стороны, если с ним самим такое случилось, то почему бы и с русским такому не быть? Всё равно это бред!.. А что если проверить? Ничего не потеряю..» Настоящий Дитрих не поймёт а он, Гюнтер, успокоится и перестанет выдумывать себе всякую чушь.

Прервав Дитера он, затаив дыхание, спросил:

— Как думаешь, мой ник «Тевтон» подходит мне... Алекс?

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Это было похоже на то, как если на него свалился неслабый такой камень, оглушив, заставив мозг впасть в ступор и блуждать в тумане. Слух полностью пропал, тело одеревенело, он не мог двинуть не то, что пальцем, даже моргнуть и то не получалось. А всё

из-за такого простого вопроса... Который здесь и сейчас услышать было совершенно невероятно! Александр подумал, что всё-таки ослышался, но напряжённый взгляд Гюнтера говорил о том что всё это произошло в реальности и нет никаких слуховых галлюцинаций. Прошло пять секунд, десять, но Александр по прежнему не мог ничего сказать, потому что язык словно отсох, в голове хаотично металась безумные мысли, сталкиваясь друг с другом и заставляя виски болеть. Наконец, слегка оправившись от шока, он спросил:

— Откуда ты... Что ты сказал? Какой ещё «Тевтон»?

Гюнтер, перестав сверлить его глазами, чуть улыбнулся и усмехнувшись, ответил:

— Можешь не прикидываться, Алекс, я уже понял, что с тобой произошло то же что и со мной... Проклятье, в жизни бы не поверил, расскажи мне кто-нибудь про такое. Решил бы, что псих шнапса перебрал. Знаешь, никогда не верил во всякую сверхъестественную чушь, но тут... — он развёл руками — ..доказательства налицо.

— Неужели это ты, Гюнтер? — во все глаза глядя на него, спросил Саша. — В смысле, тот Гюнтер из нашего времени?

Немец грустно улыбнулся.

— Ошибаешься, Алекс. Теперь наше время — здесь и сейчас. А то будущее из которого мы пришли... Его ещё нет, и не факт что будет.

Тут Александр спохватился.

— Подожди, а как ты сам тут оказался? Я-то, видимо, потому что погиб там, в драке с этими турками или как их там... В меня попали несколько раз... Но ты-то жив остался! Постой, неужели... ты тоже умер там? — снова остолбенел Саша.

— Естественно, Алекс! Как бы ещё я оказался здесь, верно? После тебя я прожил немного, может пару минут, максимум... Тот траханый ублюдок и в меня всадил несколько пуль, но перед смертью я сумел его прикончить, отомстить за нас обоих... Это была славная охота, дружище!

Тут он поёжился, и его глаза неподвижно уставились в стену.

— Знаешь, медленно умирать чертовски неприятно и страшно... чувствовать, как из тебя уходит жизнь, холодеет и перестаёт подчиняться тело... брр, никому бы не хотел такого пожелать... Кроме тех тварей... — он снова усмехнулся.

Я подумал, раз нас двоих перенесло сюда, не могло ли и их перетащить? Представь?

Александр вздрогнул от такой картины.

— Нет, не надо нам такого подарка, будем надеяться, что они отправились туда, куда и заслужили, в адскую кухню... — нервно рассмеявшись, ответил он. Немного помолчали.

— И что теперь нам тут делать? — спросил Саша.

— В смысле? — удивлённо спросил Гюнтер, занятый своими мыслями.

— Ну, вот попали мы в фашистскую Германию и что дальше?

Гюнтер весь как-то собрался.

— Что ты предлагаешь? Какой твой вариант? — спросил он.

— Думаю, самый лучший вариант был бы убить Гитлера, а заодно, если выйдет, его бонз. У тебя больше всего шансов ведь ты же служишь в его охране. А потом попытаться вырваться из Германии, лучше всего в СССР. Это наилучший вариант. Если же говорить про задачу минимум, то можно просто скрытно приехать в Польшу и как-то перейти границу. Предупредить Сталина, убедить его... Ведь ты же знаешь историю не хуже меня, понимаешь, что будет через год если всё оставить как есть? — увлёкшись, Александр не видел того что лицо Гюнтера всё больше мрачнело от его слов.

Саша, наконец, обратил внимание на молчащего немца.

— Ну, что скажешь?

Тот словно очнулся и принял какое-то важное решение.

— Ты прав, Алекс! Оставить всё как есть — нельзя, особенно зная последствия. Поэтому согласен с тобой, надо менять историю, давить бабочек... Только... не так как ты предлагаешь. У меня есть свой собственный вариант, и я попробую осуществить его... — сказал он.

У Александра вдруг появилось дурное предчувствие, что этот вариант Гюнтера ему может сильно не понравиться.

— Что ты имеешь в виду? Какой твой вариант? — спросил он, пытаясь отогнать тревогу. Увы, слова немца заставили его оцепенеть от ужаса.

— Я во всём признаюсь фюреру. Расскажу ему, откуда мы появились, какой стала Германия в будущем. Что случилось из-за его ошибок и как их избежать, чтобы наша страна осталась сильной и независимой. Постараюсь убедить его не нападать на Россию, оставить евреев в покое и не дать американцам высадиться в Европе. Ну, и себя не забуду... — улыбнувшись, закончил он.

Прошло не меньше минуты, прежде чем остолбеневший Александр нашёл в себе силы заговорить.

— Ты что, спятил, Гюнтер!? Сильно головой ударился? Сам понял что сказал? Да не сможешь ты убедить его, это же маньяк! Псих, одержимый мировым господством и чистотой расы! Знаешь, что будет, если ты попытаешься ему заикнуться о его ошибках? Он прикажет тебя расстрелять! Или отдаст гестапо, где ты с радостью признаешься, что являешься агентом кучи разведок и вообще, внебрачный сын римского папы! Ты сам бы на его месте поверил собственному охраннику?

— Тихо, не кричи! Если кто-то услышит, что ты называешь фюрера психом, то долго не проживёшь! — проворчал Гюнтер.

— Опомнись, Гюнтер! Даже если, каким-то чудом, он тебе поверит, то потом заставит рассказать о том, что случилось дальше в вашей истории и тогда... — Александр побледнел от такой перспективы.

— ...или ты специально хочешь, чтобы он победил в войне и уничтожил весь мир?? — потрясённо произнёс он. В его голове воцарился хаос от того что может случиться в мире при таком развитии событий. Ведь чёртов немец знает всё! Всё что может помочь бесноватому усатому ефрейтору осуществить свои безумные планы... Тогда десятки миллионов жертв, которые принёс Советский Союз на алтарь Победы покажутся ерундой по сравнению с тем, что может получиться с помощью Гюнтера. Танки, авиация, атомное оружие, ракеты... Это будет настоящий кошмар, хуже даже представить невозможно! Внезапно его осенило..

— Ну конечно, как я мог быть таким болваном! Ты же фашист, самый настоящий арийский ублюдок, распеваящий «Дойчланд юбер аллес!» и "Хорста Весселя!" Я не верил в это, думал что ты нормальный немец, может со слегка правыми взглядами... А ты... Ты такой же как те, кто сжигал людей заживо, насаживал детей на штыки, ты просто... мразь ты, понял! — не совладав с эмоциями, он уже почти кричал.

Гюнтер, молча слушавший его, вдруг вскочил со стула и сильно ударил кулаком по лицу, отчего Александр буквально слетел с кровати и ударившись локтем о пол, замолчал, зашипев от боли.

— Всё-таки вывел ты меня, Алекс! — сжав кулаки, Гюнтер медленно сел обратно на стул.

— Объясняю ещё раз. Во первых, я не фашист а националист. Фашисты в Италии, а здесь, в Германии — нацисты. Во-вторых, я знаю, как сделать так чтобы он мне поверил. Только тебе говорить не буду, твоя выходка заставила меня сделать переоценку наших отношений. В-третьих, я вовсе не собираюсь помогать ему захватывать весь мир, ни одна страна в мире, даже СССР или США не сможет этого сделать военным путём. Да это и не нужно. Ты меня плохо слушал? Я сказал, что сделаю так, чтобы фюрер не напал на вас, ведь это была одна из главных его ошибок. Более того, будет вполне возможен союз между Рейхом, Советами, Японией и Италией. Например, Союз Четырёх... или как-то по другому... Не важно. Тогда останется только Британия, и я постараюсь убедить фюрера чтобы «Морской лев» был доведён до конца, и наша свастика взметнулась над Лондоном. Тогда, если янки всё-таки решатся отбить у нас Европу, то только со стороны Африки. Ничто не помешает нам укрепить итальянский сапог, побережье Испании и южной Франции. А 22 июня 1941 года будет обычным жарким воскресеньем, без бомбардировок ваших городов и разбитой Брестской крепости... Разве это тебя не устраивает? Тем более, после раздела Польши Сталин и Гитлер как бы друзья. Потом евреи. Их не будут убивать, травить в лагерях, сжигать в крематориях... Их просто вышвырнут из Европы и пусть катятся в свою любимую Америку... или строят свой Израиль. Тогда весь остальной мир смирится с ситуацией и моя Германия, мой Рейх останется сильной и независимой страной! — с воодушевлением закончил Гюнтер.

Александр смотрел на него и не мог понять, как он мог быть настолько наивным в отношении друга... уже бывшего друга. Ведь тот неоднократно в сети и в разговорах высказывал свои взгляды почти не отличавшиеся от речей нацистов. А Саша всё пропускал мимо ушей, думая, что это всего лишь слова... Видимо, от того что он изначально относился к людям по умолчанию хорошо, не воспринимая всерьёз их взгляды, которые отличались от его собственных, и вот к чему в этот раз всё привело. Ведь и раньше друзья и знакомые за бутылкой пива в дружеской обстановке могли при нём ругать власть, чиновников, Путина, но при этом вовсе не собирались реально что-то делать... Просто выплескивали свои чувства, эмоции от плохих дорог, низких зарплат, бытовой неустроенности. А тут... Что теперь делать? Ясно одно, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Гюнтер смог рассказать Гитлеру о будущем! Да, скорее всего тот ему не поверит и прикажет расстрелять сумасшедшего охранника несущего бред о том, что он побывал в будущем но, а вдруг? Ведь есть небольшая вероятность другой возможности... и если это случится, последствия будут катастрофичны для всего мира. Поэтому... Гюнтер должен замолчать.

Александр старательно отгонял эту мысль от себя, пытаясь найти какой-нибудь другой вариант, но та настойчиво возвращалась в голову, убеждая, что это самый лучший способ в плане секретности. И сделать это надо прямо сейчас, пока немец ещё не сообразил, что к чему и находится в эйфории от открывшихся возможностей переноса в прошлое. Попытаться снова уговорить его бежать отсюда? Но ведь эта Германия, можно сказать, его родная земля. Зачем ему это надо, бежать? Тем более, он сейчас статусный человек, эсэсовец. К тому же, Александр никогда не отличался красноречием и силой убеждения... Да и не похоже, что Гюнтер бросит свою затею, у него глаза горели от того что он там себе нафантазировал. А значит, как ни неприятно сознавать, выход у него только один... Или же он не видит другого варианта в упор. Но в том-то и дело что у него нет времени искать другие возможности,

Гюнтер сейчас уйдёт, а завтра утром за него, Александра, возьмётся этот чёртов Менгеле..

Саша был обычным человеком, и намерение хладнокровно убить недавнего товарища вызывало в нём неконтролируемую дрожь, которую он не смог скрыть, как ни старался. Ладони вспотели, в ушах зашумело, а сердце тоскливо заныло, предчувствуя последствия... Комок в горле мешал говорить, и он молчал, невольно оглядывая комнату в поисках... Чего? Какого-нибудь предмета чтобы... чтобы убить. Стул? Утка? Александр усмехнулся. Ничего подходящего..

Тем временем, Гюнтер внимательно смотрел на него:

— Ну, что скажешь? Если ты согласишься, то вдвоём нам с тобой будет намного удобнее выполнить мой план. Сказать по правде, ты мне нравишься как человек и я бы не хотел, чтобы между нами пробежала кошка.

Внезапно Александру пришла в голову одна мысль, которая, при всей своей кажущейся необходимости, заставила его почувствовать позывы к тошноте.

— Не знаю, Гюнтер... — начал он, медленно вставая. — План, конечно, не самый плохой, но, понимаешь в чём дело... — замялся Саша.

— В чём же? — с любопытством спросил немец.

— В том... Что я не могу и не имею права рисковать! — резко выкрикнул Александр и собрав все свои силы, прыгнул вперёд, пытаясь ударить Гюнтера ногой в лицо.

Тот, не ожидая этого, с грохотом опрокинулся назад вместе со стулом. Ударившись затылком о пол, он заворочался, пытаясь встать, но Александр, упав на него, с силой обхватил его шею руками, пытаясь задушить немца.

— Извини, Гюнтер, я не хочу тебя убивать, но не могу допустить, чтобы ты всё разболтал Гитлеру... А в твой план я не верю, чёртов нацист... — задыхаясь от усилий, прохрипел он. Организм ещё не восстановился полностью, в руках не было большой силы и поэтому, не надеясь на силу своих ладоней, он согнул одну из рук, чтобы надавить локтем на горло Гюнтера. Тот, задыхаясь, изловчился и размахнувшись, со всей силы ударил правой рукой в скулу Александра. Лицо Саша мотнулось, брызнула кровь из задетой губы. Его едва не снесло с немца, но он с трудом всё-таки удержался, из последних сил нажимая локтем.

Он понял, что удача отвернулась от него когда почувствовал как на глазные яблоки надавили крепкие, стальные пальцы Гюнтера. Невыносимая боль заставила его заорать и отпустить шею немца. Вдобавок тот смог повернуться на бок, повалить его за собой и уже сам начал наносить ему удары своими кулачищами. Один из ударов попал по животу, вышибив из него воздух и кашляя, Александр свернулся в клубок, судорожно пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха..

— Русский щенок, ты слишком слаб, чтобы со мной справиться! Решил меня убить, ублюдок? — рычал разъяренный Гюнтер, потирая красную шею. — Вот только зря ты это сделал, Алекс! Я хотел с тобой по хорошему, но теперь ты сам подложил себе свинью. Завтра тобой займётся Венцель и хочешь ты этого или нет но всё равно принесёшь нам пользу своими знаниями, ведь в отличие от меня ты намного больше знаешь о Советах, верно? До утра ты никуда не денешься, я предупрежу доктора, что ты в буйном состоянии, тебя закроют и выпустят только утром... Не завидую я тебе, Алекс! — усмехнулся он и вышел из палаты.

Александр только сейчас смог нормально продышаться, и обессиленно расслабился прямо на полу. Он проиграл, не смог использовать свой единственный шанс... Теперь они вряд ли больше встретятся наедине да и в этом случае немец будет настороже... Ящик

Пандоры открыт. Теперь остаётся только побег. Если же и этот план провалится, лучше самому повеситься на простыне, всяко лучше если гестапо за него возьмётся... Уж оно умеет заставлять рассказывать всё что ты знаешь. С трудом встав, он буквально повалился на кровать, собираясь с мыслями... Надо думать, как осуществить побег. Причём так чтобы всё получилось сразу. У него всего одна попытка и потому план должен быть безупречен.

Гюнтер Хаусманн (Шольке)

Мысленно ругаясь, Гюнтер возвращался в свою палату, чтобы собрать вещи и готовиться к выписке. Доктор обещал распорядиться, чтобы документы были готовы как можно быстрее, поэтому не было смысла здесь задерживаться.

Что ж, можно сказать, что он сплунул, когда решил рассказать Алексу свой план... И с чего он убедил себя что русский разделит его взгляды на ситуацию? Возможно, этому способствовало то что этот план включал нападение на Советы, но реакция Алекса его неприятно удивила. Подумать только, этот ненормальный набросился на него и чуть не убил! Хорошо, что тот был еще слаб, а Гюнтер сообразил как вырваться от него... Ударься он сильнее головой при падении со стула и у русского вполне могло бы получиться..

Сначала его немного беспокоил сам факт изменения привычной истории, но он убедил себя, что игра стоит свеч, иначе зачем кому-то или чему-то перебрасывать его назад во времени? Правда, почему та же судьба постигла Алекса он не мог понять, но, видимо, в этом тоже был смысл, просто он его не понимал... Да, говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад, но Гюнтер готов был рискнуть. Была вероятность, что Алекса перенесло сюда случайно, за компанию вместе с ним, но почему тогда то же самое не случилось с бандитами? Сплошные вопросы и не факт что найдутся ответы на них..

Быстро собрав свои вещи, переодевшись в форму и проверив письмо к фюреру в кармане кителя, он зашёл в кабинет к доктору Венцелю, попрощаться. Тот сидел за столом, заполняя какие-то бланки, целая куча которых лежала на его столе. Стены его кабинета тоже были увешаны медицинскими плакатами и, для разнообразия, несколькими репродукциями картин с сельскими видами, городскими улицами и природой.

— Ещё раз спасибо, доктор, что так быстро поставили меня на ноги и позволили продолжать мою службу. У вас, конечно, тут неплохо но, сами понимаете, я служу в СС и мой долг быть там, возле нашего фюрера и охранять его.

Доктор Венцель, оторвавшись от писанины, одобрительно закивал:

— Да, я всё понимаю, унтерштурмфюрер, служить на благо Рейха долг каждого немца. Кстати, моя роль в вашем быстром восстановлении вовсе не так значительна, в основном, ваш организм сам справился с этим и будь моя воля я бы немного задержал вас чтобы исследовать этот необычный феномен, но увы... — он развёл руками — приказ выписать вас не оставил мне выбора. Впрочем, у нас останется ваш друг и, надеюсь, с ним мне не помешают, наконец, понять особенность ваших организмов и их повышенную регенерацию.

Гюнтер сделал вид, что только что вспомнил кое-что важное.

— Да, спасибо что напомнили, доктор... Мой друг очень хотел сейчас уйти отсюда вместе со мной. Конечно, я пытался отговорить его, убеждая, что он ещё очень слаб, но, боюсь, не оказался слишком убедительным... Дитрих намекнул мне что во что бы то ни стало покинет ваше гостеприимное заведение в самое ближайшее время, и знаете, я ему верю. Он очень упрямый и способный парень. Я очень беспокоюсь за его состояние и прошу вас принять все меры, чтобы задержать его здесь до полного выздоровления. А как только

это случится, я сам приеду за ним. Думаю, что если запереть дверь его палаты то глупые мысли о побеге оставят его и дадут вам возможность окончательно вылечить его. Не так ли, доктор? — подмигивая, спросил Гюнтер.

Венцель с удивлением посмотрел на него:

— Вы серьёзно, унтерштурмфюрер? Думаете, что он на самом деле может сделать это?

— К сожалению, да, доктор. Я знаю его с самого детства, и он всегда отличался живым нравом, упрямством и разными проделками. Вы бы знали сколько раз из-за него мы с ним попадали в разные смешные и не очень ситуации... — усмехаясь, произнёс Гюнтер.

— Что ж, я обязательно приму меры, чтобы этого не допустить! — обеспокоенно сказал доктор. — Завтра утром я планирую начать серьёзно иссле... то есть я хотел сказать, лечить вашего друга... — поправился Венцель.

— Уверен, что оставляю его в надёжных руках. На днях я заеду за ним, думаю, нескольких дней вам хватит, чтобы вылечить его, доктор?

— Думаю да, унтерштурмфюрер... — задумчиво протянул Венцель. — Но определённо ничего сказать не могу, посмотрим на его состояние.

— Я понимаю, доктор. Тогда позвольте с вами попрощаться, я обязательно расскажу своим товарищам что в клинике Шарите есть очень квалифицированные врачи и при случае, рекомендую им вас.

— Спасибо, унтерштурмфюрер! Я буду очень рад этому! — улыбнулся доктор Венцель и крепко пожал протянутую ему руку. — Удачной вам службы!

Выйдя из кабинета доктора, Гюнтер пошёл к выходу, улыбаясь на ходу — «Ну что, Алекс, придётся тебе здесь задержаться пока фюрер не решит что с тобой делать. Ты сам выбрал свою судьбу, теперь отвечай за свой выбор».

Насвистывая весёлую песенку, с ранцем на плече, он вышел на крыльцо и не торопясь, пошёл к воротам по чистой, ухоженной дорожке. Наступающий вечер украсил тенистую аллею особым очарованием. По дорожкам между кустами гуляли редкие выздоравливающие в тёплых халатах, иногда сопровождаемые медицинскими сёстрами. Внезапно его окликнули.

— Герр унтерштурмфюрер, вы уже уходите? — долетел до него грустный возглас.

Он обернулся и увидел в нескольких шагах от него медсестру. Не красавица, но довольно симпатичная, молодая, ниже его почти на голову. Она была одета в тёплое пальто, распахнутое из-за весенней погоды. Под ним был виден форменный халат, на голове кокетливо сидела накрахмаленная шапочка с небольшим красным крестом. Её глаза доверчиво, но в тоже время грустно смотрели на него.

— Да, прелестная фройляйн, вы поставили меня на ноги, и я возвращаюсь на службу, — улыбаясь, ответил он девушке. — Кстати, как вас зовут, юная валькирия?

Медсестра вспыхнула от его слов и покраснев, уставилась в землю.

— Лаура, герр унтерштурмфюрер. Лаура Блюм... — смущаясь, она то нервно переплетала пальцы рук, то хваталась за лацканы пальто и халата, или поправляла волосы.

«Хм, а девочка то симпатичная! Фигура стройная, грудь тоже не самая маленькая, ноги под пальто и халатом плохо видно но, уверен, тоже есть на что посмотреть... Волосы очень красивы, на лицо не дурна... Да и судя по поведению, я ей понравился. Что мешает завязать знакомство? Да, сам решил что сначала дело, а потом девушки, но я же не собираюсь встретиться с ней сегодня или завтра? А вот на следующей неделе, если фюрер поверит и не расстреляет меня или не сдаст парням Гиммлера, то можно будет познакомиться с ней

поближе..» — подумал Гюнтер и внезапно ощутил как его достоинство с радостью отреагировало на эти планы, зашевелившись в штанах. «Вот чёрт, не хватало ещё чтобы она это увидела..».

Пришлось, как бы случайно, засунуть одну руку в карман штанов и слегка прижать не вовремя воспрянувший от радости орган.

— О, Лаура, у вас очень подходящая фамилия, вы на самом деле выглядите как райский цветок, так же красивы и очень трудно прекратить вами любоваться! — улыбаясь голливудской улыбкой похвалил девушку Гюнтер. — И на будущее, я для вас просто Гюнтер. Договорились? — подмигнул он.

— Ой, спасибо, герр... то есть, Гюнтер... — покраснев ещё сильнее, пролепетала девушка. Похоже, ей или мало делали комплиментов либо это он так действует на неё. Кажется, захоти он поцеловать её прямо сейчас она просто стояла бы и ничего не сделала, чтобы помешать ему. Такая милая особа..

— Вот что, милая моя Лаура! Мне надо возвращаться на службу, но вы мне очень понравились, и я бы хотел как-нибудь продолжить наше знакомство. Надеюсь, вы не против? — он двумя руками взял её за хрупкие плечи и всё так же улыбаясь, смотрел на неё.

Она, наконец, нашла в себе силы посмотреть ему в глаза и не отрываясь от них, буквально прошептала:

— Нет, Гюнтер... То есть, да! Ой, я хотела сказать что согласна! — сбивчиво проговорила она. Замерев в его руках, она перестала дрожать и, казалось, готова была стоять так вечно, пока он не отпустит её.

— Хорошо, Лаура, тогда ты должна будешь сделать так как я скажу, ладно? — решил немного надавить на неё ради эксперимента Гюнтер.

— Да, Гюнтер! — По прежнему глядя, не отрываясь, ему в глаза, тихо сказала она.

— В ближайшие дни я буду занят, сама понимаешь, служба. Но, если получится, на следующей неделе я позвоню сюда, в госпиталь, и расскажу где и когда мы сможем встретиться. Прогуляемся или пойдём в кино... в общем, решим по ситуации. Хорошо, Лаура?

— Конечно, Гюнтер! Я буду ждать с нетерпением! — улыбаясь от радости, произнесла медсестра.

— Вот и славно, прелестная Лаура! А теперь иди, не хочу чтобы тебя из-за меня наказал доктор Венцель. Да и мне пора... — он взял её нежную, маленькую ручку и поцеловал. — До скорой встречи, моя хорошенькая Лаура! — ещё раз подмигнув ей, развернулся и выйдя в ворота клиники, целеустремлённо зашагал по улице. Он уже не видел как Лаура, полюбовавшись его упругой походкой, нехотя развернулась и счастливо улыбаясь, медленно пошла ко входу в корпус, иногда нежно поглаживая руку которую он поцеловал.

Вечер. Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Время шло, но Александр, как ни старался, не мог придумать идеальный план, который бы позволил тихо сбежать отсюда, не подняв тревогу. Самый очевидный вариант, через окно, отпадал... решётки с внешней стороны окна не давали даже надежды пробраться через них. Оставалась только дверь. Добыть свою одежду тоже не удалось придумать, как это сделать тихо. Ведь нужно сначала узнать где она, а для этого спросить персонал. Вот только маловероятно, что доктор или медсёстры добровольно скажут, значит, придётся насильно, а

это уже гораздо опаснее, поднимется тревога и будет капут. Сбежать во время похода в туалет? Не выпустят, тут же чёртова утка лежит для этого. Несколько часов назад он услышал тихий щелчок замка двери, и тихо подойдя к ней, убедился, что теперь он не выйдет наружу без посторонней помощи. Значит, самый удобный вариант сбежать во время ужина, когда медсестра принесёт ему еду, точнее, когда придёт за посудой, чтобы отнести её обратно. Глупо бежать на голодный желудок... Перед этим не мешает подкрепиться, силы ему понадобятся, чтобы добраться до посольства. Благодаря тому что прежний Дитрих был полицейским, Саша вспомнил где оно расположено.

Вдруг послышался щелчок замка, и дверь палаты открылась. Вошла давешняя молоденькая медсестра с подносом, на котором стояла и вкусно парила тарелка с гороховым супом. Рядом лежали три куса хлеба, ложка и салфетка. На самом углу подноса стоял стакан с кофе.

— Добрый вечер, герр Краузе! Вот ваш ужин! — Лаура поставила поднос на стол и собралась выйти. Александру показалось, что на этот раз девушка буквально светилась от радости. Правда, что являлось причиной этому, он не знал, да это его и не интересовало.

— Пойдите, Лаура! — остановил он её. — Вы не знаете, почему мою палату заперли на замок? Я что, какой-то преступник? — раздражённо спросил Александр.

Девушка замялась.

— Я не знаю, герр Краузе. Это было распоряжение доктора Венцеля, он не сказал, почему так решил. Уверена, это просто недоразумение.

«Зато я знаю! Либо этот докторишка сам заподозрил, что я могу сбежать или мой «лучший» друг позаботился, сволочь нацистская..» — с усилием сдержался он.

— Ладно, Лаура. Зайдите через 15 минут, к этому времени я освобожу посуду... — с видимым спокойствием сказал он.

— Хорошо, герр Краузе.

Она вышла из палаты, закрыв дверь на замок, а Александр принялся за еду. Нужно хорошо подкрепиться, в ближайшее время ему предстоят значительные физические нагрузки.

После еды его потянуло в сон, всё же плотная пища хорошо расслабила организм и тот явно намекал что самым лучшим было бы сейчас лечь и полежать минут так шестьсот... Но мозг с негодованием отверг такие несвоевременные мысли и напомнил что в ближайшие минуты весь организм ожидают активные телодвижения. Поэтому Александр аккуратно сложил посуду на поднос и приготовился.

Наконец за дверью послышались лёгкие шаги, и она открылась, впуская Лауру. Та, улыбнувшись, направилась к столу и склонилась над ним, чтобы взять поднос. Александр, в это время стоящий сзади неё, быстро обхватил её и заткнул рот ладонью.

— Лаура, ни слова! Понятно?

Девушка, сначала вздрогнувшая и ошеломлённо застывшая, внезапно начала сопротивляться, пытаясь сбросить его руки обхватившие тело. Её отчаянное мычание вырывалось из-под его ладони, грозя сорвать его план обойтись без шума. Мысленно выругавшись, он ещё крепче сжал её руками и тихо зарычал:

— Успокойтесь, фройляйн! Я не причиню вам вреда если вы ответите мне на пару вопросов, обещаю! Понятно? Кивните, если согласны!

Медсестра, притихнув, медленно кивнула головой и Саша осторожно отвёл ладонь, освобождая ей рот.

— Что вы себе позволяете, герр Краузе?! Я порядочная девушка и вы не имеете никакого права набрасываться на меня! — она буквально шипела от злости. — Я пожалуюсь доктору Венцелю и вашему другу и вы..

— Ещё раз успокойтесь, Лаура, я просто хочу спросить... узнать кое-что... — прервал он её.

— И для этого надо было лапать меня? — с возмущением спросила она.

— Извините меня ещё раз, просто у меня не было выхода. Скажите, пожалуйста, где моя одежда? — пытливо глядя на неё, спросил он.

— Ваша одежда? Зачем она вам? — с удивлением спросила медсестра.

С раздражением вздохнув, он ответил:

— Мне срочно надо кое-куда отлучиться. Сами понимаете, прогуливаться по городу на ночь глядя в больничной пижаме не самый лучший вариант.

— Ваша одежда в нашей кладовке, ключ от которой находится у старшей сестры-хозяйки, она уже ушла домой. Но даже если бы она была здесь, то это всё равно было бы решительно невозможно, без разрешения доктора Венцеля вам запрещено покидать нашу клинику.

— Чёрт побери! Что же так не везёт... — глухо пробормотал Александр. — Скажите, вы можете достать мне какую-нибудь мужскую одежду, я её верну, обещаю? — спросил он, отчаянно надеясь, что хоть в этом ему улыбнётся удача.

Она сверкнула глазами и взяв поднос, пошла к двери.

— Нет, не могу! И вообще, герр Краузе, советую лечь спать и тогда, возможно, я не сообщу доктору Венцелю о вашем недостойном поведении.

Александр, прыгнув к двери, закрыл её своим телом.

— Извините, Лаура, но я всё же прогуляюсь. А вам придётся немного посидеть здесь. Скоро вас выпустят... — с этими словами он снова зажал ей рот рукой и обхватив за талию другой, потащил к кровати. Поднос с грохотом упал на пол но, несмотря на её отчаянное сопротивление и мычание, он заткнул ей рот её же медицинской шапочкой, а руки связал лямками фартука, оторвав их от её формы. Наконец, отдышавшись, он сел рядом на кровати и проговорил:

— Я не хотел этого делать, но был вынужден. Надеюсь, вы когда-нибудь простите меня... Ну а теперь, прощайте. Мне пора на волю... — усмехнувшись, он встал и дойдя до двери, открыл её. Быстро выйдя в коридор, он повернулся, чтобы закрыть дверь на ключ и вздрогнул.

За дверью, в небольшом закутке, стоял стул. А на стуле сидел, читая газету, широкоплечий санитар. Он поднял взгляд и увидев Сашу, удивлённо спросил:

— Герр Краузе? Куда это вы собрались?

Александр, сбросив оцепенение, судорожно пытался найти подходящий предлог чтобы убедить санитаря отпустить его.

— Я? Я... в туалет быстро сбегаю.

Санитар отрицательно покачал головой.

— Извините, герр Краузе, но у вас есть в палате утка для этого. А доктор Венцель меня предупредил, чтобы я не выпускал вас ни в коем случае. Так что будет лучше, если вы вернётесь в палату.

«— Чёрт, не прокатило... Вот про санитаря я и не подумал... А если...»

— Да, точно... я и забыл... Меня Лаура послала принести в палату новый матрас, он

тяжёлый, она сама не унесёт. — «Идиот, надо было придумать что-то правдоподобнее... Вот только экспромты никогда не были моей сильной стороной..»

— Матрац? Но он совсем новый, я сам его принёс для вас со склада, когда вы сюда поступили... — задумчиво протянул санитар. — Кстати, а что Лаура мне сама не сказала?

— Она там посуду собирает и кровать поправляет... — чувствуя, что его план находится на волоске от провала, он с тоской смотрел в коридор, который вёл к свободе... всего несколько минут, и он будет снаружи.

— Я сейчас сам её спрошу! — проговорил санитар и подойдя к двери, начал открывать её.

«Всё рухнуло... Сейчас он её увидит и всё поймёт... Я с ним не справлюсь, в таком состоянии, без всякого оружия. Осталось только одно..»

Он собрал все силы и рванулся вперёд по коридору, отчаянно надеясь, что несколько секунд форы подарят ему преимущество. Сзади раздался удивлённый возглас:

— Лаура? Что с тобой слу... Герр Краузе, вы... Стойте!! — и тяжёлое дыхание бегущего человека.

Александр, изо всех сил перебирая ногами, добежал до ближайшего поворота и не задумываясь, свернул туда, помчавшись дальше. В тапочках бежать было неудобно, и он на бегу скинул их. Босым бежать было легче, ноги не скользили по полу и снижали риск упасть, в то же время ступни чувствовали малейшую неровность и попадались под неё какой-нибудь мелкий камешек, то нешуточная боль была бы обеспечена. К счастью, полы в клинике хорошо мыли, поэтому он был везде гладкий. Быстро, на бегу, обернувшись, он увидел, что санитар с решительным лицом бежит за ним, почти не отставая. Он не кричал, видимо, сэкономил дыхание.

Впереди показалось какое-то просторное, ярко освещённое, открытое помещение со стойкой регистратуры. Около неё стоял мужчина в плаще, шляпе и портфелем в руке. Он заполнял какой-то журнал. За стойкой сидела медсестра. Обернувшись на звук его шагов, мужчина обернулся и удивлённо открыл рот. Это был доктор Венцель.

Александр узнал его и почувствовал, что злость охватывает разум, мешая думать адекватно. «Ах ты, ублюдок белохалатный, я сейчас тебе покажу как людей на опыты пускать..»

Сзади раздался крик санитаря.

— Доктор, он сбежал, ловите его!

Венцель, оправившись от удивления, вручил портфель медсестре и, растопырив руки, пошёл к нему.

— Герр Краузе, прошу вас немедленно вернуться в палату, иначе я буду вынужден..

Что он будет вынужден сделать Александр так и не узнал, потому что добежав до него, он резко толкнул доктора руками, так что того буквально отшвырнуло к стойке. Он ударился об неё спиной и застонав от боли, сполз на пол. Но перед тем как улететь к стойке он успел вцепиться в пижаму Александра и тот, откинув его руками, резко потерял скорость и сам едва не упал. Позади, совсем близко, подбегал санитар и Саша, собрав все силы, снова вскочил и рванул к дверям клиники. Они были совсем рядом. Добежав до них, он понял, что пока будет открывать, санитар схватит его. Осенённый ещё одной «гениальной» идеей, ускорившись, он распахнул одну створку, проскочил в неё и, развернувшись, с размаху ударил ею санитаря, который в это момент как раз вбегал в дверь. Раздался глухой стук, болезненный вопль и, приоткрыв слегка тяжёлую деревянную створку, Александр увидел

лежащего на спине санитаря. Тот, глухо ругаясь, держался обеими руками за окровавленную голову. Окинув взглядом холл клиники он посмотрел на лежащего у стойки доктора Венцеля, который слабо шевелился на полу, медсестру, с ужасом смотревшую на Сашу и санитаря, который, похоже, не собирался вставать в ближайшее время. Тихо закрыв дверь, он лёгким бегом отправился к воротам клиники, морщась от того что в голые ступни впивались неровности земли.

«Я от дедушки ушёл и от бабушки ушёл... Теперь всё-таки придётся Шуриком побыть» — усмехнулся он, выбегая за ворота в вечерние сумерки.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Притаившись в тёмном переулке Александр, дрожа, ждал подходящего прохожего как какой-то грабитель с большой дороги. Хотя почему как? Он и был сейчас самым настоящим грабителем, так как намеревался не только ограбить неудачливого горожанина, который, на свою беду, прошёл бы мимо него, но и отнять одежду и, что более важно, обувь. С тех пор как он выбежал из ворот Шарите прошло уже больше часа и ноги, замёрзшие и изрезанные мелким мусором на мостовой, болели и начали неметь от холода. Погода в начале апреля по вечерам теплом не баловала, и Саша опасался простудиться, судорожно кутаясь в тонкую больничную пижаму. Нижняя часть тела, в особенности бёдра, тоже занемели, тонкие штаны не грели и он был вынужден, чтобы хоть чуть-чуть разогнать кровь, переминаясь на месте, подпрыгивать и притопывать, отчего ступни болели ещё сильнее. Про член и говорить нечего, гордый и сильный в минуты близости, бедняга судорожно сжался и спрятался между ног, отчаянно пытаясь сохранить хоть крохи тепла. Это всё больше беспокоило Александра, не хватало еще подхватить воспаление своих батареек и превратиться в евнуха. Хотя детей у него пока не было, он рассчитывал в скором времени найти свою суженую и продолжить свой род, но учитывая свою гибель, перенос в прошлое и танец голыми ногами на холодной мостовой, эти планы подверглись серьёзной опасности.

Мимо него, не заметив, прошли уже несколько потенциальных жертв, но Александр пропустил их по разным причинам. То мужчин было несколько, то комплекцией не подходили, или он опасался, что не справится с ними. Шло время, ноги замерзали всё больше, терпение кончалось и Александр, не выдержав, понял, что если он простоит здесь ещё хотя бы минут десять, то уже никуда не уйдёт и никого не ограбит. Просто сил не хватит. Выдохнув облачко пара изо рта, и плотнее закутавшись в пижаму, он снова выглянув за угол и насторожился. Недалеко послышался пьяный мужской голос, ему отвечал такой же женский.

— Может, уже пойдём к машине, Вилли? — капризно произнесла какая-то женщина. — Мне холодно, я хочу в тепло..

— Урсула, мы гуляем всего полчаса, а ты уже успела замёрзнуть? — с насмешкой спросил мужчина, громко икнув. — Я купил тебе такую шубу, которой даже у моей жены нет, не жалуйся, дорогая... Прогуляемся немного и поедем в отель, а там... — он хрипло засмеялся.

— Ну, Вилли, хватит. Ты только об этом и думаешь... Неужели я тебе нужна только для лёгкого адюльтера? — обиженно ответил женский голос.

— Ну что ты, дорогая, как моя секретарша ты мне тоже нужна... — успокаивающе сказал Вилли.

— Я не об этом..

Разговорчивая парочка, болтая, подходила к тому переулку, в котором прятался Саша. Конечно, не идеальный вариант, но у него уже не было ни терпения ни сил чтобы ждать кого-то еще. Собравшись с духом, и дождавшись, когда жертвы поравняются с ним, он выскочил прямо перед ними. Это оказался мужчина, лет сорока, плотного телосложения, одетый в длинное пальто, шляпу и перчатки. Под руку с ним шла молодая, стройная девушка

не больше двадцати лет. На ней была роскошная шуба с меховым воротником, в который она погрузила свой носик, так что были видны лишь глаза. На голове шляпка с кокетливым пёрышком, на руках были длинные чёрные перчатки, а кисти рук скрывала меховая муфта. На плече красовалась изящно украшенная сумочка.

Александр, возникнув перед ними, был вооружён лишь острым горлышком от битой бутылки ликёра, обнаруженной им в глубине переулка. Лево́й рукой он оттолкнул девушку и схватил за лацкан пальто мужчины, притягивая его к себе. Право́й же мгновенно поднёс горлышко к горлу Вилли и прорычал:

— Только пикните оба, и я отрежу ему голову!!

Заметив, что девушка, открыв рот, готова закричать, он снова прорычал:

— Ты хочешь, чтобы я его убил? Если закричишь, я это сделаю... А потом и тебя порежу!! Поняла?

Та судорожно закивала и удержала крик. Она дрожала так что её зубы выстукивали какую-то чечётку от страха. Мужчина, с самого начала нападения не произнёс ни звука, лишь хрипел, обдавая Александра перегаром, и косился то на него, то на осколок бутылки, торчащий у его горла. Его глаза были расширены от ужаса, Саша не удивился бы, узнав что тот намочил штаны.

— Кто такой, отвечай! Быстро! — ткнув осколок ещё ближе к горлу, требовательно спросил он.

— Ви... Вилли Грау... — еле выговорил пленник.

— Кем и где работаешь? Отвечать! — приказным голосом спросил Александр, зная что такой тон хорошо действует на дисциплинированных немцев.

— Я... чиновник Имперского союза физической культуры... Пожалуйста, не убивайте... — добавил он умоляюще.

— Физической культуры? — засмеялся Саша, не сдержавшись. — Что же ты не подаёшь примера своим подчинённым? Такой толстый... Сам-то кроссы бегать не можешь, только в кабинете сидеть да своей секретарше под юбку залезать?

— Я не... С чего вы взяли? Это моя жена! — немец слегка осмелел и попытался немного придти в себя.

— Ну конечно, так я и поверил... Такая красавица ляжет под тебя только из-за денег или потому что подчинённая. Подожди... Ну конечно, как я сразу тебя не узнал, скотина?.. Значит, ты опять взялся за старое? В общем так, я давно слежу за тобой, знаю где ты живёшь, знаю и твою жену... — он просто брал чиновника на понт, зная что в стрессовом состоянии человек может поверить всему что скажут. — Сейчас ты отдаёшь мне свою одежду, обувь, деньги и я забываю, что видел вас вместе. Если же нет, то сейчас ты сдохнешь... я старый друг твоей жены и с удовольствием отомщу тебе за измену ей. А деньги и одежда это наказание для тебя, ублюдок. Даю тебе последний шанс. Я буду следить за тобой и дальше и если, не дай Бог, снова увижу, как ты ей изменяешь, расскажу твоей благоверной и прирежу как свинью, не задумываясь. И полиция мне не помешает. Да, то же самое будет если ты расскажешь об этом полиции. Она не сможет тебя защитить, а я достану везде. Понял, сука?! — внезапно прорычал он прямо в лицо немцу. — А теперь раздевайся и выкладывай бумажник, козёл!

Тот суетливо начал раздеваться, путаясь в пальто и пиджаке, испуганно косясь на горлышко, по прежнему зависшее в опасной близости от горла. Александр обернулся к девушке, которая стояла рядом, словно в ступоре.

— Тебя, Урсула, это тоже касается. Если будешь трепать языком, его жена всё узнает, и даже боюсь представить, что она с тобой сделает, поняла?

— Да... Простите, я не хотела... — она, казалось, была готова заплакать.

Тем временем Александр быстро надел обувь и одежду Вилли, засунул в карман его бумажник и ещё несколько минут страшил его, напоминая о жене и каре за измену.

Наконец, Александр, посоветовав им возвращаться к своей машине, покинул их и согреваясь на ходу в тёплом пальто, решительно направился к цели.

Берлин.

7 апреля 1940 года. Утро.

Гюнтер Хаусманн (Шольке)

Гюнтер, в парадной форме СС, стоял в одном из коридоров рейхсканцелярии и тщательно сдерживал волнение. Сегодня, воскресенье, для охраны фюрера ничем не отличался от других дней, не считая того что Гитлер в этот день недели часто общался с воспитанниками «Гитлерюгенда» и «Союза германских девушек», которых сюда приводили их командиры чтобы они воочию увидели своего вождя и кумира. Вот и сегодня с самого утра по коридорам здания бродили группы молодёжи в коричневых рубашках с португепями и шортах, во главе с шарфюрерами и штаммфюрерами. Некоторые воспитанники самого младшего возраста с восхищением глазели на всё вокруг, на картины, висящие в коридорах, высоких охранников, неподвижно стоявших в коридорах... Те, кто постарше, старались вести себя сдержанно и неторопливо, но их глаза, как будто сами собой, осматривали всё что только оказывалось в поле зрения, заставляя головы поворачиваться. Опомившись, они снова придавали себе равнодушный вид, но этого хватало ненадолго. Сегодня для них был знаменательный день, про который они будут рассказывать у себя в отрядах тем неудачникам, кто был вынужден остаться у себя в расположении из-за нарядов и взысканий, полученных от офицеров: — они лично увидят Фюрера!

Пост Гюнтера располагался в конце коридора в котором был кабинет Гитлера и он видел как терпеливо ожидавшие подростки мнутя или стоят неподвижно, ожидая вождя. Письмо для передачи лежало в кармане, он планировал передать его когда фюрер будет проходить мимо. От волнения он почувствовал, как из-под шлема с рунами СС иногда стекают редкие капли пота. На спине, под чёрным кителем, творилось то же самое.

Наконец, Гитлер, одетый в серый китель и чёрные брюки, улыбаясь, вышел из кабинета и поздоровался с членами «Гитлерюгенда». В ответ ему взметнулись вверх правые руки и раздалось дружное: «Хайль, Гитлер!!!». Мальчишки, не отрываясь, смотрели на своего вождя, того кто поднял Германию из руин, дал работу их родителям и возродил национальную гордость истинно немецкого духа. Рядом с фюрером из кабинета внезапно появилась симпатичная, стройная, молодая девушка с длинными, красивыми волосами, одетая в лёгкое, чёрное платье по фигуре и туфли на каблуках. Она, смеясь, встала рядом с ним и что-то весело сказала воспитанникам. Сразу несколько из них хором начали ей отвечать, пока один из штаммфюреров не навёл порядок. Судя по фото, которые в своё время смотрел Гюнтер, это была знаменитая первая и последняя, в будущем, жена Гитлера — Ева Браун. Они были в браке всего один день, после чего дружно застрелились или приняли яд, чтобы не попасть в руки русских солдат, которые были уже совсем близко от бункера. Он читал что Гитлер, хоть и был некоторым образом привязан к ней, на самом деле почти не

ценил её, часто игнорировал её общество и редко вспоминал. Она же, наоборот, влюбилась в него, терпела и страдала от такого невнимания своего мужчины. Даже, вроде, пыталась покончить жизнь самоубийством..

Несмотря на волнение, Гюнтер поневоле залюбовался молодой женщиной. «Чёрт, если бы она была моей, то любимой комнатой в моей квартире была бы спальня». Может он даже решил бы и жениться на ней, ведь по характеру она была ведомой, той, которая подчиняется сильному мужчине и знает свои женские обязанности в семье. Увы, она влюблена в Гитлера, даже, несмотря на то что тот вряд ли мог дать ей удовольствие от секса, не говоря уже о детях, о которых она, скорее всего, мечтает. Так часто бывает, что красивые девушки влюбляются в тех кто их не ценят, которые вытирают об них ноги, унижают... Впрочем, они сами выбирают свою судьбу и не его дело мешать им в этом. Он слышал такую поговорку «Твоё тело — твоё дело!» и полностью соглашался с ней. Хочешь, прокалывать пупок или наносить тату? Пожалуйста. Хочешь хранить своё тело в девственности для мужа или же пропускать через себя кучу мужиков? Да не вопрос..

Минут через десять, когда фюрер пообщался с молодыми коричневорубашечниками, они построились по ранжиру и улыбаясь, проследовали по коридору мимо Гюнтера к выходу. Было видно, что эмоции их так и распирают и они ждут лишь возможности, чтобы обсудить их. Гитлер обменялся несколькими словами с Евой и видимо, хотел куда-то идти один.

«Боже, хоть бы она за ним не увязалась! Один на один мне было бы гораздо легче передать письмо..» — отчаянно молил Гюнтер, наблюдая за ними.

Гитлер, наконец, двинулся по коридору прямо к нему. Ева осталась на месте, грустно смотря на своего обожаемого вождя... и вдруг, словно решившись, побежала за ним, стуча каблучками по паркету. Подбежав, она с улыбкой просунула свою руку ему под локоть и робко прижалась к нему.

«Проклятье!!» — мысленно выругался Гюнтер.

Гитлеру, видимо, тоже это не понравилось. Он остановился, сердито вырвал свою руку, и пошёл дальше один, бросив на ходу:

— Ева, я занят!

Девушка, растерянно замершая на месте, едва не расплакалась от обиды. По левой щеке у неё потекла слеза, но она быстрым движением ладони стёрла её и медленно пошла за фюрером.

Гитлер приближался, хмуро глядя вперёд, было видно, что его мысли далеко отсюда и про Еву он уже не вспоминает. Гюнтеру в первый раз пришлось увидеть фюрера вблизи, и он с любопытством смотрел на него.

Ростом тот был намного ниже его, аккуратно уложенные набок волосы, знаменитая щётка усов, пронзительный взгляд. На сером кителе был прикреплён знак за ранение. Гюнтер знал что Гитлер, будучи ещё рядовым или ефрейтором, был ранен в Великой войне. Также на кителе были видны «Железный Крест 1 степени» за подвиг на той же войне и Золотой партийный значок NSDAP. Подумать только, этот внешне невзрачный человек едва не захватил всю Евразию..

От волнения пересохло в горле... сейчас всё решится. Сможет ли он повернуть безжалостное колесо истории с гибельной для страны колеи и свернуть в сторону? Спасти миллионы немцев от гибели, а красивые германские города от уничтожения и захвата? Предотвратить нищенское существование множества немцев, жён, сестёр, матерей и дочерей

погибших мужчин, когда они были вынуждены отдаваться союзникам за еду, чулки и просто потому что они проиграли? «Горе побеждённым!»

Гитлер поравнялся с ним и Гюнтер решил. Он быстро засунул руку в карман и вытащил письмо, протянув его фюреру.

— Мой фюрер!

Гитлер, по инерции, прошёл ещё пару шагов и только потом медленно обернулся. Недоумённо посмотрел на него, потом на письмо, снова на него..

— Что это, унтерштурмфюрер? — его голос был обычным, но в тоже время в нём чувствовалась какая-то сила. Шедшая за ним Ева тоже остановилась, с удивлением смотря то на письмо, то на него.

— Это письмо предназначено лично вам, мой фюрер. Оно касается судьбы нашего Рейха, более того, судьбы всего мира. Я очень вас прошу прочитать его как можно быстрее. Если у вас будут вопросы после его прочтения, готов на них ответить. В нём очень ценная информация, которая случайно оказалась в моём распоряжении. Она настолько важна, что я не могу показать её даже своему высокому начальству из СС. Вы наш вождь и я решил, что только вы достойны решать как использовать её на благо партии и государства.

Да, получилось немного пафосно, но Гюнтер знал, что фюрер сам часто использовал этот приём, когда обращался к нации или ближайшим соратникам.

Гитлер уставился на него пронзительным взглядом, словно пытаясь проникнуть глубоко внутрь, в самую душу, чтобы узнать его тайные мысли. Выдержать его взгляд было невероятно трудно, желание отвести свои глаза всё больше охватывало его, но Гюнтер крепился. Он знал, что Гитлер уважает тех кто не пасует перед ним и не проявляет слабости. Поэтому он так же в ответ смотрел на него, даже не моргая. Молчание затягивалось. Ева также молчала, с любопытством поглядывая на них обоих.

Наконец, Гитлер подошёл и взяв письмо, положил его в боковой карман кителя.

— Я прочитаю его, унтерштурмфюрер! — бросил он и развернувшись, пошёл дальше по коридору. Гюнтер провожал его взглядом, сердце билось как сумасшедшее... Его отпустило, как только фюрер отвернулся от него, и Гюнтер сейчас медленно приходил в нормальное состояние. Внезапно его отвлёк голос Евы:

— Скажите, унтерштурмфюрер... — она заколебалась. — Это письмо... оно точно не от женщины? — её глаза с мольбой смотрели на него.

Гюнтер повернул голову к ней и улыбнулся своей фирменной улыбкой:

— Уверяю, фройляйн Браун, в этом письме нет ни слова о любви, только совершенно секретные сведения, касающиеся безопасности Рейха и нашего фюрера. Могу я вас попросить об одной важной услуге, фройляйн Браун?

Он смотрел ей в глаза таким же властным, пронизывающим взглядом, каким на него самого смотрел фюрер. Таким же, как удав Каа из «Маугли» смотрел на бандерлогов.

И она не выдержала его взгляда, отвела в сторону взор.

— Конечно, унтерштурмфюрер... если это в моих силах. — Её руки сами собой прошлись по платью, спрятавшись за спиной и сцепившись там.

— Эту услугу можете оказать мне только вы и никто кроме вас, фройляйн Браун... — низким голосом проговорил он.

Ева попыталась взять себя в руки, но всё на что её хватило, вытащить руки из-за спины и сложить внизу живота, так, как часто любил делать Гитлер. Смотреть ему в глаза она по-прежнему не смогла.

— Какая же, унтерштурмфюрер? — спросила она. Голос её слегка дрогнул.

— Я прошу вас никому и никогда не говорить про это письмо. Оно настолько важно, что если про него узнает кто-то кроме фюрера... и вас... то последствия могут быть катастрофичны. Для всех нас, лично для вас и для Рейха. Я не шучу, фройляйн Браун! — с нажимом проговорил он.

— Я обещаю, унтерштурмфюрер, что никому и никогда не скажу о нём. Я понимаю! — Она, наконец, посмотрела на него но через пару секунд её взгляд снова вильнул в сторону. — Но... если это письмо касается и меня... — она снова замаялась. — Возможно, я имею право знать..

— Нет, фройляйн. Я знаю, что там написано про вас, но без разрешения фюрера не имею права рассказать вам. Сожалею, фройляйн Браун... — с нотками сожаления ответил он. Гюнтер специально «проговорился» что часть письма касается её чтобы она заинтересовалась им. Сначала из любопытства, как и большинство женщин, а потом... кто знает? Главное, чтобы она выделила его из десятков безликих фигур в форме СС, которые несут службу в здании.

— Скажите хотя бы, то что написано там про меня... опасно? — она теперь смотрела ему куда-то в район груди. Запах духов, которыми она пользовалась, щекотал его нос и вызывал желание нагнуться пониже к её волосам, зарыться в них, чтобы вдохнуть завлекающий аромат ещё глубже.

«Проклятье, Гюнтер, немедленно успокойся! Не хватало ещё стояк показать ей!» — пытался одёрнуть себя Гюнтер, но получалось плохо. Чем-то Ева зацепила его, но чем?

— Успокойтесь, фройляйн Браун, я защищу вас от всех врагов, которые захотят навредить вам! Клянусь в этом! — как Гюнтер не старался, в голосе, который должен был звучать низко и властно, пробились страстные нотки. Ева тоже что-то почувствовала и удивлённо посмотрела на его лицо.

Повисло молчание.

— Я верю вам, унтерштурмфюрер. — Она улыбнулась. — Извините, а как вас зовут? А то я не всех охранников знаю, хотя вы рискуете своей жизнью, охраняя нас.

— Гюнтер Х... Шольке, фройляйн! — ответил Гюнтер, едва не проболтавшись про свою настоящую фамилию.

— Очень приятно, Гюнтер. А меня Ева. Хотя, вы наверное, уже сами знаете? — она поправила волосы.

— Знаю, фройляйн. Трудно не заметить такую как вы! — сделал Гюнтер лёгкий комплимент. Разговаривать с ней ему было приятно, вот только её духи сбивали его настрой и заставляли думать о совсем других вещах, более возбуждающих и которые вряд ли сбудутся.

Ева слегка покраснела и снова отвела взгляд в сторону. Каждый раз когда она поднимала голову, чтобы посмотреть на него, то быстро отводила, не в силах долго задержаться.

— Ну что вы, я обычная немка. Таких как я много.

— Ошибаетесь, фройляйн. Поверьте мне! — убеждающим тоном ответил он.

Ева вдруг посмотрела на миниатюрные часики на своей кисти.

— Ой... Извините меня, Гюнтер, мне пора. Всего вам хорошего на службе! — она, улыбаясь, сделала шаг по коридору.

И тут Гюнтер не выдержал.

— Фройляйн Браун!

Она обернулась и вопросительно посмотрела на него.

— Вы самая прекрасная девушка, которую я видел за всю мою жизнь! — самым правдивым тоном произнёс Гюнтер. Впрочем, он почти не врал, Ева ему очень понравилась и говорил он то что чувствовал.

Она покраснела ещё больше и одновременно, весело рассмеялась, снова проведя рукой по волосам.

— А вы, оказывается, большой шутник, Гюнтер! Но почему-то я вам опять верю... Вы опасны для девушек, понимаете? — она смотрела на него, глаза её искрились.

— Ну что вы, я обычный немец. Таких как я много... — он улыбнулся помимо воли.

Она больше ничего не сказала и, улыбаясь, ушла, но Гюнтер продолжал слышать её весёлый смех в голове.

«Проклятье, да что со мной такое?? Веду себя как мальчишка перед первым сексом! Распушил перья перед подружкой фюрера... Боюсь представить, что будет, если она ему проговорится. Ведь весь план рухнет! Даже если он поверит письму, то едва узнает про наш невинный флирт и всё... привет, герр Мюллер! Пусть он сам с ней не спит но и другим не даст, моё и всё! Да и вообще, в городе множество красавиц, та же медсестра из госпиталя... Так нет, дурак, начал Еве комплименты отвечать... Не спорю, сблизиться с фюрером через Еву неплохой план, но... хоть себе не ври! Тебе же она сама понравилась? Ты же её хочешь, верно? Да, хочу! Понимаю, что нереально, но всё равно хочу. Видимо, это всё от недостатка секса. Надо в ближайшие дни обязательно заняться этим вопросом, иначе и до беды недалеко... Хорошо хоть Ева стояк не увидела, успел успокоиться... Иначе скандал бы устроила, наверное... Или сделала бы вид что не заметила? Или даже ей бы... Так, всё!! Я на службе, закрыли тему!»

Гюнтер глубоко вздохнул и сосредоточился на других мыслях. Письмо он отдал, осталось только ждать результата. Что там решит фюрер? Время покажет.

Берлин.

7 апреля 1940 года.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Саша сидел на скамейке, недалеко от здания советского посольства и никак не мог придумать подходящий план, чтобы проникнуть внутрь. Как говорится, близок локоть да не укусишь. Перед входом на территорию посольства стоял пост из двух вооружённых полицейских, которые, несомненно, заинтересуются кто он такой и что ему надо на крохотной советской территории. И что ответить? Документов у него нет, они остались в его квартире. В самом начале побега он хотел проникнуть в свою квартиру, но заподозрил, что из госпиталя уже могли позвонить в полицию и дома его ждут коллеги, желающие задать ему пару вопросов. Подумав, он решил не испытывать судьбу и пробираться прямо к посольству.

Кроме этой проблемы, его мучили голод, жажда и хотелось спать. Гороховый суп, съеденный ещё в госпитале вчера вечером, желудок давно забыл. Воду добыть ночью было негде, даже при наличии денег, поэтому пришлось съесть немного снега, выбрав относительно белый, почти растаявший сугроб в тёмном дворе. Сон же не отступал, настойчиво пытаюсь победить мозг и заставить тело отключиться. Этому способствовало

тёплое пальто, расслабляющее тело.

Хорошо ещё, что полиция пока не знала где его искать, т. к. никто не мог предположить куда он направился. Подруг у него в городе нет, родители умерли. Только Гюнтер мог бы заподозрить где он находится, но у него сегодня дежурство и вряд ли Венцель дозвонится до него в ближайшее время.

Попытаюсь прорваться через пост силой? Два полицейских с пистолетами в кобурах... Нет, опасно. Когда он будет только подходить к ним, они уже насторожатся и завяжи он драку с одним, другой тут же вмешается, задержит или вообще пристрелит. Отвлечь их в сторону тоже не выйдет, у них приказ стоять на входе, а не устраивать догонялки. И время поджимает, постовые уже несколько раз поглядывали на него с интересом. Возьмут да и сообщат своему начальству что рядом сидит подозрительный тип... Было бы больше времени, можно дождаться когда выедет посол или другой работник посольства, но увы... цейтнот, времени не хватает, придётся импровизировать. Значит, всё-таки опять прорываться... а для этого нужно хоть какое-то оружие... Тут ему в голову пришла идея. Заодно и подкрепиться можно, деньги есть..

Он встал и пошёл, разминая ноги к ближайшему кафе, которое уже гостеприимно открыло свои двери в ожидании ранних клиентов. Быстро поев, он выпил большую кружку ароматного пива, заодно заказав две бутылки шнапса, проигнорировав неодобрительный взгляд хозяина заведения. Похоже, так пить с утра, пусть даже в воскресенье, у немцев не полагается, но Александру было глубоко плевать, тем более, выпивка предназначалась совсем для другой цели.

Распахнув пальто и покачиваясь, он медленно приближался к постовым у посольства. Сжимая в руках обе бутылки шнапса и насвистывая «Группа крови на рукаве», Саша подошёл вплотную к полицейским, которые брезгливо смотрели на него. Один из них даже отступил на шаг, когда Александр дыхнул ему в лицо.

— Привет, парни! Какое чу-чудесное утро, правда? — слегка заикаясь, спросил он.

Оба стража порядка переглянулись. Тот, что стоял ближе, презрительно скривился и сказал:

— Здесь стоять запрещено! Проходи дальше, пьяница несчастный..

— Почему это я п-пьян-ница? У м-меня сегодня день рождения! Я имею выпить... то есть могу выпить в законный выхлопной... то есть выходной! — с возмущением ответил Александр, покачнувшись и едва не упав на постового. — Могу и вас угостить, мне не жарко!.. то есть жалко! Чёрт, я хотел сказать — не жалко! — и поднял обе бутылки.

Второй полицейский усмехнулся и потеряв интерес к разговору, отвернулся, уставившись в противоположную сторону. Первый же, подошёл вплотную, и цепко схватив Сашу под локоть, попытался отвести его подальше, ругаясь сквозь зубы.

Пора!

Резко дёрнув рукой, которой завладел полицейский, он сильно ударил его локтем снизу прямо в горло, заставив того выпучить глаза и захрипеть от боли. Он выпустил локоть Александра и обеими руками схватился за горло. Развернувшись к нему лицом, Саша со всей силы опустил ему на голову одну из бутылок шнапса, разбившуюся от удара. Кепка на голове полицейского не спасла своего хозяина и тот, обливаясь кровью и содержимым бутылки, повалился на мостовую.

Обернувшись на шум второй полицейский, ошалело уставился на своего коллегу, неподвижно лежащего на спине и перевёл взгляд на недавнего пьяницу, который молча

рванулся к нему, занеся вторую бутылку над головой.

Видимо, он был более опытен, так как не стал даже пытаться вытащить пистолет из кобуры, понимая, что на это не хватит времени. Вместо этого он шагнул в сторону, пропуская руку с бутылкой мимо себя и ударил Сашу кулаком в живот, заставив того согнуться от боли и нехватки воздуха. Воспользовавшись этим, постовой обхватил локтем его шею и начал душить, второй рукой пытаясь заставить его выпустить бутылку.

— Чёртов пьяный ублюдок! За это тебя сгноят в лагере, скотина! — рычал он, сдавливая свою хватку.

Александр чувствовал, что дышать ему становится всё хуже, несмотря на то что он пытался ослабить удушающую хватку одной рукой, и перед глазами появился туман, быстро сгущающийся. Надо было что-то делать и срочно! Иначе он потеряет сознание и конец! Попытка вырвать руку и ударить проклятого немецкого копа не удалась, не хватало силы. А если так?.. Повторив приём, который позволил ему вырубить первого полицейского, он резко ударил назад локтем руки в которой была зажата бутылка. Попытка удалась лишь наполовину. Локоть ударил полицейского вскользь по уху, видимо, слегка оглушив его и заставив ослабить хватку на горле. Снова зарывав от ярости, тот попытался усилить удушье, но краткого мгновения облегчения Александру хватило. Стиснув зубы, он резко ударил противника затылком в лицо, попав ему по носу. Вскрикнув от боли, тот схватился второй рукой за нос, не выпуская шею Саши из своего захвата. Воспользовавшись этим, Александр попытался резко пригнуться и перекинуть немца через себя, но не получилось, тот оказался слишком силён или тяжёл для такого трюка. Пришлось действовать по-другому. Не слушая ругательств постового и не обращая внимания на нескольких прохожих, удивлённо смотрящих на потасовку, он быстро поднял ногу и с силой опустил её на ту же конечность полицейского.

Немец буквально взвыл от боли и был вынужден выпустить его шею из захвата. Не удержавшись на одной ноге, он с криком свалился на мостовую, держась одной рукой за стопу, а другой за окровавленный нос.

Кашляя, Александр кое-как разогнулся и пошатываясь, подошёл к своему противнику.

— Чёртов сукин сын! — и с криком ярости опустил свою бутылку шнапса на голову упрямого постового. Тот хотел в последний момент закрыться рукой, отняв её от носа, но не успел. Получив близкий контакт стеклянной тары из-под алкоголя и своей головы, он распостёрся на мостовой, разделив судьбу своего коллеги, который отдыхал там же уже несколько минут.

Поглядев налитыми кровью глазами на прохожих, собравшихся перед зданием метрах в двадцати, он усмехнулся. Неудивительно, что бояться подходить ближе... Весь взъерошенный, с красными глазами, в расхристанной одежде, он был не из тех с кем хотел бы близко пообщаться какой-нибудь достопочтенный бюргер. Нет, это дело полиции и не следует вмешиваться. Во всём должен быть порядок, отличительная черта германской нации.

Обернувшись, он внимательно осмотрел ограду посольства. Высокие, кованые прутья, метров четырёх в высоту, они заканчивались остриями, как средневековые копьё поставленные торчком. Соединялись они приваренными горизонтальными перемычками. Протиснуться между ними нечего и думать, он не младенец... Значит... Значит, придётся перелезть, медленно и осторожно, если не хочется насадиться на эти копьё нежными частями своего тела. Посмотрев на окна посольства, которые были задёрнуты плотными

шпорами, он сокрушённо вздохнул. Была у него надежда что соотечественники, увидев или услышав драку, выбегут наружу и откроют крепкую калитку сами, но видно, не судьба... Обитатели здания хранили полный нейтралитет и не горели желанием облегчить ему жизнь.

Эх, где наша не пропадала!..

Поплевав на руки, Александр подошёл к ограде и начал снимать своё длинное пальто. Во время драки он успел согреться и не боялся замерзнуть, а вот зацепиться длинными полами пальто за копыя не хотелось. Чёрт, едва не забыл! Подойдя к обоим вырубленным полицейским, он вытащил из кобур их пистолеты и перекинул через ограду. Так, на всякий случай, вдруг очнётся не вовремя, когда он будет перелезать и расстреляют беззащитного нарушителя. Обидно будет, столько выдержать и на самом пороге спасения так глупо умереть.

Подтянувшись, он поставил ноги на нижние перемычки, ухватился руками за верхние, и начал подтягивать своё тело вверх. С трудом, но у него это получилось. Наконец, ухватившись за острия ограды, он поставил ноги на верхние перемычки и начал осторожно перелезать через них. Усилившийся шум со стороны улицы привлёк его внимание. Несколько человек, видимо, самых храбрых, осторожно подошли к полицейским, которые так и лежали без сознания. Другие осуждающе смотрели на него, тихо переговариваясь. Потеряв к ним интерес, он продолжил свой опасный трюк. Тем временем, тело начало остывать в больничной пижаме и его начала бить лёгкая дрожь, которую усиливали холодные прутья. Перебравшись на ту сторону, он вздохнул свободнее, полдела сделано, осталось только спуститься вниз и всё будет хо..

И в этот момент удача отвернулась от него. Усилившаяся дрожь привела к тому, что ноги, обутые в модные ботинки Вилли, явно не приспособленные для лазания по оградкам, предательски соскользнули с верхних перемычек и Александр, охнув, полетел вниз.

Приземление оказалось на редкость неудачным. Упал он на полусогнутые ноги и, видимо, это спасло его от переломов. Зато теперь болело всё тело, ноги, задница, спина, руки... Он чувствовал себя так, будто участвовал в драке с профессиональным боксёром, который ради развлечения решил отбить ему всё тело. И у него это чертовски хорошо вышло. Что ж так не везёт-то, сука? Во всех книгах у попаданцев всё получается с первого раза, а у него всё через жопу!

Застонав от боли, он перевернулся на живот и попробовал встать. Ноги прострелила резкая боль, и с криком Саша снова повалился на землю. Видимо, придётся ползти... А до двери метров тридцать. Может и больше..

«Ну же, вперёд, Саня! Последний рывок и я дома... а там ванна, чашечка кофе.» — грели его обнадеживающие мысли. Подтягиваясь на руках и упираясь в землю коленями, он всё-таки дополз до двери и привалился к ней, хрипло дыша.

— Товарищи, помогите! На помощь... помогите! — на русском языке пытался докричаться до обитателей посольства он. Но дверь оставалась закрытой и за ней не слышалось ни звука.

— У меня есть срочная информация для товарища Сталина! Ему грозит опасность! Откройте, пожалуйста! — просил он, слабо стуча кулаками по двери.

Та по-прежнему была равнодушна к его усилиям и не открывалась. И внезапно Александр почувствовал, как его охватывает ярость. Такая, какой ещё не было с ним в этом мире.

— Вы, траханые ублюдки, какого хуя молчите?! Вы, блядь, знаете что я вытерпел чтобы

оказаться здесь, под вашей засранной дверью?! Меня, сука, чуть не убили несколько раз только из-за того что я хотел спасти вас, нашу страну и товарища Сталина! Открывайте, сволочи, иначе я сам выбью эту ебучую дверь, и вы пиздец как пожалеете, что не открыли, гады!..

Он продолжал крыть их матом и когда уже потерял надежду, что его впустят, дверь, наконец, открылась. Не веря своим глазам, он уставился на человека, первого советского человека, который встретился ему здесь. А тот сказал:

— Ну, ты горазд матерные коленца закладывать, немчура! Мы тут аж заслушались... — и по-доброму усмехнулся.

Ева Браун.

Ева сидела в своей комнате одна и думала. Сегодня, в обычное воскресенье, день начался как-то сумбурно. С самого утра она была счастлива от того что её любимый Адольф позвал к себе в кабинет и они весело провели время за разговорами и шутками. Гитлер, когда этого хотел, мог быть очень приятным в общении, и в такие минуты она чувствовала себя самой счастливой девушкой Германии. К сожалению, такие минуты бывали редко. Фюрер Германской нации был очень занятым человеком и на Еву выделял, по её мнению, очень мало своего времени. Гораздо меньше, чем на своих соратников по Пивному путчу и увлечения архитектурными проектами вместе с Альбертом Шпеером.

Сам Шпеер нравился Еве. Образованный, тактичный, интеллигентный... Общение с ним было интересным, кроме тех случаев когда они с Адольфом погружались в споры по переустройству Гамбурга, Мюнхена и других немецких городов. Но так как она сама в этом почти ничего не понимала, то ей приходилось скучать, пока они выбирали какой стиль выбрать для тех или иных зданий, районов и кварталов. В такие моменты девушка представляла, как хорошо было бы сейчас прогуливаться вместе с Гитлером в тенистых аллеях Тиргартена или же съездить в горы, в Бергхоф.

Ева не могла понять отношение Адольфа к самой себе. Бесспорно, она для него что-то значила, но что именно? С одной стороны, он хоть и редко, вызывает её к себе и она, как влюблённая девочка, с радостью летит к нему. С другой, он может внезапно уйти, сказав, что у него вдруг появились важные дела и машина отвезёт её обратно. Он не хочет выводить её на публику, почти не говорит комплиментов, а секс..

Ева вздохнула.

Интимные отношения вообще не особо привлекали Адольфа. В те немногие моменты, когда она сама намекала на это, он либо сводил всё в шутку или хмурился и говорил, что сейчас не хочет этого. Ева подозревала, что он чего-то боится, но скорее вырвала бы себе язык чем спросила об этом снова. В первый и последний раз когда она это сделала, Адольф в ярости вскочил с кресла, обозвал её похотливой шлюхой и прочёл лекцию какой должна быть настоящая немецкая женщина. Испуганная Ева тотчас извинилась, но это не помогло, Гитлер тут же вышел из спальни, оставив её в слезах, которые она не смогла сдержать.

Девушка отважилась посоветоваться со своей сестрой, но та ничем не могла помочь ей. Лишь высказала предположение, что у фюрера что-то случилось с мужской силой во время Великой войны и возможно, поэтому он так себя и ведёт. Посоветоваться же с другими женщинами она боялась, Магда Геббельс старалась не общаться с ней, а мать Гели Раубаль ненавидела её, постоянно распуская о ней всякие гнусные сплетни. Общаться же с секретаршами фюрера она опасалась, так как не знала их достаточно хорошо чтобы советоваться по таким вопросам.

В результате, ей приходилось изводить себя разными догадками и мыслями как помочь в этом Адольфу, при этом не вызывая его ярость. Отсутствие секса не слишком её мучило, хотя временами, на неё сильно накатывало... В голову лезли разные соблазнительные образы, видения, внизу живота появлялось тянущее чувство, рука так и тянулась между ног. Ведь она молодая девушка, но завести любовника ей бы и в голову не пришло. Ева любит

своего Адольфа и не собирается изменять ему, к тому же она уверена, что Гитлер наверняка приставил к ней сотрудников гестапо, которые сразу узнают, если Ева вдруг вздумает это сделать. В такие минуты, она переводила мысли на другие темы, вставала и начинала заниматься чем-то, чтобы отвлечься, и приступ проходил.

Сегодня, после того как они с Адольфом пообщались с представителями молодого поколения Германии, она хотела пойти вместе с Гитлером, но он грубо вырвал от неё руку и пошёл один по коридору, словно забыв про неё. Видимо, у него опять плохое настроение, которое передалось и ей. Сколько раз такое уже повторялось, но она так и не смогла привыкнуть к этому. Каждый раз сердце её разрывалось, а на глазах появлялись слёзы, которые ещё больше раздражали фюрера. Он приводил ей в пример Магду Геббельс, утверждая, что именно такой и должна быть идеальная немецкая женщина. Не плакать по пустякам, рожать много детей и быть достойной спутницей своего мужа. Он, похоже, и не подозревал, что такими словами ещё больше унижал её, так как Ева не любила Магду. К тому же, она слышала сплетни, что у этой «идеальной немецкой женщины» были любовники. Но как только девушка попыталась, в ответ на упрёки, намекнуть ему на это, Гитлер опять пришёл в ярость и заявил, что она не имеет права очернять жену его соратника.

Опустив голову, расстроенная, она, не думая ни о чём, всё равно пошла за ним и тут случилась эта сцена. Один из охранников, унтерштурмфюрер, внезапно сбросил каменную невозмутимость и не сходя с поста, протянул Адольфу письмо, которое вынул из кармана кителя. Тот, задумавшись, не сразу это увидел, но потом всё же взял письмо и даже не взглянув на Еву, снова отправился вглубь здания. Внезапно, не зная почему, Еву охватила ревность и она решила что какая-то девушка умудрилась попросить эсэсовца передать письмо фюреру напрямую, минуя канцелярию. Девушка подошла к нему и, почему-то робея, спросила о его содержимом. Ответ одновременно успокоил и встревожил её.

Слова охранника о безопасности Адольфа насторожили Еву и она попыталась узнать подробности.

Внезапно она поняла, что унтерштурмфюрер смотрит на неё как-то властно и даже... по хозяйски, как иногда смотрит на неё Адольф, когда хочет что-то от Евы. Это было удивительно и непривычно, она привыкла, что охранники не смотрят на неё вообще, либо глядят с почтением, как на приближённую к фюреру. А этот эсэовец, высокий и красивый, уставился на неё будто на свою подружку или жену, казалось, вот-вот повелительно скажет чтобы она принесла ему кружку пива или молча кивнет в сторону спальни, намекая, что хочет её..

Такие странные мысли привели её в замешательство, и она не сразу поняла, что он просит о какой-то услуге. Взглянув на него, Ева поняла, что не может долго смотреть ему в глаза. Они завораживали, обещали что-то такое, чему она пока не могла подобрать определение. Руки её словно жили своей собственной жизнью, не подчиняясь мозгу, норвя то спрятаться за спиной, то сплестись в замок. Властная аура сильных мужчин всегда действовала на неё, заставляя чувствовать себя маленькой девочкой. Поэтому она почти сразу согласилась выполнить его просьбу, даже не зная какую именно.

К счастью, услуга оказалась пустяковой, хотя тон, которым он озвучил её, насторожил Еву. Поняв, что в письме речь идёт и о ней, она, движимая любопытством, попыталась узнать содержимое письма, но охранник оказался добросовестным и ничего не сказал, заверив лишь, что сделает всё что в его силах чтобы ни Адольф ни она сама не оказались в

опасности. Его странный, низкий голос убеждал, заставлял верить, и она поверила ему.

Тут девушка спохватилась, что даже не знает его имени и решила тут же исправить эту ошибку. Его имя ей ни о чём не говорило, зато незамысловатый комплимент согрел душу, ведь ей так редко это говорили, даже сам Адольф был очень скуп на это.

Ей, почему-то, было приятно разговаривать с этим Гюнтером, но случайно посмотрев на часы, она вдруг вспомнила, что обещала с сестрой проехаться по магазинам, скоро день рождения Адольфа и так хотелось порадовать его и себя новым платьем. Ева уже собралась уходить как внезапно он окликнул её и со страстью сказал что она самая красивая девушка которую он видел за всю жизнь. Его тон, его глаза говорили ей что он не врёт и на самом деле так думает. Более того, её женская интуиция буквально кричала, что этот охранник к ней явно неравнодушен. Эта догадка заставила её не только покраснеть от смущения, но и обдала тёплым, приятным волнением и радостью. Чтобы скрыть это, она рассмеялась, и наскоро снова попрощавшись, наконец, ушла.

Во время поездок по магазинам вместе с сестрой она то и дело вспоминала его слова, комплименты, его мужественное лицо, крепкую фигуру и тогда на её лице то и дело вспыхивала улыбка, а на сердце становилось радостно и легко. Всё же она женщина и ей нравится слышать комплименты от красивых мужчин, даже зная, что у них ничего не может быть. А уж если эти комплименты искренние..

И теперь, сидя в своей комнате, улыбаясь и снова вспоминая утреннюю историю, она решила: ничего говорить Адольфу не будет, иначе тот разозлится и накажет ни в чём не повинного охранника. А за что? Он просто восхитился её красотой. Разве это может Еву обидеть? Нисколько. Она даже порадовалась за ту, которая станет его девушкой или женой. Интересно, а у него есть девушка? Какая она?

Тут Ева весело хмыкнула.

Ну какая ей разница, в самом деле? Она же не собирается с ним флиртовать, верно?.. В любом случае, этот охранник подарил ей отличное настроение на весь день и за это она ему очень благодарна. А теперь не помешает немного вздремнуть.

Ева уютно свернулась в кресле и сама не заметила как заснула. На её губах так и застыла улыбка.

Берлин. Советское посольство.

7 апреля 1940 года. Вечер.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Саша сидел в хорошо натопленной комнате и прихлёбывал горячий, душистый чай, заваренный совсем недавно одним из сотрудников посольства. После принятия ванны и плотного обеда, этот восхитительный напиток, приправленный для вкуса мёдом и тремя ложками сахара, буквально погрузил его в райское состояние. Холодный ветер и немцы остались где-то там, за стенами, и не могли его достать. А здесь его окутывали тепло, уют и родной язык, которые все вместе заставляли его чувствовать себя как дома. Тело, расслабившись после изнурительных испытаний побега, грабежа и нападения на полицейских, сигнализировало, что очень даже не прочь отрубиться. Мозг, в принципе, был не против, и колебался между небольшим диванчиком, стоящим в углу комнаты и мягкой кроватью на другом этаже. Тихо шли большие напольные часы возле окна, которые ещё больше усыпляли уставшего Александра. Но помеху такому состоянию создавал невысокий,

улыбчивый человек, представившийся Валентином Мережковым, первым секретарём посольства. Он ласково улыбался, шутил и как бы невзначай задавал разные вопросы, на которые Саша отвечал не попадая, так как был вынужден бороться с тем чтобы раз за разом открывать, словно налившиеся свинцом, глаза.

— То есть вы, герр Краузе, хотите чтобы мы, поверив вам, немецкому гражданину, любым способом ликвидировали вашего бывшего лучшего друга, Гюнтера Шольке? На основании того, что он фашист из будущего и может помочь Гитлеру выиграть войну? И вы сами из будущего? Знаете, наверное, вас слишком сильно ударили по голове... Или вы просто пьяны, перегар изо рта это доказывает. Кстати, где доказательства ваших слов? Нет? Честно говоря, думаю, зря мы вас пустили, мне кажется это сугубо внутренним делом Рейха.. — Мережков покачал головой. — Я решил на свой страх и риск отправить ваш бред фельдъегерем в Москву, пусть там решают что с вами делать. Если бы не ваши слова про опасность для товарища Сталина, то мы бы уже выдали вас обратно. Впрочем, уверен, Москва так и поступит.

Александр вздохнул, вдаваться в подробности не хотелось, голова сама собой падала на грудь, да и рассказывать все подробности было бы очень долго. Наконец, он не выдержал:

— Товарищ Мережков, дайте мне немного поспать, и я отвечу вам на любые вопросы, обещаю... — он так широко зевнул, что советский дипломат, видимо, и сам понял что сейчас явно неуместное время для выяснения всех подробностей. Он поднялся и скупно улыбнувшись, ответил:

— Хорошо, герр Краузе, отдыхайте. Можете здесь, на диванчике, но я бы посоветовал вам нормальную кровать на втором этаже. А наш разговор мы продолжим завтра, договорились?

— Договорились.

Он с трудом встал и, покачнувшись на онемевших ногах, направился к лестнице. Мережков аккуратно придержал его во время подъёма на этаж и проводил к комнате, выделенной для отдыха. Александр не раздеваясь полностью, буквально повалился на мягкую кровать, кое-как натянул на себя одеяло и тут же уснул. Он уже не слышал как Мережков, выйдя из комнаты, вставил в замочную скважину ключ и несколько раз повернул его, закрыв дверь на замок.

Берлин.

8 апреля 1940 года. Утро.

Гюнтер Хаусманн (Шольке)

Дождь, начавшийся ещё ночью, не собирался стихать и потоки воды, несущиеся по обочинам проезжей части, бурлили и закручивались водоворотами на месте сливных решёток. Машины, проезжая по асфальту, поднимали целые буруны воды, заставляя прохожих в промокших плащах и пальто отпрыгивать от края дороги, опасаясь несвоевременного купания от водителей-лихачей. Редкие деревья, с распускающимися почками, тоже выглядели неприглядно, словно насквозь промокли.

Гюнтер снова стоял на посту, на этот раз на входе в здание рейхсканцелярии, и благодарил Бога, что в этот раз ему повезло попасть на внутренний пост а не внешний. Парни, что стояли снаружи, несмотря на накинутые плащ-палатки, быстро промокали и офицеры решили менять их чаще обычного, так как заболеть в такую погоду, неподвижно

стоя под дождём, было нетрудно, даже с учётом их усиленных тренировок. А уж в Бад-Тельце, юнкерской школе СС, основанной Паулем Хауссером, тренировки были такие что Гюнтер в конце дня еле доползал до койки. Вот и сейчас он проводил сочувственным взглядом Эрика Градецки и Юргена Штайнера, которые чуть ли не вбежали внутрь, спасаясь от потоков воды. С их шлемов стекали капли, лица тоже мокрые, но они предусмотрительно спрятали свои «МП-38» под широкими полами плащ-палаток, чтобы уберечь их от влаги. Молодцы, ребята! Навыки, вбитые в них инструктором по огневой подготовке штурмшарфюрером Вальтером Гроссе, позволяли им всегда держать оружие в боеспособном состоянии и применять его в любое время, когда потребуется, не опасаясь, что оно заклинит или ещё как-то подведёт хозяина. Вспомнив его методы наказания провинившихся каким-то образом курсантов СС, Гюнтер слегка поёжился и постарался отвлечься другими мыслями.

Вчера вечером до него дозвонился доктор Венцель и сообщил о побеге Алекса. Рассказал, что полиция побывала в квартире, где он жил, но тот так и не появился. Соседи тоже ничего не видели и не слышали. Гюнтер пообещал ему навести справки и проверить вероятные места где мог оказаться его «друг», но сам сомневался что тот будет прятаться там. Слушая возмущённые крики Венцеля, он испытывал двойственные чувства. С одной стороны, его тревожило что Алекс сбежал и сейчас бродит где-то по городу, скрываясь от полиции и не зная что делать. С другой, вновь порадовался за его бойцовский дух, позволивший тому вырваться из больничного заточения. Всё-таки, несмотря на обычную внешность, в Алексе был стержень, и сила, спящая в этом скромном русском, ему импонировала. Жаль только, в отличие от Гюнтера, тот не козырял ею и старался решить все вопросы мирно, даже тогда когда проще и логичнее было сразу дать с ноги. Вот с арабами же он не растерялся, сразу помог, без колебаний. Гюнтер не волновался из-за того что русский кому-то расскажет о том кто он и что собирается делать: в советское посольство он не проникнет, но даже в таком случае, ему просто никто не поверит, а так как, в отличии от него, Алекс, даже имея память Дитриха, всё равно хуже ориентируется в городе, то самым лучшим для него было бы вернуться в больницу или обратиться к нему, Гюнтеру. Он уже успокоился. Возможно, на его месте он поступил бы так же, кто знает? Да и не был он злопамятным сам по себе. В конце концов, они оба гости в этом мире и лучше бы им держаться вместе.

Размышляя, он пропустил момент, когда к нему подошёл дежурный офицер, гауптштурмфюрер Майер и остановился перед ним. Это был высокий, атлетично сложенный мужчина с волевым подбородком и холодными глазами. Он внимательно осмотрел вытянувшегося Гюнтера с ног до головы и спросил с оттенком интереса:

— Что вы сделали, унтерштурмфюрер? Уронили одну из ваз в кабинете фюрера? Или наступили на лапу его собаке?

— Я не понимаю, гауптштурмфюрер... — растерянно ответил он.

— Вас вызывает к себе фюрер. Сейчас. Поэтому, если вы умудрились где-то отличиться в обоих смыслах, то сейчас самое время сказать мне об этом.

— Гауптштурмфюрер, клянусь, я ничего не сделал такого чтобы заслужить внимание фюрера. Не понимаю, зачем он меня вызывает... — Гюнтер подозревал причину, но не говорить же её Майеру.

— Что ж, идите, Гюнтер. Не следует заставлять нашего фюрера ждать.

— Так точно, гауптштурмфюрер! — снова вытянулся Гюнтер и, чётко развернувшись, отправился к Гитлеру. Сердце стучало от волнения, в горле слегка пересохло...

Знаменательный момент для него, некая точка отсчёта, после которой его жизнь навсегда изменится. Вот только в какую сторону? Хотелось бы в нужную..

Возле кабинета Гитлера его ждал один из адъютантов, недавно назначенный Отто Гюнше, почти двухметровый громила с суровым выражением лица. Он принял у Гюнтера личное оружие с кобурой и открыл дверь в кабинет:

— Проходите, унтерштурмфюрер. Фюрер вас ждёт.

Гюнтер зашёл в комнату, чётко, строевым шагом, протопал к Гитлеру и, взметнув руку вверх, выкрикнул:

— Хайль, Гитлер!

Фюрер не ответил. Он молча смотрел на него. Рядом с ним, на столике, лежало его письмо, которое он вчера передал Гитлеру. Больше в кабинете никого не было, даже ни одной из его собак.

Наконец, он заговорил, спокойно и равнодушно:

— Унтерштурмфюрер, я прочёл ваше письмо... Скажу откровенно, поверить в это сложно. Почти невозможно. И если бы не некоторые нюансы, вы бы уже сидели в камере и рассказывали следователям Генриха причины вашего странного поступка.

Он помолчал.

— Вы преданы идеям национал-социализма, офицер? — вдруг спросил он.

— Всем сердцем, мой фюрер! — страстно ответил Гюнтер.

Фюрер снова внимательно посмотрел ему прямо в глаза. Его взгляд оказался настолько пронизывающим, что Гюнтеру почудилось, что он стоит мысленно полностью раскрытый и Гитлер знает о нём всё, даже то что сам Гюнтер уже давно забыл. Это был неприятный, давящий, выворачивающий душу наизнанку, взгляд.

«Соберись, дружище, он ничего не знает о тебе наверняка, просто на понт берёт. Смотри ему прямо в глаза с преданным видом и не вздумай отводить взгляд, иначе что-то почувствует и заподозрит».

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне всю эту историю своими словами. В мельчайших подробностях. Вам понятно, офицер? — требовательно спросил Гитлер.

— Так точно, мой фюрер! — ещё сильнее вытянулся он.

...Следующий час он рассказывал Гитлеру всё что с ним, якобы, случилось. Фюрер молчал, не задавая ни единого вопроса до тех пор пока Гюнтер, облизнув пересохшие губы языком, не закончил.

— Занимательная история, унтерштурмфюрер. Но где доказательства ваших слов? — непроницаемое лицо фюрера ничего не выражало, казалось, он выслушал обычный отчёт о не самом важном деле, чем такую фантастическую историю в которую очень трудно поверить.

— К сожалению, материальных доказательств у меня нет. Могу рассказать только то что узнал там, в будущем, и никак бы не смог узнать здесь и сейчас. — Он замялся и начал говорить:

— Сейчас, в это самое время, наш тяжёлый крейсер «Адмирал Хиппер», таранит британский эсминец «Глоууорм» на пути в Тронхейм-фьорд. Много других наших кораблей с десантом готовятся к вторжению. В первом эшелоне в Норвегии высадутся 3 горнострелковая дивизия генерала Дитля, 69-я и 169-я пехотные дивизии, вторым эшелонem 181-я и 196-я пехотные дивизии. Для Дании предназначены 170-я, 198-я пехотные дивизии и 11-я моторизованная бригада. Контр-адмирал Кумметц, на тяжёлом крейсере «Блюхер»

попытается прорваться в Осло-фьорд мимо острова Оскарсборг но будет потоплен. Если вы хотите убедиться в этом, то позвольте ему это сделать... ценой гибели корабля и множества немецких жизней... — тут он мрачно отвёл взгляд в окно, за которым всё так же лил дождь. — Но лучше бы не доводить до такого, мой фюрер. Поверьте, «Блюхер» и сотни моряков с солдатами вам ещё пригодятся живыми, когда союзники попытаются отбить Норвегию. Ещё знаю, что вы запланировали через месяц осуществить вторжение во Францию, в обход линии Мажино, через Бельгию и Голландию. Этот план, «Гельб», хоть и выглядит как авантюра, но блестяще осуществится. Но советую обратить внимание на полковника Шарля де Голля, этот умный и дальновидный офицер, французский Гудериан, серьёзно попил крови нашего Вермахта, потом сумел удрать в Англию и стал символом французского сопротивления нашей власти. Желательно не дать ему возможность сделать это снова, мой фюрер.

Гюнтер запнулся.

— Ещё я могу многое вам рассказать о новом оружии, технике, которая могла бы принести нам победу, но пока это нам мало поможет, так как я сам не инженер, не конструктор, могу только нарисовать внешний вид и некоторые принципы действия, направления в развитии и ошибки, которых можно избежать. Если вы, мой фюрер, по прежнему сомневаетесь в моей правоте, то просто подождите и увидите как сбудется то что я рассказал вам.

Внезапно Гитлер вскочил с кресла, и едва не брызгая слюной, закричал:

— Что за чушь вы мне тут несли, унтерштурмфюрер?! Какие ещё русские танки на улицах Берлина? Да эти недочеловеки даже дороги нормальные не могут построить, а вы говорите мне что они победят величайшую армию в мире? Они дикие, необразованные варвары, которым нужен порядок! Наш, немецкий порядок! Россия — это колосс на глиняных ногах, запомните, офицер! Едва наши танки пересекут границу, русские начнут сдаваться толпами, сами убивая своих комиссаров, а в Прибалтике и западной Украине наших солдат будут закидывать цветами! А когда Вермахт подойдёт к Москве, этот усатый грузин Сталин сбежит за Урал или его убьют прямо в Кремле! Вы слишком преувеличиваете мощь Красной армии!

Выговорившись, он снова сел в кресло и дотянувшись до небольшого столика, взял бутылку с сельтерской водой. Глотнул из неё несколько раз и откинулся на спинку.

Гюнтер почтительно заговорил:

— Мой фюрер, эти дикие, необразованные варвары, к сожалению, уже дважды входили в Берлин. И я считаю, что это ровно на два раза больше чем нужно. И если у нас, здесь, случится так же как и в том мире, то русские побывают в нашей столице и в третий раз. Мы не имеем права перед историей и будущими поколениями допустить это снова. Победить Россию можно, только если она сильно ослаблена, например, как в начале 17 века, когда в Москве сидели презренные поляки. Да и то, русские смогли объединиться и выгнали их. Есть и второй вариант, русских могут победить сами русские, если в стране разразится новая гражданская война, как 23 года назад, когда развалилась их империя... а заодно и наша. К тому же я вам рассказывал, что Советы разрабатывают новые тяжёлые танки "КВ-1", который они испытали во время недавнего конфликта с Финляндией. Лобовую броню этого танка не пробьёт ни один наш танк или противотанковое орудие. И даже если стрелять в борт или в корму, результат не гарантирован. Только наше тяжёлое зенитное орудие «FlaK 18/36 8,8-см» может пробить шкуру этого монстра но, сами понимаете, мой фюрер, это не

решение проблемы. Нам нужны новые, более мощные противотанковые пушки, новые танки с толстой бронёй и сильными орудиями, иначе поход в Россию приведёт не только к огромным жертвам в Панцерваффе и вообще, в Вермахте, но и полному поражению в войне. У нас просто не хватит солдат и ресурсов чтобы захватить Россию. Но есть и третий вариант, мой фюрер... возможно, самый лучший в этой ситуации... — Гюнтер замолчал, выжидательно глядя на Гитлера.

— И какой же, унтерштурмфюрер? — хмурясь, спросил фюрер.

— Вообще не нападать на СССР. — ответил Гюнтер.

— Что?! — буквально вскинулся Гитлер. — Вы сами мне твердите о том, что русские разрабатывают тяжёлые танки, что они пока только начали насыщать армию новым вооружением... и теперь хотите дать им время на окончательное перевооружение? Чтобы они стали ещё сильнее, и мы понесли ещё больше потерь? А может вы вообще прониклись гнилыми коммунистическими идеями, офицер? — Гитлер с подозрением уставился на него. Его глаза прищурились, словно пытаясь проникнуть в череп Гюнтера.

— Простите, мой фюрер, разрешите уточнить своё предложение? — склонив голову, спросил Гюнтер.

— Говорите, и без всяких загадок, унтерштурмфюрер. Я не в настроении отгадывать разные шарады... — пробурчал Гитлер.

— В том варианте будущего, мы напали на русских в июне следующего года. Благодаря тому что Сталин до конца верил в нашу дружбу и подписанный договор, мы достигли впечатляющей внезапности, но... нам это всё равно не помогло. Я к тому, что мы решились напасть на русских тогда когда ещё не добились англичан на их острове. Да, мы вышибли их из Франции, британцы бросили на берегу всё тяжёлое вооружение, всё что тяжелее винтовки, вот только как вы знаете, оружие само не стреляет... А британский флот спас самое главное — людей. На том берегу пролива Черчилль взбодрил их доброй порцией виски, произнёс речь о империи над которой никогда не заходит солнце... И через некоторое время эти «лайми» вновь были готовы сражаться. Вы ведь помните изречение одного мудрого генерала, мой фюрер? Насчёт того что для Германии смерти подобно сражаться на два фронта, а именно это и произошло. И пока мы с русскими мерялись мускулами, англичане полностью восстановились и к ним в гости прибыли американцы, используя Британию как плацдарм для вторжения. В результате чего, в 1944 году они набрались храбрости высадиться в Нормандии. Наши самые лучшие силы или уже были уничтожены на Восточном фронте или пытались сдержать Сталина на границах Рейха. Нас зажали в тиски и просто раздавили, мой фюрер! Вот отчего я пытаюсь вас предостеречь. Раз уж Германия решила уничтожить всякое сопротивление на Западе то после Франции лучше окончательно покончить с Англией и не дать американцам вмешаться в наши европейские дела. И тогда, если всё-таки вы по-прежнему решите напасть на русских, у нас хотя бы будет крепкий тыл. И ещё... в том будущем, наши Люфтваффе, вместо непрекращающихся ударов по вражеским аэродромам и авиазаводам, получили приказ бомбить города... — Гюнтер перевёл дыхание и продолжил.

— Мой фюрер, это была огромная ошибка! Этими бомбардировками мы лишь ещё больше усилили в англичанах их волю к сопротивлению, озлобили их. Но, самое главное, мы дали передышку их ВВС, они смогли оправиться, нарастили количество истребителей, обучили пилотов и в скором времени налёты на Англию стали для парней из бомбардировочной авиации билетом в один конец. Воздушная блокада рухнула..

Забывшись, Гюнтер сел в кресло и налив себе воды в стакан, выпил. Зубы у него мелко постукивали. Гитлер молча смотрел на него и не проявил никакого недовольства таким нарушением. Немного успокоившись, Гюнтер продолжил:

— Наверное, я сейчас скажу что-то неправильное на ваш взгляд, но это лучше чем держать такое в себе и видеть как история снова тащит нас за собой в ад поражения. Мой фюрер! Когда я сказал что выгоднее не нападать на СССР то хотел дополнить это предложение... Ещё выгоднее дружить с ними! Например, пригласить их в наш союз с Италией и Японией. Вы только представьте себе! Огромные людские и материальные ресурсы России и великолепная германская техника! Сплав самых воинственных наций в Европе! Вместо того чтобы сражаться друг с другом, как мечтают джентльмены с Сити, мы смогли бы покорить Англию и окончательно утвердиться на континенте. Заключить выгодные торговые контракты и наконец, жить так как хотим мы а не кто-то другой... И Россия стала бы нашим настоящим союзником, в отличие от «макаронников» и япошек. Первые, как солдаты, ничего из себя не представляют, а вторые всегда себе на уме... Мой фюрер! Если это случится, нас никто и никогда не сможет победить, даже если весь мир, во главе с Рузвельтом, решит сделать это!

Глаза Гюнтера горели. Он будто наяву видел как бронированные колонны «Pz. IV» и «Т-34» подминают улицы Лондона... а потом и Вашингтона. Солдаты Вермахта и бойцы Красной армии с флагами своих стран маршируют по улицам захваченных городов... Эскадрильи «мессершмиттов» и «лавочкиных» пролетают над головами, а Гитлер и Сталин, улыбаясь, жмут друг другу руки... Весело смеются, кувыркаясь на солнечном лугу в шуточной борьбе, подростки из «гитлерюгенда» и советские пионеры, а на них смотрят и шушукуются девчонки из "Союза германских девушек" и комсомолки... И яркое солнце, освещающее эту идиллию, мир, который они завоевали не столько ради себя, сколько для своих детей и будущих поколений.

И тем сильнее был его болезненный шок, когда он услышал раздражённый голос Гитлера:

— Унтерштурмфюрер! Эта картина, которую вы нарисовали, она никогда не осуществится! И я удивлён, что вы оказались так наивны, позволив себе поверить в такую фантазию! Советую вам отбросить иллюзии и наконец, понять что мы с русскими слишком разные и в Европе должен быть только один хозяин! И уж точно это будут не они! В их идеологии ясно сказано, что они хотят всемирной революции, наплодить везде колхозы и заставить петь свой дурацкий «Интернационал».. — Гитлер презрительно усмехнулся. — Они дикари и унтерменши, просто удивительно, что такие недочеловеки смогли создать одну из самых больших стран мира. А их нескончаемые ресурсы? Вы предлагаете мне дружить со Сталиным ради этого? Зачем? Только слабый договаривается, сильный приходит и забирает то что ему нужно, запомните это! Я разорву на куски эту красную опухоль на теле планеты, разгромлю их ослабленную репрессиями армию и посажу усатого Сталина в клетку нашего Берлинского зоопарка, чтобы дети показывали на него пальцами и смеялись! Наш Вермахт не знает поражений и всегда будет побеждать! Сила духа великого германского солдата и первоклассное вооружение сломит любую оборону и принесёт нам победу!.. — Фюрер разошёлся, вскочил с места и начал в возбуждении ходить по кабинету, яростно обличая коммунизм и советский строй. Гюнтер смотрел на него и думал — «Мда, похоже, это будет труднее чем я рассчитывал... Надо найти какой-нибудь способ чтобы отговорить его от нападения на Советы, иначе моё появление тут теряет всякий смысл..»

Занятый своими мыслями он вдруг уловил слова Гитлера обращённые к нему:

— В одном вы правы, унтерштурмфюрер! Глупо нападать на русского медведя не разделавшись с британским львом. Я хочу, чтобы этот напыщенный толстяк со своей неизменной сигарой лично подписал капитуляцию своего острова. Хотя... если он случайно погибнет при захвате Даунинг-стрит, 10 я не сильно огорчусь.. — Гитлер усмехнулся. — У нас есть в Англии верные соратники, которые с радостью займут его место. Сам король Англии, Эдуард VIII, хоть и отрёкся от престола под давлением своих оппонентов, всегда сможет вернуться и править своей страной в случае нашей победы. А его жена, Уоллес Симпсон, тоже нам сочувствует и с радостью поможет ему в этом. Есть и другие сочувствующие нашим идеям аристократы... — разоткровенничался фюрер.

— Кстати, мой фюрер, я вспомнил кое-что об этом Эдуарде... — встрепнулся Гюнтер.

— Что там с ним случилось? — настороженно уставился на него Гитлер, мгновенно утратив весёлый вид.

— После нашей победы во Франции, англичане на всякий случай выкрадут его из Европы, чтобы как раз не допустить такой возможности. Поэтому, в ваших интересах, мой фюрер, обеспечить ему негласную охрану... А ещё лучше, пригласить их пожить в Берлине, разумеется, со всем приличием. — ответил Гюнтер.

— Что ж, это хороший совет, унтерштурмфюрер! Пожалуй, так и сделаем. — задумчиво проговорил Гитлер, смотря в окно. — Что-нибудь ещё полезное вспомнили? То, что поможет нам в самое ближайшее время?

Гюнтер задумался.

— Про Видкуна Квислинга вы уже знаете... Могу еще посоветовать вам как можно больше поддерживать некоего норвежского писателя, Кнута Гамсуна. Он довольно популярен у себя в стране и если его обласкать, то пропаганда наших идей усилиями такого писателя нам сильно поможет приобрести дополнительных сторонников в Норвегии.

Он замялся.

— Мой фюрер, у меня к вам большая просьба. Она напрямую касается безопасности нашего великого Рейха и имеет решающее значение для нашей будущей победы.

Гитлер, так же стоя у окна, повернул к нему голову. Его взгляд снова сделался подозрительным.

— Какая же это просьба, унтерштурмфюрер? — спросил он.

— Я хотел бы подробно рассказать о тех видах техники и вооружения которые, на мой взгляд, будут самые приоритетные в ближайшие годы и не допустить потери времени на бесполезные проекты, на которые будет потрачено много рейхсмарок и труда наших квалифицированных рабочих и инженеров. Вместо этого, они полностью сосредоточатся именно на тех моделях и системах, которые принесли заслуженную славу германскому вооружению и даже после проигранной нами войны состояли на вооружении многих стран.

— Я не допущу чтобы война была проиграна! Ни за что! Великий германский народ достоин того чтобы занять высшую ступень развития среди прочих неполноценных стран и народов! Вы слышите это, унтерштурмфюрер?!! — вновь завёлся фюрер.

— Так точно, мой фюрер! — произвольно Гюнтер снова вытянулся.

Несколько секунд Гитлер пронзительно смотрел на него, а потом спокойным голосом спросил:

— Насколько я понимаю, это вооружение будет возможно к применению уже в ближайшее время?

Гюнтер заколебался и осторожно ответил:

— Не раньше чем через несколько месяцев, мой фюрер... дело в том, что даже переделка того вооружения и техники которое уже есть, потребует времени. А про те системы, которые ещё даже не существуют... словом, там потребуется гораздо больше времени. Конечно, было бы идеальным разработать и построить танки, артиллерию и авиацию как в том будущем, в которое я попал, но... они настолько совершенны и технологичны, что наши заводы и инженеры никак не смогут сделать это ещё много лет... Простите, мой фюрер... К тому же, я не большой знаток военной техники будущего и не смог бы объяснить нашим конструкторам как именно работает такая боевая техника. Только внешний вид, калибры орудий и некоторые другие детали. А в остальном, увы... — он виновато развёл руками.

— Понимаю... — проронил Гитлер. — Я обдумаю это предложение и сообщу вам о своём решении, унтерштурмфюрер. А пока приказываю вам кратко изложить ваши сведения по этому вопросу письменно и с рисунками. Думаю, излишне напоминать о секретности этих сведений? Как только будете готовы, передайте эту записку через моего адъютанта. От этого будет зависеть моё решение о вашей просьбе. Вам всё понятно, унтерштурмфюрер? Можете идти.

— Яволь! — Гюнтер развернулся через плечо и чётким шагом вышел из кабинета фюрера, пройдя в предусмотрительно открытую Гюнше, дверь. Слегка дрожащей рукой он забрал у адъютанта фюрера своё оружие и зайдя за угол, остановился, бессильно привалившись к стене. Расстегнул китель у ворота и провёл потной рукой по лицу.

«Это было нелегко... Под таким взглядом очень трудно врать... Неудивительно, что Гитлер стал вождём, обладая такой харизмой и аурой силы он легко подчиняет и заставляет верить себе даже если логика вещей против»..

Наскоро приведя себя в порядок в туалете, он направился на пост, где его снова подозвал командир, гауптштурмфюрер Майер.

— Что-то вы бледны, Гюнтер... Крепко досталось от фюрера? — похоже, он был в хорошем настроении и поэтому улыбался.

— Вы правы, гауптштурмфюрер... — он усмехнулся. — До сих пор в себя не могу прийти.

— Без чинов, Гюнтер! Так что случилось? В чём причина вызова? — допытывался Майер.

— Извините, Людвиг, но я не могу вам сказать, фюрер запретил... — виновато улыбаясь, ответил Гюнтер.

— Что ж, секретность, я понимаю... Хорошо, продолжайте нести службу, унтерштурмфюрер! — снова перешёл на уставное обращение Майер.

— Яволь, гауптштурмфюрер! — вытянулся Гюнтер и вернулся на пост.

«Интересно, что теперь будет? Поверит Гитлер или отбросит мою информацию не колеблясь, приняв её за бред свихнувшегося? Время покажет... Кстати, вот бы узнать, что с Алексом? Жив ли вообще?» — подумал он.

Берлин. Советское посольство.

8 апреля 1940 года.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

— Вставайте, герр Краузе! Вставайте же!

Незнакомый голос проник ему в голову как назойливое гудение шмеля прямо над ухом. Он попробовал сначала отмахнуться от него рукой но это не помогло, наоборот, голос словно приблизился и усилил своё звучание.

— Герр Краузе! Да вставайте, наконец!

После неудачной попытки спрятать голову под одеялом, его схватили за плечо и развернули на спину. Мысленно простонав, Саша с трудом открыл глаза.

Над ним навис Мережков. Он внимательным взглядом смотрел Александру в глаза. На этот раз улыбки у него на лице не было и в помине. Да и вообще, он выглядел встревоженным.

— Что случилось, товарищ Мережков? — сонно пробормотал Саша, всё ещё не полностью проснувшись. Он протёр руками глаза, так и норовившие снова сомкнуться и погрузить его в уютные объятия сна. Собрав силы, он откинул тёплое одеяло и сел на постели. Посмотрев в окно, Александр почувствовал, что идея спать дальше лишь укрепилась в нём. На улице лил дождь, монотонно и успокаивающе. Помотав головой чтобы отбросить сонное настроение, он перевёл взгляд на своего... хм, соотечественника по духу? Сейчас-то он немец, но в душе русский, так что, в каком-то смысле, он имеет право считать так.

— У вас проблемы, герр Краузе. Точнее, уже у нас... — поправился Мережков. Его серьёзное настроение, наконец, передалось Александру и, он сосредоточился.

— Берлинская полиция требует вашей выдачи. До нападения на охрану посольства вы сбежали из вашей больницы Шарите, это мы знаем, причём нанесли физические повреждения персоналу и причинили материальный ущерб. Возможно, скоро подключится и ваш МИД... Предъявит ноту протеста... или ещё что... Мы сейчас с вашим фюрером дружим и нам крайне нежелателен этот инцидент с вами. Может разразится дипломатический скандал и НКВД очень недоволен. Думаю, Москва примет решение выдать вас, ведь дело-то, по мнению немцев, насквозь криминальное. Такие вот дела... — развёл руки в стороны сотрудник советского посольства.

— Чёрт, что же делать-то? — растерянно проговорил Александр. Такое развитие событий он, почему-то, упустил из виду, скорее всего, из-за спешки в принятии решений и незнании дипломатических тонкостей. В его плане всё было хорошо: он пробирается в посольство и всё, безопасность. Немцы его не достанут, а свои примут с распростёртыми объятиями, едва узнав такую важную информацию и угрозу для товарища Сталина. Боже, какая наивность! Как можно было забыть такие важные вещи, как пакт Молотова-Риббентропа, тесная дружба после раздела Польши и совместный парад в Бресте? А свои криминальные подвиги, которые он совершил? Да, это было сделано вынужденно, но кого такое волнует кроме него? Неудивительно, что немцы в ярости и выкатили претензию посольству. Теперь это понятно, но что ему-то делать? Если соотечественники его выдадут,

то сначала он попадёт в тюрьму, а потом, может, и в концлагерь... А уж если его «друг» Гюнтер подсуется, то его домом надолго станет пыточная в гестапо. Выжмут из него всё что захотят и пристрелят... или повесят... на рояльных струнах, как заговорщиков 20 июля.

Тут он вздрогнул, словно наяву почувствовав, как тонкая проволока сжимает его шею.

Нет, нельзя ему опять к немцам... Никак нельзя!

— Вообще-то есть одна возможность... — вернул его внимание к себе голос Мережкова.

Александр вопросительно и с надеждой на него уставился.

—..Но этот вариант не идеальный. Много подводных камней и результат неочевиден. — закончил свою мысль Мережков.

— Какой же? — с возродившейся верой в жизнь и свободу, спросил Саша.

— Мы объявим вас нашим соотечественником. Эмигрантом из царской России, сыном какого-нибудь белого офицера или генерала, который осознал заблуждения своих родителей и решил вернуться на Родину. Скажем, что вас преследовали, и вы были вынуждены сделать всё то что сделали. По-русски вы говорите чисто, без акцента, хотя иногда вставляете какие-то странные обороты... А потом примете наше гражданство и мы постараемся отправить вас в Москву. Это если всё получится. Вот только чем сложнее план тем больше шансов что он провалится... — Мережков вздохнул. — Немцы могут заартачиться и отказаться поверить в эту историю. Или в Москве откажутся санкционировать эту операцию. Сегодня вечером со мной свяжутся и сообщат решение. А пока вы побудете здесь. Ваши сведения про Зорге и, якобы, войну с немцами, мы здесь проверить не можем. Я, конечно, постарался заинтересовать руководство, но решать выдать вас или отправить в Москву, будут в Кремле. Скажу откровенно, у вас, Дитрих, очень слабые аргументы и почти нет доказательств. Поэтому советую, если вспомните что-то, что мы сможем проверить, то сразу говорите. Это будет на пользу, прежде всего, вам самому. Всё что вы мне наговорили... 22 июня 1941 года, план «Барбаросса», план «Ост».. пока это всё слова, сами понимаете..

Александр угрюмо кивнул. Действительно, с точки зрения Мережкова, так оно и есть. Как будто все эти сведения высосаны им из пальца. Для чего? Например, поссорить рейх и СССР по заданию... ну, скажем, английской разведки... или французской. Кстати, недавно же на Родине прошла Великая чистка, снимали с постов, расстреляли и сослали кучу людей и многих обвиняли именно в работе на иностранные разведки. Столько щепок разлеталось при такой рубке леса... Как бы не стать одной из них.

— Значит, придётся ждать вечера?

Мережков молча кивнул.

— Не люблю ждать и догонять... А сейчас от меня уже ничего не зависит... Чёрт, как ласково встречают людей на Советской земле... — с горечью прошептал Саша.

Мережков услышал и тут же его голос стал таким холодным, словно морозный воздух на Северном полюсе:

— Очень вам советую выбирать выражения и следить за своим языком, герр Краузе! Иначе для вас могут быть последствия. И довольно неприятные! До свидания, герр Краузе!

Он встал и больше ничего не сказав, вышел из комнаты, оставив Александра в мрачном настроении. Саша же, посмотрев в окно, глухо выругался и лёг в кровать, снова закутавшись в тёплое и уютное одеяло. Не прошло и десяти минут, а он уже спал под размеренный и усыпляющий звук дождя.

Адольф Гитлер. Вечер, 8 апреля.

Фюрер германского народа и рейхсканцлер Третьего Рейха сидел в кресле и думал. И думы эти были настолько важными и невероятными, что он выгнал даже Еву, которая робко пыталась в очередной раз напомнить ему о своём существовании и заглянула в кабинет. Информация, полученная от этого унтерштурмфюрера, была ошеломляющей. Если ему поверить, через несколько лет его любимую Германию ждёт сокрушительный военный разгром, огромные жертвы, разрушенные города и главное, полное поражение его великих идей, основанных на чистоте расы и особом месте в мире германского народа. Уму непостижимо, как могло случиться, что жидобольшевики и союзники окажутся в одном лагере? Это же совершенно невозможно! Их идеология и образ жизни абсолютно различны, более того, они чуть ли не враги! Разве может быть союз между коммунистами, одержимыми мировой революцией и всеобщим равенством, и западными демократами с частной собственностью и свободным рынком? Но по словам этого офицера, такое всё-таки случилось.

А целый список потенциальных предателей? Генералы, промышленники, люди из разных слоёв общества, один даже из гестапо... Сегодня, после этого разговора с унтерштурмфюрером, он вызвал к себе лично рейхсфюрера и устно назвал ему большинство людей из списка, приказав начать за ними негласное наблюдение и отслеживать их связи. Удивлённый Генрих осторожно попытался узнать откуда у него такая информация, полученная в обход его ведомства, но мрачный фюрер не ответил и лишь раздражённо повторил приказ, дополнив его распоряжением что о результатах Генрих обязан докладывать ему лично каждый день.

Вспомнив снова про этот список, Гитлер в ярости сжал кулаками подлокотники кресла. Неужели и это правда? Какая низость! Он, фюрер германского народа, делает всё чтобы возвысить Германию, усилить её, дать немцам возможность жить свободно и править другими народами, а эти..? Грязные предатели своей страны, скоты, ублюдки... С каким удовольствием он казнит их если будут найдены доказательства их измены. Чего им не хватает? Многие из них обласканы им, занимают высокие посты в армии и государстве, богаты и влиятельны... И всё равно продались русским или англичанам. Особенно возмутили его фамилии Шуленбурга, Канариса, Геринга. Уж этим-то что не нравится?! Один симпатизирует Советам, другой бредит англичанами, третий мало того что хвостун, расхититель европейских музеев и некомпетентен, но и предаст в самый тяжёлый момент, воспользовавшись его будущим завещанием, написанным на всякий случай... Правда, тот унтерштурмфюрер оговорился, что многие предатели ещё не являются ими, а стали такими лишь из-за неблагоприятных событий на фронте, и растущим разочарованием от политики Гитлера, постоянных поражений и потерь. Но это ничего не меняет! Всё равно в них уже есть гниль и следует держать их на поводке, чтобы задушить при малейшем движении против него.

Но, по крайней мере, одно доказательство правоты этого Шольке уже есть. Он запросил Кригсмарине о таране тяжёлого крейсера «Адмирал Хиппер» и получил подтверждение, что это случилось, и именно во время его разговора с эсэсовцем. Он никак не мог мгновенно это узнать, а значит... значит, степень доверия к его информации повышается. Также он попросил командующего Кригсмарине, гросс-адмирала Редера, вручить старшему помощнику крейсера «Блюхер», секретный приказ, подписанный им лично, о том, чтобы тот

помешал капитану корабля прорываться мимо норвежского острова-крепости. В случае же, если капитан или сам адмирал не примет это решение на прорыв, то приказ должен остаться не оглашённым. Таким образом, завтра будет ясно, подтвердится ли опять информация Шольке. Если да, то доверие к нему повысится ещё больше. А вот если он ошибётся... Гитлер нахмурился.

Как ни странно, версия о том что один из его охранников временно перенесся вперёд, в будущее, и узнал там много чего интересного, не шокировала Гитлера. Он сам верил в мистику и вполне мог допустить разные странные случаи, происходящие либо с ним самим, либо с другими. Ведь не зря же он поддерживал «Анненербе», где собрались самые сливки немецких учёных, изучавших и разрабатывающих разные оккультные ритуалы и артефакты.

Слова о дружбе с Советским Союзом и уж тем более, тесном альянсе с ним, привели Гитлера в негодование. Как вообще этот унтерштурмфюрер мог предположить, что между великой Германией и отсталой Россией могут быть такие близкие отношения? Разве волк и овца будут друзьями? Нет, даже думать об этом глупо. Да, он подписал на развалинах Польши договор со Сталиным, но любой здравомыслящий политик должен понимать что это лишь бумажка, временно закрепляющая существующее положение дел в Европе. Договор будет действовать ровно столько времени сколько нужно ему, фюреру. И будет разорван тогда когда перестанет быть выгодным. Если же хитрый Сталин наивно поверит в такую бумажку, то это только его проблемы и в скором времени он поймёт, как сильно ошибался. Только Германия будет править миром, русским же уготована участь быть уничтоженными или же стать рабами. Все эти сотни миллионов рыхлой массы, называемой советским народом, разбегутся в первых же боях под напором Панцерваффе. Своих ненавистных комиссаров и политруков они перебьют и дезертируют по домам, где их и догонит Вермахт, и наведёт там настоящий немецкий порядок. Русские крестьяне не будут сражаться за Сталина, который едва не уморил их голодом в 30-е годы, отняв у них весь хлеб. Точно так же поступят и советские генералы, которые каждый день дрожат за свои шкуры, опасаясь, что ночью всесильное НКВД арестует их за настоящую или мнимую измену, подобно их предшественникам, которые уже либо расстреляны или отправлены в Сибирь. Поэтому, как только разделаемся на Западе с Францией и Британией, можно перебрасывать войска на Восток под видом учений.

Предложение Шольке о созыве конструкторов и оружейников, чтобы показать и рассказать им про перспективные образцы стрелкового оружия и боевой техники, он подумывал осуществить. Всё-таки, если это правда, и Шольке на самом деле подсмотрел в будущем, какая военная техника показала себя лучше всего, то будет величайшей глупостью не воспользоваться этим.

Что-то ещё важное мелькало в голове, но мысли Гитлера были прерваны деликатным стуком в дверь.

— Что такое? Я же сказал, что занят! — с раздражением крикнул он.

Дверь приоткрылась и в неё заглянула голова Гюнше.

— Простите, мой фюрер, но фройляйн Ева..

— Нет, нет и ещё раз нет!! Я же ясно сказал, что мне сейчас не до неё! Пусть убирается к себе и не отвлекает меня! — вскакивая и начиная ходить по кабинету, закричал фюрер.

— Пожалуйста, мой фюрер! Прошу тебя! — донёсся из-за двери её голос, вперемежку с плачем.

Её рыдания всегда злили Гитлера, вызывая у него желание либо сбежать от неё в такие

минуты или наоборот, выгнать Еву. Вообще, он терпеть не мог женские слёзы, подозревая, что женщины используют это своё оружие, чтобы добиться от мужчин своих целей, зная, что некоторые глупцы размякают и готовы выполнить всё что угодно, дабы прекратить эти потоки слёз. Но с ним, фюрером, этот фокус никогда не проходил и не пройдёт! Он будет твёрд в своих принципах и никогда не поступится ими даже ради Евы. Её частая плаксивость то и дело раздражала его, но девушка, неизвестно почему, каждый раз пробовала разжалобить его таким способом, называя в качестве причины его холодность к ней. Как она не понимает что у любого мужчины, тем более, у фюрера, есть масса очень важных дел помимо женских капризов? Ох уж эти женщины!

— Ева, ещё раз повторяю, я занят! Не смей беспокоить меня! Я приду к тебе когда сам этого захочу, понятно?! — выходя из себя, снова прокричал Гитлер.

В ответ раздались приглушенные рыдания и быстро удаляющийся стук каблучков.

— Гюнше, повторяю, никто не должен беспокоить меня, пока я не разрешу, понятно?

— Да, мой фюрер! Больше этого не повторится! — дверь аккуратно закрылась, и Гитлер снова остался в тишине. Тяжело опустившись в кресло, он попытался сосредоточиться и поймать, наконец, важную мысль, которую хотелось обдумать. Наконец, он понял что именно ускользало от него. Что теперь делать с таким сверхинформированным унтерштурмфюрером? Самое лёгкое и привлекательное решение — засадить его под замок и допрашивать, допрашивать... С другой стороны... А смысл? Ему никто не угрожает, никто не знает что с ним случилось. Если он понадобится ему, то всегда под рукой. Его личное дело уже проверено давным-давно, никаких неясностей или сомнений нет, семья тоже чистая. В высказываниях против фюрера не замечен, герой кампании в Польше, состоит в его личной охране... А вот минус есть. Все охранники СС, несущие службу близ особы фюрера состоят на личном контроле Гиммлера, что неудивительно. Значит, если посадить одного из них под замок, то есть вероятность что рейхсфюрер заинтересуется таким случаем и захочет узнать причину. И даже прямой запрет фюрера тут может не помочь. Гитлер знал случаи когда "верный" Генрих пытался влезть туда куда не следует, даже несмотря на запрет. Конечно, не явно, а в обход, но... Нет, лучше пока всё оставить как есть, а потом посмотрим. В данном случае, перестраховка только навредит.

Решив для себя этот вопрос, Гитлер успокоился и решил уделить немного времени другому своему увлечению, рисованию, и велел Гюнше принести всё необходимое. Про Еву он и не вспомнил.

Берлин.

9 апреля 1940 года.

Гюнтер Хаусманн (Шольке)

Дождь закончился ещё ночью, и утром снова выглянуло солнце, заливая улицы столицы своим ярким светом. Весёлое чириканье воробьёв и других птиц показывало, что весна всё больше и больше забирает себе власть у зимы и устанавливает свои порядки, безжалостно уничтожая последние кучки снега, которые притаились в тенистых местах. Даже на лицах многих прохожих были улыбки, которыми берлинцы обменивались друг с другом, когда встречались на улице.

Гюнтер, одетый в чёрную, парадную форму СС, шёл по улице, наслаждаясь солнечной погодой, собственным хорошим настроением и предвкушением от своих дальнейших планов,

которые он уже давно хотел осуществить. Первый шаг сделан, фюрер заинтересовался и, судя по тому, что Гюнтер не арестован гестапо, он склонен всё же поверить в его информацию. А если так, то в ближайшее время будет новая встреча, на которой он закрепит свои позиции, рассказав про ближайшие события более подробно и представив дельцам военной промышленности свои планы по перевооружению Вермахта, СС и Люфтваффе.

Но сейчас его больше занимали другие мысли, касающиеся лично Гюнтера. Он собирался навестить юную красавицу Лауру, медсестру из клиники Шарите, которая, как он был почти уверен, оказывала ему явные знаки внимания. Сегодня, для такого случая он выпросил увольнительную у своего начальника, гауптштурмфюрера Майера, пообещав принести ему в благодарность бутылку какого-нибудь коньяка. Тот, конечно, намекал что лучше что-нибудь подороже, но Гюнтер, так же, намёками, объяснил, что денег у него не слишком много, а на девушек требуется немало, ведь он не какой-то там тыловик со склада обмундирования, а офицер СС из личной охраны фюрера, и поэтому обязан соответствовать этому высокому званию. Майер впечатлился и согласился отпустить его до утра 10 апреля.

Сначала Гюнтер хотел позвонить в клинику и предупредить заранее о своём приходе, но передумал, решив сделать ей сюрприз и теперь шёл на трамвайную остановку, чтобы сесть в вагон который подвезёт его поближе к клинике. Внезапно он вспомнил, что забыл купить цветы и растерянно остановился, пытаясь найти в поле зрения какую-нибудь цветочную лавку или магазинчик. Увидев на углу то что ему нужно, он направился туда, но вдруг его остановил радостный женский голосок:

— Ой, герр унтерштурмфюрер, это вы? Как ваше здоровье? Вас уже выписали?

Он недоумённо остановился и обернулся, чтобы увидеть смутно знакомую девушку в форме "Союза германских девушек" или иначе "BDM".

— А я думаю, вы это или не вы? Как я рада, что у вас всё хорошо! Я так волновалась за вас и вашего друга! — продолжала болтать незнакомка, смотря на него.

— Простите, фройляйн... Похоже, вы меня знаете, но, несмотря на то что я уверен что где-то вас видел, не могу вспомнить где и когда... — задумчиво проговорил Гюнтер, усиленно пытаясь вспомнить девушку. Узнавание вертелось в голове, но ему никак не удавалось поймать это и оформить в виде слов.

— Ох, это и неудивительно, герр унтерштурмфюрер. В прошлый раз, когда я вас видела, вы были в таком состоянии, что я серьёзно опасалась за вашу жизнь. Вы были весь в крови, я даже удивлена что вижу вас в таком отличном состоянии после этой ужасной аварии.

— Аварии?.. Ну конечно, как я мог вас забыть, фройляйн? — усмехнулся Гюнтер, наконец-то вспомнив девушку. — Это же вы были той красавицей, которая пожертвовала своим платком, чтобы вытереть с меня кровь, верно?

Девушка слегка покраснела.

— Да, это была я. Знаете, я так напугалась, увидев вас тогда в таком виде... это было ужасно. Хорошо, что нам преподают курсы оказания первой медицинской помощи и я не боюсь крови. Иначе, наверное, упала бы в обморок... — она смущённо улыбнулась.

«А она красивая, эта... кстати, я даже не знаю как зовут мою спасительницу, надо это немедленно исправить» — подумал Гюнтер.

— Давайте отбросим этот ненужный официоз? Называйте меня просто Гюнтер. Гюнтер Шольке. А вас как зовут? — обаятельно улыбаясь, спросил он.

— А я разве не представилась? Ой, какая же я рассеянная! Меня зовут Шарлотта Кольбе. Но я люблю когда меня называют просто Лотта. А куда вы идёте? Или просто

гуляете? — с любопытством спросила она.

— Я... Я сейчас иду по делам, скорее всего это отнимет у меня весь день и всю... в общем, сами понимаете, служба! — с трудом вывернулся Гюнтер.

«Проклятье, едва не спалился перед ней. Надо следить за языком и не молоть всё подряд» — выругался про себя он.

— Но я никак не могу отпустить вас без обещания обязательно поужинать со мной в ближайшие дни, Лотта. И это не обсуждается! — строго закончил он.

— Поужинать с вами? — удивлённо открыла рот Лотта. — Но..

— Поверьте, это самое меньшее, что я могу предложить вам, моя спасительница. В конце концов, это мой долг не только как мужчины и офицера СС но и просто благодарного человека, спасённого вами! — с некоторым пафосом, но убедительно произнёс Гюнтер.

— Гюнтер, но я же всего лишь... — начала она.

— Очаровательная Лотта, вы обидите меня до сердечного приступа, если не согласитесь на это маленькое вознаграждение! Я могу принять отказ лишь в том случае, если вы замужем или у вас есть парень. Это так? — требовательно спросил он.

— Что вы, я незамужем... И парня у меня нет... — она снова смутилась и посмотрела в сторону.

— Что ж, тогда не вижу причин не угостить вас в воскресенье каким-нибудь блюдом на ваш выбор в любом ресторане. Договорились, Лотта? — снова улыбаясь, спросил он.

— Хорошо, Гюнтер. Я согласна... Вы умеете убеждать... — она тоже улыбнулась, сверкнув на него слегка кокетливым взглядом. — Вы так ошеломили меня своим предложением, что я не смогла отказаться.

— Конечно, Лотта, я специально повёл на вас наступление, окружил и взял в плен. И теперь вы моя прекрасная пленница, Лотта! — игривым голосом сказал он.

— Ох, будьте милосердны к слабой девушке, Гюнтер! — смеясь, ответила она, приняв его игру.

— Буду смотреть на ваше поведение, Лотта! — продолжил игру он. — Кстати, у вас дома есть телефон? Если есть, дайте ваш номер, мы созвонимся в субботу или воскресенье.

— Хорошо, записывайте..

Он записал её телефон на листке из блокнота, который, вместе с карандашом, всегда лежал у него в кармане кителя.

— Что ж, моя спасительница, мне пора идти по делам, хотя я с удовольствием ещё с вами пообщался... Увы, служба! — с грустью развёл руками, но внутри очень довольный Гюнтер.

— Понимаю, Гюнтер. Тогда до воскресенья?

— Да, я обязательно вам позвоню..

— Лотта, вот ты где? С кем это ты разговариваешь? — внезапно к ним подошла ещё одна девушка, тоже в форме ВДМ.

— Наконец-то, Труди, ты одевалась почти полчаса, я уже устала тебя ждать! — повернулась к ней Лотта. — Познакомьтесь, герр унтерштурмфюрер, это моя подруга Гертруда Вебер. Но не смотрите на её фамилию, она не ткачиха... А это мой... знакомый, унтерштурмфюрер Гюнтер Шольке... — представила она их друг другу. Причём, эта заминка с определением его статуса не прошло незамеченным ни для него ни для подруги. Та, слегка прищурившись, взгляделась в Лотту и еле слышно хмыкнула, потом оценивающе оглядела его и улыбнувшись, ответила:

— Мне очень приятно познакомиться с вами, герр Шольке! Я не знала, что у моей подруги есть такие... знакомые. — Она тоже сделала заминку, из-за чего Лотта снова покраснела.

— Теперь есть, фройляйн. Дамы, прошу простить, мне нужно идти. До свидания, Лотта! — слегка склонив голову и щёлкнув каблуками начищенных сапог, Гюнтер развернулся и направился в сторону цветочного магазина.

— До свидания, герр унтерштурмфюрер! — хором донеслось до него. Он даже услышал, что эта Гертруда со смешком сказала подруге:

— А теперь, дорогая, рассказывай всё про этого Гюнтера! Мне так интересно..

— Не дождётся, дорогая Труди! Я не рассказываю про своих знакомых даже подругам. И хватит стоять и пялиться ему в спину, нам нужно идти, забыла?

— Сейчас, ещё немного полюбуюсь на него... Он такой красавчик в этой форме... Эй, осторожнее! Чуть руку мне не вывернула!

— Будешь стоять и дальше, я одна уйду!

— Ох, ну иду я... И всё же расскажи..

Голоса девушек затихли как раз в тот момент когда он зашёл в лавку и после непродолжительного раздумья решил купить букет красных роз. Гюнтер не был большим знатоком и выбрал букет по совету продавщицы, когда рассказал ей про предстоящее свидание. Красные розы, по её словам, обозначают страсть, желание... Именно эти чувства и преобладали сейчас в нём.

Выйдя из магазина и сев в нужный трамвай, Гюнтер задумался. Кое-что царапнуло в мозгу и он, наконец, понял что его немного смущало, хотя и радовало, одновременно. Его притягательность у женщин! Да, он и в своём мире был не урод, и дамы не обходили его своим вниманием. Здесь, его внешность тоже была на высоте, но ему казалось, что почти все встречные девушки и женщины с интересом смотрят на него. Вот такого раньше, в своём мире, точно не было. Возможно, потому что здесь его внешность лучше чем раньше было? Либо дело в красивой, чёрной форме офицера СС? В статусе элитного подразделения или звании? Или это тоже какой-то подарок от неизвестно кого при переносе, как, например, повышенная регенерация? Снова куча вопросов и нет того кто мог бы рассказать и объяснить ситуацию. Нет, он не жаловался и был вполне доволен этим, просто хотелось бы узнать причину. Сначала это подействовало на Лауру, потом на Еву, теперь на Лотту... Интересно, что будет дальше?

Тем временем трамвай доехал до ближайшей остановки к клинике, и Гюнтер отбросил лишние мысли. Сойдя с него и совершив небольшую прогулку пешком, он зашёл в ворота небольшого парка и прошагал к дверям, минуя сидящих на лавочках и греющихся под ласковым солнцем больных и персонал. Спросил на регистратуре, где может находиться в данный момент медсестра Лаура Блюм и упругой походкой целеустремлённого человека направился в один из корпусов.

Он увидел её со спины, когда она задом выходила из палаты совсем рядом с ним. Опасаясь, что Лаура как-то увидит его рядом с собой или почувствует, он одним прыжком подскочил к ней и крепко обнял, при этом зверски зарывав прямо в ухо. Результат своих действий его ошеломил. Пронзительный визг раздался, похоже, на весь корпус, и она, отчаянно дёрнувшись в его руках, обмякла, потеряв сознание.

«Проклятье, вот это сюрприз так сюрприз... Ну, молодец, нечего сказать, напугал бедную девочку до обморока и что теперь делать?» — растерянно думал Гюнтер, по-

прежнему держа хрупкое тело в своих объятиях. Надо сказать, очень приятное ощущение, которое лишь усиливалось тем что от неё исходил лёгкий аромат духов, щекотавший его нос.

На шум начали выглядывать из палат некоторые пациенты, а через минуту прибежала ещё одна медсестра, на возраст лет 40. Она строгим голосом загнала больных в палаты и подошла к нему.

— Что здесь происходит, герр унтерштурмфюрер? Кто вы и что здесь делаете?

Гюнтер попытался выпрямиться и принять более достойный вид, но держа на руках девушку это было довольно трудно сделать, не ложить же её на пол..

— Я — унтерштурмфюрер Гюнтер Шольке. Пришёл навестить свою знакомую медсестру, которая ухаживала за мной несколько дней назад, когда я был здесь вашим гостем после автоаварии. Попытался сделать Лауре сюрприз, но не рассчитал... Прошу извинить. — отчитался он, сделав невозмутимый вид.

— Меня зовут Бригитта Кох. Я старшая медсестра. Что именно вы сделали с ней? — строго спросила она.

— Слегка напугал, подойдя сзади.

— Это было очень глупо, герр Шольке. Фройляйн Лаура очень пуглива и застенчива. Нельзя её так пугать. На прошлой неделе она едва не упала в обморок от трупика дохлой мыши на заднем дворе... — она внимательно осмотрела девушку и вынесла вердикт. — Всего лишь обморок, я сейчас принесу нашатырь.

Уже через пару минут Лаура снова вздрогнула и открыла глаза. Непонимающе огляделась и сначала заметила старшую медсестру.

— Фрау Кох? Что случилось? И... почему я лежу? О, Гюнтер!! Извините, я хотела сказать, герр унтерштурмфюрер... А что вы здесь делаете? Вы заболели или что? — она засыпала его вопросами, с радостным удивлением смотря на Гюнтера.

— А что вы помните, Лаура? — спросила её фрау Кох.

— Кажется, меня схватил какой-то крупный зверь... Он так рычал мне в ухо что я... Похоже, потеряла сознание... — она непонимающе осмотрелась. — А где это животное? Оно убежало?

Дружный смех Гюнтера и её начальницы заставил Лауру с удивлением посмотреть на них, переводя взгляд туда-сюда.

— Лаура, этим грубым животным оказался ваш знакомый, унтерштурмфюрер Шольке. Он напугал вас, подойдя сзади и зарывав... — голос фрау Кох был спокойным, но в глазах плясали смешинки. — Я уже сказала ему что такое ребячество недостойно офицера СС. Уверена, он так больше не сделает с вами. Верно, герр Шольке? — она требовательно посмотрела на него.

— Обещаю вам, фрау Кох. Этого больше не повторится! — твёрдо заверил Гюнтер. — И в качестве своего глубокого раскаяния я готов сейчас же загладить свою вину, забрав вашу подчинённую на весь день, чтобы извиниться перед ней и вернуть её расположение.

— Что? — похоже, предложение Гюнтера таким образом извиниться, застало обеих дам врасплох.

Впрочем, фрау Кох быстрее вернула себе самообладание, и пока Лаура растерянно смотрела на него, она спросила:

— Куда это вы хотите её забрать, герр Шольке? Она на работе и я не могу её отпустить прямо сейчас.

— О, у меня обширная программа извинений: ресторан, прогулки, покупки... Словом,

обещаю, наша Лаура скучать не будет и завтра я верну её вам весёлой, радостной и счастливой! — с воодушевлением сказал он. — А насчёт работы... Фрау Кох! — он проникновенно посмотрел ей прямо в глаза, призывая на помощь всё своё обаяние. — Мне очень нравится эта хрупкая девушка! Сегодня я совершил большую глупость и хочу как можно быстрее исправить её. Мне сегодня дали увольнительную всего на один день и я не знаю когда в следующий раз смогу увидеть нашу малышку... Войдите в наше положение! Вы же сама женщина, представьте себя на её месте, подумайте, как бы ей хотелось хоть на один день вырваться из плена запаха лекарств, уборки помещений и ухода за пациентами. Неужели без неё тут никак не обойтись один день? Сегодня такая прекрасная погода, солнце светит, птички поют, так романтично... — заливался он соловьём.

Женщина, похоже, заколебалась.

— Герр Шольке! По правилам этого не положено... но на этот раз я сделаю исключение, так как вы действительно провинились перед бедной девочкой... Лаура, иди переодевайся, а герр Шольке подождёт тебя на входе! Но этот выходной ты должна будешь отработать, поняла? — обратилась она к покрасневшей от радости медсестре.

— Спасибо, фрау Кох! Я обязательно отработаю, даже не сомневайтесь! — она стремительно повернулась и с улыбкой на лице убежала по коридору.

Тут Гюнтер вспомнил про букет, который так и лежал рядом с ними на полу. Он выбрал из него одну из роз, очистил её от колючек и протянул Бригитте.

— Это вам, фрау Кох! В благодарность за понимание. Я рад что у Лауры такая человечная начальница... которая, к тому же не уступает своей подчинённой в красоте — ввернул он комплимент.

— Спасибо, герр Шольке! — она взяла розу, вдохнула её аромат и прикрыла глаза от удовольствия. — Вы знаете, что опасны для нас, женщин? Да-да, так и есть! — ответила она в ответ на его удивлённый взгляд. — Вы заставляете нас идти вам навстречу, даже в ущерб себе. Я ведь вовсе не собиралась отпускать Лауру с вами, но... почему-то передумала. Сама удивляюсь... У меня к вам просьба, герр Шольке! — она внимательно посмотрела на него.

— Какая же? Если это в моих силах, я обязательно её выполню! — заверил Гюнтер.

— О, она зависит исключительно от вас. Я прошу вас только об одном... Не обижайте Лауру! Она ещё так молода, так наивна! Она как хрупкий цветок, который может растоптать любой и даже не заметить этого... Я чувствую, что вы неплохой человек и не хотите причинить вред Лауре. Возможно, поэтому я и согласилась... — уже тише сказала она.

Гюнтер приложил руку к груди.

— Ответственно заверяю вас, что никак и никогда не собираюсь обижать или причинить вред Лауре! Наоборот, я возьму её под свою защиту и любой, кто попытается обидеть нашу девочку, будет иметь дело со мной. И будьте уверены, я сделаю всё, чтобы тот наглец, который захочет огорчить её, сильно пожалел об этом!

Его страстный, проникновенный тон, видимо, окончательно убедил женщину.

— Я вам верю, герр Шольке! А теперь мне пора работать. Ваша Лаура, думаю, скоро подойдёт к регистратуре, ждите её там. До свидания, герр Шольке!

— До свидания, фрау Кох! И ещё раз спасибо! — с улыбкой сказал он.

Берлин. Клиника Шарите.
Гюнтер Шольке

Гюнтер нетерпеливо прохаживался возле стойки регистратуры уже почти двадцать минут. Лаура почему-то задерживалась. Хотя опыт прошлой жизни говорил, что если женщина обещала быть готовой через пять-десять минут, то смело рассчитывай на полчаса-час. Видимо, этот случай как раз про неё. Роскошный букет с розами он, чтобы не держать в руках и сделать ей сюрприз, спрятал за стойкой, в результате чего, дежурная медсестра на регистратуре изнывала от любопытства, пытаясь угадать ту, для которой принёс эту прелесть такой красивый, молодой офицер. Гюнтер сразу определил эту особу как любительницу почесать языком обо всех и обо всём, и не сомневался, что уже завтра вся клиника будет знать, что Лаура пошла с ним на свидание. Самому ему это было не важно, но как помочь Лауре и не дать болтушке разнести эту новость, не прибегая к вырыванию языка, он не знал.

Наконец, послышался дробный перестук каблуков и в холл влетела запыхавшаяся Лаура. Под расстёгнутым, уже знакомом ему пальто, было красивое белое платье чуть ниже колен, разукрашенное цветами. На голове кокетливо сидел пушистый берет, а в руке она сжимала небольшую сумочку. Гюнтер не был знатоком в косметике, но ему показалось, что губы девушки стали ярче чем раньше и причёска слегка изменилась.

Вид взволнованной, радостной, пышущей молодостью и красотой девушки восхитил Гюнтера. Он порывисто вскочил с небольшого диванчика, на котором сидел и, улыбаясь, подошёл к ней.

— Моя дорогая Лаура! Когда раньше я сказал что ты очаровательная, я слегка соврал..

Лаура ошеломлённо посмотрела на него, её улыбка начала увядать.

— ...на самом деле ты настолько красивая и восхитительно выглядишь, что ни одна модель в мире не сравнится с тобой! Ты просто чудо! — закончил фразу Гюнтер.

— Ой, спасибо, Гюнтер! Мне очень приятно, что тебе нравится! — она мило покраснела и потупила глаза. — Я не слишком долго?

— В самый раз, Лаура. Должен признать, что ожидание с лихвой окупилось той красотой, которую я вижу перед собой. Кстати, у меня для тебя небольшой подарок. Хочешь узнать какой? — с заговорщицким видом подмигнул Гюнтер.

— Конечно! А где он? — она с любопытством осмотрелась вокруг.

— Закрой глаза и не подглядывай, поняла? — спросил он.

— Хорошо! — Она закрыла свои глазки и словно превратилась в неподвижную статую, чутко прислушиваясь и пытаясь понять, что он хочет ей подарить.

Гюнтер тихо подошёл к стойке и сделал знак дежурной, которая с любопытством и некоторой завистью наблюдала за этой сценой. Та вытащила из-за стойки букет и передала ему. Он взял его в руки и подошёл к Лауре поближе но не вплотную, чтобы та не почувствовала аромат роз. Улыбаясь, он сказал:

— Теперь открывай!

Лаура открыла глаза и округлила их, неверяще уставившись на роскошный букет.

— Это... мне??

— Ну конечно тебе! Кому же ещё? — усмехнувшись, ответил он.

Лаура словно остолбенела, продолжая смотреть то на букет, то на него. Её расширившиеся глаза внезапно повлажнели, и она порывисто кинулась к нему на шею, пытаясь поцеловать. Гюнтер видел что она хочет поцеловать его в щеку, но он решил иначе и, повернув голову, встретил её губы своими. Впившись в них, он почувствовал такое удовольствие что не нашёл в себе силы быстро оторваться от своего чуда. Удивлённо пискнув, Лаура сделала слабую попытку вырваться но тут же сдалась и, забыв обо всём, покорилась его желанию, забросив свои ручки ему на шею. Аромат её духов дурманил голову, а желание, волной поднимавшееся снизу, заставляло его ещё крепче сжимать девушку в объятиях. Берет свалился с её головы, но она этого даже не заметила. В себя их привели шипы роз, больно вонзившихся в обоих и восхищённое аханье дежурной, во все глаза смотревшей на них.

Смущённо отстранившись, Лаура мельком кинула взгляд на дежурную и густо покраснела.

— Прости, Гюнтер... я не хотела..

— Не за что извиняться, моя милая Лаура! Мы оба этого хотели и нам не за что извиняться! И мне очень понравилась твоя реакция на цветы... — улыбаясь во весь рот, весело ответил Гюнтер.

— Гюнтер, огромное тебе спасибо за цветы! Просто... просто мне ещё никто и никогда не дарил такой красивый букет. Ты такой... хороший, красивый, добрый! Я даже не знаю что ещё сказать... — она снова замолчала, опустив взгляд и только сейчас увидев лежащий на полу берет, быстро подняла его.

— А больше и не надо, ты уже сказала мне какой я на самом деле. Теперь идём! — сказал Гюнтер и подставил локоть. Но она, снова посмотрев на дежурную, внезапно схватилась за сумочку. Он успел заметить, как та пытается незаметно для него привлечь внимание Лауры, прикоснувшись к своим губам. Между тем, девушка, быстро открыв сумочку, выхватила оттуда маленькое зеркальце, помаду и буквально за минуту снова подкрасила свои губки, при взгляде на которые, Гюнтер едва сдержался, чтобы снова не накинуться на них.

— Вот теперь идём! — с удовлетворением ответила девушка и взяв его под локоть, пошла вместе с ним к дверям.

Весь день Гюнтер гулял с Лаурой по городу, изумлённо прислушиваясь к самому себе. За всю свою прошлую жизнь он не встречал такую милую, весёлую, простодушную девушку, которая могла радоваться самым простым вещам, находить в них какое-то таинственное очарование, заставляющее её замирать на месте и любоваться ими. Пара голубей на уличной афише, дерево, причудливо проросшее сквозь прутья уличной ограды, спящая собака возле одного из домов... Всё это привлекало её внимание, она улыбалась, звала его полюбоваться вместе с ней, её радостный смех разносился вокруг, заставляя встречных прохожих улыбаться в ответ, и всё больше вызывая у Гюнтера желание схватить эту малышку и никому не отдавать.

«Моя! Только моя! Никому не отдам её! Убью любого, сам сдохну, но она будет только моей!» — такие непривычные мысли в голове Гюнтера сильно удивили его, ведь, несмотря на богатый опыт отношений с женщинами в своём мире, он никогда раньше не испытывал такого желания единолично обладать какой-то одной женщиной. Там ему было всё равно сколько партнёров было у его очередной подружки до него и сколько будет после.

Встретились, горизонтально пообщались, разбежались без всяких претензий. Ну, или в случае постоянной подруги, с которой он мог встречаться месяцами, Гюнтер также не заморачивался вопросом верности своей дамы, главное, чтобы она не подхватила какую-нибудь болячку, которую случайно могла передать ему. В основном, именно поэтому он часто предпочитал знакомиться с замужними, те намного более осторожны в этом смысле, чистые, и не намекают на женитьбу, а с их мужьями, в случае раскрытия адюльтера, он мог справиться благодаря своей силе и опыту драк.

Заданный, абсолютно случайно, вопрос о том умеет ли она готовить, вызвал у Лауры натуральный шок. Она даже рот открыла от удивления. И потом снова звонко рассмеялась:

— Гюнтер, ты такой глупый вопрос спросил... Или это шутка?

— А что такого? — не понял он.

— Ну конечно умею! Что я, какая-то безрукая дурочка? Меня мама научила готовить ещё в 12 лет. И вообще, любая порядочная девушка должна уметь готовить, иначе как она собирается кормить своего будущего мужа? Вот представь, ты приходишь с работы или со службы голодный, а жена говорит, что еды нет или ничего не готово? Что ты почувствуешь?

— Нуу... наверное, злой буду... пойду в ресторан ужинать. — подумав, ответил Гюнтер.

— Так никаких денег не хватит, чтобы по ресторанам питаться. Нет, если такое случилось, значит, жена — плохая хозяйка! А ты ошибся, женившись на ней! Не умеют готовить только всякие белоручки, которые весь день спят или модные журналы разглядывают, или жёны богатых людей, но там для этого кухарки или служанки есть. А я не такая! Мой муж всегда будет сытно накормлен, прилично одет и не пойдёт к другой женщине из-за того что голоден или одеть нечего! — гордо высказалась Лаура.

— Хм... а если, например, она тоже работает? Или служит? — задал каверзный, на его взгляд, вопрос, Гюнтер.

— Ну и что? Пришла, умылась и готовишь, если продукты есть. Если их нет, беги в магазин или на рынок. Главное, чтобы денег хватало, но это уже от мужа зависит. Я же говорю, любая порядочная девушка должна уметь готовить. Это её обязанность как жены.

— А если она скажет что устала, и захочет чтобы муж готовил? — не успокаивался Гюнтер.

— Гони такую от себя подальше, Гюнтер! Не нужна она тебе! Лентяйка и белоручка! А из таких никогда хороших жён не бывает! — убеждённо ответила Лаура. — Я мужа даже на кухню пускать буду только чтобы поесть. А во всём остальном, я там хозяйка. Меня правильно воспитали и мне будет стыдно если мой муж будет вместо меня готовить и убираться. Он должен зарабатывать деньги и защищать семью, а жена обязана хранить дом, вести хозяйство и воспитывать детей. Так было, есть и будет всегда! — уверенно произнесла девушка.

— А что это ты спросил про мою готовку? — хитро улыбнувшись, спросила она.

— Да так, что-то пообедать захотелось... Вон там кафе уютное есть, пошли подкрепимся! — перевёл тему Гюнтер и повёл Лауру к нему.

Через несколько минут они уже сидели в кафе. И пока Лаура выбирала в меню, что есть в ассортименте заведения, Гюнтер задумался.

«Даа, отношение женщин к своим женским обязанностям из моего времени и нынешнего совершенно противоположно... Подумать только, пройдёт всего лет пятьдесят и вся эта милая патриархальность начнёт размываться, разрушаться, заменяться чем-то другим... Знала бы Лаура во что превратятся будущие немецкие женщины, что бы сказала?»

Думаю, презирала бы их... Да и нас, мужчин, за то что допустили такое. Вот и ещё одна причина для меня, чтобы сохранить у нас в Германии вековые традиции и порядки. Это ведь всё из Америки пришло. Я хочу, чтобы в этом плане у нас всё осталось как сейчас, мужчины были мужчинами, а женщины женщинами. И сделаю для этого всё!»

Накатили воспоминания. Крикливая жена одного из его друзей, визжит, что она не служанка, чтобы готовить ему, пусть сам готовит или спит голодным... Другая жена ещё одного товарища... молодая девчонка целыми днями сидит в телефоне или листает «Космополитен».. на просьбу мужа приготовить что-то, лениво отвечает — «Отвали!» не отрываясь от журнала..

Гюнтер произвольно сжал кулаки.

«Как говорил Алекс — А вот хрен вам по матушке!» У меня есть возможность не допустить этого, или хотя бы замедлить это вредное влияние... И я это сделаю!!!»

— ...Гюнтер! С тобой всё в порядке? — внезапно ворвался в его голову встревоженный голос Лауры.

— Что? — непонимающе посмотрел на неё Гюнтер. Лаура была встревожена, её глаза в упор смотрели на него, отчаянно пытаюсь как-то помочь но не зная как.

— Ты уже несколько минут сидишь как статуя и не слышишь меня. Тебе плохо?

— Нет, Лаура, не беспокойся, со мной всё нормально. Просто я вспомнил кое-что... некоторые подробности боёв в Польше, в которых я участвовал... — вовремя сориентировался он.

— Ой, прости... Думаю, не очень приятные воспоминания, верно? Извини меня, пожалуйста!

— Ничего, Лаура, ты не виновата. Так, что тут у нас в тарелке?...

После вкусного и сытного обеда они вновь гуляли по городу обнявшись, сидели на лавочках, разговаривали, Лаура вспомнила как его друг связал её и сбежал из клиники. Гюнтера охватили противоречивые чувства, с одной стороны он восхитился находчивостью русского, с другой разозлился, представив, как Алекс хватает и связывает Лауру. Наверно, успел там её полапать, зараза... Ничего, если они снова встретятся, Гюнтер возобновит знакомство своего кулака с его лицом. Потом Лаура кормила голубей кусочками булочки, полюбовались в который раз на Бранденбургские ворота, посетили зверей в зоопарке..

Наступал вечер. Солнце почти опустилось, и город погружался в сумерки, которые незаметно всё больше захватывали его.

Уставшие, но полные впечатлений, они остановились у дома, в котором снимал квартиру Гюнтер. Несмотря на то что в Берлине у него была семья, он предпочитал жить отдельно, чтобы иметь определённую свободу. Привести друзей из подразделения или же девушку, с которой он хотел провести некоторое время... Такая квартира как раз отвечала этим целям. Хозяйка, у которой он снимал её, брала недорого, видимо, из уважения фронтовику, к тому же офицеру СС. Жильё располагалось на втором этаже, и было, по своему, уютным, тихим и тёплым. А что ещё требовалось неприхотливому военному, который появлялся тут эпизодически, часто ночуя в казарме? Причём, Гюнтер привёл Лауру к своему дому неосознанно и опомнился, только, когда остановился перед дверьми. Хмыкнув, удивился своему подсознанию, которое уже всё за него решило, и уверенно открыл дверь, пропустив девушку вперёд. Поднявшись по витой лестнице, они остановились перед деревянной дверью, на которой была маленькая табличка «Гюнтер Шольке». Он сам приделал её несколько недель назад, так как пару раз друзья, не отличив дверь его квартиры

от других таких же по соседству, ошибались и стучали не туда. Открыв её, он снова пропустил Лауру вперёд и зашёл следом. Девушка, по-прежнему держа в руках букет, прошла в прихожую и с любопытством начала осматриваться:

— Очень милая квартира, Гюнтер. Мне нравится. Можно посмотреть другие комнаты?

— Конечно, моя Лаура. Будь как дома.

От ощущения того что Лаура находится в его доме и они наедине, у него приятно грело в груди, а от смелых мыслей в голове захватывало дух и заставляло чувствовать сухость во рту.

«Проклятье, веду себя как школьник! Соберись же! Ты уже давно не мальчик, а она не первая твоя девчонка! Интересно, а я у неё первый?» — этот вопрос вдруг чрезвычайно заинтересовал его. Нет, он бы не был в ярости, узнав, что она уже не девственница, но почему-то захотелось именно с ней быть первым. Он слышал, что у любой девушки самый первый мужчина в её жизни всегда остаётся в памяти, несмотря на то сколько потом у неё будет мужчин. Правда это или нет?

Тем временем девушка уже успела обойти небольшую квартиру и подошла к нему.

— Здесь очень уютно, Гюнтер. Почему-то на самом деле чувствуешь себя здесь как дома... В первый раз у меня такое ощущение... — с удивлением констатировала она. — Ты ведь здесь один живёшь? — со скрытым смыслом спросила Лаура.

— Да, здесь типичная квартира холостяка, потому и не убрано кое-где... — развёл руками Гюнтер.

— Ничего страшного, это понятно, следов женщины я здесь не вижу. А кто здесь убирается или готовит? Неужели ты сам? — снова спросила она с неявной тревогой.

— Нет, у хозяйки дома есть служанка, она каждый день приходит и делает это, за отдельную плату.

Лаура задумчиво кивнула и поколебавшись, спросила, словно прыгнув с обрыва:

— Гюнтер, ты не против если я тут немного наведу порядок? Совсем чуть-чуть? — она просительно посмотрела на него. В глазах стояло напряжение, и даже толика страха.

Он удивился, и не понимая её тревоги, ответил:

— Если ты не устала..

— Нисколько! — горячо заверила она.

— Хорошо, если сама этого хочешь. — Гюнтера удивило это внезапное желание навести порядок в его квартире, он никак не мог понять причины этого, а она, несомненно, была. Спросить в лоб? Может не ответить, или придумает что-то... Странно.

— Тогда я пока пойду в душ... — определился он.

— Хорошо, Гюнтер! Я быстро управлюсь! — радостно ответила она, и скинув пальто, убежала в гостиную.

В ванной Гюнтер задержался, вопреки обыкновению, больше чем на полчаса. Виной этому было то что, проведя рукой по подбородку после душа, он почувствовал лёгкую неприятную щетину, хотя утром нормально побрился. Представив как будет девушке щекотно когда он её станет целовать, Гюнтер решил заодно и побриться. Сделать это пусть и, якобы, безопасной бритвой, было не так уж и просто, особенно если привык пользоваться современными станками «Браун» или «Жиллетт». В результате, когда он вышел из ванной, его удивил ароматный запах жареных колбасок, купленных им ещё вчера. Мясной дух, исходящий из натуральных продуктов без всякой химии, заставил его нос резко принюхаться, а желудок, давно переваривший обед в кафе, радостно забурчать, посылая

мозгу настойчивые сигналы о том, что его желания должны быть в приоритете, несмотря ни на какие другие планы. Проходя через гостиную, он увидел, что некоторые вещи, в беспорядке лежащие на столе и диване, разложены на полках и подоконнике, пол чисто подметён, пыль протёрта. Удивлённо покачав головой он, наконец, зашёл на кухню и тут же изумлённо замер.

На столе красовалась еда. Причём, её было много и к тому же, разнообразная. Но самое главное, что ввело его в ступор, было ясное знание того что этой еды у него НЕ БЫЛО! И он не покупал её когда они шли сюда. Вопрос: как она здесь появилась?? Сама Лаура, в надетом фартуке (кстати, откуда у неё фартук?) обнаружилась у плиты, как раз снимая со сковородки шкворчащие колбаски. Только Гюнтер открыл рот, чтобы спросить про таинственно появившиеся в его квартире еду и фартук, она его опередила:

— Ты как раз вовремя, Гюнтер. Садись за стол, сейчас будем ужинать.

Разумно послушавшись желудка, которому было абсолютно наплевать, как именно еда появилась в доме, он закрыл рот и сел на стул, обзрев голодным взглядом содержимое стола. А тут были: уже упомянутые баварские колбаски с каким-то соусом, несколько салатов, зелень, хлеб, запечённая курица с поджаристой корочкой, и венчало всё это кулинарное изобилие бутылка французского красного вина.

— Бери что хочешь, Гюнтер. Я же вижу что ты голодный... — она улыбнулась, глядя каким взглядом он смотрит на стол.

— Ты тоже садись, Лаура. И... большое тебе спасибо! Я не знаю, откуда ты всё это взяла, но моя благодарность к тебе за это просто огромна! — с чувством произнёс он.

— Ты же ещё не пробовал, а уже хвалишь? — рассмеялась она, снимая фартук и тоже садясь за стол.

— Уверен, что всё очень вкусно... И сейчас я в этом точно удостоверюсь! Приятного аппетита! — сказал Гюнтер и накиннулся на еду.

В течении следующего получаса он не мог разговаривать, т. к. рот был занят едой. Впрочем, Лаура ненадолго от него отставала. Прогулки целый день на свежем воздухе, несмотря на лёгкий перекус в кафе, разбудили в них зверский аппетит. Результат закономерен: к концу ужина от колбасок ничего не осталось, курица лишилась грудки, бёдер и голеней, остатки салатов занимали меньше половины тарелок, а бутылка вина опустела на три четверти.

Сытый и довольный Гюнтер отодвинул пустую тарелку и со вздохом откинулся на спинку стула.

— Моя милая Лаура! Ответственно заявляю и торжественно клянусь — такого вкусного ужина я ещё ни разу не пробовал! Всё было превосходно! Наверное, если бы смог, то доел бы всё что осталось... но больше не могу! — он с показной грустью тяжело вздохнул.

Его организм был полностью доволен и пребывал в статусе — «Пусть она просит что хочет», а мозг в тему вспомнил русскую поговорку, одну из тех которые он узнал от Алекса: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок!». Что ж, признал Гюнтер, эта поговорка явно имеет смысл, его желудок сдался ей полностью и радостно капитулировал.

Лаура сидела и, улыбаясь, смотрела на него, подперев подбородок рукой. Её глаза сияли, то ли от вина, то ли ещё от чего.

— Спасибо тебе, Гюнтер. Ты не представляешь, как приятно девушке смотреть, когда её... когда мужчина с аппетитом поглощает пищу сделанную её руками и потом благодарит за это!

— Думаю, ты была отличной ученицей своей мамы. Передай ей от меня огромную благодарность! Твой ужин был бесподобен, снова это повторю... — Гюнтер не врал, питание в казарме было простым и сытным, но вовсе не таким вкусным. Дома он бывал редко, да и мать не любила особо изощряться в приготовлении пищи, предпочитая готовить то что нравится всей семье, а не только ему. Сам же он, когда приходил на квартиру, питался тоже по-простому. Поэтому сегодняшний ужин, приготовленный заботливыми руками Лауры, надолго ему запомнится.

— Кстати, как раз хочу спросить, откуда всё это великолепие взялось? У меня такого точно не было... — с любопытством поинтересовался Гюнтер.

— Да, я это заметила! — она весело рассмеялась. — Всё, кроме колбасок, я купила у твоей хозяйки, пока ты был в душе. — призналась она, скромно потупив глазки.

— Что? — удивлённо уставился на неё Гюнтер. — Подожди, но это же стоит кучу денег?

— На самом деле не так уж много. А деньги у меня были, я же не просто так утром сильно задержалась в клинике. Как раз зарплату выдавали, вот и я получила. А когда увидела, как ты питаешься, решила помочь тебе. — Лаура стеснительно улыбнулась.

«А заодно показала какая она хорошая хозяйка!» — осенило его. Теперь, наконец, он понял, почему она напросилась на уборку и устроила ему такой ужин. «Вот хитрая девчонка!» — восхитился он. Впрочем, Гюнтер не сердился на неё, ведь она это сделала ради него, да и общее, благодушное настроение мешало любому негативу.

Внезапно его буквально пронзила мысль.

— Проклятье! Наш ужин, наверное, обошёлся тебе в круглую сумму? Сколько ты потратила? — он полез в карман за бумажником.

— Не надо, Гюнтер! — она вскочила и схватила его за руку, не давая вытащить деньги. — Это просто мой маленький подарок тебе! А подарки не возвращают! Поверь, мне хватит денег! Честно! — Лаура насильно засунула его бумажник ему обратно в карман. Гюнтер ошеломлённо смотрел на неё, не веря своим ушам.

«Подумать только, какая невероятная девушка! Ни разу в жизни таких не встречал... Нет, если я её отпущу, никогда себе не прощу! Боже, или кто там это сделал... Спасибо тебе, что перенёс меня сюда и познакомил с Лаурой!» — мысленно поблагодарил Гюнтер.

Лаура, убедившись, что он не собирается снова вынимать деньги, встала, и начала относить пустую посуду в раковину. Он сидел и молча смотрел на неё, чувствуя что его всё больше тянет к ней, охватывает вожделение... Её стройная фигурка, обтянутая платьем, голос, запах возбуждали его, заставляя мысли сворачивать на одну определённую цель. Не выдержав, он встал из-за стола и подойдя к ней сзади, крепко обнял. Почувствовав, как она слегка вздрогнула, он легонько дунул ей в ушко, заставив её хихикнуть и наклонить голову.

— Гюнтер, что ты делаешь? Мне щекотно..

Стоя сзади и вдыхая запах Лауры, Гюнтер чувствовал как нежность и желание овладевают им, вытесняя усталость и сомнения. Он чувствовал, что внизу его член тоже встрепенулся и, несмотря на плотную ткань форменных брюк, с готовностью прижался к попке девушки.

Лаура снова вздрогнула и замерла, положив недомытую тарелку обратно в раковину. Она закрыла глаза и словно обмякла, слегка навалившись на него. Хмелея от вина и возбуждения, Гюнтер начал поднимать левую руку к её груди, осторожно сжимая мягкую округлость прямо через платье. Правая рука, наоборот, отправилась вниз, оглаживая

восхитительные округлости зада. Его губы, закончив дразнить ушко, начали целовать шею, нос с жадностью вдыхал лёгкий аромат духов, усиливая желание.

Девушка учащённо задышала, одна рука поползла вниз, другая схватила руку Гюнтера на своей груди, но не отталкивала её.

— Гюнтер, милый... Не надо, пожалуйста... — её шёпот был едва слышен.

— Ты слишком красива, Лаура, чтобы я мог сдержаться... Я ещё не встречал такой как ты, моя милая, ты сводишь меня с ума... твой запах, голос... они бесподобны... — в исступлении шептал он, всё больше теряя остатки благоразумия.

Внутренний огонь пылал внутри, сжигая его и заставляя идти на безумства. Отбросив последние колебания, он пошёл в наступление. Рука на груди начала уверенно расстёгивать пуговицы на платье, а правая задрала подол сзади, прикоснувшись к тёплой, нежной коже бёдер. Это движение вызвало у девушки тихий стон. Гюнтер, наконец, пробрался рукой к её голой груди, отогнув лифчик, и слегка сжал пальцами горошину соска. Вторая рука, тем временем, проникла в трусики и, не встречая сопротивления, очутилась между ног у Лауры, где тут же обнаружила что степень возбуждения девушки поднялась до того состояния когда трусики намокают соками удовольствия. Это открытие приятно удивило его, поскольку показало, что она уже давно была возбуждена и с трудом сдерживалась. Его ласки, видимо, окончательно раскрепостили девушку, и она потеряла контроль над собой. Лаура громко застонала и обернувшись к нему лицом, страстно впиалась ему в губы. Её руки начали судорожно расстёгивать его китель, борясь с непослушными пуговицами, а тело вплотную прижалось к нему. Такая инициатива ещё больше подстегнула его, и уже он сам яростно набросился на неё. Треснула ткань платья на груди, лопнула ляжка лифчика под его резким, нетерпеливым движением, когда он освобождал её груди из плена нижнего белья. Рука жадно обхватила её грудь, дыханиехватило от непередаваемого ощущения нежной, мягкой, женской плоти, а внизу, второй рукой он уже сдирал с её покорного тела широкие шёлковые трусы. Его китель уже был ею расстёгнут и сброшен на пол, и она теперь взялась за брюки. Член стоял как обитый железом таран, в полной готовности ринуться на штурм последней преграды, как только его освободят нежные женские ручки.

— Не здесь, прошу тебя... Пойдём в спальню... — с трудом проговорила Лаура, неохотно отстранившись от его губ.

Быстро подхватив девушку на руки и натыкаясь на стены, он понёс её в сторону спальни, продолжая на ходу целовать. Губы Лауры были настолько сладкие и мягкие что он ни за что не хотел от них отрываться, впрочем, и девушка, похоже, хотела того же. Их языки продолжали борьбу, то и дело врываясь в рот друг друга. Наконец, войдя в спальню, Гюнтер повалился вместе со своей добычей на кровать, продолжая избавлять девушку от платья, она ему активно помогала. Сейчас Лаура ничуть не напоминала ту робкую, стеснительную девушку, которая гуляла с ним весь день. Казалось, в неё вселилась суккуб. Совместные усилия быстро увенчались успехом и через несколько секунд на ней оказались лишь чулки, всё остальное осталось лежать на полу. Сам Гюнтер тоже лишился штанов и трусов и потом, как ни старался, так и не смог вспомнить сам он их снял или же бешеная Лаура сорвала их.

Его сильное, тренированное тело навалилось на неё, руки гуляли по Лауре, поглаживая груди, сама девушка, не прекращая поцелуев, нащупала его член и неумело начала ласкать его. Оторвавшись от её губ, он засосал ртом одну из грудей и втянул воздух как шланг пылесоса. Сверху раздалось — Ах!! — и её пальчики вцепились в его волосы, прижимая его голову к груди. Одна рука Гюнтера совершила наглый манёвр и ворвалась двумя пальцами ей

во влагалище, заставив её исторгнуть новый стон, ещё сильнее первого. Горячей влаги внутри было столько, что пальцы мгновенно стали мокрыми, а их движения сопровождалось громким чавканьем.

Гюнтер чувствовал себя на вершине блаженства. Ни одна из его прошлых девушек не приносила ему такого удовлетворения обладания ею. Да, было удовольствие, оргазмы, но сейчас это было что-то нечто. Видимо, отношение девушки к нему лично, усилило желание..

Он понимал, что больше не сможет себя сдерживать. Член, казалось, взорвётся, если он немедленно не погрузит его в её тело. Ещё больше раздвинув ей ноги, он с каким-то животным рыком ворвался в неё, вызвав у неё отчаянный крик. Решив, что слишком резко вошёл в Лауру, он хрипло выдохнул:

— Извини, милая... — и продолжил, уже более мягко и медленно. Напряжённое тело девушки расслабилось, её кулачки, крепко смявшие простыню, разжались, и она положила свои ладони на его талию, несмело привлекая к себе. Ощущая распластанное под ним великолепное тело Лауры, чувствуя как горячо и мокро внизу, там, где его член таранит покорную его воле девушку, он снова понял что теперь, никогда, что бы не случилось, не отдаст такое сокровище никому. Она только его!

Сам не замечая, он повторял это, постепенно вновь наращивая темп, вызывая у Лауры всё более громкие стоны. Её руки и ноги плотно обхватили его, пытаясь ещё сильнее прижаться к нему, соединиться и не отпускать... Гюнтер чувствовал, как где-то глубоко внутри него поднимается какая-то волна, словно магма готовилась вот-вот перелиться из кратера вулкана. Стоны Лауры превратились в крики, в которых он, словно через туман, услышал смысл:

— Да... милый... я твоя... только твоя... не останавливайся... пожалуйста... ахх... пожа... аа. всегда твоя... любимый мой..

Её глаза были закрыты, волосы разметались, великолепные груди колыхались в такт движениям, губы иступленно шептали его имя. Она была настолько прекрасна что, не помня себя, он снова впился в её губы, пытаясь своим языком проникнуть вглубь. Наконец, когда Гюнтер почувствовал что ещё немного и он просто взорвётся от непереносимого удовольствия, она оторвалась от его губ и громко, протяжно застонала на всю квартиру. Её тело выгнулось, несмотря на его вес, и задрожало, мышцы влагалища сжались, и его член обхватило ещё сильнее. Это стало для Гюнтера последней каплей и он, зарывав как зверь, начал, содрогаясь, кончать в неё. Вытащить и спустить в сторону, как он обычно привык делать с другими девушками, ему даже в голову не пришло, да и не факт что он смог бы это сделать, после того как она зажала его в своих страстных объятиях. Ощущения, когда он кончал в неё... это было трудно описать. Наверное, только в раю он смог бы испытать такое удовольствие, но, учитывая, сколько грехов он уже сделал в той и этой жизни, это было очень маловероятно.

Прошло какое-то время, прежде чем он пришёл в себя и понял, что по-прежнему лежит на ней, уткнувшись ей в ключицу, вдыхая её запах и ощущая на себе объятия Лауры. Тело было расслаблено, из него словно вышла вся сила, как будто он грузил пятидесятикилограммовые мешки с мукой несколько часов. Со стоном он вышел из неё и повалился рядом на кровать. С улыбкой повернулся к ней и с удивлением увидел на её глазах слёзы.

— Что с тобой, Лаура? Я сделал тебе больно? — заботливо спросил Гюнтер.

Она ничего не ответила и закрыла лицо руками, попытавшись отвернуться от него. Но

он не позволил, схватил за плечи и вновь развернул девушку к себе. Тревога и какая-то вина появились в его сердце.

— Так, ну-ка рассказывай, моя милая! Что за слёзы? Так сильно больно было? Или ты на что-то обиделась? — требовательно спросил он, теряясь в догадках. Ох уж эти девушки! Вот разведут сырость на лице, а ты гадай, что там у неё случилось... Он отвёл её ладони от лица и заглянул прямо в глаза Лауре.

— Значит, ты хочешь меня обидеть, я правильно понял? — решил он сменить тактику.

Её глаза распахнулись, и она отчаянно замотала головой из стороны в сторону.

Гюнтер вздохнул.

— Лаура, моя девочка, если ты сейчас же не скажешь в чём дело, я решу что ты на меня обиделась, и больше не хочешь со мной общаться, раз не желаешь даже разговаривать. Понятно?

Она с мольбой глядела на него и, наконец, прошептала:

— Гюнтер, пожалуйста... я не... я не шлюха...

От таких слов он буквально впал в ступор. Мозг отказывался найти логику между тем что было и её словами.

— Так, я ничего не понимаю... Объясни подробнее, милая! Причём тут шлюха? — с недоумением спросил он.

Она несколько раз открыла рот, но прошло секунд тридцать, прежде чем Лаура смогла что-то сказать.

— Я... я честная, приличная девушка, поверь! Я не шлюха!

— Да я знаю, что ты не шлюха! С чего ты вообще взяла это? — начинал раздражаться от непонимания ситуации Гюнтер.

— Просто я... сегодня у нас первая встреча... свидание... и мы уже в постели. А мама говорила, что приличные девушки так не поступают! Только после свадьбы! И другие девушки таких презирают, называют шлюхами! А я сама не ожидала что так будет! Я потеряла голову и... мне было так хорошо... что я сама захотела... но это нельзя! — она бурно расплакалась, уткнувшись ему в грудь.

— Пожалуйста, не бросай меня! Прости, я повела себя неправильно! Просто я ещё девственница была и я не знала... Я плохая... — её слёзы смачивали грудь Гюнтера, она отчаянно вжималась в него, словно боясь что он сейчас отшвырнёт Лауру и выгонит за дверь.

Ошеломлённый свалившимися на него открытиями Гюнтер, наконец, пришёл в себя. Не веря своим ушам, он спросил:

— Ты действительно девственница... была?

— Да... — слегка успокоившись, прошептала она.

Ощущения, охватившие его, удивили Гюнтера. Раньше он всегда предпочитал уже опытных девушек и женщин, резонно считая, что это доставит им обоим больше удовольствия в сексе, чем с зажатой девственницей, которая пугливо будет ломаться и не факт что вообще решится. Но теперь, оказалось, что его прежняя точка зрения, возможно, нуждается в корректировке. Удовольствие, полученное им, и доставленное ей, было не меньше а, скорее, намного больше, чем раньше, с опытными партнёрами.

Посмотрев вниз, он увидел на простыне доказательство её слов: красные пятна крови. Этим объяснялся и её отчаянный крик, когда он ворвался в Лауру. Но сам он был настолько возбуждён, что даже не заметил преграду внутри девушки.

Это открытие затопило его радостными эмоциями. Подумать только, такая

необыкновенная девушка была девственницей, хранила себя для него! Он её первый мужчина! Гюнтера внезапно охватила радость и даже гордость. Что не говори, но быть первым во всём у многих мужчин заложено в природе. Так, теперь надо разъяснить этой глупышке всю величину её ошибки и отбросить мешающие радоваться причины.

— Лаура, послушай меня очень внимательно и не перебивай, договорились? — внимательно посмотрел на неё Гюнтер.

Она молча кивнула, не сводя с него глаз.

— Во первых, я тебе очень благодарен за то что ты у меня оказалась девственницей! Честно! Быть первым у девушки... это такая радость и удовольствие что... — он запнулся. — В общем, это трудно объяснить, такое поймёт лишь мужчина. Просто поверь мне, милая! Во вторых, то что ты отдалась мне на первом же свидании меня тоже обрадовало! Да-да, именно так! Почему? Да потому что это значит, что я настолько тебе нравлюсь, что ты решила именно со мной сделаться женщиной и не ждать когда выйдешь замуж в будущем. И потеряла голову и отдалась мне, не только потому что я очень сильно тебе нравлюсь но и потому что ты мне доверила себя, чувствовала, что я именно тот кому ты предназначена. Поэтому не вздумай казнить себя по этому поводу! Я запрещаю! Пойми, наконец, моя Лаура, для меня это знак полного доверия, а вовсе не повадки шлюхи! И ещё, запомни раз и навсегда — теперь ты моя девочка! Только моя, полностью и бесповоротно! Повтори! — властно сказал он.

— Я твоя, полностью и бесповоротно... навсегда... — неотрывно глядя ему в глаза прошептала Лаура.

— Ты ведь сама хочешь этого, верно, моя проказница? — усмехнувшись, спросил Гюнтер.

— Да, милый... Я люблю тебя! — с жаром проговорила она, сама залезая на него.

Он открыл рот, чтобы сказать, что думает по этому поводу, но загоревшаяся после его речи девушка, не дала ему такой возможности, жадно целуя его губы и протянув руку вниз, к его члену, который, несмотря на недавнее извержение, вновь начал подавать признаки жизни..

Тот же день.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

— Вы готовы, герр Краузе? — напряжённый голос Мережкова отвлек его от раздумий.

— Да, товарищ Мережков! — ответил он.

Весь этот день начался как-то суматошно. Едва он утром встал с кровати и вышел в ванную, в комнату быстро вошёл этот сотрудник посольства и проинформировал, что неугомонный Гитлер решил начать новые завоевания. В частности, захотел присоединить к своему треклятому рейху Данию и Норвегию. Радио, торжественным голосом Ганса Фриче, объявило об этом, выразив непоколебимую уверенность в скорой победе и улучшении жизни датчан и норвежцев под крылом нацистского орла. Насчёт норвежцев Александр не был так в этом уверен, а вот датчане, судя по тому что он знал из истории, не особо потеряли. Кроме, разве что, датских евреев..

Вчера, обещанное Москвой решение, так и не пришло, но сегодня, примерно в обед, тот же Мережков уведомил его что на самом верху всё-таки решили вывезти его в СССР. Какие именно причины послужили для этого основанием ему, естественно, не сказали, но он был рад что приняли такое решение. Остаться в чужой ему Германии он точно не хотел. Кроме ненавистного нацистского строя Александр опасался что его «друг» Гюнтер узнает что он в советском посольстве и попытается как-то помешать ему покинуть рейх. Ещё бы! Знание будущего, если он попадёт в Советскую Россию, даст Сталину такое же преимущество, как и откровения Гюнтера для Гитлера. Откровенно говоря, Александр не верил, что немецкий фюрер поверит в такую чушь как перемещение во времени, рассказанную собственным охранником. Во всяком случае, он сам бы точно не поверил. Всё-таки Гитлер не такой легковёрный дурак, как многие думают. Скорее всего, он даже не станет слушать Гюнтера и отдаст приказ арестовать его или отправит в психушку. Что ж, тот сам выбрал такую судьбу, хотя Саша и предлагал ему свой вариант. Пусть теперь отвечает за свой выбор.

Советник посольства объяснил ему что вывозить его будут легально, сегодня вечером. Инцидент с нападением на полицейских у здания посольства улажен. Немцы поверили или сделали вид что поверили в версию русского белоэмигранта, страстно скучавшего по Родине и пытавшегося силой проникнуть в посольство. Извинения германскому МИДу принесены, претензии сняты. По словам Мережкова, одной из причин такого положительного решения могло быть желание Гитлера не ссориться с союзником из-за такого мелкого повода. Так ли это, Александр не знал, да это его и не особенно волновало. Главное, что его больше не преследуют, и он спокойно сможет вернуться в Россию, пусть даже Советскую.

И вот теперь, Александр, уже одетый, стоял перед выходом, готовый выйти к машине и ехать на аэродром Темпельхоф. Вместе с Мережковым они вышли из здания и сели в «Мерседес», предоставленный в распоряжение посольства германской стороной. Отворили ворота на выезде с территории, и русский водитель дал полный газ, выруливая на улицу. Александр обратил внимание, что посольство теперь охраняют полицейские, вооружённые в дополнение к пистолетам, ещё и винтовками, знаменитыми Mauser 98k. Видимо, инцидент возле посольства заставил германскую полицию озаботиться усилением вооружения своих сотрудников.

Всю дорогу до аэродрома Александр просидел молча, раздумывая о перспективах своей судьбы когда он окажется в сталинском, довоенном Советском Союзе. Мережков ему не мешал, тоже думая о своём.

Очнулся Саша когда «Мерседес» резко остановился. Он огляделся. Машина стояла на лётном поле, недалеко от неё возвышался самолёт, судя по иллюминаторам, пассажирский. При первом же взгляде Александр узнал модель местного, так называемого, «Аэрофлота». Это был ПС-84 или Ли-2, точно он уже не помнил, лицензионная копия американского DC-3 Douglas. Люк самолёта был открыт, рядом с ним стоял парень с лихо сдвинутой на бок пилоткой и чубом, видимо, член экипажа. Вместе с Мережковым Александр подошёл к самолёту и протянул ему руку:

— Спасибо вам, товарищ Мережков! Я ценю вашу помощь моему трудному положению.

Тот вежливо улыбнулся и пожал её.

— Это моя работа, герр Краузе. Желаю вам счастливого полёта и мягкой посадки! И... немного завидую вам! — он усмехнулся.

— Мне? Почему же? — Александр не понимал.

— Вы скоро будете там... — он показал рукой на восток. Помолчал и продолжил с грустью в голосе: — Я скучаю по дому, Дитрих. Давно уже не был там. В Москве у меня жена, дети... Поверьте, если окажетесь в моём положении то поймёте. Ну... а сейчас, садитесь, пора!

Он дружески хлопнул Александра по плечу и, не оборачиваясь, направился к «мерседесу». Саша с теплотой посмотрел ему вслед. Пусть Мережков и не выказывал ему особенного расположения, но это объяснимо... Для него он просто немец, пусть с важной информацией для руководства страны, но даже не соотечественник. Поэтому и отношение соответствующее. Обведя напоследок взглядом аэродром, словно попрощавшись с Берлином, он залез по лесенке в салон, и чубатый парень шустро закрыл люк изнутри, после этого усевшись в самом хвосте.

Внутри самолёт был неплохо отделан. Мягкие кресла, несколько столиков, светлая обшивка салона навевали мысли об отдыхе. Кроме него самого, в Москву летели всего два господина, также севшие ближе к хвосту и тихо переговаривавшиеся. Он опустил в ближайшее кресло и с комфортом откинулся на спинку. Лететь предстояло почти всю ночь и следовало хорошо выспаться. Из слов Мережкова следовало, что самолёт сделает небольшую остановку в бывшей Польше, то ли в Варшаве то ли в другом городе.

Наконец, оглушительно фыркнув, оба двигателя советского "Дугласа" набрали мощность и заработали, наполнив салон своим грохотом и дрожью. Через несколько минут, прогревшись, самолёт вырулил на взлётную полосу и начал разбег. Разница между современными авиалайнерами и таким «старичком» для Александра была очевидна. Он вообще боялся лететь но выхода не было. Раньше ему летать на поршневых самолётах не довелось, и присутствовала некоторая робость и лёгкое опасение. Кто его знает, как поведёт себя в полёте этот допотопный двухмоторный агрегат? Смотри в иллюминатор, он заметил как, убыстряясь, убегают вдаль ангары, вышка диспетчера, машины разных служб... Взлёт был мягкий, Саша даже не почувствовал его.

Через некоторое время, когда солнце уже почти зашло за спиной, Александр последовал примеру попутчиков и уснул под мерный рокот моторов. Сквозь сон он почувствовал мягкое касание о землю, потом приглушённый разговор по-русски, но так и не смог проснуться полностью.

Снова проснулся он глубокой ночью, почувствовав, что не мешало бы слить лишнюю жидкость из организма. Пробираясь к туалету, расположенному в хвосте, Саша заметил некоторые изменения в салоне. Помимо двух человек, севших вместе с ним в Берлине, к ним добавилось ещё трое. Все они были в штатском и спали. Моторы по-прежнему успокаивающе гудели, своим звуком усыпляя людей.

Сделав свои дела, Александр пробрался к кабине пилотов и постучавшись, открыл дверь. В ней сидело два пилота, один держал руки на штурвале, другой спал, тихонько похрапывая. Вся кабина была в темноте, и Саша удивился, как пилоты видят приборы.

— Здравствуйте, товарищи! — вежливо поздоровался он.

— Тихо! Борька спит, не буди! — зашипел тот кто бодрствовал.

— Извините... — смутился Александр, мысленно обругав себя. Какого чёрта он тут мешает людям спать? Если самому не спится, не значит что и другие не хотят вздремнуть.

— Что хотел, парень? — обратился к нему первый пилот, обернувшись к нему.

— Нам долго ещё лететь до Москвы?

— Да нет, скоро уже там будем. Минск прошли, скоро Смоленск под крылом будет. Что, устал сидеть, задница квадратной стала? — усмехнувшись, тихо прошептал лётчик.

— Ага, как у Губки Бо... хм, ты прав, дружище! — едва не сморозил глупость Саша, забыв, что это персонаж никому не знаком.

— Меня, кстати, Олегом зовут... — представился пилот, протянув правую руку. — Это Борька, мой напарник. — Он кивком головы показал на спящего.

— А я Александр. То есть... — не найдя способа выкрутиться, он просто махнул рукой, проклиная себя. Да что такое, уже второй раз за несколько минут... Нет, разведчика или тайного агента из него точно не получится. Точно не его это, раз язык не может держать за зубами. Надо всё-таки контролировать себя, иначе когда-нибудь это может принести ему совершенно ненужные неприятности.

Поговорив ещё несколько минут, он послушался совета лётчика поспать и вернулся на своё место, сомневаясь, что это получится. Однако, его организм решил всё за него и через несколько минут Саша ничем не отличался от своих попутчиков, по-прежнему глубоко спавших.

Александра окончательно разбудило дружеское похлопывание по плечу. Открыв сонные глаза, в темноте он с трудом разглядел одного из пилотов, кого именно непонятно, который подходил ко всем пассажирам и будил их:

— Просыпайтесь, товарищи! Подлетаем к Москве! Готовьтесь! — и дублировал свои слова на немецком.

Недоумённо посмотрев в иллюминатор, Саша разглядел вдалеке, на востоке, светлую полосу, показывающую, что скоро рассвет. Тело затекло во время сна, поэтому пришлось встать и походить по салону несколько раз, чтобы восстановить подвижность. Попутчики тоже зашевелились, начали негромко переговариваться, поглядывать в иллюминаторы. Усевшись, Александр снова посмотрел наружу и увидел внизу редкие огоньки. Видимо, летели уже над пригородами. Звук двигателей тоже изменился, он стал каким-то более пронзительным и высоким. Чубатый парень тихо появился неизвестно откуда, и сонно растирая глаза, зевая, уселся рядом с люком.

Уши слегка заложило, по этому признаку Александр понял, что они снижаются. Через несколько минут он почувствовал лёгкий толчок и ощутил, что самолёт уже не летит, а катится по полосе, постепенно замедляясь. Наконец, двигатели стали резко сбавлять

обороты и через минуту полностью остановились. Они прилетели.

«Мягкая посадка! И мы живы!» — пронеслось в голове у Саши. Он расслабился, с удивлением почувствовав, что был непроизвольно в напряжении при посадке.

Чубатый подскочил и, быстро открыв люк, выскочил наружу. В салон ворвался свежий, даже прохладный ветер, мгновенно выдув с пассажиров остатки сна. К этому времени Александра уже мучил голод, последний ужин, пусть и плотный, был ещё в Берлине. Выйдя вслед за попугайчиками, и попрощавшись с чубатым, он сошёл с лесенки и остановился.

Перед ним, в предрассветном сумраке, раскинулось широкое пространство, кое-где заставленное смутно видневшимися самолётами и разными грузовиками. Где, на каком аэродроме Москвы они приземлились, он не знал, да никто и не удосужился ему об этом сказать.

«А где же встречающие? Что мне делать и куда идти?» — мысленно спросил он сам себя. Ответ на этот вопрос пришёл быстро. Меньше чем через минуту к самолёту подкатила машина, похоже «эмка». Из неё сноровисто выскочили два человека в советской форме с непонятными знаками различия, и подошли к нему.

— Герр Краузе? — спросил тот что повыше.

— Да, это я. — ответил Саша. — А вы кто? — с удивлением спросил он.

Оба незнакомца переглянулись.

— Капитан госбезопасности Сергеев и лейтенант госбезопасности Науменко. Мы приехали за вами, прошу в машину.

— Так вы из НКВД? — с некоторым замешательством спросил Александр. Он думал что его встретят гражданские из НКВД, но выходит, его персону сочли более важной чем Саша рассчитывал.

— Именно, герр Краузе. Прощу! — они технично подошли к нему с двух сторон, и слегка взяв за локти, повели его к машине. Александра охватило дурное предчувствие.

«Похоже, встреча с соотечественниками может быть не такой приятной, как я думал... Надеюсь, меня не ждут застенки «кровавой гэбни».. — грустно констатировал он, усаживаясь на заднее сиденье машины.

Берлин. Клиника Шарите.

10 апреля 1940 года.

Лаура Блюм.

— Лаура! Лаура!! — внезапно раздалось совсем рядом с девушкой и та, ойкнув, испуганно подпрыгнула. Прямо над ней стояла фрау Кох и с лёгким недовольством смотрела на неё. Лаура торопливо огладила свою форму и вопросительно посмотрела на свою начальницу.

— Что с тобой такое, девочка? Ты с самого утра какая-то странная... Рассеянная, задумчивая, невнимательная... Что случилось? — продолжала спрашивать она.

— Ничего, фрау Кох. Со мной всё нормально, поверьте! — Лаура счастливо улыбнулась.

— Точно? Ты меня не обманываешь, Лаура? — с подозрением спросила её начальница.

— Нет, фрау Кох. Всё хорошо, я просто... задумалась, простите! — покаянно ответила медсестра.

— Ну, смотри у меня! А теперь иди и проверь состояние пациентов с 70 по 75 палаты. Сегодня ты за них отвечаешь, понятно? — голос фрау Кох потеплел и смягчился.

— Хорошо, фрау Кох, уже бегу! — она снова улыбнулась и убежала по коридору. Фрау Кох проводила её взглядом и покачала головой.

Быстро управившись с поручением, Лаура снова выскользнула на улицу и уселась на скамейке, подальше от входа, чтобы глазастая начальница снова не подкралась к ней незамеченной. Солнце весело светило и согревало девушку своим теплом, но это всё равно было несравнимо с тем жаром, который полыхал в душе и сердце Лауры.

Прошедший день, вечер и ночь казались ей сном. Как будто свершилась сказка, и фея расщедрилась и выполнила все её желания, даже те которые она не озвучивала никому, в том числе себе.

Вчерашний визит Гюнтера к ней на работу ошеломил девушку и несказанно обрадовал. Она уже начала думать, что его слова насчёт её красоты и встречу через несколько дней оказались шуткой или даже насмешкой, но его приход развеял все сомнения и наполнил её сердце радостью. Даже его розыгрыш, когда она упала от испуга в обморок, потом лишь веселил Лауру. Ещё было немного стыдно за себя, что грохнулась без чувств и потом, как дурочка, искала животное, напавшее на неё... Поразило, как Гюнтер умудрился использовать этот повод, чтобы отпросить её с работы. Но в настоящий шок девушку привело то что фрау Кох... негибаемая, строгая и требовательная начальница, неожиданно согласилась отпустить Лауру на свидание с работы... Потом быстрое наведение красоты, получение денег и очередной шок от большого букета цветов, который, неведь как, Гюнтер сумел пронести незаметно. Неведомая сила, бросившая её к нему объятия, сумасшедший поцелуй, который так не хотелось прерывать..

Долгая прогулка по городу... Странные вопросы Гюнтера, которые искренне её удивили. Неужели он сомневался в ней и думал что она белоручка? К счастью, она убедила его что не такая, когда они пришли к нему домой. Пока он принимал душ, Лаура быстро убралась в квартире, заглянула в шкаф, поняла, что еды почти нет, неудивительно, он же холостяк, а они все питаются как попало. Тут же пришла мысль поразить его своей готовкой, ведь любой мужчина любит хорошо поесть, так говорила мама. Побежала к его хозяйке и, несмотря на её удивлённый и любопытный взгляд, щедро закупила продуктов, не жалея денег и одолжила фартук. А потом..

Лаура густо покраснела, и украдкой оглядевшись по сторонам, снова начала вспоминать.

...Потом началось волшебство. По рассказам знакомых девочек было ясно что в первый раз всегда бывает больно. Так и было... сначала. Да и вообще, она не ожидала, что будет ТАК. Планировала лишь нежные поцелуи, его крепкие объятия, а потом домой... Но Гюнтер всё решил за неё, по своему. И теперь она была ему бесконечно благодарна.

Когда она подошёл к ней сзади и начал ласкать, её охватило такое возбуждение, что о сопротивлении не было и речи. Даже мысли такой не возникло, просто хотелось стоять так, прижавшись к нему и позволять всё что он хочет... Всё что она смогла, это пара тихих, лепечущих слов в которые не поверила даже сама. Тело горело, между ног появилось такое томление, дрожь, что она боялась упасть прямо на кухне. Его поцелуи сводили с ума, жадные руки сбивали дыхание, смешивали мысли, рождая хаос в голове..

Как он её раздел, она не запомнила. Лёгкое прояснение было, когда Гюнтер вошёл в неё, и Лаура вскрикнула от боли, став женщиной. Но это просветление сознания тут же было безжалостно смыто нахлынувшей волной возбуждения, вновь погружившее сознание девушки в водоворот удовольствия и нескончаемого желания. Она хотела ещё и ещё, казалось, сейчас

Лаура взорвётся, улетит..

Очнулась она раньше Гюнтера и тут на неё нахлынуло осознание того что случилось. Боже, она отдалась ему на первом же свидании! Какой позор! Неужели она шлюха? Нет! Она не винила его нисколько, он мужчина, понятно, что ему захотелось всё и сразу... А вот сама Лаура не сдержалась, даже не пыталась сопротивляться... Теперь, наверно, он её бросит. И поделом, ей, дуре, раз она не может справиться даже с собой.

От отчаяния, порушенных надежд, девушка разрыдалась, сердце рвало от боли, яростно ругая хозяйку, что потеряла голову и пустила всё на самотёк. Слова Гюнтера, который не сразу понял её горе, с трудом дошли до Лауры, маслом пролившись на её измученную душу. Узнав, что он нисколько не презирает её а, наоборот, радуется этому, в ней волной поднялось чувство благодарности, счастья и вновь, неизвестно откуда появившегося желания. Лауру снова как будто бросило ему навстречу, и внутренне стыдясь самой себя, она начала сама залезать на него.

И всю ночь они посвятили безумству. Гюнтер показал ей столько всего, что она была красная как рак. Разные ласки, поглаживания, позы... Большинство всего этого она даже не знала. Сколько раз она тогда кончала тоже не помнила, это было как волны, вверх-вниз, вверх-вниз... И чтобы не прекращалось! Сначала ей было стыдно брать ЕГО в руки, тем более, в рот, но... как ни странно, Лауре понравилось это ощущение его тёплого, твёрдого органа, не хотелось даже отпускать. А уж когда Гюнтер решил поласкать её ТАМ своим языком... Ох... Девушку тогда затрясло так что кровать тоже дрожала по его словам. И так было стыдно, когда она решила что описалась... Но Гюнтер успокоил, сказал, что это очень хорошо, так и должно быть, если девушка сильно кончает.

До утра они почти не спали, но Лаура всё равно проснулась вовремя, раньше него, и снова покраснев от того что ОН лежал совсем рядом с ней, быстро оделась, тихо погладив его форму, приготовила ему лёгкий завтрак, и убежала на работу, напоследок поцеловав Гюнтера в щёку... Идя в клинику, она прислушалась к себе, и поняла: теперь, если Гюнтер снова захочет её, она даже в мыслях не будет ему противиться. Как он сказал? «Ты только моя!..» Как это сладко слышать. Да, она теперь только его... Она нашла своего мужчину, поняла, что любит его и будет ему подчиняться во всём. «Гюнтер, любимый мой! Я вся твоя, всегда и везде!» Эта мысль грела её тогда и греет сейчас. Неважно, когда он женится на ней, она будет ждать, верно и терпеливо. И конечно, всегда радовать его на кухне и в постели. И будет самой счастливой девушкой в мире! Ведь у неё есть Гюнтер!

Выйдя из своих мечтаний, девушка встала со скамейки, не сразу почувствовав некоторое неудобство. Низ живота тянуло, явно намекая, что хотелось бы снова пообщаться с любимым наедине. Соски под униформой стояли, от возбуждения тёрлись о ткань.

«Ох, Гюнтер, что ты сделал со мной... Я теперь даже думать о тебе долго не могу, чтобы не возбуждаться... Неужели я в душе такая распутная? Или так и должно быть когда девушка влюблена? И спросить не спросишь, сразу вопросы будут... И так вон, Марта с регистратуры пристала со своими вопросами, любопытная сорока... Когда же теперь мы с ним снова встретимся? По быстрее бы... Любовь — какое же радостное чувство! Сердце поёт, всё вокруг прекрасно... Ой, фрау Кох!»

Лаура, увидев свою начальницу, строго оглядывающую территорию, тут же кинулась к кустам и присела за ними. Та, грозно осмотревшись, не увидела нарушений и вернулась в здание. А девушка, пугливо посмотрев по сторонам, побежала к боковому входу. Пора работать, иначе строгая фрау Кох в следующий раз может не отпустить её, если Гюнтер

придёт на работу. Ну и пусть! Она всё равно найдёт выход!

Лаура счастливо рассмеялась и зашла в здание.

Берлин.

10 апреля 1940 года.

Гюнтер Хаусманн (Шольке)

Сегодня солнце снова захватило небо и щедро сеяло сверху своё тепло, безжалостно уничтожая последние островки снега в городе. Воздух был словно напоен жизнью, просыпающимися после зимы чувствами, которые вот-вот готовы были вырваться наружу и вспыхнуть во всю свою силу. Пение птиц, вольготно расположившихся на деревьях и крышах домов, ещё больше усиливали это впечатление. Голуби, плотно окружив почтенную фрау недалеко от входа в рейхсканцелярию, наперегонки клевали кусочки хлеба, которые женщина, улыбаясь, отщипывала от буханки хлеба. Некоторые птицы при этом устроили свои разборки, гоняясь друг за другом и пытаясь клюнуть оппонента. Воробьи тоже не сидели без дела. Не рискуя лезть в плотную толпу голубей, они прыгали сзади них, зорко следя за кусочками хлеба. Временами им удавалось выхватить из-под носа зазевавшегося голубя хлеб, они хватали его, и тут же уносились вдаль.

Эта идиллическая картина радовала Гюнтера, стоящего на посту у входа снаружи, несмотря на то что такая сентиментальность не была ему присуща. Отутюженная форма, блестящие сапоги, скрипящая портупея и начищенный шлем с рунами СС, чисто побритый подбородок... Он выглядел сегодня в полном порядке и знал это. Внутреннее состояние было ещё лучше. Вчера, наконец, случилось то что он хотел.

Великолепная прогулка по городу и просто ошеломительное её окончание! Лаура сдалась его напору, впрочем, как он подозревал, она и не планировала долго сопротивляться. Да и зачем? Они друг другу нравятся, и не было смысла в хождении вокруг да около, если обоим хочется одно и то же. Но Лаура..

Гюнтер усмехнулся и тихонько покачал головой.

Лаура изрядно удивила его. Причём столько приятных сюрпризов он никак не ожидал. Мало того, что она сама хотела его... Но маленькая медсестра ещё оказалась настолько горячей и страстной что у него снесло всё его хвалёное самообладание и он превратился в какого-то похотливого зверя, одержимого лишь одним желанием. Пусть она и неопытна, но её желание доставить ему удовольствие с лихвой окупало отсутствие практики, тем более, Гюнтер планировал как можно скорее этот опыт ей дать, показать, как можно вознести своего партнёра на вершину удовольствия, да и самому улететь туда. А Лаура, похоже, с радостью будет учиться.

К тому же, она оказалась девственницей, готовой отдать ему самое большое своё сокровище. За это он тоже ей благодарен. И наконец, как вишенка на торте... Её признание в любви. Она смотрела на него так, что он буквально чувствовал её душу, то, о чём она хотела сказать, но пока стеснялась. А эти слова, которые она повторяла за ним: «Я твоя..» Его душа пела от радости, слыша это. Пусть сначала он и не планировал какие-то долгосрочные отношения с девушкой кроме секса, чтобы снять напряжение, но эта ночь заставила его переменить решение. Он ещё больше утвердился в мысли, что она теперь будет только его девушкой, её очаровательное тело, милое лицо, добрая улыбка и звонкий смех... Это всё только его! И любой мужчина, посягнув на его женщину, сильно пожалеет об этом.

Естественно, Гюнтер не собирался расставаться с ней после одной ночи. Наоборот, теперь он постарается, чтобы таких ночей было как можно больше. Тем более, уверен, что и Лаура только обрадуется этому.

А какая она оказалась страстной! При воспоминаниях о некоторых ночных событиях, в которых инициатива принадлежала самой девушке, он почувствовал, что брюки постепенно начинают топорщиться и постарался выкинуть эти мысли из головы. Никуда не годится, если посетители увидят эсэсовца-охранника с бугром в брюках. А если увидят сослуживцы... то недели а то и месяцы ему обеспечены разные шуточки насчёт его размера и тесных штанов.

Своё отношение к девушке он пока ещё не определил. Несмотря на своё уже глубокое увлечение Лаурой, жениться на ней он по-прежнему не хотел, так как многие браки разваливались, не выдержав быта. Вот пожить гражданским браком... это было бы неплохо. Всё-таки, несмотря на своё чувство к девушке, он не хотел связывать себя узами Гименея.

Утром, когда он проснулся, Лауры уже не было. Рядом на стуле лежала его поглаженная и почищенная форма, а из кухни тянуло чем-то вкусным. Быстро умывшись и побрившись, он оделся, перекусил остатками вчерашнего пира и поспешил на службу, по пути купив своему командиру французский коньяк трёхлетней выдержки. На разводе тот похвалил его и намекнул, что и в следующий раз Гюнтер может рассчитывать на его понимание обстановки. Неудивительно, по сути ничего не сделать и получить за это бутылку коньяка!

Приятные мысли и воспоминания Гюнтера прервал адъютант Гитлера Гюнше. Он вышел из здания вместе гауптштурмфюрером Майером и ещё одним из караульных отдыхающей смены и подошёл к нему. Его начальник с непроницаемым лицом приказал ему сдать пост и следовать за Гюнше. Другой караульный заменил его и Гюнтер, невольно насторожившись и отбросив фривольные мысли, последовал за громилой-адъютантом. Подойдя к двери кабинета фюрера, он снова сдал оружие Гюнше и тот молча распахнул дверь. Гюнтер вошёл.

Фюрер, как и в прошлый раз сидел в кресле, читая «Фёлькишер Беобахтер». Он был один, хотя подсознательно Гюнтер ожидал увидеть в комнате и Еву. Однако он тут же выбросил это из головы и сосредоточился. Видимо, фюрер хочет сказать что-то важное, иначе его не стали бы снимать с поста посреди дня.

Как только Гюнше закрыл дверь, Гитлер отложил газету и воззрился на него. Он молча смотрел на него. Гюнтер, в свою очередь, стоял навтыжку, глядя вверх головы фюрера.

— Кое-что из ваших... пророчеств подтвердилось, оберштурмфюрер, — сразу перешёл к делу Гитлер. — Капитан «Блюхера» по приказу контр-адмирала Кумметца попытался сделать именно то, о чём вы меня предупреждали. К счастью, я принял меры, и это сохранило корабль и его экипаж. Есть подтверждения и в отношении некоторых... паршивых предателей! — тут голос Гитлера зазвенел от ярости, кулаки нервно сжались.

Гюнтер продолжал молчать. Его не спрашивали, поэтому он и не пытался заговорить сам. Но душа его пела. Ему поверили!!! Возможно, не до конца, но поверили! Благодаря Гюнтеру сотни солдат и моряков выжили и обязаны ему жизнью, хоть и не знают об этом. Предатели тоже теперь под пристальным вниманием гестапо и уже вряд ли смогут нанести ущерб Германии. Колесо истории, медленно, но верно начало слегка поворачивать в сторону от привычной Гюнтеру колеи. Да, возможно, «Блюхер» потом снова угодит в какую-нибудь передрагу и затонет, но он подарил куче людей, его соотечественников, жизнь. Уже одно это окупило его перенос сюда.

Он мысленно ликовал и не сразу заметил, что фюрер замолчал и вопросительно смотрит на него.

— Оберштурмфюрер, вы заснули? — озадаченно спросил Гитлер.

Гюнтеру показалось, что он ослышался.

— Простите, мой фюрер... я задумался над вашими словами о «Блюхере». И, ещё раз простите, но я унтерштурмфюрер. Вероятно, вы..

— Я прекрасно помню ваше новое звание, офицер! И если вы не расслышали, то повторяю — за ваши заслуги в безопасности Рейха я повышаю вас в звании. Теперь вы — оберштурмфюрер! Поздравляю! — Гитлер встал с кресла и, улыбаясь, смотрел на него.

Гюнтера снова охватила радость, теперь уже по личным мотивам. Как ни крути, награждение приятно, а уж когда оно заслуженно, то тем более.

— Хайль Гитлер!!! — гаркнул он, выбросил руку вверх.

— Хайль, оберштурмфюрер! В ближайшее время жду от вас приведения в порядок знаков различия на форме.

— Так точно, мой фюрер! — улыбаясь, ответил Гюнтер.

Гитлер снова уселся в кресло, и испытующе глядя на него, спросил:

— Вы подготовили письменный план по тем вопросам вооружения, о котором мы разговаривали?

«Проклятье!! Я совсем забыл об этом поручении! Все мысли были только о Лауре... да и времени не было. Надо как-то выкручиваться!»

— Виноват, мой фюрер! Но в писанине у меня долго получается, мне нужно ещё несколько дней для письменного изложения всех моих идей. Впрочем, если вы не возражаете, я могу устно осветить часть этих идей... — с виноватым видом проговорил он.

— Что ж, Гюнтер, садитесь и постарайтесь мне кратко изложить суть. Хочу в общих чертах понять, что вы там надумали. — удобнее устраиваясь в кресле, сказал Гитлер.

— Хм... Кратко вряд ли получится, мой фюрер. Дело в том, что у меня есть соображения по многим аспектам вооружения и родов войск: Панцерваффе, Люфтваффе, Кригсмарине, Вермахт, СС... в том числе и по кадрам... — с сомнением ответил Гюнтер. Он читал, что у Гитлера феноменальная память насчёт систем оружия, и тот мог увлечённо обсуждать отличия в разных системах зенитных и противотанковых орудий, моделей танков и броневых автомобилей.

Гитлер задумался.

— Хорошо, начинайте про наши доблестные Панцерваффе. Они — наша главная ударная сила в будущей войне против Франции, Англии и России.

«Проклятье, он по-прежнему уверен, что мы сможем военным путём победить русских... Печально, если так. Неужели Алекс был прав и мне не удастся убедить фюрера в возможности германо-советского пакта против англо-американцев? Ладно, время ещё есть, попробую быть более убедительным в будущих разговорах на эту тему.»

Гюнтер глубоко вздохнул.

— Начну с броневых автомобилей. Как вы знаете, у нас на вооружении много самых разных броневиков. Я предлагаю, в целях унификации и облегчения технического обслуживания, прекратить выпуск некоторых из них и, наоборот, нарастить производство других. Например, броневики разведки и патрулирования «Sd.Kfz 221 и 222». Первая серия вооружена всего лишь пулемётами. Я предлагаю полностью прекратить выпуск 221 и нарастить производство пушечных «Sd.Kfz 222». Все, на данный момент, выпущенные

модели 221 переделать до 222.

Далее. Вместо нескольких модификаций тяжёлого броневика моделей «Sd.Kfz 231, 232, 233» лучше всего выпускать всего один тяжёлый пушечный броневомобиль «Sd.Kfz 234 Puma». Это усовершенствованный вариант отличной машины в более поздний период войны. Лобовая броня увеличена до примерно 3 см. Вооружение состоит из пушки «5 cm KwK 39», которая будет создана на основе нашего противотанкового орудия «5 cm PaK38». Благодаря этому, машина сможет бороться не только с пехотой и броневиками, но и с лёгкими танками, такими как английские крейсерские танки и русские «Т-26», «БТ-5» и «БТ-7» составляющие основу танкового парка Советов. В мире будущего, этот великолепный броневомобиль выпускали фирмы «Bussing-NAG», «Daimler-Benz AG» и «Schichau». Двигатель сможет разработать чешская фирма «Tatra». В будущем они затянули это до конца 1941 года, но, мой фюрер, думаю, если вы используете свой авторитет, то разработка и производство начнётся гораздо раньше. Поверьте, эта машина очень нужна армии и когда она поступит в войска, наши солдаты и офицеры будут очень благодарны вам.

Продолжу. Броневик «Sd.Kfz 247» тоже лучше прекратить выпускать, как и «Sd.Kfz 250». Вместо них следует максимально нарастить производство легендарного «Sd.Kfz 251 Napomag», в нескольких модификациях: тягач, медицинская машина, сапёрная, штабная, артиллерийской разведки, а также с установленным в кузове вооружением. Миномёт, лёгкая зенитка или то же противотанковое орудие «5 cm PaK38». Так же, в будущем, можно будет навесить на его борта блоки реактивных снарядов и поддерживать нашу пехоту в атаке.

Гюнтер выдохнул и спросил:

— Разрешите слегка промочить горло, мой фюрер?

Язык после подробного объяснения был сухой, а графин с водой на подоконнике так манил..

— Да, конечно, оберштурмфюрер... — задумчиво протянул Гитлер, погруженный в свои мысли. — Знаете, рациональное зерно в ваших предложениях есть, думаю, это в самом деле поможет увеличить мощь нашего Вермахта, причём, без больших затрат для промышленности..

— Мой фюрер, это уже проверено временем. Я лишь предлагаю более эффективно использовать то лучшее что у нас есть, и не увлекаться тем что приносит мало пользы в бою... — с уверенностью ответил Гюнтер, после того как с наслаждением промочил горло.

Гитлер кивнул и, встав с кресла, начал прогуливаться по кабинету, изредка подходя к окну.

— Продолжайте, Гюнтер. Я внимательно слушаю вас.

— Слушаюсь. Теперь перейду к танкам. Как вы, наверное, сами понимаете, «Pz.Kpfw.I» безнадёжно устарел и я даже не знаю на что он ещё сгодится, кроме, возможно, переделки его в платформу под лёгкую зенитку. Советую вообще не использовать его в боевых действиях, разве что против партизан в захваченных странах. «Pz.Kpfw.II» уже лучше, но вооружение было явно недостаточно для полноценного боя с вражескими танками, ведь машина идёт в атаку в первых рядах, вскрывая оборону врага. Что тут можно сделать? Усилить броню, особенно лобовую, но и о бортовой нельзя забывать, в бою всякое может быть. В истории того мира часть этих машин переделали в противотанковые САУ, сняв башню и вооружив противотанковыми орудиями 5 см и 7,5 см. Также были выпущены небольшими сериями машины с установленной внутрь тяжёлой 15 см гаубицей и огнемётный танк. Решать вам, мой фюрер, судьбу этого танка, но использование его в

нынешнем виде в боях приведёт лишь к напрасным потерям в технике и опытных экипажах.

«Pz.Kpfw.III»... Хороший танк, но предлагаю его производство также постепенно прекращать, чтобы высвободить заводские мощности для «Pz.IV» и других машин более совершенных моделей. Понимаю, что сейчас это невозможно, на носу вторжение во Францию. Но после капитуляции «лягушатников», во время подготовки к нападению на Остров, будет самое лучшее время для перестройки танковых войск. Те танки, что уже выпущены, после захвата Парижа надо вернуть на заводы, чтобы усилили их лобовую броню корпуса до 7 см, бортовую до 3–4 см. Орудие также можно будет усилить до 5 см. Дальнейшая модернизация «Pz.III» невозможна, против новейших английских, советских и американских танков он уже будет слабоват. Также, на шасси недостроенных «троек» есть смысл выпускать самоходные противотанковые орудия «StuG.III» с усиленной лобовой бронёй и 7,5 см орудием. Они неплохо показали себя в боях, хотя отсутствие пулемёта вынуждало использовать их только в составе прикрытия пехоты. Ещё на их базе, если снять башню, можно поставить четверённую зенитную установку «20 mm Flak-36 или Flak-38 Vierling», или превратить в машины для разминирования минных полей, с навешанными тралами. В общем, пока приемлемый танк, но будущего у него мало.

Наконец, самый многообещающий на сегодняшний день танк, «Pz.Kpfw.IV». Сейчас начал выпускаться «Pz.IV. Ausf. D». В той истории, у «четвёрки» была куча модификаций, причём, некоторые изменения были настолько незначительны, что внешне были незаметны. Я предлагаю начать выпускать одну из самых последних моделей этого танка под наименованием «Pz.IV. Ausf. H». Лобовая броня корпуса возрастет до 8 см, орудие также будет усилено, что позволит машине противостоять всем средним танкам наших врагов. Также на базе этого танка были созданы отличные противотанковые самоходные установки, зенитные танки, например, «Flakpanzer IV Wirbelwind» и «Flakpanzer IV Kugelblitz», которые отлично прикрывали войска на марше и стали серьёзной угрозой для американских штурмовиков «Тандерболт» и советских «Ил-2». В дальнейшем можно рассмотреть возможность установки вместо 2 см пушек 3,7 см. Такая машина называлась «Flakpanzer IV Ostwind».

Гитлер заинтересованно посмотрел на Гюнтера.

— «Смерч», «Шаровая молния» и «Восточный ветер»? Мне нравятся эти названия. От них так и веет разрушительной силой, которая сметёт с неба вражеские самолёты... — фюрер с загоревшимися глазами вновь начал энергично прохаживаться по кабинету.

— Ваши рассуждения меня привлекают, Гюнтер, поэтому, раз уж начали, продолжим. Гюнше! — громко крикнул он.

Дверь тут же открылась и появилась мощная фигура верного адъютанта.

— Слушаю, мой фюрер! — вытянулся он.

— Я для всех занят, Гюнше. И для фройляйн Браун тоже! — грозно дополнил Гитлер.

— Так точно, мой фюрер! — ответил адъютант и бесшумно вышел.

— Не хватало ещё чтобы она опять сюда пришла и начала жаловаться... — ворчливо сказал фюрер. Он снова уселся в кресло и устремил взгляд на Гюнтера.

— Продолжайте, оберштурмфюрер.

— Слушаюсь! — ответил Гюнтер, внутренне собравшись.

«Теперь настала пора рассказать мою задумку. Возможно, конечно, эта информация недостоверна, но... рискнуть стоит».

Он понимал, что выиграть войну с одними средними танками невозможно и поэтому

решил использовать весьма нестандартный ход. Последние несколько лет Гюнтер увлекался мировой онлайн-игрой "World of Tanks" и естественно, как патриот, предпочитал немецкую технику. Все ветки развития существующей в реале и на бумаге германской техники он подробно изучал, когда зарегистрировался но, к сожалению, немалую часть сведений о ТТХ машин он успел позабыть, в частности, марки двигателей и обозначение орудий. Играть Гюнтер предпочитал на тяжёлых танках и ПТ-САУ, лёгкие, средние танки и самоходная артиллерия меньше привлекали его. Конечно, было бы привлекательно начать выпускать сразу мастодонты 10 уровня, или даже «Леопард», но он понимал, что пока промышленность Рейха просто не потянет их, к тому же конструкторы ещё даже толком не разработали их на бумаге. Да и ТТХ танков в игре явно были приблизительными, а не реальными. Вечером, перед сном, и в редкие минуты безделья, он часто пытался понять на какой именно тяжёлый танк следует обратить внимание Гитлера.

«Пантера» ему не нравилась, слишком высокий силуэт, тонкая броня, да и не тяжёлый это танк, а скорее, средний.

«Тигр»? Хорошая броня, мощное орудие, первоклассная немецкая оптика... Но броня расположена вертикально, следовательно, чтобы уберечь экипаж и механизмы, нужно увеличивать её, что приведёт к увеличению веса. Из-за этого придётся ставить более мощный двигатель. Нет, нужно что-то другое... чтобы лобовая броня была под рациональными углами наклона, тогда, будет больше шанс рикошетов при попадании.

«Тигр II»? Это уже лучше. В его истории машина была сырая, с хрупкой, хоть и толстой бронёй, которая по свидетельствам экипажей трескалась от ударов снарядов из-за отсутствия легированной стали. Перегруженная трансмиссия. Масса около 70 тонн. Сварка тоже уже не была добросовестной, спешка и низкая квалификация рабочих в конце войны не дали танку в полной мере проявить свою боевую ярость. Зато теперь время есть и, если выбор падёт на него, можно будет без помех довести машину до ума. Только вот снова масса большая... С другой стороны, современные тяжёлые танки и должны быть такими, броня не может быть лёгкой. Ладно, пока на рассмотрении.

Следующий вариант «E75». Так и не был воплощён в металле, существовал только на бумаге. Броня ещё лучше чем у «Тигра II», особенно лоб башни. Орудие такое же. Вот только масса от 85 до 90 тонн... Не факт что нынешние железнодорожные платформы выдержат его. Надо будет узнать этот вопрос.

Наконец, «Лев». Броня примерно та же что и у «Тигра II», масса как у «E75» Единственный плюс по сравнению с ним — 10,5 см орудие вместо 8,8 см. Ну и ещё круглая башня, повышающая шанс на рикошет при попадании. Есть над чем подумать..

Проектировать и, тем более, строить таких гигантов как «E100» или «Маус» нет смысла. Запредельная масса, огромная стоимость, невозможность транспортировки на большое расстояние... и это ещё не все минусы. Небольшая группа тех же американцев с «базуками» изрешетит их, как только сможет подобраться поближе. А уж как чинить подорванные на минах гусеницы... За такое издевательство экипаж танка с радостью линчует его, если сможет. И Гюнтер их понимал, едва представив такую картину. В игре они смотрятся мощно, но реальность совсем другая.

Вынырнув из своих мыслей, он сосредоточился и начал... Рассказал всё о сложном выборе между «Тигром II», «E75» и «Львом». Затем вернулся к «Pz.IV», точнее, самоходных орудиях на его базе: — «StuG IV», «Jagdpanzer IV», «Nashorn», «Hummel». Заодно, вспомни рассказал всё что помнил о лёгкой самоходке «E25».

Когда Гитлер его остановил, оказалось, что солнце уже клонилось к западу.

— Пока достаточно, оберштурмфюрер! — поднял он руку. — Мне нужно обдумать всё что вы мне тут рассказали... Вернёмся к этому разговору через пару дней, я вызову вас когда буду готов. Да, ещё кое-что... — остановил он развернувшегося к двери Гюнтера.

Тот обернулся и вновь вытянулся, демонстрируя, что весь во внимании.

— Я решил, что вам следует взять несколько дней отдыха от службы... — Увидев удивленное выражение лица Гюнтера, он пояснил: — Думаю, из-за этого вам трудно найти время для того чтобы перенести свои мысли о реорганизации вооружения нашей страны на бумагу. Теперь оно у вас есть, используйте его правильно, оберштурмфюрер. Помните, это имеет важнейшее значение для Рейха! Когда закончите, сообщите мне. И не затягивайте, оберштурмфюрер! — высокопарно заметил Гитлер, энергично взмахнув рукой.

Берлин.

10 апреля 1940 года. Вечер.

Гюнтер Шольке.

...Сменившись, Гюнтер возвращался с дежурства в свою съёмную квартиру, туда, где прошлой ночью они с Лаурой доставили друг другу море удовольствия и открыли новую страницу их взаимоотношений. Остаться в казарме ночевать не хотелось, а звонок в Шарите Лауре после дежурства, с намёком о повторении бурной ночи его несказанно огорчил. Фрау Кох, видимо, в качестве отработки, оставила Лауру на ночное дежурство, и виновато-разочарованный голос девушки до сих пор звучал в его ушах. Она чуть не плакала, засыпав его уверениями, что сама бы готова бежать к нему, но... Робко предложила придти к нему утром, после дежурства, он с радостью согласился, но ночь всё равно придётся коротать одному. Что ж, не в первый раз... Еда есть, перекусит и спать, а утром займётся своим «Цветочком», благо на службу не надо. Гауптштурмфюрер подтвердил, что получил приказ о его временном отпуске, попытался узнать от него причину, но получил туманный ответ. Сослуживцы, узнав о новом звании, спросили, когда он планирует отмечать своё новое звание и где. Отбилса от них обещанием, что в ближайшие дни обязательно решит этот вопрос и поставит их в известность.

Уже почти смеркалось, и сумерки окутали город. Несмотря на войну, люди гуляли по улицам, парочки, целуясь и держась за руки, сидели в кафе, слышались смех, весёлые голоса... Начиналась бурная вечерняя жизнь большого города.

Гюнтер, наслаждаясь вечером, шёл по улице мимо одного из больших домов, где жили не самые бедные жители города, когда внезапно, совсем рядом с ним, раздался мощный взрыв. Несколько окон дома вылетело со звоном стёкол, осыпав часть улицы острыми осколками. Пронзительно закричали и завизжали несколько мужчин и женщин, которым не повезло угодить под стеклянный дождь.

Гюнтера тоже не миновала эта участь, его повалило на мостовую, а несколько осколков порвали его форму и порезали руки, которыми он инстинктивно пытался закрыть лицо. Фуражку сдуло волной от взрыва и отшвырнуло куда-то вдаль. Кашляя, он пытался встать, одновременно пытаясь понять, что произошло... Неужели внезапный воздушный налёт островитян? Хотя, вроде бы рановато... Да и воздушной тревоги не объявляли.

Наконец, он смог встать, пошатываясь, и посмотрел на дом рядом с которым проходил. Приличный жилой трёхэтажный дом. Только из ближайших окон первого этажа рвалось пламя, от которого у Гюнтера едва не обжигало лицо. Стена возле входа в здание была разрушена, словно изнутри, рядом с ней, взорвалось что-то мощное. Кирпичную стену буквально вышибло наружу, раскидав кирпичи по улице. Вглядевшись в разрушенный проём и прикрыв глаза от жара рукой, Гюнтер смутно рассмотрел разбросанные по взорвавшейся комнате кастрюли, сковородки, ложки и вилки.

«Похоже, в кухне что-то взорвалось... Неужели газовая плита? Или запасы керосина?» — отстранённо предположил он. В любом случае, сейчас это было неважно. Скоро подъедут пожарные и потушат огонь. Хорошо, что его не убило этим взрывом, было бы очень обидно перенестись в прошлое и так глупо погибнуть от случайного взрыва. Гюнтер отряхнулся, и

хотел было уже пойти искать свою фуражку и перевязать слегка кровоточащие руки, но внезапно вздрогнул и остановился как вкопанный. Случайно посмотрев вверх, он заметил несколько человек, взрослых и детей, которые находились на втором и третьем этажах горящего здания. Они как раз открыли окна и начали звать на помощь:

— Помогите!!.. У нас пожар! Спасите, пожалуйста!..

Тем временем возле Гюнтера и здания собралось несколько мальчишек из «Гитлерюгенда» и пара полицейских, которые растерянно переглядывались, и казалось, не знали, что делать в первую очередь. Кто-то крикнул:

— Тащите сюда воду и песок! Быстрее!

Человек пять рванулись в темноту. Гюнтер, наконец, очнулся от ступора и крикнул:

— Спускайтесь к чёрному входу! Здесь не выйти!

Ревущее пламя заглушало его голос и ему приходилось кричать во всё горло, чтобы быть услышанным.

— Мы не можем! — донёсся до него отчаянный женский крик. — Он забит старой мебелью и хламом, у нас не хватит сил освободить его!

— Главная лестница разрушена, на другой полно дыма и ничего не видно! — подхватил другой голос, мужской.

«Проклятье! Что же делать?» — мучительно думал он. Время работало против людей, пламя, получив щедрую пищу из дерева и тканей ковров, занавесок набирало силу и уже почти дотягивалось к окнам второго этажа. Наконец, он решил, что нашёл выход:

— Те, кто на втором этаже, прыгайте к нам, мы поймаем! А те, кто на третьем, свяжите вместе полотенца, занавески и спускайтесь пониже, мы вас будем ловить! Дети вперёд! — добавил он.

Повернувшись к подросткам, он властно проговорил:

— Так, ребята, обступите меня плотнее, я буду ловить людей, а вы меня держите и страхуйте, чтобы я не упал. Вы тоже! — обратился он к полицейским. — Встаньте под теми окнами и ловите людей, пусть вас тоже придерживают мальчишки. Выдержите нас? — спросил Гюнтер пытливо глядя в лицо подросткам.

— Так точно, герр унтерштурмфюрер! Не сомневайтесь, мы крепкие! — вразнобой заверили его юные нацисты.

«Унтерштурмфюрер? Ах да, я же не успел сменить знаки различия..» — пронеслось в голове.

Они группами подошли как можно ближе к окнам, мужественно выдерживая жар огня, который, не унимаясь, распался всё сильнее.

— Прыгайте!! — во весь голос проорал Гюнтер.

Из окон второго этажа начали спускать детей. Те отчаянно кричали и плакали. К счастью, младенцев не было, самому младшему ребёнку было, примерно, лет пять или шесть. Первый ребёнок, наконец, полетел вниз, выпущенный из женских рук. Гюнтер легко поймал его и тут же передал одной из женщин, стоявшей неподалёку. Затем второй, третий... Гюнтер без проблем ловил ревушие от страха детские тела и осторожно передал ещё нескольким женщинам, подошедшим ближе.

Мельком оглянувшись, он заметил, что полицейские тоже справляются со своей работой, они спасли уже несколько человек.

«Где эти проклятые пожарные?! Они уже давно должны быть тут..» — со злостью думал он. Но их почему-то не было.

Дети закончились. Наступила пора взрослых. На взгляд Гюнтера там ещё оставалось человек десять. Но ситуация ухудшилась. Огонь, прожорливо пожирая внутренности дома и раздуваемый порывами ветра, стал ещё сильнее, и Гюнтеру, вместе со спасателями, пришлось отодвинуться от окон ещё на пару метров. Люди вставали на подоконник и сильно оттолкнувшись, прыгали к нему в объятия. Сначала прыгнула женщина с пронзительным визгом. Гюнтер подсознательно отметил её красивые ноги в чулках, которые показались во всей красе когда, во время полёта, платье задралось вверх. Поймав её, он крепко прижал женщину к себе, почувствовав, сквозь запах гари аромат духов. Осторожно поставил даму на землю. У неё на глазах были слёзы, наверно от дыма.

— Спасибо... Если бы не вы... — прошептала ему женщина.

— Это мой долг, фрау... — так же тихо ответил он ей.

— Извините, но я не замужем... — ответила спасённая, не спеша освободиться от его рук. Перехватив его удивлённый взгляд на спасённых детей, она пояснила:

— Это не мои дети, я просто смотрела за ними... — она неотрывно смотрела ему в глаза с непонятым выражением.

— Куда только смотрят мужчины... — с удивлением произнёс он, слегка улыбнувшись и неохотно разжимая свои руки с тонкой женской талии.

— Ловите меня! — раздался из окна испуганный мужской крик.

Гюнтер обернулся и на время забыл о женщине. На подоконнике второго этажа, схватившись за раму крепко сжатыми руками, стоял тучный мужчина в домашнем халате. Его лицо было перекошено от страха, глаза бегали.

«Даа, этот толстяк запросто раздавит меня, если неудачно упадёт..» — ошарашенно поразился Гюнтер.

— Герр Бломфельд, успокойтесь! Прыгайте! — закричала рядом с ним спасённая незнакомка. — Это мой хозяин, герр Бломфельд, а я работаю у него няней его сына и, одновременно, гувернанткой... — сказала она обернувшемуся Гюнтеру.

Тот слегка расставил ноги, напрягся и бросил подросткам:

— Держите меня крепче, этот хряк отменно раздобрел.

От мальчишек, подпёрших его своими спинами и плечами, послышались смешки и фырканье. К удивлению Гюнтера, тоже самое донеслось и от женщины.

— Прыгайте, я поймаю вас! — прокричал Гюнтер. — Наверное... — добавил он про себя.

Закричав, толстяк сильно оттолкнулся и мешком полетел вниз, отчаянно махая руками.

Раскинув руки, Гюнтер поймал его и, несмотря на помощь, ему показалось, что на него действительно свалился кабан. Тяжёлое тело, набравшее скорость под силой притяжения, буквально впечаталось в него, повалив на землю и Гюнтера и подростков удерживающих его. Образовалась куча-мала из нескольких тел. Наконец, оглушенные падением Гюнтер и мальчишки поднялись на ноги и посмотрели на спасённого. Тот, приземлившись на мягкие тела спасателей, похоже, не пострадал и уже стоял, испуганно оглядываясь.

Внезапно послышался голос женщины:

— Герр Бломфельд, а где фрау Бломфельд? — растерянно спросила она. — Ваша жена же была вместе с вами, я видела?

Тот не сразу услышал вопрос. Поняв, о чём его спрашивают, он раздражённо отмахнулся рукой и отвёл взгляд:

— Не знаю, Катарина... Вроде бы Аннелиза куда-то вышла из комнаты... А потом

взрыв... и я вместе с детьми хотел спастись..

— Вы... Вы бросили там свою жену, герр Бломфельд? — потрясённо смотрела на него женщина.

— Отстаньте, Катарина! Вы знаете наши отношения... мы давно уже живём каждый по-своему. Я не обязан был спасать эту развратную дуру, которой плевать на меня! — разразился толстяк гневной речью, размахивая руками. — Сама виновата, подлая тварь! Если она... — спасённый резко захлебнулся словами и с шумом свалился на мостовую, хватая ртом воздух.

Гюнтер, дрожа от злости, опустил кулак, которым он только что с наслаждением захватывал в большой живот этого хряка. Не сдержавшись, он размахнулся и начал пинать Бломфельда, награждая его ударами по телу. Тот, крича и извиваясь, свернулся клубком, пытаясь закрыться от ударов. — Что вы делаете?? Я буду жаловаться вашему..!!

— Какая же ты мразь, толстая свинья! Если бы я знал, какой ты ублюдок, то с удовольствием отошёл бы сторону, чтобы ты разбился, урод! Как можно бросить свою жену в огне и самому спастись? Ты не мужчина, а полное чмо!! — Ударив напоследок толстяка, он плюнул на него и попытался успокоиться, тяжело дыша. Также возмущённые подростки мрачно смотрели на трусливого мужчину, стискивая кулаки. Они явно разделяли ненависть Гюнтера к таким личностям. К нему подошла спасённая Катарина и осторожно прикоснулась к нему.

— Успокойтесь, прошу вас, герр унтерштурмфюрер... — она заглянула ему в глаза. — Мне жаль, что так случилось... Фрау Бломфельд не такая как он про неё говорил. Она хорошая и несчастная женщина, любит своего сына и всегда была добра ко мне..

— Просто Гюнтер, Катарина... — угрюмо сказал он.

Тем временем, все кто был на втором этаже, кроме пропавшей фрау Бломфельд, были спасены. Так же, спрыгнули часть тех кто был и на третьем этаже. Но не все. Оставалось ещё человек пять, в том числе четыре женщины разного возраста. Они боялись прыгнуть, истерично рыдали и молили о помощи. Огонь разбушевался во всю, ворвавшись на второй этаж и подбираясь к третьему. Спасателям пришлось отодвинуться ещё дальше, чтобы не обжечься. Теперь прыжок с последнего этажа был уже невозможен, огонь не давал возможности перепрыгнуть его. Казалось, несчастных жителей уже не спасти..

Прибежали парни, отправленные за песком и водой. Трое из них тащили по два ведра каждый, последняя пара, пыхтя, принесла большой ящик с песком и пару лопат. Они с грохотом опустили тяжёлый ящик и уселись отдыхать, вытирая пот со лба.

— Спасибо, парни! — поблагодарил их Гюнтер. Он не стал говорить, что их помощь опоздала, шестью вёдрами воды и ящиком песка тут уже не поможешь. Нужны более радикальные средства. Он огляделся. Спасённые люди стояли и сидели у противоположной стороны улицы и рыдали, глядя на свой дом. Кое-кого из них укутали одеялами, детей завели внутрь дома. Хряк стонал и ругался, сидя на бордюре, Катарина, прижав к себе сына Бломфельдов, смотрела на охваченные огнём окна квартиры и плакала.

Гюнтер глубоко вздохнул и решился. Как ему не хотелось это делать... Но просто стоять и смотреть, как люди горят заживо? Это ещё хуже. Он развернулся к членам «Гитлерюгенда» и приказал:

— Кто-нибудь, дайте мне свой шлем!

Подростки вопросительно уставились на него, оторвав взгляд от горящего дома. Помедлив, двое протянули ему свои шлемы. Один из них спросил:

— Зачем он вам, герр унтерштурмфюрер?

— Увидите... — бросил он в ответ.

Взяв одно из вёдер, он опрокинул его на себя. Холодная вода приятно остудила голову, шею, пролилась на китель и за шиворот. Нахлобучил шлем и полил его водой. Приказал:

— Облейте меня водой. Так, чтобы вся одежда была полностью мокрой! — он увидел, как мальчишки оторопело уставились на него. — Выполнять! — хлестнул по ним его голос.

Парни начали обливаться водой. Внезапно к нему подошла Катарина, её влажные глаза смотрели на него с тревогой.

— Что вы собираетесь делать, Гюнтер?

— Собираюсь делать то что должны были сделать пожарные... — буркнул он. Настроение было ни к чёрту.

— Вы собираетесь... — её голос сорвался. — Собираетесь войти внутрь? Но это же безумие! Вы не сможете! Вы просто погибнете! Прошу вас, не входите туда, дождитесь пожарных! — Она крепко вцепилась в него как клещами.

— Успокойтесь, Катарина! — он аккуратно разжал её руки. — Лучше помогите мне! Можете дать вашу косынку?

Она, онемев, молча сняла с шеи косынку, не отрывая от него взгляда.

— Пожалуйста. Не надо... — прошептала она.

— Со мной всё будет в порядке, Катарина! У меня ещё в этом мире куча дел, так что я выживу, обещаю! — весело подмигнул он ей. Взяв её косынку, Гюнтер окунул ткань в последнее ведро с водой и обмотал ей лицо, оставив открытыми только глаза. На кисти тоже намотал мокрые тряпки. Всё, теперь он готов! Конечно, лучше бы надеть противогаз, но где его взять? Ни у полицейских, ни у мальчишек их не было. Была опасность, что металлический шлем раскалится от температуры, но угроза внезапного падения обломков на незащищённую голову перевесила. Пусть лучше будет.

Обернулся к подросткам:

— Вы будьте наготове, возможно, мне понадобится ваша помощь, когда стану вытаскивать людей. Несколько человек пусть дежурят у чёрного хода. Поняли?

— Так точно, герр унтерштурмфюрер! — несмотря на обстановку, вбитые в них уставные рефлекс по-прежнему доминировали.

Поглядев в последний раз на Катарину, которая во все глаза продолжала смотреть на него, он разбежался и, сильно оттолкнувшись, запрыгнул в пролом. Мгновенно стало трудно дышать, лёгкие усиленно пытались вдохнуть побольше воздуха, но его остро не хватало. Нагнувшись пониже, Гюнтер попытался осмотреться. Сквозь плотный дым и всполохи огня на стенах, он увидел, что первое впечатление оказалось верным, он на кухне. Точнее, то что раньше было ею... Теперь же, полуразрушенное и разгромленное помещение напоминало, скорее, филиал ада, чем место где раньше готовили пищу. Часть комнаты была завалена обломками стены и лестницы на второй этаж, проходившей прямо за этой стеной.

Пахло горелым деревом и, почему-то, жареным мясом. Капшая, он чуть ли не на ощупь двинулся туда где, по его мнению, должна была быть дверь. Внезапно Гюнтер почувствовал, что наступил на что-то мягкое... Нагнувшись ещё ниже, чтобы разглядеть препятствие, его едва не вырвало.

Буквально перед его лицом показался чей-то обугленный череп. Жутко открытый рот, казалось, отчаянно пытался закричать, но не мог издать ни звука. Глаза спеклись от жара, волосы сгорели, да и вообще, вся голова, как и тело, были покрыты чёрной, обугленной

коркой. Остатки одежды, каким-то чудом не сгоревшей до конца, вплавились в тело. На пальцах руки, вздёрнутой к лицу, виднелись несколько колец, также сплавившихся со сгоревшей кожей. Похоже, это была женщина... Скорее всего, старушка, но точно не скажешь. В любом случае, ей уже никак не поможешь.

Справившись с организмом, Гюнтер осторожно двинулся вперёд, пытаясь различить хоть что-то. Пару раз под ноги попадались металлические ложки, тарелки, кухонная утварь, скрученная жаром во что-то невообразимое. Наконец, впереди забрезжил проём. Добравшись до него, он выглянул. Перед ним оказался коридор. Слева он уходил в глубину квартиры, вправо упирался во входную дверь с разбросанной взрывом перед ней верхней одеждой и обувью. Ему надо именно туда. Здесь было чуть меньше дыма и дышалось легче. Гюнтер почувствовал, что его форма начинает высыхать от жара. Косынка Катарини из более тонкой ткани на лице уже почти высохла. Шлем начал нагреваться.

На ощупь открыв дверь квартиры, он вышел в задымленный холл. Здесь разрушений было меньше, но все они пришлись как раз на вход и лестницу. От неё отвалился почти весь пролёт, в результате чего нельзя было пройти ни вверх ни вниз, если только перепрыгнуть дыру сверху вниз, но густой дым не позволял видеть нижний край площадки. К тому же, внизу были острые обломки арматуры и остатков перил, так что смельчак, решивший сделать такой трюк, имел большие шансы нанизаться прямо на острое железо и камни, так как не видел место приземления.

«Проклятье! Здесь на второй этаж я точно не заберусь, придётся пробираться к чёрному входу... Но там, сказали, дым очень густой... Хотя выбора нет, если я хочу добраться до выживших то надо идти».

Свернув в какой-то коридор, он, после нескольких минут блужданий, наткнулся на маленькую лестницу ведущую куда-то наверх. Наверное, это она... В самом деле, на этой лестнице, почему-то, дым был ещё гуще чем в разгромленной кухне. Гюнтер, поднимаясь, снова начал кашлять, прижимая к лицу уже высохшую косынку. Держась одной рукой за стену, он поднялся на второй этаж. Видимость была совсем плохой, посмотрев вниз, Гюнтер даже не увидел своих сапог. Горло саднило, но он, поколебавшись, двинулся дальше. Если фрау Бломфельд ещё жива, он заберёт её на обратном пути, а сейчас надо пробраться на третий этаж, там пять человек, из них четыре женщины.

Таким образом, кашляя и моргая слезившимися глазами, Гюнтер добрался до третьего этажа. Ступеней, как и сапог, не было видно, и он шёл, можно сказать, наугад, несколько раз оступившись. Пробираясь по стене, наткнулся на открытую дверь одной из квартир, видимо, жильцы из неё уже как-то эвакуировались. Решившись, он зашёл внутрь. С трудом найдя окно на кухне, Гюнтер распахнул его и начал жадно вдыхать свежий вечерний воздух. Выглянув в окно, понял, что оно выходит в переулок, и тут не было видно, что происходит возле главного входа и приехали ли, наконец, долбаные пожарные. Не представляя что могло их так сильно задержать, Гюнтер обругал их последними словами, в том числе парой русских матерных слов, которым научился у всё того же Алекса. Его не прельщало быть героем, но иногда наступали такие ситуации когда приходилось делать шаг вперёд из рядов тех кто его не сделал. И сейчас получилась именно такая... Иногда он жалел что у него есть совесть, которая заставляет его совать свою задницу в разные опасные ситуации ради других. Был уверен, что беспринципные люди, которые живут только для себя более счастливы, вот только... что-то не было желания стать таким эгоистом.

«Похоже, я какой-то идеалист, готовый рискнуть жизнью ради своих идеалов..» —

покачал головой Гюнтер, усмехнувшись. «Как там однажды сказал Алекс? — Хорошо там где жопа в тепле? К чёрту такую жопу! Хватит рефлексировать! Вперёд, уже немного осталось!».

Надышавшись, он вышел из квартиры, где, благодаря проветриванию, стало меньше дыма и двинулся дальше по коридору. Насколько он помнил, нужная ему квартира была в самом конце. Пройдя до конца коридора, миновал ещё две квартиры с открытыми дверями. Мелькнула мысль зайти внутрь и распахнуть все окна, чтобы проветрить коридор, но, поколебавшись, бросил эту заманчивую идею. Времени было мало, к тому же он слышал что открыв окно можно дать пищу огню и усилить пожар. В данный момент, пламени он не видел, только дым, но если он чего-то не видит, это же не значит что этого нет? Нет, не будет рисковать. Наконец, добравшись до цели, он грохнул кулаком по двери:

— Есть кто живой? Откройте!

Спустя несколько секунд томительного ожидания щёлкнул замок, и дверь широко открылась. За ней оказалась одна из молодых женщин, которые выглядывали из окна, когда он стоял на улице. Заплаканные глаза, неряшливость в одежде и причёске выдавали всю гамму чувств, владевших ей.

— Слава Богу!! Мы уже решили, что так и сгорим здесь... Вы поможете нам? — её голос слегка подрагивал, взгляд просил о помощи, было видно, что она на грани отчаяния.

— Конечно, фройляйн! Иначе что я здесь делаю? Даже не сомневайтесь, все выйдем отсюда! — уверенным тоном ответил Гюнтер, зная, что первым делом надо успокоить беспомощных женщин и вдохнуть в них веру в благоприятный исход.

Захлопнув входную дверь, он прошёл внутрь вслед за одной из хозяек. Уютная обстановка квартиры навевала мысль что здесь всё устроено женщинами и для женщин. Красивая мебель, подобранная в тон, ковры на стенах, светильники, в виде цветов, светлые обои, множество разных картин и фресок... Квартира была большая и богатая, гостиная, зал, кухня и несколько спален. Все её обитатели собрались в гостиной, всхлипывая и плача, кроме одной из них, самой старшей по возрасту. По её красивому, спокойному лицу и уверенному голосу было ясно, что именно она является здесь главной.

Ей было, на взгляд Гюнтера, от 35 до 40 лет. Стройная фигура с выпуклостями там где надо, показывала что она следит за ней. Волосы свободно спадали чуть ниже плеч, глаза смотрели спокойно, не выдавая чувств, которые наверняка бушевали у неё внутри. Одета дама была в элегантное светло-зелёное платье чуть ниже колен с декольте, в котором угадывалась отнюдь немаленькая грудь. Она, сидя на диване, обнимала обеими руками двух молодых девушек, лет 16–18. Именно они всхлипывали, прижавшись к ней.

Одна из них, блондинка, была чуть в теле, но хорошенькой. На ней был распахнутый домашний халатик, который она произвольно запахла, наткнувшись на его взгляд. Под ним мелькнула длинная, белая, ночная рубашка. Заплаканные глаза уставились на него с отчаянной надеждой.

Вторая, брюнетка, была стройная как тростинка, с такой талией, что Гюнтеру показалось, будто он сможет обхватить её двумя ладонями. Она прижимала к глазам вышитый платочек, аккуратно вытирая глаза. Его она не заметила, уткнувшись женщине в грудь. Её длинные, чёрные волосы придавали девушке какую-то необъяснимую красоту и очарование.

Та девушка, что открыла ему дверь, тоже не была дурнушкой, а, наоборот, очень симпатичной особой. Даже заплаканные глаза не портили её хорошенького личика.

Каштановые волосы слегка кудрявились, маленький носик задорно шмыгал, а очаровательные губки были приоткрыты, позволяя временами увидеть белые ровные зубки.

В комнате был ещё один персонаж, мужчина. Старик, одетый в классический костюм с жилеткой и цепочкой для часов, сидел в углу, в кресле. Плотные сжатые губы и отсутствующий взгляд, полное равнодушие к своим родственникам невольно озадачили Гюнтера.

Пройдя за девушкой в гостиную, он выглянул в окно и тут же отшатнулся. Пламя полностью завладело деревянными рамами окон второго этажа и настойчиво пыталось сделать то же самое с окнами на третьем. Жар снизу был настолько велик что, неосмотрительно высунувший голову Гюнтер, почувствовал, как его брови начали завиваться. Отпрянув от окна и проведя рукой по лицу, он обернулся к хозяевам роскошной квартиры.

— Здравствуйте, милые дамы. Позвольте представиться — оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке. Увидел, что вам трудно покинуть на время свою очаровательную квартиру и решил помочь в этом. Настоятельно рекомендую сделать это как можно быстрее и готов помочь вам в этом.

Девушка, впусившая его, сразу как зашла в гостиную, присоединилась к своим родственницам на диване. Короткое молчание нарушила старшая дама.

— Здравствуйте, герр оберштурмфюрер. Нам действительно нужна ваша помощь, мы рады, что вы пришли к нам и с удовольствием примем ваше предложение. — Её голос звучал спокойно, словно она обсуждала какую-то незначительную мелочь, а не опасный пожар, грозящий её семье и её самой.

«Надо же, как повернула..» — внутренне усмехнулся Гюнтер. «Словно я упрашиваю её спастись, и она милостиво это разрешает».

— Меня зовут Мария. Баронесса Мария фон Мантойфель. Это мои дочери — Амалия... — показала на девушку в теле.

— Гретхен... — кивок на стройную красавицу.

— И Ирма... — взмах руки на ту которая открыла ему.

— А это мой дядя, Вильгельм. — Она посмотрела на своего родственника с каким-то непонятым выражением. Старик даже не пошевелился, он сидел как статуя, изредка моргая.

«Так она аристократка? Тогда понятно такое поведение... Властная и любит чтобы всё было только по её желанию. Только сейчас не тот случай для такого.»

— Очень приятно, фрау фон Мантойфель, — вежливо сказал Гюнтер. — Но пожар быстро распространяется, и предлагаю срочно выйти на улицу.

Женщина открыла рот чтобы что-то сказать но была внезапно перебита Ирмой:

— Мы хотели выйти, но в коридоре столько дыма, что дышать нечем... А главная лестница разрушена... — горестно произнесла девушка.

— И ещё там так жарко! Где же пожарные? — поддержала сестру Гретхен.

— Про пожарных не знаю. Сам гадаю куда они запропастились. Но в любом случае, ждате их сейчас, нет времени. Поэтому, красавицы, внимательно слушайте всё, что я скажу, и выполняйте без колебаний! Ясно? — уверенным тоном обратился он к ним.

— Ясно..

— Да, герр оберштурмфюрер... — почти синхронно ответили девушки.

— А вы довольно решительны, офицер. — Пристально глядя на него ответила

аристократка. — Но, похоже, курсы этикета вы посещали не слишком часто?

Гюнтер хищно улыбнулся ей.

— Сказать по правде, баронесса, я не посещал их вообще! У меня было трудное детство. Впрочем, если моя невежливость как-то вас оскорбила, можете остаться, вот только заберу с собой ваших очаровательных дочек, не хочу чтобы они разделили участь своей недалёковидной и высокомерной матери... — уже не сдерживаясь, заявил он со злостью.

Напряжение и смертельная опасность, вкупе с заносчивостью этой красивой аристократки, вывели его из равновесия. Он тут пытается их спасти, рискуя жизнью, а она ещё выпендривается из-за того что Гюнтер не раболепствует перед ней. Да пошла она..

Баронесса ничего не ответила, лишь лицо слегка покраснело. Наверное, она не привыкла к такой дерзости от тех кто ниже её и сейчас пытается найти способ как-то поставить его на место.

— Так, фройляйн, что сидим? Каждая из вас возьмите какую-нибудь косынку или платок, смочите его в раковине и закройте лицо. Так вам будет легче дышать! — начал распорядиться Гюнтер, не обращая больше внимания на их мать.

Девушки, помедлив и нерешительно взглянув на мать, встали и пошли в спальню. Гюнтер, тем временем, подошёл к старику и попытался вывести его из состояния апатии.

— Герр Вильгельм... Вы слышите меня?

Никакой реакции, даже не вздрогнул. Глаза так же продолжали равнодушно смотреть перед собой.

— Проклятье... — пробурчал Гюнтер.

«Как же его вывести отсюда? Неужели придётся на себе тащить?»

— Это бесполезно, оберштурмфюрер... — донёсся до него спокойный голос баронессы.

— Он уже много лет в таком состоянии. Не выходит из дома один. Думаю, вам придётся помочь ему покинуть квартиру.

Она, наконец, встала и направилась в сторону ванной. Гюнтер невольно залюбовался ею. Аристократка двигалась плавно и величественно, словно находилась на великосветском приёме.

— А где ваш муж? — он сам не понял, почему спросил это.

— Его нет. Умер. — Коротко ответила она, не оборачиваясь, и скрылась в ванной.

«Вот так! Исчерпывающее объяснение. Видимо, давно умер или же любовь прошла, не похожа она на безутешную вдову..»

Однако сейчас не до философствования, надо уходить пока огонь не ворвался сюда. Внезапно с улицы послышались далёкие автомобильные гудки, Неужели пожарные решили, наконец, появиться? Может шнапса перепились на дне рождения своего начальника?

Из своих комнат начали быстро выходить девушки. У одной оказалась косынка, у другой шарфик, у третьей широкий платок. Гурьбой они залетели в ванную, откуда величественно выплыла баронесса с двумя мокрыми полотенцами. Второе, видимо, для дяди?

Наконец, весь женский цветник с мокрыми тряпками на лице, собрался вокруг него, ожидая, что будет дальше. Гюнтер уже продумал план и начал озвучивать его:

— Отлично, красавицы! Теперь внимательно слушайте дальше. Сейчас я открою дверь и мы начнём спускаться к выходу. Первый пойду я с дядей Вильгельмом. За мою португую крепко возьмётся Гретхен. Её за руку возьмёт Ирма. За Ирму ухватится Амалия. Последней же пойдёт уважаемая баронесса, чтобы никто из вас не потерялся и не отстал. Всем всё понятно? — требовательным голосом спросил он.

— Да...

— Я поняла.

— Ясно, герр оберштурмфюрер.

Баронесса просто кивнула.

— На будущее — просто Гюнтер. В критической ситуации, пока вы будете выговаривать моё звание, может быть поздно. Хорошо, девочки?

Все три почти синхронно кивнули. Аристократка, взяв из тумбочки какой-то свёрток и положив в сумочку, промолчала. Гюнтер решил уточнить, заодно, снова заставив гордую баронессу в точности выполнять его указания:

— Мария?

Та удивлённо вскинула брови от такого хамства. Мало того, он назвал её не по титулу, так ещё и просто по имени! Просто верх наглости! Что он себе позволяет, молодой щенок?

— Да, я поняла вас, Гюнтер! — его имя она, несмотря на самообладание, буквально прошипела.

— Хорошо, Мария.

Он улыбнулся. Троллить гордую аристократку было приятно. Давно пора бы сбить с неё спесь. Последствий для себя он не боялся. После передачи письма он нужен фюреру и при попытке что-то сделать ему лично, можно смело сказать Гитлеру. Тот неодобрительно относится к аристократам, так как выходец из простого народа. Да и сам Гюнтер мог за себя постоять.

Все выстроились перед дверью, уцепившись друг за друга. Гюнтер, потерпев неудачу растормошить старика, вынужден был закинуть его на плечо. Обернувшись назад, увидел устремлённые на него нежные женские лица, их глаза с надеждой смотрели на него. Кроме глаз баронессы. Та смотрела, как всегда спокойно, но он не сомневался, что их разговор ещё не закончен. Что ж, он готов к нему!

Резко распахнув дверь он быстро пошёл вперёд, таща за собой свой... караван. Старик на плече не был таким уж тяжёлым, в учебном лагере СС Гюнтер, вместе с другими парнями своего отделения, регулярно таскал на плечах брёвна разных размеров, так что, в каком-то смысле, это был привычный вес.

Девушки гуськом шли за ним. В коридоре дым стал менее густым, видимо, открытое окно всё же помогло. Несмотря на закрытые мокрыми тряпками лица, сам Гюнтер, как и девушки, надрывно кашляли. Быстро добрались до лестницы и начали спуск. Здесь дым погустел, и ступени с трудом было видно. Пришлось спускаться осторожно, не хватало ещё споткнуться и свалиться вместе со стариком на межэтажную лестничную площадку.

Он чувствовал, что Гретхен крепко вцепилась в его портупею. Как дела обстояли в хвосте процессии, Гюнтер не знал, видимость была очень низкой. Но раз не слышно криков и истерики, никто не потерялся.

Медленно спустившись на второй этаж, сделали небольшую остановку. Гюнтер прислушался. Здесь, судя по резко повысившейся температуре, уже было пламя. Его не было видно из-за плотного дыма, но он слышал, как где-то недалеко огонь с жадностью пожирает дерево. Видимо, часть квартир уже горит.

Начался дальнейший спуск. Тут уже не было видно даже ступеней, пришлось спускаться наугад, ощупывая ногой каждую из них. Они прошли уже больше половины лестницы, когда Гюнтер почувствовал сзади рывок и отчаянный крик. Он тут же остановился и обернулся.

— Что случилось? Все целы? — горло из-за постоянного кашля сипело.

— Гюнтер!.. наша сестра упала!.. — отчаянно кашляя и вытирая глаза, крикнула ему Гретхен.

«Проклятье! Так и думал, что-нибудь всё равно случится! Ну не может быть в таких ситуациях всё хорошо!».

— Так, девочка! Кто упал? Ирма или Амалия? — ему ничего не было видно, хотя девушки были от него на расстоянии всего нескольких метров.

— Кажется, Амалия. Ирму я держу за руку... — ответила ему девушка.

— Ирма! Ты слышишь меня? — крикнул во весь голос Гюнтер.

— Да, Гюнтер! — донеслось до него.

— Ты видишь Амалию?

— Нет! Ой... Кажется, я её нащупала... Да! Я взяла её за руку! Всё в порядке!

— Отлично, Ирма! Молодец, красавица! Как там ваша мать?

— С ней всё хорошо, Гюнтер! — послышался крик девушки. — Она говорит, что можем двигаться дальше, и очень благодарна вам за вашу заботу о ней.

«Похоже, действительно всё в порядке, раз она проявляет сарказм в такой ситуации. Осталось немного, пора идти..» — улыбнувшись, подумал он.

Наконец, спустились на первый этаж. Жар огня стал ещё сильнее. Гюнтер направился, было, к той квартире, в которой был пролом, через который он проник в дом, но остановился, выругавшись. Прохода больше не было, из дверей квартиры яростно рвался огонь. Тупик! Придётся искать другой выход, если нет желания сгореть заживо.

Остановившись в задымленном холле первого этажа, возле разрушенной лестницы, он задумался. Девушки и её мать сгрудились вокруг него, сев на пол, так как внизу было меньше дыма.

— Что дальше, Гюнтер? Куда нам идти? — спросила Гретхен.

— Хороший вопрос... Вход, через который я проник в здание, уже захвачен огнём. Оттуда нам не выйти. Надо искать другой выход. Кто-нибудь знает где здесь чёрный вход? — спросил он, не особо надеясь на ответ.

Повисло молчание.

— Я знаю, Гюнтер... — внезапно подала голос Амалия.

На неё с удивлением и надеждой посмотрели все.

— Я случайно нашла... — смутившись, ответила на немой вопрос девушка.

— Отлично, Амалия! Ты умница! Говори, где он? — в Гюнтере воспрянула надежда вырваться из этого огненного ада.

— Надо вернуться к той лестнице, по которой мы спускались. Там, за углом, выход... Только... он завален... — поникшим тоном закончила Амалия.

— Ничего, я быстро разберу там всё и мы выйдем.

Снова сцепившись, они пошли обратно к лестнице. В холле же стало ещё жарче и уже невозможно оставаться. Подойдя к лестнице и свернув за угол, Гюнтер остановился и, не сдержавшись, снова выругался. И было отчего.

Перед ним была настоящая баррикада из столов, стульев, шкафов, диванов и другой мебели. Всё было покрыто пылью, но что хуже всего, вся эта деревянная мешанина была переплетена друг с другом. Вдали, метрах в десяти, угадывалась дверь.

— Проклятье! Откуда здесь всё это де... вся эта куча? Здесь же пожарный выход? Почему он завален? — со злостью прорычал Гюнтер. Спасение так близко, но пробраться через эту баррикаду быстро не получится, тем более с девушками. Разбирать её долго, так

как многие вещи тяжёлые, до этого времени они уже все задохнутся, или сгорят.

— Это мебель из нескольких квартир. Раньше там жили евреи. Когда их выселили, новые хозяева спустили старую мебель сюда. Всё хотели вывезти, но так и не сделали... — произнесла баронесса.

Он огляделся, пытаясь найти что-то, что поможет им.

— Мы умрём, да, Гюнтер? — всхлипнув, спросила Ирма. — Отсюда ведь не вырваться?

— Нет, милая. Я уверена, Гюнтер найдёт выход! — вдруг уверенно ответила ей баронесса. Впервые он не почувствовал в её голосе гнева или насмешки. Неужели она на самом деле поверила в него? Или просто хочет успокоить дочерей? Что ж, спасибо хоть на этом.

Внезапно Гюнтер вспомнил, что недалеко от разрушенной лестницы, в холле, он, кажется, видел мельком пожарный щит. Возможно, там есть багор или топор? Он развернулся к своим спутницам и, сдерживая кашель, сказал:

— Сидите здесь, фройляйн, я сейчас схожу в холл, кое-что возьму... Никуда не уходите! — с улыбкой добавил Гюнтер.

Он аккуратно положил старика на пол и уже хотел направиться к цели, когда почувствовал, как сразу несколько нежных рук вцепились в его брюки:

— Гюнтер, не бросай нас, пожалуйста!! Нам страшно одним здесь оставаться! Не уходи!.. — перебивая друг друга, закричали девушки. Их мать молчала, но её глаза пылали презрением.

Так, пора прекратить панику и истерику. Он присел к ним и со всей уверенностью в голосе начал говорить:

— Послушайте меня внимательно, красавицы... Знаю, мы с вами ещё очень мало знакомы, но хочу, чтобы вы запомнили одно — мы выйдем отсюда вместе! Я вас не брошу, клянусь! И сделаю всё, чтобы спасти вас... Вы такие молодые, красивые... Вам ещё жить и жить... Радоваться солнцу, встречаться с парнями, целоваться... — его голос смягчился, стал успокаивающим. Он посмотрел прямо в глаза баронессе:

— Мария! Вижу, что вы обо мне думаете... Вы сказали, что я найду выход. И у меня действительно есть план как нам отсюда вырваться. Но для этого я должен проверить кое-что в холле. Если всё окажется, как я думаю, то вернусь, и вы убедитесь в том, что я не бросаю слов на ветер. Ну, а если... — он опустил голову. —..Если всё окажется хуже чем ожидаю, то... всё равно вернусь к вам. Не хочу потом стыдиться самого себя. Может вы и уверены, что у меня нет нужных манер, но совесть у меня точно есть.

Она смотрела на него почти секунд десять. А потом, не сводя взгляда, сказала:

— Девочки, отпустите Гюнтера. Он скоро придёт.

Те с трудом отпустили его. И пока он шёл по коридору к холлу, чувствовал как его спину жгут их взгляды. Взгляды надежды.

Гюнтер Шольке.

Выйдя в холл, Гюнтер сморщился от досады. Дым стал настолько густой, что он не видел даже свою вытянутую руку. Кашель продолжал терзать его, но слюны не было и казалось, будто он вот-вот выплюнет свои лёгкие. Примерно вспомнив, где висел щит, Гюнтер по стенке двинулся к нему. На этот раз не случилось никаких неприятных сюрпризов, и скоро он оказался у цели. Внимательно осмотрев щит, он едва не вскрикнул от радости. Там был топор! Причём, не короткий топорик, а настоящий, с длинной ручкой, покрашенный в ярко-красную краску. Сняв его, он тем же путём, без приключений вернулся к пожарному выходу.

Семья так и сидела на том же месте, только Гретхен и Амалия положили свои головы баронессе на колени, а Ирма прижалась к ней сбоку. Едва увидев его они вскочили и кинулись к нему:

— Ты пришёл, Гюнтер! Мы так рады! А зачем тебе топор? — зашебетали они вокруг него.

— Сейчас увидите, красавицы... — он опустил топор и начал снимать изорванный китель под недоумённые взгляды девушек. Гюнтер заметил это и пошутил: — Жарко тут очень..

Скинув нагревшийся шлем, он взял топор, поудобнее перехватил рукоятку и подошёл к баррикаде. Повернув голову к своим подопечным, улыбнулся:

— А теперь смотрите и любуйтесь!

Размахнулся и начал рубить. Хорошо наточенный топор с хрустом врубался в столы и стулья, иногда раскалывая их с одного удара. Диваны и шкафы сопротивлялись дольше, но и они быстро сдавались инструменту, в руках сильного мужчины. Щепки летели во все стороны, иногда попадая в него, но Гюнтер не обращал на это внимания. Он не видел как девушки, замерев, смотрели на него, его спину, мускулистые плечи под белой порванной майкой, длинные, сильные руки... Даже гордая аристократка, казалось, с интересом смотрела на него..

Войдя в раж, без перерыва, он минут за десять прорубился до самой двери. За ним остался неровный свободный коридор, заваленный деревянными обломками. Дойдя до заветной двери, Гюнтер попытался открыть её но тщетно. Зло зарывчав, он перехватил топор и с новой силой опустил его на дверь. Он не помнил, сколько времени рубил её... Очнулся лишь тогда когда одна из створок, не выдержав мощных ударов, не распахнулась, впустив в задымленное помещение свежий вечерний воздух. Не выдержав, Гюнтер повалился на землю, жадно вдыхая вкусную атмосферу вечернего Берлина. Хотелось лежать и ничего не делать. Но нельзя.

Застонав, он встал и, покачиваясь, двинулся обратно. Спина, плечи, руки болели. Зато всё тело приятно охлаждал воздух. Пройдя через баррикаду, заметил, что мать уже встала и начала подталкивать девочек к выходу. Он подошёл к ним:

— Вот и всё, красавицы! Я же говорил, что выгашу вас, а вы боялись! — улыбка, словно сама по себе, появилась на его губах. — А теперь снова цепляйтесь за меня и выходим!

Так как китель он снял, Гретхен пришлось обхватить его тело рукой. Впрочем, не

похоже, что она была против, несмотря на то что он весь был в поту. Закинув на плечо старика, Гюнтер двинулся вперёд. Пробираясь через разгромленную баррикаду, они все порвали свои платья, цепляясь за острые доски и гвозди, но это была ничтожная цена за спасение. Наконец, они появились на улице. Зеваки, стоящие с этой стороны здания, побежали к ним, с удивлёнными и радостными криками. Он осторожно опустил свою ношу на землю:

— Ну всё, красавицы, вот вы и в безопасности. Свернёте за угол, там машины «скорой помощи».

— А вы разве не с нами, Гюнтер? — удивлённо спросила Ирма.

— Нет, мне нужно ещё кое-что проверить в доме. Мне кажется, там остались люди... — ответил он. Девушки молча смотрели на него расширившимися глазами. Но тут, словно сговорившись, они налетели на него, обнимая, целуя в щёки, бессвязно что-то лепеча. Уговаривали не ходить больше в дом, просили остаться с ними.

— Я должен, девочки. Вдруг там ждут помощи, как и вы?

К нему подошла баронесса. Внешний вид её был не слишком презентабельный: причёска растрепалась, на лице сажа, платье порвано. Но вид по-прежнему спокойный и гордый. «Самообладание у неё очень хорошее..» — отметил Гюнтер. Она смотрела ему прямо в глаза.

— Я хочу извиниться перед вами, Гюнтер. Я неправильно повела себя в начале знакомства и едва не поставила под угрозу жизни своих дочерей. Надеюсь, вы не обиделись?

— Нисколько, баронесса. Я понимаю вас. Главное, мы все выжили... — улыбнулся Гюнтер. Странно, но он на самом деле больше не испытывал к ней злости.

— Я... точнее, мы все в долгу перед вами. Будьте уверены, я умею быть благодарной! — Внезапно она улыбнулась. Это было так неожиданно. Впервые, на его памяти, она это сделала, и улыбка, словно преобразила её, сделав моложе и красивей чем раньше. Гордая маска спала с неё, превратив из надменной аристократки в живую, человечную и красивую женщину средних лет.

Гюнтер почувствовал, что изнутри его словно окатило теплом.

— Уверен, на моём месте любой настоящий мужчина сделал бы тоже самое.

Аристократка скептически подняла бровь.

— Возможно... Но этим мужчиной оказались именно вы. Наш дом всегда будет для вас открыт, Гюнтер. Правда, девочки? — обратилась она к дочерям.

— Да, Гюнтер!

— Конечно!

— Спасибо вам!

Напоследок широко улыбнувшись им, он подхватил топор и снова забежал в дом. Девушки, обняв свою мать, смотрели ему вслед.

Быстро преодолев баррикаду, Гюнтер сноровисто поднялся на второй этаж, невзирая на плохую видимость. За то время что они были внизу, на втором этаже появился не только дым но и пламя. Пока ещё маленькими огоньками, оно неуверенно скользило по коридорным обоям, потихоньку набирая силу. Снова начав кашлять, пригнувшись от жара, он пробирался к дальней квартире, в которой, по его мнению, должна была находиться фрау Бломфельд. Наконец, Гюнтер подошёл к нужной двери. Та была слегка приоткрыта. Толкнув её, он вошёл внутрь. Слева от входа была кухня, которая уже занялась огнём, прорвавшимся через окна. Горели занавески, стол, стулья... рядом с окном стояла газовая плита. Несмотря

на сильнейший жар, Гюнтер похолодел. Ещё немного и пламя подобрётся к плите вплотную и будет взрыв. Времени совсем мало. Пройдя дальше по коридору, он заглядывал во все комнаты. Эта квартира тоже была большая и богато обставлена. Быстро обшарив её, он растерянно остановился. Женщины нигде не было... Куда она могла деться? Может всё-таки сумела выбраться?

Жар от огня окутывал его волнами, кожа покраснела и начала зудеть. Подумав, он решил зайти в ванную и облиться холодной водой, перед тем как уйти. Дёрнув за дверь, он распахнул её и остолбенел.

Фрау Бломфельд была тут. Она сидела голая в ванне, наполненной водой, и дрожала, обхватив себя руками. Вздвогнув, она вскинула голову и, не веря своим глазам, посмотрела на него. Гюнтер также присмотрелся к ней.

Женщина была красива. Лет тридцати — тридцати трёх, с хорошей фигурой, очаровательной грудью с торчащими сосками. Мокрые волосы облепили шею и плечи. Живое лицо с выразительными глазами, неверяще уставившимися на него.

— Кто вы?? — спросила она срывающимся голосом.

Пришедший в себя Гюнтер усмехнулся.

— Ваш спаситель, фрау Бломфельд. Меня зовут Гюнтер. Что вы здесь делаете? Ваша квартира скоро взорвётся. Почему не спаслись вместе с вашей семьёй? — быстро начал спрашивать он.

Женщина снова вздрогнула и ещё сильнее обхватила себя руками.

— Я... Я пошла сюда принять ванну. Только её наполнила и разделась, раздался громкий взрыв и сильный толчок повалил меня на пол. Потом... наверное, я ударилась обо что-то и потеряла сознание, потому что очнулась на полу... — она закрыла глаза и словно пыталась вспомнить. — Я вышла из ванной и хотела позвать своих мужа и ребёнка, но никого не нашла, даже Катарину... Потом загорелись окна. Я хотела выйти из квартиры, но там ничего не было видно и трудно дышать. Стало очень жарко, и я решила вернуться сюда, включила холодную воду, залезла в неё и жду..

— Ждёте чего? — с удивлением спросил он.

— Не знаю... — она пожалала плечами. — Наверное, пожарных... Вы пожарный?

— Нет, Аннелиза. Я просто равнодушный человек, который не смог пройти мимо... — криво усмехнулся Гюнтер.

— Вы знаете моё имя? Откуда?

— Ваш... муж сказал. — С трудом удержался от резкости Гюнтер.

— А мой сын? Он в порядке? — внезапно оживилась она.

— Да, он в порядке. А вот ваш супруг, не уверен.

Она лишь несмело улыбнулась ему.

— Мы уже давно чужие друг другу..

Словно очнувшись, Гюнтер спохватился.

— Так, фрау, хватит тут сидеть! Пора выбираться! Я помогу вам выйти наружу. Одевайтесь!

— Извините, Гюнтер... Вы не могли бы отвернуться? — попросила она.

— Хорошо, я отвернусь... Но должен вам сказать честно, вы — очень красивая женщина... Даже обидно, что такому хряку принадлежала очаровательная нимфа... — ввернул комплимент Гюнтер, отвернувшись. Помимо того что это было правдой, он хотел успокоить её и заставить думать о более приятных вещах.

— Спасибо, Гюнтер! — ему показалось, что она улыбнулась. — Я чувствую, вы говорите правду. Даже не помню, когда в последний раз я слышала комплимент от мужчины... Мартин только ругается, даже если я даю ему денег.

За спиной слышался шелест ткани.

— Значит, вашего мужа зовут Мартин? И зачем вы даёте ему деньги? — не понял Гюнтер.

— Когда я вышла за него, мне было уже 25 лет. Папе он нравился и когда Мартин захотел на мне жениться, я согласилась, хоть и не люблю его. Я очень уважала своего отца и всегда старалась поступать, так как он хотел. Он работал в банке управляющим, потом стал владельцем. Когда он умер, то я узнала, что он оставил все деньги мне, а не Мартину. Наверное, разочаровался в нём... К этому времени, я уже родила Роланда и не хотела, чтобы он рос без отца. Когда Мартин узнал, что все деньги отца достались мне, а не ему, он был в ярости. С тех пор он то и дело требует от меня денег на выпивку, карты... и, наверное, проституток... Это так унижительно... — с болью закончила она.

— Я оборачиваюсь, Аннелиза! — предупредил он.

— Хорошо, Гюнтер. Я готова.

Он обернулся. Фрау Бломфельд завернулась в красивый, шёлковый халат и улыбаясь, смотрела на него. Гюнтер снова отметил, какая же она красивая, даже в длинном халате.

— Аннелиза... — он запнулся.

— Да?

— Будет лучше, если вы снова окунётесь в ванну прямо в халате.

Она удивлённо на него посмотрела.

— Зачем?

Гюнтер вздохнул.

— Потому что мы пойдём через огонь. Ваш сухой халат может загореться, к тому же вам будет в нём очень жарко. Поверьте мне, так будет лучше! — убедительно сказал он.

Поколебавшись, она осторожно залезла в воду по шею и быстро вылезла. Мокрый халат настолько облепил всё её тело, что Гюнтер, забыв обо всём, уставился на Аннелизу, жадно обводя взглядом её фигуру. Соски проступали через мокрую ткань. Несмотря на совершенно неподходящую обстановку, он почувствовал, как началось шевеление в брюках.

Аннелиза, удивлённая его странным ступором, проследила его взгляд и, тихо ахнув, прикрыла груди руками. С обидой посмотрев на него, она спросила:

— Гюнтер, вы специально так сказали?

— Нет, это на самом деле так надо, — С трудом скрыл улыбку Гюнтер. — Вам нечего стыдиться, Аннелиза, они очаровательны!

— Прекратите... Вы смущаете меня... — она повернулась боком, пытаясь закрыться от него. Только не учла что, из-за этой позы, под халатом отлично проступила её попка.

Гюнтер видел что она, благодаря его шалости и провокации, перестала бояться гибели в пожаре и всецело переключилась на привычную женскую проблему, как не дать чужому мужчине увидеть своё тело обнажённым.

— А мне нечего смущаться! — с этими словами он, в штанах и майке, тоже с головой окунулся в ванне, почувствовав, как остывшая вода приятно охладила его разгорячённое тело, смыв пот и смягчив боль от мелких ран.

Тем временем, она намочила полотенце и, по его совету, завязала им лицо, оставив только глаза. Остановившись перед закрытой дверью, он положил ей руку на плечо и, глядя

ей в лицо, сказал:

— Сейчас я возьму вас за руку, и мы быстро выйдем из квартиры. Потом спустимся по лестнице и окажемся на улице. У нас всё получится, если вы будете слушаться меня и не падать в обморок. Договорились?

— Да... — тихо ответила она. Её снова начала бить мелкая дрожь.

— Пошли!

Он резко распахнул дверь и потащил её за собой, с трудом угадывая в дыму очертания предметов. За то время пока он любезничал с красавицей-фрау, ситуация с огнём изменилась и явно не в лучшую сторону. Занялись все помещения, в которых были окна, выходящие на улицу. Из дверного проёма кухни тоже вырывалось пламя. Прикрывая одной рукой голову от жара, другой он крепко держал её хрупкую руку. Пробираясь по коридору, Гюнтер внезапно вспомнил сцену из «Титаника», когда Джек, вместе с Розой, бежали по коридору внутри корабля, а потоки воды гнались за ними. Правда, здесь вместо неё огонь, что явно не лучше.

Он уже смутно, сквозь дым, видел открытую дверь квартиры, когда, проходя мимо горевшей кухни, понял, что закон Мэрфи крепко привязался к нему.

В глубине кухни раздался сильный взрыв, и Гюнтер почувствовал как его, вместе с Аннелизой, буквально отбросило к противоположной стене, вдобавок слегка завалив обломками. Он чудом не потерял сознание, чувствуя, как голова стала тяжёлой и мысли вяло ворочались внутри. Перед глазами всё плыло, тело болело, особенно левая нога, её дёргало от боли.

«Похоже, меня контузило... Проклятье, почему так не везёт!!? Если бы мы вышли чуть раньше, то успели проскочить кухню... Кто же знал? Вроде недолго болтали. Хотя, насчёт везения я не прав, раз живой остался, уже хорошо... А где Аннелиза?»

Кое-как восстановив ориентацию и оглядевшись, он увидел женщину. Она лежала рядом с ним, по-прежнему крепко сжимая его руку. Халат её был порван и весь в пыли. Неужели мертва?? Хотя нет, вот слегка пошевелилась, значит просто без сознания или так же оглушена. Надо срочно вставать и уходить! Взрыв слегка сбил пламя, но оно уже начало снова отвоёвывать свою территорию.

Сбросив с себя несколько обломков, Гюнтер попытался встать и застонал от боли. Левая нога горела огнём и взглянув на неё, он понял что дело гораздо хуже чем кажется. Мякоть бедра сзади была пробита маленьким куском арматуры, неизвестно откуда прилетевшим. Любое давление на ногу вызывало сильную боль, и Гюнтер с трудом удерживался от крика. Понятно, что на одной ноге он по лестнице не спустится, значит, нужна помощь женщины. К сожалению, она по-прежнему была без сознания, лёгкие пощечины так и не смогли привести её в чувство. Что же делать? Можно попробовать ползком вылезти из квартиры, спуститься по лестнице, преодолеть баррикаду и... Свобода! Но тогда придётся бросить Аннелизу... Нет! Не для того он снова залез в дом чтобы теперь бросить её в огне... Исключено! Отбросив эту мысль, он задумался, лихорадочно пытаясь найти способ выжить самому и спасти женщину.

Наконец, решив попробовать одну идею, он начал действовать. Отталкиваясь здоровой ногой от пола и крупных обломков, лёжа, Гюнтер начал ползти к двери, таща за собой по полу Аннелизу. Здесь, у самого пола, дыма было меньше и дышалось полегче. Таким образом, понемногу двигаясь, он, обливаясь потом, смог вытащить женщину за дверь квартиры. Сердце стучало как сумасшедшее, руки затекли, горло саднило от криков боли из-

за того что проклятый кусок арматуры цеплялся за пол и обломки во время движения. Была мысль вытащить его, но Гюнтер решил не рисковать. Кровь из раны текла медленно, значит, вена не задета, но что будет, если вытащить предмет? Вдруг кровь хлынет потоком? Тогда он быстро истечёт кровью.

Выбравшись из квартиры, Гюнтер планировал немного передохнуть и собраться с силами перед спуском, но проклятый закон снова напомнил о себе. В глубине квартиры раздался какой-то хлопок, и пламя выплеснулось в коридор, который они преодолели пару минут назад. Не надо быть пророком, чтобы понять — огонь, сожрав всё горючее в коридоре, двинется к двери, к ним. Выругавшись, Гюнтер почувствовал себя героем какого-то фильма-катастрофы, который вынужден непрерывно спасать свою подгорающую задницу от новых и новых опасностей, чтобы выжить. Руки бы вырвать тому режиссёру, который приготовил для него такой экшн!

Делать нечего, жить хочется, поэтому пришлось стиснуть зубы и толком не отдохнув, ползти дальше. Чтобы добраться до лестницы потребовалось несколько минут. К этому времени Гюнтер дышал как загнанная лошадь и ругался как последний грузчик Гамбургского порта. Он перестал чувствовать левую ногу, но онемение даже помогло ему, теперь неловкие движения вызывали не такую сильную боль. Но возникла другая проблема. Его всё больше стала охватывать слабость. Рассуждая здраво, он понимал что, спуск по лестнице вниз, возможно, получится, но пробраться через баррикаду в таком состоянии... без шансов. Никак. Обидно, спасение близко... Что ж, пусть так, может внизу уже пожарные? Пора вниз..

...Устало разлѣгшись внизу, недалеко от баррикады, Гюнтер понял что всё. Сил больше не осталось, он выложился весь, полностью. Напала сонливость, хотелось просто закрыть глаза и заснуть. Такая смерть будет лёгкой и безболезненной. Жаль, что такая красавица умрѣт вместе с ним. Но это теперь уже не так важно... Просто хочется спать, хотя бы пару минут. Отдохнуть, набраться сил и выйти наружу... Совсем чуть-чуть поспать... И Гюнтер закрыл глаза..

...Пробуждение было ужасным. В раненой ноге словно что-то взорвалось или её пытались съесть. Заорав, он сел, безумно озираясь. Рядом с ним, рыдая, сидела Аннелиза и держалась за арматуру в его ноге. Отбросив её руки, он зарычал:

— Ты совсем спятила, дура?! Какого дьявола ты делаешь?! — он готов был убить эту садистку. Стоило на минуту закрыть глаза, как она, очнувшись, первым делом схватилась за железку в его ране. Уму непостижимо! Чем она думала?

Плача, она кинулась к нему и едва не задушила в объятиях. Её слѣзы стекали к нему на грудь, прочерчивая дорожки на сильной, заросшей груди, припорошённой пылью.

— Извини-извини-извини, Гюнтер! Я не хотела, прости!.. Ты не просыпался... Я звала, звала тебя! По щекам била! А ты лежал как мѣртвый! Я испугалась... Прости! — он с трудом понимал её бессвязную речь.

— Не носи чушь! Я устал, закрыв глаза всего на минуту! Просто устал, понимаешь? — остывая, проговорил Гюнтер. Оглядевшись вокруг, он сказал:

— Мы уже возле выхода. Пойдѣм! Помоги мне встать... — опираясь на её плечо, Гюнтер утвердился на правой ноге. Она обхватила его руками за пояс, прижавшись к нему, и повела вперѣд, через деревянные обломки. Здесь дыма уже было меньше, так как свежий воздух развеивал его. Несколько раз, зацепившись за обломки мебели, они всё-таки добрались до двери. К этому времени, Гюнтер снова был на грани потери сознания. В голове

мутило, перед глазами всё качалось и расплывалось, озноб бил ещё сильнее... На улице их встречала куча народа. Среди них Гюнтер угасающим взором заметил своих юных помощников из «Гитлерюгенда», спасённых детей вместе с Катариной и гордую аристократку с дочерьми. Медленно оседая на землю, он увидел, как все они кинулись к нему.

— Врачей сюда! Быстрее!..

— Гюнтер! Гюнтер! Очнись!..

— Герр унтерштурмфюрер!..

— Я баронесса фон Мантойфель! Я требую, чтобы этого офицера отвезли в самую лучшую клинику Берлина! Расходы не имеют значения, я оплачу! — прорвался в его голову властный голос Марии.

«Мария снова в своей родной стихии... Боже, как хочется спать..» — устало улыбнулся он и закрыл глаза. Неужели он не заслужил отдых?..

СССР. Москва.

11 апреля 1940 года.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Устало повернувшись на другой бок, Саша в который уже раз начал смотреть на след от раздавленного таракана на стене. Тот, кто убил насекомое, похоже, был крепко разозлён на него, иначе как объяснить, что останки таракана были размазаны на несколько сантиметров? Лежать на койке было неудобно, тонкие матрац и подушка не давали телу расслабиться. Запах в камере тоже не внушал оптимизма. Долго ещё ему тут торчать?..

Александра прямо с аэродрома привезли сюда. Ну да, куда же ещё можно привезти подозрительного немца? Только в тюрьму или в другое похожее заведение. Сопrotивляться в машине или по приезду сюда, он и не думал, в конце концов, предполагал такое развитие событий. Скорее всего, в такой ситуации сам бы поступил так же. Его не били, обращались вежливо, на Вы. Из машины его провели в это здание, потом в подвал с камерами. Внизу было тихо, никто не орал и не пытался выломать дверь. Его персональное место отсидки было небольшим, метров пять в длину и три в ширину. Окон не было, в углу прикреплён к стене лежак, в другом углу стол и стул. К облегчению Саши, внутри не было параши, значит, будут выводить наружу. Не хотелось бы нюхать собственное амбре после отправления естественных надобностей.

Как он понял из скупых объяснений одного из конвоиров, кормить его будут три раза в день, раз в двое суток положена прогулка снаружи. Утром, сразу после прибытия, ему принесли жидкое картофельное пюре и маленькую рыбную котлету, он даже удивился, так же кормили завтраком в армии. В обед его порадовали сытной гречневой кашей с котлетой и компотом. Делать в камере было нечего, поэтому самым лучшим решением было спать... или размышлять. Выспавшись после обеда, он походил по камере, чтобы размять ноги и сделал лёгкую зарядку, наподобие тех движений, которые делали советские школьники под радио. На ужин оказалась овсянка. Её он не любил, как и неизвестный ему английский сэр, которого его слуга Бэрримор всё время пытался накормить этим. Но выбора не было и, преодолевая себя, он проглотил ненавистную массу, запив её сладким чаем.

Уже объявили «отбой» и погасили свет, но Александр, выспавшись днём, всё лежал с открытыми глазами и размышлял. Своё положение он оценивал как с плюсами так и с

минусами. С одной стороны, его вывезли из фашистской Германии и не расстреляли, как он втайне опасался. Не бьют и даже неплохо кормят. С другой, засунули в этот каменный мешок и чего-то ждут, оставив его в подвешенном состоянии неизвестности. Он ожидал, что его важная информация, касающаяся товарища Сталина, заставит НКВД тут же засуетиться, провести с ним беседу и допрос... может даже, вызвать его к Берии... Всё же опасность касается самых высших людей. Но никто им не интересовался. Похоже, он оказался в чём-то наивным и переоценил собственную значимость. Или сейчас решают его судьбу? Может, произошло что-то? Неизвестность мучила его, он не знал что делать, к чему готовиться. Возможно, на это они и рассчитывали? Выбить его из равновесия, заставить метаться в клетке и психологически готовить к допросу? Если так, надо крепиться и вести себя спокойно. В конце концов, за ним всё равно придут, надо лишь набраться терпения.

Потом его мысли свернули на Гюнтера. Сейчас, оценивая свои действия, он жалел, что пытался его убить. Это было глупо, как сама затея, так и её исполнение. Да, Гюнтер симпатизировал Гитлеру, возможно, и сам был нацистом... Но представить его со зверским лицом протыкающим штыком детей или сжигающим людей из огнемёта он не мог. Да, их личное знакомство было коротким, но за это время немец вызвал у него симпатию своим поведением и поступками. Даже та драка, из-за которой они оба погибли и попали сюда, показала, что он поступил правильно, по-мужски. Не прошёл мимо и вступился за женщину. Не остался равнодушным к чужой беде. Возможно, было бы логичнее бежать за полицией, но... скорее всего, потом было бы уже поздно. Эти вонючие отбросы не только отобрали у красивой немки все деньги, но и собирались хорошенько позабавиться с ней, а потом... потом они с Гюнтером и полицией, нашли бы её ограбленной, изнасилованной и мёртвой. Ублюдки вполне могли убить её, дабы не дать ей заблокировать свою карту и сообщить полиции их приметы. Хотя, даже в этом случае, далеко не факт что их вообще бы стали искать. Положили бы дело в разряд «висяков», чтобы снова не провоцировать волнения мигрантов и всё. В новостях тоже бы промолчали. Как будто и не было красавицы-фрау... Эта поганая безнаказанность и толерантность к мигрантам позволяли им жить не напрягаясь и толкала к зверскому беспределу, который никто не пытался остановить, в этом Гюнтер был прав.

Оценивая себя и своё поведение, Саша понимал, он поступил правильно. Так как и должен был поступить. Даже наперёд зная, что произойдёт, он знал, что сделал бы то же самое. Разве что, вооружился бы чем-нибудь тяжёлым, чтобы быстро вырубить тварей и не дать себя убить. Зато теперь пять смуглых уродов никого больше не убьют и не причинят вреда. Только уже поздно об этом думать... Хорошо или плохо, что сделано то сделано.

Да, с Гюнтером он повёл себя неправильно. Поспешил и сглупил. Да, было мало времени на раздумья, но его решение было ошибочным и оно привело к неприятным последствиям. Возможно, были и другие выходы... Ладно, что уж тут вспоминать, всё равно теперь это не исправить, они с Гюнтером превратились во врагов, хотя должны были бы остаться друзьями. Сражались плечом к плечу, вместе и погибли... Увы, жизнь такая штука, что часто ставит вверх тормашками то, что казалось незыблемым.

За этими размышлениями он не заметил как погрузился в сон.

Берлин. Клиника Шарите.

11 апреля 1940 года.

Лаура Блюм.

Ночное дежурство было спокойным и Лаура, сидя за постом медсестры, пыталась читать книгу, но это плохо получалось, буквы не хотели складываться в слова, а те никак не могли передать смысл. Все её мысли занимал Гюнтер. Он ворвался в жизнь Лауры внезапно, и быстро захватил всё её существо, проник в голову, сердце... Не оставил ни единого свободного от себя пространства. Пробуждённая им любовь окутала девушку полностью, и она теперь даже не представляла себе жизни без него... Голос, лицо, запах, крепкие руки и широкая улыбка... Всё это кружило её голову, сводило с ума, заставляло сердце биться чаще. Как же приятно это чувство!

Вчера вечером фрау Кох огорчила её, оповестив о том, что рабочий день Лауры не заканчивается, и она должна отработать ночное дежурство в качестве компенсации за прогулянный день. Тайные планы девушки продолжить ночные безумства со своим любимым Гюнтером рухнули. Огорчённая Лаура едва не расплакалась когда позвонивший ей в клинику Гюнтер пригласил к себе. Отказать ему было невероятно сложно, лишь её обещание приехать утром в его квартиру и повеселевший голос любимого слегка успокоили девушку. И теперь она сидела и томительно поглядывала на часы, которые совсем не торопились двигаться, причиняя ей мучения.

Было уже недалеко до полуночи когда во двор клиники, сигналив, въехала медицинская машина и подрулила к приёмному покою. Лаура, с любопытством подошедшая к окну, видела как два рослых санитаров быстро открыли заднюю дверь автомобиля, аккуратно вытащили носилки с пациентом и сноровисто втащили в здание. В темноте видно было что это мужчина. Он лежал неподвижно, похоже, без сознания.

«Бедняга... интересно, что с ним случилось?» — с вялым интересом подумала Лаура. Её рабочее место было в центральном крыле, а приёмный покой располагался в боковом флигеле. Делать было нечего, пациенты спали, и она решила прогуляться, чтобы не уснуть, заодно поинтересоваться, что случилось с пациентом. Когда она смотрела на него в окно, сердце слегка кольнуло, впрочем, тут же отпустило. Лица мужчины она в темноте не разглядела, а фары машины давали мало света.

Сегодня ночью дежурил доктор Венцель, а также хирург, и другие специалисты из своих отделений. Неторопливо спустившись на первый этаж, Лаура направилась по коридору в приёмный покой, когда увидела бегущую во весь дух ей навстречу медсестру Фриду, местную болтушку и одну из приятельниц Лауры. Сегодня, так же как и она сама, та заступила на дежурство в приёмном покое и Лаура хотела поболтать с ней, по пути узнав про пациента. Халат подруги развевался на бегу, сама девушка часто дышала, было видно, что такие забеги для неё явно непривычны.

— Ой, Лаура! Фуу... — она остановилась, пытаясь отдышаться. — Ты не знаешь где доктор Хоффман, хирург?

— Он пару минут назад прошёл мимо меня в сторону центрального корпуса... А что случилось? — спросила удивлённая Лаура.

— Срочно нужна операция мужчине, его только что привезли! Большая потеря крови, множество ранений, и нога пробита... Похоже, он умирает! Боже! Это ужасно! — протараторила Фрида, порываясь бежать дальше.

Она пробежала дальше ещё несколько шагов и вдруг, вздрогнув, остановилась, с открытым ртом уставившись на подругу.

— Лаура... это же один из твоих пациентов... Точно! Как я могла забыть! Это же он! —

Фрида с широко открытыми глазами смотрела на Лауру. Та внезапно почувствовала, как сердце снова кольнуло, уже сильнее. Предчувствие беды охватило её.

— Какой... Какой пациент?.. — горло и язык с трудом слушались её, приходилось напрягать связки, чтобы спросить.

— Ну этот... красавчик, как его... который тебе огромный букет подарил недавно... Гюнтер! — она, наконец, вспомнила того красивого эсэсовца, который так романтично ухаживал за малюткой Лаурой.

Словно потолок свалился на неё, угрожая раздавить и похоронить Лауру под собой. Сердце заныло, словно предчувствуя непоправимую потерю, в глазах помутилось, а ноги ослабели, заставив её опереться на стену.

«Нет! Нет! За что, Боже!!? Этого не может быть... Не может!» — она отчаянно затрясла головой, отказываясь верить в это. Подруга со страхом смотрела на неё, прикрыв рукой рот. Внезапно все чувства Лауры обострились, слабость ушла бесследно, она поняла что делать.

— Что стоишь, дура!!? Беги за хирургом! — прокричала она Фриде, таким голосом, которого ещё никто от неё не слышал. Та вздрогнула как ошпаренная и сорвалась с места. Такой подругу она никогда не видела. Куда делась милая и робкая Лаура? Сейчас она никак её не напоминала..

Сама Лаура очнулась только когда оказалась в приёмном покое. Она не помнила, как бежала сюда, лишь обрывки воспоминаний как она неслась по коридору, едва не сбив кого — то из персонала. На глаза попала цепочка красных капель на плиточном полу коридора. Его кровь... Мозг словно застыл, оцепенело отмечая это. Если он умрёт..

Лаура пробежала до операционной и распахнула двери.

Он лежал на столе, исхудавший и бледный, с закрытыми глазами. Возле него суетилась дежурная бригада, ждавшая доктора Хоффмана. Непослушными ногами, не чувствуя их, она медленно подошла к нему.

Его сильное тело, мужественное лицо, были покрыты ранами... Порезы, синяки, ожоги, а в бедре торчал какой-то железный предмет, весь покрытый кровью. Изорванные, форменные штаны, остатки майки... волосы и брови опалены, да и вообще, от него сильно пахло горелым. Что с ним случилось?? Ведь совсем недавно они разговаривали, и всё было в порядке!

Дрожащими пальцами она дотронулась до его лица и тут воля покинула её. Из глаз брызнули слёзы, рыдания вырывались из груди, сотрясая её тело.

— Гюнтер... Гюнтер!!! Ответ!!! — сквозь боль в груди и сердце, вырвалось у неё.

Послышался грохот шагов и в операционную влетел доктор Хоффман, за ним, хватая воздух ртом, с трудом зашла Фрида. Мужчина тут же кинулся к раковине мыть руки, по пути отдавая распоряжения своей бригаде, и увидел Лауру.

— Что тут делает посторонняя? Убрать немедленно! Фрида! — его голос словно подстегнул всех. Фрида кинулась к подруге, пытаясь оттащить Лауру но ничего не получилось. Девушка вцепилась в Гюнтера, тормозила его, обливая слезами, бессвязно умоляя очнуться, не умирать... Она словно сошла с ума, ни за что не соглашаясь уйти.

— Я не могу! — со слезами крикнула Фрида.

— Ганс! Помоги ей! — рыкнул доктор.

Подбежал один из помощников, крепко обхватил рыдающую Лауру и резко дёрнув, оторвал её от неподвижного мужчины. Отчаянно закричав, девушка снова рванулась к нему и, несмотря на силу помощника, едва не вырвалась. Ещё крепче обхватив её, Ганс потащил

отбивающуюся медсестру из помещения. Фрида, всхлипывая, пошла за ними.

В приёмном покое на Лауру снова напало какое-то оцепенение, и она уже не сопротивлялась, когда мужчина положил её на кушетку. Девушка просто молчала, глядя в потолок, слёзы крупными жемчужинами катились из глаз. Ганс ушёл обратно в операционную, Фрида уселась рядом с подругой и положила её голову к себе на колени, нежно поглаживая Лауру по волосам.

— Успокойся, милая... Всё будет хорошо, поверь... Доктор Хоффман отличный хирург, у него почти никто не умирает, твой Гюнтер выживет, вот увидишь... Ты же знаешь, у нас лучшие врачи... Лаура, пожалуйста, ответь мне! — просила Фрида, сама обливаясь слезами.

Подруга молчала. Прошло почти полчаса, прежде чем в успокаивающее бормотание Фриды ворвался тихий голос Лауры:

— Я люблю его, Фрида. Люблю больше жизни. Если он умрёт, я уйду за ним.

Её голос звучал спокойно и размеренно. Казалось, она рассуждает о чём-то отвлечённом, а не о своей жизни. Она уже всё решила для себя. Если он не переживёт эту ночь... То и она тоже. Лаура окончательно это поняла. Без него ей незачем жить, он стал смыслом её жизни, якорем, который держит её здесь. Раньше она не верила, что бывает такая любовь, с таким самопожертвованием и невозможностью жить без любимого человека. Теперь поняла и приняла это.

Фрида вздрогнула.

— Что ты говоришь, дурочка? Даже не думай об этом! Ты забыла, что кроме него, у тебя есть мать и другие близкие люди? Что они почувствуют, если узнают об этом?!

— Ты не поймёшь меня, Фрида. — Её голос звучал всё так же безжизненно и равнодушно. — Когда сама влюбишься, безумно, самоотречённо, с головой... Когда ОН становится для тебя самым близким, ближе всех, даже родителей... Когда ты не можешь без него дышать, когда все твои мысли только о нём, когда готова на всё, чтобы вызвать его улыбку, смех... Когда его поцелуи сводят с ума, несут в райское блаженство, когда понимаешь, что вся твоя жизнь это — ОН... Тогда, может быть, поймёшь.

Прошло больше двух часов. Фрида, с головой Лауры на коленях, задремала на кушетке, облокотившись на спинку. Сама Лаура так и лежала, не пошевелившись, спокойными глазами глядя в потолок. Внезапно распахнулась дверь операционной, и оттуда вышел доктор Хоффман. Весь его фартук спереди был в крови, маска тоже покрыта красными пятнами. Устало подойдя к девушкам, он присел на кресло рядом и выдохнул:

— Будет жить..

Прошло несколько секунд прежде чем до Лауры дошёл смысл его слов. Она слегка вздрогнула, выходя из своего ступора, и посмотрела на Хоффмана оживающими глазами.

— Что? Что вы сказали, доктор?

— Я сказал, что он будет жить... — Хоффман удивлённо покачал головой.

— В первый раз встречаю такой случай... Огромная потеря крови, куча ран, треснутые кости... Да он должен был умереть как минимум дважды! Люди умирали с половиной тех ран что есть у него... Ничего не понимаю! Такое ощущение, что организм сам пытался лечиться... Сердце билось как сумасшедшее, даже с нехваткой крови, а рана возле арматуры как будто пыталась вытолкнуть железку... Чертовщина какая-то... Мы перелили ему свежую кровь так организм буквально впитал её в себя..

Он тяжело поднялся.

— Пожалуй, пойду, посплю, а то кажется какая — то хрень в глазах..

— Постоите, доктор! А можно мне дежурить возле него? — умоляющим голосом спросила она.

— Хм... Почему нет? Вы же медсестра? Сейчас его отвезут в палату, там сможете остаться с ним.

Она сползла с кушетки, встала на колени и уткнулась ему в ноги.

— Спасибо-спасибо вам, доктор! Если бы он умер... Сегодня вы спасли не только его, но и меня... — бормотала она, снова залившись слезами.

Хоффман с изумлением смотрел на Лауру, наконец, опомнившись, он отодвинул её.

— Фройляйн, это мой долг! Мы же медики, обязаны спасать людей... Мне, конечно, приятно что вы мне благодарны, но, право, не стоит кланяться мне.

Он высвободился и ушёл.

Через несколько минут выкатили каталку с Гюнтером и повезли в палату. Она шла рядом, неотрывно глядя на его лицо. В палате их уже ждал доктор Венцель. Санитары, закатив каталку, ушли, а Венцель подошёл к ней.

— Он герой, Лаура. Знаете, что он сделал? — Доктор выглядел довольным.

— Вы знаете? — она взглянула на него.

— Да, мне уже позвонила одна важная особа. Просила обеспечить ему самый лучший уход и лечить лучшими лекарствами. В общем... Он шёл по улице, рядом с ним что-то взорвалось в доме... Его самого чуть не убило взрывом. Потом он, вместе с парнями из «Гитлерюгенда» ловил людей из окон, потому что они не могли выйти через разрушенный вход... Дом горел всё сильнее, пожарных почему — то не было, а внутри ещё остались женщины. Тогда он ринулся в огонь, спас целую семью. Едва вывел их, как снова полез в огонь. Долго его не было, думали, погиб, но он всё-таки вышел, вместе с ещё одной женщиной. Он еле шёл, в ноге торчала железка, потерял кучу крови. Только вышел, потерял сознание. Говорили, что он потерял сознание ещё внутри, а та женщина тащила его. Словом, целая история... Ему обязаны жизнью шесть человек... Вот так — то, Лаура... Ладно, ты тогда дежурь возле него, утром пойдёшь домой.

Он внимательно посмотрел на неё и вышел. Лаура молча прослушала его монолог, не отрываясь от Гюнтера. Села рядом с его каталкой на стул и, держа его руку своей, осторожно положила свою голову ему на грудь. Впервые, за эти страшные часы, на её губах появилось слабое подобие улыбки.

Глава 11

11 апреля 1940, утро. Где-то.

Гюнтер Шольке

Он был где-то в непонятном месте. Чернота, ничего не видно. Ни звука не доносилось до него. Гюнтер не понимал где он и что с ним, пытаясь разобраться жив или уже мёртв. Но раз он думает, значит, жив?

— Да, ты жив! — донёсся до него женский голос.

"Это ещё кто? И что со мной?" — вспыхнули в нём вопросы.

Всё вокруг него осветилось мягким светом, позволяя оглядеться. Он находился в каком-то помещении, где были лишь два мягких кресла. На одном сидел сам Гюнтер, на другом — очень красивая женщина. Её длинные, шелковистые волосы струились по плечам, прекрасное лицо словно манило к себе, обещая удовольствие и наслаждение... Незнакомка была одета в длинное белое платье с большим декольте и разрезами на бёдрах, открывая их почти до пояса.

— Меня зовут Фрейя. Я — богиня! — она улыбнулась, глядя на него. — Ты находишься в моём... загородном доме, если так назвать в твоём понимании.

"Что за ерунда? Какая ещё богиня? Я что, так сильно ударился?" Мысли носились в голове, не желая успокоиться и выстроиться в очередь.

— Что тебе надо, Фрейя? — он решил не обращать внимания на её очень высокое самомнение. Мало ли зачем она себя так назвала? Гораздо важнее понять где он находится и как вернуться в знакомые места. Фрейя улыбнулась ещё шире.

— Ты не веришь мне? Хорошо, я докажу... — она сделала едва заметное движение пальцем, и Гюнтера охватило такое желание, что он едва не взорвался вместе со своим членом. Застонав, и не владея собой, он рванулся к женщине, пытаясь удовлетворить дикую тягу к женскому телу, но обнаружил, что не может двинуться с места. К счастью, желание тут же пропало как и не было. Облегчённо вздохнув, он с опасением взглянул на роскошную женщину. Похоже, она и правда кое-что может, надо быть осторожнее.

Словно услышав его мысли она медленно кивнула, и встала на ноги. Гюнтер невольно перевёл взгляд на её декольте, казалось, он вот-вот увидит её соски, если платье хоть немного сползёт вниз. Он не узнавал себя, желание снова начало возвращаться, хоть и не такое сильное как при демонстрации её способностей. Фрейя медленно подошла к нему и присела на подлокотник его кресла. Попытавшись двинуться к ней, он обнаружил, что не может даже пошевелиться. Что за наказание?

— Что мне нужно? Сейчас расскажу... — её ласковый голос поселился в его голове, обещая и завлекая. — Вы с другом погибли, защищая одну из моих последовательниц и я решила немного отблагодарить вас за это... Особенно тебя, Гюнтер. Мне помогли удержать ваши души и дать им второй шанс. Я смогла перенести вас в прошлое, чтобы вы сделали то о чём мечтали.

— Мы? — с удивлением спросил он. — Вы о чём, Фрейя?

— Скажи, Гюнтер, ты ведь мечтал попасть в прошлое и не дать Германии проиграть в вашей страшной войне, верно? Спасти её? — она уже шептала ему на ухо. А ведь верно, он часто представлял что бы сделал, очутись в Германии перед войной. Но откуда она это

знает? Ах, да... она же богиня! Глупый вопрос..

— Мечтал... — смог произнести он. Пожалуй, только язык ему и подчинялся. Даже глаза могли смотреть только прямо, хотя он и попытался скосить их в бок, чтобы полюбоваться на красавицу Фрейю.

— Вот я и выполнила твою просьбу!

— А как же Алекс? Неужели он тоже хотел попасть в прошлое и переиграть события? — осенило его.

— Да, у него тоже было такое желание... — подтвердила богиня. — Более того, я дала вам обоим дар быстрого восстановления. А тебе, мой славный воин, я подарила ещё кое-что... — она ласково провела пальчиком по его щеке.

— Что же? — с любопытством спросил он.

— Я же богиня любви и удовольствия? Поэтому мой дар тебе таков. Я сделала так, что теперь ты сможешь лучше соблазнять женщин и девушек... — рассмеялась она.

— Что? — не поверил он. Какого чёрта? Она шутит? — Подожди, но я думал, что ты дашь мне какую-нибудь силу, скорость, ум... но стать дон Жуаном? Или ты шутишь? — Гюнтер ошеломлённо посмотрел на Фрейю.

— Нет, милый... Всё так и есть. Конечно, я бы могла дать тебе то что ты просишь, но... это было бы слишком легко. Так неинтересно. Поэтому только дар восстановления и соблазн... — она легко поцеловала его в щёку. — Не огорчайся, воин. Ведь при тебе останется твой ум, знания и характер. К тому же, ты не понимаешь силу соблазна. Чем больше ты захочешь женщину, тем сильнее будет действовать на неё твой дар. Говоришь комплименты — ей приятно. Дотрагиваешься — ей хорошо. Целуешь — она счастлива. А если ляжешь с ней — то ни один мужчина не сможет принести ей больше удовольствия чем ты. Твой голос, запах начнут действовать на неё как... — она задумалась.. — Как лёгкий дурман. Захочется всё больше и больше. А от сексуального удовольствия недалеко и до любви. Той любви, когда готова на всё ради мужчины, даже на смерть. Она захочет всегда быть с тобой рядом, помогать тебе. Ах, да... твоя сексуальная выносливость тоже повысится, иначе ты не выдержишь... И всегда, когда ты будешь лежать с ними, я сделаю так, чтобы они получали наивысшее удовольствие.. — Фрейя весело засмеялась и потрепала ему волосы. — Но есть и некоторые недостатки..

— И почему я не удивлён? — пробурчал Гюнтер. — Какие?

— Твой дар будет действовать только на тех девушек и женщин кто не влюблён в другого мужчину. То есть, ты сможешь соблазнить и их, но только сам, без помощи дара. И ещё... женская ревность страшна! Будь осторожен, если захочешь познакомить их... Также ты вряд ли сможешь что-то добиться от женщины если она будет тебя ненавидеть.

— Да... Неожиданно... — протянул он, пытаясь освоить удивительную информацию. — Но как я смогу изменить историю с этим странным даром? В Германии Гитлера всё зависит от мужчин!

— Тут ты ошибаешься, воин! От женщин тоже многое что зависит. Но использовать их или нет, решать тебе! А теперь, Гюнтер, пора просыпаться... — её голос отдалился и, наконец, совсем пропал..

Клиника Шарите.

...Было больно. Нет, было ОЧЕНЬ больно. Тело словно побывало в зубах огромного зверя, который тщательно прожевал его и потом выплюнул, признав несъедобным. Кажется,

болела каждая косточка его многострадального тела. Голова, руки, ноги... невозможно было понять, что болит сильнее. Непроизвольно застонав, он с трудом приоткрыл глаза. Муть перед глазами развеивалась с трудом, как будто пытаюсь снова погрузить его в беспамятство. Наконец, туман пропал, и он смог более внимательно осмотреть помещение. Похоже, он снова в больнице, что неудивительно. Только палата была явно роскошнее той в которой он лежал в первый раз.

«Наверное, Мария постаралась... — с теплотой подумал он. — Организовала мне ВИП-отдых. Интересно, в какой я больнице? Ну и кошмар же мне приснился... Крепко я надыхался всякой хрени..»

Ответ на этот вопрос он получил очень быстро, посмотрев на лицо девушки, которая спала, положив голову ему на живот. Лаура! Она здесь! Значит, он опять в Шарите? Видимо, так. Горячая волна охватила его, глядя на свою девушку. Его «Цветочек» осталась с ним, хотя должна была идти отсыпаться домой после суточного дежурства. Он попытался встать, чтобы обнять её, но зашипел сквозь зубы от боли. Вдобавок, при малейшем движении накатила слабость, и Гюнтер откинулся на подушку. От этого движения девушка пошевелилась и медленно открыла глаза. Несколько секунд она удивлённо глядела на него, потом её губы тихо и неверяще прошептали:

— Гюнтер?.. Гюнтер!! — шёпот превратился в крик. С быстротой молнии она вскочила со стула и кинулась к нему на шею, крепко обхватив руками. Захлёбываясь рыданиями, Лаура бессвязно пыталась что-то сказать, но как не старался Гюнтер так и не смог ничего разобрать. Её слёзы промочили ему ворот пижамы, но девушка и не думала успокаиваться.

Ошарашенный Гюнтер попытался остановить этот истеричный водопад:

— Лаура... милая... Лаура! Лаура!! — бесполезно, она ничего не слышит, только уткнулась ещё сильнее. Похоже, придётся применить запрещённый приём... Преодолевая слабость, его рука медленно поползла по телу девушки. Остановилась на стройном бедре, помедлила... и поднялась выше. Достигнув подмышки, она задействовала пальцы и начала щекотать Лауру. Это подействовало почти мгновенно.

— Ай!.. Гюн. Гюнтер, хва... хватит!! Ха-ха... Щекот. но!

Она сумела вскочить и вырваться, отпрыгнув от него на расстояние, недостижимое для его руки. Выглядела девушка забавно, с заплаканными глазами, но с улыбкой.

— Ты негодяй, Гюнтер! — она замахнулась на него рукой, сделав вид что хочет ударить. — Зачем ты меня щекочешь? Ты же знаешь, что я боюсь щекотки!

Гюнтер насмешливо усмехнулся.

— Именно поэтому и щекочу. Ты так меня душила в объятиях, что я чуть не задохнулся. Было бы обидно, выжив при пожаре, погибнуть в больнице от твоих рук, не находишь?

— Не обманывай! Я вовсе не собиралась причинить тебе вред! Просто я так испугалась за тебя, боялась что ты умрёшь... — она смущённо потупилась.

— Ладно, так уж и быть, прощаю... — смилостивился он. И добавил: — Только если поцелуешь меня!

— С удовольствием, любимый! — она нагнулась и нежно поцеловала его в губы.

Гюнтер попытался продлить поцелуй и обнять её руками, но Лаура легко вырвалась из его ослабленных объятий.

— Нет-нет! Пока нельзя! Ты ещё слишком слаб... Но потом. обещаю! — она проказливо улыбнулась. — А пока доктор Венцель распорядился покормить тебя.

При упоминании о еде, желудок Гюнтера активно поддержал девушку, позволив себе

звучно выразить своё одобрение. Лаура снова улыбнулась.

— Я так и думала, что ты будешь рад этому!

На завтрак оказались рисовая каша с маленьким кусочком рыбы, какой именно, Гюнтер так и не понял, никогда не интересовался ими, так же как и рыбалкой. Сначала он попытался есть сам, но после того как ложка во второй раз выпала из его рук, вынужден был воспользоваться помощью девушки. Та с радостью начала кормить его с ложки, словно маленького ребёнка. Первоначальное смущение быстро ушло из-за голода, и он уже не обращал на это внимания, сосредоточившись на еде. Прикончив содержимое тарелки и выпив кофе, Гюнтер почувствовал себя гораздо легче, даже, вроде бы, болеть тело стало меньше, но появилось кое-что другое, неудобное... Он удобнее откинулся на подушку и вспомнил, что хотел спросить:

— Кстати, милая, а ты разве не должна сейчас отсыпаться после дежурства?

Лаура улыбнулась.

— Я не устала. К тому же, я поспала несколько часов рядом с тобой. И потом, неужели ты думаешь, что я брошу тебя здесь одного? Не дождёшься! — покачала она пальчиком. Глаза её смеялись. Внезапно она стала серьёзной.

— Я рассказала доктору Венцелю что ты очнулся, когда бегала за завтраком. Он сообщил, что после обеда заглянет к тебе. И ещё... К тебе посетители... — Девушка с любопытством посмотрела на него.

Гюнтер удивился. Он только попал сюда и уже посетители? Наверное, родители... Выходит, им уже сообщили.

— И кто же? — спросил он, не сомневаясь, какой услышит ответ.

Лаура пожала плечами.

— Какие-то две фрау. Оказывается, они сидят тут с самого утра, ждут когда ты придёшь в себя. Признавайся, кто это? — с интересом спросила она.

Гюнтер растерянно развёл руками, но, опомнившись, снова вернул их на одеяло, пока девушка не заметила.

— Сам не знаю... Я думал, что это будут родители.

«Интересно, кто бы это мог быть? Может, Аннелиза с Катариной? Вряд ли, им сейчас не до меня, наверняка пытаются навести порядок в своей квартире, если дом успели потушить. Или же ищут другое жильё... Проклятье, только этого не хватало! Успокойся, наконец! Сейчас явно не время! Думай о другом, болван!.. Тогда кто? Семейство Мантойфель? Нет, в таком случае приехали бы все пятеро или одна баронесса... Ладно, скоро узнаем» — решил не ломать голову Гюнтер, тем более, у него появилась другая проблема.

— Тогда я позову их? — спросила Лаура.

Гюнтер заколебался. Оказалось, что после завтрака, его организму стало настолько хорошо, что появилось непредвиденное осложнение. Возможно, это побочное действие повышенной регенерации? Или проделки богини из кошмара? Доктор Венцель вскользь упоминал об этом, когда проводил обследование Гюнтера при первом попадании в клинику. Теперь он вспомнил, что точно такое же происшествие было с ним и тогда, но мысленный стресс от попадания в прошлое и забота о своём будущем, нивелировал этот эффект. Теперь же, сначала оказавшись на волоске от смерти и сейчас пребывая в безопасности, этот, так сказать, эффект настырно лез наружу, несмотря на все попытки Гюнтера успокоиться. Даже проверенный способ — представить, как ледяная вода льётся на член, не помог. Всё время

разговора с Лаурой он пытался сдерживаться, но её вид, голос, запах безжалостно рвал все его усилия. Наконец, устав бороться сам с собой, он сдался.

— Лаура, милая... у меня проблема, — выдохнул он и убрал руки с одеяла.

— Какая про. ох. хм... — она хихикнула, густо покраснев. Тонкое одеяло между ног Гюнтера натянулось палаткой, наглядно продемонстрировав девушке, что мужчины не всегда могут полностью контролировать своё тело. Бывают и такие ситуации.

— Я бы сказала, у тебя БОЛЬШАЯ проблема, милый! — с трудом отвела она взгляд от бугра, который явно не собирался сдвигаться.

— Именно, моя девочка, и в этом есть часть твоей вины. Ты же понимаешь, я не могу предстать перед двумя добропорядочными фрау с таким стояком, верно? — с намёком сказал он.

— Да... я понимаю... это было бы неприлично... — несмотря на то что девушка старательно пыталась смотреть ему в глаза, её взгляд словно сам собой то и дело сползал вниз, вызывая у Гюнтера сладкие пульсации между ног.

— Поэтому ты должна мне помочь... и побыстрее... — Он чувствовал, что если не разрядится, то этот неугомонный член потом припомнит ему такое издевательство над собой, заставив корчиться от боли. Не самому же себе помогать, когда рядом находится такая красавица?

— А как я тебе... Ой, ты что?.. — Её глаза расширились. — Ты хочешь, чтобы мы сейчас с тобой прямо тут?? — она даже рот приоткрыла от удивления.

— Поверь, это был бы наилучший выход, милая моя... Но, к сожалению, я ещё не восстановился полностью, поэтому сделаем это по сокращённой программе... — Гюнтер едва сдержал стон при виде того, каким взглядом Лаура смотрит на его бугор. Казалось, он её гипнотизирует.

— Но я не могу... То есть, мы не должны, любимый... — неуверенно проговорила она, с трудом оторвав взгляд от палатки. — Сейчас может придти доктор Венцель и..

— Лаура, хватит уже, иди и закрой дверь на щеколду! — его голос начал напоминать какой-то рык. Ни разу в жизни он не испытывал такого возбуждения, как сейчас. Ему казалось, что таким членом он пробьёт что угодно.

«Что со мной творится, чёрт побери! Почему я так возбуждён будто ни разу не трахался? Ни хрена не понимаю... Неужели это всё из-за богини? Раньше такого не было!»

— Зачем? — подала голос Лаура. Она начала чаще дышать, облизнула пересохшие губы.

— Чтобы никто не вошёл и не увидел меня, не понимаешь? Закрой!

— Да, хорошо... — она нехотя отвернулась и какой-то деревянной походкой прошла к двери, закрыла её и подошла к нему вплотную.

— Хорошая девочка... — похвалил Гюнтер срывающимся голосом. — А теперь... поласкай его! — он откинул одеяло в сторону, продемонстрировав ей член во всём великолепии, предварительно успев стянуть с себя трусы и штаны от пижамы.

Лаура вздрогнула и впиалась глазами в перевитый венами орган, который наклонился к животу Гюнтера.

— Красивый? Знаю, тебе он очень нравится, милая... Я помню, как ты боялась прикоснуться к нему сначала... — он хрипло засмеялся. — Зато потом тебя было не оттащить, не забыла это? Давай, сделай это! Я же вижу как ты сама хочешь этого!

Лаура, издав какой-то жалобный стон, робко посмотрела на Гюнтера и, словно одурманенная, начала опускать свою голову вниз. Нежно обхватив член одной рукой, она в

упор смотрела на орган своего любимого человека. Через несколько секунд, девушка медленно открыла свой рот и погрузила член внутрь больше чем наполовину, плотно обхватив его своими мягкими губами.

Гюнтер почувствовал, как его напряжённый ствол обволокли её губы и внутри начал порхать юркий язычок. Смотри, как голова его Лауры стала медленно двигаться вверх-вниз, постепенно набирая скорость, он понял, что эта девочка теперь не остановится, даже если сюда войдёт весь персонал клиники вместе с фрау Кох. Ещё в первую ночь Гюнтер узнал что такая милая, скромная, краснеющая Лаура, возбуждаясь, теряет голову и готова сделать для него всё что он захочет, даже если ей будет стыдно или больно. Чудо, а не девушка! Ну, спасибо, Фрейя. Или это её любовь сносит ей голову напрочь, побуждая пойти на всё чтобы он был ею доволен? Да уж, открыл ящик Пандоры, превратил влюблённую в него девушку в настоящую нимфоманку... Ничего, он не собирается причинять ей боль или обижать, поэтому такая развратность только ещё больше возбуждала его.

Левой рукой он плотнее прижал её голову книзу, заставляя проглотить его член полностью. Лаура не сопротивлялась, казалось, она только рада впустить его поглубже в себя. Он опасался, что у неё проявится рвотный инстинкт, но обошлось. Тем временем, правой рукой Гюнтер одним движением задрал ей длинное форменное платье и провёл рукой по бедру, затянутому в тонкий чулок. Поласкав его несколько секунд, он провёл пальцами ей между ног... Хоть у неё и были надеты трусы, но между ног они были настолько мокрые, что пальцы тут же стали влажные.

Лаура, на вторжение к себе между ног, отреагировала положительно. Глухо застонав, из-за занятого членом рта, она ещё сильнее начала насаживаться головой, её язык превратился в настоящий вихрь, лаская его член. Своим лобком она потёрлась об его пальцы, словно намекая на что-то..

Посетовав, что он не может в полной мере насладиться своей девушкой, Гюнтер решил усилить напор. Собрав побольше силы и дёрнув, он буквально спустил с Лауры мокрые трусы до колен, едва не порвав их. Та снова застонала, по-прежнему не отрываясь от члена. Не сдерживаемые больше материей, соки из влагалища начали капать вниз, стекая по бёдрам и чулкам. Сложив три пальца вместе, Гюнтер прокрался к её дырочке и резко воткнул их внутрь, вызвав гортанный стон Лауры. Слегка загнув пальцы, он стал трахать ими девушку, вынуждая ту вилять бёдрами и непрерывно стонать.

Лаура была просто очаровательна. Нагнутая, с задраным платьем, растрёпанной причёской, стонущая и извивающаяся от наслаждения, жадно сосущая его член... это было настолько возбуждающе, что он понял... вот-вот это случится и он, наконец, кончит и расслабится.

Гюнтер почувствовал, как в члене набирает силу мощный поток, который ищет выхода и с радостью подтолкнул его, заодно вздёрнув таз вверх а голову Лауры, наоборот, вниз... Крик, хрип или рычание... он не понял какой звук издал. Помнил лишь невообразимое облегчение, удовольствие, когда его сперма, словно под давлением, начала извергаться прямо в рот Лауре, которая пыталась всё проглотить. Одновременно он почувствовал, что между ног девушки стекают уже не капли влаги, а целая струя, совсем как тогда, в первый раз. Да, если девушка сквиртанула то всё, она уже готова. Наконец, проглотив всё чем смог одарить её член Гюнтера, она со вздохом сползла вниз, возле его кровати. Часть её платья упала на лужу соков из влагалища, но ей сейчас было явно не до этого.

Довольный и умиротворённый Гюнтер лежал, постепенно приходя в себя... Да, в

больнице у него ещё не было. А с Лаурой вообще всё получилось потрясающе. Оказывается, ей понравился вкус его спермы, и она с удовольствием её выпила. А ведь не каждая бы смогла. Как ему повезло, что он с ней встретился, и она влюбилась в него. Секс сам по себе очень хорош, а уж когда он между двумя людьми, которые любят друг друга... ну или, кто-то один любит и готов ради второго на многое... Теперь бы поспать немного. Но раз фрау ждут, надо пообщаться.

Внизу послышался шорох. Гюнтер посмотрел вниз. Лаура пыталась встать, вцепившись руками в его кровать, но они дрожали и срывались. Наконец, у неё это получилось, и с глубоким стоном она прилегла на краю его кровати. Тесно прижалась к нему спиной и затихла. Гюнтер тоже молчал, продолжая переживать ту сногшибательную сцену, которая только что произошла. Приятная слабость охватила его.

— Я думала что умру... — раздался тихий голос Лауры. Она медленно повернулась к нему лицом и посмотрела в упор. Её глаза сияли, а на губах появилась улыбка. — Знаешь, когда это произошло в первый раз... я была уверена, что лучше быть просто не может. Боже, как я ошибалась... Я невероятно счастлива, Гюнтер. Как бы я хотела сейчас просто лежать с тобой рядом и всё. Мне больше ничего не надо, любимый... Я люблю тебя! Очень люблю! Вся моя жизнь — это ты..

С этими словами она ещё крепче прижалась к нему, закрыла глаза и уткнулась своим носиком в плечо. Гюнтер улыбался и молчал, прижав её к себе. Не открывая глаз, Лаура тихо спросила:

— А ты меня любишь?

И вот что ей ответить? Одни советуют всегда говорить правду, даже если тебе или собеседнику это неприятно. Алекс как-то сказал: «Лучше горькая правда чем сладкая ложь!» В чём-то он прав... Вот только что делать, если точно знаешь, что твой правдивый ответ принесёт сильнейшую боль и горе близкому человеку? Кому от этого будет лучше? Ему? Нет, от вида убитой горем Лауры ему точно лучше не будет. Ей? Тем более. Разве что его вечное второе «Я» под названием совесть будет довольна.

Она и сейчас настойчиво твердит — «Скажи ей правду, Гюнтер! Не ломай девушке жизнь! Ты же её не любишь! Просто пользуешься тем что она по уши в тебя влюблена, верно? Да, сейчас погорюет, поплачет, потом успокоится и забудет тебя. Найдёт себе хорошего парня, который на самом деле влюбится в неё, у них появятся дети... А ты будешь честен с собой и когда-нибудь встретишь ту свою любовь, на которой с радостью женишься!»

От такой картины будущего Гюнтер непроизвольно скривился.

«Да неужели? — мысленно ответил он. — А что если она возьмёт и утопится от несчастной любви? Или вообще разочаруется в мужчинах? Ты такие варианты не рассматривала? Да, пусть я и не хочу пока жениться на ней, но она мне очень сильно нравится! А любовь... Я никогда ни в кого не влюблялся, может, то что я испытываю к ней это и есть любовь? И я не хочу её отпускать и отдавать какому-то постороннему, поняла? Я обещал никогда не обижать и защищать её, и я это сделаю! Со мной она счастлива и я с ней тоже, поэтому хочу чтобы так было и дальше!»

«Это неправильно, Гюнтер! Нельзя ей всё время лгать!»

«Я сам знаю что делать и никому не позволю влезать в наши отношения! И тебе тоже! Когда-нибудь я скажу ей всё что думаю о нас, но не сейчас. Кстати, только попробуй помешать мне спать по ночам своими занудными нравами! Всё, заткнись, мешаешь!»

Совесть, недовольно ворча, затихла. А Гюнтер, прижав Лауру к себе ещё сильнее, улыбнулся и уверенно ответил:

— Конечно, люблю, моя милая! Разве такую как ты можно не любить?

Девушка счастливо засмеялась и поцеловала его в плечо.

Через несколько минут она неохотно встала, вынула из кармана халата маленькое зеркало и заглянув в него, ахнула:

— Боже мой, какой кошмар! Я выгляжу как... как... — она никак не могла подобрать слова.

—..Как самая счастливая в мире девушка, которая только что отдалась своему любимому парню прямо в больнице и сама побывала в раю! — улыбаясь, помог ей Гюнтер.

— Ах ты, пошляк! — она шутливо шагнула к нему. — Сейчас я кого-то помадой разрисую за такие слова! Бедная девушка тут вся разлохмачена, одежда в беспорядке, а он смеётся! А если придёт фрау Кох или доктор Венцель? Эх ты, а ещё офицер... Как не стыдно! — покачала Лаура головой, пытаясь не улыбнуться.

Внезапно за дверью послышались лёгкие шаги, невнятные голоса. Неизвестные попытались открыть дверь, не смогли, и постучали.

Гюнтер и Лаура переглянулись. Он с любопытством, девушка с паникой.

— Ох, они уже пришли! Что делать?.. — заметалась Лаура в панике по палате. — И расчёска не здесь, а в сумке..

В дверь снова постучали, уже сильнее.

— Придётся открыть... — сказал Гюнтер. — Иначе будет подозрительно.

Лаура застыла на месте, побледнела и медленно направилась к двери. Рядом с ней она быстро поправила волосы, одежду и, приветливо улыбаясь, открыла её.

На пороге стояли фрау Бломфельд и Катарина.

Москва.

11 апреля 1940 года.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Саша, как обычно, лежал на койке и смотрел в потолок, когда за ним пришли. Заскрежетал ключ в замке и дверь отворилась. Один из его конвоиров встал на пороге и скомандовал:

— Краузе! На выход!

Несколько секунд удивлённый Александр продолжал лежать на койке, но заметив движение тюремщика к себе, вскочил и пошёл к выходу. Выйдя из камеры, он подождал, пока конвоир её закроет и, повинуясь его молчаливому жесту рукой, направился по коридору. Заговорить с ним Саша не пытался, знал, что это бесполезно, тот не ответит, проверено.

Они прошли по коридору, пару раз свернули и, наконец, остановились перед какой-то дверью. Конвоир постучал.

— Открыто! — раздалось из-за двери.

— Разрешите? — спросил спутник Саши, приоткрыв её.

— Входите!

Распахнув дверь полностью, конвоир аккуратно ввёл Александра в кабинет и, уловив небрежный жест рукой, вышел, плотно закрыв дверь. Саша огляделся.

Он оказался в небольшом помещении, обставленном совсем по-спартански. Стол у окна, табуретка перед ним. В углу небольшой диванчик. Окно, выходящее на какой-то глухой двор, зарешёчено. На одной из стен висел портрет Сталина в френче. Улыбка, скрывающаяся под усами вождя, показалась Саше донельзя ехидной.

Куда больший интерес у него вызвал хозяин этого кабинета. Мужчина лет сорока, абсолютно лысый, высокий и широкоплечий. Его глаза смотрели как-то равнодушно, как будто ему было скучно, и он ждёт не дожждётся когда сможет разобраться с делом и заняться более интересными вещами. Одет он был в начищенные сапоги, галифе и гимнастёрку, на которой были смутно знакомые ему знаки различия. Три прямоугольника на петлицах... Интересно, какое это звание?

— Садитесь, гражданин Краузе.

Александр молча сел на табуретку.

— Меня зовут Николай Васильевич Жуков, — доброжелательно представился он. На Сашу лысый не смотрел, продолжая медленно перелистывать какую-то папку.

— Я следователь, ведущий ваше дело. Как я понял, вы хорошо знаете русский язык, верно? — не дожидаясь его ответа, он сам себе кивнул. — Верно. Можете называть меня по имени-отчеству, у нас сегодня не допрос, а просто беседа. Не возражаете? — достал он из кармана папиросы.

Александр слегка расслабился. Похоже, бить его пока не собираются, загонять иглы под ногти тоже... Хотя он подозревал, что этот следователь включил «хорошего полицейского», но даже если так, почему не поговорить?

— Я не курю, а вы не стесняйтесь, — ответил он.

Следователь вынул папиросу, постучал её по столу и, вспыхнув спичкой, зажгёт. По комнате поплыл аромат незнакомого табака, заставив Александра слегка сморщиться. Сам он не курил и не любил когда рядом с ним дымят. В таких случаях всегда старался отойти от курильщика, но здесь куда отходить?

С наслаждением Жуков глубоко затянулся, так что на кончике папиросы ярко вспыхнуло. Форточка была слегка приоткрыта и дым постепенно начал уходить в окно.

— Что ж, начнём. Для начала представьтесь. Должен же я знать с кем разговариваю, верно? — улыбаясь, заявил следователь, хитро блеснув глазами.

Саша глубоко вздохнул. Всё время, что он провёл в камере, прикидывал, что рассказать, а что нет. Представиться немцем-коммунистом, обладателем сверхсекретных сведений, которые он никак не мог не то что доказать, но даже просто знать? Ведь он простой столичный полицейский. Откуда ему знать про «Барбароссу», если этот план ещё даже не начали разрабатывать? В таком случае, он будет никому не интересен и его ждёт судьба вечного арестанта, который попытался нагло обмануть НКВД и лично товарища Сталина. Или вообще, пулю в затылок, «Нет человека — нет проблемы!»

Версия про русского белоэмигранта тем более не прокатит, этот персонаж вообще никто, пустое место в плане полезности. Придётся говорить правду, только правду и ничего кроме правды. Да, версия фантастична, но она хоть как-то может объяснить следователю, откуда у него такие данные.

— Меня зовут Александр Самсонов, из Москвы. Мне 24 года, не судим, не женат, без детей, беспартийный. Родился..

— Стоп! — следователь внимательно смотрел на него. — Какой ещё Самсонов? Ты же немец, Дитрих Краузе?

— Николай Васильевич, вы же просили откровенность? Я вам и рассказываю. Это долгая и, возможно, невероятная история, но это правда. Поэтому, давайте я сначала расскажу всё что знаю, а вы потом зададите вопросы. Договорились?

Жуков несколько секунд смотрел на него, потом медленно кивнул и откинулся на спинку стула, переместив папиросу в другой конец рта.

...Весь рассказ, со всеми подробностями, занял у него минут пятнадцать. Закончив, он облизнул пересохшие губы и попросил:

— Разрешите воды, Николай Васильевич?

Тот словно очнулся, моргнул и, потянувшись, взял с подоконника графин с водой и стакан. Саша налил себе почти до края и с наслаждением выпил. Поставив стакан на стол, он посмотрел на следователя. Жуков глядел на него с каким-то непонятым выражением.

— Значит, Александр Самсонов... Что ж, это объясняет твой хороший русский язык... Но вот остальное... Скажи мне, ты серьёзно думал, что я поверю в эту галиматью? Конечно, я читал Герберта Уэллса, но ты мне сейчас рассказал историю, которую явно придумал, чтобы скрыть настоящую, верно? Вот только, то ли у тебя с фантазией туго, или думал что я такой доверчивый дурак, что поверю и доложу наверх, что прибыл, дескать, посланник из будущего, хочет помочь нам, сырым и убогим? Вот только просчитался ты, Александр Самсонов, или как там тебя... Знаешь, сколько я разных историй тут слышал? Да если бы я во всё это верил, получалось бы что все вокруг белые и пушистые, ни в чём не виноватые и попали сюда исключительно по ошибке! Ходили и просто цветочки собирали!

Он встал из-за стола и начал медленно вышагивать по кабинету.

— Давай сделаем так! Я не хочу давить на тебя, поэтому даю ещё один шанс, последний. Сейчас тебя отведут в камеру, и ты хорошенько подумаешь над своими словами. Завтра тебя приведут сюда же, и ты мне расскажешь другую историю, только на этот раз, настоящую. Потому что если ты опять обманешь моё доверие, я уже не буду таким понимающим как сейчас и тебе придётся узнать другие способы того как заставить человека сказать правду. Не уверен что они тебе понравятся, но тут вина будет только твоя. Вот так-то! Увести! — крикнул он напоследок.

Оглушенный его словами Саша, как робот, встал и пошёл в свою камеру, сопровождаемый конвоиром.

«Не получилось... ничего не получилось... Завтра меня начнут пытаться... Это пиздец..»

Берлин.

Тот же день.

Аннелиза Бломфельд.

Они с Катариной сидели в клинике Шарите с самого утра, дожидаясь когда их спаситель придёт в себя после операции. Доктор, оперировавший его, заверил, что опасность смерти миновала, и Гюнтер скоро очнётся.

Всю ночь они, вместе с другими жильцами своего дома, провели на улице, пытаясь найти место для ночлега. К счастью, квартира и имущество были застрахованы, а все её деньги были в банке. Поэтому, утром, когда он открылся, Аннелиза взяла со счёта крупную сумму и сняла на неделю небольшой особняк в пригороде, где и оставила сына отдыхать после ночных волнений. Заодно, они обе приняли ванну и переоделись, приведя себя в порядок. Сначала она хотела, чтобы верная Катарина осталась с Роландом, её сыном, но

женщина убедила Аннелизу что мальчик будет крепко спать под присмотром одной из её подруг, а она сама должна сопровождать свою хозяйку и лично поблагодарить героя-эсэсовца за своё спасение.

Как она узнала, благодаря баронессе фон Мантойфель, одной из её соседок, Гюнтера положили в отдельную палату и даже прикрепили к нему личную медсестру. Аннелиза невольно почувствовала свою вину, ей и в голову не пришло хотя бы так позаботиться о своём спасителе. Посоветовавшись с Катариной, которая уже давно стала для неё как подруга, они вместе закупили для него целых два пакета с фруктами, ведь выздоравливающим они очень полезны, особенно весной.

Вообще, вся эта ночь оказалась одним большим кошмаром. То что при взрыве, так называемый муж, без малейших колебаний бросил её умирать, не удивило... Уже успела понять его истинную натуру, которую он перестал скрывать сразу после смерти её отца. Для него были важны только её деньги, а не она сама. Периодически, когда он устраивал ей скандалы, она выдавала ему небольшие суммы лишь бы он отстал от неё, и это помогало. Тогда Мартин пропадал на несколько дней и приходил пьяный, довольный и без денег. Роланд не любил его и старался держаться подальше от отца, впрочем, тот и не пытался общаться с сыном. Хорошо хоть не бил их... Трус, скотина и любитель лёгкой жизни, вот кем был её муж Мартин Бломфельд. Она уже много раз жалела, что вышла за него замуж, но ради Роланда продолжала жить с ним, хотя и думала о разводе. Даже была готова отдать ему крупную сумму, лишь бы тот отстал от них. Деньги всего лишь деньги, будут новые поступления от её сети косметических лавок и отчисления от управляющего её банком, который она унаследовала от отца.

Когда всё вспыхнуло, и Аннелиза поняла что сама, без посторонней помощи, не выберется, она закрылась в ванной, набрала прохладную воду и залезла в неё, решив там дожидаться пожарных, которые, почему-то, приехали только к утру, когда она уже отчаялась и попрощалась с жизнью. Теперь Аннелиза понимала, что если бы не Гюнтер, на свой страх и риск, пришедший за ней, она навсегда осталась бы там, в ванне, и скорее всего, задохнулась.

Чувство благодарности к своему спасителю снова охватило её, и она едва не расплакалась. Катарина тут же помогла ей, протянув свой платочек. Проходившая мимо молодая, симпатичная медсестра, сообщила им что Гюнтер очнулся, и после обеда будет готов принять их. Обрадованная Аннелиза сердечно поблагодарила медсестру и ободряюще пожала руку Катарине, которая так же волновалась.

Прошло около получаса, когда проходивший мимо доктор Венцель, посмотрев на часы, сообщил, что Гюнтер уже должен был пообедать, и они могут пройти в его палату, сообщив им её номер. Быстро пройдя по коридорам, они нашли палату и попытались войти, но дверь была заперта. Они удивлённо переглянулись, и Аннелиза постучала.

— Странно, тут заперто..

За дверью послышался какой-то шорох и, наконец, после повторного стука, она распахнулась.

Им открыла та самая медсестра, которая рассказала им о Гюнтере. Она как-то принуждённо улыбалась, её одежда и волосы были в некотором беспорядке, но Аннелиза не обратила на неё особого внимания, все её мысли занимало состояние Гюнтера. В палате витал смутно знакомый запах, но она решила не занимать этим голову, в конце концов, откуда она знает, может так и должно тут пахнуть?

Гюнтер лежал на кровати с удовлетворённым и даже, довольным лицом. Он улыбнулся и произнёс своим сильным голосом:

— Кого я вижу? Аннелиза и Катарина! Очень рад вас видеть! Как вы?

Аннелиза быстро подошла к нему и осторожно взяла за руку, с другой стороны кровати точно так же сделала Катарина.

— Мы в порядке, Гюнтер! А как ты? Мы с Катариной очень волновались за тебя! Верно?

— Да, Гюнтер! Ты не представляешь, как я и Роланд благодарны тебе за наше спасение и за то что ты, рискуя жизнью, спас фрау Бломфельд! — ответила взволнованная Катарина.

— Гюнтер! — Аннелиза серьёзно посмотрела на него. — Мы понимаем, что бы мы не сделали, всё равно останемся у тебя в долгу, ведь жизнь — это бесценно! Поэтому позволь принять вот эти фрукты, они для тебя очень полезны, и поверь, это от всего сердца!

— Да, фрау Бломфельд права, мы сами выбирали их. Пожалуйста, не отказывайся! — подхватила Катарина.

— Хм, да тут столько фруктов что мне на неделю хватит... — ответил Гюнтер, разглядывая содержимое пакетов. Бананы, апельсины, ананас, виноград, яблоки, гранат. Всё это, самое свежее, они закупили утром, даже не торгуясь.

— Вот и хорошо! Это поможет тебе поправиться быстрее... — улыбаясь, добавила Катарина. Её глаза сияли от радости, что Гюнтеру понравились их маленькие подарки.

— Гюнтер! — так же улыбающаяся Аннелиза, почувствовала, как её снова охватило волнение. — Мы с Катариной посоветовались и решили пригласить тебя к нам на ужин, как только тебя выпишут. Это самое малое, что мы можем сделать для тебя! — она заметила, что Катарина тоже волнуется, комкая в руках свои перчатки.

Гюнтер удивлённо посмотрел на них.

— Разве вы уже навели порядок в своём доме?

— Нет, наша квартира сгорела почти полностью, пожарные приехали только к утру, когда мы уже уходили. Знаешь, почему они так поздно появились? Оказывается, в другом районе города был большой пожар и часть пожарных из нашего отправили туда. А когда узнали про пожар в нашем доме, послали к нам последнюю машину. Но за два квартала до нас, эта машина попала в аварию с грузовиком и перевернулась... Вот поэтому получилась такая ситуация... — тихо закончила она. Но тут же сменила тему.

— Я сняла небольшой домик в пригороде, поживём пока там. Потом я куплю какой-нибудь дом для постоянного проживания. Там так красиво... Чудесный сад... Ну как, ты согласен? — затаив дыхание, спросила она. Странно, представив его отказ, ей стало так грустно..

— Что ж, хорошо, если меня сразу после выписки не вызовут на службу, то почему бы и нет? — ответил Гюнтер, при этом взглянув на медсестру, которая по-прежнему находилась в палате, то ли собирая посуду после обеда, то ли протирая стол.

Аннелизу охватила радость и облегчение.

— Мы рады, что ты согласился. Верно, Катарина?

— Да, Гюнтер, поверь, ты не пожалеешь! — поддержала её верная подруга.

Внезапно Гюнтер нахмурился.

— Вот только..

— Что? — с беспокойством спросила она, синхронно с Катариной.

— Думаю, герру Бломфельду будет неприятно моё присутствие. Да и мне не доставит

удовольствие видеть его рожу... — процедил Гюнтер, видимо, вспомнив что-то.

— А его и не будет! — радостно переведя дух, ответила Аннелиза. — После пожара я заявила ему, что подаю на развод и не хочу больше его видеть. Так что, приезжай, Гюнтер, встретим тебя только мы и Роланд.

Гюнтер улыбнулся. Аннелиза поймала себя на том, что ей хочется видеть такую улыбку у него на лице как можно чаще... словно тёплый ветерок на неё подул.

— И как он отреагировал?

— Как? Начал кричать на всю улицу, ругаться на нас... Не хочу вспоминать! — тряхнула головой Аннелиза.

— Тогда с удовольствием приеду! — ещё шире улыбнулся он. Со стороны медсестры донёсся какой-то странный звук, но Аннелиза, любясь его улыбкой, не обратила на это внимания.

— Извините, фрау, больной ещё слишком слаб, ему надо отдохнуть! — раздался какой-то напряжённый голос медсестры.

Словно очнувшись, Аннелиза слегка покраснела и отвела взгляд от Гюнтера.

— Да-да, фройляйн, мы уже уходим! Выздоровливай скорее, Гюнтер! Мы ждём тебя в гости! — поколебавшись, Аннелиза не выдержала и, склонившись, поцеловала его в щёку. Мгновением позже, то же самое сделала и Катарина со своей стороны.

Помахав рукой, они вышли из палаты и направились к выходу. Медсестра осталась в палате.

— Фрау Бломфельд, вы обратили внимание на эту медсестру? — спросила Катарина, после того как они вышли с территории клиники и сели в такси.

— Катарина, я уже много раз тебе говорила, наедине называй меня просто Аннелиза... — закатила глаза женщина.

— Хорошо, Аннелиза. Так что? — снова спросила она.

— Нет, не обратила, так, мельком увидела... Гораздо больше меня интересовал он! — улыбнулась она.

— Да, я понимаю... — тоже улыбнулась она. — Дело в том, она была какая-то растрёпанная и одежда в беспорядке. Какие-то мокрые пятна внизу халата... И запах... — задумчиво проговорила Катарина.

— Запах? Да, запах я тоже почувствовала, какой-то смутно знакомый... Но я не стала об этом думать, мало ли отчего он? — ответила Аннелиза.

— Вот и мне кажется, что я знаю этот запах... Но не могу вспомнить... И вообще, я заметила, что она очень внимательно слушала наш разговор.

— Боже, Катарина, нашла о чём думать? Просто любопытная особа, молодая и глупая... А одежда? Может, спала в палате, на стуле, вот и всё... — отмахнулась Аннелиза. — Лучше давай подумаем, что приготовить ему на ужин, когда он приедет, мы же даже не спросили что он любит..

— Он же крепкий и здоровый мужчина, значит, какое-нибудь мясное блюдо... — подумав, предположила Катарина. — Но есть и ещё одна проблема, которая появилась после пожара... — она хитро посмотрела на свою хозяйку-подругу.

— Нечего надеть! — одновременно сказали обе женщины, дружно рассмеявшись.

— Значит, пора по магазинам! — скомандовала Аннелиза.

Глава 12

Тот же день. Берлин.
Гюнтер Шольке

Когда дверь открылась, и он увидел двух красавиц, которых спас, то на его лице сама собой появилась широкая улыбка. И неудивительно! Обе дамы выглядели превосходно. На Аннелизе, под накинутым белым халатом, было красивое, голубое, обтягивающее платье, перехваченное на стройной талии чёрным поясом. Чёрная шляпка. Туфельки на каблук. Декольте было небольшим, но интригующим. Волосы сложены в какую-то причёску, придающую лицу некую загадочность. Сияющие радостью глаза, похоже, слегка подведённые. И губы, тронутые яркой помадой.

Катарина не отставала от неё по части привлекательности. На ней красовалось воздушное белое платье со свободным подолом, который соблазнительно колыхался, пока она шла к Гюнтеру. Длинные, красивые ноги были обуты в небольшие ботиночки, так же на каблук. Вырез на груди у неё был чуть побольше чем у своей подруги, но тоже в пределах приличий. На шее висел маленький кулон, а на голове кокетливо сидел берет. Её губы тоже были накрашены, на лице широкая улыбка.

Они обе тут же завладели его руками, и ему приходилось то и дело поворачивать голову, чтобы общаться с ними. Лаура, вопреки ожиданиям Гюнтера, не ушла, а продолжала делать вид, что убирается в углу.

Он заметил, что, войдя в палату, обе слегка принюхались, почувствовав какой-то запах. Внезапно Гюнтер заподозрил, что это мог быть за аромат... Неужели они почувствовали запах секса, что тут был совсем недавно? Видимо, остатки от запаха его спермы или её соков не успели испариться, ведь окно было закрыто наглухо.

«Проклятье, это залёт! Не дай Бог догадаются! Надо как-то отвлечь их... И Лаура не уходит, любопытная девчонка!»

К счастью, они сами завалили его вопросами о самочувствии, а потом он отвлёкся на кучу фруктов, которые они принесли. Гюнтер был растроган, фрукты он любил, но дело даже не в них... Их отношение к нему, искреннее участие, переживание за его здоровье, это куда больше тронуло его. А уж когда они пригласили его к себе на ужин, то Гюнтер с радостью согласился. Да и трудно отказаться, особенно, если тебя просят об этом две красивые женщины, с таким милым выражением лица и мольбой в голосе.

Правда, кинув взгляд на Лауру, он понял, что такая инициатива двух незнакомок её явно не обрадовала. Неужели ревнует? Возможно и так. Напрасно, это же всего лишь ужин. Вполне понятно, они испытывают к нему благодарность за спасение и хотят хоть как-то доказать это.

Новость о том что Аннелиза, наконец, набралась решимости и хочет развестись с этим трусливым хряком, неожиданно сильно обрадовала его. Само собой, она достойна намного лучшего мужчины, чем этот толстый трутень, только и умеющий тянуть из неё деньги и проматывать их. Туда ему и дорога, самовлюблённому болвану!

Тут внезапно подала голос Лаура. Он ещё ни разу не слышал от неё такой холодной и официальный тон по отношению к кому-нибудь. Женщины быстро засобирались, и на прощание поцеловали его в щёки. Гюнтер, краем глаза взглянув на Лауру, увидел, как та, при

этом, плотно сжала губы.

Наконец, обе радостные дамы вышли, оставив после себя лишь аромат своих духов. Лаура, сморщив носик, прошла к окну и приоткрыла его, впустив в палату свежий воздух.

— Ну и пахнет тут после них... — пробурчала она.

— Что с тобой, милая? — улыбаясь, спросил он. Его немного сместила эта ревность Лауры.

— Ничего... — ответила та. Её нахмуренное личико было настолько забавным, что Гюнтер, как не пытался, не смог сдержаться и рассмеялся. Девушка обернулась к нему, пытаясь понять причину его смеха, но он так и не смог ничего сказать, сотрясаясь от хохота. Наконец, Лаура тоже не выдержала и сначала улыбнулась, а потом тоже рассмеялась.

— Ах, ты моя ревнивица! — воскликнул Гюнтер. — Я всего лишь поеду к ним поужинать и всё. Что ты там себе навообразила, а?

— Я не ревную! — вспыхнув, ответила Лаура. — Просто... просто они так посмотрели на тебя... Потом ещё и поцеловали! А ты ничего не сделал!

— А что я должен был сделать? — по-прежнему улыбаясь, развёл он руками. — Сказать, чтобы они меня не целовали и держались строго официально? Это было бы грубо, ты же видела, как они искренне за меня переживали. Представь себя на их месте... ты уже попрощалась с жизнью и тут вдруг появляется мужчина... красивый, мужественный, смелый... хм. в общем, герой, и спасает тебя. Что ты будешь чувствовать, когда наведишь его в клинику?

Лаура молчала.

— Неужели будешь изображать из себя какую-то Снежную королеву и пожалеешь обычный, дружеский поцелуй? Не верю, Лаура! Никак не верю! Ты не такая! И они не такие!

Девушка заговорила.

— Гюнтер, может ты и прав... Но поверь мне, как девушке. Ты, может быть, и не заметил ничего необычного, но я-то вижу... Они обе тебе не просто благодарны! Ты им нравишься как мужчина! И как бы они не пытались это скрыть, я всё поняла! Да и любая девушка бы поняла... Это только вы, мужчины, в упор не видите! — она грустно посмотрела на него.

— Да, я понимаю, что не имею права от тебя что-то требовать, но я прошу... Пожалуйста, не позволяй им себя соблазнить. Я почти уверена, что они попытаются это сделать. Сердцу неспокойно... Хорошо, Гюнтер?

— Ладно, моя милая! Обещаю, использовать все свои силы чтобы не поддаться их чарам! — торжественно произнёс он, с улыбкой на лице.

— Да ну тебя, милый! Ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзен?.. — с этими словами она поцеловала его в губы, и быстро собрав посуду, вышла из палаты.

Гюнтер, оставшись один, решил почитать книгу, которую принесла Лаура с регистратуры но, не прочитав и нескольких страниц, вынужден был отложить. И не только из-за того что роман был слащавой и слезливой любовной историей, но и потому, что за дверью снова раздались голоса и звук шагов.

«Снова посетители? Кто на этот раз?»

Дверь открылась и в палату вошла целая группа людей в накинутых белых халатах. Первым был доктор Венцель, который вёл себя на удивление подобострастно. Следом за ним начали входить настоящие нимфы, одна другой краше... и, наконец, последней вошла настоящая Королева или Императрица. Царственная осанка, неторопливые движения,

властный взгляд..

— Доктор, оставьте нас! — холодно произнесла величественная аристократка.

— Конечно, баронесса, как пожелаете! — доктор чуть ли не бегом выскочил из палаты и аккуратно закрыл за собой дверь.

— Гюнтер!!! — вразнобой закричали три женских голоса, и он оказался в плену шести рук, которые ласково гладили его лицо, грудь, живот, словно пытались нащупать на его теле раны.

— Здравствуйте, девочки! — наконец, смог он поприветствовать своих посетительниц. — Баронесса! — кивнул он ей.

— Бросьте, Гюнтер! Можете по-прежнему называть меня Марией, я не возражаю! — она сбросила маску и теперь улыбалась, глядя на него.

— Боже, вы такие сегодня красивые, девочки! А ваша мать... у меня просто слов нет! — искренне воскликнул Гюнтер. И на самом деле, каждая из девушек была одета по-особенному, в своём стиле и неповторимо изящно. Сама баронесса, одетая в длинную шубу из незнакомого ему меха, не уступала им, и если девушки выигрывали за счёт своей молодости и свежести, Мария брала своей полностью раскрывшейся зрелой красотой, как выдержанное вино, которое оставляет в памяти приятное послевкусие и лёгкое опьянение.

Баронесса подошла к нему, улыбаясь, вытащила из своей сумки платочки и старательно вытерла его лицо от следов помады, которую оставили её непоседливые дочери.

— Девочки, вы так неаккуратны! — укоризненно произнесла она, глядя на них. Те виновато потупились.

— Как вы, Гюнтер? Мне сказали, что угрозы жизни больше нет и вы быстро пойдёте на поправку. Мы очень рады этому, верно?

— Да, Гюнтер! — ответила Ирма.

— Со мной всё хорошо, если повезёт, через несколько дней меня выпишут. Да что обо мне? Вы сами как? Мне сказали, что дом почти полностью сгорел. Где вы теперь живёте?

— О, не беспокойтесь о нас, Гюнтер! Квартира в этом доме была у нас не основным жильём, здесь мы жили только зимой или когда нужно было часто бывать в центре... — успокоила его Мария. — А так мы живём за городом, ближе к Потсдаму, недалеко от парка Бабельсберг. У нас там превосходная усадьба. Кстати, мы с девочками посоветовались и решили... Девочки!

— Гюнтер, приезжайте к нам! — хором произнесли девочки и весело рассмеялись.

Он, подхваченный общим смехом, тоже не выдержал и расхохотался.

— По-жа-луй-ста!! — стали скандировать Ирма, Амалия и Гретхен.

— Ну, против такой атаки у меня нет шансов, я сдаюсь... — развёл руки Гюнтер. — Обещаю, как только меня выпишут, обязательно нанесу вам визит.

— Вот и хорошо, Гюнтер! Кстати, а как вы узнали что наш дом сгорел? Уже прочитали газеты? — с интересом спросила баронесса.

— Нет, до вас приходили ваши соседки со второго этажа, фрау Бломфельд с подругой. Вы знаете их? — сообщил он.

Баронесса нахмурилась.

— Да... припоминаю... Значит, они тоже были здесь? — её голос стал задумчивым.

— Да, где-то, час назад. А что такое? — удивился Гюнтер.

— Ничего, Гюнтер. Просто интересно стало... — с улыбкой ответила Мария.

— Мама? — Гретхен и Ирма выразительно на неё посмотрели.

— Что? — вопросительно посмотрела она на них. — Ах, да... чуть не забыла! Мы тут с девочками опять посоветовались и решили... — Она снова улыбнулась. — За то, что вы сделали, мы тоже сделаем вам подарок, Гюнтер! Знаю, это слишком мало по сравнению с вашим поступком, но хоть что-то..

— Какой же? — с интересом спросил Гюнтер.

— Пока сюрприз. Узнаете, когда вас выпишут, и вы вернётесь домой. Думаю, он вам понравится и будет полезен... — Её глаза хитро блеснули. — А теперь, девочки! Мне нужно пообщаться с Гюнтером наедине! Подождите меня внизу.

Её дочери, скорбно вздохнув, пожелали ему скорейшего выздоровления, послали воздушные поцелуи и выпорхнули из палаты. Гюнтер, вместе с баронессой, улыбаясь, проводили их взглядами. Наконец, они остались одни и Мария, взяв стул, села рядом с кроватью.

— Дайте мне вашу руку! — попросила она.

Не понимая, Гюнтер протянул ей свою правую руку. Та осторожно, слегка касаясь, провела по ней пальцами своей руки, затянутой в белую перчатку.

— Скажите... вам было страшно там... в горящем доме? — её голос дрогнул.

Гюнтер помолчал, потом всё-таки ответил.

— Не боятся только дураки и психи, а я обычный человек, Мария. Конечно, я боялся! Просто иногда, когда видишь что другие боятся ещё больше и надеются на тебя... твой страх загоняется внутрь и ты делаешь то что должен. Знаете, это похоже на чувство перед атакой... Ты сидишь в укрытии, боишься вылезти, потому что множество людей в чужой форме хочет убить тебя и твоих товарищей. Но чтобы спасти себя и их, ты вынужден вылезти и атаковать, даже зная что можешь погибнуть... Это, конечно, приблизительно, но... точнее трудно сказать.

— Когда я увидел вас... — продолжил он. — У меня что-то дрогнуло внутри. Мой страх не пропал, он куда-то спрятался и поскуливал еле слышно. Ваш страх прогнал мой страх, понимаете? Я понял, что не важно, боюсь я сам или нет, но перед вами должен быть уверенным и спокойным, иначе конец... И тогда я начал действовать... И мы спаслись.

— Нет, это вы спасли нас, понимаете? — перебила она его. — Там, в квартире, мы уже попрощались с жизнью... Я понимала, что не смогу бросить дядю, а девочки сами не выберутся. Да и сама потеряла веру в спасение. Молилась лишь о том, чтобы дым убил нас раньше огня... Ваше появление, Гюнтер, было как... — она замялась, — как будто кто-то сильный и уверенный пришёл за нами. Казалось, что вам всё было нипочём... Вот тогда я поверила что мы, возможно, ещё поживём..

Гюнтер усмехнулся.

— А мне, наоборот, вы показались такой спокойной и равнодушной... как будто пожара нет, а я просто незваный гость, помешавший вам отдыхать.

Баронесса смущённо улыбнулась.

— Извините меня ещё раз, Гюнтер, за то что наговорила вам о манерах... Сама не знаю, как так вышло. Я была вся на нервах... Внешне это, наверное, не проявлялось, но я так спокойно держалась только ради дочерей. Если бы не это... Скорее всего, я была бы в истерике..

— Значит, вся эта холодная аристократичность, властность... это только ваша маска для посторонних? — улыбнувшись, подмигнул ей Гюнтер.

— Да. Мне самой не нравится такой быть, но я аристократка из древнего рода и в моём

кругу положено так себя вести, иначе не будут принимать всерьёз.

— Вот как... — задумчиво протянул Гюнтер. — Тогда какая же вы на самом деле, Мария? Без всей этой шелухи? — он в упор посмотрел на неё.

Она молчала, кусая губы и смотря в окно.

Гюнтер тоже молчал. Наконец, устав мучить себя разными догадками и предположениями, он взял её за руку. Она была тонкая и слегка дрожала. Он медленно потянул её на себя.

Баронесса очнулась и попыталась отдёргнуть руку, но не смогла.

— Что вы делаете, Гюнтер? Отпустите... — властности в её голосе не было ни грамма, только просьба.

— Я хочу узнать, какая ты настоящая, Мария! И я узнаю! — утверждающе произнёс он, резко дёрнув её на себя.

Издав тихий крик, баронесса не удержалась на стуле и повалилась на него. Приятная тяжесть красивого женского тела, её запах, щекотавший его нос, дрожащий голос... всё это вышибло из его головы все сомнения и неуверенность. По-прежнему крепко держа её руку своей правой рукой, левой он обхватил сзади шею Марии и прижал её губы к своим, безжалостно размазывая помаду на аристократичном лице баронессы.

Та замычала, пытаясь освободиться, но Гюнтер крепко держал свою восхитительную добычу, чувствуя, что сопротивление постепенно стихает. Издав какой-то животный звук, её губы раскрылись, и его язык ворвался внутрь побеждённой крепости, наводя там свои порядки. Робкий язычок баронессы, сначала не принимавший участия в любовной схватке, ожил и попытался реабилитироваться, завязав ближний бой с переменным успехом.

Гюнтер почувствовал, что напряжённое тело баронессы, до этого пытавшееся оторваться от него, теперь наоборот, прижимается к нему, а руки несмело пытаются ласкать его лицо и шею.

Как бы он хотел сейчас плотно заняться этой соблазнительной аристократкой, заставляющей его кровь кипеть, но увы... Не было сил, он ещё не восстановился ни физически ни сексуально, ни времени... Гюнтер буквально чувствовал что в любое время могут зайти, а дверь на замок не закрыта. Преодолевая себя, он оторвался от губ женщины, вызвав у неё удивлённо-обиженный взглас.

— Потом, моя милая Мария... Не сейчас, нас могут увидеть в любой момент! Мне-то ладно, а вот тебе будет неудобно... — тихо проговорил он ей прямо в нежное ушко. — Обещаю, как приеду к вам в гости, я тобой займусь основательно. Вижу, чего ты хочешь, и с удовольствием покажу тебе рай на земле, красавица моя! Знаешь, твоя настоящая натура мне очень импонирует, а холодная маска даже возбуждает меня! Смотришь на такую Снежную королеву и знаешь какие в ней бушуют страсти и чувства! — рассмеялся он.

Баронесса, тяжело дыша, отстранилась от него и стала приводить себя в порядок. Лицо её покраснело, глаза бегали..

— Гюнтер... Не знаю, что на меня нашло, но такого не должно было быть... Это был какой-то импульс. Ты не должен был этого делать.

— Я бы и не сделал... Но понял то что, ещё не поняла ты сама, Мария... ты хочешь быть настоящей, счастливой, улыбаться, смеяться, целоваться... Ты же ведь очень красивая женщина, сама знаешь! А вынуждена быть холодной аристократкой, носить маску... Это сильно напрягает тебя и ты хочешь расслабиться, освободиться от этих оков, но не с кем... И ещё. У тебя уже очень давно не было мужчины, верно? — он проникательно посмотрел ей в

глаза.

Мария, тем временем, заново покрасила губы, поправила одежду и снова превратилась в величественную и гордую аристократку.

— Гюнтер, это неприлично, спрашивать женщину об этом! Какое это имеет значение? — а вот голос, по-прежнему, слегка дрожал.

— Большое. Ты вспыхнула от одного моего поцелуя. Такое бывает, если женщина долго была одна, в ней копится нерастраченное желание, ласка, нежность... и когда приходит подходящий мужчина... Это всё обрушивается на него. Я нравлюсь тебе как мужчина, иначе ты и со мной носила бы эту маску и, уж тем более, не позволила бы дотронуться до себя. Не нужно врать самой себе, это бесполезно. Впрочем, если я ошибаюсь, у тебя есть шанс это доказать. Когда приеду к вам в гости, дам тебе возможность показать своё истинное отношение ко мне. Если ты будешь убедительна и тверда в своём отношении, я никогда больше не посмею повторить то что сейчас произошло... А вот если почувствую фальшь... — тут он ухмыльнулся. — Тогда берегись, моя милая аристократка, я покажу тебе, что значит быть настоящим мужчиной с настоящей женщиной!

Она молча выслушала его монолог и дождавшись его окончания, сказала:

— Всего вам наилучшего, Гюнтер. Выздоровливайте! — она справилась с голосом.

— До скорой встречи, баронесса! — и ослепительно улыбнулся.

Когда она вышла, Гюнтер откинулся на подушку и задумался.

«Нет, я не ошибся. Такая страсть и желание в её глазах... это не подделаешь. Да она вся просто как заряженная батарейка, того и гляди током ударит. Сколько же у неё мужчины не было? Не удивлюсь, если много лет, такие как она не любители однодневных случек. Сегодня я показал своё отношение к ней и дал толчок её сознанию, теперь посмотрим, что из этого выйдет. Если я прав, то нас ждёт долгая и бурная ночь... А если нет? Значит, снова пойду на штурм!» — тихо рассмеялся Гюнтер. Что-то утомили его эти визиты, пора подремать немного. Он повернулся на бок и уже через несколько минут крепко спал.

Тот же день. Берлин.

Баронесса фон Мантойфель.

Она вышла из клиники такая же спокойная и величественная, как всегда. Ни доктор, ни дочери не заметили никакой разницы в её внешности или поведении. Маска гордой аристократки, как обычно, не подвела.

Усевшись на переднее сиденье своего роскошного «Mercedes-Benz 770», Мария отрешилась от всего и задумалась, пытаясь понять, что же произошло с ней за последнее время. Весело щебетавшие дочери залезли все втроём на заднее сиденье, её личный водитель аккуратно захлопнул дверцы и мягко тронулся с места.

Она не хотела снова вспоминать свою внутреннюю панику при пожаре и сосредоточилась на появлении Гюнтера. Он действительно появился неожиданно, когда Мария уже окончательно упала духом. Его высокая, мощная фигура, мужественное лицо, спокойный и уверенный голос словно вдохнули в неё надежду. Тем хуже было вспоминать, как она начала отчитывать его за незнание этикета и хороших манер. О чём она думала, поразительно? Боже, как ей потом было стыдно... Это путешествие среди дыма внутри горящего дома, уверенность Гюнтера что они обязательно выберутся наружу... А потом, внизу, она сидела и смотрела как он, с хрипом, размахивая увесистым топором, буквально

прорубался через мебель. Его сильные руки, тугие мускулы, даже мелкие раны на теле, вызывали в ней что-то непонятное, то что она уже давно забыла, похоронила глубоко в себе.

Когда они, наконец, выбрались на свежий воздух, Мария решила извиниться перед ним за свои сомнения и слова, совесть требовала это сделать перед своим спасителем. Он с улыбкой принял их и, обожжённый, израненный, снова ушёл в огонь и дым... Его долго не было и она, с удивлением обнаружила, что нервно сжимает руки, ходит туда-сюда, не сводя взгляда с чёрного входа. Это было непривычно, так переживать за совершенно незнакомого мужчину, пусть даже спасшего их, ведь она, после той отвратительной давней истории, запретила себе думать о них. Только холодные, официальные отношения, никакой теплоты и близости. Хватит!

Наконец, он показался у выхода, прихрамывая и опираясь на одну из её соседок по дому. Забыв о своей маске, вместе с дочерьми, она побежала к нему и почувствовала, как дрогнуло всегда спокойное сердце, когда он, глухо застонав, повалился на асфальт, заливая его кровью из ран и, похоже, потеряв сознание. Как ни странно, это словно отрезвило её и она, снова став собой, буквально приказала медикам везти его в лучшую клинику Берлина и устроить в отдельную палату, невзирая на расходы. Рано утром ей позвонили из Шарите и сообщили, что Гюнтер будет жить, разрешив навестить его.

Приведя себя в порядок, она и девочки поехали к нему, договорившись, после бурных споров о подарке и приглашении к ним в усадьбу. К её немалому облегчению, оказалось, что раны Гюнтера не такие серьёзные, и он уже неплохо себя чувствует.

Мария вдруг осознала, что хочет поговорить с ним наедине, узнать кое-что важное для неё. Выпроводив девочек, она хотела узнать, почему он не стал ждать пожарных и решил сам спасти их, но разговор, почему-то, пошёл не в ту сторону. Оказалось, что Гюнтер умудрился за такое короткое время во многом понять её личность, раскрыть не только для себя но и для неё самой, те струны души и сердца, о которых она уже забыла. Как у него это получилось, она так и не поняла, но его слова ошеломили её, внезапно пришло осознание его правоты, которая словно вывернула её наизнанку, заставив по новому взглянуть на себя и на него.

Проницательные глаза Гюнтера, как будто смотревшие прямо ей в душу, вызвали там сильное волнение, а слова про то, какая она на самом деле, без маски, повергли Марию в ступор, впервые за долгое время она не знала что сказать. Это было похоже на то, когда подходишь к запотевшему окну и протираешь его рукой, увидев то что скрывалось за ним. Осознание его правоты словно открыло ей глаза на саму себя, всё, что она пыталась забыть, не обращать внимания, это нахлынуло на неё, заставив ошеломлённо застыть, пытаясь принять новую реальность своей сущности, той которая всегда была, но скрывалась в тени защитной маски холодности и высокомерия. И пока она приходила в себя и пыталась снова обрести привычное спокойствие, Гюнтер просто взял, притянул к себе и поцеловал её!

Такая наглость (или смелость?) ввергла её в оцепенение, а прикосновение его властных губ и дерзкого языка, снова затуманили рассудок и, удивительно, заставили сердце радостно забиться от почти забытых ощущений. Это случилось настолько быстро и неожиданно, что она на время полностью потеряла над собой контроль, чувствуя, как её охватывает тёплая волна, идущая откуда-то изнутри, заставляя не только прекращать сопротивляться, но и, наоборот, отвечать ему, с удовольствием ощущая на себе его губы, руки..

Она, к стыду своему, не нашла в себе силы сама оторваться от него, и если бы он сам не остановился, то страшно представить, что Мария бы натворила здесь в таком безумном состоянии.

Теперь, в салоне своей машины, она просто не знала что делать. Молодой красавец-эсэсовец, младше её на много лет, разбудил в ней. женщину? Снова вспомнив его слова, касания, поцелуй, она почувствовала, что губы начинают расплываться в улыбке и с трудом сохранила лицо невозмутимым.

Логика и рассудок настойчиво советовали ей как можно быстрее забыть про этот случай и вообще, как можно реже, встречаться с Гюнтером. Почти наверняка, он один из тех, кто хочет завязать с ней роман, надеясь воспользоваться её деньгами, как уже не раз пытались сделать некоторые прохвосты, в том числе и её круга. Мария видела их намерения насквозь и не давала им даже шанса, спокойно и вежливо отшивая их. Состояние у неё и правда было немаленьким, своё предприятие по производству оптики, которая идёт нарасхват для производства прицелов бронетехники, перископов для подводных лодок и армейских биноклей. Но даже это было не главным источником доходов баронессы. Основную часть финансов ей приносили акции фирм связанных с производством вооружений — Заводы Круппа, ИГ Фарбениндустри, в частности, входившая в неё компания Байер, приложившая руку к производству отравляющего газа Циклон Б, фирма Хуго Босса, шившая форму для всех нацистских организаций, немецкий филиал компании IBM, производящий сортировочные и счётные машины для концлагерей, фирмы Сименс, БМВ, Фольксваген, Опель. Все акции этих компаний стабильно росли, загруженные заказами Гитлера, а значит, акционеры, в том числе и сама Мария, получали хорошую прибыль, позволявшую жить не просто прилично, но и роскошно.

Теперь же появилась и другая Мария, которая взяла под свой контроль чувства и сердце. Она, разбуженная Гюнтером, хотела ласки, нежности... может даже, любви. Эта Мария доказывала что Гюнтер, когда спасал их, не знал не только про её состояние, но и о том что она вообще существует, а значит, дело не в её деньгах. Да и его взгляд на неё... Мужские взоры она уже давно научилась читать и ясно видела, что Гюнтер восхищён её красотой и хочет Марию как женщину. Она понимала свою привлекательность, даже с учётом возраста, ведь баронесса прилагала каждое утро массу усилий для этого. Да, пока что разум и мозг преобладали в ней, но Мария чувствовала что другая её ипостась не собиралась успокаиваться. Такая гражданская война в ней самой мучила её, изнуряла, заставляя спорить с самой собой, сомневаться, надеяться, разочаровываться..

Что ж, как только он выпишется и приедет к ним в гости, она серьёзно поговорит с ним и убедительно объяснит, что у них не может быть ничего кроме дружбы. Конечно, она расположена к нему и очень благодарна за спасение, своё и дочерей, но строить какие-то совместные планы глупо... Разница в возрасте, положении... Словом, расставит все точки над і. Она решит этот вопрос так как всегда решала, с пользой для себя, и была уверена, что всё получится. Потому что у неё всегда всё получается.

Успокоившись и придя в равновесие с самой собой, баронесса откинулась на спинку сиденья и задремала. До дома ещё долгая дорога.

Берлин. Клиника Шарите.

12 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Сегодня он проснулся рано, позавтракал в палате и думал, чем ему сегодня заняться. Надежды на утренний секс не оправдались, так как фрау Кох почти насильно выпроводила

Лауру из клиники домой, приказав не появляться на работе до следующего утра. Гюнтер, несмотря на своё желание, поддержал старшую медсестру, зная, что его милый Цветочек уже больше суток на работе. Перед уходом она, уже одетая, забежала попрощаться и невольно разбудила его нежным поцелуем. Единственное, что он смог сделать, учитывая, что фрау Кох стояла за дверью, это страстно поцеловать её и слегка потискать груди и попку через расстёгнутое пальто, что, естественно, было совершенно недостаточно. Вместо неё назначили другую медсестру, толстую и некрасивую, зато, по уверениям фрау Кох, намного опытнее Лауры. Понятно, такая замена его явно не обрадовала.

Подумав, он попросил новенькую принесли ему побольше чистых листов бумаги и ручку. В конце концов, надо, наконец, выполнить приказ фюрера и описать всё то что он говорил ему наедине, только в более развёрнутом виде. Плюс внешний вид и эскизы бронетехники.

Следующие несколько часов он написал и нарисовал всё что касалось броневедомобилей и танков, изведя на это больше половины листов. Подождав, пока отдохнёт рука, и плотно пообедав, Гюнтер взялся за стрелковое вооружение, например, у него была мысль заменить обычные винтовки Маузера на "Gewehr-43", и заменить пистолеты-пулемёты "MP — 40" на штурмовые винтовки "StG-44". Он знал, что для производства автомата нужен промежуточный патрон, но вот кто его изобрёл и как именно, в своём времени не интересовался, поэтому ограничился тем что нарисовал внешний вид автомата, описал что заказ был выдан Хуго Шмайссеру и работа над ним уже ведётся, указав что нужно лишь обеспечить его группе максимальную поддержку и защиту от конкурентов, а также бюрократических проволочек в Управлении вооружений Вермахта.

Также Гюнтер решил как можно быстрее внедрить в войска знаменитую «Пилу Гитлера» — пулемёт "MG-42". Про него он знал больше, поэтому детально рассказал, что авторами конструкции были Вернер Грунер и Курт Хорн из малоизвестной компании «Фабрика металлических и лакированных изделий Йоганнеса Гросфуса». Посоветовал скорейшим образом обеспечить этой фирме наибольшую помощь в разработке и производстве этого пулемёта. В дальнейшем, возможно, будет и создание более простой версии, под названием "MG-45". Хотя, в таком случае, год производства станет уже другим.

Не забыл он и про гранатомёты. Начал с «Schiebsbecher», дульного гранатомёта для винтовок. Продолжил «Куколкой», так называемым станковым гранатомётом, стреляющим 8,8 см снарядами. И закончил знаменитым «Панцершреком», созданным на основе американских «базук». Хоть тот и был громоздок и не слишком удобен для расчёта, его эффективность, в отсутствии рядом мощных противотанковых орудий, была довольно высокой против вражеской бронетехники, особенно в городах и ближнем бою.

Когда Гюнтер всё это написал, получилась довольно внушительная стопка листов, которую он, на всякий случай, засунул в прикроватную тумбочку. Если фюрер даст добро хотя бы на половину того что здесь написано, Вермахт обретёт ещё большую мощь а потери снизятся.

Вчера вечером доктор Венцель пытался снова уговорить его пригласить к нему его семью, но Гюнтер опять отказал. У матери слабое сердце и он не хотел тревожить её своим видом и состоянием. Вот выздоровеет, тогда сам навестит их. Поэтому никто из его родных не знал что с ним случилось, думая что он по-прежнему на службе.

Назавтра он решил, что попытается сообщить фюреру о самых перспективных генералах, которые часто приносили победу Германии. Гудериан, Манштейн, Роммель,

Рундштедт и некоторые другие. Вспомнив, вытащил один из последних листов, написал и несколько раз обвёл фразу: «Альберт Шпеер — рейхсминистр вооружений. Срочно!»

Солнце уже почти опустилось за дома, когда Гюнтер, растирая онемевшую руку, откинулся на подушки. Сегодня он хорошо поработал, сейчас поужинает и ляжет спать. А завтра снова придёт Лаура... Жизнь, всё-таки, хорошая штука!

Москва. Вечер.

12 апреля 1940 года. СССР.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Вот и прошёл день! С самого утра Александр был на взводе, ожидая момента, когда за ним придут и снова отведут на допрос к следователю Жукову. Но миновало утро, потом день, никто не приходил и он начал успокаиваться. В самом деле, этот Жуков, наверное, уже ушёл домой, к жене... ну, или любовнице. Чего ему тут торчать допоздна, Саша всё равно никуда не денется. Может, дела навалились или просто забыл про него? Неважно, главное, отсрочка до утра..

Ужин прошёл как обычно, Саша улёгся на койку, когда услышал вдалеке приближающийся звук шагов. Его мгновенно бросило в пот. С напряжением вслушиваясь, он неистово надеялся, что эти шаги пройдут мимо его камеры, в конце концов, Саша не один тут, на этаже, сидит. Увы, звуки стихли именно перед его обиталищем. Раздался грохот открываемого замка, и дверь распахнулась, открыв его взору даже не одного, а двух конвоиров.

— Краузе, на выход!

Сглотнув, Александр с трудом принял спокойный вид и вышел из камеры, преодолевая внезапно накатившую слабость в ногах. Закрыв дверь, один конвоир пошёл впереди него, другой пристроился сзади. С каждым шагом, приближающим его к кабинету для допросов, Саша чувствовал, как внутри него скручивается какой-то тугий ком, мешающий дышать. В голове начали мелькать кадры пыток и инструментов для них, которые он видел по ТВ и в книгах. На сей раз его хвалёное воображение сыграло против него, в подробностях представив, как всё это может быть применено на нём. Он мысленно взмолился, чтобы этот коридор был бесконечным.

Не помогло. Довольно быстро они дошли до какого-то другого кабинета. Первый конвоир, молча открыл дверь и впустил его внутрь, сам, вместе с напарником, оставшись снаружи. Александр затравленно огляделся.

Это помещение, в отличии от прошлого, было какое-то вытянутое. От двери до стола следователя было не меньше метров десяти. В кабинете были двое. Один, его следователь Жуков, сидел за столом и улыбаясь, смотрел на него, затягиваясь папиросой. Другой, крепкий парень с двумя прямоугольниками в петлицах, стоял возле его стола и равнодушно глядел на Сашу.

«Сержант или старшина? Не помню... Да и неважно это. Вот и приплыл ты, Саша, к своему вечному причалу..» — горько подумал он. Вырваться отсюда нечего и думать. Может, признаться в том что они захотят? А смысл? Потом за это же и расстреляют. Или отправят чистить Сибирь от снега на много лет. И зачем тогда он здесь оказался? Просто сдохнуть? Или это какая-то проверка его поведения? Что гадать, сейчас он всё узнает.

Жуков, темвременем, аккуратно затушил папиросу в стеклянной пепельнице и весело

посмотрел на него.

— Ну что, гражданин Краузе... или Самсонов?... готов рассказать нам правду? Или опять начнёшь рассказывать басни про посланца из будущего? — широко улыбаясь, спросил следователь.

Александр тяжело вздохнул и еле слышно пробормотал:

— Мне нечего вам рассказывать... Все мои слова были правдой. Если вы не верите, это не моя вина.

— Вот оно что... — глубокомысленно кивнул головой Жуков. — Значит, это я виноват, что не поверил в твои рассказы, так? Очень интересная логика.

Он встал и обошёл вокруг Саши.

— Понимаешь, Самсонов... Я ведь тебе помочь хочу. Честно. Если ты расскажешь всё как есть на самом деле, то я буду ходатайствовать о смягчении наказания. А вот ты сам себе помочь не хочешь... Ты что, дурак или как? — он с интересом посмотрел на Александра.

Тот молчал. Сказать ему было нечего. Да и не зря говорят в будущем «..всё что вы скажете, может быть использовано против вас!»

— Молчишь? Это плохо... — грустно констатировал Жуков. — Значит, ты не хочешь использовать свой последний шанс на мою доброту?

Александр поднял голову и посмотрел прямо в глаза следователю, который стоял перед ним.

— Просто доложите товарищу Берии мои показания. И всё. Больше я у вас ничего не прошу.

Следователь искренне рассмеялся.

— То есть ты предлагаешь мне идти с твоими показаниями к самому Лаврентию Павловичу? — он хмыкнул. Внезапно его лицо стало жёстким. — А ты знаешь, что он сделает потом? Не знаешь? А я скажу! Отправит меня на Новую Землю пингвинов в партик принимать! И это ещё в лучшем случае! Так! — он снова вернулся за свой стол. — Я хотел с тобой по-хорошему... но увы, ты сам сделал свой выбор. Теперь отвечай за него.

«Точно так же сказал и Гюнтер после моего нападения..» — мелькнуло в голове у Саши.

— Сержант!

Крепкий парень словно очнулся и, не торопясь, подошёл к Александру. Тот невольно напрягся. С таким же равнодушным взглядом, сержант без замаха сильно ударил его под дых, заставив Сашу согнуться, пытаясь судорожно вдохнуть воздух. Одной рукой он взял его за шиворот и заставил выпрямиться.

— Так что, вспомнил что-нибудь? — спросил Жуков.

Хватая воздух, Александр молча смотрел на него, пытаясь отдышаться.

— Понятно, упорствуем... — и кивнул головой.

Сержант перехватил поудобнее его за шею и резко опустил на своё поднятое колено. Сильнейшая боль в носу заставила Сашу громко застонать и схватиться за лицо, по которому заструилась кровь. НКВДшник толкнул его и Александр растянулся на полу, с трудом удерживаясь от крика боли. Сквозь слёзы на глазах, он увидел как сержант подходит к нему и непроизвольно сжался в комок. Тот остановился возле него и снова ударил по животу, прикрытому руками, только на этот раз ногой, обутой в сапог. Ладони слегка смягчили удар, но его всё равно хватило, чтобы снова задохнуться от нехватки воздуха и нового приступа боли.

— Не хочешь что-нибудь рассказать? — донёсся до него спокойный голос Жукова.

Внезапно Александр понял ту мысль, что старательно отгонял от себя с тех пор как оказался в камере. Здесь всем плевать на него и его сведения. Его просто убьют или изуродуют, и никто ничего не сделает. Подумаешь, ещё один труп... Конкретно этому следаку нужно его признание, не то, которое он рассказал, а другое, которое он сможет подшить в дело, получить повышение... а он, Саша, отправится по этапу, если вообще выживет. Он просто винтик, который можно сломать и выкинуть... Карательная система НКВД во всей её эффективности. Впрочем, он уверен, что и в гестапо всё точно так же.

Слегка отдышавшись, Александр посмотрел на сержанта, который так и стоял рядом, по-прежнему равнодушно глядя на него. Для крепыша все эти избиения и допросы давно стали просто работой. Он не мучается совестью, не рефлексит... Надо бить — бьёт. Не надо — просто стоит. Не испытывает ненависти к заключённым или удовольствия от избиения. Нет, это просто работа, тяжёлая но необходимая. Может ещё допайк получает. Вот и всё.

Когда Саша это понял, стало почему-то легче. Что ж, раз есть выход только между неприятным и очень неприятным то и действовать надо соответственно. Говорят, что надо опасаться загнанной крысы... Правильно говорят. Почему? Потому что ей уже нечего терять, кроме жизни, которая и так висит на волоске. Чем-то он напомнил себе игрового персонажа Макса Пейна. В самом деле, потеряв горячо любимых жену и ребёнка, зачем ему было жить? Какой смысл, если душа и сердце мертвы? Для Макса смыслом стала месть. В любом случае он выигрывал. Или убивал всех кто виновен в смерти его любимых, либо они его убивали, и тогда он присоединился бы к своей семье. Беспроигрышная тактика. Когда задавливаешь инстинкт самосохранения и перестаёшь ценить жизнь, обретаешь такую лёгкость... Исчезают страх, сомнения, боль... Есть только цель.

И теперь у Саши тоже есть цель. Не уйти отсюда, не прорваться на волю, он знал, что это невозможно. Цель намного легче... Сдохнуть вместе с этими равнодушными тварями, для которых люди просто винтики. А значит, пора начинать.

Отдышавшись, он снова посмотрел на сержанта, который в этот момент отвёл взгляд на следователя. Голова работала чётко, нос болеть перестал, видимо, всплеск адреналина погасил боль. Вот за это спасибо, родной организм!

Резко распрямившись, Александр со всей силы ударил ногой прямо между ног сержанту. Тот всхлипнул и с мукой посмотрел на него, зажав пах руками и опускаясь на пол. Саша с какой-то мстительной радостью заметил, что равнодушные из глаз сержанта исчезло. Теперь там стояла боль и слёзы. Вскочив на ноги, Александр с радостным рычанием бросился к Жукову, который ошеломлённо смотрел на него, выронив папиросу, которую, похоже, хотел прикурить... Как хорошо чувствовать что внутри кипит энергия, сила, которую он сейчас использует для своего последнего боя!

Подбежав к столу, он заметил, как следователь по привычке схватился за то место где у него была кобура и его глаза растерянно расширились, поняв что её нет. Этого времени Саше хватило, чтобы вскочить на стол и накинуться на Жукова. Следователь оказался не таким болваном как надеялся Александр, и перед тем как его пальцы сомкнулись на шее Жукова, тот успел заорать:

— Охрана!!!

Очнувшись от ступора, следак, хрипя, попытался расцепить руки Саши на своём горле, но тщетно. Торжествуя, Александр наблюдал, как краснеет лицо следователя, вылезают глаза из орбит, а руки, которыми он пытался освободиться, слабеют..

Через полминуты он с сожалением убрал свою хватку с горла Жукова. Тот, похоже, сдох, тварь... Или без сознания. Не важно! Его внимание привлёк стон. Повернув голову, он увидел, как крепыш кое-как встал и, зажимая пах, заковылял к двери. Радостно улыбнувшись, Саша тут же забыл про следака и ринулся за сержантом. Тот обернулся, и его глаза округлились. К этому времени он успел дотащиться почти до выхода. Александр, поняв это, схватил табуретку, на которой сидел в прошлый раз, и метнул её в спину крепышу. К счастью, та не была привинчена к полу. Сержанту не повезло, и в то же время повезло. Не повезло в том, что табуретка ударила его в спину углом и тут же выключила его сознание, заодно сломав пару костей. А повезло, что этот удар, вместе с силой инерции, позволил открыть дверь в коридор и вывалиться в него, прямо под ноги двум подходившим конвоирам, которые решили проверить, на самом ли деле звали их или же послышалось.

Остолбневшие бойцы удивлённо уставились на тело сержанта, лежащее у их ног, а потом одновременно заглянули в кабинет, откуда на них смотрел радостно улыбающийся Саша.

— Мать твою!..

— Охренеть..

— Идите ко мне, твари... Идите... — ласково проговорил Саша, медленно приближаясь к ним. Про табуретку он, на время, забыл. Гораздо приятнее убить своими руками, разорвать этих мразей на части... Кровь бурлила в его жилах, адреналин захлёстывал..

Несмотря на такую картину, конвоиры не трусили, хоть и были без оружия, сложенного в комнате отдыха для чистки. Оба регулярно занимались спортом, да и в драках участвовали не раз. Бывало, усмиряли и буйных подследственных. Они вошли в кабинет и начали медленно приближаться к Саше.

— Лёха, давай одновременно..

— Точно! Давай!!

Оба накинулись на него одновременно, один размахивая кулаками, другой пытаясь ударить ногой. Издав горлом низкое рычание, Александр с радостью рванулся к ним. Первым он выбрал Лёху, который пытался достать его кулаками. Даже не пытаясь увернуться, он со всей силы пробил ему по лицу, перед этим сам получив два удара в грудь и подбородок. Сбоку ещё прилетел увесистый пинок в бок от его товарища. Его отшвырнуло и повалило на пол, с которого он тут же вскочил.

Лёха стоял, держась за окровавленное лицо, и глухо стонал. Похоже, ему прилетело в зубы и довольно не слабо. Его напарник, с тревогой спросил:

— Лёха, ты как?

— ммм... — говорить он не мог но яростно ткнул второй рукой на Сашу.

— Понял... — второй конвоир снова взглянул на Александра. На его скулах катнулись желваки, глаза сузились, и он со злостью сказал:

— Убью, сука... урою, скотина! — и с криком ринулся в бой. Саша, оскалившись, на него. В следующие несколько минут они напоминали двух зверей, готовых чуть ли не грызть друг друга. Сокрушительные удары кулаками, пинки, мат... Когда они разошлись, конвоир загнанно дышал, покачиваясь, форма была разорвана и в крови, лицо сильно пострадало.

Александр тоже досталось. Глаза заплыли, рычание превратилось в сипение, отбитые внутренности болели, костяшки рук ныли, а при дыхании было больно, похоже где-то ребро сломано, может и не одно... Ничего, хорошо перед смертью подрался, даже лучше чем с теми арабами.

На помощь к конвоиру подошёл второй, Лёха. Он держал в руках табуретку, которую недавно Саша метнул в сержанта. Выплюнув сгусток крови, он молча пошёл на Александра. Его друг за ним.

Ну что ж, последний бой? Он готов. Собрав все силы, он налетел на Лёху с табуретом, ударив его в живот и пытаясь отнять оружие. Второй конвоир, изловчившись, попал ему кулаком в ухо, оглушив, и потом схватил сзади за шею, пытаясь задушить. Выпустив табуретку, Саша ударил его затылком в нос, повторив удар, как тогда, с немецким полицейским у ворот посольства. Взыв, тот ослабил хватку. Не теряя из виду Лёху, он резко развернулся и хуком отправил второго бойца на пол, где тот и затих. Заревев, Лёха, размахивая табуреткой, пошёл на него. Попытавшись схватить её, Саша почувствовал сильнейший удар по груди, выбивший из него почти весь воздух, чёртова табуретка всё-таки настигла его.

Адреналиновая поддержка закончилась, и теперь всё тело болело, напоминая отбитый бифштекс. Похоже, недолго уже осталось, значит, нечего беречь себя... Собрав остатки сил и не обращая внимания на боль, он перехватил проклятую табуретку и вырвал её из ослабевших рук Лёхи. Размахнувшись, он попытался ударить его ею, но тот, лишившись своего оружия, обхватил Сашу и, слегка приподняв, ударил его спиной и затылком об стену. Снова оглушенный, Александр выпустил из рук табуретку и попытался выдавить Лёхе глаза. Тот опередил его, повторив его приём, только ударив Сашу не затылком, а лбом в лицо. Перед глазами всё поплыло, Лёха виднелся как сквозь туман. Не удержавшись, Александр повалился на пол. На него свалился надсадно дышавший конвоир, обхвативший его голову и начавший бить ею об пол. Чувствуя, как уходит сознание или жизнь, Саша смог только ударить его кулаком по горлу, к сожалению, не сильно. Тот забулькал и упал на него, всё ещё пытаясь бить его головой... Кровь изо рта Лёхи капала прямо на него... Последнее, что он видел, перед тем как уйти в темноту, резко приблизившееся, залитое кровью, лицо конвоира, падающее на него..

Берлин.

13 апреля 1940 года.

Ева Браун.

Сегодня утром у Евы было замечательное настроение. Снова светило солнце, пели птицы, цвела зелень... Но, самое главное, её Адольф снова послал за ней. Наверное, он соскучился! Поэтому она особенно тщательно подошла к выбору своего наряда, и надеялась провести с ним целый день. К сожалению, такое счастье ей выпадало редко, политика, война и другие его увлечения часто отвлекали Гитлера от неё, заставляя страдать бедное женское сердце.

Выпорхнув из автомобиля, она весело побежала по коридорам рейхсканцелярии к его кабинету, минуя неподвижно стоявших часовых СС. Вдруг Ева поймала себя на том что с любопытством поглядывает на их лица, пытаясь узнать Гюнтера. Но в тех коридорах, где она пробегала, его не оказалось. Наверное, стоит где-то в другом месте..

Пройдя мимо застывшего Гюнше, она распахнула дверь. Фюрер был здесь, и не один. С ним рядом стояли рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, в своих неизменных очках, и хромоногий рейхсминистр пропаганды доктор Геббельс. Глава СС вызывал у неё тайную робость, всемогущество его ведомства подавляло Еву. Геббельс тоже не нравился ей, его уродство заставляло смущаться, и она старалась не смотреть на него. Гитлер с Гиммлером сидели, а доктор Геббельс что-то воодушевлённо рассказывал, потрясая какой-то газетой.

— Мой фюрер! Это замечательный образец высокого самопожертвования и проявление истинно германского воинского духа! Один, не имея опыта, он бросился в горящий дом и спас множество жизней! Я прикажу всем газетам подробно описать этот подвиг, а радио донесёт новость до самого последнего немца в Рейхе! Генрих, у вас отличные бойцы, для которых нет ничего невозможного! Благодарю вас!

Произнеся эту восторженную речь, Геббельс энергично затряс руку улыбающегося Гиммлера. Тот произнёс, обращаясь к Гитлеру:

— Мы вколачиваем в наших парней, что если ты носишь руны «зиг», то обязан всегда быть наготове помочь своим товарищам, даже если можешь погибнуть сам. На этом и построено всё наше братство СС. Недаром, даже обращаясь друг к другу, мы опускаем приставку «герр» и называем только по званию.

— Да-да, знаю, Генрих... — отмахнулся рукой Гитлер. — Именно поэтому, моя охрана и состоит из таких молодцов. Я верю в их преданность мне и идеям национал-социализма.

— Здравствуйте, господа! — слегка стесняясь, произнесла Ева. — Я не помешаю вам?

Все обернулись к ней.

— Здравствуйте, Ева! — приветливо улыбаясь, ответил Гиммлер.

— Вы сегодня очаровательны! — сделал комплимент Геббельс.

— А, Ева... Проходи! — Гитлер слегка махнул рукой, даже не обернувшись к ней. Еве стало обидно. Она всё утро выбирала платье, сделала красивую причёску, а он? Почему так? Чем она опять провинилась? К глазам подступили слёзы, но Ева усилием удержала их, фюрер терпеть не может, когда она плачет. Сделав вид, что не заметила равнодушия Гитлера, девушка подошла к ним.

— Что вы обсуждаете, господа? Какой подвиг?

Геббельс снова оживился и подскочив к ней, показал лицевую страницу с портретом...

Гюнтера. Ева удивлённо приоткрыла рот.

— Ой, это же Гюнтер! Что он сделал?

— Вы знаете его? — с удивлением спросил Гиммлер.

— Да, это же один из наших охранников. Он ещё передал письмо..

— Ева! — резко прервал её Гитлер. — Помолчи! Почему ты вечно не можешь держать язык за зубами?! — со злостью смотрел на неё Адольф.

— Извините, мой фюрер! Я не хотела! — она пыталась исправиться, но судя по виду Гитлера, у неё это явно не получилось. Фюрер отвернулся от Евы.

— Какое письмо? И кому? — осторожно поинтересовался Гиммлер. Его глаза под очками с любопытством блеснули.

— Это тебя не касается, Генрих! Забудь об этом! — раздражённо ответил Гитлер.

— Хорошо-хорошо, мой фюрер... Я уже забыл! — успокаивающе поднял руки Генрих. Вот только взгляд, брошенный им на Еву, ясно показал, что про эту историю он постарается разузнать как можно больше. Девушка съёжилась, поняв это.

Внезапно очнулся Геббельс и постарался сменить тему на более безопасную.

— Мой фюрер, возможно, следует вам или Генриху навестить нашего героя? Я пришлю фотографа, и он сделает совместные снимки. Народ увидит, что мы ценим своих людей и щедро награждаем за героические поступки.

— Нет, Йозеф, мне некогда, сейчас должны принести сводки о действиях наших войск в Норвегии. А награждать мне его пока рано, день назад я уже повысил его в звании до оберштурмфюрера, достаточно! — заявил Гитлер.

— А ты, Генрих? — обратился Геббельс к рейхсфюреру.

— Не вижу в этом необходимости, Йозеф. Парень действительно отличился, но простой благодарности по линии СС ему хватит. Кстати, а за что вы его повысили, мой фюрер? Я не помню, чтобы в последнее время произошло что-то значительное.

— Не твоё дело, Генрих! — снова вскинулся Гитлер. — И я запрещаю тебе спрашивать у него самого! Ты понял? — он в упор посмотрел на Гиммлера.

— Так точно, мой фюрер! — рейхсфюрера словно подбросило из кресла. Вытянувшись, он преданно смотрел на Гитлера.

Тот ещё несколько секунд сурово глядел на своего товарища по партии, а потом расслабленно откинулся в кресле. Внезапно, он обернулся к Еве и сказал:

— Если ты считаешь что это полезно, пусть к нему съездит Ева. Всё равно она ничего не понимает ни в войне ни в политике, ей будет скучно с нами... — его взгляд, устремлённый на девушку, не оставлял сомнений, какой ответ он ждёт от неё.

Грустно опустив глаза, Ева тихо произнесла:

— Если вы так считаете, мой фюрер... Я поеду.

— Да, именно так я считаю! — с нажимом ответил фюрер. — Гюнше, распорядись! — крикнул он.

— Слушаюсь, мой фюрер!

— До свидания, господа... — срывающимся голосом сказала Ева и медленно пошла к выходу, по пути взяв с собой газету с фотографией Гюнтера.

— Итак, друзья, как там дела у нашего друга Квислинга?.. — донеслось до неё, когда она уже выходила. Пройдя мимо молчаливого Гюнше, Ева добежала до туалетной комнаты и

там, не выдержав, разрыдалась.

За что?? Ну за что ей такие унижения? Почему он такой? Она же всё для него делает, пытается угодить ему, даже одевается так как он хочет... и всё впустую. Даже сегодня... Зачем он вызвал её к себе, если тут же отправил? Или ему нравится мучить её? Как же тяжело..

Проплавав, она привела себя в порядок, подкрасилась, и из туалетной комнаты уже вышла прежняя красивая и весёлая Ева. Только у очень дотошного наблюдателя получилось бы разглядеть её чуть припухшие глаза. В машине, по пути в клинику, она мельком прочитала статью о Гюнтере. Весёлого настроения, с которым она приехала в рейхсканцелярию, не было и в помине.

Выйдя из машины возле дверей Шарите, Ева спросила в регистратуре где лежит Гюнтер и, накинув белый халат, поднялась к нему на этаж. Подойдя к нужной двери, она постучалась. Через несколько секунд та открылась, и Ева увидела молодую, симпатичную медсестру, которая строго и с каким-то неодобрением воззрилась на неё.

— Здравствуйте, фройляйн! Что вам угодно? — первой прервала молчание медсестра.

— Добрый день! Я хотела узнать, здесь лежит оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке? — спросила Ева. Она не понимала причины такого отношения медсестры, ведь они не были знакомы, но решила не обращать внимания.

Та помедлила, снова окинула её взглядом и, словно нехотя, ответила:

— Да, он здесь. Но не уверена, что сможет принять вас. Простите, а вы кто? — настороженно спросила медсестра.

— Извините, я не представилась... — спохватилась Ева. — Ева Браун, меня послал фюрер, узнать о здоровье герра Шольке. Он очень впечатлён подвигом, который совершил один из его охранников и попросил меня лично передать свою благодарность.

— Сам фюрер? — удивлённо спросила девушка. Она как-то по-новому посмотрела на Еву. — Хорошо, фройляйн, я сейчас узнаю, подождите минуту.

Она прикрыла дверь и через несколько секунд снова вернулась.

— Проходите, фройляйн Браун. Герр Шольке с радостью вас примет... — посторонилась она, открывая дверь полностью.

Ева зашла в палату и осмотрелась. Просторное, солнечное помещение, в котором находилась всего одна кровать, на которой и лежал Гюнтер. Он улыбался, глядя на неё. На беглый взгляд, Гюнтер выглядел неплохо. Ева заметила рядом с ним, на тумбочке, множество фруктов, и внезапно смутилась, поняв, что забыла ему что-нибудь купить по дороге.

— Лаура, мы с фройляйн Браун должны поговорить наедине. Думаю, что фюрер захотел передать то что должен слышать только я. Не могла бы ты выйти? — вежливо спросил Гюнтер, переведя взгляд на медсестру.

Та заколебалась, но потом слегка улыбнулась.

— Конечно, Гюнтер! Я верю, что ты будешь прилично себя вести с дамой. Я приду позже. Фройляйн? — она кивнула Еве головой и вышла из палаты, тихо прикрыв дверь. Они остались одни.

В голове Евы появилось несколько вопросов. Почему Гюнтер захотел поговорить наедине, ведь никаких секретов она обсуждать не собиралась? Зачем эта медсестра так недружелюбно её встретила? И, наконец, эта фамильярность в обращении по имени между ними? Простая дружба или нечто большее?

Отбросив эти мысли, она спросила его:

— Как вы, Гюнтер? Я вижу, идёте на поправку?

— Да, Ева. Я очень рад вашему визиту, для меня это приятный сюрприз. Честно говоря, не ожидал, что вы навестите меня. Кстати... — он шутливо хлопнул себя по лбу. — Вы сегодня чертовски очаровательно выглядите! Красивое платье, причёска... от вас можно потерять голову! — его восхищённые глаза, взгляд, которым он окинул её, не дали Еве усомниться в этом, Гюнтеру на самом деле понравилось, как она выглядела. Девушка невольно покраснела от удовольствия и поправила волосы.

— Спасибо, Гюнтер... Мне очень приятно, что вам нравится. — Как ни странно, такой комплимент принёс ей истинную радость. Мало кто смотрел на неё с таким восхищением, одни потому что знали про её роль подружки фюрера, другие говорили лишь дежурные комплименты, как например, сегодня сделал Геббельс. Большинство же было к ней равнодушно, так как она не считала себя такой уж красавицей.

Повисло молчание. Гюнтер всё так же продолжал бесцеремонно и с восхищением разглядывать её, а она пыталась перебороть смущение и найти слова.

— Фюрер очень впечатлён вашими действиями при пожаре, Гюнтер... — Наконец, нашла она тему беседы. — Он сказал, что вы проявили настоящую смелость и героизм, и он бы наградил вас, но оказывается, вы совсем недавно были повышены в звании, поэтому ограничился благодарностью.

— Я благодарен фюреру, Ева. А вы? Что вы думаете про мой поступок? Считаете ли вы это поступком мужчины или же просто глупой мальчишеской выходкой? — пристально смотря на неё, спросил Гюнтер.

— О, Гюнтер, конечно же, нет! Я уверена, что вы всё сделали правильно! Ведь если бы не ваш поступок, погибло много людей! Поверьте, я восхищена вашими действиями! — горячо проговорила Ева. Она действительно так думала. Несколько раз зайти в горящий дом, чтобы спасти беспомощных женщин и едва не погибнуть самому... На это вряд ли бы кто отважился. Во всяком случае, она не знала никого кто, по её мнению, смог бы это сделать.

— Мне приятно слышать это, Ева... — Улыбнулся он. Внезапно на его лице появилась хитрая ухмылка. — Что ж, если вы действительно так восхищены мной и тем что я сделал, можете это доказать? Не словами, а делом?

Ева улыбнулась в ответ.

— Даже не сомневайтесь, Гюнтер. Что вы хотите, чтобы я сделала для вас? — она думала, что он захочет чего-то попросить у неё, например, сфотографироваться с подружкой фюрера. Или передать через неё просьбу Гитлеру... Ева готова была сделать это. Поэтому его просьба заставила её в изумлении приоткрыть рот и ошеломлённо уставиться на Гюнтера.

— Поцелуйте меня! — произнёс он. Причём, сказало это было не вопросительной интонацией, а спокойно-утвердительно, словно между делом. Гюнтер смотрел на неё не мигая, прямо в глаза.

— Боюсь, Гюнтер, вы... просите слишком многого... — наконец, нашлась Ева. Сумбур в её мыслях постепенно проходил, вызывая в ней некоторую досаду от наглости Гюнтера. Что он себе позволяет? Она же не его подружка.

— Значит, вы всё-таки не готовы подарить всего один поцелуй герою спасшему кучу жизней? И ваши слова оказались пустыми, Ева? — он огорчённо поджал губы и откинулся на подушку. — Что ж, фройляйн Браун, я надеялся что... Впрочем, это неважно... —

отмахнулся он.

Его слова задели Еву. В самом деле, она же сама пообещала выполнить его просьбу и делом доказать своё восхищение, а что теперь?.. Да, ТАКУЮ награду Ева не планировала ему выдавать. Один поцелуй? Всего один... Неужели это так много для неё? К тому же никто не узнает... В ней поднялись противоречивые мысли. С одной стороны, она любит фюрера и ни за что не должна давать даже повода для измены. С другой... Всего лишь один поцелуй в щеку для красавчика-героя, спасшего множество людей... Разве это измена?

Она глубоко вздохнула.

— Ну хорошо, Гюнтер! Но только один поцелуй! — строго посмотрела она на него.

— Да, Ева. Всего один... — Он повернул голову на бок, и задумчиво потёр левую щеку. Приняв это за намёк, она вытянула губы и медленно склонилась к его щеке, закрыв глаза перед поцелуем. Ева хотела слегка чмокнуть его и удивлённо распахнула глаза, обнаружив, что её губы, вместо щеки, прижимаются к его губам. Шок от такой ситуации продлился не больше пары секунд, но когда она попыталась отшатнуться, то не смогла. Неведомо откуда появившиеся крепкие мужские руки обхватили её тело и прижали к нему, а его губы раскрылись, и из них выскользнул быстрый и наглый язык, который тут же решил вплотную познакомиться с её язычком. Замычав, она дёрнулась и всё-таки смогла вырваться из его хватки, впрочем, он сразу расцепил объятия, не став её удерживать.

— Что это значит, Гюнтер? — задыхаясь, спросила Ева. Сердце колотилось то ли от злости, то ли ещё отчего, губы горели... — Вы с ума сошли?! Зачем вы поцеловали меня в губы?

Гюнтер был абсолютно спокоен.

— А что тут такого, Ева? Мы же договорились об одном поцелуе, верно? — спросил он, подняв одну бровь.

— Вот именно! — горячо подтвердила Ева. — А вы... вы — она растерянно замолчала.

— Что? — переспросил Гюнтер. — Вы хотели поцеловать меня в щеку? — с серьёзным видом спросил этот наглец.

— Конечно! Это же ясно! К тому же вы сами подставили щеку, разве не так? — её глаза сверкали.

— Хм... Похоже, Ева, мы не так поняли друг друга. Я с самого начала имел в виду поцелуй в губы. А щеку я просто почесал и всё... С чего вы решили, что поцелуй должен был быть именно в щеку? Не помню, чтобы мы договаривались на эту часть лица. Возможно, вы забыли уточнить? — его строгий вид внезапно изменился, широкая улыбка растянула его губы и весело рассмеялся.

Снова открыв рот от таких слов Гюнтера, Ева вдруг поняла, что он прав. Действительно, она же не сказала ему куда хочет поцеловать, решила, что он сам это поймёт... Вот он и понял по-своему. Выходит, она сама виновата? От такого вывода её охватила лёгкая досада. Внезапно взглянув на его улыбающееся лицо, Ева заподозрила неладное..

— Гюнтер, скажите... Вы ведь это специально подстроили? — с затаенной надеждой на отрицательный ответ, спросила девушка.

— Верно, Ева, сдаюсь! — шутливо поднял руки Гюнтер. — Так и есть. Просто не смог удержаться и не поцеловать самую красивую девушку Германии... Потом не простил бы себе, упусти такую возможность..

— Ах вы!.. Вы просто нахальный мальчишка, пользующийся моим доверием! Как вы могли так сделать?.. — она просто не находила слов от возмущения. Подумать только..

На её слова он только ещё сильнее рассмеялся, хоть и пытался сдержаться.

— Вам смешно? Прекратите сейчас же! — она пыталась сердиться, но гнев уходил, словно вода в песок. Наконец, как не пыталась она сдержаться, его смех заразил её и Ева тоже расхохоталась, закрыв лицо рукой в перчатке.

Через пару минут оба, один за другим, успокоились. Как ни странно, эта ситуация подняла ей настроение, после унижения у фюрера. Глядя на него смеющимися глазами, она спросила:

— Вы всегда такой наглый с девушками?

— Часто... Я знаю, что многим женщинам нравятся решительные парни, а не маменькины сынки. То, что вы назвали наглостью, это просто решимость мужчины, которому очень нравится женщина. Могу больше добавить: о том, что произошло, я ни капли не жалею и, повторись такая ситуация, поступил бы также.

Ева только головой покачала. Да, в некоторой степени она сама ошиблась, но как ловко он использовал эту ошибку! Но нужно уточнить кое-что.

— Гюнтер.. — она замялась. — Вы же знаете, что я... что у меня..

— Что вы с фюрером? Конечно, знаю... Я же не слепой... — ответил Гюнтер, усмехнувшись. — Вижу, как он к вам относится... Мне грустно от этого, вы такая добрая, красивая, ваш бархатный голос ласкает слух... Простите! Я опять увлёкся... — он покачал головой. — Знаете, вы как-то действуете на меня..

— Как же? — не сдержала она любопытства.

— Когда я думаю о вас, мне становится легко на сердце. Когда иду по улице, невольно сравниваю вас с другими девушками... и не в их пользу. А голос... он вызывает во мне что-то бурное, страстное... Особенно, когда представляю ваш тихий шёпот... — под конец голос Гюнтера в самом деле опустился до шёпота.

Заворожённая его словами, Ева не сразу сообразила, что Гюнтер замолк. Случайно опустив взгляд, она наткнулась на непонятный холмик под одеялом. Через секунду она густо покраснела и отвела взгляд, поняв, что это такое. Неужели это из-за неё? Боже, это она так действует на него? Кошмар! То есть... приятно, конечно, но... Лучше об этом не думать! И вообще, наверное, ей пора... Ой, она и забыла ему сказать!

— Гюнтер... я сегодня утром сделала огромную ошибку... — кусая губы, Ева замолчала.

— Какую же? — спросил Гюнтер. Краем глаза она заметила, что холмик так и не уменьшился.

— Я... случайно проговорила про ваше письмо, когда была у фюрера. — Ева нервно теребила ремешок сумочки, уставившись в окно. Ей было стыдно. Как она могла так сглупить? Ведь Гюнтер настоятельно просил этого не делать! Ева пообещала, а теперь что? Значит, она не может сдерживать слова? К тому же, он говорил, что это письмо касается безопасности фюрера, Евы и всего Рейха. Стыд и вина с новой силой накатили на неё.

Гюнтер резко стал серьёзным, улыбка пропала.

— Так! Кто ещё был с фюрером? — его голос стал холодным и властным, словно он вёл допрос.

— Доктор Геббельс и рейхсфюрер... — выдавила она. Его вид напугал её и заставил проникнуться плохими предчувствиями.

— Проклятье! — стиснул кулаки Гюнтер. На скулах заходили желваки. — И какова была их реакция?

Ева тихо проговорила:

— Доктор Геббельс, по-моему, не обратил внимания. А вот герр Гиммлер... — она замолчала.

— Ева, говорите всё, и не утаивайте! Это очень важно! — с нажимом произнёс Гюнтер.

Ева сжалась под его взглядом. Боже, что она наделала?

— Герр Гиммлер спросил фюрера, что за письмо... Но Адольф резко сказал ему что это не его дело. И запретил ему интересоваться этим... — Ева глядела на него, отчаянно пытаюсь найти в нём спокойствие, которого ей сейчас так не хватало.

— Понятно... — выдохнул Гюнтер сквозь зубы. — Геббельсу это не интересно. А вот Гиммлер... Что-то ещё, Ева? — спросил он.

— Мне показалось... что он хочет узнать у меня подробности... — голос её дрожал от страха. — Гюнтер, скажите, что это не опасно? Ведь, не опасно, верно? — с надеждой заглядывая ему в глаза, спросила она.

Гюнтер сел поближе к ней и взял её руки в свои, но она даже не обратила внимания на эту вольность.

— Ева, слушайте меня внимательно! То, что вы проговорились при Гиммлере, это... плохо! — подобрал он слово. — Вполне возможно, он захочет в самом деле узнать, хотя бы из любопытства. Так вот, сейчас вы должны беспрекословно выполнять то, что я вам скажу. Иначе последствия для нас с вами будут катастрофичны! Вам понятно?

Ева вздрогнула и заломила руки в отчаянии.

— Да, Гюнтер! Обещаю, что буду слушаться вас, только прошу, сделайте так, чтобы всё было хорошо! — она чуть не плакала от страха. Ощущение опасности нахлынуло на неё со словами Гюнтера и, не помня себя, она кинулась к нему за защитой. И его объятия, в которые она попала, стали для неё воистину спасительными. Чувствуя, как он крепко сжимает её, гладит по голове, Ева почувствовала, что липкий страх, охвативший девушку, постепенно уходит, а тревога в сердце пропадает. Стало тепло и уютно, как никогда не было, даже в очень редких объятиях Адольфа.

— Слушайте, Ева! Вы должны, при первых же вопросах рейхсфюрера, отвечать ему, что лично фюрер запретил вам говорить на эту тему. Даже если он начнёт угрожать или говорить что Гитлер разрешил вам рассказать ему всё, не верьте! Он даже может показать вам, написанное моим или его почерком, письмо, где мы разрешаем вам рассказать... Так вот, не верьте! Ни я, ни фюрер не можем желать этого!

Ева торопливо кивнула.

— Ни в коем случае не говорите ему подробностей! Кто передал, где, когда... Отвечайте — «Фюрер запретил мне говорить на эту тему!» и грозите всё ему рассказать. Причинить вам неприятности он не сможет, знает, что фюреру это не понравится. При угрозе шантажа или опасности для родных, всё равно твердите про приказ фюрера! Потому что если он узнает, то... нам всем будет очень плохо. Я буду придерживаться той же тактики... — рассуждал вслух Гюнтер, продолжая обнимать её.

Ева непрерывно кивала, слушая его. Почему-то не хотелось размыкать такие приятные сильные руки, но она успокоилась, и пора было идти. Мягко высвободилась из его объятий и стала поправлять одежду.

— Кстати, Ева, вы любите прогулки в лесу? — кажется, к Гюнтеру вернулось хорошее настроение, он улыбался.

— Очень, Гюнтер! Мне так нравится гулять в лесу, парках... Там так красиво! — воодушевилась она, вспомнив как гуляла с Адольфом и подругами в разных местах. Впрочем,

в Бергхофе тоже было красиво, а воздух... и горы..

— Тогда предлагаю прогуляться в Тиргартене, на следующей неделе. Весна, свежая зелень, птички поют... — он мечтательно улыбнулся ей. — Соглашайтесь, Ева! — он весело подмигнул.

— Гюнтер, вы что, приглашаете меня на свидание? — она улыбнулась ему в ответ.

— Называйте как хотите, Ева, свидание, встреча, прогулка... Я думаю, нам обоим не помешает подышать свежим весенним воздухом и поговорить без свидетелей, верно? — спросил Гюнтер. Его улыбка стала ещё шире.

Ева весело рассмеялась, тряхнув своими волосами. Гюнтер решил приударить за ней? И не боится фюрера? А почему бы и нет? Так и надо Адольфу, за то что он к ней относится... и за сегодняшнее утро тоже. К тому же, это просто прогулка, никаких поцелуев она больше Гюнтеру дарить не собирается, хоть это и было довольно приятно... Ой! Что это она? У неё есть Адольф, она его любит, а то что произошло... просто размолвка, мелкая ссора. Ничего страшного нет, если даже он узнает про их прогулку, пусть помучается ревностью, как она мучилась. А она так давно не гуляла..

— Хорошо, Гюнтер, я согласна! — кокетливо произнесла Ева, стрельнув в него глазами. — А когда?

— Давайте так, когда я смогу, я приду к вам на работу, в ателье Гофмана, верно? И потом мы поедем в парк. Договорились?

— Да. Но это будет не свидание, а просто прогулка! — она шутливо погрозила ему пальчиком. — Не забывайте об этом!

— Хорошо, Ева, пусть прогулка! — и он усмехнулся.

— Тогда до свидания, Гюнтер! — она взяла в руки сумочку и натянула перчатки.

— Значит, всё-таки свидание? — утвердительно спросил он.

— Что? — она с удивлением посмотрела на него. — Ах вы!.. Опять хотите поймать меня на слове? — Ева шутливо размахнулась сумочкой, подумать только, он опять разыграл её! Надо быть осторожной в словах, иначе можно не заметить как её... Так, всё! Хватит об этом думать!

— До встречи, Гюнтер! — она, улыбаясь, помахала рукой.

— До скорой встречи, милая красавица Ева! — ответил ей Гюнтер.

Снова покраснев, она покинула, наконец, палату. И всю дорогу до рейхсканцелярии с её губ не сходила улыбка. Даже герр Гиммлер больше не пугал Еву. Фюрер и Гюнтер защитят её.

Тот же день. Берлин.

Гюнтер Шольке.

На редкость неудачно началась эта суббота для Гюнтера. Рано проснувшись, он позавтракал и стал с нетерпением ждать Лауру, чтобы вдоволь насладиться своей влюблённой девочкой. И она пришла... вместе с фрау Кох. Которая, улыбаясь, заявила ему, что раз его состояние здоровья отныне не внушает опасений, постоянную медсестру убирают, и она возвращается к своей обычной работе. То есть, как понял Гюнтер, это означает что Лаура, если и сможет навещать его, то редко и недолго, так как её отделение находится в другом крыле клиники. Эта подстава настолько ошеломила его, что он смог только молча проводить девушку глазами, когда она, напоследок, грустно посмотрев на него,

вышла вслед за старшей медсестрой.

Опомнившись, после их ухода, он тихо, но яростно выругался, проклиная фрау Кох, и всех начальников, которые отобрали у него Лауру. Нет, это абсолютно ему не нравится! Решено, как только он выйдет отсюда, обязательно заставит Лауру переехать к нему жить. Вряд ли отсутствие кольца на пальце помешает девушке каждую ночь засыпать в объятиях возлюбленного. Каждый день приходиться со службы и видеть, как тебя встречает жарким поцелуем влюблённая девушка, а из кухни доносится аромат вкусной еды... Что может быть лучше? Разве что две такие девушки... Хм, не увлекаться! Как там Алекс говорил? «Лучшее — враг хорошего»? С другой стороны, он же говорил и другое — «Одна хорошо, а две ещё лучше!» Вот и выбирай что нравится..

Немного успокоившись, он решил прослушать радио. Голос Фриче жизнерадостно сообщал о громких успехах Вермахта в Норвегии, захватах городов и радостных норвежцах. Потом зазвучал очередной бравурный марш и Гюнтер выключил радио.

Наконец, решил продолжить свои записки. Кратко описал что танковые войска прославят имена «Быстроходного Гейнца», «Лиса Пустыни», хотя, если фюрер решит не помогать «макаронникам», то Роммель отличится где-нибудь в другом месте. Сейчас он, вроде бы, командует личным поездом фюрера? Или в охране? Гюнтер точно не помнил. Также написал про талант Манштейна, Моделя и некоторых других генералов, выделившихся из своей среды военными успехами или талантами в обороне.

Отдельно остановился на Альберте Шпеере, настоятельно намекнув, что именно этот человек, пусть и архитектор, сможет подстегнуть военную промышленность Рейха. Привёл в пример его талант, в условиях жестоких бомбардировок Союзников, нарастить производство, в том числе, путём рассредоточения военных заводов и фабрик.

Вспомнив, он решил посоветовать слегка изменить штат тяжёлых моторизованных зенитных дивизионов и батарей, обязательно включив в них зенитные танки «Wirbelvind» и «Ostwind», в дополнение к уже входящим в них лёгким буксируемым орудиям. Также рекомендовал как можно быстрее форсировать работы над радаром «Вюрцбург». Все эти меры помогли бы уменьшить опасность вражеской штурмовой авиации Великобритании и США при нападении на самих зенитчиков и охраняемые ими объекты. Так как командование ПВО входило в Люфтваффе, придётся пробиваться через Геринга. Заодно напомнил о приоритете реактивных самолётов, «Me-262» и «Me-163», и помощи Вернеру фон Брауну.

Про флот он знал мало, разве что жаль было героический «Бисмарк», который погибнет через год с небольшим. Поэтому посоветовал фюреру использовать его только вместе с «Тирпицем», не разлучая «братьев». Естественно, с соответствующей свитой из крейсеров и эсминцев. Обратил внимание фюрера на разработку авианосцев, указав, что Америка и Япония активно строят их.

Про немецкий атомный проект он тоже, в своё время читал мельком, пришлось ограничиться советом поддержать физиков Гейзенберга, Гейгера, Боте, Дибнера, Вайцзеккера, Гана, Дёпеля.

Всё, больше ничего на ум пока не пришло. Только отложил записки под подушку, дверь тихо приоткрылась и в палату проскользнула Лаура с улыбкой заговорщицы, тут же бросившись к нему в объятия.

Радостный Гюнтер крепко обнял её, поцеловал и зарылся лицом в волосы Лауры, пахнувшие чем-то приятным.

— Ты как здесь оказалась, милая? Неужели фрау Кох снова тебя отпустила ко мне? — прошептал ей на ушко Гюнтер, пока его руки сами по себе вновь исследовали её тело.

— Нет, любимый... ах, как приятно быть в твоих руках... — она потёрлась щекой о его грудь. — Я просто сбежала с отделения, попросив подружку прикрыть меня на время от фрау Кох. За это мне пришлось пообещать ей шоколадку... — промурлыкала она, проведя рукой по его паху.

— Вот ты проказница, моя красавица! — смеясь, произнёс Гюнтер. — Не знал что ты такая изобретательная!

— Я сама не знала что такая... Это ты виноват, развратник! — она шутливо ударила его в грудь. — Научил скромную девушку разным вещам, а теперь удивляется, почему она сбегает к нему с работы! Так, а это что такое, интересно? — Лаура слегка сжала его вставший член своими нежными пальчиками.

— А ты посмотри и увидишь... — улыбнулся он. Его руки, тем временем, подняли её халат до пояса и завладели левой грудью. — Кстати, ты дверь закрыла? — спросил Гюнтер, чувствуя, что ещё немного и ему уже будет плевать на всё.

— Ой, нет, забыла... — виновато протянула она, вскакивая с кровати и поправляя форму. Только она это сделала, как раздался стук в дверь. Оба застыли, глядя друг на друга.

— Неужели фрау Кох? — прошептал Гюнтер, пряча свой член обратно в штаны.

— Не знаю... — также тихо ответила Лаура и хихикнула, наблюдая как топорщатся штаны Гюнтера. Тот, наконец, справился со своим органом, накрылся одеялом и вздохнул.

— Открывай, кто там ещё пришёл?

Девушка прошла к двери, выглянула и вышла наружу. Раздался неразличимый женский говор, и Лаура снова появилась с удивлённым видом.

— Там к тебе пришла какая-то женщина... Говорит, от самого фюрера... — прошептала она.

— Что? Ты ничего не путаешь? — очень удивился Гюнтер. — Женщина от фюрера? Странно... Ну ладно. Пусть входит, посмотрю кто это..

Лаура широко открыла дверь и в палату вошла... Ева Браун!

Это был всем сюрпризам сюрприз! И очень приятный. С трудом сохранив голос спокойным, он попросил Лауру выйти, и та, пусть и нехотя, послушалась.

Наконец, они остались одни, и Гюнтер смог, не скрываясь, посмотреть на неё внимательнее. Ева выглядела восхитительно! Под белым халатом, накинутым на плечи, она была одета в нарядное платье бежевого цвета, с вышитой розой на груди. Шляпка с широкими полями, перчатки на руках, белое пальто на локте... Словом, смотреть и любоваться.

Видно было, что она заметила его восхищение и смутилась, так что не сразу смогла подобрать тему для разговора. Наконец, Ева взяла себя в руки и озвучила причину своего прихода. Когда же она горячо одобрила его действия при пожаре, Гюнтер не смог противиться желанию подшутить над девушкой, будучи уверен, что она всё равно откажется. К его приятной неожиданности, приём «на слабо» прокатил, и Ева всё-таки согласилась его поцеловать. К счастью, предварительно она не уточнила, куда именно собирается поцеловать, и Гюнтер решил воспользоваться этим. Да, это было глупое мальчишество, но желание узнать вкус её губ было сильнее.

Это было сладко! За такой поцелуй можно многое отдать... Тем забавнее было наблюдать за её шоком, когда она поняла что случилось. Сначала, конечно, возмутилась, но

потом... потом, не выдержала его смеха и тоже расхохоталась. От такого поцелуя, его член снова оживился и, судя по внезапно покрасневшему лицу, Ева это заметила.

Внезапно она словно вспомнила что-то неприятное, и Гюнтер оказался прав. От известия, что про письмо уже знают Гиммлер и Геббельс, он едва сдержался от ругани. Ну почему она такая красивая и такая... болтливая?! Неужели так трудно было следить за языком? Теперь любопытный рейхсфюрер прицепится к ним обоим и будет трудно сохранить содержимое письма в тайне, даже с учётом защиты Гитлера. Гюнтер с трудом успокоился и, глядя на испуганную девушку, взял себя в руки. Что ж, возможно, благодаря этому, она станет более послушной его воле и он приобретёт над ней контроль. Надо только всё правильно сделать.

Воспользовавшись её страхом, он обнял её и начал говорить, что делать. Ева, уютно устроившись в его объятиях, со всем соглашалась. Гюнтер был прав, зная, что девушка быстро подчиняется сильным мужчинам, а в таком состоянии и подавно. Успокоив её, ему уже не стоило большого труда заставить Еву согласиться на прогулку. Наивная, она действительно думала, что это будет дружеская беседа под ручку? Нет, после поцелуя, он твёрдо решил — Ева будет его женщиной, даже если придётся выбить фюрера из её сердца. Он не думал что это невозможно... Само пренебрежительное отношение Гитлера к ней помогало Гюнтеру. Его невнимание, отсутствие комплиментов, цветов, нормального секса... всё это понемногу убивает её любовь к нему, надо лишь усилить эффект, внушить ей что есть кое-кто получше фюрера. Тот, с кем она сможет засыпать и просыпаться, гулять, рожать ему детей... В общем, любить и быть любимой. А уж он постарается дать ей всё что Еве не хватает от фюрера. И, конечно, взять себе её саму, полностью и без возврата!

Когда улыбающаяся Ева покинула палату, Гюнтер заложил руки за голову и довольно потянулся. Всё идёт как надо, так как он хочет... кроме провала с письмом. Но и с этим он найдёт выход! Он всегда есть!

Москва.

14 апреля 1940 года.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Он был нигде. Просто висел в пустоте. Не чувствовал своего тела, боли, радости... никаких чувств. Кто он? Где находится? Эти вопросы вяло появлялись в его голове и медленно пропадали, не вызывая желаний прояснить их.

Внезапно что-то мягко подхватило его и понесло куда-то. Он никак не выразил своего удивления или любопытства, ему было всё равно. Через некоторое время, видимо, оказавшись в нужном месте, он остановился и снова завис. В голове словно пропал какой-то барьер, и он начал вспоминать. Он, Саша Самсонов... и Дитрих Краузе... воспоминания, в хронологическом порядке, начиная с рождения, стали заполнять память.

...Вот он приехал к Гюнтеру в Берлин, они гуляют... Александр наблюдал это словно сверху, с высоты выше крыш домов. Они увидели арабов... драка, его смерть. Это не вызвало у него эмоций, как будто он смотрел на чужого человека. Гибель Гюнтера... подбегает та плачущая фрау, гладит немца... от него, Гюнтера и трёх арабов отделяются какие-то круглые сгустки, медленно поднимающиеся вверх. Причём, у бандитов эти сгустки явно темнее и они быстро уносятся куда-то в сторону. Саша заметил, что с разных концов города то и дело поднимаются такие же сгустки, одни почти полностью светлые, другие тёмные. Неужели это души?..

Странные шары, вылетевшие из его и Гюнтера тел, сближаются и, набирая скорость, исчезают в небе. Всё медленно начинает пропадать. Последний взгляд Саши, он заметил, как несколько полицейских машин подлетают к переулку, оттуда выскакивают копы и бегут к ним..

Темнота... Наконец, снова муть отступает и появляется новый пейзаж. Большой город, но явно более раннее время. Вывески, машины, одежда людей... Всё другое. Двое мужчин идут по тротуару, разговаривая. Один в форме офицера СС, другой, в обычной полицейской. Вдруг из-за угла, сзади них, выезжает легковой автомобиль на большой скорости и, чтобы выровняться, резко выкручивает руль. Мужчины, привлечённые визгом шин и рёвом мотора, успевают только оглянуться. В следующее мгновение, их буквально отбрасывает капотом в сторону, и они безжизненными куклами отлетают к стене. Водитель, так и не затормозив, врывается в стену дома и машина, наконец, останавливается, из-под капота вырывается дым или пар... Человек за рулём, при столкновении, выбивает своей головой стекло, и с силой инерции его бросает прямо в стену рядом с мужчинами. Неестественно вывернутая голова показывает, что водитель закончил свою последнюю поездку.

Внезапно снова появляются сгустки. Они подлетают к телам двух сбитых мужчин и пропадают в них, а из трупа водителя, наоборот, вылетает шар и медленно взмывает вверх. Тела (его и Гюнтера?) почему-то, резко вспыхивают ярким светом, который быстро пропадает, ненадолго задержавшись между ног у Гюнтера и у него самого. И снова всё начинает медленно гаснуть..

...Александр резко открыл глаза. Над ним оказался белый потолок, на котором были еле заметные трещинки. Вокруг тихо. Судя по ощущениям, он лежал на чём-то плоском и

жёстком. Каталка? Стол? Ладно, пока не важно. Попытка пошевелить рукой или головой вызвала вспышку боли и глухой стон. Где он? Скорее всего, в больнице. Или в лазарете. А почему он здесь? Ах да... Теперь понятно, сопротивление сотрудникам НКВД, плюс причинение им тяжких телесных повреждений, а возможно, и убийство... Кстати, а почему он тогда жив? На месте конвоиров он бы пристрелил такого буйного зека без всякой жалости. Хотя тогда это показалось ему хорошей идеей, перед смертью оторваться напоследок. Выходит, ещё поживёт?

Мысли прервали одновременно нахлынувшие голод и жажда, даже непонятно, чего больше хотелось. Видимо, эта чёртова регенерация высасывает из организма всё, что ей нужно для лечения, поэтому такие зверские чувства. А всё же, что это было за видение со сгустками? Или больной мозг такую ахиною изобразил? Представил, как могло бы быть?

Где-то недалеко послышались шаги и, открыв невидимую ему дверь, вошёл какой-то мужчина в очках. Внимательно посмотрел ему в глаза, проверил веки, пощупал пальцами тело кое-где, и спросил:

— Ничего не болит, молодой человек? — голос у него оказался слегка прокуреным.

— Болит, доктор... А где я? — решил уточнить Саша. Предположение предположением, но хотелось уверенности.

— Где? В... лазарете. Где же ещё может быть задержанный, учинивший драку с нашими сотрудниками и попавший под паровоз? — доктор сказал это спокойным тоном, словно такие истории случались у них каждый день.

— Логично! — вынужден был признать Саша. — Я думал, меня убьют... — признался он, наблюдая, как медик продолжал невозмутимо проверять его тело.

— Сказать по правде, я был абсолютно уверен, что вы умрёте, молодой человек! Уж поверьте моему опыту. Когда впервые увидел вас в той камере, сразу хотел везти в морг. Зачем зря лекарства переводить, верно? — серьёзно спросил врач.

Александр оторопело уставился на него.

— В смысле? Разве вы не должны пытаться спасти жизни пациентов? Или забыли клятву Гиппократова? Ни хрена себе вы доктор! — с возмущением сказал он.

— А что такого? Между прочим, я неплохой врач. Именно поэтому, при взгляде на ваше тело, понял, что проживёте вы очень недолго и моя помощь тут не поможет. Но... — доктор вздохнул... — приказ есть приказ. Привезли ваше тело сюда, я сделал всё что мог. А вы взяли и выжили! И мне бы хотелось знать... Как вы это сделали? — его взгляд смотрел прямо в глаза Саше.

— Подождите, какой приказ? — не понял Александр. По его мнению, за всё то что он сделал, его должны были убить сто процентов. Или... ему всё-таки поверили??

— Пока вы там внизу превращали кабинет для допроса в разделочную для мяса, пришёл приказ... Задержанный, номер такой-то, подготовить его к допросу, не использовать средства принуждения... Ну, как-то так... Я — то сам приказа не видел, только по разговорам охраны слышал, но смысл, скорее всего, был такой... Похоже, должен был приехать кто-то из наркомата, чтобы поговорить с тобой, а ты тут умираешь... — доктор, наконец, отошёл от него, уселся за стол у стены, и начал писать, иногда поглядывая на Сашу.

Ничего себе... Видно, дело сдвинулось с мёртвой точки и его показания кого-то заинтересовали наверху. Что ж, лучше поздно чем никогда.

— И что дальше? — спросил он. Чем больше информации Александр узнает, тем лучше станет ориентироваться в ситуации.

— А что дальше? — хмыкнул врач, не отрываясь от писанины. — За тобой пошли вниз, потом прибежал один из бойцов, кричит, что внизу бойня, куча трупов... дежурный наряд за ним. Короче, трёх бойцов в госпиталь, а вот следователь твой... в общем, нет его больше. Задушил ты его. Вот так вот... — закончив писать, врач отложил карандаш и откинулся на спинку стула, глядя на него.

Дела. В некотором шоке Александр задумался. Вот что значит загнанная в угол крыса, которой нечего терять... Он сам не ожидал такой ситуации. Помнил, как его охватила необычайная лёгкость, радость от силы, хлещущей в нём, от последнего боя... Не жалел ни себя ни других... Берсерк, мать его! Почему так случилось? Возможно, потому что, в своей прошлой жизни Саша дрался очень редко, стараясь не конфликтовать до конца. И даже в драке с арабами не было такого! Там он себя полностью контролировал. А тут? Как будто в него вселился Перун или другой бог войны..

Отвлёк его голос доктора, который даже не подумал представиться.

— Так что, расскажешь, почему ты выглядишь сейчас таким огурчиком, а не избитым куском мяса? Ни разу не видел такого, а ведь опыта у меня не пара лет а намного больше.

— Я бы не сказал что огурчик. Всё тело болит, двигаться не могу... Кстати, есть и пить хочу! — вспомнил Саша.

— Скоро принесут, ты не отвлекайся! — отмахнулся доктор. — Рассказывай!

— Да откуда я знаю? — огрызнулся Александр. — Я же не доктор, вы лучше должны знать что там внутри у меня происходит!

— Да в том-то и дело что я ни хера не понимаю что там у тебя происходит!! — вскочил с места медик. — Гляжу в упор и ни хера!! Это чёрт знает что! Этого просто не должно быть, понимаешь, дурак? Не должно! — выкрикнув это, доктор снова опустился на стул и мрачно уставился на Сашу.

Очень интересно! Что там происходит-то?

— И что там такого необычного? — спросил он.

— Ерунда происходит... Когда тебя сюда привезли, было сломано ребро и ещё одно треснуто. Выбито несколько зубов, разбит нос, повреждено лёгкое, множество гематом на теле, отбита селезёнка, сильные ушибы головы, потеря крови... и это ещё не всё! А теперь? Прошло меньше суток, а у тебя уже целые рёбра, селезёнка как новенькая, гематомы сошли, ну с кровью мы помогли... Нос почти в порядке, зубы новые начали вылезать... Вот скажи мне, как ты это делаешь, парень? — снова спросил доктор.

Да, загадочная картина... Интересно, не связано ли это со сгустками из видения? Пока это не узнать точно. Что же делать? Доктору рассказывать свои догадки не надо, не поверит. Это, выходит, ему с Гюнтером такой «рояль» нехилый подкинули? Что ж, если так, спасибо! Вот только кому? Кстати, может это не единственный подарок? Ещё что-то? Да вроде ничего больше странного нет. Ладно, потом узнает.

— Что ж, не хочешь рассказывать, не рассказывай, всё равно узнаем. Лежи тут, скоро еду принесут. И больше не буянь! — пригрозил доктор, идя к двери. — На выходе из комнаты вооружённый пост, не советую снова пытаться устраивать тут рукомашество, не поймут..

С этими словами неизвестный доктор вышел из палаты, плотно закрыв дверь. Саша и не думал пытаться сбежать, сил хватало только слегка шевелиться. Живой, уже хорошо! Время покажет, что делать дальше. Хотят поговорить? Поговорим.

Берлин. Клиника Шарите.

14 апреля 1940 год.

Гюнтер Шольке.

С самого утра к нему заявились родители. Отец, Гельмут Шольке, представительный мужчина в костюме-тройке и шляпе. Его живое выражение лица и выразительные глаза придавали ему симпатичный вид, несмотря на возраст. Гельмуту было уже 48 лет. Слегка полная фигура хоть и говорила о возрасте, но это не мешало ему чувствовать себя намного моложе. Гюнтер заметил, каким взглядом он окинул Лауру, которая привела их к нему. Примечательно, что мать Гюнтера сделала вид что не заметила этого. Ревность кольнула его, хоть он и знал, что у его отца нет никаких шансов заполучить такую молодую красотку как его Лаура.

Мать Гюнтера, Марианна Шольке, была изысканно и со вкусом одета, со стройной фигурой и приятным лицом. Она была моложе своего мужа на семь лет, ей сейчас всего 41 год, расцвет зрелой женской красоты, конечно, если ухаживать за собой и не запускать тело.

Из памяти прежнего Шольке, Гюнтер знал, что его отец тот ещё ходок по бабам. Несколько раз, в отсутствие матери, будучи помладше, он замечал, как отец приводил в дом каких-то женщин, которые потом уходили. Скорее всего, она знала об изменах мужа, но ни разу Гюнтер не был свидетелем скандалов или ссор. Видимо, они выясняли отношения в его отсутствие... либо, Марианна просто делала вид что не замечает. Он вспомнил, что несколько раз к ним приходила одна из подруг матери, и Гельмут отправлял его в свою комнату, играть. А эта подруга, перед уходом, целовала Гюнтера в щеку, дарила сладости и просила не говорить матери о её приходе. Послушный Гюнтер не говорил, да и сладости любил, особенно тогда, в детстве. К тому же отец каждый раз после этого давал ему денег на карманные расходы. Сейчас, глядя на них, Гюнтер не понимал отца. Мать, такая красивая, неужели ему она не нравится? Или он не любит её? Но спрашивать не стал, не его это дело.

— Ох, Гюнтер, сыночек! Почему ты нам сразу не позвонил? Мы узнали о том что ты в клинике только сегодня утром, из газет... — к нему подошла мать и нежно провела рукой по щеке. Её глаза смотрели на него с тревогой и любовью.

Гюнтер, хоть он и не ощущал себя их сыном, почувствовал лёгкий стыд. В самом деле, некрасиво получилось.

— Я не хотел волновать вас, мама. Думал, быстро вылечусь и сам навещу вас дома. Со мной ничего серьёзного не случилось, немного надышался дыма и всё... Уверен, через день или два, меня выпишут, и мы снова соберёмся на твой любимый вечерний ужин... — ответил Гюнтер.

Это была некая негласная традиция Марианны Шольке. Раз в неделю, в будни, вечером, она собирала за столом свою семью и они рассказывали, как у них дела, что делали, обсуждали, делились планами... Только в последнее время, эта традиция несколько видоизменилась. Сам Гюнтер снял квартиру и редко показывался дома, Гельмут пропадал в своём кабинете, читая газеты, или уходил к друзьям. Младший сын тоже не любил эти посиделки, предпочитая пропадать на улице со своими товарищами по отряду.

Пришлось матери вместо них приглашать своих подруг, которые иногда засиживались у них до позднего вечера, болтая и пробуя различные вина. Гюнтер, до своего переезда, иногда посещал эти собрания по настоятельной просьбе матери, подзуживаемой подругами. Поддатые женщины весело кокетничали с ним, заставляя краснеть и смущаться, а мать

веселилась, изредка одёргивая подруг от слишком вульгарных слов или действий. В отличие от себя тогдашнего, теперь он понимал, что его внешность красавца сильно влияла на них и если бы не мать, то кто знает, на что решились бы её подруги в таком виде.

— Сын, ты поступил правильно! Мы с Марианной гордимся тобой, верно, дорогая? — подал голос его отец.

— Да, Гюнтер! Но обещай мне, что в дальнейшем, ты будешь более ответственно относиться к своей жизни! Ты у меня старший, и я не хочу потерять тебя. Хорошо, Гюнтер? — она строго посмотрела на него.

— Хорошо, мама, обещаю! — её забота о нём вызвала внутри тёплую благодарность в ответ. Он пообещал себе, как можно меньше огорчать Марианну и, наоборот, больше радовать.

— Я рада, сынок. Нас пустили к тебе ненадолго, всего на пять минут, так что желаем тебе скорого выздоровления! Кстати, вечерний ужин назначим сразу как только ты выйдешь из клиники. Договорились, Гюнтер? — спросила Марианна, отходя к двери.

— Да, мама, обязательно! До свидания! — помахал он рукой.

— До встречи, сын! — улыбнулся ему отец, и вышел из палаты.

Настроение, после визита родителей, улучшилось. Влияние прежнего Гюнтера виновато, или что, но Гельмут и Марианна ему понравились. Не успел он подумать, чем бы теперь заняться, как дверь тихонько приоткрылась и внутрь заглянула голова какой-то незнакомки.

— Гюнтер? Это вы? — тихим голосом спросила девушка. Приглядевшись, Гюнтер с удивлением узнал Шарлотту Кольбе, ту самую красавицу, которая своим платочком вытирала ему кровь, когда они с Алексом только попали в этот мир.

— Лотта? Что вы тут делаете? — с изумлением спросил он. — Откуда вы узнали, что я здесь нахожусь?

Девушка осторожно закрыла дверь и подошла ближе. На этот раз она была не в форме, а в гражданском платье до колен, расстёгнутом плаще и красной шляпке. Гюнтер невольно залюбовался ею. Хороша, чертовка!

— Я пришла вас навестить. А узнала из газет. Ох, там такое понаписали... — она покачала головой.

— Лотта, вы очень привлекательно выглядите! — сделал он комплимент. — Прямо глаз не могу оторвать! — восхищённо покачал головой.

Шарлотта смутилась и отвела взгляд.

— Спасибо, Гюнтер... А вы как? Выздоровливаете? — она присела на стул и положила ногу на ногу. Благодаря этому, полы плаща распахнулись, и он впился глазами в её стройные ножки в чулках и туфлях на каблуках. Лотта заметила этот взгляд и, улыбнувшись, вернула плащ на место.

— Хм... Да, выздоравливаю. Кстати, не думайте, что я забыл о нашем свидании, Лотта. Как только выпишут, я вам позвоню, и мы обязательно поужинаем где-нибудь! — заверил её Гюнтер, с трудом оторвав взгляд от её очаровательных ног. Интересно, какие у неё секреты под платьем? В своё время он это обязательно узнает.

— Гюнтер, прекратите же... Вы смотрите на меня как кот на сметану! Мне даже сидеть неудобно! — смеясь, сказала Лотта.

— Я не виноват, что вы такая красивая, и элегантно выглядите! Стараюсь быть равнодушным к вам но не получается... Ваша красота сбивает мне всё спокойствие! —

ответил ей Гюнтер. Он, наконец, смог взять себя в руки и смотреть ей в глаза, но его взор сам собой, то и дело сползал вниз.

— Что ж, в таком случае, чтобы вернуть вам душевное спокойствие, я лучше пойду..

Внезапно дверь палаты открылась и в неё вошла улыбающаяся Лаура.

— Гюнтер, я смогла... — тут она наткнулась взглядом на Лотту и удивлённо посмотрела на неё. Улыбка пропала, брови нахмурились, а глаза сузились.

— Фройляйн, вы что тут делаете? Кто вас впустил? — подошла она к девушке.

Лотта в замешательстве встала, попыталась улыбнуться.

— Извините, фройляйн... Я зашла навестить своего знакомого, герра Шольке. Мне сказали что..

— К герру Шольке посетители могут входить только с разрешения врача и в присутствии медсестры, то есть меня. Я не помню, чтобы приводила вас! — прервала её Лаура. Гюнтер, сначала пытавшийся что-то сказать, засмотрелся на неё. Прямо маленькая валькирия на страже его жизни и здоровья! Проклятье, и вот как из них выбирать? Обе хороши по-своему, и каждая нравится. Говорят, что сердце можно отдать только одной... Но вот у него, похоже, сердце огромное, ведь помимо Лауры, занявшей там основное место, у него осталось пространство и для других.

— Видите ли, фройляйн... когда я подошла к палате, рядом никого не было, и я решила..

— Вы решили воспользоваться этим и проникли в палату без разрешения, вместо того чтобы подождать? Я всё поняла! — отчеканила Лаура. — Прошу немедленно покинуть помещение, фройляйн! — она подошла к двери и широко открыла её, мрачно посмотрев на Лотту.

Та, к этому времени, успела овладеть собой, и пошла к двери, послав Гюнтеру воздушный поцелуй.

— Пока, Гюнтер! До нашей скорой встречи, мой телефон вы знаете! — напоследок осмотрела Лауру, хмыкнула, и гордо вышла из палаты, стуча каблуками.

«Мда, в женские разборки лучше не вмешиваться. Попадёт от обеих, и ещё виноватым останешься!» — подумал Гюнтер, глядя на Лауру.

Девушка, не сдержавшись, громко захлопнула дверь и обернулась к Гюнтеру.

— Нельзя на минуту отойти, тут же возле тебя появляются какие-то наглые девчонки! Кто это такая, Гюнтер? — она требовательно посмотрела на него.

— Полегче, Лаура. Ты ей спасибо должна сказать... — начал успокаивать её Гюнтер. — Помнишь, как мы с Алексом впервые сюда попали?

— Конечно... А при чём тут она? — Лаура недоумённо нахмурилась.

— При том, что именно она оказала мне первую помощь, ещё там, на месте аварии. И если бы не Шарлотта, вполне возможно, я бы сейчас давно был мёртв. Вот так-то! А ты на неё налетела как коршун... — огорчённо покачал головой Гюнтер. Конечно, он сгустил краски, но решил, что это не помешает.

— Ой, правда? Извини, пожалуйста, Гюнтер, я не знала! Решила, что это твоя подружка и... заревновала... — она вся обмякла и присела на его кровать. — Боже, она, наверно, обиделась? Гюнтер, если она ещё раз придёт, когда меня не будет, извинись за меня, пожалуйста, хорошо?

— Хорошо, милая, обязательно передам, когда встречу с ней снова. Или ты сама извинишься, если вы встретитесь... — улыбнулся Гюнтер. — Но в следующий раз, если ты

увидишь что рядом со мной какая-нибудь женщина, не спеши бросаться на неё, ладно? Сначала узнай ситуацию, не ревнуй понапрасну, а то снова обидишь её или выставишь себя в дурном свете. Договорились, милая? — он ласково взъерошил ей волосы.

— Договорились, любимый! Я люблю тебя! — она наклонилась к нему и жарко поцеловала.

— Я тоже тебя люблю, моя любимая! Кстати... подожди, милая, дай сказать... — Гюнтер с трудом освободил свои губы из её плена.

— Ммм... ты не хочешь..? — она слегка оторвалась от него, и прищурившись, посмотрела на него.

— Не говори ерунды, Лаура! — с возмущением отверг такое глупое предположение Гюнтер. — Разве можно тебя не хотеть? Просто я хочу тебе кое-что предложить... но не знаю, согласишься ли ты.

— Ты решил показать мне что-нибудь новенькое в сексе, мой любимый развратник? Так знай, ради тебя я готова и не на такое! — она снова прижалась к нему. От такого заявления Гюнтер почувствовал, что готов на всё плюнуть и завалить девушку в постель, но сопротивляясь желанию, снова оторвался от сладких губ.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне жить... В ту квартиру где мы были... — наконец, смог выговорить Гюнтер.

Лаура посмотрела на него. и он увидел, как её глаза медленно расширяются, а рот приоткрылся.

— Ты... правда, этого хочешь? Ты не шутишь? — словно не веря, спросила она дрогнувшим голосом.

— Нет, не шучу, милая. Я действительно этого хочу... — он пытливо смотрел на неё. Что она скажет? Это стало очень важным для него.

Вдруг из её глаз скатились две слезы. Она смотрела на него и тихо проговорила:

— Гюнтер, милый, любимый, мой самый лучший... Боже, я так тебя люблю!!! Спасибо-спасибо тебе! Я просто невыразимо счастлива! Ох... я не могу ничего сказать, но моё сердце разрывается от радости! — Она обняла его за шею и стала исступленно целовать в губы, щеки, подбородок, шею... постепенно опускаясь вниз. Оттянув вниз его пижамные штаны, Лаура подняла голову снизу и сказала, задыхаясь:

— Любимый... я и раньше была вся твоя. Но за такой подарок ты можешь делать со мной всё что захочешь... абсолютно всё! Обещаю, сделаю всё, как ты хочешь! — с этими словами она снова опустила голову вниз и жадно обхватила горячим ртом его давно возбуждённый член.

Гюнтер застонал от удовольствия и положил руки ей на затылок, помогая насаживаться ртом. Лаура, похоже, хорошо запомнила его советы, начала ласково порхать язычком по его стволу и, одновременно, постаралась взять его член полностью, до самых яиц. Да, определённо, минет малышке Лауре понравился, и она с удовольствием ему его делала. Её губы нежно скользили по его органу, причиняя невыразимое наслаждение. Гюнтер хотел немного остановиться, чтобы взять её сзади, но где там... Глухо урча, неистовая Лаура никак не хотела выпустить член изо рта. После пары попыток, окончившихся провалом, Гюнтер сдался и, чувствуя быстро подступавший оргазм, сосредоточился на нём. С трудом дотянувшись, он задрал форму Лауры и засунул руку ей в трусы. Как и ожидалось, там было не просто мокро, а буквально хлюпало. Погрузив в её текущее влагище два пальца, Гюнтер услышал снизу громкий стон, и голова Лауры задвигалась ещё быстрее, безжалостно

разрушая свою причёску. Подстегнутый этим, он сильнее начал работать пальцами, ощущая как они почти до ладоней становятся мокрыми. По палате разносились стоны, чавканье, скрип кровати.

Наконец, Гюнтер почувствовал, как его сперма вырывается из члена и заполняет рот ненасытной любимой. Содрогаясь от удовольствия, он одной рукой ещё сильнее прижал её голову к своему паху, а другой продолжал терзать дырочку Лауры. Вдруг он ощутил как девушка, глотая его сперму, замычала с его членом во рту, а его пальцы сжало внутри её тела. Лаура задрожала, по её бёдрам потекли соки, впитываясь в чулки и спущенные трусы.

Через минуту, Лаура всё-таки оторвалась от его члена и с трудом легла на него, положив голову ему на грудь. Её глаза были с какой-то поволокой, довольная улыбка до ушей, капельки спермы она слизала языком и невнятно проговорила:

— Надо же, как вкусно... Не ожидала, что так понравится. Но в наш первый раз она была какая-то другая. А девочки говорили что противно... — и счастливо рассмеялась. — Со вчерашнего дня тебя хотела. Но фрау Кох всё время была рядом. Всё-таки, она что-то подозревает. Но я всё равно смогу прибегать к тебе! — улыбнулась она. — Никто тебя у меня не отнимет! Я всегда буду рядом с тобой!

— Я знаю, любимая! Мне так хорошо с тобой... я словно в раю бываю... — честно признался Гюнтер.

— Я тоже, любимый! Это такое удовольствие... Ох, если бы мама знала чем мы с тобой тут занимаемся, мне бы так попало! — она спрятала голову на его груди. — Она всё время говорила мне что девушка должна беречь свою честь и не давать парню до свадьбы. А я... я, наверное, плохая дочь... Потому что мне ни капельки не стыдно, что у нас с тобой это случилось на первом свидании. Наоборот, я очень этому рада! И ещё больше рада, что такой сладкий секс у нас теперь будет чаще. Верно, Гюнтер? — Лаура подняла голову, чтобы посмотреть на его лицо.

— Конечно, Лаура! Даже не сомневайся! — поцеловал он её. — Каждую ночь и, возможно, днём.

— Ты такой красивый... добрый... умный... сильный... развратный! — смеясь, перечислила она.

— Я сейчас умру от гордости! — пригрозил Гюнтер. — Кстати, ты начинай готовиться к переезду. Что ты скажешь маме?

Она задумалась, а её рука бесконтрольно начала поглаживать его тело.

— Скажу, что мы с подругами решили снять квартиру и поселиться вместе. Она, конечно, захочет узнать подробности, поэтому подговорю некоторых из них, чтобы они прикрыли меня. Мне немного стыдно лгать матери, но она будет явно против того что мы с тобой станем жить вместе, а отказаться от тебя я не могу и не хочу. Это сильнее меня.

— Хорошо. Только много одежды с собой не бери. У меня есть некоторые сбережения, поэтому скоро сходим в магазин и пополним твой гардероб. С обувью то же самое... — предупредил Гюнтер. А то ещё наберёт десять чемоданов, придётся грузовик нанимать.

— Я поняла. Ах, как не хочется вставать с тебя, но надо. Уверена, фрау Кох уже ищет меня и подозревает где я нахожусь... — нехотя, со стоном, она сползла с Гюнтера и начала поправлять форму. — Ну вот, опять трусики мокрые, а запасных нет... — засмеялась Лаура.

— А ты без них ходи! — дал совет Гюнтер. — Вдруг понравится?

— Как это, без них? — Удивилась девушка. — Это же неприлично!

— А кто узнает? Под платьем не видно, только мы с тобой это знаем. А тем временем

трусы высохнут и перед уходом домой ты их оденешь... — улыбаясь, соблазняя Гюнтер.

Лаура задумалась. Стрельнула в него взглядом.

— Гюнтер, это твоя очередная развратная идея?

— Вовсе нет! Просто таким образом ты сможешь высушить трусы, а не ходить в мокрых! — с серьёзным видом ответил он.

— Ладно, я попробую! — Она снова подняла форму, стянула трусы и засунула в карман халата. — И всё-таки, мне кажется, ты что-то задумал..

Тут без стука открылась дверь и в палату зашла фрау Кох. Она быстро окинула взглядом помещение, Гюнтера, и остановила взор на медсестре.

— Так я и думала! Лаура, ты опять здесь? Что на этот раз случилось у герра Шольке? — насмешливым голосом спросила она Лауру.

— Э... Герр Шольке... — замялась девушка.

— Фрау Кох, я попросил Лауру отнести книжку обратно на регистратуру. Я её прочитал... — спас её Гюнтер, он достал слезливый роман, который бросил после первых страниц, и показал старшей медсестре.

Та посмотрела на книгу, Лауру и, после некоторого колебания, кивнула.

— Хорошо, пойдём, Лаура. Отнеси книгу обратно и сразу ко мне, у меня для тебя есть куча работы.

— Да, фрау Кох! — Лаура взяла книгу и, успев подмигнуть ему, удалилась вместе со своей начальницей.

Гюнтер же, после их ухода, почувствовал, как на него навалилась сонливость, а раз делать пока было нечего, решил вздремнуть до обеда. Утро было замечательное, дай Бог, и до вечера будет также. Он повернулся набок и через пару минут только лёгкий храп нарушал тишину в палате.

Наступил вечер. Гюнтер хорошо выспался, поужинал, и находился в отличном расположении духа. Размышляя, чем бы заняться, он решил спуститься вниз и прогуляться по территории клиники. Но ему снова помешали. Уже собираясь выходить, Гюнтер увидел, как дверь открылась, и в палату вошёл доктор Венцель, старый знакомец.

Он был слегка взбудоражен и, не ожидая приглашения, сам подвинул себе стул и уселся напротив Гюнтера. Тот настороженно посмотрел на него, так как знал о желании доктора углубиться в регенеративные особенности Гюнтера и Алекса. Но тот сбежал, и Гюнтер подсознательно опасался, что неуёмный исследовательский зуд Венцеля обратится на него.

— Как ваше самочувствие, Гюнтер? — начал разговор доктор.

— Как нельзя лучше! Полностью здоров и горю желанием поскорее вернуться на службу. Я в вашем заведении уже второй раз за неделю и, несмотря на хороший уход, хочу снова быть с той стороны вашего забора... — пошутил Гюнтер.

— Понимаю... — задумчиво протянул Венцель. — Я насчёт этого и хотел с вами поговорить.

Гюнтер напрягся ещё больше.

— Что, какие-то проблемы, доктор? Учтите, быть вашей лабораторной мышью я не намерен! — заранее пресёк Гюнтер докторские поползновения.

— Дело не в этом. Сегодня днём мне позвонили из канцелярии фюрера и намекнули, что если вы относительно здоровы, то ваше присутствие здесь бессмысленно... — он вздохнул и, встав со стула, начал прохаживаться по палате.

— После этого звонка, мы собрали консилиум и почти все мои коллеги, ознакомившись

с вашими результатами анализов, рекомендовали уже завтра выписать вас. Вопреки своему мнению, я вынужден подчиниться... поэтому, готовьтесь, завтра, ближе к обеду, вы уже будете с другой стороны нашего забора... — пошутил в ответ Венцель.

— Спасибо, доктор! — воспрянул духом Гюнтер. С души словно тяжесть упала. — Ничего, вот найдётся мой друг, я лично приведу его к вам, чтобы вы хорошо вылечили его от дурацких поступков! Сбежать от такого доктора... — с показным огорчением ответил улыбающийся Гюнтер.

Венцель, собирающийся уже уходить, остановился и его лицо прояснилось.

— Кстати, хорошо что вы напомнили! Я выяснил кое-что про вашего друга.

Гюнтера словно окатило жаром, и он впился взглядом в доктора, который снова сел на стул.

— Очень интересно... Говорите же! Я очень беспокоюсь за его судьбу! Надеюсь, он жив? — с почти неподдельной тревогой спросил он.

— Хм... Скорее всего... — заколебался Венцель.

— Как это? — не понял Гюнтер.

— Позвольте, я расскажу по порядку. Когда ваш друг сбежал от нас, я позвонил в полицию. К счастью, там, на довольно высокой должности, работает мой бывший пациент, до сих пор испытывающий ко мне благодарность за... хотя, это сейчас не важно... В общем, оказалось, человек, очень похожий по приметам на вашего друга Дитриха, напал на двоих патрульных возле советского посольства, смог обезвредить их, и прорвался внутрь..

Удивлённый Гюнтер молча смотрел на него, пытаясь переварить информацию.

«Ну, Алекс!.. Ты действительно удивил меня. А я ведь не верил что ты сможешь не попасться... Вот хитрый сукин сын!» — покачал головой он. Помимо воли, он почувствовал некую гордость за упрямого русского, который, находясь в чужом городе, сумел проделать такой финт.

— То есть, теперь он сидит там, у русских? — задумчиво спросил он доктора.

— Предполагаю что так. Если, конечно, они уже не выдали его обратно нашим властям... — ответил Венцель.

— Ясно. Спасибо, доктор! Теперь я хотя бы знаю где он... — Гюнтер сделал вид что зевнул. — Пожалуй, я пораньше лягу спать..

— Понимаю, Гюнтер. Что ж, не буду мешать. Рад, что смог прояснить для вас судьбу Дитриха. Спокойной вам ночи! — Венцель встал и направился к двери.

После ухода доктора, Гюнтер и не думал спать. Он напряжённо размышлял, что теперь ему делать.

«Значит, он там... Допустим, он рассказал о нас. Каковы действия русских? Ну, до меня они вряд ли доберутся. А вот его могут решить вывезти в Россию. Вот только поверили ли ему? Я бы не поверил без доказательств. А какие он может предъявить доказательства? Планов нападения на СССР пока нет. Значит, только пустые слова... Этого мало. Рассказать о наших планах про Францию и другие страны? А он их знает? Пока мы общались в Сети мне показалось, Алекс не слишком ориентировался в ситуации на других фронтах. Хорошо, буду считать, что знает. Тогда что? Могут просто выкачать из него информацию и выбросить... Тем более, сейчас наш фюрер и их Сталин друзья, зачем ссориться из-за перебежчика? Кстати, это ещё зависит от того, что именно он рассказал и о чём умолчал. Но даже, если они всё-таки решат вывезти его в Москву, то как? Открыто или тайно? Вот же Алекс, русский пройдоха..»

Гюнтер повернулся на бок и уставился в стену, не видя её.

«Но даже не это главное! Что делать мне, вот в чём вопрос! Вроде бы, я должен немедленно бежать к фюреру и поднять тревогу... в моего друга вселился тайный коммунист из будущего, поклонник Сталина. Ни в коем случае не выпускать из страны! Так-то оно так, вот только... Возникнет вполне логичный вопрос: а что же ты раньше молчал, дружище Гюнтер? Почему допустил такую ситуацию? Не знал? А теперь вдруг узнал? Или внезапно вспомнил? Что-то подозрительно, герр Шольке! Давай-ка позовём герра Мюллера, вдруг ты ещё что-то забыл? Или может, вы сообщники и ты, Гюнтер, нам нагло врал, сливал дезу в каких-то своих целях? Меня возьмут под подозрение, посадят в клетку, будут пытаться и прощай, свобода и девочки... Что ещё хуже, решат что все мои предложения фальшивка и сделают всё наоборот! Это будет полный провал! Нет, так нельзя! Смертельно опасно!

Тогда молчать? Например, его даже смогут вывезти... Но вот поверят ли ему Сталин и шеф НКВД? Мне же фюрер поверил, почему нет? Но Гитлер склонен к мистике, а вот усатый Сталин рационалист и не верит в потустороннее. Ему подавай доказательства, а их пока нет! Значит, бросят его в тюрьму. Или я чего-то не знаю? Ладно, возьмём худший вариант. Сталин, вопреки всему, поверил ему и... что тогда? Скорее всего, начнёт делать то же что и я. Вот только получится ли у него? Беглый немец, пусть и с хорошим русским языком. Не знает жизни в Советском Союзе, друзей и родных нет, совсем один... К тому же будет всё время под подозрением... Шанс хотя бы повторить то что сделал я, очень мал... Сложный выбор. А если просто пока выждать? Посмотреть на ситуацию? Если у русских ничего не будет меняться, значит, у него ничего не получилось. А вот если наоборот... То придётся что-то делать. Всё равно сейчас я никак не смогу действовать, не опасаясь сдать сам себя. Или есть другой выход? Тогда, кто-нибудь, подскажите мне!..»

Москва.

14 апреля 1940 года.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

— Фамилия, имя, отчество. Год рождения? — голос у спрашивающего был приятным, каким-то грассирующим.

— Самсонов Александр Григорьевич. 1995 года рождения.

Хоть Саша и следил за лицом посетителя внимательно, но так и не заметил никакой внешней реакции на странную дату его рождения. Хорошо владеет собой гэбист.

— Место жительства? Партийность?

— Город Москва, беспартийный. — Ему стоило труда не усмехнуться при этом. Интересно, они всерьёз рассчитывали, что он коммунист и бредит идеями Ленина-Сталина? Или это стандартный вопрос?

— Расскажите, каким образом вы оказались Дитрихом Краузе, сотрудником германской полиции?

Саша тяжело вздохнул.

— Послушайте, я уже это всё рассказывал вашему следователю Жукову, у него есть все мои показания... — тут он вспомнил, что сделал с этим Жуковым и опять вздохнул. Да уж, славно он покуролесил напоследок, сам от себя не ожидал. Кто бы рассказал про такое, в жизни не поверил... Разве что спросил бы, что тот курил — клей «Момент» или траву? Интересно, что ему будет за такое? Ясно, что ничего хорошего..

Новый следователь посмотрел на него. В его взгляде Александр не сумел ничего прочитать.

— Отвечайте на вопрос.

— Я, вместе со знакомым, погиб в своём мире, во время драки с бандитами, и меня... точнее, нас, почему-то закинуло сюда, в тела двух немцев. Не знаю, как это произошло и почему, но это случилось. — Саша устал, несмотря на то что лежал на кровати. Допрос начался утром, вместо завтрака, и живот недовольно бурчал, намекая, что все важные дела надо делать уже после его ублажения, а не наоборот. Александр был с ним полностью согласен, вот только у других людей были совершенно иные намерения.

Этот новый следователь, старший майор НКВД Савелий Круглов, был плотно скроен скуп в движениях, а глаза какие-то полусонные, словно он всё время хочет спать. Действительно не высыпается или такая маска? Да плевать..

— То есть вы, в 2019 году, приехали из Москвы в Берлин к своему знакомому, Гюнтеру Хаусманну, который был тайным фашистом. Верно? — снова это ничего не выражающий взгляд.

— Да.

— Зачем? — Хм, казалось бы такой простой вопрос, вот только ответ на него очень опасен. Прямо напрашивается вариант — потому что ты, Саша, сам фашист, только русский, и приехал к своему идейному другу. А что, вполне логично! Александр фыркнул.

— Решил посмотреть Германию, рейхстаг... Всё-таки, памятное место для нашего народа.

— Чем именно?

— Наши солдаты расписались на его развалинах после Победы над Германией.

— Которая была, в вашем понимании, 9 мая 1945 года? — теперь этот взгляд уткнулся ему куда-то в переносицу.

— Верно. Так и есть.

— Значит, все ваши сведения, в том числе и о, якобы, нашем разведчике Зорге, вы почерпнули из будущего, которое для вас настоящее? — Саша невольно посмотрел на старшего майора с неким уважением. Надо же, обладает развитым и незапоренным интеллектом, умеет фантазировать... Уже неплохо, не то что тугодум Жуков.

— Было настоящим. Теперь уже оно, как и для вас, будущее. Вот только, боюсь, оно может измениться... в худшую для нас сторону! — помрачнев, уточнил Саша.

— Вы имеете ввиду, что ваш друг, Гюнтер Хаусманн, обладая такими же знаниями как и вы, может попытаться повлиять на германского фюрера Адольфа Гитлера и исход будущей войны между нашими странами может быть другим?

— Именно. В самую точку! — кивнул Александр. Что ж, этот обладатель бассирующего голоса не лишён логики и поразительно быстро ориентируется в такой необычной ситуации.

Круглов взял один из листов, лежащих в папке перед ним, и уточнил:

— Но вы утверждали, что этот Гюнтер, рассказывая вам о своих будущих планах, упирал на то, что он попробует переубедить Гитлера и тот не нападёт на нас? — немигающий взгляд не оставлял его без внимания, словно отслеживая все эмоции Саши.

— Дело в том... — Александр запнулся. — Он мог мне и соврать, понимаете? Чтобы усыпить мои подозрения... Чтобы я не дёргался из клиники. Или сам был уверен что сможет это сделать. Но... Я не верю, что у него получится переубедить Гитлера. Тот же маньяк, ненависть к нашей стране у него в крови! Их фюрер считает нас унтерменшами, животными, незаслуженно владеющими огромными территориями и ресурсами. А Гюнтер... мне кажется, он идеализирует Гитлера.

— Понятно. Скажите, в том будущем, из которого вы, якобы, перенеслись, кто находится у власти в СССР? — вот это вопрос... Придётся идти по тонкому льду. Эту часть откровений он ещё никому не рассказывал, неудивительно, что Круглов считает коммунизм вечным. И что сказать? Соврать, что правит страной генеральный секретарь Зюганов, а Путин оппозиционер или его верный соратник по партии? Опасно, начнутся уточняющие вопросы, и он банально засыплется, будучи вынужден на ходу сочинять несуществующие события, а с импровизацией у него по-прежнему глухо. Нет, лучше не врать, сказать правду, даже если следаку это не понравится.

— Хм... У власти находится президент Путин. Он выходец из КГБ... это организация, переименованная из НКВД. По сравнению с предшественниками он более адекватен и пытается хоть что-то делать в стране. Не всё получается, конечно... — развёл руками Саша. — А страна... Страна называется не СССР, а Российская Федерация... — словно обрыва спрыгнул.

Наступило молчание. Круглов неподвижно сидел и смотрел на него, не шевелившись. По глазам ничего нельзя было угадать, владел собой этот гэбист отменно. Наконец, он заговорил:

— Президент, значит... Российская Федерация... А куда же тогда делся СССР? Что с ним случилось? — вопрос прозвучал спокойно, но Саше показалось, что голос слегка

дрогнул.

— Он... развалился. Точнее, развалится через 51 год. — с трудом выговорил Александр. Он понимал Круглова. Человек искренне верит в коммунизм, уверен в светлом будущем и тут на тебе... Говорят, что твоей страны через полвека не будет и все твои усилия напрасны. Получается, жизнь прожита зря?

Следователь отвёл от него взгляд, встал и подошёл к книжной полке, задумчиво рассматривая корешки книг. Провёл по ним рукой, словно стирая пыль. Саша, наблюдавший за ним, был уверен, что Круглов сейчас даже не видит этих книг, весь во власти того что услышал от него.

Наконец, он обернулся к Саше и спросил:

— Вот так просто взял и развалился? — голос его снова был абсолютно спокоен.

— Не совсем... На самом деле, там было несколько причин. Верхушка партии выродилась, плюнула на свои идеи и погналась за материальными благами. Впрочем, среди среднего и низшего руководства партии и комсомола тоже было много приспособленцев, которые громко кричали одно, а делали прямо противоположное. Ну и конечно, не обошлось без наших заклятых «друзей» из-за океана... — Александр замолчал, но тут же добавил. — Товарищ следователь, если говорить на эту тему, тут нужно много времени, да и не владею я всеми нюансами, родился ведь уже после развала, в новой России.

— Хорошо, мы ещё вернёмся к этому. Другой вопрос: как я понял, вы не разделяете коммунистических взглядов. Так? — хоть вопрос и был задан обычным голосом, Саша как-то почувствовал, что от ответа на него будет зависеть и отношение к нему. Часть сознания кричала, что надо обязательно назваться коммунистом, убедить следователя что он свой в доску. Но Саша знал, что не сможет сыграть убеждённого коммуниста. Не знает статей и речей не то что Маркса, Энгельса, но даже Ленина или Сталина. Да и не хотелось ему врать, зная, что потом это всё равно выйдет ему боком и подорвёт доверие к его словам. А значит, как бы не было хреново, надо сказать правду.

— Нет, не разделяю! — спокойно подтвердил он, продолжая смотреть Круглову в лицо.

— Ясно. В принципе, я это уже понял. Хорошо, что вы не стали пытаться водить меня за нос и сразу признались в своём антисоветизме... — следователь снова уселся за стол и опять уставился на Сашу.

— Скажу вам откровенно, Александр Григорьевич. Положение ваше довольно серьёзно. Вы только что сознались в том что являетесь явным антисоветчиком. Перед этим устроили бунт в камере допросов и убили нашего сотрудника, заодно, ранив ещё нескольких. За половину этого списка мы имеем полное право расстрелять вас, либо отправить в лагерь. Не знаю, какое решение примет руководство в отношении вас, но вряд ли оно вам понравится. Ваши показания я передам наверх, ждите! — с этими словами, Круглов встал, одёрнул форму и вызвал конвой.

За те сутки, что прошли после разговора с врачом, состояние Александра продолжало довольно быстро улучшаться. Регенерация тому виной или что, но теперь он мог передвигаться по коридору сам, пусть и медленно. И теперь, направляясь в медицинский блок, Саша гадал, кому передаст Круглов его показания и какое будет решение насчёт него.

Берлин.

14 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Вот и закончилось его второе пребывание в гостеприимной клинике. Гюнтер, уже одетый в форму, проверил расположение пряжки ремня, фуражки и подхватив лёгкий ранец, вышел из палаты. Откровенно говоря, он надеялся утром встретиться с Лаурой, но та куда-то пропала, а доктора Венцеля спрашивать не хотелось. Спустившись в канцелярию, он узнал от словоохотливой служащей, что его документы на выписку скоро будут готовы и ему лучше подождать в холле.

Уже внизу, Гюнтер подошёл к открытой настежь двери на улицу и с наслаждением втянул свежий воздух, напоенный солнцем, свежестью и другими запахами улицы. Весна всё сильнее завоёвывала природу, многие пациенты и сёстры ходили в парке в одних пижамах и халатах. Подышав немного, он вернулся в холл и устроился на кресле, в маленьком закутке, откуда его с трудом было заметно. Делать было нечего, кресло удобное, и он решил подремать, прежде чем выйдет наружу и отправится домой, навестить родителей, как и обещал.

Гюнтер уже начинал проваливаться в лёгкую дрему, когда услышал отдалённые, быстрые шаги. Похоже, несут его документы. Он хотел встать, но тут стук каблучков оборвался совсем рядом с ним, а за угол заглянула голова недоумённой Лауры.

— Ой, вот ты где, любимый! А мне сказали, что ты ждёшь в холле, я пришла и не увидела тебя..

Она подошла к нему, нагнулась и жарко поцеловала в губы. От этого страстного поцелуя девушки, Гюнтер почувствовал, что опять начал возбуждаться. Усиливал это чувство и её запах тела, волос, будоражащий воображение. Схватив проказницу, он посадил Лауру на колени и крепко обнял, зарывшись лицом в её волосы. Девушка засмеялась:

— Гюнтер, мне щекотно! Кстати, а что это снизу в меня упирается? — кокетливо спросила она, слегка поёрзав на его ногах.

— А ты проверь! — парировал Гюнтер. Пользуясь тем, что они сидели в закутке, его рука проникла ей под форму, поглаживая гладкое бедро. Лаура вздрогнула:

— Милый, не сейчас... Нас могут увидеть... — вопреки своим словам, она снова начала ёрзать на его коленях и не стала одёргивать форму. Лицо слегка покраснело, а в глазах, устремлённых на него, появилась поволока, показывающая, что его девочка начинает возбуждаться.

— Ты почему утром не пришла ко мне, чертовка? — тихо спросил её Гюнтер. — Мне очень нужна была твоя помощь.

Лаура хихикнула и спрятала лицо у него на груди.

— Извини, любимый... Фрау Кох надавала мне работы и я не смогла прибежать к тебе. Честно, я бы с удовольствием! Но она всё время была рядом... Прости меня! — грустно закончила она.

— Ладно уж, так и быть... Добрый я сегодня... — усмехнулся Гюнтер, балдея от ощущений сидящей на нём красивой девушки. — Кстати, расскажи-ка мне о своих ощущениях когда вчера ходила без трусов!

— Тсс! — зашипела девушка и густо покраснела. — Не говори так громко... — Она замялась, быстро выглянула из закутка и зашептала:

— Сначала было так непривычно... Я жутко стеснялась. А потом меня захватила работа, я как-то забыла про это и вспомнила только когда собралась домой. Знаешь... — она задумалась. — Интересные ощущения..

— Вот и хорошо! — одобрил Гюнтер. — Настанет тепло, часто будешь так ходить... — смеясь, продолжил он.

— Почему? — удивилась девушка.

— А так удобнее для нас! Трусы мокнуть не будут, да и вентиляция между ног... — не сдержавшись, Гюнтер захохотал.

— Дурак! — хлопнула его Лаура по груди, и сама рассмеялась. — Ты всё время думаешь о сексе и пошлишь? Боже, в кого я влюбилась?.. — покачала она головой.

— Ничего, я и тебя сделаю такой же, моя малышка! — с грозным видом шутливо пообещал он.

— Всё, пропала скромная Лаура... — горестно закрыла она лицо. — Погибла безвозвратно... — и улыбнулась. Они снова слились в поцелуе. Гюнтер чувствовал, что его самообладание начинает рушиться, ещё немного, он плюнет на всё и возьмёт свою девочку прямо тут.

Спасение пришло как нельзя вовремя... или наоборот, смотря с какой стороны смотреть. Появилась та самая служащая и, вежливо улыбаясь, передала ему документы. Лаура, успевшая привести себя в порядок всего за несколько секунд, смотрелась как образец целомудрия, и если бы не блестящие шальные глаза, Гюнтер ни за что бы не понял чем она занималась совсем недавно.

— Ну... мне пора, милая! — он привлек её к себе. Они стояли возле самой двери выхода. То и дело проходившие мимо медсёстры с любопытством посматривали на них, но Лауре, похоже, было всё равно, Гюнтеру тем более.

— Люблю тебя! — снова призналась Лаура.

— Я тоже, любимая! Кстати, когда у тебя выходной? — вспомнил он, что хотел узнать.

— Послезавтра, во вторник. А что? — с любопытством спросила девушка.

— Как что? Во вторник я жду тебя в своей квартире. Ты переезжаешь ко мне. Забыла? — Гюнтер с показным удивлением посмотрел на неё.

— С удовольствием, любимый! Такое я ни за что не забуду! — горячо ответила Лаура и сама крепко прижалась к нему. Ощущение её близкого, родного тела наполнило его душу счастьем.

— Отлично! Буду ждать! Пока, моя девочка! — он мягко освободился из её объятий и, пару раз оглянувшись, пошёл к воротам.

Лаура, счастливо улыбаясь, помахала ему рукой. Выходя за ворота, Гюнтер радостно подумал, какая же у него красивая, сексуальная, хозяйственная девушка. Он не знал за что ему такое везение, но намерен был сделать всё, чтобы оно продолжилось.

Тот же день, вечер.

Гюнтер лежал на кровати в своей комнате и смотрел на родные стены, как бы заново узнавая их. Плакаты с Марикой Рёкк, Лидой Бааровой и других звёзд этого времени украшали стены. Особое место занимала большая фотография Макса Шмелинга, выдающегося германского боксёра-тяжеловеса. Гюнтер знал, в прошлом году Макс завербовался добровольцем в парашютно-десантные войска Рейха, и будет участвовать в десанте на Крит. Одно время он был его кумиром. Теперь Гюнтер немного охладел к нему, но Макс всё равно был для него неким авторитетом.

Тихо тикали часы на стене, слева от окна стоял книжный шкаф, набитый книгами, которые он почти не читал. Сама обстановка комнаты, знакомой с детства, умиротворяла,

погружала в сонную нѳгу, казалось, что все проблемы остались где-то там, на улице, а здесь было спокойствие и никаких хлопот.

Домой он добрался без происшествий, радостная мать обняла его и тут же начала звонить подругам, приглашая их вечером к себе. Гюнтер не слишком любил присутствовать на таких встречах но, ради матери, иногда оставался. Вот и сегодня, гости уже начали приезжать, если судить по невнятному шуму голосов за стенкой. Он пока решил сидеть в комнате, мать позовѳт его позже, когда еѳ подруги уже успеют наговориться и слегка расслабятся. Его отец, как всегда в таких случаях, срочно собрался и куда-то ушѳл, скорее всего, к другу, выпить пива и обсудить политику.

Погрузившись в размышления, он не сразу заметил свою мать, которая открыла дверь в его комнату и позвала его:

— Сынок, ты не спишь? — еѳ голос был слегка с хрипотцой, так всегда бывало, если она выпивала пару бокалов вина.

— Нет, просто задумался... — отозвался он, вставая. — Что, уже зовут? — усмехнулся Гюнтер.

— Да. Ты уж извини, но они видели твоѳ фото в газете и хотят, чтобы ты рассказал им подробности... — виновато ответила мать. Она была в нарядном, вечернем платье, очень красивая, умело покрашенная и со сложной причѳской. Интересно, почему отец такой слепой, и не видит какая у него красивая жена? Дождѳтся, что это увидит кто-то другой, и станут у него расти невидимые рога. В таком случае, это будет и его вина.

Марианна уговорила его надеть форму, по еѳ словам, так он будет выглядеть ещѳ колоритнее. Гюнтер согласился, отказавшись только от фуражки. Не хватало ещѳ носить еѳ и дома. Пройдя вслед за матерью в гостиную, где сегодня решили собраться еѳ подруги, он вежливо поздоровался:

— Добрый вечер, фрау! Как у вас дела?

За большим столом, кроме матери, сидели три женщины. Судя по пустым тарелкам и почти пустой бутылке вина, дамы уже вполне освоились за столом и слегка заскучали.

Одна, лет 45, была довольно полной женщиной, одетой в аляповато-красное платье и короткими кудрявыми волосами. Она, окинув его взглядом, улыбнулась, и продолжила терзать жаркое на большом блюде. Гюнтер знал, что еѳ звали Кристина, это была жена одного полковника-снабженца. Скорее всего, по продовольственной части, так как наестъ такую фигуру было бы легче всего именно с таким мужем.

Другая, маленькая и худенькая, даже меньше Лауры, на вид около 40 лет, доставала ему всего до груди. Она вся была какая-то юркая, бойкая, ни минуты не могла усидеть на месте, да и разговор поддерживался, в основном, еѳ усилиями. Эту женщину он не помнил, но мать назвала еѳ Матильдой.

Больше всего его внимание привлекла третья особа, по-видимому, больше всего выпившая. Ростом она доставала ему примерно до носа, пусть и на каблуках. Элегантное, чѳрное, длинное платье с вырезом на боку до середины бедра, выгодно подчѳркивало стройную, несмотря на возраст, фигуру. Гюнтер сразу еѳ вспомнил. Это была Ханна Грубер, занимавшая немаленькую должность в рейхсминистерстве пропаганды Геббельса. Насколько он помнил, еѳ муж ничем особенным не выделялся, он просто был. Но Гюнтер вспомнил не только это. Именно она была той любовницей отца, которая раньше иногда приходила к ним, целовала его в щѳку на прощание и просила не говорить матери о еѳ визитах.

Изысканная причёска, красивое лицо и какое-то неуловимое выражение порока... — это всё была она, Ханна. В нескромном декольте её чёрного платья Гюнтер заметил красивую грудь, от которой было трудно оторвать взгляд. Также он вспомнил, что именно она часто любила во время таких застолий смущать его и подшучивать с определённым смыслом. Прежний Гюнтер старался побыстрее вырваться от неё и уйти в свою комнату. Сейчас она сидела, откинувшись на спинку стула, и пьяно улыбалась, глядя на него. Неужели с одной бутылки на троих она так окосела? Но, присмотревшись, он понял что ошибся. На полу, в углу, стояли ещё две пустые. Теперь понятно, почему она в таком состоянии..

— О, наконец-то к нам присоединился Гюнтер! Как ты, мальчик? — она встала и, нетвёрдо ступая, подошла к нему. Смесь запахов алкоголя и духов достигла его носа. Чтобы утвердиться, Ханна вцепилась в его руку и прижалась к нему.

— Ханна, по-моему, тебе уже хватит вина на сегодня... — произнесла его мать. Она подошла к ним и попыталась взять подругу под руку, но та сильнее вцепилась в Гюнтера.

— Марианна, оставь меня! Со мной всё в порядке. А если что, Гюнтер поможет мне. Да, мальчик? — Её голос временами становился слегка несвязным, но, как ни странно, несмотря на опьянение, женщина хорошо владела собой.

— Фрау Грубер, я уже давно не мальчик... — вежливо улыбаясь, ответил он, несмотря на некоторое раздражение от такого обращения.

— Неужели? А как докажешь? — она подняла к нему лицо, пытаясь сфокусировать взгляд, но это не слишком у неё получилось.

— Ну хватит, Ханна! — голос матери похолодел. — Думаю, тебе пора домой, уверена, твой Ульрих уже волнуется за тебя.

Ханна сморщилась и взмахнула рукой. От этого движения лямка платья на плече едва не сползла вниз, но женщина не заметила.

— Брось, подруга... Ты отлично знаешь, что ему уже давно плевать на меня. И мне на него тоже! — громко добавила она. — И вообще... да пошёл он!

Женщина перевела взгляд на Гюнтера и снова улыбнулась.

— Если ты не мальчик, а мужчина, проводи даму в ванную, я хочу умыться перед отъездом. Или ты опять сбежишь, как раньше? — прищурилась она.

— Нет, фрау Грубер, не сбегу. Пойдёмте... — он двинулся в сторону ванной комнаты, таща за собой Ханну.

Добравшись до нужного помещения, Гюнтер завёл фрау внутрь и хотел выйти, но женщина снова вцепилась в него.

— Гюнтер, поддержи меня, пожалуйста... я боюсь упасть.

— Хорошо, фрау Грубер... — согласился он. Спорить с пьяной женщиной бесполезно.

— И хватит называть меня так официально! Для тебя я просто Ханна... Договорились? — она слегка пошатнулась и если бы не его руки, вполне могла свалиться в ванну или на пол.

— Да, Ханна.

— Надо же, какие у тебя сильные руки, Гюнтер... Повезёт той, которую ты станешь обнимать... — грустно произнесла она, включая воду.

Несколько минут она умывалась, убрав с лица косметику. Наконец, с трудом подтащив к себе свою сумку, открыла её и попыталась что-то найти но не смогла, и раздражённо вытряхнула содержимое сумки в раковину.

— Чёрт... где же эта дурацкая помада? — видимо, зрение её плыло, и она в упор не

видела красный тюбик, лежащий с краю.

— Ханна, вот она! — помог ей Гюнтер, подавая предмет.

— Спасибо... — женщина попыталась накраситься, но руки дрожали и, в конце концов, она оставила эту затею. Внезапно Ханна бросила помаду обратно в раковину, выпрямилась и навалилась на него спиной. Гюнтер вынужден был крепко взять её за талию, чтобы удержать.

— Скажи, Гюнтер... только честно, ладно? — её голос стал просительным.

— Ладно, Ханна. Обещаю... — Что она опять себе придумала?

— Я ещё красивая? Или всё... старуха дряхлая? Только честно, ты обещал! — её глаза смотрели на него через зеркало.

Гюнтер смотрел на неё и знал что сказать. В отличие от многих парней его возраста, он вовсе не считал женщин в районе 40–45 лет старухами. Особенно, если они следили за собой и оставались привлекательными. Внешность Ханны, даже в таком виде, отвечала его вкусам, напоминала Milf, поэтому его ответ был уверенным:

— Конечно, Ханна! Ты очень красивая!

Та улыбнулась, видимо, почувствовала что он не врёт.

— А что именно тебе нравится?

Гюнтер, улыбнувшись в ответ, начал перечислять.

— У тебя красивое лицо с живыми глазами. Стройная фигура, на которую приятно смотреть и ещё лучше обнимать. На этой фигуре очень сексуальное платье с глубоким декольте и большим вырезом. Длинные ноги на каблуках и в чулках. Запах духов. В общем, ты вся очень хороша, Ханна! — говоря весь этот монолог, он чувствовал как её рука, словно случайно, прошлась по его бедру и медленно поползла к члену, который уже начал оживать. Гюнтер не стал мешать, ему было интересно, до какого предела она будет его дразнить. Похоже, под влиянием алкоголя, Ханна осмелела и позволила себе больше чем обычно. Что ж, посмотрим, что она ещё сделает..

— Я чувствую, что ты не лжёшь мне, Гюнтер... — её голос тихо шептал, а глаза через зеркало продолжали смотреть на него. Внезапно она медленно облизнула губы. — Но осталось ещё одно доказательство, чтобы я окончательно тебе поверила... — Её рука, наконец, добралась до его бугра на брюках и сжала его. На мокрых губах появилась улыбка.

— Я вижу, что ты не остался равнодушен ко мне, Гюнтер. Похоже, ты и вправду уже мужчина. А доказательство... Просто поцелуй меня, Гюнтер. Всего один поцелуй... И я поверю окончательно... — голос Ханны стал еле слышен, зато рука начала нащупывать его ширинку, пытаясь расстегнуть пуговицы.

Гюнтер, сначала хотевший убрать её руку, передумал. Сыграло свою роль возбуждение от её ласк, необычная ситуация в ванной. Тут пришла мысль, что он сможет попробовать получить то же что и его отец... От этого член ещё больше окреп и Гюнтер понял, что отказаться от того что ему предлагают, он не может... да и не хочет.

Его руки сами по себе резко повернули её к себе лицом и он, посмотрев пару секунд Ханне в глаза, резко и грубо поцеловал женщину в губы. Та ответила с не меньшим пылом, их языки яростно столкнулись, пытаясь доминировать. Её рука внизу, наконец, справилась с ширинкой и, крепко вцепившись в член, вытащила его из брюк.

Ощувив тёплые пальчики Ханны на члене, Гюнтер почти потерял самообладание. Одной рукой он крепко сжал её за волосы, другой сорвал с плеч женщины обе лямки платья, обнажив груди с острыми, стоячими сосками. Платье собралось на талии, не мешая ему

любоваться женской красотой. Оторвавшись от её губ, он грубо, за волосы, опустил Ханну вниз, на колени, и буквально ворвался в рот женщины, которая сразу же стала сосать и причмокивать, жадно лаская его член. Сразу было видно, опыт в этом у неё был и немалый. Гюнтер довольно быстро почувствовал, что таким образом он скоро кончит. Не то чтобы он был против, но именно сейчас хотел по-другому.

Снова грубо подняв её за волосы, невзирая на разочарованный стон женщины, он нагнул её над раковиной так, чтобы её искажённое страстью лицо уткнулось в зеркало, и задрал длинное платье снизу. Его взору предстали длинные, довольно стройные ноги в чёрных чулках с поясом, сочная задница и... полное отсутствие трусиков.

— Вот ты шлюха... — восхищённо прорычал возбуждённый Гюнтер и с размаху шлёпнул её по ягодице. Женщина издала короткий стон и задвигала попой. Неужели понравилось? Надо проверить. Он снова размахнулся, и отпечаток его ладони оставил свой след на другой женской ягодице. Опять раздался стон, и Гюнтер увидел в зеркале, как женщина закрыла глаза и закусила губу от удовольствия.

— Тебе нравится, когда я так делаю, похотливая сучка? — он снова шлёпнул её по ягодице. Член рвался в бой но Гюнтер ещё держался.

— Боже... Нет... нет... — стонала она, извиваясь задницей.

— Сейчас проверю... — он быстро провёл рукой ей между ног и не удивился, когда та стала мокрой. Так он и думал!

— Ты соврала мне, шлюха... За это тебе... 10 ударов... Или ты признаешься? — дал ей иллюзию выбора Гюнтер, засунув два пальца внутрь.

— Гюнтер... Да... Да, чёрт... Пожалуйста... Ещё! — её стон усилился, на мгновение Гюнтер обеспокоился что их могут услышать за дверью, но вроде, всё было тихо. Дав ей обещанные 10 ударов, он убрал руки и прижался членом к её текущему влагалищу, которым она тут же хотела насадиться. Гюнтер усмехнулся и слегка отодвинулся, хотя сам сгорал от желания ворваться в эту похотливую, замужнюю шлюху.

— Открой глаза и смотри на меня в зеркало, поняла? Иначе не получишь ничего! — скомандовал он. Глаза Ханны распахнулись, она уставилась прямо на него.

— Ну же, Гюнтер... не медли... просто трахни меня! Пожалуйста! — её перекошенный рот скривился от страсти, тело ходило ходуном, но глаза неотрывно глядели на него.

— Что ж, раз пожалуйста... — ухмыльнулся Гюнтер. — Как я могу отказать такой даме? Или шлюхе?.. — с этими словами он, наконец, перестал себя сдерживать и ворвался внутрь горячей и мокрой пещеры, где его уже давно ждали. Одной рукой Гюнтер сжал её бедро, другой вцепился в её роскошные волосы, сжав их в кулаке, окончательно разрушив причёску. И начал дикую езду на покорной лошадке..

При проникновении, Ханна издала длинный стон и сама начала насаживаться на его член. Гюнтер заметил через зеркало, как губы женщины растянулись в сладострастную улыбку, она была насажена молодым красавцем, сыном её подруги, в ванной, недалеко от других людей... И ей, похоже, это доставляло ещё большее удовольствие.

Благодаря быстрому возбуждению, Гюнтер почувствовал, что вот-вот кончит и хотел уже сказать об этом, как его член сжали мышцы влагалища, и женщина захрипела, подёргиваясь от оргазма. Открыв рот и закрыв глаза, Ханна легла голой грудью на раковину и продолжала дрожать. Гюнтер, из-за такого мышечного массажа, кончил ещё быстрее чем рассчитывал и ощутил, как его сперма с непередаваемым чувством облегчения изливается внутрь Ханны.

Наконец, поняв, что всё уже кончено, он с трудом вышел из неё и присел на толчок. Ноги были как ватные, тело охватила слабость, зато было так хорошо... На его лице появилась довольная улыбка. Не ожидал что такое случится, но зато приятный сюрприз.

Застонала Ханна. Гюнтер видел что его сперма начала вытекать из её влагалища, пачкая чулки и посоветовал:

— Тебе бы подмыться, Ханна..

В ответ опять раздался стон. Женщина с трудом утвердилась на своих каблуках, надела лямки платья на плечи и прислонилась к стене. Облизнула губы и вяло посмотрела на него:

— Вот же ты удивил меня, Гюнтер... Если бы я знала что ты так умеешь трахать, то соблазнила бы тебя много лет назад... И зачем тогда ты раньше от меня сбежал? — с удивлением покачала головой.

— Раньше дурак был. Теперь исправился... — усмехнулся Гюнтер. — Давай, приводи себя в порядок и пошли, посажу тебя на такси. Скоро мать может заинтересоваться, что мы так долго здесь делаем..

— Как давно у меня не было такого секса... А уж когда кончала, вообще не помню. Мне даже сжать ноги больно... Но так приятно! — неожиданно добавила она. Женщина снова умыла лицо, попыталась сделать что-то со своей причёской, но махнула рукой. Собрала свои принадлежности в сумку и, по-прежнему, опираясь на него, вышла из ванной.

Когда они вернулись в гостиную, других женщин уже не было, только мать убирала со стола. Она посмотрела на них и спросила:

— Что вы так долго? Все уже разошлись... С тобой всё в порядке, Ханна? — она встревоженно посмотрела на подругу.

— Да, Марианна, спасибо, мне уже намного лучше! Мне очень понравилась наша встреча сегодня, надо бы почаще встречаться, верно? — она подмигнула обоим и улыбнулась. Похоже, опьянение у Ханны начало проходить.

— Мама, я сейчас посажу фрау Грубер на такси и вернусь... — сообщил он матери и повёл покорную женщину к выходу. Оделся сам. Помог надеть плащ гостье и, не сдержавшись, снова поласкал её грудь, пользуясь тем что они были возле двери одни. Ханна только улыбнулась, сама проведя ручкой по его паху.

Они вышли на улицу и неспешно пошли по ней, ожидая попутного такси. Женщина взяла его под руку и крепко прижалась к нему. Свежий вечерний воздух развеивал её волосы, улыбка не сходила с губ.

— Знаешь, я о многом хотела бы тебе рассказать, почему так случилось сегодня, но просто пока не в состоянии... Сейчас я пьяная, счастливая, и мне совсем не хочется углубляться в это. Но... скажи, могу я попросить об одной услуге? — она заглянула ему в глаза.

— Если ты о том чтобы я никому не говорил о нашей маленькой тайне, то это излишне... — ответил Гюнтер.

— Нет, я о другом... Понимаешь, кроме того что я снова хочу встретиться с тобой, у меня к тебе есть очень выгодное деловое предложение. Думаю, оно тебе понравится... — её голос стал завораживающим.

— Вот как? И какое? — заинтересованно спросил он.

— Пока не скажу, Гюнтер... — и заметив как он нахмурился, произнесла. — Ну не сердись, просто приходи завтра в наше министерство пропаганды, спроси меня на входе и тебя проведут. Я тебе расскажу в чём дело и ты всё поймёшь. Хорошо? — голос Ханны стал

ещё ласковей.

— Заинтриговала ты меня, Ханна! — помимо воли его рот расплылся в улыбке и он рассмеялся. — Договорились, завтра утром приеду. О, вот и такси!

Он быстро подошёл к машине, из которой только что выбрался какой-то штатский, и договорился с водителем. На прощание она крепко его обняла, поцеловала в щёку и прошептала всего одно слово:

— Спасибо! — села в машину и уехала.

Гюнтер проводил её взглядом и довольно усмехнулся. Что ни говори, день, да и вечер прошли замечательно, грех жаловаться. Интересно, что для него приготовила Ханна? Надо набраться терпения и он всё завтра узнает. Гюнтер развернулся и неторопливо пошёл к своему дому.

Москва.

15 апреля 1940 год.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Сегодня всё было почти так же как и вчера. Сашу привели в комнату, где его встретил всё тот же старший майор Круглов. За одним исключением. Вместе с ними, в углу кабинета, сидела за небольшим столом девушка в форме НКВД, с двумя квадратиками в петлицах. Александр подозревал, что это какое-то звание, например, сержанта или старшины. Впрочем, её звание мало его заинтересовало, в отличие от внешности.

Она была симпатичной, русые волосы аккуратно сложены в тугий узел. Округлое лицо, стройная фигура. На вид ей было чуть за 20. Перед ней, на столике, лежала стопка бумаги. На него она не смотрела и сосредоточенно возилась с маленьким карандашом, чиня грифель. Неужели какая-то стенографистка? Решили записывать его показания?

— Здравствуйте, Александр Григорьевич! Как самочувствие у вас? — своим грациозным голосом спросил следователь.

— Спасибо, нормально. А... — он вопросительно показал взглядом на девушку.

— А Катя поможет нам записать то что вы расскажете! — понял намёк Круглов. — Она подписала подписку о неразглашении, поэтому можете спокойно рассказывать и диктовать. А я буду спрашивать и уточнять... — он удобнее устроился на стуле.

— Понятно. А что рассказывать? — следователь ни слова не сказал о его дальнейшей судьбе за погром в камере, и сам Саша тоже не хотел поднимать этот вопрос, потом всё равно станет ясно, что решили на его счёт.

— Так... — он задумался. — Сначала расскажите всё, что вы знаете о событиях, предшествующих, якобы, нападению Германии на Советский Союз. Даты, участники, свою точку зрения..

Александр услышал, как застучала машинка в углу. С чего начать? События на западных фронтах он знал плохо, в основном, то что Гитлер захватит Данию, Норвегию, Францию... Но вот точная дата... По-моему, весной, то есть, совсем скоро. За пять минут он перечислил это, потом перешёл к общим основам плана «Барбаросса». Рассказал, что сам план зародится уже через несколько месяцев, а закончен в конце года, не последнюю роль в этом сыграет знаменитый в будущем Паулюс, исполнительный и послушный штабист. Поведал о аэродромах у самой границы, наглых полётах «заблудившихся» немецких разведчиков, строгих окриках из Москвы не поддаваться на провокации перебежчиков из бывшей Польши. Про общую расслабленность войск, дерзких диверсантов «Бранденбурга», переодетых в советскую форму, перед самой войной выброшенных в тыл.

Прервался только тогда, когда почувствовал, что язык стал сухим и больно глотать. Попросил воды, и Круглов молча налил ему из графина. Метнув взгляд на девушку, он заметил, как та быстро глянула на него и тут же снова уткнулась в машинку.

— Да, неприглядную картину вы нарисовали, Александр Григорьевич... — покачал головой следователь. Он с хрустом потянулся и встал, так как весь рассказ Саши сидел и почти не шевелился, только пару раз желваки на скулах катнулись. — А может, вы паникёрствуете?

— Это не паника, товарищ старший майор, а факты. И я обязан был вам их доложить, невзирая на то, нравятся они кому-то или нет... — твёрдо сказал Александр. — Иначе, если это не учитывать и просто положить в стол, то такая ситуация повторится снова. И последствия будут такими же, если не хуже! — поневоле, Саша начал раздражаться. Он им всё по полочкам тут раскладывает, а они упираются, не хотят верить... Видите ли, не нравится им такая негероическая картина. Хуже нет недооценки противника! Гитлер сделал ту же ошибку, вот и съел цианид в своём бункере.

— Допустим... Как я понял, численность, и состав войсковых группировок противника вы не знаете?

— Не знаю... Помню, что были три группировки. «Север» отвечала за взятие Ленинграда и соединение с финнами. «Центр» должен был идти строго на восток, через Белоруссию, на Смоленск и Москву. А «Юг» занимался захватом Украины и южных областей страны.

— Ясно... — Круглов забарабанил пальцами по столу. — Катя, ты успеваешь? — обратился он к девушке.

— Да, товарищ старший майор! — звонко ответила та.

— Хорошо. Тогда теперь расскажите, как всё это началось..

Александр посмотрел на него.

— Это будет неприятно слышать, товарищ старший майор... — тихо предупредил он.

— А вы за меня не беспокойтесь, Александр Григорьевич! Я много что слышал, удивить меня очень трудно! Рассказывайте... — кивнул он головой.

Саша рассказывал долго, прервавшись ещё пару раз, чтобы выпить воды. Словно наяву, перед ним вставали картины начала войны, подброшенные воображением и воспоминаниями ветеранов.

...Сброшенные взрывами с кроватей бойцы Брестской крепости... Они же, исхудавшие, в ободранной форме и полуголые, крадутся ночью с котелками и касками к Бугу, за водой, напоить раненых и прожорливые кожухи «Максимов», которым влага нужна была не меньше чем людям.

...Открытые стоянки самолётов на аэродромах, стоящие ровными линейками «ишачки» и «СБ». Падающие сверху бомбы, разносящие их на куски. Растерянные, бегущие люди в одних майках, мечущиеся в панике. Немногие смельчаки, отчаянно пытавшиеся взлететь под огнём и сбитые уже на взлёте, без высоты и скорости, «мессерами»..

...Парки и ангары с танками, вспучивающиеся под взрывами авиабомб «БТ», «Т-26» и пока что немногочисленные «Т-34» и «КВ-1». Выжившие под развалинами казарм танкисты, лихорадочно сбивающие пламя с машин и выводящие их из ангаров. Они же, с каменными лицами, поджигающие свои танки, брошенные из-за недостатка топлива и бесконечных, хаотичных маршей..

...Русскоговорящие ублюдки из «Бранденбурга», переодетые в армейскую и НКВДшную форму, останавливают машины с одинокими командирами и убивают их в упор. Отдают неверные, панические приказы мелким советским частям. Режут телеграфные провода и расстреливают связистов, посланных их починить. Врываются в деревни, под видом своих, начинают бить и стрелять в председателей и коммунистов за «трусость», насиловать женщин для создания «нужного» впечатления о красноармейцах у жителей деревни. Захват мостов и переправ..

...Радостные толпы людей в захваченном Львове приветствуют немцев, нарядные,

молодые украинки выносят хлеб и соль немецким офицерам, кокетничают с ними. А на соседних улицах националисты грабят и убивают евреев и коммунистов, тех кто не смог или не захотел эвакуироваться из города на восток.

...Окровавленные, израненные «зелёные фуражки» ведут отчаянный бой с в десятки раз превосходящим врагом и ждут помощи, не зная что её не будет, и покупающие ценой своей гибели время для развёртывания частей прикрытия границы. Когда кончатся патроны, бросаются в штыки, понимая, что шансов добежать до врага очень мало. Выжившие псы из горящих, полуразрушенных вольеров, злобно рыча, несутся вперёд и, прежде чем погибнуть под градом пуль, кое-кому из них удаётся порвать горло неудачливому «нарушителю границы».

...Усталые, оборванные бойцы, давно потерявшие связь с командованием и вчера похоронившие умершего от ран лейтенанта, обессилено залегают в пыльных кустах, с несколькими патронами для «мосинок» и одной неполной лентой для «Максима». Знающие, что уже не уйдут от надвигающегося с запада треска моторов мотоциклов и надеющиеся, только успеть выпустить всё что у них есть перед гибелью.

— Хватит!!! Прекратите! Это всё неправда! — внезапно раздался крик в кабинете. Саша и следователь вздрогнули и дружно обернулись к девушке. Та вся дрожала от гнева, по щекам её текли слёзы.

— Товарищ сержант! Немедленно успокойтесь! Что за истерика? Смирно! — опомнился Круглов.

— Товарищ старший майор, но он же... — пыталась сказать девушка.

— Я сказал — смирно! Команда не ясна?! — перебил её следователь.

— Есть... смирно... — она встала и выпрямилась, сложив руки по швам и выпятив грудь. По щекам медленно ползли слёзы. Не мигая, она смотрела поверх голов.

— Приведите себя в порядок, сержант! На сегодня свободны! Выполнять! — властный голос Круглова словно подстегнул девушку, и она бросилась бежать, даже забыв ответить по уставу.

— Мда... ну и историю вы рассказали. Даже меня пробрало... Как вживую это представил... — следователь снял фуражку и провёл рукой по голове. — И с Катей неудобно вышло. Не ожидал, что её так проймёт. У вас талант выдумывать разные ситуации... — усмехнулся он.

— Это не выдумки, товарищ старший майор. Всё, что я рассказал, это правда. И она сбудется, если вы ничего не сделаете чтобы этому помешать. К тому же... — Саша тяжело вздохнул. — Это только часть того что случится. Самые ужасные вещи я не говорил.

— Это какие? — с удивлением спросил старший майор.

— Обращение немцев с местным населением. Зверства вермахта и СС. Случаи людоедства в блокадном Ленинграде... — смотря прямо на следователя, произнёс он.

— Что? Какое людоедство? Вы совсем спятили? — с недоверием спросил Круглов.

— Нет, не спятил. Когда немцы окружили город, люди начали голодать. Главные продовольственные склады были уничтожены, жители начали есть кошек, собак, крыс... а самые опустившиеся и людей. Норма хлеба в день на одного человека, жителя города, иногда составляла 125–150 грамм. У военных чуть больше. Вы представляете себе что такое 125 грамм хлеба в день? — голос Саши дрогнул. — Нет, не представляете! И я не представляю! А люди это ели! Знаете, что ещё они ели? — его понесло, рассказы стариков, переживших блокаду, всплыли в памяти.

Круглов хотел что-то сказать, но Александра уже было не остановить.

— Они ели кожу, понимаете? Кожу сапог, ремней, курток! Ещё делали суп из мучного и строительного клея, который соскребали под обоями! Как думаете, вкусно это было?! Ах да, я забыл про деревья, их тоже ели! И при этом, даже не тронули животных в зоопарке, представляете? Умирали от голода, но не ели их! Люди умирали в промёрзших квартирах, просто засыпали и всё! Иногда целыми семьями, потому что некому было сходить за продуктами, сил не было! Умирали и прямо на улицах, когда везли на санках трупы своих детей и родителей! Блядь, да вы ни хрена не можете этого представить!!! Это надо испытать самому! Я читал дневник одной маленькой девочки, Тани Савичевой... Она сейчас ещё жива... — голос Саши дрожал, он едва удерживался от того чтобы не орать. — Эта девочка похоронила всех своих родственников, которые умирали один за другим, мать, бабушку, сестру, дядей! И знаете, что в конце она написала? «Савичевы умерли... умерли все... осталась одна Таня». Голод не отпустил её... Ослепшая, она умерла через несколько лет от расстройства кишечника.

С трудом взяв себя в руки, Саша встал и дрожащей рукой потёр шею. Круглов тоже молчал. Наконец, каким-то хриплым голосом спросил:

— И что, не могли прорвать блокаду? Не могли наладить поставки продовольствия?

— Не могли... Старались, но не могли... — на Александра навалилась какая-то усталость. — Естественно, пытались. Десятки тысяч человек ложились в землю, пытались прорвать удавку вокруг города, но немецкие солдаты не зря считались первоклассными бойцами в Европе, они хорошо укрепились и держали оборону. По замёрзшему льду Ладожского озера проложили дорогу, целые колонны грузовиков с продуктами отправлялись в город, вывозя обратно выживших. Немцы бомбили и обстреливали эту «дорогу жизни», иногда грузовики уходили под воду так быстро что водитель не успевал спрыгнуть. И при этом, жители города продолжали работать на заводах, выпускать оружие и технику... и умирали за станками. Ходили в театр и умирали во время представления... Весь город постепенно становился одним огромным кладбищем! — стукнул по столу Саша.

Внезапно, кое-что вспомнив, он зло посмотрел на Круглова.

— Но есть ещё одна мрачная и зловонная страница в этой истории... Вы, конечно, мне не поверите, но в моё время, все ваши тайны были раскрыты и я знаю что говорю!

— Вы о чём, Александр Григорьевич? — насторожился следователь.

— Дело в том, товарищ старший майор, что пока простые жители города умирали, кое-какие привилегированные лица жрали хлеб, мясо, фрукты без ограничений... По спецпайкам! Например, товарищ Жданов. Всё городское и областное руководство не знало ограничений! В столовой, в Смольном, было всё! Фрукты, овощи, икра, пирожные... Ешь, не хочу! Блядь, при любой власти находятся такие мрази, которым хочется больше чем остальным! Которые считают, что обладая связями и должностями, имеют право на лучшее питание и обслуживание, в ущерб другим! А вот хрен вам, суки! Не имеете вы права кроме как пулю в лоб, скоты вонючие! Думаете, что самые умные и вас ограничения не касаются? Ошибаетесь! Не хотите? Заставим быть как все, ублюдки поганые, не хрен высываться, когда все страдают! — в бешенстве кричал Александр, потеряв самообладание. Как же он ненавидел сейчас этих партийных чиновников, проповедующих равноправие и живущих как бары! И в своём времени и в этом были такие кадры... Рвал бы таких на части заживо!

Сильнейший удар в лицо свалил его на пол. Как сквозь туман донёсся до него голос старшего майора:

— Говори да не заговаривайся! Распустил тут язык, антисоветчик херов... Напридумывал клевету на уважаемых людей. Отдохни пока в камере... Конвой!

Берлин.

15 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Подходя утром к зданию рейхсминистерства пропаганды и просвещения на Вильгельмштрассе, Гюнтер всё пытался понять, что ему приготовила Ханна Грубер, красивая и порочная подруга матери. Но все его предположения разбивались из-за недостатка информации, и он решил не гадать, а просто дожждаться когда та сама всё расскажет.

На входе он отдал воинское приветствие охране, состоящей из его знакомых по батальону охраны СС, и вошёл в просторный холл. Помпезность и величие Рейха встречали всех посетителей здания. Над главной лестницей, ведущей на второй этаж, раскинул свои могучие крылья огромный орёл, крепко сжимающий в лапах свастику. Везде были красно-белые флаги с той же свастикой, большие пропагандистские плакаты и изречения самого Геббельса и Гитлера. Множество служащих министерства в светло-коричневой форме сновало по холлу и лестнице.

Подойдя к стойке информации, сбоку от входа, он назвал себя и попросил сообщить о своём приходе фрау Грубер. Девушка, сидящая там, подняла трубку телефона и после короткого разговора, рассказала как пройти в кабинет Ханны. Гюнтер поблагодарил и поднялся по ступеням широкой лестницы на второй этаж. Повернул налево, прошёл до самого конца коридора и постучал в массивную дверь. Раздался женский голос:

— Войдите!

Гюнтер открыл дверь и вошёл. Просторное помещение оказалось приёмной, где за столом с телефоном и печатной машинкой сидела молодая девушка в форме министерства. Она улыбнулась ему и спросила:

— Вы оберштурмфюрер Шольке?

— Верно, фройляйн. Но для вас я просто Гюнтер, красавица! — так же улыбнулся ей Гюнтер. Он решил немного поиграть с девушкой. Та покраснела и смущённо поправила волосы под пилоткой.

— Присядьте, пожалуйста, герр... извините, Гюнтер. Фрау Грубер сейчас примет вас! — она встала из-за стола, и плавно покачивая бёдрами, направилась к дверям, которые располагались сбоку от её рабочего места. Гюнтер с удовольствием посмотрел на её ладную фигурку, бёдра и ноги, обтянутые узкой юбкой чуть ниже колен. Туфли на небольшом каблуке и форменный пиджачок по фигуре завершали образ очаровательной секретарши Ханны.

«Эх, как же не подходят таким девушкам длинные юбки! Сюда бы мини, как из будущего... Или хотя бы до середины бедра. Это же преступление, скрывать такую красоту под неподходящей формой!» — мысленно возмутился он. Если бы это зависело от него, Гюнтер тут произвёл бы настоящую революцию в дресс-коде.

Тем временем, красавица-секретарша открыла дверь и исчезла внутри. Меньше чем через минуту она вышла и натолкнулась на взгляд Гюнтера, которым он, не считая нужным скрывать, снова осмотрел всю её фигуру. Слегка запнувшись, девушка взяла себя в руки,

улыбнулась, и приоткрыла дверь:

— Проходите, герр оберштурмфюрер!

Гюнтер, проходя мимо неё, подмигнул девушке, демонстративно посмотрев в вырез её пиджака и блузки. Конечно, увидеть там что либо, было невозможно, но почему бы не смутить девчонку ещё раз? После этого он зашёл в кабинет и услышал, как сзади тихо закрылась дверь.

Гюнтер огляделся. Кабинет Ханны был ещё больше приёмной, слева от входа стояли несколько шкафов с книгами и журналами. Справа два широких окна выходили на улицу, через них в тишину кабинета иногда прорывались звуки автомобильных клаксонов и шум проезжающих грузовиков. У дальней стены, напротив дверей, располагался широкий стол Ханны, за которым сидела и улыбалась ему она сама. Ещё один длинный стол с несколькими стульями, видимо для совещаний, располагался торцами ко входу и к Ханне, в виде буквы Т. На стене, над столом, висел большой портрет Гитлера.

— Здравствуй, дорогой Гюнтер! Я рада тебя снова видеть! Как состояние? Всё в порядке? — она встала из-за стола и направилась к нему. Фрау Грубер тоже была одета в форму, только без пилотки. Пиджак, юбка ниже колен, всё как положено в государственной организации. Единственное, что выбивалось из строгого образа — накрашенные красной помадой губы и чуть подведённые глаза. В остальном, она выглядела официально и деловито.

— Всё хорошо, Ханна. Ты прекрасно выглядишь, впрочем, как и всегда! — сделал ей комплимент Гюнтер. — А у тебя как дела? Твой муж что сказал когда ты вернулась?

Ханна презрительно сморщилась.

— Ничего не сказал. Да и как он мог это сделать если пришёл пьяный в третьем часу? Как я презираю это ничтожество! Не могу понять, как я могла в него влюбиться и выйти замуж? Чем думала? — удивлённо покачала она головой.

Гюнтер решил поцеловать её, но она, рассмеявшись, ловко увернулась.

— Нет, Гюнтер, я вызвала тебя сюда не для этого!

— А для чего же? — он облокотился о длинный стол и скрестил руки на груди. — Признаю, ты меня заинтриговала своим загадочным предложением. Расскажешь подробности? — к удивлению Гюнтера, ему было удобно и комфортно разговаривать с женщиной намного старше себя на «ты». И сама Ханна ничего не имела против.

Женщина села на один из стульев и посмотрела на него.

— Хорошо, не буду томить тебя. Ты знаешь, что выглядишь настоящим арийцем?

— В смысле? — удивился Гюнтер. — Поясни.

— Ты высокий, красивый, широкоплечий, с правильными чертами лица, с отличной родословной семьи, уже отличился на войне и награждён! Боже, да с такой внешностью я удивляюсь, что никто не додумался сделать с тобой то, что собираюсь я! — эмоционально воскликнула она.

— И что же ты собралась сделать со мной? — усмехнулся Гюнтер.

— Я решила прославить тебя на весь Рейх! — пафосно сказала Ханна. И загадочно улыбнулась.

— Даже так? И каким же образом? — удивлённо поднял бровь Гюнтер.

— Предлагаю тебе стать прообразом идеального солдата СС! Тем, кто с множества плакатов станет смотреть на людей и призывать их к победе, вызывая у них восторг и желание сражаться! — у Ханны разгорелись глаза, она встала и начала ходить по кабинету,

возбуждённо рассказывая про будущие перспективы. — Представь, плакаты с твоим изображением будут висеть на каждом заводе, фабрике, учреждении! На улицах люди будут любоваться твоей мужественной внешностью и знать, что в СС служат настоящие Нибелунги, для которых нет ничего невозможного! Все женщины Рейха станут тайно желать тебя, и ты..

Прервав её возбуждённый монолог, он быстрым движением поймал Ханну, притянул к себе и впился в её мягкие губы. Удивлённо замычав, она попыталась оторваться, но тут же сдалась. Положив свои руки на его шею, женщина обняла его и начала страстно отвечать. Похоже, она сама возбудилась от его будущих фото, и он правильно поймал момент. Но когда его рука начала задираť ей юбку, она застонав, с силой оттолкнулась от него и отскочила к своему столу, тяжело дыша.

— Нет-нет, Гюнтер!.. Не надо... Я на работе, тут я приличная женщина, и строгая начальница! Прошу тебя, не прикасайся ко мне, иначе закричу... — Ханна зорко следила за ним, и едва он попытался обогнуть стол, чтобы добраться до неё, она тут же сдвинулась в другую сторону.

Гюнтер, возбуждённый и немного разочарованный, усмехнулся:

— Неужели не хочешь? Не верю! Уверен, у тебя сейчас между ног потоп..

Ханна слегка покраснела и переступила ногами.

— Это неважно! Всё равно, я не хочу здесь, тут слишком опасно... — она посмотрела на него и попросила: — Дорогой, давай не здесь? Встретимся завтра? Ну, или хотя бы вечером? Я тоже хочу тебя, поверь, мне давно уже не было так сладко, но... Пожалуйста!

Немного пришедший в себя Гюнтер, подумал и коварно улыбнулся. Она решила, что победила, и он будет ждать до удобного момента? Что ж, пусть так думает, скоро убедится кто, на самом деле, победил..

— Ладно, уговорила. Меня заинтересовало это предложение. Как ты собралась это осуществить? — он отодвинул один из стульев и сел. Ханна, не спуская с него глаз, осторожно присела на своё место, похоже, опасаясь, что он снова накинется на неё. Нет, пока рано, пусть успокоится, потеряет бдительность..

— Если ты согласен, мы можем приступить прямо сейчас!

— Сейчас? — он задумался. — Ну что ж, я пока свободен... И что надо сделать?

— Мы поедem сейчас за город, на наш полевой полигон, там есть всё необходимое для съёмки! — она встала из-за стола и медленно начала обходить его по противоположной стороне от Гюнтера, направляясь к двери. Тот, усмехаясь, следил за ней и внезапно сделал вид, что хочет дёрнуться к ней. Ханна вскрикнула и отпрыгнула к двери, а Гюнтер расхохотался.

— Гюнтер, не пугай меня! — она перевела дух и улыбнулась. Открыла дверь в приёмную и властно сказала секретарше:

— Клара, мы с оберштурмфюрером едем на полигон, будем примерно через три часа!

— Я поняла, фрау Грубер! — отозвалась та.

Гюнтер вышел вслед за Ханной из кабинета и пошёл за ней к выходу, напоследок, снова выразительно посмотрев на Клару, отчего та тут же уткнулась в свои бумаги.

Они спустились вниз, где, на вызов Ханны, через несколько минут прибежал средних лет мужчина, с фотоаппаратом.

— Фридрих, у тебя всё готово? — холодным тоном обратилась к нему начальница.

— Да, фрау Грубер, я готов! — ответил тот с некоторым подобострастием.

— Отлично, мы выезжаем! — она первая зашагала к выходу, за ней Фридрих, Гюнтер замыкал процессию. Такая Ханна всё больше возбуждала его. Холодная, надменная с подчиненными... и такая горячая, развратная шлюха в сексе! Контраст ошеломительный... Он почувствовал, что снова начинает хотеть её. К счастью, сразу возле выхода стоял автомобиль, «опель-капитан», похожий на тот который сбил их. Они уселись в него, причём так, что Ханна оказалась с водителем впереди, а он с Фридрихом сзади. Наверное, опасалась, что Гюнтер начнёт приставать к ней прямо в машине... Он снова усмехнулся, если всё пройдёт как рассчитывает, то это ей не поможет.

Ехали они около часа, выбираясь из города. Наконец, последние дома пригорода остались позади и начались поля, перемежаемые группами аккуратно посаженных деревьев. Воздух посвежел, и Гюнтер приоткрыл окно, с удовольствием наслаждаясь им. Ещё через десять минут они свернули на какую-то просёлочную дорогу и выехали на большую поляну. Здесь стоял один большой барак, виднелись кучи вырытой земли, какие-то ямы, похожие на окопы. Бродило несколько человек.

Машина остановилась и все вылезли наружу.

— Так! Фридрих, готовь оборудование! Герр оберштурмфюрер, пройдите в тот барак, там для вас есть всё необходимое для работы! — она отдавала распоряжения, не сомневаясь, что они будут выполнены, а сама направилась к кучам земли.

«Какая властная... Ничего, скоро мы изменим роли! А пока сделаем вид что так и надо..» — с видимым равнодушием подумал он. В бараке оказалось два небольших склада. Один с обмундированием, где нашлись много комплектов формы для Вермахта, СС, Панцерваффе, Люфтваффе, Кригсмарине... словом, для всех родов войск. Его попросили раздеться и надеть слегка потёртую полевую форму СС, дополнив её шлемом с молниями на боку. После этого, кладовщик, или кто это там был, провёл его на другой склад и Гюнтер удивлённо присвистнул.

Тут была настоящая оружейная. Винтовки, пистолеты, пистолеты-пулемёты, пулемёты всех марок и систем которые состояли на вооружении Германии. Дополняла это разнообразие кучка гранат, с длинными деревянными ручками, знаменитые Stielhandgranate 24.

— Что, герр оберштурмфюрер, удивлены? — улыбнулся кладовщик.

— Да... Откровенно говоря, удивлён. Неужели это всё вы используете?

— Конечно! Кто знает, какое оружие понадобится? Но это ерунда... У нас ещё боевая техника есть, даже танки! — поднял палец кладовщик.

— Охреть... — тихо промолвил Гюнтер. Он не ожидал, что тут так серьёзно относятся к антуражу для пропаганды. Думал, сделают пару снимков и обратно. Да, ведомство Геббельса не зря ест свой хлеб.

Ему вручили винтовку, пистолет-пулемёт и он вышел из барака. За ним кладовщик понёс «MG-34», положив его на плечо как заправский пулемётчик. Отыскав взглядом Ханну и Фридриха, он направился к ним. Пыхтящий кладовщик следом.

— Так, хорошо! — оценивающе оглядела его женщина. — Начнём! Герр оберштурмфюрер, возьмите, для начала, винтовку, сделайте суровый вид и прицельтесь вдаль. Фридрих, снимай!

Гюнтер хмыкнул и сделал что она хотела. Всё это напоминало ему какую-то детскую игру. Но была и польза, чем популярнее он станет, тем легче будет осуществлять его планы. Он слегка расставил ноги и прицелился в одно из деревьев на опушке.

— Нет, что-то не так... — Ханна закусила свою алую губку. — Расстегните ворот на кителе и закатайте рукава! — велела она. Гюнтер подчинился.

— Так уже лучше! Фридрих, не спи!

Его сняли в такой позе. Потом заставили залезть в окоп, сняли и там. Вымазали землёй форму, шлем и заставили сделать вид будто он выскакивает из окопа, сжимая в руке винтовку. И всё это с суровым видом, прищуренными глазами. Ещё сделали кадр где он, ощерившись и сжав двумя руками винтовку, бьёт кого-то прикладом.

Затем настала очередь пистолета-пулемёта. Навесили на него подсумки с магазинами, за пояс он засунул несколько гранат, шлем сдвинул на затылок и посмотрел мрачным взглядом прямо в объектив фотоаппарата. Сфотографировали как он, пригнувшись, бежит в атаку, кидает гранаты.

Отложив «MP-38\40», Гюнтер взялся за пулемёт. Сделали кадры как он, с низко надвинутым на глаза шлемом, идёт в полный рост с пулемётом в руках, делая вид что стреляет на ходу. Потом кадры стрельбы из окопа. Закончилась эта фотосессия кадром где он, будто бы с закопчённым от стрельбы лицом, с расстёгнутым воротом и закатанными рукавами, стоит с пулемётом на плече и белозубо улыбается прямо на фотоаппарат. Снимали спереди, сбоку, сверху, снизу..

Наконец, когда он думал что уже всё, его повели к технике. Он залез в отсек «Sd.kfz.251», встал к пулемёту. Потом его сняли как он спрыгивает с брони танка "Pz. III". Бежит рядом с ним. Вытаскивает раненого танкиста, которого изобразил один из рабочих этого объекта.

Когда он уже устал, Ханна всё-таки осталась довольна, и велела готовиться к отъезду. Относя обратно на склад оружие, и переодеваясь, он спросил:

— А какую должность занимает фрау Грубер?

— О, она начальник одного из отделов второго департамента. С ней часто здороваются даже сам рейхсминистр, доктор Геббельс! — гордо ответил кладовщик.

— Понятно... — задумчиво протянул Гюнтер. В принципе, полезное знакомство. Начал обрастать связями, пошутил он сам над собой.

Уже в машине, когда Гюнтер решил подремать, Ханна отвлекла его:

— Всё хорошо вышло, уверена, фотографии и плакаты людям понравятся. Вот только не подумала взять с собой какую-нибудь девушку, чтобы изображала медсестру или просто немку... Такие кадры бы получились! — со вздохом сказала она.

Гюнтеру тут же пришла в голову мысль о Лауре.

— У меня есть одна знакомая медсестра. Если надо, думаю, она согласится на съёмки... — равнодушным голосом произнёс он.

Ханна внимательно на него посмотрела. Слегка прищурилась и холодным тоном ответила:

— Очень хорошо, герр оберштурмфюрер! Когда вы с ней сможете приехать ко мне?

— Завтра. У неё как раз будет выходной... — улыбнулся он.

— Замечательно! — Ханна отвернулась от него и стала смотреть на дорогу. Больше до самого конца пути она не произнесла ни слова. Гюнтер же воспользовался этим, чтобы подремать, всё-таки съёмки отняли у него немало сил.

Подрулив к зданию министерства, Гюнтер, Ханна и Фридрих вошли внутрь.

— Фридрих, когда будут первые результаты? — спросила женщина.

— Уже завтра, фрау Грубер.

— Хорошо, начинай прямо сейчас! — приказала Ханна.

— Слушаюсь! — Фридрих, чуть ли не бегом ушёл вглубь здания.

— Как тебе понравилось быть будущим героем? — поинтересовалась она, поднимаясь по лестнице.

— С непривычки утомился, но впечатления понравились... — ответил Гюнтер.

«А совсем скоро будут ещё лучше!» — мысленно добавил он.

Пройдя приёмную с неизменной Кларой, они вошли в кабинет Ханны. Гюнтер, заходящий последним, незаметно закрыл дверь на замок, повернув ручку.

Довольная Ханна со вздохом облегчения буквально упала в своё кресло.

— Боже, как я устала... Вроде ничего не делала, а всё тело ломит! — она откинулась на спинку и посмотрела на него. — А ты чем собираешься ещё заняться сегодня?

— Думаю, займусь тобой... — спокойно ответил он, подходя к Ханне.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла женщина.

— Хочу сделать тебе массаж. Ты же устала, а после моих рук ты забудешь про это... — Гюнтер подошёл к ней сзади вплотную и положил руки на женские плечи.

— Ты умеешь делать массаж? — удивилась она. Обернулась и уставилась на него. — Не помню, чтобы ты говорил мне об этом.

— Я научился недавно. А теперь расслабься и закрой глаза.

Ханна села прямо и закрыла глаза.

— Ну что же, посмотрим, что ты умеешь... — раздался её ответ.

Гюнтер начал осторожно поглаживать её плечи, разминая их, иногда поглаживая шею. Через несколько минут он почувствовал, что тело Ханны стало более мягким на ощупь.

— Как ощущения? Стало легче или нет? — спросил он.

— Да, Гюнтер... стало лучше. И приятно... — ответил ему её голос.

— Хорошо, продолжу.

Массируя ей плечи, он медленно, по чуть-чуть, начал стягивать с неё форменный пиджак.

— Гюнтер... что ты делаешь? — раздался тихий голос женщины.

— Снимаю пиджак, он мешает массажу и снижает эффект. Не волнуйся, так надо! — уверенно сказал Гюнтер.

Ханна промолчала. Расстегнув пуговицы, он спустил ей пиджак до пояса и продолжил массировать шею, плечи, постепенно спускаясь ниже. Оставив одну руку на её шее, другую он запустил в волосы Ханны, начав легонько массировать подушечками пальцев её голову. Потом начал перемежать нежные поглаживания с лёгкими сжатиями её волос, слегка натягивая их и потом отпуская. Женщина не сопротивлялась, её голова покорно болталась по его воле.

От этого Гюнтер почувствовал, что сам начинает возбуждаться, в члене начались пульсации. Той рукой, что на шее, он попытался пролезть сзади под блузку, но зазор был слишком маленьким. Тогда, Гюнтер, убрав руку, расстегнул ей пару пуговиц на блузке. Ханна, поглощённая приятными ощущениями, похоже, не заметила... или предпочла не заметить. Вернув руку на шею, он снова повторил попытку. Она оказалась более успешной, и его пальцы добрались до лифчика. Не прекращая ласк, Гюнтер наклонился к ней и дунул на обнажённую шею. Женщина вздрогнула. Он заметил, что она часто дышит. Улыбнувшись, он прихватил губами мочку её уха и провёл по ней языком.

Раздался тихий стон.

— Гюнтер... может, уже хватит? Мне... уже лучше... — раздался её задыхающийся голос.

Не ответив, он продолжил возбуждать её. Рука снова вернулась к блузке и расстегнула все пуговицы до конца. Ему снова открылась та красивая грудь, которой он наслаждался вчера, только пока ещё в лифчике. Убрав руки, он властно обнял её и заставил встать, прижав к себе. Прекратив ласки головы, Гюнтер крепко взял её за волосы, а другая рука резко стянула блузку Ханны до пояса, вслед за пиджаком.

Женщина снова застонала и сделала слабую попытку вырваться.

— Нет, Гюнтер, прекрати... я не могу. Не сейчас... — её голос был слабым и неубедительным.

По-прежнему стоя сзади неё, он прижался к заднице Ханны своим вставшим членом, давая понять, что намерен сделать. Одной рукой он ловко сбросил лямки лифчика и стянул его вниз, не расстёгивая и, наконец, обнажил груди. Соски женщины заодно торчали и словно приглашали их поласкать. Его губы оставили в покое женское ухо и спустились к шее, целуя её и лаская языком. Руки Ханны, поднявшиеся чтобы помешать ему, бессильно упали, а изо рта раздался новый стон. Глаза по-прежнему были закрыты.

Убрав руку с её волос, он обхватил ею сосок и стал поглаживать и сжимать его. Другой рукой Гюнтер взял её безвольную ручку и положил на свой член, заставив ласкать. Убедившись, что та справится с этим без его помощи, его рука стала уверенно задирасть ей юбку.

— Нет... не надо... Гюнтер, пожалуйста... — донеслось до него еле слышно. — Могут зайти..

— Я закрыл дверь! — сказал он ей прямо на ушко.

Та вздрогнула и её рука на его члене задвигалась быстрее. Более того, он ощутил, как она пытается расстегнуть его ширинку и помог ей в этом. Без всякого сопротивления Гюнтер полностью задрал юбку Ханны до пояса, обнажив её стройные бёдра в чулках и поясе. Как же она хороша, эта замужняя дамочка! А её муж полный кретин, не ценящий своего счастья. Вот и хорошо, Гюнтеру больше достанется, а этот идиот пусть и дальше пьёт раз его больше ничего не интересуется..

Уверенным движением он уложил покорную фрау Грубер лицом на её рабочий стол, и провёл пальцем по клитору. Ханна сильно вздрогнула и что-то пробормотала с закрытыми глазами. Как он и думал, там всё было мокро, его усилия достигли цели, тело предало мозг женщины.

Настало время показать, кто тут смеётся последним.

Сильным рывком он порвал её трусы и стянул клочки с ног. Ханна потянулась руками, чтобы прикрыть своё сокровище, но Гюнтер откинул её руки назад. Сложив два пальца, он резко воткнул их в женщину, сразу начав трахать Ханну. Та начала стонать и вскрикивать, вцепившись пальцами в бумаги на столе и сминая их.

Возбудив её до крайностей, он почувствовал, что она скоро кончит и вытащил мокрые пальцы наружу, вызвав её протестующий стон. Поднёс их к её губам и дотронулся до них:

— Попробуй себя на вкус, шлюха!

Из горла женщины раздался какой-то хрип, по телу прошла дрожь, и она приоткрыла губы. Погрузив пальцы ей в рот, Гюнтер дождался, когда она оближет их и вытащил обратно. Размахнулся и отвесил ей хороший шлепок по ягодице. Потом по другой. Каждый раз при этом Ханна стонала, даже не пытаясь закрыться, лишь задница виляла, словно сама по себе.

Снова воткнув в неё пальцы, Гюнтер начал трахать её, пытаясь сдержаться. Взяв рукой за волосы, он приподнял ей голову и спросил прямо в ухо:

— Кто ты для меня?

Ханна хрипела и стонала, пытаясь насаживаться на пальцы. Гюнтер встряхнул её, сильно ударил по заднице, и снова спросил:

— Кто ты?

— Шлюха... я шлюха... твоя... ах... не останавливайся... пожалуйста... — бессвязно вылетали из неё слова. Из рта показалась слюна. Помада на губах размазалась, тушь, или чем там она глаза подвела, потекла... Выглядела она, на взгляд Гюнтера, безумно сексуально и порочно, словно суккуб. Он чувствовал, что от такого зрелища ему просто срывает крышу.

Сбросив китель, он вцепился одной рукой ей в волосы, другой в складки её формы на поясе и, наконец, ворвался внутрь такой развратной замужней чиновницы министерства пропаганды. Из горла Ханны раздался ещё более громкий стон, в котором Гюнтер легко различил радость и удовлетворение. С трудом оторвав своё тело от стола, она упёрлась в него руками и стала толкаться назад, ему навстречу, забыв обо всём. Запах её возбуждённого тела, духов лез ему в нос, вызывая дополнительное возбуждение от секса с этой красивой женщиной.

Подчиняясь какому-то наитию, он засунул большой палец руки ей в анус. Видимо, это было у неё одним из эрогенных мест, потому что Ханна, словно подстёгнутая, развила ещё большую скорость и чуть ли не кричала от удовольствия, с размаху насаживаясь одновременно на член и палец Гюнтера. Чувствуя подступающий взрыв он вышел на финишную прямую и помчался вперёд, не щадя ни себя ни Ханну, которая уже непрерывно стонала и вскрикивала.

Ему показалось, что орган сейчас взорвётся, разлетится на куски, а потом и он сам последует за ним. Содрогаясь от удовольствия, Гюнтер буквально накачивал влагалище Ханны своей спермой. Поздно вспомнив о защите, он вытащил член, и часть жидкости щедро оросила голую задницу женщины, заодно попав на скрученную узлом одежду на поясе.

Казалось, это была последняя капля для женщины, потому что она захрипела, сильно вздрогнула и начала мелко дрожать, одновременно сползая на пол. Гюнтер обессилено повалился в её кресло, тяжело дыша. Ханна на полу затихла, изредка вздрагивая.

Слегка отдохнув, Гюнтер с трудом начал одеваться. Полез в карман, чтобы вытереться платком, но вспомнил, что забыл его дома. Оглядевшись, заметил недалеко сумочку Ханны, без всякого стеснения открыл её и обнаружил платок. Тщательно вытеревшись, положил платок на стол и склонился над женщиной.

— Ханна, ты была великолепна! Мне очень понравилось! До встречи завтра! — слегка пошатываясь, он пошёл к двери, но остановился. — Не беспокойся, я скажу твоей секретарше, чтобы ближайший час она тебя не беспокоила.

В ответ донёсся лишь стон.

Поправив форму и нацепив улыбку, он открыл кабинет и вышел в приёмную. Клара по-прежнему сидела за столом и что-то печатала. Интересно, слышала ли она крики и стоны своей начальницы? Стены и дверь толстые... Скорее всего, нет.

Увидев, что она подняла глаза на него, он подошёл к ней вплотную и остановился. Девушка встала из-за стола.

— Клара, фрау Грубер очень устала, она решила вздремнуть после долгой поездки на

полигон и сказала её не беспокоить. Когда отдохнёт, то сама вас позовёт. Понятно, Клара? — Гюнтер внимательно поглядел ей в глаза. Девушка опустила взгляд.

— Да, герр оберштурмфюрер.

— Я же сказал, просто Гюнтер! — напомнил он ей.

— Извините, Гюнтер. Я всё поняла.

— Вот и хорошо... Но надо говорить — слушаюсь! — улыбнулся Гюнтер.

— Простите... Слушаюсь, герр оберштурмфюрер! — громко ответила она.

— Правильно! Такие красивые девушки как ты, должны всегда слушаться старших... и мужчин... — он положил указательный палец ей на нижнюю губу и провёл по ней. Клара, боясь пошевелиться, молча смотрела на него глазами ягнёнка. Какая милая девушка! Ханна нашла себе хорошую секретаршу. Пожалуй, надо почаще заходить сюда, повод найдётся. Проведя рукой по подбородку, он спустил её на небольшую грудь девушки, слегка коснулся выпуклости. Посмотрел вниз и грустно произнёс:

— Ты очень красивая девушка, Клара. Но вот юбка у тебя очень длинная и не идёт тебе. Настоятельно советую укоротить её. На днях зайду — проверю! Приказ ясен? — строго спросил он.

— Так точно, герр оберштурмфюрер! Но... — густо покраснев, ответила секретарша.

— А вот за то что опять забыла про моё имя, наказание! — повернув девушку к себе задом, он с размаху опустил свою ладонь на её круглую попку.

— Ой... — донёсся слабый писк.

— Ладно, работай! — он отпустил Клару и, насвистывая «Лили Марлен», вышел из приёмной. День прошёл отлично! Всегда бы так!

Спокойно доехал домой, чтобы зайти за вещами и когда уже собрался выйти и ехать в свою квартиру, подошла мать.

— Гюнтер, тебе письмо пришло, пока ты уходил.

Удивлённо посмотрев на мать, он распечатал конверт и прочитав несколько строчек на бумаге, внутренне похолодел. Письмо было от Гимmlера. Рейхсфюрер настоятельно приглашал его к себе сегодня вечером.

Тот же день. Вечер.

Солнце уже клонилось вниз, когда Гюнтер остановился перед Главным штабом СС на Принц-Альбрехт-штрассе 8. Он уже бывал здесь несколько раз, точнее, прежний Гюнтер Шольке. Поэтому без колебаний вошёл в здание, небрежно отдав приветствие часовым на входе. Похвалил себя за предусмотрительность, оставив секретные бумаги, исписанные в клинике, дома, в тайнике.

Повторилась история как при его визите к Ханне, в министерство. Парень в чёрной форме позвонил куда-то, выслушал ответ и отправил Гюнтера в кабинет Гиммлера, объяснив дорогу. Сдерживая внутреннюю дрожь, он дошёл до широкой двери, с двух сторон которой стояли два неподвижных ээсовца и флаги со свастикой. Постучал и тут же вошёл. Его встретил худощавый оберштурмбаннфюрер СС в очках, личный адъютант рейхсфюрера Рудольф Брандт.

— Проходите, оберштурмфюрер, рейхсфюрер ждёт вас.

Гюнтер молча кивнул и зашёл в приоткрытую дверь. Увидев сидевшего в дальнем конце комнаты знаменитого шефа СС и гестапо, он перешёл на строевой шаг и, дойдя до стола, принял строевую стойку, одновременно вытянув руку, и гаркнул:

— Хайль, Гитлер!!!

Гиммлер поднял голову, посмотрел на него, и вяло ответил:

— Хайль.

Он встал из-за стола, медленно подошёл к Гюнтеру, обошёл его и вернулся к своему месту.

— Я слышал, вас недавно повысили в звании, оберштурмфюрер? — голос Гиммлера оказался каким-то невыразительным. Да и сам он не произвёл впечатления на Гюнтера. Не было в нём ауры власти, как в фюрере, несмотря на то что он обладал громадным влиянием. Снять с него форму, переодеть, и окажется Гиммлер профессором заштатного университета.

— Так точно, рейхсфюрер! — выкрикнул Гюнтер. Он решил играть роль тупого служаки и ходячего устава. По его мнению, это была хорошая тактика в разговоре с шефом СС.

— Не кричите, оберштурмфюрер. Я не страдаю глухотой и прекрасно вас слышу. Здесь не плац.

— Слушаюсь, рейхсфюрер! — уже тише ответил он.

Гиммлер уселся за свой стол, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Его взгляд впился в Гюнтера.

— Оберштурмфюрер, я хочу спросить вас о том письме, которое вы передали фюреру, нарушив, тем самым, устав караульной службы и проявив неслыханную наглость! — решил идти напрямик рейхсфюрер.

Гюнтер промолчал. Вопрос ему не задали, значит, нечего лишний раз открывать рот.

— Что вы молчите, оберштурмфюрер? — спросил Гиммлер после паузы.

— Вы не задали вопрос, рейхсфюрер. Мне нечего ответить.

Шеф СС еле слышно фыркнул.

— Кто передал вам это письмо, и каково его содержание? — с напряжением спросил

он.

— Не могу ответить, рейхсфюрер! — с каменным лицом ответил Гюнтер, глядя поверх головы Гиммлера.

— Что же вам мешает? Это приказ! — резко сказал рейхсфюрер.

— Я не могу выполнить ваш приказ. Приказ фюрера прямо запрещает мне рассказывать любому об этом письме. Даже вам, рейхсфюрер! — с тем же выражением лица добавил он.

«Не расколешь ты меня, предатель проклятый... Если я козырная шестёрка, а ты козырный король, то фюрер козырный туз! А туз всегда бьёт короля!»

— Я второе лицо после нашего фюрера! Сегодня утром он разрешил вам рассказать мне всё! Докладывайте! — решил зайти с другого конца рейхсфюрер.

— Извините, рейхсфюрер! Мне требуется его личное разрешение. Но... если он разрешил вам узнать его содержание, почему не рассказал сам? — изобразил недоумение Гюнтер.

— Это не ваше дело, почему он решил так, а не иначе! — раздражённо ответил Гиммлер. — Но если вам требуется его личное разрешение, через полчаса вы получите его в письменном виде.

— Ещё раз извините, рейхсфюрер, но требуется личное разрешение фюрера в его присутствии! — стоял на своём Гюнтер.

— Вы что, не верите его письменному разрешению?! — по-настоящему разозлился Гиммлер. Его глаза сверкали от ярости, он вынул платок и начал протирать свои круглые очки. — Или вы издеваетесь надо мной?!

— Никак нет, рейхсфюрер! Таковы инструкции фюрера! Он приказал мне не говорить ничего и никому, пока лично не разрешит мне! Более того, он приказал мне немедленно доложить обо всех, кто будет пытаться узнать об этом письме! — приврал Гюнтер, чтобы слегка остудить Гиммлера.

Шеф СС удивлённо уставился на него, забыв про очки. Опомившись, он снова уселся за стол и уставился на подчинённого как волк на ежа. Как бы съесть и не уколоться? Гюнтер, сохраняя строевую стойку и неподвижность, внутренне усмехался. Пусть попробует прорваться сквозь запреты фюрера..

— Оберштурмфюрер, может случиться так, что ваше место службы поменяется... Вы станете служить в другом месте... — намекнул Гиммлер.

— Я готов служить Германии и фюреру везде где потребуется, рейхсфюрер! Но фюрер сказал, что я обязан регулярно быть при нём и все переводы на новое место службы обязательно должны быть согласованы с ним! Разве он не уведомил вас? — с показным удивлением спросил Гюнтер.

Гиммлер нахмурился и хотел что-то сказать, но внезапно раздался резкий звук телефонного звонка из аппарата стоящего на столе рейхсфюрера. Судя по поведению шефа СС, этот звонок был довольно важен, так как, он тут же направился к нему, словно забыв про подчинённого. Подойдя и взяв трубку, Гиммлер вытянулся не хуже Гюнтера и почтительно произнёс:

— Мой фюрер, я слушаю вас... Так точно!.. Слушаюсь! — осторожно положив трубку, он растерянно поднял взгляд и обнаружил, что Гюнтер с любопытством смотрит на него. Тут же овладев собой, Гиммлер принял начальственный вид и сказал:

— Меня вызывает наш фюрер, поэтому можете идти, оберштурмфюрер! И запомните, этого разговора у нас не было! Вы поняли? — с нажимом спросил он.

Гюнтер сделал вид что колеблется, но браво ответил:

— Так точно, рейхсфюрер!

Гиммлер пронзительно на него посмотрел. Наконец, взмахнул рукой, отпуская его, и отвернулся. Гюнтер, вышел из кабинета, потом из приёмной, и услышал голос шефа СС:

— Рудольф, срочно подготовь машину!

— Слушаюсь, рейхсфюрер!

Спускаясь по лестнице, Гюнтер почувствовал, что по спине течёт капля пота, а из него уходит напряжение, поселившееся, когда он зашёл в кабинет Гиммлера. Выйдя из здания, он расстегнул верхнюю пуговицу кителя и снял фуражку, чтобы подставить свою голову горячим лучам весеннего солнца. Надо подумать, сообщить ли фюреру об этом допросе или выгоднее промолчать?

— Гюнтер? Дружище! Как я рад тебя видеть! — раздалось совсем рядом с ним.

Удивлённый, он обернулся и увидел какого-то унтерштурмфюрера, который, улыбаясь, подходил к нему. Секундное напряжение памяти и узнавание... Пауль Хофбауэр, командир соседнего взвода в их роте СС во время боёв в Польше, на Бзуре. Хороший товарищ, почти друг. Такой же высокий как и Гюнтер, блондин, любитель поболтать и выпить. Правда, это не мешало ему командовать своим подразделением, и его парни уважали своего командира. Пауль никогда не прятался за их спины, наоборот, бросался в атаку впереди всех и просто удивительно, что он не только не погиб, но и не был ранен. За тот бой, в котором Гюнтер получил свой «Железный Крест», Пауль должен был получить новое звание, поскольку проявил не меньшую доблесть и отвагу в отражении отчаянных польских атак, но умудрился сказать кое-что нелестное в адрес Гиммлера. Гюнтер знал что Пауль по неизвестным причинам не жалуется Гиммлера и удивлялся, почему фюрер не сменил его на кого-нибудь другого. Командир батальона, до которого дошло высказывание, зарубил его представление и намекнул, что тот ещё должен быть благодарен за то что остался унтерштурмфюрером. Пауль горевал недолго, сказав, что звание от него не уйдёт, а всё равно догонит.

— Пауль? Вот это сюрприз! Ты что здесь делаешь? — удивился Гюнтер, после того как они поздоровались. Блондин несколько не изменился с тех пор, как они в последний раз виделись в Польше.

— Я заходил в отдел кадров, хотел чтобы меня направили на фронт. Лучше всего в Норвегию, но там глухо. Предложили на запад, но сидеть в окопах и стрелять раз в день по французам так скучно... Не знаю что делать! — сокрушённо покачал головой Пауль.

— А что, служить в столице тебе уже надоело? — улыбнулся Гюнтер.

— А... — махнул рукой друг. — Это сначала было здорово, выпивка, девочки, новые впечатления... Потом опять началась эта казарменная уставщина, строевая, надраенные сапоги... Нет, мне бы сейчас на фронт, где опасность, и есть возможность отличиться перед фюрером. Кстати, ты уже оберштурмфюрер? Поздравляю, Гюнтер! Расскажешь за что?

— Да так, услугу фюреру оказал. Ничего особенного... — поскромничал он.

— За «ничего особенного» звания не дают... — нравоучительно заверил Пауль. — Ты уже отметил повышение?

— Ещё нет, вот, думаю, на днях... Тебя приглашу, друзей по роте охраны.

— Меня обязательно! — горячо поддержал друг. — Чёрт, мне уже пора в часть! Извини, хотел бы пообщаться подольше, но... — он развёл руками.

— Ничего, я позвоню, когда решу устроить вечеринку! Давай, до встречи! — помахал он рукой быстро уходящему Паулю.

За разговором с другом он совсем забыл про неприятный визит к рейхсфюреру и теперь отправился домой с хорошим настроением. В самом деле, пока он в отпуске, надо хорошенько отметить звание, иначе потом, при возвращении на службу, сделать это будет намного труднее.

Подходя к своей холостяцкой квартире, Гюнтер увидел, что совсем близко от входа стоит роскошный «опель-адмирал», весь сверкая полированными боками. Вынужденный обходить машину, он с раздражением подумал, что тачка наверняка принадлежит какому-то местному мажору, заехавшему кому-то в гости, так как раньше он такую машину не видел. В своём мире он помнил, что довольно часто некоторые уроды бросают свои машины где попало, лишь бы поближе к двери, наверное, пешком пройти чуть дальше ноги отвалятся. Интересно бы поговорить с таким водителем и объяснить ему как он не прав. Что его шикарная машина загораживает вход и мешает людям. Вот только как сейчас выяснишь владельца, тем более, уже стемнело? Но и уйти просто так обидно. Внезапно Гюнтер усмехнулся, вспомнив как он наказывал таких эгоистов когда был помладше в своём мире. Внимательно осмотревшись, не увидел никого поблизости, в окнах тоже не торчали головы. Поэтому размахнулся и со всей силы пнул сапогом в лакированную дверцу водителя роскошного «опеля». Хорошо, что сигнализации и уличных камер ещё нет! Потом, довольный собой, он поднялся в квартиру, наскоро поужинал и лёг спать. Завтра, наконец, к нему приедет его малышка Лаура, потом опять ехать на съёмки... Надо хорошо отдохнуть!

15 апреля 1940 года. Москва, вечер.

Александр Самсонов (Дитрих Краузе)

Сегодняшняя встреча началась как и вчера. Сашу ввели в кабинет, там по-прежнему сидели Круглов и Катя. Девушка была сосредоточена и ни разу не посмотрела на него. Видимо, с ней была проведена разъяснительная работа и она её усвоила.

После того как Александр уселся на своё место и конвоир вышел, следователь вздохнул и произнёс:

— Ваши первичные показания заинтересовали моё начальство. Поэтому я буду задавать те вопросы, которые их интересуют, а вы будете отвечать, подробно и не придумывая. Учтите, если вы станете лгать или придумывать отсебятину, то наблюдающий сейчас за вами физиогномист это определит, и тогда... — он усмехнулся. —..Тогда вам будет неприятно! — обтекаемо выразился Круглов.

Саша, помимо воли, улыбнулся. Вполне понятное желание получить правдивую информацию, а не дезу. Что ж, он не против, ведь для этого здесь и находится. Вообще, Александр вчера, перед сном, думал, что ему можно рассказать, а о чём лучше умолчать. Например, дата смерти Сталина, приход к власти Хрущёва и его «культ личности», гонения на Жукова... Решил, что будет смотреть по обстановке.

— Скажите, Александр Григорьевич, вы говорили, что в 1946 году, всего через год после Победы, в мире начнётся, так называемая, «холодная война». Это довольно странная формулировка вооружённого конфликта, не находите? — Круглов пристально посмотрел на него.

Саша задумался, но потом заговорил:

— Дело в том, что Черчилль, в 1946 году в Фултоне, произнеся свою речь, был уверен, что Великобритания, вместе с США должны надавить на Советский Союз и добиться уступок для себя. За океаном тогда, после смерти Рузвельта, был президентом некий Трумэн,

ярый антикоммунист. Поэтому Черчилль так легко смог с ним договориться. Позиции Советского Союза в 1946 году были очень прочными, армия, хоть и начала понемногу демобилизовываться, по-прежнему была огромная и мощная, с хорошим боевым опытом и множеством ветеранов, не раз смотревших смерти в глаза. К тому же, в её руках была столица Германии. Естественно, толстяка с сигарой это не устраивало, он вообще хотел бы, чтобы мы уползли обратно в свою берлогу и не мешали большим англосаксонским дядям решать политику в Восточной Европе... — усмехнулся он. — Вот только русский медведь был слишком сильный, чтобы справиться с ним в одиночку. Да, у англичан и американцев тоже были профессиональные армии с неплохим боевым опытом и ветеранами, но чисто количественно они сильно уступали Красной армии. Зато союзники были сильнее в авиации, флоте и обладании ядерным оружием. Могу добавить, что англо-американцы ещё в 1945 году начнут разрабатывать планы по наступлению на нас.

— Что вы имеете в виду? Хотите сказать, что они решат объединиться с немцами и совместно напасть на наши части? — нахмурился следователь.

— Не совсем. У Черчилля был такой «пунктик» насчёт польского вопроса. Он считал его краеугольным камнем основы безопасности в Восточной Европе. Был уверен, что в Варшаве обязательно должно править так называемое «Польское правительство в изгнании» из Лондона. Товарищ Сталин, естественно, решил, что власть в стране должна состоять из лояльных коммунистам людей, в частности, «Люблинского» правительства. Во многом, из-за этого и разгорелся сыр-бор. Так вот, возвращаясь к планам. Например, операция «Немыслимое». Согласно ему, союзники должны были воспользоваться своим превосходством в стратегической авиации и провести массированные бомбардировки ближних и дальних тылов, а также резервов Красной армии, а потом перейти в наступление на земле. Этот план был отвергнут их генералами как ненадёжный и слишком опасный, к тому же наши агенты в Британии смогли узнать про этот план и предупредили товарища Сталина.

— Другой план... — продолжил Саша. — Под названием «Тоталити» и его продолжения. Суть их в том, что они предписывали нанести воздушные ядерные удары по 20 советским городам, имеющим важнейшее военное, политическое и экономическое значение. В случае успеха, по мнению союзников, товарищ Сталин должен был устрашиться и сам отвести войска до предела, обозначенного англо-американцами... — тут Александр усмехнулся. — Наивные, они думали, что это заставит наших отступить..

— Это верно, я абсолютно уверен, что товарищ Сталин не сломался бы даже в таком случае! — одобрительно кивнул следователь. — Никакие фашисты или демократы не заставят нашу советскую страну стать на колени.

— Я продолжу? — спросил Саша.

— Да, говорите... — согласился Круглов, снова откидываясь на спинку стула.

— Катя, вы не устали? — внезапно спросил Александр, глянув на машинистку. Он заметил, как та вскинула голову и обожгла его взглядом.

— Нет, она не устала. Не отвлекайтесь, Александр Григорьевич! — вернул его внимание к себе чекист.

— Хорошо. В последующие годы были разработаны и другие планы против нашей страны, в основном, американцами. Но они были оборонительными, например, «Дропшот». Это на случай, если нашим танкистам захочется прогуляться до Атлантики... — улыбнулся Саша. — Но на сегодняшний день для СССР самым опасным является совсем другой план

он называется «Щука» или же «Остриё копья».

— Что это за план? — напрягся Круглов.

— В результате того, что мы сейчас как бы союзники с Германией, англо-французы решили нанести в самое ближайшее время массированные воздушные удары по нефтепромышленным районам Кавказа, в частности, по Батуми, Поти, Грозному и Баку. Учитывая, что потребности нашей страны в нефти почти полностью зависят от бесперебойных поставок именно оттуда, то такой план для нас очень опасен. Сами подумайте, останутся не только танки и броневики, но и грузовики, трактора. Это будет катастрофа. Заодно, это ударит и по надеждам немцев самим воспользоваться нефтепромыслами. На сегодняшний день этот план уже разработан, и на Ближний восток, в Сирию и Ливан, начинает перебрасываться англо-французская бомбардировочная авиация. Советую вам, товарищ старший майор, как можно быстрее донести до нашего командования эту информацию. Очень желательно, чтобы в тех районах была усилена зенитная оборона и увеличено число истребителей.

— То есть, они могут нанести удары в любой день и час? Чёрт вас побери, Александр Григорьевич, почему вы сразу мне об этом не сказали!? — занервничал чекист, вставая из-за стола. Было ощущение, что он готов прямо бежать отсюда, чтобы не потерять ни минуты.

— Хм... я просто забыл... — усмехнулся Александр. — Знаете, когда вас часто бьют по голове, не мудрено и забыть что-нибудь, верно? — пошутил он, хотя в мыслях ему было не до смеха.

— А вы не шутите и не провоцируйте, Александр Григорьевич! И тогда всё у вас будет нормально. И не будет проблем с головой, от того что вы неудачно упали или ударились ею о стенку! — отбрил его Круглов, катнув желваками. — Сержант, за мной! — это он Кате. — А этого... в камеру!

Уже идя по коридору в привычное место жительство, Саша подумал, почему его ненавидит Катя? Вроде бы, ничего плохого он ей не сделал... Не могла же такая антипатия возникнуть просто так? Всё-таки красивая она девчонка! Или ему так кажется от того что долго не было секса? Хотя, это для кого как. Например, у него был друг, который, если не потрахается хотя бы раз в день, считал что он прошёл зря, при этом сам был холостой... А другие спокойно живут без этого неделями и месяцами.

Отбросив эти мысли он дошёл, вместе с конвоирами, до камеры и опустился на свою лежанку. Когда же он, наконец, сможет выйти на улицу и просто прогуляться на свежем воздухе? И чем, интересно, сейчас занимается Гюнтер?

16 апреля 1940 года. Берлин.

Ева Браун.

В этот день Ева решила снова попробовать увидеться с её любимым Адольфом. Хоть он её по-прежнему игнорировал, она не теряла надежды пробиться к нему. Но Гюнше твёрдо стоял на своём: фюрер не хочет её пока видеть! Приходилось ждать недалеко от его кабинета, надеясь, что Гитлер выйдет, и она сможет с ним поговорить.

Казалось, ей повезло. Не прошло и пяти минут, как фюрер вышел из своего кабинета, ожесточённо жестикулируя и препираясь с Гиммлером. Не обратив внимания на поджавшего губы рейхсфюрера и раздражённого Гитлера, она улыбнулась и поспешила к нему.

— Нет, Генрих, на этот план я не даю своего согласия! И ты сам знаешь почему!

Неужели я должен каждый день говорить тебе об этом? Успокойся и займись тем что я тебе говорю!..

— Здравствуйте, мой фюрер! Как у вас дела? — радостно спросила она.

Гитлер, прерванный ею, медленно повернул голову и полыхнул по ней разгневанным взглядом. Усики дёрнулись, чёлка растрепалась.

— Опять ты!.. Глупая, болтливая курица! — припечатал он со злостью. Осмотрев её, он фыркнул и больше ничего не сказав, ушёл по коридору. Ошеломлённая Ева застыла на месте, в глазах у неё появилась влага, но это было ерундой по сравнению с тем что было на сердце. Оно просто разрывалось... Что опять случилось? Он опять не в настроении? И она в этом виновата? А может... он нашёл другую? Или она, Ева, больше ему не нужна?

Погрузившись в свои мрачные мысли, она не сразу услышала, как к ней обращается Генрих Гиммлер.

— Извините, Ева. Вы сейчас можете говорить? — его голос был вкрадчивым и ласковым. Появилась мысль довериться ему, пожаловаться..

— Да, герр рейхсфюрер... Извините меня, что-то в глаз попало... — изо всех сил она старалась не расплакаться перед ним. Как стыдно! Гитлер унизил её при посторонних! Сколько можно терпеть такие унижения?! Неужели у неё совсем нет самоуважения?

— Я понимаю.. — ответил Гиммлер. — Я хотел бы узнать от вас кое-что очень для меня важное... Можете рассказать? — мягкий голос обволакивал, хотелось слушать его..

— Да, конечно, герр рейхсфюрер... спрашивайте! — она не удержалась и шмыгнула носом. Хотела вытереть глаза платком, но тот остался в её сумочке. Пришлось аккуратно стереть влагу пальцами.

— На прошлой встрече вы упомянули о письме, которое передал нашему фюреру один из охранников. Не могли бы вы рассказать об этом более подробно? — ласковый голос доброго дяди, который защитит и поможет.

Вдруг поняв, что он спрашивает, Ева похолодела от страха. Неужели это то о чём её предупреждал Гюнтер? Ведь он говорил, что Гиммлер может спросить о письме. Что же делать? Слова Гюнтера послушно появились в её голове.

— Извините меня, герр Гиммлер, но я не могу вам рассказать... — сожалеющим голосом ответила Ева. — Фюрер запретил мне хоть кому рассказывать об этом. Вы же видите как он злится из-за того моего промаха..

— Ничего страшного, Ева. Я ему ничего не скажу и никто не узнает об этом. Просто я боюсь, что этот Гюнтер может оказаться опасен и нанести вред фюреру. Поэтому..

— Вы ошибаетесь, герр Гиммлер! Гюнтер нисколько не опасен фюреру, наоборот, он его охранник и всегда защитит его, даже ценой своей жизни! — горячо ответила она, к своему удивлению. Как Гиммлер мог подумать что Гюнтер такой как он сказал? Он добрый, хороший, красивый... чуть нахальный! Она вспомнила его хитрость, как он обманом заставил её поцеловаться и невольно улыбнулась.

Рейхсфюрер внимательно посмотрел на неё.

— Что вы, Ева, я вовсе не это имел в виду! Вы же знаете, я заведую всей безопасностью Рейха и обязан по долгу службы знать всё что касается нашего фюрера, понимаете? — проникновенно спросил он. — А тут какое-то письмо прошло мимо меня... Это неправильно, Ева! Так не должно быть! — твёрдо произнёс он.

— Подождите, но он же ваш подчинённый? Спросите его сами и всё узнаете... — удивилась Ева.

Гиммлер с досадой вздохнул.

— Он говорит, что фюрер запретил ему рассказывать. Как и вам, похоже... Но, понимаете, Ева, если опасность грозит фюреру, я тем более должен знать чтобы защитить его! Вы же должны это осознавать? — с нажимом спросил он. Было видно, что рейхсфюрер злится и пытается успокоиться. Она почувствовала свой страх и решила уйти.

— Извините, герр Гиммлер, но я не могу вам ничем помочь. Ещё раз извините, мне надо идти! — она быстро развернулась и пошла к выходу. Шеф СС молча смотрел вслед, сжав кулаки.

Выйдя из здания рейхсканцелярии, она перестала колебаться и твёрдо решила. За то что фюрер так жестоко её унизил, она пойдёт в Гюнтером на свидание... то есть, на встречу! В конце концов, если Гитлер так обращается с ней, она ему отомстит, пусть ревнует, если узнает! Она молодая, красивая девушка и ей хочется если не любви то внимания! Так ему и надо!

Гордо вскинув голову, Ева подошла к ближайшему такси и назвала адрес своей берлинской квартиры, которую для неё снял фюрер, чтобы не присылать машину за ней в Мюнхен. Если она не нужна фюреру то точно нужна кое-кому другому!

Тот же день. Берлин.

Гюнтер Шольке.

— Наконец-то, милая! Я уже соскучился! — улыбающийся Гюнтер вытащил из такси один из чемоданов Лауры и поставил на землю. Сама девушка, вместе с ещё двумя чемоданами и несколькими тюками, сидела в машине, пытаясь вылезти из неё. Гюнтеру была видна только её голова с жалобным выражением лица. Лаура сидела на заднем сиденье и со всех сторон была завалена вещами. Гюнтеру, как он не старался, так и не удалось сохранить серьёзность на лице и он рассмеялся, глядя как его Цветочек барахтается но так и не может вылезти. Девушка, несколько раз дёрнувшись, видимо, окончательно потеряла надежду справиться самой и нахмурившись, крикнула:

— Гюнтер, это не смешно! — но сама тут же расхохоталась. Он, вместе с водителем, начал освобождать её из плена вещей, попутно спросив:

— Лаура, почему ты сидишь в центре? Надо было бы сесть с краю, тогда смогла бы нормально вылезти.

— Да это её подружки постарались, герр оберштурмфюрер... — вмешался водитель. — Они сказали ей сесть в середину и начали засовывать вещи в машину с двух сторон. Я пытался им рассказать как надо сделать правильно, но куда там! Они меня не слушали, хи-хи да ха-ха... Сказали, что так доедет, а здесь её кавалер поможет... — улыбнулся водитель.

— Да, Лаура, твои подружки любят подшутить! — вытаскивая один большой тюк, сказал Гюнтер. Наконец, все вещи были вытащены и сложены горкой возле двери, Гюнтер расплатился с водителем, поблагодарив за помощь, и крепко обнял свою малышку. Жаркие, знакомые губы, прижавшиеся к нему, снова начала зажигать в нём огонь желания, и Гюнтер с сожалением оторвался. Так хотелось продолжить наверху, но совершенно не было времени. Надо было быстрее заносить вещи и ехать на съёмки.

Вдвоём они быстро затащили всё наверх и оставили в гостиной, решив, что займутся разборкой во второй половине дня. В процессе этого, Гюнтер сквозь зубы снова тихо выругался в адрес проклятого пижона, который и не подумал убрать свой «опель» от входа, из-за чего им приходилось протискиваться с вещами вплотную к двери. Снова возникла

мысль оставить ещё одну вмятину на дверце машины, но сейчас, днём, да ещё при Лауре... Пришлось сдержаться.

— Так, милая! Сейчас мы едем на съёмки! Потом вернёмся и наведём дома порядок, заодно и поедим! — озвучил он дальнейшие планы. Лаура удивлённо посмотрела на него:

— На какие съёмки?

— Я не успел тебя предупредить... Дело в том, что знакомая моей матери работает в рейхсминистерстве пропаганды и она уговорила меня сняться для патриотических плакатов и фотографий. А потом захотела, чтобы было ещё несколько кадров с девушкой-медсестрой. Я решил, что ею будет одна маленькая, красивая девушка... А что, ты против? — с удивлением спросил он.

— Ой, конечно нет! — радостно улыбнулась она. — Если сниматься вместе с тобой, то с удовольствием! Это так здорово! Мы с тобой попадём в газеты и журналы? — её глаза заблестели от восторга.

— Ну, это уже решать будет Ханна... Точнее, фрау Грубер! — поправился он.

— Подожди, но если там нужна медсестра... у меня же нет с собой формы! — растерянно ответила девушка.

— О, там столько одежды что, наверное, хватит на целую роту... — рассмеялся он. — А если нет, то Ха... фрау Грубер скажет нам, тогда заедем к тебе в Шарите и возьмём.

— Хорошо, любимый, так и сделаем! — согласилась Лаура.

Гюнтер нашёл такси, и они через минут десять уже были возле здания министерства. Снова стойка информации и Гюнтера пригласили пройти наверх. Он обернулся к девушке и попросил:

— Милая, подожди здесь, я скоро!

— Хорошо, Гюнтер, я пока посижу.

Он поднялся по знакомой лестнице, и постучав, зашёл в приёмную. Клара, увидев его, покраснела и уставилась на него с опаской. Гюнтер тихо подошёл к ней и кивнул на дверь начальницы:

— Фрау Грубер у себя?

— Д-да, герр оберштурмфюрер... — тихо ответила девушка. Она не смогла смотреть ему в глаза и опустила свой взор.

— Значит, ты опять хочешь наказание, девочка? — сокрушённо покачал он головой. — А я думал, ты всё запомнила..

Секретарша удивлённо подняла голову и мельком взглянула в глаза.

— Не понимаешь? А я ведь предупреждал, как меня следует называть наедине... — грустно сказал Гюнтер. Клара, наконец, поняла о чём он говорит и её глаза расширились от понимания ошибки. Ротик растерянно приоткрылся.

— Ой, извините. Я опять забыла, Гюнтер. Простите, пожалуйста, я нечаянно... — прошептала она, поправляя волосы.

— Встань, девочка. Посмотрю, как ты выполнила моё задание... — властно приказал он.

Клара медленно встала, вытянув руки по швам. Гюнтер посмотрел вниз и огорчённо цыкнул языком. Юбка была такая же как и вчера. Она проигнорировала его приказ. Ну что же, сама виновата..

— Вот как, значит... Решила, что можно наплевать на приказ старшего по званию? Нехорошо, девочка... — он встал позади неё. Девушку начало мелко потряхивать. — За это

положено дисциплинарное взыскание на усмотрение высшего офицера.

— Но... Гюнтер... Я не могу этого сделать, форма одежды для служащих рейхсминистерства утверждена самим доктором Геббельсом. И... что скажет фрау Грубер, если увидит меня в... новой юбке? — голос её подрагивал, но она пыталась говорить спокойно.

Гюнтер усмехнулся, с удовольствием осматривая её ладную фигурку сзади.

— Хорошо, отменяю свой приказ. Не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за меня. Но это не значит, что я прощу игнорирование другого моего приказа. Нагнись! — он сказал ей это прямо в ушко. Откровенно говоря, Гюнтер не думал что она подчинится. Вся эта история с юбкой и обращением к нему по имени, было лишь игрой для него. На самом деле он не мог ей приказать. Тем больше было его удивление, когда, после короткой заминки, девушка медленно наклонилась над своим столом. В такой позе она поразительно напоминала персонаж из фильма «Секретарша». Гюнтер ощутил, как кровь заструилась в венах быстрее от её соблазнительной фигуры.

— Подними юбку до пояса... — Гюнтеру стоило усилий удержать голос спокойным и холодным. Клара повернула к нему голову и неверяще посмотрела на него. Глаза расширились ещё больше, казалось, она не до конца поняла смысл его команды.

— Я сказал — поднять юбку до пояса. Это приказ! — рыкнул он. Возбуждение, охватившее его, заставило забыть что это было игрой, что двери в коридор не закрыты на замок, и что Ханна могла в любое время выйти из своего кабинета. В эту минуту для него была важна только Клара и её подчинение.

Её руки дрогнули и вцепились в край форменной юбки. Помедлили... и потащили ткань вверх, обнажая красивые ноги в чулках. Глаза её не отрывались от него, лицо красное как спелый помидор. Наконец, юбка заняла своё место на талии и Гюнтер смог полюбоваться на совершенную попку секретарши Ханны. Труссы мешали, и он без колебаний спустил их до колен. Реакцией Клары стал лишь прерывистый вздох, руки дёрнулись, но так и не осмелились помешать ему. Округлые ягодицы манили к себе, и Гюнтер с трудом удержался от восхищённого возгласа. Сглотнув, он тихо сказал:

— За каждое проявление забывчивости ты получишь пять ударов. За вчера пять... и за сегодня. Всего десять. Понятно?

Клара заторможенно кивнула. Она так и продолжала смотреть на него, словно не верила, что всё это происходит с ней наяву. Наверное, думала что сон. Пора показать ей что это реальность.

Он размахнулся и опустил ладонь на левую ягодицу.

— Один!

— Ой... — послышалось от девушки.

— Два! — теперь досталось правой ягодице, для симметрии.

— Ой! — снова пискнула Клара.

— Три!.. Четыре!.. Пять!.. Шесть!.. Семь!.. Восемь!.. Девять!.. Десять! — он опустил горящую ладонь и любовался на свою работу. После пятого удара девушка больше не ойкала и лежала грудью на столе неподвижно. Её ягодицы стали красными, кожа горячая. Решив проверить, Гюнтер провёл пальцами ей между ног, от чего она вздрогнула. Вынув руку, он осмотрел пальцы и улыбнулся. Они были мокрыми.

— Так... я смотрю, тебе понравилось? — с ухмылкой произнёс он. — Хотел наказать, а вместо этого доставил удовольствие?

Ответом было молчание. Девушка продолжила лежать, уткнувшись в стол. Опять она его игнорирует? Сейчас исправим.

— Отвечать, когда спрашивают! — и вонзил ей пальцы между ног. Клара вздрогнула и издала глухой стон.

— Ну?

— Да... Гюнтер... — слышалось еле слышно.

— Значит, ты любишь это? Что ж, учтём... — протянул Гюнтер. Вытерев руки об её юбку, он одёрнул ткань и обычным голосом велел:

— Доложи обо мне фрау Грубер! — сказал он, усевшись на стул возле стены. Клара ещё секунд десять лежала на столе, приходя в себя. Потом рухнула на свой стул, и не глядя на него, поправила волосы. Наконец, её дыхание успокоилось и она, нетвёрдой походкой, пошла к двери кабинета. Открыла её и исчезла внутри. Быстро появилась и сказала:

— Фрау Грубер сейчас выйдет.

— Хорошо.

Клара уселась обратно на своё рабочее место и начала быстро что-то печатать. На него больше не смотрела. Через пару минут вышла Ханна, в своей обычной форме.

— Как у вас дела, герр оберштурмфюрер? — на лице играла улыбка, глаза веселились непонятно из-за чего.

— Спасибо, фрау Грубер, всё хорошо. Вы готовы? — ответил он.

— Да. Вы привезли девушку для съёмки? — спросила женщина, идя к выходу.

— Она ждёт нас внизу.

— Хорошо!

Они спустились вниз, к стойке информации, где прохаживалась Лаура. Гюнтер подвёл Ханну к ней и представил их друг другу.

— Фрау Грубер, позвольте представить вам Лауру Блюм, мою девушку. Она отличная медсестра, лечила меня после аварии и того пожара. Лаура, а это фрау Ханна Грубер, лучшая подруга моей матери.

— Здравствуйте, фрау Грубер! Мне очень приятно познакомиться с вами! — улыбаясь, протянула руку Лаура.

— И вы здравствуйте, фройляйн Блюм... — оценивающе оглядела её Ханна, пожимая руку. Гюнтеру показалось, что за секунду опытная женщина мгновенно просканировала внешность девушки и сделала свои выводы.

— Фрау Грубер, я хотел спросить, на полигоне есть одежда медсестры и вообще женская одежда? — спросил он. — Если нет, то мы можем заехать в Шарите за формой.

— Конечно, есть, герр оберштурмфюрер! И на вашу девушку найдётся всё необходимое. А теперь едем! — она первая вышла во двор и направилась к знакомому автомобилю. Фотограф Фридрих уже ждал возле машины. Возникла короткая заминка кто где поедет, но Ханна всё решила. Отправила Фридриха вперёд, рядом с водителем, Гюнтера посадила на середину заднего сидения, а сама уселась сбоку, прижавшись к нему. Так же села и Лаура, но с другой стороны.

Сама поездка казалась ничем не примечательной. Лаура, после выезда из города, задремала у него на плече, Фридрих смотрел в окно, а Ханна, словно случайно, положила свою руку в перчатке Гюнтеру на бедро. Он недоумённо посмотрел на неё, что-то она совсем осмелела, а если Лаура откроет глаза или водитель увидит в зеркале заднего вида? Ханна улыбалась своими накрашенными губами. Или это наоборот, её заводит? Осторожно взяв его

правую руку, она положила её на своё бедро, отчего по телу Гюнтера пробежала жаркая волна. Какая же она развратница, эта Ханна... Женщина не удовлетворилась этим и начала медленно поднимать юбку на бедре, не отрывая от Гюнтера глаз. У него, от такого зрелища, пересохло во рту, пришлось сглотнуть. Быстро взглянув на водителя и Фридриха, он увидел, что оба всецело поглощены своими делами и не смотрят назад. Она что, решила его смутить? Или взять на слабо? Ну что ж, поиграем!

Он сжал её бедро рукой и уверенно потянул вверх подол юбки Ханны. Та, перестав улыбаться, тоже глянула на передние сидения и посмотрев на Гюнтера, покачала отрицательно головой. Попыталась убрать его руку но не смогла. В её глазах появилась мольба, она просила его остановиться. Теперь уже улыбнулся он, и подмигнул ей. Остановившись на полоске голой кожи над чулком, Гюнтер начал поглаживать её, не отводя взгляда от лица Ханны. Поласкав её ногу несколько минут, он убрал свою руку, сжавшись над беззвучно молившей его женщиной. Вернув юбку на место, та откинула голову на сидение, посмотрела на него долгим взглядом и, улыбнувшись, закрыла глаза. И потом, до самого полигона все ехали спокойно.

Съёмочный полигон под Берлином.
Гюнтер Шольке.

Приехав на место, Ханна повела Лауру за собой, в ту часть барака где был склад одежды, Гюнтер же отправился в оружейную. Взял себе винтовку и пистолет-пулемёт, а «MG-34» снова потащил кладовщик, его звали Густав. Через минут пятнадцать появились дамы. Лаура была одета в костюм медсестры, и белый шлем с красным крестом. Подошёл Фридрих и Ханна начала командовать.

Гюнтер залез в окоп, положил на бруствер оружие и уставился вдаль, словно в прицеле. Лаура присела в окопе на колени и начала делать вид что делает ему перевязку, наматывая на ногу бинты, перемазанные чем-то красным. Потом фото где Гюнтер с каменным лицом, сжав зубы, наблюдает как Лаура, с сосредоточенным лицом, делает ему укол. Следующее фото, как он, оскалившись, в сдвинутом на затылок шлеме, строчит из «MP-38\40» в глубину траншеи, а рядом сидящая Лаура заряжает ему магазины. Потом она же стреляет из «люгера», пока он кидает гранаты.

Небольшая передышка, кофе из термоса, и снова работа. На этот раз Лауру переодели в красивое платье, туфли на каблуках, ярко накрасили и заставили бежать, в ужасе оглядываясь. Над ней навис звероподобный солдат во французской военной форме, с капающей от возбуждения слюной и винтовкой со штыком. Видимо, ещё один колоритный персонаж из работников полигона. Гюнтер должен был сделать вид, как протыкает его своим штыком. Затем настала очередь англичанина, который, отбросив свой «Ли-Энфилд» и каску, похожую на тазик для бритвы, бежит за красавицей-немкой, на ходу расстёгивая форму. Его Гюнтер должен был угостить прикладом винтовки. И заключительный кадр, улыбающийся Гюнтер, в расстёгнутом на шее кителе и сдвинутом на затылок шлеме, крепко обнимает спасённую немку, а она радостно целует его. Снято!

— Отлично, герр оберштурмфюрер! Мне понравилось, как вы получились на фото! Кстати, Фридрих подготовил ваши вчерашние фотографии, если хотите, могу вам их отдать в министерстве... — улыбаясь, заявила Ханна.

— Буду вам благодарен, фрау Грубер! — поблагодарил её Гюнтер.

— Фрау Грубер, неужели мы с Гюнтером теперь будем знамениты на весь Рейх? — с восторгом спросила Лаура. Её глаза горели от восторга. Снималась она с удовольствием.

— Вы получились очень фотогеничной вместе с оберштурмфюрером. Теперь начнётся работа над фото. Часть выпустят без изменений, другие переделают на плакаты наши художники... — ответила Ханна. — Кстати, вы не будете возражать, Лаура, если я украду вашего Гюнтера на полчаса? Мне нужно дать ему советы по поводу съёмок и передать кое-что его матери. А вы пока погуляйте по округе, недалеко есть речка, а вон там поляна с прекрасными цветами! Хорошо?

— Ой, конечно, фрау Грубер! Я понимаю. Обязательно побываю на поляне и на речке! Я вообще люблю бывать на природе но из-за работы редко получается выбраться за город... — воскликнула Лаура.

Ханна подхватила удивлённого Гюнтера под руку и чуть ли не потащила к бараку. Когда они отошли от Лауры, он вытащил руку и осторожно спросил:

— Ханна, что случилось?

— Подожди, сейчас придём и я всё расскажу... — тихо пробормотала Ханна, оглянувшись назад. Они зашли в ту часть, где была настоящая гора одежды в шкафах, военная и гражданская, мужская, женская и детская. Захлопнув дверь, женщина обернулась к нему и несколько секунд молча смотрела на Гюнтера. Потом спросила:

— Эта Лаура действительно твоя девушка? — её голос был напряжённым и удивил его.

— Да, а что?

— То есть ты посмел привезти сюда свою девушку? Эту маленькую сучку?! — Ханна, похоже, была в ярости.

Гюнтера охватила злость. Он приблизился к ней и схватил её за волосы, намотав на кулак.

— Не смей так говорить о ней, Ханна! Иначе... — прорычал он ей прямо в лицо.

— А то что? Ударить? — усмехнулась она, бесстрашно глядя ему в глаза.

— Если разозлишь — ударю! — пригрозил Гюнтер, ещё сильнее накручивая волосы. Женщина поморщилась от боли, но не пыталась освободиться. — Что с тобой вообще? Какая тебе разница кто она мне? Ты хотела медсестру, я привёз! В чём дело? Ведёшь себя как ревнивая жена!

— А если так и есть? Думаешь, мне приятно видеть тебя с другой? Ты обо мне подумал? — задыхаясь, спросила она. Слегка остыв, он отпустил её волосы, но Ханна осталась стоять рядом с ним.

— О чём ты говоришь? Какая ревность? Ты сама замужем, а я свободный мужчина! Могу встречаться с кем хочу! И трахать кого хочу! — не сдержавшись, громко сказал Гюнтер. — Или ты собралась мне указывать?

— Тогда ответь мне на вопрос... Если у тебя есть девушка, зачем ты встречаешься со мной? — спросила Ханна. Она подошла вплотную к нему и смотрела на него в упор.

— Ханна, а ты догадайся! Ты же умная! — ответил Гюнтер. Он мог бы сказать, но зачем? Пусть сама поймёт.

Некоторое время она всматривалась в его спокойное лицо. А потом улыбнулась.

— Я поняла, почему... Она тебя любит, это ясно любому. А вот ты её нет! Да, она очень нравится тебе, неудивительно, молодая и красивая... вот только человек не может влюбиться в того в кого хочет. Сердце само выбирает. Но ты собственник! Даже не любя её, ты хочешь чтобы она была твоей! И я думаю, она не будет единственной... — усмехнулась женщина. — И ещё... она неопытная в сексе. В отличии от меня... Тебе же нравится что я такая развратная, верно? Что, несмотря на возраст, выгляжу так, что мужчины головы сворачивают мне вслед..

Гюнтер был поражён. Она что, читает его мысли? Всё действительно было именно так. Крепко привязавшись к Лауре, он не считал для себя зазорным хотеть Еву, Ханну да и тех кого спас при пожаре... и при этом не чувствовал мук совести. По сути, получалось, он был каким-то бабником? Похоже, так и есть, раз не влюбился. Да и плевать! Ему нравились такие отношения, а значит, нет смысла бороться с собой. Он будет дарить Лауре, Еве да и другим женщинам свою ласку и страсть, и получать то же самое обратно. А если всё раскроется... как-нибудь выкрутится. Он хмыкнул и, отвернувшись от неё, подошёл к окну. Лауры не было видно, наверное, пошла к реке или на поляну. Фридрих болтал с рабочими полигона.

Внезапно он почувствовал, как женщина подошла сзади и прижалась к нему.

— Надеюсь, ты не собираешься бросать меня? — слова были сказаны ласково, но в них ему послышалось напряжение.

— Не собираюсь, если ты поймёшь главное... У нас с тобой только секс и ничего больше. Мне хорошо с тобой, тебе со мной. Иначе... ищи себе другого любовника... — эти слова дались ему тяжело. Он уже немного привык к Ханне и не хотел прерывать с ней связь. Но надо было определить отношения на будущее, чтобы потом не было каких-нибудь непоняток.

— Скажи... чем тебя она так зацепила? — прошептала ему на ухо Ханна. — Кроме того что молодая и красивая? — Её шаловливые пальчики опустились ему на пах и начали легонько поглаживать его.

— Она любит меня. Готова на всё ради меня. Не предаст и всегда будет на моей стороне... — произнёс он, продолжая смотреть в окно. Под воздействием её ласк его член начал твердеть, намекая телу, чего он хочет.

— Я понимаю... А вот ЕМУ всё равно с кем, верно? — тихо засмеялась она, расстёгивая ему ширинку и вынимая готовый к бою орган. Опустившись на колени, она посмотрела на его член и прошептала: — Как же он красив! Обожаю его..

Заглотив его, она стала быстро работать языком, облизывая уздечку и головку хозяйства Гюнтера. Оторвав взгляд от окна, он опустил глаза вниз. Сидящая на коленях развратница, закрыв глаза, самозабвенно сосала его член своими накрашенными губами.

— Ты, совсем сошла с ума, Ханна? Здесь же могут нас увидеть! Сама сказала, что не занимаешься этим на работе? — пытался образумить её Гюнтер. Она оторвалась от его органа и тихо произнесла:

— После знакомства с тобой я пересмотрела некоторые свои взгляды... Да и потом... — она усмехнулась. — Я же, по твоим словам, замужняя шлюха? Вот и веду себя соответственно! — и снова жадно присосалась к члену.

Гюнтер застонал. От её слов, пошлого вида между ног, он почувствовал, что начинает терять контроль, все мысли сосредоточились внизу, в голове поселилось только желание. Взяв Ханну за волосы, он стал насаживать её голову, к его удивлению, она не стала вырываться и покорно проглотила его член до самых яиц.

— Какая же ты развратная шлюха, Ханна... — прорычал он. — Я буду тебя трахать когда и где захочу, поняла? — его голос прервался когда Ханна, что-то проурчав, сделала последнее движение языком и Гюнтер захрипел, спуская в неё всё что накопилось со вчерашнего дня. Женщина не отрывалась от него, пока не выпила всю его сперму. Посмотрев на него, опёршегося на стену, она довольно облизнулась и сказала:

— Почему она у тебя такая вкусная? Что ты ешь? Сладкие пирожные? — и рассмеялась. Потом достала платочек, аккуратно вытерла свои губы, его член, и со вздохом присела на стул.

— Путь твоя Лаура молода и красива, но зато я намного опытнее и тебе со мной приятнее в сексе. Верно?

Гюнтер не был в этом уверен, всё-таки от Лауры он тоже улетал в рай, но почему бы не сделать комплимент женщине, принёсшей ему такое наслаждение?

— Верно... — проговорил он. В голове ещё отдавались отголоски удовольствия, но в целом, он приходил в себя.

— А что касается того что ты сказал... Я согласна! Когда и где захочешь... — она покачала головой. — Боже, что я говорю?! Просто потеряла голову от тебя и НЕГО... С

тобой я стану вообще озабоченной нимфоманкой... Пусть между нами будет только секс! Мне плевать, сколько ещё любовниц у тебя будет, Гюнтер! Главное, чтобы ты не забывал про меня! — она внимательно, без улыбки, смотрела на него.

— Тебя забудешь, как же... — усмехнулся Гюнтер. В первый раз он встретил такую как Ханна. Она словно была рождена для секса и наслаждений, воистину, суккуб.

Женщина, между тем, отдохнула и, быстро приведя себя в порядок, направилась к двери. Гюнтер удивлённо посмотрел на неё.

— Подожди, ты куда? А сама?

Она усмехнулась и ответила:

— Ты сейчас небоеспособен, Гюнтер. Так что я подожду до следующего раза.

— Стой! Я тебе сейчас помогу! — он оторвался от стены и пошёл к ней.

— Гюнтер, не надо! Уже пора выходить, твоя Лаура... — она начала открывать дверь. Гюнтер своим весом снова захлопнул её и схватил за волосы.

— Ты выйдешь отсюда, только когда я тебе разрешу! — прорычал он ей в лицо. Гюнтер увидел, как в глазах Ханны снова появилась похоть, рот приоткрылся. Она безвольно опустила руки, смотря ему в глаза, и глубоко задышала.

— Гюнтер... что ты задумал?

Он за волосы подтащил покорную женщину к одному из шкафов с одеждой и прижал её лицом к нему. Другой рукой начал задира́ть юбку. Его член, казалось бы, пустой, снова стал наливаться силой, что приятно удивило Гюнтера. Похоже, слова богини оказались правдой, его сексуальная сила и выносливость явно повысилась. Первоначально он хотел довести её пальцами, но, похоже, можно будет использовать основное оружие. Зная, что времени осталось мало, он быстро задрал ткань длинной юбки до пояса, а трусы приспустил, и без подготовки вошёл в неё. Женщина чувственно застонала и закусила свою губу от его напора. Она повернула голову к нему и спросила:

— Ты что... успел вос. становиться? — глаза её закрылись от удовольствия, и она начала подмахивать ему.

Спустя несколько минут сладостного процесса, он глухо застонал, уткнувшись в её волосы, и снова излился в неё, чувствуя, как её влагалище резко сжалось. На этот раз было мало семени, но этого хватило для Ханны. Она, мелко дрожа и скуля, сползала по шкафу вниз и осталась лежать на полу, закрыв глаза.

Гюнтер, тяжело дыша, быстро застегнул штаны, поправил форму и сказал:

— Вот теперь порядок!

Удовлетворённый, он наклонился к женщине и произнёс:

— Подходи побыстрей, Ханна, надо ехать!

Ему ответом был стон. Довольно улыбнувшись, он открыл дверь, вышел наружу и вдохнул свежий воздух. Подойдя к Фридриху, Гюнтер поговорил с ним о фото, потом подошла Лаура с букетом цветов, и наконец, минут через 15, появилась Ханна. Она привела себя в порядок, подкрасилась, но взгляд её был слегка растерянный, как будто женщина чего-то не понимала. Вяло махнув рукой, она пошла к машине. Все остальные за ней. Уселись в том же порядке, только теперь наоборот, Лаура всю дорогу смотрела в окно и тихо разговаривала с Гюнтером, а Ханна почти сразу заснула. Усмехнувшись, он подумал, что теперь она сама от него никуда не денется.

Приехав в город, они вылезли перед входом в министерство, Гюнтер помог выйти и Ханне. Та, в полусонном состоянии, тихо попрощалась и зашла в здание. Быстро убежавший

куда-то Фридрих принёс Гюнтеру фотографии, сделанные вчера и, распрошавшись, тоже покинул их.

— Милый, а что случилось с фрау Грубер? Она какая-то усталая выглядит... — поинтересовалась Лаура.

— Наверное, утомилась... — ответил он, с трудом скрывая улыбку. — Ну что, поедem домой?

— Да! Я тоже устала!

— А ведь нам ещё вещи разбирать! — огорчил он её.

— Ой... я и забыла... — понурилась девушка. — Но ничего, раз надо то сделаем!

— Какая ты у меня молодчина, Лаура! — обнял её Гюнтер, и повёл к такси.

Приехав к дому, Гюнтер снова разозлился, проклятая машина стояла, как ни в чём не бывало. Выругавшись сквозь зубы, он обошёл «опель» и они начали подниматься наверх. Войдя в квартиру, Лаура, со вздохом облегчения упала в кресло и сказала:

— Милый, я немного отдохну, и мы начнём, хорошо?

— Да, Лаура, я тоже что-то утомился... — Гюнтер с наслаждением разместился в другом кресле.

Внезапно в квартире раздался звонок.

— Кто там ещё? — раздражённо отозвался он, и хотел идти к двери.

— А я и не знала, что у тебя есть телефон... — удивлённо протянула девушка.

Гюнтер застыл на месте, когда снова раздался звонок.

— Я тоже... — Его голова повернулась в сторону телефонного аппарата на тумбочке в прихожей, которого утром точно не было. Он это хорошо помнил, потому что на этой самой тумбочке утром, перед отъездом на съёмки, стояла сумочка Лауры. Получается, пока они были за городом, здесь материализовался телефон? Чудеса какие-то..

Снова раздался звонок. Не спуская глаз с аппарата, Гюнтер медленно подошёл к нему и осторожно взял трубку.

— Алло? — с удивлением спросил он.

— Гюнтер? Наконец-то... Я звоню уже в третий раз. Вы где были? — раздался в трубке голос баронессы.

Гюнтер удивлённо поднял брови. Откуда Мария знает его номер? И вообще, откуда она знает что у него появился телефон? Проклятье, что происходит?!

— Я... Я был на съёмках... Так, подождите, баронесса, я ничего не понимаю... — растерялся он. Лаура, в своём кресле, вся превратилась в одно большое ухо.

— Что именно? — весело поинтересовалась аристократка.

— Откуда у меня взялся телефон? И как вы смогли узнать мой номер если даже я сам его не знаю? — у Гюнтера голова шла кругом, он никак не мог постичь логику событий. Утром не было телефона, а теперь взял и появился!

— Ах, это... Ничего особенного, Гюнтер. Его установили по моей просьбе. Естественно, и ваш номер я тоже узнала... — скучающим тоном пояснила женщина.

— По вашей?! — к неудовольствию Гюнтера, ситуация лишь ещё больше запутала его. — Но зачем? И каким образом?

— Ох, Гюнтер... Какой вы дотошный иногда... — она рассмеялась. — Всё очень просто. Мы с девочками хотели бы общаться с вами почаще, но это трудно, так как мы живём далеко друг от друга, а позвонить было невозможно. Поэтому я решила эту проблему.

— Оригинально вы решили... — пробормотал Гюнтер, постепенно приходя в себя.

Лаура встала со своего кресла и подобралась к нему поближе. — Но как вы это сделали?

— Вы же знаете, я обладаю определённым влиянием. Я попросила кое-кого, и вам провели линию. Теперь мы с вами сможем общаться каждый день.

— Но меня не было дома! Как телефонный мастер попал в квартиру?

— Он постучался к вашей хозяйке и объяснил ситуацию. Она открыла дверь и проследила за установкой. Что-то не так? — в её голосе появилось беспокойство.

— Нет... всё нормально. Просто... — он вздохнул. — Я ещё не пришёл в себя от вашего подарка.

— Что вы, разве это подарок? Это не стоило мне абсолютно ничего. Просто мы захотели чаще общаться. Кстати! Хорошо, что вы напомнили, Гюнтер! Как вам наш подарок? — заговорщицким тоном спросила она. На заднем фоне послышались неразборчивые голоса её очаровательных дочерей. — Да, девочки, сейчас как раз спрашиваю..

— Не понял... Вы ещё что-то подарили? — снова растерялся Гюнтер.

— Странно... Ваша хозяйка разве не рассказала вам? — удивилась баронесса.

— Не рассказала что? Я ещё её не видел... — воистину, он уже понял, что сегодня день загадок, которые Гюнтер должен разгадывать.

— Что ж, так даже интереснее... Тогда подойдите, пожалуйста, к окну, Гюнтер! — по её голосу он понял, что она улыбается. — Девочки, тише, не шумите! — обратилась она к дочерям.

Гюнтер, чувствуя себя немного клоуном, подошёл к окну и посмотрел в него. Всё было как обычно: люди, машины, здания..

— Я подошёл, баронесса. Может, всё-таки скажете, что вы хотите от меня? — начал терять терпение Гюнтер.

— Немного терпения, Гюнтер... Теперь посмотрите вниз... Что вы видите?

— Да всё то же что и раньше! Ничего нового! — ответил он с раздражением.

Аристократка весело рассмеялась. Несмотря на некоторую злость и досаду на неё, он вынужден был признать, что она, несмотря на внешнюю холодность, обладает неким привлекательным шармом.

— Скажите, что находится прямо перед вашим входом?

Гюнтеру сразу попался на глаза этот проклятый «опель», который уже конкретно достал его, точнее, неизвестный водитель этого роскошного автомобиля. Нет, всё-таки надо бы зайти к хозяйке и узнать кто такой этот мажор..

— Какой-то неизвестный придурок поставил свой автомобиль прямо перед нашей дверью! Ничего, сегодня я обязательно узнаю кто это... и обстоятельно объясню этому засранцу правила парковки! — не сдержался Гюнтер.

Смех баронессы превратился в настоящий хохот.

— Не понимаю, что вы находите в этом смешного? — ещё больше разозлился он.

— Извините меня, Гюнтер... Но в таком случае вам придётся объясняться с самим собой! — с трудом сдерживая смех, пояснила Мария.

Гюнтер с трудом удержался от резкости, выдохнув сквозь зубы. Похоже, баронесса точно решила довести его до белого каления... Что ж, у неё это отлично получается.

— Знаете, баронесса, если вы решили сегодня посмеяться надо мной..

— Ох, я и не думала об этом! — открестилась она. — Всё дело в том... что это вы хозяин этой машины.

— Что? О чём вы говорите? — не понял Гюнтер.

— Объясняю ещё раз... Эта машина ваша. Я же вам говорила, что от нас будет ещё подарок? Так вот, это он и есть. Мы с девочками подумали и решили, что подарок должен быть не только приятным, но и полезным. Выбор пал на автомобиль... — закончила аристократка. А на заднем плане снова послышались голоса девушек:

— Поздравляем, Гюнтер!.. Как тебе подарок?.. Цвет нравится?

Гюнтер усмехнулся. Кого они собираются надуть? Подарить ему автомобиль? Что за бред?

— А почему не самолёт? — пошутил он.

— Ирма предлагала купить «Юнкерс-52» но мы решили, что он всё равно вам не понадобится... — серьёзным голосом ответила женщина.

Внезапно он заподозрил что это, возможно, не шутка, и ощутил настоящую потребность присесть. Лаура подошла вплотную и заглянула ему в глаза. Гюнтер ответил ей растерянным взглядом. В голове стало пусто, и голос Марии куда-то отдалился. В себя его привело объятие девушки.

— Так это не шутка?! — спросил он каким-то придушенным голосом. Похоже, внезапная проблема с дыханием.

— Вы что, до сих пор ещё не поверили? — удивилась аристократка. И добавила: — Так как вам наш подарок?

С трудом проглотив комок в горле, он ответил:

— Спасибо... очень понравился..

— Кстати, вы не забыли про день рождения фюрера в эту субботу? — внезапно сменила она тему.

— Конечно, нет! Как я могу забыть эту знаменательную для каждого немца дату? — с негодованием ответил Гюнтер. Чтобы он, эсэсовец, не помнил про 20 апреля?

— Я рада! Так вот, в этот день я настоятельно приглашаю вас к нам в гости. Помните, вы обещали! Так что, возражения не принимаются, слышите?

— Подождите, баронесса... — попытался прийти в себя Гюнтер. — Но там же, как я понимаю, соберутся все ваши знакомые аристократы? Что я там буду делать, простой офицер охраны?

— То, что умеете — охранять меня... и девочек! — отмела его слабую отмазку аристократка. — Заодно, поглядите на наше «высшее общество».. — с иронией добавила Мария.

«Век бы не видеть эти напыщенные рожи с превосходством в глазах... Стоп!»

— Что значит охранять? Вам грозит опасность? — разом собрался Гюнтер. К его удивлению, чувство беспокойства за своих спасённых всколыхнулось внутри него.

— Конечно! Вы знаете, сколько разных мужчин меня атакуют при малейшей возможности? Очень много! И все убеждают, что им нужна я, только я, и никто даже не думает о моём богатстве.. — Мария грустно вздохнула и проговорила с ноткой печали и просьбы: — Гюнтер, я была бы вам очень благодарна, если вы согласитесь почтить нас своим визитом... Так хочется увидеть рядом хоть одного приятного человека, а не сборище болтунов и интриганов с древними фамилиями... И девочки тоже будут очень рады вам..

Гюнтеру не хотелось общаться с кучей надутых индюков, но и отказывать Марии тоже не было желания. Он же обещал... Ладно, надо съездить, раз его приглашает сама баронесса.

— Хорошо, я приеду, если позволит служба. Вы же знаете где я служу... — намекнул

он.

— О, если дело только в этом... То не беспокойтесь! — повеселевшим голосом ответила Мария.

— Что значит, не беспокойтесь? — насторожился он. — Вы хотите сказать..

— Нет, Гюнтер, я ничего не хочу сказать! — на корню пресекла его любопытство женщина. — Тогда мы договорились, приезжайте к 6 вечера. Кстати, прислать за вами машину или вы сами приедете на нашем подарке?

Гюнтер подумал и ответил:

— Думаю, приеду на вашем «опеле». Но учтите, разговор об этом подарке ещё не окончен! Я собираюсь серьёзно поговорить с вами на эту тему, баронесса!

— Хорошо, Гюнтер, всегда рада пообщаться с вами. Всего хорошего, мы вас ждём в субботу! До свидания!

— До свидания! — ответил Гюнтер и положил трубку. Устало откинулся на спинку стула и посмотрел на Лауру.

— Представляешь, милая, оказывается у нас теперь есть машина..

Девушка широко улыбнулась и радостно спросила:

— А кто тебе подарил машину и почему? Это же очень дорого!

— Это для нас дорого, а вот для баронессы, видимо, не очень... — вздохнул Гюнтер. — А подарила она мне машину, скорее всего, за своё спасение. Но я планирую вернуть её обратно, слишком большой подарок для меня. Вот поеду к ним в гости и доставлю машину обратно... — решил он.

— А пошли посмотрим на неё! — загорелась Лаура. Она вскочила и, не слушая его горестный стон, выскочила из квартиры. Гюнтер, ворча, последовал за ней. Спустившись вниз, они зашли к хозяйке, и она выдала ему документы на машину, которые передал ей водитель Марии.

Подходя к злосчастной машине, он увидел хмурую Лауру, которая с грозным видом осматривалась по сторонам. Уперев ручки в бок, она смотрела на машину.

— Что случилось, милая?

— Ты представляешь, какая наглость? Какой-то подонок уже успел испортить нам машину! Руки бы оторвать этому бандиту! — со злостью проговорила девушка.

— Что значит, испортил? — не понял Гюнтер, обходя машину. Но тут же остановился как вкопанный, увидев вмятину на водительской двери, которую оставил лично.

«Твою же мать!!!»

Тот же день. Берлин.

Адольф Гитлер.

Наскоро разобравшись с делами в Норвегии и подготовкой плана «Гельб», фюрер удобно разместился в кресле, в кабинете, и, рассеянно поглаживая собаку по голове, принялся размышлять о том что теперь делать со всезнающим оберштурмфюрером, после того как эта глупая Ева проговорила о письме шефу СС.

Вариантов было немного. Оставить всё как есть? Тогда велик был риск что любопытный Гиммлер начнёт наводить справки уже у самого Гюнтера, пользуясь тем что является его непосредственным начальником. Конечно, он, фюрер, прямо запретил ему рассказывать об этом даже рейхсфюреру, но кто знает что ещё придумает «верный» Генрих? Может и к Еве обратиться, а уж та явно не из тех кто сможет возражать его соратнику.

Всё-таки запереть Гюнтера под замок? Ну и что? Это не помешает Гиммлеру добраться до него, если тот захочет, ведь охрана всё равно будет состоять из его людей. Даже если привлечь РСХА, или людей из других организаций, нет гарантии что они смогут защитить его.

Сделать его каким-нибудь своим личным порученцем с подчинением лично фюреру? Это уже более реальный вариант. А может... отправить его на войну? Скоро нападение на Францию, пусть отличится, да и подальше от Гиммлера будет. Правда есть риск гибели на фронте... Нет, нужно обдумать это основательнее! В конце концов, он уверен что Гюнтер рассказал ему не всё что знал. Несомненно, есть то, о чём он умолчал. Причина?

Фюрер громко фыркнул. Собака с любопытством покосилась на него, но увидев, что её хозяин занят размышлениями, снова прикрыла глаза от удовольствия.

Причина в том, что наверняка есть информация опасная или неприятная для него, фюрера. Или же для самого Гюнтера. Возможно, стоит спрашивать его с пристрастием? Ведь он имеет право всё знать, как фюрер германского народа. Кстати, пора бы уже оберштурмфюреру прислать свои письменные предложения для того чтобы Гитлер рассмотрел их пользу. Скорее всего, надо вызвать его после дня рождения. Интересно, кого пригласить кроме старых соратников? Еву? Нет, ни за что! Вот когда научится держать язык за зубами, тогда он подумает о её прощении. А пока пусть страдает, дура бестолковая!

Вспомнив наивные рассуждения ээсовца о союзе с русскими, Гитлер негодуя сжал пальцы в кулак, не заметив, что собаке больно. Что бы он, фюрер, пошёл на это?! Никогда! Да, сначала надо разделаться с французами на материке. Потом придёт черёд жителей туманного Альбиона, если они не примут его условия о союзе. Естественно, в этом союзе главный будет он, фюрер. А англичане только на вторых ролях. Если же они не поймут всей выгоды его щедрого предложения, то он не остановится перед тем, чтобы обрушить свою мощь на этот жалкий остров. Предварительно стоит послать к ним какое-нибудь доверенное лицо для тайных переговоров, кандидатуру он назначит позже. Главное, чтобы Чемберлен прислушался к нему, судя по сведениям абвера, человек он договороспособный. Ну, а потом, после того как Англия будет в его стойле, настанет черёд и России.

Гитлер зло усмехнулся. С самого начала своей политической карьеры он всегда был убеждён, что коммунисты вторые по значимости враги всего мира после евреев. Достаточно было вспомнить, как эти красные ублюдки пытались создать в Германии свои советские республики, Бременскую и Баварскую. Сам Гитлер в то время был депутатом от Солдатского Совета Баварской республики, но всегда оставался тайным сторонником ультраправых идей. Его тогда едва не расстреляли каратели Эрнста Рёма. Что ж, теперь он расплатился со своим «спасителем».

Россия... Почему такая несправедливость!? Огромные ресурсы, очень много земли... и настолько неполноценный народ! Ему нужна твёрдая власть, немецкий порядок. Конечно, для тех, кому разрешат жить германские хозяева. Остальных в расход. Он уверен, что при нападении на СССР его солдат будут многие встречать с улыбками. Ведь сами коммунисты с помощью своих репрессий и грабежом народа этого добиваются. Нужен лишь толчок и Сталин будет свергнут! Потом посадить на его место какого-нибудь послушного болванчика и всё станет как надо. Но особенно радовала фюрера неистощимая наивность многих русских, уверенных, что их лидеры всегда хуже чем в других странах. А значит, надо их сбросить и поставить других, которые дадут им кучу денег, власть и богатство. Сколько уже раз эти идиоты поднимали восстания против царей, думая, что другой царь даст им то что не

дал предыдущий. Считали, что хуже уже не будет... Какая тупость! Впрочем, поделом им! Дураков жизнь никогда не учит, пусть теперь ещё Сталина сбросят, а потом, он, фюрер, покажет им их настоящее место. Они почему-то уверены, что все им что-то должны. Улучшать их жизнь, платить деньги за работу, прислушиваться к их словам... Придёт время, и они будут благодарить Гитлера за миску протухшего супа и кусок гнилого хлеба после 16-часового рабочего дня, если хотят жить. Тогда жизнь при царях и Сталине будет вспоминаться им как сладкий сон, но будет уже поздно..

Фюрер улыбнулся. Уже недолго осталось. Как только с союзниками будет покончено и промышленность освоит новое вооружение, Вермахт обрушится на русских, чтобы раз и навсегда решить славянский вопрос. Если потребуется, будет гнать их до Урала, Сибири, до Владивостока. Не получилось у шведского короля и французского императора? Потому что они слабаки и командовали неполноценными армиями. У него, Гитлера, всё получится, ведь германский народ непобедим, а немецкие солдаты самые лучшие в мире!

Берлин.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Он сидел в тиши своего кабинета и напряжённо думал. Что-то вокруг него определённо происходило, но Гиммлер никак не мог понять причину и последствия этого. Всё началось с того, что он вполне невинно спросил фюрера про письмо. Всё же, это немного необычно, когда его подчинённый, без его ведома, передаёт какие-то таинственные записи вышестоящему начальству. Если бы Гитлер ответил правду или даже просто отшутился, то Генрих не придал бы этому особого значения, мало ли, что там было? Может, записка от восторженной поклонницы..

Но после того как Гитлер резко дал ему отповедь и запретил даже интересоваться этим вопросом, Гиммлер, наоборот, заинтересовался. Его любопытство и профессиональная паранойя проснулись, и он решил докопаться до сути, естественно, втайне от фюрера.

К его удивлению, это оказалось не так просто, как он думал. Самое простое предложение, вызвать подчинённого и просто допросить, провалилось. Оказывается, этот оберштурмфюрер оказался связан секретностью и приказами лично от фюрера. Даже попытка убедить его с помощью ложного распоряжения Гитлера не удалась. Получается, это было настолько важное письмо, что фюрер запретил говорить о нём даже ему, рейхсфюреру, который отвечает за безопасность Рейха? Напрашивается вывод, что информация, содержащаяся в нём, опасна для Гиммлера, раз его не сочли нужным проинформировать. Пришлось отпустить подчинённого, предварительно предупредив, чтобы тот держал язык за зубами и не рассказывал об этом разговоре Гитлеру. Незачем Гиммлеру снова получать головомойку от фюрера за излишнее любопытство.

Тогда рейхсфюрер решил поговорить с Евой, предельно корректно и ласково, чтобы та не вздумала испугаться и пожаловаться Гитлеру. Но и тут его ждала неудача. Глупая и болтливая девушка неожиданно упёрлась и тоже ничего ему не сказала, отговариваясь теми же приказами, полученными от фюрера. Удивлённому, и слегка разозлённому Гиммлеру ничего не оставалось сделать кроме как отпустить её, опасаясь жалобы на него.

Шеф СС задумчиво побарабанил пальцами по своему роскошному рабочему столу. Ленивый интерес, благодаря неожиданно открывшимся обстоятельствами, превратился в острое любопытство и желание во что бы то ни стало выяснить всё про это письмо. Раз фюрер связал этих обоих приказами, значит, надо искать способ как-то обойти их. И он

непрерывно найдёт его, ведь это его обязанность, знать всё что происходит на его территории.

Подумав, он вызвал в кабинет своего адъютанта. У личного секретаря и тайной любовницы Гиммлера, Хедвиг Поттхаст, сегодня был выходной.

— Рудольф!

Через несколько секунд дверь в кабинет приоткрылась, и внутрь зашёл Брандт.

— Слушаю, рейхсфюрер!

— Вызови ко мне немедленно Вальтера Шелленберга.

— Будет исполнено, рейхсфюрер! — щёлкнул каблуками Рудольф.

Его доверенный человек, Шелленберг, возглавлял отдел Е (контрразведка) в IV управлении РСХА (гестапо). Гиммлер доверял ему больше чем другим своим помощникам, зная, что тот обладает хорошей актёрской игрой и опытом спецопераций, что доказала блестяще выполненная операция в Вен-ло, на германо-нидерландской границе в прошлом ноябре.

Через несколько минут его молодцеватый помощник вошёл в кабинет и вскинул правую руку вверх.

— Хайль, Гитлер! Вы хотели меня видеть, экселленц?

— Да, Вальтер, садись! — пригласил его Гиммлер. Подождал, пока тот усядется на диван в углу кабинета и сказал:

— Вальтер, для тебя есть новая работа..

— И почему я не удивлён, рейхсфюрер? — усмехнулся Шелленберг. — Что-то важное?

— Конечно! Пора бы уже знать, что у меня не бывает для тебя неважных поручений.

— Простите, это был неуместный вопрос! Где будет операция и как мне к ней готовиться? — деловым тоном спросил Вальтер.

— Хм... — задумался Гиммлер. — Ты должен установить плотное, но незаметное наблюдение за двумя людьми. Я должен знать о каждом их шаге, с кем встречаются, о чём разговаривают..

— Стандартная задача... — ответил Шелленберг, слегка нахмурившись. — Не понимаю, почему для этого нужен именно я?

— Потому что объекты нестандартные! — нравоучительно заметил шеф СС. — Один из них охранник фюрера. А другая... известная тебе Ева Браун.

— Ого... Неожиданно, согласен! Что, есть какие-то подозрения? — осведомился подчинённый.

— Есть кое-что странное... Поэтому ты должен сделать так, чтобы странное стало понятным. И учти, они не должны ничего заметить! Ясно? — уточнил Гиммлер, внимательно глядя на своего помощника.

— Предельно ясно, рейхсфюрер! Они не заметят! Да, и ещё... Может, обыск у них дома провести? Тайный? — предложил Вальтер.

— Обыск? — снова задумался рейхсфюрер. — Если только очень незаметный. Они не должны знать о нашем интересе!

— Они не узнают! — Он встал и одёрнул форму. — Разрешите идти, рейхсфюрер?

— Иди, Вальтер. Доклад каждые два дня! — приказал Гиммлер.

— Я понял, экселленц! До свидания! — попрощался он и вышел за дверь кабинета.

Гиммлер устало помассировал переносицу и решил, что сегодня вечером надо обязательно навестить Хедвиг. Соскучился он по ней. Работа работой но и о себе забывать

нельзя.

Глава 19

17 апреля 1940 года. Москва.

Александр Самсонов.

— Здравствуйте, Александр Григорьевич! Как дела, настроение? — поинтересовался у него старший майор Круглов. Сегодня он выглядел каким-то оживлённым. Форма отутюжена, чисто побритый, пахнет одеколоном. Кати на это раз не было, и Саша мысленно пожалел об этом. Всё-таки, в её присутствии допрос ему больше нравился.

Александр усмехнулся. Спрашивает, как будто не знает этого. Или это он так шутить изволит?

— Спасибо, товарищ старший майор, у меня всё нормально, вашими стараниями.

Вчера его не вызывали на допрос, и он весь день провёл в камере, лениво перебирая в уме всё что с ним случилось, иногда прерываясь на сон. Сегодня утром Сашу накормили как обычно и даже принесли опасную бритву, которой он и побрился под пристальным наблюдением охранника. Похоже, следили чтобы он не порезал самого себя... А что, мало ли? Вдруг у него помутнение рассудка случится или жизнь станет не мила? Но Саша уже отошёл от того фатального безумия, которое он устроил в кабинете прошлого следака. Вообще, такое состояние посетило его в первый раз. Это вызывало у него тревогу и, одновременно, некоторую радость. Всё-таки приятно осознавать, что ты можешь в безнадёжных обстоятельствах превзойти самого себя. Жаль только, что впадение в такое состояние он пока так и не смог проконтролировать полностью. Видимо, для этого должна быть реальная угроза смерти, а обмануть подсознание, находясь в относительной безопасности, он не смог. Ведь тогда инстинкт самосохранения, один из самых сильных инстинктов человека наряду с инстинктом размножения, просто отключился. Полностью, как будто нажали некую кнопку. Никакого страха смерти, только пьянящая радость от боя и гибели врагов. Прямо какой-то «универсальный солдат», только без внешнего управления. Неважно сколько этих врагов, неважно чем вооружены... просто идёшь и убиваешь. С другой стороны, страх человеку необходим, если он хочет жить, особенно на войне. Главное, держать его в узде и не давать завладеть собой.

— Так, сегодня мы с тобой поедem в гости к одному очень важному человеку! — огорошил его Круглов. — Там ты ему расскажешь всё что он захочет знать. И очень советую тебе ничего от него не скрывать! От него будет зависеть твоя дальнейшая судьба! — со значением произнёс следователь.

— Неужели к самому товарищу Сталину? — не удержавшись, пошутил Александр.

— Держи карман шире... Размечтался! — отмахнулся Круглов. — Кто ты и кто он... Так, вроде ничего не забыл... — он открыл стол, вынул пару папок и засунул в портфель. — Охрана!

Они со следователем вышли во внутренний двор здания и уселись в машину, только с обеих сторон Саши ещё примостились два охранника, зажав его между собой. Через несколько минут они на чёрной «эмке» выехали со двора и покатали по московским улицам.

Александр с любопытством смотрел по сторонам.

Москва 1940 года выглядела довольно колоритно для жителя двадцать первого века. Очень мало машин, по сравнению с будущим. Это и понятно, сейчас для людей автомобиль

именно роскошь, а не средство передвижения. Купить его могут лишь богатые или влиятельные люди, да и то это довольно хлопотное дело. В основном, разным руководителям назначаются служебные машины. Мимо часто проезжали разные допотопные грузовики, то ли ГАЗ-ММ «полуторки» то ли другие модели, Саша в них не разбирался. Также попадались автобусы, набитые пассажирами, а один раз мимо них величаво проплыл двухэтажный троллейбус, выкрашенный красной краской. Удивлённый Александр, вывернув шею, наблюдал за ним, пока тот не скрылся за углом. Он даже не знал что в Москве этого времени были такие троллейбусы. В Лондоне или Берлине вроде бы были двухэтажные машины, но здесь... Еще проезжали фургоны с надписью «Хлеб» и цистерны «Молоко», что вызвало в нём улыбку. Хоть он сам и не застал конец 80-х когда похожие машины ещё ездили, но часто слышал как более старшие коллеги вспоминали о них.

Дома, мимо которых они ехали, тоже привлекли его внимание. Некоторые, судя по виду, стояли ещё при царе-батюшке, другие возведены уже при советской власти. На угловых домах иногда размещались магазины «Продукты» или «Одежда», «Обувь», «Промтовары». Простые вывески, никаких украшений, всё просто и стандартно. То и дело на перекрёстках стояли ручные тележки или прицепы с квасом, мороженым или пивом. Они проезжали, видимо, по окраинам города, так как Саша, несмотря на то что являлся москвичом, никак не мог понять где именно они находятся. Всё было незнакомо.

Люди, идущие по улицам, спешили по своим делам. Одни улыбались, весело разговаривали друг с другом, другие шли, погрузившись в свои думы и сосредоточившись на них. Мужчины часто расхаживали в пиджаках, кепках, вот промелькнул какой-то лейтенант в новенькой гимнастёрке, фуражке и чемоданчиком в руке... Женщины и девушки тоже выглядели довольно бледно для вкуса Александра. Простые длинные платья в горошек или разукрашенные цветочками. Однотонные блузки и юбки. Плащи, пальто, береты, платки. Разве что, некоторые были по фигуре. А так, жительницы Москвы 2019 года однозначно могли бы дать фору своим соотечественницам из прошлого. Он мечтательно улыбнулся, вспомнив, как любовался раньше на улице и на работе сексуально одетыми дамочками, со вкусом покрашенными и старательно делающими вид что они в упор не замечают мужских взглядов. И это при том, что они даже задницей чувствуют эти взгляды провожающие их... Вот же проказливая женская натура! А здесь... Саша грустно вздохнул. Понятно, что здешние девушки не избалованы модой, смелыми фасонами и вообще, достать какую-то хорошую вещь им непросто, но всё же... печально. Вот бы революцию сделать в этом плане, нарисовать по памяти какие-нибудь предметы одежды из будущего на его вкус. Хотя, вряд ли что получится, здешние дамы такое носить побоятся, да и всякие ханжи из комсомола и партии заклеят его как похабника, который хочет развратить невинных советских женщин, обрядив их в миниюбки, стринги и полупрозрачные одежды.

Погруженный в свои думы, Саша вздрогнул, когда их машина резко свернула в какой-то глухой двор под арку. «Эмка» остановилась, и Круглов подал знак вылезать. Охранники освободили его тело и Саша, крихтя, вылез наружу, разминая ноги и осмотревшись. Вокруг его обступали дома, откуда-то слышался детский плач, мужской мат... Возле одного из подъездов стояли пара мужчин и курили, тихо разговаривая. Одеты они были по рабочему, в кепки и лёгкие куртки. Ничем не примечательные лица, равнодушно смотревшие на них. Только взгляды, которыми они осмотрели Сашу и Круглова были цепкими и жёсткими. Когда он, вместе со следователем, заходил в этот подъезд, ему показалось, что оба парня буквально просветили его самого и одежду, словно подозревая что он там прячет ствол.

Какие-то странные работяги... Хотя, может, они и не рабочие вовсе? У них такие глаза что только в НКВД работать..

Тут он невольно вздрогнул. А ведь получается что эти двое как бы внешняя охрана? Интересно, для кого?.. Что ж, скоро он узнает. Они зашли в тёмный подъезд и поднялись на третий этаж. Круглов одёрнул форму, поправил фуражку, критически осмотрел себя и Александра, и глубоко вздохнул. Нервничает старший майор? Похоже на то... Значит, это как бы конспиративная квартира высшего начальства для встречи с разными мутными личностями, такими как он? Вполне возможно.

Следователь постучал два раза, потом ещё три. Дверь, обычная, деревянная и обшарпанная, тут же распахнулась, словно внутри так и ждали гостей. Их встретил ещё один парень, только уже в форме и фуражке. В квартире был сумрак и Саша не разглядел ни его лица ни знаков различия. Он молча посторонился и Круглов вошёл внутрь, Саша за ним. Ни слова не говоря, молчаливый «гэбэшник» протянул руку и следователь вручил ему своё табельное оружие, вытянув из кобуры. После этого неизвестный охранник быстро и ловко обыскал следователя, а потом и Сашу. Закончив, он кивнул и повёл их за собой в глубину квартиры. Судя по тонкому слою пыли на полу и предметах мебели в коридоре, люди здесь бывали редко и не утруждали себя уборкой. Пройдя через две комнаты, процессия вошла в третье помещение, в котором, в отличие от других, было полно света. Солнце врвалось внутрь, освещая обстановку и единственного человека, сидящего на диване и внимательно смотрящего на них. Несмотря на внутреннюю готовность встретить здесь кого угодно, у Александра едва не перехватило дыхание, когда он увидел его. Знакомое по фотографиям лицо, лысина на голове и знаменитое пенсне. Одет он был в хороший гражданский костюм.

— Товарищ... Берия? — выдохнул Саша в шоке. От осознания того что он находится в одной комнате с главным «гэбэшником» страны его охватил мандраж. Круглов же вытянулся по стойке «смирно» и попытался доложить:

— Товарищ..

— Отставить! Выйди! — рука властно махнула к выходу из комнаты, где стоял молчаливый охранник.

— Слушаюсь! Но... — он озадаченно посмотрел на Сашу.

— Ты не понял? — обманчиво тихим голосом спросил «грузин номер два».

— Так точно! — старший майор чуть ли не строевым шагом быстро вышел из комнаты.

Они остались вдвоём. Казалось, напряжение, повисшее в воздухе, можно резать ножом. Берия просто смотрел на него, а Саша не знал что сказать и как начать разговор. Подумав, он решил, что пусть глава НКВД сам спрашивает что ему интересно.

— Так вот ты какой, посланец из будущего? — нарушил молчание Берия. — Ты садись, не стой на пороге! — пригласил он его.

Помявшись, Александр подошёл к пыльному столу возле окна и осторожно присел на табуретку. Воцарилось молчание. С улицы отдалённо доносились звуки проезжавших машин, голоса людей..

— Наверное, гадаешь почему я решил встретиться с тобой лично? Да ещё и в таком месте? — спросил Берия, улыбнувшись. На вид он походил на доброго дядюшку, который готов побаловать племянника чем-нибудь вкусным. Но Александр несколько не обманывался таким показным добродушием и прекрасно знал что его дальнейшая судьба находится в руках этого грузина в пенсне. Всего одно его слово и он отправится в Сибирь чистить снег, или поселится в какой-нибудь тайной дыре... или вообще сдохнет. Так что

надо как-то выкручиваться.

— Да нет, это же понятно... — ответил Саша. — Здесь ваша конспиративная квартира, поэтому, чтобы не было лишних глаз, решили пообщаться тут. А лично? Информация, которую я знаю, она очень специфична. Нежелательно, если о ней узнают даже ваши люди.

Берия помолчал. Потом взял с дивана небольшую папку, открыл её и начал просматривать листы в ней. Некоторые откладывал сразу, другие мельком пробежал глазами.

— Тут много что написано про тебя... и про то что будет дальше, Саша. Война с немцами, противостояние с капиталистами Запада, даже распад нашей страны... — он нахмурился, и его лицо окаменело. — Может, ты это всё выдумал, а? Как можно подумать, что первое в мире государство рабочих и крестьян развалится через полвека? Да ещё не в результате войны с этим... — он глянул в лист. —..НАТО, а просто потому что наши люди, якобы, разуверились в коммунизме и социализме? Сами продались американцам за джинсы, какие-то «Макдональдсы» и «Колы»?

— Я могу рассказать подробнее, товарищ Берия. Только боюсь, вам это не понравится и вы не поверите... — осторожно ответил Саша. Похоже, может повториться история как с тем следователем, который вышел из себя при его откровениях. С другой стороны, его он начнёт приглаживать правду, то шеф НКВД может понять это или поймает на каких-нибудь противоречиях, которые неизбежно возникнут, если смешивать правду и ложь.

— А ты не бойся, Саша! Я в своей жизни многое видел и слышал того что мне не нравилось... А уж поверить или нет, я сам это решу! — с раздражением сказал Берия, глядя на него в упор. — Рассказывай, а я послушаю!

— После смерти товарища Сталина, к власти..

— Стоп! — глухо сказал Берия. — Хотя... к этому мы ещё вернёмся. Продолжай!

— В общем, после того как товарищ Сталин умер, после него к власти пришёл партийный функционер с Украины Никита Хрущёв. Это был весьма колоритный персонаж. Вспыльчивый и наглый, не слишком образованный интриган. За время своего правления он многое что сделал, кое-что хорошее, например, новый тип многоквартирных домов назвали его именем, прорыв в космосе, но и много плохого. Очень поносил товарища Сталина, даже придумал выражение «культ личности» про него. Ещё он чуть не довёл дело до атомной войны во время кризиса с Америкой из-за советской Кубы. В общем, неоднозначная личность. После него к власти пришел Леонид Брежнев. Тоже так себе руководитель, были у него и хороши и плохие черты. Эта была эпоха застоя, более-менее спокойная жизнь в стране. Потом пришёл черёд недолгого правления Юрия Андропова, шефа КГБ при Брежневе. Он скоро умер от болезни. Его сменил некий Черненко, который тоже быстро ушёл в могилу. И, наконец, последним генсеком, точнее, президентом СССР, стал Михаил Горбачёв, который окончательно разрушил страну и сдал её с потрохами.

Александр прервался и внимательно всмотрелся в Берию. Тот сидел неподвижно, и лишь по рукам, стиснувшим папку, было заметно, что он сдерживается. Самообладание у него, несмотря на горячий южный темперамент, было на высоте.

— Ну, а насчёт народа... После войны люди, вплоть до 60-х годов были, в основном, спокойны в плане повиновения власти и доверия к партии. Но потом, потихоньку, начало расти недовольство. Особенно, в конце 70-х. Да, были все блага жизни, бесплатное образование, медицина, дешёвая нормальная еда... Но в то же время, многие вещи, нормальные красивые вещи, было сложно достать. Приходилось закупаться на чёрном рынке, ездить в Прибалтику и Восточную Европу за одеждой, обувью, хорошей техникой.

Рос дефицит товаров народного потребления из-за того что куча денег уходила на оборону. Да, качество и количество вооружения было хорошим, но за это расплачивались всем остальным. Да и люди начинали терять веру в партию. Они уже знали, что на Западе гораздо больше граждан имеют свою собственную машину, а в СССР это была настоящая роскошь, доступная очень немногим. Про одежду я уже говорил. Но больше всего народ злили номенклатурные преимущества партийной элиты. Например, были такие магазины «Берёзка». Там продавалось всё что людям было нужно. Можно было купить отечественные товары, которых давно не было в обычных магазинах. Также было на выбор множество иностранных вещей, главное, чтобы были деньги или чеки. А ими, как вы понимаете, в основном, владели разные секретари и чиновники, плюс артисты, певцы, в общем, привилегированная публика. Вы же знаете наш народ, если большинство живёт одинаково небогато, то такие вот «умники» вызывают возмущение и ненависть, что вполне понятно. Люди видят и думают, а какого хрена я тут горбачусь на заводе целыми днями и не могу себе позволить хорошую вещь, а эти «товарищи» с корочками спокойно покупают себе рябчиков с ананасами? Где справедливость и равенство? Выходит, обманывают нас наверху? Недаром говорят, рыба гниёт с головы.

— И что, вот это вот всё привело к развалу? — наконец спросил Берия. Он справился с собой и теперь сидел, расслабленно глядя на него.

— Не только. Это были лишь предпосылки. Нельзя было почивать на лаврах, надо было проводить реформы, развивать науку... Но товарищам из ЦК КПСС и Политбюро это было не нужно. Они почти все были уже стариками и им хотелось тихо-мирно досидеть свой срок и уйти на покой. А всякие реформы это взбаламучивание спокойного болота, начинаются непонятные телодвижения, которые ещё неизвестно как аукнутся. Нет, кое-что делалось, но на самом минимуме. Очень много денег тратилось на поддержку всяких марионеточных режимов в Африке, Латинской Америке, Азии. Стоило им объявить у себя социализм, наши кремлёвские старцы тут же заваливали их деньгами, вместо того чтобы тратить их на свой народ. И ладно бы эти режимы хоть чем-то отдаривались, но нет... Разве что Куба, Вьетнам ещё что-то делали... К тому же снова развернулась аппаратная борьба, наверх полезли всякие болтуны и приспособленцы, которым было плевать на страну лишь бы своя жирная жопа была в тепле. Таких сволочей и в моём мире полно. А за несколько лет до развала, по окраинам страны начались бунты и восстания, например, в Прибалтике и Средней Азии. Первые секретари этих республик решили что лучше быть маленькими царьками на своих клочках земли чем высшими чиновниками в огромной стране. Вот тогда начался ад..

Саша облизал губы, поискал глазами воду но никакого графина не нашёл. Берия заметил это и обратился к своему молчаливому охраннику:

— Принеси воды Александру.

Тот молча кивнул и исчез в глубине квартиры. Берия снова уставился на него своими бесстрастными глазами в пенсне и произнёс:

— Продолжай. Какой ещё ад?

Саша сглотнул и начал рассказывать дальше.

— В конце 80-х коренным жителям Средней Азии вдруг припомнилось, что Советский Союз, оказывается, захватил их, и они решили, так сказать, освободиться из под гнёта «старшего брата»..

Пришедший охранник бесшумно появился рядом с ним и подал ему большой стеклянный стакан с прохладной водой. Саша с удовольствием выпил воду несколькими

большими глотками и отдал стакан обратно.

— Начались унижения, издевательства над русским населением этих республик. Чем дальше тем больше. Сначала словами, а потом и делами. Жалобы и просьбы о защите в органы местной власти были бесполезны, так как высшие посты там занимали коренные национальности, у которых от коммунизма остались лишь партийные билеты. Какие, на хрен, партийная честь и совесть? — горько усмехнулся он. — Они давно забыли про эти слова... Но даже если это всё как-то доходило до Москвы, то всё равно реакции не было, всё отдавалось на откуп местным. Видя это, местные уроды наглели всё больше... Стали бить русских, грабить, насиловать женщин. И это те, кто годами жил рядом с ними, соседи по этажу, дому... Утром пожимали руку, желали здоровья, называли братом... А вечером или ночью врываются в квартиры, грабили, били... И смеялись, суки, что им за это ничего не будет! Угрожали, говорили чтобы уезжали с их земли. И это тем, кто десятки лет назад приехал к ним в их нищие республики, строить заводы, комбинаты, тем, кто уже завёл там детей, тем, кто помогал им..

Вспомнив несколько рассказов знакомых беженцев из таких республик, Саша скрипнул зубами: — Знаете, когда я слушал как эти свиньи издевались над нашими людьми, у меня было только одно желание... Взять оружие, побольше патронов и убивать!!! Давить этих мразей, колоть, резать, стрелять тварей как можно больше... Обрушить на них дивизионы «Градов», засыпать бомбами «стратегов» каждый квадратный метр этой предательской земли, политой кровью нашей предков..

Глубоко дыша, он медленно успокаивался. Берия молча глядел на него, не комментируя.

— Извините, товарищ Берия. У меня был один знакомый оттуда... Старше меня, конечно. Он заикался. И как-то сказал, когда мы сидели и выпивали, что он стал заикаться от того что там пережил... Если бы не наши солдаты, то он уже тогда был бы мёртв, вместе с женой. Так что, страшное будущее нас ждёт, если вы ничего не сделаете.

— А что бы ты сделал, если мог? — поинтересовался глава НКВД.

Саша задумался. А потом стиснул зубы и заговорил, жёстко и решительно.

— Всегда ставил бы главами республик только славян. Местные — не выше замов. Главы милиции и местного КГБ тоже славяне. Малейшее подозрение в национализме, высказывание против русских — высылка в Сибирь или на Север. Никакого либерализма! Самих глав республик тоже менять каждые несколько лет, чтобы не успели обрасти связями и быть купленными. Кстати, товарищ Сталин тоже так сделал в 1944 году с крымскими татарами... То есть, сделает... — поправился Саша. — Хотя, уже, может и не сделает.

Берия нахмурился.

— И что же он сделал с крымскими татарами?

— Он их выслал, почти всех, очень далеко. Причина? Массовое сотрудничество с немцами, когда те пришли в Крым. Они такие пытки придумывали над нашими пленными бойцами и партизанами, что сами немцы были в шоке... По мне, за такое не высылать надо было, а сжигать из огнемётов заживо! Они хотели жестокость? Вот бы и получили жестокость! А товарищ Сталин был слишком мягок с ними!

— Надо же, какой ты кровожадный... Сжигать заживо, говоришь? А если они не все виновные были? — усмехнулся Берия.

— А я не говорю абсолютно всех. Пусть бы расследования органы проводили, они же это могут? А как выявили — в расход сук! — снова разозлился Александр.

— Ладно, эту тему мы пока оставим. А что там, в будущем, говорили про меня?

Наверное, много чего неприятного? — губы Берия растянулись в улыбке. В эту минуту он снова стал похож на доброго дедушку.

Александр улыбнулся в ответ.

— И хорошее и плохое.

— Сначала хорошее.

— Хм... — задумался Саша. — Вам приписывают снижение масштаба репрессий после Ежова. Часть из невинно обогнанных выпустили. Во время войны, благодаря вам, получили развитие много проектов вооружения и техники, которые не только принесли нам победу, но и позволили долго конкурировать с американцами.

Он замолчал. Берия выждал ещё минуту и недоумённо спросил:

— И всё? Не ожидал... — покрутил он головой.

— Это только то что я помню... Может, там ещё что есть... — признался Саша.

— Репрессии... Знаешь, Саша, а ведь врагов у Советской власти действительно много. Тайные монархисты, мечтающие о новом царе, троцкисты, бухаринцы, которые считают что мы предали дело революции. Высоко взлетевшие генералы и комкоры, думающие о военном перевороте... Шпионы капиталистических стран..

— Извините, товарищ Берия, но в шпионы многих людей записывали специально, чтобы план следователи выполняли! — набрался Саша храбрости и возразил главе НКВД. Хоть и было страшно, но он почему-то, верил что тот сейчас не будет его убивать за такие слова.

— С чего ты взял? — удивился Берия.

— Да потому что многие люди даже не знали что такая разведка есть, а их в неё записывали, а потом показания под пытками выбивали! — не сдержался Александр снова. — А доносы? Часто их писали разные неудачники, которые завидовали своим начальникам или соседям. Тех арестовывали, а эти гниды потом потирали ручки и радовались, что с помощью чекистов избавились от противников.

— Не говори ерунды! Если и были такие перегибы, органы разбирались и отпускали их обратно! — отмахнулся Берия. — Ты оказался слишком подвержен вражеской пропаганде.

Саша недоверчиво покачал головой, но на это раз промолчал.

— Ну, давай, рассказывай, что там про меня ещё плохого придумали? — подтолкнул его Берия.

— В основном, про вашу личную жизнь говорили..

— А что в ней не так? — удивился тот.

Саша слегка смутился.

— Говорили, что вы были настоящим Казановой... Часто любили менять женщин, не важно кто она была, актриса, студентка, замужем или нет... Кто-то из ваших охранников в мемуарах писал что вы ехали по улицам в машине, выбирали на тротуаре какую-нибудь жертву и приказывали садиться к себе. А потом уезжали на квартиру. Причём, даже со школьницами..

Берия насмешливо фыркнул. Хотя Саше показалось, что его взгляд быстро вильнул.

— Я работаю допоздна, мне некогда по улицам кататься. И жена у меня есть. Подожди, что ты сказал?! Какие ещё школьницы?.. — тут Александр понял что Берия по настоящему рассердился. — Ты что мне тут несёшь, щенок! Совсем обнаглел?!

Саша почувствовал, что внутри него застыла кровь. Кажется, он всё-таки нарвался... Забыл, что говорит с одним из самых могущественных людей страны.

Внезапно Берия словно опомнился, успокоился и встал с дивана. Поглядев на

Александра, он проговорил:

— Скоро мы с тобой опять встретимся. И поговорим более предметно... Кстати, а когда... — но тут же замолчал. Постоял и молча вышел из комнаты. Растерянный Саша сидел, не зная что делать. Через минуту зашёл мрачный Круглов и скомандовал:

— Иди давай!.. Не знаю что ты ему рассказал, но он явно недоволен..

Уже в машине, на пути в свою камеру, Саша вдруг понял, что хотел спросить Берия в самом конце... и посочувствовал ему.

Тот же день. Берлин.

Ханна Грубер.

— Спасибо, Клара. Можешь пока быть свободной... — сказала она, и устало вздохнула после ухода секретарши. Бумажные завалы одолевали её на работе каждый день, заставляя часами сидеть за столом изучая, подписывая, отказывая и перекладывая десятки документов. Каждое утро, заходя в кабинет, она видела на своём столе внушительную пачку бумаг, которую готовила для неё Клара, приходя даже раньше своей начальницы. Что ж, во многом это и составляет работу руководителя, а она им и являлась. Работа нравилась ей, кроме хороших денег она ещё приносила Ханне удовлетворение от пользы своего труда. Ведь во многом именно от её отдела зависела пропаганда в стране, десятки миллионов немцев каждый день проходили мимо плакатов, расклеенных на афишах, стенах и других подходящих поверхностях. Солдаты, подростки, женщины, самолёты, танки, корабли... всё это было плодом трудов её сотрудников, без устали восхваляющих армию и народ Третьего Рейха. Ей доверяли даже печатать портреты самого фюрера! Несколько раз рейхсминистр Геббельс публично выражал ей благодарность от себя лично и даже от фюрера.

Откинувшись на спинку своего кресла, она отложила ручку и начала разминать затёкшие пальцы. В кабинете было тихо, через окно еле слышно пробивался шум города. Через толстую дверь, наоборот, не было не слышно ни звука, хотя Клара наверняка печатала сейчас на машинке.

Ханна вполне разделяла национал-социалистические взгляды и была членом NSDAP с 1933 года, сразу, как только фюрер пришёл к власти. Это было тяжёлое время. Веймарская Германия задыхалась в тисках ограничений, наложенных в качестве наказания за войну, развязанную в 1914 году. Вынужденная пресмыкаться перед Англией, Францией и США, страна мечтала о свободе. Свободе жить так как она хочет. И, конечно, мечь! За поражение, за миллионы напрасно погибших на французских полях, за нищих людей, отчаянно ищущих еду на улицах, за униженную, сильно сокращённую армию. Но немцы терпели, сжав зубы. Несмотря на предательство, они верили, что настанет тот день когда они сбросят с себя цепи и встанут во весь рост. И тогда... Тогда все, кто сейчас смеются над немцами и унижают их, горько пожалеют об этом. Пусть только придёт лидер, вождь... Весь мир содрогнётся под грохочущей поступью сапог германских солдат, когда они, пылая жаждой мщенья, будут топтать мостовые вражеских столиц! На это раз они подготовятся основательнее и вырвут победу у надменных англичан и заносчивых французов.

Она была ещё совсем молодой девушкой, когда её отец ушёл на войну по приказу кайзера. И не вернулся, навсегда оставшись там, во Франции, вместе с её дядей. А в 1917 году туда же отправился её первая любовь, Эмиль. Высокий, красивый парень, так заразительно смеявшийся... Их первый и последний поцелуй на перроне берлинского вокзала. Запах его новой шинели она помнит до сих пор. Он был добровольцем, наивно

верящим, что именно его появление на фронте поможет, наконец, прорвать последним усилием фронт и взять проклятый Париж. И заплатил за это своей жизнью. Именно тогда она поняла, кто виновен в смерти Эмиля, отца и дяди. Англичане и французы, которые всё время провоцировали Германию и всё-таки втянули её в войну! У кайзера просто не было другого выхода. Но даже в этом случае могучий германский дух едва не добыл себе победу. Увы, с востока им в спину ударили русские, заставив биться на двух фронтах сразу. Немецкие солдаты самоотверженно сражались, раз за разом пытаясь пробиться к французской столице, устилая поля своими трупами, но каждая такая попытка вызывала активность русских, понукаемых из Парижа и Лондона. А потом... потом сказался численный перевес, огромные потери и нехватка ресурсов. Даже отравляющие газы не помогли. И Германия надорвалась. Правда перед этим рухнула Россия, своими потерями дорого заплатив за нападение на немцев, но уже было поздно.

В 1933 году это, наконец, свершилось. На вершину власти пришёл настоящий лидер, фюрер, Адольф Гитлер, отодвинув дряхлого Гинденбурга. Он сразу объявил, что во главе своей политики ставит только желания немецкого народа, а все остальные пусть идут к чёрту. Его блестящий ораторский талант покорила её и она поняла: вот и настал тот день, который ждали миллионы немцев! Новый фюрер стал строить дороги, возрождать армию, ликвидировать безработицу, и люди поверили в него. Наступила новая эра. Аншлюс Австрии, присоединение Чехословакии и Польши показало, что намерения у Гитлера серьёзные и всё только начинается. И Ханна намерена была сделать всё что в её силах чтобы помочь своему фюреру в его делах.

Но была и ещё одна причина по которой она часто оставалась на работе допоздна. Эту причину звали Ульрих. Её муж, которого она когда-то любила, и сделавший всё чтобы убить её любовь. Много лет назад они гуляли под ручку, целовались на улице и занимались сексом так, что она боялась стука соседей в дверь. Ханна мечтала о ребёнке, но Ульрих под разными предлогами уклонялся от этого и всегда кончал куда угодно, но не в неё. Сначала это её не особо огорчало, но года шли, а Ульрих мало-помалу отдалялся от неё. Ушли в прошлое прогулки, бурная страсть превратилась в постылую обязанность и теперь они лишь на людях представляли собой успешную пару. Муж сначала работал журналистом в одной из газет, но пристрастился к карточным играм, выпивке и его карьера пошла вниз. Потом его уволили, он попытался устроиться в другие издания, но его обошли другие, более хваткие и без вредных привычек. К тому же тогда, во время кризиса, толпы безработных готовы были на любую работу и Ульриху, который всегда страдал излишним самомнением и самоуверенностью, хорошее место больше не светило. Это ещё больше подкосило его и он начал превращаться в ворчливого, вечно обиженного на всех неудачника, который сдался и махнул на себя рукой. Нет, на людях он был почти такой же, элегантно одетый и побритый, но дома... Это уже был совсем другой человек. Расхристанный, с мутным взглядом, с перегаром изо рта, он внушал ей отвращение и безразличие.

Сама она всегда ухаживала и заботилась о себе. Лицо, фигура, одежда, причёска, макияж... мужчины на улице провожали её глазами, некоторые подходили знакомиться. Ханна знала что они хотят, их горящие взгляды буквально липли к её стройным ногам на каблуках и вырезу на платье. Изменять мужу она начала давно, как только узнала, что он умудрился так же изменить ей прямо на свадьбе, с одной из её подруг, теперь уже бывшей. Отец Гюнтера тоже был одним из её любовников, причём, очень давним. Одно время её привлекала в нём жизнерадостность, оптимизм и некоторая властность. Но потом это

приелось, и она встречалась с ним всё реже. Впрочем, тот не особо огорчился, она знала, что является не единственной его любовницей. Ульрих давно уже забыл дорогу в её спальню, да и вообще появлялся дома редко, поддатый, злой и пропахший дешёвыми духами. В остальное время он пропадал у своих знакомых и всяких проституток, на которых спускал деньги жены. Она, после прихода Гитлера к власти, смогла попасть на работу в рейхсминистерство пропаганды. Пришлось иногда давать колченогому коротышке Геббельсу, но это того стоило. Ханна стала видным человеком в организации, а Йозеф скоро отстал от неё, соблазнившись другими объектами для своего желания. Теперь она могла полностью посвятить свою жизнь самой себе, не беспокоясь о том на что жить.

Свою чувственность она раскрыла после первого же секса. Это был, к сожалению, не Эмиль, а совсем другой мужчина, обычный рабочий. Ханна не знала, что он с ней такого сделал, но она билась, кричала и стонала от невыразимого удовольствия... Это было настолько хорошо что, казалось, она в раю. Но встретившись с ним ещё пару раз, Ханна поняла, что ей этого мало. Да и он быстро охладел к ней. Знакомство с Ульрихом на время обуздало её, но после измены новоиспечённого мужа всё вернулось обратно. С тех пор в постели с ней побывали больше десятка мужчин. Она не считала себя проституткой, не требовала себе от любовников денег или подарков. Зачем? У неё и так всё было. Ей нужен был только сам мужчина, точнее, его член, который на время утолял её страсть. Она быстро поняла, что ей нравится в сексе напористость, сила и некоторая грубость, а нежность и ласки приносят меньше удовольствия. Да и возраст любовников стал снижаться, её ровесники, солидные и преуспевающие мужчины, навевали на Ханну скуку и раздражение. Аккуратные, основательные, женатые, считающие каждую минуту... так и хотелось их как-то растормошить, заставить совершить какую-нибудь глупость или шалость. Увы, это было невозможно. Но как-то раз она, слегка навеселе, позволила себе отдаться молодому парню-студенту... Это был просто удар молнии! Он трахал её на своей скудной квартирке, которую снимал ещё с тремя другими парнями, так, что через два часа она еле уползла от него, забыв про трусы и чулки. Эта встреча словно открыла ей глаза на мужчин. С тех пор она старалась встречаться только с молодыми, даже если им едва исполнилось 18 лет. Да они и сами бросались на неё, стоило ей поиграть глазами или одеться по сексуальнее. Пусть у девчонок был сильный козырь — молодость и свежесть, но Ханна брала своей зрелой порочностью и огромным опытом, из-за чего ни один мужчина не уходил от неё разочарованным. Выбрав себе несколько студентов и пару молодых лейтенантов, она решила больше не искать других, а просто наслаждаться этими. Жаль только, что они были обычными, и их не особо привлекала мысль быть с ней жёсткой. Ей, конечно, было приятно, но всё равно не хватало какой-то перчинки... И тут в её жизни снова возник Гюнтер.

С ним она познакомилась дома у своей подруги Марианны, много лет назад, когда пришла к ней, точнее, к её мужу. Гюнтер тогда был ещё совсем мальчишкой, да и она сама совсем молодой женщиной, через пару лет после свадьбы. Уже тогда довольно высокий, стеснительный, он так мило краснел, когда она дарила ему какую-нибудь безделушку. С годами он ещё больше вытянулся, раздался в плечах и Ханна начала поглядывать на него с интересом. К сожалению, все намёки на сближение он игнорировал и при первой же возможности скрывался в своей комнате или уходил на улицу.

Всё резко изменилось несколько дней назад. В тот вечер Ханна выпила больше обычного. Навалилась тоска, плохое настроение и хандра. На первый взгляд Гюнтер был таким же, но... Она почувствовала, что он как-то неуловимо изменился. Куда-то пропала его

стеснительность при общении с ней, взгляд приобрёл властность, движения напомнили Ханне тигра из Берлинского зоопарка. Больше по привычке она решила его смутить, но что-то пошло не так. А потом, в ванной комнате... Он просто взял и трахнул её, как шлюху! Причём, она так завелась, что отдалась ему прямо там, в квартире у подруги, её сыну! Конечно, тут и алкоголь помог, но в тот вечер она кончила несколько раз и после этого некоторое время вообще не могла встать, пребывая где-то высоко на небе. Всё тело пело от удовольствия, тоска и хандра бесследно исчезли, жизнь заиграла новыми красками, хотелось чего-то..

... Да что себя обманывать? Его она хотела! К счастью, благоразумие победило, и она смогла сдержать себя в руках. Его мать ничего не заподозрила и Ханна вздохнула с облегчением. Если интрижку с её нелюбимым мужем она бы, возможно, и простила подруге, то за сына Ханне точно бы не поздоровилось.

Предложение Гюнтеру прославить его на весь Рейх пришло ей в голову сразу после того умопомрачительного секса, как будто удовольствие заставило мозги взбодриться и выдать интересную идею. В глубине души она знала, что это было ещё одной причиной для встречи с ним. Этот неожиданно осмелевший парень умудрился едва не взять её прямо в кабинете, подумать только! Лишь чудовищным напряжением силы воли она смогла удержаться, хотя всё её тело стремилось отдаться ему. Но во второй раз, когда они уже вернулись обратно, эта воля куда-то пропала и она сдалась... с каким-то облегчением полностью отпустив себя и сбросив внутренние запреты. Конечно, была опасность что Клара всё-таки услышит, но под его напором всё это быстро стало несущественным. Имел значение лишь он сам и его властность, именно такую которую она так долго искала в других мужчинах. Та изюминка, без которой даже удовольствие было неполным... А уж сцена на полигоне, в бараке... Нет, лучше об этом не вспоминать, иначе она прямо в кабинете начнёт возбуждаться.

Она разворошила бумаги на столе и нашла стопку фотографий Гюнтера и набросок на плакаты, сделанные её отделом. Рослый и сильный сын подруги выглядел очень впечатляюще, и она опытным взглядом определила, что людям должно понравиться, девушкам уж точно. Наверняка во многих женских спальнях появятся такие изображения... Ханна хмыкнула. Теперь надо получить одобрение Геббельса и потом можно начать печатать. При взгляде на некоторые фото она почувствовала, как изнутри снова поднимается жар, утолить который можно только одним способом. Быстро спрятав фотографии, она снова попыталась погрузиться в работу. Теперь Гюнтер никуда от неё не денется, даже эта чёртова медсестра, с которой он флиртовал, не сравнится с ней. Неужели это ревность? Вздор! Просто констатация факта. Гюнтеру нравится что она такая горячая и развратная? Значит, Ханна и будет с ним такой, тем более, это и есть её сущность. Что поделаться, если у неё такая чувственность и она любит секс? А вот с другими любовниками нужно пока повременить, всё равно они хуже Гюнтера. От добра добра не ищут.

Глава 20

Берлин.

17 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Сегодня у него насыщенный день. Точнее, это было лишь продолжением вчерашнего. После того как он отошёл от потрясения, осознав что сам, своими собственными ногами, испортил подаренную машину, Гюнтер отогнал её в ближайшую мастерскую, попросив срочно отремонтировать или заменить дверь. Потом поехал на такси в рейхсканцелярию, с намерением отдать фюреру полностью законченные записки и рекомендации, но, оказалось, Гитлер уехал куда-то. Пришлось отдать плотный, закрытый пакет его верному адъютанту, который заверил его что обязательно передаст фюреру лично в руки. Поводов не доверять у Гюнтера не было, поэтому он со спокойной душой передал пакет и перед уходом зашёл в казарму охраны, пообщаться с некоторыми товарищами.

Там он пригласил часть сослуживцев отметить его повышение на следующий день, то есть сегодня. Отозвалось два человека, с которыми он чаще общался, заверив, что выпить на халяву они никогда не откажутся. Гюнтер усмехнулся, ещё бы!

Приехав, наконец, домой, он обнаружил, что Лаура почти разобрала вещи и уже приготовила ужин. В который раз порадовавшись что она теперь живёт с ним, Гюнтер помог ей закончить и потом они поужинали. Весь день выдался бурным и суматошным, поэтому даже вечерний секс оказался не таким долгим как раньше. Удовольствие они, конечно, получили, но потом почти сразу оба заснули.

Сегодня, когда он проснулся, Лауры уже не было, убежала на работу, а на кухне ждал его чуть остывший завтрак. Вкусный аромат еды вызвал одобрителное ворчание желудка. Вообще, Гюнтер не понимал, как можно утром обходиться одним лишь чаем или кофе. У него самого уже через несколько минут после сна в животе начинался настоящий концерт, требуя немедленного удовлетворения. Утолив голод, он решил съездить на работу к Еве, в небольшое фотоателье, где она работала после того как, по просьбе Гитлера переехала в Берлин. Заодно помог и сам Генрих Гофман, её бывший работодатель в Мюнхене, кто познакомил её с Гитлером, тогда ещё всего лишь вождём нацистской партии. Желание прогуляться с ней наедине всё сильнее охватывало его. Эта девушка, хоть и была старше, производила на него сильное впечатление, хотелось обнять и защитить её от всех опасностей жизни. Это немного напоминало ему чувство, которое он испытывал к Лауре, только почему-то, Цветочек казалась ему более самостоятельной в жизни, хоть и была младше Евы почти на 10 лет.

Выйдя из дома, на этот раз не в форме, а в гражданском костюме, он огляделся, пытаясь найти такси, и внезапно наткнулся взглядом на ничем не примечательного мужчину в костюме и шляпе, который мельком взглянув на него, тут же вдруг заинтересовался объявлениями на афишной тумбе. Пристально посмотрев на него целую минуту, Гюнтер улучил момент когда незнакомец снова кинул на него косой взгляд и медленно пошёл дальше по улице. Нахмурившись, Гюнтер внимательно оглядел улицу и заметил подозрительного парня в рабочей рубашке и кепке, который курил на углу дома, не обращая внимания на него. Вот только его быстрые цепкие глаза насторожили Гюнтера. Метрах в

тридцати от него стояла машина, «хорьх», в котором сидел ещё один мужчина.

«Неужели за мной слежка?» — подумал он, стараясь не показать замешательства. «Как давно? И кто следит? Скорее всего, гестапо... Фюрер приказал? Или Гиммлер сам решил после того как я его обломал? В любом случае, надо отрываться, не хочу привести их к Еве. Вот только как? В фильмах отрываются в переулках или на машинах, но это ведь кино... А у меня есть выбор? Из-за этого не встречаться с Евой? Сидеть дома безвылазно? Ну уж нет, никому не позволю мешать мне в отношениях с моими женщинами! А Ева теперь тоже моя, даже если ещё не поняла этого».

Приняв решение, он неторопливо двинулся по улице, выгадывая место для манёвра. Словно бы случайно повернувшись, Гюнтер заметил, что курильщик лениво тащится за ним, поглядывая на окна и витрины. Машина тоже пришла в движение, став гораздо ближе. Откуда-то снова появился «костюм».

«Надо же, какая орава за мной увязалась..» — хмыкнул Гюнтер. «Ничего, сейчас вы у меня побегаете!» Он не торопясь зашёл в узкий переулок и уже там рванул на другую улицу. Быстро добежав до неё, он нырнул в какой-то магазин, а потом, незамеченный продавцом, прокрался на склад, где и затаился. Тут было темно и тихо, вдоль стен стояли несколько ящиков с товаром, пахло чем-то приятным. Через несколько минут продавец, почтенная женщина за пятьдесят, подошла к двери на склад и начала медленно открывать её. Похоже, она устала или просто была слабая, но дверь открыла с трудом.

Гюнтер, за несколько секунд до этого, успел нырнуть за один из ящиков и почти распластался за ним, затаив дыхание. Одышливо вздыхая, продавец взяла какой-то свёрток возле входа и снова вышла. Гюнтер облегчённо перевёл дух. Если бы она его увидела то, скорее всего, подняла шум и его преследователи снова бы нашли его. К счастью, обошлось... Но, как оказалось, его испытания ещё не закончились. Едва дверь закрылась, он услышал властный мужской голос:

— Добрый день, фрау.

— Добрый день! Вы что-то хотите купить? У нас есть..

— Нет, фрау, я не собираюсь ничего покупать! — прервал её мужчина и тут же спросил, — Сейчас к вам в магазин не забежал мужчина в костюме? Он мой хороший друг, но должен мне денег и пытается прятаться от меня, понимаете? Он думает что я забуду про долг... — со смешком добавил незнакомец.

Женщина уверенно ответила:

— Нет, вот уже минут пятнадцать у меня не было ни одного посетителя, к сожалению... Понимаете, сейчас из-за этой войны нам пришлось поднять цены и поэтому..

— Я понимаю, фрау... — снова перебил её мужчина. — Но я хотел бы удостовериться сам, разрешите?

Судя по его шагам, он ходил по магазину, изредка останавливаясь. Женщина возмутилась.

— Вы мне не верите? Я же говорю, у меня в магазине никого нет, и не было уже пятнадцать минут! Прекратите тут рыскать и выйдите, если не будете ничего покупать! Тут нет вашего друга.

— А что там за дверью? Склад? — спросил мужчина и его шаги приблизились.

— Да, склад! И вам туда нельзя! Немедленно выйдите или я позову полицию, слышите? — ответил уже истеричный женский голос.

— Что ж, тогда смотрите сюда! — мужчина чем-то зашуршал. — Видите?

— О, Боже... Вы из... — раздался растерянный голос женщины.

— Именно! Я должен осмотреть ваш склад, понятно? — голос мужчины снова стал властным.

— Да... конечно, как хотите... Но, уверяю вас, там никого нет... — упавшим голосом продолжала убеждать женщина.

— В таком случае я просто взгляну и уйду.

Дверь склада открылась и в освещённом проёме показалась фигура «костюма». Он зашёл внутрь, пытаясь разглядеть что-нибудь. Гюнтер хорошо видел его. Обычное лицо, пройдёшь мимо такого и забудешь через несколько секунд. Наверное, таким и должен быть агент наружного наблюдения.

— У вас на складе есть свет?

— Извините, вчера вечером здесь лампочка перегорела, я не успела её заменить... — послышался за дверью голос женщины. Она была напугана и всеми силами старалась угодить мужчине, который показал ей что он имеет право задавать вопросы и получать на них ответы.

Поколебавшись, «костюм» прошёл на середину склада, вертя головой по сторонам. Гюнтер через щель между ящиками внимательно следил за ним, приготовившись напасть если тот всё-таки обнаружит его. Агент двинулся к одной из стен, но в темноте не заметил какой-то мешок, лежащий на полу, и споткнулся, едва не упав. Сплюнув, он вернулся к двери, ещё раз внимательно оглядел тёмный склад и, наконец, вышел, плотно закрыв дверь. Послышался его голос:

— Похоже, вы правы, фрау, здесь никого нет..

— Так я и говорила вам что там пусто... — горячо поддержала женщина.

— Что ж, спасибо за сотрудничество! Приятного дня!

— И вам того же! — ответила продавец.

Судя по шагам и хлопнувшей двери, мужчина ушёл, но на всякий случай Гюнтер просидел на складе ещё минут десять. Женщина же ходила туда-сюда по магазину, иногда разговаривая с немногочисленными покупателями. Но пора и выбираться отсюда, главное, не попасть на глаза женщине, иначе она наверняка расскажет полиции про него, опишет внешность и к Гюнтеру появятся интересные вопросы. А ему этого не надо.

Прокравшись к двери склада, он прислушался. Вроде тихо... Осторожно приоткрыл дверь и высунул голову, благодаря Бога что нет скрипа петель. Женщину он не увидел, но судя по приглушённому бормотанию, она была где-то за стеллажами с товаром. Тихо ступая, Гюнтер выглянул из-за края и увидел её. Фрау лет пятидесяти, полная и благообразная, с журналом в руке, сосредоточенно рассматривала товар на одной из полок. Наверное, проводит ревизию или сверяет ценники... Впрочем, это неважно для него. Дорога к выходу открыта, так что не стоит медлить. По-прежнему осторожно ставя ноги, он подошёл к стеклянной двери и внимательно посмотрел сквозь неё на улицу. На первый взгляд всё было нормально, никто не стоял просто так и не сидел в машинах, ожидая неизвестно чего... или кого. Скорее всего, наружка ушла но как тут точно убедишься? У него же нет опыта вычислять их, тем более, они умеют скрываться. Даже то что он смог увидеть их возле дома, во многом случайность, просто заметил внимательный взгляд на себя.

Решившись, он надвинул шляпу на лоб пониже и спокойно вышел из магазина. Не торопясь, прошёлся до первого перекрёстка и остановился у витрины другого магазина, пытаясь в отражении увидеть подозрительных личностей. Но постояв несколько минут, был

вынужден признать: либо преследователи ушли отсюда, или же они настолько опытные что он их просто не замечает. Оторвавшись от витрины, он огляделся вокруг, сделав вид, что проводил взглядом прошедшую мимо девушку. Та, не поняв его манёвра, оглянулась и весело улыбнулась. Гюнтер в ответ слегка приподнял шляпу и тоже улыбнулся.

После этого он подошёл к обочине тротуара, взмахнул рукой и уже через пару минут, назвав адрес фотоателье, ехал на такси к Еве. Скоро он уже подъезжал к нужному месту. Внезапно, спохватившись, он велел таксисту проехать мимо и остановиться в следующем квартале. Заплатив, Гюнтер вышел из машины и целеустремлённо направился в магазин готовой одежды на углу. Через несколько минут он уже вышел наружу, только на нём, поверх костюма, красовался длинный плащ с поднятым воротником. Представив свой вид, он усмехнулся. В такой одежде он походил на классического шпиона, каким его представляют разные писаки в американских дешёвых книжках. Зато это хоть немного изменило его облик и со спины или сбоку теперь труднее будет его узнать, а голову он опустил, чтобы полы шляпы скрывали его лицо.

Спокойно подойдя ко входу в фотоателье, он открыл дверь и тут же увидел Еву. Та, вместе с ещё одной девушкой, снимала со стены большую фотографию какого-то важного мужчины. Обернувшись на звук открывшейся входной двери, Ева приветливо улыбнулась и подошла к нему.

— Добрый день! Меня зовут Ева. Могу я вам чем-нибудь помочь? — произнесла она своим мягким голосом, от которого у него прошла внутри тёплая приятная волна. Похоже, она не узнала его в гражданском костюме и в надвинутой шляпе, к тому же он специально опустил голову. Гюнтер поднял голову и улыбнулся.

— Здравствуйте, Ева. Вы, как всегда, очаровательны.

Ева удивлённо всмотрелась в него и через секунду её глаза расширились. Рот приоткрылся, и она поражённо застыла.

— Гюнтер?! — девушка, не веря своим глазам, смотрела на него. — Но... Что вы здесь делаете? И как вы меня нашли?

Гюнтер усмехнулся.

— Это было нетрудно. Я знал где вы работаете, оставалось только выяснить адрес и я приехал. Всё просто. Кстати, я за вами, собирайтесь! — он, не снимая шляпы, присел на скамью для посетителей.

Ева начала приходить в себя от его неожиданного появления и снова засыпала его вопросами.

— Подождите, Гюнтер... — она нервно рассмеялась. — Вы меня так ошеломили что я ничего не понимаю... Почему вы в таком виде? И куда мне собираться? Я на работе и не могу уйти вот так просто, понимаете?

Он успокаивающе поднял руку, останавливая её словесный поток.

— Насчёт своего вида я расскажу вам позже, когда будем на улице. Куда собираться? На прогулку. Вы забыли про встречу, про которую мы договорились? — Гюнтер поднял бровь и неодобрительно покачал головой. — Ай-ай-ай... Нехорошо!

Ева покраснела, видимо вспомнив обстоятельства того разговора в Шарите.

— Сейчас? — спросила она, сумев взять себя в руки. — Но я уже сказала вам что не могу уйти, разве что вечером... И почему именно сегодня? Я не готова... — Девушка от волнения сложила руки в замок.

— Ничего страшного, Ева. Уверен, ваша напарница сможет заменить вас на несколько

часов, и ваш начальник не будет противиться тому что я украду его сотрудницу ненадолго... — Гюнтер спокойно отметал все её возражения, зная что Ева довольно слабохарактерна в отношениях с сильными мужчинами, а себя он как раз таким и считал.

Ева открыла рот, чтобы что-то сказать, но он решил использовать убойный аргумент.

— К тому же, я должен рассказать вам кое-что о том самом письме. Меня о нём спрашивали. А вас? — он внимательно смотрел девушке в лицо. Ева побледнела, в глазах появился страх, она испуганно оглянулась на другую помощницу, но та уже ушла вглубь ателье вместе с фотографией со стены.

— Меня... меня тоже спрашивали... — губы её задрожали, она подошла к нему ближе и зашептала: — Сам рейхсфюрер спрашивал... Но я всё сказала так как вы мне посоветовали, и он отстал. Боже, мне было так страшно! Я уже жалею что узнала об этом письме..

Ева снова нервно оглянулась по сторонам и зашептала:

— Гюнтер, что теперь будет с нами?

— Всё будет хорошо, Ева! — уверенным тоном ответил он. — Главное, делайте всё так как я вам скажу, помните? Если станете вести себя как обычно, то никто ничего вам не сделает. А теперь идите и переодевайтесь, у нас не так много времени, Ева!

Он положил руку ей на талию и легонько подтолкнул девушку в сторону служебного помещения. Ева, больше не возразив ни слова, молча убежала. Гюнтер усмехнулся. Её покорность, пусть и замешанная на страхе перед обстоятельствами, заводила его. Сейчас она подчиняется ему потому что боится остаться одна перед трудностями жизни, но он добьётся того что Ева сама захочет быть с ним, под его надёжной защитой. Нужно только время, и правильно себя вести. Увести девушку у самого фюрера, это насколько надо быть наглецом и безбашенным авантюристом? Но Гюнтеру было знакомо такое чувство из прошлой жизни. Несколько раз он умудрялся крутить романы с жёнами и подругами разных важных бизнесменов и чиновников. Одна только жена заместителя крупнейшей автомобилестроительной фирмы Германии чего стоит! Адреналин и чувство опасности кружили голову, а опасность разоблачения могущественными мужьями только подливала масла в огонь его желанию, и свидания с женщинами проходили бурно и страстно.

Пока девушка переодевалась, Гюнтер подошёл к окну и внимательно посмотрел наружу. Если следят за ним, то вполне могут следить и за Евой. Во всяком случае, такой вариант тоже возможен. Через несколько минут усиленного наблюдения он заметил какую-то женщину средних лет, которая то и дело смотрела на фотоателье из окна дома напротив.

Подумав, Гюнтер решил не рисковать и прикинул запасной план ухода из ателье через чёрный ход. Тем временем, позади послышался бойкий стук каблуков и к нему подошли две девушки, Ева и её напарница. Гюнтер низко опустил голову. Незачем светиться перед незнакомкой, гестапо вполне может допросить её.

— Хельга, милая, ты извини, но мне действительно нужно срочно уйти. Обещаю, через несколько часов я вернусь! — говорила помощнице Ева. Она была со вкусом накрашена, на платье наброшено лёгкое длинное пальто и шарфик. Распушенные волосы спускались из-под шляпки и падали на плечи. Довершала образ сумочка на плече.

Гюнтер снова залюбовался ею. Казалось бы, не такая уж обворожительная красавица, но в ней точно есть какая-то изюминка, которую он хотел бы попробовать на вкус... У фюрера губа не дура, умеет выбирать себе девушек. Сначала Гели Раубаль, теперь Ева... А сколько других, о которых Гюнтер не знает? Впрочем, Гитлер сам виноват, нечего было так динамить девушку и каждый раз унижать, тем более при свидетелях. Гюнтер уважал фюрера

за то что тот сделал для страны но при этом не ощущал вины за флирт с Евой. Страна это одно, а женщина совсем другое! Нет, как бы не было опасно, он не откажется от Евы!

— Ладно, Ева, но потом... — она, склонившись к ней, что-то зашептала в ухо напарнице. Что именно, Гюнтер не слышал, но Ева покраснела, округлила глаза и слегка отпрянула, выдохнув:

— Нет, Хельга, всё не так как ты думаешь! Всё, я пошла! — и она почти бегом выскочила за дверь. Гюнтер, намеревавшийся воспользоваться чёрным выходом, не успел её остановить, и был вынужден выйти за ней, предварительно надев шляпу и опустив голову.

«Проклятье, теперь эта гестаповка заметит нас! Ладно, попробуем оторваться..» — раздражённо подумал Гюнтер, идя по улице. Ева подхватила его под руку и молча шла рядом.

Дойдя до угла, он обернулся. За ними никто не ехал, из пешеходов в их сторону шёл только юный «пимпф», белобрысый и пытающийся казаться взрослым. Вряд ли гестапо отрядило столь юного соглядатая за Евой, но зачем рисковать?

Недалеко стояло такси, водитель старательно протирал лобовое стекло чистой тряпкой. Увидев их, он выжидающе остановился и улыбнулся, когда увидел знак Гюнтера. Усевшись вместе с Евой на заднее сиденье, он сказал отвезти их к парку Тиргартен и обернулся к женщине. К той, похоже, вернулось хорошее настроение, глаза блестели, на губах появилась лёгкая улыбка. Гюнтер наклонился к ней и заговорщицки спросил:

— О чём тебя просила эта Хельга?

Ева тут же снова покраснела и посмотрела в окно. Помолчав, она ответила:

— Ничего особенного, Гюнтер... Так, чисто женское..

— Понятно... — усмехнулся Гюнтер. Наверняка, что-то неприличное.

Весь путь до парка они проделали молча, Гюнтер не хотел общаться при таксисте, некоторые из них бывают довольно любопытными. Лучше всего было бы поехать на своей машине но из-за собственной глупости и несдержанности Гюнтер был вынужден снова воспользоваться такси. Мало того, сам себя лишил машины так ещё и за ремонт придётся платить..

Огорчённо покачав головой, он вдруг замер, удивлённый своей мыслью. «Своей» машины? Он же твёрдо хотел вернуть тачку баронессе! Ну конечно он вернёт как только дверь починят. Просто случайно вырвалось, бывает... А всё-таки машина красивая, мягкая... Да и покататься за рулём раритета было бы интересно. Нет, раз решил то надо вернуть! Но ведь она может и отказаться взять свой подарок? Ладно, вот когда он встретится с ней тогда всё и будет ясно.

Подъехав к одному из входов в парк, такси остановилось, Гюнтер расплатился, и они вышли из машины. Втянув воздух он понял, что здесь он как-то чище или слаще чем в городе. Недаром этот парк некоторые называют «лёгкими» Берлина. В своём прошлом мире Гюнтер несколько раз бывал в нём, прогуливался с девушками и теперь оглядывался, пытаясь понять что изменилось за десятки лет. Сам парк вряд ли так уж сильно переменялся, разве что одни деревья засохли а другие выросли. Ну а про прилегающую территорию говорить нечего, всё как везде в городе.

— Боже, я так давно здесь не была! — восторженно проговорила Ева, отвлекая его от размышлений. Она, улыбаясь, глядела на деревья за забором, казалось, ей не терпится там оказаться. Гюнтер улыбнулся, как иногда мало нужно девушке для счастья. Привези её в красивое место и она довольна. В его время с этим стало хуже, чтобы девушка была тобой

довольна нужно намного больше... Например, денег и подарков.

— Когда именно ты здесь была? — спросил он.

Ева задумалась и ответила:

— В прошлом мае, вместе с фюрером... Ох, почти год прошёл, кошмар!

Гюнтер удивился.

— Почему так долго? Что мешало?

Девушка грустно пожала плечами и они вошли в парк.

— У фюрера всё время были дела, он был занят... Или просто не хотел. А я... Одной мне было бы скучно.

— Что ж, Ева, со мной тебе здесь скучно не будет, обещаю! — со смехом ответил Гюнтер. Внезапно он вспомнил что хотел сделать на входе, но Ева его отвлекла своим возгласом.

— Постой здесь, я на минуту! — сказал он, и быстрым шагом вышел за ворота, оставив удивлённую девушку на месте. Подойдя к одной из цветочниц, он купил красивый букет и, спрятав за спиной, снова подошёл к Еве. Та повернулась к нему и её тут же заинтересовало что он прячет.

— Гюнтер, а что там, у тебя за спиной? — она попыталась обойти сбоку чтобы заглянуть, но Гюнтер повернулся вслед за ней и Ева ничего не смогла увидеть. Тогда она попробовала с другой стороны, но её снова ожидала неудача. Притворно нахмурившись, она сложила руки на груди и жалобно попросила:

— Ну, Гюнтер! Скажи, что ты там прячешь? — её лицо было настолько комичным что Гюнтер едва не рассмеялся.

— Хорошо, милая, только отвернись и закрой глаза... — вздохнув, она отвернулась. Гюнтер тихо подошёл к ней вплотную и вытащил букет.

— Теперь повернись.

Ева повернулась уже с открытыми глазами, которые стали огромными когда она увидела цветы. Несколько секунд она стояла, любовалась ими, а потом подняла взгляд на него. Из уголка глаза у неё выкатилась маленькая слезинка, которую она быстро смахнула рукой.

— Ты что?.. — удивился он.

— Извини, Гюнтер... Просто мне уже очень давно не дарили цветов. И ещё они очень красивые! Просто очаровательны! — Ева медленно подошла к нему, рукой коснулась щеки и нежно поцеловала его... в щеку. Конечно, он бы предпочёл в губы, но ничего, надо чуть потерпеть и она вся будет его..

— Большое тебе спасибо, Гюнтер! Поверь, мне очень приятно! — она зарылась лицом в букет и с наслаждением вдыхала его запах.

— Очаровательной девушке очаровательный букет. Так и должно быть! — уверенно сказал Гюнтер. Снова взяв его под руку, Ева медленно пошла по аллее. Гюнтер решил что лучше найти какое-нибудь более уединённое место для разговора и, насколько он помнил, в будущем, недалеко отсюда, на маленькой полянке, окружённой густыми кустами и деревьями, стояла небольшая беседка и, пользуясь тем что Ева всецело была поглощена цветами, свернул на маленькую дорожку. Будем надеяться что там эта беседка уже есть.

— Когда тебе фюрер в последний раз подарил цветы? — неожиданно для самого себя спросил Гюнтер. Мысленно выругавшись, он сжал зубы от досады. Какое ему дело? Да и слишком личный вопрос... Она может и не ответить. К его удивлению, Ева сразу ответила:

— На Рождество. Потом ещё пару раз привозил его адъютант, но это уже было не то... — вздохнула девушка. Помолчав, она начала говорить. Её словно прорвало, казалось, всё что Ева так долго держала в себе, выплеснулось наружу, стремясь на волю:

— Гюнтер, я не понимаю... Уже измучилась, пытаюсь понять что с нами происходит и что делать. Его отношение ко мне сильно изменилось! Раньше он часто просил меня приехать, мы с ним гуляли, смеялись, разговаривали, обсуждали всё что угодно! Фюрер дарил мне цветы, называл разными ласковыми словами... — она смущённо отвернулась от него, но крепче вцепилась в его руку. — Куда это всё делось, Гюнтер?! Скажи мне! Ты же мужчина! Почему он стал так холоден ко мне? Неужели он не понимает что я страдаю от его невнимания и грубости? Даже при людях он унижает меня, ругает... А когда я приезжаю, то часто игнорирует и запрещает мне подходить к нему. Зачем?! Я же люблю его! — Ева, не выдержав, всхлипнула.

К этому времени они уже прошли вглубь аллеи, и скоро действительно показалась знакомая маленькая полянка, от чего Гюнтер слегка улыбнулся. Правда, беседки здесь не было, но зато стояла удобная скамейка со спинкой. Само место как будто специально было создано для уединения. Здесь было тихо, только слегка шелестели деревья и кусты вокруг. Усадив девушку на скамейку, Гюнтер сел рядом с ней, хозяйским жестом обнял её за плечи и прижал к себе. Ева, не сопротивляясь, прильнула к нему, положив голову ему на плечо. Всклипывания усилились, она полезла в сумочку за платком.

Гюнтер вздохнул. Вот что ей ответить? Ясно одно. Сейчас ему представилась отличная возможность не только раскрыть Еве глаза на истинное отношение фюрера к ней но и привязать девушку к себе самому, показать, что в отличие от Гитлера, есть мужчина куда лучше знающий что Еве надо и готовый дать это. И если для этого придётся разрушить её безответную любовь к фюреру... значит, он это сделает! Это будет и для её блага тоже, хватит уже ей носить розовые очки и верить что фюрер, в один прекрасный день, влюбится в неё. Как он станет разбираться со своими отношениями с двумя девушками, Гюнтер решит позднее. А сейчас надо призвать на помощь весь свой дар убеждения и красноречия.

— Понимаешь, милая... Я могу сказать что фюрер думает и говорит о тебе, но... — он сделал вид что колеблется. Ева подняла голову и посмотрела на него, её глаза были влажными, тушь слегка размазалась из-за слёз.

— Что? Что ты хочешь сказать?.. — голос девушки дрожал, она была напряжена, словно предчувствуя неприятные известия которые он ей сообщит. В этом она была права, женская интуиция её не обманывает. Гюнтер собирался лечить Еву от влюблённости в Гитлера, а каждый знает что лекарства часто бывают горькие.

— Дело в том, Ева, что наш фюрер любит только одну особу женского пола! И это не ты! — ошарашил девушку он. — Хочешь знать кто она? Её зовут — Германия!

Ева, широко раскрывшая глаза при упоминании о сопернице, пыталась понять смысл его слов.

— Подожди, Гюнтер, что значит — Германия? Но... Я думала что ты говоришь мне про живую женщину? Или я тебя не правильно поняла? — она была явно растеряна, Гюнтер это ясно видел.

— Это значит, что наш фюрер больше всего на свете любит и верен только нашей Германии. Только ради неё он готов на всё, только о ней все его мысли и желания. А все другие женщины, в том числе и ты, Ева, только временные соратники и помощницы для него. Знаешь, почему он периодически зовёт тебя к себе а потом отсылает обратно?

Ева отчаянно покачала головой. Казалось, девушка пыталась принять его информацию но у неё это не получалось. Наверное, в её хорошенькой головке творился хаос, и Гюнтер намеревался навести там порядок в своём понимании.

— Потому что он хочет чтобы вас видели его соратники и прочие люди. Фюрер просто играет роль и тебя тоже заставляет быть актрисой. Гитлеру нужно чтобы все видели что он испытывает интерес к женщинам, флиртует с ними, словом, ведёт себя как обычный нормальный мужчина. Но вся истина в том что вы, женщины, ему не нужны, понимаешь? Не нужны для отношений, семьи, любви... Даже к сексу он почти равнодушен после ранения на войне. Вспомни, сколько раз у вас вообще были интимные отношения за многие годы! Ты же должна понимать что если мужчине нравится женщина то он, даже если не планирует жениться на ней, то всё равно хочет её тела, верно? Скажи, пусть даже самой себе, не мне, сколько раз ты испытала невыразимое удовольствие от вашего секса?

Девушка, молча слушавшая его монолог, бледнела всё больше. Видимо, воспоминания нахлынули на неё, и отнюдь не радостные. Внезапно, от какой-то мысли, пришедшей ей в голову, она открыла рот.

— Но неужели... О, Боже, Гюнтер... Не может быть! Неужели он..

Он усмехнулся, поняв, о чём она могла подумать.

— Нет, милая, он не мужеложец... Просто он теперь больше политик чем мужчина и стал равнодушен ко всему что связано с женщиной. Для него вы просто... инкубатор для производства новых солдат Рейха. Ценный государственный ресурс!

— Но как же его цветы?.. Признания?.. Нет, не верю! Не верю! — она всё сильнее мотала головой, слёзы снова полились из глаз. Ева плакала, прижимаясь к нему, и Гюнтер почувствовал жалость к ней за такие откровения. Что ж, сначала он причинит ей невольную боль, но потом с лихвой реабилитируется, принеся в её жизнь радость, счастье, любовь.

— Это всё слова, Ева! Просто слова чтобы ты поверила и вела себя естественно! Красивые жесты, чтобы обмануть тебя и других людей. Иначе они могли бы заподозрить его, не обращай он внимания на женщин, и решить, что он ненормален. А это ослабление влияния, авторитета и власти. Вот он и вынужден это делать с тобой. А потом сразу отсылает тебя, как только надобность в игре отпадает. Я сам слышал, стоя на посту, как он говорил одному из своих соратников «Для меня есть только одна женщина — Германия! Все другие женщины не достойны её!» К тому же, при нас, охранниках, он часто ругал тебя за то что ты мешаешь ему заниматься делами и отвлекаешь его... Вот так вот, милая... Я знаю, это горькая правда, но ты обязана это знать, чтобы не обманывать себя и не унижаться перед ним. Он хороший политик, великий фюрер, но плохой мужчина! — в конце припечатал Гюнтер.

Ева, не отвечая, плакала у него на плече, словно прощаясь со своими мечтами, надеждами и ожиданиями, которые возлагала на фюрера. Наконец, слегка успокоившись, она сумела проговорить:

— Я что-то подозревала... Сердце говорило... Но я не верила, не хотела верить! Что же мне теперь делать, Гюнтер?! — снова зарыдав, спросила она, подняв голову. — Я так хотела семью, детей... простого женского счастья! Неужели я многого прошу? Пожалуйста, ответь!

— Нет, это нормальное женское желание, милая! Только с фюрером ты этого не найдёшь, честно говорю... Он рождён не для семейного счастья, а для потрясения мира... — проговорил Гюнтер, глядя её по волосам. Они у неё были такие красивые, гладкие..

— Может, это я такая некрасивая? Гюнтер, я такая уродина, да? — внезапно услышал

он. В изумлении Гюнтер уставился на неё. Что за резкий поворот в женской логике? Она что, не понимает свою красоту? Или так самокритична? Тут его охватили два противоречивых желания: злость и нежность. Он прорычал:

— Боже, Ева, ты иногда такая дуручка!.. — в следующий миг впился в её губы жадным поцелуем. Мягкие, безвольные губы пару секунд были неподвижны, а потом ожили. Издав какой-то непонятный звук, девушка сама прижалась к нему, обхватив своими руками его шею, и стала отвечать ему. Их языки встретились и начали свой безумный, возбуждающий танец, заставляя кровь Гюнтера быстрее бежать по сосудам. Пока сам он наслаждался её губами, его сознание или подсознание холодно анализировало ситуацию:

«Так, отлично. Она уже сама хочет с тобой целоваться, всё идёт по плану. Скоро ты уже будешь занимать важное место в её жизни и сердце».

Гюнтер мысленно посоветовал ему заткнуться и не отвлекать его своими рассуждениями. Его руки, словно сами по себе, спустились к её груди... «Интересно, двойка или тройка?».. и не забыли обследовать Евину попку, которая приятно удивила его, ведь она занималась спортом, гимнастикой... «Очень даже неплохая задница!». Навалившись на неё, Гюнтер чувствовал что всё больше теряет над собой контроль от желания, предвкушения что сейчас он, наконец-то получит свою Еву. Шляпка слетела с её головы и упала на землю, пальто и платье оказались задраны, обнажив длинные стройные ноги в чулках, которые ещё больше завели его. Гюнтер всегда был поклонником женщин в чулках, а не в колготках, к сожалению, в будущем, дамы предпочитали носить именно второе. Здесь же, к счастью, всё было наоборот.

Ева, замычав, смогла оторвать свои губы от него и сказала, задыхаясь:

— Гюнтер, пожалуйста... не надо! Нет, не сейчас... Ох, милый..

— Ева, моя девочка! Ты с ума сошла?.. Я сейчас взорвусь! Боже, я без ума от тебя! — даже просто чтобы говорить, ему требовалось над собой усилие. Казалось, вся кровь прилила к члену, который пульсировал, требуя, чтобы ему открыли врата рая. Это был именно тот случай про который некоторые женщины говорят: «Мужчины часто думают не головой, а головкой!». Проклятье, опять это изречение Алекса! Они гуляли с ним всего несколько часов перед смертью, а он умудрился пересказать Гюнтеру кучу пословиц, поговорок и разных смешных фраз которые теперь засели у него в голове и вылезают в не самые подходящие моменты.

Гюнтер обнажил груди Евы, оттянул лифчик и начал жадно ласкать её соски, параллельно поглаживая руками восхитительные женские бёдра с шелковистой гладкой кожей над чулками. Тяжело дыша, Ева пыталась что-то ещё сказать, но один из его пальцев, дотронувшихся до её лобка, прикрытого трусами, помешал ей, заставив одновременно вскрикнуть и вздрогнуть.

— Пожалуйста... — еле слышно сорвалось с её опухших от поцелуев губ. Гюнтер не понял про что конкретно она просит, остановиться или же продолжить, но, поскольку уточнения не последовало, решил что второе и с энтузиазмом стал снова ласкать девушку.

Член стоял как высеченный из камня брусок, напоминая ракету поставленную стоймя и готовую к взлёту. Судорожно рванув свой плащ, он порвал одну из пуговиц, с шириной справился без последствий и снова навис над покорённой Евой. Та лежала, закрыв глаза, и тяжело дышала, её руки поглаживали его плечи, шею, грудь под расстёгнутой рубашкой. И когда руки Гюнтера нетерпеливо потянули вниз её трусы, она лишь слегка приподняла свою попку, помогая ему, а на лице появилась лёгкая улыбка..

Его взору открылась обворожительное междуножье, покрытое чёрным, мокрым пушком. Как он и думал, язык женщины говорит одно, но её лобок другое. И, в отличие от рта, женское влагалище никогда не врёт. Если хочет — это видно. Не хочет — тоже заметно. Поэтому Гюнтер почти никогда и не слушал женские возражения при прелюдиях к сексу, сначала он пробирался к ним между ног рукой и там уже смотрел как себя ведёт её соковице. И если оно было влажным или мокрым, не колебался, не обращая внимания на то что несёт язык хозяйки. Осечек пока не было.

Не в силах устоять, он опустил язык и приложился языком к её клитору, заставив девушку застонать и снова вздрогнуть. Её бёдра нежно легли на его плечи, а ласковые пальчики начали ворошить его волосы.

— Гюнтер... пожалуйста... — снова донеслось до него. Лизнув её дырочку, наполненную соками, он проник внутрь языком и почувствовал как там стало ещё мокрее. Не в силах больше сдерживаться, он поднялся выше, лёг на неё и снова стал целовать, одновременно пытаясь засунуть член туда где его ждал такой горячий приём.

Ева с воодушевлением ответила на его поцелуи и сладко застонала, когда он, наконец, нащупал нужное место и погрузился в него, открыв рот и закрыв глаза от удовольствия. Казалось бы, он сотни раз это делал со многими женщинами, но каждый раз это доставляло ему острое удовольствие которое хотелось испытывать вечно. Как же внутри у Евы было прекрасно! Его член туго обхватили нежные стенки и обволокли его, словно не желая отпускать. Но его орган, начал выходить, пообещав непременно вернуться, и не раз. Так и случилось, член, напоминая средневековый таран, мерно сновал туда-сюда, каждый раз вызывая у Евы стоны удовольствия, когда достигал цели, погружаясь до самого конца.

Она открыла глаза и смотрела прямо ему в лицо. Заплаканные глаза теперь блестели, рот приоткрылся, и Гюнтер заметил как она начала ему подмахивать. Похоже, Ева вошла во вкус? Неудивительно, столько времени быть проигнорированной фюрером! Сколько в ней накопилось желания? Она же девушка в самом соку. Ничего, теперь Гюнтер соберёт все эти плоды страсти!

Стоны её стали чаще и громче. Гюнтер, несмотря на внутреннее нежелание, решил кое-что проверить. Он остановился и спросил, улыбаясь:

— О чём ты просила «пожалуйста»? Хочешь, чтобы я остановился?

Она сверкнула глазами и ответила, жалобно поглядев на него:

— Нет! Продолжа-ай... — и сама вильнула бёдрами.

Усмехнувшись, он с новой силой начал засаживать член ей во влагалище, где уже всё хлюпало от влаги. Усилив напор, Гюнтер почувствовал, что ещё несколько минут и он не выдержит. Ева крепко обхватила его руками и ногами, стонала и вскрикивала. Вдруг, закусив губу и закрыв глаза, она остановилась и так сжала Гюнтера, что он почувствовал себя как в тисках. Ничего себе, какая сила скрывается в ней! Через секунду с её губ сорвался низкий долгий стон, тело задёргалось, выгнулось и Гюнтер ощутил как его член плотно обхватило внутри. Это оказалось последней каплей для него. Он едва успел вытащить своё хозяйство и обильно излился ей на живот. Спермы оказалось неожиданно много и она, забрызгала не только живот но и часть груди, да ещё начала стекать на подкладку её пальто. Впрочем, саму Еву это сейчас волновало в последнюю очередь.

Лёжа под ним, она всё ещё мелко вздрагивала, по-прежнему обнимая Гюнтера. На искусанных, зацелованных губах застыла удовлетворённая улыбка. Слегка застонав, он сполз с неё и уселся на край скамейки, ощущая внутри себя приятную слабость. Застегнувшись, он

также привёл в порядок её одежду, опустив платье и закрыв полами пальто. Её трусы, поколебавшись, засунул в сумочку Евы, которая тоже упала на землю от активных телодвижений.

Отдышавшись, он посмотрел на девушку и спросил:

— Милая, ты там жива?

В ответ раздался лёгкий стон и Ева попыталась сесть на скамейке. С третьей попытки ей это удалось, и она уселась рядом, привалившись к его плечу. Они помолчали. Наконец, девушка ответила.

— Знаешь, Гюнтер... С одной стороны я зла на тебя... ты воспользовался моим состоянием, мерзавец такой... С другой... — она вздохнула. — Мне ещё никогда не было так хорошо, наверное, мне это и было нужно... Я словно... словно летала где-то... а ещё видела какую-то женщину в красивом белом платье, она улыбалась..

«Неужели она увидела Фрейю? Интересный поворот..» — подумал Гюнтер. Вслух же сказал:

— Я давно хотел тебя, Ева. С самой первой встречи. Ты мне очень понравилась, красавица! И в отличие от фюрера, я знаю что тебе нужно и что ты хочешь! И могу это дать! — уверенно произнёс он.

Она повернула голову и посмотрела на него. Улыбка стала ещё шире.

— Вот как? И что же мне надо? Что я хочу?

— Тебе нужна любовь! А ещё семья, дети. Частые встречи, прогулки в обнимку, цветы, понимание, признания... и, конечно, секс! Как и любой девушке! — не раздумывая, ответил Гюнтер. Она смотрела на него и не отвечала. Только подвинулась к нему ещё ближе, обхватила его руку и затихла. Парк вокруг них продолжал жить обычной жизнью, ветерок ласково шевелил их волосы и деревья.

— Ты сказал, что я понравилась тебе с самой первой встречи? — внезапно спросила она.

— Да! — ответил Гюнтер, удивившись.

— Я помню, когда я тебя впервые увидела... Это было больше года назад, ещё до Польши.

— И что? — не понял он.

— Но насколько я помню, раньше ты вообще не обращал на меня внимания. Стоял истуканом как и все другие охранники. Всё изменилось лишь неделю назад... — закончила она.

«Проклятье, слегка прокололся... Надо исправляться!»

— Что ж, тогда могу себя поздравить, у меня мастерски вышло скрывать свой интерес к тебе больше года. Никто не заподозрил, даже ты сама... — вывернулся он.

— Но почему ты так сделал? — спросила Ева.

— Раньше я думал что у тебя с фюрером всё серьёзно... — начал Гюнтер придумывать на ходу. — Сама подумай, я или фюрер? Был уверен, что ты с ним счастлива. Но потом я увидел, как он с тобой обращается, понял, что ты для него на самом деле ничего не значишь и решил действовать. Мне стало невыносимо смотреть как он тебя унижает. Ты очень красивая девушка и достойна более лучшей участи чем быть собачкой для битья фюрера.

— И ты решил открыться мне... — кивнула она.

— Да! И, единственное, о чём я жалею... Что не сделал этого раньше, милая!

— Понимаю... Кстати, если ты отдохнул, давай ещё погуляем? Или ты очень ослаб? —

рассмеявшись, спросила Ева.

— Я? Ослаб? — шутливо возмутился Гюнтер. — Ну, держись, сейчас мы посмотрим кто у нас тут ослаб! — он сделал движение, собираясь схватить её, но она легко увернулась и, завизжав, рванулась к деревьям. Гюнтер за ней.

Весело смеясь, она неслась сквозь парк, лёгкая и воздушная. Только туфли на каблучках, непригодные для бега по земле, и развевающееся пальто тормозили её. Поэтому Гюнтер легко догнал девушку в глубине парка и прижал к дереву, тяжело дыша.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга глаза в глаза и улыбались. Потом он медленно наклонился к ней и поцеловал в губы. Ева с радостью ответила. Прижавшись к девушке, Гюнтер почувствовал, как её грудь снова упёрлась в него, запах духов и волос опять начал пьянить его. Снова распахнув пальто Евы и задрав платье, он стал ласкать пальцами её лоно. Та слегка застонала и чуть раздвинула ноги.

— Какой ты ненасытный, Гюнтер... Неужели ты опять хочешь? — спросила она, снова закрыв глаза от удовольствия, позволяя ему всё.

— Конечно! А что ты удивляешься? Рядом с тобой я все время возбуждён. Такая горячая красавица как ты, не может оставить мужчину равнодушным. А про фюрера я тебе уже говорил, забудь про него... — снова возбуждаясь, проговорил Гюнтер, осторожно входя в неё.

Она промолчала, закинув руки ему на шею и прижавшись к его сильному телу. В этот раз всё было более нежно и ласково, хотя результат таким же, через некоторое время они оба стояли возле дерева, переводя дух... Хоть она и старалась сдержаться, но её стоны всё равно было слышно за десятки шагов. Похоже, теперь Ева отрывалась с ним за долгое, вынужденное воздержание. А сам Гюнтер был счастлив! Ева теперь его девушка, и они не позволят никому отнять её, даже фюреру. Как там сказал Алекс? «Что упало — то пропало?» Самое то.

Потом они вернулись к скамейке, где лежали, позабытые ими в порыве страсти, её шляпка и сумочка, а также цветы. Всё плохое настроение девушки пропало, она смеялась и шутила как ни в чём не бывало. Снова взяв его под руку, она пошла вместе с ним к выходу из парка.

— Скажи, ты ждал что... у нас будет ЭТО? — спросила она уже на выходе.

Гюнтер усмехнулся.

— Скажем так, я надеялся на это, милая.

— Я так и поняла... — улыбнулась она. — А теперь мне пора возвращаться на работу. Скажи, мы ещё увидимся или..? — она напряглась, ожидая ответа, её глаза тревожно заблестели. Неужели она думала что он с ней на один раз?

— Естественно, милая! Теперь ты от меня никуда не денешься, поняла? — шутливо пригрозил Гюнтер. Она улыбнулась и прижалась к нему. Возле выхода из парка стояли несколько машин такси и Гюнтер усадил свою новую девушку в одну из них, сразу заплатив за неё.

— Когда я смогу, снова приеду и заберу тебя. А вот мой номер телефона в квартире, которую я снимаю и адрес. Звони или приезжай смело, Лаура уверена, что ты подружка фюрера и не будет ревновать.

Ева слегка нахмурилась.

— Ты уверен? Мне кажется, ты ей небезразличен. Кстати, что ты к ней испытываешь? Ты её любишь? — спросила она, с непонятным выражением глядя на него.

— Запомни, милая! Ты для меня особенная! Никто не сравнится с тобой! А насчёт моих чувств к Лауре я расскажу в другой раз. Сейчас нам обоим пора! До встречи, моя Ева! — он снова поцеловал её, она с радостью ответила. Потом машина уехала, и Гюнтер, проводив её глазами, сел в другое такси. Пора было звонить Паулю и ехать обмывать звание.

Тот же день. Москва.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Он закурил папиросу и устало откинулся на подушку, бездумно смотря в потолок. Дым лениво поднимался вверх, потянувшись к открытой форточке. На улице уже было светло, неподалёку лаяла собака, за тонкой стенкой слышались голоса соседей, раздражённо что-то обсуждавших. Под окном потянулись на работу люди.

Алексей обвёл глазами скудно обставленную комнатушку и угрюмо скривился. Да, эта нищая халупа сильно отличается от его такой уютной комнаты, в которой он жил в детстве. Хоть и прошло с того времени уже больше двадцати лет но Алексею часто снился тот сон где он, маленький, чистенький мальчик, лежит на мягкой перине и смотрит на стены своей комнаты, обклеенной светло-зелёными обоями. Как же в ней ему было хорошо! Это он понял только сейчас, а тогда воспринимал как само собой разумеющееся. Тихо тикающие часы на изящной тумбочке с гнутыми ножками, игрушки: балерина на одной ножке, которая крутится под мелодию, целая куча солдатиков, пехотинцев и кавалеристов... Широкая полка на стене, где стояли его книжки.

Скрипнув зубами, он прогнал эти воспоминания, всё равно этого уже не вернёшь. И теперь он, потомственный дворянин Залесский, предки которого отличились во время Отечественной войны 1812 года, вынужден обитать здесь, в этом вшивом бараке, вместе с теми кто раньше почтительно приветствовал его, снимая картузы и кепки. Да ещё под чужим именем и фамилией! Работать в мастерской простым рабочим! Какой позор для аристократа... Проклятые красные скоты!! Всё это случилось из-за них..

...Тот день запомнился ему в подробностях, хотя он предпочёл бы многое забыть. Утром он как обычно проснулся, умылся, оделся и пошёл завтракать вместе с матерью, Еленой Викторовной. Ему тогда было всего семь лет. И именно в этот день маленькому Алёше довелось узнать какими иногда бывают люди, которые ещё вчера кланялись им и заверяли в верности. На дворе стоял 1917 год, октябрь. В стране царила неразбериха, власть самоустранилась, а улицами завладела толпа всяких расхристанных бродяг. Рабочие и нижние чины запасных полков бродили пьяными, горланили пропитыми голосами какие-то лозунги и угрозы. Иногда слышались выстрелы, а за углом, там где был участок, что-то горело. Уже который день завтрак и обед были скудными, продукты доставать стало труднее. Некоторые слуги куда-то пропали, скорее всего, сбежали, и его мать сама ходила за покупками. Обстановка в доме была гнетущая, мама часто сидела в тишине и не отвечала на его вопросы. А он, семилетний озорной мальчишка, всё старался развеселить маму. Его отец, пехотный штаб-офицер, пропал без вести на фронте ещё год назад, и всю свою любовь Елена Викторовна перенесла на горячо любимого сына.

Они тихо пообедали, еду им подавала единственная оставшаяся с ними горничная матери, Маша, девушка лет 23, которую ещё в детстве приютила мать. С тех пор девочка служила им верой и правдой, сильно привязавшись к своей спасительнице и её сыну. Ещё был старый слуга, Тихон, который еле ходил, так как его левая нога была изуродована японским снарядом в сражении под Порт-Артуром в 1904 году.

Внезапно в дверь их дома загрохотали ногами несколько человек, громко требуя

открыть им именем революции.

— Мама, а кто там стучит? — спросил он с детской непосредственностью. Елена Викторовна слегка побледнела и спокойным тоном сказала:

— Плохие люди, Алёша. Маша, ты же помнишь, что я тебе сказала сделать в таком случае? — обратилась она к горничной. Та округлила глаза и прижала руку ко рту.

— Да, барыня... — еле слышно ответила девушка.

— Идите сейчас же! Алёша, немедленно иди с Машей и выполняй всё что она скажет. Хорошо?

— Да, мама!

Удивлённый таким тоном матери, которая раньше никогда с ним не говорила, он без возражений подошёл к девушке, которая крепко схватила его за руку и потащила его в коридор, к чёрному выходу для прислуги. Однако, почти добежав до него, Алексей с Машей увидели что дверь начали выламывать снаружи, видимо, часть «гостей» решили подстраховаться и не дать никому сбежать.

Горничная лихорадочно заметалась, не зная что делать, но вдруг, что-то придумав, метнулась назад и, таща за руку ничего не понимающего Алёшу, заскочила в спальню хозяйки. Это была уютная комната с большой кроватью, на которой он любил раньше лежать вместе с матерью. Теперь же он спал в своей личной комнате, а его мать, после того как пропал отец, спала одна.

— Лезьте под кровать, барчук! — выпалила Маша дрожащим от страха голосом.

Он недовольно сморщился. Игра внезапно перестала нравиться ему и он решил что пора её заканчивать.

— Не хочу! Там пыльно..

— Ну пожалуйста, Алексей Дмитриевич! — взмолилась девушка, обхватив его руками. — А то барыня нас заругает! А ещё... — она заговорщицки улыбнулась... — Я вам очень вкусную конфету дам! И барыне не скажу!

Против такого аргумента он не смог устоять и, вздыхая, полез под кровать. Алёша был сладкоежкой и любил печенье, конфеты, сладкие коржики, но мать строго ограничивала его в этом, поэтому мальчик решил согласиться, сглотнув слюну. Интересно, какую конфету Маша ему даст?..

После того как он залез под кровать, туда же, извиваясь, втиснулась и Маша. Обладая маленьким ростом и стройной фигуркой, она смогла поместиться рядом с ним и затихла, знаком показав ему что нужно молчать. Покрывало свисало с кровати почти до пола, скрывая их от посторонних глаз, но сквозь бахрому на концах материи они могли видеть всё что происходит в спальне.

Повисла тишина, которая быстро нарушилась топотом ног и злобными криками в коридоре. Похоже, взрослые дяди ворвались в дом, решил мальчик. Через несколько минут внезапно дверь в комнату с треском распахнулась, и в спальню буквально втолкнули Елену Викторовну и Тихона. Слуга держался за голову с которой капала кровь и тихо матерился. Его мать, пыталась оставаться спокойной, но Алёша видел что она одновременно испытывает гнев и страх.

Вместе с ними в комнату ворвались несколько незнакомых человек: крепкий матрос в тельняшке, двое мужчин в одежде мастеровых и молодой парень, одетый более прилично. Кроме матроса, у которого был «маузер», все были вооружены винтовками.

— Ну что, сударыня, вот мы и снова встретились с вами! — улыбаясь, произнёс парень,

похожий на студента.

— Вы?! — поражённо прошептала мать Алёши. — Но... Как вы посмели сюда явиться после того как... — она замолчала.

— О, сударыня, я долго ждал этого момента, поверьте! — с радостью ответил студент, злобно ощерившись. Глаза его засверкали, он подошёл вплотную к женщине и, схватив её за волосы, попытался впиться ей в губы. Елена Викторовна в последний момент успела отвернуть голову и оттолкнула парня. Его спутники расхохотались, а Алёша под кроватью завозился под кроватью, пытаясь вылезти и защитить свою маму. Маша крепко вцепилась в него и зажала ему рот своей ладошкой.

— Что, Студент, не достоин ты своей крали, а? — смеялся матрос. — Происхождением не вышел?

Мастеровые его поддержали, а пареньё закричал от злобы и со всей силы дал женщине пощёчину.

— Сука! — он подскочил к упавшей женщине и ударил её ногой в живот, матерясь от ярости. Елена Викторовна глухо застонала, свернувшись в клубок на полу, пытаясь вдохнуть воздуха.

— Кончай, Студент, пусть сначала скажет где червонцы и эти... как их?.. ассингации заныкала, а потом уже развлекайся... — утихомирил его всё тот же матрос, взяв за плечо.

— Ассигнации... — поправил его Студент, постепенно приходя в себя и поправляя одежду.

— Да какая, на хер, разница? — подал голос один из мастеровых. Он покачивался, видимо, хорошенько набрался перед делом.

Алексей под кроватью оцепенел, глядя на мать. В голове было пусто, ему казалось, что это не он лежит там, а совсем другой мальчик.

Студент нагнулся над женщиной, снова взял её за волосы и повернул голову к себе:

— Говори, где деньги, украшения, ценности? Отвечай, высокородная шлюха!

Женщина промолчала, хватая ртом воздух. Зато очнулся Тихон, который сидел в углу на полу, прижатый к нему вторым мастеровым.

— Нету денег у барыни... Всё на продукты ушло... — его голос был глухой и болезненный.

— Не ври, дедуля! Что-то наверняка осталось... — сказал матрос, осматриваясь. — А неплохо живет эксплуаторша народа... — хмыкнул он, подходя к кровати. Разлёгся на чистом покрывале в своей грязной тельняшке и вытянулся:

— Мягко... Я бы тоже так хотел!

— Нет у нас ничего, мужики... — продолжил Тихон, не глядя на них. — Побойтесь Бога, уходите, не трогайте Елену Викторовну..

— Что ж, добром она говорить не хочет... Значит, спросим по другому. Студент, давай! — скомандовал матрос, вставая с кровати. Тот снова улыбнулся и, подхватив с пола женщину, бросил её на освободившуюся постель.

Алексей под ними услышал треск рвущейся ткани и отчаянный крик матери:

— Нет!!! Отпусти, грязная скотина!

— Ну уж нет, сударыня!.. Я не даром столько ждал этого случая чтобы сейчас отступить! Тогда ваш муженёк помешал мне получить вас, а теперь его нет!.. И на помощь никто не придёт! — торжествующе захохотал он, навалившись на неё. Мастеровые и матрос посмеивались, глядя на эту сцену.

Внезапно всё изменилось. Тихон, зарывав, попытался отбросить державшего его рабочего, тот усилил напор, и между ними завязалась драка. Другой рабочий и матрос кинулись на помощь подельнику. На полу образовался клубок из тел. Тихон сумел мощным ударом отбросить одного из грабителей, но матрос достал откуда-то нож, и с размаху всадил его верному слуге в грудь. Тот выгнулся, широко открыл рот, из которого хлынула кровь, и резко обмякнув, затих. Так закончил свой боевой путь фельдфебель 124-го Воронежского полка Сидорчук Тихон Герасимович, награждённый солдатским Георгием 4-й степени.

Тем временем, Студент вскрикнул и встал с кровати, шатаясь.

— По... Помоги. те... — и упал на пол, содрогаясь. Его сообщники недоумённо уставились на него, пытаясь понять что ещё случилось. Переведя взгляд на женщину, матрос прошептал:

— Вот же блядь..

Алексей видел в зеркале, напротив кровати, что женщина, залитая кровью Студента, сидела на постели и сжимала в руках маленький ножик. Открыв рот, он смотрел как из внутренней части бедра парня хлестала толчками кровь, а его лицо бледнело на глазах. Широко открытый рот, казалось, пытался что-то сказать, но сил уже не было... Дёрнувшись в последний раз на глазах изумлённых сообщников, Студент умер, так и не успев осуществить своё гнусное желание.

— Эта стервь прирезала Студента! — воскликнул один из мастеровых. Алёша знал, что его мать некоторое время работала сестрой милосердия одного из столичных госпиталей и, скорее всего, знала куда можно ткнуть ножом, чтобы защититься. В это время второй рабочий, который уже оклемался от удара Тихона, молча поднял винтовку и, зло ощерившись, в упор выстрелил в Елену Викторовну. Тихо всхлипнув, женщина повалилась на кровать, а по комнате поплыл запах пороха. Алёша под кроватью онемел, превратившись в соляной столб.

Матрос, в последний момент заметивший действие рабочего, попытался помешать ему, но не успел.

— Что ты наделал, дурья твоя башка!?! — со злостью накинулся он на стрелявшего. Вырвав у него винтовку, отпихнул в сторону, к стене.

— А что такого-то? Она, значит, нашего прирезала, а мы..

— А как мы теперь узнаем куда она всё своё добро припрятала, бестолочь фабричная?! — заорал ему в лицо матрос с бешеными глазами.

— Точно, Ванька, телок ты ещё несмышлёный... — поддержал его второй мастеровой. — Да и развлечься с ней хотели... такая чистенькая, породистая, голубая кровь, чтоб её... А ты взял и похерил нам всю сладость..

Тот сплюнул на пол и, поколебавшись, ответил:

— Ничего, в городе ещё полно таких осталось... не одна так другая..

После этого трое оставшихся «революционеров» начали громить дом, лазать по шкафам и искать ценности. Ничего не нашли, кроме столового серебра и одежды. После этого, усталые и разочарованные, они подожгли дом и ушли.

Алёша, вместе с Машей, выбежали на улицу когда дом уже серьёзно полыхал. Сам он был в какой-то прострации, безмолвно выполнял то что ему говорила служанка и просто бежал за ней куда-то. В голове и сердце образовалась какая-то пустота. Маша, как он понял позже, привела его в какую-то квартиру снятую на те скудные деньги, которые ей дала его мать заранее...

Этот день, на протяжении двадцати трёх лет, очень часто вспоминался ему. Горечь утраты пришла позже, он плакал, даже выл, на груди у Маши, которая прижимала его к себе и тоже плакала вместе с ним. А потом началась для него новая жизнь..

Прервав его воспоминания, рядом с ним зашевелилась молодая девушка с красивым лицом и прекрасным телом. Под одеялом она была голая, как он и любил.

— Ммм... Ты уже проснулся, Алёша? — протянула она, прижавшись к нему.

— Да, Катюш... А ты спи, если хочешь. Сегодня на работу не пойду, что-то слабость сильная... — проговорил он, погладив её по русым волосам.

— Ты не заболел? — встревожилась она и потрогала его лоб. — Вроде, нормальный..

— Не знаю, просто полежу. А тебе сегодня на службу?

Катя зарылась носом в подушку и застонала.

— Угу... А так хочется остаться с тобой.

Алексей засмеялся и взъерошил ей волосы.

— Ничего, я же никуда не убегу. Встретимся вечером или завтра. Вставай, а то опоздаешь!

Снова застонав, девушка села на кровати. Потом медленно встала и взвизгнула, получив шлепок по своей круглой попке. Сонная и взлохмаченная, она показала ему язык и начала одеваться, нарочито медленно, поглядывая на него. Сначала трусики, потом лифчик, пояс для чулок, сами чулки. Затем настал черёд форменной юбки и гимнастёрки. И наконец, своё место занял берет. И вот, перед ним стояла сержант госбезопасности Екатерина Цветкова.

Алексей усмехнулся. Какая ирония судьбы! Знай она что встречается с самым настоящим врагом советской власти, что бы сделала? Пристрелила на месте? Или сдала своим? А ведь эта дурочка любит его, он по глазам видит. Встретились случайно, почти год назад, когда она, задумавшись, врезалась в него на улице, пока он покупал мороженое. Тогда Катя была в гражданском платье и он, конечно, не знал о ней ничего.

Девушка извинилась, он предложил познакомиться, прогуляться... Вот и результат. Девушка ему понравилась, и уже через несколько дней она была в его постели. Неопытная девственница, она познавала с ним уроки любви, и страстно влюбилась в него, правда, пытаясь скрыть это от него. Напрасно! Он это быстро понял, её глаза всё сказали сами.

Открылась о своей работе она ещё через несколько месяцев, когда он случайно встретил её на улице в форме, застыв от удивления. Последовал прямой разговор, и горячее его завершение в постели.

Алексей не сразу смог прийти в себя от такого афронта судьбы. Подумать только, он спит с сержантом госбезопасности, службы, которая с радостью бы пообщалась с ним, будь такая возможность. Некоторое время он сомневался, опасаясь, что она специально свела с ним знакомство и он уже на крючке, но время шло, а её поведение оставалось таким же. И Алексей вынужден был признаться сам себе что это, видимо, одна из шуток судьбы. К тому же, его чуйка, которая всегда сигнализировала об опасности и уже несколько раз спасла его, молчала.

Однажды, на её дне рождения, они выпили больше обычного и девушку развезло. Сама, без всякого его принуждения, она начала рассказывать о своей работе, хоть это и было запрещено. Видимо, всё это копилось внутри неё и она хотела выплеснуть напряжение, рассказать кому-то кто, по её мнению, достоин доверия.

На утро она извинялась и просила никому не рассказывать про то что он услышал и Алексей с готовностью пообещал, добавив, что она всегда может рассказать ему то что

хочет, дальше него это всё равно не уйдёт.

С тех пор, периодически, он иногда наливал Кате чуть больше чем надо и язык у неё распускался. Выложив ему всё что хотела, девушка шутливо говорила что теперь ей придётся убить его чтобы сохранить тайну, но есть возможность на милосердие... После этого, он наваливался на неё своим крепким телом и все мысли о работе и тайных сведениях вылетали из её головки и их место занимало желание..

Вчера вечером она снова пришла к нему, в его комнату. Другие жильцы, соседи, уже начали привыкать к её частым визитам, и каждый раз старались не показываться ей на глаза, кто знает эту девчонку из госбезопасности? Попадёт ей вожжа под хвост, арестует ни за что ни про что и отвезёт куда следует... Нет уж, лучше, пока она здесь, сидеть и не отсвечивать. Да и к этому жильцу, её любовнику, тоже не соваться.

После того как они утолили своё первое желание и страсть на время схлынула, Катя рассказала какую-то небылицу, свидетелем которой оказалась на работе. Якобы допрашивали какого-то немца, но который сам себя считал русским. С Поволжья, что ли? И тот нёс ерунду про будущую войну с Германией, её катастрофическое начало для Советов, массовые жертвы и потери городов. Называл даты, планы, фамилии... Причём так подробно и без колебаний, что было ощущение его полной уверенности в себе и своих словах. Не выдержав, Катя сорвалась и едва не нарвалась на серьёзное наказание от своего начальника.

Алексей скептически отнёсся к её рассказу и успокоил её как обычно, алкоголем и ласками. Девушка заснула после бурного секса, он покурил и тоже вырубился. Но сегодня рано утром он проснулся, и первое о чём он подумал... о её рассказе. Нет, конечно, он не поверил ей, но... информация любопытная. Пожалуй, стоит кое-кому об этом рассказать. Естественно, не просто так. Глядишь, удастся поправить свои финансовые дела..

— Ну что, как я тебе? — улыбнулась девушка, кругнувшись на месте.

Алексей весело улыбнулся и сделал движение, пытаясь встать.

— Кажется, зря ты оделась, милая... Что-то мне опять захотелось. Иди-ка сюда... — он алчно облизнулся. Девушка тут же отпрыгнула к двери и торопливо заговорила:

— Нет-нет, Лёша, мне уже пора на службу! А то я опять опоздаю, как в прошлый раз... — она замаялась и просительным тоном спросила:

— Давай я лучше вечером приду, ладно? Или ты ко мне, завтра, ближе к вечеру? У меня родители на дачу уедут, я одна буду... — Катя заговорщицки подмигнула ему. Он, подумав, снова откинулся на подушку и произнёс:

— Хорошо, Катюш, тогда завтра вечером я приду. Но с тебя мой любимый борщ! — Алексей требовательно указал на неё пальцем.

Катя хмыкнула и, взявшись за подол юбки, сделала что-то вроде книксена.

— Будет исполнено, мой господин! Иногда я думаю, что для тебя важнее, я и или мой суп?

— И то и другое бесподобно, Катя! — уверенно ответил он. — Ты же знаешь поговорку — «Путь к сердцу мужчины..

...лежит через его желудок!» — со смехом закончила девушка. — Ты проглоти, Лёшенька! Но мне это нравится. Ну всё, пока!

— До встречи! Ты самая красивая сержант в мире!

— Лыстец! И подхалим! — весело рассмеявшись, она вышла из комнаты, и звук её шагов растаял в конце коридора. Закурив новую сигарету, он задумчиво посмотрел на потолок. Нет, определённо надо встретиться с одним... господином. Возможно, его и заинтересует

такой бред. Всё равно пока ничего стоящего нет, а так хоть что-то..

Решившись, он упруго поднялся с кровати, тщательно заправил её, оделся и с небольшим мешком вышел из комнаты, ни с кем не встретившись. Выйдя из барака, он прошёл метров сто до полуразвалившегося сарая на одном из заброшенных огородов, внимательно огляделся и, отворив скрипнувшую, покосившуюся дверь, вошёл внутрь. Бегло осмотрел разные мелкие вещи, казалось бы, беспорядочно разбросанные на полу. Нет, никого не было, никто не трогал их. Скинув мешок с плеча, он начал уже привычное занятие. Раздевшись до трусов, он засунул свою одежду в мешок, перед этим вытащив из него другую.

Чистая рубашка, слегка поношенные пиджак и брюки серого цвета, чёрная фетровая шляпа, выдавшие виды ботинки. Отдельно достал небольшие очки (как у главного красного безопасника Берии). Наклеил поддельные усы, слегка сторбился и начал подволакивать ногу. Посмотрел на себя в принесённое зеркало и улыбнулся. Совершенно другой человек! Типичный небогатый интеллигент с физическими дефектами. Одежда, лицо, рост... всё изменилось. Только голос остался тот же, но Алексей тренировался, и смог немного изменить его, говоря как бы с хрипотцой или покашливая как простуженный. Что ж, теперь можно идти. Тщательно спрятав мешок с одеждой в углу, он подошёл к выходу.

Посмотрев в щели сарая, и никого не увидев, открыл дверь и вышел. Таким образом, хорошо замаскировавшись, он поковылял к трамвайной остановке. Способности к изменению своей личности и хитростям шпионов он получил в детстве, ещё до кровавого Октября, благодаря разным романам и книгам про них. Особенно его поразили способности знаменитого Шерлока Холмса. Там подробно описывались уловки разного рода преступников и как их распознавать, даже если они меняли внешность. Конечно, вряд ли среди большевиков найдётся такой уникум, или хотя бы похожий на него, который мог бы его узнать, но всё равно, он предпочитал перестраховаться.

Дойдя до остановки, как бы случайно огляделся, всматриваясь в людей. Но никто не обращал на него внимания, все спешили по своим делам. Пропустив один трамвай, он сел в другой и, проехав три остановки, слез. Неторопливо идя по улице, Алексей заметил нужный ему подъезд ничем не примечательного жилого дома. Подгадав, когда рядом никого не окажется, он доковылял до двери подъезда и прислонился к ней, как бы устав. Вытерев платком лоб, и снова оглядевшись, Алексей вытащил из кармана пиджака кусок мела и начал рисовать. Через секунд десять он отошёл от подъезда и не спеша поковылял обратно. А на двери, в правом верхнем углу, осталась маленькая, нарисованная мелом, звёздочка и цифры рядом: 1 и 4. Расшифровывалось это так: встреча завтра, на объекте номер 4.

Чуть позже. Берлин.

Гюнтер Шольке.

— За встречу!

— Прозит!

Все дружно приподняли кружки и отпили по хорошему глотку восхитительно вкусного пива. Гюнтер не удержался и прищёлкнул языком от удовольствия. Нет, совершенно другой вкус, более яркий и насыщенный! Никаких химических добавок и других фишек будущего. Даже разливное пиво из будущего не тянет до нынешнего уровня. Вот и ещё один плюс от его попадания в прошлое. В сущности, за все дни что он провёл здесь, расслабиться с

алкоголем получилось только сегодня. С его службой возле фюрера особо не выпьешь, тем более, меньше чем за две недели дважды очутиться в госпитале... К чёрту! Сегодня его праздник и он намерен хорошенько отдохнуть!

Они сидели в каком-то небольшом то ли ресторанчике то ли простом баре на севере города, в который их привёл пройдоха Пауль, истово уверяя что здесь они попробуют отличное немецкое пиво. Что ж, в этом он не соврал, выпивка здесь и впрямь хороша. И публика невзыскательная, вот неподалёку гуляет компания артиллеристов, тоже что-то празднуют... Да и простые работяги не спеша пьют, горячо обсуждая свои дела..

Кроме самого Гюнтера и Пауля было ещё двое его сослуживцев из батальона охраны СС, Ханс и Йозеф. За тот неполный час что они пришли сюда, четверо собутыльников успели слегка оживиться под воздействием пива и весело подначивали друг друга.

— Скажи, Йозеф, как там твой тёзка поживает? Не устал ещё языком трепать? — прицепился к его сослуживцу Пауль.

— Отстань, Пауль, как вы мне надоели с этой дурацкой шуткой! — раздражённо отмахнулся от него дюжий парень в расстёгнутом мундире унтерштурмфюрера. — Я что, виноват в совпадении имён с этим колченогим болтуном?

— Верно, Пауль, хватит уже задирать Йозефа! — поддержал его Ханс. — Он хороший парень и верный друг.

— О, в этом я и не сомневаюсь! Выпьем? — он поднял кружку и, улыбаясь, посмотрел на товарищей.

— Выпьем!

— До дна!

Все четверо подняли ополовиненные кружки, чокнулись и стали вливать в себя чудесное пиво. Гюнтер не отставал и смог оторваться от пустой тары на несколько секунд раньше. Поставил кружку на стол и посмотрел на других. Вот допил свою порцию Пауль, потом одновременно Ханс с Йозефом.

— Надо нам почаще собираться вот так! — выразил свою мысль Пауль. — Пусть даже и без повода.

— Верно, дружище, но увы... боюсь, не скоро получится! — грустно покачал головой Гюнтер. Пиво начало действовать и ему стало ещё лучше.

— Ты прав, Гюнтер. Не знаю как вы, а я через пару дней уезжаю на фронт, уже приказ есть... — поддержал его друг. Все трое удивлённо на него посмотрели.

— То есть в Норвегию? — спросил Ханс, знаком подзывая официантку.

— Ха, нечего там делать среди морозных скал и разных фьордов! Пусть вермахт и флот там гоняют недобитых норвежцев! — махнул рукой Пауль. — Нет, я еду в Аахен или Кёльн.

— Что? Ты намерен сидеть в окопах и раз в неделю постреливать в «томми» и «лягушатников»? — удивился Йозеф. — По мне, так уж лучше развлекаться в Норвегии чем отсиживать задницу перед линией Мажино.

— Ошибаетесь, парни! — вмешался Гюнтер. — Совсем скоро там начнётся отличное представление и наш друг окажется в первом ряду, прямо перед сценой.

— Хм... Ты знаешь что-то что не знаю я? — посмотрел на него Пауль. — Честно говоря, я слышал слухи о некоем наступлении, но..

— Я сам ничего не знаю точно... — развёл руками Гюнтер. Не хватало ещё проболтаться по пьяни про 10 мая. Камрады-то они камрады, но неприятности ни к чему. — Но разговоры втихомолку идут про Запад... Кто его знает что там будет, но я уверен в

одном... Скучать Паулю там не придётся!

— А вы, парни, что думаете? — обратился Пауль к Хансу и Йозефу.

Те синхронно пожали плечами.

— Мы ничего такого не слышали. Но если будет приказ то мы будем готовы! Фюрер сказал — мы сделали! — заключил Ханс.

Подошла улыбающаяся официантка с подносом, на котором красовались ещё четыре кружки пива, через край едва не сползала пена. Она была одета в костюм немецкой крестьянки с широкой юбкой и зашнурованным корсажем, на волосах яркая лента. Немаленькой груди явно было тесно в плену платья и она рвалась на волю. Все четверо дружно уставились на грудь девушки. Та, конечно, заметила это но не подала виду и ловко разгрузила поднос от пива, взамен наполнив его пустой посудой. Ослепительно всем улыбнувшись, она быстро умчалась. Через несколько секунд товарищи отмерли и обратили внимание на новую выпивку.

— Да... Определённо стоит заходить сюда почаще... — пробормотал Ханс.

— Согласен! — поддержал Йозеф.

Гюнтер тоже не остался равнодушен к прелестям официантки, но успокоил себя тем что ночью обязательно оторвётся со своей Лаурой.

— Ну что, снова тост за нашего новоиспечённого оберштурмфюрера! — провозгласил Пауль, подняв кружку. Все дружно поддержали его. Улыбаясь, Гюнтер также плотнул несколько раз. Расстегнув китель ещё на одну пуговицу, он откинулся на спинку стула.

Разговор разделился на две части. Ханс с Йозефом начали вспоминать некую Мартину, к которой неплохо бы заявиться, а Пауль придвинулся ближе к Гюнтеру, обнял его за плечи и негромко спросил:

— А ты, дружище? Не надоело ещё изображать статую в коридорах рейхсканцелярии? Или ты внезапно влюбился в шагистику?

— Ты о чём? — не понял Гюнтер. Пиво действовало всё сильнее и мозг плавно завлакивал расслабляющий туман. Хотелось просто сидеть и ничего не делать, купаясь в волнах удовольствия от дружеской беседы, вкусной выпивки и атмосферы праздника.

— Помнишь, как мы с тобой воевали в Польше? Та чёртова деревня на берегу Бзуры?

Гюнтер сморщился. Воспоминания были не из приятных. Орава лезущих поляков, при поддержке немногочисленных ТКС и 7ТР.. Они тогда отбились, но многие камрады так и остались похоронены на берегу реки.

— Такое трудно забыть... И что?

Пауль помолчал, внимательно на него посмотрел и огорошил:

— Давай со мной!

— Куда с тобой? — опять не понял Гюнтер. Пауль имел дурную привычку авантюриста «Сначала влезем в драку, а потом по обстановке!». К слову, нечто подобное признавал и Наполеон, только вот как он кончил свои дни? Не сказать что сам Гюнтер был такой уж хладнокровный, но он предпочитал заранее оценить риски и уже потом делать или не делать. У русских была подходящая поговорка на такой случай, что-то вроде надо было отрезать и отмерить... или наоборот?

Друг вздохнул, словно удивляясь его непониманию, и брякнул:

— На фронт. На Западный фронт.

Гюнтер непроизвольно икнул. Предложение застало его врасплох. Надо сказать, иногда его посещали похожие мысли о том что мало рассказать фюреру об опасных ошибках

будущего и исправить их. Вот он это сделал и что теперь? Просто жить в Берлине, трахать своих женщин и наслаждаться жизнью? Да, это приятно... Да нет, чёрт побери, это охренительно здорово! А что его ждёт на фронте, если он вдруг решится согласиться? Грязные окопы, вши, каждая минута может стать для него последней... Не помоешься толком, зарастёшь как дремучий отшельник... Мало было ему войны в Польше? Опять под пули и снаряды? И без баб... Казалось бы, что тут думать? Нет, и без вариантов!

С другой стороны, он же раньше мечтал именно об этом. Что если бы попал в прошлое, то с оружием в руках помогал бы своим предкам. Вот это случилось... и теперь за чужие спины? Типа, вы сами так как-нибудь добывайте нам победу, а мы здесь за вас порадуемся? А ведь он же фронтовик, а не какая-то тыловая крыса. У него есть боевой опыт, знания... Кстати, маловероятно, что фюрер отпустит его на фронт. Гюнтер, конечно, рассказал ему всё что намеревался, но ведь этого недостаточно. По любому, что-то он мог забыть, ведь человеческий мозг не компьютер. Вот, например, он как то читал что в авиации у немцев было много перспективных разработок, но почти всё забыл. Не то что фамилии учёных или ТТХ машин, но даже как они называются, не помнил! Печально! Возможно, позже он вспомнит... А может и нет.

— Так что? — вернул его в реальность Пауль.

— Знаешь, пока не могу тебе ответить, дружище... — язык немного заплетался и приходилось делать усилия чтобы тот нормально говорил. И добавил, глядя на разочарованного сослуживца:

— Дело в том, что я пока не могу покинуть столицу из-за службы. Поэтому даже писать рапорт бесполезно..

— Ясно... Жалко. С тобой вдвоём мы там хорошенько бы повеселились... — грустно вздохнул Пауль.

— Но обещаю, если появится такая возможность, то я присоединюсь к тебе! — утешил его Гюнтер.

— Что ж, тогда давай снова выпьем! — предложил Пауль и провозгласил:

— За фюрера!

— Прозит! — подхватили все трое.

Дальше началась уже просто попойка. Пили за всё: за Германию, за лучших в мире немецких девушек, снова за фюрера, потом отдельно за Вермахт, Люфтваффе, Кригсмарине... Конечно же за СС и рейхсфюрера! В голове у Гюнтера сгустился сладостный туман, когда в глазах всё расплывалось но от этого было только веселее, хотелось вечно сидеть так вместе с друзьями и горланить «Хорста Весселя» и «Лили Марлен»..

Временами он возвращался в реальность и вяло поражался. Вот, например, почему-то у него на коленях оказалась та официантка, которая приносила им выпивку. Он упорно пытается расстегнуть ей корсаж, но девушка смеётся и отводит его руки, которыми Гюнтер тщетно хотел раздеть её. Товарищи хохочут и дают разные советы, естественно, самого пошлого вида.

Потом вместе с ними оказались те артиллеристы, пившие за другим столом. Пришлось отдельно выпить за артиллерию и каждого из новых собутыльников... Гюнтер чувствовал, что сильно опьянел, потому что уже почти не ощущал вкуса пива, оно вливалось в него как вода. Пауль напротив двоился и даже троился в глазах, под конец едва не свалившись со стула.

Затем артиллеристы куда-то исчезли, а вся компания загорелась желанием немедленно

отправиться в бордель. Это слегка отрезвило Гюнтера и он попытался запротестовать, так как брать у проституток за деньги то что он получит от своей Лауры совершенно бесплатно и с куда большим желанием, было глупо. К сожалению, окончательно сдавшийся язык предал его и он смог только что-то пробулькать и друзья решили что он согласен. Совместными усилиями они встали, подняли его, и Гюнтер понял что пора заканчивать попойку, иначе он рискует проснуться явно не там где планировал.

Что ж, раз переговоры невозможны, надо действовать! Обернувшись к весело галдящим товарищам и покачнувшись, он смог только произнести:

— К пррст. ткам не пойду! Домой, к Ла. ик!..ре!

— Что?.. Нет, дружище... ты с нами! — смог произнести Пауль и попытался снова обнять его.

Гюнтер понял что его дипломатия полностью провалилась и решил сбежать, в конце концов, против троих он не выдержит и они силой утащат его в какой-нибудь притон. К чёрту! На прорыв!

Он развернулся и со всей возможной скоростью зашагал к выходу. Точнее, это ему, видимо, показалось. Так как на, вроде бы, ровном пути вдруг стали появляться чужие столики, стулья, которые упрямо лезли под ноги, пытаясь задержать Гюнтера. К тому же сзади раздались возмущённые возгласы и, судя по топоту ног, началась погоня. Пришлось увеличить скорость и он со всего маху налетел на один из стульев, запутавшись и с грохотом свалившись на пол. К счастью, его товарищи также не смогли идти быстро и столкнулись с теми же препятствиями. Отбросив стул, он всё-таки смог встать и обернулся. Сквозь туман в голове он увидел, как все три его камрада лежат всего в паре метров от него друг на друге и громко ругаются. Гюнтер рассмеялся и хотел уже подшутить над ними, как увидел что они все встают.

— Проклятье... — проворчал он, и снова пошёл к выходу.

— Гюнтер!.. Подожди нас!.. — донёсся до него пьяный голос Ханса.

— Ага, уже жду... — ответил он. Выход из заведения был уже совсем близко, и Гюнтер праздновал победу, но ноги снова подвели его, резко качнув в сторону и бросив на косяк. Ударившись плечом и виском, он глухо зарычал от боли и смог вывалиться на улицу. Дверь закрылась за ним и, прижав руку к виску, он заковылял к углу дома.

Улица встретила его ночной прохладой. Зайдя за угол, он прислонился к стене и закрыл глаза, чувствуя, как ветерок обдувает его лицо. За спиной послышался грохот открывшейся двери и наружу вырвались его товарищи. Послышались недоумённые голоса:

— А... где наш Гюнтер?

— Ушёл... один ушёл..

— Куда?

— К девочкам!

— Точно! И нам туда!

— Вперёд!

Вся компания, переговариваясь и смеясь, прошествовала мимо него, не заметив и, покачиваясь, исчезла вдали. Немного переждав, Гюнтер облегчённо выдохнул и, пошатываясь, направился на поиски такси. Этот район он знал очень плохо, поэтому почти полчаса шатался, пытаясь найти машину. Заодно немного протрезвел на свежем воздухе.

Но едва он поверил что всё позади, судьба преподнесла ему новое испытание. Зайдя в подворотню, чтобы слить переработанное пиво, он вдруг услышал отрывистый голос:

— Ваши документы, оберштурмфюрер!

Докончив поливать стену, Гюнтер с трудом застегнул ширинку и обернулся, пытаясь разглядеть говорившего. В дальнем свете фонаря он различил трёх военнослужащих в шлемах на голове, длинных шинелях. Звания и род войск он не видел в темноте. Похоже, военный патруль? Только их и не хватало!

Подойдя ближе, он увидел на шее старшего патруля овальный горжет на цепочке. «Цепные псы», полевая фельджандармерия или их аналог в СС! Тот кто стоял спереди, чуть повернулся и Гюнтер увидел что это именно жандармы СС, а старший у них унтерштурмфюрер. Остальные двое — штурмманн и обершютце СС.

— Я жду! — проговорил строгим голосом старший патруля.

Гюнтера вдруг охватила непонятная злость. С какой стати он должен показывать свои документы этим тыловым псам? Он, Пауль и другие сражались в Польше, кровь проливали, едва не сдохли, а эти тут ходят и придираются к настоящим солдатам фюрера! Эту злость усилил алкоголь и Гюнтер почувствовал, что ему очень трудно сдержаться.

— Да вы ещё и пьяны, оберштурмфюрер! — прошипел унтерштурмфюрер, видимо, учуявший запах алкоголя. — Вам придётся пройти с нами! Немедленно!

Это стало последней каплей. До этого Гюнтер ещё пытался как-то решить дело миром, но теперь, когда эти три недоумка решили отправить его на ночь в какую-то конуру за то что он отметил с друзьями повышение! Да ещё и лишит его ночи с Лаурой? Они сейчас очень пожалеют об этом, не будь он Гюнтером Шольке..

— Да пошёл ты, крыса тыловая! — с наслаждением выдохнул Гюнтер.

Лицо унтерштурмфюрера вытянулось, похоже, он не ожидал такого ответа. Но тот быстро пришёл в себя и приказал металлическим голосом:

— Взять его!

Двое патрульных, с закинутыми за спины винтовками, рванулись к нему и вцепились в руки с разных сторон.

— Отвести в расположение! — отдал команду лейтенант СС.

Гюнтер улыбнулся. Они думают что всё будет так просто? Что ж, пора их немного разочаровать! К этому времени, на свежем воздухе он протрезвел ещё немного, но по-прежнему в голове был лёгкий туман. Воспользовавшись тем что с обеих сторон он сжат патрульными, Гюнтер выбросил вперёд ногу в сапоге и со всей силой ударил главного в живот. Целился, правда, в пах, но из-за своего состояния промахнулся. Впрочем, и так неплохо!

Унтерштурмфюрер застонал от боли, скрючился, и упал на колени, зажимая живот. Пару минут он не опасен... Оба патрульных застыли от удивления, тупо уставившись на своего начальника. Гюнтер этой же ногой ударил одного из них в голень, по кости, другому с размаху опустил свою стопу на его ногу. Штурмманн и обершютце выпустили его и с криками схватились за свои ноги. Гюнтер обхватил одного из них и с силой швырнул спиной в стену. Солдат ударился о стену, шлем на голове звякнул о кирпичи.

«А некоторые кретины не любят шлемы... Вот, пригодился патрульному!» — машинально отметил он. Тот, оглушенный, сполз на асфальт. Со вторым он проделал почти то же самое, разница была в том, что солдат влетел в стену не спиной а передом, вдобавок, Гюнтер слегка подправил его так чтобы тот также ударился шлемом о стену. Результат общий: оба лежат и стонут, не пытаясь встать.

Он обернулся к лейтенанту. Тот смог преодолеть боль и тянулся к кобуре слева. Гюнтер

покачал головой, отчего туман в голове усилился.

— Никак не успокоишься? Зря!

Взяв того левой рукой за ворот шинели, он размахнулся и вlepил унтерштурмфюреру отличный правый боковой в челюсть. Старший патруля всхлипнул, и с шумом упал на асфальт лицом вниз.

«Вот так! Нечего измываться над фронтовиками! Пусть лучше лощёных штабников ловит..»

Он уже хотел уйти, но алкоголь в голове подвигнул его взять трофей. Хмыкнув, Гюнтер перевернул лейтенанта и сорвал с его шеи горжет.

— Потом верну... — сказал он и зашагал по улице, оставив лежать в переулке три стонущих тела. Ох и попадёт ему потом!.. Или фюрер защитит его? Да плевать, вывернется как-нибудь... Ладно, это всё потом, а сейчас надо домой, к Лауре.

Наконец, на соседней улице он нашёл такси и скоро приехал домой, сжимая трофей в кармане. Осторожно поднявшись по лестнице, он тихо открыл дверь квартиры и вошёл. Было тихо и темно. Но едва он начал раздеваться, включился свет и перед ним появилась Лаура со встревоженным лицом, одетая в шёлковый халат.

— Любимый, ты где был? Я очень волновалась!

— Лаура, милая, я... я отмечал повышение с друзьями... — не стал он скрывать. — Ты только не ругайся, я и так себя хреново чувствую... и спать хочу.

Лаура несколько секунд смотрела на него с жалостью, потом подошла к нему и крепко прижалась.

— Мой Гюнтер... — она потёрлась носом о его грудь. — Сколько же вы выпили?

Он попытался пожать плечами, но пошатнулся.

— Не помню... Не считал. Много.

— Я вижу... — прыснула девушка. Она помогла ему стянуть китель и спросила: — Есть будешь? Или в ванну?

— Нет... только спать... — на него внезапно навалилась усталость и ему хотелось только одного. Даже секс с Лаурой на время отошёл на задний план.

— Хорошо, милый, я уже всё давно постелила... Пойдём.

Когда он добрался до их кровати и рухнул на неё, было ощущение именно дома. Хорошо и уютно... Лаура начала снимать с него штаны, что-то говорила, но он слышал её словно издалека. Спать, только спать! И пусть весь мир подождёт..

Москва. Кремль.
18 апреля 1940 года.
Лаврентий Берия.

— И что ты думаешь об этом, Лаврентий? — спросил знакомый десяткам миллионов людей невысокий человек, пыхнув своей трубкой. По кабинету поплыл запах «Герцеговины Флор». Берия стоял навытяжку и ел глазами самого могущественного человека Советского Союза.

— Я думаю, товарищ Сталин, что данные, полученные от этого перебежчика, весьма интересны и заслуживают самого пристального изучения.

Сталин хмыкнул и снова прошёлся по кабинету.

— А я очень сомневаюсь в их правдивости! — не согласился вождь. Он вынул трубку изо рта и начал говорить, выразительно подчёркивая свои слова:

— Этот... перебежчик, говорит что уже через год Германия нападёт на нас. По его показаниям, наша Красная армия потеряет сотни тысяч убитых и миллионы пленных всего за полгода войны. А немцы дойдут до Москвы... — он подошёл вплотную к Берии и посмотрел ему прямо в глаза. А затем, глухим от сдерживаемого гнева голосом, спросил: — Ты что же, Лаврентий, веришь в то что наша армия потеряет всю Украину, Белоруссию, Прибалтику и едва не сдаст Москву?! Поверил рассказам какого-то провокатора?

Берия побледнел и вытянулся ещё сильнее, хотя дальше некуда. Сглотнул, и почувствовал как по виску потекла капля пота. Коба был страшен в гневе, и он сейчас понимал, что его судьба повисла на волоске. Надо было срочно исправлять положение..

— Никак нет, товарищ Сталин!

Страшные глаза вождя продолжали сверлить его. Берия отлично знал что бывает после таких приступов Сталина. Человек чаще всего просто исчезал, иногда надолго, а иногда навсегда. И теперь у него появилось чувство что скоро он узнает это на себе.

— Что «никак нет»? А может ты ещё поверил в то что он откуда-то из будущего? Из той России которая скинула коммунизм и превратила первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян в ещё одно демократическое и буржуазное болото во главе с царём-президентом? Так ты скажи прямо, чтобы я знал твою позицию, а, Лаврентий?

Берия стоял не двигаясь и старался даже не дышать. Честно говоря, он не ожидал такой жёсткой реакции старого друга и товарища, поэтому и доложил своё личное мнение. Как оказалось, это было серьёзной ошибкой, которая вполне могла решить его судьбу. А ведь должен был просчитать мнение вождя и учесть это. Увы... Все могут ошибаться, вот и он ошибся.

— Что молчишь? — спросил его Сталин, не дождавшись ответа.

— Разрешите доложить, товарищ Сталин? — Берия постарался, чтобы голос не дрожал и почти получилось.

— Докладывай, Лаврентий.

Сталин отвернулся от него и медленно зашагал обратно. Походка, несмотря на преклонный возраст, у него была похожа на тигриную, мягкая и осторожная.

— Товарищ Сталин... Я беседовал с ним лично. Вы знаете, я редко ошибаюсь в людях.

Более того, при допросе следователем, за ним тайно наблюдал наш человек, который может по мелкой моторике, глазам и голосу с высокой вероятностью определить врёт допрашиваемый или нет. Ни он, ни я сам не заметили признаков вранья. Единственный вариант, который укладывается в такую ситуацию, заключается в том что этот Александр действительно верит в то что говорит.

Вождь, прищурившись, посмотрел на него.

— То есть, ты считаешь что ему специально скормили эту информацию таким образом чтобы он сам в неё поверил?

— Так точно, товарищ Сталин! — подтвердил Берия. Правда, кое-что не совпадало с этой теорией, но он знал что если озвучит свои предположения и мысли которые не совпадают с мнением вождя то его, скорее всего, постигнет судьба предшественника Ежова.

Сталин уселся за свой стол и погрузился в раздумья. Берия молчал, ожидая решения, не рискуя отвлечь его от размышлений.

— Это звучит разумно... — наконец отозвался Сталин. — Хотя мне кажется странным, зачем перебежчик приплёл к этой дезинформации слова о том что будет через полвека.

— Возможно, хотел смутить нас? Или напугать будущим? — осторожно предположил Берия.

Сталин задумчиво кивнул.

— Я тоже так думаю. А что там касательно вооружений? Про танк «Т-34» с командирской башенкой и новым орудием, пушки этого Грабина, гранатомёты РПГ и новые самолёты?

Глава НКВД слегка пожал плечами и ответил:

— Пока нет информации. Я вчера отправил соответствующие запросы конструкторам и в КБ, занимающиеся этими направлениями. Они ответили что им нужно время для того чтобы всё оценить и дать правдивый ответ. Но предварительно, идеи их заинтересовали.

— Вот как? — покачал головой Сталин. — А меня вот это и беспокоит! Если эти сведения не пожалели для дезинформации, значит там, за границей, уже знают про наши секреты! И вполне возможно, стремятся увести наши исследования в тупик, заставить тратить народные деньги и время на бесполезные проекты, которые не только не принесут пользы но и будут во вред! Не рассматривал вопрос с такой точки зрения, Лаврентий?

— Рассматривал, товарищ Сталин! Именно поэтому и отправил запросы в КБ. Они там разберутся и поймут, что осуществимо а что нет.

— И ещё вот что тебе хочу сказать, Лаврентий... Хочешь объясню, почему в ближайшее время немцам будет явно не до нас? — вождь хитро посмотрел на него.

— Хочу, товарищ Сталин.

— Да потому что прежде чем напасть на нас, Гитлеру пришлось бы сначала захватить Францию и Англию, чтобы снова не иметь войны на два фронта! Ты же знаешь чем кончилось для немцев такое пренебрежение к стратегии? Союзники били их с Запада, Россия с Востока. И Германия не выдержала! — Сталин развёл руками.

— Нет, Гитлер хоть и бесноватый но не дурак... Пока не разделается с французами и англичанами, он на нас не пойдёт! Это каким же болваном надо быть чтобы снова наступить на те же грабли? Так что пока Гитлер будет разбираться на Западе, мы спокойно проведём перевооружение... без спешки, нервотрёпки и непродуманных решений. А фюрер там надолго застрянет, у союзников армии тоже неплохие, за месяц или два, как в Польше, они не справятся. Может даже, наоборот, демократы хорошо надают ему тумаков. В любом

случае, чем больше они будут биться друг с другом, тем лучше для нас, верно?

— Так точно, товарищ Сталин! — подтвердил Берия. Выводы вождя показались ему настолько логичными что он сам удивился, как мог поверить в скорую войну. Хотя он и не обладал большими военными познаниями, но даже ему было ясно что глупо воевать на две стороны, сначала надо победить или замирился с одним противником, а потом разбираться с другим.

— Ладно, Лаврентий, иди. Я ещё посижу тут, почитаю фантазии твоего перебежчика. А вообще, не будь таким доверчивым, твоя должность не позволяет, понял? — на него снова метнулся тигринный взгляд из-под бровей.

— Всё понял, товарищ Сталин!

Он направился к выходу но внезапно вспомнил что хотел спросить:

— Товарищ Сталин, а что насчёт предполагаемого налёта англо-французов на наши нефтепромыслы?

Тот усмехнулся в усы.

— Не беспокойся, Лаврентий... Я не верю что они решатся на эту авантюру. Но... на всякий случай, перебросим туда пару авиаполков. А теперь иди!

Берия вышел из кабинета и, под внимательным взглядом секретаря вождя, Поскребышева, дошёл до лестницы вниз. Спустился на крыльцо и сел в машину, в которой водитель услужливо распахнул заднюю дверцу.

— На Лубянку... — буркнул он.

Машина тронулась, а Берия взял из внутреннего кармана пальто плоскую фляжку, в которой плескалось настоящее грузинское вино. Конечно, пить с самого утра непорядок, но сейчас это было ему жизненно необходимо. Беседа с вождём изрядно напугала его и требовалось успокоиться, прийти в норму.

Ополовинив сосуд, он закрыл крышку и расслабленно откинулся на спинку, чувствуя, как под воздействиемпряного вкуса его тело расслабляется, мышцы успокаиваются, а мысли приходят в норму. Задумался, что теперь делать с этим Александром? Можно, конечно, отправить его по этапу или просто расстрелять... Но что-то говорило ему что такой вариант решения вопроса был бы слишком поспешен и непродуман. Всё же та информация, которую он узнал про себя от перебежчика, во многом подтверждалась, а знать её могли очень немногие люди. А значит, лучше всего продолжить с ним общаться и узнать больше, особенно доказательства его слов. Приняв это решение Берия успокоился и стал смотреть в окно, иногда любуясь хорошенькими горожанками, которые, пользуясь тёплой погодой, старались принарядиться и выглядеть ещё красивее. Поймав себя на этом, Берия усмехнулся. Чёртов Александр оказался даже в этом вопросе во многом прав. Глава НКВД любил женщин и не стеснялся использовать свою власть чтобы добиться их тела. Вот только насчёт школьниц он ошибался. Даже если отбросить в сторону этические нормы, то они его не привлекали. Да на что там смотреть-то? Ни сисек ни задницы, которую можно нормально помять. Тела у них детские... неинтересные. Да и сами пугливые... Нет, лучше уж брать тех девушек у которых всё что надо уже выросло, а это студентки. Или взрослые женщины. Вот они — да... Не важно, замужем или нет, мало кто посмеет отказать ему без последствий.

Пожалуй, сегодня надо освободиться с работы пораньше и проехаться по городу. Жена? А что жена? Он любит её, а это всё так... баловство и снятие напряжения. Решив для себя этот вопрос он повеселел и снова начал смотреть в окно.

18 апреля 1940 года. Москва.

Александр Самсонов.

— Ну что, Александр... Или Дитрих? — спросил его следователь на следующее утро после разговора на конспиративной квартире.

— Лучше Александр.

— Хорошо... — покладисто согласился тот. — Поступило распоряжение перевести тебя на новое место. Уверен, там тебе понравится больше! — усмехнулся он.

«Интересно, куда? В какую-нибудь новую тюрьму? Как меня всё это заколебало!» — раздражённо подумал Саша. С самого прилёта в СССР его жизнь стала ещё хуже. Не сказать что в Германии было лучше, драка с Гюнтером, побег босиком, снова драка с охраной посольства... Но там он чувствовал и знал что вокруг враги, и воспринимал все неприятности как само собой разумеющееся... А здесь? Вроде бы свои, но обращаются несколько не лучше немцев. Понятно, что ему не верят, параноики из НКВД всю стараются слепить из него шпиона, но... Опять это но! Саша постарался поставить себя на их место и ещё больше приуныл. Ведь они всё правильно делают, более того, по идее, вполне могли и расстрелять его за нападение на сотрудников! Вот только он не на их месте, а на своём собственном, и последствия своих действий и реакции гэбистов больно бьют по нему в прямом и переносном смысле. Обидно!

Вещей у него почти не было, поэтому уже через пару минут Александр, вместе со следователем, садились в «эмку» во дворе его, уже бывшей, тюрьмы. Зафырчал мотор, и машина рванулась вперёд, похоже, водитель явно был любителем быстрой езды. Или просто торопился.

Было уже послеобеденное время, и Саша почувствовал, как слегка ворчит желудок, намекая на свою пустоту. За окном проносились дома, люди, а он слегка задремал, несмотря на то что рессоры плохо амортизировали разные ямы и ухабы на плохом асфальте.

Проснулся он от того что следователь ткнул его в плечо.

— Вылезай, соня! Приехали.

Протерев глаза и зевнув, Александр вылез из машины и, не сдержавшись, потянулся. Они стояли в небольшом тенистом дворике, окружённом с трёх сторон домами. Здания были от двух до четырёх этажей. Особенно выделялось именно четырёхэтажное здание. К нему вела небольшая лестница с фигурными перилами, словно в каком-то дворянском особняке царского времени. К ней они со следователем и направились.

Едва войдя внутрь, Сашу со спутником встретил моложавый мужчина в обычном костюме. Ростом он был чуть выше Александра, зато гораздо шире в плечах. Возможно, какой-то спортсмен, решил он. Неизвестный подошёл к ним, широко улыбнулся и протянул руку сначала Саше, потом и следователю.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуйте. ээ... — замялся Круглов.

— Называйте меня просто Михаилом Алексеевичем! — помог ему тот.

— Михаил Алексеевич, вы уже знаете..?

— Да, я получил все указания и инструкции насчёт вашего спутника. Так что вы можете быть свободны! — перебил его мужчина, не переставая улыбаться. Казалось, эта улыбка приклеилась к нему, причём не какая-то дежурная, а будто этот Михаил на самом деле веселился и находил ситуацию очень забавной.

Следователь Круглов немного завис с открытым ртом и удивлённым лицом. Видно

было, что он не ожидал такого обращения и был в растерянности. Мужчина тоже это заметил и обратился к нему снова:

— Что-то случилось, товарищ? Вам непонятен приказ? — это было сказано намного более холодным тоном и в его голосе послышались властные ноты. Улыбка исчезла с его лица и на Круглова смотрел уже не весельчак-балагур, а матёрый хищник, который знал как приказывать и заставить выполнять свои приказы, невзирая на то нравятся ли они кому-то или нет. Эта трансформация произошла практически мгновенно и по коже Саши невольно появились мурашки. Он понял, что этот Михаил Алексеевич явно старше по званию, чем Круглов, и имеет право так разговаривать с ним.

Следовательно, наконец, очнулся и, видимо, пришёл к тем же выводам что и он. Вытянулся и гаркнул:

— Слушаюсь, товарищ.

— Вольно! Свободны! — не дал ему продолжить мужчина.

— Есть! — круто развернувшись, Круглов быстро пошёл к выходу. А Михаил Алексеевич повернулся к Саше, и на его лице снова играла улыбка. Дружески обняв его за плечи он повёл его наверх, по лестнице, сопровождаемый внимательным но почтительным взглядом консьержки, сидевшей за столом в углу.

Они поднялись на самый последний этаж и таинственный Михаил, вытащив откуда-то ключ, открыл одну из дверей на широкой лестничной площадке. Слегка скрипнув, та отворилась, позволяя заглянуть внутрь квартиры.

— Заходите, Александр. Позвольте без отчества? — спросил он Сашу.

— Не вопрос... — пожал тот плечами. Александр привык к неофициальному обращению, по отчеству его называли только незнакомые люди, да и то, он сразу старался поправить их и звать его только по имени.

Саша первым зашёл в квартиру и осмотрелся. Обстановка была простой. Тумбочка для обуви возле стены, над ней вешалка с несколькими крючками для одежды. Рядом с ней висело зеркало. Вглубь уходил коридор с парой ответвлений, упирившийся в какую-то дверь. Потолки здесь были выше чем в тех домах где раньше бывал Саша. Стены в коридоре, плавно закругляясь, переходили наверху в потолок. Сверху свисала люстра с покрытым бахромой абажуром. Пахло чем-то необычным, но запах не отталкивал, а наоборот, притягивал.

Как ни странно, пол был абсолютно чистым, похоже, недавно его мыли. Они разулись, оставили обувь на тумбочке и прошли вглубь квартиры.

— Ну, тут мы и будем с тобой жить, Саша! — улыбнулся своей заводной улыбкой Михаил Алексеевич. Они стояли в большом зале и смотрели в окно, на улицу. Это окно выходило на пустынный двор и смотреть там особо, было не на что. Правда вдалеке, над крышами более низких зданий, был виден остальной город и Саше показалось что он различает Спасскую башню.

— Мы? — удивился он, отвлекшись от осмотра достопримечательностей. — Вы будете жить со мной?

— Да, Саша... — подтвердил его спутник и усмехнулся. — Понимаю, ты предпочёл бы жить с какой-нибудь красивой девушкой но, увы... Надеюсь, ты понимаешь, почему так?

Александр усмехнулся.

— Трудно не понять, Михаил Алексеевич. Чтобы я был под присмотром и не совершал разных глупостей... Естественно, в своих собственных интересах! — саркастически добавил он.

Мужчина внимательно посмотрел на него и сказал:

— Вот только сарказма не надо, Саша! Всё так и есть. Конечно, можешь мне не верить, но у меня приказ — быть всегда при тебе, помогать по мере надобности и держать под наблюдением.

Он уселся на диван и добавил:

— Я мало что знаю про тебя, в подробности меня не посвятили, но сказали, что ты можешь сам рассказать мне что захочешь.

Саша не поверил ему. Конечно, его личное дело вряд ли Михаилу дали изучить, но вкратце точно должны были ознакомить с особенностями его личности. Иначе, какой смысл? Значит что? Скорее всего, этот Миша-Михаил хочет втереться в его доверие, стать типа другом, которому он, Александр, доверится и будет делиться самым сокровенным. Что ж, можно поиграть. Опыта у него, по сравнению с матёрым НКВДшником, очень мало, но чем чёрт не шутит? К тому же, ему всё равно нужен кто-то кто будет проводником в его новой жизни и общении с другими людьми. Кстати, раз в квартире нет на окнах решёток и он вообще не в тюрьме, похоже, ему решили смягчить режим. Спасибо и на этом. Вот только не отпускало его ощущение того, что за убийство следака и бунт в заключении ему всё равно когда-нибудь придётся заплатить.

То, что он действовал в состоянии аффекта и просто защищал свою жизнь, никого не волновало. Ты пошёл против системы? Будь готов быть нагнутым или сдохнуть. Это только в книгах или фильмах герой-одиночка всех нагибает и снисходительно советует царям, генсекам и президентам... В жизни всё намного проще и грубее. Никто не даст тебе делать то что ты хочешь. Особенно, если не подчиняешься. И уж тем более, если ты сам по себе пока ничего не представляешь. Чем больше пользы ты приносишь, тем больше дают тебе свободу. Но всё равно, стать абсолютно независимым ни от кого, не получится, даже если ты станешь миллиардером, всё равно будешь под присмотром. Деньги и связи — это хорошо, но даже они не смогут спасти если на самом верху решат, что ты не нужен. Государство, если оно сильное, всегда побеждает одинокую личность, какой бы умной или могущественной та не была. Всяк сверчок — знай свой шесток! Не нравится? Хочешь вылезти повыше? Не вопрос! Будь нужным и всё ОК. Иначе, несчастный случай и некролог в газете. Такая жизнь..

— Я могу рассказать о себе и о том что знаю... Вот только..

— Если ты о секретности, это не проблема. Я сам по себе секретный человек, а уж сколько всяких расписок о неразглашении за свою жизнь написал... — махнул рукой Михаил.

— Нет, я хотел спросить как у вас с нервами? — И, отвечая на вопросительный взгляд, добавил: — Когда я рассказывал другим следователям, то... скажем так, они едва сдержались чтобы не пристрелить меня из табельного оружия прямо на месте из-за злостной клеветы и пораженчества..

Михаил Алексеевич удивлённо вздёрнул брови.

— Хм... Это что же ты такого им рассказал? Даже интересно послушать! А за мои нервы не бойся, я не кисейная барышня из Смольного..

— Что ж, я вас предупредил. — сказал Саша, тоже садясь на диван...

... Вся его история, начиная с той злосчастной поездки в Берлин и кончая самым кратким перечислением сведений о близкой войне, заняла больше часа. В процессе этого, Александр наблюдал за лицом своей «няньки», которое оставалось спокойным. Лишь пальцы, чуть сжимавшиеся и разжимавшиеся на его ногах, показывали отголоски тех эмоций

которые испытывал Михаил.

Закончив, Саша встал и пошёл на кухню, чтобы попить воды. Пересохшее от долгого рассказа горло настоятельно требовалось смочить. Графина на кухне он не нашёл, пришлось открыть кран и, поколебавшись, выпить прямо из-под него. Вернувшись обратно в комнату, Александр посмотрел на мужчину. Тот расстегнул пиджак, снял галстук и сидел с закрытыми глазами. Услышав его шаги, он открыл глаза и посмотрел на Сашу.

— Да... Рассказ и в самом деле... необычен... — подобрал он подходящее слово. Глубоко вздохнул и произнёс:

— Я бы сам в такую историю никогда бы не поверил, но раз на самом верху другого мнения... Тогда нас ждут жестокие времена.

— Что верно то верно... — согласился Саша.

— Как же ты так опростоволосился-то, Александр? — В ответ на его удивлённый взгляд, Михаил пояснил:

— Я про этого твоего Гюнтера. У тебя была такая отличная возможность ликвидировать этого нациста из будущего! Он не ждал нападения, у него не было оружия... И ты так всё просрал!

— Там всё было не так однозначно! — возмутился Александр. — Не забывайте, он уже оклемался, а я всё ещё чуть живой был! К тому же он крепче меня и оружия у меня тоже не было! Пришлось с голыми руками на него кинуться! Да и меня потом бы быстро схватили, я же и убежать бы не смог, из-за своей слабости!

— Вот именно — слабак ты! — припечатал его Михаил. — Надо было бы зубами его рвать, горло грызть, любой ценой исполнить его! Ты хоть сам понимаешь, что он может наболтать своему усатому фюреру? Ни хрена ты не понимаешь! — отмахнулся он раздражённо от пытавшегося что-то сказать Александра. — А сбежать... Ну не смог бы и что? Зато такого вражину прикончить, за это и погибнуть можно! — ошаршил он Сашу.

— Я подыхать в ближайшее время не собираюсь, был уже опыт, не понравилось! — разозлился Александр. — Даже ценой смерти такого вражины! Это, может, вы на такое способны, а для меня убить человека это не тарелку каши съесть! Тем более, мы с ним вместе против бандитов дрались!

— Оно и видно, что не тарелку каши... Видел я фото того следователя которого ты задушил... Понравилась каша? Ещё захотелось? — издевательски спросил Михаил.

Сжав кулаки, Александр хотел вскочить и хорошенько вмазать этому «няньке», но на лице того вдруг появилась улыбка и он поднял руки:

— Всё-всё, успокойся! Ух, какой грозный... Готов рвать и метать! — улыбаясь, сказал мужчина.

Напряжённо смотря на него, Саша вдруг понял что его банально развели, спровоцировали на вспышку злости и он повёлся на неё. Вот только зачем тот это сделал?

Медленно переводя дыхание, он попытался успокоиться. Надо бы быть сдержаннее, не дело что его так легко вывести из себя. В конце концов, ему смягчили условия содержания, было бы глупо похерить это всё из-за вспышки гнева.

— Не хочешь прогуляться? — вернул его в реальность голос Михаила. Саша не понял.

— В каком смысле?

— В прямом. Пройтись по улицам, подышать воздухом... А? — подмигнул ему спутник. — Небось, соскучился по жизни свободного человека? Поесть мороженого... Выпить пива или кваса?

Услышав озвученные перспективы, Александр почувствовал как желудок радостно заурчал а во рту появилась слюна, едва он представил вкус напитков.

— Если это не шутка... то, конечно, согласен! — осторожно ответил Саша. Его посетила мысль что это тоже могло быть какой-то проверкой но он отбросил её. Даже если это так, отказываться от прогулки он не намерен. Быть параноиком не самая лучшая идея, видеть в любых словах двойное и тройное дно... Да плевать!

— Вот и славно! — упруго поднялся Михаил. — Заодно, на обратном пути, купим продукты для ужина..

...Они вышли из подъезда под взглядом вездесущей консержки и направились по улице. Как ни старался Саша понять где именно они идут, так и не смог. Другие дома, дороги... Пытался рассмотреть указатели на стенах домов но, к его удивлению, ни один не увидел. Хулиганы, что ли, посшибали? Спросить прохожих или спутника?

Слева от них была река, а через несколько минут они вышли на большую площадь. Что-то смутно знакомое показалось Саше и после минутного разглядывания, он пришёл к выводу что они находятся, скорее всего, на Якиманке, а площадь, вероятно, Болотная, та, где несколько лет назад... точнее, через кучу лет будут бесноваться подростки и недовольные Путиным с белыми ленточками. Сейчас это было просто большое открытое пространство, щедро засаженное зеленью, где по дорожкам изредка прогуливались люди. Кое-где стояли квасные и пивные бочки, понемногу опустошаемые жаждой гуляющих. Также глаз радовали тележки и ларьки с мороженым, предлагая охладиться в жаркую погоду.

— Ну, с чего начнём? — улыбнулся Михаил. Помимо воли Саша тоже ответил улыбкой. Погода стояла отличная, тепло, даже жарко, почему бы и не расслабиться немного?

— Сначала пиво!

— Пиво так пиво... — пожал плечами Михаил, и они пошли к большой двухколёсной жёлтой бочке с надписью «Пиво». Возле неё стояло всего трое граждан, всё-таки разгар рабочего дня... Вот вечером будет аншлаг. Пиво по стеклянным кружкам и пакетам разливала толстая тётка, которая с комфортом расположилась под зонтиком, прячась от палящего солнца.

Они встали в очередь и всего через несколько минут с удовольствием опустошали свои стеклянные сосуды, вливая внутрь себя восхитительно вкусный прохладный напиток. Пользуясь тем, что после них никто пока не занял, Михаил подмигнул:

— Ещё по одной?

— Между первой и второй промежуток небольшой. Давайте! — энергично согласился Саша, ощущая, как жизнь заиграла в нём новыми красками. Тётка снова наполнила кружки и они, неспешно отпивая, прошлись до ближайшей скамейки, где и уселись, с удовольствием наслаждаясь пенным блаженством.

— Хорошо сидим? — облизнувшись, спросил Михаил.

— Да... Жить — хорошо! Верно? — ответил Александр.

— Согласен! — хмыкнул спутник.

— А хорошо жить — ещё лучше! — усмехнулся Саша.

Михаил метнул на него взгляд и расхохотался..

— Что верно то верно... И не поспоришь!

После второй кружки они решили что неплохо было бы подкрепиться. Пиво это хорошо, но нужно что-то ещё. Настроение после пива повысилось, хотелось чего-то... А вот чего?

Проходя мимо какого-то ресторана со стеклянной витриной, Михаил решил зайти

внутри и там перекусить. Саша не возражал, сам сильно хотел есть. Они вошли в прохладный вестибюль и его спутник, усадив Александра за стол, пошёл сам к официантке, чтобы оформить заказ. На несколько минут тот остался один и, случайно посмотрев в широкое окно, наткнулся на... сержанта госбезопасности Катю, которая была в форме.

Та, не веря своим глазам, приоткрыв свой хорошенький ротик, смотрела на него. Саша приветливо улыбнулся и мысленно пожелал чтобы девушка присоединилась к ним. Как ни странно, это желание тут же исполнилось.

Катя закрыла ротик и, сверкая глазами, ринулась внутрь. Не успел Саша даже рот раскрыть как тут же был засыпан вопросами:

— Что вы тут делаете?! Как сюда попали?! Сбежали!? Так и знала что вам нельзя доверять!

— Пойдите, Катя... — попытался ответить он.

— Встать! Руки вверх, сволочь! — Саша смотрел на пистолет девушки, который она быстро выхватила из кобуры и направила ему прямо в лицо. Глаза её метали молнии, но оружие не дрожало в руках, готовое открыть огонь по воле своей хозяйки. Несмотря на угрожающую ситуацию, девушка была очень хороша в этот момент, и он невольно залюбовался ею.

Саша поднял руки и слегка улыбнулся. Сзади него, в глубине зала, слышались тихие вскрики немногочисленных посетителей и быстро удаляющиеся шаги.

— Товарищ сержант, я..

— Молчать, гад! Сейчас я тебя..

Внезапно на девушку словно вихрь налетел. Табельный ТТ вылетел из её рук и, отброшенный сильной рукой, улетел под соседний стол. Сама Катя за несколько секунд оказалась на полу со скрученными за спиной руками, и бессильно трепыхалась, пытаясь вырваться из железных рук Михаила.

— Товарищ сержант госбезопасности, что случилось? Табельным оружием захотелось побаловаться? В тире не настрелялись? Или у вас так истерика проявляется? — издевательски спокойным голосом спросил тот.

— Отпустите меня, не то... — прокричала девушка.

— И что будет? В угол поставите? — усмехнулся Михаил. Посмотрев на Сашу, он улыбнулся:

— Руки-то опусти, теперь можно..

Потом он ловким движением вынул откуда-то из пиджака своё удостоверение и сунул его в упор, под нос Кате. Подержал пару секунд и убрал обратно.

— Всё? Буянить не будете?

— Не буду, товарищ комиссар госбезопасности 3 ранга! Простите меня, я не знала... — смущённо оправдывалась девушка, вставшая после того как Михаил слез с неё.

— Объясните, почему вы напали на моего спутника? — потребовал без улыбки Михаил.

— Разрешите доложить, товарищ..

— Докладывайте! — поторопил её чекист.

— Я... Я решила что этот... сбежал из-под стражи и хотела вернуть его обратно в тюрьму... — стоя по стойке «смирно» она опустила глаза, красная от смущения.

— Откуда вы его знаете? — продолжил интересоваться тот.

— Она была машинисткой при моём допросе у следователя Круглова... — вмешался Саша. — И она очень нервно отреагировала когда я рассказал о некоторых... не совсем

приятных событиях.

— Вот как? — кивнул головой Михаил. — Что ж, теперь всё становится понятным. Надеюсь, вы осознали свою ошибку, сержант?

— Так точно, товарищ комиссар гос..

— Свободны, сержант! И примите совет на будущее... Не стоит так бурно реагировать на незнакомые ситуации. Сначала надо подумать, а уж потом действовать. Понятно?

— Так точно! Разрешите идти?

— Идите.

Катя лихо развернулась на месте, метнулась за своим пистолетом и, почти бегом, вышла из ресторана, засовывая оружие в кобуру. Глаза её подозрительно блеснули.

— Ну и ну, Александр... — покачал головой Михаил. — Даже на минуту нельзя оставить, стоит только отвернуться как у тебя уже неприятности..

— Я тут не при чём, Михаил Алексеевич! — открестился Саша. — Я даже слова не успел сказать..

— Оно и видно... Ладно, давай поедим и пойдём домой. Думаю, впечатлений на некоторое время нам хватит, верно?

Саша только вздохнул, соглашаясь, что тут ещё скажешь? Не везёт так не везёт... Чем-то понравилась ему эта Катя, но как на зло, каждая встреча оборачивается лишь негативом и проходит совсем не так как бы он хотел. Надо как-то это исправлять..

18 апреля 1940 года. Берлин.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

— Я тобой недоволен, Вальтер! — глаза шефа СС сурово смотрели на бледного Шелленберга из-под очков. Они находились в кабинете Гиммлера и его подчинённый, похоже, искренне хотел сейчас оказаться как можно дальше отсюда. Само по себе недовольство Гиммлера было очень неприятно, но, что ещё хуже, это падение доверия к самому Вальтеру, который раньше всегда ответственно относился к приказам и неофициальным желаниям самого Гиммлера. Но не сегодня..

— Докладывай подробно, Вальтер! Я хочу знать детали!

— Слушаюсь, экселленц! Вчера одна группа следила за оберштурмфюрером Шольке, другая за фройляйн Браун. Рано утром оберштурмфюрер вышел из дома и осмотрелся. Потом направился к магазину и пропал там. Во всяком случае, наши агенты не видели никого похожего на него по описанию. Один из них зашёл внутрь но не обнаружил внутри ни одного покупателя. Продавец также подтвердила, что она никого не видела в своём помещении. Был произведён обыск в торговом зале и на складе, всё пусто. Как сквозь землю провалился... — удручённо признался Вальтер. — Правда, в магазине был чёрный ход, но продавец клялась и божилась что мимо неё никто не проходил и она всё время была на месте. После этого группа наблюдения рассредоточилась по окрестным улицам но... так и не смогла найти парня..

Гиммлер на это только головой покачал.

— Вторая группа наблюдения следила за Евой Браун. Поскольку девушка не представляла собой большую проблему, за ней следили только двое агентов. Один из них, мужчина, спал. Вторая, женщина, смотрела в окно. Она показала, что незадолго до обеда в фотоателье вошёл мужчина в плаще и надвинутой шляпе. Через некоторое время этот мужчина вышел вместе с фройляйн Браун, они быстро нашли такси и уехали. К сожалению,

агент Роза не разбудила своего напарника заранее, поэтому, когда они выбежали из дома и сели в свою машину, такси уже уехало... Таким образом, обе группы провалили свои задачи, экселленц... Конечно, они все уже наказаны и такое больше не повторится, я ручаюсь вам, рейхсфюрер!

Гиммлер помолчал. Наконец, он встал и, не торопясь, подошёл к окну. Не оборачиваясь, он спросил:

— Вальтер, я сказал чтобы ты бросил на это своих лучших людей, верно?

Шелленберг кивнул.

— Так точно!

— Так почему ты отрядил на это две группы нерасторопных болванов, выпускников школы наблюдения?! — крикнул Гиммлер, выйдя из себя. Он был в ярости. Подумать только, такое простое дело, а его верный подчинённый просто... сглупил, мягко говоря!

Вальтер вытянулся ещё больше, казалось, он хотел напоминать настоящую скульптуру, стройную и неподвижную.

— Я недооценил объекты, рейхсфюрер. Решил, что с этим справятся и выпускники, в качестве практического экзамена на выпуск. А самые опытные люди следили за... вы сами знаете за кем... — сглотнув, произнёс Вальтер.

— Так надо было снять часть из них... — остывая, ответил Гиммлер. — Из-за тебя я не знаю куда он ходил, что делал... Это неприемлемо!

— Так точно, рейхсфюрер! Я виноват и с готовностью приму любое наказание! Готов к отправке на фронт, командовать батальоном, ротой... — выпалил Шелленберг.

— Успокойся, Вальтер! Ты мне нужен здесь, понял? Но это в последний раз когда я спускаю тебе пренебрежение к моим приказам! Если это ещё раз повторится... — он в упор посмотрел на подчинённого. — Ты не отправишься на фронт, Вальтер. Я просто отдам тебя нашему дорогому Мюллеру.

— Я понял, экселленц!

Перспектива побывать в гостях у невысокого но зловещего шефа гестапо тому явно не улыбалось, и Гиммлер был уверен что Вальтер в следующий раз обязательно перестрашуетя и сделает всё как надо.

— Твои соображения, Вальтер? Что за мужчина был с Евой? — спросил Гиммлер, полностью успокоившись.

Шелленберг заколебался, но всё-таки ответил.

— Рейхсфюрер... у меня есть одна мысль... но нет никаких доказательств.

— Говори! — махнул рукой глава СС.

— У меня такое ощущение что этим мужчиной мог быть... оберштурмфюрер Шольке.

— Вот как? Почему же? — удивился Гиммлер.

— Совпадение по времени... Он пропал незадолго до того как тот мужчина пришёл к Еве. Да и фигура, по описанию агента Розы, похожа. Вот только доказательств нет. Никто не видел его лица. Даже напарница Евы, Хельга Киршнер, не видела лица того мужчины, он низко опустил голову и говорил очень тихо. Мы показали ей фото Шольке но она не смогла подтвердить что это был он.

— Плохо, Вальтер! — снова покачал головой Гиммлер. — А что дальше?

— Шольке снова появился после обеда. Он созвонился со своим сослуживцем, Паулем и двумя своими товарищами по батальону охраны «Лейбштандарта», и они направились в бар на севере Берлина. К ночи там все напились. После этого друзья его разошлись, а сам

Шольке сцепился в драке с патрулем СС.

Гиммлер удивлённо посмотрел на него.

— Да, рейхсфюрер, так всё и было! — подтвердил Вальтер. — Удивительно, но даже в пьяном виде, он смог избить всех троих патрульных и потом спокойно вернулся домой. Судя по отсутствию новых докладов, он сейчас спит, приходя в себя после бурной ночи.

— Интересно... — протянул Гиммлер. — А знаешь, Вальтер, теперь мы вполне сможем его прижать. Главное, чтобы фюрер об этом не узнал. Отдай приказ задержать его. Пусть доставят сюда, и мы с ним поговорим по душам.

Улыбка на его лице не предвещала незадачливому Шольке ничего хорошего.

Москва.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Он сидел на лавочке в небольшом парке на юге города и кормил голубей, бросая им маленькие кусочки хлеба, наблюдая, как те пытаются добраться до них быстрее своих сородичей. Птицы давно привыкли к медленным и неуклюжим людям и не боялись подходить к ним вплотную, зная, что они не смогут их поймать.

Алексей смотрел на них и улыбался. Это занятие как-то успокаивало, умиротворяло его душу посреди всего этого большевистского мира. Сегодня он, как и вчера, сказался больным и Петрович, мастер и его начальник, вынужден был отстать от него. Конечно, пришлось пообещать занести ему две бутылки водки но это было ещё дёшево. Иногда, когда тот был не в настроении, приходилось откупаться деньгами, иначе тот грозился доложить начальству и тогда у Алексея был бы неприятный разговор с начальником мастерской, а тот был суровым мужиком..

Оделся он, как и вчера, в слегка поношенный но чистый костюм. Раздербанив хлебный мякиш, Алексей отряхнул руки от крошек и огляделся по сторонам. Послеобеденный парк был почти пуст, только иногда пробегали мимо пионеры в своих красных галстуках или проходили по своим делам граждане. Внезапно он напрягся, разглядев вдалеке мужчину в светлом плаще и чёрной шляпе, неторопливым шагом идущего в его сторону. В руках незнакомца была сложенная газета, которой тот слегка обмахивался, пытаясь разогнать жару и хоть немного освежиться. В другой руке он держал мороженое, с удовольствием слизывая с него сладкое и холодное лакомство.

Расслабившись и отвернувшись от мужчины, Алексей неторопливо осмотрелся и не увидел ничего подозрительного. Тем временем, незнакомец дошёл до лавочки и вежливо поинтересовался:

— Добрый день! Могу я присесть рядом? — голос его был приятным, говор правильным, но всё же чувствовалось в нём что-то не русское. Алексей порой пытался определить его национальность но не мог. Мужчина мог быть немцем, англичанином, американцем... да хоть французом или итальянцем!

— Да, конечно! Не занято... — вежливо ответил он.

— Спасибо! — поблагодарил незнакомец. С комфортом откинувшись на спинку, он оглянулся и сказал:

— У меня всего минут пятнадцать, так что, Алексей Дмитриевич, рассказывайте что там у вас случилось. Только кратко и по делу!

Его голос внезапно утратил всякую мягкость и превратился в стальной. Алексей легко представил себе, как его обладатель отдаёт приказы в бою. Да... Несмотря на всю свою

подготовку он не был уверен что смог бы легко справиться с ним, доведись им встретиться в схватке. Но это вряд ли, они нужны друг другу.

— Почему так мало времени? — удивился он. Обычно встреча занимала примерно полчаса, они успевали подробно обговорить свои дела и выработать дальнейшие планы.

Мужчина недовольно нахмурился, словно думая, рассказывать или нет причину.

— Мой двойник не сможет долго водить за нос агентов ОГПУ... то есть, НКВД... — наконец, ответил он.

— Понятно. Тогда слушайте..

Алексей подробно рассказал всё что узнал от болтливой Кати, добавив от себя, что, несмотря на неправдоподобный рассказ этого беглого русского немца, эти сведения могут быть полезны мужчине.

Тот молча выслушал его рассказ и ненадолго задумался, продолжая есть мороженое. Алексей не мешал ему, наслаждаясь свежим воздухом, одновременно осматривая окрестности.

— Скажу честно, Алексей Дмитриевич, ваши слова кажутся мне бредом! — прервал он своё молчание. — Вы ничего не пили утром? Я слышал, это одна из русских привычек — опух. опохмеляться утром от последствий ночной пьянки... — кое-как выговорил трудное слово незнакомец.

Алексей почувствовал что начинает краснеть от гнева. Этот надменный иностранец посмел сравнить его с неотёсанным крестьянином или рабочим, несмотря на то что прекрасно знал что он дворянин. В былые времена за такое был бы мгновенный вызов на дуэль... Увы, теперь за это только морду бить. Но даже это нельзя! Ничего, придёт время и этот надменный сэр... или янки, за всё ему заплатит! Алексей обладал мстительным характером и старался всегда «отблагодарить» тех кто пытался ему навредить. Впрочем, на хорошее к нему отношение он отвечал тем же. Всё по справедливости.

— Мистер... или как вас там... Я передал вам слово в слово то что узнал. Решать что с этим делать, верить или не верить, будете не вы, верно? Просто передайте это всё своему начальству! — с трудом сдерживая злость, ответил он.

Незнакомец усмехнулся и, засунув руку в карман, вытащил пачку купюр. Быстрым и незаметным движением он вложил деньги Алексею в карман пиджака. Вся операция заняла буквально пару секунд. Не смотря на своё отношение к иностранцу, Алексей невольно восхитился его ловкостью. Пожалуй, сам бы он так не смог. Вот убить кучей разных способов, это да.

— Сколько здесь? — поинтересовался Алексей. На вид пачка была довольно плотной.

— Потом посчитаете. Там премия за прошлые сведения... — ответил мужчина. Доев мороженое, он выбросил остатки в урну и легко поднялся.

— Связь будем держать как и раньше. Вы знаете все места где я могу оставить знак, так что — до свидания, товарищ! — улыбаясь, закончил он и зашагал к выходу из парка.

Алексей посмотрел ему вслед и минут через пять тоже покинул скамейку. Недалеко, в кустах, его ждал знакомый мешок и после недолгого переодевания из парка вышел уже совсем другой человек.

Берлин.

Лаура Блюм.

Она занималась своими делами и, улыбаясь, посматривала на своего Гюнтера, который беспробудно спал после того как пришёл домой поздно ночью. Перегар изо рта и храп мужчины вызывали у неё снисходительную усмешку, она знала почему он вчера напился. Отмечать своё повышение по службе большим количеством выпивки у большинства мужчин неписаная традиция и с этим, по её мнению, было бесполезно бороться... Даже если бы она была против, Гюнтер всё равно бы это сделал, так что лучше всего просто принять это и пережить, благо ждать недолго. Скоро он проснётся с пересохшим горлом, головной болью и наверняка начнёт искать чем бы похмелиться. На этот случай предусмотрительная девушка утром купила бутылку пива, которая сейчас стояла в холодильнике и ждала своего часа. Лаура знала из рассказов матери и подруг что бесполезно ругать мужчину, особенно когда он с похмелья. Результата не будет, кроме криков, ругани и скандала, а этого она хотела меньше всего. Заодно девушка подготовила ему чистую одежду, а форму сняла и бросила в чистку.

Внезапно в дверь квартиры громко застучали. Удивлённая Лаура вытерла руки полотенцем и подошла к двери. Она хотела по привычке сразу открыть дверь, но вспомнила что Гюнтер говорил... «Всегда спрашивай кто там, милая!»

— Кто там? — спросила она.

— Открывайте, полиция! — раздалось из-за двери.

Удивление Лауры возросло ещё больше. Что здесь нужно полиции? Она ничего не нарушала... Неужели это из-за Гюнтера? Он что-то сделал?

Возобновившийся грохот по двери прервал её размышления.

— Откройте немедленно или мы выбьем дверь!

Испуганная девушка быстро открыла, и её едва не снесли двое дюжих эсэсовцев, ворвавшихся в прихожую. Один из них схватил её за руку, другой быстрым шагом прошёл в глубину квартиры. Вслед за ними, не торопясь, вошёл офицер СС в звании штурмбаннфюрера. Его узкое лицо с холодными, равнодушными глазами повернулось к ней, и офицер отрывисто спросил:

— Фройляйн Блюм?

— Да... я..

— Штурмбаннфюрер Отто Нойманн. Оберштурмфюрер Шольке здесь?

— Он спит... Послушайте, что случилось? — её голос дрожал, девушка ничего не понимала. Эти эсэсовцы вели себя так грубо и бестактно что она была в растерянности.

Штурмбаннфюрер несколько секунд смотрел на неё как на предмет мебели и приказал своему подчинённому:

— Отпусти её.

Громила тут же освободил её и, подчиняясь молчаливому кивку офицера, тоже прошёл в квартиру. Лаура начала массировать руку, грубый эсэсовец наверняка оставил на ней синяки.

— Во сколько часов пришёл Гюнтер Шольке?

— При. примерно в два часа... а что случилось, вы можете мне сказать? — набралась

храбрости девушка. Чувство что её любимый попал в неприятности, заставило Лауру собраться и взять себя в руки.

Офицер, казалось, потерял к девушке интерес. Он отвернулся от неё и прошёл в квартиру. Из спальни раздался удовлетворённый голос одного из солдат:

— Он здесь, штурмбаннфюрер!

— Отлично! Выводите его! — приказал тот. Обернувшись к девушке, он произнёс: — Ваш любовник ночью устроил драку с патрулём и жестоко избил их. Все трое теперь в госпитале. Оберштурмфюрер Шольке задержан и будет предан суду военного трибунала. Думаю, разжалованием в рядовые он не отделается... — его рот растянулся в жестокой улыбке, от которой Лаура похолодела.

— Не может быть... — прошептала ошеломлённая девушка. Чтобы её Гюнтер устроил драку с патрульными? — Но... он же был пьяным!

— Вы считаете, это смягчает его преступление? — издевательски спросил штурмбаннфюрер. Он навис над ней и Лаура невольно попятилась. — Хочу сообщить что это наоборот, только усугубляет его вину.

В коридоре появились громилы, тащившие с двух сторон безвольное тело Гюнтера в майке и трусах. Глаза парня были закрыты, голова моталась из стороны в сторону, он что-то неразборчиво бормотал, ноги волочились по полу. Солдаты, крепко взяв его подмышки, пронесли его к выходу и потащили вниз, мимо довольного офицера и застывшей как столб Лауры.

Штурмбаннфюрер отошёл от неё и направился к двери. Стоя в проёме, он насмешливо улыбнулся и сказал:

— Вы красивая девушка, фройляйн Блюм. Советую вам тщательнее отбирать себе любовников... — увидев как она покраснела от злости, офицер улыбнулся ещё шире и не спеша стал спускаться по ступеням вниз.

Его шаги затихли внизу, а девушка всё так же продолжала стоять, словно оглушенная тем что произошло. Наконец, очнувшись, она закрыла дверь и, как сомнамбула, присела на полку для обуви.

Что делать?? Если всё так как сказал этот чёртов эсэсовец то её любимого Гюнтера ждёт суд и лагеря... Или вообще могут расстрелять, сейчас же война. От такой мысли ей стало плохо, сердце замерло и стало больно в груди... Боже, пожалуйста, помоги мне! Скажи что делать? Как помочь?

Она обхватила голову руками и прикусила губу чтобы не расплакаться. Сейчас не время для рыданий, надо действовать! Кто сможет вытащить Гюнтера на свободу? Гиммлер? Или сам фюрер? Но её просто не пустят ни к тому ни к другому.

Вдруг она вспомнила... Ева!! Ну конечно! Она же подруга фюрера, кто если не эта женщина сможет прорваться к Гитлеру и замолвить перед ним слово за Гюнтера? Лаура вспомнила как Ева посетила их в клинике Шарите и как она сама едва не обидела подругу фюрера... А вдруг та злопамятна и откажет ей? Нет, не может быть, она не такая! Лаура бросится ей в ноги, станет на колени но убедит Еву помочь Гюнтеру.

Воодушевлённая девушка вскочила с полки, наскоро оделась и выбежала на улицу. Там она растерянно остановилась. Перед ней возник вопрос, где искать женщину. В рейхсканцелярии? Или у неё дома? Но Лаура не знала где та живёт. Ладно, значит в рейхсканцелярию.

Оглядевшись, она заметила как недалеко от неё такси медленно подъезжает к двум

нарядно одетым девушкам. Встрепенувшись, Лаура побежала к ним, хоть на каблуках это было не слишком удобно. Запыхавшись, она очутилась рядом с девушками, как раз когда машина остановилась возле них.

— Фройляйн, извините меня, пожалуйста, мне срочно надо ехать к жениху, он попал в беду... — проговорила торопливо она и впорхнула в машину, оставив девушек с открытыми от удивления ртами.

— Мне срочно надо в рейхсканцелярию! — сказала Лаура водителю. Тот пожал плечами и тронулся с места. Она ещё успела услышать как одна из девушек возмущённо сказала другой:

— Какая наглая эта особа! Подумать только..

— Хорошо, фройляйн! — усмехнулся водитель, полноватый мужчина лет сорока. Он дал газ и машина рванула вперёд ещё быстрее, оставив ошеломлённых дамочек позади.

До места они доехали быстро, Лаура в спешке вытащила из сумочки несколько купюр и, не считая, протянула водителю. Тот широко улыбнулся и спрятал их в карман, видимо, она дала ему больше чем надо. Но сейчас это волновало девушку в последнюю очередь. Лаура выскочила из машины и побежала ко входу в длинное здание, составленное из нескольких корпусов.

Прошмыгнув мимо неподвижно стоявших часовых, она влетела в большой холл и, оглядевшись, подбежала к девушке сидевшей за стойкой регистратуры. Рядом с ней стоял молодой унтерштурмфюрер и, видимо, рассказывал что-то смешное и приятное, так как девушка прыскала от смеха и смущалась.

Лаура, не успев перевести дыхание, впиалась в девушку взглядом и, задышавшись, спросила:

— Скажите, пожалуйста, фройляйн... Ева Браун тут?

Девушка до последнего момента не замечала Лауру, всецело занятая флиртом с эсэсовцем и вздрогнула от её голоса. Она посмотрела на неё и замялась, посмотрев на лейтенанта СС. Тот выпрямился и, приняв деловой вид, спросил:

— Вы кто, фройляйн? И зачем вам эта девушка?

— Меня зовут Лаура Блюм... уф... — она перевела дыхание и заговорила более спокойно. — Я хочу попросить помощи у фройляйн Браун... по личному вопросу.

Лицо унтерштурмфюрера приняло задумчивое выражение. Девушка за стойкой смотрела на него. Наконец, он согласно кивнул ей и она произнесла мягким голосом:

— Фройляйн Ева Браун находится в своём кабинете на втором этаже, комната 202.

— Спасибо вам, фройляйн! — искренне поблагодарила Лаура и, не теряя времени, побежала по лестнице вверх, провожаемая любопытными взглядами парочки.

Вихрем взлетев на второй этаж, она посмотрела по сторонам и понеслась налево, почти в самый конец коридора, минуя безмолвных охранников и других посетителей. Наконец, вот она, заветная дверь! Слегка отдышавшись, девушка постучала в дверь.

— Входите, открыто! — послышался знакомый женский голос. Лаура толкнула дверь и вошла внутрь.

Комната, в которой жила Ева, когда находилась в рейхсканцелярии, была небольшая но светлая и уютная. Два распахнутых окна, слегка прикрытых белыми занавесками, пропускали внутрь солнечный свет и щебет птиц во внутреннем дворе. Пахло свежими цветами, стоящими в вазе на столике в углу.

Сама Ева сидела на маленьком диванчике возле окна и читала какую-то книгу. Она была одета в белое свободное платье до колен и такого же цвета босоножки. Увидев Лауру

Ева почему-то покраснела, её глаза расширились.

— Вы?! — дрожащим голосом спросила она.

Лаура облегчённо улыбнулась.

— Вы меня помните, фройляйн?

— Д-да... вы... вы та самая медсестра, которая ухаживала за Гюнтером... простите, герром Шольке, верно? — её голос дрожал но почему, Лаура не знала. Впрочем, какое ей дело? Главное, Ева помнит Гюнтера и теперь надо убедить её помочь..

— Да, фройляйн, вы правы..

— Прошу вас, называйте меня просто Ева, хорошо? — она пришла в себя, лицо приняло обычный цвет, и на нём появилась робкая улыбка.

— Хорошо, Ева... а меня тогда Лаурой! — улыбнулась в ответ девушка.

— Договорились!

Лаура, не выдержав, села рядом с Евой и схватила её руки своими. На глазах появились слёзы, которые она не сумела удержать. Ева с тревогой смотрела на неё.

— Лаура, ты плачешь? Что случилось?

— Ева... Прошу тебя! Только ты можешь помочь мне... и Гюнтеру! — всхлипнула она.

Ева вздрогнула.

— Помочь Гюнтеру? Но... но что случилось? С ним всё в порядке? — её голос был полон тревоги, и Лаура обрадовалась, значит, она помнит его и беспокоится о нём!

— Нет, Ева! С ним всё плохо! Его арестовали! — в отчаянии выкрикнула она.

— Что?! — Ева вытащила одну руку от неё и зажала ею свой рот, в шоке глядя на Лауру. — Но почему? Кто арестовал?!

— Эсэсовцы! Они пришли за ним час назад, сказали что он вчера вечером напился, подрался с патрулем и сильно их избил... Я не знала, Ева! Он просто пришёл ночью и лёг спать! А теперь ему грозит расстрел или концлагерь!

Она захлебнулась рыданиями. Ева в изумлении глядела на неё, видимо, не веря своим ушам. Внезапно Лаура посмотрела на неё заплаканными глазами и... рухнула перед ней на колени, обхватив их руками.

— Ева, пожалуйста! Прошу тебя, помоги ему!! Мне больше не к кому обратиться!

— Лаура, что ты делаешь? Встань! Ну, встань же! — она попыталась поднять Лауру но бесполезно. Девушка вцепилась в её ноги, словно от этого жеста зависела её жизнь.

— Помоги! Помоги ему, заклинаю тебя! — просила Лаура в исступлении. — Я не смогу без него жить! Я люблю его! Пожалуйста, я всё сделаю для тебя, только помоги!

— Но что я могу?! — вскрикнула Ева, тоже с мокрыми глазами.

Лаура посмотрела на неё сквозь слёзы.

— Ты же подруга нашего фюрера! Обратись к нему, умоляй, проси! Он услышит тебя, я знаю! Вы же любите друг друга? Вот и я также люблю моего Гюнтера!

Ева смутилась, отвела взгляд.

— Всё... всё не так просто, Лаура... Мы..

— Пожалуйста, Ева!!! — закричала она.

Ева глубоко вздохнула и тихо проговорила:

— Я попробую, Лаура... но ничего не могу обещать!

Глаза Лауры засветились надеждой.

— Я знаю, Ева, ты сможешь! Ты сильная!

Ева горько усмехнулась.

— Иногда я в этом сомневаюсь... Хорошо... Я сейчас пойду к фюреру. Он как раз сегодня утром приехал... Может и смогу помочь Гюнтеру... — еле слышно прошептала она, но Лаура услышала. — А ты, Лаура, побудь здесь, хорошо?

Девушка молча кивнула. Ева ободряюще взяла её ладонь и слегка пожала.

— Не унывай, милая... Я обещаю, что сделаю всё чтобы фюрер освободил Гюнтера! Буду упрашивать, умолять... Он добрый и прислушивается ко мне... иногда..

— Спасибо-спасибо, Ева! Если ты сможешь это сделать... я всегда буду у тебя в долгу! Проси что хочешь, любую вещь, я всё сделаю!

Ева странно посмотрела на неё и улыбнулась.

— Просто верь, надейся... и жди.

С этими словами она встала, вытерла платком слёзы, поправила причёску и пошла к двери. Уже открыв её, она обернулась, подмигнула Лауре и вышла. В комнате остался лишь слабый аромат её духов. Лаура минуту сидела молча, потом с трудом прилегла на диванчик и устало закрыла глаза. Нервное потрясение вымотало её. Она сделала всё что могла, теперь оставалось только ждать, надеяться и верить.

Ева Браун.

Она сидела в своём кабинете и перечитывала в который раз «Унесённые ветром». Эта книга безумно нравилась ей и Ева не уставала читать её снова и снова. История молодой южанки, жизни и муки любви к Эшли Уилксу и Ретту Батлеру захватывала и уносила девушку в бурлящий страстями мир американской гражданской войны, где непредсказуемые повороты судьбы кидали героев из крайности в крайность.

На самом интересном месте в дверь постучали. Вздохнув, она разрешила войти и едва не вскрикнула, увидев посетительницу. Первая мысль была что эта Лаура догадалась про них с Гюнтером и сейчас устроит ей грандиозный скандал... Громадным усилием воли она смогла взять себя в руки и принять спокойный вид. Но новость, принесённая гостьей, снова выбила её из равновесия и заставила ошеломлённо застыть, беспомощно смотря на Лауру.

«Его арестовали? За какую-то драку? Но вчера же всё было так хорошо! Нет-нет, надо что-то делать! Но что? Как помочь?»

Тем временем Лаура совсем расклеилась и расплакалась, буквально умоляя её помочь Гюнтеру. Крики и рыдания девушки мешали Еве сосредоточиться и она никак не могла справиться с мыслями. На полный отчаяния вопрос «Что я могу?!» Ева получила прямую подсказку. Ну конечно! Фюрер! Вот кто сможет помочь ему! Он как раз приехал утром из Мюнхена и сейчас находился недалеко от неё. Само собой, для неё он опять занят, кто бы ожидал, мысленно усмехнулась она. Это уже становится традицией..

К её удивлению эта мысль уже не так сильно огорчила Еву. Зато при мысли о Гюнтере сердце заколотилось сильнее и появилась твёрдая уверенность сделать всё чтобы освободить его. Естественно, умопомрачительный секс в парке сыграл в этом не последнюю роль, но было что-то ещё, что толкало девушку помочь ему. Об этом хотелось поразмышлять и докопаться в душе до самого конца, но увы, сейчас было явно неподходящее время для этого.

Наскоро успокоив Лауру и быстро приведя себя в порядок, она вышла из кабинета и, несвойственным ей решительным шагом, направилась прямо к кабинету фюрера, оставив у себя измученную гостью. По пути она невольно сочувствовала ей, прекрасно видя, как сильно Лаура любит Гюнтера. К тому же она чувствовала и свою вину в том что отдалась ему, зная что у него есть девушка. Понятно, что инициативу проявил он, как и все мужчины,

сама Ева не рассчитывала на такой поворот событий, особенно в публичном месте, но... она, к своему удивлению, особо и не сопротивлялась. Подходя к знакомому кабинету который охранял, как обычно, Отто Гюнше, Ева твёрдо решила что впредь она будет держаться с Гюнтером как с другом и не давать ему распускать руки. Да, сумасшествие в парке принесло ей невообразимое удовольствие после долгого перерыва в любви, но это было ошибкой, которую Ева больше не допустит.

— Отто! Мне нужно срочно увидеть фюрера! У меня очень важное дело! — произнесла она, когда остановилась перед дверью. Тот смотрел на неё и, казалось, колебался. Приняв решение, он ответил:

— Извините, фройляйн, но мне нужно спросить у фюрера, не занят ли он..

— Я понимаю, Отто, и готова подождать... — согласилась Ева. В конце концов, врываться без приглашения тоже неправильно. Когда Гюнше исчез за дверью, она почувствовала как её решимость, с которой девушка шла сюда, начинает ослабевать, появились трусливые мысли о том что ей не следует вмешиваться и пусть всё идёт своим чередом. Но едва Ева представила что может случиться с Гюнтером если она ему не поможет, как эти мысли словно сдуло из головы. Нет, она во что бы то ни стало спасёт Гюнтера! И сцена в парке, полученное удовольствие, тут не при чём..

— Фюрер не может вас принять, фройляйн. Он сильно занят! — сказал Гюнше, вернувшись из кабинета. Что ж, ожидаемый ответ, абсолютно такой же как и раньше... Внезапно она почувствовала, что кое-что изменилось. Раньше эти слова вызывали у неё бурю слёз, боль в груди и в сердце. Теперь... Теперь её охватили раздражение и досада. Сколько он собирается прятаться от неё?

— Ах, так? — она сжала губы и нахмурилась. — Тогда передай фюреру, Отто, что моё дело касается Гюнтера Шольке, и мне нужна срочная помощь!

Адъютант снова исчез за дверью и отсутствовал чуть дольше. Наконец, он появился и открыл дверь хорошо знакомого ей кабинета Гитлера, в котором она раньше часто бывала.

Ева вошла и увидела фюрера. Он сидел в за столом и хмуро смотрел на неё. На самом столе была разложена карта Франции с какими-то непонятными стрелами. Брови его сдвинулись, а усики воинственно встопорщились. Знаменитая чёлка была аккуратно зачёсана набок, а глаза главного нациста Третьего Рейха внимательно наблюдали за ней.

— Здравствуй, Адольф! — первой поздоровалась Ева, не дождавшись от него приветствия. Похоже, он сегодня не в настроении больше чем обычно.

— Здравствуй, Ева... Ты очень не вовремя, я сейчас занят, что там у тебя случилось? — отрывисто заговорил Гитлер, словно пытаюсь побыстрее отделаться от девушки.

От таких слов Ева почувствовала, как в ней снова поднимается раздражение и усилием воли подавила его. Сейчас надо быть милой и нежной чтобы помочь Гюнтеру. Если она сорвётся и расплачется или, ещё хуже, разозлится, то сделает только хуже.

— О, дорогой Адольф, у меня самой всё хорошо, но у оберштурмфюрера Шольке неприятности. Его арестовали несколько часов назад! — взволнованным голосом воскликнула Ева, подходя к нему поближе.

Гитлер нахмурился ещё сильнее, кулак на столе сжался и он угрожающе спросил:

— Что?? Кто посмел? Какой идиот отдал такой приказ?

Ева подошла к нему вплотную и взяла его за руку. Фюрер, казалось, не заметил этого жеста, в упор смотря ей в глаза.

— Я не знаю, милый... Ко мне прибежала его подруга, вся заплаканная, в истерике...

Сказала, что он, якобы, пьяный, ночью подрался с патрулём и его сегодня арестовали эсэсовцы.

Она сжала его руку, стремясь усилить свои слова, но сделала только хуже. Гитлер только сейчас заметил что Ева держит его за руку и тут же выдернул её.

— Подрался с патрульными? Да ещё и пьяным?! Это чёрт знает что! Мои охранники тщательно отобраны, каждый из них образец национал-социализма для любого немца в Рейхе, а тут какой-то пьяный дебош? Позор!! Какой пример он подаёт другим? — разбушевался фюрер, встал из-за стола и начал нервно ходить по кабинету.

— Мой фюрер... — попыталась сказать Ева, но Гитлер её не слушал. Брызгая слюной от ярости и энергично трясая кулаком, фюрер метался вокруг стола, давая выход своему раздражению. Девушка прекрасно знала что её Адольф был убеждённым трезвенником и очень не любил пьяных. Впрочем, такое отношение у него было и к курящим. Вдобавок ко всему он был ещё и вегетарианцем, отчего завтраки, обеды и ужины для тех кто любил мясо, часто превращались в досадную неприятность и нудную обязанность. Пришлось ждать минут пять, пока Гитлер не выдохся и не уселся заново за стол.

— Адольф, ты можешь помочь ему? Пожалуйста! — самым нежным голосом попросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Помочь ему избежать заслуженного наказания? Ни за что! — отрубил он, хлопнув ладонью по столу, отчего Ева невольно вздрогнула.

— Но, мой фюрер... Если он окажется в тюрьме и ты лишишь его своей защиты, то герр Гиммлер может захотеть узнать про письмо... — высказала она только что пришедшую ей в голову мысль и тут же захлопнула рот, боясь что опять сболтнула не то.

Глаза Гитлера расширились. Ева поняла что про такую возможность её Адольф, в запале ярости, забыл, и теперь пытается осмыслить такую вероятность. Фюрер погрузился в раздумья, смотря пустым взглядом вперёд. Девушка не мешала ему, пытаясь понять что дальше говорить. Наконец, он очнулся от своих дум и взглянул на неё.

— На этот раз ты сказала умную мысль, Ева... — произнёс фюрер. — Такая возможность действительно есть. Нельзя этого допустить, слышишь? Генрих ни в коем случае не должен узнать от него про содержимое письма. И от тебя тоже, поняла? — суровый, даже угрожающий взгляд уткнулся в неё.

Испуганная Ева судорожно кивнула. В такие моменты фюрер был страшен, и она старалась как можно меньше доводить его до такого состояния, а если это случалось, то сидела тихо, как мышка, либо вообще уходила подальше.

Побуравив её взглядом, Гитлер крикнул:

— Гюнше!

Дверь тут же открылась, и в кабинет вошёл громила-адъютант.

— Слушаю, мой фюрер!

— Немедленно узнай где держат арестованного сегодня днём оберштурмфюрера Гюнтера Шольке из батальона охраны моего имени! Пусть освободят его и он срочно явится ко мне! Подготовь приказ, если он понадобится. Всё!

— Я понял, мой фюрер! — отозвался Отто и исчез за дверью.

— Спасибо тебе, Адольф! Я знала что ты pomoжешь и не сомневалась в тебе! — поцеловала его в щёку Ева с улыбкой на лице.

— Я освободил его только из-за того что он может проболтаться о письме в руках Генриха, а вовсе не из-за жалости... — пробурчал Гитлер. — Жалость, сострадание,

доброта... Это всё химера и ненужная чепуха! Надо отбросить эту чушь и поступать так как требует долг перед страной и расой!.. — Снова завёлся фюрер и пустился в пространные рассуждения о неполноценных людях, странах и расах..

— Я тогда, пожалуй, пойду, милый? Не буду отвлекать тебя... — сказала Ева после того как фюрер успокоился. Странно, раньше она ценила каждую минуту которую проводила с ним, а теперь не испытывает особого желания часто быть с ним. Неужели это из-за Гюнтера? Нет, вряд ли... Наверно, что-то другое.

— Да, Ева, ты права... У меня много дел. Я скажу тебе когда буду свободен... — ответил он.

— Удачного дня, дорогой! — улыбнулась она и вышла за дверь. Гюнше на посту не было, видимо, всё ещё хлопотал за Гюнтера. Вместо него стоял другой адъютант, смутно знакомый ей. Он кивнул ей и закрыл за Евой дверь. Тяжесть на сердце, появившаяся при известии о беде с Гюнтером, бесследно пропала и Ева действительно почувствовала, что надо как-то расслабиться. Да и этой Лауре тоже. И у неё определённо были мысли как это сделать. Она уже отошла от кабинета, когда вспомнила кое-что важное. Девушка подошла к новому адъютанту и попросила:

— Скажите, пожалуйста, оберштурмфюреру Шольке, когда он появится, чтобы перед уходом зашёл в мою комнату. Это очень важно! Хорошо?

— Я ему передам, фройляйн Браун! — снова кивнул тот.

— Спасибо вам! — поблагодарила она и пошла в свою комнату, к гостье. Да и познакомиться с ней получше не помешает, всё-таки, каким-то образом, они стали друг другу ближе..

Гюнтер Шольке.

Пробуждение было ужасным. Чьи-то грубые руки крепко вцепились в его тело и с размаху сбросили с кровати на пол. Гюнтер, абсолютно не готовый к такому способу подъёма, больно ударился головой, спиной и локтями, зашипев от боли. Пока он пытался прийти в себя и справиться с раскалывающейся головой, его перевернули на живот, схватили за руки, подняли и куда-то потащили.

Гюнтер ничего не соображал, всё было как в тумане. Сквозь муть в глазах промелькнула Лаура с испуганным лицом, офицер... А потом, когда его засунули в машину, он отключился.

Снова очнулся он в камере, после того как кто-то облил его холодной водой. Застонав, Гюнтер неловко попытался встать, одновременно проведя рукой по лицу чтобы стереть с него воду.

— Встать, свинья! — прогремел над ним голос, заставив сморщиться от боли в голове. Внутри неё словно поселилась целая гильдия кузнецов, у которых начался час пик в работе... С усилием приоткрыв глаза, он с трудом разглядел стоявшего рядом с ним какого-то офицера СС, звание его мешало рассмотреть похмельный туман в голове. Тот презрительно морщился, глядя на него, закрыв лицо носовым платком. Увидев, что Гюнтер открыл глаза, офицер снова пролаял:

— Ты глухой, Шольке?! Я сказал, встать, скотина!

Собрав все силы, Гюнтер начал было подниматься, но руки не выдержали и он снова повалился на холодный пол. Эсэсовец наблюдал за ним и когда Гюнтер упал, внезапно поинтересовался вежливым тоном:

— Вам помочь, оберштурмфюрер?

Не найдя в себе сил ответить, Гюнтер молча кивнул.

— С удовольствием! — проговорил офицер. В следующее мгновение сильнейший удар ногой по животу заставил его харкнуть от боли и схватиться за живот. Новая боль словно заставила мозг отключиться от других раздражителей, туман в голове рассеялся и похмелье перестало давить на мозг. Сквозь дикую боль Гюнтер подумал что такой способ протрезвления на хрен ему не сдался..

— Ещё, оберштурмфюрер? — участливо поинтересовался офицер. Гюнтер покачал головой, чувствуя, что от такого изысканного обращения он начинает заводиться. Захотелось взять этого ублюдка за шею и медленно сжимать ему гортань, наблюдая, как из его глаз уходит жизнь. Увы, это всего лишь мечты..

— У вас десять секунд на то чтобы встать, оберштурмфюрер. Если вы этого не сделаете, я снова вам помогу! — скучающим тоном сказал ээсовец. — Время пошло!

Боль из живота медленно уходила и Гюнтер попытался встать. На этот раз получилось лучше и на счёте «девять» он стоял на своих ногах, покачиваясь, но не падая.

— Отлично! — прокомментировал офицер, глядя на часы. — Вы успели. Через полчаса у вас важная встреча. Настоятельно советую привести себя в порядок. Вода, мыло и бритва возле койки. Приступайте.

Он несколько секунд смотрел на Гюнтера, усмехнулся и вышел, лязгнув дверью. Лишь в самый последний момент Гюнтер смог разглядеть его звание, штурмбаннфюрер.

Вздыхнув, он принялся за дело. С допотопной бритвой и помазком он всё ещё освоился не до конца, поэтому провозился почти всё отведённое время. Умывшись, Гюнтер откинулся на несвежую подушку и хотел немного подремать, но дверь снова открылась и появился знакомый офицер. Он несколько секунд осматривал Гюнтера и довольно кивнул.

— Теперь вы напоминаете человека, а не животное.

Гюнтер зло посмотрел на него. Приведение его в чувство с помощью пинка несколько не способствовало позитиву, но штурмбаннфюреру, по-видимому, было глубоко плевать что там думает о нём какой-то обер-лейтенант СС.

— За что меня сюда посадили? — озвучил он свой первый вопрос. — И где я? — и сразу второй.

— Вы в тюрьме «Тегель».. — не стал играть в загадки ээсовец. — За что? Вы ничего не помните? — хмыкнул он.

Воспоминания вяло копошились в голове Гюнтера. Выпивка, разговоры... Драка! Проклятье, ну конечно!! Он избил патрульных СС! Вот это ни хрена себе поворот!

Глухо застонав, он обхватил свою голову руками. Вот это он «попал», говоря словами Алекса. Не надо было столько пить! Не надо! И вот результат... Всё! Если выживет, хрен выпьет больше одной бутылки! А ведь патруль просто хотел проверить документы, на что имел полное право... А он, болван, полез в бутылку, обиделся, видите ли... Нет, всё зло от выпивки, особенно если пить не умеешь..

— Нам пора! — прервал его самобичевание штурмбаннфюрер. Гюнтер вопросительно посмотрел на него, успев забыть про слова офицера.

— Куда вы хотите меня отвести? На суд трибунала? — спросил он, пытаясь понять свою дальнейшую судьбу. Ээсовец снова усмехнулся.

— Нет, ваша судьба уже решена. За мной, оберштурмфюрер! — приказал он и вышел из камеры, оставив дверь открытой. Тяжело вздохнув, Гюнтер поднялся и, слегка пошатываясь,

отправился за ним. Пройдя несколько дверей, штурмбаннфюрер открыл какую-то комнату и велел:

— Заходите и одевайтесь, ваша форма готова.

Только тут Гюнтер понял что до сих пор расхаживает в трусах и майке. Зайдя в комнату, он увидел, что на стуле, возле стены, аккуратно сложена новенькая форма, на петлицах знаки различия оберштурмфюрера, а также ремень с португеей. Рядом стояла начищенная пара сапог по его размеру.

У Гюнтера не было сил удивляться откуда всё это взялось, он помнил что его форма была в гораздо худшем состоянии чем эта. Поэтому просто взял и оделся. Не хватало только фуражки, но её не было. Видимо, её отсутствие некритично.

Офицер оглядел его и опять кивнул.

— Хорошо, вы готовы. За мной.

Они вышли из комнаты, прошли несколько коридоров, и через несколько минут вышли во внутренний двор тюрьмы. Там уже ждала машина и, не дав Гюнтеру осмотреться, она выехала вместе с ним и штурмбаннфюрером на улицу. Бездумно глядя в окно Гюнтер ни о чём не думал, в голове было пусто.

Вот и до боли знакомое огромное здание рейхсканцелярии. Выйдя из машины, они поднялись по лестнице и миновали двух часовых возле входа. Гюнтер узнал своих знакомых из батальона охраны и молча кивнул им, говорить не хотелось. Те лишь проводили его глазами, разговаривать и даже шевелиться на посту им разрешалось лишь в исключительных случаях. Пройдя знакомыми коридорами, они внезапно остановились перед каким-то кабинетом, возле которого дежурил знакомый эсэовец. При виде его Гюнтер вздрогнул, поняв куда его привели. Неужели к фюреру? Похоже, да, ведь Гюнше охраняет только его кабинет. Значит, это фюрер его вытащил из тюрьмы? А как он узнал, интересно? Может, за ним постоянно следили и сразу доложили?

— Здравствуй, Отто! Вот, привёз тебе того кого ты искал... — усмехнулся штурмбаннфюрер. Он крепко пожал Гюнше руку.

— Спасибо, Мариус, я рад что ты быстро справился с моим поручением!

— Конечно, я же понимаю что это не твоя личная прихоть а приказ фюрера... Кстати, после дежурства не желаешь выпить немного баварского? — подмигнул ему Мариус. Отто широко улыбнулся и ответил:

— Конечно! На старом месте, как обычно?

— Именно! Ладно, до вечера! Сам понимаешь, служба!

Мариус, сдав его Отто, ушёл. Гюнше внимательно оглядел его и проговорил:

— Оберштурмфюрер, фюрер в ярости из-за вас. Советую не спорить с ним.

— Спасибо, Отто, постараюсь последовать твоему совету... — поблагодарил его Гюнтер. Гюнше находился со всеми охранниками СС в здании в хороших отношениях, хоть и не сблизился близко. В сущности, они выполняли одинаковую работу по охране фюрера, только Отто был, так сказать, последним рубежом обороны, в отличие от таких как Гюнтер.

Гюнше открыл дверь и сказал:

— Мой фюрер, оберштурмфюрер Шольке доставлен.

— Пусть заходит! — раздался раздражённый голос Гитлера.

Отто посторонился, подождал пока Гюнтер пройдёт в кабинет и аккуратно закрыл дверь.

Гитлер стоял у стола и, нахмурившись, смотрел на него. Чёлка растрепалась, рука на

спинке стула крепко её сжимала. Весь его вид показывал что он сильно недоволен Гюнтером и, тот был вынужден признать, у него были на это основания. Ведь Гюнтер создал себе проблемы буквально на ровном месте.

Он подошёл к фюреру и, вытянувшись, принял строевую стойку, глядя поверх головы Гитлера. Тот смотрел на него снизу вверх, поскольку был ниже Гюнтера ростом. Пронзительно глядя на него, он сказал злым голосом:

— Оберштурмфюрер, я очень недоволен вами! Вы что, решили будто статус моего охранника даёт вам какие-то особые преимущества и неподсудность?! Право избивать своих товарищей на службе?! Не подчиняться законным требованиям патрулей и сопротивляться досмотру?

— Мой фюрер, я... — начал Гюнтер, но Гитлер тут же прервал его, яростно сверкая глазами.

— Я не закончил, оберштурмфюрер! И не смейте перебивать меня! С вами говорит фюрер а не ваш собутыльник, понятно?! — Гитлер почти кричал, сам себя заводя, из рта иногда вылетали брызги слюны.

Гюнтер лишь молча вытянулся ещё больше, не осмеливаясь больше сказать ни слова без разрешения. Гитлер замолчал, отпустил стул и подошёл к Гюнтеру вплотную.

— Ваша недисциплинированность позорит не только вас самого но и всё братство СС! А значит и меня! Даже не думайте что сможете избежать наказания! Я вытащил вас из трибунала, но будьте уверены, найду способ сделать так, чтобы вы сильно пожалели о своём поступке..

Гюнтер молча стоял, чувствуя как сзади, по спине, у него катится капля пота. Разнос Гитлера был абсолютно закономерен и чувство вины, даже злости на себя самого, захватило его. Всё было так хорошо, а он сам всё спустил в толчок... Теперь осталось лишь понять что Гитлер для него приготовил и с готовностью принять наказание.

— Я принял решение, оберштурмфюрер! Вы больше не будете служить в моей охране. Вас отправят в полевую часть. Я смотрю, атмосфера столицы и её развлечения дурно влияют на вас... поэтому отправитесь на фронт.

Гюнтер, не сдержав удивления, опустил взгляд и посмотрел на Гитлера. Фронт? Интересное наказание... Не то чтобы он был против, ведь у него за спиной была польская кампания. Но как же быть с секретностью? Ведь есть риск не только гибели но и захвата в плен. Само собой, ни того ни другого он допускать не собирался, но на войне всё может быть.

— Можете говорить! — махнул рукой Гитлер.

— Мой фюрер... Я готов служить где прикажете, но... — он замялся.

— Что? Говорите, не мямлите! — поторопил его фюрер.

— Что, если я случайно, без сознания попаду в плен? Англичане и французы тоже умеют пытаться..

Гитлер криво улыбнулся.

— Я так и думал что вы упомянете о своей сверхинформированности. Но они не знают об этом, поэтому и спрашивать станут только о вашем имени, звании и сведениях о подразделении в котором вы служите. Естественно, это не все меры предосторожности. Вам выдадут капсулу с цианидом, чтобы вы воспользовались ею если возникнет угроза плена. К тому же, возле вас всё время будет находиться человек который проследит чтобы вы ни в коем случае не попали в лапы союзников. Заодно, он будет оберегать вас от попыток

Генриха допросить. И ещё кое-что поможет вам служить честно и даже не думать о плене..

Он отошёл от Гюнтера и уселся за стол, пристально глядя на него.

— Ваша семья. И подруга. Они тоже будут гарантией того что вы будете молчать в любом случае.

Гюнтер задохнулся от изумления и... ярости? Да, он впервые в жизни испытывал ярость по отношению к своему фюреру, тому кого боготворил в прошлой и этой жизни. Представив, что может случиться с Лаурой и его семьёй, к которой он уже привык... Гюнтер похолодел и стиснул кулаки, пытаясь сдержаться.

— Мой фюрер! Но Лаура и моя семья не при чём! Они не виноваты..

— Молчать, оберштурмфюрер! — снова взвился Гитлер. — Вы так и не поняли ситуацию? Сейчас решается судьба Германии! Всего Рейха! Даже всего мира! По сравнению с этим судьба нескольких человек это ничто! Пыль! Много людей погибли и ещё погибнут чтобы германский народ занял своё законное место в мире, сбросив оковы евреев, цыган, коммунистических выродков и англо-американских демократов! Если для этого понадобится убить миллионы, десятки миллионов, я не колеблясь, сделаю это! Великие цели всегда рождаются в крови, запомните это, оберштурмфюрер! — успокаиваясь, проговорил Гитлер.

Гюнтер был словно оглушен. Впервые он начал сомневаться что Гитлер ведёт Германию туда куда нужно. Раньше он был уверен что фюрер делал всё чтобы прославить Германию и немецкий народ, а теперь... теперь в голову закралась крамольная мысль: А что, если и Германия и сами немцы всего лишь средство для величия самого Гитлера? Дрова для его целей, которыми он, без сомнения, пожертвует, чтобы достичь своего? Нет, не может быть! Он ошибается! Но как тогда понимать его слова? Да и взять в заложники его родных... Как это назвать?

— Я прочитал ваши записи, которые вы передали. Кое-что вызвало у меня сомнения..

Слова Гитлера вырвали его из оцепенения и он попытался сосредоточиться. О чём фюрер говорит? Ах да, это он про то письмо которое Гюнтер передал когда Гитлер был в отъезде.

Так, надо отвлечься от слов фюрера про его семью! Просто не думать! Всё равно он не может этому помешать.

— Я слушаю, мой фюрер... — постарался он взять себя в руки.

— Про винтовки всё понятно, описания и чертежи мой адъютант уже отправил на заводы, не думаю что их разработка и производство займут много времени. А вот с этой... — Гитлер нахмурился, пытаясь вспомнить новое название... — штурмовой винтовкой есть трудности. Как доложили мне, проблема с патроном. Над ним работают, но сколько времени это займёт пока никто не знает. Что ещё? Новый пулемёт... Я велел взять под наблюдение эту фирму Гросфуса и помогать ей, оберштурмфюрер, но если в течении полугода не будет результата... — фюрер сурово посмотрел на него... — за это ответит не только эта фирма но и вы сами, понятно?

— Так точно, мой фюрер! — ответил Гюнтер.

— Теперь насчёт танков... — продолжил Гитлер, снова начиная прохаживаться по кабинету, заложив руки за спину как заключённый. — Некоторые нюансы вызвали вопросы у генерал-лейтенанта Гудериана и он очень хотел бы пообщаться с автором этих нововведений. Я разрешил! — ответил он на молчаливый вопрос Гюнтера.

— Но... как я смогу с ним встретиться, мой фюрер? — снова, забывшись, прервал он Гитлера. — Я же отбываю на фронт?

— Вы отбудете туда не сразу, оберштурмфюрер... — вопреки ожиданиям Гюнтера, фюрер то ли не обратил внимания то ли решил спустить ему наглость. — Приблизительно в начале мая, не раньше. Вы мне ещё тут нужны.

— Понял, мой фюрер.

— Само собой, вы не расскажете ему всю правду. Скажите что досконально прочитали его книгу «Танки, вперёд!», у вас появились новые идеи на её основе, и вы заинтересовали ими меня. Далее... Я изучил список генералов на которых вы указали как на наиболее опытных и способных. Пока что не вижу в них ничего особенного, но в скорой французской кампании я дам им шанс. Посмотрим, как они его используют... — Гитлер усмехнулся.

— Последнее. Я был очень удивлён вашим предложением назначить моего лучшего архитектора министром вооружения... — фюрер недоумённо покачал головой. — По-моему, это то же самое что назначить крестьянина министром иностранных дел. Альберт отлично знает как проектировать и строить здания, но он не отличит «Pz. Kpfw. III» от «Pz. Kpfw. IV», а «Хейнкель-111» от «Ю-88»..

— Мой фюрер, мы все недооцениваем его таланты. Даже он сам не знает о них. Но в будущем, вы назначили его на этот пост и не пожалели. Он подстегнул военную промышленность и насытил наш Вермахт первоклассной техникой, которая была лучше советских и англо-американских аналогов! — с уверенностью заявил Гюнтер. Конечно, не всё это было правдой... Русские «Т-34» и американские «Шерманы» впоследствии догнали по боевым качествам «Pz. Kpfw. IV Ausf. G» и «Н», а американские самолёты даже вырвались вперёд. Но это уже была не вина Шпеера.

Гитлер долгим взглядом посмотрел на него.

— Я подумаю над этим назначением, оберштурмфюрер. Кстати, я отдал распоряжение насчёт этого французского полковника до Голля. Наши друзья во французском Генштабе не дадут ему помешать нам..

— Я рад, мой фюрер! — ответил Гюнтер. Это хорошая новость.

— У вас есть что ещё сказать мне? — спросил Гитлер. И уточнил: — По поводу новых сведений?

Гюнтер задумался. Вроде бы всё что хотел и знал, он рассказал... Попробовать заступиться за евреев и смягчить отношение СС к пленным с помощью прямого приказа? Бесполезно. Гитлер в этом вопросе упрям как... как не знаю кто. Только сам к себе вызовешь подозрение в чистоплюйстве и мягкотелости. Да и кто они ему? Главное, не немцы, а значит, плевать на них. Что-то мелькало в его памяти, из авиационной темы, но надо было хорошенько вспомнить подробности иначе какой толк наводить туман? К тому же время ещё есть.

— К сожалению, нет, мой фюрер... Больше пока добавить нечего.

Гитлер продолжал смотреть на него, словно подозревая в том что Гюнтер хочет что-то скрыть от него. От взгляда фюрера ему стало не по себе, так и хотелось отвести взор, но нельзя! Тогда Гитлер точно заподозрит его. Нет, надо продолжать смотреть ему прямо в глаза с честным и преданным видом... Наконец, фюрер отвёл взгляд. Гюнтер так и не понял что там для себя увидел в нём Гитлер.

— Можете идти, оберштурмфюрер. И очень советую вести себя как положено воину СС а не пьяному бюргеру! В следующий раз вас расстреляют на месте, если вы снова попытаете вести себя как скот! Понятно? — угрожающе закончил он.

— Так точно, мой фюрер!!! — гаркнул во всю глотку Гюнтер. И под пристальным

взглядом Гитлера он чётко развернулся через левое плечо и вышел из кабинета, мимо распахнувшего дверь Гюнше.

Оказавшись в коридоре, он расслабленно выдохнул. Проклятье, каждая аудиенция у фюрера стоит ему кучи нервных клеток и пота. Появилось желание промочить пересохшее горло чем-то успокаивающим, но где взять?

— Оберштурмфюрер, вам просила передать фройляйн Браун, чтобы вы обязательно зашли к ней в кабинет! — раздался голос немногословного Отто. Гюнтер удивлённо посмотрел на него. Интересно, зачем она это попросила? Хочет передать что-то важное? Или просто поговорить? В любом случае, надо узнать.

— Спасибо, Гюнше, зайду. Удачного дня! — пожелал он адъютанту. Тот лишь кивнул в ответ. Гюнтер, придя в себя от разговора с Гитлером, направился к кабинету Евы в самом дальнем конце коридора в другом крыле здания.

Берлин. Рейхсканцелярия.
Гюнтер Шольке.

Подойдя к нужной двери, он удивился, услышав за ней отголоски женского смеха. Интересно, кто там вместе с Евой? Слегка постучав и не услышав ответа, Гюнтер открыл дверь и вошёл внутрь. Обстановка внутри кабинета его изрядно удивила.

Ева, заливаясь смехом, сидела на диванчике вместе с... Лаурой?? Они, перебивая друг друга, что-то рассказывали и хохотали. Рядом с ними, на столике, стояла пустая бутылка из-под шампанского. Другая, такая же, была почти выпита. Тарелка с фруктами дополняла это импровизированное застолье. Девушки были весёлые и раскрасневшиеся, языки их слегка заплетались.

«Да они, похоже, пьяные?» — удивился он. «Ничего себе, вот это картина..» Насколько Гюнтер помнил, Ева не была охотницей до алкоголя, а Лаура вообще не пила. Кстати, как она тут оказалась, вместе с Евой? Внезапно его кольнула мысль, а вдруг Ева сейчас проболтается о встрече в парке? Тогда ему устроят грандиозный скандал..

Девушки, обернувшись на звук открывшейся двери, посмотрели в его сторону и замерли.

— Гюнтер! Мой любимый! — завопила Лаура и, встав с диванчика, попыталась броситься к нему. Но выпитое шампанское сыграло с ней злую шутку и она, пошатнувшись, едва не упала. Шагнувший к ней Гюнтер еле успел подхватить её и прижать к себе. В нос ему ударил смешанный запах духов и алкоголя. Её глаза блестели шальным весельем и тревогой.

Ева тоже сделала движение к нему навстречу, но благоразумно осталась сидеть, улыбаясь и глядя на них.

Гюнтер, сжимая в руках прелестное тело своей... точнее, одной из своих девушек, вопросительно посмотрел на обеих и сказал:

— Лаура, Ева... Здравствуйте! А что это вы тут делаете?

Вроде бы вполне закономерный вопрос вызвал неожиданную реакцию. Лаура снова залилась смехом, Ева тут же поддержала её. Они смеялись так заразительно что Гюнтер сам невольно улыбнулся. Интересно, что тут вообще у них происходит? Отмечают какое-то событие?

Лаура попыталась что-то сказать, но смех мешал ей настолько, что она вдруг начала икать. Это ещё больше рассмешило девушку, и она обвисла в его руках, спрятав лицо у него на груди. Отчаявшись получить от неё ответ, Гюнтер вопросительно посмотрел на свою вторую девушку.

Ева откинулась на спинку дивана и, держа в руках бокал с шампанским, сказала:

— Гюнтер, я... то есть мы, очень рады, что тебя отпустили. А сейчас мы с Лаурой отмечаем твоё освобождение... Ну... — она замысловато взмахнула рукой, едва не пролив часть напитка на платье... — и ещё немного успокаиваемся... Когда Лаура мне рассказала что с тобой произошло, мы обе сильно переволновались. А шампанское... оно нам пом. ой. могло..

— Я вижу как оно вам помогло... — усмехнулся Гюнтер, бережно ведя Лауру к

диванчику с Евой. — Я бы сказал, оно очень сильно вам помогло.

— Ты намекаешь что мы пьяны? — деланно возмутилась Ева. — Вовсе нет! Мы обе немного вы. ой... выпили, но себя королируем... то есть, контролируем! — поправилась она и вдруг снова рассмеялась.

— Да-да, вы отлично себя контролируете... — смеясь, согласился с ней Гюнтер, усаживаясь рядом. Таким образом, Ева оказалась слева от него, а почти успокоившаяся Лаура, справа. Внезапно она встrepенулась и, взяв его за руку, страстно заговорила заплетающимся языком:

— Милый мой, ты должен поблагодарить Еву! Это она спала тебя и... ох, то есть, спасла! Боже, что я несу... — Лаура покачала головой и сумела продолжить. — Если бы не она, то тебя бы вряд ли выпустили.

— Лаура... — попыталась остановить её Ева, но девушка упрямо махнула рукой, слегка ударив Гюнтера по плечу.

— Ева, милая, не возражай, я правду говорю! — Глаза Лауры горели, она выпрямилась на диване и, держась за Гюнтера рукой, смотрела прямо на него. — Это она, по моей слёзной просьбе, пошла к фюреру и умоляла его простить тебя! Теперь мы оба в долгу перед ней, понимаешь?

В который уже раз удивлённый Гюнтер с признательностью посмотрел на Еву. Если всё так как говорит Лаура, то действительно, он теперь перед Евой в большом долгу. Иначе, сидел бы он сейчас в Тегеле и ждал трибунала, который, скорее всего, приговорил бы его к смерти. А Гитлер бы узнал об этом слишком поздно. Да и не факт что захотел бы его спасти после такого позора. Да, он нужный фюреру человек, но Гитлер иногда, в порыве ярости, поступает не так как надо или выгодно, а как велят эмоции.

— Лаура, поверь мне, я и сама бы похлопотала перед фюрером за Гюнтера. Я же знаю, он верный ему офицер да и просто... — она замаялась, подыскивая подходящее выражение —..просто очень хороший человек! И спасибо тебе, милая, что сразу прибежала ко мне и сообщила.

Гюнтер видел что она покраснела и избегала смотреть ему в глаза. Не выдержав, он взял её за дрогнувшую руку и слегка пожал в знак благодарности. Естественно, его благодарность не ограничится этим..

— Милая Ева, огромное тебе спасибо за то что ты меня спасла! Поверь, я в долгу не останусь и сделаю всё чтобы ты ни разу не пожалела об этом! — проникновенно сказал он, глядя её прямо в глаза. — Знай, теперь у тебя всегда есть... мужчина, который придёт к тебе на помощь в трудную минуту и поддержит тебя!

— Да, дорогая, Гюнтер такой! — поддержала его улыбающаяся Лаура и накрыла их руки своей маленькой ручкой. Ещё сильнее покрасневшая Ева осторожно высвободила руку и залпом выпила шампанское в бокале. Видимо, напиток попал не в то горло, и она закашлялась, взмахнув руками. Гюнтер тут же наклонился к ней, похлопав по спине, и Ева благодарно улыбнулась, когда смогла продышаться.

— Предлагаю тост! — громко сказала Лаура, улыбаясь.

— За что пьём? — спросил Гюнтер, разлив остаток шампанского между своим бокалом и Евой.

— Ну конечно за нашу дорогую, добрую, красивую спасительницу по имени Ева! — провозгласила Лаура. — И мою подругу! — добавила она.

— О, за это я с удовольствием выпью! — поддержал Гюнтер и, несмотря на вялые

протесты Евы, они дружно прикоснулись бокалами.

После этого Ева достала откуда-то ещё одну бутылку шампанского и празднование его освобождения продолжилось. Последовали тосты за самого Гюнтера, потом за верную Лауру, за фюрера, за Германию... В результате, Гюнтер не заметил как уже наступил вечер. Они все были уже изрядно пьяны. Девушки начали отмечать ещё до него и сейчас не то что стоять, даже сидеть могли с трудом, то и дело заваливаясь на спинку дивана или самого Гюнтера. Ему тоже неслабо ударило в голову, тем более, ночная попойка с друзьями аукнулась... Так сказать, на старые дрожжи... Проклятье, опять это русское выражение! Вот только причём тут дрожжи? Ах, да, из него же делают пиво... Или нет?... А, не важно!

Собрав мысли в более-менее стройный и логический ряд, Гюнтер попытался взять Лауру подмышку и распрощаться с Евой, чтобы ехать домой, но куда там! Пьяная Лаура оказалась той ещё упрямицей и наотрез отказалась ехать домой без своей новой подруги Евы. Ей внезапно приспичило показать девушке их квартиру и, после десятиминутных уговоров, которые, естественно, полностью провалились, они, взяв с собой вяло трепыхающуюся Еву, уже ехали на такси домой.

Подъём в квартиру оказался целой эпопеей. Вначале он попытался подняться наверх вместе с Лаурой, но на его глазах Ева, оставшись без поддержки, буквально начала сползать по стенке на пол, непрерывно хихикая. Вовремя сумев подхватить её, Гюнтер попытался оставить Лауру и поднять Еву, но и Цветочек не держалась на ногах... Тяжело вздохнув, он подхватил обеих девушек подмышки и, преодолевая собственную слабость и алкогольный туман в голове, начал подниматься наверх. К счастью, эту позорную картину не видела хозяйка, иначе вряд ли бы она была довольна.

С трудом дотащив девушек до квартиры, он прислонил оба женских тела к стене, рядом с дверью, и начал искать в кармане ключи. Тем временем, Лаура и Ева, обнявшись и смеясь, начали медленно сползать на пол.

— Боже... я та. ик!..такая пьяная... — с трудом проговорила Лаура, вцепившись в подругу.

— И не говори... — согласилась Ева, так же держась за неё. — А где... мы?

— Мы? — Лаура уставилась на него бессмысленным взглядом, пытаясь сфокусироваться. — Милый, а... где мы?

— Дома, девушки... — с трудом ворочая языком, проговорил Гюнтер. Проклятье, где же ключи? Он дважды просмотрел все карманы брюк и кителя, всё пусто. Наморщив лоб и прислонившись к стене, он закрыл глаза, пытаясь вспомнить где ключи. Наконец, его озарило. Ну конечно, вот он болван! Форма-то не его! Поэтому и ключей нет. Что же делать? Точно, ключи есть у Лауры!

Пошатываясь, он наклонился к девушкам, которые, прижавшись друг к другу, затихли... Скорее всего, уснули. С трудом открыв сумочку Лауры, он попытался найти ключи. В глазах всё плыло и, отчаявшись, он вытряхнул всё её содержимое на пол. Кошелёк, косметика, платок, расчёска, зеркало... Зазвенели монеты и связка ключей. Вот и они... Теперь возникла проблема, как их вставить в замок. Рука дрожала, замок двоился и троился... Нет, точно надо бросать пить! Однозначно! Первый загул привёл его в тюрьму, а теперь что? Опять напился... Да, повод, конечно, есть, но... Нет, к чёрту! Всё, больше ни капли!

Нащупав пальцами замочную скважину, он сумел вставить ключ и открыть дверь. Квартира встретила его сумраком и знакомым чувством дома. Гюнтер, запихав все вещи Лауры обратно в её сумочку, попытался растолкать девушек, но бесполезно, они только

невнятно бормотали и ещё крепче вцепились друг в дружку. Ладно, попробуем испытанный метод... Он начал щекотать Лауру и результат быстро появился. Девушка отцепилась от Евы и начала слабо трепыхаться, пытаясь отбиться от него. Довольно ухмыльнувшись, Гюнтер с трудом обхватил её за талию и потащил в спальню. В квартире была только одна кровать, и он решил положить девушек вместе. Проделав ту же процедуру с Евой, Гюнтер задумался, а где спать ему? На маленьком диванчике в гостиной? Там он не поместится, слишком высокий... На полу? Он скривился. Вообще-то, он у себя дома! Так что не надо тут..

Снова войдя в спальню, он посмотрел на девушек и внезапно улыбнулся. А почему бы и нет? Сначала он раздел Лауру, оставив на ней только чулки и трусики. Потом таким же образом раздел и Еву. А что? Можно сказать утром, что они сами разделись, просто не помнят... Гюнтер невольно засмотрелся на их тела. Лаура была более юной и стройной, но зато у Евы было более налитое тело гимнастки. По стройности она мало уступала Лауре, и её грудь была чуть крупнее. Любуясь ими, он чувствовал довольство собой. Они обе его девушки и он никому их не отдаст! Никогда!

Раздевшись, Гюнтер осторожно пролез между ними и, со вздохом облегчения, расслабился, чувствуя что сон набрасывается на него. Сегодня был чертовски сложный день... Начался он отвратительно, зато кончается очень даже неплохо. Что ж, утро вечера мудренее, по словам Алекса... Интересно, где он и что с ним? Может тоже лежит сейчас вместе с девушкой? Или с двумя, как он? Гюнтер улыбнулся и закрыл глаза. Уже через минуту он спал.

Берлин. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

— Ты издеваешься надо мной, Вальтер? — пытаюсь сохранить самообладание, спросил Гиммлер. Крепко сжав челюсти, он старался не поддаваться острому желанию обрушить на голову Шелленберга гром и молнии своего гнева. Воистину, Бог или дьявол смеётся над ним! Подумать только, этот чёртов Шольке только что был в его руках, без защиты фюрера, а теперь?.. Нет, надо успокоиться, незачем показывать подчинённым свои эмоции, он не фюрер, чтобы кричать, топтать ногами и брызгать слюной..

Он снова взглянул на Шелленберга, который стоял перед ним навтыяжку, бледный и растерянный. Почти успокоившись, он достал из шкафа бутылку коньяка, налил в бокал граммов сто напитка и залпом выпил. Переждал горячую волну внутри пищевода и, полностью взяв себя в руки, опустился за свой стол. Что ж, у него и раньше бывали неудачи, скорее всего, и потом будут, надо бы спокойнее относиться к такому. Но всё-таки обидно..

— Докладывай, Вальтер.

Шелленберг сглотнул и начал говорить:

— В соответствии с вашим приказом оберштурмфюрера Шольке поместили в тюрьму Тегель. Он был в невменяемом состоянии, ничего не понимал и не мог говорить. Когда я приехал туда и допросил коменданта тюрьмы, тот сообщил что примерно через час после прибытия Шольке ему позвонили из канцелярии фюрера и..

— Кто позвонил? — резко прервал его Гиммлер.

— Адъютант фюрера Отто Гюнше. Он сослался на приказ фюрера, немедленно освободить задержанного и доставить его в рейхсканцелярию. Комендант, как положено, попросил письменный приказ и через полчаса получил его за подписью фюрера. После этого он, со спокойной душой, передал Шольке приехавшему за ним штурмбаннфюреру СС

Мариусу Ланге, который и отвёз его к фюреру.

— Это всё? — спросил Гиммлер, не дождавшись продолжения.

— Так точно, рейхсфюрер!

— Очень интересно... — откинулся на стуле шеф СС. — Откуда фюрер так быстро узнал о задержании Шольке? Неужели, помимо наших агентов, он приставил своих собственных? Или кто-то из моих подчинённых успел сообщить ему?

Он пристально посмотрел на Шелленберга. Тот снова побледнел.

— Рейхсфюрер, я никому не говорил о наших планах, клянусь!

Гиммлер продолжал молча сверлить его глазами.

— Я... Я всегда верен вам, экселленц! Всё что я знаю о вас, никогда не уйдёт дальше меня! — убеждал его Вальтер, пытаюсь сохранить самообладание. Гиммлер смотрел на него и был почти уверен что Шелленберг, несмотря на всю показную верность, без сомнения предаст его если увидит в этом выгоду. Казалось бы, зачем тогда держать его рядом с собой? Почему бы не удалить его? Или вообще организовать «несчастный случай»? Ответ прост — больше некому. Другие сотрудники ещё хуже. Одни верны но беспросветно тупы, у них нет живого воображения и хитрости Шелленберга, благодаря чему тот мог справляться с его весьма щекотливыми поручениями. Другие, наоборот, имеют даже слишком много мозгов, зато на их верность Гиммлер не мог положиться ещё больше чем на Вальтера. Приходится выбирать лучшее из того что есть.

— Я верю тебе, Вальтер! — наконец соизволил произнести он. Что ж, такие вот встряски для его помощника весьма полезны, помогают поддерживать в тонусе его страх перед ним. — Но вопрос столь быстрого осведомления фюрера о задержании Шольке остаётся открытым. И я хочу знать... От кого фюрер узнал об этом? Ты понял?

— Так точно, рейхсфюрер! — выпалил Шелленберг. Гиммлер видел как по его виску стекла маленькая капля пота. Боится... Правильно делает.

— Используй все способы чтобы выяснить это в кратчайший срок. Если не будет результатов, я могу заподозрить что все твои слова о верности... всего лишь слова... — угрожающе сказал Гиммлер.

— Я узнаю это, рейхсфюрер! Клянусь вам!

— Свободен, Вальтер! — отпустил он его. Когда взмокший Шелленберг покинул кабинет, Гиммлер устало помассировал виски. Да... Очень неприятный сюрприз для него. Что ж, на этот раз не получилось, но кто сказал что в другой раз сорвётся?

19 апреля 1940 года. Москва.

Александр Самсонов.

Ночь прошла спокойно, хотя незнакомая квартира и кровать поначалу отгоняли сон. Но он смог заснуть и сегодня утром встал в отличном настроении. Его надсмотрщик Михаил уже возился на кухне, судя по запаху, готовил яичницу. Саша подозрительно осмотрел в ванной маленький, грязный обмылок и решил только сполоснуть лицо. Про зубную пасту и щётку говорить нечего из-за их отсутствия. Да уж, сервис тут не очень..

— Хорошо, что ты проснулся, Саша... — обернулся Михаил к нему от плиты. — Давай завтракай и пойдём закупаться продуктами. Честно говоря, я не люблю готовить, поэтому, начиная с сегодняшнего дня, будет приходить женщина, чтобы готовить и убираться в квартире. Кстати, приятного аппетита! — спохватился он.

— И вам того же! — вежливо ответил Александр. Они быстро умяли яичницу с хлебом.

запили чаем без сахара и уже через полчаса вышли на улицу. Солнце уже подбиралось к зениту, припекало, поэтому оба были в рубашках и лёгких брюках. Саша пожалел что тут пока нет шорт, по крайней мере, он их ни у кого не видел.

Они посетили один из магазинов одежды, выбор в котором изрядно огорчил его. Если рубашки ещё отличались каким-то разнообразием то брюки и пиджаки вогнали его в тоску. Мда... вот что значит отсутствие конкуренции... Всё шьют однообразно, выбирать нечего. Михаилу тоже ничего не понравилось. Они отправились в другой магазин, третий... но там всё было почти так же.

— Вот один из недостатков советской власти в моём времени, Михаил Алексеевич... всё однотонное и скучное. Вот в будущем... — Саша улыбнулся. — Там столько разной красивой одежды, на любой вкус и цвет, каждая фирма из каждой страны готова в лепёшку расшибиться ради того чтобы выделить свою одежду или обувь. А тут... — он безнадежно взмахнул рукой.

Михаил хмыкнул.

— А ты знаешь, что будет если мы впустим к себе фирмы капиталистов?

— Конечно! Появится конкуренция, повысится спрос, люди будут довольны... — с жаром сказал Александр.

— Это ещё бабушка надвое сказала. А вот то что нашим швейным фабрикам придётся туго, это факт. Станет меньше работы, людям будут платить меньше. Сам подумай, какой дурак впустит к себе конкурентов чтобы те отбивали у него покупателей. Никто не враг самому себе, Саша! — убеждал его персональный надсмотрщик, но это не убедило Александра.

— Да тут же всё просто! Люди будут покупать то что дешевле, красивее и качественнее. Значит, нашим фабрикам надо выпускать то что будет лучше чем у иностранных фирм!

— Верно! А если у нас и так всё хорошее и качественное, то зачем, спрашивается, впускать к себе конкурентов и позволять им сманивать к себе людей? — спросил Михаил, на время поставив Сашу в тупик. — Ты не понимаешь последствия такого шага. Допустим, женщине или мужчине понравилась иностранная одежда или обувь... Что тогда?

— Тогда он или она её покупает! — ответил Александр.

— Именно! — согласился Михаил. — А дальше что?

— Что? — не понял Саша.

— А то что таким образом мы приучаем людей к западному образу жизни. Сначала им понравится иностранная одежда, потом еда, машины... И закончится всё тем что простой советский человек станет заражён Западом! Станет потенциальным предателем и поклонником того же Запада! Отсюда вопрос... — Михаил повернулся к нему и уставился в упор. — А на хрена нам всё это надо?

Поражённый таким странным, на его взгляд, логическим вывертом, Саша промолчал. Хотя, в принципе, кое в чём этот Миша прав. Ведь ещё при Брежневле люди стали охотиться и добывать иностранные шмотки, а при Горбачёве это стало уже нормой. Понятно, власть боится того что в случае войны такие люди не захотят погибать за Родину и Сталина а станут разлагать общество своим импортом.

Нет, всё-таки Миша параноик, решил он. Наверное, во власти все такие. Сам себя он параноиком не считал и всегда презирал таких. Эти люди всегда настороже, всегда ждут какой-то неприятности, даже если её вероятность произойти ничтожно мала. Даже в книгах про попаданцев он не любил читать про таких... Вечно напряжённые, никому не верящие,

ожидающие подстав... По воле авторов это оправдывалось, но в реальной жизни всё не так. Например, он редко бывал готов к неприятностям, которые на него обрушивала жизнь, но всегда выбирался из них, принимая удары судьбы как что-то естественное. Потому что, как бы ты не был умён или силён, ты никогда не предугадаешь что с тобой случится. Поэтому дурацкий припев «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас!» всегда вызывал у него смех. Да миру вообще плевать на таких нагибаторов! Он любого сомнёт и не заметит. Любой человек для него — песчинка. Даже если это какой-нибудь президент или король. Да, в своей стране он фигура. А в мире? Даже Путин или Трамп могут влиять на другие страны постольку-поскольку, а уж про более мелкие фигуры вообще говорить не стоит. Так что параноики оправданы только в книгах или фильмах где им уже заранее приготовлены разные испытания.

Они прогуливались ещё часа два, потом Михаил решил закругляться. Но при подходе к дому к ним из ниоткуда подошли два человека в почти одинаковых костюмах и шляпах. Его надсмотрщик успел среагировать и, почти неуловимым движением, сунул руку за спину, но тут же расслабился.

— Слава? Зачем ты тут? — напряжённо спросил он. — И Костя?

— Спокойно, Михаил Алексеевич. Мы к вам в гости... — проговорил незнакомый парень, отозвавшийся на имя Слава. Он держал руки чуть в стороны, словно показывая что не замышляет ничего плохого. Второй, Костя, остался стоять чуть в стороне, посматривая вокруг.

— Одни? Или..

— Или, Михаил Алексеевич. Вы же знаете... — ответил Слава.

— Знаю... — протянул Михаил. — Он наверху?

Тот кивнул. Мгновение подумав, надсмотрщик повернулся к Саше и сказал:

— Поднимайся наверх, тебя там ждут. А мы пока здесь подождём, верно? — обратился он к Славе.

— Конечно, Михаил Алексеевич! — согласился с ним парень.

Только сейчас догадавшийся в чём дело, Александр пожал плечами и направился к дому. За его спиной Миша, Слава и Костя начали оживлённо обсуждать футбол.

Поднявшись на свой этаж, он вошёл в приоткрытую дверь квартиры, в которой его ждал уже знакомый молчаливый телохранитель Берии. Беглый взгляд по обстановке и запах из кухни сказал ему что, пока они гуляли, здесь явно побывала женщина. Всё было чисто, протёрто. К тому же в квартире витал запах супа... вроде бы, горохового. Желудок тут же заурчал, напоминая о себе, но Саше на этот раз было не до него.

Важный гость ждал его в гостиной. На этот раз вместо костюма, он был одет в белую рубашку с короткими рукавами и светлые брюки. В пуках он держал бокал с тёмно-коричневым напитком. Пиво? Хотя, не важно.

— Здравствуй, Александр... — сказал он. — Садись, поговорить хочу.

— Здравствуйте, товарищ Берия... — ответил Саша. — Что вы хотите знать?

Тот несколько замялся, его взгляд устремился в открытое окно, словно пытаясь оттянуть неизбежное. Видимо, устыдившись своих колебаний, Берия снова посмотрел на него и спросил:

— Сколько ещё осталось... Хозяину? — последнее слово он произнёс с трудом.

Саша вздохнул и решил не называть точную дату. Мало ли..

— Ещё не скоро, товарищ Берия. Больше десяти лет..

Глава НКВД медленно кивнул, погрузившись в себя.

— Значит, вот оно как... Это. хорошо! Да, очень хорошо! Можно многое успеть.

Он поднялся с дивана, подошёл к окну и уставился вдаль, медленно потягивая из бокала.

Расстегнул вторую пуговицу на вороте рубашки и одним большим глотком выпил напиток.

— А мне? — внезапно спросил Берия, обернувшись к нему.

Саша внимательно посмотрел на него.

— Вы точно хотите это знать? В смысле, я могу сказать, но..

— Да, я хочу это знать! — громко и немного нервно ответил тот. — И ещё — почему?

Удивлённый Саша замялся. Смелость Берии удивила его. Он сам, в таком случае, скорее всего, отказался бы от такого откровения. Знать, через сколько дней, месяцев или лет ты умрёшь и отсчитывать своё время... Нет, так с ума можно сойти. Некоторые вещи лучше просто не знать. Но, если Берия так хочет, что ж... Жизнь-то его.

— Вы умрёте в тот же год что и товарищ Сталин. Не своей смертью... — собравшись, сказал он. У Берии катнулись желваки на скулах. Он слегка ссутулился и снова отвернулся к окну, засунув руки в карманы.

— Кто? — резко спросил он.

— Это был не один человек, товарищ Берия. Вас... арестовали и судили за измену и шпионаж. Приговор — смертная казнь... — осторожно сказал Александр, чувствуя что идёт по минному полю. Какое-то неосторожное слово, глава НКВД сорвётся и... будет плохо.

— Меня за измену? И шпионаж?! — неверяще снова обернулся к нему Берия.

— Да... Вы же знаете, у вас много врагов среди верхушки страны. А когда товарищ Сталин умрёт, они захотят свести с вами счёты.

— Кто они? — буквально прорычал Берия, сверкнув стёклами очков.

— Я не знаю, товарищ Берия! — постарался сказать поубедительнее Саша, в то же время не показывая страх. — Я читал про это событие мельком. Не знал что окажусь здесь и мне это пригодится. Знаю только, что пока жив товарищ Сталин, вы в безопасности.

— А может ты знаешь, но скрываешь? — подозрительно спросил Берия. — Ты же антисоветчик! Тебе выгодно было бы вообще не рассказывать, но тогда мы могли бы выбить из тебя показания, верно? Поэтому ты можешь соврать, чтобы мы поверили и не трогали тебя. Что скажешь, Александр?

— Я говорю вам правду, товарищ Берия! — как можно убедительнее сказал он. — Да, я не в восторге от советской власти. Почему? Да потому что мне нравилась жизнь в том мире! Можно ездить куда хочешь, одевать, есть что хочешь, да и девушки там... хм! — в последний момент он остановился, поняв что в запале свернул не туда.

— Что там с девушками? — поинтересовался Берия.

Саша неожиданно для себя покраснел.

— Ну... там они... другие! — нашёл он подходящее слово. — Так вот, пусть я и не коммунист, но перед войной альтернативы советской власти просто нет. Да, во время войны, особенно в начале, наши генералы показали себя явно не с лучшей стороны... а уж всякие замполиты вообще были оторваны от народа, произносятся трескучие фразы и заезженные цитаты без учёта ситуации. Да о чём тут можно говорить, если по сводкам наша армия доблестно обороняется и наносит такие потери врагу что, казалось бы, ему наступать нечем! А в реальности немцы прут и прут, окружая наши войска! Враг захватывает города а в сводках об этом ни слова! Или через месяц только признают!

— А зачем? — внезапно прервал его Берия.

— Что «зачем»?

— Зачем надо будет в сводках сообщать об этом?

Саша изумлённо посмотрел на него.

— Да чтобы люди верили в эти сводки, вот зачем! Ведь каждая ложь подрывает доверие к партии и её руководителям! Например, город сдали, а люди думают что он ещё у нас... Куда это годится?

— Дурак ты, Саша! — припечатал его Берия. — А что, в твоём времени власть ничего не скрывает? Не верю!

Александр усмехнулся.

— Конечно, скрывает! Точнее, пытается. Но у нас там очень сильно развиты информационные сети, у каждого жителя есть в руках личные телефоны, поэтому скрывать информацию сложнее. Как какой-нибудь скандал, или резонансное преступление, начинается шум и власть вынуждена реагировать, даже если не хочет. Начинаются увольнения губернаторов областей, мэров городов, снимаются начальники УВД... в общем, некоторая реакция есть. Понятно, не всегда это работает, но... хоть иногда. А почему вы считаете что правда на войне не нужна? — спросил он.

Берия насмешливо посмотрел на него.

— Не понимаешь? Хорошо, расскажу. Я читал твои показания про начало войны. А теперь представь реакцию людей, когда им расскажут, что почти все наши ВВС разбомбили на аэродромах? Что меньше чем за неделю потерял Минск? Что в армейских и даже фронтовых штабах не представляют ситуацию и часто действуют наобум, по устаревшим сведениям? Что мы за полгода потеряем больше миллиона пленными? Что тогда будет, а? — Берия почти кричал ему в лицо.

Саша подавленно молчал, только сейчас начиная смотреть на ситуацию с другой точки зрения. Раньше, при обсуждениях на форумах, он как-то не задумывался о последствиях такой открытости и ругал Сталина за то что тот скрывал всё неприятное и сообщал людям только хорошие новости, которых тогда было очень немного.

— Понимаешь теперь, Александр? Запомни! На войне, любой войне, власть всегда будет замалчивать свои потери, неудачи и вообще, всё то что может подорвать доверие людей к власти и снизить желание сражаться. Иначе бунт и поражение! Никто не любит признавать свои ошибки!

Берия снова уселся на диван и посмотрел на него.

— Теперь давай продолжим, мы отвлеклись. Так почему ты думаешь что я поверю в твои слова?

Александр снова вздохнул. Одни, блин, параноики собрались..

— Потому что я не знал что сюда попаду! Да какое мне дело было кто вас осудил и зачем? Для меня это было при царе Горохе! И зачем мне было запоминать фамилии всех кто был в этой комиссии? Это было неинтересно.

Воцарилось молчание. Берия молча смотрел на него, видимо, решая его судьбу. Наконец, он спросил:

— Но, раз тебе ничего скрывать, значит, ты не против подвергнуться гипнозу?

— Зачем? — ошарашенно спросил Саша.

— Затем, что таким способом ты сможешь вспомнить то что давно читал или видел, но забыл... Не бойся, это отработанный способ и займёт он немного времени... — усмехнулся Берия.

Вот это фортель... И что теперь делать? Отказаться? А смысл? Его просто силком заставят и всё... А попытка сопротивления даст понять, что он точно что-то скрывает. Зато, если он пройдёт эту проверку, доверять ему станут больше. Наверное... Откровенно говоря, такой довод успокаивал слабо. А вдруг они узнают что-нибудь личное? Или вообще превратят его в овощ?

— Я так понимаю, отказаться я не могу? — стиснув зубы, спросил он.

— Можешь... — ответил Берия. — Но тогда, я буду почти уверен что ты враг советской власти и все твои слова лишь дезинформация. А значит, доверия к тебе никакого нет.

— Ладно, я согласен! — проронил Саша. — И когда?

— В ближайшее время. За тобой приедут. А теперь расскажи о... моих детях. Что их ждёт? — он весь подобрался.

— У вас будет только один сын. В смысле, официальный... Может, и от любовниц тоже... но не углублялся в это... — улыбнулся он, пытаясь отойти от мысли о гипнозе. — Серго... у него будет очень интересная жизнь. Он станет инженером-конструктором ракетных систем и радиолокации. Его имя будет знать много людей связанных с этой сферой.

— Хорошо... — Берия тоже улыбнулся. — Что ещё?

— Ещё... Я хотел бы сказать о ваших личных ошибках, товарищ Берия.

Он колебался, говорить об этом или нет, но всё-таки решил рискнуть. Берия снова подобрался. Его взгляд как шилом уткнулся в Сашу.

— Какие именно?

— Например, вы примерно в это время отдали приказ о расстреле пленных польских офицеров, которые..

— Откуда ты это знаешь?! — внезапно взорвался Берия. Но буквально тут же успокоился, быстрым движением сняв очки. — Точно, я забыл откуда ты... Значит, всё же докопались до этой истории.

— Конечно! Ведь расстреляли кучу людей, было множество свидетелей из числа бойцов НКВД и даже местных жителей. Расстрельщики поступили умно, используя немецкие патроны, но это не помогло. Потому что перестали приходить письма из лагерей родственникам поляков, да и потом немцы обнаружили массовые захоронения... Позже, когда разрыли ямы, в одежде убитых обнаружили письма и газеты датированные этой весной... да и другие были улики, я уже не всё помню. Вы всё отрицали но правда всё равно выплыла... — закончил Саша.

— Чёрт! — Берия глубоко задумался.

— Товарищ Берия... Я не обвиняю вас в этом. Более того, прекрасно понимаю. Я сам никогда не считал поляков братьями, хоть они и славяне. Мы и они всегда будем врагами, между нами слишком много пролито крови... Любой наш враг — их союзник. Вера разная. Но... расстреливать их было глупо. Я знаю, что вы расстреляли только тех кто был против нашей страны. Но самым лучшим решением было бы отдать их немцам, те сами их терпеть не могут. Или, хотя бы, отправить на союзные стройки, пусть работают на благо нашей страны.

Берия внезапно очнулся и посмотрел на него.

— Хорошо... Я передам товарищу Сталину эту информацию. Он будет решать. Есть ещё что-то важное?

— Да... Вспомнил. Судя по тому что я читал, вы остановили и отменили множество

строек всесоюзного значения после войны. Потом были сторонником возврата Германии Кенигсберга, и южных Курильских островов Японии. И наконец, про вас говорили что вы хотели чтобы все союзные республики отделились от Центра. Их главами были только местные люди, а не русские. Это привело к резкому обострению отношений внутри республик и притеснению русскоязычного населения в 50-е годы. Это огромная ошибка, товарищ Берия! — горячо убеждал его Саша.

Он видел, что Берия был напряжён как струна. И это неудивительно, ведь Александр наверняка залез в его самые тайные замыслы, выгреб грязное бельё. Саша надеялся, что всё это было лишь ошибками, а не злонамеренным умыслом по развалу страны. Иначе ему конец. Но у него не было выбора. Сталин с ним общаться не горит желанием, а кто кроме Берии может хоть что-то сделать?

Внезапно в комнату бесшумно вошёл давешний телохранитель и, подойдя к Берии, что-то зашептал. По мере того как глава НКВД слушал, его лицо всё больше становилось злым и растерянным. Саша гадал что случилось. Но вряд ли что-то хорошее, иначе Берия не выглядел бы так словно хочет убить всех вокруг.

Наконец, молчаливый охранник вышел из комнаты, а Берия ещё несколько секунд, не шевелясь, смотрел в пустоту. Вдруг Александра оглушили яростные грузинские ругательства, которые он не понимал. Бушевал Берия несколько минут, причём объектом ярости, к облегчению Саши, был явно не он.

Выпустив пар, Берия буквально рухнул на диван и, схватив со стола бутылку, налил полный стакан. пива? кваса? Залпом выпил его. Что там случилось, интересно, раз тот в такой ярости?

— Гадаешь, что случилось? — мрачно посмотрел на него Берия.

— Да... только это наверняка секретно. Так что вряд ли узнаю... — ответил он.

— Верно, это строго секретно. Вот только это, в некоторой степени, касается и тебя, поэтому расскажу.

Он провёл рукой по лицу и потом надел очки.

— Только что мне пришло подтверждение. Почти вся наша разведсеть в Германии разгромлена. Самые важные агенты либо арестованы гестапо либо мертвы. А от некоторых, что вышли на связь, пришли сигналы что они работают под контролем. Догадываешься, кто является причиной этого?

Ошарашенный Александр медленно кивнул.

— Да... Скорее всего, это Гюнтер... Вот, блин... Сволочь нацистская!

— Почему ты не сказал мне что он знал про наших агентов? — жёстко спросил Берия.

— Да потому что я сам не знал об этом... — растерянно ответил он. — Гюнтер ни разу не говорил об этом, а я и подумать не мог что он знает про такую информацию..

Берия несколько секунд внимательно смотрел на него и потом отрывисто сказал:

— Завтра или послезавтра поедешь на гипноз. Не советую пытаться уклониться от этой процедуры.

— Я понял... — убито согласился Саша. Чёрт, какая же это подстава от Гюнтера... Хотя, в принципе, логично, тот старается для своей страны, на его месте он сам сделал бы то же самое. Вот только имён немецких шпионов в СССР он не знает, в этом и проблема.

Тем временем, Берия накинул пиджак, лежащий на спинке дивана и пошёл к выходу. Саша молча провожал его глазами. Тот обернулся на выходе из комнаты и посмотрел на него. Кто знает о чём в это время думал второй человек в стране? Об этом знал только он

сам.

Когда затихли шаги Берии и его телохранителя, хлопнула дверь квартиры и воцарилась тишина, у Александра возник только один вопрос: Что же теперь будет?

Москва. Кремль.
Лаврентий Берия.

— Это правда? — глухо спросил Сталин у него.

— Так точно, товарищ Сталин.

Коба неторопливо подошёл к своему столу и стал перебирать бумаги. Берия стоял навытяжку и гадал: что теперь с ним будет? Отставка? Расстрел? Когда он получил известие об этом, то мелькнула мысль — не говорить. Попытался как-то исправить ситуацию самому. Но он тут же отбросил её. Слишком опасно! Любой сотрудник его ведомства мог стучать в обход него. И если Вождь узнает что Лаврентий скрыл от него такую новость... О последствиях он просто запретил себе думать. Надо идти и сдаваться, будь что будет..

— Что-нибудь известно о том как такое случилось, Лаврентий? — спросил Сталин. Внешне он был спокоен, разве что клубы дыма изо рта вырывались чаще.

— Все специалисты, которые в курсе, твердят что такое попросту невозможно. Ни один агент не знал всю сеть, максимум двоих-троих. Многие сотрудничают с нами не за деньги, а по убеждениям. Это невероятно, что все они вдруг решили сдать или сдать других. Была версия что сдал их кто-то из наших, отсюда. Но... — Берия замаялся, но всё-таки решил сказать. — Даже мои замы не знают всех агентов. Вся сеть не была связанной. Это были отдельные ячейки, работающие независимо от других. Всей информацией, которая могла бы вывести немцев на них, владел только один человек..

— Ты?

Берия глубоко вздохнул и сделал усилие чтобы голос остался спокойным.

— Так точно... я.

Сталин снова пыхнул трубкой и прошёлся возле него. Наставив на него трубку, он спросил:

— У тебя есть какое-то объяснение этому, а, Лаврентий? Или ты ничего не знаешь?

— Я думаю, у меня есть объяснение... но доказательств нет! — признался Берия.

— Говори! — разрешил его сомнения Вождь.

— Уверен, это работа того нациста из будущего... Гюнтера Шольке. Если исходить из этой гипотезы, то всё объясняется идеально. Он знал про всех наших агентов, имена, звания, должности. И теперь с удовольствием сдал всю информацию о них своему фюреру.

Сталин дошёл до своего стола и уселся на него, глядя на Берию непонятым взглядом.

— Допустим... Что говорит этот наш... перебежчик?

— Он тоже уверен в этом, товарищ Сталин. По его словам, этот Шольке боготворит своего фюрера и готов на всё чтобы помочь ему.

— Плохо, Лаврентий... очень плохо!

Берия промолчал. Возможно, всё обойдётся и он даже останется на своём месте..

— У нас там совсем никого не осталось? — докурив трубку, спросил Сталин, снова посмотрев на него.

— Остались, но... они очень мелкие, информация от них несущественная. В сущности, нас обезглавили. Теперь мы не знаем о дальнейших планах Гитлера и о текущей обстановке

в Рейхе. Точнее, можем только гадать как на кофейной гуще..

— То есть, только дипломаты в берлинском посольстве и... перебежчик? — уточнил Сталин.

— Так точно!

Несколько минут прошло в молчании. Вождь думал, а Берия ждал решения своей судьбы. Наконец, Сталин словно очнулся и заговорил:

— Есть мнение... Что этот Шольке представляет серьёзную опасность для нашей страны, Лаврентий. Мы больше не можем игнорировать угрозу с его стороны. Ты должен сделать так чтобы устранить эту угрозу, понял? Как можно быстрее.

— Я понял, товарищ Сталин. Но это займёт некоторое время. Нужно будет переправить нужного человека в Берлин. К тому же сам Шольке довольно опытный тип..

— Хочешь сказать, что твой человек не сможет устранить эту проблему? — прищурившись, прервал его Сталин.

— Никак нет, товарищ Сталин! Хочу сказать что потребуется время, возможно, несколько недель... — ответил Берия, ещё больше вытянувшись.

— Хорошо, Лаврентий. Даю тебе срок — месяц! Надеюсь, столько времени тебе хватит? — великодушно разрешил Вождь.

— Так точно, хватит!

— Вот и хорошо! Можешь идти..

Берия уже хотел выйти но вдруг вспомнил.

— Товарищ Сталин..

— Что ещё? — отозвался тот недовольно.

— Этот Александр сегодня рассказал мне что знает о решении вопроса с поляками... Теми самыми! — подчеркнул он.

Сталин медленно подошёл к нему.

— И что?..

Берия рассказал всё что узнал от Александра и Сталин опять задумался.

— Сколько уже расстреляно? — спросил он.

— Мы только начали, товарищ Сталин. Примерно тысячи две... — мгновенно прикинул Берия.

— Значит, всё же там узнают? — рассеянно спросил он.

Снова неторопливо раскурив трубку, Вождь заговорил:

— Если так, то... верните их всех в лагеря. Позже мы решим что с ними делать.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! Разрешите идти?

— Иди, Лаврентий, иди..

Выйдя из кабинета Сталина и, натолкнувшись, на вопросительный взгляд Поскребышева, Берия мысленно выдохнул: обошлось! По этому поводу не мешало бы выпить... и пообщаться с девушкой. Конечно, после работы!

19 апреля 1940 года. Берлин.

Гюнтер Шольке.

«А всё-таки отличную машину мне подарили!» — улыбаясь, подумал Гюнтер. Мягкий ход, отделка салона, хорошая скорость... Конечно, до моделей двадцать первого века ей далеко, но для начала 40-х очень даже неплохо.

Он забрал машину сегодня утром, заехав в автомастерскую. Дверь выглядела как новенькая, сверкая чистой, лакированной поверхностью. Мастер пояснил что легче было поставить новую дверь чем пытаться выровнять вмятину и Гюнтер, не жалея, заплатил. Всё-таки сам виноват, так что нечего экономить. Зато теперь машина снова выглядела как с завода. Утром он отвёз Лауру на работу, а Еву посадил недалеко от её фотоателье.

Конечно, наружное наблюдение снова сторожило возле дома но теперь он не стал даже пытаться бегать от них. Зачем? Они уже видели его вместе с Евой, поэтому не заподозрят ничего, если он будет, время от времени, навещать её. К тому же маловероятно что ему снова дадут проверить тот же фокус как раньше. Агентов, вроде бы, стало больше, незачем рисковать и устраивать погони как в каком-нибудь фильме.

Сейчас он ехал на встречу с Паулем, проводить его на фронт. Друг отправлялся с вокзала Лертер, после полудня, экспрессом до Кёльна через Ганновер. Руки автоматически крутили руль, глаза следили за дорогой, а ноги нажимали на педали... Мозг же упорно пытался решить одну маленькую загадку, которая занимала его мысли с самого утра. Гюнтер до сих пор не был уверен что это было не сном, ведь он довольно сильно набрался, а в спальне было темно..

...Среди ночи он почувствовал как на его тело кто-то лёг. Чья-то нежная ручка нашла его член и за несколько минут возбудила его так что он стоял, готовый к новому штурму, который и последовал незамедлительно. При этом незнакомка издала тихий, протяжный стон и начала движения бёдрами, сначала медленные, а потом всё быстрее и быстрее.

Разглядеть девушку он не мог, в комнате было темно, к тому же алкогольный туман снова заволок его мозг и не давал ему попыток понять какая из двух его красавиц вздумала вдруг трахаться, не стесняясь своей новой подруги. Глаза видели лишь смутный силуэт на его бёдрах, даже грудь была не видна в темноте. Девушка ничего не говорила, только тихо стонала, когда насаживалась на него. Единственное, что он смог, это поднять руки чтобы хоть на ощупь определить кто это такая смелая, но... Ева? Лаура? мягко положила свои руки на них и опустила обратно. Почувствовав, что он вот-вот кончит, она сползла с него и успела обхватить член своим ртом, с возбуждающим чмоканьем принимая его сперму.

После этого, судя по ощущениям, она аккуратно слизала остатки с органа и сползла куда-то вниз. К тому времени когда он, вяло соображая, догадался пошарить руками рядом с собой, оказалось, что его снова окружают две девушки. Эх, надо было сделать это раньше, так бы он понял кто из них вдруг захотел среди ночи немного поскакать на нём, но увы... Как говорится, поезд ушёл, а удовлетворённый Гюнтер снова заснул.

Утром, когда Гюнтера разбудили, он внимательно посмотрел на обеих красавиц. Но и тут ничего не смог узнать. И Ева и Лаура выглядели одинаково помятые и смущённо отводили от него глаза, жалуясь на головную боль и извиняясь за своё поведение накануне.

Сейчас он больше склонялся к мысли что это была всё-таки Лаура, она полюбила делать минет, в то время как от Евы он такого ещё не получал. К тому же, вполне возможно, пьяная Лаура могла вообще забыть про лежащую рядом подругу и, совершенно естественно, залезть на своего мужчину, когда захотела секса.

Но твёрдо быть уверен он не мог. Ева тоже была сильно пьяна и могла вдруг настолько сильно захотеть его что не стерпела. В конце концов, его дар от богини действует на девушек, чем больше тем сильнее, так что даже скромницу Еву нельзя сбрасывать со счетов.

Тем временем, он подъехал к вокзалу. Тот располагался почти в центре города. В далёком будущем над ним будет установлена большая стеклянная крыша, сейчас же, вместо неё, был огромный сводчатый потолок. Гюнтер знал, что во время войны вокзал был разрушен, но надеялся, что благодаря ему, теперь этого можно избежать.

Оставив «Опель» на стоянке, недалеко от здания, Гюнтер вошёл внутрь, под своды вокзала, и его оглушил разноголосый шум. Обрывки голосов сотен людей, свистки пара и лязг сцепок... всё это напоминало грандиозный хаос, но так только казалось. На самом деле всё работало чётко, как и положено среди самой дисциплинированной нации в мире. Никто не бегал, потеряв свой вагон, поезда приходили и уходили чётко по расписанию.

Осмотревшись, он заметил большую толпу эсэсовцев на третьем пути. Их было больше сотни, начиная с обычных шутце и заканчивая целым штандартенфюрером. Подойдя к ним, Гюнтер понял, что большинство людей состоит из его родного «Лейбштандарта», к тому времени развёрнутого в усиленный моторизованный полк. Солдаты и офицеры СС были в прекрасном настроении, балагурили и шутили, казалось, они были только рады отправке на фронт. Поспрашивав нескольких из них, Гюнтер нашёл Пауля, болтавшего с другими парнями.

— Привет, дружище! — хлопнул он его по плечу. — Готов снова воевать за наш фатерланд?

— О, Гюнтер! — обернулся к нему Пауль, отвлёкшись от разговора. — Ты всё-таки смог вырваться сюда чтобы попрощаться перед отъездом? Честно говоря, не ожидал такого подарка... Думал, что теперь снова долго не увидимся.

— Ты что, Пауль? Чтобы я не попрощался с тобой? — со смехом спросил Гюнтер. Он дружески обнял приятеля за плечи и повёл его чуть в сторону от толпы. — Рассказывай, как ты?

Пауль улыбнулся, глядя на него.

— Со мной всё нормально... Кстати, ты почему сбежал позавчера ночью, дубина? Мы с твоими друзьями хорошо расслабились в борделе. Мм... там такие девочки, ты бы знал! — мечтательно протянул он. — Мастерицы хоть куда! И берут недорого..

— Нет, спасибо! — расхохотался Гюнтер. — У меня есть с кем заниматься постельной акробатикой. Причём, она спит только со мной... Да и платить не надо! От добра добра не ищут! — снова вылезла из него поговорка Алекса.

— От добра добра... не ищут? — удивился Пауль. — Хм... интересная фраза, друг! Никогда такого не слышал. Но что-то в этом есть... — медленно кивнул он своим мыслям.

— Ладно, лучше расскажи, куда именно тебя направляют? — поинтересовался Гюнтер.

— В первый штурмовой батальон, командиром роты, представляешь? Очень надеюсь, что мы будем первыми кто начистит рожу союзникам! — с восторгом сказал Пауль. Его глаза горели и Гюнтер заметил этот блеск. Его друг, как и многие эсэсовцы, не боялся смерти и смело поднимался в атаку во время польской кампании.

Неопытные бойцы «Лейбштандарта» под руководством своего командира Зеппа Дитриха в своих первых боях, к сожалению, не оправдали возлагаемых фюрером надежд. Даже не вступив в бой они уже понесли серьёзные потери от огня польской артиллерии, которые, впрочем, нисколько их не смутили. К тому же они умудрились попасть в окружение и только решительные действия "Вермахта" смогли исправить ситуацию. В общем, как говорят русские «Первый блин комом».. Ходили слухи что штандартенфюрер СС Феликс Штайнер зло высмеял «Лейбштандарт» назвав их «асфальтовыми солдатами», добавив при этом, что чистить свои сапоги они могут лучше чем воевать.

— Даже не сомневаюсь в этом, дружище! — поддержал его Гюнтер. — Ты же знаешь знак нашей части — ключ? Это значит, что мы всегда откроем дорогу вперёд.

По правде говоря, он немного лукавил. "Лейбштандарт" выбрал ключ своим знаком в дань уважения к своему командиру Зеппу Дитриху, фамилия которого была созвучна. И неудивительно ведь старина Зепп искренне заботился о них, выбивал для своей части лучшее вооружение и снабжение.

Пауль горячо поддержал его:

— Ты абсолютно прав, Гюнтер, так и будет! Жаль, конечно, что мы расстаёмся... — с грустью продолжил он. — С тобой вместе мне было бы намного веселее.

Гюнтер заколебался, но решил сказать. В конце концов, это уже не тайна, а подбодрить друга хотелось.

— Пауль... в общем, хочу сказать тебе... мы расстаёмся ненадолго.

— Что? В каком смысле? — не понял тот.

— В том смысле что скоро я присоединюсь к тебе на Западе. Скорее всего, через пару недель... — обрадовал его Гюнтер. Рот Пауля неверяще растянулся в широкой ухмылке:

— Ты шутишь, друг? Насколько я помню, в баре ты говорил другое... что-то там про занятость..

— Всё верно, но вчера я обдумал твоё предложение и написал рапорт самому фюреру... — решил немного приукрасить ситуацию Гюнтер. Не нужно другу знать что он так нелепо опростоволосился.

— Самому фюреру? — удивился тот. — И что? Он согласился?

— Ты же знаешь нашего фюрера, зачем спрашиваешь? Разве может он быть против того чтобы его лучшие солдаты сражались за наш Рейх? — укоризненно спросил он, покачав головой.

— Ты прав, я полный болван! — засмеялся Пауль, хлопнув его по плечу. — Чёрт побери, ты здорово обрадовал меня! Теперь я с нетерпением буду ждать твоего приезда, а уж если тебя направят в наш штурмбанн... Это будет прекрасно! — размечтался Пауль.

— По вагонам!!! — внезапно раздался крик незнакомого штандартенфюрера, который так и не сменил свою чёрную форму на полевую. Солдаты и офицеры задвигались, торопливо прощаясь со своими родственниками и подругами, которых оказалось на перроне довольно много. Кое-где раздался женский плач, последние ободряющие напутствия..

... — Милый, ты только береги себя, слышишь? Я люблю тебя!.. — рыдала хорошенькая девушка на груди у унтершарфюрера.

... — Мальчик мой, сынок, следи за своим горлом, сейчас ещё по утрам прохладно!.. — Мама, прекрати! Я уже давно не маленький! Всё, иди домой!.. — двухметровый громила роттенфюрер пытался осторожно отстранить от себя маленькую женщину, которая едва доставала ему до груди.

... — Ульрих, я не знаю когда вернусь. Поэтому ты теперь в доме за старшего, понял? Береги маму и сестрёнку! — присев перед мальчиком в шортах лет десяти, говорил крепкий белобрысый шарфюрер. — Да, папа, я понял! А ты привезёшь мне пистолет?..

— Ну... давай прощаться, Гюнтер! — раскрыл ему объятия Пауль. Они крепко обнялись, и Гюнтер почувствовал, как у него защипало в глазах. Это удивило его. Всё-таки Пауль не его друг а прошлого хозяина тела... Видимо, какие-то остаточные чувства остались от него? Нет, ему самому Пауль тоже нравился, но такого он от себя не ожидал.

Раздался свисток и люди начали подниматься в вагоны. Пауль оторвался от него и подошёл к подножке своего вагона.

— Я буду ждать, Гюнтер! Просись в первый штурмбанн! — с этими словами он залез в тамбур.

— Обязательно, Пауль! — кивнул ему Гюнтер и взмахнул рукой.

Скоро раздался второй свисток и состав медленно тронулся, окутавшись клубами пара от паровоза. Из раскрытых окон махали улыбающиеся солдаты, люди на перроне им отвечали, у многих на глазах были слёзы. Их родные и близкие отправлялись на войну, и кто знает сколько из них вернётся обратно?

Гюнтер провожал глазами поезд пока он не исчез вдаль. Тяжело вздохнув он, не торопясь, направился на площадь перед вокзалом, к своей машине. Заведя двигатель, мягко тронулся с места и поехал домой.

Поставив «Опель» перед домом, он поднялся наверх и хотел немного вздремнуть, но помешал звонок телефона в прихожей. Пробурчав проклятье, Гюнтер направился к нему.

— Шольке у телефона. С кем говорю? — не слишком приветливо спросил он.

— Гюнтер, это вы? — неуверенно прозвучал в трубке смутно знакомый женский голос. Нахмурившись, он пытался вспомнить... Ну конечно, как он мог забыть?! Это же Аннелиза!

— Здравствуйте, Аннелиза! Как жизнь? Что у вас нового? — улыбнувшись спросил он.

— Гюнтер! — радостно вскрикнула женщина. — Как я рада что, наконец-то, дозвонилась до вас! Я звонила и вчера и сегодня, никто не отвечал... Где вы были?

— Я... — он задумался, что бы сказать? Но решил ответить обтекаемо: — У меня было много дел, вот только сейчас освободился.

— Правда? Это очень хорошо! — обрадовалась она. И внезапно спросила: — Значит, вы сейчас свободны?

— В общем-то, да... А что? — заинтересовался он.

— Мы с Катариной тут недалеко от вас. Хотим прогуляться в Тиргартене. Составите нам компанию? — просительным тоном ласково предложила женщина.

Гюнтер задумался. В принципе, ему сейчас заняться нечем. Была мысль напрячь голову и постараться вспомнить что он там забыл про перспективные разработки в авиации, но... какого чёрта? Времени навалом, это никуда не убежит, а вот прогуляться с двумя красивыми женщинами, которые испытывают к нему истинную симпатию... В общем, выбор очевиден!

— Конечно, очаровательная спасённая! Не могу отказать красивой женщине. А если их две, то капитулирую тем более! — весело ответил он. В трубке раздался радостный смех Аннелизы.

— Очень хорошо... Кстати, тут Катарина тоже хочет передать вам привет! Дать трубку ей?

— Передавайте! — великодушно разрешил Гюнтер.

— Здравствуйте, наш спаситель! — передала трубка ласковый голос Катаринины. — Как у

вас дела?

— Спасибо, всё хорошо! А вы как? — спросил он, наслаждаясь её голосом.

— И у нас всё отлично! Приходите в парк через час, хорошо?

— А вы откуда звоните? — поинтересовался Гюнтер.

— Мы звоним из отеля «Адлон», сейчас пообедаем и поедem в парк... — начала рассказывать дальнейшие планы Катарина, но Гюнтер перебил её и внёс изменения:

— Я заеду за вами через полчаса. На машине.

— О, это не обязательно, Гюнтер! Вы можете ехать на такси прямо в парк..

— Нет, вы не поняли, Катарина. Я заеду за вами на своей машине! — уточнил он.

В телефоне ошеломлённо замолчали.

— У вас появился автомобиль? — наконец нарушила молчание женщина. Голос её был удивлённым, что было вполне понятно. Купить машину на жалование младшего офицера СС довольно трудно. Во-первых, цена кусается, во-вторых, производство гражданских автомобилей для простых людей было небольшим, так как заводы уже перешли на выпуск военных грузовиков и броневых автомобилей. Действующая армия, несмотря на «странную» войну, требовала всё больше техники, не считая тех машин которые шли для новых формирующихся частей.

Гюнтер усмехнулся.

— Да, Катарина, появился. Причём, совершенно неожиданно.

— Как это? — снова удивилась она.

— Давайте, я расскажу позже, когда встретимся? Сейчас мне некогда всё подробно объяснять... — нетерпеливо сказал Гюнтер. — Я выезжаю.

— Хорошо, мы ждём! — ответила Катарина и положила трубку.

Он быстро привёл себя в порядок и уже через минут двадцать подъезжал к зданию отеля. В отличие от нового здания, старое состояло не из шести, а всего пяти этажей, возле входа стояло много сверкающих лаком автомобилей, а также машин такси. Швейцар открыл перед ним дверь, едва Гюнтер подошёл близко, и он оказался в обширном холле, где в креслах и на диванчиках сидело десятка два людей, читая газеты и разговаривая между собой. Возле стойки регистратуры стояли ещё несколько человек, видимо, прибывшие или покидающие отель.

Настоящий расцвет «Адлона» пришёлся на период монархии, когда его стали посещать разные высокопоставленные аристократы и королевские особы. Русский царь, индийский махараджа и другие важные особы останавливались там, чтобы насладиться хорошо отапливаемыми номерами с горячей водой и фирменными блюдами «Адлона» — филе морского языка и телячий стейк. После войны, в 20-е, его стали посещать богатые американские путешественники, которые и разрекламировали его за океаном. Приход к власти нацистов плохо сказался на доходах отеля. Путешественников и туристов становилось всё меньше, Олимпиада 1936 года ненадолго позволила отелю вновь блеснуть, но потом всё вернулось на круги своя. Теперь, несмотря на внешнюю пышность, «Адлон» переживал явно не лучшие времена.

Гюнтер осмотрелся по сторонам, пытаясь найти женщин, но не смог. Походив пару минут, он уселся в кресло и принялся ждать. Внезапно сзади появились две женские ладошки, которые закрыли ему глаза, и раздался сдавленный смех.

«Подкралась, всё-таки, чертовки!» — улыбнулся он.

— Привет, Гюнтер! Скажи, кто закрыл тебе глаза, я или Катарина? — раздался совсем

близко голос Аннелизы. Ответ был очевиден и он уже хотел ответить, как услышал Катарину, она тоже стояла вплотную к нему.

— Да-да, Гюнтер, только не подглядывай! — сказала она.

— Хорошо, договорились! — улыбнулся он. Подумать только, женщинам почти под сорок, хоть и выглядят гораздо моложе, а ведут себя как девочки-подростки. — А что мне за это будет, если угадаю? — решил он продолжить игру.

— Что будет? — удивились они. — Ну... Точно! Если ты угадаешь кто из нас закрыл тебе глаза, то она тебя поцелует... конечно, в щеку! А если нет, то..

— То я поцелую проигравшую, чтобы ей не было обидно! — со смехом ответил Гюнтер. Обе дамочки тоже рассмеялись и согласились. Осталось лишь определить озорницу.

В сущности, сделать это показалось нетрудно. Женские ручки пахли знакомыми духами, вот только чьими? Он точно помнил что такими, с запахом сирени, пользовалась... хм. Аннелиза? Или Катарина? Вот проклятье! И на ощупь не поймёшь, у них обеих маленькие ладошки с нежной кожей.

Наконец, Гюнтер устал гадать и положился на интуицию. Даже если проиграет, свой поцелуй он получит.

— Это Аннелиза! — отчётливо сказал он. Ладошки тут же исчезли, открыв ему ярко освещённый холл, а сбоку возникло радостное лицо Аннелизы, которая с чувством поцеловала его в правую щеку и тут же вытерла свою помаду платочком. С другой стороны стояла тоже улыбающаяся Катарина.

— Скажи, как ты узнал что это я? — спросила Аннелиза, когда он встал с кресла.

— Очень просто... по запаху духов на твоих руках... — хитро улыбнувшись ответил Гюнтер. Женщина удивлённо посмотрела на свои руки, переглянулась с Катариной и обе снова рассмеялись.

— Ну вот, выдала ты себя... — протянула Катарина. — Наверное, специально, а? — подмигнула она ей.

— Нет, Кати, уверяю тебя, я и не думала про запах духов! — принялась уверять подругу в обратном. — Просто Гюнтер оказался умным и хитрым.

— Стараюсь всегда быть таким! — поддержал её Гюнтер. — А теперь утешение для проигравшей... — с этими словами он слегка приобнял стройное тело Катарины и поцеловал её в щеку. — Ну что, все в расчёте? Поехали гулять? — спросил он двух подруг.

Внезапно он вспомнил что забыл сделать очень важную вещь..

— Извините, дамы, но за всей этой историей забыл сказать, что вы обе выглядите просто сногшибательно! Мне будут завидовать все мужчины! — широко улыбнулся Гюнтер.

И правда, обе дамы хорошо постарались чтобы не ударить перед ним в грязь лицом.

Аннелиза была одета в свободное сиреневое платье ниже колен, которое обтягивало её грудь и талию. Декольте не было большим, но узкий вырез позволял нескромному взгляду Гюнтера увидеть ложбинку между грудями, чем он тут же и воспользовался, отчего женщина слегка покраснела. На голове была замысловатая причёска, которую наверняка делали не меньше часа. Стройные ноги были обуты в неизменные туфли на каблук, а на правой руке красовались элегантные дамские часики. Подмышкой маленькая прямоугольная чёрная сумочка.

Катарина не уступала ей. Она тоже соорудила на своей голове сложную причёску, и Гюнтер терялся в догадках, как ей это удалось. На женщине была бирюзовая блузка и свободная голубая юбка чуть выше колен, на локте тоже была сумка, а на ногах босоножки...

на каблуках.

Похоже, обе дамы поняли что он равнодушен к стройным ножкам именно в такой обуви и теперь старались перещегоолять друг друга. Что ж, он только за! Долой женские кроссовки и тапочки из будущего, да здравствуют каблуки!

— Спасибо большое, Гюнтер! — отозвалась Катарина. — Тебе нравится?

— Конечно, что за глупый вопрос? — удивился он. — Вы сами по себе очень красивы, а в такой одежде вы просто невероятно сек... хм! — в последний момент Гюнтер сумел остановить свой язык, но, кажется, они поняли что он имел в виду, потому что обе покраснели и улыбнулись, опустив глаза.

Чтобы как-то замять ситуацию, он молча подхватил женщин за талии и повёл к выходу, сопровождаемый любопытными взглядами всех кто был в холле. Гюнтер понимал как это выглядит со стороны: молодой, высокий эсэсовец обнимает двух красивых женщин чуть ли не в два раза старше себя. Да и плевать! Главное, им всем троим хорошо, а на мнение других ему всё равно. Вообще, он считал что в отношениях с прекрасным полом надо быть по хорошему наглым. Обе женщины ему нравились, как внешне так и при общении, так чего стесняться? Тем более, они сами не возражают. В его будущем, которое уже прошлое... ха, интересная аллегория!.. многие немцы просто боялись даже просто подходить знакомиться, вдруг девушка решит что это домогательство и заявит в полицию? А здесь, в этом смысле всё как положено. Мужчина главный, он проявляет инициативу, и все девушки и женщины воспринимают это как должное. Эх, сюда бы сейчас интернет, всякие гаджеты... Хотя, глупо пенять на судьбу. Богиня дала ему шанс исправить историю, и если получится, то всё будет так как надо. И женщины тоже.

Он иногда удивлялся сам себе. Казалось бы, у него есть идеальная Лаура, красивая, сексуальная, хозяйственная, любящая... Что ещё надо? Но при этом его тянуло и к Еве. Сильно тянуло... А теперь он чувствовал что если откажется от Аннелизы и Катарины то будет всегда жалеть об этом. Вот как так может быть? И совесть, как ни странно, молчит на эту тему. Гюнтер прекрасно понимал, если Лаура узнает про Еву, что они уже были вместе... то будет скандал и вряд ли всё закончится битьём посуды. А уж если ещё про этих двух его дамочек... В общем, надо было бы остепениться и сосредоточиться на одной, но... он НЕ ХОТЕЛ!!! Пусть он бабник, дон Жуан, Казанова... к чёрту! Видимо, такова его натура кобеля, перетоптать побольше сук и привязать их к себе, сделав гарем. Именно гарем, а не львиный прайд, где самки были сильными, хоть и подчинялись льву. Нет, его вполне устраивало что они всецело будут полагаться на него, иначе будут пытаться подчинить его себе. Он сильный, выдержит! И в плане секса тоже.

Услужливый швейцар снова открыл им двери и они вышли на улицу. Гюнтер галантно раскрыл переднюю пассажирскую дверцу и обе женщины попытались сесть, едва не столкнувшись. Молниеносный обмен взглядами, принуждённая улыбка и дамы со смехом уселись сзади. Он молча пожал плечами и сел за руль.

— Скажи, Гюнтер, как у тебя появилась машина? — вернулась Катарина к прошлой теме, когда они уже ехали в парк.

— Да, мне тоже интересно, расскажи! — тут же встрепенулась Аннелиза.

Гюнтер посмотрел на них через зеркало заднего вида. Обе сидели возле дверец, пытаясь не касаться друг друга. Так, похоже начали немного ревновать... Это никуда не годится, надо как-то исправлять. Он не хотел чтобы они ссорились из-за него.

— Да нечего особо рассказывать... — сказал он, следя за дорогой. — Вы же помните,

что вместе с вами я спас баронессу с её дочками?

Женщины утвердительно кивнули, с интересом глядя на него.

— Так вот, пока я лежал в клинике, оказалось, что баронесса решила щедро отблагодарить меня за спасение. Вот так у меня и появилась машина... — закончил он. В салоне воцарилось молчание. Дамы погрузились в раздумья, потом вдруг зашептались, иногда постреливая на него глазами. Гюнтер слегка покачал головой, похоже, опять что-то затевают...

— Гюнтер! — начала Аннелиза и замолчала. Открыла рот и замолчала, покраснев. Красноречиво посмотрев на подругу, Катарина слегка пихнула её и, не дождавшись реакции, закатила глаза. Гюнтер уже заметил, что Катарина была более смелой чем Аннелиза, и спросил её:

— Что?

Катарина закусилла свою губку и решительно заговорила.

— Гюнтер, у Аннелизы день рождения 22 апреля..

— О, поздравляю заранее! — сказал он, улыбнувшись.

— Спасибо... Но я хотела сказать... То есть, мы хотели пригласить тебя к нам. Верно, Аннелиза? — обратилась она к подруге. Та лишь кивнула, избегая смотреть на него. Она теребила ремешок сумочки и смотрела в окно. Несколько секунд посмотрев на неё, Катарина взяла и... ущипнула её за руку.

— Ай! — вскрикнула та и возмущённо уставилась на подругу. — Зачем ты щипаешься?

— А ты не веди себя как школьница! Вообще-то, мы договорились что это ты его... ой! — закрыла она рот рукой и округлила глаза.

Гюнтер не выдержал и рассмеялся. Нет, право слово, умиляет смотреть на двух таких красавиц, которые, несмотря на возраст, остались в душе такими же молодыми девчонками как и раньше. Ему было с ними легко и приятно, так сказать, на одной волне.

— Так, девочки, я понял. Раз вы приглашаете меня, то я обязательно приду... или приеду. А где будете отмечать? — поинтересовался он.

— В нашем особняке. Ну, там где мы сейчас живём! — снова оживилась Аннелиза.

— Хорошо, через три дня я буду у вас! — заверил их Гюнтер. Повод снова встретиться с этими озорницами понравился ему. Правда, теперь надо было озаботиться подарками... Пожалуй, тут ему понадобится помощь Лауры или Евы. Всё-таки они лучше знают что можно подарить женщине на день рождения.

— Спасибо, Гюнтер! Я... Мы будем тебе очень благодарны! — она положила ему руку сзади на плечо и слегка сжала.

Дальше они ехали в молчании. Точнее, это он не участвовал в разговоре, следя за дорогой, а дамы продолжали о чём-то шептаться, иногда прыская от смеха. Скоро они добрались до парка и Гюнтер поставил машину перед входом, недалеко от лавки цветочницы, у которой покупал цветы для Евы. На этот раз он не оплошал и сразу купил обеим своим женщинам по букету. Оказалось, Аннелизе нравятся белые розы, а Катарине хризантемы. Получив букеты, они глубоко вдохнули их аромат и с чувством поцеловали его в щёки с двух сторон. Интересно, это их собственная инициатива или к такому подталкивает дар богини? Ведь она сказала что чем больше женщина будет находиться рядом с ним тем сильнее в ней станет развиваться тяга к нему, Гюнтеру.

Потом они прогуливались по дорожкам парка, наслаждаясь лесным воздухом и слушая щебет разных птиц, населявших этот кусок природы в центре города. Дамы как-то сразу

распределили его между собой, одна взяла его под руку слева, другая справа. Гюнтер не имел ничего против, ведь локтями он чувствовал мягкую грудь обеих. Хотя и не было твёрдой уверенности что они это чувствуют, но и возражений тоже не оказалось.

— Гюнтер, а расскажи о себе, пожалуйста! — внезапно спросила Катарина, когда они зашли вглубь парка.

— Да, нам это очень интересно! — поддержала её подруга.

— Хм... даже не знаю что вам рассказать... — развёл он руками. — Ну ладно, слушайте...

Гюнтер вкратце рассказал свою историю жизни, точнее, историю тела в которое он вселился. Дамы слушали внимательно. Как только он закончил, Аннелиза спросила:

— А у тебя есть девушка? — её голос был напряжён, а глаза впились в его лицо.

Гюнтер усмехнулся. Так вот ради чего был затеян разговор! Что ж, он ответит честно. Конечно, была мысль соврать, но потом ведь правда всё равно вылезет наружу, и такая ложь выйдет боком.

— Конечно, есть! — и добавил, глядя на мелькнувшее на её лице разочарование и досаду. — Но если вы думаете что из-за этого я забуду про вас, то... не дождётесь! Я не знаю пока какие у нас с вами будут отношения, но будьте уверены, я всегда рад вас видеть и готов помочь всем чем смогу.

После этих слов обе женщины надолго замолчали, продолжая идти с ним под ручку, вызывая удивлённые взгляды мужчин и женщин, идущих навстречу. Видимо, пытались решить как себя вести с ним, учитывая что у него уже есть девушка. Не то что бы он опасался что они теперь решат прекратить с ним всякое общение, как, скорее всего, сделали бы девушки из его старого мира... Дар богини всё равно будет действовать на них, толкая к нему. Зато теперь он может не опасаться внезапной сцены ревности из-за того, что дамы вдруг узнают про Лауру. Или Еву. Другое дело, что сказать Лауре или Еве в аналогичной ситуации? Ладно, что-нибудь придумает.

— Ты можешь рассказать про неё? — вдруг нарушила молчание Катарина.

— Например? — улыбнулся ей Гюнтер.

— Ну... сколько ей лет? Как она выглядит? — начала допытываться женщина, внимательно смотря на него.

— Милая Катарина, я сейчас не хочу говорить об этом... — вежливо, но твёрдо, ответил он. — Возможно, в будущем, если вы захотите познакомиться с ней, я расскажу подробности. Но сейчас я гуляю именно с вами, поэтому предлагаю отложить эту тему. Договорились?

— Да, конечно... Я понимаю, извини за бестактность! — попыталась оправдаться она.

— Всего лишь извинение? — деланно изумился Гюнтер, — нет, мне этого мало! А вот извинение, подкреплённое искренним поцелуем от всей души... Это уже совсем другое дело!

Раздался дружный, женский смех и покрасневшая Катарина снова прижалась губами к его щеке, под ироничное хмыканье Аннелизы.

— Гюнтер-Гюнтер... — с какой-то печалью сказала она, после того как Катарина снова вытерла платочком свою помаду с его лица, — мне страшно даже представить себе сколько разбитых женских сердец ты оставишь за собой, словно огонь, на который мы летим. Знаем, что сожжём свои крылышки и сгорим... но всё равно летим! — закончила она, и на глазах показалась слезинка, которую женщина попыталась незаметно смахнуть рукой.

Острое чувство жалости и желания защитить накатило на Гюнтера, заставив его резко

остановиться и крепко прижать Аннелизу к себе. Та спрятала лицо на его груди и тоже обняла его, словно пытаюсь слиться с ним. Мягко он поднял её за подбородок и заглянул женщине прямо в глаза, пока Катарина, стоя рядом, гладила подругу по голове, пытаюсь успокоить.

— Аннелиза, послушай... и ты тоже, Катарина! — начал он, пытаюсь подобрать нужные слова, — я сейчас скажу то что думаю, а вы крепко запомните, хорошо?

Обе подруги кивнули, глядя на него.

— Знаете, я не могу обещать вам что буду для вас идеальным мужчиной. Потому что таких просто нет. У каждого из нас есть свои достоинства и недостатки. У меня тоже они есть. Но... я твёрдо могу сказать что вы обе одни из самых красивых женщин которых я только видел за свою жизнь. И я никогда по своей воле не откажусь от вас, понятно? Я не думал что вы так глубоко западёте в моё сердце и останетесь там... Но это случилось, и я рад этому. Каждый раз когда я вспоминаю про вас, то меня охватывает радость, восторг и желание встретиться с вами поскорее... — от волнения Гюнтер ещё крепче сжал её тело, но Аннелиза, как и Катарина, ничего не замечали, слушая его как зачарованные.

— Да, я знаю, что со стороны выгляжу как какой-то бабник! — продолжил он. — У меня есть девушка, а я имею наглость гулять с другими. Признаю, это мой недостаток. Я с ним боролся... но проиграл. Я такой какой есть, дамы! Но могу смело сказать... Ни одной женщине, с которой встречался, я не причинил зла! Для них я был не огнём, который сжигал их, а тёплым ветром, который обогревал, спасал от холода, равнодушия и жестокости жизни. Конечно, я бы мог расписать себя как какого-то супермена, но я всего лишь человек. Просто запомните... всегда, в любое время, вы можете надеяться на меня. Я никогда не брошу вас, не обману и не использую для своих целей. А вы... — он заколебался, но потом всё-таки сказал... — вы сами можете уйти от меня, если захотите! Не каждая женщина сможет принять мужчину такого какой он есть. Я пойму.

Это был довольно щекотливый момент. Что, если дар богини ещё не успел набрать силу? Тогда, выпав из его круга общения, они затормозят в себе процесс и ему придётся самому искать встреч. Эти две подруги как-то незаметно проникли в его душу и от мысли что они могут уйти, его охватывала какая-то щемящая тоска. Гюнтер понимал, что данная связь практически бесполезна для него в плане усиления своего положения в Рейхе, но и что с того? Почему обязательно надо общаться только с теми с кем выгодно? Вот Ева и, допустим, баронесса да, они определённо смогут принести ему пользу, если он сумеет правильно всё сделать. Хотя с Евой тут уже всё переплелось. Изначально, она была лишь звеном, точнее, ступенькой, чтобы подобраться к фюреру. А получилось, что внезапно между ними возникла симпатия, чему Гюнтер был только рад. Баронесса же, кроме своего богатства и красоты, обладала связями в среде аристократии и германских промышленников в области вооружения. Он пока не знал как это может помочь ему, но привязать баронессу к себе было вполне естественно. Конечно, способ пробраться наверх через женщину был довольно своеобразен и, скорее всего, вызвал бы у мужчин, добившихся всего сами, презрительную усмешку, но какое ему до них дело? Чтобы достичь цели, вовсе не обязательно превозмогать, преодолевать, рвать жилы... И потом гордиться что сделал себя сам? К чёрту! Если есть способ более короткий и приятный, то он им воспользуется! Будут считать его альфонсом? Да на здоровье! Они ему никто, а значит, плевать на них! Да и не просил он денег у женщин никогда. Вот от подарков не отказывался, раз дарят значит благодарны ему. Кстати, машину ему подарили... Также с ней надо, наконец, определиться.

Но потом.

После его слов обе женщины молчали. Аннелиза снова спрятала лицо у него на груди, а Катарина прижалась сбоку. Так они и стояли несколько минут, пока Аннелиза не оторвалась от него. Она слегка улыбнулась ему и чуть отошла, взяв Катарину за руку и зашептав ей в ухо. Та снова покраснела и начала озираться. Потом указала куда-то в сторону плотной группы деревьев и Аннелиза быстрым шагом пошла к ним.

— Куда это она? — удивился Гюнтер, подойдя к ней.

Катарина смутилась, ещё больше покраснев.

— Она... в общем, скоро придёт.

— А... всё понял! — чуть не рассмеялся Гюнтер, внезапно почувствовав, что ему тоже не помешало бы посетить кусты.

— Гюнтер!.. — взяла его за руку Катарина.

— Да?

— Аннелиза... Пожалуйста, не обижай её. Она сильно натерпелась от мужа и теперь боится мужчин.

Гюнтер вздохнул и сжал её пальцы.

— Ты же слышала? Повторюсь, я никогда, не при каких обстоятельствах не причиню ей зла. И тебе тоже. Ты веришь мне? — заглянул он ей в глаза. Та несколько секунд смотрела на него и потом ответила:

— Да, Гюнтер. Я верю тебе.

— Спасибо, я не подведу.

После возвращения смущённой Аннелизы, туда же ходил и Гюнтер, после него Катарина. Потом они ещё несколько часов гуляли по парку, весело общаясь и подшучивая друг над дружкой. И женщины не имели ничего против когда он снова слегка шевелил локтями, ощущая волнительные мягкие формы обеих подружек через ткань платья и блузки.

Слегка подустав, женщины потащили его в небольшое кафе недалеко от входа в парк, где они заказали себе кофе и булочки. Внезапно Гюнтер решил немного подшутить над ними, в конце концов, в парке именно они подтрунивали над ним.

— Скажите, дамы, вы верите в вещи сны? — спросил он, улыбнувшись. Женщины переглянулись.

— Да! — ответила Аннелиза.

— Нет! — не поддержала её Катарина.

— Я тоже не верил, но именно такой сон снился мне несколько раз... Причём, в таких подробностях что, казалось, будто это реальность... — начал он придумывать на ходу.

— И что же тебе приснилось? — с интересом спросила Аннелиза.

— Много всего. Новые машины, самолёты, поезда... Представьте, огромные самолёты, которые могут летать в самые отдалённые страны и перевозить по 200–300 человек.

— Сколько? — поперхнулась кофе Катарина.

— Не может быть, Гюнтер! — поддержала её подруга. — Это каким же большим должен быть самолёт чтобы возить столько людей? Даже я понимаю, что он был бы очень большим и тяжёлым, никакие двигатели не выдержат.

— Тем не менее, это так... в смысле, во сне. А двигатели у них не винтовые, как сейчас, а какие-то другие... — улыбаясь, рассказывал он.

— Нет, не верю в это! — покачала головой Катарина. — Хотя неудивительно, это же сон.

— А что ещё там было? — с любопытством спросила Аннелиза, принимаясь за новую булочку.

— Там были очень роскошные автомобили. Например, в них можно было слушать музыку и радио прямо в движении. Ещё там были конди... то есть, такая маленькая установка, которая обогревала салон зимой и охлаждала летом. А уж какая скорость у них была... — мечтательно протянул Гюнтер, вспомнив «Феррари», «Ламборджини» и другие спорткары.

— Гюнтер, хватит рассказывать сказки! — рассмеялась Катарина. — Я не могу себе представить такие машины!

— Я тоже! — сказала Аннелиза.

— Это ещё ерунда, — усмехнулся Гюнтер и подмигнул обеим, — оказывается, лет через двадцать, люди смогут построить космический корабль и выйти в космос!

Обе женщины округлили глаза от удивления.

— Ты хочешь сказать, что мы полетим к марсианам? — в шоке спросила Катарина, забыв про свой кофе.

— Почему именно к марсианам? — удивился Гюнтер.

— Ну... я читала Герберта Уэллса... Там марсиане прилетели в Англию и хотели захватить её... — сказала Катарина, постепенно отходя от удивления и вспомнив про кофе.

— Не знаю, этого я не видел... — улыбнулся он, и сам принялся за кофе.

— А как называется наш корабль, который выйдет в космос? — внезапно спросила Аннелиза, с горящими от возбуждения глазами.

— Почему наш? — снова удивился он.

— А чей же ещё? — в свою очередь изумилась женщина. — У нас самая лучшая промышленность и инженеры. Ни Америка ни Англия не смогут опередить нас.

— Хм... — сделал сосредоточенный вид Гюнтер. — Вроде бы это был советский корабль...

Ответом был громкий хохот обеих подруг, причём Аннелиза едва не опрокинула свою чашку кофе, задев её рукой.

— Да, теперь я точно не верю в вещие сны! — с трудом успокоилась Катарина и вытерла проступившие слёзы своим платком. — Ты сам подумай, ну как эти дремучие русские смогут такое сделать? Они всегда будут низшим народом, единственное, в чём они смогут нас удивить это каким-нибудь новым Пушкиным или Достоевским... Но и это маловероятно.

— Я согласна с Кати! — поддержала её Аннелиза. — Русские на это просто неспособны. Они варвары, которые думают только как напиться своей дурацкой водкой и петь песни под балабай... нет, по-моему, она называется ба-ла-лай-ка! Точно! Уф, ну и название... — снова рассмеялась она. — Я не удивлюсь, если у них по деревне гуляют медведи..

— Возможно, вы правы! — поддержал их Гюнтер и тактично сменил тему. — А ещё у каждого человека в любой стране будет с собой маленький телефон, размером с ладонь. Но там можно будет не только звонить, но и смотреть кино, слушать музыку, фотографировать, словом, очень много разных функций.

— Да, Гюнтер, какой странный у тебя сон... — протянула Катарина, принимаясь за новую булочку. — Телефон размером с ладошку? Да ещё с такими... функциями? Ну у тебя и фантазии.

— Верно, Кати, с фантазией у него всё в порядке! — со смехом проговорила подруга и внезапно покраснела, видимо, поняв двойной смысл своих слов.

— Не жалуясь! — подмигнул ей Гюнтер. — Кстати, хотите узнать какие там женщины были?

— Да! — почти одновременно воскликнули дамы и, переглянувшись, весело залились смехом.

— Во-первых, многие из них растолстели так что... просто смотреть противно. Во-вторых, они стали такими самостоятельными, всё время норовят быть главными. В-третьих, они не умеют и не хотят уметь готовить для своих мужчин. В-четвёртых...

— Подожди, Гюнтер! — прервала его Катарина. — Как это не хотят? А как же они собираются кормить своих мужей?

— Никак! — сказал Гюнтер. — Они считают что это не их дело, а если муж хочет кушать то это его проблема, пусть сам готовит! — со злостью выдал он, вспомнив неприглядные моменты из жизни друзей.

— Какие-то странные там женщины... Фюрер сказал что любая женщина должна уметь готовить, убираться и ухаживать за детьми. Да мы и сами это знаем, верно? — обратилась она к подруге.

— Конечно! — ответила Аннелиза. — Надо их насильно затащить на курсы рукоделия, кулинарии и не выпускать пока всему не научатся! Куда смотрят власти и фюрер?

— Успокойся, это же всего лишь его сон! — укоризненно посмотрела на неё Катарина. — Кстати, что там в-четвёртых, ты не договорил?

— Ещё они очень странно одеваются, — продолжал интригу Гюнтер, — многие носят брюки вместо платьев и юбок. Зато если одевают, то такие вещи что трудно взгляды отвести. Очень короткие, полупрозрачные, обтягивающие...

— Так это, наверное, проститутки! — пожала плечами Аннелиза, допивая кофе. Катарина согласно кивнула.

— Нет, обычные женщины, в том числе, замужние.

— Не верю! Если бы они оделись в такое непотребство, то их тут же вызвали бы блоклейтеры и оштрафовали. Хватит выдумывать, Гюнтер! — улыбнулась она.

— Ой, уже скоро вечер! — воскликнула Аннелиза, посмотрев на наручные часики. — Нам пора, Гюнтер! — с сожалением протянула она. — Мы бы с удовольствием ещё посидели, но нужно кое-куда заехать, да, Кати?

— Да... Но ничего, Гюнтер, мы всё равно скоро встретимся на дне рождения? — спросила Катарина, посмотрев на него.

— Конечно, милые дамы, я же обещал! — подтвердил он. — Давайте подвезу?

— Нет-нет, мы сами доедем, на такси! — отказались женщины. По очереди поцеловав его в щёки, они выпорхнули из кафе и быстро уехали, улыбнувшись ему на прощание. Гюнтер, не торопясь, допил кофе, расплатился и поехал домой.

Глава 26

19 апреля 1940 года. Москва.

Александр Самсонов.

— Давай поговорим о твоём будущем, Саша? — спросил его Михаил. Они сытно пообедали и теперь удобно устроились на диване. Александр внимательно посмотрел на своего надсмотрщика. Интересно, что они там про него решили? Скорее всего, его просто поставят перед фактом, но попробовать потрепыхаться стоит.

— Давайте! — согласился он.

Михаил чуть помолчал и спросил, отпив холодного кваса:

— Как ты себе представляешь свою дальнейшую жизнь? Что планируешь делать? Ведь сидеть здесь без дела тебе вряд ли понравится. Да и тунеядцем быть мало приятного.

Саша усмехнулся.

— Почему же? Спокойно живёшь, ничего не делаешь, спишь вволю, гуляешь, ешь и пьешь... Лепота! Многие хотели бы жить так.

Его «нянька» улыбнулся, но глаза остались серьёзными.

— Саша, не пытайся казаться хуже чем ты есть. Не спорю, в твоём времени наверняка таких лоботрясов-бездельников хватает, но, во-первых, я уже немного изучил тебя и уверен, что ты не такой. Во-вторых, весь наш народ активно строит коммунизм, множество молодёжи откликнулись на призывы партии, возводят заводы, идут в авиацию и танковые войска... а ты хочешь просто сидеть без дела и паразитировать?

— Знаете, Михаил Алексеевич, я уверен, что вы или ваше начальство уже решили что и как мне делать, ведь так? — утвердительно спросил Саша, тоже опробовав квас и найдя его очень вкусным. Не сказать, что он был намного лучше чем в будущем, но уж точно не хуже.

Михаил кивнул головой и его губы ещё больше растянулись в улыбке.

— Само собой, Саша. Но... — он поднял вверх указательный палец. — Мне пришли указания предложить тебе на выбор несколько вариантов. Не буду обещать что одобрят твой выбор, но учитывать его могут.

Александр откинулся на спинку дивана и снова отпил кваса. Что ж, посмотрим, что там ему уготовили.

— Я вас внимательно слушаю, Михаил Алексеевич.

— Первый вариант. Мы назначаем тебя техническим консультантом, и ты станешь регулярно выезжать на заводы, помогая главным конструкторам разрабатывать вооружение, про которое сообщил в записках...

Саша удивлённо поднял брови.

— Но, Михаил Алексеевич...

— Я понимаю, Саша, что у тебя нет специальных знаний и ты не интересовался этим раньше, но даже те крохи что ты запомнил, могут помочь. Дело в том, что конструкторы, которым были показаны чертежи, то и дело спрашивают разные подробности, а мои люди ничего не могут им сказать, так как не понимают вопрос. Дело стопорится, а это нежелательно.

Александр задумался. В принципе, логично, но чем он на самом деле сможет помочь на заводах? Внешний вид ППС-43 и автомата Калашникова он нарисовал, вот только про его

автора почти ничего не помнил, кроме того что тот, вроде бы, был сержантом... Что ещё? Устройство РПГ? Тоже ничего конкретного. Как разработать гранату, как сделать так чтобы она летела куда надо, и состав пороха... Всё это для него тёмный лес. Ну не интересовался он этим в своё время! Даже как разработать ПТРД-41 и ПТРС Александр не знал. Эх, если бы знать что он сюда попадёт, то все справочники прочитал бы! Увы, что есть то есть.

Рекомендации по разработке «Т-34-85» тоже сделаны, больше ничем он там помочь не может. «Катюши» то же самое. «КВ-85» и «ИС-3» описал. Конечно, лучше бы сразу начать разрабатывать, например, «Т-44» или «Т-55», но про них он читал ещё меньше. Вот сделать бы прибор чтобы можно было стрелять на ходу... Нет, и это не выйдет, для него это китайская грамота, точнее, инженерная премудрость.

Ракеты? Даже не смешно. В авиации он полный ноль. «Як-9», «Ла-5ФН», «Ил-2МЗ», «Пе-2»... Только внешний вид. Никаких знаний по двигателям или авионике. Только помнил что истребители должны летать парой а не звеном. Ах да, рассказал про Покрышкина, Кожедуба и других асов. В кораблях дуб дубом. Про пенициллин рассказал, там, кажется, из плесени его делают... Или он спугал?

Артиллерия? Форсировать разработку и производство на заводе «Баррикады» «ЗиС — 2» даже в ущерб дивизионным пушкам УСВ. Усилить контроль на Горьковском заводе № 92, чтобы не гнали брак стволов. Параллельно работать над «ЗиС — 3». Подумать только, прекратить выпуск отличных орудий с формулировкой «..в связи с избыточной мощностью и бронепробиваемостью». Дебилы, б...! А потом, когда немецкий петух в жопу клюнет, заново разворачивать производство... Блин, что же у нас всё через задницу-то делается? Ах да, ещё про "БС-3" тоже сообщил.

Александр вздохнул. Как ни жаль признавать, но в этом смысле он там практически бесполезен.

— Боюсь, там я не смогу ничем помочь... Нет, я готов выезжать на заводы, но очень сомневаюсь, что от меня будет толк. Любой конструктор знает больше меня. Мои планы и чертежи дадут им нужное направление в исследованиях, а дальше уже они сами.

Михаил задумался, машинально постукивая пальцами по подлокотнику дивана. Наконец, он очнулся от размышлений и сказал:

— Что ж, возможно ты и прав. Тогда есть второй вариант. Ты же там, у себя, служил? Поэтому сможешь и здесь отдать свой долг гражданина. Что скажешь? — он с интересом и еле скрытой насмешкой посмотрел на Александра, словно говоря, давай, откажись, слабак! Только и можешь что языком молотить!

Теперь уже задумался Саша. У него мелькала такая мысль когда он летел из Берлина на самолёте. Помимо того, что он считал себя патриотом, была возможность, так сказать, узаконить своё пребывание здесь, ведь сейчас он не рыба не мясо, находится в подвешенном состоянии. К тому же, скоро война, и где как не в армии можно будет принести пользу стране? Своими знаниями он уже поделился, значит, вполне возможно начать строить карьеру с помощью ума и способностей. Неплохо бы научиться обращаться с оружием, стрелять, ведь там, в будущем, он попал в ПВО и большую часть срока службы провёл, обслуживая «С-300»... А уж если офицером стать...то есть, командиром, то совсем хорошо. Всё равно, как не старайся, независимым ему тут не быть, не дадут. В конце концов, что ему ещё делать? Просто жить здесь вместе с «нянькой», иногда беседовать с Берией? Ну нафиг, так можно и с ума сойти. Ладно, попробуем...

— Знаете, Михаил Алексеевич, а я согласен! — улыбнулся он. Ему показалось что в

глазах надсмотрщика мелькнула растерянность, словно он и в самом деле не ожидал такого его решения. В таком случае приятно удивить его. Хотя точно быть уверенным в этом нельзя, недавно же он развёл его насчёт гнева, возможно и сейчас взял на слабо и разыграл удивление. Ну и пусть! Сидеть в квартире и ничего не делать ему надоело, а тут новые впечатления.

— Хорошо, Саша, договорились. А куда бы ты хотел попасть служить? — с любопытством спросил он.

— В разведку! — выпалил Саша. — Или, ещё лучше, в спецназ! То есть, в осназ! — поправился Александр. Воображение рисовало ему как он лихо раскидывает немецких диверсантов с помощью хитрых приёмчиков, кидает в цель ножи, стреляет «по-македонски» и делает другие вещи, недоступные большинству людей. Кстати, это даст ему дополнительную возможность защитить себя в опасных ситуациях. Конечно, если он вдруг попадёт под бомбёжку, артобстрел или танковую атаку то это ему мало поможет, но в обычных пехотных боях шансы выжить и победить резко повысятся.

— Ого! — удивлённо присвистнул Михаил. — Однако, губа у тебя не дура! А ты хоть понимаешь, что там служат самые лучшие бойцы и командиры нашей страны? Туда многие хотят попасть, а ты решил раз и в дамки? Стрелять не умеешь вообще, физподготовка тоже не ахти, а главное... ты же не коммунист! Возможно, скрытый враг советской власти! И ты хочешь попасть в такое секретное подразделение? — под конец Михаил Алексеевич уже почти открыто издевался, что больно кольнуло Сашу.

— Давайте начистоту, Михаил Алексеевич? — с раздражением спросил Александр, резко отодвинув от себя пустую кружку из-под кваса.

— А как же! Только так и не иначе! — поддержал его надсмотрщик, и тоже убрал кружку на стол.

— Вы не верите в меня, я знаю это! — начал экспрессивно Саша. — Да, я не уважаю коммунистов и не слишком люблю советскую власть! Потому что видел в своём мире, какими они стали и во что превратилась КПСС! Но я патриот, верите вы или нет! И я не меньше вас хочу принести пользу нашей стране, хоть и называется она СССР а не Россия! Ведь земля-то всё равно та самая! Люди тоже наши, русские...

— Советские! — поправил его Михаил.

— Чёрт с ним, пусть советские! — запальчиво согласился Саша. — Это не суть! Я не хочу чтобы на подмосковных дорогах стояли указатели «Москва», написанные готическим шрифтом, а весёлые Гансы мысленно делили мою страну на свои земельные участки, как им будет обещать Гитлер! И ради этого я готов выложиться весь, до последней капли пота и крови! Надо будет заниматься по шестнадцать часов в тире или за учебниками? Буду заниматься! Через не могу! Потому что так надо! Сейчас я беспомощный как щенок, умею только кусаться, и то не больно! Поэтому я прошу вас, Михаил Алексеевич... — он пытливо посмотрел ему прямо в глаза, — помогите мне туда попасть! Я знаю, вы сможете замолвить словечко за меня перед товарищем Берией! Клянусь, не подведу! Дайте мне шанс! Обещаю, краснеть за меня вам не придётся!

Выдохшись, он подошёл к столу и налил из стеклянной банки себе в кружку остатки кваса. Выпил его несколькими глотками и, не глядя на Михаила, снова сел на диван. «Нянька» продолжал молчать, задумчиво глядя на него. Александр тоже сидел молча, постепенно успокаиваясь. Неожиданно родившееся решение, словно получившее последний толчок, всецело завладело им. В самом деле, где как не в армии сможет принести пользу

истинный патриот, искренне любящий свою страну? Да, будет трудно... даже очень трудно! Но он выдержит! Обязан выдержать!

— Интересный ты человек, Саша! — подал голос Михаил. — Честно говоря, ты меня удивил... Не думал, что согласишься на этот вариант. Ну что ж, я сообщу Лаврентию Павловичу твоё решение. А вот что он решит, этого я не знаю... — в сомнении покачал он головой.

— Спасибо, Михаил Алексеевич! — искренне поблагодарил его Александр. Если тот перед Берией заступится, то шансы на успех вырастут. Сейчас Саша принял одно из тех судьбоносных решений, которые навсегда меняют жизнь человека. И он был морально готов к этому. — А когда я узнаю результат?

Михаил пожал плечами.

— Не знаю. Это будет решать сам товарищ Берия. Может, уже завтра... а может, никогда.

— Понимаю... — протянул Саша.

— Да ни черта ты не понимаешь! — с раздражением махнул рукой Михаил, неизвестно на что разозлившись. Он стал с дивана, надел пиджак и направился к выходу. На удивлённый взгляд Александра, бросил:

— Пойду схожу к знакомому, давно не видел. А ты сиди здесь! Без меня тебе запрещено выходить.

Саша кивнул. Желания выйти на улицу пока не было, хотелось посидеть и подумать последствия своего решения. После того как хлопнула входная дверь, он лёг на диван и сам не заметил как задремал.

Через несколько часов. Москва.

Лаврентий Берия.

Берия сидел в своём кабинете и с интересом смотрел на одного из своих самых доверенных лиц, которому он, по меткому выражению, мог бы доверить свою спину. Человек, известный Александру как «Михаил Алексеевич», сидел за тем же столом, с другой стороны. Они были знакомы уже много лет и у них даже сложились в чём-то приятельские отношения. Он в одно время хорошо помог «Михаилу», буквально вытащил его из застенков Ежова, куда тот угодил, не желая предавать Берию, потом заступился перед Сталиным. Обладая честным характером и не слишком выгодной особенностью всегда говорить то что думает, даже если начальству это не нравится, тот сполна оценил услугу и всегда старался верно служить Лаврентию Павловичу, не допуская мысли о том чтобы предать его в угоду своим или чужим интересам.

— Удивил ты меня, Коля, удивил... — хмыкнул Берия, после того как подчинённый и друг передал ему разговор со своим подопечным. Тот в ответ улыбнулся.

— Не поверите, Лаврентий Павлович, но меня он удивил не меньше. Признаться, я думал, он выберет первый вариант. А этот Александр, мол, хочу в осназ! И такую речь закатил... Причём, видно было, от души говорит, не заранее придумал, а то что сейчас понял. Вы же знаете, меня очень трудно обмануть. А тут я почувствовал что он не врёт, на самом деле хочет.

— Да потому что не представляет себе что его ждёт! — усмехнулся Берия. — Ты же сам знаешь какая там подготовка, нормативы. Да обычный маршбросок свалит его в самом

начале.

«Михаил Алексеевич», или Николай, рассмеялся.

— Так что, Лаврентий Павлович? — он с интересом посмотрел на главу НКВД. — Испытаем на прочность этого... хм, попаданца? Или бесполезно?

— А ты сам как думаешь, Коля? — коварно спросил Берия вопросом на вопрос. Николай задумчиво потёр подбородок рукой и заговорщицки улыбнулся.

— Почему бы и нет? Что мы теряем? В любом случае он будет под присмотром. Можно отправить его в один из наших лагерей под Москвой, пусть там его хорошенько поваляют, жирок собьют... Думаю, пары дней... ну, максимум недели, хватит чтобы он там взвыл и попросился назад, в столицу, к пиву, квасу и мороженому.

— Думаешь? — с любопытством посмотрел Берия. — Может, готов и поспорить?

— Лаврентий Павлович, вы опять? — укоризненно глянул на него Николай. — Помню, в прошлый раз кто-то с треском проиграл целый ящик коньяка... Кто же это был, интересно? — наморщил он лоб.

— В тот раз я был не совсем уверен и слишком пьян, Коля! — со смехом ответил Берия и отмахнулся рукой. — А сейчас я трезв и уверен в себе. Мне кажется, что в этом Александре что-то такое есть... — он покрутил в воздухе рукой. — Не могу точно сказать что именно, но есть.

— То есть, вы готовы снова рискнуть... допустим, парой ящиков того же самого коньяка? — хитро посмотрел на него Николай, нарочито потирая руки.

— Уже парой? — удивился Берия.

— Играть, так играть по-крупному! — провозгласил тот. — Или вы идёте на попятную?

— Не дождёшься, Коля! — азартно блеснул глазами Берия. Он протянул ему руку и, когда тот взял её, разбил одним движением. — Я согласен! Какие условия?

— Если этот Саша продержится в лагере неделю, то два ящика с меня, — перечислил условия Николай, — а если нет, то уж будьте любезны расщедриться, товарищ Берия!

— Устраивает. Но... — он строго посмотрел на своего верного подчинённого... — чтобы никаких провокаций! Используй обычную подготовку для молодняка.

— Как можно, Лаврентий Павлович? — с видом оскорблённой невинности ответил Николай. — Всё будет честно, без подтасовок! Что он сможет то и покажет.

— Хорошо. Отчёт для меня каждый день. В Кубинку его повезёшь или в другое место?

— Пока не решил... — задумался Николай. — Но в любом случае, через день мы уже поедem. Завтра ещё сеанс гипноза с ним проведём.

— Что ж, хорошо! — поднялся Берия из-за стола и надел шляпу. — Вечер уже, пора домой..

— Домой? — снова усмехнулся Николай. — Или на охоту за восторженными почитательницами товарища Берии?

— Говори да не заговаривайся! — улыбнулся тот, но подчинённый сразу почувствовал нотку угрозы в его голосе.

— Виноват! — произнёс он, моментально стерев улыбку с лица.

— Всё, пошли! — скомандовал Берия, и они вышли из кабинета.

19 апреля 1940 года.

Юго-западнее Берлина, Потсдам. Бабельсберг. Усадьба баронессы фон Мантойфель. Вечер.

Мария фон Мантойфель.

— Мама, ну что мне лучше одеть на завтра, как думаешь? — с измученным видом спросила Ирма, прервав её размышления. Мария подняла взгляд и посмотрела на целую кучу вечерних платьев разных цветов и фасонов, которые вытащила дочка из своего шкафа и разложила на кровати. Такое разнообразие привело бы в восторг любую девушку, и Ирма не была исключением. За последний час она перемерила всё что ей нравилось, но так и не смогла определиться. Отчаявшись, девушка позвала на помощь маму, но дело всё равно двигалось медленно. То, что выбирала Мария, не устраивало дочь, и наоборот. В конце концов, утомившись, женщина просто села в кресло и предоставила дочери самой сделать выбор.

— Ирма, какой смысл в моих советах если ты всё равно их не слушаешь? — устало ответила она.

— Ну мама! — топнула дочка ногой. — Завтра приедет Гюнтер, а я не знаю в чём буду! От Амалии и Греты нет никакого толку, всё что они советуют мне не нравится!

При имени Гюнтера Мария почувствовала, как её словно окатила изнутри тёплая волна. И, одновременно, болезненный укол. Что это значит?

— Насколько я знаю, завтра день рождения нашего фюрера. При чём тут Гюнтер? Он просто один из гостей, — произнесла она спокойным голосом, — не понимаю, почему ты так волнуешься из-за этого?

Ирма отбросила на кровать белое вечернее платье, которое держала в руках, и подошла к ней поближе. Она опустилась на подлокотник кресла и осторожно взяла руку матери.

— Мама... — девушка помедлила, но всё-таки продолжила... — я хочу тебе кое-что сказать.

Мария почувствовала, что услышанное, скорее всего, ей не понравится, и внутренне собралась. Таким тоном дочка однажды рассказала ей что случайно разбила старинную вазу. А в другой раз, что недавно прочитала невесть как попавшую ей в руки книжку французского аристократа маркиза де Сада. И если случай с вазой обошёлся Ирме всего лишь в три дня запрета выходить на улицу, то во второй ситуации взбешённая баронесса на неделю отправила её в организацию Тодта чтобы дочь с помощью физического труда поняла, что стоит читать молоденьким девушкам а что нет. Даже если книга написана аристократом. Проведённое ею лично расследование закончилось пшиком. Никто из прислуги так и не признался откуда в усадьбе появилась гнусная писанина развращённого маркиза. Сама дочь плакала и уверяла что не покупала её, а нашла в глубине книжного шкафа. Оставалось предположить что это привет из прошлого, а точнее, от её бывшего мужа. Видимо, тот был поклонником всей этой грязи.

— Что ты опять натворила, Ирма? Говори, я слушаю! — спросила баронесса.

— Мама... дело в том... мне нравится Гюнтер... — робко сказала она, избегая смотреть на мать. На Марию навалилось облегчение. Ничего страшного не произошло, дочке всего лишь понравился Гюнтер... Что ж, неудивительно. У неё сейчас как раз возраст такой, а Гюнтер высокий, красивый, спас их всех... И руки у него такие сильные, а губы... Так, стоп! Поймав себя на этих мыслях, баронесса невольно покраснела, явственно вспомнив что было в клинике. Нет, надо навсегда забыть это! Она же всё решила по этому поводу. Незачем опять себя травить всякими фантазиями. Взяв себя в руки, Мария улыбнулась дочери и ласково проговорила:

— Ну и что? Ты молодая девушка, он тоже красавчик, я тебя понимаю.

— Правда? — улыбнулась дочь в ответ. — Я так боялась что ты будешь ругаться из-за этого. Понимаешь, я часто думаю о нём. Вспоминаю его слова, внешность... А вдруг я влюбилась? — встревоженно спросила Ирма.

Баронесса принуждённо рассмеялась. Она, конечно, замечала восхищённые взгляды дочерей когда они были в Шарите, но была уверена что это всего лишь подростковая влюблённость. Многим девушкам нравятся мужчины постарше, а если они одеты в красивую форму, мужественны, и совершили героический поступок в духе старинных романов, то вполне понятны эмоции девушки.

— Не беспокойся, девочка моя. В твоём возрасте это нормально. Только это не любовь, а влюблённость, она скоро пройдёт, и ты сама потом будешь удивляться что чувствовала к нему.

Ирма задумчиво кивнула матери, теребя подол платья.

— Тогда ладно, мама. Потому что когда я думаю о нём, мне становится так сладко на душе, сердце часто стучит и появляются странные мысли... — её покрасневшее лицо отвернулось, но Мария заметила это.

— В твоём возрасте я тоже часто влюблялась, а потом недоумевала, что в этом парне такого? Просто живи и это пройдёт, я тебя уверяю! — успокаивала она Ирму.

— Сёстрам он тоже нравится! — снова удивила её дочь. — Мы уже договорились с помощью жребия, кто из нас первой будет танцевать с ним. Сначала я, потом Грета и последней Амалия.

Баронесса удивлённо подняла брови. Вот это новость! Как такое может быть чтобы всем трём её дочерям понравился один мужчина? Насколько она знала, вкусы в отношении мужчин у них были разные. Отбросив эти мысли, Мария улыбнулась и встала с кресла:

— Ирма, а что ты скажешь про вот это платье? — она взяла в руки голубое, длинное платье с голыми плечами и разрезом сбоку до колена. Оно было немного обтягивающим, но не вульгарным. К нему полагался голубой прозрачный шарф, который накидывался на плечи, если было прохладно или девушке хотелось больше прикрыться.

Дочка задумчиво посмотрела на наряд.

— Его я ещё не мерила... Думаешь, ему понравится? — спросила она, не отрываясь от платья.

— Уверена в этом! — улыбнулась баронесса. Как же Ирма умилительно выглядит в таком состоянии псевдовлюблённости! Неужели она сама была такой же в своё время?

Переодевшись, дочка подошла к зеркалу и посмотрела в него.

— Знаешь, мама, а мне нравится! — радостно заявила она. — Решено, его я и одену завтра! Спасибо, мамочка, ты у меня самая лучшая! Я так тебя люблю! — Ирма поцеловала её в щеку и закружилась перед зеркалом.

— Я тебя тоже, моя девочка! — она оглядела весь беспорядок на кровати и добавила: — Раз ты выбрала себе наряд, остальные платья убери в шкаф и не помни их, хорошо?

— Поняла, мамочка, не волнуйся! Я всё сделаю! — ответила Ирма, не отрываясь от зеркала.

— И чтобы пораньше легла спать! — напонила ей Мария. — Завтра утром мы все едем в парикмахерскую, делать причёски, не забыла?

— Нет, мама! Конечно, не забыла! — укоризненно посмотрела на неё Ирма.

— Я ведь знаю тебя, любишь ты ложиться поздно. Но учти, если заснёшь за полночь, то

не выспишься, завтра проснёшься усталая, с кругами под глазами, и самой красивой будешь не ты, а Грета или Амалия!

— Вот ещё! Не дождутся! — твёрдо ответила дочка и начала осторожно снимать платье.

— Спокойной ночи, милая! — пожелала она Ирме.

— И тебе, мама! — ответила та.

Закрыв дверь комнаты дочери, баронесса прошла в свою комнату и улеглась на кровать, решив почитать. Но смысл текста книги не доходил до мозга, который самовольно принялся решать очень важную задачу: что бы надеть ей самой? Интересно, какой у него любимый цвет? Надо бы ещё выбрать украшения, чтобы подчеркнуть свои глаза. Непростой выбор, так как всяких цепочек, колец и браслетов у неё было много. Заодно надо подобрать туфли в тон платью. Решить какую причёску заказать. Вот же Гюнтеру хорошо, приедет завтра в своей красивой форме и надраенных сапогах... Да и вообще, выбор одежды для мужчин проще простого, костюм или смокинг! А женщины вынуждены столько времени, денег и нервов тратить, выбирая что к чему надеть. И это не считая причёски, косметики, украшений, парфюмерии... Как несправедливо! — подумала она. Невольно улыбнувшись, Мария вдруг поймала себя на том что сама очень хочет понравиться Гюнтеру, чтобы он смотрел только на неё! Да что такое, опять!? Ну никак он не хочет покинуть её мысли. Всё, завтра она будет предельно вежлива, холодна и спокойна. Обращение к нему только на «вы», и главное, ни в коем случае не оставаться с ним наедине! Почему-то, он может влиять на неё так, что она теряет контроль над собой, а это недопустимо! Что ещё? Ах да, машина! Если он намерен вернуть ей подарок, то зря надеется, она не из тех кто принимает их обратно. К тому же это оскорбительно.

Измучив себя сомнениями и противоречивыми мыслями, Мария, наконец, заснула, разметавшись на кровати. И когда ей снова, уже не в первый раз, во сне появился красавец Гюнтер, который нахально улыбнулся и пригласил её на танец, она улыбнулась в ответ, и протянула руку.

20 апреля 1940 года. Москва.

Александр Самсонов.

— Ну что, Саша, ты готов к труду и обороне? — усмехнувшись, спросил Михаил Алексеевич за завтраком.

— Всегда готов... — вяло ответил Александр, нехотя отправляя в рот ложку щей. Суп вышел на славу, пусть даже без сметаны, но его настроения это не подняло. Вчера он, после встречи с Берией, заснул неожиданно для себя. Наверное, нервное напряжение дало о себе знать. Проснулся в четыре часа утра, в темноте сначала никак не мог понять где он. С трудом встал с дивана и, на автопилоте направился на кухню, промочить горло. Проходя мимо комнаты надсмотрщика, споткнулся о тумбочку, зацепившись мизинцем и, не сдержавшись, выругался... Тихий храп тут же прекратился и через пару секунд раздался его голос:

— Чего шатаешься, ночь-полночь?

Саша вздрогнул от неожиданности и тихо ответил, невзирая на то что тот уже проснулся:

— Пить захотелось.

— Ясно. Пей и спи, у тебя завтра важный день будет... — пробурчал сонный голос

Михаила.

«Да для меня сейчас каждый день важнее некуда!» — мысленно ответил Александр. Попив, он вернулся в комнату, разделся и снова заснул. В результате такого сломанного графика сна, Саша проснулся утром с трудом и до сих пор чувствовал себя каким-то мешком пришибленным. Автоматически доедая тарелку, он спросил:

— А что сегодня будет-то?

— Забыл, что ли? — рассмеялся «нянька». — Сегодня у тебя гипноз будет.

Саша застыл, не донеся ложку до рта. Чёрт, конечно! Ему же сказали про это, а он забыл. Или, точнее, почему-то решил, что это будет когда-то в будущем. Выходит, сегодня они будут рыться в его мозгах, проверяя, есть ли там информация которую он утаил. Подготовиться бы, но как?

— Михаил Алексеевич, а если не получится меня загипнотизировать? Я слышал, что не все люди могут подвергнуться гипнозу? — спросил он, снова принимаясь за суп.

— Верно, не все... — согласился с ним Михаил. — Но большинство поддаются. Уверен, ты тоже.

— Вы тоже? — метнув на него взгляд, спросил Саша. Тот пожал плечами, размешивая сахар в чашке чая.

— Скорее всего. Не проверял.

— И товарищ Сталин с товарищем Берией? — снова спросил Александр, не успев обдумать свои слова. Наказание последовало немедленно. Неуловимое движение, и Саша поймал хороший подзатыльник, едва не сунувшись лицом в тарелку.

— Думай что говоришь, дурак! — раздался спокойный голос надсмотрщика. — За такой вопрос могут и расстрелять. Я смотрю, там, в будущем, у вас слишком мягкотелое ФСБ. Совсем чекисты мышей не ловят, расслабились там при демократии..

— Да нет, всяких уродов они регулярно ловят, особенно на Северном Кавказе. Террористов, бомбистов... — потирая затылок, сказал Саша. — А если вы имеете в виду что ругают или оскорбляют президента, так за это не сажают, иначе пришлось бы, минимум, четверть страны за решётку бросить.

— Значит, бросили бы! В чём проблема? Тюрем не хватает? Новые построить. Этот ваш Путин какой-то странный... Раз он из органов, то должен быть жёсткий и не миндальничать со всякими острословами, которые про него всякие надписи пишут и, тем более, кричат. Посадили бы сотню тысяч таких болтунов, другие бы задумались! А если не задумаются, значит тупые, и дорога им в те же тюрьмы или на стройки! Пусть там ума набираются! — хлопнул рукой по столу «нянька».

— Нельзя, мы живём при демократии, поэтому люди и говорят что думают! — отрицательно покачал головой Саша. — Свобода слова, печати, вероисповедания, ну и всё такое..

— Оно и видно, что вся эта свобода сделала из вас не патриотов своей страны а каких-то вечно всем недовольных оболтусов! Эх, товарища Сталина на вас нету! Он бы ваших недовольных живо в бараний рог скрутил! — сжал руку в кулак Михаил. — Пойми, Саша, народ прежде всего уважает твёрдость власти! Если она, не колеблясь, станет сажать и расстреливать то все будут сидеть смирно, иначе отправятся в Воркуту на отдых. А вот если станет либеральничать, то всё... конец такой власти! Народ тут же это почувет и скинет её. А потом начнётся хаос и гражданская война, потому что каждый недовольный начнёт сводить свои личные счёты.

— Вы не правы, Михаил Алексеевич! — возразил ему Александр. — Если бы у нас там начали сажать и, тем более, расстреливать, за анекдоты и угрозы Путину, то народ бы озлобился и взбунтовался.

— А армия на что? Внутренние войска? ФСБ ваше? — хитро улыбнувшись, спросил Михаил. — Они что, будут просто смотреть и ничего не делать? Или вообще откажутся подчиняться приказам? Если так, то у вашей России нет будущего. Все эти недовольные поймут что власть их боится и скинут её как старую бабушку со скамейки. Знаешь, какой секрет власти над народом?

— Какой? — спросил Саша, вздрогнув от того что могло бы быть, если бы президент действительно начал разбираться с навальнистами и другими недовольными сталинскими методами.

— Десять ударов кнутом и пять пряников! Именно в такой последовательности, а не наоборот. Пока народ знает что ему могут дать по шапке, он послушный и тихий. Но если он почувствует свободу... Будет бойня. Вот так-то, Саша! — допив чай, Михаил Алексеевич вымыл кружку в раковине и ушёл в комнату, оставив его оглушенным и в раздрае.

Выходит, Путин, хоть его и ругают за жёсткие методы, на самом деле ещё очень мягок по сравнению со Сталиным? Позволяет работать «Дождю», свободно разгуливают Собчак, Венедиктов и другие оппозиционные личности. Он вспомнил одного своего знакомого, владельца небольшой фирмы автозапчастей, который яростно обличал Путина, называя его самым отвратительным человеком в мире. Тут и коррупция по его вине, и наплевательство на мелкий бизнес, история с Крымом и вечными санкциями... в общем, много чего. Главное — во всём виноват Путин. Надо его скинуть и тогда всё будет хорошо. Неважно, кто придёт, по-любому, его преемник будет лучше. А если хуже? — как-то спросил Саша. Хуже уже не будет, ответил тот. Всё разворовано, всё пропало, все нищие... Ага, подумал Саша, зимой на улицах то и дело попадаются «нищие» барышни в норковых шубах, а на дорогах глухие пробки из «нищих» на иномарках. И ведь это не только в Москве, он сам ездил по городам страны по работе экспедитором и видел что такое есть и там. Да, хватало и таких мест где асфальт годами не укладывали, дома выглядели как после бомбёжки, а люди ходили в обносках, выживая на 10–15 тысяч рублей. Да и насчёт коррупции друг был прав. Хотя она при любом правителе есть, в том числе и на Западе. Короче, Россия страна контрастов, кто-то живёт от зарплаты до зарплаты, другие летают отдыхать в Турцию и на Бали, и вторых тоже немало, за год сотни тысяч людей там бывают. Да и сам он, чего греха таить, на зарплату экспедитора смог скопить тысяч шестьдесят и летать в Крым или Турцию каждый год на отдых. А вот при алкаше Бориске такое вряд ли было возможно. В общем, хватит ломать об этом голову, теперь ему уже глубоко плевать кто там будет президентом.

Доев суп и выпив чаю, Саша отправился в свою комнату, намереваясь немного подремать после сытного завтрака, заодно и доспать недостающее организму время. Вдруг в квартире раздался резкий звонок. Удивлённый Александр выглянул в коридор и увидел как Михаил Алексеевич впустил какого-то невысокого человека в очках и залысынами, напоминающего школьного учителя.

— Здравствуйте, Семён Андреевич! Как ваше здоровье? — поздоровался с ним за руку его «нянька».

— Здравствуйте, Николай, всё хорошо, спасибо за заботу! — ответил незнакомец, снимая обувь.

Николай? Так-так, интересно... Похоже, этот Семён ненароком выдал настоящее имя

«Михаила Алексеевича». Это залёт, батенька! Надсмотрщик, что-то почувствовав, обернулся и увидел Сашу, смотрящего прямо на него. Глубоко вздохнув, он, видимо, понял, что тот всё слышал и, ничего не сказав, проводил гостя в свою комнату.

Через минут десять, когда Александр уже начал скатываться в объятия Морфея, он услышал громкий голос Николая, зовущего его:

— Саша, иди сюда!

Тяжело вздохнув и, пытаясь подавить дрожь в руках, он обречённо направился в комнату «няньки». Николай стоял у окна, а Семён Андреевич сидел на его кровати и молча смотрел на Сашу пронзительным взглядом.

— Садись на кровать и ничего не бойся. Семён Андреевич отличный специалист и он гарантирует что тебе ничего не угрожает! — пытался успокоить его надсмотрщик, но получалось плохо. Мало ли что они там у него в голове накопают? Или возьмут и сделают ему кодированную установку. Скажет кто-нибудь кодовое слово и пойдёт Саша всех мочить как робот.

— Выпей! — протянул ему Николай стакан воды. Он несколькими глотками опустошил его и начал глубоко дышать чтобы успокоиться. Тем временем Семён Андреевич вытащил из кармана какой-то кругляш на верёвочке и повернулся к нему. Подвесил этот кружок перед ним и сказал монотонным голосом:

— Смотрите на него и не отвлекайтесь. Считайте до десяти. Когда я скажу, вы проснётесь.

Кругляш равномерно качался перед его лицом. Саша усмехнулся. Они что, думают с помощью такого фокуса загипнотизировать его? Ну-ну..

— Раз... Два... Три... Четыре... — начал считать Александр..

-..Просьпайтесь! — раздался голос Семёна Андреевича. Саша удивлённо открыл глаза. Он что, всё-таки заснул? Всё тело затекло и ломило. Семён Андреевич, спрятав в карман кругляш, вежливо попрощался с ними и вышел в прихожую. Через минуту хлопнула дверь и наступила тишина. Потянувшись до хруста в костях, Саша встал и удивлённо посмотрел в окно. Судя по положению Солнца время было уже послеобеденное, что и подтвердил его желудок, подав голос. Странно, он же недавно ел?

В комнату вошёл Михаил Алексеевич и весело спросил:

— Ну как, всё нормально? Жив-здоров?

— Да... только есть хочется. Вот это я задремал! — удивился Саша. — Я так и думал что у вас ничего не получится с этим гипнозом.

— С чего ты взял что не получилось? — хмыкнул надсмотрщик. Он тоже подошёл к окну и встал рядом с ним. — Наоборот, всё вышло так как мы и планировали.

— Подождите... Я же просто спал! Или... — с нарастающим подозрением спросил он.

— Или! — подтвердил «нянька». — Сеанс прошёл успешно. Кстати, ты не знаешь никого по имени Николай? — внезапно спросил он.

— Николай? — задумался Саша. — Да нет вроде, не помню такого... А что?

— Ничего! — улыбнулся надсмотрщик. — Просто так спросил. Напомни мне, как ты относишься к коммунистам?

— Они самые верные делу партии люди! — удивлённо ответил Александр. — Зачем вы спрашиваете? Сами же это знаете.

— Конечно! А товарищ Сталин и товарищ Берия? Что ты о них думаешь?

При упоминании этих имён он почувствовал как волна радости затопила его. Как же

хорошо что у советского народа есть такие руководители! Под их руководством они скоро построят коммунизм и все будут жить хорошо!

— Товарищ Сталин самый лучший человек на Земле! — горячо ответил он. — А товарищ Берия его верный помощник!

— Абсолютно верно! — улыбаясь, согласился с ним Михаил Алексеевич. Тут его лицо сделалось серьёзным. Он подошёл к нему и обнял за плечи.

— Саша, ты же помнишь откуда ты? Когда родился и где вырос?

— Конечно, Михаил Алексеевич! Как можно это забыть? — снова удивился Саша. — Меня зовут Александр Самсонов, мне 25 лет, комсомолец, младший лейтенант госбезопасности. Родители погибли от бандитов когда мне было пять лет, воспитывался в приюте..

— Всё-всё, молодец, вижу что ты помнишь! Я хочу тебе сказать кое-что... Товарищ Берия лично принял решение отправить тебя завтра в лагерь подготовки осназа, как ты и просил! — улыбнулся Михаил Алексеевич.

— Я просил? Когда? — удивился он. На лице Михаила Алексеевича на миг мелькнула досада но тут же он опять улыбнулся.

— Вчера ты просил. Неужели забыл? А вот товарищ Берия помнит!

— Неужели товарищ Берия сам, лично, так решил? — радостно спросил Саша.

— Да. Ему понравились твои заслуги и он решил так наградить тебя! — по-прежнему улыбался «нянька». Хм, интересно, а почему он называет его так? Непонятно. — А ты помнишь, всё что тебе приснилось из будущего?

В голове Александра словно открылся клапан, через который хлынула куча информации из того бредового сна который недавно приснился ему. Близкая война с немцами, подлые союзники, распад великой страны через полвека... Как же хорошо что это всего лишь сон! И этот чёртов его бывший немецкий друг по имени Гюнтер, который предал партию и оказался ярым фашистом! Кулаки сжались от ненависти. Эх, с каким бы удовольствием он убил бы предателя, будь тот рядом!

— Да, Михаил Алексеевич! Помню, к сожалению. Не знаю, почему эта чушь мне приснилась.

— Ничего страшного, Саша. Но помни, рассказывать про этот сон ты имеешь право только товарищу Сталину, товарищу Берии и мне. Больше никому! Понятно? — голос наставника был предельно серьёзен.

— Так точно! Будьте уверены, Михаил Алексеевич, я не подведу вас и, скорее, умру чем разболтаю об этом! — уверенно ответил Саша, мысленно поклявшись при этом.

— Даже не сомневаюсь в этом, Саша! — кивнул он головой. — А теперь отдыхай! Завтра у тебя начинается новая жизнь, если, конечно, ты выдержишь нагрузки в лагере.

— Я выдержу всё, Михаил Алексеевич! Страна и товарищи будут мною гордиться! — твёрдо заверил Александр. Потрепав его по плечу, Михаил Алексеевич ушёл к себе, а Саша всё не мог успокоиться. Подумать только, сам товарищ Берия похлопотал о том чтобы он попал в школу осназа! Осталось только оправдать доверие такого важного человека. И он это сделает, чего бы этого не стоило!

Чуть позже. Москва. Лубянка.
Лаврентий Берия.

— Как всё прошло, Николай? — спросил Берия, внимательно глядя на мужчину.

— Как и планировали, Лаврентий Павлович! — улыбнулся тот. — Семён Андреевич, как обычно, оправдал все наши ожидания. Легенда для Александра готова, он в неё поверил. Свою сверхинформированность считает дурным сном. Вас и товарища Сталина чуть ли не боготворит. Уверен, что он комсомолец и будущий верный коммунист. Свой сон обсуждать готов только с вами, Хозяином и мной. Для всех других он будет всё яростно отрицать. При попытке силового допроса покончит жизнь самоубийством с помощью любого подручного предмета. Если же его внезапно схватят, то откусит себе язык или раскусит капсулу в зубе. Такая установка теперь у него в голове. Готов всеми способами оправдать ваше высокое доверие и принести Родине пользу! — отчитался Николай по операции «Потомок».

— Отлично, Николай, молодец! — похвалил его Берия. — Ты хорошо справился с заданием! Что ещё можешь сказать?

— Я вот тут подумал... — замялся его подчинённый.

— Говори, Коля, я слушаю! — подбодрил его глава НКВД.

— Дело в том, что есть одна девушка, сержант госбезопасности. Так вот, я подумал, может отправить её в этот лагерь вместе с ним? — спросил он.

— Ты о ком? — удивился Берия.

— Это девушка, она помощница следователя Круглова, который вёл дело Александра. Они оба слышали его показания. С самим Кругловым всё ясно, завтра его вызовут к Семёну Андреевичу и он забудет всё что связано с Сашей. По крайней мере, надеюсь. По словам Семёна Андреевича, этот гипноз на каждого человека действует по разному. С Сашей, например, всё прошло гладко. А с другими... они или не забывают, или вспоминают через некоторое время... или вообще, сходят с ума.

— Да, жаль... А то у меня была мысль заставить пройти через такую процедуру как можно больше людей из своего ведомства. Заодно и наших армейских генералов позвать. На всякий случай... — поджал губы Берия. — Очень-очень жаль... Так что там с этим сержантом?

— Смотрите, Лаврентий Павлович! Если мы отправим её туда, то убьём сразу несколько зайцев. Она будет под моим присмотром почти всё время, вместе с Сашей. К тому же, я заметил, что она ему понравилась, что неудивительно. Молодая, красивая. Другое дело, что она сама его терпеть не может, считает лжецом и чуть ли не преступником, едва не убила недавно. Если он к ней привяжется, это станет ещё одним якорем для него, чтобы быть с нами. Это на тот случай если установка спадёт, ведь такое полностью исключать нельзя.

— Что верно то верно! — согласился с ним Берия. Он задумался. Николай тоже молчал. Наконец, глава НКВД очнулся и посмотрел на него. — Знаешь, мне нравится твоя идея. Так и сделаем! Подготовь приказ насчёт неё и завтра поедете туда. А сержант приедет отдельно.

— Слушаюсь, Лаврентий Павлович! — встал навытяжку Николай.

— Брось, Коля! — махнул рукой Берия. — Кстати, ты уже купил два ящика нашего коньяка?

— Я? — улыбнулся тот. — Даже и не думал, всё равно вы опять проиграете!

— Эх, Коля, не умеешь ты останавливаться в своём азарте! На этот раз ты пролетишь, мамой клянусь! — весело воскликнул Берия.

— Посмотрим, Лаврентий Павлович, посмотрим! — рассмеялся Николай.

Потсдам. Бабельсберг. Усадьба баронессы фон Мантойфель.

20 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Он выехал из дома часа два назад и теперь подъезжал к району Ванзее, двигаясь по Кёнигсштрабе. Машина в идеальном состоянии, заправлена, помыта, тормоза проверены. Сегодня, в честь праздника, был объявлен выходной и множество людей вышли на улицы, размахивая нацистскими флагами и гуляя. Улицы также были украшены флагами, они висели на всех учреждениях и многих жилых домах. Из репродукторов раздавалась бравурная музыка, военные марши, перемежаемые речами Геббельса и Гитлера.

Утром у него была мысль поехать в гости вместе с Лаурой, хоть её и не приглашали, но из клиники позвонил доктор Венцель и попросил девушку немедленно приехать на работу. Оказывается, сегодня ожидалось массовое прибытие раненых из Норвегии, одновременно с этим привезли ещё часть с Запада. Дежурного персонала не хватало и фрау Кох уговорила своего начальника вызвать всех отдыхающих. Поэтому его Цветочек быстро приготовила ему завтрак и он подвёз её до клиники. Перед тем как выпорхнуть из машины, она всласть зацеловала его, а когда он возбуждился, ручками довела Гюнтера до взрыва, отчего он на несколько минут потерял ориентацию в пространстве и времени. Нежно вытерев его член своим платочком, Лаура прошептала «Я очень люблю тебя, мой милый Гюнтер!»

После такого прощания полностью довольный Гюнтер вернулся домой и намеревался заняться своей формой, чтобы привести её в идеальное состояние, но обнаружил что вездесущая девчонка успела позаботиться и об этом. Брюки и китель выглажены, португепя, ремень и сапоги блестят. Словом, просто идеальная спутница жизни! Как только она всё успеваает?

Убедившись, что сам он полностью готов к визиту, Гюнтер занялся автомобилем. Часам к трём, после обеда, всё было готово и он выехал из дома. Пробираясь из города, Гюнтер поймал себя на том что уже почти привык к своему «Опелю» и желание вернуть его сильно ослабло. Что не говори, к хорошему быстро привыкаешь. Нет, всё равно долго ему на нём не кататься, скоро он уедет на войну, а машина... Что с ней делать? Лауру научить? Ага, как же! Сейчас это будет смотреться странно, даже дико. Семье оставить? У отца машина есть, хоть и хуже. Ладно, сегодня он решит этот вопрос.

Перед самым его отъездом раздался телефонный звонок. Это оказалась Ева, которая поздравила его с праздником. Он ответил тем же и прозрачно намекнул что был бы не прочь снова встретиться с ней. Та ненадолго замолчала, а потом сказала что фюрер внезапно снова воспыпал интересом к ней и она не знает когда сможет отлучиться. Голос её был спокойным и Гюнтер невольно заподозрил что она решила отдалиться от него и остаться только друзьями. Если так, то зря надеется, он не отпустит её.

Вот, наконец, справа от дороги начался парк Бабельсберг. Чем-то он напоминал Тиргартен, только заросли здесь были более густые и деревья росли плотно. За парком, он знал, было озеро Тифер, на котором некоторые берлинцы купались, загорали или рыбачили. Не доезжая до того места где в будущем расположился стадион имени Карла Либкнехта, он свернул вправо, на небольшую асфальтированную дорогу, ведущую вглубь парка. Проехав не

больше километра, эта дорога упёрлась в здоровенные решётчатые ворота, которые были гостеприимно распахнуты. За ними находился обширный двор, в середине которого был фонтан. На этом дворе стояли десятки роскошных автомобилей, большинство из них были даже лучше чем его «Опель». Водители либо сидели внутри, или протирали тряпками лакированные поверхности своих металлических коней.

Гюнтер нашёл свободное место между дорогим «Мерседесом» и «Майбахом». Вылез из машины, одёрнул китель, поправил фуражку и направился ко входу. Сама усадьба невольно поразила его снаружи. Длинное, двухэтажное здание с колоннами и портиками было покрашено в белый цвет, и казалось каким-то воздушным. На втором этаже располагался огромный балкон или терраса, поддерживаемая колоннами. Оттуда слышались разговоры, смех и музыка. Так как усадьба располагалась в парке, воздух вокруг был напоен ароматом деревьев и цветов, росших возле дома.

Перед входом оказался слуга, одетый в нечто напоминающее ливрею с позументами. Тот учтиво поклонился Гюнтеру и распахнул широкие узорчатые двери. Он вошёл и был оглушен обрушившимся на него валом звуков. Больше сотни людей, мужчин и женщин, разгуливали по огромному залу, разговаривая и наслаждаясь гостеприимством хозяев в виде разных напитков и закусок, стоявших на множестве столиков возле стен. Бесшумные официанты или слуги разносили или уносили на подносах шампанское.

Гюнтер огляделся. Почти все мужчины были одеты в строгие костюмы или смокинги с бабочкой. Волосы у многих были на бриолинене. Молодые, среднего возраста и пожилые, они вели себя степенно и неторопливо, преисполненные важности и достоинства аристократов. В форме были всего несколько полковников и пара генералов.

Женщины сверкали своими вечерними нарядами и блеском драгоценностей. Собравшись группками, они обменивались впечатлениями от праздника или же просто сплетничали, иногда вежливо смеясь и хихикая.

Что ж, раз его пригласили в этот рассадник голубых кровей, значит, не надо теряться и быть робким, тем более это не в его характере. Уверенно взяв бокал шампанского с подноса одного из подошедших к нему официантов, он двинулся вперёд, к центральной лестнице на второй этаж, желая отыскать кого-то из хозяек. Его сопровождали удивлённые и любопытные взгляды некоторых из гостей, видимо, его невысокое звание вызвало у них желание понять как он тут оказался. Гюнтер не обращал на них внимание. Точнее, только на мужчин. На женщин, которые ему понравились, он смотрел не таясь. Его взгляды не были наглыми или долгими, но каждая, на кого он смотрел, понимала что привлекла его внимание и теперь некоторые из них наверняка гадали к какой из аристократических семей он относится.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Гюнтер остановился в раздумьях, куда идти. В обе стороны шёл коридор с несколькими дверьми. Скорее всего, комнаты хозяев. Соваться туда без спроса было глупо, к тому же незачем. Главный же коридор, короткий, упирался в открытые двери, где так же играла музыка и слышался гул разговоров. Наверняка, оттуда можно будет попасть на террасу над входом.

Поразмыслив, Гюнтер двинулся вперёд. Войдя, он понял что этот зал был явно меньше чем на первом этаже. Соответственно, людей тоже было меньше, всего десятка три-четыре. Не спеша попивая шампанское из бокала, он двинулся по дуге, присматриваясь к другим гостям.

Баронессу он обнаружил возле выхода на балкон. Она стояла боком к нему,

разговаривая с какой-то красивой женщиной. Мария была одета в длинное персиковое платье почти до самого пола, полукруглое декольте открывало вид на впечатляющую грудь аристократки. Волосы убраны в замысловатую причёску, несколько завитых локонов спускались по вискам, обрамляя её очаровательное лицо.

Её спутница не уступала ей в привлекательности. Красное, обтягивающее платье ниже колен облегалo стройную фигуру, позволяя Гюнтеру оценить грудь незнакомки, которая хоть и уступала баронессе по размеру, но всё равно оставалась довольно заманчивой для мужского взора. В отличие от Марии, волосы у женщины не были собраны в какую-то причёску, они просто спускались по плечам густой волной. Обе красавицы были обуты в туфли на высоких каблуках, подчёркивающие их длинные, красивые ноги, как и большинство присутствующих здесь дам.

Женщины о чём-то разговаривали, время от времени отпивая шампанское из своих бокалов. Гюнтер, улыбаясь, решил незаметно подойти поближе, прячась за одной из пар гостей, которые медленно двигались к дамам. Хитрый манёвр удался, обе дамы, увлечённые разговором, не заметили его, даже когда он подошёл к ним на несколько метров и повернулся спиной, сделав вид что любит висевшей на стене картиной. К тому же его почти закрывала штора возле выхода на балкон. Такая уловка позволила ему услышать кое-что интересное, причём о самом себе.

— Ну и где же твой герой, милая Мария? — иронично спросила незнакомка, её голос прямо лучился весёлой насмешкой.

— Не знаю, Ребекка. Он обещал приехать. Возможно, что-то случилось? — ответила ей баронесса с ноткой обеспокоенности.

— Может, его не отпустили со службы? — спросила Ребекка. — Ты же говорила что он охранник нашего фюрера? Сегодня праздник, вполне возможно что он сейчас в парадной форме охраняет его в рейхсканцелярии... — предположила она.

— Нет, это вряд ли. Я попросила одного знакомого сделать всё чтобы ему дали в этот день выходной.

— Я смотрю, тебе он очень понравился, признайся же, Мария? — игриво спросила Ребекка. — Понимаю тебя, подруга, если бы меня спас от смерти какой-нибудь сильный красавчик, то и я захотела бы отблагодарить его так чтобы ему понравилось.

— Не говори ерунды, Ребекка! — послышался слегка раздражённый голос Марии. — Моё отношение к нему основывается только благодарностью и ничем больше! Да, он высокий и, возможно... довольно симпатичный, но это тут не при чём!

— Неужели? — ответила ей подруга. Гюнтер буквально спиной почувствовал как та насмешливо смотрит на баронессу. — Значит, ты не будешь возражать, если немного пофлиртуешь с ним? Естественно, если он мне понравится?

— Не узнаю тебя, Ребекка... — ответил ей напряжённый голос Марии. — С каких это пор тебе стали нравиться мужчины младше себя? Насколько я помню, ты считаешь их глупыми и неинтересными? Кстати, а как же граф Шверин, дорогая?

— А что граф? У нас с ним уже давно ничего общего, чисто деловые отношения. А насчёт молодых мужчин? Возможно, я не права, кто знает? — хихикнула та. — Но ты не ответила на вопрос, милая?

— Делай что хочешь! — спокойно сказала Мария. — Только избавь меня от своих фантазий!..

Дальше Гюнтер слушать не стал. Он медленно вернулся ко входу, а потом, уже не

скрываясь, двинулся к женщинам со своей фирменной улыбкой. Сначала его заметила подруга Марии, мельком кинув на него взгляд. Но тут же она снова посмотрела на него и уже не отрывала его. Сама Мария, тем временем, что-то говорила ей, но видя что та не слушает, тоже посмотрела в его сторону.

— Здравствуйте, очаровательные дамы! — поприветствовал их Гюнтер, улыбаясь и смотря на них сверху вниз. — Баронесса! Вы выглядите просто сногсшибательно! — он учтиво поцеловал ей руку, воспользовавшись тем что она застыла глядя на него. Впрочем, Гюнтер в долгу не остался, его взор мгновенно охватил её всю, заставив Марию отвести взгляд. — А как вас зовут, прелестная незнакомка? — обратился он к её подруге, которая успела прийти в себя и улыбнулась ему в ответ.

— Здравствуйте, Гюнтер! — наконец, пришла в себя Мария. — Это моя подруга...

— Графиня Ребекка фон Нейбург, оберштурмфюрер! — улыбнувшись, представилась та, опередив баронессу. — Приятно познакомиться с таким мужественным офицером, благодаря кому я ещё имею удовольствие общаться со своей лучшей подругой!

— Не стоит, графиня! Я сделал то что должен был сделать не только как офицер, но и как нормальный мужчина! — любезно ответил Гюнтер и также приложился губами к ручке графини. — И хочу добавить, мне также очень приятно познакомиться с такой очаровательной подругой баронессы!

— Вы льстец, оберштурмфюрер! — покачала головой графиня, лукаво глядя на него. — Уверена, такие комплименты вы раздаёте многим женщинам, не так ли?

— Тут вы ошибаетесь, графиня... — ответил ей Гюнтер. — Я вообще не любитель пустых комплиментов и если я говорю их, то потому что вижу что они заслуженны, как например, сейчас.

Баронесса смотрела на них, слегка прищуриив глаза, на лице застыла дежурная улыбка. Графиня, бросив на неё быстрый взгляд, подхватила его под руку, одновременно, глазами показав сделать ему то же самое с Марией. Усмехнувшись, Гюнтер подчинился.

— А что мы тут стоим, друзья? — внезапно спросила Ребекка. — Сейчас наша баронесса должна сказать речь, а потом начнутся танцы, верно?

— Ты права, Ребекка, я совсем забыла об этом! — откликнулась баронесса, осторожно освобождаясь из-под его руки. Гюнтер не мешал ей, решив попробовать заставить её немного поревновать. Судя по поведению графини, та решила сделать то же самое.

— В таком случае, идём!

Они все вместе спустились в зал на первый этаж. Гюнтер шёл под руку с Ребеккой, которая слегка прижималась к нему, время от времени поглядывая на подругу. Мария же, со своей фирменной холодной улыбкой, шла рядом. Выйдя к середине зала, она подняла свою руку и музыка смолкла. Гости, оторвавшись от своих бесед и поглощения напитков, потянулись к ней, образовав большой круг. Баронесса улыбнулась и заговорила:

— Дамы и господа! Сегодня знаменательный день для всех нас! И не только для нас но и всего Рейха! Сегодня мы празднуем день рождения нашего фюрера! Человека, который не только сделал Германию сильной, но и вселил веру во всех нас! Что пришло, наконец, время, когда мечты каждого немца о единой и независимой Германии сбылись! Всего за семь лет наш фюрер сделал то что не смогли сделать множество курфюрстов и даже императоров! Он не только объединил страну и вернул нам наши исконные земли но и вселил немцам уверенность в себе, в своей жизни! И поэтому, в этот день, я хочу пожелать нашему фюреру, Адольфу Гитлеру, долголетия, верных соратников и дальнейших успехов в его нелёгком

труде на благо страны! Хайль, Гитлер!

— Зиг хайль!!! Зиг хайль!!! Зиг хайль!!! — загремело в зале. Мужчины и женщины, подняв левой рукой бокалы с шампанским, кричали во весь голос. У некоторых в зале Гюнтер видел слёзы, у других горели глаза когда они вскидывали вверх правые руки. В этот момент они чувствовали себя одним целым, мощным кулаком готовым разбить или раздавить любого кто помешает им. Баронесса взяла свой бокал и, не отрываясь, выпила его до дна. Её примеру последовали многие, в том числе и Гюнтер с Ребеккой.

Оркестр грянул военный марш и многие мужчины стали подпевать ему. Гюнтер, в сопровождении графини, подошёл к Марии и сказал:

— Отличная речь, баронесса! И, главное, всё правильно сказали!

— Вы правы, оберштурмфюрер, я тоже так думаю! Наша Мария хоть и не любительница ораторствовать как доктор Геббельс, но если всё-таки скажет то всегда по делу! — поддержала его графиня. — Кстати, вы не будете возражать если мы все станем называть друг друга по имени? Все эти звания и титулы иногда так утомляют.

— Я не против, Ребекка! — улыбнулся он. Графиня повернулась к подруге и та, нехотя, кивнула.

— Вот и хорошо, Гюнтер! — начала Ребекка. — А теперь, я хотела бы..

— Гюнтер!!! Вот ты где! А мы тебя ищем! — откуда-то налетели на него дочери баронессы, обдав его ароматом своих духов и оглушив криками. Марию и Ребекку ненароком оттеснили и они немного ошарашенно наблюдали за этой сценой.

Гюнтер с удовольствием любовался ими. Все три сестры были красивы по своему и вечерние наряды усиливали это впечатление. На Ирме красовалось голубое платье с шарфом того же цвета на плечах. Амалия выбрала себе ослепительно-белое платье с кружевами на груди. А Грета предпочла одеть нежно-розовое, с длинным подолом.

— Девочки, скажу вам честно! Будь у меня три брата-близнеца, обязательно бы рекомендовал им познакомиться с вами, пока какие-нибудь ушлые ухажёры не опередили их! — с искренним восхищением произнёс он. Да ему и не требовалось притворяться, все три красавицы буквально сияли своей молодостью, красотой и жаждой жизни.

Все три девушки весело рассмеялись. К ним присоединилась улыбнувшаяся баронесса вместе со своей подругой. Внезапно заиграла какая-то мелодия и Ирма встрепенулась:

— Гюнтер, пойдём танцевать! Я первая!

Не успел удивлённый Гюнтер понять в чём дело как уже кружился в танце с дочерью баронессы, обхватив одной рукой её талию а другой держа за ручку. В своём мире он танцевать не слишком умел, но сейчас, видимо, помогла память тела, потому что его движения получались изящными и правильными. Странно, он даже не может вспомнить как называется этот вальс, а тело спокойно танцует, как на автопилоте. Удивительное ощущение! Главное, не пытаться его контролировать.

Глаза Ирмы, устремлённые на него, светились радостью, улыбка на губах не покидала их. От быстрых, стремительных движений вальса с её плеч слетел голубой шарфик, но когда он хотел подобрать его, она крикнула:

— Нет, Гюнтер, оставь! Не останавливайся!

Он подчинился и забыл об этом. Чувствовать рукой стройное женское тело было восхитительным ощущением. Гюнтер знал что некоторым людям приедаются многие чувства, даже сам секс. К счастью, у него такого не было и в помине. Возникло сильное желание крепче схватить это тело, прижать к себе, чтобы почувствовать его вплотную, а

потом... Стоп, Гюнтер, очнись! Что за буйство гормонов? — попытался он прийти в себя. Или это дар богини развивается, делая его гиперсексуальным? В конце концов, Ирма дочь баронессы, женщины которая ему нравится. Более того, ему нужно свести с ней знакомство, чтобы проникнуть в высший свет. А если он хотя бы даст ей намёк что ему нравится её дочь... Последствия будут печальными. Так что надо успокоиться. Глубокий вдох и выдох... А теперь повторить. И ещё раз!

Танец закончился, но только Гюнтер хотел отойти за новым бокалом, как заиграла следующая мелодия и, откуда не возьмись, перед ним появилась слегка смущённая Грета. Потупившись, она остановилась перед ним. Незаметно вздохнув, он снова улыбнулся и, положив руку на талию девушки, снова закружился в танце. За всё время танца девушка так и не осмелилась поднять на него взгляд, крепко вцепившись в Гюнтера. Он сам тоже решил не форсировать разговор и очень удивился, обнаружив что его рука каким-то образом слегка сползла с талии и теперь покоилась, скорее, на верхней границе попки девушки. Слегка покраснев от такого самовольства собственной руки, он вернул её на место и до конца танца бдительно следил чтобы та вела себя пристойно. Сама Грета, как будто, не заметила этого движения, хотя Гюнтер был уверен что она всё почувствовала.

Наконец, и этот танец закончился. Кое-что заподозрив, Гюнтер был начеку и вовремя заметил нетерпеливую Амалию, которая стояла невдалеке, вместе с матерью, Ребеккой и своей сестрой, с которой она что-то обсуждала, улыбаясь и кидая на него загадочные взгляды. Едва смолкли последние аккорды, как Амалия тут же закончила разговор и двинулась к нему, но Гюнтер опередил её:

— Извините, девочки, мне хочется немного выпить! Грета, Амалия, я предлагаю тост!

С этими словами, он взял с подноса очередного официанта бокал шампанского и проследил чтобы все три сестры сделали то же самое. Сама баронесса, с дежурной улыбкой, и её подруга графиня с искренней, тоже подошли ближе и обступили его, держа свои недопитые бокалы.

— Дорогие фройляйн! — начал он, с улыбкой смотря на них. — Да, я обращаюсь так ко всем кто сейчас стоит рядом, потому что вижу, что несмотря на свой реальный возраст, вы все выглядите очень молодо и готовы многим женщинам и даже девушкам дать большую фору! Прежде всего, я хочу поблагодарить несравненную баронессу, за то что она пригласила меня на такой знаменательный праздник и дала возможность увидеть себя, да и вас, в таких замечательных нарядах, которые ещё больше подчеркнули вашу природную красоту! Я счастлив что нахожусь сейчас здесь и имею возможность высказать вам свою благодарность за это! Поэтому предлагаю тост — за очаровательных фройляйн! За то, чтобы вы всегда оставались такими же красивыми, весёлыми и жизнерадостными!

Он поднял свой бокал и осторожно прикоснулся им к бокалам всех остальных девушек и женщин.

— Спасибо, Гюнтер! — поблагодарила его графиня, залпом допив свой бокал и глядя на него сияющим взглядом. — Нам было очень приятно! Правда, Мария?

— Да, Ребекка, ты права! — ответила баронесса, тоже опустошив свой бокал. Гюнтер заметил что она немного покраснела, то ли он его слов то ли от выпивки. — Я уже знаю, что Гюнтер знаток комплиментов.

«Такое ощущение что она хочет меня уколоть? Или кажется? Нет, определённо мне надо сегодня с ней поговорить!» — решил он.

— Притом заслуженных комплиментов! — подчеркнула графиня, взяв новое

шампанское с подноса подошедшего официанта. Но едва тот хотел пойти дальше, как она взяла ещё один бокал и буквально ткнула его в руки баронессы, вызвав у той удивлённый взгляд.

— Гюнтер, ты так красиво говоришь! — воскликнула Ирма, ненавязчиво пытаясь пристроиться рядом.

— Я согласна с сестрой, так бы и слушала! — поддержала её Амалия, встав с другого бока. Смущённая Грета лишь кивнула.

— Извините, мои красавицы, я вас ненадолго покину! — негромко сказал Гюнтер. — Обещаю вернуться минут через пять.

Дамы, прыснув, милостиво кивнули и, довольный собой, Гюнтер направился на поиски отдельного мужского кабинета для размышлений о сути бытия. Уточнив у официанта его расположение, он свернул в коридор и, дойдя до нужной двери, зашёл внутрь. Сделав своё дело, Гюнтер направился обратно в зал, размышляя, что, вопреки опасениям, ничего плохого с ним не случилось и вообще, обстановка ему нравится. Возможно, эти спесивые аристократы не такие уж снобы и с ними можно иметь дело. По крайней мере, с некоторыми.

Выходя из-за угла, он случайно столкнулся с каким-то мужчиной лет сорока, одетым в смокинг и благоухающим парами алкоголя. Сам Гюнтер, вопреки обещанию не пить, данному самому себе, не смог отказать себе в удовольствии отведать изысканного шампанского, к тому же, не хотелось выделяться среди других гостей. Мужчина пошатнулся и, разглядев Гюнтера, прорычал:

— Чёрт вас возьми, оберштурмфюрер! Вы что, не видите куда идёте?

Едва угасшее чувство презрения к спесивым аристократам снова всколыхнулось в Гюнтере, из-за чего он с трудом удержался от того чтобы не послать этого благородного алкаша куда подальше с использованием фронтовых словечек и лексикона из двадцать первого века. Задав в себе гнев он молча обошёл его и направился дальше, стараясь не прислушиваться к ворчанию мужчины. Нет уж, хватит! Один раз он уже поддался своим чувствам и чем это закончилось? Если бы не Ева, ну и Лаура, то он, возможно, уже был бы мёртв. Надо быть сдержаннее.

Вернувшись, он тут же попал в плен хитрой Амалии которая, ласково улыбаясь, вцепилась в него нежными ручками и утащила на очередной танец. Гюнтер видел, как Ирма и Грета, хихикали глядя на них, причём Грета шептала что-то сестре на ухо, отчего та покраснела и внимательно посмотрела на него.

«Неужели она рассказала про мою руку?» — слегка растерявшись, подумал он, в результате чего они едва не врезались в другую парочку. Увидев его взгляд на сестёр, Амалия прижалась к нему чуть ближе, отчего вид сверху на её грудь стал ещё краше. Постаравшись сосредоточиться, Гюнтер улыбнулся и теперь смотрел только ей в лицо, с трудом сдерживаясь чтобы не смотреть ниже шеи, хотя глаза так и норовили лучше разглядеть что скрывается в декольте у девушки. Мельком брошенный взгляд на баронессу с графиней, которые разговаривали друг с другом, и он увидел как к ним подошёл его, так сказать, обидчик, тот с кем он столкнулся, возвращаясь из туалета. На следующем пируэте Гюнтер увидел как незнакомец, с усмешкой учтиво кивнув головой баронессе, настойчиво потянул графиню за собой, сказав ей перед этим какую-то фразу. Та, закатив глаза, нехотя пошла за ним, показав подруге что делает это вынужденно. Мария же неотрывно смотрела им вслед, сжимая бокал с шампанским и кусая губы.

Дождавшись, когда танец закончится, Гюнтер учтиво, за руку, проводил довольную Амалию к сёстрам, а сам подошёл к аристократке. Та продолжала смотреть вслед парочке, автоматически цедя шампанское.

— Что-то случилось, Мария? — спросил он, нависнув над ней. Та вздрогнула и обернулась к нему. Она попыталась вернуть себе на лицо свою маску отстранённости и спокойствия, но безуспешно.

— Нет, всё в порядке, Гюнтер... Просто... — Мария замолчала, словно сомневаясь говорить ему или нет.

— Мария! — он взял её руку своей, ощутив как та мелко дрожит. Опомнившись, она попыталась вытащить свою руку но Гюнтер держал, не отпуская. — Скажи мне! Я же вижу, случилось что-то неприятное. Кто тот незнакомец, что увёл твою подругу против воли?

— Ты видел? — изумилась она, бросив попытки вырвать свою руку.

— Да, я видел. И мне не понравился этот тип! — он не стал рассказывать ей что уже успел свести неприятное знакомство с этим аристократишкой. — Рассказывай! — надавил он, глядя ей прямо в глаза.

Баронесса несколько секунд колебалась, смотря в сторону, но потом, словно сдавшись, она заговорила, тихо но твёрдо:

— Это был граф Шверин, бывший... знакомый Ребекки. Раньше она с ним встречалась, но оказалось, что он на самом деле явно не такой каким всем кажется. Он очень жестокий, самоуверенный и жадный. Одно время граф уверял Ребекку что любит её и хочет на ней жениться и только счастливая случайность помогла ей понять его истинную натуру. Она подслушала как в пьяном виде он рассказывал другу что хочет жениться на ней и завладеть всем её состоянием а потом бросить её. А если та будет против или начнёт скандалить, то у него есть знакомый в гестапо, который может сфабриковать против неё обвинение в измене или в чём угодно, и тогда Ребекку отправят в концлагерь. А там она не выживет! — внезапно всхлипнула Мария, несказанно удивив его. Даже при пожаре она вела себя сдержанно и спокойно, а тут... — Я не знаю что делать, Гюнтер! Я боюсь за неё... и за себя.

— Но при чём тут ты? — спросил Гюнтер. — Неужели он и к тебе подкатывал? — сжал он кулаки от злости. Если этот ублюдок начнёт распускать свои грабли к его женщине...

— Нет, что ты! — она пыталась сдержаться, но слёзы продолжали катиться из глаз. — Он мечтает завладеть моим предприятием и акциями. Он очень жадный, ему всегда мало! Имущество множества еврейских семей осело у него. Граф продавал их квартиры, машины, но ему ничего за это не было. Говорят, даже сам Гиммлер благоволит ему, поэтому с ним боятся связываться.

— Так! — сказал Гюнтер, пытаясь понять что ему делать. — Подожди, а зачем ты тогда его пригласила, если знаешь какая он скотина?

— Я его не приглашала! — чуть не закричала Мария. Она, не отрываясь, допила шампанское и тут же взяла новое. — Он сам пришёл, самовольно! Сказал, что хочет отметить у меня день рождения фюрера и просто поговорить с Ребеккой. Я подозреваю, что он может её заставить сделать... то что ей не хочется! Я не могла его выгнать, понимаешь?! — закончила она, осторожно вытирая глаза неведомо откуда взявшимся платочком.

Вот какие тут дела творятся, за внешней дворянской благопристойностью. И что теперь делать? Определённо, надо ставить эту зарвавшуюся скотину на место. Интересно, как? Вседозволенность никогда не доводит до добра.

— Стой здесь! — властно проговорил он. — Я сейчас что-нибудь придумаю! — С этими словами он направился в сторону, куда исчезли граф с Ребеккой. Краем глаза он заметил удивлённые и непонимающие лица сестёр, которые смотрели на него.

— Гюнтер, не надо! — раздался сзади умоляющий голос баронессы. — Ты всё равно ничего не сможешь сделать! Граф говорил что всегда получает то что хочет и никогда не проигрывает!

Он обернулся к ней и улыбнулся. Должно быть, его улыбка была довольно страшной, потому что Мария испуганно поднесла руку ко рту.

— Есть такое выражение, Мария... «Никогда не говори никогда!» Сегодня он получит то что давно заслужил.

Гюнтер твёрдым шагом шёл по коридору, заглядывая во все комнаты. Ни графа ни Ребекки не было. В голове словно застыл холод. Он отчётливо понимал что, скорее всего, делает сейчас большую ошибку. Вступается за какую-то, в сущности, постороннюю женщину. Да, красивую... да, весёлую, умную, богатую... да, лучшую подругу Марии. Если он сделает то что хочет, то получит во враги графа, жестокого, мстительного и обладающего связями вплоть до «наци № 4» в Рейхе. Несомненно, тот попытается расправиться с ним, а если не сможет, попросит помощи у Гимmlера. В результате, Гюнтер получит дополнительные, совершенно ненужные проблемы, которые могут отразиться и на других его женщинах, не говоря уже о его главной задаче. Стоит ли игра свеч? Хороший вопрос..

А что с другой стороны? Допустим, он ничего не сделает и просто вернётся назад, сказав Марии что не нашёл их. Тогда эта высокородная мразь просто съест, в переносном смысле, эту Ребекку. А потом? Кто даст гарантии что то же самое не случится с баронессой? Надеяться на дурацкий «авось», как любят делать русские? И ведь этот урод не остановится сам. Он будет продолжать давить всех кого только сможет, пользуясь "крышей" главы СС. Да, возможно, когда-нибудь, найдётся тот или та, кто сможет найти на него управу, но когда это будет? И будет ли? И это не считая того что сам Гюнтер с удовольствием разделал бы его как Бог черепаху. В том числе и за тот инцидент в коридоре. К тому же, если всё получится, баронесса будет ему ещё больше благодарна. Да и графиня тоже.

Гюнтер глубоко вздохнул. Нет, бегать от проблем и трудностей не дело. Появилась? — Надо решать. Говорят, не трогай дерьмо чтобы не воняло. Интересно, какой кретин придумал такое? Ага, куда лучше однажды наступить на него, потеряв осторожность? Нет, намного правильней взять лопату и выкинуть дерьмо туда где оно и должно находиться! Кстати, а это идея...

Наконец, почти в самом конце коридора, послышались громкие голоса. Звуки музыки сюда не долетали и с каждым шагом Гюнтер слышал всё лучше.

... — Оставьте меня, граф! Я вам уже много раз говорила, у нас с вами больше нет ничего общего! — слышался раздражённый голос Ребекки. — Теперь я прекрасно понимаю кто вы такой и у меня нет ни малейшего желания с вами общаться! Отпустите же!

— Прекратите, Ребекка! — ответил ей глумливый мужской голос. — Неужели вы забыли что мне шептали по ночам? Напомнить?

— Как вы смеете говорить со мной в таком тоне, мерзавец?! Немедленно отпустите меня или я не посмотрю что мы аристократы и..

— И что? — самоуверенно засмеялся мужчина. — И ничего! Всё, хватит тут делать из себя девственницу! Я отлично знаю, что тебе было хорошо со мной! Поэтому в последний раз предлагаю забыть этот досадный инцидент и снова слиться в объятиях! Например, вот

этот диванчик очень даже подойдёт, как считаешь? — его смех раздался на всю комнату, заставив Гюнтера ускорить шаг.

— Хорошо!? — вдруг презрительно рассмеялась графиня. — Какой же вы самоуверенный дурак! Я отлично знаю, что вам нужна не я, а моё состояние!

— Ну, одно другому не мешает! — усмехнулся мужчина.

— Хотите правду, граф? Тогда слушайте! За все случаи что у нас с вами были, догадайтесь, сколько раз мне было хорошо с вами? — раздался торжествующий голос Ребекки.

— Ты думаешь, я считал? — удивился граф. — Насколько я помню ты каждый раз говорила что тебе хорошо со мной. Так что..

— Я врала вам, граф! — ответил ему гордый голос Ребекки. — Ни разу!! Поняли? Ни-ра-зу!! — отчеканила она.

— Что значит, «ни разу»? — спросил уязвлённый мужчина.

Гюнтер, тем временем, подошёл к двери и стоял, готовый ворваться, если мужчина потеряет выдержку.

— То и значит, граф. Я каждый раз была вынуждена стонать, охать, ахать, вести себя как какая-то дешёвая проститутка в борделе, чтобы только не обидеть вас! Чтобы вы чувствовали себя довольным и полагали что являетесь настоящим мужчиной! Только вот что я вам скажу, граф Шверин — вы не только не настоящий мужчина, вы вообще НЕ МУЖ-ЧИ НА!!! — буквально по слогам выкрикнула она.

Настало продолжительное молчание. Гюнтер осторожно заглянул в комнату и увидел как аристократ, покачиваясь, стоит перед зажатой в угол Ребеккой и, потрясённо, смотрит на неё.

— Ты... ты что говоришь, тварь? — начал он, сжимая кулаки. — Да как ты смеешь, шлюха..

— Что, не нравится правда? — усмехнулась графиня. Глаза её сверкали от гнева и торжества. Гюнтер любовался ею, поистине, некоторые женщины в гнев очень сексуальны. — А что вы ожидали, граф? Повозиться, подёргаться на мне пять минут, а потом всё? Да я даже возбуждаться не успевала, идиот вы этакий! Вы даже не пытались меня поласкать! Быстрее задрать платье и засунуть свой маленький... отросток? Как же я вас презираю! Убирайтесь отсюда пока я не позвала слуг! — выкрикнула она дрожащим от ярости голосом и указала пальцем на дверь.

Граф Шверин, выслушав этот монолог, оскалился и медленно пошёл к ней, расстёгивая свои брюки. В глазах графини мелькнул страх, она вскрикнула и попыталась прорваться вдоль стенки но мужчина, прыгнув, схватил её и начал рвать на ней платье, рыча от бешенства:

— Ах ты, шлюха! Ты всё врешь, сука!! Ты всё выдумала, мразь! Сейчас я тебе покажу, подлая тварь, что такое настоящий мужчина! Ты у меня так сосать будешь что все проститутки Берлина завидовать станут!..

— Отпусти, сволочь! На помощь, помогите!! — закричала женщина, пытаясь вырваться и укусив графа за руку, которой он хотел заткнуть ей рот. Гюнтер, не медля ни секунды, ворвался внутрь и тут же прыгнул к парочке. Глаза Ребекки, увидевшей его, сверкнули радостью, она хотела что-то крикнуть, но как раз в этот момент обезумевший от ярости граф ударил её кулаком в живот и женщина, поперхнувшись и согнувшись от боли, повалилась на пол.

От такого поступка аристократа, Гюнтер почувствовал что все его тормоза слетают, а голову наполняет туман ярости. Примерно такое же состояние у него было когда они с Алексом заступились перед мигрантами за женщину. Абсолютное чувство правоты и полное равнодушие перед последствиями.

Не успел граф обернуться как Гюнтер со всей силы ударил его каблуком сапога в спину. Тот с грохотом влетел в тумбочку у стены и снёс её своим телом, навалившись сверху. Но, видимо, опьянение снизило болевое ощущение потому что урод сразу начал подниматься. Утвердившись на ногах, он посмотрел на него и прохрипел:

— Ты!?

— Я! — ответил Гюнтер и быстро пошёл к графу. Тот оказался не робкого десятка и не чуждался забав английских аристократов в виде бокса. Он, несмотря на опьянение, принял подобие боксёрской стойки и пошёл ему навстречу. Они встретились и Гюнтер, увернувшись от очевидного правого хука, пробил ему свой по челюсти. Его голова откинулась, и он сам пошатнулся. Разъярённый Гюнтер добавил ему левой рукой по животу, а когда тот согнулся, пытаясь вдохнуть воздух в лёгкие, с удовольствием пробил ему ногой в пах. Не по-мужски? Ах как жаль что ему плевать! Этот чмошник пытался изнасиловать женщину, к тому же подругу его Марии! Да за это можно вообще раздавить его яйца сапогами, чтобы он не плодил потомство таких же сволочей.

Шверин скулил, лёжа на полу, одной рукой взявшись за живот, другой за пах. Не отошедший от ярости Гюнтер добавил ему ещё несколько раз сапогами по животу и спине, приговаривая:

— Не смей бить женщин, сука!.. Понял? Думал, что тебе всегда всё сойдёт с рук? Получай! Думал, что Гиммлер всегда защитит? Нет, не защитит! На-а! Потому что ты сам по себе мразь, скотина и дерьмо! Нравится?! — рычал Гюнтер в ярости на мажора-аристократа.

Внезапно он почувствовал как его плеча кто-то слегка коснулся. Гюнтер обернулся готовый продолжать если вдруг к графу пришли на помощь. Но это была графиня. Дрожащая, заплаканная, в разорванном на груди платье, она смотрела на него и шептала:

— Хватит, Гюнтер... хватит.

Не выдержав, он обнял её и прижал к себе, постепенно остывая. Женщина с благодарностью вжалась лицом ему в грудь и затряслась от рыданий, видимо, у неё начался отходняк, подумал Гюнтер.

— Ты очень сильно пожалеешь. кх, кх... тебя повесят, щенок... — хрипел, лёжа на полу граф. Встать он ещё не мог, но язык его уже слушался. — Вы все пожалеете об этом... Все... Я вас сгною... Всех ваших родных... кх... в концлагерь бросят..

Гюнтер понял что ещё ничего не закончилось. Всё только начинается.

Под ложечкой засосало от понимания того что он собирается делать. Да, это грязь. Но иногда бывают такие ситуации когда есть выбор не между хорошим и плохим вариантами, а между плохим и очень плохим. Вот только Ребекке это видеть не стоит. Он взял её на руки и вынес из комнаты, она доверчиво обняла его за шею.

— Гюнтер, спасибо... — раздался её тихий голос. — Что теперь будет? — женские глаза со страхом смотрели на него, жаждая услышать утешение. И он дал его, окончательно решив что назад дороги нет. Мосты сожжены.

— Всё самое худшее для тебя уже позади, Ребекка! Поверь мне. Остальное — только моя забота... — успокоил её Гюнтер. И она поверила. Просто прижала голову к его груди, крепче обняла за шею и затихла, закрыв глаза. Посмотрев вниз на женщину, он увидел сосок,

выглянувший из разорванного ворота платья и отвёл глаза.

— Гюнтер! Ребекка! — послышалось из-за поворота и, не успев Гюнтер опустить графиню, как прямо на них выбежала баронесса с испуганным лицом. Она отшатнулась, увидев их и вскрикнула от неожиданности. — Что... Что тут случилось? Ребекка?

— Мария... — еле слышно прошептала её подруга, приоткрыв глаза.

— Боже... Что с вами? — расширившимися от удивления глазами спросила баронесса. На лице и следа не было той холодной надменности и спокойствия. Ребекка хотела что-то сказать, но бурно расплакалась, сотрясаясь от рыданий. Гюнтер тяжело вздохнул и заговорил:

— Графиню едва не изнасиловал этот ублюдок... граф Шверин. Я успел в последний момент. Мария, отведи нас в комнату где бы я мог оставить Ребекку, и, если сможешь, помоги ей прийти в себя. Хорошо?

— Хо... хорошо... — сглотнув, ответила баронесса. Она приблизилась к подруге и погладила её по голове, откинув волосы с лица. — Милая моя... Ребекка... — и тоже заплакала.

Гюнтер вынужден был поторопить её. Ещё столько дел, а времени мало.

— Мария! — прикрикнул он. — Веди меня в комнату!

— Да-да, идём! — с трудом взяла себя в руки баронесса и пошла впереди, то и дело оглядываясь на них. — А где граф? — вдруг спросила она.

— Не беспокойся, он больше никому из нас не причинит зла. Обещаю! — зло улыбнулся Гюнтер.

— Ты его...? — с ужасом посмотрела она на него. Даже графиня перестала плакать, смотря на него во все глаза.

— Нет! — ответил он. — Но хотел... — признался Гюнтер.

— Если он умрёт то гестапо нас всех уничтожит... — убито произнесла Мария, открыв дверь одной из комнат где располагалась роскошная кровать. Гюнтер прошёл к ней и попытался осторожно положить графиню, но та вцепилась в него и не отпускала.

— Нет, Гюнтер! Не уходи, пожалуйста! Я боюсь!.. — её заплаканные глаза с мольбой смотрели на него. Баронесса присела рядом и взяла её за руку.

— Успокойся, Ребекка, всё уже закончилось! — начал уговаривать он, пытаясь осторожно отцепить её пальчики от своей формы. — Тебе ничего не угрожает. Я обо всём позабочусь.

— Он расскажет в гестапо и нас всех убьют... — прошептала она.

— Не расскажет, обещаю. Я поговорю с ним и всё будет хорошо! — спокойным, уверенным голосом сказал Гюнтер.

— Он не послушает тебя, Гюнтер, я знаю его! — возразила женщина.

— Меня послушает. Я знаю как обращаться с такими как он. Просто верь мне. Ладно? — он подмигнул ей и улыбнулся. Графиня перевела взгляд на подругу и та кивнула, подтверждая его слова.

— Я верю тебе, Гюнтер. Поцелуй меня... — внезапно попросила женщина.

— Что? — удивился Гюнтер и удивлённо посмотрел на баронессу. Та тоже ошарашенно глядела на неё.

— Мне... — Ребекка замялась. — Я не хочу чтобы последний поцелуй который был у меня, оказался от этого... — женщина скривилась. — Прости, Мария! — она просительно глянула на неё. Та медленно кивнула. Гюнтер мысленно пожал плечами и наклонился,

намереваясь поцеловать её в щёку, но та в последний момент повернула голову и буквально впилась ему в губы, захватив врасплох. Губы у графини оказались мягкими и солёными, видимо, от слёз. Поцелуй продолжался секунд пять, после чего Ребекка сама оторвалась от него и повернулась на бок, пряча лицо от них.

Гюнтер встал, напоследок положив руку на плечо графини. Она благодарно положила свою ручку сверху и слегка пожалала её.

— Спасибо ещё раз... — еле слышно донеслось от неё.

— Если бы я это не сделал, то перестал бы уважать себя... — тихо ответил он. Встряхнувшись, Гюнтер повернулся к Марии, которая продолжала сидеть рядом с подругой, и сказал:

— Мария, посиди здесь, вместе с подругой? Ей нужна твоя помощь.

— А ты? — её взгляд встревоженно метнулся к нему. — Что ты будешь делать?

Гюнтер усмехнулся. Ответ очевиден.

— Решать проблему и размешивать ту кашу которую мы заварили! — мрачно ответил он.

— Размешивать кашу? — непонимающе спросила она.

Гюнтер досадливо поморщился. Похоже, эту поговорку баронесса ещё не слышала, хотя Алекс говорил что она уже была довольно распространена даже в это время.

— Не обращай внимания. Всё, я пошёл! — развернулся он к двери.

— Подожди! — вдруг вскрикнула она и метнулась с кровати. Удивлённый Гюнтер снова обернулся и едва успел поймать её в объятия. Горячие губы прижались к его губам, а язык настойчиво пытался ворваться внутрь. Аромат изысканных духов окутал его, грудь из выреза платья тесно прижалась к нему, и Гюнтер почувствовал как его орган начал оживать от трения об него соблазнительных бёдер и живота. Её руки обхватили его за шею и он не выдержал. Застонав, Гюнтер одной рукой схватил баронессу за грудь, другую положил на задницу и стал наощупь лихорадочно искать вырез, чтобы проникнуть под тонкую ткань. И едва расслышал её шёпот:

— Пожалуйста, Гюнтер, не сейчас... пожалуйста... прошу тебя..

Она не вырывалась и не мешала его рукам. Мария просто просила его. Её глаза смотрели на него, сверкая сквозь маленькие слезинки. И он остановился. Грудь ходила ходуном, руки дрожали, сердце билось как сумасшедшее, член превратился в стенобитное орудие... Но он сильнейшим усилием воли взял себя в руки и отстранился. Застегнул форму, привёл дыхание в норму и хрипло сказал:

— Ты будешь моей, Мария. Чего бы мне это не стоило. Не важно кто или что будет мешать этому. Ты — моя женщина и никто, даже фюрер, не отберёт тебя у меня... Ты поняла?

Губы её слегка дрогнули и он, скорее почувствовал, чем услышал:

— Да..

Посмотрев на неё ещё несколько секунд он вышел из спальни Марии и уверенным шагом направился в сторону той комнаты, где оставил эту аристократическую свинью под названием граф Шверин.

Пора было закончить дело и решить проблему так как он задумал. План не идеальный, даже грязный, но лучшего он не придумал. Иногда, чтобы помочь близким или просто хорошим людям, приходится запачкать руки. И только самому человеку решать как далеко он готов зайти ради этого.

Потсдам, Бабельсберг. Усадьба баронессы фон Мантойфель.

20 апреля 1940 года. Вечер.

Гюнтер Шольке.

Гюнтер уже подходил к комнате, когда заметил графа, который мелкими шажками выходил из неё, держась обеими руками за пах и постанывая от боли. Увидев его, он замер, а его лицо скривилось от ненависти:

— Проклятый щенок! Я тебя завтра же...

Что именно граф хотел сделать с ним, Гюнтер слушать не стал, так как с большим удовольствием снова ударил его кулаком по печени. Аристократ издал полузадушенный крик и снова повалился на пол, неспособный что-либо сделать.

— И куда это ты собрался, графское отродье? — ухмыльнулся Гюнтер, присев рядом с ним на корточки и глядя в лицо. — Я ведь с тобой ещё не закончил.

Он присел на тот диванчик, на котором Шверин хотел воспользоваться графиней и задумался, смотря на корчащегося на полу графа. Что же с ним делать? Убить? С одной стороны это лучше всего. В таком случае этот ублюдок уже никому и никогда не причинит вреда, а многие, наоборот, вздохнут с облегчением. Да и сам Гюнтер будет доволен.

Но и минусы тоже были. Допустим, он убьёт его. Например, задушит подушкой, чтобы было похоже на остановку сердца или удар. Что дальше? Даже если спрятать тело, множество свидетелей видели его здесь, не считая водителя, который подтвердит что привозил сюда своего хозяина. Плюс разные синяки и ушибы на теле. Следователи, понукаемые Гиммлером, будут копать основательно, и наверняка что-то найдут, ведь у Гюнтера нет опыта сокрытия улик. Снимут отпечатки пальцев, которые он, по любому, оставил в комнате, и ему конец. Заодно возьмутся за Марию и Ребекку, и те, скорее всего, сломаются.

Но если ничего не сделать, то уже завтра, по наводке этой мрази, его снова арестуют и на этот раз ему не поможет даже сотня Ев. Может, шантаж, как он и придумал? Гюнтер скривился от отвращения. Сама мысль о том что, возможно, придётся сделать, вызывала у него тошноту. Да, этот граф погань та ещё, но даже для него это будет перебор. Оттащить в туалет, найти какой-нибудь фотоаппарат у баронессы, побоями заставить там жрать... брр... Гюнтера едва не вырвало, представив эту картину. Нет, на такую мерзость он всё-таки не способен, даже ценой опасности для своей жизни! Всему есть предел, и для него это уже слишком. Надо искать другой вариант.

Проклятье! Вот же свалился этот урод на его голову. Хотя, если честно, он сам вписался за подругу Марии, никто его не тянул, даже наоборот, отговаривали. Сам принял решение, значит и отвечать за последствия должен тоже сам. Ладно, придётся всё-таки рискнуть, оставлять графа в живых нельзя. А если всё получится, то ещё можно побарахтаться. Встав с диванчика, он быстро вышел из комнаты, вернулся в зал и, пользуясь тем что большинство гостей смотрели на танцующих, взял с ближайшего стола три бутылки шнапса и шампанского. Вернувшись, обнаружил, что неугомонный граф снова выполз из комнаты и по стеночке идёт к нему, слабым голосом зовя на помощь. Гюнтер мысленно поблагодарил Шверина за то что тот выбрал для разговора с Ребеккой самую дальнюю комнату, куда не

заходили гости. Осторожно поставив бутылки на пол, он подошёл к графу и за шиворот снова втащил его в комнату, не обращая внимания на слабые попытки сопротивления. Усадив его на диванчик, предварительно, снова добавив по печени, чтобы не брыкался, Гюнтер вернулся за бутылками и решил, наконец, сделать то что видел пару раз по телевизору, в детективных фильмах. Всё равно, опыта у него нет, придётся положиться на везение и сделать всё как можно правдоподобнее.

Открыв первую бутылку, он заставил графа открыть рот и начал вливать ему алкоголь в горло, щедро поливая его одежду и лицо. Тот вяло барахтался, отбивался и пытался мешать Гюнтеру, но мало что получалось. Закончив с первой бутылкой, он бросил её на ковёр и открыл вторую. Граф был уже в неадеквате, бессмысленно таращась на него и что-то бурча, всё-таки выжрать целую бутылку одним залпом это не шутка, не считая того что он выпил до этого. Открыв рот безвольно лежащему мужчине, Гюнтер влил ему содержимое и второй бутылки. Шверин пытался отвернуть голову, кашлял, но Гюнтер был неумолим. Наконец, и вторая бутылка оказалась пуста, покотившись по полу. К этому времени граф еле шевелился с закрытыми глазами. Открыв третью бутылку, на этот раз с шампанским, Гюнтер облил мужчину пеной и начал вливать напиток ему в рот. Когда он закончил с этим, граф завалился на диван и звучно захрапел.

Так, что ещё? Точно, чуть не забыл... Вынув платок, он тщательно протёр свои отпечатки с бутылок и так же тщательно, по очереди, вложил эти бутылки в руки графа, после этого снова бросив их на ковёр. Теперь самое главное... Перевернув спящего графа на спину, он взял узорчатую подушку с дивана и крепко прижал её к лицу аристократа. Прошло не меньше десяти секунд прежде чем руки Шверина попытались убрать подушку с лица. Гюнтер прижал сильнее, держа подушку одной рукой, а другой схватил руки графа и прижал над его головой. Раздалось глухое мычание, тот попытался вертеть головой но давление Гюнтера не позволяло ему это сделать. Наконец, почти через полминуты, движения графа начали слабеть и скоро он затих, бессильно опустив руки. Выждав ещё минуту, Гюнтер убрал подушку и внимательно посмотрел на Шверина.

Граф лежал неподвижно, с открытым ртом и полузакрытыми глазами, выразившими недоумение и какую-то обиду. Прислонившись ухом к груди, Гюнтер не слышал биения сердца. Пульс на кисти тоже не бился. Аристократ был мёртв.

Глядя на его тело пустым взглядом, Гюнтер снова положил подушку под голову графу и сел рядом. Он думал, что его будет тошнить, слышал, что первое убийство часто заставляет человека блевать, но обошлось. Возможно, потому что это тело уже убивало. А может, из-за того что сам граф был той ещё скотиной. Гюнтер не знал этого. Ему просто хотелось выпить, но весь алкоголь он влил в Шверина. Вяло подумалось что теперь он избавился от одной проблемы, но появились другие, а значит, надо решать их, ради себя и своих женщин.

Усилив воли придя в себя, он вышел из кабинета и закрыл двери, вытерев их платком. Дойдя до спальни Марии, он постучался и, не дожидаясь, сразу вошёл. Его встретили две пары встревоженных глаз. Баронесса с графиней лежали обнявшись, Мария гладила подругу по голове. Увидев Гюнтера, баронесса спросила, сдерживая дрожь в голосе:

— Гюнтер... что с ним?

Он постарался улыбнуться и сказал:

— Я всё уладил. Вам нечего опасаться.

Баронесса молчала, глядя на него. Графиня тоже смотрела, словно пытаясь проникнуть в его мысли.

— Что ты сделал с ним? — наконец, спросила она.

Гюнтер усмехнулся:

— Мы с ним выпили.

— Что? — удивилась Мария.

— А что вы удивляетесь, дамы? Как оказалось, этот ваш граф настоящий алкоголик!

Только при мне выпил целую бутылку шнапса, причём даже не поделился... — хмыкнул он, покачав головой.

— Я не понимаю... — произнесла графиня, растерянно глядя на свою подругу. — Вы с ним... пили?

— Ну да. После того как я вышел от вас, пошёл к нему в комнату чтобы поговорить. Захожу, а он там уже конкретно пьяный. Даже с дивана встать не может. Я сел рядом, говорю, что недостойно аристократа бить женщину, тем более, другую аристократку...

— А он что? — спросила Мария, прервав паузу.

— Что? — переспросил Гюнтер, ложась рядом с ними. Внезапно накатила усталость, хотелось закрыть глаза и заснуть. Странно как-то убийство на него подействовало... — Он ответил что просто вышел из себя, понимает что не прав и завтра принесёт вам извинения.

— Гюнтер, но ведь ты с ним дрался! Он захочет отомстить тебе! — схватила его за руку Ребекка.

— Не захочет. Сказал что на моём месте поступил бы так же, если бы на его женщину напал посторонний мужчина... — ответил Гюнтер. Он заметил что при этих словах обе подруги переглянулись, при этом графиня слегка покраснела. Внезапно он понял что сказал, случайно причислив Ребекку к своим женщинам. Проклятье, опять чёртов язык подвёл его!

— А потом? — спросила графиня, избегая смотреть на него.

— Потом он велел мне убраться из комнаты, сказав что я мешаю ему наслаждаться вкусом великолепных напитков баронессы. Не удивлюсь, если он так и заснёт в той комнате. Думаю, нам не стоит до утра его беспокоить, пусть проспится..

— Мы и не собирались... Правда, Мария? — спросила Ребекка.

— Конечно... Скажи, ты точно думаешь, что он ничего не сделает ни нам ни тебе? — внимательно глядя на Гюнтера, спросила баронесса. Он уверенно кивнул головой, ответив тем же взглядом:

— Абсолютно уверен. Мы поняли друг друга.

— Хорошо, я скажу слугам не беспокоить его, а шофёра графа устроят в одной из комнат до утра... — видимо, успокоившись, ответила она.

— Думаю, до утра это минимум! — усмехнулся Гюнтер. — Судя по количеству алкоголя, что я видел, он будет спать, скорее всего, до обеда. И вообще, хватит грустных мыслей, фройляйн! У нас же сегодня праздник? Вот и давайте веселиться, а этот граф пусть себе спит спокойно! — снова улыбался он.

— В самом деле, Мария, может пойдём в зал? — улыбнулась подруге Ребекка. — А то нас, наверное, уже потеряли?

— Поддерживаю графиню! — заявил Гюнтер.

— Ну хорошо, идёмте! — на губах баронессы тоже появилась робкая улыбка. — Только нам с Ребеккой надо... попудрить носик. Верно, дорогая?

— Ой, точно! — расширились глаза графини. Она порывисто вскочила с кровати, метнулась к зеркалу и застыла от ужаса. — Боже, какой кошмар! Моё платье... А причёска!

— Успокойся, милая, я подберу тебе платье! — сказала баронесса. — Конечно, у нас с

тобой немного разные размеры, но не сильно различаются. Я же помню, в детстве ты надела моё платье, забыла? — рассмеялась Мария.

— Ну, Мария! — обиженно ответила подруга. — Зачем ты вспомнила? Гюнтеру вовсе не обязательно это знать!

— Так, а можно подробности, пожалуйста? — подмигнув баронессе, спросил он, хитро улыбнувшись.

— Нет!!! — хором воскликнули женщины. — И вообще, выйди, пожалуйста, Гюнтер, мне нужно переодеться! — добавила Ребекка, прыснув от смеха.

— Ну вот, самое интересное пропускаю... — с показной грустью ответил он, выходя из комнаты. Ответом ему был весёлый смех. Что ж, до завтрашнего дня всё будет в порядке. А потом... будет кошачий суп! Или суп с котом, какая разница? Всё-таки некоторые русские поговорки такие странные..

Гюнтер снова вернулся в зал и стал неспешно гулять по нему, время от времени присаживаясь на диванчики, разбросанные по всему помещению. Приглушенный гул голосов и музыки не мешал ему размышлять о последствиях своего поступка. Да, план был, естественно, не идеален, но сам факт смерти этого уroda его не печалил. В своё время он повидал таких типов, у которых всё куплено, схвачено и забронировано. Ничего хорошего они у него не вызывали, наглые, самовлюблённые твари, уверенные что их мнение единственно правильное. А здесь этот граф, пользуясь связями, по словам Алекса, «берега попутал».. Вообще, как подозревал Гюнтер, это профессиональная особенность данных индивидуумов. Есть деньги и связи? Значит, делай что хочешь! В большинстве своём такое прокатывает, но иногда что-то идёт не так и такой имбецил оказывается в тюрьме. Или в могиле, что ещё лучше. Нет, он уже не жалел о том что сделал, разве что можно было бы исполнить такое как-то лучше, умнее... но, нужные идеи вовремя в голову не пришли, поэтому что есть то есть.

Гюнтер снова отпил шампанского и слегка прикрыл глаза.

Что теперь ему делать? Время уже позднее, ехать в Берлин ночью неохота да и опасно, особенно, в подпитии. Конечно, он себя контролировал, но зачем рисковать? Решено, ночует здесь. Вряд ли, баронесса выгонит его или откажет. К тому же ему всё равно надо обязательно поговорить с ней, в том числе и о машине. Честно говоря, желание вернуть подарок у него изрядно ослабло, но попробовать стоит, чтобы потом совесть не ворчала. Она, правда, молчит в последнее время, но незачем давать ей повод проснуться. Кстати, насчёт графа она тоже не всколыхнулась. Одобряет? Хорошо бы.

Итак, что будет завтра? А завтра ему обязательно надо будет присутствовать когда найдут этого... Шверина. Иначе, дамы впадут в панику и расскажут следователям совсем ненужные подробности, особенно графиня. Значит, как только его найдут, надо сразу сказать ей что никакой попытки изнасилования не было. Свидетелей той сцены, кроме него нет. А он уже знает что сказать следователям. Конечно, вряд ли ему поверят, но доказательств, скорее всего, у них не будет. Да, мотив будет, но этого мало... Могут по допросам затаскать, всё-таки жертва связана с рейхсфюрером. В любом случае, пусть сосредоточатся на нём, тогда его женщины будут в безопасности, а он сам как-нибудь выкрутится, не впервой.

— Гюнтер! Ты спишь? — раздался совсем рядом голос баронессы. Он открыл глаза и посмотрел на неё. Женщина снова выглядела безупречно. Причёска, макияж, платье... и не подумаешь что совсем недавно она была заплакана и взъерошена. Стоявшая рядом с ней

графиня тоже была великолепна. По новому собранные волосы, персиковое вечернее платье, украшения..

— Нет, конечно! Просто задумался... — ответил он, вставая. — Какие же вы красивые, дорогие дамы! — снова отпустил комплимент Гюнтер. — Не побоюсь этого слова, настоящие королевы бала!

Обе подруги слегка порозовели и переглянулись.

— На балу не бывает двух королев, Гюнтер! — улыбнулась Ребекка. — Так что тебе придётся выбрать одну из нас... — и показала глазами на подругу. Та это заметила и укоризненно посмотрела на неё.

— Позвольте засвидетельствовать вам моё восхищение, Ваше Величество! — поцеловал ей руку Гюнтер. — Вы неотразимы!

— Спасибо, Гюнтер! — она попыталась остаться серьёзной, но не выдержала и широко улыбнулась. — Вот умеешь ты поднять настроение!

— Мне нравится когда на твоих губах улыбка, потому и стараюсь... — улыбнулся в ответ он.

— И у тебя отлично получается! — поддержала его графиня. — Правда, Мария?

— Согласна, дорогая. И ещё, Гюнтер... — она замялась, но потом собралась с духом и заговорила:

— После того что ты сегодня сделал, мы с Ребеккой у тебя глубоко в долгу. Если бы не ты... то сейчас моя подруга лежала бы вся... — баронесса сглотнула, словно представив себе наяву состояние зверски изнасилованной и избитой графини.

— В общем, Гюнтер, знай! Теперь у тебя появилось два ангела-хранителя, которые будут всегда рады помочь тебе, если будут неприятности! — серьёзно посмотрела на него Ребекка. — Мы с Марией не из тех кто забывает такие услуги.

Гюнтер с признательностью посмотрел на них и снова убедился что всё сделал правильно. Да, это было, естественно, противозаконно но, по человечески, справедливо. Наверное, поэтому и молчит совесть. Ведь, как не крути, сегодня он впервые осознанно убил человека. Там, в драке с арабами, Гюнтер просто бил, не имея цели именно убить. А если кто-то из них там погиб, то тоже правильно, не хрен было лезть на белую женщину, пусть бы трахали своих закутанных арабок.

Бывший хозяин тела тоже убивал в Польше, но это была война. Либо ты либо тебя, все всё понимают. К тому же там всё было издалека, не знаешь от твоей пули свалился враг или соседа.

— Дамы, я лишь сделал то что должен был сделать любой нормальный мужчина..

— Нет, Гюнтер, ты не прав! — вдруг покачала головой баронесса. — Я не знаю никого из тех кто здесь сегодня присутствует, кто бы смог захотеть помешать графу. Они все знают на что он способен и не стали бы мешать ему, пока это не касается их лично... Я каждый раз смотрю на их лощёные, самодовольные лица в нарядных смокингах и понимаю, насколько же они пусты и трусливы... Нет, конечно, не всегда, но именно в такой ситуации они просто прошли бы мимо, сделав вид что их это не касается! — горячо говорила она. — Отчасти, ещё и поэтому я просила тебя посетить наш праздник. Было невыносимо весь вечер вежливо улыбаться этим людям, зная что им абсолютно плевать на тебя. Из всех кто здесь находятся, я по настоящему рада только вам двоим... — баронесса снова улыбнулась им обоим.

— А теперь уже я вынужден сказать тебе спасибо, Мария! — поднял он бокал. — И предлагаю тост! За тебя, Мария! От всей души желаю чтобы ты всегда улыбалась, не

грустила и часто радовала нас своим смехом! Правда, Ребекка?

— Полностью согласна с тобой, Гюнтер! — подхватила графиня. — Но для этого ты сам должен постараться!

— Обещаю! Ну что, выпьем? — подмигнул он обеим.

— Выпьем! — хором ответили женщины и весело рассмеялись, несколькими глотками допив шампанское.

Гюнтер ощутил как хмельной туман снова начал постепенно заволакивать ему голову. Нет, надо притормозить. Он сюда не пить пришёл. Взглянул на женщин и понял что шампанское также действует и на них, глаза заблестели, щёки покраснели... Что ж, может это и к лучшему?

— А теперь, я хочу сделать одно объявление! — внезапно сказала баронесса, удивив и Гюнтера и графиню.

— Какое объявление, дорогая? — спросила Ребекка с изумлением.

— Сейчас узнаете. Идёмте со мной! — она взяла их под руки и повела к центру зала. Удивлённые Гюнтер с графиней не сопротивлялись. Мария остановилась в центре, отпустила их и высоко подняла руку. Музыка опять стихла и гости начали оборачиваться к ней. Баронесса подождала ещё несколько секунд и громко заговорила:

— Дамы и господа! Все вы знаете что несколько дней назад, я и мои дочери едва не погибли при пожаре! Я не стояла бы тут сейчас, с вами, если бы не случилось чудо! И зовут это чудо — оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке! — она взяла смутившегося Гюнтера за руку. — Он не пожарник, служит в батальоне охраны нашего любимого фюрера. Он просто проходил мимо. Но Гюнтер не остался равнодушным зевакой, а сразу стал спасать людей из нашего дома, ловя их когда они прыгали из окон. Более того! Когда все кто мог выпрыгнули, он забежал в дом и, сам рискуя жизнью, вывел нас из него. Благодаря именно ему я сейчас жива, разговариваю с вами и радуюсь жизни. И мои дочери тоже!

Она обвела собравшихся взглядом и закончила:

— Такие офицеры это гордость всей нашей страны. Он поступил так как положено не только офицеру элитной части, но и как просто настоящий мужчина! Поэтому предлагаю, дамы и господа, поприветствовать настоящего героя и пожелать ему дальнейших успехов на службе и в личной жизни! Хайль!

— Хайль!..Хайль!..Хайль! — раздалось в зале. Покрасневший от смущения Гюнтер видел что многих аристократов действительно зацепила речь баронессы и они искренне ему аплодируют. Впрочем, были и такие, которые хлопали, кричали дежурно, но это тоже было понятно. Он им никто, даже не аристократ, и сама баронесса, видимо, им тоже не так важна.

Подбежали Амалия, Грета и Ирма и дружно поцеловали его в щёки. Он видел, как графиня слегка толкнула баронессу и что-то шепнула. Та покраснела, но тоже подошла и легко поцеловала в щёку. Раздались аплодисменты, приветственные крики.

После этого гости вновь разошлись, оживлённо переговариваясь. Гюнтер решил, наконец, поговорить с баронессой и шепнул ей:

— Мария, мне надо с тобой поговорить.

Та вскинула на него встревоженный взгляд.

— О чём? Что случилось?

— Ничего серьёзного. Просто небольшой разговор... — успокоил он женщину. Стоявшая рядом Ребекка наострила уши и Гюнтер, улыбнувшись графине, отвёл Марию в уголок.

— Гюнтер, что случилось, расскажи? — спросила его аристократка, с тревогой глядя ему в глаза.

— Я хочу поговорить с тобой о машине.

— Какой машине? — с удивлением спросила она, поправив волосы.

— О своей машине. То есть, о твоей! — поправился он.

— Ничего не понимаю, Гюнтер... — покачала она головой и отпила шампанского.

Гюнтер вздохнул. Похоже, она на самом деле уже забыла про свой подарок... Или хорошо притворяется.

— Я про тот Опель который ты мне подарила! — наконец, прямо сказал он. Баронесса несколько секунд смотрела на него, а потом улыбнулась.

— Вот оно что... А я-то думаю, про какую машину он говорит? — рассмеялась аристократка. — А что с ней не так? Не понравилась?

— Не говори ерунды, Мария! Такая машина не может не понравиться! Дело не в этом! — ответил Гюнтер.

— Тогда в чём же? — снова улыбнулась Мария, не глядя на него, любуясь пузырьками шампанского в бокале.

— Этот подарок... Он слишком дорогой! Я не могу его принять! — прямо рубанул Гюнтер. В конце концов, сколько можно ходить вокруг да около?

— Слишком дорогой, говоришь? — спросила его баронесса, по прежнему не смотря на него. Гюнтер заметил краем глаза как любопытная графиня, словно ненароком, шагком за шагком, приближается к ним.

— Да! Дарить машину за..

— Гюнтер, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос? — вдруг прервала его Мария холодным голосом. Изумлённый Гюнтер увидел её глаза, которые смотрели на него с гневом или даже яростью.

— Какой? — спросил он, удивлённый такой метаморфозой.

— Сколько, по твоему, стоит моя жизнь? Кстати, и жизнь моих дочерей тоже? Какая цена? — от её слов можно было порезаться. Насколько он помнил, она ни разу не говорила с ним таким тоном и невольно посочувствовал тем с кем она так разговаривает.

— Твоя жизнь? Не понял... При чём тут это? — он был в замешательстве от неожиданной смены темы разговора.

— Именно в этом, Гюнтер! Ты так и не понял? Хорошо, объясню! — она залпом допила бокал и так резко поставила его на поднос что тот чуть не упал. Тем временем, графиня уже подобралась совсем близко и вполне могла слышать их разговор, но Гюнтеру было не до неё.

— Жизнь бесценна, понимаешь? А жизнь моих дочерей мне намного дороже своей! Так неужели ты думаешь что я, ради этого, пожалею какую-то машину!?! Да если надо, я готова скупить десятки, сотни машин! Продать всё что у меня есть, дом, акции, украшения... лишь бы они были живы!! И я сама тоже! Почему ты сравниваешь в цене наши жизни и автомобиль?! Да это самое меньшее чем я могу тебе отплатить! Боже, ты хочешь так меня оскорбить? Как ты мог хотя бы подумать о том чтобы вернуть мне этот дурацкий Опель!?! — она почти кричала, а в конце, видимо, потеряв самообладание, попыталась ударить его в грудь своим кулачком.

Гюнтер легко перехватил её руку и естественным жестом прижал женщину к своей груди. Она попыталась вырваться, но быстро затихла, вздрагивая. Он обнял её одной рукой, другой же стал поглаживать по голове, приговаривая:

— Ну, успокойся, милая... Не кричи. Не подумал я, как это выглядит с твоей стороны..

— Потому что ты дурак... — донеслось снизу. — И все мужчины дураки!

Гюнтер усмехнулся. Похоже, успокаивается... Мда, в чём-то она права, с её стороны действительно выглядит не очень. И что теперь делать?

— Мария, позволь я объясню? — начал он.

— Не надо... Но объясни! — глухо сказала она.

В который раз удивившись женской логике, Гюнтер сказал:

— На самом деле, мне машина очень нравится. Удобная, роскошная... Но...

Понимаешь, я чувствую себя альфонсом! — наконец, высказал он свои мысли.

Видимо, удивившись, баронесса подняла голову и посмотрела на него. Глаза её слегка припухли но слёз не было. Либо успела вытереть, или они впитались в его китель.

— При чём тут это? — теперь уже спросила она.

— Просто принимать такой дорогой подарок от красивой женщины... как-то странно... Обычно бывает наоборот.

Несколько секунд она удивлённо смотрела на него, а потом начала смеяться. Смех поддержала Ребекка, уже стоявшая совсем близко. И пока баронесса, пыталась успокоиться, графиня, уже успевшая прийти в себя, пояснила:

— Гюнтер, ты всё напутал у себя в голове! Альфонс — это тот, который выпрашивает подарки и деньги у богатой женщины с которой он... ну... в общем, ты понял! — смутилась она. — Такого человека любая нормальная женщина презирает, для неё он не мужчина, а... просто одушевлённый, разговаривающий орган... который, к тому же, просит деньги за это... Ему плевать на саму женщину, для него это просто работа, как у проститутки, только мужского пола. А тебе Мария машину подарила в благодарность за спасение, своё и дочек. И поверь мне, я бы, на её месте, сделала то же самое! Жизнь одна, а деньги можно новые заработать, как и машину можно купить! Теперь ты понял свою ошибку? — с укором спросила графиня.

Гюнтер почувствовал что у него запылали уши от стыда. Действительно, ему разложили всё по полочкам. Вот что мешало ему сделать это самому? Выставил себя дураком, сравнил сам себя с проституткой... тьфу! Обидел Марию... Ладно, раз такое дело, надо исправлять!

— Хорошо, дамы, виноват, исправлюсь! — поднял он обе руки. — Обещаю, больше ни слова про машину вы от меня не услышите! Скажите, Ваше Величество, как мне вымолить у вас прощение? — обаятельно улыбнувшись, обратился он к баронессе.

Та задумалась, с интересом смотря на него, но у графини уже был готов ответ:

— Её Величество простит тебя, если ты подаришь ей танец! — провозгласила она. Застигнутая врасплох, баронесса посмотрела на неё, открыв рот, а Гюнтер с готовностью сказал:

— На это я всегда готов, Ваше Величество! Прошу! — протянул он руку. Та, поколебавшись и выразительно посмотрев на подругу, приняла её и они вышли на танец. Музыканты, видимо, сразу поняли в чём дело и снова заиграли вальс.

Гюнтер обнимал эту чудесную женщину и чувствовал себя великолепно. Конечно, в этом была и доля вины алкоголя, но глядя ей в лицо и видя эту очаровательную улыбку, он понимал, что упустить эту красавицу было бы одной из самых больших ошибок в его жизни. И дело даже не в её связях и влиянии в среде аристократов... Просто она была его женщиной, той кого он сам выбрал для себя. Да уж, количество его избранниц растёт не по дням а по часам. Сначала Лаура, потом Ева, теперь Мария... А ведь есть ещё Ханна

Катарина, Аннелиза... Как он будет с ними со всеми справляться? Это же стопроцентный залёт! Тут с одной любовницей мужики влетают так что потом хрен разберёшься, а у него уже сколько? Несмотря на этот глас разума, Гюнтер не чувствовал в себе желания терять хоть одну из них. Что ж, видимо, опять придётся плыть по течению в этом вопросе и решать проблему когда она припрёт. Проклятье, как это по-русски? Пока петух в жопу не клюнет, мужик не начнёт креститься? Странно, а почему именно в жопу? И зачем мужик станет креститься, а не бить петуха? Эх, жаль Алекса нет, он бы объяснил подробнее. Тогда тот успел только самые азы рассказать, да и то мельком.

— О чём думаешь? — внезапно спросила она, и Гюнтер, на автомате, ответил правду:

— О тебе.

Та снова покраснела и посмотрела в сторону. Больше до конца танца они не произнесли ни слова. Он молча смотрел на Марию, любясь её красотой, глазами, улыбкой, а она упорно избегала его взгляда, и когда, всё же, встречалась, то снова краснела, видимо, чувствуя его восхищение.

Вальс закончился, но когда он неохотно выпустил её руку из своей, перед ним, как из-под земли появилась Ребекка с лукавой улыбкой на губах. Она взяла его за руку и, деланно стесняясь, спросила:

— Не подарит ли великий герой один танец бедной девушке, которая ещё совсем не танцевала? — и состроила такое умильное лицо что Гюнтер не выдержал и рассмеялся. Он посмотрел на баронессу и увидел что она слегка кивнула, улыбнувшись. Что ж, графиня тоже очень неплоха, нет причин ей отказывать, тем более, Мария не против.

На этот раз был не вальс, но тоже что-то танцевальное. Гюнтер не особо разбирался в музыке и ему было всё равно. Всё его внимание сосредоточилось на партнёрше, которая вела в танце. В отличие от баронессы, графиня почти всё время смотрела на него, не отводя взгляда. Это интриговало его. Как ни странно, она тоже молчала весь танец, хотя Гюнтер был уверен что Ребекка обязательно будет спрашивать его о чём-нибудь.

После его второго танца подряд, обе женщины ушли в дамскую комнату, попудрить носик, но не успел Гюнтер с удобством расположиться на диване как к нему подошла какая-то женщина и остановилась рядом.

Лет сорока, довольно полная, с умело наложенным макияжем и сложной причёской. Светло-фиолетовое вечернее платье туго обтягивало её фигуру, а из декольте выглядывала верхняя часть груди. Много украшений на шее, пальцах, ушах. Лицо обычное, только ему показалось что оно какое-то... высокомерное. Хотя, что тут удивительного, многие аристократы высокомерны, особенно, если общаются с теми кого считают ниже себя.

— Здравствуйте, оберштурмфюрер! Как вам праздник? — задала она светский вопрос, вертя в руках бокал шампанского. При этом он почувствовал как от неё сильно несёт алкоголем. Присмотревшись внимательнее, Гюнтер понял, что дама пьяна и довольно сильно. Нет, она не шаталась и говорила связно, но глаза..

— Здравствуйте, фрау. Праздник мне нравится, особенно, потому что я на таком в первый раз... — дипломатично ответил он, стараясь пореже дышать. Если он сам выпил всего пять бокалов шампанского и уже чувствует себя поддатым, то сколько же выпила она?

— Простите, я не представилась... Меня зовут Ульрика фон Тротт, графиня. Позвольте присесть? — и не дожидаясь разрешения, села рядом с ним, отчего Гюнтеру тут же захотелось встать.

«Надо же, ещё одна графиня!» — мысленно подметил он.

— Расскажите о себе, Гюнтер? Вы позволите себя так называть? — вкрадчиво поинтересовалась аристократка. Что-то это переставало ему нравится. Он огляделся, надеясь увидеть Марию или Ребекку, но тщетно.

— Боюсь, я не смогу удовлетворить ваше любопытство, графиня... — вежливо улыбнулся Гюнтер. — У меня обычное происхождение, обычная жизнь, там нет ничего интересного, уверяю вас.

— Неужели? — пьяно улыбнулась женщина. — Но если вы не сможете удовлетворить моё любопытство то, возможно, сможете помочь в другом удовлетворении? — спросила она, придвинувшись вплотную. Занятый мыслями о подругах, Гюнтер не сразу это понял, и очнулся лишь когда её рука медленно прошла по его бедру. Он удивлённо посмотрел на неё и только сейчас заметил алчный огонь желания в её глазах. Почти то же самое он видел в глазах Ханны, когда нагло взял её в ванне квартиры своей матери. Только разве можно сравнивать фигуристую, зрелую женщину, следящую за собой и вот эту... тушу, которая буквально лезет к нему? Его едва не передёрнуло от отвращения, представив её голой.

Он аккуратно снял её руку со своего бедра и встал. Надо срочно найти баронессу, иначе эта озабоченная не отстанет. Гюнтер повернулся к ней и постарался вежливо улыбнуться:

— Всего доброго, графиня, но мне пора, извините! — с этими словами он направился к выходу из зала, будучи уверен что избавился от нахальной аристократки. Завернув за угол и войдя в какую-то комнату, он устало уселся на диван и закрыл глаза. Внезапно близко прозвучавший голос графини показал что Гюнтер сильно ошибся. Вздвогнув и открыв глаза, он с изумлением уставился на женщину, которая уже успела закрыть дверь и медленно приближалась к нему, соблазнительно улыбаясь.

— Какой милый мальчик... я даже почти поверила, что ты против! — она подошла к остолбеневшему Гюнтеру и прижалась к нему. Бокал шампанского, который был в её руке, дрогнул и часть напитка выплеснулось на её платье и его китель, но женщина не обратила на это никакого внимания. Отойдя от потрясения, он попытался вежливо отодвинуть её, но аристократка, с её весом, даже не заметила его усилий, успев положить вторую руку на его пах. Гюнтера распирала сразу два чувства: злость на настырную толстуху и смех. Подумать только, его, который сам любит соблазнять женщин, в свою очередь соблазняет эта графиня... Сюрреализм какой-то! Ладно, шутки-шутками но надо как-то решать проблему. Естественно, трахаться с ней он не собирался. Она не обладала ни одним параметром, который бы нравился ему в женщинах. А что тут думать? Просто обойти её и выйти. Увы, он недооценил силу желания возбуждённой женщины.

Лёгкий толчок туши, и он падает на диван, едва не задохнувшись от веса Ульрики, севшей ему на колени. Вдобавок, его окатило смесью алкоголя, духов и пота от пьяной аристократки. Проклятье, это уже ни в какие ворота не лезет! Так, пора валить из комнаты, притом срочно!

— Ну что же ты, мальчик?.. Не сопротивляйся... Я так люблю молодых и красивых офицеров! — раздался у самого уха её развязный шёпот. Уже не сдерживаясь, Гюнтер с трудом оттолкнул пьяную женщину, вскочил и рванулся к двери, одновременно пытаясь застегнуть китель, который незаметно для него, уже был расстёгнут на три пуговицы. Резко открыв дверь, он выскочил наружу и буквально натолкнулся на Марию и Ребекку, шедших по коридору мимо. Удивлённые женщины вскрикнули от неожиданности и уставились на него. Оно и понятно, взъерошенный и в помятой одежде он выглядел как... как герой-любовник, застигнутый мужем со своей неверной женой.

Он только открыл рот чтобы объясниться, как дверь снова распахнулась и в коридор вывалилась разозлённая графиня, поправляя своё платье. Увидев его, она опять улыбнулась, но тут же попыталась принять надменный вид, увидев двух аристократок.

Повисла немая пауза.

— Что здесь происходит? — наконец, раздался холодный голос баронессы. — Оберштурмфюрер? Графиня?

Её подруга во все глаза глядела на него, с недоумением переводя взгляд на толстуху. Скользнув взглядом по его одежде, она поджала губы и её глаза сузились. Похоже, Ребекка в ярости, и Гюнтер отлично её понимал. Проклятье, как такое могло случиться? Прямо сцена из любовного сериала, мать его! Теперь ещё не хватало его возгласа «Дорогая, это не то что ты думаешь! Я всё объясню!», и можно смело искать кинокамеры вокруг. Он глубоко вздохнул, пытаясь собраться с мыслями. Не успел выпутаться из одной истории, тут же попал в другую.

— Что происходит? — переспросила Ульрика. Она уже полностью пришла в себя и выглядела безупречно. — Ничего особенного, баронесса. Просто я хотела поговорить с вашим героем, узнать у него подробности вашего спасения... — Аристократка повернулась к нему, вежливо улыбнулась и сказала: — Благодарю, оберштурмфюрер, хоть вы и не до конца рассказали мне эту историю, я буду с нетерпением ждать её окончания, в любое удобное для вас время. Извините, баронесса, графиня, мне пора в зал, всего хорошего!

Она величественно отвернулась от них и, не торопясь, пошла по коридору, почти не качаясь.

— Гюнтер? Почему ты в таком виде? — баронесса перевела внимание на него. Её глаза заледенели, да и вообще, она сейчас напоминала ему Снежную королеву. Ребекка стояла рядом и смотрела на него презрительно-разочарованным взглядом. Вот дерьмо! Из-за какой то паршивой толстухи он теперь вынужден оправдываться чтобы вернуть к себе доверие. Сука!

Наверное, он должен был сказать какую-нибудь чушь чтобы они отвязались, но... представив себя на их месте, отказался. Да пошло оно всё!

— Потому что эта ваша графиня хотела залезть ко мне в штаны, вот почему! — со злостью ответил Гюнтер и застегнул, наконец, свой китель. Быстрый взгляд на женщин показал что кое-что изменилось. Они переглянулись и в их глазах он почувствовал... сочувствие?

— И... у неё не получилось? — потеплевшим голосом спросила графиня. Гюнтер раздражённо одёрнул форму.

— Конечно, нет! Неужели вы поверили что я мог заняться сексом с этой... этой... — он замаялся, пытаясь подобрать подходящий приличный эпитет.

— То есть... ты сейчас спасался от неё бегством? — спросила Ребекка. Гюнтер внезапно понял что она сдерживается из последних сил чтобы сохранить серьёзный вид. Её лицо кривилось, губы сжались... Наконец, она не выдержала и громко расхохоталась, закрыв лицо рукой в перчатке. Через пару секунд не выдержала и баронесса. Ледяная маска треснула и перед ним вновь появилась смеющаяся красавица.

— Вообще-то, не смешно! — огрызнулся он, но и его самогохватило ненадолго. Через несколько секунд смех заразил его, и они все трое хохотали, с трудом пытаясь остановиться.

— Ох, Гюнтер... — вытирая слёзы от смеха сказала графиня. — Тебе очень повезло!

— В каком смысле? — не понял он, протирая платком свои глаза.

— Дело в том, что про Ульрику ходят нехорошие слухи... — понизив голос, прошептала Мария. — Говорят, что она очень любит мальчиков из Гитлерюгенда. У неё брат работает большим начальником в организации и графиня пользуется этим.

— Что? Такая туша и мальчишки? — скривился Гюнтер, представив такую картину. Подумать только, и это аристократка? Впрочем, чем выше пост или звание занимает человек тем больше у него возможностей для удовлетворения своих желаний, в том числе и сексуальных.

— Ну, как я слышала, некоторые мальчики бывают даже довольны... — прыснула Ребекка. — Она щедро им платит и некоторым, особо отличившимся, даже помогает в карьере. Но вот если кто её разочарует... — она покачала головой.

— Значит, она мстительная и может попробовать отомстить мне за отказ? — попытался он понять ситуацию.

— Даже не знаю, Гюнтер. Но я бы не советовала тебе встречаться с ней. Она опасная женщина.

— Теперь я это уже понял! — кивнул головой Гюнтер. — Честно говоря, и не собираюсь. Постараюсь забыть как страшный сон.

Они помолчали. Внезапно Ребекка спросила подругу:

— Мария, уже поздно. Наверное, пора заканчивать праздник?

Та посмотрела на маленькие золотые часики на своём запястье и кивнула.

— Думаю, да. Я сейчас скажу гостям.

Она быстро двинулась по коридору, а Гюнтер с Ребеккой за ней. Когда они вошли в главный зал, гости уже тянулись к выходу, прощаясь с хозяйкой усадьбы. Через минут пятнадцать помещение опустело и в него начали входить слуги, начиная уборку.

Гюнтер застыл на месте, цедя который бокал шампанского и пытаясь придумать причину по которой ему обязательно нужно остаться ночевать. Обе женщины подошли к нему и остановились, смотря на него. Он переводил взгляд с одной на другую, пытаясь понять в чём дело.

— Что случилось? — спросил Гюнтер, поняв что сам причину не угадает. Аристократки переглянулись и Ребекка выразительно кашлянула. словно это был знак, баронесса заговорила, избегая смотреть ему в глаза:

— Гюнтер... Мы заметили что ты сегодня много выпил... — она запнулась, мельком взглянув на подругу. Та выразительно закатила глаза. Гюнтер удивлённо посмотрел на бокал в своей руке:

— Да не особо... Это всего лишь... — он наморщил лоб, пытаясь вспомнить какой по счёту бокал он держит в руке, но хмель в голове путала мысли. — В общем, я нормально себя чувствую.

— Нет, Гюнтер, мы не можем отпустить тебя домой в таком состоянии! — строго сказала Ребекка, с укором взглянув на смущённую подругу, которая именно в этот момент решила плотнуть шампанского. — И мы решили... что ты должен сегодня остаться ночевать здесь! А утром, отдохнувший и трезвый, поедешь домой! Возражения не принимаются! — продолжила она. И внезапно добавила нормальным голосом: — Иначе мы обидимся и не сможем спать всю ночь, беспокоясь за тебя! Правда, Мария?

Та молча кивнула, избегая смотреть на него. Гюнтер же в душе ликовал. Ему даже делать ничего не пришлось, они всё сами решили. Просто отлично!

— Что ж, разве я могу отказать двум таким очаровательным прелестным дамам? —

развёл он руками, из-за чего чёртов напиток слегка плеснул на форму. — Проклятье! — не сдержавшись, выругался он, глядя на свой рукав, пропитанный алкоголем.

— Ничего страшного, Гюнтер! Снимай форму, я дам указание служанке, к утру она будет полностью почищена и выглажена! — встрепенулась Мария. Они повели его в комнату на втором этаже, недалеко от спальни хозяйки, и заставили снять китель. Он заметил как баронесса заинтересованным взглядом обвела его стройное тело, скрытое под майкой и, особенно, плечи с рельефными мускулами. Впрочем, Ребекка сделала то же самое, только постаралась тут же отвести взор. Что и говорить, внешность у него красивая, мужественная, неудивительно что на него западают даже аристократки. К тому же, наверняка тут ещё и дар богини действует.

Взяв его китель, Мария прошла к двери и остановилась, посмотрев на подругу.

— Ребекка?

— А? — очнулась та, но тут же вскочила с кровати и сказала:

— Спокойной ночи, Гюнтер! Приятных снов!

— И вам того же, дамы! — ответил он.

— Я тоже присоединяюсь к Ребекке... Спокойной ночи, Гюнтер! — ответила баронесса и они обе вышли из комнаты. Гюнтер остался один. Раздевшись до трусов, он лёг прямо поверх одеяла и, заложив руки за голову, задумался. Вечер выдался богатым на события, и утро обещало быть таким же. Хмель в голове усиливался, глаза закрывались, и скоро он уже спал.

Ночь на 21 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

Саша проснулся среди ночи от того что ему показалось будто в его комнате кто-то есть. Нет, это была не угроза, скорее, просто неудобное ощущение что на него смотрят. Он медленно открыл глаза и почувствовал как по телу пробежали мурашки.

В кресле, рядом с окном, кто-то сидел, положив ногу на ногу. Лица в темноте не было видно но, судя по фигуре, это была женщина. Он снова закрыл глаза на несколько секунд, а потом открыл. Ничего не изменилось. Разве что раздался лёгкий смешок. Александр пытался понять как такое может быть. Откуда тут женщина? Кто она? Неужели Михаил Алексеевич привёл в дом гостью? Зачем? И что она делает в его комнате? Весь этот ворох вопросов нахлынул на него пока он старался разглядеть незванную особу. Внезапно незнакомка осветилась каким-то неземным светом, исходящим непонятно откуда, и Саша смог, наконец, разглядеть её получше.

Очень красивое, молодое лицо, длинные волосы, соблазнительная фигура. На женщине... или девушке?.. была белая туника или что-то вроде этого, похожая на ту что носили древние гречанки, на ногах сандалии с ремешками. Вдруг Александр понял что не может даже пошевелиться, единственное, чем он мог ещё управлять это глаза и язык.

Женщина улыбнулась, глядя на него, и заговорила:

— Здравствуй, Защитник! Вот мы с тобой и познакомились.

"О чём она? Какой ещё защитник? Что за херня тут творится?" — промелькнули мысли у него в голове.

— Вы, вообще, кто? И что тут делаете? — наконец, смог он задать вопросы.

Незнакомка улыбнулась и сняла ногу с ноги, при этом Саша заметил что в боковом вырезе её платья показалось соблазнительное бедро. Неужели на ней нет трусиков? Нет, вряд ли, это ему, должно быть, показалось.

— Вижу, у тебя ко мне много вопросов? Что ж, я могу на них ответить, хотя ты можешь и не поверить... Меня зовут Фрейя, я богиня! — она улыбнулась, видимо, ожидая увидеть его реакцию.

— Гражданка, хватит тут дурака валять! — не выдержал Саша. — Вы проникли в чужую квартиру а теперь пытаетесь мне мозги запудрить? Не знаю как и зачем вы сюда залезли, но советую немедленно свалить пока не проснулся мой товарищ!

"Какая-то сумасшедшая! Богиней себя представила! С психушки сбежала, что ли?" — с раздражением думал Александр, тщетно пытаясь пошевелить хотя бы пальцем. Ничего не получалось, он вообще не чувствовал своё тело.

— Значит, то что ты не можешь пошевелиться без моего разрешения, тебя не убеждает? — спросила с любопытством женщина. Она усмехнулась и покачала головой.

— Вот что значит быть забытой людьми всего на каких-то несколько веков. И Гюнтер не сразу в меня поверил..

"Гюнтер? При чём тут этот грязный предатель?" — удивился Саша.

— Хорошо, сейчас я докажу тебе свою силу! — она насмешливо сощурилась и Александр, схватив себя за яйца, начал медленно сжимать их. От ужаса его глаза

округлились. Он всеми силами пытался убрать свои руки но они не подчинялись и жили своей жизнью. Боль между ног быстро нарастала и на глазах выступили слёзы.

— Ну что, теперь ты веришь что я могу сделать с тобой всё что захочу? — ласково улыбнулась женщина и склонила голову на бок, словно любуясь тем что сделала. От боли Саша готов был лезть на стенку и истоиво закивал. Чёрт с ней, пусть будет богиней, лишь бы убрала его руки от хрупких но жизненно важных органов!

— Какой послушный мальчик! — ответила Фрейя, и он, с огромным облегчением ощутил как его руки оставили яйца в покое и вернулись на место. — Так как, ты готов слушать дальше и не пытаться меня оскорбить?

— Да... — прохрипел он, постепенно приходя в себя. Это был жестокий урок, вынужден был признать Саша. Пожалуй, лучше не злить эту красотку, мало ли чего ещё придумает?

— Правильно думаешь! — одобрительно кивнула женщина. — Ты меня пока не знаешь, поэтому, так и быть, я прощу твою дерзость на этот раз. Но если ты не научишься сначала думать, а потом уже говорить... — она нахмурилась, строго посмотрев на него... — то за твой язык ответит твой детородный орган... Который потом вряд ли таким останется. А может и вообще не останется... После того как ты его сам отрежешь на моих глазах... — улыбнулась Фрейя.

От таких перспектив Саша почувствовал холодок между ног и, несмотря на злость, решил промолчать, хотя красочно представил что бы с ней сделал, окажись они в обратном положении. Но в то что она богиня он всё равно не верил, потому что ленинское учение прямо отрицает существование богов и богинь. Он младший лейтенант НКВД и ему не пристало верить в какую-то потустороннюю чушь!

— Ты же помнишь что погиб вместе со своим другом Гюнтером, защищая женщину в Берлине? — спросила она. Александр попытался вспомнить но не смог. Он погиб? В Берлине? С Гюнтером? Опять эта баба говорит какими-то загадками.

— Нет? — удивилась богиня. — Странно... Хотя, подожди! — Её глаза засияли нестерпимым светом и в голове у Саши стало жарко, казалось, внутри у него раскалили докрасна печку. Он закрыл глаза и попытался закричать, но боль внезапно исчезла.

— Ах, вот оно что... — задумчиво произнесла женщина, поглаживая нижнюю губу своим указательным пальчиком. — Тебя загипнотизировали, чтобы ты всё это забыл. И мне это не нравится. Будет нечестно, по отношению к Гюнтеру. Поэтому сделаем так..

Она снова посмотрела на него, на этот раз её глаза блеснули коротким красным лучом, вонзившимся ему прямо в лоб. Ощущение напомнило ему щелбан, причём довольно сильный. В голове словно разрушился какой-то барьер и Саша вдруг вспомнил... Чёрт, как он мог такое забыть! Вся его прошедшая жизнь молнией пронеслась перед его глазами, детство, юность, работа, знакомство с Гюнтером, драка с арабами, смерть..

— Ну как, уже лучше? — ласково спросила Фрейя, но он её не слушал, охваченный яростью. Вот суки! Этот сволочный Михаил Алексеевич, который на самом деле Николай, просто перепрограммировал его с помощью того старика! Твари! Превратили его в истового коммуниста, заставили забыть свою настоящую жизнь и придумали ему новую! Да ещё и внедрили установку что он должен покончить с собой, если возникнет угроза плена и допроса!

От понимания такой подлости со стороны этих проклятых параноиков хотелось пойти в комнату и придушить вонючего ГБшника. И, желательно, медленно! Чтобы на себе

почувствовал когда умирает, скотина! И вот к этим мразям он пришёл за помощью? А Берия? Он тоже, наверняка, в курсе, вряд ли этот "нянька" сварганил всё самовольно. Недаром он терпеть не мог проклятых параноиков. Такие готовы на всё пойти лишь бы обезопасить себя со всех сторон, невзирая на то, как это ударит по другим. Ну что ж, раз к нему такое обращение, значит и действовать он теперь будет соответственно! Нет, предавать страну, конечно, он не собирался, как и рассказывать о себе кому попало, но разработать свой собственный план точно не помешает... И в нём обязательно учесть судьбу этих двоих, которые так легко распорядились его жизнью. Как говорится, "Око за око, зуб за зуб!"

"Посмотрим, грёбанные параноики, как вам понравится мой план! Сможете вы учесть такую вероятность от, казалось бы, надёжно запрограммированного попаданца или будете думать что у вас всё под контролем? Ну-ну!" — злорадно оскалился Саша.

Очнувшись от своих мыслей, он обратил внимание на богиню. Та по-прежнему сидела и смотрела на него, ласково улыбаясь. Волна благодарности нахлынула на него. Вот кто ему настоящий друг! Если бы не она, то уже завтра Александр был бы ничем не лучше тех идеалистов для которых Сталин царь и Бог.

Внезапно он почувствовал что вновь владеет свои телом. Подвигал руками, ногами и сел на диване, разминая их.

— Спасибо, Фрейя! — с признательностью поблагодарил богиню. — Отныне я ваш должник. Если бы не вы.. — Саша покачал головой.

— Вот теперь я тобой довольна! — благосклонно кивнула красавица. — Вижу что ты не какой-то высокомерный болван, а вполне нормальный человек и с тобой ещё не всё потеряно.

— Согласен с вами! — слегка улыбнулся он. — Только у меня вопрос... чему я обязан вашему появлению у меня в гостях? Нет, я очень рад что вы здесь оказались и помогли мне... но неужели вы здесь только из-за этого? — с любопытством спросил он, непроизвольно косясь на вырез её платья. Чёрт, как же плохо отсюда видно! Если бы она чуть повернулась..

Едва он успел подумать об этом, как богиня повернулась... Именно так как он хотел! В результате подол длинного платья сполз с бедра и показалось... "Неужели у неё действительно нет трусиков?" — жаром окатила его мысль, от которой покраснели даже уши. Хотя, чему удивляться? Это же богиня, на неё не действуют никакие нормы морали, она сама их для себя устанавливает. Погодите, выходит она может читать мысли? Или это случайно?

Саша впился в неё глазами, пытаясь понять это, но не преуспел. Фрейя всё так же ласково улыбалась, вот только то что было у неё под платьем, было в тени, невозможно было разглядеть что-то в подробностях. Сглотнув, он попытался отвлечься, стараясь не смотреть ниже пояса, но долгое воздержание возбудило его член и теперь тот стоял как часовой по стойке "смирно". К тому же её грудь тоже приковала его внимание.

— Давай вернёмся к разговору, Александр-защитник! — прервала молчание богиня. — Я понимаю, тебе приятно смотреть на богиню, особенно такую красивую как я... — она развела руками, отчего грудь ещё больше натянула ткань платья... — но время идёт!

— Хорошо... — с трудом произнёс Саша, пытаясь настроиться на разговор, но в голове бродили только похотливые мысли.. — Так что вы хотели?

— Ты находишься здесь, как и Гюнтер, только потому что я решила дать вам возможность кое-что исправить в вашей истории. Ну, и ещё по нескольким причинам, но они касаются лично меня и для вас неинтересны. Вы с Гюнтером находитесь почти в

одинаковом положении, хотя теперь, как мне кажется, у него преимущество.

В голове у него сразу возникла куча вопросов, но он спросил пока только два:

— То есть, это не случайно что мы перенеслись вдвоём? И каждый из нас теперь будет пытаться помогать своей стране?

— Верно, Александр... — подтвердила Фрейя. — Я знаю, вы оба мечтали об этом, теперь я дала вам такую возможность.

— Поймите! Но ведь если Германия Гитлера победит в войне, то погибнут даже не миллионы а миллиарды людей! Как вы можете дать Гюнтеру возможность осуществить, вместе со своим фюрером, его отвратительные планы по геноциду и истреблению народов и стран? — растерянно спросил Саша, не понимая её логику.

Богиня пожалала плечами и её грудь снова качнулась, едва не сбив его с мысли. Может, она играет с ним?

— Вы, люди, всегда воевали, воюете и будете воевать, это у вас в крови. К тому же, войны всегда дают толчок прогрессу. Некоторые цивилизации, о которых я знаю, достигли невероятного могущества и расцвета именно благодаря войнам... — просто сказала она. — Даже в истории вашей планеты такое столько раз было... Персидская империя, Римская, французская... Да, погибли миллионы людей, но вы развиваетесь, а это главное! — назидательно подняла богиня указательный палец. — Ваша, Российская империя, тоже была образована отнюдь не только переговорами. Война — это политика другими средствами! Так, кажется, сказал один из ваших политиков.

— А сколько этих цивилизаций погибло в этих войнах, не достигнув прогресса или потеряв его? — спросил Александр, почувствовав в её словах некоторую правду.

— Не считала! — отмахнулась она. — Что тут удивляться? Всегда есть победители и проигравшие. Значит, мало хотели победить... Или были слишком слабыми. Горе побеждённым! — снова блеснула она эрудицией.

— Но почему мы? В смысле, Советский Союз и Германия? А не, например, Англия или США? — снова спросил он. — Ведь вместо нас могли быть попаданцы из тех стран?

— Конечно, могли! Но я не захотела по двум причинам. Во-первых, мне не нравятся эти страны, там слишком много людей которые думают не о общем благе и своей стране, а только о себе лично. Как говорят в твоём прошлом мире — яркие ин-ди-ви-ду-а-лис-ты! — с трудом произнесла богиня слово. — Мне такие эгоисты неинтересны. Пусть и дальше барахтаются там, пытаюсь заработать все деньги мира! — усмехнулась она.

— А мы другие? — прищурился он.

— Да! По крайней мере, сейчас. В ваших странах очень много людей, готовых ради идеи на всё что угодно! Даже на смерть. Да, им тоже нравятся деньги, роскошь и всё остальное, но у них есть свои принципы и воля пожертвовать всем ради своей Родины! Именно это мне импонирует!

— То есть, как бы, фанатики? — усмехнулся Саша, вспомнив некоторых знакомых, которые так любили называть этим словом патриотов.

— Мне всё равно как их называют разные глупцы. Если человек готов отдать жизнь за свою идею, значит он мне интересен!

— А что вы скажете про тех террористов из моего мира, которые во имя идеи взрывают дома и самих себя? — задал провокационный вопрос.

Богиня снова пожалала плечами:

— Они погибают за то во что верят! Конечно, мне не очень нравится что они убивают

беззащитных, тех кто не может ответить, но... вы — люди несовершенно. Всегда во время войн погибает множество непричастных. Могу сказать лишь, что такие, о которых ты говоришь, не получают от меня то на что надеются. Они просто... пропадают! — подобрала она слово.

— Это была не война, а теракт! — с раздражением произнёс Александр. — Я понимаю, когда эти боевики пытаются взорвать ментов или военных, там всё же мужики с оружием, могут защищаться, но когда женщин и детей..

— Значит, ваши мужчины плохо охраняют своих женщин и детей! — холодным тоном перебила его Фрейя. — Не хотят или не умеют работать? Пусть получают последствия своей глупости и лени!

Саша тяжело вздохнул. Всё-таки трудно ему с ней спорить. Хоть он и не был с ней согласен, но какая-то правота в её словах чувствовалась.

— А какая вторая причина того что вы выбрали именно наши страны? — Александр решил сменить тему.

— Вторая? То что ваши народы самые... боевитые! — снова подобрала она подходящее слово. — Самые лучшие воины получались именно в ваших армиях. Германцы — за счёт своей стойкости и дисциплины. Русы — стойкость, неприхотливость и сила духа. Когда я следила за вашей войной, то восхищалась вами! Воевать в трудных условиях, с огромными потерями и не сломаться? Это истинный дух воина! — закончила она с воодушевлением.

"Для неё все наши войны это как в кино смотреть... Может даже попкорном хрустит.." — с раздражением подумал Саша.

— Ты не хочешь узнать, какие я вам приготовила подарки при переносе сюда? — вкрадчиво спросила богиня, вырвав его из размышлений.

— Подарки? Вы о чём? — не понял он.

— Так как у вас обоих впереди трудные времена то я решила дать вам дар быстрого восстановления. Не хочу чтобы вы погибли по какой-то случайности. Это будет неинтересно.

— Не понимаю... — покачал Саша головой.

— Тебя не удивило что ты так легко поправился после той драки в вашей тюрьме? — улыбнулась Фрейя.

А ведь верно! То-то ему показалось странным как быстро зажили все его раны! И когда доктор его спрашивал в тюремной больнице, как Саша так быстро поправляется... Кстати, ещё в Берлине доктор Венцель удивлялся тому же! Точно!

— Выходит, это ваша работа? — заинтересованно спросил он, во все глаза глядя на эту женщину.

— Конечно! — подтвердила она, кокетливо поправив подол, отчего его взгляд снова вильнул вниз. Богиня это заметила и снова улыбнулась. — Но это не единственный подарок, который я вам подарила. Кстати, Гюнтер уже с успехом его использует!

— Какой же? — с любопытством спросил Александр, глядя ей прямо в глаза. "Не вздумать опускать взгляд, мать твою! Не смей!"

— Дар соблазнять женщин! — ответила она, закусив нижнюю губу и проведя по ней языком.

Саше потребовалось несколько секунд чтобы переварить эту новость.

— Что?! — только и смог сказать Александр. Наверное, он просто ослышался..

— Именно так! — подтвердила богиня. Саша некоторое время смотрел на неё, надеясь,

что та рассмеётся и скажет что пошутила. Но Фрейя сидела и смотрела на него в ответ, лукаво улыбаясь. Да она издевается! Как так-то? Другим попаданцам дают такую кучу роялей что прямо завтра можно императором стать и нагибать аборигенов, а ему? То есть, им с Гюнтером? Регенерация ещё ладно, полезная вещь, но навыки Казановы? Зачем?!

— Но... почему? — с трудом спросил он, отойдя от шока.

— Вот и Гюнтер сначала был недоволен... — вздохнула красавица-богиня. — Тоже возмущался, требовал силу, скорость... А теперь неплохо себя чувствует! — рассмеялась она. Смех её был звонким и ласкающим слух. — Скажу тебе то же что и ему. Если я дам вам то что вы просите, то будет слишком легко. Я не хочу чтобы вы были намного сильнее, умнее или быстрее других людей. Если вы на самом деле любите свою Родину, то сами сможете прорваться через все преграды и помочь своим странам. Ну а если нет... значит, мало любите. — Она рассказала ему про нюансы нового дара, о том что само его присутствие будет влиять на женщин, не говоря уже о касаниях, поцелуях и сексе.

— Понятно... — расстроился Саша. Жаль, а он уже губу раскатал. — Кстати, а как там Гюнтер, собака эсэсовская? — несмотря на то что тот здорово подставил его, выдав всех крупных советских шпионов, Александр прекрасно понимал что на его месте сделал бы то же самое. Только вот беда, не знает он их. То ли хорошо законспирировались, то ли их просто было очень мало и он про них не читал?

— О, он себя великолепно чувствует! — усмехнулась богиня. — У него тоже было не всё гладко, успел ненадолго попасть в тюрьму, а сейчас у него уже три женщины, которых он считает своими и ещё... кажется, восемь испытывают к нему большой интерес..

— Сколько?! — открыл рот от удивления Александр. Нет, конечно, он не считал немца скромником, но захватить себе столько женщин? И как он, интересно, с ними справляется? — Он что, стал каким-то секстеррористом? — не удержался Саша от усмешки.

— Просто у него был такой план... — пожала плечами Фрейя. — Кое-что пошло не так, как Гюнтер планировал, но он уже не в обиде. Часто вспоминает о тебе, гадает, что ты там делаешь... И благодарит тебя за то что ты научил его разным вашими пословицам и поговоркам... — рассмеялась она.. — Хоть он и не всегда до конца их понимает.

Вспомнив как он учил этому немца, Саша тоже рассмеялся. Приходилось объяснять, приводить примеры, чтобы Гюнтер понял смысл. Особенно его ставила в тупик поговорка "Бабушка надвое сказала". При чём тут Гроссмуттер и как она что сказала сразу двоим, заставляло Сашу сгибаться от хохота, пока они гуляли по Берлину.

— А вот у тебя с женщинами пока плохо... Но, думаю, совсем скоро всё изменится... — улыбнулась богиня.

— Что вы имеете в виду? — удивился он, слегка покраснев. Всё-таки, отношения с женщинами у него, в отличие от Гюнтера, складывались не так легко.

— Узнаешь! Могу передать ему привет, если хочешь? — предложила она, подмигнув. Александр улыбнулся, представив богиню в роли почтальона. А почему бы и нет?

— Буду благодарен вам! — ответил он, и добавил, усмехнувшись: — И заодно передайте ему, что как бы он там не старался, я всё равно сделаю так чтобы наши войска взяли Берлин и на рейхстаге развевалось красное знамя!

Богиня усмехнулась в ответ и сказала:

— Передам обязательно! — К чему-то прислушавшись, она сказала: — Мне уже пора, Александр.

— Подождите! — вскрикнул Саша, внезапно вспомнив что хотел попросить. — Вы

можете сделать так чтобы меня больше никто не мог загипнотизировать?

Фрейя задумалась, глядя на него. Кивнув головой, она ответила:

— Могу. Сделать?

— Да! Не хочу больше, чтобы меня снова заставляли быть послушной куклой с чужой жизнью... — со злостью ответил он.

— Хорошо! — посмотрела на него несколько секунд и сказала: — Всё, теперь тебя больше никто не сможет загипнотизировать! Доволен? Даже если попробуют, ты будешь всё видеть, слышать и помнить, хотя со стороны будет казаться что ты под гипнозом.

— Да! Ещё раз вам большое спасибо! — Саша ничего не почувствовал в голове, но почему-то, не сомневался что она не солгала. В следующее мгновение богиня просто пропала. Исчезла, как будто её никогда не было. Может, это всё-таки сон? Но гипноз-то она сняла? Значит, правда. Так, что теперь делать? Скорее всего, придётся продолжать играть роль загипнотизированного новоиспечённого младлея НКВД и ехать обучаться на осназовца. Впрочем, это ему даже на руку, всё равно пригодятся умения защитить себя, тем более, перед войной. И, конечно, продумывать план против профессиональных параноиков.

Берлин. То же время.

Гюнтер Шольке.

Он проснулся от того что ему безумно захотелось пить. И, заодно, сходить в уединённый кабинет подумать. В комнате было темно, лишь в окне светил в ночи полумесяц. Затёкшее от неподвижной позы тело онемело и Гюнтер, кряхтя, с трудом встал. Во рту было сухо и ощущение будто кто-то туда нагадил. Скривившись, он пригладил волосы и вышел в полутёмный коридор, спустившись на первый этаж. Дом был погружен во тьму, видимо, слуги уже успели убратсья в зале и тоже заснули.

Дойдя до туалета, он отлил, напился и умылся. Придя в себя, он снова поднялся наверх и подошёл к двери своей комнаты. Войдя внутрь, лёг на кровать но спать уже не хотелось. Полежав минут пять, Гюнтеру вдруг пришла в голову очень заманчивая мысль. Некоторое время он колебался, но не выдержав, встал с кровати, открыл дверь и, бесшумно ступая голыми ногами, приблизился к спальне хозяйки усадьбы.

Там было тихо. Осторожно повернув ручку двери, Гюнтер приоткрыл дверь и заглянул внутрь. На большой кровати лежала женская фигура, укрытая одеялом, слышалось мерное дыхание спящей. Тихо подойдя к ней, он с улыбкой посмотрел на баронессу. В свете слабой луны виднелось её прекрасное лицо, губы слегка приоткрыты. Какая же она красивая!

Постояв так несколько минут, Гюнтер не выдержал и осторожно присел на её постель, готовый мгновенно вскочить и ретироваться из комнаты, если та вздумает проснуться. Но аристократка продолжала безмятежно спать, должно быть, немалое количество шампанского, выпитого накануне, помогло её сну сделаться крепче обычного.

Чувствуя, что начинает возбуждаться, он медленно приподнял одеяло за её спиной и приятно удивился. Баронесса спала обнажённой. На ней не было даже трусиков! Ну, Мария... Смело, молодец! Роскошная фигура зрелой женщины приковала его взгляд, а когда он опомнился, член был уже готов к штурму новой твердыни. А эта изумительная задница..! Желание, которое быстро охватывало его при виде такого соблазна, толкало Гюнтера на дальнейшее безумие... Проклятье, не пора ли остановиться и уйти в свою комнату? Вдруг она проснётся? Скандал вряд ли поднимет, но всё равно..

С другой стороны, она же ему нравится? Не то слово! Хочет ли он её? Без сомнений! К тому же он уже считал её своей женщиной, и она это знала. Так в чём дело? Когда ещё будет у него такая возможность? Не факт, что Гюнтер сможет с ней встретиться до своего убийства на фронт, а там и убить могут. Конечно, благодаря регенерации это будет сделать намного труднее, но если ему пробьют голову или тело разорвёт снаряд то он, конечно, умрёт. И будет обидно сознавать что упустил в своё время такой шанс.

Мысленно сплюнув, он снял брюки и, в одних трусах и майке, залез к ней сзади под одеяло. Кровать снова удивила его, она была такой мягкой и удобной, что хотелось просто вытянуться и лежать, наслаждаясь покоем и удовольствием от восхитительных ощущений. Улёгшись, Гюнтер замер на минуту, опасаясь что разбудил баронессу, но она даже не пошевелилась. Довольный, он очень медленно положил свою правую руку на её бедро. Снова никакой реакции, даже дыхание не изменилось. Значит, идём дальше!

Осторожно, едва касаясь кожи, Гюнтер провёл ладонью по бедру и начал спускать руку вниз, к её главным воротам в сокровищницу. Но едва он коснулся пушистого холмика между ног, как Мария пошевелилась и её бедро чуть не зажало его ладонь. Превратившись на минуту в соляной столб, Гюнтер почувствовал как мгновенно вспотел. Женщина снова успокоилась и ровно задышала во сне. Продолжаем!

Снова положив руку ей между ног, он нащупал пальцем клитор и начал его поглаживать, сначала слегка касаясь, а потом чуть сильнее. Член по прежнему стоял как палка, напоминая ему что пора бы уже переходить к главному действию. Несколько минут таких ласк и Гюнтер ощутил как его пальцы повлажнели, говоря ему что баронесса начинает возбуждаться. Он улыбнулся... Очень хорошо, всё делает правильно.

Ещё через короткое время стало ясно что женщина явно завелась. Она стала слегка подёргиваться, изменилось дыхание, а между ног пальцы уже чавкали, омытые её соками. Гюнтер усилил напор. Теперь он уже не осторожничал, вплотную прижавшись к ней сзади и тыкаясь членом между ног.

С губ баронессы слетел лёгкий стон и она медленно повернулась на спину, чуть раздвинув бёдра. Другой рукой Гюнтер бесцеремонно сорвал одеяло, открыв всё тело красавицы-аристократки. Пальцы правой руки продолжали теревить нежные лепестки между ног женщины, отчего та снова застонала:

— Гюнтер..

Этот стон слегка насторожил его. Неужели она поняла что это он? Но глаз женщина не открывала, значит, скорее всего, думает что это сон? И раз Мария зовёт его, значит это ей нравится? Гюнтер с удовлетворением усмехнулся. Уже не таясь, он раскрыл пошире стройные женские бёдра и лёг на неё, начав целовать левую грудь, в то время как левая рука завладела правой округлостью.

Женщина громко и протяжно застонала, выгнувшись ему навстречу. Её соски стали как твёрдые горошины от возбуждения, руки гладили его спину и голову, между ног всё утопало в соках. Нависнув над ней, он без колебаний прижался к губам Марии и тут увидел как её глаза распахнулись.

— Гюнтер?.. Ах..

Она хотела сказать что-то ещё, но Гюнтер не дал ей это сделать, медленно войдя в неё. Смотря ей прямо в глаза, он вышел из неё и снова вошёл. Мария смотрела на него, словно застыв... Наконец, придя всего, она прошептала:

— Нет, Гюнтер... не надо!..ахх... мы не должны!.. пож... алуйста!.. а... Прекра...

аа... — тут её глаза закрылись, руки обхватили его шею, а ноги обняли торс. Она издала стон, словно сдаваясь, и сама впиалась в его губы. Всё, тело предало хозяйку. Отбросив, наконец, все предосторожности, Гюнтер жадно целовал её губы, удивляясь тому что язык Марии не уступал его языку. Она вся крепко обняла его, прижалась вплотную. Видимо, долгое воздержание сорвало у бедной баронессы крышу.

Едва оторвавшись от её губ, он уткнулся ей в шею, лаская её языком и губами, перешёл на ушко, обхватив мочку губами. Наверное, это была одна из эрогенных точек женщины, поскольку та снова застонала и уже сама начала целовать его шею.

Гюнтер чувствовал как внутри Марии его член словно плавится от жара, сдавливаемый со всех сторон горячими стенками влагалища возбуждённой аристократки. Та сама делала движения бёдрами, словно насаживаясь на него и уже через несколько минут застонала-захрипела ему в шею, судорожно дёрнувшись и сжав его стальными объятиями. Он сам сдерживался, пытаясь растянуть удовольствие, поэтому, едва она отошла от оргазма, Гюнтер аккуратно перевернул её безвольное тело, поставил баронессу на четвереньки и с удовольствием снова ворвался в неё, от чего женщина вздрогнула.

Одной рукой сжав её ягодицу, другой грудь, Гюнтер любовался видом роскошной женщины, которую он смог покорить. Отныне она его. Мария с трудом повернула голову, смотря на него. Он, не отрываясь, продолжал долбить её истекающее влагалище, от чего с женских губ слетали короткие стоны. И когда, наконец, Гюнтер почувствовал что сейчас кончит, на губах баронессы появилась довольная или счастливая улыбка. Она закрыла глаза, и в этот момент напряжение в члене достигло пика и Гюнтер буквально зарычал, едва успев вытащить орган из такой уютной пещеры, где хотелось остаться навечно. Закрыв глаза от удовольствия, он чувствовал как сперма выплёскивается из него, наверняка орошая задницу и спину женщины.

Обессиленный, он повалился рядом с ней на кровать, медленно приходя в себя. Грудь ходила ходуном, сам Гюнтер был весь в поту, но на его губах играла улыбка. Он снова это сделал! Взял женщину которая ему нравилась и сделал своей. Теперь, благодаря дару, она от него никуда не денется и пополнит его гарем. А ведь и верно, гарем получается! Ничего, в отличие от султанов древности, ему хватит сил ублажать столько красавиц, ведь богиня тоже обещала помочь. А если кто-то попробует отнять у Гюнтера его красавиц... что ж, пусть попробует!

Занятый своими мыслями он вдруг почувствовал слабый удар кулачком по груди. Потом ещё один. Третий был уже перехвачен его рукой. Повернув голову, Гюнтер увидел что баронесса лежит на боку и смотрит на него со слезами на глазах, а её рука пытается ударить его.

— Что с тобой, Мария? — с удивлением спросил он, пытаясь понять что с ней случилось. Вроде было всё отлично, с чего бы ей бросаться на него с кулаками?

— Зачем ты это сделал, Гюнтер?! Я не хотела этого! — тихим, злым голосом сказала ему баронесса. Из её глаз покатались две крупные слезинки и она затряслась в рыданиях, закрыв лицо рукой и отвернувшись от него. Несколько секунд Гюнтер смотрел на её вздрагивающую спину, невольно чувствуя свою вину. Да, в конце концов, ей понравилось и она даже кончила, но... всегда есть это дурацкое "но"..

— Извини, милая... — виновато сказал Гюнтер, пытаясь загладить вину. — Просто я решил посмотреть на тебя во сне... ты была такая красивая... — принялся он её успокаивать. — Потом я хотел поцеловать твоё плечо, которое соблазнительно торчало из-

под одеяла... Вдруг это одеяло съехало вниз и я увидел что ты голая... А после этого я уже не выдержал. Смотрел на тебя, любовался... и сам не заметил как начал ласкать тебя. И когда понял что тебе нравится, то совсем потерял голову... — говорил он, поглаживая её по плечам, чувствуя какая нежная у Марии кожа.

Женщина уже не вздрагивала, но и не поворачивалась. Наверное, молча слушала, предположил он. Вдохновлённый своим навыком психолога-утешителя, Гюнтер придвинулся ближе и осторожно потянул женщину к себе. Та не сопротивлялась и, обернувшись к нему лицом, уткнулась ему в грудь. Несколько минут они так и лежали. Наконец, Мария подняла голову чтобы посмотреть на него и тихо спросила:

— И что мы теперь будем делать?

Гюнтер по голосу понял что она уже успокоилась и не плачет. Он перекатился на спину и обнял её одной рукой, от чего баронесса оказалась лежащей на его груди. Чувство вины прошло и вместо него появилось какое-то умиротворение. Произошло то, что и должно было произойти.

— А теперь мы с тобой будем спать... — пробормотал Гюнтер и зевнул, чувствуя что его понемногу затягивает в царство сна. Обычно после секса у него ещё оставались силы общаться и поддерживать разговор, как это любят женщины, но не в этот раз. Видимо, бурные события, произошедшие вечером, и алкоголь, вымотали его и короткий сон не помог.

Мария приподнялась на локте и уставилась на него большими глазами.

— Спать?! Ты думаешь что я усну после того как ты меня..? — она замялась, пытается подобрать нужное слово, которое бы в полной мере выражало то что с ними случилось.

— Как я тебя... Что? — улыбнулся он, повернувшись к ней. Даже возмущённая, она сильно привлекала его. Голая, с разлохмаченной причёской, опухшими губками... Гюнтер почувствовал что сон отступает, а вместо него снова возвращается желание.

— Сам знаешь! — выдала она, только сейчас вспомнив что лежит обнажённая, и потянулась за одеялом. А вот это зря! Не нужно оно ей. Он перехватил её руку и поднёс к своим губам, нежно поцеловав её. А потом ещё. И ещё. Каждый пальчик... Затем повторил это со второй рукой баронессы.

— Мария... я не буду врать... — начал Гюнтер, чувствуя что надо ей кое-что объяснить, прежде чем они снова окунутся в океан безумия. — Ты мне понравилась сразу как только я тебя увидел... Ещё там, при пожаре. А потом в госпитале, где я попробовал вкус твоих губ и ощутил мягкость твоего тела, милая... Помнишь, я сказал что хочу узнать какая ты настоящая? Тогда это было только началом... А сегодня, сейчас, уже не могу сдерживать себя... — страстно шептал Гюнтер.

— Гюнтер... — попыталась баронесса что-то сказать, но он упрямо продолжал:

— Послушай меня, моя девочка! Мне плевать на нашу разницу в возрасте, статусе, положении... это уже неважно! Главное, то что мы чувствуем друг к другу! Я знаю что не хочу и не могу снова оставить тебя в одиночестве, в роли Снежной королевы, которая на людях будет играть ненавистную роль а наедине страдать и мучиться в своей спальне! Я же чувствую что тоже нравлюсь тебе, Мария! Хватит бороться с собой! Просто отпусти себя, своё сердце! Думай не как баронесса а как женщина! Ведь под роскошными нарядами бьётся чуткое, доброе сердце, которое жаждет любви! — исступленно говорил он, продолжая нежно поглаживать её. Не выдержав, Гюнтер наклонился к ней и ласково поцеловал в губы. К этому времени член снова был готов и, взяв её руку, он опустил вниз, не отрывая глаз от её лица.

Она слегка вздрогнула, когда почувствовала прикосновение к его органу и попыталась отдернуть руку но Гюнтер легко удержал её. Он осторожно вложил член в её маленькую ладонь и едва сдержал собственный стон, настолько это было приятное ощущение.

— Видишь, моя красавица? Это от тебя он стал таким. Каждый раз когда я думаю о тебе, это происходит снова и снова... Ты то и дело появляешься в моих снах, улыбаешься, смеёшься, дразнишь... Проклятье, я с тобой просто с ума схожу! — выдохнул он и снова начал целовать её губы, только уже более напористо и страстно.

— Гюнтер... — буквально простонала Мария и он почувствовал как её рука внизу пришла в движение. Тонкие пальчики нежно пробежали по его органу и слегка сжали. Теперь уже он застонал и закрыл глаза от удовольствия. Снова открыв их, Гюнтер увидел как на её мягких губах возникла шаловливая и довольная улыбка.

— Я знаю... что поступаю неправильно... — прошептала она, продолжая ласкать его член. — Но я этого хочу... Боже, ты снова разбудил во мне женщину, Гюнтер... я думала что это невозможно... Он такой горячий и большой... Наверное, я потом пожалею об этом... Ну и пусть... пусть... — тихо говорила баронесса, одной рукой возбуждая его, другой себя. Её глаза смотрели прямо на него и Гюнтер чувствовал что ещё немного и он потеряет над собой контроль. Мария закрыла глаза и закусил губу, но стон всё равно вырвался на волю.

— Гюнтер... Пожалуйста, милый мой!.. — раздалось снизу. Он увидел как её длинные ноги раздвинулись, открывая ему дорогу в рай, и почувствовал как она потянула его на себя. Гюнтер даже не подумал противиться и лёг на великолепное женское тело. Её пальчики крепко обхватили его член и потянули к лобку. И когда он мягко вошёл в неё, Мария так сладостно и удовлетворённо застонала что Гюнтер едва не кончил. Ох, Бог определённо знал что делал, наградив людей удовольствием от основного инстинкта. Он прижался к ней и, опустив голову, начал снова целовать её груди, шею, лицо а она прижимала его голову к себе. Ноги женщины обхватили его таз и помогали ему вторгаться в её покорное тело.

В этот раз всё получилось быстро. Гюнтер, не выдержав удовольствия, настолько потерял голову что даже не подумал о том чтобы вынуть свой член и, зарывав как зверь, буквально опустошил себя, заливая влагалище Марии своей спермой, отчего уже через несколько секунд кончила и она, успев в последнюю секунду вцепиться зубами в подушку и заглушить свой полувскрик, полустон, полувоём..

Полностью расслабленный и опустошённый, Гюнтер вяло подумал что надо бы полежать и потом возвращаться к себе в комнату. Баронесса, закинув на него ногу и руку, уютно устроилась у нег на груди и, судя по дыханию, заснула. Решив, что минут через пять он встанет с такой прекрасной кровати и уйдёт, Гюнтер тоже заснул, положив руку на плечо очередной своей женщины. Спальня хозяйки дома погрузилась в тишину, нарушаемую лишь дыханием двух счастливых, удовлетворённых людей.

21 апреля 1940 год. Утро.

Германия, Потсдам, Бабельсберг, усадьба баронессы фон Мантойфель.

Гюнтер Шольке.

Сквозь сон он расслышал какие-то отдалённые крики, топот ног. Внезапно в дверь постучали и тут же вошли, не дожидаясь ответа.

— Мария, тут... — раздался знакомый женский голос и сквозь сонную муть Гюнтер разглядел ошеломлённую графиню, которая открыв рот в шоке смотрела на них. Он

приподнял голову и, осмотрев себя и комнату, понял что это залёт. Причём, конкретный. Вместо того чтобы вернуться к себе в комнату, как и хотел сделать, он, похоже, отрубился и проспал здесь до утра. Мало того, сброшенное на пол одеяло и разбросанная одежда ясно показывали что, точнее, чем они занимались... К сожалению, видимо, высшим силам этого показалось мало для компрометации их обоих. Потому что, внимательнее приглядевшись и посмотрев вниз, Гюнтер окончательно убедился что хуже ситуации для этого быть просто не может.

Они с баронессой лежали полностью голые на смятой постели. Казалось бы, что тут такого? Вот только его член, видимо, проснувшись раньше хозяина, стоял и, изогнувшись, смотрел на него. В принципе, утренний стояк это тоже обычное дело. Но, чёрт побери, крепко сжимавшая этот член нежная женская ручка баронессы и, закинутая на него ножка, убивала на корню все сомнения, которые ещё мог бы питать посторонний человек, увидев их в таком виде. При этом сама Мария только сейчас начала просыпаться, разбуженная стуком в дверь и входом подруги.

Гюнтер только вздохнул, потому что слов у него не было. Вообще. Снова посмотрев на графиню, он удивлённо расширил глаза. Та не смотрела на подругу. Даже на него она не смотрела. Всё её внимание привлёк ОН. Гордо возвышающийся и перевитый венами орган. Он словно её загипнотизировал. Неужели дар богини так действует? Кстати, член вроде бы стал больше... Или ему кажется? А как тут узнаешь? В спокойном состоянии его мерять бесполезно, а в возбуждённом ему явно не до того чтобы искать линейку.

Потянувшись вниз, чтобы убрать руку баронессы со своего члена он выразительно кашлянул. Графиня слегка вздрогнула, перевела взгляд на него и густо покраснела. В это мгновение полностью проснулась и Мария, удивлённо посмотрев на подругу застывшую в дверях. Она перевела взгляд на Гюнтера лежащего сбоку и, в свою очередь, тоже смутилась. Но в настоящий ступор баронесса впала увидев что сжимает её рука.

— Ой! — вскрикнула она и отдёргнула свою ручку как будто член её сжигал.

— Я... я подожду за дверью, ладно? — неуверенно произнесла графиня, опустив взгляд. Всё её лицо, вплоть до шеи, было красным. Она попыталась открыть дверь, дёрнув на себя, похоже, забыв что та открывается наружу и несколько секунд безрезультатно дёрнула её. Потом, видимо, вспомнив, Ребекка распахнула дверь и буквально вылетела наружу.

Волнение Гюнтера быстро улеглось и он улыбнулся, посмотрев на Марию. Теперь уже ничего не поделаешь, значит нечего и переживать, как-нибудь переживём. Снова вспомнив какое лицо было у графини, он хохотнул. Баронесса удивлённо на него посмотрела. Но Гюнтера уже было не остановить. На него напал какой-то беспричинный смех и он расхохотался, глядя на женщину, пытаясь ей что-то сказать. Та смотрела на него и тоже улыбнулась, видимо, заражённая его настроением. Через минуту они уже оба хохотали, глядя друг на друга, пытаясь сбросить таким образом напряжение.

Наконец, они успокоились и баронесса быстро оделась, а Гюнтер натянул штаны и набросил майку.

— Боже, мне так стыдно! — Мария закрыла лицо руками и покачала головой. — Что теперь Ребекка подумает?

— Она умная женщина, всё поняла правильно и никому не расскажет, я уверен. Напротив, порадуетя за тебя, что теперь у тебя есть мужчина, готовый на всё ради тебя! — произнёс Гюнтер, привлекая её к себе. — Кстати, мне понравилось как ты Его держала... — снова рассмеялся он.

— Прекрати, пошляк! — она слегка его стукнула по плечу. — Я сама не знаю, как такое случилось... Это всё ты виноват! — шутливо сказала Мария. — Это из-за тебя я стала такой... такой развратной.

— О, благодарю за изысканный комплимент, милая! — так же шутливо он поклонился. — Готов и дальше работать в том же направлении! — и едва успел поймать подушку, летящую ему прямо в лицо.

— Кстати, может впустим графиню? Похоже, что-то случилось? — предложил он, подозревая по какой причине прибежала к ним Ребекка.

— Ах да, конечно! Ты меня отвлек своими пошлостями... Ребекка, входи! — крикнула она. Через пару секунд дверь тихо приоткрылась и в проёме снова появилась графиня, которая осторожно заглянула внутрь. При этом она кусала губы, видимо, пытаясь скрыть улыбку. Увидев что они одеты, Ребекка вошла в комнату и стала серьёзной. Гюнтер тоже перестал улыбаться, сел рядом с баронессой и обнял её. Та не сопротивлялась и облокотилась на него, что его порадовало. По крайней мере, перестала стесняться при подруге. Да и какой смысл? Всё равно уже та видела и сделала выводы.

— Что случилось, милая? — спросила Мария, удобно устроившись в его объятиях. Подруга вздохнула и сказала:

— Мария, граф Шверин..

— Что с ним? Снова напился и пытался приставать к тебе? — с тревогой спросила баронесса.

— Он умер, Мария. Его нашли в той комнате мёртвым... — огорошила её подруга.

"Ну, вот и начинается.." — подумал Гюнтер.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

21 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

Саша с трудом вылез из машины, потирая занемевшую задницу, которой, вдобавок, хорошо досталось от ухабов на неровной дороге. Если у этого изделия советского автопрома и были рессоры то он их явно не почувствовал. К тому же, чёртов "нянька" поднял его с постели часов в пять утра, вместо нормального завтрака опять была яичница, поэтому Александр приехал в лагерь морально и физически разбитый. Куда именно они с ним ехали, он не знал, на окнах были шторы, отодвигать которые Михаил Алексеевич категорически не рекомендовал, посоветовав в пути подремать. При такой тряске? Он что, издевается?

Вид спереди, в лобовое стекло, тоже не дал ему понять куда они ехали. Какие-то закоулки, потом пустынная дорога, на которой иногда мелькали придорожные деревеньки. Настроения ему не прибавляло то что приходилось играть роль восторженного младлея НКВД, верного комсомольца, свято верившего в учение Ленина. Каждый раз когда он вспоминал об этом, появлялось желание размахнуться и хорошенько приложить своим кулаком хитрую рожу "няньки". Это была ещё одна причина для того чтобы овладеть навыками рукопашной борьбы. Кто знает, возможно, когда-нибудь его желание проучить Михаила Алексеевича осуществится. В то же время, мысленно встав на сторону этих параноиков, он понимал их мотивы и желание обезопаситься от его случайного провала. Понять-то Саша понимал, но вот простить? Хрен им!

Он огляделся, пытаясь понять как выглядит то место, которое на несколько месяцев станет его домом. Лагерь был довольно немаленьким, судя по высокому, деревянному забору, окружавшему территорию. Над широкими воротами, в которые они въехали, располагалась широкая деревянная будка с застеклёнными окнами, в которой виднелись головы двух человек. На крыше пара фонарей. От этой будки до земли спускалась лестница с перилами. Вдалеке виднелись ещё несколько вышек с часовыми. Прямо за КПП стояло небольшое одноэтажное здание из кирпича. Из распахнутых окон слышались невнятные голоса, а на столбе, рядом со входом, висел широкий репродуктор, скорее всего, из него передавали разные сообщения для обитателей лагеря.

Из здания навстречу им вышел какой-то высокий, жилистый командир с жёстким, волевым подбородком и острыми глазами. Двигался он как-то мягко и непринуждённо, словно хищник, гуляющий на своей территории. На его слегка выгоревшей форме не было ни одного ордена или медали, хотя за их отсутствие Саша бы не поручился, вполне возможно, тот решил по какой-нибудь причине просто их не надевать. Например, из-за секретности. Александр знал, что спецназовцев и нелегалов могут награждать, так сказать, анонимно, то есть, награды есть а вот носить их на виду нежелательно. Может быть этот военный воевал в Испании или Монголии... Хотя, вроде бы, участники тех конфликтов носили свои награды не стесняясь... В петлицах встречающего краснели два ромба, что снова поставило Сашу в тупик. Не успел он ещё запомнить все эти геометрические знаки различия в форме треугольников, квадратов и ромбов. Скорее бы ввели погоны и звёздочки, так хоть будет удобнее понимать кто есть кто.

Командир подошёл к ним, мазнул по Александру взглядом и протянул руку "няньке":

— Здравствуй, Ко... Хм, Здравия желаю, Михаил Алексеевич! — голос его был спокойным, но Саше показалось что в нём прозвучали тёплые нотки.

— Здравствуй-здравствуй, Сергей Борисович! — ответил Михаил, широко улыбнувшись и крепко сжал руку командира. — Как ты тут? Не скучаешь?

— Обижаете, Михаил Алексеевич! — усмехнулся тот, — с моими архаровцами не заскучаешь! То одно то другое отчебучат, глаз да глаз нужен!

— Что, опять Герасименко отличился, шут-затейник? — рассмеялся "нянька". Командир снова мельком посмотрел на Сашу и ответил:

— Да нет, этот фрукт пока тише воды ниже травы после прошлого залёта... На этот раз Галадзе.

— А, ну да, тоже тот ещё шутник... Кстати, вот привёз тебе нового бойца в качестве пополнения! — наконец, вспомнил про него Михаил Алексеевич. В ответ на вопросительный взгляд командира, Саша вытянулся по стойке "смирно", и громко начал докладывать:

— Товарищ... — тут он замялся, не зная звания встречающего, но "нянька" тут же помог:

— Старший майор.

— Товарищ старший майор, младший лейтенант государственной безопасности Самсонов в качестве пополнения прибыл!

Похоже, он доложил не совсем правильно, потому что оба гэбиста переглянулись и, почти одновременно, фыркнули.

— Ну что, Самсонов, всё с тобой ясно... — произнёс старший майор, дёрнув уголком рта. — Мы тут не на плацу, поэтому особо не тянись. Посмотрим, как ты себя покажешь. Готов стать настоящим мужчиной?

Саша был охвачен разными мыслями. С одной стороны, было предвкушение чего-то нового, неизведанного. Хотелось почувствовать, каково это, стать одним из самых элитных советских осназовцев. С другой, было сомнение что он выдержит испытания, ведь там, в своём мире, у него не было ничего подобного, обычная служба в ПВО. Он чувствовал что этс вызов для него и готовился сделать всё чтобы оправдать его. Ведь надвигается большая война и чем больше Александр будет знать тем лучше сможет принести пользу себе и стране. Даже обычные немецкие пехотинцы непростые ребята, а если он столкнётся с диверсантами "Бранденбурга".. тут ещё вопрос кто кого.

— Так точно, товарищ старший майор! — выпалил он, старательно играя роль восторженного новобранца. Это у него хорошо получалось, потому что Саша и чувствовал себя именно им. Ничего не умеет и не знает. Даже то что он помнил, вряд ли тут пригодится. Звания, отличные от российской армии, сборка-разборка автомата Калашникова тоже бесполезна за его отсутствием.

— Ну-ну... — обронил командир и внезапно гаркнул: — Титов!

— Я! — донеслось из кирпичного здания.

— Головка от... чеснока! Ко мне! — не сбавляя децибел продолжил старший майор.

— Есть! — ответил неизвестный и послышался топот сапог, приближающийся ко входу.

— На жопе шерсть... — уже тише добавил командир, отчего "нянька" только улыбнулся. На Александра повеяло уже подзабытым армейским юмором. Примерно так же ругался старшина, когда проверял расположение их роты после уборки дневальными. Как

правило, после этого следовал разнос на тему ленивых долбодятлов которые сделали уборку на "отвали", протёрли пару раз тряпкой бытовку, ленинскую комнату, туалет и шкверятся от офицеров по очереди.

Дверь распахнулась и во двор вылетел крепко сбитый боец в сапогах, пилотке и майке, без гимнастёрки. Вся его фигура внушала уважение, мускулы были видны даже не особо приглядываясь. А вот лицо, хоть и было серьёзным, но, казалось, того и гляди, готово расплыться в хитрой усмешке. Подбежав к командиру, он свёл каблуки вместе, вытянулся, приложил руку к пилотке и начал:

— Товарищ старший..

— Отставить! — прервал его тот. — Чем занимаешься?

— Так это... службу несусь, товарищ старший майор! — слегка улыбнулся боец, мгновенным взглядом окинув обоих гостей.

— То есть, спишь? — полувопросительно-полуутвердительно сказал командир, прищурившись на него. Титов сделал обиженный вид и с фальшивым возмущением ответил:

— Как можно, товарищ старший майор? Убираюсь..

— Знаю я как ты убираешься... Смотри, проверю лично! Понял? — строго ответил Сергей Борисович.

— Так точно! Разрешите идти? — попытался смяться боец.

— Отставить! — снова тормознул его командир. — Видишь младшего лейтенанта? Отведёшь его в казарму, всё покажешь, расскажешь, пусть Михалыч выдаст ему мыльнорыльное, бельё, постель и поставит на довольствие. Ясно?

— Так точно! — вытянулся тот, преданно глядя на него.

— Свободен! — наконец, отпустил его тот.

— Слушаюсь! — откликнулся Титов и повернулся к Саше. — Прошу за мной, товарищ младший лейтенант госбезопасности.

Александр повернулся к "няньке". Неужели не будет напутствия? Михаил Алексеевич подошёл к нему и внимательно посмотрел на него. Глаза испытующе впились в Сашу, словно он пытался проникнуть в его мысли.

— Ну, всё, младший лейтенант! Я сдал тебя в надёжные руки. Теперь Сергей Борисович твой командир на всё время нахождения здесь. Его приказы не обсуждаются а выполняются. Здесь ты сможешь научиться тому чтобы ещё лучше послужить нашей великой Родине. Надеюсь на тебя и уверен, что ты всё выдержишь, как настоящий советский человек. Всё понял?

Александр снова принял восторженный вид наивного молодого командира и выпалил:

— Так точно, Михаил Алексеевич! Спасибо вам! Клянусь, что оправдаю доверие народа и партии! И ваше тоже!

— Верю, Александр! Всё, иди! Кстати, тебя тут будет ждать сюрприз... надеюсь, приятный! — усмехнулся "нянька". Саша не понял, какой именно сюрприз, но решил не уточнять, всё равно скоро узнает. Он отвернулся от них и пошёл за бойцом, который повёл его за кирпичное здание.

Они обошли дом и перед Александром открылась небольшая улица, упиравшаяся в длинное здание с несколькими окнами, стоявшее к ним боком. Саму улицу обступали деревья, между которыми стояли небольшие здания, видимо, хозяйственного значения и склады. Откуда-то потянуло гороховым супом, от чего в животе у Саши заурчало. Яичница, которую он съел рано утром, давно растворилась и желудок требовал нового топлива.

Проводник услышал зов голода и улыбнулся.

— Есть хотите, товарищ младший лейтенант?

— Неплохо бы... — не стал он скрывать очевидное. — Кстати, а какое у вас звание, боец? — решил поинтересоваться Саша. Тот хмыкнул, ненадолго замолчал, а потом ответил:

— Сержант я, товарищ младший лейтенант... Но у нас тут званиями редко козыряют, бывает что лейтенанты и капитаны в наряд ходят, если приказ будет. А насчёт еды, тут только в обед, придётся несколько часов подождать... — огорчил его боец.

— Понятно. Надо, значит подожду.

Не доходя до длинного здания, скорее всего, казармы, они свернули к одному из домиков, стоявших сбоку. Их соединяли утопанные тропинки, ведущие к дверям каждого из них. Толкнув дверь, сержант зашёл внутрь прохладного помещения, Саша за ним. Внезапно раздалось:

— Стоять! Это ещё кто? — спросил хриплый голос и из полутёмной комнаты, слегка прихрамывая, вышел мужик лет сорока пяти или пятидесяти. Усы у него напоминали чапайские, глаза, под кустистыми бровями, смотрели настороженно. Одет он был в гражданскую рубашку и брюки, только сапоги выдавали в нём служивого человека.

— Михалыч, да я это... Не узнал, что ли? — улыбнувшись, спросил Титов, но тот только пренебрежительно махнул на него рукой, не сводя глаз с Саши.

— Да я не про тебя, обормота... На хрен ты мне не сдался. Это вот кто? — кивнул он на Александра, от чего у него возникло стойкое желание разобраться с наглецом по-мужски. Похоже, это и был тот самый Михалыч, завхоз или старшина, который и должен был обеспечить его всем необходимым для дальнейшей службы. Какой-то подозрительный тип... Хотя, кто его знает, может просто бдительный с незнакомцем, а в душе компанейский мужик?

— А, это пополнение, младший лейтенант НКВД Самсонов! — представил его сержант не успел Александр открыть рот. — Его нужно поставить на довольствие, выдать всё что положено... В общем, что я тебе говорю, ты сам знаешь лучше меня.

— Ясно... — усмехнулся завхоз и протянул Саше руку. — Меня Михалыч зовут. Фамилия-то у тебя хорошая, сильная, а звать как?

— Са... Александр! — сумел он поправиться в последний момент и прямо посмотрел в глаза мужику, так как знал что в армии надо с первого дня ставить себя как положено, иначе не будут воспринимать всерьёз, если не хуже. Тот улыбнулся, видимо, тоже сообразил. Они пожали друг другу и Саша едва не поморщился от боли. Рука завхоза по форме напоминала лопату, и сжала ладонь Александра как тиски. Но он справился с собой и ничем не выдал своей реакции, чем, видимо, заслужил в глазах Михалыча очко в свою пользу.

— Не Македонский, случайно? — улыбнулся он, отпустив его руку.

— Пока нет. А потом, кто знает? — ответил Саша, отзеркалив улыбку.

— Что ж, будем знакомы. Значит, говоришь, выдать тебе всё что положено? Выдадим... Сейчас я тебе вынесу всё, а ты проверяй и расписывайся. У меня здесь строгий учёт, Самсонов, не забалуешь! — поднял завхоз указательный палец.

В следующие полчаса Александр получил всё что было положено будущему осназовцу в лагере, в том числе бритву и помазок. Посмотрев на них Саша только вздохнул, пользоваться этими архаичными и опасными средствами гигиены не хотелось, чего доброго ещё перережешь себе горло ненароком. Только выхода не было, бриться всё равно придётся.

Нагруженный приобретённым имуществом, он примеривался как бы всё взять за один

присест, а в это время Титов подошёл вплотную к Михалычу и что-то тихо зашептал. Тот изумлённо поднял брови и грозно сказал:

— А ну, иди отсюда хомяк недобитый! Рано тебе новые сапоги получать, срок носки ещё не вышел!

— Так это, Михалыч, да ты сам посмотри, они же убитые уже... Скоро каши просить будут! — пытался сержант переубедить сварливого мужика, но безуспешно. Тот легонько взял его за мощную шею и повёл к двери, приговаривая:

— А нечего варварски относиться к казённому имуществу! Не умеешь беречь, твоя проблема! Вот когда срок подойдёт или Кремень прикажет тогда и приходи! До этого даже и не заикайся... Всё, иди давай, помоги вон новичку донести всё до казармы! — завершил он разговор.

Они вышли из домика-склада и пошли к длинной казарме. Титов продолжал тихо бурчать про куркуля-Михалыча, а Саша невольно улыбался, слушая его. Наконец, обогнув стену здания, они вошли в него через дверь в торце. Навстречу им подорвался было дежурный с повязкой, но увидев их, тут же расслабился.

— А, это ты, Хомяк? Что гуляешь? И кто это с тобой? — спросил он, окинув Александра внимательным взглядом. Сам дежурный представлял собой среднего роста мужчину, с обычным, ничем не примечательным лицом. Одет в гимнастёрку вообще с пустыми петлицами. Но Саша подозревал, что несмотря на это, вряд ли он был обычным рядовым, скорее всего, его звание не ниже чем у самого Александра, а то и выше.

— Это младший лейтенант Самсонов, новобранец! — представил его сержант. — Давай, Якорь, покажи ему его место, а я пойду на КПП, дальше убираться, а то Кремень опять затаскает меня по нарядам!

Дежурный, со странным позывным "Якорь", рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Сам виноват, не хрен было куролесить... Вроде взрослый человек, а ведёшь себя... — покачал он головой.

— Вот ещё тебя мне не хватало на свою голову! — отмахнулся сержант. — Забыл, как сам отрабатывал свой залёт?

— Ладно-ладно, иди давай... Без тебя разберёмся! — начал его выпроваживать "Якорь".

Титов ушёл, а дежурный повёл его за собой, оставив на входе дневального, худого, скуластого бойца, с запавшими глазами. Они вошли в спальный кубрик, где в два ряда стояли деревянные нары с полосатыми одеялами на них. Возле прохода стояли табуретки, в изголовье висели белые полотенца, а между нарами расположились тумбочки. Словом, на вид типичная солдатская казарма, почти не отличавшаяся от той в которой жил Саша во время службы в армии, разве что в будущем вместо нар будут койки.

— Слушай, младшой, не возражаешь если обойдёмся без званий? — вдруг спросил дежурный, усевшись на одну из табуреток.

— Да не вопрос... — пожал Саша плечами. — Я сам не люблю этот официоз.

— Отлично! В общем, слушай и запоминай. Сегодня устраивайся, вот твоё место! — он показал на одно из мест, где не было постельного белья. — Твоя служба начнётся завтра и поверь, жалеть тебя никто не будет. Не выдержишь — выкинут отсюда в два счёта. Как я уже сказал, мы тут живём и общаемся не по званиям, бывает что сержант лейтенанту не только воинское приветствие не отдаёт но и послать может. В шутку, конечно. В основном, мы называем друг друга по позывным, иногда по именам. Все эти звания, только если проверка из главка приедет или начальство повыше Кремня. А так мы тут как одна большая семья.

Неважно, откуда мы и кто мы, главное, всегда выручай товарища и тогда он тебя вытащит.

— Один за всех и все за одного? — улыбнулся Саша, вспомнив девиз мушкетёров. Тот усмехнулся в ответ.

— Что-то вроде того... Так, что ещё? Наш самый главный командир здесь — Кремень, он сейчас на КПШ, наверное, ты видел его?

Александр молча кивнул. Вот, оказывается, кто их встречал, сам командир лагеря. А он предположил что это всего лишь дежурный по КПШ.

— Я — Якорь, с Хомяком ты уже познакомился, с Михалычем тоже. Остальные парни сейчас на занятиях, появятся только в обед ненадолго, так что нормально познакомишься с ними вечером, перед ужином. Предупреждаю, будут подтрунивать над тобой, прощупывать... Это у нас обычное дело, надо же узнать что собой представляет новичок. Я — командир группы, тебя завтра Кремень назначит в одну из наших групп, тогда же узнаешь и своего непосредственного командира, который и станет отвечать за тебя и твои косяки, которые, несомненно, будут. Вопросы?

Задумавшись, Саша не сразу вник в вопрос Якоря и спросил то что пришло в голову первым:

— Почему вашего командира Кремнем зовут?

— Теперь он и твой командир тоже! — поправил его дежурный, вставая и поправляя повязку. — Почему Кремень? А это я пока сказать тебе не могу. Потом узнаешь, если, конечно, останешься с нами. Ну, бывай! — Он быстрым шагом вышел из кубрика, оставив Сашу наедине со своими мыслями. Александр расправил постель, положил в тумбочку своё нехитрое имущество, переделался в полевую форму и присел на нары, пытаясь разобраться с ворохом информации в голове. Что ж, начало положено, он на месте, осталось проявить волю и выдержку. Завтра ему понадобятся все силы чтобы удержаться здесь и не подвести товарищей по будущей группе.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

Площадка перед КПШ.

"Михаил Алексеевич" проводил взглядом своего подопечного и сержанта, которые свернули за угол здания и посмотрел на своего старого друга Кремня, или Сергея Борисовича Каменева. Они вместе служили ещё в начале 30-х, оба воевали в Испании, один участвовал в обороне Мадрида, другой в контрнаступлениях на Талавера-де-ла-Рейну и Брунет. Чудом выжили в жестоких боях под раскалённым солнцем, от которого гнили на позициях трупы и летали тысячи мух. Потом вернулись в СССР и стали работать в одном ведомстве. Каждый из них без колебаний доверил бы друг другу спину.

— Ну и кого ты мне привёз, Коля? — нарушил молчание Кремень. — Какого-то птенчика который недавно выпал из родного гнезда и у него ещё молоко на губах не обсохло?

Николай насмешливо усмехнулся и хитро посмотрел на друга.

— Сергей, не суди о человеке по его внешности!

— Да что ты мне говоришь? Я сразу понял что этот маменькин сынок даже оружие в руках вряд ли держал, не говоря уже о других дисциплинах! — досадливо поморщился начальник лагеря и покачал головой.

— Ну... насчёт оружия точно не скажу, но то что он учинил бойню в изоляторе одной

из наших тюрем... это точно! — сказал Николай. — Более того, он избил до потери сознания трёх наших сотрудников голыми руками, а одного следователя задушил. И это ещё не все его "подвиги".

Сергей Борисович с недоверием посмотрел на него. Слова друга звучали невероятно, но весь вид Николая говорил о том что тот серьёзен как никогда. Он заложил большие пальцы рук за ремень и задумался, не обращая внимания на улыбающегося товарища.

— Нет, не могу представить! — покачал он головой. — Вот смотрю на него и вижу... восторженного мальчишку, бредящего нашим осназом. Погоди-ка! — вдруг вскинулся Сергей Борисович и с удивлением посмотрел на друга.. — Если он сделал это, то какого чёрта этот щегол делает тут?! Разве он не должен сидеть в камере или вообще лежать под землёй?

— А вот это, Серёга, правильный вопрос! — похвалил его Николай. — Но ответить на него могу только одним словом. И это слово — Приказ! Этот Саша, несмотря на вид, очень непростой парень, поверь мне. Он кое-что мне рассказал и, можешь решить что я спятил, но от его слов у меня мурашки по коже шли. А ведь ты знаешь, даже когда фалангисты окружили меня и грозились скормить мне собственное хозяйство, всё равно не было так жутко.

— Коля, с тобой всё в порядке? Может, ты стареешь? — ухмыльнулся его друг. Но ухмылка быстро пропала, когда он увидел как Николай вынул из кармана пачку "Казбека" и закурил. — Эй, дружище, совсем с ума сошёл? Ты же давно бросил?!

Николай затаился и пару раз кашлянул.

— Если бы ты слышал ЧТО он говорил, то совсем по-другому бы к нему отнёсся. Тебе точно было бы не до смеха.

Сергей Борисович долго смотрел на него и потом утвердительно спросил:

— Как понимаю, что именно он рассказал, ты сообщить мне не можешь?

— Правильно понимаешь, не могу. Секретная информация. Даже для тебя.

Задумчиво кивнув, Сергей Борисович снова замолчал. Он знал что такое секретность и даже не пытался выведать у друга эти сведения. Всё что можно рассказать, тот расскажет, а что нет... значит, нет.

— Могу лишь добавить, что эту информацию знают только три человека во всей стране. Я, товарищ Берия и ОН... Чёрт, точнее, четыре! — вдруг вспомнил он. Сергей присвистнул от удивления.

— И что мне теперь с ним делать, с этим особо секретным птенцом? — серьёзно спросил он, внимательно глядя на старого товарища. Тот снова затаился дымом, выдохнул и выбросил окурочок.

— Да ничего особого, Сергей... Постарайся обучить его по обычной программе. Получится? Хорошо. Не получится? Ничего страшного.

Сергей Борисович с сомнением покачал головой.

— Вряд ли у него получится, слабый он, сдохнет через пять-семь километров... Не потянет наши нормативы.

Николай повернул к нему голову и жёстко сказал:

— Если не потянет, не страшно. Но вот сдохнуть он не должен в любом случае, понял, Сергей? Этот Саша очень важен для руководства и если вдруг он откинет копыта по твоей вине, то спасти тебя не смогу даже я!

— Да понял я, понял... — сжал губы товарищ. — Что ж, будем делать из птенца гордого

и сильного орла! Кстати, что там за баба приехала сегодня ночью? Сержант, вроде бы? Зачем она мне? Чтобы мои архаровцы к ней под юбку лезли?

— Ах да, совсем забыл про неё... Эта сержант тоже теперь довольно важна. Особенно для Александра. Нравится она ему, зараза такая... — он сплюнул от досады. — Красивая, конечно, не спорю... Но запомни, ни один из твоих оболтусов не имеет права залезть к ней под юбку! Эта баба здесь только для Сашки, чтоб его! Замысел был в том чтобы привязать его с её помощью покрепче. А плохо то, что она терпеть его не может. С ней, естественно, провели беседу, обозначили цель, но... Хрен его знает как тут получится!

— Не нравится мне этот водевиль в моей части... — с сомнением покачал головой Сергей Борисович. — Мне тут надо людей к боям готовить а из-за этой бабы они все слюной изойдут. Да и части тела станут напрягать совсем не те что нужно.

— Приказ, Сергей, сам понимаешь! — хлопнул его по плечу товарищ. — И особенно следи за этим Галадзе, понял? Не вздумай подпускать его к ней, иначе оба под трибунал пойдёте. Мне уже хватило той истории когда этот горячий грузин соблазнил жену одного из комдивов... Понятно, она красивая, молодая, а муж толстый и любитель выпить... Да и в этом деле вряд ли герой... Но бегать за ним по части с табельным пистолетом угрожая отстрелить член любовника своей жены, это уже чересчур!..

Сергей Борисович, вспомнив эту проделку своего подчинённого, не смог сдержаться и расхохотался. Николай тоже присоединился.

— Вас обоих спасло то что Берия так же хохотал как и мы, когда узнал историю. Сказал, что тот комдив сам виноват что такое допустил. Отослал его вместе с женой куда-то на север, но предупредил, что в следующий раз за такое вы оба туда же поедете, за компанию. Так что учти!

— Ладно, буду держать этот вопрос на контроле! — сказал Сергей Борисович, когда закончил хохотать.

— Надеюсь на тебя, дружище! Всё, давай, я поехал! Буду иногда заезжать, смотреть как тут дела... До встречи!

— До встречи, Коля! Буду ждать! — ответил Кремень, крепко пожимая ему руку на прощание.

Когда улеглась пыль за машиной старого друга, Сергей Борисович задумчиво спросил сам себя:

— Кто же ты такой, младший лейтенант Самсонов?

Не получив ответа на этот риторический вопрос он встряхнулся и, упругой походкой сытого хищника, снова зашёл в здание КПП.

Потсдам. Бабельсберг. Усадьба баронессы фон Мантойфель.

21 апреля 1940 года. День.

Мария фон Мантойфель.

Она сидела вместе с Ребеккой в своей комнате и смотрела пустым взглядом в окно. В голове было так пусто словно в гулкой кастрюле, закрытой крышкой. Следователь уже допросил их обеих и они, морально уставшие и раздавленные, просто молчали. Казалось, уже прошло много часов с того момента как это случилось, но нет..

...Вчерашний вечер начинался просто прекрасно. В отличном настроении, она встречала гостей, улыбалась, разговаривала и ходила по залу, вглядываясь в людей. Только

через некоторое время Мария поняла что неосознанно ищет Гюнтера. Эта мысль снова окатила её тёплой волной смущения и предвкушения встречи. Неужели она так соскучилась по нему? Не привыкшая лгать сама себе, баронесса вынуждена была признать что так оно и есть.

Он появился неожиданно, когда Мария разговаривала с подругой. Словно возник из ниоткуда. Увидев его она невольно залюбовалась. Эта форма так шла ему. Гюнтер выглядел в ней так... сексуально! Поймав себя на этой мысли, баронесса с трудом смогла удержать маску спокойствия на лице. Не к лицу родовой аристократке, тем более старше парня, терять выдержку от молодого, красивого офицера у которого такие мягкие губы... Ну вот, опять мысли ушли не туда! Надо взять себя в руки. Быстрый взгляд на Ребекку показал что той Гюнтер тоже понравился, что отозвалось в сердце маленьким уколом ревности. Хотя, конечно, вздор! Наоборот, она должна радоваться если Гюнтер от неё отстанет и их отношения останутся только дружескими. Разве не этого Мария хотела? Что с ней вообще происходит? От таких мыслей следовало избавиться и баронесса, не замечая этого, начала поглощать шампанское бокал за бокалом.

В итоге, через некоторое время, ей стало гораздо лучше, комплименты Гюнтера ласкали слух, а танец, во время которого он крепко вцепился в неё, вызвал волну приятных мурашек по коже. Глядя на его лицо, она вдруг настолько сильно захотела впитаться ему в губы, снова почувствовать их мягкость, что едва удержалась, для чего потребовалась вся её воля. Не в силах больше смотреть на него, баронесса старательно отводила глаза чтобы снова не поддаваться искушению. Какое счастье что он не может читать мысли, иначе уже целовал бы её, а она отчётливо понимала что в таком случае просто не смогла бы сопротивляться.

Его танец с Ребеккой снова вызвал у неё раздражение. Зачем она так прижимается к нему? И улыбается, глядя на него? А его руки, кажется, находятся не на талии подруги а чуть ниже... Почему она позволяет ему? Это же неприлично! Даже его танцы с её дочерьми вызвали у Марии негативную реакцию. Похоже, дело ещё хуже чем она подозревала. Ревновать его к собственным девочкам? Кошмар!

Потом Гюнтер отозвал её для разговора о машине, которую она подарила ему за своё спасение и начал нести чушь что не может принять её. Когда Мария поняла в чём дело, её внезапно охватил гнев. Как он вообще может думать об этом, круглый дурак?! Подумать только, сравнил какую-то машину и жизнь её семьи! Она не сдержалась и жёстко высказала ему всё что думала. К счастью, под напором её слов он понял что был не прав и извинился, пообещав что больше ни слова не скажет на эту тему, и удовлетворённая Мария, под уговоры подруги, сменила гнев на милость.

Гюнтер ненадолго вышел, заставив её слегка расслабиться, но тут появилась новая неприятность, под названием граф Шверин. Этот наглый, самоуверенный аристократ уже успел, как обычно, хорошо выпить и снова принялся приставать со своими дурацкими любезностями к её подруге, Ребекке. Та одно время была с ним близко знакома и даже подумывала выйти за него замуж. К счастью, случайность позволила ей разглядеть истинную гнилую сущность графа и она с негодованием отвергла его ухаживания. Но этот несносный граф, пользуясь тем что часто общался со своим другом, рейхсфюрером Генрихом Гиммлером, даже не подумал отступить, продолжая доставать Ребекку, которая старалась всячески избегать его.

Сама Мария, видимо, была не совсем в его вкусе потому что к ней он таких поползновений не делал. Но некоторые друзья говорили ей что Шверин задумал отнять у

баронессы её имущество, пользуясь связями в верхушке Рейха. Пока что у него ничего не получалось, так как и у самой Марии тоже были влиятельные друзья среди военных промышленников, которые были связаны с ней и поддерживали её. Но она не питала иллюзий, рано или поздно граф найдёт способ добиться своего.

Вот и вчера он подошёл к ним, уже слегка покачиваясь. От него буквально разило выпивкой, от чего они с Ребеккой непроизвольно сморщились. Учтиво, с едва скрываемой насмешкой, граф поприветствовал баронессу а затем, чуть ли не силой, потащил подругу за собой. Та, чтобы не привлекать внимание, была вынуждена идти, напоследок бросив на Марию жалостливый взгляд. Баронесса застыла на месте, не зная что делать. Бросаться на выручку? Но вдруг они просто поговорят и он уйдёт? Поколебавшись, она всё-таки решила идти за Ребеккой и тут появился Гюнтер.

Оказывается, он всё видел пока танцевал и теперь подошёл узнать что случилось. Обуреваемая страхом за подругу, Мария не смогла сдержаться и всё ему рассказала. Её глаза удивлённо расширились когда баронесса увидела как на это отреагировал Гюнтер. На скулах катнулись желваки, он сам как будто весь затвердел и теперь напоминал приготовившегося к броску зверя, страшного и смертельно опасного. Посмотрев на неё, он сказал что разберётся с этой проблемой и ушёл, не слушая предостережений Марии о том что это бесполезно. А баронесса вдруг почувствовала... Он на самом деле разберётся, и его не остановят ни связи графа ни угроза ему самому. Она, наконец, поняла то что крутилось у неё в голове в последнее время. Гюнтер — настоящий мужчина. Тот кто решает проблемы и не отступает перед трудностями. За ним любая женщина чувствует себя как за каменной стеной. Не важно сколько ему лет, кто он и кем работает. Просто есть настоящие мужчины и... просто мужчины. Гюнтер точно из первых. Вот почему она чувствует к нему такую тягу и ревность, почему хочет быть с ним рядом и скучает по нему... Неужели это и есть любовь?! Нет, этого не может быть! Просто не может! Она уже давно решила не связываться с мужчинами и Гюнтер не исключение! Хватит!!!

Такие мысли снова ввели её в разброд и она бездумно выпила ещё два бокала шампанского. Тем временем, ни Гюнтера ни Ребекки видно не было. Устав ждать и сгорая от тревоги, она отправилась на их поиски. И в одном из коридоров нашла их. Вид Гюнтера и подруги привёл её в ужас.

Его красивая форма была вся помята, глаза горели... А Ребекка? Что с ней случилось? Она лежала у него в руках, а её нарядное платье свисало почти до пола рваными лоскутами. От рассказа о том что случилось в комнате, баронесса застыла в ступоре. Этот проклятый Шверин хотел изнасиловать подругу? На мгновение у неё появилось жгучее желание пойти и убить эту мразь, позор германской аристократии. Это просто невыносимо! Но потом ему на смену пришёл страх... Что будет дальше? Если он расскажет всё в гестапо то их арестуют, не помогут никакие связи! Она умоляюще посмотрела на Гюнтера, отчаянно надеясь что тот найдёт выход из положения. И он не подвёл.

Властным голосом он приказал ей вести их в безопасное место и она пошла в свою спальню, где и уложили на роскошную кровать её Ребекку. Та несказанно удивила баронессу своим страстным поцелуем с Гюнтером, от чего в сердце баронессы снова всколыхнулась ревность, но к счастью, она смогла этого не показать, решив что подруга находится в шоке и ведёт себя несколько неадекватно.

Она сама была взвинчена и начала успокаивать Ребекку, попутно выясняя подробности, пока Гюнтер отсутствовал. Его не было больше получаса. И когда он пришёл, по внешнему

виду она ничего не смогла прочитать. Гюнтер коротко сказал что решил проблему и им не надо беспокоиться о том что тот расскажет гестапо. Как он это сделал она не знала, да и зачем? Может и в самом деле они с графом выпили и тот образумился, осознав что натворил в пьяном виде? Главное, после его слов беспокойство отступило и они, вместе с повеселевшей Ребеккой, решили вернуться к гостям, предварительно выпроводив Гюнтера из комнаты, чтобы тот прекратил смешить их своими пошлыми шутками.

Мария дала подруге одно из своих платьев и они вернулись в зал. Чувствуя, что должна как-то выразить свою благодарность, она произнесла ещё одну речь, ощущая что шампанское уже довольно сильно подействовало на неё. Тут Ребекка обратила её внимание на то что Гюнтер уже довольно пьян и ехать в Берлин ночью в таком состоянии не только глупо но и опасно. И предложила уговорить его остаться ночевать здесь, от чего баронесса невольно покраснела под хитрым взглядом подруги. Казалось бы, что такого? Он же будет спать в другой комнате. Но сама мысль о том что Гюнтер будет находиться с ней ночью под одной крышей вызвала у неё учащённое сердцебиение.

Затем эта толстуха, графиня Ульрика, оказывается, едва не соблазнила Гюнтера, обуреваемая своей извращённой страстью к молодым и красивым парням, и подстёгнутая большой дозой алкоголя. Баронесса сама удивилась сколько боли ей принесла мысль о том что Гюнтер мог сделать с этой... отвратительной особой, известной среди аристократии своей порочной склонностью. И как же ей было приятно узнать что он с негодованием отверг наглые ухаживания графини! Прямо бальзам на душу.

Распрощавшись с ним и отдав служанке распоряжение вычистить его китель, уставшая от бурного вечера, она заснула на своей кровати. Ей приснилось что Гюнтер пришёл в спальню и начал возбуждать баронессу, при этом она не могла и не хотела мешать ему. Каково же было её удивление, когда она поняла что это была реальность! Гюнтер действительно был в её комнате и ласкал Марию. Баронесса попыталась остановить его, но раззадоренное ласками тело, и долгое вынужденное воздержание сделали своё дело. Невыносимое томление внизу живота и горящие желанием глаза Гюнтера заставили её сдаться, причём она сделала это с каким-то подсознательным удовольствием, словно давно хотела этого. А потом было нечто...

Его сильные руки, сияющие от возбуждения глаза, запах мужчины... Всё это бросало Марию в бездну удовольствия, не говоря уже о члене, от толчков которого ей хотелось вновь и вновь насаживаться на него, чтобы он проткнул её, проник ещё глубже!..

Немного придя в себя от оглушающего оргазма, которого у неё не было уже много лет, баронесса пыталась пристыдить его, сказать что это была огромная ошибка и он просто воспользовался ею... Увы, несносный Гюнтер умудрился сделать так что она перестала на него злиться и снова отдалась ему, хоть и понимала что ни к чему хорошему эта связь не приведёт... На некоторое время разум в ней померк, остались только чувства и желания..

Утро началось совсем не так как она ожидала. Проснувшись от голоса подруги, она открыла глаза и несколько секунд в шоке не могла поверить тому что видела. Это было... было... Нет, наверное это просто сон! Как такое могло быть?! Они с Гюнтером лежат голые а она сжимает рукой Его... И Ребекка смотрит на них. Просто ужасно! Боже, какой стыд!

Пока она пыталась прийти в себя, подруга упорхнула, а Гюнтер вдруг начал хохотать, от чего её саму тоже охватил смех, видимо, таким образом из них выходило напряжение. Одевшись и придя в себя, баронесса позвала подругу и только тогда поняла что случилось..

...И теперь она сидела вместе с Ребеккой, ожидая что будет дальше. Тогда, утром,

Гюнтер успел предупредить её подругу о том чтобы она не говорила о том что граф её домогался. Сказал что так будет лучше. Его версия была такова: Шверин увёл графиню с собой, они начали разговаривать о... например, о литературе. Потом пришёл Гюнтер, который искал Ребекку. Они с ним выпили по бокалу шампанского, потом графиня вернулась в зал, к подруге. А Гюнтер остался с ним пить дальше, потому что граф настаивал. После того как Шверин сильно напился, Гюнтер тоже вернулся в зал, оставив графа в комнате, так как тот даже не мог встать с дивана и, похоже, был намерен вздремнуть. И всё, с тех пор никто из гостей графа не видел. Баронесса, предвидя такое состояние графа, решила его до утра не беспокоить. Его шофёр также остался на ночь в усадьбе, ожидая что увидит своего хозяина на следующий день.

Они с Ребеккой хорошо запомнили что должны сказать, благо что почти всё было правдой. Хоть им и было страшно, но выдержка аристократов и некоторое почтительное уважение следователя гестапо к их статусу помогло подругам с честью пройти это испытание, хоть Гюнтер и предупредил их что это было только начало. Сейчас его самого допрашивал следователь в другой комнате и Мария мысленно взмолилась чтобы вся эта история закончилась хорошо. Она не знала что там произошло в той комнате на самом деле, ведь никого кроме самого Гюнтера там не было, но теперь испытывала какое-то облегчение при мысли от того что больше нет этого проклятого Шверина, который изрядно отравлял жизнь не только ей самой но и Ребекке. Даже если... если Гюнтер вдруг как-то замешан в этом... она его не выдаст. После всего что он для неё сделал? Ни за что! Весь вид подруги говорил о том же.

На смену страху пришла ледяная решимость и долгожданное спокойствие. Она не знала что с ними будет дальше, но была намерена твёрдо придерживаться версии Гюнтера. Он знает что делает. Надо только говорить то что тот сказал им обеим и тогда... тогда, возможно, всё будет нормально. Мария глубоко вздохнула и прижала подругу к себе. Та повернула голову и спросила её:

— Мария, ведь с ним всё будет хорошо, да? — глаза Ребекки с тревогой смотрели на неё.

— Я уверена в этом, дорогая моя! — она погладила подругу по плечу и снова посмотрела на дверь, за которой сидели Гюнтер и следователь. — Гюнтер со всем справится. Иначе просто и быть не может!

Берлин. То же время.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Раздался стук в дверь и Гиммлер раздражённо нахмурился. Он не любил когда его отрывали от работы и личный адъютант, Рудольф, это отлично знал. И раз тот решился нарушить его волю, значит на это есть серьёзная причина. Он оторвался от груды бумаг, лежащих на столе, и крикнул:

— В чём дело, Рудольф?

Дверь открылась и в кабинет зашёл его верный помощник. На всегда невозмутимом лице была некая растерянность, словно он не знал каким образом сказать неприятную вещь, чтобы начальство не слишком рассердилось. Рудольф вытянулся и спросил:

— Разрешите доложить, рейхсфюрер?

Гиммлер поморщился и разрешающе махнул рукой. Как он не пытался бороться с казарменной муштрой адъютанта, тот всё равно вёл себя как на плацу и не признавал никаких вольностей. Сколько раз глава СС говорил ему чтобы тот не тянулся перед ним в струнку и разговаривал более... свободно. Бесплезно! Даже прямые приказы не помогали. Рудольф соглашался, говорил что обязательно исправится, но как только он оказывался перед ним то снова превращался в какого-то оловянного солдатики, прямо хоть сейчас образец для курсантов школы СС "НАПОЛА".

Такую вольность по отношению к себе Гиммлер позволял очень немногим, только Рудольфу, этому болвану Шелленбергу и ещё паре человек. И если остальные с удовольствием этим пользовались, теща своё тщеславие, то адъютант так и остался несгибаем в этом вопросе. В конце концов, Гиммлер махнул на это рукой, если Рудольфу нравится вести себя так официально, то пусть. Главное, чтобы он по-прежнему справлялся со своими обязанностями.

— Несколько минут назад из канцелярии гестапо позвонили и сказали... — он запнулся, пытаясь правильно подобрать слова.

Гиммлер удивлённо посмотрел на него. Такое поведение было для Рудольфа нетипично. Что, чёрт возьми, могло случиться чтобы его помощник мямлил как невыучившая уроки школьница перед доской? Тот справился с собой и закончил предложение:

— Сказали, что сегодня ночью умер граф Шверин. Следователь уже на месте и опрашивает людей.

Гиммлер от неожиданности выпустил лист бумаги, который держал в руках, и тот спланировал обратно на стол. Глава СС не обратил на это внимание, откинувшись на спинку своего кресла, и задумчиво посмотрел в окно. Теперь понятно почему верный Рудольф мялся, не решаясь сразу сообщить об этом.

Граф Шверин был его старым товарищем, ещё со времён Пивного путча. Он был одним из тех аристократов, которые уже тогда, в далёкие 20-е, поверили в национал-социализм и начали поддерживать его финансово. Генрих признавал, что если бы не Шверин и такие как он, то "НСДАП" не смогла бы так быстро набирать силу и влияние в стране. Деньги на агитацию, снятие помещений для отделений партии, пропитание и проезд для её членов, подкуп полицейских, чиновников и политиков... Это всё была заслуга таких как граф

Шверин. Даже фюрер некоторое время благоволил ему.

В 1933 году граф также смог внести свою лепту чтобы Гитлер был назначен рейхсканцлером, проведя переговоры с некоторыми влиятельными политиками. На следующий год Шверин отметился как активный участник "Ночи длинных ножей", сдав Гитлеру местоположение множества членов СА. Ходил слух что он был замешан в предательстве самого Эрнста Рёма, так как некоторое время они активно общались между собой, однако граф впоследствии яростно отрицал это, уверяя что всегда поддерживал только фюрера. Гиммлер знал совсем уж грязный слух, по которому, якобы, Шверин иногда помогал гомосексуалисту Рёму скрывать последствия своих "шалостей" с некоторыми юношами другой ориентации в среде германской аристократии. Этот слух родился во время допроса одного из ближайших соратников главы СА. Генрих, узнав об этом, приказал немедленно удавить словоохотливого члена СА, протокол допроса изъять, а следователя отправил в концлагерь по надуманному обвинению. Сам Гиммлер, который познакомился с Рёмом чуть раньше, также постарался дистанцироваться от него.

После этого, граф был вынужден всецело поддерживать Гиммлера, который использовал его чтобы знать в подробностях что делается в среде аристократии, а также проводить через него некоторые свои инициативы, касающиеся представителей "голубой крови". Всё шло хорошо, пока год назад Генриху не положили на стол доклад, из которого стало ясно что граф, во время сильного подпития, весьма нелестно высказывается насчёт него, называя "огородником" и другими прозвищами. Высокомерие Шверина, которое он умело скрывал при общении с Гиммлером в трезвом виде, прорывалось когда граф сильно напивался. Видимо, аристократическая спесь по отношению к простонародному рейхсфюреру все эти годы зрела в нём и теперь вылезла наружу. Причём для всех, в его окружении, граф считался близким другом Гиммлера, поэтому стала понятна реакция Рудольфа на его смерть.

Наконец, выйдя из задумчивости, он снова посмотрел на адъютанта:

— Где и как это случилось?

— Пока об этом мало информации, рейхсфюрер. Известно лишь, что граф скончался сегодня ночью в усадьбе баронессы фон Мантойфель, после празднования дня рождения фюрера. Судя по предварительному заключению врача, от остановки сердца. Но патологоанатом ещё не изучил тело, и следователь только начал работу! — доложил Рудольф.

— Ясно... Держите меня в курсе дела, Рудольф! Прикажите чтобы расследование возглавил опытный следователь. Если нужно, пусть он заменит того кто сейчас ведёт его.

— Возможно, следует известить герра Мюллера? — предложил помощник. Гиммлер снова задумался. Обладающий внушительным опытом Мюллер, скорее всего, докопается до истины, но вот есть ли смысл его привлекать к расследованию заурядной смерти аристократа, который уже стал довольно вредным для Гиммлера? Сомнительно. У Мюллера и так работы навалом.

— Не стоит, Рудольф. Просто скажите, пусть пришлют опытного следователя... — сказал Гиммлер, окончательно решив для себя этот вопрос. Вот если выяснится что это именно убийство а не несчастный случай, тогда этим, возможно, и займётся сам Мюллер.

— Слушаюсь, рейхсфюрер! — снова вытянулся адъютант. — Разрешите идти?

— Идите, Рудольф, идите... Да, и попросите фройляйн Поттхаст ко мне зайти! — вспомнил он о своей любовнице. Уже невозмутимое лицо адъютанта не дрогнуло, хотя вряд

ли он не знал об их связи, почти ежедневно общаясь с той на работе. Помощник вышел, закрыв за собой дверь, а Генрих снова посмотрел в окно, дожидаясь Хедвиг. Что ж, возможно, это и к лучшему что граф умер, в конце концов, всё равно бы скоро пришлось решать по нему вопрос из-за таких возмутительных высказываний про Гиммлера. Если кусаешь руку которая тебя кормит то потом не удивляйся что эта же рука может и задушить..

Раздался стук в дверь и в кабинет зашла его секретарша, Хедвиг Поттхаст. Хоть она и пыталась быть серьёзной, но в глазах плясали чертики а губы так и норовили улыбнуться.

— Вы меня вызывали, рейхсфюрер? — спросила она своим милым голосом, опустив глаза и слегка покраснев.

— Ну же, Хедвиг... Я для тебя просто Генрих! — сказал Гиммлер, выходя из-за стола и подойдя к ней. Предвкушение от её близости охватило Генриха. Как ему повезло что она тоже любит его! С ней он видится чаще чем с женой Маргарет, влечение к которой у него уже давно прошло. Да, на людях они счастливая семья, но он уже забыл когда у них была близость в последний раз. С Хедвиг же всё совершенно по другому... Пусть это кому-то кажется банальным, начальник и секретарша, но он, к своему удивлению, сильно привязался к ней, иногда даже думая о разводе с женой. Хотя фюрер, будучи яростным поборником нравственности, вряд ли даст ему разрешение на такой шаг. Яркий пример налицо. Два года назад Геббельс, не на шутку увлекшись чешской актрисой Бааровой, решил было развестись с Магдой... Но куда там! Взбешенный такой аморальностью своего соратника Гитлер в приказном порядке заставил его бросить актрису и примириться с женой, сняв "счастливую образцовую немецкую семью" на фото. А Лида Баарова была выслана в Прагу с запретом приезжать в Берлин. Что ж, придётся довольствоваться свиданиями в его кабинете..

Гиммлер обнял её и зарылся лицом в пышные волосы, пахнущие чем-то приятным. Та вздрогнула и тихо сказала:

— Генрих, мы же на работе... — голос её дрогнул.

— Я знаю, милая... Я уже соскучился по тебе! — ответил он, улыбаясь и глядя ей прямо в глаза.

— Я тоже, любимый..

Не выдержав, он начал целовать её шею, губы, ласково поглаживая грудь. Несколько секунд она стояла неподвижно, а потом её прорвало. Хедвиг обняла его и тихо застонала когда его нетерпеливая рука проникла ей под блузку. Гиммлер не беспокоился что кто-то войдёт. Умный Рудольф не пустит в кабинет никого, пока секретарша не выйдет из него. Окончательно расслабившись, он потащил влюблённую в него девушку к диванчику в углу кабинета, на ходу расстёгивая ей одежду...

Потсдам. Бабельсберг. Усадьба баронессы фон Мантойфель.

Гюнтер Шольке.

— Оберштурмфюрер, скажите, когда вы в последний раз видели графа Шверина? — следователь задал ему этот вопрос словно забыл на него ответ, который Гюнтер дал уже несколько раз. Он вымученно вздохнул и поднял глаза на плотного, невысокого, по сравнению с ним, мужчину в гражданском костюме. Тот приехал в усадьбу несколько часов назад, вместе с парой помощников или коллег и сразу развил бурную деятельность. Запретил всем её обитателям отлучаться и начал допрашивать, начиная со слуг и кончая хозяйкой дома. Самого Гюнтера, видимо, оставил на закуску. К счастью, он успел предупредить

Марию с Ребеккой что им отвечать, поэтому за них почти не волновался, тем более их допрос продлился недолго. Насколько Гюнтер понял, следователи провели чисто формальный допрос, похоже, сомнений в естественной смерти графа у них не было. А вот в самого Гюнтера главный из них вцепился крепко, намереваясь поймать на противоречиях и различия в показаниях.

— Я же вам уже говорил, герр Вайснер, что видел его поздно вечером, часов в 10. Я искал графиню фон Нейбург и нашёл её в компании графа в дальней комнате. Мы посидели с ним несколько минут, потом графиня ушла. Я хотел пообщаться с ним, поговорить, узнать о нём побольше так как он показался мне довольно интересным человеком. Но граф был уже сильно пьян и, похоже, не собирался останавливаться, так как рядом с ним стояли несколько бутылок шампанского... — снова рассказывал Гюнтер.

Следователь несколько секунд смотрел на него, потом вынул какую-то бумагу, мельком бросил на неё взгляд и сказал:

— В показаниях одного из слуг написано что граф Шверин насильно тащил графиню фон Нейбург из главного зала. Как вы думаете, у них были неприязненные отношения?

— Об этом мне ничего не известно... — покачал головой Гюнтер. — Я не интересовался их взаимоотношениями.

— А у вас с графом какие были отношения? — спросил Вайснер.

— Никаких. Ни деловых ни личных. Я вообще не знал о его существовании пока не встретился с ним здесь.

— Понятно... — протянул следователь. — Возможно, вы видели как граф с кем-то ругается на празднике? У него были конфликты?

— Этого я тоже не знаю, не следил за ним. И вообще, к чему все эти вопросы, герр Вайснер? — с некоторым раздражением поинтересовался Гюнтер. Следователь попытался прощупать его, неужели он что-то заподозрил?

— Это обычная практика при странных несчастных случаях, оберштурмфюрер. Я обязан отработать все версии, даже если они неочевидны! — пожал плечами Вайснер.

— Странный несчастный случай? — скептически поднял брови Гюнтер. — Что это значит? Мне сказали что он умер от остановки сердца и удушья..

— Кто именно сказал? — не глядя на него спросил следователь, продолжая просматривать бумаги.

— Графиня фон Нейбург... — это было правдой, ведь утром именно она сообщила предварительную причину смерти этого аристократического ублюдка.

— Скажите, почему вы решили в эту ночь остаться в усадьбе? — внезапно переключился Вайснер. Гюнтер мысленно усмехнулся. У следователя нет никаких доказательств его вины, иначе разговор с ним был бы совершенно иной.

— Потому что я слишком много выпил и баронесса с графиней убедили меня не рисковать ехать ночью пьяным домой.

— Когда вы сидели в той комнате с графом... Постарайтесь вспомнить, у него на лице или теле были следы... например, побоев? — не унимался следователь. Гюнтер сделал вид что задумался. Через несколько секунд его как будто озарило и он медленно протянул:

— Вы знаете, вот после вашего вопроса я вспомнил что у него на скуле было что-то похожее на синяк... Тогда я не обратил внимания, решил, разве будет аристократ с кем-то драться? Это же просто невозможно! Но... что это могло быть? — с невинным видом спросил Гюнтер.

— А на теле были следы?

— Откуда я могу это знать, герр Вайснер? Или вы думаете я просил его раздеться? — оскорбился Гюнтер.

— Что вы, оберштурмфюрер, я не это имел ввиду! — открестился следователь. — Кстати, покажите, пожалуйста, ваши руки?

— Зачем? — напрягся Гюнтер.

— Просто покажите, не бойтесь! — настаивал Вайснер. Недоумевая, он поднял руки и показал следователю. Тот внимательно изучил их, особенно костяшки пальцев. Гюнтер внезапно похолодел. Проклятье, этот чёртов сыщик хочет понять была ли у него драка с графом! Как же хорошо что у него есть дар регенерации! Иначе, скорее всего, какие-нибудь следы там обязательно бы остались, ведь Гюнтер бил Шверина не задумываясь о таких нюансах. К счастью, сейчас его руки, как и лицо, были в полном порядке и Вайснер, с некоторым разочарованием, вздохнул. Что ж, это была неплохая попытка, признал Гюнтер.

— Хорошо, оберштурмфюрер, пока у меня больше нет к вам вопросов! — сказал следователь, складывая все бумаги в картонную папку. — Можете быть свободны. Но настоятельно прошу не уезжать пока из Берлина, возможно, у нас будут к вам дополнительные вопросы.

— В ближайшие пару недель я точно буду в столице, а потом..

— Что потом? — заинтересовался Вайснер.

— Потом я отправлюсь на фронт, защищать наш Фатерланд! — с гордостью ответил Гюнтер.

— Вот оно что... — протянул следователь. — Понимаю, долг каждого немца принести Рейху пользу там куда его пошлют. Что ж, всего вам хорошего, оберштурмфюрер!

Он взял шляпу, надел её и вышел из комнаты. И почти тут же дверь снова распахнулась и в неё быстро вошли баронесса с графиней. Они были взволнованы и тут же начали спрашивать его:

— Гюнтер, что ты ему сказал? — спросила Мария.

— Всё в порядке? — одновременно с ней поинтересовалась Ребекка.

— Да, следователь попался добросовестный, спрашивал много всяких мелочей, но ничего серьёзного! — успокоил он их.

— То есть, граф на самом деле умер от остановки сердца? — спросила графиня, с тревогой глядя на него.

— По всей видимости, да. Скорее всего, ещё будет вскрытие, но следователь, кажется, уверен что это был несчастный случай. И я с ним полностью согласен! — с уверенностью сказал Гюнтер.

Баронесса с облегчением вздохнула и посмотрела на Ребекку.

— Знаешь... о мёртвых, конечно, нельзя плохо говорить, но... со смертью графа мне стало как-то легче на душе. Видимо, Бог решил что хватит ему причинять людям неприятности. Верно, дорогая?

— Конечно, Мария! Мне тоже несколько неловко, но я даже немного рада что теперь больше никогда его не увижу! — поддержала её Ребекка.

— Видит Бог, мне он тоже не нравился! — согласился с ними Гюнтер и демонстративно посмотрел на часы. — Проклятье, уже почти полдень! Как не жаль с вами расставаться, очаровательные фройляйн, но мне пора домой!

— Как? Уже? — огорчилась баронесса. Ребекка тоже выглядела расстроенной.

— Увы... В Берлине меня ждёт куча дел, но обещаю, перед тем как уехать на фронт, я обязательно встречу с тобой, Мария. И с тобой тоже, Ребекка! — заверил он, но внезапно замолчал глядя в их расширившиеся от удивления глаза.

— Что случилось? — недоумённо спросил Гюнтер, гадая что с ними такое. Мария подошла к нему и тихо спросила:

— Ты уезжаешь на фронт? Когда? — ему показалось что её голос дрогнул.

"Проклятье, проболтался... Вот чёрт, не хотел же так рано говорить! Вот уж точно, язык мой — враг мой!" — с досадой подумал он. Гюнтер тяжело вздохнул.

— Скорее всего, в начале мая.

— Но почему? — спросила Ребекка с неподдельной тревогой. — Ты же служишь в охране фюрера! Неужели тебя отправляют на войну насильно?

— Нет, конечно! — постарался он успокоить своих женщин... то есть, свою женщину и её подругу. — Я сам написал рапорт о переводе в действующую армию и фюрер подписал его.

— Гюнтер, зачем? Я прошу, оставайся здесь, в Берлине! Ты же говорил что уже воевал в генерал-губернаторстве, был награждён, пусть теперь другие воюют, а ты принесёшь пользу Рейху здесь, защищая нашего фюрера! — Мария взяла его за руку и умоляюще смотрела на него. Ребекка подошла с другой стороны и тоже глядела в упор просительным взглядом.

На мгновение Гюнтера охватило желание остаться. В самом деле, какого чёрта ему делать на войне? Здесь столица, его любимые женщины, комфорт, вкусная еда и мягкая постель... Но он задавил в себе это обывательское желание, даже если бы не было прямого приказа фюрера, Гюнтер всё равно бы не остался. Он появился здесь не только для того чтобы наслаждаться радостями жизни! Как сказал Алекс — "Делу время, потехе час!". В конце концов, он потом не простит себе если, обладая боевым опытом, останется здесь, в тылу, когда на фронте будут погибать молодые, неопытные лейтенанты. Да и пора, наконец, не только приносить стране пользу именно в столице, но и зарабатывать уважение среди фронтовиков, солдат и офицеров "Вермахта" и войск СС. Кто знает, возможно, получится сделать армейскую карьеру, чем чёрт не шутит? Конечно, есть риск погибнуть, но убить его намного труднее чем обычного человека. Словом, как не хотелось бы остаться, но надо делать дело. Естественно, отказываться от радостей жизни и рвать жилы он не собирался, и если будет возможность то он воспользуется подходящим случаем расслабиться..

— Мария! Ребекка! Вы должны понять... Я здоровый, крепкий мужчина, у меня есть боевой опыт, я должен быть там где решается судьба нашей страны! — уверенно заговорил он, смотря на них. — Это мой долг как мужчины, офицера и патриота, понимаете? Мне будет стыдно сидеть здесь и смотреть как другие добывают нам победу.

— А как же... Мария? — спросила Ребекка, глянув на подругу. Та не отводила глаз от него.

— Мария будет меня ждать... Конечно, если захочет... — уточнил он, на что баронесса только кивнула и ещё сильнее сжала его руку.

— Конечно, будет, Гюнтер, даже не сомневайся! — заверила его графиня, хитро глядя на Марию. — Мы обе станем ждать когда ты вернёшься... со щитом а не на щите! — закончила она с повлажневшими глазами. Ребекка быстро отвернулась от него, но Гюнтер смог заметить слезинку на её лице. Баронесса не плакала но, судя по её виду, была явно напряжена, что ещё сильнее тронуло его. Они беспокоятся за него! Гюнтер мысленно поклялся самому себе что обязательно вернётся к ним, и только живым. Он не имеет права

бросить их, и даже смерть не является оправданием. Что ж, значит будет стимул не соваться вперёд очертя голову, а воевать вдумчиво и осмотрительно.

Гюнтер обнял их обеих, доверчиво прильнувших к нему, и направился к двери, чтобы выйти во двор, к своей машине.

— Гюнтер! — внезапно окликнула баронесса. Он оглянулся и вопросительно посмотрел на них.

— Спасибо тебе! От нас обеих спасибо! За всё что ты сделал! — слабо улыбаясь сказала она. Ребекка поддержала её кивком головы. Гюнтер понял за что именно: Ребекка благодарила за решение проблемы с графом... А Мария... наверное, за всё хорошее что сделал для них. Он улыбнулся своей фирменной улыбкой и подмигнул обеим красавицам.

Через пару минут он уже сидел в машине и выезжал из ворот усадьбы, ощущая как приятно пахнет его отстиранный китель и наслаждаясь тёплым весенним воздухом. До Берлина ещё ехать и ехать, а там его ждёт любимая Лаура..

Подмосковье, лагерь осназа НКВД.

Сержант госбезопасности Екатерина Цветкова.

Катя раскладывала свои вещи, рассеянно поглядывая в окно домика в котором её заселили. Долгая ночная дорога вымотала её, поэтому, едва она оказалась на месте и вошла в дом, то сразу уснула, не раздеваясь. Проснулась перед обедом, уже отдохнувшая но голодная. Поев в столовой, Катя узнала что делать ей пока нечего и вернулась назад, для разборки вещей. Вся эта ситуация изрядно нервировала её потому что она не понимала, точнее, не принимала свою роль в ней. Вчерашний разговор с начальником, капитаном НКВД Рюминым, снова всплыл в памяти...

... — В общем так, Цветкова, слушай меня внимательно и запоминай! — капитан цепко смотрел на неё, даже не мигая. — В отношении тебя поступил приказ. Завтра отправишься в одно место за городом и будешь там жить. Задача: сблизиться с одним человеком, ты его уже знаешь. И войти к нему в доверие! Вопросы? — огорошил её начальник.

Она удивлённо приоткрыла рот. Что значит "сблизиться"? В каком смысле? На что он намекает?

— Товарищ капитан... — придя в себя, спросила сержант.. — Подождите, вы сказали "сблизиться"? Это как?

Рюмин подошёл к ней вплотную, отчего она непроизвольно отступила на шаг.

— Сержант, ты что, совсем дура? — поинтересовался он. — Если я сказал "сблизиться", значит именно "сблизиться"! Как можно плотнее! Что тут непонятного? Это значит что ты должна всегда быть рядом с ним, знать что он говорит и даже думает! Привяжи его к себе своими женскими штучками, понятно? Глазками постреляй, задом повиляй... Да что мне тебя учить? Сама лучше знаешь как мужиков привлекать!

Катя почувствовала как её охватывает раздражение. Этот Рюмин совсем с ума сошёл? Как он смеет предлагать ей такое?! Она сержант НКВД а не какая-то там..

— Товарищ капитан! Вы не имеете права оскорблять меня! Я честная девушка и не занимаюсь такими... — она замялась, чтобы как-то покультурнее назвать то занятие которым занимаются разные падшие женщины и шалавы, и тут же отшатнулась от Рюмина который вдруг оказался рядом и схватил её за волосы.

— Цветкова, похоже, ты до сих пор не понимаешь что значит служба в нашем

ведомстве! Стоять! — рывкнул он, когда Катя попыталась вырваться. — Если ты такая тупая, то объясню, в первый и последний раз! Не поймёшь? Твои проблемы. Служба в НКВД означает не только большую власть но и такую же ответственность. А значит, ты обязана, слышишь? ОБЯЗАНА выполнять ВСЕ приказы которые тебе отдают! Если я скажу тебе задрать юбку и трахнуть, ты это сделаешь, причём со всем рвением, понятно!? Ты — всего лишь винтик в нашей машине и пока работаешь правильно, всё у тебя будет хорошо. Но вот если сломаешься... или начнёшь мешать работе других винтиков... то я тебе не позавидую! Как сказал товарищ Сталин в 1934 году "Незаменимых людей нет!" Поэтому завтра ты поедешь и всё сделаешь в лучшем виде!

— Товарищ капитан, но... у меня есть парень! Мы любим друг друга! — со слезами сказала Катя, боясь пошевелиться.

— Так любите и дальше, я разве против? — миролюбиво спросил начальник, отпуская её волосы и отходя к своему столу. — Я же не заставляю тебя выходить замуж за того человека. Это даже не измена, а просто работа. К тому же, твой парень и не узнает ничего, если сама не проболтаешься.

— Всё равно это будет изменой... — тихо сказала девушка, опустив глаза от стыда. — А такой работой занимаются только... шлюхи.

— Ты опять начинаешь, Цветкова? Как же иногда с тобой сложно... — покачал головой Рюмин, закуривая папиросу. — Вовсе необязательно с ним спать. Я же сказал — сблизиться. Если ты сможешь войти к нему в доверие и при этом не раздвинуть ноги, то никто не будет против. Главное, чтобы задача была выполнена, а какими способами ты этого достигнешь, тут только твоё дело.

Катя слегка воспряла духом. А ведь верно, никто не заставляет её именно спать с этим неизвестным человеком! Простой флирт, разговоры, цветочки... Может, этим всё и обойдётся? Во всяком случае, она постарается сделать именно так, изменять своему парню не собирается. Цветкова вздохнула и постаралась успокоиться. Возможно, всё будет не так плохо, как кажется.

— Товарищ капитан, а можно посмотреть на этого человека? — спросила девушка, охваченная любопытством. Рюмин хмыкнул и достал из нагрудного кармана маленькую фотографию. Он протянул её Кате и та замерла, снова впад в шок. Он!? Не может быть! Этого просто ну никак не может быть! Почему опять он?? Да что же это за наказание такое? Почему этот гад никак не отвяжется от неё? Что он пристал к ней, предатель проклятый? И вот с ним ей приказывают завязать близкие отношения? Да никогда в жизни! Она убьёт его если тот попробует к ней прикоснуться!

Не осознавая что делает, она выхватила фотографию у своего начальника и начала остервенело рвать её на куски. Рюмин с удивлением смотрел на неё, не понимая. Придя в себя, он заорал:

— Ты что себе позволяешь, сержант!? Под суд захотела? Что за самоуправство? Немедленно прекратить истерику!

Катя, покончив с фотографией ненавистного немца-перебежчика, вытянулась по стойке смирно и твёрдо глядя ему в глаза, отчеканила:

— Товарищ капитан, с этим... этой сволочью, я никаких отношений строить не буду! Можете меня уволить или расстрелять, но если мы окажемся с ним вдвоём то через минуту вам придётся уносить его труп!

Она ощущала своё спокойствие и твёрдую решимость не выполнять это проклятый

приказ. Если бы это был какой-то незнакомец, то, возможно... скрепя сердце и преодолевая себя, она и позволила бы ему... но точно не с НИМ! Скорее, она отдастся кому угодно но не этому трусливому провокатору, который умудрился в красках расписать, якобы, громадные потери и поражения в будущей войне. Как только его не прибили за такое?

Тем временем, Рюмин успокоился и снова сел за свой стол, продолжая с интересом за ней следить. Он сложил руки в замок и положил их на стол.

— Ты что, знакома с ним? — спросил ин с интересом.

— Так точно, товарищ капитан, к несчастью, знакома! — подтвердила она с горечью.

— Хм... по фото он не урод... — задумчиво протянул он. — Твой бывший или что?

— Нет, конечно! — вскинулась Катя, с негодованием отвергая даже самую возможность этого.

— Тогда я не понимаю почему ты так на него отреагировала? — поинтересовался Рюмин. — Ты расскажи в чём дело, может я смогу помочь?

— Нет, товарищ капитан, не сможете... — покачала она головой. — Просто... он очень неприятный для меня человек. Вы с ним встречались?

— Нет, я знаю его только по фотографии, которую ты разорвала... — усмехнулся начальник. — Не хочешь рассказать о нём, если знаешь?

— Нет... не могу... — опустила девушка голову. — Сами понимаете, секретность..

— Что ж, тогда даже спрашивать не буду! — кивнул сам себе Рюмин. — Но вот что я скажу тебе, Катерина... Насчёт тебя приказ пришёл от самого товарища Берии. Он лично подписал его. Да-да! — подтвердил капитан в ответ на её ошарашенный взгляд. — Могу даже показать его тебе, он лежит у меня в сейфе. Так вот... Если ты отказываешься выполнять приказ лично товарища Берии, готова лично, ему в лицо сказать это? Что тебе плевать на его доверие? Плевать на интересы нашей страны? Сказать, мол, товарищ Берия, я не хочу исполнять этот ваш приказ, мне противно! Ищите себе другую! Готова? Если да, то я могу сейчас позвонить, попросить соединить с ним... — спросил Рюмин, глядя на неё.

Катя стояла, опустив голову, чувствуя что её непоколебимая решимость хрустит и трескается под напором имени великого человека, сподвижника самого товарища Сталина. Неужели она на самом деле сможет сказать это товарищу Берии? Нет, это немыслимо! Не тогда, получается, ей придётся опять общаться с этим... разговаривать, улыбаться, шутить... может, даже целоваться или... Она передёрнулась от отвращения. Боже, ну почему у неё выбор между двумя плохими возможностями? Что же делать?

— Что молчишь, Цветкова? — спросил Рюмин, не дождавшись ответа от неё. Девушка почувствовала что на глаза снова навернулись слёзы. Нет, отказать самому товарищу Берии она не может. Это будет такой позор после которого можно идти и вешаться.

— Но почему именно я? — с надрывом спросила она, умоляюще глядя на начальника. — Ведь есть же другие девушки, красивее меня и... развратнее... Наверняка найдутся те, кто с радостью станет с ним общаться, даже ночью?

— Я не знаю, Катерина... — пожал плечами Рюмин. — Возможно, ты ему понравилась и он попросил чтобы это была именно ты! — высказал он предположение. Внезапно её озарило. Ну конечно! Как она не догадалась? Он и был инициатором этой гнусной идеи. Своей женской интуицией она чувствовала его интерес к ней и это злило ещё больше. Выходит, он как-то смог заинтересовать начальство своим бредом и оно решило его поощрить за счёт Кати! Или даже тот прямо попросил отдать её ему. Какая же, всё-таки, он сволочь! Гад! Мразь паскудная! Развратный урод! С каким удовольствием она бы его убила,

но нельзя! Более того, надо наоборот, показывать ему своё расположение.

Она несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь успокоиться. Раз уж ничего нельзя изменить, то надо как-то привыкнуть. Катя снова посмотрела на начальника, на душе было пусто и холодно. От неё требуют пожертвовать собой ради того чтобы этот Александр был доволен? Ладно, она попробует. Но если вдруг так случится, что этот Саша станет начальству бесполезен, она постарается лично избавиться от него!

— Я согласна, товарищ капитан... — тихо произнесла она. — Разрешите заехать домой за вещами? И предупредить своего парня.

— Нет, Цветкова, не могу! — покачал головой Рюмин. — Ты выезжаешь уже через несколько часов. Всю необходимую одежду по твоему размеру привезут на место. А своего парня увидишь на выходных, на денёк, скорее всего, отпустят.

— Понятно... — ещё больше огорчённая, ответила девушка. — Разрешите идти, товарищ капитан?

— Да, иди... Поспи немного перед дорогой.

Она направилась к двери, но возле неё остановилась и обернулась.

— Разрешите вопрос?

Рюмин посмотрел на неё с любопытством.

— Спрашивай.

— Вы сказали что я винтик... Но и вы ведь тоже винтик, верно? — спросила она, глядя на него пустым взглядом.

— Конечно! — усмехнулся капитан. — Только я винтик чуть побольше тебя. И ответственности на мне тоже больше. Вот так!

— Я поняла, товарищ капитан... — она тихо вышла и аккуратно закрыла за собой дверь..

...Очнувшись от воспоминаний, Катя открыла очередной чемодан с одеждой который ей прислали, и нахмурилась. Тот был битком забит разнообразным бельём, трусики, лифчики, чулки иностранные... Куча ярких платьев, которые ей тут же захотелось примерить, что она и сделала.

...Через полчаса она сбросила последнее платье на кровать и упала на неё, чувствуя как горит лицо от стыда. Какая только дура собирала ей одежду? Нет, с размерами всё было в порядке но всё остальное? Большинство платьев так обтягивало её тело что Кате было стыдно смотреть на себя в зеркало. А декольте? Грудь была видна почти наполовину! Как будто специально ей не прислали нормальных, скромных платьев в которых ходят порядочные, честные девушки! А в этих она выглядит как какая-то... проститутка, прости, Господи! Ещё была яркая косметика, причём, тоже иностранная, обувь на каблуках... Позор! Кого из неё собрались делать? Да она в жизни не наденет эти блядские тряпки! Нет, на выходных она обязательно заедет домой и привезёт сюда нормальную одежду! А до этого станет носить самое приличное из тех что есть. Хотя, они тут все почти развратные. И что, одевать такие вещи ради него!? Нет, пусть даже не надеется! Вот если бы для её любимого Лёши, то возможно, она бы и осмелилась... Вспомнив его, Катя мечтательно улыбнулась. Какой-же он, всё-таки, красивый, сильный, умный... и в постели с ним ей так хорошо! Она улетает с ним на небеса! Интересно, когда же он сделает ей предложение? И сколько детишек у них будет? Как их будут звать?

Углубившись в светлые мечты о будущем семейном счастье, девушка улыбалась. Что ж, она выдержит общение с этим Александром только ради того чтобы каждые выходные

ездить на свидания к любимому Алексею. Как он? Скучает ли по ней? Она же уехала неожиданно, не предупредила его. Наверное, он ждёт её, ищет, беспокоится... Бедный Лёшенька! Ничего, когда Катя приедет то сполна извинится перед ним! Может, даже согласится сделать в постели то что он от неё добивается почти две недели... Покраснев от таких мыслей, девушка быстро закинула тряпки обратно в чемодан и убрала его в шкаф. Надо ещё вздремнуть, может тогда получится увидеть Лёшу во сне?

21 апреля 1940 года. Москва.

Залесский Алексей Дмитриевич.

"Куда, чёрт побери, пропала эта чекистка?" — с раздражением подумал Алексей, вчера весь вечер прождавший девушку. Ни ответа ни привета. Неужели на что-то обиделась? Или сдала его? Но тогда бы они уже взяли его и потрошили в подвалах. Решили оставить на свободе чтобы выяснить его контакты? Нет, в таком случае, тем более, она бы пришла на встречу чтобы не насторожить его. Значит, случился какой-то форс-мажор. Да и чуйка его молчала, не подавая тревоги. Что остаётся делать? Только ждать, рано или поздно она появится. Вот только хотелось бы получить свежую информацию об этом странном немце. Но без Катки он ничего не сделает. Плохо...

Уютно устроившись в тени здания мастерской, он поглощал свой немудрёный обед. Петрович куда-то свалил и не мешал ему своими нравоучениями. Погрузившись в воспоминания, он вдруг вспомнил плакат, висевший недалеко от его барака — "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!" и зло усмехнулся. Да уж, огромное спасибо этому усатому извергу за раскулачивание, коллективизацию и безраздельное мордование народа. Именно из-за таких как Сталин, Ленин и тому подобных гнид его детство было буквально растоптано сапогами пьяных революционных мразей, кричавших "Вся власть Советам!" и "Долой буржуев!".

"Что, теперь, небось, довольны новой властью, которая вас грабит похлеще царских чиновников? Так вам и надо, свиньи! Не хотели воевать за царя, вот и получайте свою народную власть!" — со злорадством думал он.

Нет, он признавал что кое-что "красные" делали полезного: развивали промышленность, в том числе военную, проводили электрификацию, повышали грамотность... Но это были для него, так сказать, ложки мёда в бочке дегтя.

Впрочем, его злость выливалась и на царя, его генералов. Подумать только, каким слабозлым слюнтяем надо быть чтобы довести страну до ручки, а потом подписать отречение!?! Вот уж правильно говорят, "Рыба гниёт с головы". И большинство генералов тоже оказались слабаками. А те, кто нашёл в себе силы и мужество попытаться спасти страну от красной заразы, Корнилов, Юденич, Врангель, Каппель и другие, не смогли это сделать. Эх, если бы в 17 году нашёлся хотя бы один верный, мужественный, авторитетный генерал или Великий князь, то история могла бы быть совсем другой! Но история не знает сослагательного наклонения, она такая какая есть и прошлое уже никак не изменишь. Значит, надо бороться за будущее.

...Тогда, после того как он, вместе со служанкой Машей, выбежал из полыхающего родного дома, в его сердце поселилась сначала детская обида и горечь. Потом, по мере взросления, это чувство переросло в настоящую ненависть к коммунистам. Порой она настолько захлёстывала его что приходилось сжимать зубы чтобы не ударить собеседника,

восторженного радующегося новой жизни без царя и жандармов. Алексей научился скрывать свою ненависть, даже стал на людях хвалить лидеров "красных", хоть и ощущал при этом во рту противную горечь.

С того времени он так и продолжал жить с Машей у неё дома, представившись её родственником. Та пристроила его в советскую школу, которую он окончил, стараясь не высовываться и не ввязываться в споры. У него не было ни друзей ни, даже, товарищей, да он и не стремился к этому. Дома, наедине, Маша так и продолжала обращаться к нему "барчук", а позднее "Алексей Дмитриевич", что он воспринимал как само собой разумеющееся.

Когда ему исполнилось 14 лет, он внезапно обнаружил что его спасительница, оказывается, очень даже красивая женщина. Ему потребовалось ещё больше года, чтобы однажды осмелиться прийти к ней ночью в комнату и лечь рядом, дрожа от волнения. Во рту пересохло, он сам вспотел когда протянул руку и осторожно положил ей на тугую грудь. Она оказалась такой мягкой, что Алексей непроизвольно сжал её рукой, от чего Маша и проснулась. Спросонья она не поняла кто в комнате и заорала от испуга, но убедившись, что это всего лишь "барчук", улыбнулась и погладила его по голове.

— Я смотрю, вы уже становитесь мужчиной, Алексей Дмитриевич? — ласково улыбнулась она, глядя на его красное от смущения лицо. Он промолчал, не в силах ничего ответить, и уже подумывал уйти из комнаты, когда Маша мягко спросила:

— Вам нравится моя грудь?

Алексей молча кивнул, чувствуя как у него горят уши. Девушка, точнее, уже молодая женщина, улыбнулась и сказала:

— Если хотите, можете потрогать, Алексей Дмитриевич..

Не веря своим ушам, он посмотрел на неё и увидел ласковую улыбку на лице. Протянул руку и осторожно погладил её грудь. Между ног возникло напряжение и Алексей почувствовал как его член начал твердеть при виде голы женской красоты.

— Не бойтесь, можете крепче потрогать, она не растает... — тихо рассмеялась Маша. — И про вторую не забывайте!..

...Эта ночь запомнится ему навсегда. Он трогал её везде, а она говорила и показывала ему где и как женщине бывает приятнее всего. Учила как доставлять удовольствие себе и девушке. Первый раз он кончил от того что она просто взяла его член своей мягкой, тёплой рукой. Накатившее удовольствие едва не заставило его лишиться чувств. Боже, если бы он знал что ЭТО так здорово, то взял бы Машу ещё год назад. Сожаление о зря потерянном времени быстро схлынуло под напором новых впечатлений.

— Ничего, Алексей Дмитриевич, в первый раз у мужчин так часто бывает, не волнуйтесь... Сейчас отдохнёте и снова можно! — вытирая свою руку, успокаивала она его, видя что Алексей подавлен своей скороспелостью. И правда, во второй раз получилось уже намного лучше, он даже получил поощрение от Маши, которая сказала что "барчук" быстро учится и всё запоминает с первого раза. С тех пор, познавший удовольствие от секса, Алексей каждую ночь проводил с Машей, даже не пытаясь познакомиться с какой-нибудь другой девочкой его возраста. Да и зачем? Со своей спасительницей он получал всё что хотел, а кто его знает что за девки могли ему встретиться? Маша тоже была довольна регулярным сексом после долгого воздержания и охотно позволяла ему всё что хотелось обуреваемому гормонами подростку. Уже через месяц она охала и стонала под ним от удовольствия, а потом смеялась, говоря, что научила на свою голову, теперь спасения от него нет.

От такого неожиданного удовольствия его жгучая ненависть даже слегка приутихла. Он сытый, рядом молодая, красивая, доступная женщина... Да, жизнь не сахар, но и не самая плохая. Но тут судьба снова грубо макнула его лицом в грязь.

Маша стала объектом сексуального преследования со стороны одного советского чинуши из горкома. Встретив её на улице, он попытался познакомиться, получил вежливый отказ, но не успокоился. Решив, что власть даёт ему право делать с людьми всё что угодно, он выяснил где жили они с Машей и в один, отнюдь не прекрасный день, заявился в гости с бутылкой водки и нехитрой закуской. Сам чинуша, как потом узнал Алексей из газеты, был женат и с детьми. Да и внешность у него была не ахти... Полный, с одутловатым лицом, залысинами, но с непомерной самоуверенностью и руководящей должностью. Все попытки выпроводить его у Маши провалились, Алексей, сидя в соседней комнате, слышал как она умоляла его уйти. Но, уже крепко поддатый урод, цеплялся за неё своими пальцами-сосисками, требуя не рыпаться, иначе он напишет бумагу где скажет что она контрреволюционная шпионка и её расстреляют, как и этого щенка в другой комнате.

Он не помнил момент когда в его руке оказался самодельный нож, который нашёл несколько дней назад недалеко от дома. Сознание вернулось к нему, когда Алексей, весь в крови, стоял над трупом горкомовца, который уже содрогался в мелкой агонии. Его толстое лицо с широко раскрытыми глазами, которые смотрели на него а потом закрылись навсегда..

Вместе с Машей они быстро покидали в мешок свои пожитки, выбежали из дома и рванули на вокзал. Через несколько недель добрались до Поволжья, в небольшой городок, где и решили обосноваться. От Петербурга-Ленинграда было уже далеко, хватит бежать.

И потянулась у них новая жизнь. Сначала они почти не выходили из дома, опасаясь преследования, но время шло, никто за ними не приходил и Алексей слегка расслабился. Именно тогда у него появилась так называемая чуйка, которая, впоследствии, часто спасала его от неприятностей. Он устроился на МТС механиком, люди его ценили, поскольку он не пил, в отличие от множества других работников. Так прошло несколько лет.

Алексей так и не смог узнать конкретно, как и почему так случилось. Просто Маша пошла в магазин и вдруг пропала. Больше он её не видел..

Москва.

Залесский Алексей Дмитриевич. Воспоминания о прошлом.

...Прождав Машу несколько часов, он вышел на улицу и начал спрашивать всех кто мог её видеть. Городок был небольшой, многие друг друга знали. Поэтому уже скоро он наткнулся на пару школьников, которые видели как к похожей на Машу женщине, подошли два милиционера и, после короткой беседы, взяв её под руки, повели в отделение. Алексей бросился туда. Но разговор с дежурным ничего не дал. Да, приводили какую-то женщину, но он не приглядывался к ней. После допроса её куда-то увезли.

Он остался возле здания, ожидая когда вернётся тот кто отвозил его Машу, но до самой ночи никого не было. Алексей готов был убить всех милиционеров в здании, но понимал что не сможет этого физически. Более того, это было бесполезно, ведь он не смог бы освободить её. Голодный и kloкочущий от ярости, он вернулся домой. Твари! Скоты! Мало того что они отняли у него мать, страну, так ещё лишили последнего близкого человека, оставшегося у него. Алексей понял бы, арестуй они его самого, в конце концов, он убил одного из них, это было бы хоть немного похоже на справедливость... Но Маша!! Она же не сделала никому ничего плохого, суки!!! Просто жила!!! За что?!

Всю ночь он не спал, а под утро окончательно принял решение, которое до этого зрело в его голове. Если "красные" лишили его всего что было для него дорого в жизни, значит, он будет мстить им до конца своей жизни! Пусть даже она будет для него короткой, плевать! Главной целью он поставил амбициозную, но почти невозможную задачу: убить самого главного коммуниста — Сталина. А если получится, то и кучу других "красных комиссаров" из его окружения. Да, цель, что ни говори, отличная, вот только добраться до неё будет очень нелегко. Особенно тому кто хочет выжить после такого дела. Вот только сам Алексей с того утра перестал дорожить своей жизнью, всецело сосредоточившись на мести. Пусть даже она займёт не один год. Пути отхода ему не нужны, только бы приблизиться к усатому чёрту поближе. А для этого надо перебираться в Москву. Но сначала дать выплеснуться ненависти, иначе он просто не выдержит напряжения и желания убивать.

Положив в карман документы и немного денег, накопленных за время работы в МТС Алексей закрыл дверь и выкинул ключ в кусты. Больше он ему не понадобится. Верный нож лежал в кармане. Путь его лежал к отделению милиции, тому самому в которое для допроса привозили Машу. К горлу прилип комок от воспоминаний о женщине, которая была для него одновременно матерью и любовницей. Мысленно загнав эти мысли подальше, он принялся ждть, лелея свою ненависть. Кто сказал что ненависть опустошает? Чушь! Ему она, наоборот, давала силы жить и действовать. Очень полезное чувство для того кому уже нечего терять.

Наконец, на улице стемнело и сотрудники начали расходиться по домам. А вот и его цель! Начальник отделения, майор милиции Севастьянов Пётр Николаевич. Старый большевик, он гордился тем что стал коммунистом уже в 1917 году, в Петрограде. Сам по себе неплохой человек, женатый, дочь-подросток... Люди его уважали, так как он был неподкупным. Вот только ещё ретивым и прямолинейным. Сказала партия что человек виновен, значит, без разговоров под арест. Даже если человек этот женщина или ребёнок.

Как он однажды сказал одному коллеге в подпитии:

— Я тебе, Коля, так скажу... Кто виновен или нет, пусть там, наверху решают! Раз мне сказали что он враг, шпион или контрреволюционер, значит так оно и есть, понял? Я привык исполнять приказы, а не задавать вопросы!

"Что ж, Пётр Николаевич, вот и пришло тебе возмездие за то что не сомневался и не задавал вопросов! Или ты думал что раз спрятался за начальство то и ответственности с тебя нет? Ошибаешься, красная мразь, очень сильно ошибаешься, дисциплинированный ты наш!" — усмехнувшись, подумал Алексей и вынул нож из кармана, спрятавшись в тени.

Посвистывая, майор приблизился к переулку в котором прятался Алексей. Напрягшись, тот буквально вылетел из укрытия и резко ударил Севастьянова ребром ладони по горлу. К счастью, попал, хотя была опасность промахнуться и вмазать по подбородку. Начальник отделения захрипел от боли и повалился на землю, обеими руками схватившись за горло. Воспользовавшись этим, Алексей с удовлетворением оглушил майора камнем по голове, соразмерив силу чтобы не убить. Поднатужившись, он оттащил безвольное тело в маленький сарайчик на углу переулка, который присмотрел ещё днём, и связал руки верёвкой, найденной дома. Подождал пока тот придёт в себя и начнёт говорить.

— Ну, здравствуйте, Пётр Николаевич... Как ваше здоровье? Ничего не болит? — издевательски спросил Алексей, присаживаясь рядом с ним и доставая нож. Тот сфокусировал на нём мутные глаза и ответил, еле ворочая языком:

— Ты кто?.. Кх-кх... Где я?

— Вы в надёжном месте, Пётр Николаевич. Кто я? Хм... Помните, вчера днём к вам привели молодую женщину, Машу? — спросил он, чувствуя как ненависть клокочет в нём. Руки дрожали от желания нашинковать эту милицейскую сволочь на куски. Майор слегка нахмурился, видимо, пытаясь понять о ком речь.

— Да, припоминаю... Погоди-ка... Я ведь тебя помню! Ты же щенок этой контры? Как я сразу не узнал! — с удивлением протянул "красный" милиционер. Тут он заметил что связан и дёрнулся. — Ты зачем меня связал, сучонок? Под суд захотел, выблядок? Да я тебя..

Алексей с удовольствием ударил его по носу, затыкая словесный понос начальника отделения и увидел как у того хлынула кровь. Для начала очень даже неплохо.

— Слушай меня внимательно, милицейская тварь! За то что ты сделал с моей Машей, будешь умирать медленно, большевик сраный!! — Он немного помолчал, пытаясь успокоиться. — Вот скажи, зачем? Зачем ты арестовал её?! Она в жизни никого и пальцем не тронула! Чем тебе она мешала, мразь ты рабоче-крестьянская?! — буквально рычал Алексей, ощущая, что ещё немного и он просто сорвётся от ярости.

— А... вон оно что... — усмехнулся разбитым лицом майор. Трусом он не был и даже под угрозой смерти не хотел унижаться перед Алексеем. — Да потому что она убийца, вот почему! Ориентировка на неё пришла... Убила она в Ленинграде одного важного коммуниста, а значит враг! Белогвардейская подстилка, мать её! — сплюнул он кровью.

До хруста сжав зубы, Алексей со всей силы вонзил нож ему в живот. А потом ещё несколько раз... и с трудом остановился, разглядывая своего классового врага, по меткому выражению "красных". Майор умирал. Ранения в живот почти всегда смертельны, вот только часто эта смерть приходит не сразу, заставляя человека мучиться. Именно этого и хотел Алексей. Заставить тупого, нерассуждающего, прямолинейного милиционера помучиться, чтобы тот хоть немного понял его собственную боль.

Придя в себя, он аккуратно вытер нож о форму майора и присел перед ним на корточки.

— Ты так ничего и не понял, Пётр Николаевич. Знаешь, почему, я убил того краснопузого в Питере? Потому что он, пользуясь своей властью, хотел изнасиловать её! Как же, он же в горьком работает, всё можно... Оказалось, даже положение не всегда спасает. Но тебе ведь плевать на это, верно? Приказ пришёл, под козырёк и выполнять! А кто и что там, не волнует. Вот за это я тебя и убил, скотина... За то что ты даже не попытался разобраться в её вине! За равнодушие! За мою Машу! За маму! За Тихона!.. — С каждым словом он снова и снова всаживал в живот милиционера нож, чувствуя как туман ярости всё больше охватывает его.

Как же он ненавидел таких как Севастьянов! Ради своей идеи они готовы разрушить старый мир, не заботясь о тех для кого этот мир родной и любимый! Нет и не может быть между ним, Алексеем, и такими как майор, мира! Только война до конца! И никакой пощады "красные" от него не дождутся. Если он перестал ценить свою жизнь, то уж тем более не будет этого делать с коммунистами. Не важно какие они, твердолобые, наивно верящие во всемирную революцию, или простые приспособленцы, которые рвутся во власть за привилегиями и комфортом. Все они сдохнут!

— Белая... сволочь... тебя всё равно... — прохрипел майор и замолчал с открытым ртом. Вот и всё, умер, гнида... Алексей снова вытер свой нож и спрятал в карман. Успокоившись, равнодушно посмотрел на майора и ответил, хоть тот уже и не слышал:

— Это мы ещё посмотрим..

Наскоро привёл себя в порядок и направился к станции. Труп найдут утром, к этому времени он будет уже далеко. Ненависть, клокотавшая в нём, утихла, словно прогоревший костёр, в котором едва тлели угли. Но стоит только дунуть... В какой-то книге он прочитал что месть должна быть холодной... Что ж, это кому как. Лично ему полегчало, когда Алексей смотрел на труп майора. Ярость улеглась, как умиротворённый хищник. До поры до времени.

В Москву он поехал не сразу. Надо было подкопить денег и кое-чему подучиться. Поэтому и направился на Дон. Алексей слышал что многие казаки воевали против советской власти и надеялся найти кого-нибудь из тех кто смог остаться, избежав множество чисток. Не сразу, но ему повезло. Проживая в одной из станиц, он смог свести дружбу с одним из казаков, живших на окраине. Тот был нелюдим и часто пил. Могучий казачина, по имени Антип, спьяну проболтался что раньше служил у атамана Семёнова, а ещё до этого воевал пластуном против немцев. Опыта у него было много, а ненависти к большевикам ещё больше.

Выяснив подробности, Алексей дал ему понять что полностью разделяет его взгляды и попросил обучить его всему что тот знал, обещая что постарается помочь отомстить за поруганную веру и Отечество. Каким-то образом почувствовав, что рядом с ним появился единомышленник и новая цель в жизни, тот рьяно взялся за его обучение, даже прекратил пить.

Ранние подъёмы, долгие пробежки, рукомашество, метание ножей, фехтование пашкой, стрельба из револьверов и пистолетов, тихое подкрадывание к врагу, маскировка... Больше года он прожил в этой станице, в гостях у Антипа, активно запоминая всё что тот показывал. Заодно подогревал свою ненависть, слушая как измывались над казаками красногвардейцы, вырезая у них погоны на плечах и газыри на груди. Впрочем, по словам Антипа, они сами не отставали от врагов, только вырезали у "красных" звёзды, прежде чем милосердно пристрелить или повесить. Особенно тронул Алексея рассказ об одном священнике на

Дальнем Востоке, который упрямо продолжал молиться за Царя-батюшку, даже когда большевики пригрозили повесить прямо в храме. И повесили, нехристи проклятые! Вся деревня плакала, видя это, но "красным" было плевать.

Закончилась эта его жизнь в станице внезапно. Как-то раз, утром, Антип побрился, переделся в чистое бельё, взял шашку и подошёл к нему, когда он только прибежал с пробежки.

— Сегодня уезжай отсюда, Алексей Дмитриевич. Опасно тебе будет тут... — спокойно сказал он. Алексей напрягся. Неужели на него вышла милиция? Но как?

— Что случилось, Антип Петрович? — спросил он, торопливо одеваясь.

— Сегодня день убийства моей семьи... — ответил тот с пустыми глазами. — Не могу я больше жить один, без них. Сердце болит. Помирать пойду.

Изумлённый Алексей застыл на месте. Ни разу старый казак не говорил о своей семье, даже будучи сильно пьян. На его прямые вопросы просто молчал, играя желваками.

— Расскажи о них, Антип Петрович! — неожиданно для себя, попросил он.

— Зачем? — мёртвым голосом ответил казак. — Легче мне уже не станет..

Алексей подошёл к нему вплотную и твёрдо сказал:

— Чтобы я смог отомстить за них! Так же как за мою мать, Машу... и за Россию! Это нужно мне, понимаешь, Антип Петрович!? — с напряжением сказал он. Тот почти минуту смотрел на него... а потом сел за стол.

— Лушкой жену звали... Уж такая добрая и красивая была... Первая красавица в станице! Я иногда у Бога спрашивал, за что мне такое счастье? — голос его дрогнул. — Как посмотрит на меня своими глазами, так сердце захолонет от любви к ней. Она не любила чтобы я пил... Нет, ни разу не ругала... но как посмотрит на меня с укором, то сразу весь хмель вылетал... Готов был на всё чтобы снова улыбнулась. Все пьют, мне предлагают, а я как представлю её глаза... Первач в рот не идёт. Трезвый ходил..

Он помолчал, потом снова заговорил.

— Ещё сын был... Сашка. Такой вихрастый парнишка, уже мог шашкой махать... Во всём старался на меня походить... Всего двенадцать годков было ему... — из глаза покатила слеза.

Он вытер её, сглотнул комок в горле и продолжил:

— И младшенькая моя доченька, Варенька... пять лет ей всего и было-то... Как сядет ко мне на колени, прижмётся, посмотрит на меня снизу своими сияющими глазёнками... Наверное, не было в тот момент человека счастливее меня..

Антип смахнул уже две слезы.

— Тогда как раз Великая война была... Вот я и отправился туда, с австрияками да немчурой воевать. Каждый день вспоминал их! Но сердце спокойно было. Знал, что они в порядке, ждут меня. За себя не боялся. А потом начался в армии разброд, служивые давай брататься с врагом, грубить господам офицерам и дезертировать... Я уже тогда понял что ничего хорошего не будет от этих революционеров, мать их за ногу... Но думал, что справятся, ведь в 5 году справились же? Задушили этих бунтовщиков, радетелей за народ... А потом... Потом всё покатило к чертям собачьим! Долго тут могу рассказывать, но времени нет... Да и не об этом хотел..

Он прерывисто вздохнул, глянул на Алексея пронзительными глазами.

— Большевики пришли в нашу станицу утром. Часть пьяные, все злые как собаки... Загнали всех в дома и давай искать казаков. Только откуда они там возьмутся? Такие как я

или на фронте погибли или сражаются против них далеко от дома. Обыскивать всё начали, заодно, всю жратву и выпивку потащили... Я сам в это время на Востоке был, с Семёновым, Читку брали. А эти скоты... они мою семью в заложники взяли, видно, решили что я где-то в станице прячусь. Их главный, комиссар с маузером, и давай Лушку пытать, где, мол, твой муженёк? А та и не знает... Он давай бить её... Та плачет, говорит, давно уже меня не видела, а тот не верит... "Врёшь, сука, здесь он где-то!" — орал... Тогда приказал привести Варьку, поднёс ствол к её головёнке и рычит, мол не скажешь если, то прямо перед тобой пристрелю! Та плачет от страха..

Он залпом выпил стакан водки и заговорил, глядя в стену.

— Лушка-то, в обморок упала от такого... А тут и Сашка появился... с ножом, который я ему подарил на день рождения... Комиссар спиной к нему стоял, так он ему туда нож и воткнул по самую рукоятку! Сразу сдох, собака, даже не мучился... — с сожалением сказал Антип. — Ну, потом они бежать собрались, Сашка мою старую шашку достал из тайника под полом, но... не судьба им было спастись... Пришли в хату несколько других "красных", увидели труп своего главного и накинулись на Сашку..

Казак прервался и снова глотнул, продолжая смотреть вперёд.

— Эх, и славно же повеселился сынок в свой первый и последний бой! Те, кто видел в окно, рассказали что двоих нехристей он положил насмерть и ещё одному руку почти срубил... Не зря его учил... Только они его пристрелили, сволочи. Видно, поняли что не смогут ребёнка победить. А потом..

Антип низко опустил голову.

— Потом они за мою Лушку принялись... насильовали её, измывались, били... Она уже ничего не говорила... просто лежала... Тогда они её штыком доби́ли. Сказали... — он всхлипнул.. — Сказали "Чтобы контру не плодила.."

Он не выдержал и глухо зарыдал, сотрясаясь. Окаменевший от услышанного, Алексей сидел, не чувствуя своего тела. Уж на что история его самого была страшной, но у Антипа оказалась ещё хуже. Господи, сколько же большевики зла принесли земле Русской? Истреблять их надо, как бешенных собак истреблять! Любыми способами, в любом месте! Всех! Без всякой жалости и пощады! Они, как грязь на родной земле, мешают народу жить! Кричат что власть принадлежит рабочим и крестьянам? А сами гнобят тех же крестьян своими трудовнями и коллективизацией. Да и рабочие не особо рады.

— А Варенька? Что с ней? — вспомнил Алексей о дочке казака. Антип поднял голову и он снова увидел мёртвые глаза старого пластуна.

— Варенька? А запинали её. Чтобы своим криком не мешала им мою Лушку... — горько закончил казак. — Они теперь каждую ночь приходят ко мне... Улыбаются. Потому и пил часто. А сегодня ночью Лушка одна пришла... Погладила меня по щеке, улыбнулась, и сказала: — "Соскучилась я по тебе, Антипушка! И детишки наши тоже!".. И ушла.

Он встал, поправил одежду и сказал:

— А теперь уходи, Алексей Дмитриевич! Всё что знал, я тебе передал. Желая тебе прожить свою жизнь не зря! Прощай!

— Прощайте, Антип Петрович! Когда увидите своих... там, наверху... передайте, что я постараюсь отомстить... за всех отомстить! Я клянусь в этом на кресте! — сказал он и поцеловал свой нательный крест. Старый казак посмотрел на него... и вдруг слабо улыбнулся:

— Они уже знают.

Он вышел из хаты и направился по улице. Не сдержавшись, Алексей, наскоро покидав свои вещи в мешок, выбежал за ним, гадая что он задумал. Тот шагал целеустремлённо, с пашкой в руке, прямо к зданию сельсовета. Насколько помнил Алексей, сегодня там должно быть совещание, на которое приехали несколько других директоров колхозов и совхозов, все коммунисты. Так вот что задумал старый пластун..

Когда Алексей уже удалился, вдалеке раздались крики и несколько выстрелов. Он перекрестился и мысленно сказал:

"Всё, отмучился ты, Антип Петрович... Сколько смог столько и сделал. Теперь моя очередь!"

Берлин. Дом Груберов.

21 апреля 1940 года.

Ханна Грубер.

Она стояла дома, потягивая бокал вина и с отвращением смотрела на мужа, который продолжал спать после грандиозного праздника дня рождения фюрера. Воспользовавшись этим железобетонным предлогом, он напился до такой степени что не смог сам открыть дверь дома и свалился прямо на пороге. Привлечённая шумом, она открыла дверь и с трудом смогла затащить его в холл. Прислуга была вся отпущена, а самой ей было не под силу дотащить пьяное тело на кровать. Да и желания такого не было. Раз он такая свинья, то пусть и спит как свинья!

Так он и продолжал лежать там со вчерашней ночи. Её омерзение к нему ещё больше увеличилось, когда, проходя мимо, она обнаружила что он обоссался. Характерный запах заставил её скривиться и поскорее уйти в дальнюю комнату. Сама она отметила праздник скромно, с парой подруг. Несколько любовников звонили, приглашали в себе, но Ханна, почему-то, не чувствовала в себе желания провести с ними время, даже с Куртом, молодым лейтенантом Люфтваффе, с которым познакомилась неделю назад. Странно, что это с ней такое творится? Физически она великолепно себя чувствует... Значит, психологически не хочет? Вспомнив их постельные забавы она почувствовала... пустоту. Ничего внутри не дрогнуло. Но едва она вспомнила про Гюнтера, тело тут же отозвалось, снизу окатило теплом, в голове появились знакомые шаловливые мысли, а на лице довольная улыбка. Получается, она крепко запала на Гюнтера и он вытеснил из её головы всех остальных соперников?

Ханна нахмурилась. Если это так, то у неё серьёзная проблема. Она прекрасно понимала что никакого совместного будущего у них нет. И дело не только в возрасте или её замужестве. Гюнтер прямо сказал ей что видит в Ханне только любовницу и ничего больше. В тот момент она была с ним полностью согласна. Что же изменилось? Неужели ей теперь мало бурного секса между ними, когда он берёт её за волосы, шлёпает по заднице и называет своей шлюхой? Чёрт, как же это было здорово!.. "Так, милая подруга, не отвлекайся!" — одёрнула она саму себя. Что теперь она хочет? Чаще встречаться? Без сомнения! Быть ему нужной? Конечно! Стать для него самой-самой? Обязательно!

Не в силах совладать с самой собой, она стала ходить по комнате, медленно отпивая вино из бокала. Что ж, кроме последнего, все остальные цели вполне осуществимы. Вот только стать самой-самой... Как она будет конкурировать с молодой, красивой, влюблённой медсестрой? Какое у неё преимущество перед ней? Хм... Разве что опыт в сексе и

развратность, которая так возбуждает его. Но это ненадолго, думается, под его руководством эта Лаура быстро всему обучится. Тогда как ей постараться заинтересовать его? Она уже помогла ему прославиться на весь Рейх, что ещё? Деньги? Не возьмёт. Да и не нужны они ему. А если попробовать тот способ на который решаются многие женщины чтобы привязать мужчину к себе? Родить ребёнка? Хорошо обдумав, она была вынуждена отказаться от этой идеи. Во-первых, не факт что это поможет, Гюнтер может отнестись к этому равнодушно и даже быть против. Во-вторых, у неё было столько любовников что она просто не сможет доказать что это именно его ребёнок. Нет, это не подходит! Что же делать?

В раздумьях она подошла к зеркалу и стала рассматривать своё лицо. Да, время не щадит женщин... Ещё пара лет и не поможет никакая косметика и другие средства. Ханна грустно усмехнулась. Да, глупо думать что она сможет стать для него кем-то большим чем любовница, тем более, ей недолго осталось быть такой привлекательной. Она же видит как многие женщины критически смотрят на неё. В отличие от мужчин, они видят многие её изъяны: морщины возле глаз, дряблая кожа на шее, груди, руках... седые волосы, которые Ханна тщетно пытается закрасить. Наверное, злословят за спиной о том что она пытается молодиться и всё зря..

Ханна приблизила лицо к зеркалу и принялась считать свои морщины на лице, как привыкла это делать каждую неделю. Одна, две, три... семь, восемь... одиннадцать... Она внезапно озадаченно нахмурилась. Что-то не то... Снова принялась считать, решив что ошиблась... Нет, всё равно одиннадцать. Как это так? На прошлой неделе их было четырнадцать, это точно! Вроде бы они были здесь, здесь и... и здесь. А теперь там ничего нет... Повернула голову, посмотрела со всех сторон, снова пересчитала... Невероятно! Куда делись ещё три? На их месте теперь обычная, гладкая кожа. В её возрасте это просто невозможно, они должны увеличиваться, а не уменьшаться. Возможно, это тушь так действует или крем? Нет, не должны, они же просто скрывают морщины а не убирают их.

Удивлённая, она отошла от зеркала и села в кресло. Очень интересно... Нет, это приятно, конечно, но почему это случилось? Возможно, стоит проконсультироваться у подруг и знакомых, может у них были такие случаи? Правда, это маловероятно, иначе она сами бы взахлёб про это рассказали. На всякий случай Ханна тщательно осмотрела свои руки и шею через маленькое зеркало. Похоже, там ничего не изменилось... А кожа? То же самое... Или нет?

Отчаявшись, она отложила зеркало, наскоро переоделась и, переступив через мужа, вышла из дома. Пожалуй, она всё-таки навестит пару подруг и знакомую в парфюмерной лавке и, ненароком, поинтересуется об этом феномене.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

22 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

— Подъём!!! Форма одежды — два! Строиться! Быстрее, черепахи беременные! — надрывался чей-то голос прямо у Александра над ухом. Ошеломлённый, он подскочил на нарах и непонимающе огляделся. Последние бойцы, надевая на ходу обувь, выбегали из казармы. Чёрт, он же в лагере осназа! Это не сон!

— А тебе что, особое приглашение нужно!? Живо на улицу, или помочь!? — рывкнул голос высокого детины возле входа в кубрик. Как ошпаренный, он слетел с верхних нар, едва

не кувыркнувшись вниз головой, и начал лихорадочно натягивать сапоги с портянками. Уложился, по его ощущениям, секунд за десять. Наспех засунув ноги в неразношенную обувь, Александр рванул мимо дежурного, по прозвищу "Медведь", и выскочил на небольшую площадку, именуемую плац. По сути, это был просто участок вытоптанной земли, размером где-то пятьдесят на семьдесят метров.

Все остальные группы уже стояли в строю и встретили залётчика тихими смешками. "Медведь", вышедший за ним, тут же заорал:

— Отставить смехуечки, бегемоты таёжные! Или хотите ещё пятёрку получить? Так за мной не заржавеет, вы знаете..

Смех тут же стих, видимо, непонятная "пятёрка" была весомой угрозой для людей. Что бы она значила? Хоть Саша и служил, но не смог пока понять что это такое. Тем временем, "Медведь" прошёлся вдоль строя и остановился в середине. Заложил руки за спину и сказал:

— Сегодня, благодаря нашему новому бойцу, который очень любит спать, все группы бегут не пять а шесть кругов. Думаю, напоминать не нужно, что зачёт по последнему? Отлично! А теперь, небольшое уточнение... — он повернулся к Александру, который затесался в самый конец строя, и рявкнул:

— Курсант Засоня, выйти из строя!

Саша удивлённо оглянулся, не понимая к кому обращается дежурный, но лёгкий толчок в бок от соседа показал что это дурацкое прозвище обращено к нему. "Засоня?" Серьёзно? Это что, такой армейский юмор? Разве не "Курсант Самсонов" положено вызывать из строя? Что за херню несёт этот дежурный? Устав забыл?

— Я что, бля, неясно сказал, Засоня?! — взревел "Медведь", зверски выпучив глаза. Саша снова получил толчок в бок, только уже сильнее, и раздался раздражённый шёпот:

— Хули стоишь, дятел? Тугодум, что ли?

Он постарался собраться и, не смотря на кашу в голове, попытался чётко выйти из строя, как положено, строевым шагом. Вскинув руку к пустой голове, Саша попытался доложить:

— Товарищ... Медведь! Курсант Самсо... Засоня по вашему приказанию прибыл!

Строй снова засмеялся, уже громче, но стоило дежурному посмотреть на них, опять воцарилась такая тишина, что слышно было как где-то в лесу поют птицы. Переведя взгляд на Александра, "Медведь" несколько секунд смотрел на него и произнёс:

— Да... послали мне начальники бойца... Небось, от мамкиной груди вчера оторвали?

Сашу почувствовал что начал злиться. Неужели опять "духом" придётся быть? На хрен такое "счастье"! Повторять не самый приятный этап своей армейской жизни у него не было никакого желания.

— Никак нет! Сирота я! — озвучил он свою легенду. — Но женская грудь мне нравится!

В строю кто-то хмыкнул. Сам "Медведь" прищурился но промолчал.

— Короче так... Засоня прикрепляется к группе Филина! Теперь ты за него отвечаешь, понял?

— Медведь, да за что?.. — раздался из строя обиженный голос.

— За всё хорошее! — рявкнул дежурный. — Всё, разговорчики! Засоня, встать в строй!

— Есть! — снова приложил руку к голове Саша и зашагал к своему новому командиру, стоящему через три человека от него.

— К пустой голове рука не прикладывается, неуч... — догнал его голос "Медведя". От осознания своей очередной ошибки, Александр почувствовал как покраснели уши. Чёрт, да

что он постоянно ошибается? Вроде служил ведь! Да, прошло несколько лет, но неужели всё вылетело из головы? Элементарные же вещи!

— Волчара, командуй! — сказал "Медведь" и, развернувшись, отправился по своим делам. Поджарый парень с тугими мускулами вышел из строя и крикнул:

— За мной! — и побежал за угол казармы. За ним его группа, потом, по очереди, другие группы. Новый командир Саша, "Филин", хмуро посмотрел на него но промолчал. Подождал когда стартанут другие, и побежал вслед за ними, увлекая за собой своих людей. Александр бежал последним в группе.

Вся толпа осназовцев, навскидку человек восемьдесят, добежала до уже распахнутых ворот КПП и сразу после них повернула направо. Здесь, вдоль забора, вилась утоптанная тропинка по которой, скорее всего, бегали бойцы каждый день.

Растянувшись в длинную колонну, группы бежали по ней, не пытаясь обгонять или отставать. Группа "Филина" бежала ближе к концу колонны, за ними, на беглый взгляд Александра, было ещё человек двадцать. Тропинка не была ровной, на ней то и дело попадались вылезшие из земли корни деревьев, лежащие ветки... Пробежав пару минут, они добрались до конца забора, который круто сворачивал вправо. На стоявшей угловой вышке весело скалился часовой с винтовкой:

— Эй, физкультурники, что так медленно бежите? Мало каши ели?

Кто-то из бойцов на бегу подобрал небольшую ветку и метнул вверх, на вышку. Она ударилась в деревянное ограждение, рядом с часовым. Тот инстинктивно отпрянул, едва не свалившись вниз, и заматерился:

— Вы что там, совсем охренели, бя...? Сейчас выстрелю!

— Тогда я тебе винтовку в зад засуну и поверну пару раз... для прочистки ствола! Ха-ха-ха!! — ответил другой боец на бегу. Рядом все расхохотались, давая советы часовому что ему лучше всего сделать со своим оружием. Саша тоже невольно усмехнулся. Хотя часовые и принадлежат, скорее всего, к тому же ведомству что и осназовцы, но их подготовка не шла с ними ни в какое сравнение. Вряд ли между ними была вражда, но своё превосходство перед обычными бойцами НКВД осназовцы понимали и не стеснялись это подчеркнуть.

Так они пробежали ещё больше километра, мимо нескольких вышек. Но там часовые только проводили их взглядами, видимо, уже привыкли или оказались более сдержанны, нежели тот остряк-самоучка. На новом углу снова повернули направо и побежали дальше, с тыльной стороны лагеря. Внезапно тропинка свернула в сторону и через несколько минут бега Саша увидел что они оказались возле небольшой речки с песчаным берегом, глубиной примерно сантиметров двадцать. Тропинка уходила прямо в воду и Александр, вместе со всеми, свернул туда. Поднимая брызги, группы побежали по реке, отчего скоро стали все мокрые. Утро было тёплое, и такое импровизированное купание было только в радость. Дно оказалось песчаным, без камней, и бежать было не слишком тяжело.

Через метров двести "Волчара" выскочил на берег, там где снова появилась тропинка, и побежал дальше, ведя за собой группы. Промокшие бойцы тянулись за ним, по-прежнему оставаясь компактной группой. Тут они выбежали на небольшую полянку с мелким оврагом на её краю. "Волчара" поднял руку и крикнул:

— Оправиться! Минута!

Все рванули к оврагу и через несколько секунд поляна огласилась дружным звуком журчания и соответствующим запахом. Потом бойцы быстро заправились и через минуту снова побежали. Таким образом, они миновали третий угол, на котором снова была

сторожевая вышка, и помчались дальше. Тут Саша почувствовал что начинает слегка задыхаться. Всё-таки марш-броски он давно не бегал и запустил себя. Вспомнив советы, постарался дышать равномерно, бежать в одном темпе и думать о чём-то отвлечённом. Вроде помогло. Они без проблем добежали до последнего угла, повернули, и скоро Саша увидел знакомые ворота.

Отлично! Он выдержал! Не сломался! Сейчас, скорее всего, будет умывание, потом завтрак... Стоп! Что такое? Он с недоумением смотрел вперёд, где впереди бегущие группы пробежали мимо ворот и снова углублялись в лес. Разве это не конец? Ещё один круг? Вот чёрт! Облом!

Александр с сожалением проводил глазами ворота, когда пробежал мимо, и его опять окружил лес. Второй круг дался ему тяжелее, несмотря на то что он бежал, экономно расходуя силы. Пробегая мимо ворот во второй раз, он почувствовал что его начинает охватывать опасение... Похоже, он не сможет пробежать ещё несколько кругов вокруг лагеря... В груди давило, ноги начали побаливать... А сколько их всего? "Медведь" сказал что пять... А, нет, шесть! Из-за него добавили ещё один! Вот же подстава вышла... Что ж, он сам вызвался быть таким как его новые товарищи, нечего ныть! Сжать зубы и терпеть!

"Филин" бежал рядом с ним, время от времени поглядывая на него, но молчал.

На третьем круге Саша споткнулся о корень дерева и упал, едва не попав под ноги остальным. Но реакция у бойцов оказалась хорошая, один перепрыгнул через него, другие обежали сбоку. "Филин" замедлился, глядя на него, но Александр успокаивающе поднял руку, встал и побежал дальше. К счастью, он ничего не ушиб при падении, иначе ему пришлось бы ещё хуже.

Четвёртый круг Саша бежал как робот, не чувствуя ног, хрипло дыша и смотря только на тропинку. В речке он снова упал и с наслаждением почувствовал как холодная вода окатила его разгорячённое тело. Поплескаться не дал "Филин", который тут же оказался рядом, и крикнул:

— Вперёд, Засоня! Ещё немного осталось!

Это обидное прозвище снова разозлило его и, видимо, с открывшимся вторым дыханием, опять побежал вперёд. К этому времени их группа бежала последней. Он видел как бойцы "Филина" бегут рядом, поглядывая на него. Нет, он выдержит! Иначе они все попадут из-за него... Зачёт по последнему!

...Вот и пятый круг. На этот раз калитка ворот была открыта и Саша, с помутневшим взглядом, видел как в ней стоит "Медведь" и, усмехаясь, смотрит прямо на него. Наверное, думает что он слабак? Да и хрен с ним что он там думает!.. Ног Саша уже не чувствовал, просто видел как они двигаются... Скорость упала. Других групп уже давно не было видно. В глазах всё плывёт... Речка, полянка, угол... Он несколько раз падал, снова вставал... В очередной раз осознав себя, почувствовал что с двух сторон его подхватили бойцы и бегут вместе с ним..

— Я сам... — пробормотал он осипшим голосом... Завидев впереди ворота, он оттолкнул помощников и, качаясь, сам пошёл вперёд. Упал недалеко от "Медведя", с трудом встал, посмотрел на него и... снова направился по проклятой тропинке. Бойцы снова подхватили его и у него уже не было сил чтобы вырваться. Хотелось просто лечь и умереть...

...Из забытья его вернула холодная вода в которую его погрузили чужие руки. Очнувшись, он вяло попытался вырваться но ему не дали. Чувствуя, что не хватает дыхания, Саша хотел поднять голову но не смог. Неужели захлебнётся? Но едва он решил что настала

его последняя минута как тело рывком вздёрули и Александр смог, наконец, дышать. Отфыркиваясь, Саша посмотрел вокруг. Вся группа "Филина" стояла рядом и смотрела на него. Взгляды были разные. Одни раздражённо кривились и сплёвывали, другие внимательно рассматривали, словно пытаясь понять, что он за человек.

Сам "Филин" держал его и выглядел задумчивым.

— Идти можешь? — спросил он, наконец.

Саша, благодаря неожиданному купанию, чувствовал что у него появились крохи сил.

— Да... — выдохнул в ответ.

— Тогда вперёд, Засоня... — показал головой командир. Медленно переступая ногами, Александр двинулся по реке. Они вышли на берег и Саша попробовал слегка побежать. К его удивлению, ноги послушались. Да, это не был настоящий бег, скорее, спортивная ходьба, но хоть что-то... В голове тоже прояснилось, появилась злость на самого себя. Слабак! Всё-таки сломался! Подвёл товарищей! От ощущения своего поражения он вдруг громко сказал:

— Я смогу, слышите?! Я смогу!

Превозмогая себя, Александр увеличил скорость, чувствуя, как рядом бегут остальные. Он не знал сколько прошло времени когда снова увидел проклятые ворота. В глазах всё мутилось и качалось из стороны в сторону. На этот раз они были открыты полностью, а рядом снова стоял "Медведь". Дежурный подождал когда они подбегут ближе, посмотрел на него и сказал:

— Засоня, стой! Филин, веди остальных умываться!

Тот открыл рот, намереваясь сказать что-то, но промолчал, махнул рукой и вся группа убежала вглубь лагеря. "Медведь" подошёл к Саше и спросил обычным голосом:

— Ну что, Засоня? Как тебе утренняя пробежка?

Александр угрюмо посмотрел на него и ответил:

— Нормально..

— По тебе не похоже... — усмехнулся дежурный. — Я тебе кое-что объясню. Ты, в отличие от других, здесь как бы, доброволец. То есть, у тебя есть шанс всё это прекратить. Я же вижу что ты не тянешь наш норматив, Засоня. А ведь такие пробежки у нас каждый день. Сегодня, благодаря тебе, Филин и его группа самые последние, а значит и нагрузка на них будет больше. Как думаешь, они рады этому?

— Я справлюсь... Медведь! — стиснув зубы, ответил Саша. Он чувствовал, как ноги болели всё сильнее и подозревал что дальше будет ещё хуже. Но если это необходимая плата за то чтобы стать сильнее, полезнее... значит, так тому и быть!

— Что ж, как хочешь... Только знай, если поймёшь что не выдержишь, просто придёшь ко мне и скажешь. И уже на другой день не будет никаких ранних подъёмов, маршбросков... Зато будут пиво, девушки, кино... А? — подмигнув, спросил "Медведь".

— Я же сказал! Я справлюсь! — с нажимом снова ответил он. Не слушать его! Просто забыть о том что тот сказал!

— Я тебя услышал, Засоня. Это твой выбор. Вот только хочу сказать одно... — он приблизился вплотную и жёстко сказал Саше в лицо: — Если ты всё-таки не справишься и начнёшь тянуть группу Филина на дно, то или он или я лично тобой займёмся. И поверь, тебе это не понравится! Это предупреждение, так что хорошенько подумай над моими словами. А теперь, Засоня, давай беги умываться! Вперёд!! — внезапно рявкнул он, и Саша неуклюже побежал в барак.

Потом был завтрак, картофельное пюре, котлета, хлеб, компот. Голодные молодые

парни смели всё это меньше чем за десять минут и все вместе отправились в учебную комнату, где почти два часа слушали и изучали труды Маркса, Энгельса, цитаты Ленина и Сталина. Те кто сидел сзади, пытались дремать, уткнувшись головой в спину сидящих спереди, но опытный инструктор отлично знал этот трюк бойцов и то и дело поднимал их, заставляя отвечать. Сам Саша тоже едва не заснул, но благодаря инструктору, так и не смог этого сделать.

После этого, до обеда, шло изучение огнестрельного оружия, советского, немецкого, финского, английского, французского, японского, польского, чехословацкого. Пистолеты, автоматы, гранаты, пулемёты разных систем были нарисованы на плакатах и висели на стенах. Как Саша понял, собирали, разбирали и стреляли из всего этого великолепия реже чем рассказывали, возможно, упор на это будет позже.

Обед оказался плотным. Густые щи с мясом, на второе — гречневая каша, тоже с мясом и подливой. Много хлеба, компот, чай с сахаром, яблоки, печенье... Целый час дали на всё про всё. Сыто рыгнув, Александр подумал что кормят здесь на убой. Хотя, что удивительного? Тут такие нагрузки что все жиры и калории исчезают быстро. Парни из группы разговаривали между собой о своём, к нему не лезли. Сам он тоже не пытался разговаривать, чувствуя свою вину перед ними.

После обеда два часа ушло на изучение уставов иностранных армий, их формы, знаков различия и иерархии. Такое обильное многообразие с непривычки запутало его и он перестал различать их. Ладно, это всего лишь первый день, не всё же сразу, думал он себе в утешение.

Следующим занятием оказалось "Бронированная техника иностранных армий". Броневики, танки, лёгкие и средние... Калибры орудий, численность экипажа, их штатное вооружение. Особенности использования, опознавание частей по номерам и знакам на машинах... Саша только сейчас узнал, что часть, в которой служит Гюнтер, имеет эмблему в виде ключа, видимо, означающего что он открывает любую дверь.

Наконец, последнее занятие перед ужином, оказалось связано с холодным оружием. Ножи, штыки, кортики разных стран. Их описание, использование, плюсы и минусы каждого изделия. Оказывается, советские и немецкие штыки отличаются. Одним удобнее убивать, а другим, например, открывать консервные банки. Столько разных сведений вливалось в голову Александра целый день что голова шла кругом.

Долгий и тяжёлый первый учебный день всё-таки, закончился и после ужина оказалось свободное время. Только Саша хотел расслабиться и попытаться разложить все сведения по порядку, как увидел что к его нарам подсаживаются члены группы "Филина", вместе с ним самим. Все восемь человек окружили его и молча смотрели в упор. Остальные группы продолжали общаться в стороне, поглядывая на них. Он непроизвольно напрягся. Похоже, сейчас ему выскажут претензии за его залёт и попытаются наказать... Шансов выстоять против восьмерых опытных осназовцев у него нет, но он всё равно попытается. Бессловесным "духом" точно не будет и подворотнички пришивать им не собирается.

Молчание нарушил сам "Филин". Он подошёл к нарам Саши и сел на нижнюю.

— Ну что, Засоня, поговорим? Познакомимся?

Берлин. Кабинет Рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Вечер.

22 апреля 1940 года.

Генрих Гиммлер.

— Рейхсфюрер, к вам на приём немедленно просится начальник Главного управления СС бригадефюрер СС Готтлоб Бергер! — доложила Хедвиг своему шефу.

Гиммлер удивлённо посмотрел на неё. Странно... Что могло такого случиться чтобы Бергер, под конец рабочего дня, решил его навестить? Совещание с ним было всего несколько дней назад... Может, хочет посоветоваться? Готтлоб занял эту должность 1 апреля, только вникал в дела, возможно, хочет что-то уточнить?

— Пусть зайдёт... — разрешил он, красноречиво посмотрев на её ноги. Секретарша слегка улыбнулась и вышла. Через несколько секунд в кабинет зашёл плотный невысокий мужчина, с папкой в руке. Он вытянулся и заговорил глубоким голосом:

— Разрешите, рейхсфюрер?

— Слушаю вас, Готтлоб? Вы хотите о чём-то посоветоваться? — поинтересовался Гиммлер, с интересом рассматривая его.

— Хм... — замялся подчинённый. — Дело в том... в общем, у меня тут для вас оказалась какая-то странная информация... Честно говоря, я сам в этом не вполне разбираюсь, но один мой знакомый очень просил меня показать вам эту папку! — выпалил волнующийся Бергер.

Заинтригованный Генрих с любопытством слушал его, пытаясь угадать что в папке. Вряд ли это неприятность, Готтлоб не выглядит расстроенным. Значит... скорее всего, то что он сам не понимает, как и сказал прямо. Что ж..

— Бригадефюрер, постарайтесь кратко доложить мне суть с самого начала... — наконец, ответил он. Тот кивнул и положил папку на стол.

— Если с самого начала... Где-то месяца три назад я серьёзно заболел... Ничего смертельного, но меня отвезли в клинику Шарите. Там меня лечил некий доктор Венцель, очень хороший врач! Он вылечил меня буквально за неделю, хотя многие другие доктора говорили что выздоровление займёт месяц, а то и больше..

Гиммлер слегка поморщился. Похоже, он погорячился, попросив чтобы тот всё рассказал с самого начала..

— В общем, после этого мы с Венцелем стали часто общаться, встречаться... Ну, бывает такое иногда с благодарными пациентами. Так вот, вчера он принёс мне эту папку и заставил меня пообещать что я непременно передам её вам, лично в руки!

— И что же в ней? — спросил Гиммлер, обуреваемый нетерпением.

— Тут история болезни одного из наших офицеров, рейхсфюрер. А также длинная пояснительная записка для вас, написанная доктором Венцелем. Насколько я понял, этот офицер болел довольно необычно и выздоровел так же.

— Да? — скептически спросил Генрих, начиная разочаровываться. — И как же зовут этого офицера?

Тот глянул в папку и сказал:

— Оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке! Батальон охраны фюрера.

Гиммлер почувствовал что в кровь попал адреналин. Скуки как не бывало, мозг тут же начал обрабатывать новую информацию. Интересно, очень даже интересно... Он с трудом сохранил спокойствие и лениво спросил:

— Что там такого необычного, Бергер?

Бригадефюрер неуверенно заговорил, поглядывая в папку:

— Доктор Венцель пишет что у этого Шольке очень необычный организм. Быстро восстанавливается, кровь не совсем обычная... ну и другие вещи тоже есть.

— Так... — задумался рейхсфюрер. — А почему он не подал рапорт своему начальству и сразу обратился к вам?

— Он подавал. И главному врачу в Шарите и даже начальнику 5 Санитарного управления СС. Но... оба они, по его словам, назвали записку чушью и заявили что это абсолютно невозможно! Именно поэтому доктору Венцелю пришлось обратиться ко мне, к бывшему своему пациенту... — ответил Готтлоб, передав ему папку.

— Понятно... — протянул Гиммлер, рассматривая историю болезни Шольке. Авария, ранения, пожар... Странно, как быстро восстановился... Увы, в медицине Генрих понимал очень слабо, а его подчинённый ещё меньше. Значит, надо..

— Я посмотрю эту папку, бригадефюрер! — решил он, откладывая её в сторону. — А вы, Готтлоб, должны сегодня же позвонить своему другу и сказать чтобы он явился сюда ко мне, завтра, после обеда. Мне нужны его личные комментарии к записке. Понятно?

— Так точно, рейхсфюрер! Обязательно позвоню! Разрешите идти? — вытянулся Бергер.

— Идите! — отпустил его Гиммлер, задумчиво поглаживая подбородок.

Бригадефюрер давно ушёл из кабинета, а Генрих продолжал сидеть, погрузившись в свои мысли. Определённо надо завтра поговорить с этим доктором, возможно, тот сможет как-то приоткрыть тайну над этим загадочным Шольке? Неизвестность и таинственность этого Гюнтера щекотала его ум, заставляя строить сотни предположений. Кто знает, может завтра он найдёт ответы хоть на какие-то вопросы?

Берлин.

22 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

— Любимая, где моя портупея? — спросил Гюнтер, отчаявшись найти этот элемент формы. Вроде, лежала на кровати, куда делась, непонятно... Мистика какая-то! Уже пора ехать, а он не готов.

— Да вот же она, милый! — сияющая Лаура, в великолепном, длинном, бежевом платье, протянула ему пропавшую вещь, выйдя из гостиной. Гюнтер удивился. Как она там могла оказаться? Неужели он, зачем-то, унёс её в гостиную?

— Спасибо! — поблагодарил он и быстро надел её на себя. — Так, ты готова?

Девушка задумчиво, в который уже раз, осмотрела себя в зеркало и кивнула.

— Тогда идём! — сказал Гюнтер, и они, закрыв дверь квартиры, начали спускаться вниз.

...Вчера, после того как он приехал домой, весь усталый и морально разбитый после допроса, Лаура встретила его нежно, с улыбкой, накормила и уложила спать, хоть и было ещё до вечера далеко. В очередной раз, мысленно порадовавшись что у него есть Лаура,

Гюнтер отрубился, едва раздевшись.

Проснулся он глубокой ночью, в темноте, ощущая как к нему прижимается родное тело Лауры. Спать снова пока не хотелось и пришла мысль немного подразнить "Цветочек". Начал осторожно, едва касаясь губ, целовать её... Перешёл на соски, так как уже некоторое время, подчиняясь его желанию, она спала полностью голой, без ночной рубашки и пижамы. Те затвердели, превратившись в маленькие горошины. Потом спустился ещё ниже, и через несколько минут он почувствовал что женское естество увлажнилось..

Начиная возбуждаться, Лаура беспокойно задвигалась и одеяло обнажало всё больше её красивого тела. Чувствуя, что уже полностью готов, Гюнтер раздвинул её ноги и мягко вошёл, отчего девушка застонала. Её глаза удивлённо распахнулись но, после секундного непонимания, заблестели от радости.

— Мой Гюнтер! — прошептала она и снова закрыла глаза, теперь уже от удовольствия. Её руки обхватили его шею и Лаура стала сама активно двигать тазом, насаживаясь на его член. Он с удовольствием помогал ей и ускорился. Почувствовав, что уже на грани, Гюнтер прохрипел:

— Я кончаю!.. — и ощутил как Лаура буквально вжалась в него, словно хотела впитать в себя всё что он ей даст. Гюнтер не сумел заставить себя отказаться от такого подарка, закрыл глаза, открыл рот и начал опустошать свои "батарейки", вливая в девушку своё семя, чувствуя как знакомое оглушающее удовольствие пронизывает всё его тело словно в раю. Боже, какое же это сногшибательное ощущение!..

Через несколько секунд под ним захрипела-застонала Лаура, её объятия на миг превратились в стальные, и из горла вырвался какой-то вой, который она не сумела удержать внутри. Сердце колотилось как бешеное, вся кожа в поту, но Гюнтер был доволен. Отдышавшись, Лаура прошептала:

— Каждый раз бы так просыпалась... — хихикнула любимая, зарывшись носом ему в подмышку. Гюнтер слегка удивился что её не смущает запах его подмышек, но не стал спрашивать. Не понравится — сама отодвинется. Не заметив как уснули, они так и проспали до утра.

А утром началась эпопея под названием "Подготовка ко дню рождения". Сегодня Гюнтер обещал приехать к Аннелизе с Катариной. Раз обещал, значит, нужно ехать. Изначально, он не планировал брать с собой Лауру, но когда сообщил о цели поездки она так жалобно посмотрела на него что Гюнтер просто не смог отказать своей красавице. За что и был вознаграждён счастливым смехом и крепким поцелуем.

Вопреки его опасениям, платье девушка выбрала быстро, всего за час. Но узнав что Гюнтер собирается отправиться в гости в форме, категорически потребовала чтобы он отдал её ей для чистки. В итоге, успевали впритык.

Спускаясь по лестнице, они встретили свою квартирную хозяйку, которая им вежливо улыбнулась и попросила Лауру отойти с ней ненадолго в сторону. Шепнув ей несколько слов, она снова улыбнулась им обоим и ушла, а его любимая осталась стоять красная как рак, боясь от смущения даже поднять на него глаза.

— Что она тебе сказала? — спросил заинтригованный Гюнтер, обнимая её за талию возле машины.

— Да так, по-женски кое-что... — ответила девушка, снова начиная краснеть.

— Ну-ну... — усмехнулся он, открывая ей дверцу. — Смотри, я могу и у неё спросить..

Набралась храбрости она уже в машине, тихо ответив:

— Она попросила чтобы я так сильно не кричала ночью... — опустила глаза Лаура. — Это мешает спать другим жильцам и ей самой.

Гюнтер громко расхохотался, с трудом удерживая руль. Представив что чувствовали люди в других квартирах, он развеселился ещё больше. Лаура с удивлением посмотрела на него.

— Гюнтер, прекрати... Это не смешно... мне очень стыдно... — но скоро её губы неуверенно разошлись в стороны. Она пыталась сдержаться, но уже через минуту прыснула и звонко рассмеялась, закрыв лицо руками. Лишь её ушки по-прежнему были красные.

Отсмеявшись, Лаура внезапно посмотрела на него с расширившимися глазами:

— Милый, а мы ничего не забыли?

Гюнтер нахмурился, пытаясь понять о чём она говорит.

— Не думаю... А что мы могли забыть?

— Подарок! Мы забыли подарок для именинницы! — всполошилась девушка.

Проклятье! Ну конечно! Вот чёрт, как он мог забыть про такую вещь? Понятно, тут день рождения фюрера, потом безумная ночь, отвратительное утро и остаток дня Гюнтер проспал... Но всё равно, приезжать без подарка неприлично, это и Алекс тоже говорил... Что же делать?

— Ты права, милая! Только что тут теперь можно сделать? — с досадой произнёс он. Лаура напряжённо задумалась.

— Надо купить цветы! Кстати, какие ей нравятся? — спросила она, пытливо глядя на него.

Вопрос поставил его в тупик. Вот именно этим он и не интересовался. А надо бы подумать и об этом, а не только про размер её груди и степень темпераментности в постели.

— Не знаю... Не спрашивал! — сознался он.

— Ох уж вы, мужчины! — закатила глаза Лаура, улыбаясь. — Как можно не знать про такую важную для женщин деталь?

— Так в том-то и дело что для женщин! — попытался оправдаться Гюнтер. — Нам, мужчинам, цветы не интересны.

— Какие у неё глаза? — снова спросила Лаура.

Он попытался вспомнить, но не получилось. Ну не отложился у него в памяти этот нюанс! Носик, губы, волосы, тело... Это Гюнтер помнил. А вот цвет глаз... Увы.

— Всё с тобой понятно, любимый! — рассмеялась девушка. — Ладно, давай заедем в ближайший магазин, купим розы. Возможно, ей понравятся.

Кивнув, Гюнтер решил так и сделать. Купив цветы, они скоро приехали на окраину города, где на одной из тихих улиц стоял арендованный особняк Аннелизы. Остановившись, Гюнтер вышел из машины и галантно подал руку Лауре, которая с улыбкой поблагодарила его.

Захватив с собой два букета, они подошли к двери. Видимо, их увидели в окно, потому что, не успел Гюнтер позвонить, как она распахнулась. На пороге стояла нарядная Катарина, с красивой причёской и со вкусом накрашенная. Её оранжевое платье до колен отлично смотрелось на стройной фигуре, украшенное маленькими цветами. На голове красовалась маленькая шляпка, на руках небольшие белые перчатки. Казалось, она только что пришла с улицы.

— О, Гюнтер! Наконец-то... — с улыбкой воскликнула она, но с удивлением посмотрела на Лауру, мгновенно окинув её взглядом. — Хм... Не представишь мне свою

спутницу?

— Катарина, познакомься: это моя подруга Лаура. Я тебе о ней рассказывал, помнишь? — он выразительно посмотрел на неё, пользуясь тем что Лаура стоит к нему спиной. Та на секунду замешкалась но тут же сориентировалась. Очаровательно улыбнулась и слегка пожала ей руку. — Лаура, а это лучшая подруга именинницы, Катарина!

— Очень приятно, фройляйн! — слегка присела в книксене Лаура.

— Взаимно, фройляйн! — кивнула головой Катарина. — Ой, какие красивые розы! Я их обожаю! — сказала она, глядя на цветы. Гюнтер взял один букет и, улыбаясь, протянул их ей. Та вдохнула их аромат и зажмурилась от удовольствия. Открыв глаза, Катарина лукаво посмотрела на Лауру и произнесла:

— Я вам по-доброму завидую, Лаура. Гюнтер такой галантный и внимательный, верно?

— Вы правы, фройляйн! — счастливо улыбнулась Лаура. — Я каждый день благодарю Бога за наше знакомство, хоть оно и произошло при таком печальном обстоятельстве.

— Ох, что мы тут стоим? — опомнилась Катарина, отступая в сторону. — Проходите же! Кстати, Лаура, давай на ты? Всё же я ещё не такая старая, как ты считаешь?

— О, ты великолепно выглядишь, Катарина! — искренне восхитилась девушка, проходя в дом мимо неё. — Хотела бы я выглядеть так же в твоём возрасте.

— Полностью согласен с тобой, милая! — поддержал её Гюнтер. — Катарина, как всегда, умопомрачительна и её красота бьёт прямо в сердце!

— Спасибо! Ах, значит Гюнтер уже всё обо мне рассказал? — с улыбкой покосилась на него женщина. Она встала так, что ему пришлось протиснуться мимо неё боком, но всё равно так вышло что он прикоснулся своей грудью к её груди. Вот же хитрая озорница! Ладно, вечер ещё только начинается..

— Проходите в зал, Аннелиза скоро спустится! — сказала она и, пользуясь тем что Лаура обернулась к нему, так провела языком по своим накрашенным губам что у него внизу кое-что дёрнулось. Чёрт, как она умеет его возбуждать, покачал головой Гюнтер в немом восхищении. Даже не стесняется простушки Лауры.

Женщина ушла, а они стали медленно прохаживаться вдоль стен, изучая картины и фрески.

— Как тебе Катарина? — спросил Гюнтер у Лауры, которая заинтересовалась одним из полотен. Та повернулась к нему и радостно отметила:

— Мне она нравится! Такая красивая и одета очень прилично и изысканно! На вид ей можно дать лет двадцать пять, не больше..

— И опять я с тобой не спорю, дорогая! — ответил он и слегка провёл по её спине, опуская руку вниз. Девушка опасливо оглянулась в ту сторону, куда ушла Катарина.

— Милый, мы же в гостях... Неужели ты опять хочешь? — понизив голос, спросила она. Гюнтер подмигнул ей и ответил:

— Я тебя всегда хочу... Как вспомню какое сокровище скрывается под этим платьем так сразу мысли неприличные появляются.

Девушка мило покраснела и улыбнулась.

— Прекрати, Гюнтер... потерпи до дома, пожалуйста.

— А вот в этом я не уверен... — многозначительно протянул он. Тут послышались шаги и в комнату зашли Катарина вместе с хозяйкой дома. Гюнтер взглянул на Аннелизу и с трудом удержался от того чтобы восхищённо присвистнуть.

Женщина выглядела... Проклятье, да она просто чертовски выглядела, не будь он

Гюнтер Шольке!

Правильно наложенный макияж подчёркивал красивое женское личико, с радостной улыбкой на губах. Причёска напомнила Гюнтеру почти такую же какую он видел в фильме "Ван Хельсинг" у одной из вампирш, которая ему очень понравилась. А одежда? На ней было вечернее платье тёмно-синего цвета, длиной до колен, подчёркивающее красоту стройных ног. Декольте у этого платья прикрывался чёрной сетчатой вставкой, сквозь которую он мог, почти не напрягаясь, разглядеть ложбинку между вздымающимися грудями. Плечи были открыты, а шею красавицы украшало какое-то колье, по-видимому, очень дорогое.

Гюнтер невольно сглотнул, глядя на неё, и с трудом смог посмотреть ей в глаза, которые озорно смотрели на него. А ведь она одела такое смелое платье для него, скорее всего! Насколько он знал, Аннелиза не была поклонницей соблазнительных нарядов, одевалась привлекательно но строго. Или это Катарина ей подсказала? Женщина слегка улыбнулась, видя его реакцию и перевела взгляд на его девушку.

— Здравствуйте, Лаура! Вы отлично выглядите! — похвалила она. — Вам очень идёт это платье!

— Спасибо, фрау Бломфельд! — вспыхнула та от удовольствия. — А вы просто очаровательны! — добавила она, с интересом рассматривая платье и украшения Аннелизы.

— О, недолго мне осталось быть фрау... — рассмеялась та, стрельнув на Гюнтера глазами. — Через несколько дней мы разводимся и я снова стану свободной женщиной! И называйте меня просто Аннелиза.

— Договорились! — улыбнулась Лаура. Похоже, обе женщины произвели на неё впечатление и ей было на самом деле приятно с ними познакомиться, решил он. Внезапно в комнату вошёл нарядно одетый мальчик и Гюнтер тут же узнал Роланда, сына Аннелизы. На вид ему было лет восемь. Одет он был в брюки с подтяжками и рубашку с бабочкой на шее.

— Здравствуйте, дядя Гюнтер! — чопорно поздоровался он и протянул ему руку. Гюнтер осторожно пожал её и улыбнулся.

— Роланд, ты растёшь не по дням а по часам! Уже почти взрослый мужчина! — похвалил он. Лицо ребёнка расплылось в улыбке и он ответил:

— Да, я уже мужчина! Дядя Гюнтер, а где ваш пистолет?

— Роланд! — укоризненно сказала Катарина. Гюнтер усмехнулся.

— Я оставил его дома, зачем он мне тут нужен?

— Ну вот... — огорчился мальчик. — А я хотел посмотреть на него!

— Ничего, обещаю, в следующий раз обязательно принесу его! — успокоил его Гюнтер, потрепав по голове.

— Правда? Здорово! — обрадовался Роланд. — Дядя Гюнтер, как хорошо что вы пришли! А то мама и тётя Катарина скучают по вас и говорят что вы забыли про них! — выпалил мальчик, к изумлению Гюнтера. Обе женщины стремительно покраснели, с испугом смотря на Роланда и Гюнтера.

— Роланд, что ты говоришь!?! — очнулась Аннелиза, подходя к сыну. — Ничего мы не скучали, тебе это показалось! Пойдём, я тебе кое-что подарю! — она взяла Роланда за руку и повела куда-то. Гюнтер, бросив быстрый взгляд на Лауру, которая, видимо, не усмотрела в этих словах ничего серьёзного, вопросительно посмотрел на Катарину. Та уже пришла в себя и, с непринуждённой улыбкой, сказала:

— Роланд немного ошибся... Мы просто... говорили что хотели бы встретиться с вами

чтобы... познакомиться поближе в спокойной обстановке, вот и всё!

— Не сомневаюсь, всё так и было! — подтвердил Гюнтер, но его усмешка ясно показала ей что он поверил именно Роланду а не Катарине. Наконец, снова появились Аннелиза с сыном, который сосредоточенно лизал леденец. Именинница улыбнулась и пригласила их к столу. Когда все сели, Лаура с удивлением спросила:

— А где остальные гости? Разве мы не будем их ждать?

— Больше никого не будет, Лаура. Мы с Катариной решили никого не звать кроме вас, да и близких знакомых у нас в Берлине почти нет... — ответила Аннелиза, накладывая сыну один из салатов. Гюнтер, как единственный мужчина, решил взять на себя роль виночерпия. На столе, среди еды, стояло несколько бутылок: шнапс, шампанское и вино. Осторожно открутив пробку до тихого хлопка, он разлил пузырящееся шампанское дамам и себе.

— Сколько тут еды! Наверное, долго готовили? — спросил он, поражённый разнообразием стола. Аннелиза с Катариной переглянулись и именинница виновато призналась, кинув на него извиняющийся взгляд:

— На самом деле большую часть блюд приготовили в ресторане и привезли сюда. А лично наши творения... вот этот салат, рыба и мясная нарезка.

— Что ж, тогда я сейчас попробую всё! — с предвкушением сказал Гюнтер, чувствуя что его желудок с нетерпением ждёт работы. Начал он с вырезки и с трудом смог удержать себя, когда обнаружил что съел больше половины. Голод виноват или Аннелиза с Катариной так приготовили, но мясо было превосходным. С сожалением посмотрев на остатки, Гюнтер отодвинул блюдо.

— И как тебе нарезка, Гюнтер? — улыбаясь спросила Катарина. Аннелиза тоже кидала на него взгляды, стараясь делать это когда Лаура не видит. Он в восхищении развёл руками. Проглотив последний кусок и запив шампанским, Гюнтер только покачал головой:

— Честно говоря, изумительно! Давно не ел такое вкусное мясо! Да вы и сами видите, так увлёкся что чуть всё не съел.

— А почему же не доел? — удивилась Аннелиза, тоже отпивая шампанское.

— Так вы даже не попробовали! Не могу же я всё съесть один! — возмутился он.

— Не беспокойся об этом, Гюнтер! — сказала Катарина, улыбнувшись его возмущению. — Мы с Аннелизой не особо голодны, нам и салатов хватит. А мясо мы приготовили специально для тебя... для вас! — поправились она, взглянув на Лауру. Та, увидев как ему понравилось мясо, тут же встрепенулась:

— Извините, а вы не могли бы дать мне рецепт этой нарезки? Мне хочется почаще баловать моего Гюнтера такой вкусной едой! — мило улыбнулась девушка. Аннелиза с Катариной растерянно переглянулись, но именинница тут же ответила:

— Конечно, милая! Нет ничего проще! Чуть позже я или Катарина обязательно напишем тебе рецепт!

Гюнтер решил что сейчас самое время для первого тоста. Он разлил и долил всем шампанское, кроме Роланда, и встал:

— Дорогая Аннелиза! Наше знакомство произошло в довольно драматичных обстоятельствах... Но оно произошло, за что я искренне благодарен Богу. Я с содроганием представляю что было бы, если я струсил и не вошёл в тот дом. Германия потеряла бы восхитительную, добрую, прекрасную женщину... Роланд бы потерял любящую мать... А Катарина верную подругу! Я хочу выпить за то, чтобы в дальнейшем у нашей Аннелизы всё было хорошо! Чтобы её ждали впереди только радость, успех и... любовь!

— Согласна! — воскликнула Катарина.

— Присоединяюсь! — сказала Лаура, улыбнувшись.

— Спасибо, Гюнтер! — покраснев от удовольствия, ответила Аннелиза с сияющими от счастья глазами. Гюнтер невольно засмотрелся на эту очаровательную красавицу... Она прекрасна! Встретившись с его восхищённым взглядом, именинница опустила глаза, но улыбка стала ещё шире. Опомнившись, он прикоснулся бокалом о другие, от чего в комнате прозвучал мелодичный звон.

— До дна! — предупредил Гюнтер и сам подал пример. Девушки последовали его совету, хоть и с перерывами. Некоторое время за столом было тихо, гости отдавали должное вкусной пище. Наконец, когда все частично насытились, за столом встала Катарина с новым бокалом в руке. Так как шампанское закончилось, Гюнтер разлил всем вина, хотя Аннелиза сказала что, вроде бы, шампанское ещё было.

— Дорогой Гюнтер! Ой, надеюсь, Лаура, ты не обиделась? — спохватилась она. Лаура с улыбкой покачала головой. Гюнтер ещё больше почувствовал гордость за себя, его девушка не ревновала и не пыталась устраивать глупые сцены. Чудо-красавица!

— Дорогой Гюнтер! — повторила она. — Я хочу лишь сказать что безмерно благодарна тебе за то что ты спас всех нас. Меня, Аннелизу, Роланда... да и других людей тоже. Тем что мы все тут сидим, мы обязаны именно тебе! Не будь тебя... не было бы и нас! Поэтому я хочу выпить за то чтобы в нашей стране было как можно больше таких мужчин как Гюнтер... Смелых, мужественных, красивых... и равнодушных! За тебя, Гюнтер!

Все дружно поддержали её и выпили вино, которое оказалось на вкус довольно приятным, отдавая какой-то пряностью. Тут Аннелиза что-то шепнула Катарине и та выпорхнула из-за стола. Гюнтер проводил её удивлённым взглядом, но девушка быстро вернулась, держа в руках патефон. Ого, будут танцы!

Положив аппарат на маленький столик в углу, она поставила пластинку и в комнате зазвучала какая-то медленная мелодия. Катарина подошла к Лауре и спросила:

— Дорогая Лаура, ты же хотела рецепт нарезки? Пойдём, я тебе напишу и расскажу как её готовить, хорошо?

— Ой, спасибо, Катарина! С удовольствием! — она вскочила из-за стола и помахала ему рукой. — Не скучай, любимый, я скоро!

Гюнтер видел, как Катарина, пользуясь тем что Лаура не смотрит на неё, подмигнула имениннице и увела его подругу куда-то вглубь дома, заодно прихватив с собой Роланда, обещая ему ещё один леденец. Они с Аннелизой остались одни. Гюнтер опомнился, вышел из-за стола и протянул руку:

— Прощу, Аннелиза!

Та с готовностью встала и они медленно стали танцевать на месте. Она смотрела на него и улыбалась, а Гюнтеру, несмотря на все старания, так и не удалось удержаться от того чтобы не смотреть в соблазнительное декольте её платья. Чёрт, да там... Он постарался перевести дыхание. Сверху, особенно благодаря его росту, открывался просто ослепительный вид. Ему даже показалось что он увидел её соски... Или обман зрения? Естественно, его член внизу не остался равнодушен к такому близкому соседству с привлекательной женщиной, от которой, к тому же, восхитительно пахло духами, вызывающими желание зарыться ей в волосы, чтобы сполна вдыхать чарующий аромат.

Аннелиза, видимо, почувствовала как что-то упирается ей в тело, кинула взгляд вниз и смущённо отвернулась. Он ожидал что она отстранится, но та продолжала танцевать, словно

ничего не происходит. Охваченный возбуждением, Гюнтер прижался к ней ещё плотнее, от чего та вздрогнула и на несколько секунд закрыла глаза с затрепетавшими ресницами. Дыхание её стало чаще, грудь вздымалась всё сильнее и он был почти уверен что она сейчас возбуждена не меньше его.

— Гюнтер... нас увидят... — прошептала Аннелиза, приоткрыв глаза. — Твоя Лаура..

— Катарина же увела её специально, да? — сказал Гюнтер, прерывая танец и медленно подталкивая её в угол, скрытый от входа массивным шкафом. Именинница ничего не ответила, опустив голову и не сопротивляясь. Казалось, вся воля покинула её и она полностью доверилась ему. Такая покорность подстегнула его возбуждение и он буквально зажал женщину в углу, вызвав у неё тихий вскрик. Боже, как же приятно было сжимать её в объятиях, чувствовать, как женское тело трепещет в его руках!

Отбросив сомнения, он прильнул к её горячим губам, обратив всё внимание мозга к своим ушам. Все женщины были на каблуках, поэтому Гюнтер рассчитывал заранее услышать приближающиеся шаги. Всего мгновение губы Аннелизы были неподвижны, а потом она словно взорвалась. Страсть, долго сдерживаемая разумом, приличиями, стыдом, вырвалась на волю и затопила женщину. Она неистово отвечала ему, её руки бегали по его телу, прижимая Гюнтера к себе. Опустив руки, одной из них он расстёгивал свою ширинку, другой задирает её платье, чтобы добраться до влагалища, не переставая при этом целоваться с ней. Только бы в это время им не помешали, как часто любят показывать в фильмах и книгах бессердечные авторы, мысленно взмолился он... Дайте хоть немного времени!

Вот, наконец, и она... горячая, мокрая дырочка, истекающая соками, от которых даже её трусики стали влажными. Да тут настоящий потоп, с радостью убедился он. Сразу два пальца завладели её клитором, от чего женщина охнула и сжала ноги, безумно глядя на него. В этот момент её ручка нашла его член и тут же крепко схватилась за него, вызвав стон уже у него. Гюнтер страстно хотел полностью раздеть и взять её, но остатками здравого смысла понимал что если их так заметят, ему конец. От Лауры точно. Придётся удовлетвориться программой минимум... Освобождённая рука устремилась к её груди, стянув платье до пояса, обнажив две обворожительных округлости с задорно торчащими сосками. Опустив голову, он обхватил языком левый сосок, отчего тот стал ещё твёрже. Левая рука завладела правой грудью, в то время как правая рука продолжала истязать самое главное женское место. Подняв взгляд, Гюнтер увидел как Аннелиза закрыла глаза и зажимает себе рот свободной рукой, стараясь не выдать их своим стоном. Другая рука продолжала нежно поглаживать его колом стоявший член.

От такого экстремального секса Гюнтер почувствовал что уже на грани. Он усилил давление на клитор, двумя пальцами трахая её, а большим раздражая клитор. Ещё несколько секунд и Аннелиза глухо застонала сквозь свою ладонь, медленно опускаясь вниз на ослабевших ногах. Вид кончающей от него женщины оказался последней каплей и он, сжав до хруста зубы, тоже начал изливаться... прямо на лицо Аннелизы, которая как раз в этот момент сползла вниз, не переставая ласкать его рукой.

Нависнув над женщиной, опершись рукой в стену, Гюнтер почти минуту приходил в себя, чувствуя как туман возбуждения медленно покидает его, оставляя за собой только чувство полного наслаждения и расслабления. Его ноги тоже дрожали и он с трудом удерживал равновесие, испытывая желание улечься прямо на пол. Тяжело вздохнув, он медленно вынул из кармана платок, вытер своё хозяйство и застегнул штаны. Женщина только начала приходить в себя от оглушительного оргазма. Она попыталась открыть глаза,

но его сперма залепила один из них. От её вида Гюнтер невольно улыбнулся и начал осторожно протирать ей лицо своим платком. К тому времени когда он закончил, Аннелиза пришла в себя и попыталась встать, но не смогла. Гюнтер помог ей и прижал к себе. Её тело ещё мелко подрагивало, но она уже почти пришла в себя.

— Это было... невообразимо... — наконец, сформулировала она, обняв его. — Я такого никогда не испытывала... Боже..

— Это просто оргазм! — улыбнулся он. — Только не говори что с мужем у тебя было по-другому?

Она оторвала свою голову от его груди и посмотрела на него. Глаза её были полны благодарности и счастья.

— Да, милый мой... Всё было не так.. — Аннелиза запнулась, но потом продолжила. — Иногда мне было просто приятно... иногда вообще... никак. Я ничего не чувствовала, как будто он делал это не со мной... А сейчас... я не могу точно описать это, понимаешь? Просто хочу чтобы такое было часто.

— Тебе надо умыться! — сказал он. Аннелиза, видимо, только сейчас поняла в каком она виде. Женщина повернулась к зеркалу, висевшему на другой стене и тихо вскрикнула от шока. Разлохмаченные волосы, размазанная косметика, остатки его спермы на лице... стопроцентные доказательства его несдержанности. Быстро поправив платье, она, виновато улыбнувшись, направилась из комнаты, но вдруг остановилась:

— Дай мне, пожалуйста, свой платок? — и в ответ на его взгляд, пояснила: — Я его постираю.

Признавательный Гюнтер отдал ей платок. Она быстро ушла, а он с облегчением уселся за стол и залпом допил вино. Тщательно осмотрев себя, он не нашёл никаких доказательств своей измены. Взяв салфетку, протёр своё лицо на случай следов от помады, и прошёлся по воротнику и кителю, пытаясь понять есть ли на нём её волосы. Ничего не обнаружил.

Пластинка закончилась и наступила тишина, которой и наслаждался Гюнтер, чувствуя что всё его тело буквально пело, испытав удовольствие. Только вдруг снова неожиданно проснулась совесть, с неудовольствием понял он. Опять начала стыдить его что он поступил как последняя скотина, изменив своей идеальной девушке прямо в гостях с хозяйкой мероприятия. Гюнтер попытался апеллировать, убеждая её что это, как бы, его подарок на день рождения именинницы, но и сам чувствовал слабость своего довода. В конце концов, он сдался, обещая постараться так больше не делать и загладить свою вину перед бедняжкой Лаурой. Но совесть не обманешь и она, под конец, упрекнула его что повторись такая ситуация снова, Гюнтер поступил бы точно так же. Чтобы заглушить справедливое высказывание совести, он снова выпил.

Тут послышались шаги и в комнату вошли Катарина с Лаурой, оживлённо разговаривающие между собой на кулинарную тему. Они остановились, увидев его одного и Катарина спросила, растерянно посмотрев на него:

— А где же Аннелиза?

Гюнтер постарался искренне улыбнуться:

— Она пошла попудрить носик.

Обе женщины уставились на него, но от дальнейших расспросов его спасла сама Аннелиза, вошедшая в комнату. Выглядела она как обычно, разве что косметика теперь была немного иной, и это явно заметили Катарина с Лаурой. Снова поставили пластинку и теперь Гюнтер танцевал с Катариной, которая чинно себя вела, видимо, учитывая близость его

подруги, хотя её улыбка говорила сама за себя. Лаура, в это время, увлечённо болтала с Аннелизой. Точнее, это она почти всё время и говорила, а женщина отвечала междометиями и качала головой. Катарина тоже заметила странное поведение подруги и шёпотом спросила у него:

— Гюнтер, что у вас случилось?

— Что ты имеешь в виду? — сделав лицо кирпичом, ответил он вопросом на вопрос.

— Аннелиза какая-то странная... Ты ей что-то сказал, пока нас не было? — она внимательно смотрела ему в глаза. Но Гюнтера этим было не пронять, он не отводил глаз и слегка улыбался.

— Так, поговорили немного... Если хочешь подробностей, то спроси у неё сама, вы же подруги. Захочет — расскажет... — отшутился он. Катарина не ответила но её глаза цепко осмотрели его лицо, шею, воротник. Внезапно она улыбнулась, быстро обернулась на Лауру и мгновенным движением сняла с его формы длинный волос, который тут же выбросила. Гюнтер мысленно чертыхнулся. Всё-таки спалился! Вот же глазастые эти женщины!

Танец закончился и к нему подскочила Лаура, а Катарина подсела к подруге и начала её о чём-то спрашивать.

— Ну, как тебе Аннелиза с Катариной? — спросил он девушку, крепко сжимая её в объятиях. Лаура, прижавшись к нему, улыбнулась.

— Мне они понравились! Такие весёлые, красивые, милые! Кстати, они предложили мне почаще встречаться, гулять, ходить по магазинам, представляешь? Теперь у меня уже три новые подруги, вместе с Евой! Я так рада что ты их спас, милый!

Такое сообщение изрядно обрадовало и удивило его. С одной стороны, теперь будет легче общаться с ними не вызывая подозрений у Лауры и не заставляя его лгать ей, а с другой... Интересно, зачем эти две проказницы решили подружиться с его Лаурой? Может, чтобы войти к ней в доверие и стать ближе к нему? Или есть другие варианты? По идее, можно и спросить, вот только не факт что они ответят правду. Да, женщин и их поступки иной раз трудно понять..

Уже давно стемнело и Гюнтер с Лаурой засобирались домой. Женщины расцеловались, причём Катарина с Аннелизой умудрились сделать так что пока одна из них обнимала и целовала Лауру в щеку, другая в это время сильно прижалась к нему, в довершение крепко целуя в губы. Потом они поменялись. Гюнтер, разгадав их план, не выдержал и рассмеялся, восхищённый их смекалкой. На вопрос же удивлённой Лауры он пояснил что внезапно вспомнил смешной случай на службе. Девушка осталась в неведении, а вот женщины прыснули от смеха, когда Гюнтер покачал головой и подмигнул им, показывая что раскусил их.

Женщины, вместе с Роландом, стояли на пороге своего особняка, а Гюнтер как раз сажал в машину Лауру, когда внезапно его сильно толкнул какой-то крупный мужчина, который, покачиваясь и что-то бормоча, направился прямо ко входу в дом. Раздражённый Гюнтер восстановил равновесие и обернулся к наглomu незнакомцу, от которого разлило спиртным, намереваясь хорошенько проучить его, когда внезапно понял что совсем недавно где-то видел его. Пара секунд воспоминаний и его озарило. Неужели этот хряк? Все сомнения были развеяны изумлённым вскриком Аннелизы, которая так же увидела его:

— Мартин?! Что ты здесь делаешь?

Тот остановился прямо перед ними и заявил:

— Я пришёл поздравить жену... с днём рождения... А теперь прочь с дороги, мне надо

кое-что взять! — он грубо оттолкнул Аннелизу так что она ударилась спиной о косяк, и зашёл в дом, оставив ошеломлённых женщин на пороге. Гюнтер не колебался. Он наклонился к встревоженной Лауре и сказал:

— Сиди и не вылезай, поняла? Я скоро! — и закрыл её дверь. Подойдя к женщинам, он утвердительно спросил:

— Это ведь Мартин, верно?

Аннелиза лишь молча кивнула. Катарина, увидев его злое лицо, торопливо сказала:

— Гюнтер, успокойся, пожалуйста!

— Я абсолютно спокоен! Как памятник! — и стремительно вошёл в дом. Через несколько секунд за ним послышался торопливый перестук каблуков, видимо, обе подруги поспешили за ним.

— Гюнтер, прошу тебя, не надо! — раздался взволнованный голос Аннелизы. Он не ответил. В гостиной этого хряка не было, на кухне пусто... Куда пропала эта свинья?! Гюнтер, сжимая кулаки от злости, заглянул в одну из спален, видимо, там жила Катарина, так как на стене была её фотография. Пусто... Следующая комната, тоже спальня. Он заглянул туда и остановился, катнув желваками от злости.

Эта спальня, скорее всего, принадлежала хозяйке дома, так как хряк по имени Мартин обнаружился именно здесь. Он спокойно вытряхивал содержимое сумочки Аннелизы на её кровать. Схватив кошелёк, толстяк вытащил из него все купюры что там были и засунул себе в карман. На изящном туалетном столике стояла открытая шкатулка, скорее всего, от драгоценностей. Она была пуста.

Обе женщины подбежали к Гюнтеру и тоже заглянули внутрь. Катарина ахнула и закрыла рот рукой. У Аннелизы исказилось лицо и по нему потекли слёзы. Она закрыла лицо руками и медленно побрела по коридору. Чувствуя, что сейчас потеряет самообладание, Гюнтер осторожно отодвинул Катарину от входа и закрыл дверь, оставшись с хряком наедине. Тот, наконец, обратил внимание на постороннего и поднял голову.

— Вы ещё кто такой? Что вы делаете в моём доме? — гневно спросил он. Внезапно глаза его расширились и он закричал: — Опять вы?! Немедленно уходите пока я не вызвал полицию!

Гюнтер подошёл к нему вплотную и навис над ним, так как толстяк едва доставал ему до шеи. Тот начал пятиться, Гюнтер не отставал. Наконец, Мартин оказался зажат в угол и затравленно огляделся, пытаясь понять как ему лучше покинуть комнату и оказаться подальше от страшного эсэсовца.

— Вытащи из кармана все деньги и драгоценности, свинья! А потом убирайся! — приказал Гюнтер лающим голосом. Хряк вздрогнул от испуга но попытался взять себя в руки. Он оскалился и рванул мимо Гюнтера, но тот подставил подножку и толстяк с грохотом упал на пол.

Из-за двери раздался встревоженный голос Катарины:

— Гюнтер, что там происходит?!

Он ответил:

— Ничего страшного, Катарина! Мы просто разговариваем! Правда? — зверски улыбнулся он, наклонившись к Мартину. Тот попытался вскочить и продолжить побег, но был тут же пресечён лёгким ударом кулака по голове и со стоном свалился обратно.

— Вы... Вы не имеете права! Это мои деньги! Не трогайте меня! — со страхом и злостью выкрикнул он.

— Неужели? — притворно удивился Гюнтер. — С каких пор мужчины хранят свои деньги в женских сумочках и носят драгоценности? Или ты не мужчина а женщина?

— Аннелиза — моя жена! Значит, всё что у неё есть — принадлежит мне! — заявил Мартин, пытаясь незаметно подобраться к двери.

— Вот тут ты ошибаешься, скотина! Во-первых, вы женаты только юридически. Фактически, она разведётся с тобой через пару дней. Во-вторых, только такой ублюдок как ты станет грабить собственную жену чтобы иметь деньги на выпивку и шлюх! Ты — бесполезное животное, понял? Все деньги и драгоценности здесь, как и сам дом, заработала только Аннелиза, а ты лишь прожигал и просирал всё что она тебе давала! Удивляюсь, как ты мог заделать ей такого хорошего парня как Роланд? — покачал он головой в изумлении.

— Этот щенок мне не сын! Эта шлюха родила его от кого-то другого! — закричал хряк с бешеными глазами. — Да за то что я позволил ему жить с нами, эта тварь должна отдавать мне все свои деньги на коленях! Сука! — забился он в яростной истерике.

Гюнтер не сдержался и со всей силы ударил его сапогом в живот. Проклятый хряк! Посмел назвать его Аннелизу шлюхой, тварью и сукой? Такую красивую, добрую женщину?! Тот всхлипнул и закрыл живот руками, по которым Гюнтер и попал во второй раз. С трудом сдержавшись, он остановился, напоследок подарив толстяку ещё пару ударов. Нанести ему сильные травмы он не боялся, жировой слой этой свиньи сыграл роль амортизатора. Схватив его за шиворот, Гюнтер приблизил его лицо к себе и зло зарычал:

— Слушай меня внимательно, урод! В этом доме ты сегодня в последний раз. Если я ещё узнаю что ты снова тут появился — убью! И никто меня не посадит, потому что мне доверяют люди на самом верху партии! Это не предупреждение, а именно угроза! Дальше. К Аннелизе тоже не приближаешься и даже не звонишь, ясно? Я буду следить за тобой и если увижу тебя рядом с ней, то позавидуешь узникам концлагеря! Всё понятно?

Тот испуганно закивал головой и попытался встать.

— Куда, сука?! Я тебя ещё не отпускал! Быстро вытаскивай все деньги и драгоценности! Потом я тебя обыщу, и если найду хотя бы пфенниг то сломаю палец! Какой предпочитаешь? — снова зарычал Гюнтер.

Хряк суетливо опустошал свои карманы и вскоре Гюнтер смотрел на довольно внушительную сумму на полу, не меньше нескольких тысяч рейхсмарок, плюс кучка драгоценностей. Не доверяя Мартину, Гюнтер сам обшарил всю его одежду и ничего не нашёл. Удовлетворившись наказанием, он за шиворот помог хряку встать, открыл дверь и потащил тушу к выходу, сопровождаемый Катариной и, уже успокоившейся, именинницей.

— Гюнтер, ты в порядке? — с тревогой спросила она, испуганно смотря то на него то на бывшего мужа.

— В полном порядке! — ответил он, продолжая тянуть толстяка к двери. — А вот Мартин, такая жалость, несколько раз споткнулся, ушиб живот... Но ничего, скоро пройдёт. Верно? — мрачно улыбнулся он своей жертве. Тот быстро закивал.

Распахнув дверь, он увидел Лауру, которая как раз открывала дверь "Опеля" чтобы вылезти из машины. Она увидела его и застыла от удивления. Гюнтер улыбнулся ей, протащил хряка мимо машины и с удовольствием толкнул вперёд, так что тот растянулся на тротуаре. Мартин быстро вскочил, отбежал подальше и прокричал:

— Я знаю почему ты её защищаешь! Хочешь стать её любовником и сам завладеть её деньгами! У тебя ничего не получится, понял? Я найду на тебя управу, мерзавец! Буду жаловаться самому рейхсфюреру!

Гюнтер сделал вид что подобрал камешки собирается кинуть в него. Толстяк тут же заткнулся и ринулся бежать, свернув в переулок. Полностью успокоившись, он обернулся к Лауре и женщинам, улыбнулся и сказал:

— Вот и всё, Аннелиза, больше он тебя не побеспокоит. А если, всё-таки, осмелится... ты только скажи. Я проведу с ним повторную беседу, для закрепления.

Аннелиза, с ещё мокрыми щеками, подошла к нему и тихо сказала:

— Спасибо, Гюнтер... Мы с Катариной этого не забудем! Правда? — она обернулась к подруге. Та улыбнулась:

— Конечно, дорогая. Даже не сомневайся!

Потом она подошла к Лауре и сказала, глядя ей прямо в глаза:

— Милая, твой Гюнтер — самый настоящий герой! Пожалуйста, береги его и не вздумай никогда ругать! Иначе потом жалеть будешь всю жизнь... Мы обе с Аннелизой, искренне желаем вам счастья! И почаще будем встречаться, верно, Лаура?

— Конечно, мы же теперь подруги! — подтвердила Лаура, с любовью глядя на него. Попрощавшись с женщинами и Роландом, Гюнтер, наконец, уселся за руль и тронулся с места. Он почувствовал как её ручка провела ему по плечу и посмотрел на неё.

— Сегодня вечером, мой герой, тебя ожидает награда! — и многообещающе облизнула губы.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

23 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

Уже третий круг Саша бежал по привычному маршруту вокруг лагеря, с удовлетворением чувствуя что силы пока ещё есть. Вчерашнее перенапряжение не прошло зря, ноги болели, бок кололо но, пересилив себя, он старался не отставать. Вчера смог, значит и сегодня должен выдержать! Главное, не падать! А если, всё-таки упал, вставать и бежать дальше.

...Прошлым вечером он слегка стухнул когда к нему под села его группа. Решил что будут наказывать за слабость. К счастью, обошлось. Заодно и познакомились. Александр вкратце рассказал о себе, они ответили тем же.

"Филин" — командир группы. Среднего роста, коротко стриженный крепыш с серьёзным взглядом. Прозвище дали из-за того что в темноте видит лучше всех. Особенность зрения у него такая или что, сам он не распространялся. Костромич. Настоящее звание так и не сказал. Не любитель болтать попусту.

"Заяц" — самый маленький в группе, но очень быстрый и выносливый. Балагур, любитель анекдотов, в том числе и похабных. Любит часто поигрывать своей "финкой", виртуозно ею владеет. Одессит.

"Боцман" — заместитель командира. Скорее всего, из моряков, иногда использует морские выражения. Чуть выше среднего роста, есть усы. Один из тех кто нёс его вчера по тропинке, помогая пройти дистанцию. Откуда-то из-под Архангельска.

"Иваныч" — мужик лет тридцати пяти, с могучими руками и хитрыми глазами. Вечно подтрунивает над "Зайцем", устраивая ему мелкие пакости, вынуждая того отвечать. По его словам, родом их Хабаровска, но это не точно.

"Лесник" — спокойный, тридцатилетний мужчина с прямым, честным взглядом и приятным голосом. Тоже один из тех кто вчера помог ему. По намёкам других, отличный ходок по лесу, умеет различать голоса птиц, а некоторых даже копировать. Читает следы. Белорус.

"Хохол" — улыбчивый парень, на вид совсем молодой. Верный товарищ "Зайца", который всегда его поддерживает в шутках и спорах с "Иванычем". Хорошо разбирается в рации и тоже поклонник холодного оружия. Черниговец.

"Казах" — невысокий, худощавый, с характерными узкими глазами, скорее всего, снайпер. Почти всегда молчит, на подколки не отвечает, часто задумчив. Очень выносливый и хладнокровный.

"Бомба" — на вид, неторопливый мужик за тридцать. Совершенно обычный, в меру весёлый, в меру спокойный. Никаких особых примет нет. Видимо, сапёр, но тоже не факт. Сталинградец.

Ну и он, "Засоня".. Словом, настоящий интернационал. Саша не знал коммунисты они, комсомольцы или беспартийные. По идее, часть секретная, значит, должны быть хотя бы комсомольцами... Правда, ему без разницы.

Вроде, все нормальные ребята. Сказали, что для новичка он пробежал неплохо. Сила

воли у него тоже есть. Будем служить вместе! Вчера вечером, перед самым отбоем, он выглянул в окно и ему вдруг показалось... что он увидел вдалеке Катю! Хотя, это естественно, бред... Как она могла быть тут? Да и зачем? Похоже, у него глюки были от перенапряжения. Однозначно!..

...Вынырнув из своих воспоминаний, Саша оглянулся. Как обычно, все бежали вместе, не отставая. Конечно, для них это уже стало рутинным забегом и они втянулись, в отличие от него. Он заметил что группы подбегают к последнему углу, потом будут ворота и четвёртый круг, а после него и пятый. Дышать равномерно, спокойно, отрешиться от гудящих ног..

...Очнулся он от того что снова упал. На этот раз его тут же подхватили под руки и поставили на ноги. Кто это? "Бомба" и "Хохол". Первый ободряюще хлопнул по плечу, второй улыбнулся и подмигнул. Они верят в него. А раз так, он не имеет права снова подвести их.

— Последний круг! Держись, Засоня! — сказал "Заяц", пробегая мимо. Вот уж кому бе это прогулка! Даже не вспотел, косой..

...Добежал! Он всё-таки добежал! Сам! Его не притащили! Сильнейшая радость и гордость за себя охватила Александра когда все группы готовились к завтраку. Ноги по-прежнему корежило, в горле хрипело, сердце старалось вырваться из грудной клетки но всё это было неважным... Главное, он выдержал проклятую "пятёрку"..

... — Как вы все знаете, это — германский пулемёт "МГ-34". Основной пулемёт немецкой армии. Дальность и скорострельность вы уже тоже знаете... Конечно, если никто не спал в это время... — уточнил инструктор и окинул взглядом курсантов. — Очень хороший аппарат. Расчёт — три человека. Назовите способы его уничтожить. Кто?

— Разрешите? — тут же вскочил один из курсантов. Саша его ещё не знал.

— А, Самовар? Ну, давай... — разрешил инструктор.

— Если он без пехотного прикрытия, то надо давить его плотным огнём из разных мест. Дождаться, когда расчёт начнёт менять ствол и атаковать. Потом... — пытался продолжить курсант, но был перебит:

— Расчёт расположен в дзоте, на невысоком безлесном холме. Ваша группа, в количестве трёх человек, вооружена винтовками "Мосина", не снайперскими!.. и одним автоматом ППД. Расстояние между вами — сто метров. Ваши действия?

— Э... — слегка замялся курсант, но тут же снова начал отвечать: — Автоматчик, короткими очередями, отвлекает расчёт, часто меняя позиции, сдвигаясь на несколько метров в разные стороны. Стрелки обходят его с разных сторон, чтобы забросать гранатами..

— Один из расчёта лежит за дзотом и выполняет роль наблюдателя... — снова перебил инструктор. — Он замечает двух стрелков и предупреждает об обходе. Расчёт вытаскивает пулемёт наружу и открывает по ним огонь. Ваши действия, курсант Самовар?

Несколько секунд размышлений и тот выдаёт ответ:

— Тот стрелок, по которому ведёт огонь пулемётчик, занимает ближайшее укрытие и вступает с ним в перестрелку. Пользуясь этим, второй стрелок и автоматчик резко сближаются с дзотом..

— Наблюдатель, выполнив свою задачу, метким выстрелом из своей штатной винтовки убивает второго стрелка, бегущего к ним, и вынуждает автоматчика залечь! Ваши действия? — снова усложняет задачу инструктор. В зале начинается шёпот, курсанты пытаются подсказать своему товарищу варианты ответа.

— Разговорчики! — рывкает инструктор. — Повторяю, ваши действия?

"Самовар" лихорадочно пытается найти решение, глаза невидяще смотрят вперёд. Он сейчас там, возле дзота..

— Автоматчик, пользуясь низкой скорострельностью наблюдателя, вскакивает и бежит к нему, каждые две-три секунды бросаясь в стороны, при этом пытаясь вести огонь, заставляя наблюдателя нервничать и мазать... — предлагает курсант решение.

— Автоматчик, почему-то решивший что он заяц, ранен в левую руку опытным наблюдателем. Расстояние между ним и дзотом сократилось до двадцати метров! Расстояние между первым стрелком и пулемётом — тридцать метров! Ваши действия? — не отстаёт инструктор.

— Стрелок, пользуясь тем что расчёт меняет перегревшийся ствол, бежит вплотную к нему и кидает гранату с задержкой, одновременно падая на землю. Автоматчик, вырвав чеку гранаты зубами или об мушку автомата, тоже кидает гранату, вынуждая наблюдателя залечь. Если тот выживает при взрыве, автоматчик врывается на позицию и расстреливает врага в упор, пользуясь его состоянием контузии или ранения!

Инструктор молчит. Все курсанты тоже молчат, затаив дыхание.

— Допустим... — наконец, говорит инструктор. — Но это если не учесть маленькие детали, которых всегда много в любом бою. Вот только та ситуация, которую я вам рассказал, бывает очень редко. Пулемёт — основа огневой мощи немецкого отделения. И он может оказаться без пехотного прикрытия только в исключительных случаях, так как немцы прекрасно понимают его ценность. Более того, все выжившие в отделении, скорее всего, будут группироваться именно возле расчёта, так как он даёт им дополнительные шансы выжить. Исключения составляют лишь если расчёт оставлен в качестве прикрытия отступления или смены позиции отделения, но даже в этом случае его всегда будут подстраховывать. Так же немецкий пулемётный расчёт может состоять и из двух человек. Всем понятно?

— Так точно! — слитный возглас оглушил Сашу.

— Все свободны! — говорит инструктор и орава бойцов быстро выходит из класса.

Новый урок, и Саша с нетерпением ждёт новых знаний.

... — Нож — отличное оружие для бесшумного снятия часовых и ближнего боя. Не требует боеприпасов, лёгкий, занимает мало места. Как вы знаете, им можно пользоваться разными способами. Сегодня мы будем изучать метание ножа. Это необходимо если вы не можете подобраться к противнику вплотную. Возьмите свои ножи... вот так как я показал! Повернитесь к мишени... Бросок!

Раздался дружный стук о деревянную поверхность. Почти все ножи воткнулись в мишени, кроме двух курсантов... и, конечно, Саши.

— Что ж, неплохо, если не считать Засоню, Хохла и Лесника! — хмыкает инструктор. — Незачем размахиваться как будто вы собираетесь закинуть нож на Луну. Он там не нужен, поверьте! Движения должны быть скупыми и экономными. На позицию! — скомандовал он группе "Филина". — То что мы делаем — это только начало. Со временем вы сможете не только просто попадать в цель, но и делать это в движении, сидя, лёжа! Метать ножи в сумерках, темноте и даже на звук! И при этом не просто попадать в тело но именно туда куда нужно! Запомните это, курсанты! А теперь — бросок!..

... На новом занятии очередной преподаватель его удивил. Он некоторое время смотрел на класс, а потом спросил:

— Поднять руку тем кто воевал против белофиннов!

Из почти восьмидесяти человек руки подняли примерно пятнадцать. В том числе, "Филин".

— Неплохо, неплохо... — протянул преподаватель. Заложив руки за спину, он стал неспешно прохаживаться между столами. — А теперь расскажите мне, как вы оцениваете эту короткую кампанию со своей точки зрения. Это вопрос именно к участникам событий! И приказываю говорить откровенно! Даже если это расходится с официальной точкой зрения... Филин!

— Валерий Александрович... — начал командир группы. — Я считаю что произошла недооценка противника. Войска были не готовы к вражеской тактике ведения войны.

— Подробнее! — потребовал преподаватель.

— Нам внушали что финны — маленький и слабый народ. Что они разбегутся от вида наших танков. Говорили, что финские рабочие и коммунисты восстанут и свергнут правительство. Да много что ещё нам твердили политруки... — со злостью махнул он рукой. — Я хочу конкретно сказать... Не хватало тёплой одежды, еды, медикаментов. Всё это тащилось где-то сзади, когда нужно было нам впереди! Но главное, наши командиры и генералы не умели воевать! Гнали нас на проклятые "Лахти" и "Максимы", а потом раненые, и те кто выжил, замерзали в снегу! Пускали танки, а "лопари" забрасывали их бутылками с горючей смесью. Везде мины понатыкали... снайперы ещё эти... В общем, обосрались в самом начале! — закончил он.

Некоторые из курсантов, участников войны, его поддержали, но основная масса молчала. Или были не согласны, или боялись поддержать эти "паникёрские" высказывания. Преподаватель некоторое время смотрел на них и потом спросил:

— Кто ещё что-то хочет добавить?

Неожиданно, даже для самого себя, Саша поднял руку и встал под удивлённые взгляды окружающих:

— Разрешите мне, Валерий Александрович?

— Засоня? Ты разве воевал там? — удивился преподаватель.

— Никак нет! Но у меня там был один друг... — придумал Саша на ходу. — Он много мне рассказывал и я кое-что понял.

— Что ж, расскажи что ты там понял? — разрешил Валерий Александрович.

Александр проглотил внезапно возникший тугой комок в горле.

— Филин всё правильно рассказал... Я хочу дополнить некоторые дела. Дело в том, что финны уже были готовы к войне. Они заранее знали где и как мы нападём. Всё подготовили и ждали. Заранее произвели мобилизацию, призвали в войска лесников, охотников. Да и вообще все эти леса, озёра они знали как свои пять пальцев, это же был их дом. Поэтому и сражались за него изо всех сил. Боевой дух у них был очень высокий. К тому же они презирали нас и верили что смогут победить с помощью англичан, французов и немцев. Я считаю, что учитывая театр военных действий, туда надо было бы послать части сформированные из сибиряков, которые могут воевать в зимних лесах не хуже финнов. Подготовить мобильные группы лыжников-автоматчиков с проводниками, которые живут в Карелии.

Люди снова сдержанно начали переговариваться, обсуждая его слова, но преподаватель громко сказал:

— Тихо все!

Дождавшись тишины, он снова заговорил.

— Я согласен с вами. Уверен, сделай мы хотя бы половину того что вы сказали, потери были бы меньше. Но увы, прошлое изменить невозможно никому.

Насчёт этого Саша бы с ним поспорил но благоразумно промолчал.

— А теперь расскажите, зачем вообще, по вашему, была начата эта кампания? В чём был смысл? Опять ты, Засоня? Хорошо, слушаем тебя! — кивнул головой преподаватель и усмехнулся.

— Товарищ Сталин решил отодвинуть границу на Запад, чтобы обезопасить Ленинград и Мурманск. Даже предложил им обменять кусок территории взамен на это. Те не согласились, думая, что мы слабы, поэтому они и потеряли Выборг и другие земли. Сами виноваты! — твёрдо сказал Саша, тем более он и сам так думал.

— Верно! — поддержал его Валерий Александрович и обвёл взглядом своих слушателей. — Конечно, участвовать в политике нам не доведётся, но хотя бы вкратце, понимать что и как в мире происходит, вы обязаны! Это нужно чтобы вы понимали логику и намерения врага, с которым столкнётесь в будущем.

— Валерий Александрович, разрешите вопрос? — вскочил с места один из курсантов. — Только он очень... — парень замялся.

— Провокационный? — усмехнулся преподаватель. Тот кивнул. — Хорошо, слушаю?

— Я был в числе тех кто в прошлом году входил в Прибалтику и видел как они там живут... Аккуратные домики, чистые улицы, опрятные люди... Даже рабочие и крестьяне там живут лучше наших... Почему так? — с болью спросил курсант. — Нам говорили что они там изнывают под гнётом буржуев и капиталистов, но я не заметил большой радости на их лицах, когда общался с ними. Было чувство что мы для них нежеланные гости. Да, были и те кто дарил нам цветы, обнимал... Но их было намного меньше остальных.

— Хороший вопрос, курсант... — задумчиво сказал преподаватель. — Что ж, я отвечу на него, хотя некоторым из вас будет неприятно слышать такое. Но это правда, и нельзя засовывать голову в песок, прячась от неё. Только учтите, такие вопросы вы можете задавать только здесь. Иначе вас обвинят в паникёрстве, пораженчестве и выкинут не только из лагеря но и... — он недоговорил. — Уверен, что наверняка среди вас найдётся тот который после этого напишет рапорт руководству лагеря с просьбой принять меры против политически неблагонадёжного преподавателя... Что ж, это ваше право..

Сдержанный гул негодования наполнил класс. Валерий Александрович поднял руку и шум быстро утих.

— Всё дело в том, что эти три маленьких страны были нужны нам из-за стратегической безопасности. Не введи мы туда свои войска, это сделали бы немцы. И граница к Ленинграду проходила бы намного восточнее чем сейчас. Образно говоря, Прибалтика и та территория, которую мы отвоевали у финнов — это предполье для будущей войны. То есть, благодаря тому что граница отодвинулась, у нас прибавилось населения, ресурсов и возможность обезопасить колыбель революции в случае наступления на город. К тому же не забывайте про несколько портов для нашего Балтийского флота. Да и вообще, раньше эти земли были в составе Российской империи, обильно политы русской кровью, поэтому товарищ Сталин правильно сделал что ввёл в Прибалтику наши войска.

Преподаватель замолчал, прошёлся между рядами и снова заговорил:

— Это насчёт стратегии. Что же касается образа жизни... тут всё сложнее. Дело в том, что все волнения и великие испытания, которые перенесла наша страна после гражданской

войны мало затронули три этих маленьких государства. Там, в основном, всё было тихо. Пока мы сбрасывали царя и боролись с интервентами, Прибалтика просто сдалась и не рыпалась. Знаете, это даже в чём-то логично... — усмехнулся Валерий Александрович. — Если ты маленький то и спрос с тебя такой же, понимаете? В принципе, у них и выбора не было. Только лечь под сильного. Поэтому они и не тратились на оборону, не надрывали жилы, поднимая разрушенное хозяйство. У них и так оно было почти целым. В результате, даже рабочие и крестьяне жили намного лучше чем наши, не говоря уже о всяких обывателях и фабрикантах. Поэтому, когда пришли мы, с нашими колхозами и коммунизмом, они начали бояться что у них всё это отнимут и поделят на всех. Естественно, этого они не хотели, вот и не радовались нашим бойцам и командирам. Представьте... у вас несколько коров, лошадей, свиней, другой живности, ты катаешься как сыр в масле... и вдруг приходят русские и говорят... "Давай всю свою живность в колхоз! А себе оставь только по одной скотине!" Это я образно, конечно. Понравится вам такое? Сомневаюсь. Вот и им не понравилось..

Группы угрюмо молчали. Видимо, раньше не задавались вопросом как их действия смотрятся с другой стороны, подумал Саша. А это нужно, чтобы понять мотивацию врага и не удивляться потом почему это немецкие рабочие и крестьяне с радостью воюют против своих советских классовых коллег. Хочешь понять врага — думай как он!

— Валерий Александрович, разрешите ещё вопрос? — поднял руку ещё один курсант. — Я хотел спросить про Антоновский мятеж..

Преподаватель улыбнулся, видимо, ему нравился живой интерес парней к его предмету. Он посмотрел на свои часы и нахмурился.

— Так, время занятия окончилось. На тему этого мятежа поговорим завтра. Там всё не так однозначно как думается... Все свободны!

Люди встали и пошли на выход, возбуждённо переговариваясь. Было видно что им интересно и тема урока зацепила курсантов. Саша, выходя одним из последних, удовлетворённо подумал что, несмотря на жёсткую пропаганду, люди, которые видят дальше своего носа, всё-таки есть!

Берлин. Кабинет рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

23 апреля 1940 года.

Генрих Гиммлер.

— Извините, рейхсфюрер, что вас отрываю, но пришёл доктор Венцель из клиники Шарите. Говорит, что вы его вызвали! — доложила Хедвиг, войдя к нему в кабинет. Он поднял глаза и залюбовался своей секретаршей-любовницей. Сегодня она надела пышную белую блузку с кружевами, которая, наверное, из-за жаркой погоды, была расстёгнута сразу на две пуговицы. Строгая, серая, обтягивающая юбка ниже колен с вырезом сзади, подчёркивала её бёдра и попку.

— Пусть заходит... Хеди, подожди! — сказал он, когда девушка повернулась к выходу. Та вопросительно оглянулась, а Генрих вышел из-за стола и подошёл к ней. Хедвиг улыбнулась и опустила глаза от смущения. Он притянул её к себе и поцеловал в губы, почувствовав вкус помады. Она несмело ответила. Гиммлер знал что не имеет права терять время на такие приятные моменты, но не мог и не хотел себя ограничивать. Да и зачем? Ничего не случится если этот доктор посидит ещё несколько минут.

Поцеловавшись ещё немного, он всё-таки оторвался от неё, несмотря на настойчивые желания тела о продолжении. — Сегодня вечером задержись после работы, хорошо, милая? — низким от желания голосом сказал Гиммлер, отстраняясь от неё. Та быстро кивнула, пытаясь успокоить дыхание и поправляя одежду.

— Впустишь его через пять минут... Ещё не хватало чтобы он увидел последствия твоего появления... — указал он на бугор в своих форменных штанах. Хедвиг, увидев это, прыснула от смеха, довольно блеснула глазами и неторопливо вышла из кабинета, специально виляя бёдрами. Гиммлер только головой покачал от такой шалости подчинённой.

Посидев несколько минут и успокоившись, он хотел сам позвать доктора, но дверь открылась и Венцель самостоятельно вошёл в кабинет. Коротко стриженный, с ярко выраженным носом, он вызвал у Генриха подозрение не является ли тот евреем. Возможно, у него в роду были евреи?

— Хайль Гитлер! — вытянувшись, прокричал доктор, вскидывая вверх руку. Гиммлеру пришлось встать и он ответил на приветствие гостя.

— Здравствуйте, доктор. Садитесь, пожалуйста! — пригласил его Генрих.

— Спасибо! — ответил тот, осторожно присаживаясь к столу. На несколько секунд повисло молчание.

— Доктор, я прочитал вашу папку о оберштурмфюрере Гюнтере Шольке. Честно говоря, кое-что я не совсем понял... Поэтому и пригласил вас к себе... — начал он.

— Я готов дать вам все пояснения, герр Гиммлер! — отозвался Венцель, во все глаза глядя на него.

— Не сомневаюсь, доктор, не сомневаюсь... — ответил Генрих. — Скажите, такое быстрое восстановление после двух попаданий Шольке в вашу клинику на самом деле невозможно? Или это только ваше личное мнение?

— Герр Гиммлер, я вас заверяю, такое абсолютно невозможно! — категорично сказал Венцель. — Поверьте, в моей долгой практике я видел сотни, может, тысячи разных ран, увечий, травм... И все они заживали так как и должны были заживать! Дело в том что регенерация у всех людей почти на одном уровне. Возможно, конечно, что у кого-то чуть быстрее, если человек силён, и у него крепкий иммунитет, но разница всё равно очень маленькая. В случае Шольке.. — Венцель покачал головой... — тут совсем другое! Скорость его восстановления просто потрясающая! И это притом что он, попав под машину, вместе со своим другом, получил тяжелейшие травмы! Я вообще опасался что он останется калекой. У него было сотрясение мозга, сломано несколько костей, не считая других повреждений тела, представляете?! А он уже на следующий день выглядел как будто с велосипеда упал... Такого просто не бы-ва-ет! — твёрдо сказал доктор.

— Понятно... — с задумчивым видом ответил Гиммлер. — Тогда почему вы его выпустили так рано? Сказали бы что он ещё болен..

— Я и хотел так сделать, герр Гиммлер! — буквально воскликнул Венцель. — Но сглупил... Когда позвонило его начальство и спросило о его самочувствии, я сказал правду, что Шольке почти здоров. И они велели мне поскорее его выписывать. После этого я опомнился, но было уже поздно... — он сокрушённо развёл руками, показывая что донельзя огорчён своей ошибкой.

— Скажите, были ли ещё какие-нибудь странности в его поведении? Словах? — снова спросил Гиммлер.

— Странности? — переспросил доктор, в свою очередь задумавшись. — Дело в том, что я не знаю каким он был до ранения, поэтому не могу сравнить. А так, вёл себя спокойно, шутил... Мы с ним даже расстались по-дружески.

— Ясно. В папке написано что через несколько дней Шольке снова попал к вам, после пожара, когда спас много людей. Это верно? — переключился Генрих на другой вопрос.

— Да, верно! — согласился Венцель. — В ту ночь его привезли к нам без сознания. Кожа в нескольких местах обгорела, он надышался дымом, но главное, в его ноге торчала какая-то железка, видимо, осколок чего-то вонзился в ногу. Его оперировал мой коллега, доктор Хоффман, по его словам он тоже ни разу ничего подобного не видел. Ему показалось что организм парня живёт своей жизнью, как будто самостоятельно борется за жизнь. Герр Гиммлер, я понимаю, это звучит дико, более того — антинаучно, я бы сам ему никогда не поверил, но... когда видишь это вживую... трудно не верить своим глазам!

Заинтригованный Генрих встал из-за стола, рукой остановил Венцеля, когда тот попытался сделать то же самое, и стал прохаживаться по кабинету. Внезапно он повернулся и внимательно посмотрел на доктора:

— Вы брали его образец крови?

— Да, герр Гиммлер! — ответил Венцель. — Вот только мне это ничего не дало... На первый взгляд его кровь обычная... Но... — он задумался, пытаясь сформулировать свою мысль... — что-то в ней странное... Но что именно, я не знаю. Плазма и клетки ведут себя не совсем привычно... и их больше чем у обычного человека. Тут нужны исследования, но... я не могу закрыть его и изучать. Возможно, вы сможете приказать ему? — с надеждой спросил он. Гиммлер кинул на него взгляд:

— Я подумаю над тем что тут можно сделать! Подождите... — внезапно осенило Генриха... — вы сказали что в аварию он попал вместе со своим другом? Тот умер?

— Нет, он тоже.. — Гиммлер с удивлением смотрел как взгляд доктора стекленеет, а челюсть медленно отвисает:

— Что с вами, доктор?

Тот потрясённо проговорил:

— Боже мой, какой же я кретин... Как я мог забыть про его друга? Моя старая, забывчивая голова! — в отчаянии схватился за неё Венцель. — Вот же старый дурак! Ну конечно, их же было двое!

— Объясните мне, чёрт возьми, что вы имеете в виду? — потребовал Гиммлер, пытливо глядя на доктора. Тот ответил ему горящим от возбуждения взглядом:

— Их действительно было двое во время той аварии! И, представляете, у них обоих было одно и то же! В смысле, травмы были разные, но заживали они одинаково! Понимаете? То есть, эта особенность была не только у вашего офицера но и у его друга! Как такое может быть?

Гиммлер, охваченный азартом ищейки, отрывисто спросил:

— Что вы знаете о его друге? Как его зовут? Где живёт?

— М... — нахмурился Венцель... — он полицейский. Его зовут... Краузе! Точно! Дитрих Краузе!

— Надеюсь, хоть его вы додумались задержать для лечения? — с предвкушением спросил Генрих. Но слова доктора убили его надежду:

— Додумался... — ответил Венцель. — Но это не помогло. Вечером, после того как я сообщил ему что оставляю на дополнительное лечение, он сбежал из клиники... —

удручённо признался доктор. Гиммлер скрипнул зубами от злости.

— Вы забыли запереть палату? — ядовито спросил он, пытаясь сдержаться и не наорать на этого глупого докторишку с еврейским носом.

— Нет, я запер её, поверьте! Более того, поставил возле неё санитаря чтобы тот не выходил из палаты, по совету Шольке. Но Краузе связал медсестру, когда та пришла за посудой от ужина, потом обманул санитаря и пустился бежать. Тот пытался догнать его, я и сам хотел помешать ему но... не получилось... — огорчённо закончил Венцель, опустив глаза вниз.

Гиммлер постарался успокоиться, но выходило плохо. Подумать только, этот болван-доктор упустил двух таких необычных пациентов! Да он зубами должен был держаться за них! По крайней мере, за этого Краузе! Да, задержать Шольке ему было бы непросто, особенно после того как сам сболтнул что тот почти здоров, но его друга он упустил только по своей глупости! Стоп..

— Доктор, вы сказали, что Шольке сам предложил вам запереть его друга в палате? — вперив взгляд в Венцеля, спросил он. Тот осторожно кивнул:

— Да, герр Гиммлер. Он сказал, что давно знает его и подозревает что тот захочет удрать из клиники. Сказать по правде, я не особо ему поверил и принял меры предосторожности лишь на всякий случай. Кто же знал что он такое выкинет? — воскликнул доктор в отчаянии. Интересно... Почему Шольке предупредил Венцеля о возможном побеге друга? Они поссорились? Или что-то другое? Дело становилось всё интереснее и запутаннее.

— Я так понимаю, сам Краузе был против ваших исследований на нём? — утвердительно спросил Генрих. Венцель подтвердил его мысль:

— Да, он сказал что не собирается становится лабораторной... хм, крысой и потребовал немедленно отпустить его. Я отказал. В результате, он сбежал... один из моих друзей потом сказал мне что какой-то человек, по описаниям похожий на Краузе, пытался попасть в советское посольство. Даже не знаю, верить в это или нет... — горестно вздохнув, снова загрустил доктор.

— Что ж, доктор... Теперь мне многое становится ясным... — подвёл итог Гиммлер. — Вам больше нечего мне рассказать?

Венцель задумался.

— Не знаю, будет ли вам это интересно... У Шольке сейчас роман с одной из моих медсестёр, Лаурой Блюм. Кстати, с той самой, которую связал Краузе, чтобы сбежать. По моему, они сейчас живут вместе... — предположил он.

— Вот как? — удивился Генрих. — С чего вы это взяли?

Венцель улыбнулся, глядя на него.

— Мне рассказала старшая медсестра фрау Кох. А ей, надо полагать, другие медсёстры. Вы же понимаете, там где работает много женщин, трудно удержать в тайне роман с одной из них. Разболтает сама или одна из её подруг.

Гиммлер, наконец, сел на место, приняв решение.

— Не смею задерживать вас, доктор Венцель. Насчёт вашей просьбы о Шольке, я подумаю. Всего вам хорошего! — попрощался с ним Гиммлер. Тот спешно встал из-за стола и так же быстро ушёл, пробормотав слова прощания и извинения за отнятое время.

— Хеди! — крикнул он. Через несколько секунд снова появилась его секретарша с лёгкой улыбкой. Впрочем, увидев что её шеф в деловом настроении, тут же приняла серьёзный вид.

— Слушаю, рейхсфюрер? — спросила она.

— Немедленно найди и вызови ко мне этого Шелленберга! — приказал Гиммлер, глядя на неё. Та склонила голову:

— Сделаю, рейхсфюрер! — она вышла из кабинета, на этот раз не пытаясь вилять бёдрами, понимая что ему сейчас не до этого.

Минут через пятнадцать в дверь постучали и в кабинет тихо вошёл Шелленберг.

— Вызывали, рейхсфюрер? — спросил он, закрыв кабинет.

— Да. Тебе новое задание, Вальтер. И не вздумай опять провалить его! — с угрозой сказал Гиммлер. С лица Шелленберга слетело веселье и оно приняло донельзя серьёзное выражение.

— Ни в коем случае, экселленц! Что надо делать?

— Первое! — начал диктовать Гиммлер. — Поедешь в клинику Шарите, опросишь там всех кто контактировал с нашим Шольке и его другом Дитрихом Краузе, после того как они попали туда примерно три недели назад. Как вели себя, что делали... Словом, всё! Второе! Разущи все сведения о его друге, этом Дитрихе Краузе. Если получится, найди его! Третье! Обязательно поговори с медсестрой клиники, по имени Лаура Блум. По сведениям, она теперь подружка Шольке. Одновременно узнай у неё, как смог сбежать из клиники этот Краузе. Что ещё? — спросил сам себя Генрих, глядя как Вальтер записывает его указания к себе в блокнот. — Пока всё. Выполняй, Вальтер!

— Слушаюсь, рейхсфюрер! Немедленно приступаю к исполнению! — сказал Шелленберг и так же тихо вышел из кабинета. Гиммлер остался один. Он хотел снова приняться за бумаги когда внезапно зазвонил его прямой телефон, которым пользовался только фюрер и его ближайшие соратники. С удивлением посмотрев на аппарат, Генрих снял трубку и сказал:

— Гиммлер у телефона.

— Генрих? — раздался в трубке отлично знакомый голос фюрера. — Я принял решение. Ты должен арестовать этого наглого предателя, польстившегося на английские фунты! Я хочу чтобы он визжал и умолял о пощаде на коленях, слышишь?!

— Так точно, мой фюрер! — инстинктивно вытянулся Гиммлер. — Но... кого вы имеете в виду? — с удивлением спросил он, гадая кто попал в немилость.

— Кого?! — переспросил Гитлер, задыхаясь от ярости. — Этого презренного Канариса! Сухопутного адмирала! И я хочу чтобы ты это сделал лично! Понял, Генрих?! — под конец фюрер буквально рычал. В голове Гиммлера воцарился настоящий хаос, но его голос дисциплинированно ответил:

— Уже выезжаю, мой фюрер!!

Осторожно положив трубку, Генрих провёл рукой по лицу, пытаясь понять что случилось, но решил не терять время. Раз фюрер велел арестовать начальника абвера, значит он арестует его. Всё остальное потом. Схватив фуражку с вешалки, он на ходу надел её, открыл кабинет и зашагал к выходу, мимо удивлённой Хедвиг.

— Рудольф, машину ко входу и двух офицеров с оружием туда же! — приказал он, выходя в коридор из приёмной.

— Слушаюсь, рейхсфюрер! — донеслось до него от стола адъютанта, стоявшего недалеко от секретарши.

"Ну что, старина Вилли, похоже, ты доигрался!" — улыбаясь, подумал Гиммлер, целеустремлённо спускаясь вниз.

Потсдам. Усадьба фон Мантойфель.

23 апреля 1940 года.

Баронесса Мария фон Мантойфель.

— Милая, расскажи мне, что с тобой случилось? Ты сама не своя в последние дни! — спросила Ребекка фон Нейбург, её подруга. Мария тяжело вздохнула. Они с Ребеккой сидели в гостиной и разговаривали. Та была встревожена её состоянием и усиленно пыталась узнать причину. Баронесса не знала что делать. С одной стороны, её прямо распирало признаться во всём и спросить совета, ведь Ребекке она доверяла полностью, самые тайные секреты. И та ни разу не подвела. Видимо, всё-таки, женская дружба иногда бывает. Держать в себе ТАКОЕ было очень трудно..

— Это из-за графа Шверина? — не унималась та.

— Что? — переспросила Мария, охваченная сомнениями. — А... Нет, дело вовсе не в этом! — отмахнулась она от подруги.

— Значит... дело в Гюнтере! — хитро прищурилась графиня. Взгляд баронессы заметался по комнате, руки начали поправлять волосы и платье. — Ага, я угадала! — воскликнула Ребекка. — Признаюсь, я была в шоке увидев его у тебя в спальне в таком виде... А как вспомню где была твоя рука... — покачала она головой.

— Боже, замолчи, пожалуйста! — вскрикнула Мария, закрыв лицо руками. — Я была не в себе, поверь мне! Сама не знаю как такое могло случиться..

— Мария, послушай меня! — взяла её за руку подруга. — То, что произошло... Теперь это уже не изменишь. Знаешь, я даже рада за тебя! — сказала графиня, посмотрев в сторону. — Ты так долго была одна. Может, уже хватит одиночества?

— Что ты имеешь в виду? — не поняла баронесса, глядя ей прямо в глаза. Подруга теперь внимательно смотрела на неё с лёгкой улыбкой. Почему-то она показалась ей одновременно радостной и... печальной. Ребекка глубоко вздохнула:

— Ладно, не буду ходить вокруг. Скажу прямо, по-мужски... Ты же знаешь что нравишься Гюнтеру? Я тоже это вижу, дорогая моя. Да это бы только слепой не заметил! Я, всё-таки, твоя подруга, Мария, и я знаю тебя давно! Вот сейчас смотрю на тебя и вижу что он тебе тоже очень нравится! Хотя, кого я обманываю? — тихо засмеялась она. — Признайся, милая... Ты ведь влюбила в него?

Не в силах выдержать внутреннее напряжение, баронесса вскочила с кресла и подошла к окну. Светило солнце, пели птицы, деревья тихо шелестели на лёгком ветру. Но она не видела всего этого великолепия природы. Внутри неё был раздрай. Мозг говорил одно, сердце твердило другое... Ребекка тоже встала, подошла к ней и обхватила за плечи.

— Мария, моя дорогая подруга... Ты можешь ничего мне не говорить. Или всё отрицать. Но саму себя ты не обманешь! И не убежишь никуда, запомни! Мужчины в таких ситуациях слушают разум... Но они мужчины, Мария! У них, кроме нас, есть долг перед страной, политика, спорт, война... А мы с тобой женщины. И для нас любовь значит гораздо больше чем для них. Вся наша жизнь — это ожидание любви. Ожидание того мужчины которого мы полюбим, и который, если повезёт, полюбит нас! Поэтому слушай сердце! Что оно тебе говорит?

Баронесса обернулась к ней, в глазах у неё были слёзы. Она обняла подругу и тихо заплакала. Та нежно погладила её по голове, пытаясь успокоить.

— Ребекка... — всхлипнула она... — я не знаю что мне делать. Сердце болит, оно хочет к нему, быть с ним рядом, слышать его голос, дыхание... А разум... он твердит что всё это невозможно! Я намного старше его, он почти ровесник моим дочерям! Он не аристократ, наконец! У нас нет будущего, понимаешь?! — с надрывом воскликнула она и снова залилась слезами. Они помолчали. Наконец, Ребекка почти успокоила лучшую подругу и баронесса затихла на её плече.

— Хочешь услышать моё мнение, милая? — спросила она Марию. Та смогла лишь кивнуть, не отрываясь от её плеча. — Да, твой разум во многом прав. Но... так ли это в твоём случае? Во все времена были примеры когда женщины были старше своих избранников. Более того, они были богаче и влиятельнее их. Даже королевы не избежали такой любви. Да, было много случаев когда их избранники пользовались этим, выманивая у влюблённых в них женщин, деньги, землю, слуг... да много чего! Но были и другие примеры, когда такие женщины поднимали мужчин до своего уровня и жили счастливо с ними, потому что у мужчины был твёрдый стержень! Нет, не тот, о котором ты могла подумать, дорогая! — захихикала графиня. — Я сейчас о душе, о принципах, которые есть у любого настоящего мужчины. И тогда деньги, власть и влияние его избранницы не ломали его, не превращали в какого-то альфонса, а лишь давали ему возможность помогать ей, стать опорой... и любить! Я знаю Гюнтера, в основном, по твоим рассказам и совсем немного лично! Но уже вижу что он — именно настоящий мужчина! Хочешь, скажу почему?

Мария снова кивнула, внимательно слушая подругу.

— Вот тебе несколько примеров! Он, не дожидаясь пожарных, ринулся спасать тебя! И это при том что даже не знал насколько ты богата и влиятельна. Да он вообще не знал что ты существуешь! Это значит что в его действиях не было никакого меркантильного расчёта! Мало? Хорошо, вот тебе ещё пример! После того как он очнулся, разве хоть заикнулся о награде за спасение аристократки? Нет! А ведь мог получить от тебя крупную сумму, я знаю, ты бы не поскупилась за спасение своей семьи... — разошлась графиня. — Дальше! Его реакция на твой подарок. Он принял машину после того как ты буквально насильно ему её впихнула. Более того, на дне рождения фюрера попытался вернуть её и искренне не понимал твоего возмущения, я видела это! Ему стало стыдно за своё желание вернуть эту машину! И наконец, последнее... — остановилась графиня, чтобы передохнуть от своей эмоциональной речи.

— То, что произошло тогда же... У него не было абсолютно никакой причины идти и спасать меня от Шверина. Я ему никто! Просто посторонняя женщина, о которой он тоже ничего не знал и увидел лишь у тебя в гостях. Гюнтер мог спокойно забыть про меня и веселиться дальше. А что же сделал он? Пошёл узнать не нужна ли мне помощь! И оказал её именно тогда когда мне она потребовалась! Сейчас я понимаю, если бы не он, то эта скотина меня бы изнасиловал... Ты меня знаешь не хуже чем я тебя, Мария! Теперь я всегда буду в долгу у него, потому что не из тех кто забывает своего спасителя. Что там ещё? Происхождение? Не смей меня, дорогая моя! В истории полно примеров выхода аристократок замуж за простолюдинов, особенно, в последнее время. Или ты боишься осуждения нашего круга? Не верю! Ты всегда поступала так как сама решала и плевать хотела что там о тебе думают наши напыщенные собратья. Не хуже меня знаешь, сколько из них гнилых пустышек. Снаружи мишура, а внутри ничего нет.

Графиня осторожно подвела Марию к креслу и та с облегчением уселась в него. Сама Ребекка села рядом. Было видно что та возбуждена своими словами и мысленно переживает

их. Она снова заговорила:

— И ещё кое-что я тут надумала. Сейчас таких мужчин как Гюнтер, не так много. К тому же, идёт война. Кто знает, сколько их останется после нашей победы над всеми врагами? А женщин и девушек, которые мечтают иметь рядом с собой настоящего мужчину, каменную стену, всегда много, и они могут оказаться гораздо менее щепетильнее и более решительнее чем ты. Если ты сейчас пойдёшь наперекор своим желаниям и отвергнешь его, то почти уверена что потом будешь страдать, видя как он обнимает и целует другую... на месте которой должна была быть ты! Я желаю тебе счастья, Мария. Я хочу чтобы ты улыбалась и смеялась рядом с ним! Чтобы твоя душа пела, а сердце билось от взаимной любви! Уже очень давно я мечтаю о том дне, точнее ночи, когда ты в своей постели не будешь одинокой. Да, отлично знаю твоё отношение к мужчинам после того случая... Но Гюнтер не такой! И ты сама это отлично понимаешь, милая моя! И прошу об одном... Просто открой для него своё сердце! Сдайся своей любви и почувствуй любовь от него! Потому что если ты побоишься или не захочешь это сделать, я буду тобой очень разочарована. Потом ты поймёшь свою ошибку но будет уже поздно. Так не делай же эту ошибку, прошу тебя! Иначе возьму и сама с ним роман закручу, поняла, подружка? — засмеялась Ребекка но, показалось Марии, как-то принуждённо.

— Я подумаю... — наконец, ответила баронесса, изрядно удивлённая страстной речью своей подруги. Раньше та не была таким оратором. Вместе с этим её охватила признательность к ней и стало тепло на душе. Как же Ребекка хочет чтобы она была счастлива! Настоящая лучшая подруга!

— Подумай, милая... Это твоя жизнь, и решать как дальше жить, должна тоже ты. Я дала тебе совет, высказала аргументы, но принимать решение... это твоё дело! — закончила лекцию графиня. — Кстати, а что мы тут сидим? — спросила она с весёлой улыбкой. — Погода отличная, пойдём погуляем в парке! А там ты кое-что мне расскажешь... — подмигнув, воскликнула она и, схватив Марию за руку, побежала к двери.

— Да подожди-же ты, сумасшедшая! — попыталась вырваться баронесса, но не смогла. — Ребекка!

— Ничего не хочу слышать! Вперёд, на покорение парка! — воинственно закричала её непоседливая подруга и с новой силой потащила Марию на улицу. Та лишь покорно вздохнула, чувствуя, как её губы расплываются в улыбке.

Берлин. Клиника Шарите.

24 апреля 1940 года.

Лаура Блюм.

— Лаура, к тебе пришли! — сообщила ей фрау Кох, когда девушка закончила убирать одну из палат. Лаура подняла глаза и посмотрела на посетителя. Это был довольно высокий офицер СС со смазливой внешностью красавчика и знаками различия штурмбаннфюрера. Она мысленно отметила что этот мужчина явно не испытывает недостатка в поклонницах. Возможно, раньше Лаура и сама бы поддалась его очарованию, но после того как влюбилась в Гюнтера, другие мужчины перестали для неё существовать. Поэтому, когда фрау Кох ушла, напоследок окинув их любопытным взглядом, она вежливо спросила:

— Здравствуйте, что вам угодно, герр штурмбаннфюрер?

— Здравствуйте, очаровательная фройляйн Блюм! — широко улыбнулся офицер. — Называйте меня просто Вальтер! К вашим услугам!

Но ни улыбка ни комплимент не заставили девушку доверять ему. После того как похожий на него офицер СС ворвался к ним домой вместе с двумя грубыми солдатами и арестовал Гюнтера, она прониклась к ним настороженностью и опаской. У неё возникло подозрение что этот красавчик снова пришёл что-то выяснять о её любимом Гюнтере и Лаура, во избежание того что может проговориться о чём-то важном и подвести его, решила отвечать максимально коротко.

— Я слушаю вас, герр штурмбаннфюрер! — строго ответила она, не поддаваясь на его провокацию. Ей показалось что улыбка этого Вальтера слегка поблекла, но тот быстро взял себя в руки.

— Меня зовут Вальтер Шелленберг. Я — офицер для особых поручений рейхсфюрера Генриха Гиммлера! — наконец, представился он. Услышав это, она поняла что была права. По мелким оговоркам Гюнтера девушка знала что Гиммлер чем-то недоволен её любимым и это чувство было взаимным. А значит, он ещё один из тех кто хочет навредить ему!

— Лаура Блюм. Чем могу помочь, герр штурмбаннфюрер? — тем же официальным тоном спросила Лаура. Офицер несколько секунд смотрел на неё и предложил присесть. В палате были две кровати и стол возле окна, Вальтер постарался сесть рядом с ней и она тут же отодвинулась. Мужчина сделал вид что не заметил этого.

— Лаура, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вы сможете на них ответить? — произнёс красавчик. Девушка поджала губы, ещё больше наполнившись к нему неприязнью. Сколько можно? Почему все эти эсэсовцы никак не отстанут от них с Гюнтером? Зачем мешают спокойно жить? Он же герой, награждён "Железным Крестом", спас много людей при пожаре! Что им всем нужно?!

— Я постараюсь, герр штурмбаннфюрер! — сухо ответила Лаура, про себя решив ничего не рассказывать ему о Гюнтере. Шелленберг внимательно посмотрел на неё и внезапно спросил:

— Наверное, вы думаете что я буду спрашивать вас о Гюнтере Шольке? — снова улыбнулся он, наткнувшись на её враждебный взгляд. Она ничего не ответила. — Если так то успокойтесь. Меня интересует другой ваш пациент!

Лаура с недоверием посмотрела на него. Какой ещё другой пациент? Может, он хочет обмануть её? Зря старается, ничего у него не выйдет!

— О ком вы говорите? — спросила она с удивлением.

— Я имею в виду друга Гюнтера Шольке, некоего Дитриха Краузе... — огорошил её красавчик. — Того самого, который попал к вам 5 апреля. И который связал вас когда решил сбежать из клиники. Помните такого?

Конечно, она помнила его. Весь какой-то взволнованный, нервный... Он вызывал у неё стойкую неприязнь, когда начал хватать девушку прямо в палате, а потом связал, засунув в рот её же собственную медицинскую шапочку. Как ей потом было стыдно смотреть на коллег, которые освободили её! Когда же Лаура рассказала об этом случае Гюнтеру, тот тоже рассердился, но потом вдруг улыбнулся. На мгновение девушке, почему-то, показалось что в голосе Гюнтера промелькнуло восхищение но она отбросила эту мысль. Разве возможно что он обрадовался бы тому что его друг так поступил с ней? Конечно нет! Это бред!

— Да... Я его помню... — задумавшись, подтвердила она.

— Что вы можете сказать о нём, Лаура? Он не показался вам каким-нибудь необычным? Станным? — живо заинтересовался красавчик. Девушка закусила нижнюю губу, смотря в пустоту и не видела с каким интересом разглядывал её Шелленберг.

— Он... был каким-то взвинченным... — наконец, ответила Лаура. — Как будто его что-то беспокоило. Я не знаю что именно, он не говорил... Но, думаю, это было для него очень важным.

— Так... Расскажите подробнее, как он смог сбежать? — снова спросил Шелленберг. События того вечера замелькали в её памяти хотя она старалась позабыть их. Это не те воспоминания, которые хотелось бы сохранить.

— Сначала он пытался уговорить меня чтобы я отдала его одежду, говоря что ему надо срочно уйти из клиники. Естественно, я отказала, ведь вся одежда пациентов лежит у старшей-сестры хозяйки и только она может выдавать её. К тому же та уже ушла домой. Да и доктор Венцель велел зачем-то закрыть его в палате... — говорила Лаура, вспоминая всё что тогда случилось.

— Что было потом? — не отставал Вальтер, что-то записывая в блокноте.

— Потом, когда я пришла за посудой, он набросился на меня, порвал форму и связал. И ещё... — она покраснела от смущения. — Ещё закрыл мне рот моей шапочкой... Извинился, сказал что был вынужден это сделать, и вышел... А потом я уже не видела что случилось, потому что лежала в палате и пыталась освободиться. Вот и всё... — закончила девушка.

— Понятно. Ещё вопрос... Вас не удивило что этот Краузе, кстати, и ваш друг Гюнтер, так быстро пошли на поправку? — внезапно спросил красавчик, впившись в неё взглядом. Лаура с удивлением посмотрела на него и задумалась. Конечно, она не была врачом, только простой медсестрой, не слишком опытной... Но, пожалуй, в самом деле что-то быстро они поправились. Хотя... может, так оно и должно быть?

— Я же не врач, герр штурмбаннфюрер... — ответила девушка. — Если и так, то тут вам может больше помочь доктор Венцель.

Офицер снова внимательно посмотрел на неё и отвёл взгляд, напоследок окинув им её ноги под халатом.

— Что ж, больше у меня к вам нет вопросов, Лаура! — сказал он, убирая блокнот в карман и вставая. — Но есть предложение... Что скажете насчёт похода в ресторан после

работы? — со своей широкой улыбкой спросил Шелленберг. Лаура тоже встала.

— Извините, герр штурмбаннфюрер, но у меня уже есть молодой человек! Если у вас больше нет вопросов, то мне пора работать. Фрау Кох не любит когда я сижу без дела. Всего вам хорошего и прощайте! — вежливо ответила девушка и вышла из палаты. Сегодня, после работы, она должна обязательно рассказать обо всём Гюнтеру! Возможно, это ему будет полезно..

Подмосковье. Учебный лагерь осназ НКВД.

24 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

— Здравствуйте, товарищи курсанты! — поздоровался с ними преподаватель Валерий Александрович, и получил дружный ответ. — Сегодня, как и обещал, поговорим о мятеже в Тамбовской области. Тема эта довольно болезненная для нас и партии, но подоплёку событий вы должны знать, чтобы понять причины и цели восставших!..

...Сегодняшнюю утреннюю "пятёрку" Саша опять едва осилил, через не могу. Последний, пятый круг, ему снова потребовалась помощь сослуживцев. Александру было стыдно, но он ничего не мог с собой поделаться, сил не хватило. С начала обучения прошло всего ничего, и организм не успел перестроиться к таким сильным физическим нагрузкам.

После завтрака — рукопашный бой, использование в качестве оружия самых разных предметов: песка, земли, камешков, кусков дерева... Потом сборка-разборка разных моделей пистолет-пулемётов, стрельба из них... Конечно, хоть Саша и стремился стрелять короткими очередями, оружие прыгало в руках и пули летели куда угодно но не в цель. Самый худший результат в группе! Просто пиздец... Он не мог смотреть в глаза своим товарищам, мысленно поклявшись как можно скорее овладеть техникой стрельбы и повысить точность. А ведь они просто стреляли с места, даже не в движении!

Затем новое занятие: звания и знаки различия "Вермахта", "Люфтваффе", "Кригсмарине" и СС. Все эти гефрайторы, фельдфебели и фаненюнкеры... Цвет лычек и погон разных родов войск и служб... Здесь ему было чуть полегче, благо он знал большинство немецких званий из памяти настоящего Дитриха. Повезло... и вот теперь они снова у Валерия Александровича..

... — Начну с того что до революции Тамбовская губерния считалась одной из самых богатых из-за своего чернозёма. Была, так сказать, житницей империи. Естественно, в отличии от многих других, тамбовские крестьяне жили лучше остальных... — начал рассказ преподаватель. — Главариами мятежа стали белогвардейский офицер Токмаков и эсэр Антонов..

— Так я и думал! — тихо пробурчал сидевший рядом с Сашей "Бомба". — Всегда эти беляки проклятые палки в колёса вставляют..

... — Причинами восстания стали, как ни трудно признавать, ошибки некоторых коммунистов, которые проводили там политику, не учитывающую местную обстановку. В 1920 году на Тамбовщине была сильная засуха, хлеба собрали намного меньше чем обычно. Но в планах подразвёрстки этого не учли. В результате, почти весь хлеб крестьяне были обязаны сдать государству! — преподаватель остановился и оглядел курсантов внимательным взглядом. В классе стояла гробовая тишина.

— Крестьяне оказались перед сложным выбором. Сдать весь собранный хлеб и умереть

с голоду. Или оставить его себе, перебив продотряды. Они выбрали второе. Это послужило последней каплей к взрыву недовольства. В августе жители сразу нескольких сёл отказались сдавать хлеб и начали вырезать коммунистов, чекистов и советские гарнизоны. Некоторые слабовольные красноармейцы сами переходили на их сторону. Таким образом, силы восставших начали быстро расти за счёт дезертиров и возмущённых крестьян. Представители партии на местах оказались застигнуты врасплох, упустили время для быстрой ликвидации восстания и не смогли принять нужные шаги. За это все они были наказаны. И я считаю — поделом! — твёрдо припечатал Валерий Александрович.

— Потому что они оказались некомпетентны и близоруки! Не вникли в ситуацию и пустили дело на самотёк. В течении последующих месяцев мятеж только разрастался, охватывая всё новые и новые территории. Спыхватившись, наша партия начала отправлять туда отряды для подавления, но те не смогли разбить мятежников, так как были малочисленны. Основные силы молодой советской страны в это время сражались против Врангеля и поляков, поэтому мятежники и смогли так долго сопротивляться. Но в 1921 году партия взялась за них всерьёз. Свою роль сыграла и амнистия восставшим. В конце концов, наши части смогли полностью разгромить "антоновцев", в том числе и с помощью химического оружия.

Саша был очень удивлён. Про то что восставших крестьян травили ядовитым газом он ничего не слышал. Неужели в интернете всё так и есть? В той жизни Александр не интересовался этим и теперь его неприятно поразили методы борьбы советской власти со своими же крестьянами. Правда, была мысль что Валерий Александрович намеренно сгустил краски. Но зачем? Посеять сомнения в советской власти? А смысл? Всё равно тут собрались верные комсомольцы и коммунисты, которые наверняка регулярно пишут на него доносы. Преподаватель не боится последствий для себя? Он помотал головой, убедив себя что это не его дело. Мысленно поставив себя на место крестьянина в такой ситуации, Саша понял что принял бы точно такое же решение. Отдавать свой выращенный хлеб государству, обрекая себя и свою семью на голодную смерть? Нет уж, пусть ищут дураков в другом месте! Зубами бы рвал продотрядовцев! Хорошо что он сам родился уже после развала коммунизма, а то продолжал бы наивно верить что советская власть всегда была белой и пушистой. Конечно, Российская империя и современная Россия тоже не сахар, тут он признавал это... Да и вообще, любая власть в России жестока. Но, может, она и должна такой быть?

— Разрешите, Валерий Александрович? — спросил с места один из курсантов.

— Разрешаю, Молот. Спрашивай! — ответил преподаватель.

— Я хотел спросить... На что надеялись восставшие? Неужели думали жить отдельно от нашей страны? Это же глупо! Всё равно бы их раздавили рано или поздно!

— На что они надеялись, я не могу сказать точно... — сказал Валерий Александрович, прохаживаясь между партами в своей излюбленной манере. — Наверное, хотели просто выжить. Но одного они добились. После этого мятежа власть отменила продразвёрстку и ввела фиксированный продовольственный налог. Что ж, занятие окончено, все на выход! — сказал преподаватель, выходя из класса, а Саша подумал что не мешало бы пообщаться с ним получше, ему было очень интересно узнать те страницы советской истории о которых старались не упоминать.

Там же. Чуть позже.

Кремень.

— Валерий Александрович, не могли бы мы немного поговорить с вами? — спросил Кремень, отведя преподавателя в сторону. Тот посмотрел на него своими умными глазами и слегка улыбнулся.

— Почему нет, Сергей Борисович? Но, мне кажется, я знаю о чём вы хотите со мной поговорить... — ответил тот, печально усмехнувшись.

— И о чём же? — с любопытством спросил начальник лагеря. Валерий Александрович вынул папиросы, закурил и с наслаждением вдохнул горький дым.

— Как обычно... Чтобы я не рассказывал о правде, которая позволит сомневаться в политике партии и лично в товарище Сталине. Верно? — не глядя на Кремня, спросил он. Тот улыбнулся, преподаватель ему нравился. Что-то в нём было основательное и честное. Такому, образно говоря, можно доверить спину в бою.

— Верно! — признался он. — Только сегодня семь анонимок прочитал. Про "антоновцев". Во всех написано что вы паникёрствуете и сомневаетесь в правильности курса партии.

— Всего семь? — хмыкнул преподаватель, продолжая наслаждаться папиросой. — Я ожидал большего, штук 10 а то и 15.. Что ж, значит наши ребята думают, а не просто тупые болванчики. Сколько всего уже накопилось?

— Больше сотни! — ответил Сергей Борисович. — В самом деле, Валерий Александрович, попрдержали бы вы коней? Я, конечно, не даю ходу всему этому, но мало ли?.. Не хочу лишиться отличного преподавателя и просто умного человека.

Преподаватель докурил папиросу и щелчком закинул её в урну. Которая стояла в метрах пяти от них. Кремень мельком подумал, получилось бы у него так же? Валерий Александрович повернулся к нему лицом и спросил:

— Сергей Борисович, вы же читали моё личное дело?

— Естественно. Это одна из моих обязанностей! — подтвердил Кремень, удивлённо посмотрев на своего подчинённого.

— Знаю. Тогда хочу кое-что пояснить вам, почему я, как вы иногда выражаетесь, нарываюсь. Я старый большевик, коммунист с 1920 года. Был среди тех кто штурмовал Зимний. Давил мятеж моряков в Кронштадте. Воевал против тех же "антоновцев". Проводил коллективизацию... Да много чего я делал! — махнул он рукой, доставая новую папиросу. Кремень видел что тот нервничает и удивился. За всё время службы, он видел своего подчинённого в таком виде, раза два.

— Понимаете, в чём дело... Партия для меня — всё! Благодаря ей я, третий сын в бедной крестьянской семье, вышел в люди. Я искренне верю что когда-нибудь, наши идеи распространятся по всему миру и, наконец, закончится непрерывная война с капиталистами и фашистами, и на Земле будет мир. Но... Вера в партию не закрыла мне глаза на её недостатки! На гнилых людишек, говоривших правильные речи и трескучие лозунги в которые они сами не верят! На все злоупотребления, которые совершают коммунисты на своих постах, пользуясь привилегиями. Я всё это вижу и пытаюсь бороться! Почему? Да потому что иначе, когда-нибудь, все эти недостатки накопятся, гнилые людишки-приспособленцы разложат партию и тогда... Тогда будет страшно, Сергей Борисович! Другие, честные коммунисты, видя это, разуверятся в партии, самоустранятся... и всё! Конец! Поэтому надо не скрывать свои ошибки, а наоборот, говорить о них, чтобы потом не повторять их! Чтобы люди видели, что возмездие настигнет всех, даже коммунистов, если

они предали свои идеалы! Чтобы было честно, понимаете!! — в конце он уже почти кричал, и Кремень оглянулся, опасаясь что их могут подслушать. Но вокруг, метров на пятьдесят, никого не было.

— Успокойтесь, Валерий Александрович, я вас понял! — попытался он унять подчинённого. Но тот ещё не закончил:

— Вот, например, вчера и сегодня... Вы бы знали как я был рад когда наши парни начали задавать вопросы... Это значит, им интересно! Они хотят знать правду! Не приукрашенную правду! И ещё... Как они будут сражаться с будущими врагами если не понимают что теми движет? Что думают враги? На что надеются? О чём мечтают? Чтобы знать врага — надо понимать его! Именно это я и хочу вдолбить в них! Чтобы не только слепо исполняли приказы, но и думали! Ведь иначе, зачем им голова? Чтобы пилотку носить? Так этого мало! — он помолчал, докуривая вторую папиросу и снова заговорил:

— Я ведь там, в Кронштадте, разговаривал с пленными морячками. Спрашивал, какого они дьявола взбунтовались? Так некоторые из них плевались в нас и называли предателями! Кричали что мы, коммунисты, всех грабим, морим голодом и вообще извратили идеи коммунизма! Я, когда слушал, думал мне снится, представляете? В Тамбове, тоже мне крестьяне кричали: "Что же нам, с голоду что ли подыхать, отдавая наш хлеб в ваши жадные глотки?". Глаза-то видят, уши слышат... Вот и начал думать головой!

Кремень молчал, не зная что сказать. Сам он не задумывался над такими вопросами, но горячая речь подчинённого казалась правдивой. Возможно, на самом деле всё было не так гладко как ему виделось раньше?

— Так что, извините меня, Сергей Борисович, но менять свои взгляды я не собираюсь. А если вдруг меня возьмут, то... да и чёрт с ним! Стар я уже бояться тюремных застенков или расстрела. При царе помыкался, не трусил, а уж теперь и подавно... Всегда честно жил и помру таким же! — он поднял глаза на Кремня, вытянулся и спросил:

— Разрешите идти, товарищ старший майор?

Тот несколько секунд смотрел на преподавателя, положил ему руку на плечо и сказал:

— Разрешаю, Валерий Александрович. Идите!

— Слушаюсь! — тот чётко развернулся через левое плечо, рубанул три строевых шага и ушёл в здание. Кремень посмотрел ему вслед и улыбнулся. Вот настоящий большевик и коммунист! Гвозди бы делать из таких людей!

Москва. Кремль.

24 апреля 1940 года.

Лаврентий Берия.

— Проходи, Лаврентий, садись... — пригласил его Сталин, показывая ему место на другой стороне стола. Берия удобно устроился за ним и положил на стол небольшую магнитную бобину. Магнитофон немецкой фирмы BASF уже стоял там.

— Давай, включай эту шарманку... — сказал Вождь, удобно откинувшись на спинку своего стула. — Послушаем, что там наболтал твой... хм, "попаданец" под гипнозом.

Лаврентий быстро подключил магнитофон, несколько секунд было тихо. Потом он услышал свой собственный голос:

" — Расскажите, кто вы, как вас зовут и когда родились?"

— Меня зовут Александр Григорьевич Самсонов. Я родился 3 августа 1995 года... —

заввучал монотонный голос "попаданца".

... — Когда начнётся война с гитлеровской Германией?

— Я не знаю."

Сталин удивлённо посмотрел на Берию, но тот чуть приподнял руку, показывая что сейчас всё будет ясно.

" — Почему не знаете? — спросил Лаврентий из магнитофона.

— Попав сюда я рассказал вам то что случилось в моём мире. Из-за этого история начала меняться. Мой знакомый, Гюнтер Хаусманн-Шольке, тоже рассказал всё Адольфу Гитлеру. Теперь я не знаю дату нападения Германии на Советский Союз... — ответил Саша.

— Но вы уверены что нападение всё равно произойдёт? — уточнил Берия.

— Да! — тут же ответил Александр.

— Почему?

— Гитлер ненавидит славян и коммунистов. Он не потерпит соперника и постарается уничтожить его любым способом.

— Вы сказали, что этот Гюнтер хочет отговорить его от нападения на нас?

— Да.

— Думаете, у него не получится? — уточнил Лаврентий.

— Да. Гюнтер руководствуется интересами только Германии. Он сказал что не хочет войны с нами, но Гитлер не слушает его. Или Гюнтер соврал мне.

— Как Гюнтер поступит если между нами начнётся война? Можем ли мы рассчитывать на него как на союзника?

— Нет. Если будет война он будет воевать с Советским Союзом, используя все знания из нашего будущего... — так же спокойно отвечал Саша.

— Что этот Гюнтер знает про нас?

— Имена советских агентов в Германии. Вооружение и технику Красной армии, настоящую и будущую. Имена советских полководцев, которые разгромили Германию. Это то что я знаю. Он не всё мне рассказал.

— Как ты к нему относишься? — задал Берия неожиданный вопрос.

— Ненавижу и уважаю.

— Интересно... Но ладно. Как ты относишься к Советскому Союзу, товарищу Сталину и коммунистам?

— Я люблю свою страну. Мне не важно как она называется. Товарища Сталина уважаю и злюсь на него. Коммунистов не люблю.." — ответил "попаданец" без малейшего колебания.

Сталин шумно вздохнул и посмотрел на Лаврентия который снова начал потеть. Запись продолжалась:

" — Почему ты не любишь товарища Сталина? — зловеще спросил Берия в магнитофоне.

— Он провёл коллективизацию, из-за которой умерло от голода много людей. Начал репрессии, из-за чего были арестованы будущие талантливые командиры, которые могли бы победить Германию с меньшими потерями...

— Да откуда ты это взял?! — сорвался голос Лаврентия.

— Из сети "интернет".

— Это та, которая опутывает весь ваш мир?

— Да.

— Так... так-так-так... — нервничал Берия в магнитофоне. — Ты знаешь когда умру я и при каких обстоятельствах?

— Да.

— И про товарища Сталина тоже знаешь?

— Не понимаю.

— Ты знаешь когда умрёт товарищ Сталин? — поправился Лаврентий задыхающимся голосом.

— Да." — Снова безжизненный и мгновенный ответ.

Берия, избегая смотреть на Вождя, выключил магнитофон. Некоторое время оба молчали. Наконец, глава НКВД глухо спросил:

— Товарищ Сталин, он там рассказал... Вы хотите знать?..

— Ты же теперь знаешь? — спокойно спросил тот. — А я обязан знать тем более! У нас есть редкая возможность подстелить себе соломку на место падения. Нельзя это упускать. Включай дальше!

" — Когда... Когда умрёт товарищ Сталин? — нервно спросил Берия.

— 5 марта 1953 года.

— От чего он умрёт? — едва не заикаясь спросил Лаврентий.

— От кровоизлияния в мозг."

Почти минуту на записи было тихо. Потом снова начались вопросы.

" — Когда умру я?

— 23 декабря 1953 года...

— Как именно я умру?

— Вас расстреляют как пособника Сталина.."

Берия снова выключил магнитофон и, не выдержав, налил себе воды из графина. Выпил её, стуча зубами о стакан и постарался прийти в себя. Сталин тоже молчал, неподвижно глядя вперёд. Наконец, он повернулся к Берии и сказал:

— Иди, Лаврентий... Дальше я и сам послушаю..

Берия встал и направился к выходу, когда голос Вождя остановил его:

— Кто ещё знает об этой записи?

— Только мы! — твёрдо сказал он.

Глаза Сталина прищурились:

— Это точно?

— Да, товарищ Сталин. Мой человек, который прикреплен к нему, не присутствовал в этот момент. Гипнотизёр тоже вышел из квартиры, после того как ввёл "попаданца" в транс. Я закончил допрос, взял плёнку и вышел из комнаты. При мне специалист и мой человек зашли к нему, приказали забыть всё что тот говорил и проснуться. Потом я ушёл вместе с гипнотизёром. Так что, секретность соблюдена. Даже под пытками они ничего не скажут, потому что не знают.

Сталин минуту смотрел на него, потом молча отвернулся. Берия решил что может идти и вышел из кабинета, чувствуя, что надо сменить рубашку. И срочно. Что ж, теперь ему ясно что его судьба неразрывно связана с Вождём. Пока он жив, будет жить и Берия. И ещё надо выпить! Всё что рассказал этот Саша, снова всплыло в памяти... Забыть бы кое-что, но уже нельзя..

Берлин. Подвал рейхсканцелярии.

24 апреля 1940 года.

Адольф Гитлер.

Фюрер спустился на несколько пролётов вниз, в подвал, и подошёл к массивной двери, возле которой стояли два высоких эсэсовца с оружием наизготовку. Увидев Гитлера оба солдата вытянулись ещё больше, хотя, казалось бы, выше некуда. Тот не обратил на них внимания. Один из эсэсовцев сноровисто открыл дверь, за которой располагался пост дежурного.

Молодой унтерштурмфюрер, дежуривший сегодня, вскочил с места и поприветствовал его, когда увидел. Фюрер в ответ слегка поднял руку и прошёл дальше, по коридору. Подойдя к ещё одной двери, которую предусмотрительно открыл очередной охранник, Гитлер оказался в небольшом коридоре. Он упирался в ещё один пост охраны. По сторонам коридора располагались шесть закрытых дверей, по три на каждой стороне.

Увидев его, к нему быстро подошёл оберштурмфюрер, чётко выбросил руку вверх и рявкнул:

— Хайль, Гитлер!

Фюрер слегка поморщился. Крики молодых солдат и офицеров СС иногда оглушали его, если он стоял к ним близко, но и запретить это было нельзя, приходилось терпеть.

— Где он? — мрачно спросил Гитлер, оглядывая ряд дверей.

Офицер СС уточнил:

— Вы имеете в виду адмирала Канариса, мой фюрер?

— Да! И он не адмирал, а последний предатель! — закричал фюрер, сорвавшись от злости. Он чувствовал что ярость бурлит в нём. Что?! Что ему не хватало?! Мерзкое существо, лизавшее задницу толстого английского борова, любителя сигар..

— Он здесь, мой фюрер! — ответил оберштурмфюрер, начиная открывать одну из дверей. Гитлер молча ждал. Наконец, дверь камеры распахнулась и перед ним открылась внутренность помещения. Сама камера была небольшой, метров пять в длину и столько же в ширину. Из обстановки в ней была только койка, прикреплённая к стене, на которой и лежал заключённый. Фюрер медленно вошёл в камеру и остановился возле человека лежавшего на ней.

Бывший глава абвера сейчас мало напоминал того respectable мужчину с которым Гитлер встречался на совещаниях и беседах. Всё лицо в кровоподтёках, один глаз заплыл. Некоторые пальцы на руках торчали в разные стороны, видимо, следователи гестапо не церемонились, выбивая показания. Он хрипло и часто дышал.

Канарис слегка повернул голову в его сторону и еле слышно прошептал:

— Мой фюрер..

Догадливый оберштурмфюрер принёс Гитлеру стул и вышел за дверь, будучи твёрдо уверен что заключённый никак не сможет повредить фюреру. Глава рейха уселся на стул и почувствовал как внутри него появляется злая радость. Ему было приятно видеть предателя в таком виде. Но если тот думает что мучения позади, то жестоко ошибается!

— Вильгельм, скажи... Почему ты предал меня? — стараясь быть спокойным, спросил он.

— Я... не понимаю... — ответил Канарис, закрыв второй глаз. Гитлер едва сдержался чтобы не ударить его. Опять тот строит из себя невинного, хотя найдена куча доказательств его вины.

— Не понимаешь... Не ври мне!! — сорвался он, но тут же взял себя в руки. Всё-таки, он фюрер, рейхсканцлер, не пристало ему вести себя как подросток. — Мне известно что ты спасал сотни евреев, дав им документы сотрудников абвера. Найден твой дневник, где ты детально описываешь свою работу на этих паршивых "лимонников", как ты завязал контакты с шефом британской разведки Мензисом. Сколько секретной информации ты разгласил ему?

Канарис молчал, продолжая хрипло дышать. Возможно, ему отбили лёгкие, но Гитлеру было абсолютно плевать на это. Всё равно предатель сдохнет, с целыми лёгкими или нет.

— Это ещё не всё, Вильгельм. Я знаю что ты был связан с заговорщиками, которые хотели устранить меня в 1938 году, перед присоединением Чехословакии. Мерзавец Ганс Остер дал показания что ты не только знал о заговоре но и был сочувствующим ему. Может даже, и активным участником... Ты уже тогда хотел убить меня! — в ярости вскопился Гитлер. Заключённый не реагировал, продолжая лежать с закрытыми глазами.

— Что произошло, Вильгельм? — спросил Гитлер, успокаиваясь. Несмотря на все попытки себя контролировать, он чувствовал что находится на грани. Предатели были одним из самых сильных раздражителей для него. Понимать, что люди, с которыми ты часто общался, улыбался, повышал в звании... они, на самом деле, предатели, неимоверно его бесили. Хотелось рвать их на части собственноручно, придумать им такие пытки, которых ещё никто не знал! — Ты столько пользы принёс нашей стране, даже до того как мы пришли к власти. Награждён Железными Крестами. Благодаря тебе германские подлодки снабжались в 1916 году в Испании и Португалии. Через восемь лет ты сделал так чтобы подлодки для нас стали строить в Японии и Испании, когда проклятая Антанта запретила нам иметь свой собственный флот! Совсем недавно благодаря тебе мы узнали о планах англичан захватить норвежские порты и сумели опередить их... Так почему ты перешёл на сторону врага, Вильгельм?! — буквально прорычал он от ярости.

Канарис медленно открыл целый глаз, долго смотрел на фюрера и тихо ответил:

— Мой фюрер... Я понял... что с Англией воевать... бесполезно. Если мы их прижмём до предела, то... им помогут американцы. У них намного больше ресурсов, людей, кораблей... Мы проиграем, мой фюрер..

— И поэтому ты решил, что лучше сразу сдаться? — закончил Гитлер за него. — Заранее перейти на сторону сильного? Спасти Германию от её фюрера и убить меня?

Канарис ничего не ответил и снова закрыл глаза. Фюрера охватил гнев, но на этот раз он совладал с собой, встал и пошёл к выходу.

— Мой фюрер... — догнал его тихий голос. Гитлер оглянулся и увидел как глаз его бывшего соратника умоляюще смотрит на него.

— Позвольте мне умереть... — сказал Канарис.

Фюрер хищно улыбнулся.

— Конечно, ты умрёшь. Но не сразу, даже не надейся! За всё что ты сделал против Германии и меня лично, я скажу чтобы тебе уделили особое внимание! — мстительно сказал он.

Насладившись напоследок зрелищем поверженного и униженного врага, Гитлер вышел из камеры и направился к выходу из подвала. Поднимаясь вверх, он чувствовал что настроение повысилось и на лице появилась улыбка. Если эти презренные твари думают что остановят его, то зря надеются. Фюрер подвергнет их таким пыткам что они будут молить о смерти! Его судьба неразрывно связана с судьбой Рейха и никто не сможет разорвать её!

Берлин.

24 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Лаура снова была на работе и Гюнтер решил прогуляться по городу. Агенты наружного наблюдения, как всегда, старались делать вид что их тут нет, но он уже немного наловчился их узнавать. Что ж, раз они делают вид что не обращают на него внимания, то и он сделает так же. Было прохладно и Гюнтер решил идти в форме а не в лёгком костюме, как намеревался раньше.

Выйдя из дома, он с удовлетворением осмотрел подарок баронессы, полюбовался лакированными обводами автомобиля и неспешно пошёл по улице, наслаждаясь жизнью. Заворачивая за угол, Гюнтер не успел остановиться и буквально врезался в какую-то девушку, которая целеустремлённо куда-то спешила. От толчка та вскрикнула и пошатнулась. Он инстинктивно рванулся к ней и крепко обхватил за талию. Девушка, видимо, уже представившая как падает на асфальт, облегчённо вздохнула и посмотрела на него:

— Спасибо, господин обер... Вы?! — поражённо уставилась она на него, широко открыв глаза. Гюнтер был удивлён не меньше её. Вот это встреча! Девушкой, которую он случайно чуть не сбил, оказалась его спасительница, Шарлотта Кольбе. Стыд волной охватил его. Ведь обещал же девушке что обязательно поужинает с ней, отблагодарит за спасение, а сам? Забыл про неё, закрутился с этими дурацкими интригами, да и другие женщины тоже заморочили голову... И что делать? Так, надо действовать, пока она не задала резонный вопрос, куда это он пропал?

— Ну наконец-то я вас нашёл, милая Лотта! — ослепительно улыбнулся он, не спеша выпускать её из объятий. — Уже который день ищу, после того как приехал в Берлин! И бумажку с вашим телефоном, как назло, потерял... Теперь вы от меня не спрячетесь, раз обещал вас угостить ужином, то так и сделаю! Вы сегодня вечером свободны? — всё это он проговорил не давая ей вставить ни слова.

Обескураженная его появлением и словами, Шарлотта молчала секунд десять пока не пришла в себя. Только сейчас обнаружив что до сих пор находится в его руках, она мягко высвободилась и поправила берет. Гюнтер, с некоторым сожалением, вынужден был отпустить её. Даже странно... Пока её не было он и не вспоминал о ней, но стоило ему снова её увидеть как Гюнтер почувствовал что его опять потянуло к девушке. Так, вот это уже лишнее! На этот раз будет ужин, только ужин и ничего кроме ужина! Довольно! У него и так уже множество женщин образовалось, пора бы завязывать с расширением гарема... Тут с имеющимися дамами не знаешь как разобраться, а если ещё Шарлотта добавится, то... Гюнтер не сомневался что, благодаря Дару, сможет уложить в постель и эту красавицу с длинными ногами, красивым личиком, стройной фигурой... Но вот надо ли ему это? Нет! С кем разделить постель у него уже навалом кандидатур, не считая Лауры. Поэтому только ужин!

— А я уже решила что вы забыли меня, Гюнтер! — упрекнула она его с капризной улыбкой. — Пропали, не звоните..

— Как вы могли такое подумать, милая Шарлотта? — с возмущением опроверг Гюнтер. — Чтобы вас забыть нужно получить полную амнезию! Просто едва я вышел из больницы начальство сразу отправило меня... в Варшаву. Вернулся оттуда всего день назад и

сразу начал искать вас. Бумажка с телефоном куда-то пропала и я не мог вам позвонить.

"Проклятье, что я несу? Нельзя говорить ей комплименты, надо наоборот, держаться вежливо и отстранённо, иначе она ещё больше ко мне привяжется!" — думал он, смотря на неё. И всё-таки, она красивая, этого не отнять! Видимо, Лотта поняла его восхищение потому что на мгновение опустила глаза и поправила волосы.

— Ну хорошо, я согласна встретиться с вами сегодня вечером! — отозвалась она, весело смотря на него. — Куда мы пойдём?

— В любой ресторан, какой захотите!

— Хм... Тогда предлагаю "У последней инстанции". Согласны? — спросила девушка.

"А у неё хороший вкус! — приятно удивился Гюнтер. — Ужин в старейшем ресторане города, это здорово!"

— Конечно, Лотта! Думаю, в восемь часов будет в самый раз. Что скажете? — предложил он.

— Хорошо, Гюнтер! Я буду там ровно в восемь. Хоть я и девушка но опаздывать не люблю! — смеясь, ответила она. — До встречи!

— До встречи, Шарлотта! — махнул рукой Гюнтер, и неожиданно для себя, крикнул: — Вы выглядите как свежая роза в райском саду!

Шарлотта рассмеялась и, обернувшись, крикнула в ответ:

— Спасибо за комплимент, Гюнтер! Мне очень приятно!

Бездумно продолжая идти, он мысленно выругал себя:

"Ну вот зачем я это сказал? Кто меня за язык тянул? Сам же решил — никаких комплиментов! Пусть она красивая, пусть весёлая и так далее... Но вот говорить это было вовсе не обязательно! Значит, за ужином только Шарлотта, никаких "милая", "красавица" и тем более, "райская роза"! Поужинаем, я провожу её и тихо исчезну. Так и сделаю!"

Что ж, план был готов, осталось лишь осуществить его. Никаких проблем!

Берлин. Штаб-квартира СС.

24 апреля 1940 года.

Генрих Гиммлер.

— Что это, Рудольф? — с недоумением спросил Генрих, глядя на папку которую занёс адъютант отдельно от других бумаг.

— Это полный отчёт следователя, который ведёт дело о смерти графа Шверина. Так же, выводы экспертов и патологоанатома! — доложил ему помощник, как обычно, стоя по стойке "смирно". Гиммлер вздохнул, Рудольф не меняется.

— Хорошо, оставь, я посмотрю... — ответил он. Адъютант вышел и Генрих остался один. Несколько секунд посмотрев на папку, решил открыть и прочитать, может в самом деле будет что-то интересное. В естественной смерти своего бывшего друга Гиммлер не сомневался, поскольку знал что тот любит много выпить.

"Так, что тут у нас?.. Время смерти... Повреждения тела? Синяки? Интересно... Неужели он с кем-то подрался? Очень большая доля алкоголя в крови? Неудивительно... На шее следов не обнаружено... Ран от оружия тоже нет... А здесь что? Протоколы допросов... слуги, шофёр, баронесса, графиня... Что?! Шольке?! Какого чёрта он там делал?" — потрясённо подумал Гиммлер, задумчиво поглаживая подбородок.

Этот загадочный оберштурмфюрер начал надоедать ему своими тайнами. Сначала он

оказался замешан в тайной доставке фюреру писем. Потом, оказалось, что Шольке как-то слишком быстро выздоровел. Причём дважды! Теперь ещё оказался в числе тех кто присутствовал на званом вечере баронессы! И это не считая того что он отличился при пожаре и "отличился" в другом смысле в драке с патрулём! Нет, надо, всё-таки, взяться за него всерьёз... Попытаться арестовать его семью? Тогда он сразу пойдёт к фюреру и ему, Гиммлеру, придётся унижительно оправдываться. Вдобавок, Гитлер узнает что, вопреки его прямому приказу, "верный Генрих" не отстал от Шольке а, напротив, продолжает им интересоваться. Это плохо! Значит, надо действовать не в лоб, а как-то тоньше..

Он громко сказал:

— Хедвиг!

Через несколько секунд дверь открылась и вошла его любимая секретарша. На лице готовность принять его указания и немедленно выполнить. Даже самые интимные. На память пришёл тот вечер когда он попросил её задержаться на работе. Когда все ушли, они закрылись в кабинете и Гиммлер овладел своей женщиной два раза подряд, что приятно его удивило. Из-за работы ему редко удавалось вести полноценную половую жизнь, видимо, это накопилось и вылилось за один вечер. Хеди тоже лежала со счастливой улыбкой и нежно целовала его. После этого они пошли в ресторан, а после него... Хм, хватит вспоминать прошлое, работать надо! — одёрнул Генрих сам себя.

— Слушаю, рейхсфюрер? — спросила она, вопросительно подняв глядя на него. "А ноги у неё просто очаровательны!" — невольно восхитился Гиммлер и с трудом поднял глаза выше. Определённо, он её любит, хватит уже обманывать самого себя. Может, развестись с женой и открыто жить с Хеди? Всё равно они очень редко встречаются и охладели друг к другу.

Встретившись с её еле заметной лукавой улыбкой, Генрих сумел взять себя в руки. Она, несомненно, всё поняла по его взгляду и это ей понравилось.

— Шелленберг на месте? — спросил он, сдерживая свои чувства.

— Не могу знать. Если хотите, сейчас наведу справки, рейхсфюрер... — ответила секретарша.

— Наведи! — кивнул Гиммлер головой. — Если здесь, пусть зайдёт.

— Хорошо, рейхсфюрер. Я сделаю всё что вы хотите! — мягким голосом сказала она с подтекстом, от которого Генриха обдало жаром. Напоследок, слегка улыбнувшись, она вышла, а к нему пришла заманчивая мысль снова оставить её после работы..

— Вы меня вызывали, экселленц? — спросил Вальтер, заглядывая в его кабинет.

— Да, садись. Есть что-нибудь по тем задачам которые я тебе дал? — поинтересовался Гиммлер. Шелленберг замялся и виновато посмотрел на него:

— Я ещё не всё успел сделать, рейхсфюрер... — признался он. — Мне нужен ещё день. Завтра вечером я буду готов доложить вам обо всём что выяснил.

Гиммлер задумался. С одной стороны было интересно узнать что там успел накопать его порученец, с другой... данные будут неполные. Лучше подождать до завтра.

— Что ж, не возражаю... — согласился он. — Но у меня к тебе ещё одно дело!

— Слушаю! — подобрался Вальтер, доставая свой неизменный блокнот.

— Ты же уже слышал про смерть графа Шверина? — осведомился Генрих, глянув на подчинённого.

— Так точно, рейхсфюрер... Примите мои самые искренние соболезнования! — сделал скорбное лицо Вальтер.

— Так вот, оказалось что на званом вечере баронессы фон Мантойфель, где умер граф, в числе гостей был наш старый знакомый, оберштурмфюрер Шольке! — выразительно глядя на Шелленберга, произнёс Гиммлер. Тот удивлённо поднял бровь, тут же нахмурившись.

— И я хочу знать, как он там оказался? Чтобы аристократка пригласила на великосветский приём обычного офицера СС... Это очень странно, согласись? — спросил Генрих. Тот очнулся от размышлений и медленно протянул:

— Знаете... а я, кажется, знаю почему он там оказался..

Глава СС несказанно удивился.

— Да? И почему же? Какая связь между высокопоставленной, богатой баронессой и простолудином СС? — с нескрываемым интересом спросил он.

— Дело в том, что баронесса и её дочери были одними из тех кого спас Шольке во время того пожара! — ответил Вальтер, с довольным видом глядя на него.

— Вот оно что! — поразился Гиммлер, быстро прокручивая в голове новую информацию. — Считаешь, это жест благодарности с её стороны?

— Думаю, да. Завтра я ещё кое-что проверю и вечером смогу дать полный отчёт, рейхсфюрер! — ответил подчинённый.

— Хорошо, Вальтер. Завтра вечером я жду от тебя полный доклад по всем вопросам которые тебе поручил! — решил Генрих, легонько ударив по столу с папкой. Шелленберг вскочил со стула и вытянулся:

— Разрешите идти, экселленц?

— Разрешаю! — отпустил его Гиммлер. Хлопнула дверь, а он снова погрузился в размышления. Интересно всё как-то крутится вокруг этого Шольке... И тут замешан и там... Ничего, скоро он разгадает этого таинственного Гюнтера и уже тогда решит что с ним делать и как использовать.

Берлин.

24 апреля 1940 года. Вечер.

Гюнтер Шольке.

"У последней инстанции" оказался небольшим, но уютным рестораном. Судя по обстановке, когда-то это заведение было обычным трактиром, но поколения хозяев серьёзно поработали над интерьером и теперь зал выглядел довольно опрятно. Столики стояли вдоль стен, разделённые деревянными, решётчатыми перегородками и кадками с цветами, из-за чего было ощущение что ты находишься на маленькой полянке в лесу.

Гюнтер пришёл заранее, за минут десять до встречи, и занял столик в углу. В ожидании он рассматривал немногочисленных посетителей, которые пришли до него. Их было всего человек десять. Две семейные пары, обе довольно преклонного возраста. Компания девушек из трёх человек, видимо, подружек. И трое армейцев.

Последняя группа вела себя довольно шумно, горланила тосты и громко хохотала. Киттели у них были расстёгнуты, фуражки висели на вешалке рядом со столом. Лица, красные от выпивки, и мутный взгляд тут же подсказали ему что доблестные офицеры "Вермахта" гуляют уже не первый час. Он старался не обращать внимания на них. В конце концов, один обер-лейтенант и два лейтенанта имеют право отдохнуть в увольнении или отпуске. Главное, чтобы другим отдыхать не мешали. Остальные посетители неодобрительно смотрели на них но молчали. Вот она, немецкая дисциплина и почитание военных! Пока те не начнут вести себя совсем уж нагло, никто и не почешется.

Прервала его размышления очень красивая девушка, которая остановилась перед столиком и весело сказала:

— А вот и я, Гюнтер! И не опоздала!

Гюнтер взглянул на неё и почувствовал что его челюсть медленно и неотвратимо опускается вниз, а глаза не могут оторваться от Шарлотты. Проклятье, неужели это она?

Сиреневое платье до колен, с широкими плечами, по моде 40-х годов. Мало того оно обтягивало её стройную талию, но треугольный вырез на груди... Он сглотнул, чувствуя что отвести от него взгляд просто нет сил. Чёрт побери, даже находясь перед ней в сидячем положении, Гюнтер видел, по крайней мере, по половине каждой груди! Даже по меркам двадцать первого века такой вырез был на грани фола и вызвал бы неодобрительные взгляды женщин, одновременно со слюноотделением мужчин. Понадобилось секунд десять чтобы он смог отойти от шока и посмотреть на другие... места. Ноги девушки были обуты в туфельки с ремешком, на среднем каблуке. Сумочка в руках, дамская шляпка кокетливо сидевшая чуть набекрень. Подведённые глаза и накрашенный ротик, в который ему захотелось... Тут он быстро отвёл взгляд, опасаясь что она прочтёт его мысли.

— Как я выгляжу? Тебе не нравится? — огорчилась она, присаживаясь за столик.

Да она издевается? Как ТАКОЕ может не нравиться мужчине? Или она не понимает что он чувствует? А вот это вряд ли! Женская интуиция, она такая... Напрашивается на комплимент? Тут без вариантов, тем более, она это точно заслужила.

— Лотта... знаешь, я бы сказал что ты великолепна, очаровательна и очень красива, но... это будет сильным преуменьшением! — с чувством сказал он, с запозданием вспомнив

что обещал сам себе не делать ей комплиментов. С другой стороны, как здесь удержаться? Тем более, она готовилась ради него, наряжалась... И теперь обидеть её холодным приёмом? Нет, это было бы настоящим садизмом с его стороны!

Мельком осмотревшись, Гюнтер заметил реакцию других посетителей. Семейные пары не обратили на них особого внимания, всецело занятые друг другом. Три девушки мгновенно осмотрели Шарлотту, сделали какие-то свои выводы и зашушукались, кидая на неё завистливые или недовольные взгляды.

Внезапно его насторожила тишина в зале. Оказалось, три армейца затихли и теперь смотрят на них, точнее, на Шарлотту. На самого Гюнтера они не обращали внимания, видимо, не считая за помеху. Он с тоской подумал, что, согласно разным ситуациям в книгах и фильмах, эта компания пропойц захочет попытаться познакомиться с ней поближе и ему придётся объяснять им с помощью рук и ног как они не правы. Хотя, тут же есть три другие девушки, может обойдётся?

— Большое спасибо, Гюнтер! Мне очень приятно, что тебе понравилось! — улыбнулась девушка, нисколько не обратив внимания на армейцев. К ним подошла официантка средних лет и положила меню. Гюнтер выбрал себе жареную перепёлку и котлету по-киевски. Давно хотел попробовать, Алекс говорил что очень вкусно. Шарлотта же выбрала себе какой-то салат и гарнир. Совместно решили что будут пить французское вино.

Тем временем армейцы снова начали разговаривать но заметно тише, иногда кидая взгляды не только на Шарлотту но и трёх других девушек.

— Гюнтер, расскажи о себе? Я ведь почти ничего о тебе не знаю. Тогда, в клинике, нам так и не дала спокойно поговорить та медсестра... — сказала она, принимаясь за еду.

— А что тебе рассказывать? — пожал он плечами, тоже приступая к птице. — Я служу в батальоне охраны фюрера. "Лейбштандарт Адольф Гитлер". Слышала?

Девушка прекратила есть и удивлённо уставилась на него:

— Это правда? Ты действительно служишь там? И видишь самого фюрера? — в её голосе был настоящий восторг.

— Ну да... — ответил он со скромным видом. — Почти каждый день.

— С ума сойти... — тихо прошептала Шарлотта. — Девчонки мне не поверят если узнают что я встретила с охранником нашего фюрера... И какой он?

— Какой? — Гюнтер задумался. Если он сейчас расскажет что Гитлер начинает разочаровывать его и планирует использовать его семью в качестве заложников, то она просто не поверит. Решит что шутит или ещё хуже... Значит, продолжим поддерживать пропаганду. — Он — обычный. Добрый, умный... Много знает. Всегда думает о нашем народе и Германии... Ты ешь, не забывай! — напомнил он ей о гарнире.

— Вот это да... Как бы я хотела увидеть его лично! — загорелась девушка, автоматически поглощая еду. — Гюнтер, а ты сможешь провести меня в здание? Я только посмотреть!

— Увы, Лотта, но это невозможно! — категорически отказал он. — Все списки посетителей готовятся заранее и просто так туда не попасть.

— Жаль... — огорчилась девушка. — Я понимаю... А у тебя есть девушка? — внезапно спросила она, стрельнув на него глазами.

Гюнтер едва не поперхнулся от такой резкой смены разговора. Что ж, надо ответить честно. Заодно, это погасит её интерес к нему.

— Да! — признался он. — Её зовут Лаура. Кстати, ты уже общалась с ней! —

усмехнулся Гюнтер, продолжая терзать перепёлку.

— Когда это? — снова удивилась Шарлотта, подавшись вперёд. От этого вырез платья ещё больше увеличился, а Гюнтеру пришлось снова глотнуть вина чтобы проглотить комок в горле. К сожалению, успокоить невовремя воспрянувшее хозяйство так легко не получилось, скорее, наоборот.

— В тот день когда ты пришла ко мне в клинику, навестить. Помнишь медсестру, которая тебя выпроводила? Это она и есть! — улыбнулся Гюнтер, забавляясь выражением лица девушки.

Та распахнула глаза и приоткрыла свой ротик:

— Так это она? Вот почему... Хм... Она довольно миленькая! — наконец, сориентировалась Шарлотта. — А ты её любишь? — задала она довольно бестактный, по его мнению, вопрос. Гюнтер задумался. Если он на всё готов ради Лауры, но не считает нужным ограничиваться только ею, это любовь? Если и так, то она какая-то странная.

— Думаю, да... — отозвался он, не глядя на неё.

— Ясно... — протянула она. Повисло молчание, которое прервал один из армейцев, подошедший к компании девушек. Он что-то спросил, улыбаясь, но все три отрицательно покачали головой. Лейтенант настаивал, развязно наклонившись к ним. Тогда девушки торопливо собрались, оплатили свой ужин и быстро выбежали из ресторана. Оставленный не у дел лейтенант проводил их взглядом и вернулся к своим товарищам, напоследок посмотрев на Шарлотту.

— Теперь ты расскажи о себе, Лотта! — предложил, прервав паузу в разговоре. Девушка улыбнулась и спросила, отпивая вино:

— У меня ничего интересного. Живу с мамой и сестрой, состою в "Союзе германских девушек", ну это ты знаешь... Увлекаюсь историей, культурой... — начала перечислять она.

— Рыбалкой... — подсказал Гюнтер, усмехнувшись.

—..Рыбалкой, потом... Ой! Какой ещё рыбалкой?! — звонко рассмеялась она, закрыв свой очаровательный ротик рукой. — Не говори ерунды, Гюнтер! И не сбивай! Так, ещё мне нравится..

— Охота! — снова подсказал Гюнтер, еле сдерживаясь от смеха.

— Охо... Гюнтер! — вскрикнула она в шутливом негодовании и замахнулась рукой. Он, защищаясь, хотел поднять руку и задел свой бокал, который опрокинулся на стол и залил скатерть вином, часть попала и на его брюки.

— Проклятье! — не сдержался он, пытаясь стереть вино с помощью салфетки.

— Так тебе и надо! Не будешь подшучивать над бедной девушкой! — с победным видом произнесла Шарлотта, но тут же озабоченно сказала:

— Надо сейчас же застирать место, пока не сильно впиталось!

— Согласен! — поддержал её Гюнтер и начал вставать, одновременно доставая бумажник. — Извини, Лотта, что так вышло... Жаль, что не получилось нормально посидеть, пообщаться, но сама понимаешь, мне надо..

— Конечно, понимаю! Идём! — она вскочила, подхватила сумочку, взяла его под руку и повела к выходу. Когда они проходили мимо вояк, те тоже засобирались, ища по карманам марки. Гюнтеру было не до них. Выйдя на улицу, он хотел поймать такси и удивился когда девушка потащила его через дорогу.

— Ты куда? — с удивлением спросил он.

Шарлотта перевела его через дорогу и сказала:

— Вон там я снимаю комнату вместе с подружкой. Сейчас придём ко мне, я быстро застираю пятно. Оно скоро высохнет и всё будет в порядке.

— Подожди, Шарлотта! Я могу поймать такси, приеду домой и застираю! — попытался отказаться он, но был перебит её безапелляционным тоном:

— Гюнтер, ты не успеешь доехать! Пятно от вина легко удаляется в течении пятнадцати минут после попадания на ткань! Потом придётся стирать несколько раз, чтобы окончательно от него избавиться! Поверь мне! — уверенно закончила она. Гюнтер застыл, пытаясь понять так ли это. Что, если она права? Тогда будет лишней геморрой с формой. Подумав минуту, он решил согласиться. По идее, опыта в этом деле у неё больше чем у него.

— Хорошо, Лотта, ты меня уговорила... Пойдём! — сказал он, но тут их бесцеремонно прервали.

— Одну ми... ик... нуту! — к ним приблизился один из лейтенантов. Он слегка покачивался но падать, вроде бы, не собирался. За ним из ресторана вывалились ещё двое его друзей и, увидев их, тоже поплелись к ним. Гюнтер почувствовал как к нему подступает раздражение. Вот только этих армейских придурков ему не хватает!

— Что вам нужно, лейтенант? — грубо спросил он. Тот дыхнул на них перегаром, от которого девушка брезгливо сморщилась.

— Мне? Мне нужна... она! — показал он на Шарлотту дрожащим пальцем. Гюнтер ощутил сильнейшее желание отправить этого болвана в нокаут, но сдержался, сжав зубы.

— Она занята! — отрубил он, почувствовав как Лотта в страхе прижалась к нему.

— Это... твоя. девуш... ик!..ка? — печально уточнил лейтенант. Гюнтер понял, если он сейчас не подтвердит это, то эти три идиота так и будут идти за ними или вообще, постараются отнять Лотту у него. И полиции рядом нет!

— Да! Она занята потому что моя девушка! Ищите себе других! — твёрдо ответил он, намереваясь уйти. Тем временем подошли его дружки и лейтенант сообщил им:

— Эта уже занята... ик!

— Что теперь нам... делать? — спросил другой лейтенант, поддерживая товарища. Почувствовав что угроза миновала, Гюнтер решил помочь им, чтобы те не приставали к приличным девушкам. Он назвал им нужный адрес, посоветовав доехать на такси и, вежливо распрощавшись, направился прочь вместе с Лоттой.

Уже подходя к её дому, девушка расслабилась и спросила, улыбнувшись:

— Куда ты их направил? Что это за адрес?

Гюнтер улыбнулся в ответ:

— Это бордель.

Шарлотта ошеломлённо застыла, глядя на него.

— Так им нужна была женщина... для ЭТОГО?

— Конечно! А для чего ещё? Уж точно не для разговора о поэзии... — усмехнулся Гюнтер.

— Я думала... — она недоговорила и, придя в себя, начала открывать дверь.

Вдруг остановилась и повернулась к нему:

— Подожди, Гюнтер... А ты откуда знаешь что там бордель? Сам там был? — с подозрением спросила Лотта.

— Нет. Да и зачем? У меня же есть девушка. А знаю потому что многие мои товарищи по батальону бывают там, вот и адрес говорили... — убедительно открестился он. И не соврал. С такой внешностью как у него, никакие проститутки ему не нужны, он легко

сможет познакомиться почти с любой нормальной девушкой и получить то что нужно без всяких денег. Шарлотта несколько мгновений внимательно смотрела на него, но потом, видимо, женская интуиция сказала ей что Гюнтер не врёт.

Открыв дверь дома, она начала подниматься по лестнице на второй этаж, предоставив ему возможность вдоволь полюбоваться своими ногами сзади. Остановившись, Лотта вынула из сумочки ключ, открыла и дверь и вошла внутрь:

— Проходи, Гюнтер, снимай штаны! Сейчас я займусь тобой.

Прозвучало несколько двусмысленно, но он решил не обращать на это внимание. В конце концов, двойной смысл можно найти во многих обычных фразах. Гюнтер зашёл и осмотрелся.

Квартирка была небольшой и состояла из прихожей, в которой на тумбочке стоял телефон, маленького зала и спальни, в которой стояли две аккуратно заправленные кровати. Как он понял, был ещё совмещённый санузел, куда сейчас пошла Шарлотта. Спальня была увешана разными плакатами красавчиков-киноактёров и... он не поверил своим глазам: на стене, рядом с одной из кроватей, красовался он сам! Точнее, это был пропагандистский плакат. Гюнтер сразу вспомнил как снимали эту сцену всего несколько дней назад. Он стрелял вглубь траншеи а Лаура, в форме медсестры, перевязывает ему рану. Поразительно! Неужели Ханна уже начала печатать и рисовать его изображения?

— Обожаю этот плакат! — произнёс голос Шарлотты совсем близко, от чего он едва не вздрогнул. Девушка стояла рядом и переводила взгляд со стены на него и обратно. — Но оригинал ещё лучше! Сколько раз я представляла себя в образе этой медсестры... — вздохнула она. Вдруг девушка присмотрелась внимательнее и воскликнула: — Гюнтер! Это же... твоя Лаура!

— Да, мы с ней вместе снимались... — подтвердил он, рассматривая себя самого. А что, довольно неплохо вышло! Ему нравится!

— Везёт же ей! — вздохнула Шарлотта и внезапно сказала, выходя из комнаты: — Быстрее снимай штаны пока вино не сильно впиталось!

Гюнтер снял штаны и отдал ей через полуоткрытую дверь ванной. Подумав немного, снял и китель, как-то странно расхаживать без штанов но в нём. Слышался шум воды и через несколько минут из ванной вышла Шарлотта, присевшая рядом с ним на кровать.

— Всё, осталось только подождать когда высохнет... — сказала она и скосила взгляд на него. Гюнтер чувствовал себя немного не в своей тарелке, сидя перед ней в майке и трусах, но старался этого не показывать.

— Кстати, где твоя соседка? — внезапно заинтересовался он, обернувшись к ней и успел заметить как её взгляд тут же метнулся от его трусов. Сохранять спокойствие было довольно трудно, особенно, учитывая то что девушка так и сидела рядом с ним в своём сексуальном платье с вырезом.

— А... Труди часто ночует у своего парня, поэтому я сегодня одна... — тихо сказала Шарлотта, поправив волосы.

— Понятно... — ему внезапно пришло в голову что вся эта ситуация была ею специально подстроена чтобы он пришёл к ней. Хотя... Как она могла знать что он обольёт себя вином? Случайность? Задумавшись, он не сразу почувствовал что его плеч легко касаются нежные женские пальчики. Неведомым образом девушка оказалась за его спиной и подушечками пальцев слегка поглаживала его мускулы на плечах и руках.

— Что ты делаешь? — спросил, чувствуя как у него мурашки побежали от её

прикосновений.

Та тихо ответила:

— Я просто делаю тебе массаж... чуть-чуть... чтобы ты расслабился..

— Лотта, я в порядке! — попытался он заверить её, но голос подвёл, выдав лёгкий хрип.

— Нет, я вижу, ты напряжён! — заверила его девушка, продолжая поглаживать ему шею сзади, от чего новая порция мурашек пробежала по телу, отозвавшись между ног. Став на колени позади него, она прижалась к нему своей грудью и ласково провела ногтями по его шее вниз, к лопаткам. Член-предатель радостно просигналил что готов к покорению новой вершины и ждёт лишь его команды.

Её правая ручка поползла вниз по его животу и указательным пальчиком прикоснулась к вздыбленному хозяйству, скрытому лишь трусами. От такого прикосновения он вздрогнул. Гюнтер понимал что сейчас может быть, но... сила воли быстро отступала под напором лавины желания, которое охватывала его, мешая принимать решения адекватно. Тихий смех раздался возле самого уха, а кожу на плече обжёг её язык.

— Бедный Гюнтер... ты сейчас так страдаешь... — прошептала она, опалив его жарким дыханием. — И ОН тоже страдает... Я помогу... — и её ручка проникла ему в трусы, ласково обхватив член. Не сдержавшись, Гюнтер застонал. Сейчас он опять изменит своей Лауре... Мерзавец, бабник, козёл... Все эти эпитеты им вполне заслужены, но... Как же хорошо от её ласки! Да, есть своё очарование в опытных девушках и женщинах. Они знают как завести и доставить удовольствие мужчине.

— Шарлотта, зачем? — спросил он тяжело дыша, пытаясь удержать разум от захвата страстью и желанием. — Ты же знаешь... у меня Лаура..

— Потому что я хочу тебя! — прошептала ему в ухо коварная девчонка. — Ты мне сразу понравился, Гюнтер... Я верила что мы ещё встретимся... Ты бы знал сколько ночей я провела, представляя как мы с тобой... ахх... — простонала она, начиная медленно двигать рукой по его члену.

— Всё равно твоя Лаура получает тебя каждый день и ночь... — продолжила она, медленно опускаясь головой вниз. — Но сегодня ты мой... я не выдержу если сейчас откажусь от этого... Посмотри! — Шарлотта схватила его руку и сунула себе под платье. Трусиков там не было... Зато было горячо и мокро. — Это всё ты! — и, сдвинув его трусы, мягко наделась головой на его железный стояк.

— Оох... — снова застонал Гюнтер, чувствуя что последние остатки благоразумия и стыда улетучиваются. Раз не можешь остановить — возглавь! Положив свою руку на её волосы, он медленно но верно начал управлять головой девушки, а другой рукой завладел её клитором, скрывающимся в густых зарослях лобка. Теперь уже застонала Шарлотта, прямо с членом во рту. Скорость её минета увеличилась, язычок внутри так и порхал по стволу. Что ж, вот и осуществилась его мечта когда он увидел сегодня её накрашенный ротик. Теперь он там, где Гюнтер и хотел бы его видеть. На его члене.

Шарлотта всё больше увеличивала темп, буквально урчала, жадно облизывая его хозяйство. Но Гюнтер хотел опробовать девушку с другого ракурса. Неохотно, преодолевая себя, он вытащил член изо рта чаровницы и начал пристраиваться сзади неё. Чёрт, как же он любил брать женщину в такой позе! Угадав его намерение, Лотта довольно улыбнулась, сама задрала платье и закрутила своей задницей, провоцируя его поскорее взять её.

— Быстрее! — взмолилась она. Он видел что между ног у неё всё мокро и не стал медлить. Взяв её за бедра он начал медленно входить в девушку но она, видимо, решила что

этого мало и сама насадилась на его член. Издав крик, Лотта выгнула спину, опустила голову на кровать и стала помогать ему своим тазом. В который раз Гюнтер поймал себя на том что сколько бы он не трахал женщин, каждый раз это было как-то по новому. Вот и сейчас то же самое... Плотно захваченный член раз за разом стремился прорваться как можно глубже в женское тело и оно ему активно помогало.

Гюнтеру захотелось увидеть её полностью голой и он, не прерываясь, попытался снять с неё платье одной рукой. Девушка, поняв это, стянула ткань через голову, заставив его снова восхититься стройной фигурой Шарлотты. И вот от такого он хотел отказаться?! Нет, иногда думать только холодным разумом вредно. Одной логикой и целесообразностью сыт не будешь. Будь что будет!

Тем временем, Лотта уже громко стонала, сжимая свои груди примерно второго размера. Гюнтер почувствовал в паху знакомое напряжение и сказал:

— Я сейчас... кончу..

— Ещё... ещё чуть-чуть... пожалуйста! — всхлипнув, попросила девушка и начала ещё сильнее насаживаться на его член, вынуждая Гюнтера усилить упор ногами. Меньше чем через минуту Шарлотта вздрогнула, громко закричала и он почувствовал как его член крепко сжало. Тут же между ног девушки брызнула струя, а руки так сильно сжали пододеяльник что порвали ткань. От такого сквирта Гюнтер ощутил как его сперма начинает выплёскиваться из члена и едва успел высунуть его наружу, щедро залив спину Лотты.

Обессиленно застонав, он повалился на кровать, рядом с Шарлоттой и начал глубоко дышать, пытаясь прийти в себя от очередного сумасшедшего оргазма. Тело полностью расслабилось, не хотелось даже шевелиться. Лотта лежала не шевелясь, только такое же тяжёлое дыхание показывало что она ещё жива.

Через некоторое время девушка зашевелилась и попыталась повернуться к нему. Проведя рукой по одеялу она поднесла её к лицу и неверяще уставилась на Гюнтера:

— Это что... это я?

— Конечно... — подтвердил он, улыбнувшись. Настроение было отличным, как и всегда после секса.

— Глазам своим не верю... Я читала что так может быть, но... — она не договорила. Посмотрела на него и несмело улыбнулась: — Гюнтер, ты бы знал как это прекрасно! Это... я просто не могу объяснить! — захлебнулась восторгом девушка глядя на него сияющими от удовольствия глазами. — У меня ни разу такого не было, чтобы я...

— Я знаю, Лотта. Ведь и я испытал нечто подобное! — он с хрустом потянулся. — Пойду посмотрю свои штаны.

В ванной он умылся, вытерся и осмотрел штаны. Почти высохли. В принципе, можно уже одеть. Хорошо что вино было белое, а не красное. Посмотрев на часы, Гюнтер увидел что время подходит к десяти. Лаура, скорее всего, уже дома, если её не задержали в клинике. Сняв штаны, он надел их и застегнулся. Осмотрел себя в зеркало и не нашёл пятен на чёрной ткани. Как говорится, зашёл не зря!

Выйдя из ванной Гюнтер обнаружил что девушка уже пришла в себя, надела длинный, шёлковый, голубой халат и снимает, мокрый от её соков, пододеяльник. Подойдя к ней, он обнял её и прижал к себе:

— Мне пора, Лотта. Спасибо тебе... за массаж! — улыбнулся он.

— Это тебе спасибо, Гюнтер! — ответила она, прижавшись к его груди. — Так хорошо мне ещё ни разу не было! Знаешь... Мне, скорее всего, показалось, но в тот момент когда я...

ну, ты понял... то слышала чей-то довольный смех. Женский смех... — она покачала головой, встряхнула волосами. — Не обращай внимания, наверное, мне на самом деле показалось..

"Похоже, это опять проделки Фрейи.." — подумал он. Одев китель, он застегнулся, и они крепко поцеловались. Тут глаза Шарлотты удивлённо расширились и она посмотрела вниз. Гюнтер последовал её примеру и изумился. На штанах был такой знакомый бугор.

— Не может быть... — тихо прошептала девушка. — Ты уже..?

Гюнтер не выдержал и засмеялся. Молодец, богиня, помогает как может!

— Да, я опять... — подтвердил он. — Но больше пока некогда. Кстати, чуть не забыл...

Лаура передаёт тебе свои извинения! — вспомнил он.

— За что? — удивилась Лотта.

— За то что она так грубо себя вела с тобой. Я рассказал что ты мне помогла и она просила передать чтобы я извинился вместо неё.

— Вот как? — задумалась девушка. Несколько секунд она, прищурившись, смотрела на него, а потом удивила: — Гюнтер, передай, пожалуйста Лауре что я принимаю её извинения, но мне хотелось бы познакомиться с ней лично. Скажем, мы могли бы с ней пообедать или поужинать в ближайшие дни.

— Зачем? — изрядно удивился Гюнтер.

— Ну... — замялась Лотта. — Мне она показалась интересной, да и узнать хочу у неё как снималась с тобой... Вообще, поболтать по-женски. А что, ты против? — встревожилась она.

— В принципе, нет... — задумчиво протянул Гюнтер, гадая что у неё на уме. — Надеюсь, ты не собираешься ей рассказывать о сегодняшней встрече? — усмехнулся он.

— Нет, конечно, я же не дура! — весело рассмеялась Шарлотта. — Передашь ей, ладно?

— Хорошо. Кстати, дай мне свой номер, а вот наш.

Они обменялись телефонами и Гюнтер направился к двери. Внезапно он снова обернулся:

— Знаешь, Лотта, ты меня сегодня очень удивила, когда мы пришли к тебе!

— Надеюсь, приятно? — подмигнула она.

— Очень! Мне понравилось. Но... — он заколебался.

— Тебя удивило что я в постели с тобой была такая... развратная? — слегка покраснела девушка.

— Да! — признался он.

— Если честно, я сама удивилась... Когда зашла в квартиру меня будто кто-то подтолкнул и сказал что делать... Не знаю, осмелилась бы я сама на такое... А потом, когда залезла к тебе на кровать... Тут уже я не думала, меня просто захватило желание. Казалось, я вся состою из похоти... — она покачала головой. — Гюнтер, ты ещё многого обо мне не знаешь, но уверена... когда узнаешь, только обрадуешься! — заинтриговала она его.

— Ты хоть намекни! — попросил он, усмехнувшись.

Несколько секунд она думала, а потом хитро улыбнулась.

— Вот когда встречу с твоей Лаурой, тогда и подумаю про намёк.

Посмотрев на неё, он рассмеялся. Вот же чертовка! Специально разожгла его интерес. Что ж, значит надо намекнуть Лауре насчёт встречи. Интересно, что же она задумала?

Эти мысли не оставляли его всю дорогу до дома. Приехав, он поставил машину, поднялся домой и вошёл в квартиру, которая встретила его вкусным запахом еды. Лаура в

переднике хлопотала на кухне. Гюнтер, сняв сапоги, прошёл на кухню и прижался сзади к своей самой первой девушке, почувствовав такой знакомый аромат.

— Как прошёл день, любимая? Сильно устала?

Лаура обернулась, взвизгнула от радости и страстно поцеловала его в губы, от чего его член снова воспрял духом. Девушка ласково погладила его через брюки:

— Ах ты мой хороший! Скучал без меня, бедненький? Вон как стоит... Ничего, сейчас поедим и тогда... — она предвкушающе улыбнулась. — Садись, я уже всё приготовила!

Лаура расставила посуду, наложила полную тарелку Гюнтеру и поменьше себе. Голодный после жаркого секса, он за пять минут опустошил свою тарелку и она налила ему вина. Гюнтер не сдержался и с удовольствием отметил что лучше стряпни он ещё не ел, от чего Лаура покраснела от удовольствия и снова поцеловала его. Да, в гостях хорошо, а дома лучше! Хм, кажется, это опять поговорка Алекса? Да чёрт с ним! Иногда он удивлялся почему эти русские поговорки, которые он слышал в первый раз ещё в детстве, от подружки, а потом от Алекса, так привязались к нему? Причём вылезают в самые подходящие для этого моменты. А вот с родными, немецкими, так не происходит. Кстати, с матом то же самое. Уже сейчас Гюнтер мог бы легко послать очень далеко любого русского, причём с выражением. Загадка какая-то..

Развалившись на кровати в одних трусах и майке он лениво перебирал пышные волосы Лауры, а она буквально мурлыкала у него на груди, как довольная кошечка.

— Кстати, я сегодня днём случайно встретил ту самую Шарлотту которую ты обидела.

Лаура с тревогой подняла голову и посмотрела ему в глаза:

— Так вот почему от тебя пахнет незнакомыми духами... А я-то уже хотела немного поревновать... — фыркнула она. — Надеюсь, ты извинился перед ней за меня?

— Да! — ответил он. — Но она попросила меня передать что хочет встретиться с тобой лично и даже оставила нам свой телефон.

— Со мной? Зачем? — удивилась девушка.

— Сказала что хочет познакомиться с тобой и пообщаться о чём-то по-женски. Не знаю, мне она точно не сказала.

Лаура подумала и неуверенно ответила:

— Ну хорошо, я встречу с ней... Может, она ещё обижается на меня? Тогда я лично извинюсь.

— Знаешь, мне показалось что она не против стать твоей подругой... — озвучил он своё предположение.

— Ты так думаешь? — задумалась девушка, накручивая свой локон.

— В любом случае, решать тебе. Но если хочешь знать моё мнение то лучше встретиться и узнать что она хочет, чем гадать попусту.

— Хорошо, тогда я завтра или послезавтра созвонюсь с ней! — решила Лаура и вдруг встрепенулась:

— Милый, я чуть не забыла! Представляешь, сегодня к нам в клинику приходил какой-то ээсовец, сказал что он по поручению рейхсфюрера, а зовут его Вальтер Шелленберг. Ты его знаешь?

Гюнтер почувствовал как его окатило холодом. Вот, значит, как... Опять этот Гиммлер копает под него, раз послал к Лауре свою личную ищейку. Стараясь контролировать свой голос, он ответил:

— Да, это очень хитрый парень. Будь осторожна с ним, милая, он довольно опасен. И о

чём спрашивал этот Вальтер?

— Я думала что он станет спрашивать о тебе и решила молчать, но он сказал что его интересует твой друг, Дитрих Краузе. Помнишь, который сбежал? — спросила девушка.

— Конечно, помню паршивца! — ответил он, пытаясь понять каким образом Алекс стал интересен рейхсфюреру. Тот что-то знает? Или это просто обманка чтобы обдурить простодушную Лауру? Эх, мало информации.. — И что ты ответила?

— Он спросил как твой друг сумел сбежать. Я всё рассказала честно. Или я неправильно сделала? — снова подняла она голову.

— Нет, милая, ты всё сделала правильно! — успокоил он девушку и крепко поцеловал в губы. Та с радостью ответила. Но его мучил ещё вопрос.

— А больше он ни о чём не спрашивал? — спросил Гюнтер, с трудом оторвавшись от её сладких губ.

Та задумалась и вдруг ответила:

— Ну, он ещё спросил почему вы с Дитрихом так быстро выздоровели? Я сказала что не знаю, я же не врач.

Проклятье! Вот и выплыла их регенерация! Конечно, глупо было бы надеяться что врачи не обратят на это внимание, но Гюнтер просто забыл об этом, поглощённый своими делами. Что теперь делать? Значит, про это уже знает Гиммлер? Выходит, так. Теперь уже неважно кто проболтался, Венцель или другой доктор. Теперь главное, чтобы его не упекли в какой-нибудь научно-медицинский институт. Хотя, пока он находится под защитой фюрера, шанс есть. Но и сбрасывать со счетов всемогущего Гиммлера тоже не стоит. Самый идеальный для него вариант — убить Шелленберга и Гиммлера, тогда есть шанс... Хм, тогда уж и Венцеля придётся. Чёрт, о чём он думает? Какой там прикончить? Тут самому бы не сдохнуть..

Вывела его из мрачных мыслей Лаура, которая легла на него и своими маленькими пальчиками начала снова возбуждать его член. Под её напором все неприятные мысли быстро вылетели из головы, а вместо них влезли совершенно другие. Соблазнительно улыбаясь, девушка уселась на него в позе "наездницы" и медленно потянула пояс на коротком халатике. Гюнтер, забыл обо всём, с нетерпением следя за её движениями.

Развязывая халат, Лаура тёрлась о его член своим лобком и он невольно двинул тазом, пытаясь проникнуть в неё. Она слегка приподнялась и Гюнтер разочарованно застонал, не достигнув цели. Наконец, пояс развязался и ему открылось её абсолютно голое тело. Ни лифчика ни трусиков, всё как он любит. У него перехватило дыхание от счастья, вся эта красота — его! Грозно зарывав как зверь, он опрокинул девушку на спину и, под её счастливый, дразнящий крик, навалился на неё, чувствуя как гладкие и стройные ножки крепко обхватили его тело. Ворвавшись внутрь покорной Лауры, он понял... Самое настоящее счастье вовсе не в деньгах, власти или ещё в чём-то... Счастье в том что рядом находится человек который всегда будет любить тебя и никогда не предаст! Родной, близкий человек! А если таких людей несколько... Обдумать эту мысль Гюнтер уже не успел, потому что верхняя голова полностью отключилась, передав все функции управления нижней..

Ночь. Где-то.

Гюнтер Шольке.

— Здравствуй, воин! — поздоровался с ним знакомый женский голос. Он с удивлением открыл глаза и обнаружил что лежит на тёплом песке. Голый. Буквально в нескольких

метрах от него тихо накатывались на берег волны. Кричали чайки. Бесконечная водная поверхность уходила вдаль, а солнце висело над головой, нагревая всё тело.

Обладательница голоса сидела на каком-то подобии плетёного кресла. На этот раз вместо древнего платья на ней было тонкое белое покрывало, закрывавшее тело от шеи до колен. Волосы распущены, глаза с усмешкой смотрят на него.

Богиня Фрейя, кто же ещё? Гюнтер сел на песке и внимательно посмотрел на неё.

— Здравствуйте, Фрейя! — на этот раз он решил быть с ней более вежливым. Повторения прошлого не хотелось. — Что-то случилось, раз вы появились?

— Ничего особенного, воин. Просто решила поговорить с тобой. Я смотрю, дела у тебя идут неплохо? — с улыбкой поинтересовалась она.

— В принципе, да. В том числе и благодаря вам. Это ведь вы являлись во время оргазма к Шарлотте? — спросил он, почти не сомневаясь в ответе.

— Верно. И ко второй твоей женщине тоже. Признаюсь, когда они испытывают высшее удовольствие от любви с тобой, я иногда вхожу в них и тоже наслаждаюсь давно забытыми ощущениями. Это так сладко... — мечтательно улыбнулась она, повергнув Гюнтера в изумление. Это что, обладая одной женщиной, оказывается, он обладает сразу двумя? Как в акции 2 в 1? Оригинально придумала богиня... Ладно, это конечно, приятно, но у него была пара вопросов к ней:

— Фрейя, скажите, а..

— Нет, пока этого нет. Но если ты хочешь, то я могу сделать так чтобы все твои женщины беременели после любви с тобой... — ответила богиня на его незаданный вопрос.

— То есть, пока я сам не захочу то никто из них..?

— Да! — ответила она.

Что ж, уже понятнее. Его отношение к будущим детям было двойственным. С одной стороны он был не против иметь детей от Лауры. Да и от Евы тоже... Но будущая война, разные интриги Гитлера и его соратников заставляли его с осторожностью относиться к своему отцовству. Не лучше ли подождать? Вот только когда это всё закончится? Неизвестно.

— Понятно. Тогда согласен. А как сделать так чтобы ко мне не липли те женщины которые мне не нравятся? — спросил он, с дрожью вспомнив толстую графиню Ульрику. Богиня взглядела в него и весело расхохоталась, видимо, поняла почему он спросил.

— Очень просто, воин. Старайся не встречаться с ними! — ответила она, когда успокоилась.

— И всё? А если не получается не встречаться?

— Тогда.. — Фрейя сделала задумчивый вид и, лукаво улыбнувшись, потом изрекла: — Тогда вели ей сделать то что она никак и никогда не сможет сделать. И скажи что пока не выполнит, пусть не смеет даже приближаться к тебе. Если эта женщина действительно захочет добиться тебя то она будет стараться это сделать... но не сможет. Тогда ты и избавишься от неё. Но придумай именно невозможное, иначе, если она всё-таки выполнит это то ты уже от неё не сможешь избавиться. Только убить. И ещё... Чем больше ты будешь обливать такую женщину презрением, гневом, ненавистью, тем медленнее будет расти в ней тяга к тебе.

Проклятье, может, она шутит? Это же какое-то безумие! Что за дурацкое условие!

— Нельзя ли сделать так чтобы она просто потеряла ко мне интерес? — попробовал он другую возможность.

— Нет! — отрезала богиня.

Гюнтер тяжело вздохнул. Вот зачем она всё так усложняет? Как будто у него и так проблем мало! Кстати..? — он похолодел от ужаса.

— Не волнуйся, девушки младше 16 и женщины старше 60 не будут подвергнуты твоему дару! — успокоила его Фрейя. Гюнтер с облегчением перевёл дух. Не хватало ещё чтобы за ним бегали малолетки и старухи с висячими сиськами! Брр..

— Тебе привет от Защитника! — внезапно сказала богиня. Он с удивлением посмотрел на неё. Какого ещё Защитника? Ах да, это же Алекс!

— Как там у него дела? — с живым интересом спросил он, сгорая от любопытства. Интересно, что там с ним случилось?

— Неплохо. Жив, здоров, тренируется сражаться... — ответила Фрейя.

— Что значит "тренируется сражаться"? — удивился Гюнтер.

— Не буду говорить. Если ты умный — сам поймёшь. Если нет, значит нет! — обломала его богиня. Ладно, он подумает об этом позже.

— Он просил передать тебе, что всё равно русы распишутся на главном здании твоей столицы! — ошарашила его Фрейя. Представив разрушенный рейхстаг и руины Берлина Гюнтер почувствовал гнев на тупицу-Алекса. Ведь он же ясно дал ему понять что не собирается воевать с Россией! Или тот не поверил? Эх, поговорить бы с ним..

— Нельзя! — тут же раздался голос богини.

— Тогда я прошу передать ему, когда вы с ним встретитесь, что если он не перестанет мешать мне, то я сделаю всё чтобы "Вермахт" сравнял Москву с землёй! Как ему понравятся надписи на стене разрушенного Кремля: "Здесь был Гюнтер из Берлина!" Я не хочу войны между нашими странами, но если он меня вынудит... — он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. — В общем, передайте, если между нами будет война, то пусть его Сталин готовит себе убежище во Владивостоке. Или на Сахалине!

— Хорошо, я передам! — пообещала богиня. — Мне пора, воин!

Гюнтер только открыл рот чтобы попрощаться, как очнулся уже в постели рядом со сладко спящей Лаурой. Поправив подушку, он усмехнулся.

Интересно, какая реакция была в Москве, когда узнали что почти все их шпионы схвачены или убиты? Наверняка, была паника, неизвестность? Алекс, скорее всего, понял кто виновник этого. Что ж, нетрудно догадаться. И это ещё не всё что он может сделать, если русский не поймёт намёк. Ведь абвер сможет устранить будущих русских полководцев или подбросить на них компромат, а собственное русское НКВД с радостью запишет их во "враги народа". Жуков, Конев, Рокоссовский, Чистяков и ещё десятки фамилий тех кто в той реальности принёс победу Советскому Союзу. А теперь история может измениться. У него была мысль осуществить этот план, рассказав Гитлеру. Но что если фюрер всё-таки согласится на союз со Сталиным? Тогда все эти русские генералы будут воевать за СССР, но на пользу Рейху. Нет, пока спешить не надо, пусть этот план будет в запасе, на крайний случай.

Ухмыльнувшись, Гюнтер положил свою руку на тело девушки, широко зевнул и быстро заснул.

Москва. Кремль.

25 апреля 1940 года. Раннее утро.

Иосиф Виссарионович Сталин.

Солнце только-только начало заглядывать в окна Кремля, но он, глядя в окно, не видел этого. Трубка давно погасла и лежала на столе, забытая и ненужная. Вождь и Генеральный Секретарь Коммунистической партии Советского Союза чувствовал себя как столетний старец. Ощущение того что случится совсем скоро, невероятно давило на плечи.

Он не обманывался насчёт Гитлера и знал что рано или поздно но воевать с ним придётся. Да, сейчас они друзья, но только временно, пока это выгодно обоим. Как только их пути разойдутся, то начнётся война. И, если судить по показаниям этого "потомка", то уже в следующем году. Или... Ведь он же сказал, что раз изменил историю то нападение может случиться раньше? Или позже? Почти вся советская агентура в рейхе уничтожена и они ничего не смогут узнать о планах Гитлера.

Что у того на уме? Франция? Потом Британия? Если так то у него есть ещё минимум два года чтобы подготовиться. В том мире Гитлер разбил французов очень быстро, но если он потом решит заняться "Островом" то такой "блицкриг" там не пройдёт. Англичане станут сражаться на своей территории до самого конца и даже если немцы победят то это будет для них "пирровой" победой. Значит, ориентировочно, не раньше 1942 года?

А если нет? Что, если наоборот? Немецкий "попаданец" узнает что его коллега жив и будет толкать Гитлера к скорейшему нападению, пока он, Сталин, не успел перевооружить Красную армию. Но на носу нападение на Францию, Гитлер вряд ли откажется от этого плана, побоится второго фронта. Черчилль может ударить фюреру в спину, пока тот завязнет на советской границе. Нет, вряд ли Гитлер выберет такой вариант. Обеспечит себе тыл на Западе и уж потом..

Вчера Берия доложил о том что заканчивается подготовка особой группы которая должна будет ликвидировать этого Гюнтера. Потом она отправится в Берлин и начнёт работу. А с Гитлером надо бы устроить встречу, посмотреть в его глаза и попытаться понять его планы в отношении СССР. И если он поймёт что тот уже готовит нападение, то придётся объявлять частичную мобилизацию, перебрасывать войска с Востока. Пусть Молотов начинает этим заниматься..

Сталин медленно встал из-за стола и начал медленно прохаживаться по кабинету, снова погрузившись в слова этого Александра. Информация о его детях, особенно о дочери, вызвала в сердце боль. Куча романов, пять (!!!) браков и бегство в эмиграцию... Как?! Как такое могло случиться с его Светланой? Он не понимал. Просто не мог понять. Что ж, значит надо как-то воспитывать её... Нанять опытную женщину, которая бы поставила ей мозги как надо.

А этот Хрущёв... Подумать только, придумал "культ Сталина", оболгал и обосрал всё что с ним связано! Ладно, с ним тоже будем решать. Что там ещё?

Мехлис? Услужливый идиот, прячущий за словами о верности партии, собственный страх перед ним и жажду власти.

Тимошенко, из-за которого в той реальности случилась катастрофа под Харьковом.

Власов... с этим всё ясно.

Думать о том что произошло... или произойдёт в 1991 году, не хотелось вообще. От одной мысли что в стране будет царствовать бандитизм, всякие дельцы-мешочники и повальная разруха в армии, хотелось взять и напиться. Голова всё сильнее раскалывалась от того что он услышал на записи и Сталин решил выпить таблетку. Запив её водой, он прилёг на диван и закрыл глаза, чувствуя что на него медленно накатывает сонное состояние. Если

всё рухнет, значит все его усилия зря? Все жертвы напрасны и СССР превратится в подобие западных стран только намного беднее? Он не доживёт до тех времён, значит, надо как-то подобрать себе преемника, как это сделал президент той России.

Сталин улыбнулся в усы. Правильно сделал этот Путин что не пустил такое важное дело на самотёк. Не хватало ещё чтобы самая важная должность в стране досталась какому-то беспринципному популисту, который придёт к власти в результате "свободных выборов". Нет, не было и никогда не будет "свободы" в таком деле! Всегда, за каждым кандидатом, даже в США, стоят всякие спонсоры, лоббисты, которые ждут когда их человек станет президентом и даст им возможность делать свои грязные делишки. Так что он отлично понимал этого бывшего работника госбезопасности. Именно так и надо действовать! Взял курс вот и держи его! Не можешь сам — найди верного человека на своё место и контролируй его!

Повернувшись на бок и уже проваливаясь в сон, он окончательно решил: своего преемника надо начинать готовить уже сейчас, пока не поздно. И делать это тайно, чтобы всякие хитрые личности не успели подобрать к нему подход! Успокоившись на этот счёт, Сталин заснул.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

25 апреля 1940 года.

Сержант госбезопасности Екатерина Цветкова.

— Здравствуй, Катенька! Что выберешь на этот раз? — поздоровалась с ней повариха. — Сегодня у меня пирожки с капустой и с мясом есть, бери!

— Ой, спасибо, Полина Андреевна, что-то не хочется! — отозвалась та, набирая в тарелку овощной салат и стакан сока.

— Да как же это, Катюша? — всплеснула она руками и посмотрела на девушку грустным взглядом. — Ты же вся худенькая, вон, кости торчат! Кушать нужно нормально, а то в скелет превратишься!

— Я не голодна, Полина Андреевна, извините! — снова отказалась Екатерина и быстро шмыгнула за отдалённый стол под причитания поварихи о несознательных девчонках. Оказавшись на расстоянии от сердобольной толстушки она с облегчением выдохнула.

С самого первого завтрака повариха лагеря, Полина Андреевна, взяла над ней шефство, причём без всякого желания самой Кати. Выражалось это в том, что она упорно пыталась накормить "бедную худышку" до отвала, предлагая ей мучные, мясные и вообще, жирные блюда. Девушка, привыкшая беречь свою стройную фигуру с детства, а теперь, с появлением Алексея, тем более, тщетно пыталась объяснить ей что не хочет поправляться, но это оказалось бесполезным. Женщина твёрдо считала что её собственное телосложение, весом больше ста килограмм, является эталоном красоты, утверждая что мужчинам нравится когда женщину есть за что хватать. Убедить повариху что та ошибается, Катя даже не пыталась и решила просто свести с ней общение к минимуму.

Поглощая салат, она задумалась как приступить к тому заданию, из-за которого и находится здесь. Сегодня уже четверг, а она всячески тянет, пытаясь не встречаться с этим гадом. Но в субботу или воскресенье приедет куратор и спросит её, дескать: а как ваши успехи, товарищ сержант? И что она ответит? Что саботирует приказ начальства и целыми днями сидит у себя в домике, выходя лишь на приёмы пищи? Нет, надо что-то делать, нельзя больше тянуть. Хорошо что начальник лагеря, Сергей Борисович, не донимает её, Катя опасалась что он захочет воспользоваться своим служебным положением и... К счастью, по каким-то причинам тот не показывался ей на глаза.

Личное время у курсантов после ужина. Значит, надо привести себя в порядок и попытаться вытащить перебежчика на прогулку. И о чём ей с ним разговаривать? Хотя, почему это должно её волновать? Он парень, вот пусть и думает как заинтересовать Катю! Если не сможет — сам виноват, а она потом скажет что пыталась сблизиться но не получилось. Может, тогда отстанут?

Девушка вздохнула и отодвинула почти пустую тарелку.

Это маловероятно. Пожалуй, впервые она пожалела что такая красивая. Если бы не это, то перебежчик не обратил бы на неё внимание и Катя осталась бы со своим любимым в Москве. Только прошлого уже не изменить, надо жить здесь и сейчас. Интересно, чем сейчас занят Лёшенька? Наверное, на работе. Ох, главное, чтобы он не завёл себе другую, пока она тут сидит. Алексей у неё красивый, мужественный, наверняка там за ним всякие

вертихвостки бегают... Надо попроситься у куратора съездить в Москву хотя бы на день, посмотреть на него... А для того чтобы этот куратор был доволен, придётся переломить себя и постараться понравиться перебежчику.

Допив сок и наскоро попрощавшись с толстушкой-поварихой, Катя пошла к себе в домик. Ей предстояло очень трудное занятие — выбрать такой наряд чтобы понравиться этому Александру, и в то же время показать ему что у него нет шансов даже просто поцеловать её, не говоря уже о чём-то большем.

Москва.

25 апреля 1940 года.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Вытерев грязные руки, он вышел из мастерской и присел на скамейку в тени. Солнце разошлось вовсю, и сидеть под ним было неохота. Облокотившись на спинку и расстегнув рабочую тужурку, Алексей посмотрел вдаль и закурил.

...Катя так и не появилась. Что с ней, он не знал. Теперь было абсолютно ясно что что-то случилось, причём настолько срочное, что ей пришлось уйти или уехать, даже не предупредив его. Что ж, значит будем ждать. В ближайшее время его план, который Алексей задумал много лет назад, наконец, начнёт обретать реальные черты. Кажется, он нашёл человека который сможет помочь ему добраться до усатого чёрта с хитрыми глазами. Естественно, не добровольно. Но тут у него просто не будет выхода... Алексей предъявит ему настолько убойный аргумент что тот будет вынужден подчиниться. Да, в некотором роде ему помогли, в частности, тот иностранец, с которым он встречался недавно. Но весь основной план целиком на его совести. Найти человека который входит в круг тех кто часто общается с главой страны... это было нелегко.

Да и вообще, после того как он уехал из той станицы, в которой обучался у старого казака Антипа, и до того времени как удалось сделать хоть что-то для осуществления своего грандиозного плана, много воды утекло. Перебравшись в Москву, Алексей успел поработать в нескольких местах. Была мысль попробовать поступить на службу в НКВД но, при здравом размышлении, он от неё отказался. Не факт что смог бы поступить, ведь его стали бы тщательно проверять. К тому же, в таком случае его могли в приказном порядке отправить служить в какую-нибудь глухомань а ему нужно было остаться в Москве, рядом с целью. Овчинка выделки не стоит, нужна была свобода.

Поднакопив денег, он купил на чёрном рынке несколько книг про знаменитого сыщика Шерлока Холмса, где и постиг начальные уроки в маскировке и совершения преступлений. Закрепил эти знания у пары отсидевших преступников, с которыми потом случился "несчастный случай". Потом, в театральном кружке, похитил разные приспособления для изменения своей внешности и костюмы. Конечно, была мысль обзавестись одеждой, ограбив какого-нибудь пьяного бедолагу но он не решился. Было жалко грабить невинного человека, да и рисковать не хотелось, вдруг тот его заметит или случайно патруль милиции рядом окажется.

Целыми часами, после работы, возле зеркала, он имитировал новую внешность, походку, старался изменить голос, но последнее получалось плохо. Не забывал и про физическую подготовку, подтягивался, отжимался, иногда бегал, стараясь выбирать малолюдные места.

Также взял из библиотеки книги Ленина, Маркса, Энгельса, обложился цитатами Сталина, Ворошилова, и теперь мог с успехом задавить незадачливого оппонента-коммуниста выдержками из речей "красных" вождей, вызывая у тех изумление и трепет. Тем более, там было столько цитат что хватило бы на любые случаи жизни, даже реши он ограбить банк. "Хочешь победить врага — пойми его!" Эта фраза, которую он неизвестно где вычитал, нравилась ему и была созвучна его планам. Его рослая, сильная фигура и открытое, располагающее лицо вызывало у прекрасного пола стойкий интерес, которым он, время от времени, пользовался. По крайней мере, до знакомства с Катей. Этой связью он дорожил и на время прекратил свидания с другими женщинами. Не хватало ещё чтобы она случайно узнала о его изменах и потеряла с ним связь. Влюблённая, болтливая после алкоголя чекистка была ценным приобретением и важным каналом информации для него.

Знакомство с иностранцем произошло по инициативе самого Алексея. Для того чтобы добраться до Сталина ему нужна была информация о его окружении и иностранный дипломат-разведчик вполне мог знать то что не знал он сам. Конечно, это значило и то, что ему придётся выполнять кое-какие услуги взамен, но Алексей не видел в этом ничего странного. Ведь эта информация шла во вред Советскому Союзу, значит выгодно и ему самому.

Переодевшись и загримировавшись, он несколько дней следил за одним из сотрудников британского посла в Москве Уильяма Сидса. Изучил его маршрут прогулки и наметил место передачи сообщения. Само собой, за англичанином всегда таскался чекистский хвост, но он был уверен что всё предусмотрел. В один из дней, сотрудник посольства, как обычно, вышел на прогулку и, не торопясь, отправился по улице. Алексей, заранее стоявший на его пути и выпивший до этого полбутылки водки, нетвёрдой походкой пошёл ему навстречу.

Англичанин, увидев его, сморщился и слегка посторонился, стараясь не задеть пьяного русского. Алексей же сблизился с ним, держа в одной руке бутылку, в другой маленькую бумажку, скатанную в трубочку. Сделав вид что споткнулся, он навалился на островитянина и, незаметно сунув ему записку в нагрудный карман пиджака, прошептал на английском:

— Свяжитесь со мной! — и тут же начал громко материться, возмущаясь что ему прохода не дают разные чистенькие буржуи. Тот оказался парнем не промах и поддержал игру, на плохом русском обозвав его пьяным варваром и старательно отряхивая свой пиджак. В довершение всего, англичанин оттолкнул его так что бутылка вылетела из руки Алексея и разбилась, расплескав по тротуару остатки водки. Растянувшись на асфальте, он разругался ещё больше, пригрозив набить тому морду, но посольский уже ушёл а к нему подскочил какой-тип в рабочей куртке и быстро обыскал, вывернув все карманы. Ничего не найдя, велел валить отсюда пока цел.

Оставшись один, Алексей довольно улыбнулся и отправился домой. Начало положено. За эти несколько месяцев он встретился с английским агентом всего три раза. Каждая встреча проходила в разных местах, благодаря тому что Алексей уже на первой из них сообщил где будет оставлять записки и забирать задания, если не получится встретиться лично.

В обмен на информацию он попросил англичанина сообщить ему краткие сведения о ближнем круге Сталина, под предлогом того что хочет попробовать пролезть повыше, пользуясь их протекцией... Алексей не был уверен что тот ему поверил, но нужные сведения он получил. Выбрав объект, он начал готовиться. Слежка, распорядок дня, привычки, близкие родственники, маршрут до дома..

Вчера, проходя с работы домой мимо одной из закладок, он увидел что, судя по знаку, она не пуста. Воспользовавшись тем что рядом никого не было, Алексей достал записку с кодовыми цифрами и направился домой. Там он достал шифровальный блокнот из тайника, прочитал её и задумчиво поднял брови.

Как ни странно, его информация о перебежчике почему-то заинтересовала островитян. Записка гласила, чтобы он предпринял все меры для более подробной информации как о самом перебежчике так и о сведениях, которыми тот обладает. Также обещали хорошую сумму денег. Пожав плечами, Алексей уничтожил записку. Что ж, если англичане хотят тратить своё время и деньги на такую ерунду то пожалуйста. Как только Катя появится, он снова ненавязчиво расспросит её и передаст информацию. Главное, чтобы это не помешало его личному плану.

Берлин.

25 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Он сидел и смотрел на человека-легенду, который был перед ним и с интересом поглядывал на Гюнтера. Чисто выбритый, выглядящий моложе своих лет, тот смотрел на него и едва заметно ухмылялся. Гюнтер его прекрасно понимал: сидит перед ним какой-то молодой оберштурмфюрер СС и восторженно глазеет на генерал-лейтенанта, командира 19-го армейского корпуса, отца "Панцерваффе", "Быстроходного Гейнца" Гудериана.

Рядом с ним сидит ещё одна будущая легенда танковых войск Германии, генерал-майор Эрвин Роммель, всего два месяца назад с трудом упросивший Гитлера снять его с должности коменданта штаб-квартиры фюрера и перевести в действующую армию. Тот сдался и назначил настырного генерала командиром 7-й танковой дивизии, одной из тех которая готовилась для плана "Гельб".

Сегодня утром, едва Гюнтер успел позавтракать, ему позвонили из канцелярии фюрера и велели через два часа явиться к нему. Наскоро одевшись и поцеловав Лауру, у которой в этот день получился выходной, он поехал в рейхсканцелярию. Поставив машину недалеко от входа и кивнув знакомым охранникам, Гюнтер быстрым шагом направился в кабинет фюрера, гадая, что могло случиться и из-за чего его вызвали. Возле кабинета, на этот раз, дежурил другой адъютант, Фриц Даргес, про которого ходили слухи что он едва не стал шурином Гитлера, когда им заинтересовалась сестра Евы Браун. Тот быстро обыскал его, взял кобуру с пистолетом и открыл дверь.

Войдя в кабинет, Гюнтер ошеломлённо застыл, уставившись на двух генералов которые сидели рядом с фюрером и о чём-то разговаривали. Перед ними был стол с несколькими папками. Прежде чем он успел прийти в себя, его тело само вытянулось во фронт и бодро отрапортовало о своём прибытии. И вот он сидит напротив них и с восторгом любитесь живыми легендами, благодаря которым немецкие танкисты внушали всем ужас и приносили фюреру всё новые победы.

— Вольно, оберштурмфюрер. Присаживайтесь! — разрешил Гитлер, отрываясь от разговора с генералами. Гюнтер сел напротив них, пытаясь прийти в себя. Всё-таки не каждый день можно встретить таких людей.

— Господа генералы! — обратился фюрер к Гудериану и Роммелю. — Наверняка вы гадаете по какой причине я вас сюда пригласил и кто этот оберштурмфюрер?

Оба промолчали но их взгляд был весьма красноречив.

— Дело в том что у оберштурмфюрера есть довольно интересные идеи которые касаются именно вас, точнее, войск которыми вы командуете. Не удивляйтесь его возрасту, господа! Думаю, вы понимаете почему с вас заранее взяли подписки о неразглашении сведений? Всё что сегодня услышите от этого человека вы никогда не сможете рассказать другим и сослаться на него. Только от собственного имени и по моему особому разрешению. Вам понятно? — осведомился Гитлер, грозно посмотрев на генералов.

Те переглянулись и дружно кивнули. Гюнтер видел что слова фюрера заинтриговали их. Они терялись в догадках пытаясь понять что такого секретного может им рассказать неизвестный обер-лейтенант СС.

— Перед вами лежат папки в которых кратко перечислены те предложения, которые могут и должны существенно повысить боевую мощь танковых войск. Прошу прочитать их и высказать своё мнение! — продолжил Гитлер, садясь к ним за стол.

Зашуршали бумаги и генералы погрузились в чтение. На некоторое время повисла тишина. Гюнтер видел выражение их лиц, на них то и дело появлялись испытываемые ими эмоции. Удивлённое или скептическое хмыканье, саркастическая усмешка, вздёрнутые брови... Наконец, почти одновременно, они закрыли папки и посмотрели на него и фюрера.

— Я вижу, у вас появились вопросы, господа? — спросил Гитлер, слегка улыбаясь. — Можете их задавать оберштурмфюреру. Его зовут... Густав. Он ответит на все ваши вопросы, так как именно он является автором того что вы прочитали.

Генералы снова переглянулись и Роммель задал первый вопрос:

— Оберштурмфюрер... откуда у вас появились эти идеи? Честно говоря, кое-что меня заинтересовало, но другое вызывает... большие сомнения! — сформулировал он свои мысли.

— Я вас внимательно слушаю, господин генерал! — отозвался Гюнтер с готовностью. Он прекрасно понимал Роммеля, для него всё прочитанное было чем-то новым, даже революционным, поэтому он был намерен ответить на все его вопросы. Более того, это было важно и для самого Гюнтера, ведь если в его идеях будет ошибка то платить за неё будут именно подчинённые этих генералов.

— Давай без чинов, Густав? — спросил Роммель, улыбнувшись. — Терпеть не могу всю эту официальную болтовню! Я боевой офицер а не штабная штафирка. Называй меня просто Эрвин.

— Хорошо, Эрвин. Что ты хочешь спросить? — согласился Гюнтер. Его порадовал демократизм генерала. Значит, высокая должность и звание не заразили его "звёздной болезнью". Тем лучше, легче будет с ним общаться.

— Насчёт "единичек" я с тобой полностью согласен. Их век прошёл, они устарели ещё в Испании. Но вот "двойки" и "тройки", я уверен, ты рано их хоронишь. Думаю, они ещё могут себя показать. Большую часть машин в наших дивизиях составляют именно они. Если мы будем ждать пока их заменят "четвёрки" то пройдёт куча времени... — доказывал ему Роммель.

— Эрвин, я понимаю что перед планом "Гельб" поздно затевать такое масштабное перевооружение, но поверь мне, самый лучший танк на сегодня — именно "четвёрка"! У неё огромный потенциал для модификаций! Броня, орудие, ходовая... Да, во Франции "двойки" и "тройки" смогут добыть нам победу, но что потом? Не забывай, противник тоже учится, те же англичане и русские будут усиливать свои танки и противотанковые орудия! Надо смотреть вперёд, в будущее! К тому же французские "Somua", "Char B1 bis" и британские

"Матильды" обладают хорошей бронёй. Те же "двойки" смогут, в лучшем случае, сбить с них гусеницы. "Тройки" подобьют такие машины лишь если окажутся близко, да и то не факт. Я не хочу чтобы наши парни глупо погибали лишь потому что их машины оказались хуже чем у врага! — эмоционально говорил Гюнтер, глядя прямо в глаза Роммелю.

Тот задумался.

— Скажи, Густав, как ты смог представить дальнейшее развитие "четвёрок"? Меня впечатлили идеи поставить на них удлинённое орудие и усилить броню... — внезапно вступил в разговор "Быстроходный Гейнц".

— Я... — слегка замялся он... — смог поговорить кое с кем из конструкторов и мне пришло в голову что этот обрубок, который стоит сейчас на "четвёрках", слишком слабый. Да, у него неплохое фугасное действие но чтобы бить из него вражеские танки, этого мало... Ствол короткий, слишком маленькая скорость снаряда а значит, низкая бронепробиваемость.

— Танки и не должны сражаться против вражеских танков! — уверенно сказал Гудериан. — Их задача прорвать оборону и уйти в прорыв. Обходить и окружать врага! А танками противника пусть занимается противотанковая артиллерия, она для этого и создана!

Гюнтер внезапно вспомнил... Ну конечно, как он мог забыть? Ведь Гудериан был ярким сторонником теории что танки не должны сражаться против танков! В дальнейшем, он поймёт свою ошибку но когда это ещё будет? Надо исправлять прямо сейчас.

— Господин генерал! В бою могут быть всякие ситуации, вы это знаете не хуже меня! Если так случится что группа наших танков вдруг столкнётся с вражескими машинами, неужели вы дадите им приказ отступать? Ведь противник, зная эту нашу тактику, постарается именно так и делать. А если, всё-таки, "четвёрки" столкнутся с ними в бою то не смогут ничего сделать тем же "Матильдам", которые имеют одинаковую броню со всех сторон, и понесут серьёзные потери, а боевая задача не будет выполнена. Я уверен что наши танки должны быть универсальными, иметь возможность сражаться с любым родом войск противника, в том числе и с танками. Более того, я знаю что другие страны, например, в СССР уже разрабатывают танки с противоснарядной бронёй и мощными орудиями! — попытался Гюнтер убедить его.

— Это точно? Насчёт сведений о новых русских танках? — нахмурился Гудериан. Роммель тоже очнулся от размышлений и с живым интересом слушал разговор. Гюнтер бросил взгляд на фюрера. Тот, подумав несколько секунд, кивнул ему.

— Так точно! Русские, примерно месяц назад, утвердили в производство средний танк под названием "Т-34". Боевая масса больше 25 тонн, дизельный двигатель, броня — 45 мм, к тому же расположенная под углом, широкие гусеницы для бездорожья и мощное орудие 76 мм. К сожалению, если встретятся в бою наша "четвёрка" и этот "Т-34", высока вероятность что победителем будет новый советский танк. Именно благодаря тому что у него хорошая пушка и противоснарядная броня. Советы учли испанские уроки... — закончил Гюнтер.

— Разве мы собираемся воевать с русскими? — удивился Роммель, посмотрев на фюрера.

Тот нахмурился и ответил:

— В ближайшее время нет. А потом... кто знает? Возможно, это они захотят на нас напасть чтобы привести к власти сторонников мерзавца Тельмана. Мы должны быть готовы к любому развитию событий.

— Более того, русские разрабатывают новый тяжёлый танк, "КВ-1". Он весит больше 40 тонн, тоже имеет широкие гусеницы, вооружён той же пушкой что и "Т-34". Только броня у него 75 мм! Вы понимаете? Если вдруг нашим "четвёркам" придётся воевать с ними, то их окурки ничего не смогут сделать с этим зверем. А ведь русские могут придумать что-то ещё более мощное! — горячо говорил Гюнтер, требовательно смотря на генералов. Если они его не поддержат то в будущем это может обернуться лишними потерями. — Да, пока эти машины "сырые". У них куча "детских болезней", Советы сами это признают. Но когда они всё доделают то смогут спокойно пускать их в бой. Наши танки не сумеют помешать им. Я хочу это предотвратить, понимаете?

В кабинете Гитлера повисла тишина. Генералы молчали, обдумывая новую информацию. Гюнтер чувствовал что его слова зацепили их и добавил:

— Поймите, у нас просто нет другого выхода! Если мы этого не сделаем, то сделают наши противники! И уже они, а не мы, будут властвовать на поле боя! Это неизбежно!

Гудериан посмотрел на Гитлера и спросил:

— Мой фюрер, а вы что думаете по этому поводу?

Тот встал из-за стола и снова, по своему обыкновению, стал разгуливать по кабинету, заложив руки за спину:

— Я согласен с оберштурмфюрером. Это наш долг перед германским народом, господа! Если есть возможность усилить наши войска и уменьшить потери, то мы просто обязаны ею воспользоваться! Наши женщины не простят нам если их мужья, сыновья, братья, отцы будут гибнуть из-за того что мы поскупились на хорошее вооружение! Наконец, германские инженеры самые лучшие в мире и мы не можем позволить чтобы другие страны выпускали технику сравнимую с нашей! Немцы всегда будут лучше других! Отныне и навсегда! — прокричал Гитлер снова входя в раж.

— Я вас понял, мой фюрер! — подал голос Роммель. — Разрешите ещё пару вопросов?

— Конечно, Эрвин! — ответил Гитлер, постепенно остывая.

— Густав, тут написано что ты предлагаешь в каждой танковой дивизии иметь несколько батарей зенитных самоходных установок на базе "четвёрок"? Но зачем? У нас всё равно будет превосходство в воздухе, к тому же в дивизиях по штату положены свои зенитные орудия! — спросил Роммель, с удивлением глядя на него.

— Эрвин... Дело в том что это всё пока! Предстоит война с Францией. Но есть ещё Англия, Америка, Россия. У двух последних стран гигантские людские ресурсы. И они не будут экономить на авиации. Особенно США. Когда они поймут что не смогут справиться с нами на земле, то бросят все силы на создание тысяч бомбардировщиков и штурмовиков. Те зенитки что сейчас есть в дивизиях, они не справятся! Пока их отцепят и развернут, пройдёт несколько минут, за это время вражеские штурмовики сделают налёт на колонну и подобьют несколько машин. Вдобавок, расчёты зениток уязвимы для ответного огня. Преимущество самоходных бронированных зениток в том что им, для открытия огня, нужно меньше минуты. Зенитчики будут защищены от пуль. Да и сами машины подвижны, могут менять позиции во время боя, в отличие от буксируемых. Если все такие зенитные танки оснастить четырёхствольными установками то налёт штурмовиков на любую нашу танковую, а потом и пехотную, дивизию закончится для противника серьёзными потерями. А наши, наоборот, уменьшит! — перевёл дух Гюнтер и посмотрел на графин с водой. В горле пересохло и хотелось промочить его, но он постеснялся.

— Что скажете, Гейнц? — обратился к своему спутнику Роммель. — В принципе, он

дело говорит. Я бы не хотел терять свои танки от воздушных стервятников на марше. Думаю, вы тоже.

— Это верно, Эрвин... — согласился с ним Гудериан. — Что ж, если это усилит мощь наших "Панцерваффе" то я не против.

— Забыл сказать, эти машины могут, в крайнем случае, защищать танки от пехоты если те попытаются забросить на них мину или сжечь огнемётами... — добавил Гюнтер.

— Скажи, Густав, тут ты ещё отметил что нам нужен тяжёлый танк? Но какой? Ты представляешь себе его вид и характеристики? — спросил Гейнц, с любопытством глядя на Гюнтера. Роммель тоже посмотрел на него с интересом.

— Есть кое-какие мысли но пока ничего конкретного. Но уверен точно: это должна быть машина не менее 50 тонн, с хорошей бронёй не менее 10 см, причём не только спереди но и с бортов, иначе враг будет стараться бить их именно туда. Желательно, чтобы эта броня была под углом, как у русских. Широкие гусеницы и, конечно, мощное орудие. Не менее 8,8 см. А лучше ещё сильнее! — выразил Гюнтер свои соображения. Он так и не смог пока для себя решить какой именно танк взять для основу. У каждого из них были свои плюсы и минусы.

— Ого! — удивился Роммель. — А ты представляешь какая будет скорость у такой машины? Ведь для неё понадобится мощный двигатель, который займёт кучу места, а значит, ещё больше увеличит массу корпуса. Кроме того, не каждая такая машина сможет переправиться на другой берег если на реке окажется слабый мост. И это не говоря уже о том что наши железнодорожные платформы могут не выдержать их вес, следовательно, переброска на дальние расстояния будет невозможна.

— Я знаю, Эрвин, в этом ты прав! В идеале нужно найти сбалансированное решение между скоростью, массой брони и пушкой. Но если так не получится то предпочту пожертвовать именно скоростью. Даже лёгкий танк не опередит снаряд, а уж средний или тяжёлый тем более. И если в него попадут то хватит одного попадания. А для тяжёлого танка важна толщина брони и калибр орудия, чтобы защитить важные узлы и свой экипаж. И ещё у меня есть мысль что было бы здорово соорудить такое устройство чтобы можно было стрелять на ходу, не останавливаясь для выстрела.

— Да, это устройство нам бы не помешало! — ответил Гейнц, под одобрителный кивок Роммеля. — Как только оно появится, попрошу первую партию прислать в мой корпус!

Все рассмеялись. Роммель выразился в том смысле что только после его 7-й танковой дивизии. Гитлер вмешался и сказал что лично будет решать этот вопрос.

— Больше вопросов к Густаву нет? — осведомился фюрер, глядя на генералов. Те уже в который раз переглянулись и покачали головой. — Тогда не смею задерживать вас!

Генералы ушли, а Гюнтер решил немного задержаться.

— Мой фюрер, я тут кое-что вспомнил... несколько фамилий тех кто возглавляет бронетанковые исследования в России. Думаю, если с ними случится "несчастный случай", то это будет очень кстати! — предложил Гюнтер. На самом деле фамилии русских танкостроителей он помнил давно, но решение устранить их пришло только тогда когда богиня передала ему привет от Алекса. Он понял что русский не поверил ему и всё ещё мечтает взять Берлин и уничтожить Германию. Что ж, значит теперь у Гюнтера развязаны руки.

— И кто же это? — нахмурившись, спросил Гитлер.

— Кошкин, Котин, Морозов, Барыков... Это те кого я пока сумел вспомнить. Обещаю, постараюсь сделать это и с остальными. К сожалению, когда я оказался в будущем, у меня было мало времени чтобы узнать всё что хотелось, поэтому запомнил не всё... Это конструкторы создавшие "Т-34", "КВ-1" и другие советские танки. Их смерть сильно затормозит и ослабит русскую бронетанковую промышленность.

Гюнтер, затаив дыхание, следил за фюрером. Если тот согласится то у Рейха будет чуть больше шансов выжить в будущей войне против русских, если она, всё-таки, случится. Тот задумался и, наконец, сказал:

— Это хорошая идея, оберштурмфюрер! Спасибо! Я посмотрю что можно сделать.

Внезапно Гюнтера молнией пронзила мысль..

— Мой фюрер, во избежание того что русские захотят сделать то же самое, предлагаю усилить охрану наших конструкторов и оружейников. Доктор Порше, Адерс, Бахем, Физелер, Дорнбергер, фон Браун, Книпкамп, Тиль, Хуго Шмайсер, Хейнкель, Флеттнер, Курт Танк, Ретель, фон Охайм, Мессершмитт, Липпиш, Зенгер, Дорнье, Бранднер, Блюме, Бёльков Бааде... Да у меня в голове десятки тех от кого зависит мощь нашего Рейха! Если погибнет хотя бы половина этих людей то будет катастрофа! — убеждал он Гитлера.

Фюрер впечатлился. Он велел Даргесу принести ему блокнот и лично, под диктовку Гюнтера, переписал фамилии конструкторов и оружейников.

— Уже завтра все эти люди будут под охраной гестапо. Я не позволю чтобы коммунисты или англичане подорвали нашу военную мощь! — ударив по столу рукой, громко сказал Гитлер.

— Благодарю, мой фюрер! Разрешите идти? — спросил он, вскакивая со стула.

— Да, оберштурмфюрер, идите. Я вами очень доволен! — улыбнулся тот.

Гюнтер вышел из кабинета, получил своё оружие от адъютанта и направился к выходу. Определённо, он сделал полезную вещь для Германии. Да, из-за него, скорее всего, погибнут несколько советских инженеров и конструкторов, но это же ведь очень маленькая цена за безопасность Рейха, верно?

Берлин. Штаб-квартира СС.

25 апреля 1940 года. Вечер.

Генрих Гиммлер.

Рейхсфюрер смотрел на своего подчинённого, Шелленберга, и размышлял о том докладывает ли он фюреру о его мыслях и действиях. И пришёл к заключению что нет. Дело даже не в том что когда-то Вальтер спас ему жизнь. Просто если бы Гитлер знал какие усилия прикладывает Генрих чтобы, вопреки прямому приказу, узнать подробности про Гюнтера Шольке то от него уже давно была бы какая-нибудь реакция. Раз её нет, то значит что фюрер пока не в курсе... Ну или чего-то выжидает. Очнувшись от своих мыслей, он пригласил Вальтера сесть и начать доклад:

— Судя по вашему довольному виду вы кое-что узнали? — спросил Генрих, внимательно глядя на Шелленберга. Тот улыбнулся и достал свой блокнот:

— Разрешите?

— Да, докладывайте... — ответил Гиммлер.

— Первое. Как оказалось, Шольке и Краузе давние друзья, ещё с детства. 5 апреля они прогуливались по улице когда на них наехал пьяный фельдфебель на машине своего

начальника, оберста Ругера из хозяйственного управления "Люфтваффе". Судя по расследованию полиции, этот фельдфебель обнаружил что ему изменила жена, напился с горя и поехал кататься... При наезде водителя выбросило из кабины. Он погиб.

— Вальтер, мне абсолютно плевать что там случилось с каким-то фельдфебелем! — раздражённо сказал Генрих. Что за манера начинать доклад чуть ли не с сотворения мира?!

— Извините, рейхсфюрер... — слегка смутился Шелленберг. — Так вот, оба друга потеряли сознание и их отвезли в Шарите потому что клиника оказалась ближайшей к месту происшествия. На следующий день, 6 апреля, они оба очнулись, причём, их раны и повреждения, по словам врачей, заживали гораздо быстрее чем обычно. И вот тут начинается самое интересное. В этот же день оба покинули клинику! Причём, если Шольке сделал это законно, то есть выписался, то Краузе сбежал после ужина! — с торжеством посмотрел на него Вальтер.

Гиммлер нетерпеливо махнул рукой, всё это он и так знал от доктора Венцеля.

— Ничего нового ты мне не сообщил. Дальше! — приказал он.

Шелленберг смущённо хмыкнул, слегка разочарованный тем что не впечатлил шефа и продолжил:

— В этот период ни того ни другого никто из посторонних не посещал кроме доктора Венцеля и медсестры Лауры Блюм. Это ответ на ваш первый вопрос, рейхсфюрер.

Он перелистнул страницу блокнота, сверился с ней и заговорил снова:

— Второе. Точнее, это ответ на ваш третий вопрос. Я поговорил с медсестрой Блюм. По моим наблюдениям она крепко влюбилась в этого Шольке, что подтверждают показания персонала, как и результаты слежки. Если вкратце, этот Краузе смог связать её когда она пришла к нему в палату после ужина чтобы забрать посуду, и сбежал. Даже санитар, выставленный доктором Венцелем, не остановил его.

Гиммлер нахмурился ещё сильнее. Это он тоже уже знал. Неужели этот прохвост не сможет ничем удивить его?

— Наконец, последнее. С этим Дитрихом Краузе есть кое-что очень странное, экселленц. Дело в том что этот Краузе таинственно исчез. На его квартире все вещи остались, то есть, он вряд ли туда заходил. Вот только на следующее утро после его побега, кое-что случилось... — снова улыбнулся Вальтер, хитро глядя на своего начальника.

Генрих вопросительно поднял бровь, как бы давая понять что не следует заставлять его ждать. И на этот раз Шелленберг не разочаровал Гиммлера:

— Человек, по приметам схожий с Дитрихом Краузе, напал на полицейских, охранявших советское посольство, оглушил их и проник внутрь! — победно закончил подчинённый.

Глава СС с трудом удержался от удивлённого возгласа. Это что, шутка? Несколько секунд он смотрел на Вальтера, надеясь что тот признается в розыгрыше, но нет. Тот и не думал признаваться. В голове рейхсфюрера тут же появились новые вопросы. Кроме того, в голове что-то промелькнуло.

— Это точно? — на всякий случай спросил он.

— Да, экселленц! Оба полицейских детально описали нападавшего, отметив что от него сильно воняло спиртным, из-за чего они и не приняли его всерьёз. Я проверил по сводкам, действительно, такой случай был зафиксирован.

Внезапно Гиммлер вспомнил! Точно, он тогда доложил фюреру о каком-то сумасшедшем который проник в советское посольство. Помнится, Генрих хотел потребовать

у русских выдать его, но Гитлер отказался омрачать отношения с русскими такой мелочью и дело спустили на тормозах. Выходит, это и был чёртов Краузе? Но зачем ему лезть в гости к Советам?

— Возможно, он был тайным коммунистом? — предположил Генрих, задумчиво поглаживая подбородок.

— Никак нет, рейхсфюрер! — покачал головой Шелленберг. — Он член "НСДАП" с 1936 года. Всеми характеризуется как настоящий нацист. Ни разу не был замечен в симпатиях к "красным".

— Очень интересно... То есть, получается, он уже в России? — спросил он.

— Так точно. Был запрос на его вывоз. Наша сторона его удовлетворила, не желая ссориться с союзником. По словам Советов, это был тайный русский эмигрант, который хотел вернуться на Родину. Скорее всего, врут, но мы не копали глубоко... — ответил Вальтер и огорчённо цыкнул языком.

Гиммлер сжал зубы от огорчения. Эх, если бы заранее знать, то этого Краузе не выпустили бы из Рейха, но увы..

— Узнать от наших агентов в Москве что с ним там случилось и причину его побега! — приказал он подчинённому и тот кивнул, давая понять что принял к сведению. — Это всё, Вальтер или есть ещё что-то?

Тот снова перелистнул страницу блокнота и ответил:

— Тут есть ещё информация о том кто посещал Шольке в клинике во второй раз, после пожара. Говорить? — спросил Шелленберг, вопросительно глядя на него.

— Да, слушаю.

— Как я уже говорил вчера, это была баронесса фон Мантойфель с дочерьми. Потом ещё одна спасённая со своей подругой, некие Аннелиза Бломфельд и Катарина Грау. Также его посетила семья, мать и отец Шольке. Наконец, была ещё одна особа, Шарлотта Кольбе. Тему разговоров узнать не удалось, посторонних в тот момент в палате не было. Рискну предположить что первые две встречи были продиктованы благодарностью со стороны спасённых. Про семью понятно. А вот каким образом тут оказалась замешана эта Кольбе, мне неясно. Кстати, ещё к нему приезжала Ева Браун... — закончил доклад Вальтер.

— Про Еву я знаю, присутствовал в тот момент когда фюрер приказал ей навестить его... — согласился с ним Гиммлер. — Насчёт баронессы и этой Аннелизы... Съезди и осторожно узнай тему их бесед с Шольке. Скорее всего, это была простая благодарность, но тем не менее... С Кольбе тоже поговори.

— Слушаюсь! — с готовностью подобрался Вальтер.

— Всё, свободен! — отпустил его Гиммлер. Сейчас следовало сосредоточиться и понять... Зачем? Зачем этот Краузе сбежал из страны? Чего-то опасался? Возможно... Чтс ж, похоже, пора снова поговорить с Шольке.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

25 апреля 1940 года. Вечер.

Александр Самсонов.

Саша отдыхал после ужина, чувствуя как усталое тело понемногу начинает отходить от нагрузок. Утренняя, стандартная "пятёрка" снова оставила его без сил, но ему уже не пришлось добираться до финиша на плечах своих товарищей. Похоже, организм начал

привыкать и перестраиваться. Да, он опять прибежал последним, группе "Филина" снова уделили особенное внимание инструкторы на полигонах, но Александр ощущал как что-то в нём меняется. Больше не было ощущений что выплёвываешь свои лёгкие или желания лечь и умереть. Ноги всё равно немели от долгого бега, но он уже мог после такой "пробежки" сам идти мыться, заправлять постель и не падать со стоном за стол.

Отношение бойцов его группы тоже изменилось. Если сначала, первые дня два, большая часть из них смотрели на него как на досадную ошибку, которую, почему-то, засунули к ним в группу, то теперь неприязненные взгляды и мат сквозь зубы исчезли, сменившись некоторым дружелюбием. Нет, они не стали друзьями но, видимо, его воля и желание не подвести товарищей смогли переменить к лучшему отношение к "Засоне".

Выражалось это в том что "Заяц" сегодня несколько раз подколот его насчёт прозвища, "Филин" целых пятнадцать минут уделил ему внимание чтобы объяснить как надо правильно дышать и бежать, а "Лесник" показал какие ягоды и грибы можно употреблять в пищу если вдруг окажешься в лесу без еды. Это радовало Сашу, ведь он не был одиночкой который привык жить сам по себе. К тому же, его желание стать таким же как все другие бойцы не ослабло а, наоборот, разгорелось ещё больше. Он ни разу не пожалел о своём желании приехать сюда. Обычный, городской парень начал превращаться во что-то более сильное и выносливое..

Сегодня были занятия по маскировке, знания уставов других армий, политзанятия, где, как обычно, часть курсантов хотела вздремнуть, метание ножей, изучение итальянского и японского вооружения... Всё это было ему безумно интересно и он впитывал новые знания как губка, в отличие от некоторых других товарищей, которые развлекались как могли, если видели что преподаватели не видят.

Внезапно его внимание привлекла всё более увеличивающаяся толпа курсантов возле окна. Слышались удивлённые возгласы, кто-то присвистнул, а потом все разом выбежали из казармы. Изумлённый Саша посмотрел в окно и застыл, не веря своим глазам.

Недалеко от входа стояла Катя. В красивом платье, с какой-то интересной причёской, она о чём-то разговаривала с ребятами, смеялась. Не помня себя от радости и, почему-то, ревности, он быстро накинул форму и выскочил наружу.

— Девушка, а как вас зовут?..

— Позвольте вас проводить, мадемуазель?..

— Вы великолепны как солнце!..

Все эти вопросы и комплименты сыпались на девушку просто водопадом от обступивших её парней. Конечно, не все бойцы собрались рядом с ней. Были и такие которые стояли поодаль и с насмешливыми улыбками смотрели на своих товарищей, пытавшихся как-то выделиться в глазах красавицы. Скорее всего, они уже были счастливо женаты либо у них были девушки.

С трудом пробившись сквозь плотную толпу, Саша остановился прямо перед ней и сказал, не в силах скрыть радостную улыбку:

— Здравствуйте, Катя!

Все разом замолчали, глядя на этого "Засоню", который тоже попытался завоевать внимание незнакомки, не отслужив и недели. Но не успели они сказать ни слова как были удивлены ещё больше ответными словами девушки:

— Здравствуйте, Саша. Я и не знала что вы тоже здесь служите!

Её улыбка была какой-то искусственной, но он не обращал на это внимание. Подумать

только, она здесь, рядом! Неужели Катя тоже будет жить с ними в одном лагере? Это было бы супер!

— Эй, Засоня, ты чего лезешь вперёд батьки? — послышалось от пришедших в себя осназовцев.

— Такая красотка не для тебя, пацан!..

— Иди отсюда, ты тут явно лишний!..

Девушка, тем временем, подошла к нему, ловким движением просунула руку по локоть и мягко повела в сторону:

— Извините, товарищи, мне нужно поговорить с Сашей.

И пока изумлённые бойцы пытались осознать тот факт что какой-то невзрачный новичок сумел заинтересовать девушку больше чем они, пара успела отойти метров на десять. Остановившись под деревом, она вытщила свою руку и спросила у него:

— Как у вас дела? Всё нормально?

Её голос ласкал его уши, хотелось просто стоять и слушать... А ещё лучше обнять Катю, вдохнуть её запах, целовать... Он с трудом взял себя в руки, глубоко вздохнул и постарался чтобы голос не дрожал. Хватит уже быть робким слюнтяем, который только и может смотреть да мечтать. Надо действовать!

— Да, у меня всё хорошо. Катя, но как вы сюда попали? Вы же стенографистка в тюрьме? — поразился он такому неожиданному сюрпризу.

Девушка улыбнулась:

— Да, была стенографисткой. Но пришёл приказ и я теперь буду служить здесь. Кем? Этого я сказать не могу, сами понимаете, секретно.

— Конечно, понимаю... — согласился он, пытаясь не показать ей свою заинтересованность. Получалось не очень.

— Саша... — она заколебалась, избегая смотреть на него. — Я хочу попросить у вас прощения..

— За что? — удивился он. Уму непостижимо, Катя просит его простить её?

Она вздохнула, сложила руки в замок и заговорила, избегая смотреть на него:

— Я ошибалась насчёт вас. Думала, что вы подлый перебежчик, который всё выдумал чтобы... я не знаю... наверное, обмануть нас, ввести в заблуждение... Но теперь мне кажется, что вы были правы. Простите меня за тот случай в ресторане! Я потеряла выдержку, впала в истерику и..

— Катя! Я вас уже давно простил! — улыбаясь, прервал её Саша, взяв девушку за руку. Она вздрогнула, но не выхватила её. Он приободрился: — Я понимаю, скорее всего, на вашем месте повёл бы себя точно так же... Ведь слушать то что я вам рассказывал, наверняка было очень тяжело..

— Я дико извиняюсь, свет очей моих! Если бы я знал что такая дивная роза посетит наше скромное жилище то завалил бы вас цветами, прекраснейшая из прекрасных! — внезапно в их разговор ворвался чей-то гортанный голос с лёгким акцентом. Саша с Катей изумлённо посмотрели в сторону и увидели как к ним подходит какой-то широко улыбающийся боец-кавказец с крепкой фигурой и чёрными, весёлыми глазами.

— Здравствуйте... а вы кто? — удивлённо спросила Катя, в то время как Саша сжал кулаки от злости. Кавказец улыбнулся ещё шире, хотя, казалось, куда ещё больше:

— Простите восхищённого вашей неземной красотой горца! Такая девушка как вы... Эх, теперь бедный Гурам не сможет спокойно спать... Гурам — это я. Гурам Галадзе, к вашим

услугам, моя королева!

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

25 апреля 1940 года. Вечер.

"Кремень".

Он хмуро смотрел на этих двух драчливых кобелей и едва сдерживал ругательства. Ведь знал! Знал что такое случится! Да и Коля предупредил об этом... Но нет, всё равно не углядел. Расслабился, благо дел у него было выше крыши. Забыл про эту чёртову бабу, которая почти не выходила из своего домика, и вот результат! Распишись и получи!

Сильный кулак с грохотом обрушился на стол, от чего оба "залётчика" оторвались от изучения стенки и взглянули на него. Сергей Борисович постарался взять себя в руки. Незачем срывать при подчинённых. Это не дело, тем более для командира. Эх, с каким бы удовольствием он отправил эту бабу обратно, но нельзя... Приказ, мать его! И вот что теперь делать?..

— Так... Ваши версии я выслушал. Да и свидетелей полно. Засоня, выйди и жди за дверью! — приказал он, подавив желание снова разораться на них.

— Есть! — выкрикнул "новенький", чётко развернулся через левое плечо и вышел из кабинета строевым шагом. Он остался вдвоём с горячим кавказцем и мрачно впился в него взглядом. Тот стоял неподвижно, по стойке "смирно", и снова изучал стену над головой "Кремня".

— Скажи-ка мне, Горец... Ты не хочешь здесь учиться? Если так, то признайся мне, не стесняйся! Завтра же тебя отправят обратно откуда взяли. Парень ты неплохой, по дисциплинам успеваешь. Характеристику нормальную напишу. А? Что скажешь? — спросил Сергей Борисович своего подчинённого.

— Не надо, Командир... Я хочу здесь. Не хочу обратно! — взволнованно ответил Гурам, смотря ему прямо в глаза. — Обещаю, больше такого не повторится! Просто такая красивая девушка! Не удержался!

— Нет, Горец, ты так меня и не понял... Прошлые твои "залёты" были ерундой по сравнению с этим. Ты что, свой член на узел завязать не можешь? — начал выходить из себя начальник лагеря. — Лишь бы куда-нибудь засунуть? Даже к поварихе не постеснялся подойти! Правильно тебя Михалыч отмудохал! Не хрен лезть к чужим бабам! Знаешь, что я придумал? Прикажу тебе бром давать, целую кружку, и ты будешь пить его под моим личным присмотром, понял?! И тогда я тебе обещаю, ты не то что бабе какой засадить, ты вообще забудешь что у тебя член есть!! — всё-таки, не сдержавшись, снова закричал Сергей Борисович в лицо курсанту.

— Командир, не надо бром! — не на шутку встревожился "Горец". — Всё будет нормально!

— Нормально, говоришь? Ну-ну... — начал остывать "Кремень". — Слушай меня внимательно, Гурам! Повторять не буду! Эта баба здесь не для тебя! НЕ ДЛЯ ТЕБЯ! И если некоего Горца ещё раз увидят рядом с ней, то пеняй на себя. Трибунал это минимум что тебя ждёт. Эта Катя на контроле у Самого! И если он узнает что ты к ней лезешь... то подставишь не только себя но и всю свою семью! Она же у тебя большая, верно? — спросил он, прекрасно зная ответ.

— Да, Командир... — опустив голову, ответил кавказец. — Я не знал... Думал, просто работает тут.

— Думал он... Плохо ты думал... Лучше надо себя сдерживать и не бросаться на всех у кого сиськи-дырки есть! Короче, дело такое! — подошёл к нему вплотную и заглянул в чёрные глаза покорителя женских тел и сердец. — Если хочешь нормально доучиться и стать одним из лучших, то ты должен сделать выбор. Либо ещё одна глупая девчонка, навечно порушенное будущее и позор от семьи... либо после обучения новое звание, должность и почёт с уважением от твоего отца, братьев и всех родных. Что ты выбираешь?

Кавказец твёрдо посмотрел ему в глаза.

— Второе, Командир!

— Что ж, я и не сомневался в твоём выборе, Горец! — довольно кивнул Сергей Борисович. — Можешь идти, у тебя... пусть будут три наряда.

— Есть, три наряда, Командир! — прозвучал разочарованный голос Гурама.

— И ещё потом извинись перед Засоней! — вдогонку приказал "Кремень". Повисла тишина. — Не слышу ответа? — повысил он голос.

— Есть, извиниться... — ответил ещё больше погрузневший кавказец.

— Всё, свободен! Скажи чтобы он зашёл сюда.

Хлопнула дверь, но через несколько секунд открылась снова. Молодой новобранец снова строевым шагом дошёл до него и начал докладывать:

— Товарищ Командир, курсант Засоня по вашему..

— Отставить! — махнул рукой "Кремень" и сел за свой стол. Тяжело вздохнул и взял лист бумаги.

— Значит, говоришь, ты стоял, просто разговаривал... Подошёл Горец, попытался тебя оттеснить и тоже поговорить с девушкой. Так? — спросил он, глянув на подчинённого. Тот стоял как оловянный солдатик и смотрел на лист.

— Так точно! — громкий и уверенный в себе ответ.

— Продолжим! Ты возмутился и попробовал объяснить ему что он не прав. Объяснение провалилось. Попытка девушки попросить его уйти тоже не получилась. Так? — снова уточнил Сергей Борисович.

— Так точно!

— Потом ты попробовал силой решить проблему. Но проблема оказалась сильнее и решилась не в твою пользу. Так? — задал он риторический вопрос.

— Так точно... — нехотя признал "Засоня".

— Хорошо хоть большую часть этой сцены я видел сам. А то бы вы мне тут понаписали как поскользнулись на асфальте, упали с лестницы, зацепились за косяк и другие выдумки дураков, которые, почему-то, уверены что они умнее командиров... — насмешливо произнёс Сергей Борисович.

"Засоня" молчал. Скорее всего так бы и было, не окажись случайно он сам в это время поблизости. Просто удивительно, стоило ему с трудом найти время просто прогуляться по лагерю, разгрузить голову от кучи дел и тут же попасть на разборки из-за этой бабы! Редкостное невезение! Ещё одна головная боль для него. А ведь придётся докладывать Коле. Иначе эта информация может дойти до него другим путём и тогда... Кто его знает что случится? Нет, "Кремень" не боялся что ему лично что-то будет. Но вот потерять дружбу старинного товарища, с которым столько пережили из-за какой-то глупой сцены за чужую бабу? Да на хрен! Доложит всё как было, а там, наверху, пусть решают. Может и уберут

девчонку отсюда.

— Саша... Я так понимаю, эта Катя тебе нравится? Хм... Можешь не отвечать, по тебе всё видно... — усмехнулся он. Лицо "Засони", пока не умевшего скрывать свои чувства, прекрасно говорило вместо слов. — Только вот какая штука... Ты здесь, в первую очередь, не для того чтобы с ней по ночам гулять да серенады петь, а повышать своё мастерство, физическую силу, и вообще, превращаться в настоящего бойца, понятно?

— Так точно, товарищ старший майор! — лицо парня стало непроницаемым. "Кремень" улыбнулся краем рта.

— И ещё хочу сказать кое-что... — он убрал улыбку и посмотрел курсанту прямо в глаза. — Вполне возможно, когда-нибудь, тебе придётся выполнять задания вместе с Горцем или другими сослуживцами. Будет глупо портить отношения с бойцами и командирами лагеря из-за девчонки. Вы здесь должны быть как одна семья. Прикрыть огнём, доверить спину, помогать во всём... Ясно?

— Разрешите вопрос, товарищ старший майор? — внезапно спросил "Засоня", продолжая стоять по стойке "смирно".

— Давай... — разрешил заинтересованный Сергей Борисович.

— Как бы вы поступили на моём месте? Например, вам очень нравится девушка, вы разговариваете с ней, а тут подходит такой наглый придурок и пытается на ваших глазах увести эту девушку? Обычных, вежливых слов не понимает... Что тогда остаётся? — с вызовом спросил курсант.

"Кремень" снова усмехнулся, этот Саша ему чем-то нравился. Да, пока что он мало что может, но потенциал у него есть.

— Что остаётся?.. Хм. Да, в принципе, ничего... Кроме как твоего способа. За свою девушку или женщину ты должен сражаться всеми силами и средствами. Кулаками, палкой, оружием... Не важно. Что есть в наличии тем и сражайся. Потому что если ты уступишь раз... — замолчал он на пару секунд... — во второй раз уступить будет ещё легче. А это путь в никуда, точнее, на дно. Одно дело если ты сражаешься за себя, там можно и слабаком на время прикинуться, чтобы ввести противника в заблуждение. Но если рядом с тобой твоя женщина... То дерись! До конца дерись! Даже если их много а ты один! Пусть тебя изобьют до потери сознания но девушка будет знать что ты крепок духом, а они таких любят! А если ты струсил на её глазах... Не важно по какой причине... то, рано или поздно, она найдёт тебе замену. И правильно сделает! — Сергей Борисович разгорячился, сам не заметив этого. — Хочешь совет насчёт Кати?

— Да... То есть, так точно! — тут же поправился курсант, глядя на него горящими глазами.

— Будь жёстче! Нравится девушка? Смело подходи, не мямли как школьник перед одноклассницей! Гляди в глаза, не отводи взгляд! Обнимай уверенно но не грубо! А если кто ещё привяжется к ней, предупреди его о последствиях... Только один раз! Если не поймёт — бей! — стальным голосом рявкнул "Кремень". Что-то похожее было и в его юности, нахлынули воспоминания... Он оборвал сам себя и отвернулся к окну.

— Заболтались мы с тобой, Засоня... Всё, свободен! — взмахнул он рукой, отпуская подчинённого.

— Есть, товарищ старший майор! Я вас понял! — раздались громкие шаги. Хлопнула дверь и Сергей Борисович остался в одиночестве.

"Что ж, Коля, я постарался помочь твоему курсанту, а вот как он этот совет

использует... Ладно, время покажет. Главное, чтобы Гурам опять не влез, не хотелось бы перспективного парня под трибунал отдавать.." — пронеслось в голове.

Берлин. Новый дом Бломфельдов.

26 апреля 1940 года.

Аннелиза Бломфельд.

Она играла с Роландом, чувствуя себя, почему-то, радостной и с весёлым настроением. На сердце было легко. Проблема с почти уже, бывшим мужем, решилась, в следующий понедельник их должны были развести. И снова ей в этом помог Гюнтер. Аннелиза очень испугалась когда пришёл Мартин и, как обычно, потребовал денег. К тому же ей было очень стыдно перед Гюнтером и Лаурой за такую безобразную сцену. Ну почему он не пришёл хотя бы через несколько минут после их отъезда?! Но теперь она решила что так как произошло, даже лучше..

...После того как Мартин намеренно толкнул Гюнтера и вошёл в дом, Аннелиза застыла в страхе увидев лицо её спасителя. Таким она его ещё не видела. Казалось, тот пришибёт её мужа на месте. Конечно, женщина попыталась успокоить его, но тщетно. А уж после того как он увидел Мартина, вытряхивающего деньги из её кошелька..

...Из-за закрытой двери в её спальне раздавались глухие удары, неразборчивые слова Гюнтера и приглушенные крики мужа. Она едва не потеряла сознание, представив что мог Гюнтер сделать с Мартином. Причём, больше всего она волновалась вовсе не из-за здоровья мужа... Просто если её спаситель вдруг убьёт или серьёзно изобьёт его то у него будут неприятности. Поймав себя на такой мысли Аннелиза покраснела. Нет, она не любила Мартина но и не желала ему зла, пусть бы только отстал от них. К сожалению, благодаря её попустительству и нежеланию конфликта, тот совсем распустился и полностью перестал с ней считаться.

...Наконец, дверь распахнулась и злой Гюнтер вышел из её спальни, таща за собой причитающего от боли Мартина. Катарина ей уже давно рассказала о знакомстве Гюнтера с её мужем, как тот нелестно отзывался о ней во время пожара и в женщине всколыхнулось чувство... удовлетворения, что ли? Гюнтер отомстил ему за неё. За все слёзы, унижения, пренебрежение к ней. Видеть всегда наглого, надменного и самодовольного Мартина в таком виде было одно удовольствие... Гюнтер снова помог ей. И дело вовсе не в деньгах и драгоценностях которые он заставил вернуть мужа, вовсе нет! Но чувствовать себя под защитой сильного, красивого, справедливого мужчины, пусть даже намного моложе её, было очень приятно..

...Что же касается того что с ней сделал Гюнтер чуть раньше... Аннелиза старалась не думать об этом, иначе просто сгорит со стыда. Какой бес в неё вселился? Почти отдаться ему в собственном доме, когда его девушка Лаура так близко! Непостижимо! Чем она думала?! Женщина помнила как голову заволкло каким-то сладостным дурманом, между ног прокатывались волны желания а от развратных мыслей горели уши... Казалось, она вся превратилась в один большой сгусток похоти в которой утонули последние остатки благоразумия. Не хотелось сопротивляться, протестовать... только крепко обнять его, страстно поцеловать, почувствовать в себе и на себе... А его сперма, которую она, не сдержавшись, попробовала в ванной на вкус!..

...Порывисто вскочив, Аннелиза быстро пробежала в ванную, чувствуя как дрожит всё

её тело, и начала промывать лицо холодной водой, пытаясь успокоиться. Надо всё забыть! Не вспоминать! Не было этого! И не будет! Тщательно вытерев лицо полотенцем она посмотрела на себя в зеркало. Обычное лицо женщины за тридцать... Ну да, Аннелиза следит за своей фигурой, со вкусом красится, одевается... Неужели она ему так понравилась? Увидев свою счастливую улыбку, женщина спохватилась и приняла спокойный вид. Морщинок пока не видно... Волос седых тоже не заметно. Она ещё ничего!

Выйдя из ванной, Аннелиза вошла в гостиную и увидела что у них гость. Стройный, красивый эсэсовец стоял в центре комнаты и разговаривал с Катариной. Бросив на него взгляд, она невольно поразились различиям в мужчинах. И Гюнтер и этот офицер были эсэсовцами. Оба красавцы. Но если Гюнтер вызывал в ней бурные чувства, ощущение надёжности, защиты и... желанья, то этот внушал ей какую-то тревогу. Казалось, что он просто возьмёт от неё всё что ему захочется, а потом отбросит в сторону, как совершенно бесполезную вещь, которая перестала быть нужной.

— Аннелиза, познакомься, это штурмбаннфюрер СС Вальтер Шелленберг! — представила его Катарина, обернувшись к ней.

— Мне очень приятно видеть сразу двух таких очаровательных женщин в этом доме! — рассыпался в любезностях гость, обаятельно улыбаясь им обеим. На Аннелизу эта улыбка не произвела впечатления, хотя она отлично понимала что на других девушек, скорее всего, это бы подействовало. Быстрый взгляд на подругу показал что Катарина тоже осталась равнодушна к смазливому офицеру. Почему-то это обрадовало её.

— Здравствуйте, штурмбаннфюрер. Меня зовут Аннелиза Бломфельд! — представилась она в ответ. И тут же поправилась: — Хотя через несколько дней я буду уже не Бломфельд.

— Простите? — не понял Шелленберг. — Что значит..

— Я развожусь с мужем! — пояснила она с улыбкой. Гость растерянно посмотрел на неё:

— Извините, я глубоко сочувствую вам... — начал он, но был тут же ею прерван:

— Вы неправильно меня поняли, офицер! — не сдержавшись, рассмеялась она. — Наоборот, вы меня можете поздравить! Я давно хотела это сделать, но к сожалению, набралась смелости только сейчас.

— А... хм... Что ж, тогда поздравляю вас! — с трудом пришёл в себя гость. Вид его растерянного лица вызвал у неё широкую улыбку, которую Аннелиза не сочла нужной скрывать. Катарина тоже весело улыбалась, присев рядом с ней.

— Вы что-то хотели, штурмбаннфюрер? — помогла ему женщина. Конечно, смотреть на сбитого с толку офицера было приятно, но всё-таки хотелось бы узнать причину его визита.

— Да, фрау Бломфельд. Я бы хотел... — попытался вернуться он к теме своего прихода, но Аннелиза снова заставила его замолчать.

— Называйте меня просто Аннелизой, хорошо? — попросила она, озорно сверкнув глазами. Смешавшись, Шелленберг несколько секунд смотрел на неё и только потом словно очнулся.

— Хорошо... Аннелиза. Я хочу спросить вас о Гюнтере Шольке... — наконец, собрался он.

Аннелиза с Катариной переглянулись и снова посмотрели на него.

— Что конкретно вы хотите узнать? — спросила она, внутренне сосредоточившись. Неужели этот офицер пришёл из-за Мартина? Хотя при чём тут СС?

— Что вы вообще можете о нём сказать? Какое он оставил впечатление? — принял эсэсовец деловой вид.

Аннелиза задумалась, пытаясь понять к чему этот вопрос.

— Он блестящий офицер, штурмбаннфюрер! — пришла ей на помощь Катарина. — Гюнтер спас нас во время пожара, вы знаете?

Тот кивнул и уселся поудобнее.

— Я... то есть, мы с Аннелизой будем всегда благодарны ему за это! Он настоящий мужчина! Смелый, мужественный, сильный, красивый! — разошлась Катарина и Аннелиза слегка улыбнулась, получив подтверждение своих подозрений. Как она и думала, её подруга тоже оказалась равнодушной к Гюнтеру.

— Я полностью согласна со своей подругой, офицер! — поддержала она её. Катарина с благодарностью посмотрела на Аннелизу.

— Понимаю... — улыбнулся офицер. — Скажите, вы не замечали за оберштурмфюрером какие-либо странности?

— Какие странности? — удивилась она, снова переглянувшись с подругой.

— Хм... Например, какие-нибудь сверхспособности? Или необычное поведение? Слова странные? — перечислил Шелленберг.

Аннелиза уверенно покачала головой, чувствуя что эти вопросы явно неспроста. Да и не было, по её мнению, ничего особенного в её Гюнтере... Ой! Она подумала "её Гюнтере"? Похоже, дело зашло ещё глубже чем она ожидала... Надо рассказать ему об этом разговоре когда она снова встретится с ним.

Катарина тоже отрицательно покачала головой. Впрочем, Аннелизе показалось что все эти вопросы эсэсовец задавал для проформы, не надеясь получить нужные ему ответы. Оно и к лучшему, незачем много рассказывать этому офицеру про Гюнтера. Аннелиза не знала, но чувствовала что это не приведёт к чему-то хорошему.

Вежливо попрощавшись, Шелленберг ушёл, а она снова начала играть с сыном, пока его внезапный вопрос не поверг её в смущение:

— Мама, а дядя Гюнтер может стать моим папой?

Мгновенно покраснев, она посмотрела на такую же красную подругу и попыталась улыбнуться:

— Не знаю, сынок... А почему ты этого хочешь?

— Дядя Гюнтер не такой как мой настоящий папа... — сообщил ей ребёнок, глядя на Аннелизу чистыми глазами. — Папа ругается, бьёт тебя, он плохой, ты плачешь из-за него! А дядя Гюнтер хороший! Он сильный, добрый... играет со мной! И ты радостная когда он приходит... И тётя Катарина тоже... Можно он будет моим папой? — с надеждой спросил Роланд.

Аннелиза почувствовала как сжало её горло, на глазах появились слёзы. Бедный мальчик, сколько горя он вытерпел из-за Мартина..

— Роланд, я не знаю что тебе сказать... Это от дяди Гюнтера будет зависеть... — наконец, нашла слова женщина, пытаясь успокоиться. Катарина тоже под села рядом и погладила её сына по голове, подозрительно шмыгнув носом.

— А я его попрошу, ладно? — осенило мальчика и он посмотрел на неё сияющими глазами. От такого заявления сына она почувствовала как смутилась ещё сильнее. Взяв Роланда за руку, Аннелиза попыталась стать строгой:

— Роланд, ты не должен этого делать! Так нельзя! Понимаешь? Такое не спрашивают!

— Почему? — тут же спросил он.

Женщина замешкалась, но тут пришла помощь от верной подруги:

— Потому что у него уже есть... девушка.

— Уу... — огорчился мальчик, но тут же нашёл выход: — А почему дядя Гюнтер не может жениться на нескольких девушках? Тогда он бы смог стать моим папой. Или вы не хотите чтобы он был моим папой? — в его глазах заблестели слёзы обиды.

Самообладание Аннелизы рухнуло и она залилась слезами, прижав к себе всхлипнувшего сына. К ним присоединилась Катарина, обняв обоих. Судорожно обнимая маленькое тело самого родного для неё человечка, она шептала:

— Конечно, хочу, миленький мой... Очень хочу... Дорогой мой, любимый... Не плачь, сыночек... Только не плачь!

Берлин.

То же время.

Лаура Блюм.

Созвонившись утром, она решила встретиться с Шарлоттой во время своего обеденного перерыва в работе. Накинув лёгкий плащ, Лаура выскочила из здания клиники Шарите и скоро уже была в одном из кафе неподалёку. Гостья уже сидела там, неторопливо потягивая кофе. Лаура её сразу узнала и с трудом подавила вздох зависти и восхищения.

Девушка выглядела очаровательно. Лицо, волосы, одежда, косметика... Шарлотта явно знала толк в том как завлечь мужчину и показать себя во всей красе. Ну и что, зато у Лауры есть Гюнтер, а у неё нет!

— Здравствуйте, Шарлотта! — вежливо поздоровалась она.

Та вскинула на неё глаза и ответила:

— Ой, вы так незаметно подошли, Лаура... Я вас и не заметила. Здравствуйте! Отлично выглядите! — похвалила её гостья.

— Спасибо, вы тоже очаровательны! Вам так идёт это платье! — вернула комплимент Лаура.

— Мне оно тоже нравится! — улыбнулась девушка, её ровесница.

Лаура собралась с духом и заговорила:

— Шарлотта, я хочу ещё раз извиниться перед вами за ту безобразную сцену в клинике. Я вела себя очень грубо и не знала что вы очень помогли Гюнтеру... — она замялась и стиснула ручку своей сумочки. — Просто я..

Гостья положила свою руку на её кисть и слегка сжала:

— Я вас отлично понимаю, Лаура, и не сержусь... — её голос был мягким и сочувствующим. — Вы ревновали Гюнтера и неудивительно. Он ведь очень... колоритный мужчина, верно? — она хихикнула.

Лаура почувствовала как будто камень упал с её души. Чувство вины ушло и сердце радостно забило от облегчения. Она не выдержала и рассмеялась в ответ. Какая, всё-таки, эта Шарлотта чудесная девушка! Помогла спасти Гюнтера, сама красивая, добрая, хорошая!

— О, он очень... Я даже не знаю как сказать... Я так его люблю, вы бы знали! — страстно сказала Лаура. — Просто не могу себе представить как раньше жила без него? Вся моя жизнь теперь это он. Я готова на всё ради Гюнтера!

— Я завидую вам, Лаура... — с грустью вздохнула гостья. — Вы любите и любимы... А

я... одна... — девушка отвела взгляд но Лаура заметила как в уголке её глаза блеснула слеза. Острое чувство жалости нахлынуло на неё, она пересела к ней вплотную и обняла гостью. Та доверчиво прижалась к ней и полезла в сумочку за платком. Лаура опередила её и дала девушке свой.

— Извините меня... — всхлипнула Шарлотта. — Просто я вижу как вы счастливы и мне так захотелось хоть немного такого чувства..

— Не извиняйтесь, Шарлотта, я вас прекрасно понимаю... Вот увидите, вы непременно встретите мужчину который полюбит вас а вы полюбите его! — попыталась она успокоить её.

Та внимательно посмотрела на неё.

— Вы так думаете?

— Я уверена в этом! — твёрдо заверила Лаура.

— Как бы я хотела встретить хоть кого-то похожего на вашего Гюнтера... — с грустью сказала гостья, отвернув лицо в сторону. — Кстати, может перейдём на "ты"? Мы же одного возраста. Согласна?

— Конечно! — улыбнулась Лаура. Она была рада что та успокоилась. — Ой, я же хотела спросить, а как ты ему тогда помогла? И что вообще там случилось?

— Ты про аварию? — переспросила Шарлотта.

— Да!

— Ну... я просто шла по улице, слышу, сзади шум мотора, крики и грохот... Я испугалась, обернулась, вижу, машина стоит и дымится что-то из капота... А рядом двое мужчин лежат. Я даже не помню как подбежала... А там Гюнтер лежит, весь в крови... Ужасно! — покачала она головой.

— Какой кошмар! — вздрогнула Лаура, её воображение тут же показало ей картину окровавленного Гюнтера, лежащего на тротуаре.

— Да... Я начала вытирать его платочком, пыталась звать скорую или полицию... А он смотрел на меня и молчал... и потом потерял сознание... Боже, я подумала что он умрёт, представляешь? — медленно говорила гостья, видимо, тоже вспомнив все детали происшествия.

— Ох, ты бы знала как я билась в истерике когда его привезли после пожара... — снова вздрогнула Лаура от ужасных воспоминаний. — Даже помню это только урывками. Как я кричала... как меня еле оттащили от него... представляешь, я твёрдо решила что если он умрёт то я тоже умру! Просто лежала в какой-то прострации и ни о чём не думала. Как будто меня выключили из розетки. Ждала когда врач выйдет... и скажет... жить мне или умереть.

Она посмотрела на Шарлотту мокрыми глазами, а та приоткрыла рот, изумлённо глядя на неё.

— Ты... серьёзно? — недоверчиво спросила гостья.

Лаура печально улыбнулась и ответила:

— Да, Шарлотта... Я сама не знала что так случится. Просто вдруг поняла что без него моя жизнь потеряет смысл. Когда я читала в романах про такую любовь то не верила... Думала, писатели врут. А оказалось... — она вздохнула и смахнула слезу рукой. —..Оказалось, что всё правда.

— Расскажи! Расскажи ещё! Что ты чувствовала? — встрепенулась Шарлотта с горящими от возбуждения глазами. — Каково это... любить?

Лаура ненадолго замолчала, посмотрев вдаль, и потом заговорила:

— Это надо самой чувствовать. Какая-то самоотверженность в душе... Готовность сделать ради него всё что угодно. Простить все его проступки, лишь бы он был рядом и называл любимой... Ощущать что ты вся принадлежишь ему, полностью и без остатка! Млеть от его голоса, запаха, вида... Ох, Шарлотта, мне это трудно рассказать! — покачала она головой.

— Боже, как я тебе завидую! — с грустным вздохом произнесла Шарлотта. — Мне бы такую любовь... Знаешь, раньше мне казалось что быть свободной лучше всего, но... послушав тебя, я поняла что принадлежать тому кого любишь... наверное, ещё лучше.

Девушки помолчали, задумчиво глядя друг на друга. Внезапно Лаура радостно улыбнулась и заявила:

— Шарлотта, мы же с тобой теперь подруги?

— Да, конечно. А что? — с удивлением спросила та.

— У меня день рождения 9 мая, мне исполняется 19 лет. Я хочу пригласить тебя отпраздновать это знаменательное событие! Пожалуйста, приходи! — умоляюще попросила она, сложив вместе ладони и умильно глядя на гостью.

— Правда? — обрадовалась Шарлотта. — С удовольствием приду! А кто ещё будет?

— Мы с Гюнтером и, скорее всего, ещё одна моя подруга... Или три... Пока точно не знаю! — отмахнулась девушка.

Тут её взгляд случайно упал на часы и она охнула:

— Боже, время обеда уже заканчивается! Мне пора бежать, пообедаю тогда в клинике, надеюсь, девочки в столовой чем-нибудь поделятся!

— Извини, Лаура, я тебя совсем заболтала... — с виноватым видом начала Шарлотта, но Лаура её перебила:

— Ничего страшного, зато мы с тобой познакомились и у меня появилась ещё одна подруга! Это того стоит, поверь мне! — улыбнулась она.

— Ладно, тогда до встречи? — спросила гостя.

— Да, созвонимся! Пока-пока! — уже на бегу попрощалась Лаура, подхватила свой плащ и помчалась назад, на работу. На душе было легко, она извинилась за свою грубость и обрела ещё одну подругу. А вечером её ждёт любимый Гюнтер! Она уже по нему скучает..

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

26 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

— Ещё раз повторяю! Отдельно для тупых и глухих! — инструктор по стрелковой подготовке внимательно оглядел несколько групп, стоявших перед полигоном. — Пулемёты будут бить на определённой высоте! Поэтому... Кто не хочет чтобы ему отстрелили задницу, должен держать её как можно ниже! Про голову говорить не буду... Если кто-то подставит свою бестолковку под пули, значит ему её не жалко, в магазине другую купит... Как говорится, "Кто не спрятался — я не виноват!" Группа Филина, на позицию!

Саша, вместе со всеми, повалился на твёрдую, сухую землю и приготовился.

Сам полигон представлял из себя прямоугольный участок земли. Основную часть занимала площадка, метров двадцать в ширину и сто в длину, прикрытая сверху колючей проволокой на высоте, примерно, сорок или пятьдесят сантиметров. Вдобавок ко всему вся эта территория была усеяна какими-то бесформенными кучами, над которыми гудели мухи и

стояла вонь. Присмотревшись, Александр почувствовал что его сейчас стошнит... Кучи оказались трупами.

Вон, кажется, то что недавно было собакой... Чуть подальше лежит... непонятно что это было при жизни, но сейчас там целый ворох гниющих кишок и других внутренностей, обильно разбросанных вокруг. И таких трупов десятки!

Он сглотнул, с трудом проглотив тугой комок в горле. Посмотрев на других, понял, что они тоже впечатлились, хоть и не пытались блевать. Даже "Заяц" не шутил по обыкновению. Внешне невозмутимым был "Лесник", остальные кривились, морщились, втихомолку ворчали. Саша нашёл взглядом "Горца" в одной из групп, тот не смотрел на него, хмуро разглядывая полигон, заваленный гниющими потрохами.

— Наверное, думаете, зачем всё это здесь? Да, возможно, вы и не окажетесь в такой ситуации когда придётся ползти под пулемётами, пробираясь между разорванными телами товарищей и вражеских солдат... Но и лишним это тоже не будет! — продолжал инструктор, прохаживаясь перед строем. Остановившись сбоку от группы "Филина", он приказал отойти в сторону другим группам и взял свисток, висевший на груди.

Внезапно Саша вспомнил где видел нечто похожее... Ну конечно! В американском сериале "Братья по оружию" о десантниках 101-й воздушно-десантной дивизии, лагерь подготовки в Джорджии. Там ещё, вроде, была гора Куррахи, куда они всё время бегали..

— Внимание! — поднял руку инструктор. — Норматив — минута! Кто опоздал — не прошёл испытание! Кто подставил под пули задницу или голову — опять же не прошёл испытание!

— Засоня, если тебя подстрелят или не уложишься в минуту — вечером ещё "пятёрку" побежишь... — бросил ему "Филин", не глядя на него. Услышав такое "ободряющее" напутствие Александр крепче сжал зубы, врётся, пройду как надо! Главное, дышать ртом, не носом! И не приглядываться к тушам, смотреть только вперёд!

Отчаянно засвистел свисток.

Саша, вместе со всеми, быстро заработал руками и ногами, стараясь не отстать от них. Первые метров десять были чистые, а вот потом... Первой ему попалась разорванная или разрубленная туша, наполовину лежащая на земле, наполовину висящая на проволоке. Боже, какая же вонь... Ртом дышать, сука! Не смотреть! Но взгляд всё равно наткнулся на полусгнившие внутренности, покрытые червями и опарышами. Усилив воли, сосредоточившись, Саша снова пополз вперёд. Вдруг где-то впереди что-то зарычало, загрохотало и над ним, совсем близко, засвистели пули. От неожиданности он вздрогнул, прижался к земле и закрыл голову руками.

Чёрт, это что же... инструктор не шутил про боевые патроны?! Так же и убить могут! Они спятили?

Его товарищи ползли дальше, во весь голос ругаясь и обещая устроить пулемётчикам "весёлую" жизнь, если те их зацепят. Впрочем, похоже, те их не слышали или им было плевать, так как очереди "ДП" и "МГ-34" опустились ещё ниже, иногда попадая по проволоке.

С трудом взяв себя в руки, Александр пополз за своей группой, пытаясь не думать о том что его руки вымазаны... Гуляш! Это просто гуляш, мать его! Ничего страшного, измазаться в гуляше... Бывает и такое... Плохо пахнет? Видимо, испортился на солнце..

Проползая под обрывками кишок, висящих на проволоке, он услышал как одна из пуль звякнула по проволоке и на него вдруг свалилась вся требуха. Видимо, пуля разорвала часть

колючки и та обрушилась на него, вместе с гнилью. Тухлое, вонючее мясо, набитое червями и другими пожирателями мертвечины упало прямо ему на голову и спину, заставив закричать от отвращения. Почувствовав как что-то мелкое двигается у него на голове и шее Саша с трудом удержался чтобы не вскочить на ноги и вытряхнуть всю эту мерзость. Содрогаясь, он пару раз резко провёл рукой по голове, смахивая кишки на землю, и снова пополз вперёд, заставив себя не обращать внимания на лёгкую щекотку... Муравьи... Проклятые муравьи! Сейчас доползёт и вытряхнет их!

По сравнению с этими насекомыми даже усиливающийся грохот пулемётов казался ему не страшным. Подумаешь, пули над головой свистят... Просто не поднимать задницу и голову. Не поднимать! Ещё одна туша... Опять гуляш! Что же его так много? Надо обогнуть... Ещё больше муравьёв! Не обращать внимания, смотреть только вперёд! Один настырный муравей полз по лбу, спускаясь вниз. Смахнуть его, на хрен! Вон уже финиш виден, ребята впереди него, метров на пять... Сразу несколько чер... то есть, муравьёв попытались исследовать его левое ухо... Ага, шаз, разбежались! Их тоже долой! Ещё метров двадцать осталось, совсем немного! Всего две кучи гуляша впереди... и новые муравьи! Плевать!.. "Филин" и ещё кто-то уже закончили. Вот "Лесник", "Хохол", "Казах" тоже... Прыткий "Заяц", на этот раз отстал, не в числе первых... Вот и "Боцман" с "Иванычем" вылезли из-под колючки, предпоследним "Бомба".. А ему ещё пара метров... Всё! Наконец-то..

Устало вздохнув, он разогнулся и посмотрел на свою группу. Почти все выглядели не лучше него, брезгливо отряхиваясь и пытаясь привести себя в порядок. Только "Филин" был более-менее чистым, его форма была вся в пыли и кое-где заляпана гнилью. Остальные же выглядели как будто в скотомогильнике побывали.

Инструктор посмотрел на свои часы, усмехнулся и сказал:

— Что ж, результат... 59 секунд! Вплотную уложились. Неплохо... Но могло быть и лучше. Ладно, Филин, веди группу на помывку. Так, группа Казака, на позицию!..

Берлин. Штаб-квартира СС.

26 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

— Проходите, оберштурмфюрер! — пригласила его симпатичная женщина, видимо, секретарша Гимmlера. Одёрнув форму, он зашёл в кабинет и строевым шагом направился к главе СС. Вскинув руку в старинном римском приветствии, Гюнтер рявкнул:

— Хайль, Гитлер!

Хозяин кабинета лениво махнул рукой и показал ему на стул. Гюнтер, напряжённый как струна, сел. Вызов от Гимmlера пришёл ему рано утром, когда он собирался прогуляться. Положив трубку телефона, Гюнтер хотел выехать тут же, но потом решил не торопиться, тем более, конкретное время не указывалось. Значит, незачем спешить. Он недолго прогулялся, пообедал, пару часов подремал дома и только потом неторопливо оделся и поехал на встречу.

— Я смотрю, вы не особенно торопились, оберштурмфюрер... — нейтральным тоном констатировал факт Гимmlер, бросив на него взгляд.

— Конкретное время прибытия не было указано, рейхсфюрер, поэтому сначала я решил некоторые свои срочные дела... — тем же тоном заметил Гюнтер.

— И какие же, интересно? — спросил тот с некоторым интересом.

— Извините, но это сугубо личные дела.

Гиммлер уставился на него ничего не выражающим взглядом и некоторое время молчал.

— Меня интересует ваш давний друг, Дитрих Краузе. Как вы можете охарактеризовать его? — внезапно спросил Гиммлер, поправив свои очки.

"Как хорошо что Лаура успела предупредить меня, а то сейчас я бы точно выдал себя!" — с облегчением подумал он. Благодаря этому Гюнтер смог удержать невозмутимое выражение на лице.

— Дитрих? — с удивлением переспросил он. — Хм... Я бы сказал что он довольно решительный и импульсивный парень. Хороший друг, но иногда у него что-то включалось в голове и Дитер мог делать странные вещи. К счастью, такое бывало очень редко и я не обращал на это внимание. Мало ли, что там такое? Все мы со странностями... — пожал плечами Гюнтер.

Гиммлер не отрывал от него взгляда, видимо, пытаясь поймать его на лжи, но Гюнтер, как и в случае с фюрером, с простодушным лицом смотрел ему прямо в глаза без всяких признаков волнения.

— Со странностями? — переспросил глава СС. — Это уж точно... Когда вы встречались с ним в последний раз?

"Зачем он спрашивает? Ведь знает всё из слов моей Лауры? Проверяет расхождения в показаниях?" — промелькнула мысль в его голове.

— Мы встречались с ним в клинике, рейхсфюрер. Перед своей выпиской я зашёл к нему попрощаться, так как мне нужно было на следующее утро быть на службе, а его доктор Венцель ещё не выписал. Когда я сказал что в этот день уйду домой... В общем, Дитер тоже загорелся этой идеей... — удручённо признался Гюнтер. — Конечно, я пытался отговорить его, убеждал что он ещё не вылечился и ему лучше на несколько дней задержаться там, но... Видимо, у Дитера опять в голове что-то включилось, он сказал что во чтобы то ни стало сегодня же сбежит из клиники. Я в это не слишком поверил но, на всякий случай, предупредил доктора Венцеля. К сожалению, как он мне позднее сообщил, это не помогло. Дитер всё равно сбежал и я ума не приложу где он сейчас может быть. Может быть, вы знаете, рейхсфюрер? — с неподдельной тревогой спросил Гюнтер.

— Человека, по приметам похожего на вашего друга, видели в районе советского посольства на Унтер-ден-линден... — обронил Гиммлер. — После этого он пропал.

— Странно... Что он мог там делать? — удивлённо спросил Гюнтер.

— Ещё вопрос... — сменил тему Гиммлер. — Как вы объясните что, вместе со своим другом, очень быстро поправились в клинике? Судя по показаниям врачей, в том числе доктора Венцеля, такое очень нетипично для людей. Вы должны были пролежать там не меньше недели.

— Не знаю, рейхсфюрер! — развёл он руками. — Я же не медик чтобы досконально разбираться в ранах и травмах. Помню, и раньше, в детстве, на нас с Дитером всё заживало как на собаке. Сколько раз мы падали, натыкались на всякие железки, гвозди... Потом всё быстро заживало, но нас это не удивляло, мы всё воспринимали как должное. И доктора нам ничего не говорили про это... Хотя мы к ним почти никогда не обращались по этому поводу. Сами понимаете, мы тогда мальчишками были. Упал? Потёр ногу, перестало болеть и побежал дальше. Так что, если с этим какие-то проблемы то вам лучше обратиться к доктору

Венцелю, он лучше знает что и как... — закончил он свою речь.

В кабинете повисло молчание. Наконец, Гиммлер пошевелился, вздохнул, снял очки и начал протирать их.

— Я слышал, оберштурмфюрер, вы скоро отправляетесь на фронт? — спросил он, не глядя на него.

— Так точно, рейхсфюрер. Видимо, фюрер решил что больше пользы Рейху я принесу на поле боя чем здесь. Честно говоря, я рад этому.

— Вот как? Почему же? Вам надоел Берлин и скучная служба в рейхсканцелярии? — поинтересовался Гиммлер.

— Нет, дело не в этом... Просто там, на западе, наши парни рискуют жизнью добывая нам победу, а я, обладая боевым опытом, сижу в тылу. Это неправильно. Не рационально, я так считаю... — признался Гюнтер. — Да и вообще... в последнее время вокруг меня вертятся какие-то странные люди..

— Что значит "странные"? — насторожился Гиммлер.

— Понимаете... — словно колеблясь, сказал Гюнтер. — По-моему, за мной следят!

— С чего вы это взяли? — с интересом спросил глава СС, надев очки обратно.

— Я же не слепой, рейхсфюрер... — усмехнулся он. — Каждый день, стоит мне выйти из дома, я сразу вижу некоторые личности которые то и дело находятся неподалёку. Я их даже по лицам уже запомнил, представляете? О, они конечно, пытаются прятаться, делать вид что читают газеты, смотрят афиши или витрины магазинов... Но у меня-то взгляд уже намётан! То и дело смотрят на меня, ходят за мной... Машины одни и те же недалеко от дома стоят. В общем, у меня уже терпение заканчивается, скоро я просто схвачу одного такого господина и спрошу что ему от меня надо! — с раздражением сказал Гюнтер, заметив при этом как Гиммлер с досадой поджал губы.

— Думаю, оберштурмфюрер, вам не следует так рисковать! Я разберусь с этим делом, узнаю действительно ли следят за вами, а если да, то кто именно и зачем! — холодно ответил тот.

— Я буду вам очень благодарен за помощь, рейхсфюрер! — сердечно поблагодарил его Гюнтер.

— Скажите, когда вы уезжаете на фронт? Какого числа? — внезапно спросил Гиммлер.

— Пока точно не знаю... Фюрер сказал что очень скоро, думаю, через несколько дней, когда придёт приказ о моём назначении.

— Понятно... А вы сами куда бы хотели? — снова поинтересовался глава СС.

Гюнтер широко улыбнулся.

— Конечно же, в свою часть, в "Лейбштандарт"! Думаю, наш фюрер пустит нас в авангарде будущего наступления!

— С чего вы взяли что мы скоро будем наступать? — подозрительно прищурился Гиммлер.

— Там мы же не собираемся вечно сидеть перед "линией Мажино"! А чтобы победить надо наступать, верно? Да и фюрер намекнул что скучать в окопах нам не придётся! — с воодушевлением закончил Гюнтер, старательно играя роль восторженного офицера, мечтающего о будущих чинах и званиях.

— Не могу с вами спорить, оберштурмфюрер! — ответил Гиммлер. Внезапно его губы раздвинулись в широкой улыбке.

— Кстати, завтра вы должны будете встретиться с оберштурмбаннфюрером СС Максом

Зольманом. Он уже знает о вас и готов ввести в курс дела..

Озадаченный Гюнтер несколько секунд пытался вспомнить этого Зольмана, но не смог. Видимо, тот ничем особенным не отличился, поэтому и остался неизвестным широкой публике. Кроме того, его насторожила насмешливая улыбка Гимmlера. По всей видимости, это какая-то ловушка, но что конкретно?

— Извините, рейхсфюрер, могу я узнать кто такой этот оберштурмбаннфюрер и зачем мне с ним надо встречаться? — осторожно спросил Гюнтер.

Гимmlер сделал вид что только сейчас заметил свою оплошность.

— Ах да, оберштурмфюрер, я забыл уточнить... оберштурмбаннфюрер Зольман всего две недели назад назначен управляющим делами одной нашей любопытной но, должен сказать, очень нужной организации. Более того, именно я ходатайствовал перед фюрером чтобы вас включили в "особый" список. И Гитлер горячо поддержал меня! — улыбаясь, закончил глава СС.

Тревога Гюнтера усилилась. Какая ещё организация? Во что втравил его этот будущий предатель?

— Что это за организация такая, рейхсфюрер? — с равнодушным видом спросил он, всеми силами стараясь не выдать своё волнение.

— Думаю, вы будете приятно удивлены, когда завтра встретитесь с оберштурмбаннфюрером Зольманом. А название организации... пусть пока для вас это будет секретом, оберштурмфюрер. Он сам вам позвонит сегодня вечером. И не благодарите, Шольке! Уверен, вы справитесь с этой важной... и, безусловно, приятной задачей! Вы свободны! — закончил Гимmlер с широкой улыбкой, которую уже не пытался скрыть.

— Слушаюсь! — ответил Гюнтер в сильном волнении. Выходя из здания и небрежно кивая знакомым, он тщетно пытался понять кто такой этот Зольман и что тот ему приготовил. Ясно одно: если это радует Гимmlера то вряд ли обрадует его самого. Похоже, новые неприятности на подходе... Проклятье! Быстрее бы на фронт!

Берлин.

27 апреля 1940 года.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Звонок "особого" телефона застал Генриха когда он, отдыхая, сидел на диванчике в своём закрытом кабинете, а на его коленях уютно устроилась полураздетая Хеди, которая с благодарностью и любовью смотрела на него, нежно целуя в губы. Полчаса назад нетерпеливый Гиммлер пригласил её в кабинет и, сгорая от страсти, потащил к знакомому и испытанному предмету мебели. Секретарша едва успела закрыть кабинет и через минуту помещение наполнилось сдавленным рычанием возбуждённого рейхсфюрера и приглушёнными стонами Хедвиг, пытавшейся сдержать своё удовольствие. Это время пролетело для них незаметно и наполнило обоих радостью и счастьем. Мысленно ещё переживая отголоски удовольствия, Генрих лениво подумал что только полный кретин-начальник не стал бы заводить служебный роман с влюблённой в него секретаршей, красивой и сексуальной. Жена? А что жена? Он с ней видится очень редко, что ж теперь вообще не заниматься сексом? Если бы они с Маргарет ещё любили друг друга, то может он и чувствовал бы стыд, а так..

Слегка вздрогнув, он посмотрел на телефон, вскочил с дивана и начал торопливо одеваться. Умница Хеди тоже запахнула блузку, одёрнула задранную до пояса юбку, надела трусики и, ласково улыбнувшись, направилась к двери, правильно поняв что в эту минуту исчез её "любимый Генрих" и появился её начальник рейхсфюрер Гиммлер.

Надев лишь штаны, Генрих бросил эту затею, не было времени, нельзя заставлять Гитлера ждать, и схватил трубку:

— Да, мой фюрер?

— Генрих, ты — тупица!!! — раздался из динамика злой голос фюрера.

— Простите? — побледнел Гиммлер от удивления и непонимания. Давно его Гитлер так не называл. Должно было случиться что-то совсем уж экстраординарное чтобы он так выразился.

— Немедленно ко мне! Живо!!! — и бросил трубку. Мгновенно вспотев, Генрих снова схватился за одежду и через минуту был готов. С трудом приняв спокойный вид, он вышел из кабинета и направился в коридор, бросив Рудольфу на ходу:

— Машину ко входу. Быстро!

Выйдя на крыльцо через пару минут, Генрих увидел как из гаража быстро выехал автомобиль и остановился возле него. Охрана из двух мотоциклов с пулемётами расположилась сзади. Один из охранников, сидевший рядом с водителем, одновременно, запасной водитель, выскочил из машины и открыл для него заднюю дверцу.

Сев внутрь, Генрих коротко бросил:

— К фюреру!

Всю дорогу Гиммлер был мрачен и лихорадочно перебирал в памяти свои ошибки и просчёты, пытаясь понять из-за чего фюрер был в ярости. К сожалению, тот не сказал причину и можно было только гадать что случилось. Конечно, получить в лицо не самое благозвучное слово "тупица" было неприятно, но всё-таки, это ещё даёт шанс оправдаться,

если выяснится его ошибка.

Едва подкатив к рейхсканцелярии, помощник водителя тут же открыл ему дверь "майбаха" и замер, вытянувшись по стойке "смирно". Даже не взглянув на него, Генрих быстрым шагом направился в кабинет Гитлера, не отвечая на многочисленные приветствия сотрудников. Дойдя до него, он быстро снял кобуру и передал её невозмутимому гиганту Гюнше, который коротко кивнул и распахнул дверь. Перешагнув порог, Генрих осмотрелся и почувствовал как его охватили, одновременно, удивление, облегчение и страх.

В кабинете фюрер находился не один. Помимо него там были Геббельс и Геринг, его недоброжелатели. Они никогда не упускали возможности ткнуть его носом в допущенные ошибки, наговаривали фюреру на него, завуалированно сомневаясь в его способностях и опыте. Впрочем, сам Генрих действовал так же. На этот раз, судя по их понурому, виноватому виду, они тоже в чём-то провинились. Толстяк Геринг взволнованно протирал платком лоб, а "Сморчок", как втихомолку дразнили колченогого Геббельса, пытался ослабить галстук на шее. Увидев Гимmlера, Гитлер тут же обернулся к нему и ядовито проговорил:

— А, "верный Генрих".. Садись за стол, к этим... — он запнулся, пытаясь подобрать нужное слово. — Этим несносным болванам, которым нельзя доверять не то что министерство но даже какой-нибудь лагерь "Гитлерюгенда" в глуши Шварцвальда! Вы все — редкостные кретины и близорукие ничтожества!

Выдохшись, фюрер отошёл к столу и дрожащей рукой налил себе сельтерской воды. Гимmlер недоумённо вскинул брови, вопросительно глянув на соратников. Какие бы не были у них между собой отношения но следовало хотя бы узнать в чём дело. Геринг в ответ раздражённо отмахнулся, Геббельс отвернулся, показывая что не собирается ничего говорить. Видимо, сам не знал?

— Наверное, вы гадаете почему я вас всех собрал? — уже спокойным тоном спросил фюрер, глядя на них.

— Да, мой фюрер... Мне бы хотелось знать что случилось... — осторожно ответил Гимmlер.

— Что случилось, говоришь? — обманчиво мягким тоном спросил Гитлер, посмотрев на него злым взглядом. — Помнишь, несколько дней назад я дал тебе список лиц, которых следовало проверить?

Гимmlер тут же его вспомнил. В этом списке были десятки фамилий. Военные и гражданские, служащие "Вермахта", "Люфтваффе", СС и других министерств и ведомств. Помнится, это изрядно удивило его. Он тогда спросил фюрера что это за список и зачем ему их проверять, но тот грубо оборвал его, велел выполнять а не задавать вопросы. С тех пор Генрих и не вспоминал о нём, каждый день куча дел и разных других обязанностей. Мгновенно появился вопрос: почему его сотрудники, проводившие проверку, не доложили ему, в то время как фюрер уже всё знает?! Кто-то решил доложить через его голову и блеснуть перед Гитлером в расчёте на его внимание? Или... его предали?

— Так точно.

— Хорошо, Генрих... — с каким-то предвкушением сказал Гитлер, обведя их всех презрительным взглядом. — А теперь откройте папки, которые лежат перед каждым из вас. И читайте!

Удивлённый Гимmlер открыл серую папку лежащую перед ним и тут же почувствовал как по коже пробежали мурашки. Вверху, на первом листе, была ужасная надпись: "Список

предателей Рейха в структуре СС, полиции, службе безопасности".

— Боже мой... — ошеломлённо прошептал Генрих, начиная вчитываться в имена, фамилии. Их были десятки... Папка была довольно толстой и Гиммлер в прострации начал просто листать страницы, мельком пробегая глазами по их содержанию. Фотокарточка, имя, фамилия, звание, род деятельности, явки, пароли, связи, осведомители... "Завербован..", "подкуплен..", "тайник был обнаружен..", "кодовое слово..". Офицеры, начальники отделов, неприметные служащие СС, которые каждый день приходили на работу, восхваляли фюрера, с гордостью носили форму... И вредили Рейху! Передавали ценнейшие сведения англичанам, французам, русским! Как?! Как такое могло случиться?! Некоторых он знал, о других слышал... Да что там, несколько человек были награждены им лично!

Со стороны Геринга послышался какой-то вскрик. Украдкой взглянув на него, Генрих увидел что у ненавистного толстяка буквально отвисла челюсть а глаза впились в папку. Тот неверяще шептал:

— Это не может быть... Невозможно... Он?! — руки бывшего пилота задрожали и он чуть не уронил папку на пол. Переведя взгляд на "Сморчка", Гиммлер заметил окаменевшее лицо рейхсминистра. Геббельс молча смотрел на бумаги в своей папке не говоря ни слова.

Сосредоточившись, Генрих снова начал читать. Лица соратников, гордые арийцы с безупречными характеристиками, некоторые из которых он писал сам. И этот?!.. Вот на кого он бы никогда не подумал!

— Ну что, господа, как вам нравится содержимое этих папок? — раздался презрительный голос Гитлера. Чёлка растрепалась, глаза метали молнии. Все трое угрюмо молчали. Буквально раздавленный Гиммлер внезапно подумал что жаль не успел развестись с Маргарет и жениться на Хеди. Теперь, пожалуй, он вряд ли сможет это сделать. Мертвецы в брак не вступают.

— Мой фюрер... — робко произнёс Геринг, умоляюще глядя на Гитлера.

— Замолчи, Герман!!! — внезапно заорал фюрер, и Генрих понял что тот едва сдерживается чтобы не отдать приказ уничтожить их тут же. Сам Гиммлер за такой эпический контрразведывательный провал именно так бы и сделал. Господи, как можно было быть таким близоруким и наивным?!.. — Ты, толстый, некомпетентный хапуга, который только и знает что тащить в свой Каринхалле картины и мебель из музеев! Думаешь, я не знаю как ты относишься к некоторым авиастроителям которые предлагают тебе новые модели машин для будущей воздушной войны?! Все эти твои резолюции "Отказать этому болвану!", "Тупицам не место в авиации!"..

Охваченный ужасом, Геринг молчал, по его лбу прокатилась капля пота, оставив после себя мокрую дорожку. Несмотря на угрожающую обстановку, Генриху было приятно видеть унижение одного из его врагов. Как хорошо если фюрер уволит этого толстого борова и отдаст приказ казнить! Но это вряд ли случится, слишком уж тот важен для него..

— "Имперский лесничий", "Имперский егерь", "Высший уполномоченный по охране природы".. — продолжал Гитлер, подойдя к нему вплотную. — Ты не устал, Герман, совмещать в себе столько постов и обязанностей? Может, это мешает тебе заниматься "Люфтваффе"?

Геринг продолжал молчать, боясь проронить хоть слово, чтобы не дать фюреру возможность окончательно сорваться на нём.

— Знаешь, как тебя называют многие твои подчинённые? — снова начал издеваться Гитлер. — "Наша толстая, белая свинья!" Да если бы не Мильх, то дела в "Люфтваффе" были

бы куда хуже! Он и только он тащит вперёд всё министерство! Некоторые авиастроители плюются когда слышат про тебя! Ты окончательно погубил свою репутацию великого лётчика, Герман... — остывая, сказал фюрер.

Он отвернулся от них, заложил руки за спину и отошёл к окну. И, не поворачиваясь к ним, произнёс:

— Поэтому я решил..

Почувявший неладное, Геринг вздрогнул и с трудом проговорил:

— Мой фюрер... простите, но я... не надо... — голос его клокотал и хрипел от волнения.

— ... Решил, что ты, Герман, слишком загружен делами. Я освобождаю тебя от командования "Люфтваффе"! — закончил Гитлер своё предложение.

Все присутствующие в кабинете ошеломлённо застыли.

Геринг, словно не веря своим ушам, так и продолжал смотреть на Гитлера с мольбой и изумлением. Геббельс, казалось, был всё ещё в плену своих мыслей, но при этих словах вскинул голову и внимательно посмотрел на них обоих. Сам Гиммлер тоже был в шоке. Неужели это, всё-таки, случилось?! Всемогущий Герман, один из самых ближайших соратников Гитлера со времён "Пивного путча", повержен? Это же какие открываются перспективы! Интересно, кто придёт ему на смену? Стоп, не о том думается... Как бы его самого не постигла судьба толстяка!

— Ты сохранишь за собой другие посты. Но к нашей авиации больше отношения иметь не будешь! — заключил Гитлер. — Я вас больше не задерживаю, герр Геринг! — официально обратился он к бывшему соратнику. Как по заказу, открылась дверь кабинета и адъютант молчаливо показал тому на выход.

Съёжившись, с потемневшим лицом, Герман направился к выходу, не проронив ни слова. Дверь закрылась и снова наступила зловещая тишина. Гитлер повернулся к Геббельсу и сказал:

— Я очень разочарован тобой, Йозеф... — в его голосе была глубокая скорбь. Министр поднял на него глаза, с трудом встал с кресла и, мёртвым голосом, произнёс:

— Мой фюрер... Это полностью моя вина. Я проглядел ядовитых змей, пригревших на моей груди! Мне нет прощения! — Гиммлер с изумлением увидел как нижняя челюсть Геббельса задрожала, глаза расширились и он чуть не упал обратно в кресло. Генрих не мог понять, на самом ли деле Йозеф так взволнован или же искусно притворяется? Если второе, то у него отличный актёрский талант.

Гитлер, прищурившись, смотрел на своего колченогого соратника. Геббельс, видимо, совладав с собой, глухо проговорил:

— Мой фюрер, у меня к вам последняя просьба... Позвольте попрощаться с семьёй?

— Прощаться с семьёй? — удивлённо переспросил Гитлер. — Зачем это?

— После такого позора я не смогу жить, мой фюрер! — каким-то загробным голосом ответил министр. — Наказание за такое может быть только смерть! Перед тем как вы отдадите приказ меня расстрелять я хотел бы сказать пару слов Магде и детям. А потом... — его голос сорвался.

Гитлер, изумлённо слушавший его, быстро подошёл к нему и тряхнул за плечо:

— Йозеф, что ты говоришь? Я не собираюсь тебя расстреливать! Да, я очень разочарован твоей близорукостью, но оставлять твою жену вдовой а детей без отца я не хочу! Ты забыл что я лично был на твоей свадьбе?! Немедленно прекрати нести чушь!

— Мой фюрер, но... — попытался что-то сказать министр. Гитлер резко взмахнул рукой и Геббельс замолчал. Гиммлер, воспрявший духом от мысли о расстреле ещё одного своего противника, незаметно вздохнул с огорчением.

— Йозеф! Мы с тобой многое прошли вместе! Я верю что ты не знал обо всех этих мерзавцах, поэтому не собираюсь тебя не только расстреливать, но даже снимать с постов рейхсминистра пропаганды и гауляйтера Берлина. Даю тебе ещё один шанс, последний. И если ты его не оправдаешь.. — Гитлер свирепо посмотрел на Геббельса.

Генрих видел как Йозеф оживал на глазах. Глаза засверкали, на лице появилась робкая улыбка, да и сам он попытался выпрямиться, разогнуть спину.

— Мой фюрер, я... Клянусь вам!.. — бессвязно забормотал Геббельс, с восторгом смотревший на своего вождя.

— Полно, Йозеф... Всё, иди! Мне надо поговорить с моим Генрихом... — ласково сказал Гитлер, дружески обняв рейхсминистра. Бормочущий извинения и клятвы в верности, колченогий соратник покинул кабинет, а фюрер развернулся к Гиммлеру. Лицо его было мрачным, улыбка бесследно исчезла. Генрих мысленно подобрался, готовясь сделать всё чтобы его не постигла судьба толстяка-неудачника.

Молчание прервал Гитлер:

— Знаешь, Генрих, раньше я думал что ты достаточно компетентный руководитель. Сказать по правде, ты и сейчас, в основном, справляешься со своими обязанностями. И это уже не говоря о том что с тобой мы тоже связаны многим... — замолчал Гитлер.

Застывший соляным столбом Гиммлер открыл рот чтобы это подтвердить, но взметнувшаяся рука фюрера заставила его снова закрыть. Похоже, в данный момент ему лучше помолчать.

— Но вот твоя служба безопасности никуда не годится! Более того, в самом гестапо сидит... сидел русский "крот" с 1929 года! И всё это время проклятый большевистский агент снабжал Москву самыми подробными сведениями обо всех сторонах нашей жизни! Он помогал другим шпионам скрываться от преследования, заметал следы... Низкий, презренный, проклятый предатель!!! — вдруг сорвался фюрер.

Он быстро подошёл к шкафу в углу кабинета, вынул оттуда ещё одну папку и буквально бросил её Генриху. Тот едва сумел её поймать. Обуреваемый плохими предчувствиями, Гиммлер никак не мог решиться открыть её. Казалось, там его ждёт смерть и он отчаянно пытался отдалить этот момент.

— Открывай! — рявкнул Гитлер, и руки Генриха, независимо от него самого, открыли проклятую папку.

"Леман, Вилли — сотрудник гестапо. Родился 15 марта 1884 года, в Саксонии..

Оперативный псевдоним — Брайтенбах.

Служил на флоте, был наблюдателем при последнем бое русского крейсера "Варяг" в русско-японской войне 1904–1905 гг..

Женат, детей нет..

По службе характеризуется положительно. Профессионал, педант, аккуратист..

Имеет любовницу — Флорентина Леверски, портниха.

Любимое увлечение — скачки.

Предложил свои услуги советской разведке в 1929 году через своего друга, Эрнста Кура. С 1930 года руководил отделом контрразведки против советских агентов в стране. Доказано, что он информировал их о облавах и других действиях своего отдела. В 1933 году, по

рекомендации рейхсмаршала Геринга, поступил на службу в гестапо. В 1934 году, по заданию Москвы, вступил в СС. С 1936 года переведён в контрразведывательный отдел военной промышленности и военного строительства. Присутствовал при испытании ракеты ФАУ-1, позже передал сведения о ней в Советский Союз.

Причастен к передаче врагу совершенно секретных сведений о строительстве подводных лодок, бронеавтомобилей, выпуске новых противогазов и синтетическом бензине. Передавал информацию о военном потенциале Рейха, его технических новинках, структуре и кадровом составе спецслужб, их методах работы. Замешан в выдаче агентуры гестапо, внедрённой в коммунистическое подполье. Выдал русской разведке сведения о постановке на конвейер цельнометаллических истребителей, закладке на стапелях десятков подводных лодок, о новейших моделях бронетехники, миномётов, бронебойных пуль, твёрдотопливных и жидкостных ракет, расположение секретных полигонов для нового оружия, шифры гестапо для связи...

В 1937 году, в числе четырёх лучших сотрудников гестапо, награждён портретом фюрера с автографом в серебряной рамке. Весной того же года вступил в "НСДАП". В 1939 году, предположительно из-за репрессий в Советском Союзе, потерял связь с Москвой. Признал, что искал возможность возобновить эту связь. В последней шифровке сообщил о намерении Рейха решить польский вопрос.

Причины сотрудничества с врагом — идейные. Является убеждённым сторонником дружбы с Россией. Ненавидит национал-социализм.."

От ужаса, охватившего Генриха, папка выскользнула у него из рук и упала на пол. Это... Это конец! Даже за половину того что натворил этот Вилли, Гитлер может приказать повесить его, Гиммлера... Этот проклятый гестаповец переплюнул всех кто был в той, первой папке!

— Что ты можешь сказать в своё оправдание, Генрих? — спросил Гитлер, подойдя к нему.

Гиммлер молчал. Что тут можно сказать? Да и зачем? Валяться в ногах и умолять о пощаде? Бесполезно. Да и не любит Гитлер такую трусость, пример Геринга налицо. Может попробовать изобразить Геббельса?

— Мой фюрер, я виноват... Готов понести любое наказание! — сглотнув, с трудом ответил он. Сердце колотилось как сумасшедшее, в голове же была лишь одна мысль — только бы остаться в живых!

Гитлер почти минуту смотрел на него с непонятым выражением лица. Какие мысли при этом витали в его голове Генрих не знал, но очень надеялся что он понадобится ему живым и, желательно, на той же должности что и сейчас.

— Само собой, наказание будет... — спокойным голосом ответил фюрер. — Ты мне скажи, Генрих, что теперь делать? Ведь русские, благодаря твоей слепоте, доверчивости и вопиющей глупости, теперь знают почти всё что у нас делается в Рейхе. Как думаешь, какого наказания достоин человек допустивший такое?

Гиммлер понял что всё бесполезно. Действительно, за такой провал наказание может быть только одно — смерть. Это там, на Западе, может быть удовлетвоались бы увольнением и тюрьмой, но здесь, в Германии... Смотри правде в глаза, сам Генрих, оказавшись на месте фюрера, не колебался бы. Господи, как хочется жить!

— Смерть... — еле вымолвил он, чувствуя как онемевший язык с трудом произнёс страшное слово.

— Правильно, Генрих! — ответил фюрер. — Но... Учитывая все твои заслуги... А также то что ты нужен нашему Рейху, я оставляю тебя в живых и даже на том же посту. С этого дня я буду внимательно следить за тобой. Ещё одна твоя ошибка... и смертный приговор будет приведён в исполнение. Ты понял, "верный Генрих"? — с издёвкой в голосе спросил Гитлер.

— Спасибо, мой фюрер... — медленно приходя в себя, ответил Гиммлер. Неужели он будет жить?! Нестерпимо захотелось выпить. Как только он вернётся к себе, то сразу сделает это, определённо ему это нужно.

— Надеюсь, ты больше не пытался интересоваться оберштурмфюрером Шольке? — внезапно спросил Гитлер и снова впился в него пронзительным взглядом.

Гиммлер невольно вздрогнул, почувствовав что невидимая удавка, ослабившая горло, снова крепко обхватила его. Если фюрер узнает правду..

— Никак нет, мой фюрер! Как вы и приказали, я больше не интересовался им! — быстро доложил он, мечтая поскорее уйти из кабинета в котором явственно повеяло смертью.

— Что ж, если это в самом деле так, то ладно... — недоверчиво сказал Гитлер.

"Значит, он не знает! — билась в мозгу Гиммлера радостная мысль. — Вальтер не доносчик, иначе бы я уже был схвачен за эту ложь! Как вернусь, немедленно уничтожу все бумаги по слежке за Шольке! И скажу Шелленбергу чтобы держал язык за зубами! Или лучше... Нет, он мне всё равно нужен живым!" — с сожалением подумал Генрих. Как не жаль, но если он "зачистит" Вальтера то пострадают многие операции, которыми он руководит. Придётся оставить всё как есть. Да и какова вероятность что Шелленберг встретится с Гитлером и станет разговаривать с ним о Шольке? Очень маловероятно.

— Хорошо, Генрих, можешь идти... — разрешил Гитлер, махнув рукой. Гиммлер, чувствуя себя смертником которого помиловали в последнюю минуту, быстро вышел из кабинета, опасаясь что фюрер передумает. Получив в коридоре оружие, он направился к выходу из рейхсканцелярии, чувствуя как вокруг него заиграла яркими красками жизнь... Воздух, звуки, люди... Сегодня он едва этого не лишился! К чёрту этого Шольке! Он не собирался погибать из-за этого таинственного оберштурмфюрера. Надо снять слежку и на время забыть о нём.

Садясь в машину, он снял фуражку и провёл рукой по голове и шее. Они были мокрые от пота..

Берлин.

Через несколько минут после ухода Гиммлера.

Адольф Гитлер.

Устало развалившись в кресле, фюрер закрыл глаза и задумался. Когда он узнал подробности и масштабы предательства то едва смог совладать с собой. Хотелось собрать всех вместе и затравить собаками, сжечь серной кислотой, прострелить колени и локти... словом, покарать их так чтобы они сто раз пожалели о своей ошибке!

Перед тем как встретиться со своими старыми соратниками, Гитлер провёл встречу с gross-адмиралом и начальником ОКХ. После того как, мертвенно-бледные, генерал и адмирал закрыли свои папки, он огласил своё решение. С моряком всё было проще, предателей там оказалось немного, все в не слишком высоком звании, поэтому ограничился строгим выговором.

А вот с генерал-полковником Браухичем, начальником ОКХ, была ситуация сложнее. Понятно, что он строевой генерал а не контрразведчик, но всё равно... несколько десятков офицеров и генералов оказались предателями! Это ни в какие ворота не лезет! Прямо в его присутствии генерал написал прошение об отставке, а должность начальника ОКХ принял на себя сам Гитлер.

Потом встреча со старыми соратниками..

Трусливый Геринг повёл себя как и следовало ожидать. Вместе со своей бывшей стройностью он, похоже, потерял и всякие остатки смелости и боевого духа. Едва сдерживаясь от отвращения, фюрер снял его с поста начальника "Люфтваффе" и велел ему убираться. И вот этот слизняк в той истории попытался перед самой гибелью Рейха стать его преемником?! Гитлер вздрогнул от отвращения. Конечно, лучше бы его расстрелять, но пойдут слухи, авторитет партии и "Люфтваффе" упадёт... Нет, пусть лучше так. Потом он решит его судьбу.

А вот Геббельс его удивил. Нет, он и раньше знал что Йозеф почти всегда искренне разделяет его взгляды, но такая готовность принять наказание за свои ошибки без попыток вымолить прощение... Это тронуло его подозрительное сердце. Конечно, казнить такого талантливого оратора и организатора пропаганды как Геббельс, Гитлер не планировал с самого начала, но запугать стоило. Пусть они все боятся! В итоге, сполна осознавший свою вину, Йозеф ушёл, снова убедившись в величии и доброте своего кумира.

Что же касается "верного Генриха".. Тут всё было сложнее. Он видел как сильно нервничает глава СС и это доставляло ему удовольствие. Вспомнив пророчество Шольке, Гитлер скрипнул зубами. Ещё одна трусливая свинья, которая потеряла мужество и начала закулисные переговоры с американцами едва лишь почувяла военное поражение. Нет, надо будет его менять и побыстрее. Плохо что некого пока ставить на его место. Гейдрих или Кальтенбруннер? Вряд ли потянут. Гесс? Этот болван захочет в будущем перелететь к англичанам, надеясь склонить их к миру от его имени. Нет, не подходит. Время надежд на мир с Черчиллем прошло. Хотят натравить его на Сталина а потом потирать руки, надеясь на их взаимное ослабление? Что ж, фюрер его разочарует. В любом случае недели Гиммлера на посту главы СС сочтены. За одного только гестаповца Лемана можно его расстрелять и это не говоря о других предателях в его папке.

Мысли Гитлера перешли на другую тему. Вчера Риббентроп сообщил ему что Сталин, через своё посольство, намекнул о желании встретиться с фюрером в ближайшее время. Интересно, зачем? Возможно, попытается понять что случилось с его шпионами? Или вообще поговорить о дальнейших отношениях между Германией и СССР? В принципе можно встретиться, успокоить Сталина своими миролюбивыми планами, чтобы тот не вздумал снюхаться с тем же Черчиллем и Рузвельтом. Усатый коммунист, конечно, очень хитёр но и он, Гитлер, не дурак! Пожалуй, можно будет намекнуть ему о некоем возможном военном союзе, предложить несколько инициатив... Да, лучше всего так и сделать, пусть Риббентроп начинает свою работу в этом направлении.

А вот Шольке пора уже направлять на фронт... Некоторое время он колебался, перебирая разные варианты.

С одной стороны, легче всего было уничтожить сверхинформированного охранника, тем более, он рассказал всё что знал... Незачем давать шанс другим узнать всё что касается нового будущего.

С другой... А надо ли это? Меры безопасности, предпринятые Гитлером для того чтобы

Шольке держал язык за зубами, довольно серьёзные. Даже если забыть о постоянном офицере, который всегда будет рядом с ним, о таблетке с ядом во рту, о том что сам Шольке верен ему и готов служить до конца как и положено истинному арийцу... Главное, что его семья всё время будет под наблюдением, а значит, даже если тот задумает проговориться или предать, то его родители и брат будут повешены, а он к ним, по словам доверенных людей, очень привязан. К тому же, кто знает, вдруг фюреру снова понадобятся его советы? Да и не только ему... Скорее всего, скоро последует масса вопросов от изобретателей нового вооружения, которые начнут спрашивать, уточнять... Нет, он всё правильно сделал, пусть оберштурмфюрер приносит пользу Рейху на фронте, а если он понадобится то недолго и обратно его вернуть. Если же погибнет... Значит, погибнет! На войне как на войне... Держать же его под замком в Берлине тоже опасно, наверняка этот прохвост Гиммлер не успокоился и постарается сунуть свой нос в это дело. Пусть только попробует, сразу его лишится!

Решив эти вопросы, Гитлер повеселел и направился в кабинет Евы. Он уже долго с ней не встречался и пора бы пообщаться с красавицей-лаборанткой. Конечно, вряд ли он сможет получить с ней сексуальное удовольствие, всё-таки, ему уже 51 год, далеко не мальчик... Но можно просто поговорить, потрогать её, посмотреть в любящие глаза... Да, она не его любимая Гели Раубаль, но тоже привязана к нему. В конце концов, даже фюрер и рейхсканцлер Германии имеет право иногда забыть о делах и расслабиться, верно?

Берлин.

То же время.

Гюнтер Шольке.

Входя в ничем не примечательное двухэтажное здание, недалеко от Унтер-ден-Линден, Гюнтер с интересом и некоторой тревогой огляделся. Прямо от входа в глубину здания уходил длинный коридор, кончающийся широким окном. Около десятка дверей с обеих сторон скрывали какие-то помещения или кабинеты из которых, время от времени, входили и выходили неизвестные офицеры. Вроде бы, обычное учреждение, вот только его удивило что мимо то и дело проходили какие-то девушки и женщины в медицинской одежде. Здесь что, госпиталь?

Спросив у охранника на входе как найти кабинет оберштурмбаннфюрера Зольмана он пошёл по коридору. Дойдя до нужной двери, Гюнтер постучал.

— Войдите! — донеслось из кабинета.

Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь:

— Извините, вы оберштурмбаннфюрер Зольман? — спросил он у мужчины сидевшего за столом возле окна. Тот вскинул голову и посмотрел на него.

Неизвестный Макс Зольман, хоть и был в форме но выглядела она на нём словно он в ней спал всю ночь не снимая. Похоже, этот человек явно не из тех кто любит безукоризненный внешний вид. Живые глаза, располагающая улыбка, залысина на лбу... На груди золотой партийный значок старейшего члена "НСДАП", орден Крови... Похоже, весьма заслуженный офицер. Чёрт его знает, кто это такой и что ему нужно от Гюнтера.

— Всё верно! — подтвердил он. — А вы, я полагаю, оберштурмфюрер Шольке? — в свою очередь поинтересовался хозяин кабинета.

— Так точно! Хайль, Гитлер! — поприветствовал его Гюнтер.

Тот вскочил из-за стола и вскинул руку в ответ.

— Садитесь, оберштурмфюрер! — пригласил он, показывая на стул, стоявший с другой стороны стола. Поблагодарив, Гюнтер сел. Сам кабинет был небольшой но светлый. Вдоль стен стояли шкафы с кучами книг и папок. На углу стола маленький флажок со свастикой, а над оберштурмбаннфюрером висел портрет Гитлера, сурово смотрящего вниз.

— Что ж, раз вы уже в курсе дела то предлагаю начать! — вдруг сказал Зольман и потянулся к телефону на столе.

— Начать что? — невольно насторожившись, спросил Гюнтер.

— Как что? — искренне удивился офицер. — Исследования на предмет вашего отбора для нашей организации, что же ещё?

Несколько секунд Гюнтер молча смотрел на него и вдруг понял. Похоже, этот Зольман решил что его собеседник уже всё знает! Хотя, на самом деле всё наоборот! Какой ещё, к чёрту, отбор? Куда?

— Извините, оберштурмбаннфюрер, мне кажется что мы с вами не совсем друг друга поняли... — осторожно сказал он. Не стоит соглашаться неизвестно на что. Тем более, Гюнтер так и не забыл насмешливую улыбку Гимmlера вчера вечером. Определённо, тут какая-то ловушка или подвох!

— В каком смысле? — озадачился Зольман, нахмутив брови. — Что вы имеете в виду?

— Дело в том, что мне ничего не известно... — признался Гюнтер. — Я не знаю кто вы. Не знаю что это за организация и для чего она нужна. И самое главное, не знаю зачем мне вообще приказали сюда прийти!

По мере того как он говорил, Зольман удивлялся всё больше. Некоторое время он молча смотрел на Гюнтера а потом вдруг рассмеялся. Гюнтер не поддержал его, потому что не видел ничего смешного в этой таинственной истории. Отсмеявшись, оберштурмбаннфюрер успокоился и весело посмотрел на него.

— Признаться, вы меня сильно удивили, Шольке! — воскликнул он. — В первый раз встречаю такого добровольца который не знает куда вызвался!

— Добровольца? — в свою очередь удивился Гюнтер. — Я никуда не вызывался. Я здесь по приказу рейхсфюрера Гимmlера. Он приказал мне сегодня явиться сюда, в ваше распоряжение, и ничего не объяснил! — понемногу раздражаясь, заявил он.

— Даже так? — снова удивился Зольман. — Хм... Что ж, тогда я вам объясню кое-что..

"Да уж не помешало бы! — мысленно сказал Гюнтер. — Проклятый Гимmlер куда-то втянул меня и я теперь как слепец, иду наугад!"

— Наша организация называется "Лебенсборн". Надеюсь, хоть это вы слышали? — с иронией спросил офицер.

Ошарашенный Гюнтер медленно кивнул. Конечно, он читал об этой организации. "Лебенсборн" был попыткой вывести новую, абсолютно чистую арийскую расу, путём скрещивания между собой особо отобранных офицеров СС и женщин, истинных ариек. Как ни странно, нацисты довольно серьёзно отнеслись к этой затее хотя сам Гюнтер был уверен что это полная чепуха, так как за время непрерывных войн, миграций и других причин найти немца или немку с чистой, неразбавленной другими народами кровью, было вряд ли возможно. Тем не менее Гитлер и другие важные функционеры Рейха носились с этой идеей вплоть до своего поражения.

Отсюда у него возникли новые вопросы. Каким боком к этому относится он сам? Неужели Гимmlер хочет чтобы он превратился в эдакого племенного бычка, который станет

осеменять специально отобранных, идеологически верных девушек? А если так, то зачем ему это нужно? Какая для рейхсфюрера в этом польза? А она, несомненно, есть, иначе с какой стати тот стал бы вообще заниматься этим вопросом?

— Да, слышал... — подтвердил он, постепенно приходя в себя. — Но причём тут я?

— Вы разве ещё не догадались? — улыбнулся Зольман. — Оберштурмфюрер, я поздравляю вас! — он встал и торжественно пожал руку растерявшемуся Гюнтеру.

— С чем? — осторожно спросил он и вдруг невероятное подозрение осенило его.

"Неужели?.. Нет... Нет!.. Это какая-то ошибка! Или.." — мысли сумбурно заскакали по его голове, порождая хаос и надвигающееся отчаяние, смешанное со злостью.

— Вы отобраны для участия в нашей программе! Уверяю вас, это великая честь для каждого офицера СС! Не каждый сможет принести такую пользу нашей расе, дорогой Шольке... — продолжал разливаясь соловьём улыбающийся оберштурмбаннфюрер, но Гюнтер уже его не слушал.

Ощущение захлопнувшейся ловушки накрыло его с головой. Его охватила такая ярость на Гимmlера что, если бы он сейчас оказался рядом, то Гюнтер, без всяких сомнений, свернул бы шею этому проклятому интригану! Нашёл, всё-таки, возможность подгадить, очкастый ублюдок! Сука! Мразь! Какая же он тварь! Мысленно он поклялся что, рано или поздно, Гюнтер заставит его заплатить за такую подставу..

Казалось бы, что тут такого? Спокойно трахайся и получай удовольствие. Более того, в комфортных условиях и без всяких обязательств. Вот только тут и крылось для него существенное неприятие, резко отравляющее всю затею по производству расово чистых будущих граждан Рейха. Дело в том, что у него, как скорее всего, и у любого другого мужчины, были свои собственные принципы и особенности в интимных отношениях с женщинами. В данном случае, это касалось двух таких принципов.

Первый состоял в том что что всех девушек или женщин, с которыми он намеревался заниматься сексом, Гюнтер всегда выбирал сам. Конечно, были случаи когда прелестные красотки первыми намекали на желание одарить его своим телом, но вот сделать или нет последний шаг, выбор всегда был за ним. Бывало, по разным причинам, он отказывался от таких контактов, например, если девушка бывала слишком наглой или не удовлетворяла его внешне.

Второй заключался в том что плодить налево и направо будущих детей не входило в его планы. Нет, если бы он узнал что какая-нибудь не чужая ему особа залетит, например Лаура, Ева, Лотта, Мария или Аннелиза, то Гюнтер был бы не против. Но разбрасываться своей семенной жидкостью для кучи неизвестных женщин, для которых он всего лишь живой спермобак? Нет, на такое Гюнтер был не согласен, даже ради величия Германии!

... — Вы слышите меня, Шольке? — ворвался в его голову встревоженный голос Зольмана. — С вами всё в порядке?

— Да... — с трудом ответил он, пытаясь привести в порядок свои мысли. — Извините, я не расслышал. Что вы сказали?

— Я сказал что, несмотря на рекомендации самого рейхсфюрера, мы обязаны взять у вас некоторые анализы... — сообщил Зольман, озабоченно сдвинув брови.

— То есть, если эти анализы... — хотел спросить Гюнтер, охваченный внезапно воскресшей надеждой, но она тут же пропала едва он услышал слова оберштурмбаннфюрера:

— Не беспокойтесь, Шольке, для вас это пустая формальность, просто чтобы заполнить бумаги! Уверен, что всё у вас с этим будет в порядке! — "обрадовал" его Зольман. — Раз за

вас поручился сам рейхсфюрер, то мы всё сделаем как можно быстрее!

— Можете и не спешить... — удручённо ответил Гюнтер, не зная как избежать свалившейся как снег на голову неприятной обязанности. — Скажите, как-нибудь возможно избежать такой... чести? — спросил он, надеясь на чудо.

— Что вы имеете в виду? — с удивлением спросил Зольман. Он с нескрываемым изумлением смотрел на глупого оберштурмфюрера, который не понимает своего счастья.

— Дело в том, что у меня есть девушка... — попытался Гюнтер на ходу придумать причину. — И она вряд ли будет довольна тем что я... хм... изменю ей.

— Ах вот оно что... — догадливо протянул Зольман. — Об этом не беспокойтесь, Шольке! Во-первых, это не будет считаться изменой, скорее, это просто работа, понимаете? Пусть весьма своеобразная, но работа на благо нашего Рейха! — "успокоил" оберштурмбаннфюрер. — А во-вторых, любая немецкая девушка, воспитанная на идеалах национал-социализма, будет только приветствовать вашу готовность послужить нашей стране не только на поле боя но и... в постели! Она же у вас именно такая? — вопросительно поднял он брови.

Гюнтер со вздохом кивнул, хотя был вовсе в этом не уверен. Конечно, она любит его и согласится с любым его решением, но вряд ли оно доставит ей радость. Скорее всего, она ему даже слова против не скажет... Вот только самому Гюнтеру не хотелось этого делать. Как ни странно, изменяя ей с Евой и другими женщинами, которые ему нравились, он не испытывал мук совести, хотя, по идее, должен был... А вот здесь, понимая свою будущую роль, его охватил стыд при мыслях о том что ему придётся делать по приказу. Эх, старину Фрейда бы сюда, возможно, тот объяснил бы всё и разложил по полочкам... Кстати, интересно, не забеременел ли уже кто-то из его гарема? Первая кандидатка — Лаура. Надо бы узнать перед отъездом на фронт... Спросить, как бы невзначай... Конечно, прошло мало времени, но всё же..

Вдруг ещё одна мысль посетила его, заставив похолодеть. Если он переспит со всеми этими истинными арийками то не случится ли так, что они потом, из-за влияния дара богини, влюбятся в него? Проклятье, вот только этого ему не хватало, в дополнение к другим проблемам! Если такое случится то будет просто кошмар! Как он справится с таким количеством женщин? У него уже есть Лаура, Ева, Мария, Аннелиза, Лотта! Некоторые подозрения внушают Катарина, Ребекка и Ханна... А если ещё появятся эти специально отобранные будущие матери его детей... От такой перспективы просто дух захватывало! И вовсе не от восхищения! Нет, надо на фронт, чем быстрее тем лучше! Могут убить? Какой пустяк по сравнению с женским взводом, завязанным на него. Вот и проявился минус этого дара богини, о котором он раньше и не подумал! Пожалуй, надо слегка придержать свой член, иначе тот заведёт его туда откуда потом хрен выберешься!

— Что ж, ещё раз вас поздравляю, Шольке! И не забудьте, сдать анализы вам лучше всего на следующей неделе! — напутствовал его Зольман, довольно улыбаясь.

— Где лучше всего это сделать? — с мрачным лицом спросил Гюнтер, вставая из-за стола и надевая фуражку.

— В любом госпитале, конечно... — ответил тот.

— В клинике Шарите тоже возможно? — уточнил он.

— Почему нет? — пожал плечами Зольман. — У них там отличное оборудование для сбора анализов. Просто придёте и скажете что это для нашей организации, они сами всё расскажут и сделают.

— Хорошо, оберштурмбаннфюрер! Я сделаю всё что нужно... — сказал Гюнтер, направляясь к двери.

— Как я вам завидую, Шольке! — с грустью покачал головой Зольман. — Хотел бы я быть на вашем месте!

Удивлённый Гюнтер остановился возле двери.

— Так в чём дело? Вы же большой начальник в вашей организации.

— Увы... я не подхожу по некоторым параметрам! — вздохнул Зольман с огорчением глядя на него. — Иначе, уже давно бы это сделал.

— Возможно, вы не поверите, оберштурмбаннфюрер... — невесело усмехнулся Гюнтер. — Но я бы тоже в такой ситуации хотел бы поменяться с вами местами.

Тот весело рассмеялся в ответ:

— Вы абсолютно правы, Шольке, я вам нисколько не верю! Думаю, это лишь попытка утешить меня. Бесплезная, к сожалению, но спасибо вам за это!

Несколько секунд они помолчали, потом Гюнтер открыл дверь кабинета и попрощался с управляющим делами "Лебенсборна".

Всю дорогу до дома он размышлял над тем как отказаться от прямого приказа превратиться в племенного бычка. Наконец, уже перед самым домом, у него появилась одна идея, вот только не факт что она удастся. Но попробовать стоит.

Поднявшись к своей квартире и взяв по пути почту, он вошёл внутрь и устало уселся в кресло. Бездумно смотря в окно, Гюнтер через минуту перевёл взгляд на казённый конверт, который он вертел в руках. Судя по штемпелю, тот был из управления кадров СС. Вскрыв его, он погрузился в чтение и через несколько секунд почувствовал как слегка засосало под ложечкой.

Содержимым конверта оказалась пачка бумаг с грозно раскинувшим крылья орлом. Из них свидетельствовало что оберштурмфюрер Гюнтер Шольке обязан прибыть в город Аахен, в расположение моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер" не позднее 5 мая и приступить к своим новым служебным обязанностям, которые доведёт до него командование. Также там были и другие бумаги, которые был обязан иметь любой офицер отправляющийся в действующую армию.

"Ну что, Пауль, вот и сбылось твоё желание, дружище... Скоро мы с тобой снова будем воевать вместе!"

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

27 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

— Ну вот, Засоня, уже что-то получается... — удовлетворённо констатировал "Филин", глядя как нож Саши воткнулся в мишень. Пусть даже в самую квадратную доску а не в нарисованный на ней круг, но всё равно прогресс. До этого на каждом занятии его холодное оружие летело куда угодно но только не в цель. Оно недолетало, перелетало, оказываясь то сзади мишени то сбоку... Потом стало чуть лучше. Выражалось это в том что нож теперь попадал в треклятую доску, вот только явно не так как хотел Александр. Ну какой толк от оружия если оно стучалось о мишень то рукояткой то плашмя? Да никакого! В боевых условиях враг от такого удара разве что синяк бы получил и обратил самое пристальное внимание на того кто вздумал в него кидаться разными колюще-режущими предметами. А ведь это только азы... Ещё предстояло выучиться как не только правильно кидать нож но и делать это в движении. Причём, не только когда сам движешься но и противник тоже. То есть, метать в то место где враг может оказаться через секунду, на упреждение. Да, работы тут непочатый край, огорчился Саша. Другие, вон, уже начали в движении кидать, а он опять позади всех. Конечно, у его группы была уже практика до его появления в лагере, но всё же..

Почти два часа Александр убил на это занятие но не жаловался. В конце концов, однажды это умение может спасти ему жизнь. Он усмехнулся, вспомнив сцену из фильма "Звёздный десант", где наивный земной десантник-новобранец спросил, какой прок от метания ножей в эпоху космических кораблей... И сержант наглядно показал на самом новобранце что тот не сможет ничего сделать своей рукой если та будет пробита ножом. Что ж, в этом есть смысл.

После этого у них был урок маскировки. Инструктор приказал им, одетым в зелёные маскхалаты, рассыпаться и спрятаться в небольшой роще, размером, примерно, пятьсот на триста метров, которая находилась в паре километров от лагеря. За 15 минут группа "Филина" должна была хорошенько замаскироваться и пролежать там минимум час, необнаруженная инструктором. Курсанты, собравшись на опушке, выслушали инструктаж и по команде рванули в рощу, оставив усмехнувшегося инструктора на месте. Хоть Саша и не питал иллюзий насчёт своих способностей но постарался как можно больше осложнить поиск для него. Для этого он нашёл небольшой овраг с густо разросшимися кустами на дне. С трудом забравшись в самый центр и расправив кусты, Александр уселся на землю и стал ждать. Тёплая погода, пение птиц и шум деревьев понемногу сморили его.

Увы, долго покемарить ему не удалось. Внезапно кто-то схватил его за левое ухо и с силой дёрнул вверх, едва не оторвав. Вскрикнув от боли, Саша вскочил как ошпаренный, одновременно попытавшись ударить наглеца кулаком. Но его руку перехватили, вывернули, а его самого отбросило назад, в кусты. Когда он, в ярости, выскочил обратно, то увидел инструктора с его вечной ухмылочкой, который стоял и смотрел на него.

Тот покачал головой и сплюнул:

— Какие же вы все однообразные! Каждый раз в этом овраге какой-нибудь салага да спрячется! Как будто мёдом тут намазано... Короче, Засоня, шагай на место сбора, не хрен

спать во время занятий... А я пойду других неудачников поищу... — тихо закончил он и через несколько секунд Саша его уже не видел. Будто шапку-невидимку надел... Потирая горящее ухо, он направился на опушку где уже стояли понурый "Заяц" и "Хохол".

За следующие полчаса там же собралась вся группа, во главе с "Филином". Самый последний, вместе с инструктором, пришёл "Лесник". Собрав их вместе, инструктор начал разбирать ошибки, допущенные курсантами.

— Начнём с Зайца... Впрочем, заодно советую слушать Засоне, Хохлу и Иванычу... Вы все допустили самую распространённую и грубую ошибку. Какую? — спросил инструктор и сам же ответил: — Спрятались в густых кустах. Конечно, ведь это самое лёгкое место, верно? — издевательски покачал он головой. — Запомните, салаги! Те, кто будут вас искать — не дураки! И они станут, в первую очередь, смотреть в самые очевидные места! А это именно густые кусты! И найдут вас, даже без собак... Более того, если у них не будет приказа обязательно взять вас живыми то именно в эти кусты полетят пули и гранаты! Сколько раз я вам твердил — не считайте себя самыми умными а врагов дураками! Вся история войн доказывает что именно такие самоуверенные идиоты и проигрывают сражения и войны. Всегда уважайте противника и старайтесь думать как он! Иначе сдохнете и не выполните задачу..

— Теперь ты, Боцман... Вот скажи мне, зачем ты полез на дерево? Почувствовал себя птичкой? — спросил инструктор у мрачно насупившегося моряка и замахал двумя руками, изображая её. Другие курсанты, как и Саша, рассмеялись.

— Отставить смех! — резко сказал инструктор и тут же воцарилась тишина. — Я жду ответа, Боцман!

— Я решил что там меня не увидят... — глухо пробурчал он. — Ведь ищут только на земле..

— Верно, на земле... — утвердительно кивнул инструктор. — Вот только вопрос... Как думаешь, что подумают преследователи, увидев что твой след оборвался возле ствола дерева? Наверное, решат что ты вознёсся на небо как христианский святой и захотят посмотреть на него? Запрокинут голову и увидят что святой-то до неба не долетел, оказывается... Грехи, наверное, не пускают... Сидит себе на дереве и в ус не дует, правда? Тут и сказочке конец а вот Боцману пиздец! — выразительно развёл он руками.

В строю снова кто-то хрюкнул от смеха но, под острым взглядом инструктора, тут же заткнулся.

— Ладно, будем учить... — махнул рукой их наставник в маскировке. Наскоро объяснил ошибки "Казаха" и переключился на "Филина" с "Лесником".

— Вы оба смогли замаскироваться лучше всех, признаю... Например, Филин. За те 15 минут, которые я вам дал, он смог найти неплохое место под поваленным деревом, забросать себя травой, сорванной в стороне, и лежать тихо так что даже птиц рядом не потревожить... Молодец! — похвалил его инструктор. Лицо командира группы осталось спокойным но видно было что он доволен заслуженной оценкой.

— Ну, в Леснике я и не сомневался... Он один из вас догадался что те таинственные петельки, нашитые на ваши маскхалаты, не для красоты а для дела. Смог аккуратно украсить себя пучками травы и ветками, в том числе голову, и смог затаиться не в глубине кустов, как некоторые... а, наоборот, почти на открытом месте... То есть, там где вражескому взгляду негде зацепиться. Смотрит человек и что видит? Просто открытое место, заросшее невысокой травой. Рядом ни кустов ни деревьев... Можно пройти рядом с Лесником в пяти

шагах и не заметить его.

Инструктор обвёл всю группу взглядом и сказал:

— Никогда не прячьтесь в очевидных местах! Потому что противник, если он не дурак, станет именно там вас и искать. Овраги, кусты, деревья... Всё, на чём задерживается взгляд человека, подозрительно, потому что враг будет думать так же как и вы. И последнее! Я немного смухлевал! — усмехнулся он.

— Эту рощу я знаю как свои пять пальцев. Ни у кого из вас, даже Филина и Лесника, не было шансов спрятаться. Я всё равно бы вас нашёл, потому что каждый день здесь бываю и просто обязан знать это место. А вот если я спрячусь, найдёте меня? — внезапно спросил инструктор, хитро посмотрев на них. Удивлённые курсанты, так же как и Саша, переглянулись но на их лицах тоже появились ухмылки. Что может быть лучше для уязвлённой гордости чем реабилитация и попытка поменяться с инструктором местами?

— Что, думаете сейчас найдёте меня и будете ощущать себя настоящими следопытами? — улыбнулся тот. — Зря надеетесь! Хотя... У меня предложение. Если вы это сделаете, то я лично попрошу у Кремня чтобы он дал вам увольнительные. Довольны?

Одобрительный гул голосов послужил ему ответом.

— Что ж, сыны нашей великой Родины, слушайте и потом не говорите что не слышали... — рассмеялся инструктор. — У меня будет фора не пятнадцать а пять минут. Искать станете все вместе в течении часа. Найдёте? Замолвлю за вас словечко. А вот если не найдёте... — улыбка пропала с его лица, превратившись в спокойную маску... — тогда снова со свистом полетите в наряд по части!

На этот раз никто не смеялся. Потому что было не смешно. Мало того что наряд сам по себе налагал дополнительные нагрузки но ещё и являлся показателем того что группа где-то как-то провинилась, не справилась с заданием, что служило причиной насмешек со стороны других групп, а клоуном быть никому не хотелось.

Следующий час, Саша вместе со своей группой, буквально рыли землю в этой роще. Заглядывали во все кусты, смотрели на деревья, обшарили весь овраг... Нигде и никого! Даже "Лесник" спасовал и виновато развёл руками под укоряющим взглядом ребят. В конце концов, группа собралась вместе и, под руководством мрачного как туча "Филина", вернулась на опушку где на пеньке уже сидел инструктор и показательно зевал. Увидев возвращающихся курсантов он ехидно сказал:

— Ну что, товарищи залётчики? Разочаровали вы меня... А я не люблю разочаровываться. Так что, забудьте про увольнения, вечером щётки в зубы и перевыполнять план по уничтожению грязи и пыли в казарме и на КПП!..

На следующем занятии их учили как отрываться от погони. Худощавый инструктор, отзывающийся на Василия Ивановича, дал вводную:

— Представьте, вы выполнили задание в тылу врага и отрываетесь от преследования. Или же просто вас заметили при подходе к цели. За вами бежит группа врагов... скажем, в количестве взвода, вместе с собаками. Вооружение — винтовки и пистолеты-пулемёты. Ну и гранаты, конечно. Местность — лесисто-степная. Вы — один, без товарищей, патронов мало. Вопрос: кто опасней для вас — вооружённый человек или собака? Кто ответит?

С места вскочил "Заяц".

— Конечно, человек!

— Почему же? — вопросительно поднял брови инструктор.

— Потому что человек опасен и вблизи и издалека! Он может схватить, если их много,

или пристрелить. А собака опасна только если добежит до тебя. А даже если сможет, то её легко победить: пристрелить, прирезать ножом, придушить... Так что, человек всегда опасней животного, эволюция это подтвердила! — уверенно закончил боец.

Изумлённый Саша во все глаза смотрел на него. Он даже не подозревал что непоседливый одессит знает такое слово и, тем более, что оно означает. Получился этакий разрыв шаблона. Похоже, Александр ещё многого не знает о бойцах своей группы. Но это и не удивительно, ведь мало кто из них горит желанием раскрыть свою душу. Да и секретность тут на каждом шагу.

— Хм... — отозвался инструктор, с некоторым интересом посмотрев на "Зайца".. — Кое в чём я с тобой согласен... Но не в данном случае. Объясню почему. Дело в том что у собаки, в отличие от человека, есть своё собственное оружие — нос. В каждой группе охотников на диверсантов есть как минимум, один обученный пёс. И именно он является самым страшным врагом разведчиков и диверсантов. Он как компас ведёт за собой своего хозяина и его товарищей. Поэтому именно собака должна быть главной целью для вас в такой ситуации, понятно? Убив пса или сбив его со следа с помощью табачной пыли или другого сильно-пахнущего средства вы намного ослабите опасность для самого себя. Обладая навыками маскировки и уничтожив свои следы, сможете спрятаться даже в непосредственной близости от противника и пропустить погоню вперёд. Вот почему в снаряжении каждого разведчика должно быть такое средство.

— Получается, если убить собаку то можно и слегка расслабиться? — улыбнулся "Хохол".

Василий Иванович тоже улыбнулся, только невесело:

— Нет, расслабиться можно будет только у себя в расположении и не раньше... Враги тоже прекрасно знают ценность своих собак и всегда стараются защищать их. Например, часть преследователей бежит в нескольких метрах перед собакой, стараясь не наступать на след. Таким образом, снижается возможность прикончить пса из-за того что его закрывают враги своими телами. И это не говоря уже о том что сама собака очень быстрое и небольшое животное. Более того, некоторых поисковых собак дополнительно тренируют не лаять а бежать молча. Поэтому вы сможете обнаружить погоню лишь увидев её, что отнимет у вас несколько секунд или минут нужных для подготовки боя, а это очень важно в такой ситуации!

Помолчав, инструктор внимательно посмотрел на них, словно пытаясь понять дошли ли до курсантов его слова. Видимо, удовлетворившись увиденным, он продолжил:

— Но и это ещё не все хитрости... Хорошо обученные собаки могут не бежать прямо к вам, чтобы вцепиться в руку или горло, а прыгать из стороны в сторону сбивая ваш прицел. Пёс видит что на него направлена какая-то палка и старается избежать этого... Наконец, если у преследователей две или три собаки, то вперёд пускают только одну, чтобы в случае её гибели могли заменить другой или третьей, которые бегут сзади группы. Получается, чтобы разделаться со всеми собаками вам придётся каждый раз обнаруживать себя, рискуя попасть в плен или погибнуть. Кроме этого есть ещё некоторые особенности но их мы разберём на следующем задании. Группа, разойдись!..

Каждый день от кучи информации, попадавшей в мозг, у Саши кипела голова но, в то же время ему было очень интересно узнавать все эти военные хитрости и боевой опыт, оплаченные кровью множества людей. Это напоминало ему компьютерные игры, в которые он играл подростком. Бывало, сидишь за компом часов шесть подряд, голова болит, хочется в

туалет, жрать, спать но никак не можешь оторваться, всё хочется узнать что будет на следующем уровне игры. Вот только здесь, если ошибёшься и забудешь что-то важное то обратно рестарт не сделаешь. Жизнь у него только одна и если он хочет выжить то обязан запоминать всё, иначе кто знает что и когда понадобится..

Внезапно он вспомнил какой сегодня день и крепко сжал зубы... 27 апреля 1940 года Гиммлер подписал приказ о создании концлагеря Аушвиц-1, рядом с польским городом Освенцим. Больше миллиона погибших... Издевательская фраза "Труд освобождает".. Одна из самых мрачных страниц Второй Мировой войны... Нет, он не должен такого допустить! Обязан использовать всё своё красноречие чтобы убедить Сталина уничтожить нацистскую заразу пока та не разрослась! Хотя... в СССР тоже есть лагеря, пусть и не такие зверские. Ничего, как только он закончит здесь своё обучение то постарается поговорить со своим "нянькой".. Вот только как эту информацию залегендировать, ведь он же должен играть роль загипнотизированного сотрудника НКВД! Что ж, тогда надо сделать вид что ему это опять "приснилось".. Но тут есть один момент: возможно, Сталин знает про эти лагеря и судьба евреев и других европейских заключённых вовсе не волнует? Тогда следует сказать что в этих местах будут зверски убиты сотни тысяч советских военнопленных... По крайней мере, стоит рискнуть! Кстати!.. А что если попробовать посоветовать Сталину и Берии..? Ведь тогда всё будет по-другому!.. Так, эту мысль надо хорошенько обдумать, времени много..

Тут его мысли перескочили на более приятную тему. Интересно, куда подевалась Катя?

Москва.

27 апреля 1940 года.

Залесский Алексей Дмитриевич.

День уже клонился к вечеру когда он вышел с территории завода и направлялся домой. В последнее время его стало обуревать желание уволиться, к чёрту, из этой мастерской и пожить безработным, благо что деньги были. За это спасибо иностранцу, который иногда подкидывал ему хорошую плату за сведения. Да и Петрович начал всё чаще бухтеть на тему того что он слишком часто отпрашивается с работы. Конечно, скорее всего, это лишь предлог чтобы выманить для себя лишнюю бутылку водки но, всё равно, звонок нехороший... Чуйка тихо шептала что Петрович человек ненадёжный, возможно, что-то заподозрит и сболтнёт по пьяни там где не надо. Да и другие рабочие начали на него удивлённо поглядывать. Оно и понятно, все пашут за свои копейки и рубли а Лёшка то работает то нет. Подозрительно это, выделяться из коллектива... К тому же он не пьёт с ними, ни с кем не дружит... Да, видимо, пора увольняться пока эти подозрения не переросли в уверенность..

Занятый своими мыслями он не успел среагировать и был внезапно атакован какой-то тенью, накинувшейся сбоку и пахнувшей знакомыми духами. Невероятным усилием Алексей успел сдержать себя чтобы не сломать шею этой дуре..

— Лёшенька!!! Милый мой! Я так скучала по тебе!! — обрушился на него словесный дождь из уст счастливой Кати, которая закинула свои руки ему на шею и начала неистово целовать его прямо на улице. На него тоже нахлынула радость от того что эта чекистка всё-таки нашлась и теперь он сможет получить нужные сведения. На лице его появилась приветливая улыбка и он ответил ей самым ласковым голосом:

— Катюшка?! Бог ты мой! Какими судьбами? Я тоже очень скучал по тебе, моя

красавица! Куда ты пропала, егоза? Я уж подумал что ты меня бросила! — целовал он её в ответ, пока мозг лихорадочно перерабатывал новую информацию и решал что делать.

— Ммм... — с трудом она оторвалась от его губ и сказала: — Всё-всё тебе расскажу, обещаю, только не сердись на меня, ладно? Я не виновата! — с умильным видом она сложила ладони перед грудью, словно на исповеди в церкви.

Он тут же принял суровый вид и сделал движение что хочет оттолкнуть её:

— Даже не знаю... Меня терзают смутные сомнения что в твоём внезапном отсутствии виноват какой-нибудь мужчина, которым ты увлеклась, забыв про меня, обычного рабочего... Не уверен что хочу слышать твои оправдания... Или ты пришла сказать что между нам всё кончено? В таком случае... — он не успел продолжить так как девушка мгновенным движением снова прижалась к его губам и на минуту его язык ничего не мог сказать, занятый более приятным делом.

Ощущая плотно прижатое к нему тело девушки, Алексей почувствовал что начинает возбуждаться. Да, она чекистка, но зато чертовски красивая чекистка! Возможно, ему не стоит её убивать когда она станет бесполезна и даже опасна? Может, получится перевербовать её, пользуясь тем что та влюбилась в него как кошка? В этом случае выполнять задания станет намного легче да и помощник ему не мешает. Конечно, для конспирации лучше если он будет один, без сообщников, которые могут его сдать, но с другой... К тому же, если сержант ГБ погибнет то может начаться расследование, а оно ему абсолютно не нужно. В общем, в обоих случаях есть свои плюсы и минусы.

Видимо, ощутив как в неё упёрся его член, она довольно хихикнула и прошептала:

— Лёша, пойдём к тебе? Я вижу что ты по мне тоже ОЧЕНЬ соскучился..

Они быстрым шагом дошли до его барака и, едва ввалившись в комнату, начали раздевать друг друга. Катя сбросила с себя одежду быстрее чем он и помогла ему раздеться. Сняв с него штаны и увидев стояк она метнула свой взгляд на лицо и тихо прошептала:

— Я хочу заглядить свою вину, любимый... и поэтому ты сейчас получишь то что раньше хотел... Только учти, я раньше никогда этого не делала и не умею, ладно?

Алексей, в это время, был на распутье словно буриданов осёл: хотелось немедленно начать осторожные вопросы о том где Катя была и что с ней случилось... И одновременно, орган между ног требовал чтобы его желаниям был отдан приоритет и плевать на всякие шпионские штучки и важную информацию! В конце концов, решив что полчаса-час погоды не сделают, он осторожно взял её за голову и начал помогать, вздрагивая от удовольствия и видя как в женском рту исчезает и появляется его достоинство.

— Осторожно... чуть глубже... молодец, милая... зубки убери... а теперь язычком... ухх..

Девушка не врала, он чувствовал это. Опыта у неё не было от слова совсем, так как Алексей мог сравнить свои ощущения с теми которые получал от куда более опытных девиц на своём жизненном пути. Вот чего у неё было полно так это энтузиазма и желания дать ему удовольствие. Время от времени она отрывалась от члена и смотрела на него, словно спрашивая: Я всё правильно делаю? Тебе нравится? Он кивал и закрывал глаза. Конечно, ему было приятно но далеко не так как с другими, всё же опыт есть опыт. Но показывать девушке этого не стоило, иначе она потеряет уверенность в себе. Ничего, начало положено, со временем Катя всему научится..

Через полчаса они лежали на кровати и отдыхали. Благодаря тому что Алексей был вынужден сделать перерыв длиной в неделю, он кончил от её непрехотливого минета целых

два раза. Девушка закашлялась, когда он в первый раз излился ей в рот и выплюнула сперму, так же как и во второй. Видимо, не понравилось... Это пока, он потом приучит её так как ему нравится.

Катя подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо. В её глазах было столько счастья и любви, что его сердце, закованное в горе, ненависть и жажду мести, слегка дрогнуло. Что ж, если ничего не получится и ему придётся её убить, то сделать это надо быстро и безболезненно. Пусть она служит в организации которая является его злейшим врагом и повинна в бесчисленных злодеяниях и убийствах, но сама девушка в этом не виновата, просто не успела ещё очерстветь душой и стать циником. Она лишь обманутая жертва советской системы и наивная дурочка..

— Ну, а теперь рассказывай, подлая изменщица... Где и с кем пропадала? — усмехнувшись, спросил он, прижимая её тело к себе. Та уютно устроилась на его груди и стала выдавать совершенно секретную информацию.

— Я не изменщица... — буркнула она и слегка стукнула его по груди. — Всю эту неделю я была в каком-то секретном лагере, где-то в Подмосковье... Там была куча осназовцев, по рассказам поварихи.

— В смысле? — не понял он. — Ты даже не знала где находишься?

— Не знала, Лёша, честно... — подтвердила она виноватым тоном. — Мы ехали ночью, ничего не было видно, к тому же часть пути я проспала... Ох и неудобно там было спать, всё тело болело... — пожаловалась она.

— погоди, а почему ты меня заранее не предупредила? Я же волновался за тебя... Пропала бесследно, ни ответа ни привета! — сделал он раздражённый вид.

— Ну прости, не смогла я... Как мне сказали что я должна ехать, то сразу запретили идти домой. Я хотела тебя предупредить но меня просто не выпустили. Извини, пожалуйста, я не вру..

— Ладно-ладно, я тебе верю... — успокаивающе погладил он её по волосам. — И что было дальше?

— А дальше всё было секретно! И я не имею права тебе это рассказывать! — ошарашила его Катя озорным тоном. И пока Алексей удивлённо смотрел на неё, поражаясь внезапному выверту её мыслей, она игриво добавила: — Но если скажешь секретное слово и поцелуешь то... скажу всё что хочешь!

— Ах ты, шантажистка! — он со смехом начал щекотать девушку пока та, завизжав, не вскочила с кровати. — Хорошо, иди ко мне, зараза такая... Но учти, я тебе это ещё припомню! — пригрозил он.

Они снова улеглись и он прошептал ей секретное слово:

— Люблю! — и крепко поцеловал.

— Ах, я не могу устоять против такого слова! — воскликнула чекистка и счастливо вздохнула: — Представляешь, оказалось, что я там очутилась из-за того что так захотел этот чёртов перебежчик! И мне намекнули что я должна ему там понравиться! Флиртовать с ним, обниматься, целоваться... и даже отдаться ему! Да я им что, проститутка какая-то?! — возмутилась она.

Поглаживая ее по голове он размышлял.

"Зачем этого парня направили в лагерь осназа? Вероятнее всего, чтобы спрятать от чужих глаз. Да и безопасность там на высоте. Значит, его информации доверяют? Тогда получается... Получается, что у них есть какие-то доказательства его правоты? Да нет, чушь!

Представить что через год немцы нападут на Россию, дойдут до Москвы, а потом их будут гнать обратно до Берлина целых четыре года? Чтобы в это поверил недоверчивый усатый грузин? Нет, логика всё-таки есть, этот перебежчик прилетел из Германии, значит, по идее, мог знать планы немцев. Хотя нет, не сходится! Такие секретные планы знают только Гитлер и пара его самых близких соратников а этот Саша был всего лишь обычным полицейским... Да и как он мог знать конкретные цифры? Хм... да никак! Выдумал наобум что он из будущего? Ага, и Сталин настолько поверил что спрятал его на секретную базу? Эх, мало информации... Хорошо бы поговорить с самим Александром, вот только вряд ли сейчас до него доберёшься... Что же делать?" — быстро проносились мысли в его голове.

— Лёша, ты меня слушаешь? — нарушила его мысли недовольная Катя, которая требовательно смотрела на него.

— Конечно, милая! — откликнулся он, ласково глядя на девушку. — Знаешь, ты не могла бы мне устроить встречу с этим Александром?

— Конечно, нет! Его оттуда вообще не выпускают, говорю же, секретность! Да и зачем тебе с ним встречаться? — нахмурилась чекистка.

— А ты не понимаешь? — иронически спросил он, подняв бровь.

— Нет, не понимаю! — ответила девушка. — Что ты с ним собрался обсуждать?

— Хорошо, я скажу... Только это строго секретно, поэтому никому! — он выразительно посмотрел ей в глаза.

Та кивнула, с любопытством смотря на него. Хоть и работает в таком ведомстве но, по сути, всё равно ещё любопытная девчонка..

— Я — иностранный шпион, который хочет украсть секреты товарища Берии! — максимально серьёзным тоном сказал он и затаил дыхание.

Катины глаза широко распахнулись, ротик приоткрылся... Казалось, она была в шоке. Алексей сделал вид что с трудом сдерживается от улыбки и отвёл взгляд в сторону.

— Ах ты, гад этакий! — накинулась на него возмущённая девушка, пытаясь вцепиться в его короткие волосы. — Я даже на миг поверила, дурочка! Тьфу на тебя, шутник! Придумал тоже, шпион... Ещё и с таким серьёзным видом сказал... Не хочешь говорить правду, не говори! — обиженно закончила чекистка, отвернувшись от него.

— Ну хорошо, виноват... — со смехом он обнял её сзади, хоть девушка и пыталась вяло сбросить его руки. — Просто решил подразнить тебя, ты же тоже меня секретностью пугаешь? Ладно, скажу правду если повернёшься..

Несколько секунд Катя терпела но потом не выдержала. Обернувшись к нему она сказала, стараясь быть строгой:

— Только на этот раз без шуток, хорошо?

— Обещаю! — поднял он руку. — Ты же моя девушка, верно?

Та тут же энергично кивнула.

— Вот! Я хочу встретиться с ним, поговорить по-мужски и спросить: А не пойти ли вам, уважаемый Александр, куда подальше от моей девушки? Не тянуть к ней свои руки, не целовать и, тем более, не пытаться делать с ней то что имею право делать только я? Мы с ней любим друг друга и вам лучше отстать от неё пока я не разозлился и не..

Продолжить своё объяснение он не смог. Это трудно сделать когда мягкие женские губы с силой прижимаются к ним а её язык пытается ворваться внутрь. Целая минута бешеных поцелуев и девушка, тяжело дыша, отстраняется от него:

— Лёшенька, ты такой... Родной мой, любимый! Я так тебя люблю, сердце разрывается

от этого! Обещаю, что не отдамся ему, даже приказ нарушу, самого товарища Берии, но нарушу... Скажи мне, ещё раз, много раз... Ты на самом деле меня любишь? — её глаза умоляюще смотрели на него, казалось, что от его ответа зависит жизнь Кати.

— Да, моя Катенька-Катюша! Я тебя очень сильно люблю! — страстно ответил он, глядя ей прямо в глаза. — И мне невыносима мысль что его руки будут касаться тебя, губы целовать и... Если он посмеет взять тебя то я его просто убью, поняла?

— Да, мой Алёшенька, я всё поняла! — чекистка просто сияла от счастья. — Я тебе обещаю, клянусь, что не дам ему прикоснуться к себе. Я и сама не хочу этого! Даже убила бы его, так ненавижу этого перебежчика с его дурацкими фантазиями! Как можно было придумать такое?..

Они крепко обнялись и некоторое время лежали, просто наслаждаясь друг другом.

— Скажи, любимая, тебе же приказали привязать его с помощью своих женских чар? — уточнил он.

Девушка угрюмо кивнула, избегая смотреть на него.

— Тогда сделай так: флиртуй с ним, смейся, шути... максимум, пусть он обнимет тебя. Но никаких поцелуев и, тем более, секса! Договорились? — спросил он лежащую на нём влюблённую девушку.

Та снова закивала, только уже с улыбкой на лице.

— Я и сама уже так решила, милый! Я твоя и больше ничья! Вот только приказ... — она грустно вздохнула.

— Понимаю, приказ надо выполнять... — согласился Алексей. — Но его можно выполнить разными способами, верно?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Катя, с интересом слушая его.

— Ты флиртуешь с ним и всё остальное... Но если вдруг он захочет большего, то ты придумаешь какую-нибудь причину чтобы отказать ему... Можешь сказать правду, что у тебя уже есть парень... Или, допустим, ты вообще не любишь целоваться с мужчинами. Сексом тоже не можешь заниматься ни с кем из-за женской болезни... В общем, сама выдумай причину! — закруглился он, в то же время сомневаясь что сделал правильно. Какое ему дело, будет она спать с этим Сашей или нет?

К счастью, её слова убедили его что он всё сделал как надо.

— Обязательно так и сделаю, любимый! Знаешь, если бы ты сказал мне лечь под него ради приказа, то я бы усомнилась в твоей любви и решила бы что я для тебя лишь постельная игрушка и тебе плевать на меня. А теперь вижу что ты на самом деле меня любишь, ценишь и не хочешь отдавать никому! Лёшенька, ты самое лучшее в моей жизни! Люблю-люблю-люблю тебя! — зацеловала она его и шаловливая ручка поползла вниз.

— Это что там ползёт внизу? — поинтересовался он и схватил ручку на полпути. Девушка разочарованно вздохнула:

— Ты больше не хочешь?

— Конечно, хочу! Но мне нужно ещё минут пять и тогда я снова буду готов к бою! — напыщенно ответил Алексей и высказал одну идею, которая пришла ему буквально минуту назад.

— Слушай, Катюша, у меня тут появилась одна мысль, которая, уверен, понравится нам обоим... Хочешь услышать?

— Интересно... Скажи!

— Смотри, у тебя есть какая-нибудь красивая подруга у которой нет парня? — спросил

он и тут же был вынужден закрыться рукой, чтобы не получить кулачком по лицу. — Эй, ты чего?

— Ты что это там придумал, а?! Зачем тебе мои подруги? — вспыхнула Катя и набросилась на него, пытаясь ударить. Но у неё это плохо получалось, потому что он легко перехватил её руки и прижал к себе.

— Да ты дослушай сначала!.. Ай, больно же!.. — старался он объяснить. — Да я же не для себя стараюсь!

Девушка затихла в его руках, но её глаза грозно сверкали, словно пытаясь пробраться внутрь его черепа и вытащить наружу все его тайные мысли. Он улыбнулся, увидев бешеную реакцию Кати, и продолжил:

— Предлагаю такой план: Ты находишь такую подругу, которая хотела бы познакомиться с парнем и потом говоришь этому Саше что у тебя уже есть жених, поэтому хочешь чтобы он встретился с другой девушкой. Таким образом всем хорошо: он отстанет от тебя, твоя подруга получит парня а Саша ту девушку которая не будет ненавидеть его. Что скажешь? — спросил Алексей.

На самом деле весь этот план он задумал только для одной цели: вытащить этого перебежчика из его безопасной норки и попытаться пообщаться с ним, чтобы понять что он за человек и стоит ли верить его сведениям. В крайнем случае, придётся его "погасить". Конечно, даже если того отпустят на встречу с подругой Кати то всё равно с ним будет охрана, но разобраться с ней он сможет. Есть уже кое-какие мысли на этот счёт.

Чекистка на некоторое время задумалась, её пальчики расслабились и нежно начали поглаживать его плечи в то время как глаза задумчиво смотрели в стену. Наконец, она очнулась и посмотрела на него с улыбкой:

— Какой же ты хитрый, Лёшка! Такое придумал... А знаешь, есть у меня одна подружка на примете. Довольно симпатичная, Светой зовут, студентка. С парнями ей, почему-то, не везёт... Думаю, она согласится.

— Отлично, милая! Значит, в следующие выходные вы с ним уже приедете в город? — воспрял духом Алексей, быстро прикидывая варианты.

— Ну это вряд ли... — остудила его девушка. — Его же могут не выпустить наружу, даже если он сам попросит. Да ещё надо со Светкой поговорить... Завтра мне уже надо ехать обратно в лагерь... — огорчилась та. — Кстати, мне же надо забрать из дома кое-какую одежду, а то там мне такую дали что... — она покраснела и Алексей с интересом посмотрел на неё.

— А что с ней не так? — полюбопытствовал он.

— Да она такая что... — возмутилась девушка, но тут же замолчала, стрельнув в него игривым взглядом. — в общем, тебе бы наверняка понравилось, Лёша. Там всё как вы, мужчины, любите: короткое и обтягивающее.

— Серьёзно? Надеюсь, ты привезла её сюда? — подмигнул он. — Мне не терпится на это посмотреть.

— Ты пошляк и охальник! Я забыла их в лагере! — Катя слегка шлёпнула его по плечу ладошкой. — Там смотреть не на что, одни разрезы и вырезы... Ума не приложу, как некоторые в таком ходят..

— Ты ещё больше разогрела моё любопытство, милая! Теперь я горю желанием увидеть тебя в них, Катюша... — улыбнулся он.

— Горишь желанием, говоришь? — прищурилась та и слегка провела тазом, сидя на

нём. — О, теперь я чувствую что действительно горишь... Может, тогда продолжим, любимый? Времени-то мало, завтра днём ехать, а ещё со Светкой поговорить... Потом ещё домой заскочить... Ещё надо... Ах!.. Ещё... Ох, ты мой Лёшенька... нежнее..

Последние слова девушка уже шептала, насаженная им на вновь оживший член. Её движения становились всё быстрее, волосы разметались, а губы что-то бессвязно бормотали ему в ухо. На время отбросив мысли о будущих операциях и диверсии, Алексей просто наслаждался телом влюблённой в него красавицы, чувствуя что недельное воздержание даёт о себе знать. Он откинулся на кровать, предоставив ей инициативу и та, упёршись ему в грудь своими ладонями, начала опускаться и подниматься, закрыв глаза от удовольствия.

Поразительно, как она изменилась со дня их первой встречи! Раньше была такая зажатая и строгая чекистка, с суровым взглядом, честная комсомолка и пуританка. А теперь она раскрылась перед ним, стала более раскованной и весёлой... Вот что с девушкой делает любовь и секс! Развратил он Катю и нисколько не жалеет об этом. Более того, станет продолжать это делать, пока... Пока ему это нужно. А потом уже решит вопрос обстоятельствам. Последнее, о чём он подумал, растворяясь в феерическом возбуждении — возможно ли, всё-таки, перевербовать Катю?

Берлин. Рейхсканцелярия.

27 апреля 1940 года.

Адольф Гитлер.

Дверь кабинета открылась и фюрер увидел невысокого, rispetтабельно одетого японца с невозмутимым лицом. Иногда Гитлер, видя азиатов, спрашивал себя, сохранят ли они такую же невозмутимость если попадут в руки гестапо? Общение с ними не доставляло ему никакого удовольствия, поскольку он считал китайцев, корейцев и японцев расово неполноценными народами, численность которых, так же как и славян, нужно было резко уменьшить. Даже смотреть на их раскосые глаза было неприятно! Увы, обязанности политика и вождя состоят в том чтобы общаться даже с такими неприятными личностями ради блага Рейха.

— Прошу вас, господин Осима! — встав с кресла, Гитлер приглашающе протянул руку.

Японский посол в Германии коротко поклонился и потом пожал руку фюрера, который едва удержался чтобы не протереть её платком.

— Не хотите воды? — спросил Гитлер, пытаясь быть любезным. Хоть они с Японией и союзники но это не значит что он будет вести себя с азиатом подобострастно.

— Нет, господин Гитлер, спасибо! — отозвался гость, смотря на фюрера ничего не выражающими глазами. Его немецкий был довольно хорош, что позволяло им общаться без переводчика. Это был большой плюс для Гитлера, так как сведения, которые он хотел передать японцу, были сверхценны и абсолютно секретны.

— Наверное, вы удивлены тем что я пригласил вас приехать ко мне под вечер так неожиданно? — поинтересовался Гитлер, усаживаясь обратно в кресло.

Хироси Осима позволил себе лёгкую улыбку, которая тут же пропала, снова уступив место невозмутимой маске.

— Уверен, что для этого были основания, господин Гитлер... Моя работа заключается в том чтобы всегда быть готовым к неожиданностям и быстрым решениям.

— Понимаю... — согласно кивнул головой фюрер. — Дело в том, что я хочу чтобы вы

прочитали содержимое этой папки прямо сейчас. После этого, если мы договоримся, я бы действительно просил вас немедленно вылететь в Токио и наедине поговорить с вашим императором. То что находится здесь, господин Осима... — он постучал пальцем по чёрной, кожаной папке, лежащей на столе.. — Настолько невероятно и ужасно что не хочется верить. Но, тем не менее, это правда. Если то о чём тут написано — сбудется, то наши с вами страны ждут неисчислимые бедствия и сокрушительный крах всех наших великих идей и планов!

Он подвинул папку к японцу. Тот несколько секунд смотрел на неё и потом перевёл взгляд на Гитлера. Наконец, нагнулся в кресле, открыл папку и начал читать. Фюрер тихо вздохнул, очередной Рубикон перейдён.

Гитлер долго колебался, доводить ли до сведения японцев откровения Гюнтера Шольке. Соображения секретности требовали молчать и всё делать самому. Но было и то что перевешивало такую секретность. Как ни крути, но японцы нужны ему, Германии. А если всё оставить так как было, то Квантунская армия так и простоит всю войну на границах русского Дальнего востока без всякой пользы, а это совершенно неприемлемо! Конечно, своим присутствием она свяжет много советских частей, но их всё равно хватит чтобы сражаться с ними, немцами. Нет, ему нужно чтобы японцы снова напали на русских в подходящий момент и, тем самым, отвлекли несколько советских армий от Восточного фронта.

И для этого им была проведена специальная работа. Для начала подобрали одну из недобитых евреек, усадили её за печатную машинку в кабинете Гитлера и приказали работать. Та печатала целую ночь и утром работа была закончена. Женщине, по личному приказу фюрера, вышибли мозги на окраине города, труп похоронили там же.

Сама папка содержала в себе отредактированную версию Шольке. Особый упор там делался именно на Японии. Обострение отношений с США, введение эмбарго, вскрытие янки японских шифров, нападение на Перл-Харбор, первоначальные успехи и сокрушительное поражение. Американцы, в этой версии, разбомбили половину городов Японии, потери гражданского населения составили несколько миллионов человек. Потом последовало вторжение на Острова, совместно с советскими войсками, до этого раздавившими Квантунскую армию на материке, в том числе, используя химическое оружие. Отчаянное, безнадёжное сопротивление остатков Императорской армии и флота. Массовые убийства и изнасилования со стороны советских и американских солдат. Пытки и повешение большинства генералов и адмиралов Японии, включая самого Тэнно. Жесточайший оккупационный режим в стране и разделение её на несколько частей. Всё это было напечатано сухим, бесстрастным языком, отчего впечатление только усиливалось.

Гитлер, с любопытством наблюдающий за японским послом, увидел как рука Осимы слегка дрогнула. Больше он ничем не показал своего волнения или потрясения. Аккуратно закрыв папку, японец отодвинул её от себя и закрыл глаза. Посидев так несколько минут, он открыл глаза и посмотрел на Гитлера. Лицо его стало, как будто, более безжизненным. Несмотря на потрясение, которое он испытывал, посол неплохо держался, видимо, не желая чтобы немецкий рейхсканцлер увидел его волнение.

— Господин Гитлер, я хотел бы спросить... Что это такое? — показал он рукой на папку.

— Это то что нас ожидает, господин Осима, если мы не предпримем решительные шаги в будущем. Так получилось, что благодаря случайности, один мой человек сумел заглянуть в

будущее. Знаю, вы можете мне не верить, но это правда. Кстати, вы читали роман Герберта Уэллса "Машина времени"? Если нет, то советую, хоть он и социалист... — усмехнулся Гитлер.

— Вы хотите чтобы я... и наш император поверили в это? — спросил японец спокойно.

Лицо фюрера ожесточилось. Подумать только, он ещё должен упрашивать этих азиатов!

— Господин Осима! Вы можете не верить... Более того, когда я узнал об этом, то хотел отправить этого человека в клинику с психическим расстройством. Но перед этим я решил проверить... на всякий случай, то что он рассказал о Германии.. — Гитлер встал с кресла и нервно заходил по кабинету, заново переживая свои эмоции. Остановившись, он подошёл к японцу и сказал:

— Всё подтвердилось! Понимаете, господин Осима, абсолютно всё подтвердилось! Даже самые маленькие детали, которые этот человек никак не мог знать, всё равно оказались правдой! Предатели, о которых я не подозревал, будущие события... Он даже рассказал про то что знал только я сам и никому не рассказывал! Как вы можете это объяснить? Лично я не смог... — вздохнул фюрер.

Помолчав, японский посол спросил:

— Я могу с ним поговорить? С этим человеком?

— Нет, пока не сможете. Я вынужден прятать его от всех, потому что среди предателей оказались даже те кому я доверял абсолютно. И они уже начали интересоваться им... — ответил фюрер.

— Что ж, господин Гитлер, я отвезу эту папку с собой в Токио и доложу об этом нашему императору. Но его реакцию я предсказать не могу! — сказал Осима, беря папку в руки.

— Я понимаю. Но настаиваю чтобы кроме вашего императора об этом никто не узнал, даже ваш министр иностранных дел. Иначе утечка неизбежна.

— Даю вам слово. Но вы должны понимать что мы обязательно проверим всё что сможем. Невозможно сразу поверить в такую информацию, даже переданную нашими уважаемыми союзниками... — дипломатично уколол его японец.

Гитлеру пришлось сделать вид что он не заметил издёвки, ставки были слишком высоки чтобы из-за такой мелочи конфликтовать. Но на миг он позволил себе представить господина Осиму в другом, не слишком комфортабельном месте. Политика — грязная вещь! Но кому-то надо этим заниматься.

— Удачного пути вам, господин Осима! — попрощался с ним фюрер, желая поскорее расстаться с узкоглазым азиатом.

— А вам хорошего вечера, господин Гитлер. Да... — он остановился на пороге и обернулся к фюреру. — Мне интересно, что произошло с Германией и лично вами... в той истории?

Фюрер почувствовал что его захлестнуло раздражение. Этот чёртов азиат над ним издевается?

— С Рейхом случилось то же самое что и с Японией. Русские и союзники вырезали мой народ целыми семьями, пытаясь уничтожить его. После войны Германия была вся в руинах, а немецкие женщины отдавались за гнилую картошку толпам грязных русских и американцев... Берлин был полностью стёрт с лица земли, а я... — он отвернулся к окну. — Мне пришлось застрелиться когда эти варвары подошли к рейхсканцелярии. Так что, теперь у нас с вами, господин Осима, одна судьба. Или мы вместе выживем и победим... Или навечно пропадём и только в учебниках истории победителей будут упоминания о том что

когда-то существовали такие великие империи как Германская и Японская..

— Я поговорю с императором, господин Гитлер... — ответил невозмутимый японец и тихо вышел за дверь.

Морально опустошённый фюрер устало опустился в кресло. Он сделал ещё один шаг чтобы победить своих врагов. Вот только достаточно ли этого? Если нет, то сделает ещё и ещё! Столько сколько надо для победы! Отбросить сомнения и идти вперёд! Ради Рейха и национал-социализма он готов на всё, даже временно быть равноправным с азиатом. Главное, сейчас разобраться с англичанами, французами и русскими. Потом настанет очередь американцев. А вот в самом конце... Вполне возможно, придётся показать японцам кто, на самом деле, хозяин планеты..

Гитлер зло усмехнулся. Когда мавр сделает своё дело, он должен уйти! А если не захочет, то он ему поможет.

Берлин.

28 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

С самого утра его охватило какое-то странное состояние. Казалось, будто получение приказа о направлении в действующую армию как-то разграничило его жизнь на "сегодня" и "завтра". словно включился некий таймер, отсчитывающий последние мирные дни в безопасном Берлине перед неизвестностью фронта. Одновременно с этим он чувствовал возбуждение перед опасностью, таившейся там, на западе. Предвкушение, волнение, мандраж... При мысли о том что он видит все эти дома, улочки, людей и машины, возможно, в последний раз, придавало всему какое-то насыщенное очарование. Краски казались ярче, звуки отчётливее, запахи вкуснее. В некотором роде, эта война была для него первой, с настоящей стрельбой, взрывами и смертью. Да, прежний владелец тела уже воевал в Польше и кое-какие навыки и реакции остались с мышечной памятью, но лично он, бывший Гюнтер Хаусманн, ещё ни разу не был солдатом и не знал как поведёт себя под огнём. Хотелось бы надеяться что он не опозорит себя паникой под обстрелом или глупыми решениями, но мало ли людей, считающие себя храбрецами, в ужасе забивались в любые щели, слышав угрожающий свист бомб или мин?

Гюнтер вздохнул и посмотрел на спящую рядом с ним Лауру. Сегодня было воскресенье, ей дали выходной и поэтому она не вскочила, как обычно, раньше него. К тому же заснули они, из-за постельных забав, уже глубокой ночью. Он всё больше поражался своему Цветочку, та стала такой открытой, весёлой и бесшабашной девчонкой, полной противоположностью самой себя в их первую встречу. А уж в сексе... Гюнтер непроизвольно улыбнулся. Каждый раз когда он намекал ей на то что хочет девушку, как она вспыхивала от страсти и была готова отдаться ему где захочется, причём, даже если это будет в машине, как совсем недавно. Да, сначала она так мило смущалась и краснела, шептала чтобы он прекратил, потерпел... но стоило Гюнтеру начать целовать Лауру и ласкать её тело как девушка просто теряла над собой контроль и всецело бросалась в огонь страсти, забывая обо всём. Неужели это его влияние так действует? Или дар богини? В любом случае, такое преображение любимой Лауры его только радовало. Он любил часто заниматься сексом и теперь повышенная возбудимость Цветочка только импонировала ему. Причём, почему-то больше всего она полюбила именно минет и с энтузиазмом ласкала его член своим шустрым язычком до тех пор пока он не выдерживал и не изливался в неё. После этого Лаура довольно облизывалась и, сверкая глазами, говорила что любит их обоих. Сначала Гюнтер не понял, а потом... расхохотался. Вспомнив ночные забавы, он ласково провёл рукой по длинным волосам девушки, чувствуя что снова начинает возбуждаться..

Вдруг его сладостные мечты разорвал резкий звонок в дверь. Недоумевая кто мог прийти к ним в такую рань, он надел трусы и пошёл к двери. Может, квартирная хозяйка? Или срочный вызов к фюреру? Хм... ну, или очередной арест по приказу Гиммлера... Но, открыв дверь, Гюнтер несказанно удивился.

На пороге стояла какая-то женщина лет сорока пяти, одетая в старомодное пальто, ботинки и шляпку с цветочками на тулье. И, похоже, она была явно раздражена. Женщина

установилась на него неприязненным взглядом и, поджав губы, спросила:

— Где она?

Гюнтер был настолько ошарашен появлением незнакомки и странным вопросом что на время потерял дар речи и мог только смотреть на неё, не в силах произнести ни слова. Видимо, устав ждать, дама бесцеремонно протиснулась мимо него и прошла в квартиру. Охваченный крайней степенью удивления от такого вторжения, он автоматически захлопнул дверь и пошёл за странной незнакомкой, которая, даже не разувшись, начала заглядывать во все комнаты. Всё-таки обретя возможность говорить и чувствуя как внутри начинает подниматься злость, Гюнтер спросил:

— Позвольте, фрау, кто вы такая и какого чёрта врываетесь в мою квартиру?

Удостоив его презрительным взглядом, дама ничего не ответила и заглянула в спальню где лежала Лаура.

— А, вот ты где, негодная девчонка! — воскликнула женщина и влетела в комнату. Разозлённый Гюнтер рванулся за ней. Незнакомка, сорвав с девушки одеяло, с негодованием смотрела на голую Лауру, которая протирала глаза, пытаясь понять что происходит.

— Ну всё, с меня хватит! — рявкнул Гюнтер и схватил женщину за руку. — Немедленно вон из моей квартиры, пока я сам не вышвырнул вас!

Но дама оказалась не робкого десятка.

— Подлец! Развратник! Как ты смеешь держать здесь мою Лауру?! Я сообщу в полицию, сейчас же! — закричала женщина, пытаясь вырваться из его хватки.

— Мама? — с удивлением спросила Лаура, круглыми глазами уставившись на неё. — А... ты что здесь делаешь?

— Мама? — в свою очередь изумился Гюнтер, отпуская незнакомку. — Это твоя мама?

— Да, я мать вот этой вот... этой бесстыдницы! Отвечай, мерзавец, во что ты её превратил? — сверкая глазами, кричала женщина.

— В каком смысле, превратил? — не понял он, пытаясь привести мысли в порядок. Так это мать Лауры! Ну и ну... Кстати, а как она нашла их? Неужели сама девушка проболталась?

— Он ещё спрашивает! — изумилась женщина. — Да вы посмотрите на неё! — она показала рукой на Лауру, которая продолжала смотреть на неё с расширенными глазами.

— Мама, я... — попыталась что-то сказать девушка, но её мать тут же перебила Лауру:

— С тобой я потом поговорю, маленькая дрянь! А сейчас одевайся! Подумать только, спит голой, без ночной рубашки и даже без трусов! В одной постели с каким-то высоким болваном, всё достоинство которого состоит лишь в смазливой внешности! — продолжала бушевать дама.

— Полегче с выражениями, фрау! — процедил злой Гюнтер, которому явно не понравилось такое принижение его личности.

— А с вами мы будем разговаривать в полиции, куда вас упрячут за похищение и изнасилование моей дочери! — заявила женщина и повернулась к Лауре. — Что ты сидишь, бестолковая девчонка? Я сказала, одевайся! Я заберу тебя с собой!

"Ах ты, стерва! Хочешь увести мою Лауру? Да ни за что!" — буквально взревело в нём чувство влюблённого собственника. Пусть даже она её мать, но увести свою девушку он не позволит никому! Если только та сама не захочет..

Лаура, тем временем, полностью пришла в себя но одеваться не торопилась, лишь подтянула одеяло чтобы закрыть свою красивую грудь, которую он так часто ласкал и

целовал.

— Мама! Я никуда не пойду! — раздался её твёрдый голос. Гюнтер с удовлетворением увидел что девушка смотрит прямо в глаза матери.

— Что ты сказала? — в шоке спросила женщина, словно не веря своим ушам.

— Я сказала, что никуда отсюда не пойду! — повторила Лаура. — Если меня Гюнтер не выгонит... — с тревогой добавила она, глянув на него.

— И не надейся, милая! — ухмыльнулся он. — Этих слов ты от меня никогда не услышишь! Более того, я хочу чтобы ты всегда была со мной рядом!

Лицо девушки озарилось счастливой улыбкой.

— Ты... ты отказываешься слушать свою родную мать? — неверяще спросила женщина.

— Мама, послушай меня внимательно... Пожалуйста! — попросила девушка, продолжая улыбаться. Гюнтер поддержал её:

— Советую вам послушать свою дочь... Кстати, как вас зовут? — спохватился он.

— Мою маму зовут Эрика. Эрика Блум... — сообщила ему Лаура, так как мать не горела желанием представиться, видимо, до сих пор не в силах осознать что её дочь перечит ей.

— Не могу сказать что мне очень приятно, но всё-таки я готов познакомиться со своей будущей тещей... — усмехнулся Гюнтер, вызвав своими словами ещё один благодарный и счастливый взгляд девушки.

— Мама... — она взяла женщину за руку и посмотрела ей прямо в глаза. — Знаю, я виновата перед тобой что не сказала всё раньше, но я боялась что ты ужасно разозлишься. Прощу, прости меня... Просто... Просто я люблю моего Гюнтера, а он любит меня. Я помню что ты мне говорила про мужчин, но поверь, он не такой! Гюнтер — самый красивый, умный, сильный и добрый мужчина! Он герой! Награждён Железным Крестом, служит охранником самого фюрера! А недавно, чуть не погибнув, спас множество людей при пожаре! И я очень-очень люблю его и не могу без него жить! Для меня сейчас каждый день как сказка, понимаешь? Я дышу, я живу, я люблю! — Лаура помолчала и тихо добавила: — И поэтому я не могу и не хочу уйти с тобой, мама. Я уже не маленькая девочка, которой ты меня представляешь. У меня своя жизнь..

В спальне повисло молчание. Гюнтер подумал что его девочка всё сказала абсолютно правильно.

— Но как же? — каким-то растерянным голосом спросила женщина. — Тебе же всего лишь девятнадцать лет скоро исполнится... Ты ещё такая молодая, наивная... Но даже если ты его любишь, почему вы не женаты? Ведь нельзя же до свадьбы заниматься любовью, я тебе сколько раз говорила, Лаура?! Или он просто тобой пользуется..?

Гюнтер решил что настала его очередь вступить в разговор.

— Никто никем не пользуется, фрау Блум! Что же до свадьбы... Я решил что сейчас жениться небезопасно. Идёт война, я могу погибнуть и в этом случае не хочу оставлять Лауру вдовой. Но могу вам пообещать: как только ситуация изменится, ваша дочь тут же оденет белое платье и на законном основании будет хозяйничать в моём доме. Кстати, хочу вас поблагодарить от всего сердца... — добавил он, не дожидаясь новых вопросов от удивлённой матери девушки.

— За что? — только и смогла вымолвить женщина.

— За то что вы вырастили такую красивую, добрую, хозяйственную и сек... хм... в смысле, умную дочку! — с трудом поправился Гюнтер. — Она меня кормит такими

вкусными блюдами что никакой ресторан не сравнится. Лаура, милая моя, спасибо тебе за то что ты так хорошо усвоила мамины кулинарные уроки! — он нагнулся и поцеловал смущённую девушку, в то время как Эрика Блюм пыталась прийти в себя.

— Но тогда вы не должны жить как муж и жена! — опомнилась женщина. — Вот как только женитесь тогда и пожалуйста!

— Мама! — воскликнула Лаура и закатила глаза.

— Спокойно, фрау Блюм! — сказал Гюнтер. — Я — чистокровный ариец, Лаура тоже, поэтому на нас распространяется особый приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который разрешает и даже обязывает нас создать будущую ячейку общества, даже без оформления брака, для скорейшего восполнения потерь и возрождения новой германской нации! — провозгласил он на ходу придуманную оправдательную причину их сексуальным доброчным отношениям. И, глядя в их расширившиеся от удивления глаза, добавил:

— Имейте в виду, этот приказ только для служебного пользования офицеров СС, для других он секретен! Надеюсь, вы понимаете что любое его упоминание среди других людей привлечёт к вам пристальное внимание гестапо, фрау Блюм? — пригрозил он с суровым видом.

Та только кивнула, подавленная моральным авторитетом всемогущего рейхсфюрера.

— Кстати, как вы нашли нас? — с интересом спросил он. — Вам Лаура сообщила?

— Нет, эта чертовка мне ни слова не сказала... — призналась женщина, смерив свою дочь недовольным взглядом. — Я по-прежнему была уверена что она снимает квартиру вместе с другой девушкой из клиники Шарите. Вчера мне захотелось сделать ей приятный сюрприз и я приехала туда без предупреждения. И что же? Оказалось, её соседка всё знает! Все всё знают кроме меня, её родной матери! — возмутилась фрау Блюм. — Это невообразимо!

— Мама, ну прости меня.. — Лаура нежно погладила мать за руку и обняла женщину.

— И что дальше? — спросил заинтригованный Гюнтер, невольно улыбнувшись от представившейся ему сцены донельзя удивлённой Эрики на пороге старой квартиры Цветочка.

— Не вижу ничего смешного, молодой человек! — заявила женщина, заметившая его улыбку. — Мне там такого рассказали... Что моя дочь вылечила от смерти героя Рейха и за это он хочет жениться на ней, а пока она просто живёт с ним... Что он такой красавчик и Лаура не приходит а прилетает на работу с таким счастливым лицом что все девочки ей завидуют! А потом она весь день ходит и зевает, говоря что не могла уснуть полночи из-за шумных соседей! — смерила она обоих сверкающим от возмущения взглядом.

Гюнтер с удивлением посмотрел на девушку, которая закрыла пылающее лицо руками и уткнулась в подушку. Да-а... Ну и напридумывали сплетен её подружки... А зевает она, видимо, из-за некоего героя-эсэсовца, который не даёт бедной девушке выспаться, охваченный неистовым желанием взять её побыстрее, посильнее и поглубже... Что ж, в этом есть и его доля вины, придётся несколько сбавить обороты. Впрочем, через пару-тройку дней он уезжает на фронт, поэтому Лаура начнёт нормально спать.

Он почувствовал настоятельную потребность прогуляться, успокоиться и решить что делать дальше.

— Фрау Блюм, думаю, вы хотите многое обсудить со своей дочерью, поэтому я пойду схожу по делам да и прогуляюсь заодно. Лаура, вечером мне надо будет сказать тебе кое-что и посоветоваться. Ты весь день дома будешь? — спросил он девушку, которая постепенно

отходила от смущения и открыла лицо, всё ещё стесняясь посмотреть матери в глаза.

— Ну, я хотела вечером встретиться с подругой... — сказала она. — А до этого времени, думаю да, поболтаю с мамой, уберусь в квартире..

— Хорошо, милая, тогда до вечера. Фрау Блюм, моё почтение! Не обижайте нашу малютку, шумные соседи всю ночь мешали нам спать своими криками и стонами и она заснула лишь под утро! — не удержался он от шутки и тут же шагнул за дверь, опасаясь что подушка, брошенная девушкой, попадёт в него.

— Ах ты, шутник! Вот только приди вечером!.. — донёсся до него смеющийся голос девушки.

— Лаура! Как ты себя ведёшь?.. — голос строгой фрау Блюм вторил ей.

Выйдя из дома, смеющийся Гюнтер несколько секунд стоял возле машины, размышляя, куда ему поехать. Он погладил сверкающее крыло "опеля" и мысленно снова поблагодарил баронессу, сделавшую ему такой щедрый подарок. Конечно, он его не просил но очень ценил то что его аристократка оказалась не жадным снобом а женщиной, которой не чужда благодарность. Это в любые времена всегда ценилось людьми, по крайней мере, нормальными и адекватными.

Наконец, Гюнтер решил захватить домой, заранее известить родителей о скором отъезде на фронт.

Скоро он уже парковал машину возле знакомого дома и вошёл внутрь. Благодаря полному слиянию его сознания с остатками личности прежнего Шольке, ему были доступны все детские воспоминания тела. Вот здесь он упал и чуть не сломал ногу когда спрыгнул со стула в пятилетнем возрасте, погнавшись за котом... А на кухне его однажды едва не ошпарило кастрюлей горячей воды при попытке заглянуть в неё... Улыбнувшись чужим воспоминаниям, ставшим своими, Гюнтер заглянул в гостиную.

Там была только мать, читавшая книгу. Он невольно залюбовался ею. Несмотря на возраст та по-прежнему выглядела очаровательно, благодаря тому что следила за собой и использовала все ухищрения косметики чтобы оставаться по-женски привлекательной.

— Здравствуй, мама... — тихо сказал он, подойдя к ней сбоку. Марианна Шольке повернула к нему голову и радостно улыбнулась. Отложила книгу, встала и крепко обняла его.

— Гюнтер, мой мальчик! Как хорошо что ты зашёл! Я уже соскучилась по тебе. А сейчас что-то зачиталась и даже не слышала твоего прихода.

— Я тоже по тебе соскучился, мама. Ты, как обычно, отлично выглядишь! Честно говоря, не зная твоего возраста, не дал бы тебе больше тридцати! — улыбнувшись, сделал он заслуженный комплимент.

— Ты мне льстишь, сынок... Но, всё-таки спасибо, очень приятно слышать что мои усилия быть женщиной всё ещё получают. Жаль только что отец... а, ладно, извини меня... — махнула она рукой.

Не выдержав, он взял её за руку и проникновенно сказал, глядя ей прямо в глаза:

— Мама, не огорчайся насчёт папы! Поверь, ты отлично выглядишь! Да если бы я не был твоим сыном, то... Хм! — опомнился он. Комплимент комплиментом но тут он немного зарвался. — В общем, ты не виновата что мой отец такой слепой и не видит бриллианта рядом с собой. Это только его вина! Если хочешь знать мой совет — я нисколько не буду возражать если у тебя появится какой-нибудь... друг! — сформулировал Гюнтер свою мысль.

— Гюнтер, что ты такое говоришь? — с удивлением ответила Марианна. — Какой ещё друг? Мы с твоим отцом..

— Мама! — прервал он женщину. — Я согласен, тебе самой решать какой жизнью ты будешь жить, но... Если тебя не ценит муж то нет смысла страдать ради него! Ты красивая, уверен, многим мужчинам нравишься... Не запирай саму себя в домашнее заточение! Живи своей жизнью, радуйся ей! Прощу тебя, мама!

Повисло неловкое молчание. Слегка покрасневшая женщина отошла от него и нервно поправила волосы. Гюнтер был почти уверен что у неё уже кто-то есть и был только рад этому. В конце концов, если муж изменяет жене то и жена в ответ может изменять мужу. Это справедливо, как говорится, око за око. Естественно, эта формула работает и в обратную сторону. Но он был рад что выразил матери свою поддержку и показал что находится на её стороне.

— Ладно, сынок, давай не будем обсуждать эту тему? Я сама разберусь со своей жизнью! — её голос обрёл твёрдость и она прямо посмотрела на него.

— Конечно, мама. Я просто хотел сказать что всецело поддерживаю тебя и хочу чтобы ты всегда была такой же красивой и счастливой как и раньше! — согласился он с ней.

— Я рада, мой мальчик... — её голос смягчился, на лице снова появилась улыбка. — Хочешь завтракать?

— Хм... Да, пожалуй, не откажусь... — сказал Гюнтер, прислушавшись к голодному урчанию своего недовольного желудка. Благодаря внезапному визиту фрау Блюм он так и не успел позавтракать, поэтому решил задержаться дома подольше.

За столом, поглощая гороховый суп, он спросил:

— А где мой братишка и отец?

— Они вместе, с утра пораньше, уехали порыбачить за город. Сказали что приедут ближе к вечеру... — усмехнулась Марианна. — Вот уж не думала что Вальтер увлечётся рыбалкой.

— Понятно... — медленно протянул Гюнтер, раздумывая как бы помягче сказать новость.

— Сынок, давай в пятницу снова проведём наш вечер, хорошо? — подмигнула ему Марианна. — Посидим, поболтаем! Будет пара моих подруг. Им понравилось что ты в прошлый раз посетил наши посиделки. Особенно была в восторге Ханна. Она сказала что ты сильно изменился в лучшую сторону. Теперь я и сама это вижу... Стал такой мужественный, уверенный в себе! Я горжусь что у меня такой сын! — улыбнулась она, тепло смотря на него.

— Я бы с радостью, мама... — вздохнул он с сожалением. — Но не могу!

— Опять служба? — огорчилась Марианна. — Очень жаль... Но, может, в другой день?

— Нет, мама, просто дело в том... Я уезжаю через пару дней... на фронт! — наконец, сознался Гюнтер.

— Как... на фронт? — потрясённо спросила его мать, застыв с ложкой в руке. — Но ты же охраняешь здесь фюрера?! Разве его охранники..

— Нет, мама, я сам написал рапорт о переводе меня в действующую армию! — перебил он её. — И Гитлер подписал его. Пойми, хоть охранять фюрера это очень почётная обязанность, но я боевой офицер. И могу принести стране гораздо больше пользы на передовой а не в столице, начищая сапоги и португую перед каждым дежурством.

— Гюнтер, но ты ведь уже воевал! Я так волновалась за тебя когда шли бои в Польше... У меня сердце было не на месте! Прощу тебя, сынок, откажись! — начала упрашивать

Марианна, на её глазах заблестела влага а голос стал умоляющим.

Гюнтер прекрасно понимал её тревогу, ведь она же мать и, вполне естественно, боится за своего старшего сына. Но у него просто не было выхода. Единственное, что он мог сделать, это показать что фронт не страшит его и попытаться успокоить материнское сердце.

— Мама, я не могу отказаться! — покачал он головой. — Не забывай, я — эсэсовец, мы элита Германии, на нас равняются все патриоты Рейха. Как я буду выглядеть если трусливо попрошу порвать свой рапорт? Это будет позор на всю нашу семью, ты понимаешь? Нет, это невозможно и давай уже закроем эту тему, хорошо?

Остаток завтрака прошёл в молчании. Подавленная и опечаленная Марианна смотрела на него с каким-то непонятным ему выражением лица и вяло ковырялась ложкой в тарелке.

Уже возле двери, подавая ему фуражку, она спросила прерывающимся голосом:

— Когда у тебя... поезд?

— Пока ещё не знаю, надо будет заехать на вокзал, посмотреть расписание. 5 мая я уже должен быть в Аахене, но выеду пораньше, не позже 2 числа. Кто знает сколько дней займёт дорога в связи с войной. Пусть будет запас времени чтобы освоиться на новом месте. Не беспокойся, мама, я позвоню как только решу точную дату отъезда. Ну же, не плачь... Ничего со мной не будет, обещаю тебе! — попытался он успокоить Марианну самым уверенным тоном, в который вложил всю ласку к женщине, ставшей ему здесь одной из самых близких людей.

Конечно, Гюнтер отлично понимал что, по сути, они оба чужие друг другу, ведь она мать не его самого а старого хозяина тела, но скорее, вырвал бы себе язык чем признался Марианне в этом. Потому что, какой смысл? Она не поверит, а даже если и поверит, то снова расстроится от того что её настоящий Гюнтер погиб в той аварии. Нет уж, пусть всё будет так как есть, а он постарается быть для неё образцовым сыном и не огорчать зря.

Гюнтер обнял её, крепко прижал к себе и аккуратно высвободился из её объятий.

— Постой, сынок, не уходи! Куда ты? Останься со мной пока не уедешь! — попросила она, не желая отпускать его.

— Мне нужно сообщить о моём отъезде своим друзьям и знакомым. Не беспокойся, мы ещё увидимся перед дорогой! — сказал он и быстро вышел из квартиры, внезапно ощутив как защипало глаза. Что это с ним? Садясь в машину он понял что случилось. Там, в будущем, Гюнтер жил один, так как мать рано погибла. И теперь здесь, сердцем ощутив что эта красивая женщина искренне волнуется за него, он понял что эти переживания растопили его многолетнюю корку циника и пофигиста. Выруливая, от теперь уже родного дома, Гюнтер тихо сказал:

— Ничего, мама, мы с тобой ещё посидим на твоём вечере, уж будь в этом уверена..

Прежде всего он решил навестить Ханну Грубер, подругу матери. С ней Гюнтер не виделся уже несколько дней и, вспомнив их последние шалости, почувствовал что начинает возбуждаться. Покачав головой, он усмехнулся. Ни в той ни в этой жизни Гюнтер не встречал настолько роскошную, зрелую женщину как она. Неизвестно как другие мужчины но каждый раз, едва он вспоминал её, первым желанием было взять Ханну! Причём, грубо, без всяких нежностей. Ханна будила в нём зверя своей чувственностью, похотью и желанием удовольствия. Красивое лицо женщины, казалось, было готово в любую минуту исказиться развратной улыбкой, обещавшей невыразимое наслаждение, от которой мог возбуждаться даже святой. Его член реагировал на неё как бык на красную тряпку, вставал как образцовый

пруссский гренадёр при виде Фридриха Великого. И, как он подозревал, то же самое чувствовала и Ханна, стоило ему прикоснуться к ней.

Где она живёт он так и не удосужился узнать, у матери спросить её адрес забыл, поэтому пришлось ехать к зданию рейхсминистерства пропаганды, в надежде раздобыть нужные сведения у её сотрудников. В результате того что Гюнтер вспомнил о Ханне ему пришлось просидеть в машине несколько минут, думая о холодном водопаде, чтобы его "гренадёр" расслабился и можно было выйти наружу не привлекая внимания людей бугром в своих штанах. Во время поездки он обратил внимание что по городу двигаются множество колонн радостных подростков "Гитлерюгенда" и девушек из "BDM", одетых в парадную форму и размахивающих флагами. Странно, неужели сегодня какой-то праздник? Вроде бы, обычное воскресенье, мельком подумал Гюнтер.

К своему удивлению, он узнал на стойке регистрации что фрау Грубер сегодня на работе, хоть и было воскресенье. Старательно отгоняя развратные мысли, связанные с Ханной, Гюнтер поднялся по знакомой лестнице и подошёл к двери в приёмную. В коридоре никого из посетителей не было, видимо, в честь выходного дня и он, не колеблясь, открыл дверь.

Войдя в просторную комнату Гюнтер обнаружил знакомое лицо и расплылся в улыбке. — О, малышка Клара! Я смотрю, ты стала ещё красивее с нашей последней встречи! — заявил он, медленно подходя к секретарше Ханны, которая завидев его, приоткрыла ротик и, с некоторым испугом, уставилась на него. У Гюнтера уже была наготове одна шалость, но к счастью для Клары, её спасла начальница, именно в этот момент вышедшая из своего кабинета.

— Клара, немедленно позвони на квартиру оберштурмфюрера СС Шольке и попроси его срочно приехать сюда! — распорядилась она своим командным голосом, не заметив его сбоку от себя. Секретарша только и смогла что перевести свой взгляд с неё на Гюнтера. Он, тем временем, тихо подошёл к Ханне вплотную и сказал:

— А я уже здесь.

Эффект от своего приветствия поразил его. Женщина вздрогнула, вскрикнула, отшатнулась и уставилась на него в немом изумлении. Несколько обескураженный Гюнтер сказал:

— Извините, фрау Грубер, я не хотел вас напугать. Думал, что вы заметили меня.

— Ты!.. Вы! Оберштурмфюрер, незачем ко мне так подкрадываться! Что за манера для офицера СС? И как вы здесь оказались? Клара, почему ты мне не доложила что Шольке здесь? — понемногу отходящая от испуга Ханна начала засыпать их вопросами, пытаясь снова войти в образ строгой начальницы.

— Не ругайте её, фрау Грубер! — сказал Гюнтер, улыбнувшись. — Я пришёл за несколько секунд до того как вы вышли, поэтому она не успела вам доложить.

— Хм... Хорошо, оберштурмфюрер, возможно, я погорячилась... — слегка успокоилась Ханна. — Но что вы тут делаете? Впрочем, расскажете мне по дороге! Хорошо что вы уже здесь, у нас мало времени! Идёмте! — внезапно вскинулась она и направилась к двери.

Удивлённый Гюнтер проводил её взглядом, вопросительно посмотрел на Клару но она молчала. Пожав плечами, он тоже вышел из приёмной и быстро догнал женщину, которая уже спускалась по лестнице. Приблизившись вплотную, Гюнтер тихо спросил:

— Ханна, что происходит? Куда мы идём?

— Не идём а едем! — поправила она. — На Майское поле. А потом на Олимпийский

стадион.

Гюнтер удивлённо посмотрел на неё. Что они там забыли?

— Не понимаю, Ханна. Зачем нам туда ехать? — спросил он, уже на выходе из здания.

Женщина направилась к служебному автомобилю с водителем, но Гюнтер, увидев это и желая поговорить без свидетелей, сказал:

— Поедем на моей!

Ханна заколебалась, но присмотревшись к его "Опель", направилась к нему, махнув рукой водителю служебной машины. Подойдя к автомобилю, она усмехнулась:

— У тебя хорошая машина, Гюнтер. Интересно, когда ты успел её купить и на что? — с интересом спросила женщина.

— Мне её подарили! — ответил он, открыв ей переднюю дверцу.

Ханна округлила глаза от удивления но от вопроса воздержалась, молча сев в машину. Обойдя "Опель", Гюнтер устроился за рулём, завёл и тронул машину с места.

— А теперь расскажи мне зачем я тебе нужен на Майском поле и стадионе? Я, конечно, знаю что ты, как и я, любишь разнообразие но, поверь, отдаться мне на такой широкой, открытой площадке не лучшая идея! — ухмыльнулся он, вливаясь в поток машин.

Женщина изумившись, повернулась к нему, но через пару секунд весело рассмеялась:

— Какой же ты иногда пошляк, Гюнтер! Поразительно, как ты изменился за последнее время! Раньше был такой скромник, даже боялся прикоснуться ко мне, а сейчас? Просто небо и земля. Впрочем, меня это только радует! — заявила она, глядя на него.

— Ты не ответила на вопрос... — сказал Гюнтер, оставив без комментариев её слова. Конечно, прискорбно что Ханна так явно заметила несоответствие его прошлого и нынешнего поведения, но он разве виноват что прежний Гюнтер Шольке был любителем моногамии и считал женщин старше 30 лет старухами? Ломать себя ради конспирации и отказываться от жизненных удовольствий Гюнтер не собирался. В конце концов, теперь это его жизнь и только он сам будет решать как её прожить.

Ханна вздохнула и заговорила деловым тоном:

— Если ты забыл то напоминаю, что иногда, по воскресеньям, на стадионе или Майском поле, проходят собрания и парады нашей партии, на которых бывают высшие лица Рейха, даже сам фюрер.

Гюнтер вдруг вспомнил как видел идущих по улице парней и девушек с флагами... Выходит, они все шли туда? Получается так.

— А я тут при чём? — удивился он.

— О, дорогой, ты тоже там будешь, вместе со мной... — лукаво улыбнулась женщина.

Гюнтер только хотел спросить что он там забыл, но осёкся, потому что эта развратная чертовка снова решила спровоцировать его. Она медленно подтянула вверх свою форменную юбку почти до пояса и начала поправлять чулки... Сначала на левой ноге. Потом на правой...

Заворожённый соблазнительной картиной, он едва успел отвести взгляд и вернуть "Опель" на свою полосу, так как, неведомым образом, автомобиль выехал на встречную и лишь чудом не врезался в какой-то грузовик.

— Проклятье, Ханна! — выругался он. — Ты с ума сошла, так делать?! Я едва не врезался!

— А что я такого сделала? — мило улыбнулась она и дерзко подмигнула ему. — Я просто поправила чулки..

Гюнтер промолчал, сосредоточившись на дороге.

"Ну конечно, поправила она! У неё же там пояс для чулок, что там поправлять? Просто решила подразнить меня, шлюшка.." — с досадой подумал он.

Что ж, она своего добилась, следующие несколько минут Гюнтер был вынужден ехать со стояком в штанах, будучи абсолютно уверен что Ханна это видит. Ладно, он своё возьмёт чуть позже, а пока 1:0 в её пользу..

Уже подъезжая, женщина снова заговорила:

— Извини, Гюнтер, это в некотором роде, моя заслуга... — созналась она, виновато посмотрев на него. — Просто я предложила Геббельсу привести твой героизм при пожаре в пример, указав на то что ты являешься образцом войск СС и все должны на тебя равняться... Но он, к моему удивлению, пошёл ещё дальше и решил что ты тоже должен выступить перед воспитанниками "Гитлерюгенда" сегодня. На этот сход приехали самые лучшие ребята со всех концов Рейха, наше будущее! Те, кто поведёт нашу нацистскую партию к победе над любым врагом! — сказала она с какой-то экзальтацией в голосе.

Припарковав машину и выключив двигатель Гюнтер только сейчас осознал смысл её слов. Она сказала "выступить"? Это значит... Он невольно похолодел. Нет, это же чушь! Кто он такой чтобы выступать с трибуны? Чёрт возьми, он же не оратор, просто боевой офицер.

— Подожди, ты хочешь сказать что я должен буду... выступать перед парнями и говорить речь? — спросил Гюнтер, втайне надеясь на отрицательный ответ.

— Да, именно так! — подтвердила она, с улыбкой посмотрев на него и нежно провела рукой по его щеке. — Успокойся, милый, я скажу что и как говорить... Там, буквально, пара слов. Похвали фюрера, партию, скажи что гордишься ими... В общем, ничего сложного... — "успокоила" она его.

— Пара слов? — саркастически повторил он. — Ты не понимаешь! Я не болтун с трибун, я не умею кричать лозунги и толкать речи! Я могу стрелять и убивать!

— У тебя всё получится, Гюнтер, я уверена в этом! — сказала она, по-прежнему улыбаясь. — Главное, только начать. А потом всё станет легче. К тому же фюрер тоже согласился на это, так что не подведи его и меня.

Гюнтеру захотелось выйти из машины и со всей силы пнуть кого-нибудь или что-нибудь. Хотелось разразиться самыми грязными ругательствами. Отлично! Просто замечательно! Нет слов для "восхищения"! Опять его поставили перед фактом даже не спросив желания самого Гюнтера. Как же он не любил такие вот подставы!

Сжав руки на баранке руля, он попытался успокоиться и через пару минут смог расслабленно вздохнуть. Что ж, теперь уже ничего не исправишь, придётся поработать языком. Но кое-кто всё равно за это заплатит! Гюнтер посмотрел на довольную Ханну и сказал:

— Хорошо, я выступлю перед ребятами..

— Вот и отлично... — начала женщина но он перебил её.

-..Но за это твоя задница надолго запомнит этот день, обещаю тебе! — закончил он и с удовлетворением заметил как её улыбка слегка поблекла. Но радость его была недолгой так как через несколько секунд улыбка вернулась на её лицо и она соблазнительно обвела языком свои накрашенные губы, которые томно прошептали:

— Я согласна, дорогой... Если ты справишься то моя задница будет в полном твоём распоряжении... — и, проведя рукой по его стояку, выпорхнула из машины. Проводив её глазами, ошеломлённый Гюнтер подумал что, пожалуй, явно ошибся с выбором мести за

подставу. Похоже, это как раз тот случай когда наказание для человека превратится в удовольствие. И всё же, какая же она интересная и порочная, эта Ханна! Постоянно держит его в тонусе цепляя за основной инстинкт и низменные чувства. Они с Лаурой такие разные и каждая ему, по-своему, дорога.

Выйдя из машины он направился за Ханной, которая ждала его у оцепления. Сегодня его первый круг состоял из полицейских. Второй круг, из сослуживцев Гюнтера, охранял подходы к трибуне где собрались самые важные чины Рейха, Гитлер и его соратники. Пройдя по живому коридору, они подошли к высокой трибуне и встали возле лестницы, ведущей наверх.

— Твоя очередь выступать будет после того как это сделают фюрер, Геббельс и рейхсфюрер фон Ширах. Не волнуйся, выступать перед людьми не так сложно как ты думаешь! — снова попыталась его успокоить Ханна, но его всё равно слегка потряхивало. Он не привык говорить речи, к тому же перед тысячами людей которые смотрят на тебя.

Окинув взглядом огромное открытое пространство Гюнтер замер. Вокруг волновалось настоящее живое море, состоящее из тысяч или десятков тысяч людей. Основную часть составляли подростки и молодые парни в коричневых рубашках, галстуках, шортах и портупях, которые спешно строились в отряды, приехавшие со всех Гау, Баннов, Штаммов и Шаров Германии. Светлые, радостные лица, смех, шутки... Кое-где он заметил кинооператоров, видимо, будут всё снимать.

— Вилли, куда ты встал, дурак? Ты забыл что стоишь за Фрицем? Марш на место!..

— Разверните наше знамя, ребята! Так чтобы его увидел фюрер! И осторожнее, Курт, не урони его, иначе лично тебе руку сломаю! — озабоченно сказал один из шарфюреров своему знаменосцу.

— Не дождёшься, Вальтер, я подниму его выше всех даже если рука отнимется!.. — весело ответил тот.

— Смотрите, парни, сколько нас здесь много собралось! — воскликнул недалеко от Гюнтера высокий парень с зачёсанными набок волосами и сияющим лицом. — Мне не терпится лично увидеть нашего фюрера и герра Шираха! Мой брат в Касселе лопнет от зависти когда узнает что я видел их вживую...

— Твой Кассель настоящая деревня! — заявил другой мальчишка, на голову ниже первого. — Вот у нас, в Нюрнберге, то и дело проходят шествия, митинги и парады. Я видел фюрера уже целых шесть раз!

— Закрой пасть, щенок! — оскалился высокий. — Или я выбью тебе зубы и вырву язык если посмеешь ещё раз так сказать о нашем городе! Верно, парни? — обратился он к нескольким товарищам, стоявшим рядом с ним. Те отозвались одобрительным гулом и сжали кулаки. Впрочем, житель Нюрнберга не смутился и вызывающе смотрел на противника, ведь к нему тоже присоединились члены его отряда.

Откуда не возьмись появился атлетично сложенный гебитсфюрер и с размаху дал обоим парням сильные подзатыльники.

— Молчать, оба! Только попробуйте выяснять отношения перед самим фюрером! Живо отправлю назад и прикажу порвать ваше знамя, кретины! А ну, встать в строй! — рявкнул он и пристыженные парни бегом рванули на свои места. Перспектива опозориться на глазах Гитлера и стать причиной разрыва своего знамени подействовала на них как ушат холодной воды.

Гебитсфюрер отошёл в сторону Гюнтера и заговорил с гауфюрером, видимо, своим

знакомым:

— Видел, какие они? — с гордостью спросил он. — Настоящие злобные волчата, готовые порвать всех на кого укажет фюрер!

— Да, именно этого мы и добивались! — подтвердил собеседник. — Сильные, выносливые, верные и преданные нашему делу! Идеальные солдаты!

— Это точно! Смотрю на них и душа радуется... А ведь несколько лет назад они были домашними мальчиками, для которых авторитетом служили лишь родители и пастор в церкви, в головах сидели десять заповедей... Зато теперь для них только один авторитет и Бог, это фюрер! И заповедь только одна — подчиняться! — с видимым удовольствием продолжил гебитсфюрер, горделиво оглядывая плотную массу мальчишек в коричневых рубашках.

— Внимание!!! Строиться!!! По местам!!! — разнёсся над полем приказ, усиленный множеством репродукторов. Тысячи парней бегом помчались на свои места, знаменосцы и командиры отрядов выдвинулись вперёд и в бок. Гебитсфюрер и гауфюрер тоже быстро разошлись и возле Гюнтера с Ханной стало поменьше людей, в основном, охранники СС рядом с трибуной. Он увидел несколько знакомых лиц среди них и слегка кивнул им.

Через минут пять, когда все отряды уже стояли на своих местах, подъехал кортеж Гитлера. Он вышел из машины и приветственно пожал руку своим соратникам, Геббельсу, Шпееру, Лею, Гессу и Шираху. Но мимо Гимmlера и Геринга фюрер прошёл как будто не заметив, что сильно удивило Гюнтера. Интересно, почему такое игнорирование? Поссорились?

Внезапно рядом с фюрером появилась Ева, также вышедшая из машины. Она была весёлая, улыбалась и с любопытством осматривалась по сторонам. Увидев его, лицо Евы осветилось ещё больше и она, вместе с фюрером, подошла к ним.

— Здравствуйте, Гюнтер! Как поживаете? — спросила она, остановившись рядом с ним. Ханну девушка удостоила лишь мимолётным взглядом. Гитлер тоже остановился и протянул ему руку.

— Здравствуйте, оберштурмфюрер! — поздоровался он с ним. На его лице тоже была улыбка, видимо, Гитлер был в хорошем настроении.

— Здравствуйте, мой фюрер! — вскинул Гюнтер руку вверх и после этого крепко пожал ею ладонь Гитлера. Обернувшись к Еве, улыбнулся и сказал:

— Фройляйн Браун, вы великолепны как всегда!

— Спасибо, Гюнтер, мне очень приятно это услышать от вас! — сверкнула глазами девушка. — Я слышала что вы сегодня тоже выступаете?

— Да, Ева, думаю, ему есть что сказать нашей молодёжи. Верно? — посмотрел на него Гитлер.

Гюнтеру оставалось только кивнуть.

— Адольф, раз Гюнтер тоже будет выступать, наверное, ему надо будет стоять на трибуне? — уточнила Ева.

Гитлер задумался но тут же кивнул, направляясь к лестнице.

— Поднимайтесь с нами, Гюнтер! — позвала она его и, следом за фюрером, начала подниматься наверх. Гюнтер кивнул и, взяв за руку Ханну, тоже полез вверх. Они встали слева от места выступления, в небольшой группе второстепенных гостей, в то время как соратники Гитлера стояли справа от него. Прямо перед ним встала Ева, Ханна же пристроилась слева от Гюнтера. Он посмотрел с большой трибуны вниз и у него буквально

захватило дух от восторга.

Огромное Майское поле было почти целиком заполнено воспитанниками "Гитлерюгенда", "Германского трудового фронта", "Национал-социалистического механизированного корпуса" и множества других союзов и групп на которых имела влияние "НСДАП". Сколько же здесь людей... Настоящая мощь Рейха! Вот только он удивился не увидев среди моря людей ни одной представительницы "Союза немецких девушек" а ведь Гюнтер видел как довольно много из них также шли с флагами по Берлину. Куда они делись, интересно? Не сдержавшись от любопытства, он тихо спросил Ханну:

— А где наши прекрасные девушки? Я их сегодня видел идущими в эту сторону. Или что-то изменили и они не участвуют в торжестве?

Женщина лукаво усмехнулась и тихо ответила:

— Ты хочешь познакомиться с ними поближе? Успокойся, скоро всё узнаешь.

Заинтригованный Гюнтер хотел уточнить детали, но тут раздался громкий голос из репродукторов:

— Внимание!.. Смирно!!!

Всякое шевеление внизу прекратилось и люди замерли чёткими квадратами, смотря прямо на трибуну. Знаменосцы взметнули ввысь флаги организации, красно-бело-красные полотнища с наклонной, квадратной свастикой и номерами отрядов. Откуда-то зазвучала музыка и он узнал знаменитого "Хорста Весселя". Имена мучеников нацизма, Хорста Весселя и Герберта Норкуса, подло убитых евреями и другими врагами, знали наизусть все воспитанники "Гитлерюгенда", начиная с самого малого возраста.

Первым речь начал Гитлер, снова напомнив о великой роли молодёжи Рейха, призвав их к жестокой борьбе против всех врагов... Потом он переключился на обличение евреев и Гюнтер заскучал. От нечего делать он уставился сзади на шею Евы, стоящей перед ним, и представил как сначала разминает её... потом целует... затем кладёт ей руки на плечи и медленно опускает девушку вниз. Видимо, он настолько ярко это представил что Ева не выдержала и обернулась. Наткнувшись на его горящий желанием взгляд она вспыхнула от смущения, несомненно догадавшись о его мыслях, и тут же отвернулась обратно. Ханна, стоявшая рядом удивлённо посмотрела на них обоих но ничего не сказала.

После Гитлера выступил Геббельс, яростно обличавший Англию и Францию в вечных кознях против Германии и призвал всех быть осторожными, ибо враг не дремлет и только ждёт подходящего момента чтобы снова свергнуть немецкий народ в состояние хаоса и разрухи, как во времена Веймарской республики.

Гюнтер заметил что ни Гитлер ни Геббельс ни словом не обмолвились о Советском Союзе и коммунистах. Он не знал плохо это или хорошо, но решил пока не обращать на это внимание. Рано или поздно всё станет ясно.

Потом слово взял предводитель германской молодёжи Бальдур фон Ширах. Тот был немногословен и уложился минут за десять. Уже в конце его речи, Ханна прикоснулась к нему и прошептала:

— Приготовься, после рейхсфюрера будешь выступать ты. Запомни что я сказала и просто перескажи это своими словами перед людьми. Не волнуйся, ты сможешь, я в тебя верю.

Его снова охватил мандраж. Подумать только, сейчас он станет выступать перед огромной толпой парней, молодых нацистов, которые будут ждать от него... Что именно? Вот проклятье, всё вылетело из головы! Успокойся, Гюнтер, не вздумай бекать и мекать

перед микрофоном! Не опозорься, иначе можно смело застрелиться! Ах да, пистолета-то нет в кобуре, охрана забрала! Что делать?! Что говорить?!..

— А теперь перед вами выступит выдающийся герой Рейха! Тот, кто был награждён Железным Крестом 2 класса за бои в Польше! Тот, кто совсем недавно, рискуя своей жизнью, спас десятки людей из горящего дома! Истинный патриот Германии! Офицер охраняющий покой нашего фюрера! Оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке!!! — прокричал последнюю фразу невидимый конференсье.

Ева, улыбаясь, отступила в сторону и захлопала в ладоши. Мгновением позже к ней присоединилась Ханна. А потом спохватились другие люди на трибуне и тоже начали хлопать. Он посмотрел по сторонам. Гитлер, хлопая ему, смотрел слегка улыбаясь. Геббельс, рядом с ним, тоже расплылся в улыбке. Только Гиммлер, нехотя хлопая ладонями, глядел на него без всякой радости. Казалось, он был чем-то подавлен.

Мысленно собравшись и призвав на помощь всю свою волю он, на деревянных ногах и с пересохшим от волнения горлом, подошёл к микрофону. Десятки тысяч людей смотрели на него и ждали его слов. Он не мог их подвести и показать слабость. Только не здесь и не сейчас! Что ж, раз так, то придётся импровизировать!

И Гюнтер заговорил...

Берлин.

28 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

— Братья! Да, я обращаюсь к вам именно как к своим младшим братьям! Потому что несколько лет назад я сам был одним из вас! И прекрасно знаю что вы сейчас чувствуете стоя здесь, перед лицом нашего фюрера! Это гордость, восторг, чувство единения! Оглянитесь вокруг, братья! Всё что вы видите — это заслуга наших отцов и дедов, которые в трудных условиях укрепляли нашу страну, сражались за неё двадцать пять лет назад! Да, тогда нам не хватило совсем немного чтобы победить в войне... Евреи и трусы вонзили нам нож в спину в самый важный момент нашей истории! И Германская империя рухнула, не выдержав предательства!

Гюнтер перевёл дыхание и посмотрел на множество глаз устремлённых на него. На поле было тихо, лишь знамёна трепетали на ветру.

— Многие из нас и наших близких помнят тёмные времена Веймарской республики после горького поражения... Когда нам запретили иметь армию, авиацию и флот! Лишили нас возможности обороняться! Отобрали оружие и заставили платить победителям огромные репарации, отнимая деньги у нашего несчастного народа! Вспомните, как наши родители работали сутками за кусок хлеба чтобы принести его нам, своим детям! А ведь были и такие кто не мог даже устроиться на работу... Каково было им?! Я хочу сказать спасибо нашим родителям, за их беспримерное мужество и терпение в то нелёгкое время! — продолжал он, постепенно чувствуя что мандраж проходит и ему становится легче.

— Но семь лет назад всё изменилось! Случилось то что должно было случиться! Выдающаяся способность нашей нации — дисциплина, помогла нам выдержать тяжёлые испытания и над нашей страной снова взошло солнце свободы и расцвета! Наконец, пришёл тот кто скинул цепи рабства с униженной Германии! Тот, кто дал работу нашим родителям и вернул нам чувство собственного достоинства! Благодаря ему теперь вся наша страна связана отличными автобанами, построены десятки заводов и фабрик, на которых немцы куют оружие, чтобы отомстить тем кто тогда унижал нас и командовал нами! Он возродил нашу армию и флот! И, конечно же, он вернул нашей стране те потерянные земли которые исторически принадлежат Германии! Австрия, Чехословакия, Польша! И это только начало пути, нашего возрождения как птицы Феникс!

Гюнтер снова замолчал, чувствуя как его опять охватывает волнение, только уже другого рода. Внезапно он ощутил чувство единения с теми кто смотрел на него. Ведь один человек — это песчинка, но когда их тысячи, десятки, сотни тысяч... это уже буря. И горе тому на кого она обрушится! Они — такие же как он. А он — это они! Мы одной крови, по выражению Киплинга.

— Посмотрите какой прекрасной стала наша страна! Какие трудолюбивые люди в ней живут! Я горжусь что немец и живу в Германии! Уверен, вы тоже! Но каждый из вас должен понимать что это не нравится никому из наших соседей... Они снова хотят чтобы мы влачили жалкое существование на разбитых улицах наших уничтоженных городов! Чтобы снова выжившие немцы искали жалкие куски хлеба для своих родителей и детей... Чтобы в

нашей стране, нашей с вами Германии, хозяйничали англичане, французы или русские! Чтобы наши женщины, потеряв на войне своих мужчин и пытаясь прокормить маленьких детей, продавали своё тело жалким отбросам с Запада и Востока! Вот чего они хотят добиться! Я хочу обратиться к вам, мои братья! Скоро вы вступите в наши славные "Вермахт" и СС... Будете сражаться за свободу и независимость нашей Родины, за то чтобы хозяином нашей земли был и оставался немец а не иноземный захватчик! За то чтобы наши женщины и девушки могли спокойно гулять по улицам наших городов не рискуя подвергнуться нападению со стороны всяких недочеловеков! Так вот, я хочу чтобы вы сражались мужественно, безжалостно и без малейших сомнений! Отдать свою жизнь — это самое дорогое что может принести в жертву патриот, твёрдо знающий что сражается за правое дело! Но делать это только в самом крайнем случае! Потому что вы, каждый из вас, нужны нам живыми! — уже почти кричал Гюнтер, охваченный возбуждением.

Неожиданно для него, выступление перед такой огромной аудиторией загло его самого, слова словно сами появлялись на языке, и он не чувствовал сейчас ничего кроме восторга и ощущения силы, могущественной и неукротимой.

— Один ветеран, имени которого, я к сожалению, не помню, сказал своим солдатам: "Вы не должны умирать за свою страну, парни... Вы должны заставить ублюдков с другой стороны умереть за свою страну!" И я с этим абсолютно согласен! Помните, нас, немцев, несколько десятков миллионов. А врагов вокруг намного больше. Поэтому, чтобы победить и выжить, вы должны быть самыми стойкими, умными и решительными! Потому что вы должны не только победить, ребята... Но и вернуться домой, к своим девушкам, родителям... И сказать всего два слова: Я вернулся! И для этого каждый из вас, если уж ему суждено умереть, должен убить не меньше десятка врагов! А до этого погибать я вам запрещаю! — усмехнулся он и заметил как на каменных лицах мальчишек, кое-где, тоже появились слабые улыбки.

— Вы — наше будущее! Цвет нации! Именно вам предстоит показать всему миру настоящую силу германского солдата и мощь немецкого народа! Наши инженеры выпускают самое лучшее оружие! У нас отличные танки, самолёты, корабли! Но, прежде всего, нам нужны солдаты! Потому что без них это всё лишь железо! Я вижу ваши глаза, ваши лица! И верю в вас! Верю что не опозорите ни себя ни нашу славную страну! И последнее, что я хочу вам сказать, братья! Чтобы сделать Германию ещё сильнее, ещё безопаснее, нам многое предстоит сделать! Враги не успокоятся до тех пор пока наша свастика не будет реять над их столицами и до этого момента нам придётся пережить много испытаний! Я хочу вас спросить, будущие герои... Вы готовы сражаться ради нашего фюрера?! Ради нашей любимой Германии?! Ради наших сестёр, матерей, жён и подруг?! Ради наших родителей, которые отдали все свои силы и здоровье чтобы дать нам хорошую жизнь?! Не слышу?! — прокричал он в микрофон, охваченный неопикуемой энергией от которой его начало потряхивать.

— Да! — послышалось откуда-то издалека. Его тут же подхватили ещё десятки молодых голосов. Некоторые начальники отрядов обернулись чтобы увидеть наглых смельчаков посмевавших открыть рот без приказа, но Гюнтер не дал этому порыву заглохнуть.

— Вы готовы убивать тех кто хочет поработить нас?! — уже рычал он в микрофон, забыв обо всём. — Готовы идти в атаки даже если врагов будет больше чем вас?! Готовы воевать в грязи, в холоде, на жаре?! Готовы рвать врагов зубами если кончатся патроны?!

— Да!!! — кричали уже сотни или тысячи парней в коричневых рубашках, также

охваченных восторгом и заражённых его словами которые нашли горячий отклик в их сердцах. Он видел как, бесстрастные до этого, лица молодых нацистов оживились, глаза загорелись и они смотрят на него как на вождя, готовые идти за ним даже в пекло, лишь ожидая приказа. Скажи он им прямо сейчас идти на штурм Парижа, Лондона, Москвы или Вашингтона, они возьмут оружие и пойдут, невзирая ни на что. Он почувствовал себя Гамельнским крысоловом-дудочником, который уводит с собой детей, но отбросил эту мысль, ведь вести патриотов сражаться за свои дома, семьи, страну... Что может быть почётнее?

— Если вы готовы... Если любите нашу Германию так как люблю её я... Тогда идите!!! и ПОБЕЖДАЙТЕ!!!! — буквально проревел он, чувствуя что у него дрожит всё тело от тех чувств которые его обуревали.

— Хайль!! — закричал Гюнтер, ощущая себя каким-то богом, на которого устремлены взгляды последователей со всего мира.

— Зиг хайль!!! Зиг хайль!!! Зиг хайль!!! — ревело в ответ людское море. Десятки тысяч вскинутых рук, разинутые рты, бешеные глаза. Гебитсфюреры и другие начальники прекратили попытки успокоить своих воспитанников и с восторгом присоединились к ним, также крича во всё горло.

Гюнтер с трудом разжал свои руки на бортиках трибуны и на негнущихся, деревянных ногах отошёл от неё, чувствуя себя морально опустошённым. Он выложил весь, выплеснул все свои эмоции и теперь единственное что хотел, это сесть куда-нибудь и отдохнуть, закрыв глаза. Обернувшись, Гюнтер увидел что все вокруг трибуны, включая Гитлера, хлопают ему. Геббельс, улыбаясь во весь рот, что-то сказал Ханне. Та, не отрывая восторженного взгляда от Гюнтера, кивнула своему начальнику. Ева же, казалось, едва сдерживалась от того чтобы не подскочить к нему и не обнять его. Видимо, на неё, как и на Ханну, сильно подействовали его слова..

— Я смотрю, вы прирождённый оратор, оберштурмфюрер! — громко сказал ему Геббельс, пожимая руку и пытаясь перекричать рёв восторженных парней на поле.

— Нет, я боевой офицер, господин рейхсминистр... Просто посмотрел как это делаете вы и попытался высказать то что думаю... — решил он польстить колченогому соратнику Гитлера.

— И у вас это отлично получилось, оберштурмфюрер! — горячо поддержала его Ханна, глядя на него расширившимися глазами. — Я даже не подозревала что вы сможете так понравиться нашей молодёжи!

— Гюнтер, вы так хорошо всё сказали! — воскликнула подошедшая к ним Ева. — Фюрер в восторге и я тоже!

— Я согласна с вами, фройляйн Браун! — поддержала её Ханна. — Но это ещё не конец, нашего героя уже ждут в другом месте.

Гюнтер, медленно приходящий в себя, вопросительно посмотрел на неё. Что значит "не конец"? Разве он не выполнил всё что от него ожидали? Ева тоже с удивлением глядела на женщину. Она подошла вплотную и Ханна что-то ей с усмешкой сказала, стрельнув глазами на него. Девушка округлила глаза от услышанного и тоже уставилась на Гюнтера, отчего он невольно насторожился. Проклятье, что эти две проказницы опять для него придумали?

— Можно я тоже с вами? — загоревшись, спросила Ева. Ханна важно кивнула и, поманив его рукой, направилась к лестнице. Озадаченный и, мучимый неясными предчувствиями, Гюнтер тяжело встал и пошёл за ней. Спустившись по лестнице с трибуны

он смотрел как понемногу стихают крики и командиры отрядов восстанавливают тишину и порядок. Множество глаз смотрели на него и, не удержавшись, Гюнтер помахал им рукой, от чего некоторые снова начали кричать "Хайль!" Да, похоже, популярность он сегодня неплохую заработал... Его охватила гордость за себя.

Уже возле машины их догнала запыхавшаяся Ева, которая влезла на заднее сиденье.

— А теперь поехали на стадион! — сказала чем-то довольная Ханна с переднего сиденья.

Решив не спрашивать причину, он завёл машину и "Опель" мягко выехал с обочины возле Майского поля а потом свернул к видневшемуся недалеко Олимпийскому стадиону, построенному в честь Олимпиады 1936 года. Расстояние было небольшим и скоро Гюнтер остановился возле главного входа в сооружение. Дамы вылезли самостоятельно и они все вместе вошли внутрь. Там их уже ждал какой-то служащий, подчинённый Ханны, и повёл их за собой. Ещё подходя к выходу на поле Гюнтер услышал какой-то неясный шум или гул, который доносился до него с этого самого поля. Но, пройдя последние двери, он был настолько потрясён увиденным что невольно остановился, растерянно оглядываясь вокруг.

Все трибуны стадиона и само поле были заполнены... девушками! Подавляющее большинство было одето в традиционную форму "Союза немецких девушек", белые блузки с галстучками и тёмные юбки. Судя по знамёнам и табличкам перед отрядами, они тоже приехали сюда со всех концов Рейха. Здесь были как младшие группы, лет 12–14, так и старшие, где стояли уже вполне оформившиеся девушки не меньше 16 или 18 лет. Так вот где собрались все юные нацистки которых он видел на улицах, осенило его. Наверное, их специально собрали отдельно. Или им места не хватило на Майском поле? В любом случае сюрприз Ханна ему устроила просто ошеломительный. Даже неизвестно как на это реагировать, злиться или благодарить... Хотя, интересно, зачем его сюда притащили? Ведь не выступать же опять? Скорее всего, как зрителя.

— Ну, как вам это зрелище, оберштурмфюрер? — лукаво усмехнувшись, спросила Ханна, глядя на него.

— Честно сказать, фрау Грубер, у меня просто нет слов! — покачал он головой, глядя на тысячи девушек, многие из которых с любопытством уставились на него.

— Это зря, вам лучше найти такие слова, чтобы повторить среди наших девочек ту же реакцию что и на Майском поле перед ребятами! — осведомила его Ханна.

Не поверив своим ушам Гюнтер в упор посмотрел на неё. Она что, так изошрённо издевается? Неужели действительно хочет чтобы он снова сказал речь, только теперь уже перед женской аудиторией? Да он ещё не отошёл от прошлого митинга! К тому же о чём Гюнтер станет говорить с ними? Одно дело общаться с такими же парнями как и он сам, только чуть младше, но тут же девушки! Повторить им как важно правило "Три К"? Так они это и сами знают.

— Скажите, фрау Грубер, это шутка? — спросил он уже без улыбки, продолжая вместе с дамами идти к небольшой трибуне в центре поля, на которой уже стояли несколько женщин.

— Нисколько, оберштурмфюрер, с такими вещами я не шучу! — убрав улыбку, проговорила женщина. — И не вздумайте сказать что не справитесь! Если перед вашей первой речью я ещё сомневалась стоит ли везти вас сюда то, увидев ваш оглушительный успех на Майском поле, теперь абсолютно уверена что вы сможете найти проникновенные слова для девочек и повторить это снова!

Сжав зубы от раздражения он с трудом удержался чтобы не взять свой ремень и не

выпороть эту, пусть и красивую, но, иногда слишком самоуверенную сучку. Нет, какая же она?!.. Уфф... Всё, надо успокоиться! Определённо, её заднице точно не поздоровится, уж он постарается донести до этой нахальной чертовки что ставить его перед фактом без всякой подготовки и его согласия чревато для неё! Не доходит словами? Дойдёт через задницу! И ему совершенно плевать что она замужем и намного старше его! Это не оправдание! Получается, если бы он без эмоций пробубнил свою речь там, на Майском поле, ему бы вежливо похлопали и сейчас Гюнтер не стоял бы здесь? Вот уж точно, благими намерениями, как говорится... И что теперь делать? Послать всех на хрен, развернуться и гордо уйти? Снова обведя многочисленную толпу девушек глазами он понял что не сможет этого сделать. Дело не только в том что таким поступком он опозорит самого себя... Просто это будет грандиозный облом для всех этих тысяч девчонок, смотрящих на него с любопытством и интересом. Что ж, если один раз справился, может и опять прокатит? Попробует снова говорить что думает, без всяких бумажек и подсказок.

Глубоко вздохнув и приняв решение, Гюнтер поднялся на небольшую трибуну в центре стадиона и встал возле какой-то женщины, которая тоже с любопытством косилась на него. Оглядевшись, он понял что вокруг него стоят одни представительницы слабого пола. Кроме Ханны и Евы, которые встали с двух сторон от него, были ещё две женщины, обе обычной внешности, не слишком стройные или красивые, поэтому Гюнтер лишь мельком глянул на них.

— Здравствуйте, фрау Грубер! Как прошла церемония на Майском поле? — обратилась к Ханне одна из женщин.

— О, замечательно, фройляйн Рюдигер, вы бы только видели что творилось на поле! — с воодушевлением сказала та, доверительно положив ему руку на плечо. — Оказывается, наш оберштурмфюрер прирождённый оратор, мальчики от него были в полном восторге!

— Неужели? — с интересом осмотрела его Представитель "Союза немецких девушек". — Будем надеяться что ваш герой сможет заинтересовать моих девочек, Ханна.

— Я даже не сомневаюсь в этом, дорогая. Вы сами всё увидите и услышите! — заверила её женщина, украдкой подмигнув ему.

Гюнтер поймал её взгляд и, сделав суровое лицо, красноречиво посмотрел на её задницу, слегка дёрнув рукой. Ханна заметила это, её улыбка слегка завяла и она начала смотреть на трибуны, избегая его взгляда. Чувствует лиса, что ждёт её расплата, довольно подумал Гюнтер. Конечно, лучше бы её наказать как-то более серьёзно, но он не мог воспринимать женщин врагами, особенно таких красивых и развратных, которые подарили ему море удовольствия. Да, женщины его слабое место, Гюнтер давно это знал и смирился с этим. Главное, не давать им сесть себе на шею, и тогда всё будет нормально. Так что профилактический урок для слишком самоуверенной Ханны будет полезен в любом случае.

Тем временем, неофициальный руководитель "БДМ" Ютта Рюдигер начала свою речь, напоминая девушкам о высоком долге немецкой женщины в Третьем Рейхе, пагубности алкоголя, курения и увлечения французскими тряпками, которые разлагают истинно немецкий дух и ослабляют решимость бороться против общего врага. Гюнтер снова заскучал, сам он не имел ничего против сексуальных нарядов французских или любых других модельеров, главное, чтобы одежда нравилась как самой женщине так и её мужу или любовнику. Для него в этом плане самым важным было то чтобы женская одежда была короткой, прозрачной или обтягивающей. А если одновременно совпадали сразу несколько таких критериев то было ещё лучше. Увы, гитлеровская Германия осуждала такую

сексуальность и ратовала за простую, удобную и целомудренную одежду. К счастью, везде есть исключения и Гюнтер постарается чтобы его женщины радовали взор чем-то более привлекательным для себя и него.

Рассеянно скользя взглядом по девушкам в первых рядах он с изумлением увидел Шарлотту Кольбе, которая, не имея возможности подать знак, просто смотрела на него горящим взглядом. Увидев что Гюнтер её заметил, она слегка улыбнулась и шаловливо прикусила нижнюю губу. Жест девушки рассмешил его и он тоже улыбнулся ей. Сама Лотта стояла рядом с другой девушкой, которая держала штандарт берлинского Шара. Получается, она уже небольшой руководитель? Интересно, какое у неё звание? Мёдельшарфюрерин? Тогда, выходит, она равняется унтерштурмфюреру СС или армейскому лейтенанту? Надо будет как-нибудь поинтересоваться у неё..

Наконец, Ютта перестала упражняться в словоблудии и отошла от микрофона. При этом Гюнтер заметил что не все девушки слушали её внимательно. Многие, особенно в задних рядах, пользуясь тем что они находятся за спинами других, перешёптывались и даже переговаривались. Похоже, такие официальные речи не слишком увлекают девчонок... Что ж, теперь его очередь попробовать заинтересовать их.

Ханна, подойдя к микрофону, представилась сама и коротко рассказала о нём. По её словам он был настоящим героем Рейха, "белокурой бестией" и примером для всего подрастающего поколения Германии. К тому времени как Гюнтер встал к микрофону он уже был абсолютно спокоен.

— Здравствуйте, красавицы! — и улыбнулся самой обаятельной своей улыбкой. — Прежде всего я хочу сказать что очень рад находиться здесь и видеть ваши очаровательные юные лица. Уверен, любой мужчина позавидовал бы мне, ведь находиться среди стольких прекрасных девушек это настоящее счастье для представителя сильного пола, которым я и являюсь.

Сзади раздалось ироническое или предостерегающее хмыканье Ханны но Гюнтер не обратил на это внимание. Она хотела чтобы он выступил перед девчонками? Хорошо, он выступит! И пусть та потом не жалуется.

— Здесь вам сказали какой должна быть настоящая немецкая девушка чтобы быть полезной Рейху и нашему фюреру. И я согласен с этим. Но! Я хочу рассказать вам то, что не каждая из вас знает... А именно, как вас видим мы, ваши мужчины. Сейчас мы с вами творим историю. Переживаем расцвет и, несмотря на состояние войны, мы хотим видеть в вас не только верных помощниц но и просто красивых девушек. Многие мои товарищи, когда мы воевали в Польше, хранили в карманах и бумажниках фотографии не только своих мам но и любимых девушек. В минуты затишья, перед боем, они вытаскивали эти милые сердцу кусочки картона и любовно гладили их пальцами, рассказывая друзьям как они познакомились с ними... Как скучают по ним и хотят вернуться чтобы снова обнять и поцеловать своих красавиц!

Гюнтер замолчал на несколько мгновений и снова осмотрелся. Все девушки, в том числе и в задних рядах, стояли неподвижно и смотрели на него. Разговоры и перешёптывания прекратились, значит, он смог завоевать их внимание.

— Я хочу сказать что мысли о доме и о вас, оставшихся далеко в тылу, поддерживают нас! Не дают падать духом и бояться ужасов войны! Даже умирая, многие парни, целуют ваши фотографии и прощаются с вами! Они просят друзей написать вам что думали о вас в последние минуты жизни! Что любят и всегда любили вас, таких красивых и верных! Мы

все, солдаты великой Германии, сражаемся не только за фюрера и Рейх, но и за вас, мои дорогие девочки! Сражаемся чтобы никто и никогда не смог унижать и убивать вас! За это мы готовы терпеть голод и холод, жажду и боль! Мы готовы погибнуть за то чтобы на ваших лицах всегда была радостная улыбка и вы могли спокойно ухаживать за нашими детьми! Вы — наше самое главное богатство! Не какие-то ценные ресурсы, не золото, сталь или медь... Нет, именно вы — женщины нашей самой великой страны, являетесь нашим бесценным бриллиантом, равного которому нет во всём мире! Каждый из нас, сражаясь на фронте, знает что дома его ждёт жена или девушка, которая всегда будет ждать его, сможет вести хозяйство и поддержит своего мужчину частыми письмами на передовую! Вы не представляете какое это счастье, получить письмо на войне, на несколько минут отрешиться от стрельбы, взрывов, смертей и мысленно побывать там, дома... Там, где твоя любимая женщина ласково улыбнётся тебе, подаст твою любимую еду, обнимет тебя за шею и скажет... "Я люблю тебя, мой милый!"

Гюнтер снова прервался чтобы перевести дух и внимательно осмотрел огромную толпу девушек. У многих из них, в первых рядах, он заметил влажные глаза. Очень хорошо, он достучался до их сердец, заставил их прослезиться! Получается, и в самом деле, в нём есть дар оратора? Неожиданно но приятно... Просто надо говорить то что думаешь, а не то что положено, вот и весь секрет!

— Я вижу у многих из вас на глазах слёзы! Что ж, значит я всё говорю правильно. И ещё... Я понимаю, что в наше трудное время девушки должны быть сдержаннее, носить простую и удобную одежду. Но если вы хотите порадовать своего парня или мужа... Я прошу вас от имени всех мужчин нашей любимой Германии! Будьте женственными! Одевайте свои самые лучшие наряды! Те что нравятся вам и вашим мужчинам! Ведь правильно говорят, мы, мужчины, любим глазами! Не стесняйтесь наедине со своим любимым красоваться в сексуальных нарядах! Поверьте, они это оценят и будут безумно рады! Обнимайте и целуйте их, потому что именно это они будут вспоминать там, на фронте и им будут завидовать те у кого нет такой красавицы как вы! Ваша красота даёт нам силу жить и воевать, воодушевляет нас и заставляет выдерживать то что не сможет выдержать ни один враг, как бы он не пытался!

Он видел как теперь многие девушки улыбаются, некоторые даже покраснели. Гюнтер был уверен что Ютта Рюдигер не слишком довольна его словами про откровенные наряды, ну и пусть! Он сказал то что хотел и не собирался извиняться и отступить!

— Напоследок хочу добавить: Девушки! Будьте девушками! Красивыми, очаровательными, прекрасными, милыми, добрыми, сексуальными, смелыми, верными... Чёрт побери, у меня просто не хватит слов чтобы сказать какие вы! Я невообразимо счастлив и благодарен Богу что родился немцем и могу заслуженно восхищаться вами! Вы такие... такие сногсшибательные что у меня просто дух захватывает! Девушки! Спасибо за то что вы есть!! Хайль! — закончил он свою вторую речь за сегодня и поднял руку, улыбаясь во весь рот.

Раздался пронзительный многоголосый женский крик:

— Хайль!!! Хох, хох, хайль!!!

Вверх взметнулся лес женских рук, тысячи девчонок, как и парней раньше, смотрели на него горящими фанатичными глазами и кричали из всех сил. Женская энергетика, заполнившая стадион, подействовала на него и он почувствовал что возбуждается на глазах у всех. Только Гюнтер растерянно подумал что ему следует немедленно куда-то скрыться от

женских глаз чтобы прийти в себя как подскокившая к нему Ханна схватила его за руку и потащила вниз, с трибуны.

— Быстрее за мной, герой-любовник, пока тебя на куски не разорвали! — прокричала она ему в ухо.

И правда, живой коридор вокруг него бесновался. К нему тянулись десятки рук, а разные голоса кричали:

— Гюнтер, у вас есть девушка?..

— Господин оберштурмфюрер, скажите..

— Гюнтер, я тебя люблю!!..

— Возьмите меня замуж!!..

— Отвали, дура, это я его люблю!..

Начальницы отрядов пытались навести порядок но пока у них никак не получалось успокоить своих подчинённых. Похоже, он немного перестарался, подумал Гюнтер, быстро шагая обратно в подтрибунное помещение. На глаза ему попала Лотта, которая, раскинув руки, пыталась спиной сдерживать своих девчонок, одновременно смотря на него с таким желанием будто готова запрыгнуть на него прямо тут.

Ханна целеустремлённо тащила его за собой и вихрем ворвалась в какую-то комнату, тут же закрыв её за собой. Повернувшись к нему, она спросила, глубоко дыша от стремительного бега:

— Гюнтер, что ты тут устроил?! Ты понимаешь, что теперь будет? — буквально прокричала она, подойдя к нему вплотную.

— А что будет? — ухмыльнулся он ей в лицо. — Ты хотела чтобы я выступил и завоевал их внимание? Я это и сделал! А уж какими словами, это не важно. Главное, им это понравилось, ясно?

— Дурачок! — покачала она головой. — Ничего ты не понял!

И, рухнув на колени, начала остервенело расстёгивать ему ширинку на брюках. Удивлённый Гюнтер не мешал, наблюдая, как женщина, едва не порвав пуговицы, спустила ему штаны и трусы, обнажив по-прежнему возбуждённый член. Зрелище завораживало его. С растрёпанной причёской и безумными от желания глазами, Ханна впиалась взглядом в его орган, который упёрся ей в лицо и мелко дрожал.

— Чёртов извращенец, я чуть не кончила прямо там, на стадионе, похотливый мальчишка! — пробормотала она, не отрывая взгляда от его члена и, открыв рот, буквально насадила на него. Закашлялась, оторвалась на секунду и снова завладела его хозяйством. Одной рукой она поглаживала его яйца а другой задрала юбку и засунула её в трусы, быстро начав тереть свою дырку. Гюнтер понял почему она была так возбуждена и потеряла над собой контроль. Комнату наполнили её стоны и влажное чавканье из её мокрого рта, откуда то и дело срывались нитки слюны. Ханне потребовалось не больше минуты чтобы, ожесточенно натирая свою промежность, получить свой первый оргазм. Глухой, низкий стон и женщина, сильно вздрогнув, повалилась набок, продолжая тереть себя между ног.

Но Гюнтера это не устраивало. Она, значит, получила удовольствие, а он? Так и должен ходить со стояком, страдая от боли в возбуждённом органе? Да ни хрена! Нагнувшись к ней, он одной рукой взял её за волосы, другой обхватил за талию и с трудом поднял в вертикальное положение, спиной к себе. Дотащил Ханну до стола в углу и положил на неё грудь, в свою любимую позу.

— Гюнтер, милый... подожди... дай я в себя приду? Ну пожалуйста... совсем чуть-чуть

подожди... — лепетала непослушным языком женщина, всё ещё находясь под впечатлением оргазма и пыталась вяло оттолкнуть его. Гюнтер не слушал, чувствуя что срочно должен разрядиться. Вполголоса ругаясь из-за длинной и узкой форменной юбки, которая мешала добраться до её щели, он всё же вздёрнул её до талии, сорвал мокрые женские трусы и с огромным чувством облегчения ворвался в тёплую и влажную глубину Ханны. Из горла женщины раздался крик и она вцепилась в край стола, когда Гюнтер начал трахать её, понемногу увеличивая скорость. Господи, как же он любил быть внутри женщины, ощущая как его член мягко обхватывают стенки влагалища!

От перевозбуждения Гюнтер кончил уже через пару минут, но на этот раз, поддавшись импульсу, не стал вынимать член и наполнил Ханну своим семенем, отчего женщина сладко застонала. Она оставила всякие попытки сопротивления и просто лежала, наслаждаясь и закрыв глаза. Огорчённо вздохнув, он на ослабевших ногах опустился на стул рядом с женщиной и закрыл глаза, чувствуя как пересохло во рту. У него были определённые планы на задницу Ханны, но из-за быстрого удовольствия, похоже, придётся отложить их на следующий раз. А ведь его может и не быть, вдруг понял Гюнтер. Он же едет на войну, а там и убить могут! Проклятье, вот почему нельзя члену приказать вставать когда захочется? Он посмотрел на свой обвисший орган и мысленно приказал ему снова встать... Не время отдыхать, надо пользоваться возможностью!

В следующую секунду Гюнтер решил что у него галлюцинации... Ибо как можно объяснить что член, буквально на его глазах, начал увеличиваться и наливаться твёрдостью. Одновременно откуда-то снова нахлынуло возбуждение, пусть и не такое сильное как раньше. Через минуту Гюнтер с удовольствием наблюдал гордо стоящий орган, снова готовый штурмовать женские крепости. Мельком пронеслась мысль что, возможно, это неспроста и не замешана ли тут некая божественная особа? Но сейчас была явно не та ситуация чтобы забивать себе голову анализом физиологических процессов своего организма. Работает и ладно!

Усмехнувшись, он встал со стула и подошёл к Ханне, всё ещё лежащей грудью на столе. Смазал слюной её анус и, довольно легко, воткнул туда длинный палец. Хмыкнув, Гюнтер снова убедился что он явно не первый кто посетил её заднее отверстие.

Встрепенувшись, Ханна повернула к нему голову и попыталась встать, но его рука жёстко взяла женщину за шею и вернула на место.

— Гюнтер, что ты... Нет, не надо туда! Я не хочу! Давай лучше как раньше?.. — начала просить женщина, пытаясь закрыть свою задницу руками. Гюнтер без труда поймал её руки и прижал к спине, лишив возможности защиты.

— Ну уж нет, дорогуша! — заявил он, ощущая как возбуждение охватывает его всё больше и больше. — Я ведь тебя предупреждал что не люблю когда меня ставят перед фактом? А ты дважды это сделала! За такое надо наказывать!

— Прости! Прости меня, Гюнтер! Я думала тебе понравится! — умоляющим тоном вскричала женщина, извиваясь на столе. — К тому же ты сам видел как всё хорошо прошло! Все довольны и тебя теперь знает вся молодёжь Рейха! Разве это плохо?

— Не спорю, мне понравилось... — согласился он, любовно поглаживая нежную женскую кожу на ягодицах. — Но это не отменяет того факта что ты меня подставила. Без моего согласия... Да ты даже меня не предупредила заранее! Вот именно за это ты и получишь! — и с размаху ударил её по заднице.

— Ай! — вскрикнула Ханна, пытаясь снова прикрыться но опять потерпев неудачу. —

Мне больно, Гюнтер!

— Не ври мне, женщина! — сказал он, погладив покрасневшую ягодицу. — Больно тебе будет когда я получу что хочу. Кстати, не советую громко кричать, Ханна... Если не хочешь чтобы на твои крики сюда заглянул кто-нибудь. Представь, что он увидит... Замужняя, приличная женщина, занимающая высокий пост в рейхсминистерстве пропаганды, лежит на столе с задранной юбкой, и извивается в ожидании того как герой Рейха, то есть я, начнёт драть эту тайную шлюху, красивую но абсолютно испорченную! Как тебе такая картина? — спросил Гюнтер, медленно поглаживая и надавливая на её мокрый клитор.

— Я не шлюха! — извиваясь, ответила женщина гораздо более тише. Видимо, представила себе последствия своей несдержанности и решила не усугублять ситуацию.

— Да неужели? — прикинувшись изумлённым, спросил он и резко погрузил сразу три пальца в её истекающую дырку. Из горла Ханны раздался стон и, по его мнению, он мало походил на болезненный. Скорее, наоборот. Большой палец другой руки проник в её попку и начал плавно, круговыми движениями, расширять проход.

— Нет... пожалуйста!.. Гюнтер, ну не надо!.. Я всё поняла, правда! Не надо туда, пожалуйста!.. — умоляюще проговорила женщина, небезосновательно опасавшаяся за свою задницу.

— Ответ неправильный! — нравоучительно сказал Гюнтер, пытаясь сдержать своё возбуждение и не ворваться в неё без всякой подготовки. К слову, контролировать себя ему было всё труднее, нижняя головка, как всегда в такой ситуации, пыталась перехватить контроль у верхней и самолично управлять телом. Но он хотел чтобы она сама просила о наказании, даже зная что это будет ей больно. Подозрения, зародившиеся у него после того как Гюнтер трахнул её сначала в доме матери, на полигоне и потом, в её служебном кабинете, следовало проверить. Почему бы не сделать это прямо сейчас? Тем более, скорее всего, это их последняя встреча перед его отъездом.

Его рука начала возбуждать её, грубо проникая во влагалище, задевая клитор, отчего женщина закрыла глаза и полностью отдалась своим ощущениям. Она уже не обращала внимания на то что его вторая рука всё сильнее давила на анус. Вытащив её, Гюнтер снова ударил Ханну по ягодице. Та опять вскрикнула, но уже не пыталась как-то защитить свою шикарную попку.

Он продолжил её сильно шлёпать по заднице, не прекращая трахать рукой и вскоре заметил как женщина начинает подмахивать, сама насаживаясь на его руку. Вытащив из неё свои мокрые пальцы, измазанные в соках, Гюнтер размахнулся и ударил её особенно сильно.

— Ахх... — донеслось из полуоткрытого рта Ханны и она вильнула своей попкой. — Пожалуйста..

— Пожалуйста, что? — притворился он что не понимает и снова ударил её. Вся задница уже была красной, словно её отхлестали крапивой.

— Не останавливайся... пожалуйста, Гюнтер..

Он наклонился, взял её за роскошные волосы и оторвал от стола. Ханна, снова охваченная сильнейшим желанием и раззадоренная его пальцами, прижалась к нему своей задницей, отчаянно пытаясь насадиться на его руку или член. Не важно на что, главное, чтобы заполнить эту пустоту внутри себя.

Продолжая держать её за волосы, он прошептал женщине на ухо:

— Ты шлюха? — и крепко сжал нежную кожу ягодицы.

Её лицо исказилось от боли но она только простонала. Одна рука Ханны слепо

металась, пытаясь нащупать его член. Гюнтер позволил ей это и она, со вздохом облегчения, сама всё сделала. Не открывая глаз, Ханна счастливо улыбнулась, видимо, почувствовав как его орган снова в ней и начала двигаться. Но Гюнтер не собирался действовать по её плану. Не в этот раз. И вышел из неё, исторгнув из женщины огорчённо-разочарованный стон.

— Я повторяю вопрос! Не слышу правильного ответа! — снова сказал он. Его ладонь опять наградила многострадальную женскую задницу своим ударом и сразу после этого завладела клитором. Ханна вздрогнула и мучительно простонала. Как он и подозревал, сочетание унижения, боли и удовольствия сносило женщине крышу, что и подтвердилось спустя мгновение:

— Я шлюха... — со стоном ответила она и повторила: — Да... шлюха... я шлюха для тебя, Гюнтер... Я буду кем ты хочешь, только не останавливайся!.. Ах!.. — её слова прервал его новый удар. А потом ещё. И ещё.

Теперь Ханна стонала уже непрерывно, повторяя что она его шлюха, одновременно пытаясь снова насадиться на такой желанный его член.

— Ты готова к своему наказанию, даже если тебе будет больно, сучка? — спросил он, резко потянув её за волосы и при этом нащупал женский анус. Ханна с трудом повернула к нему голову и взглянула ему прямо в глаза. В них не было ничего кроме моря похоти, желания и... покорности.

— Да... Сделай со мной всё что хочешь... трахни, изнасилуй, порви меня! Я готова на всё... на всё... я люблю... — её последние слова звучали всё тише, да и ему уже было не до этого.

Отпустив волосы женщины, он грубо сказал:

— Разведи ягодицы!

Женские руки тут же метнулись к попке и сделали то что сказал Гюнтер. Приставив свой член к плотно сжатому отверстию, он начал медленно входить, пытаясь сдержаться и не ворваться как зверь. Хоть это было и наказанием для неё но он не хотел чтобы она пострадала. Да, Ханна сучка и шлюха... Но она его сучка и шлюха! А значит, надо, в некотором роде, беречь её.

Нажимая на сфинктер, его твёрдый орган медленно пролезал глубже, исследуя доселе неизведанную территорию. Да, здесь явно другие ощущения, с восторгом подумал он. В своей прошлой жизни Гюнтер занимался анальным сексом не часто, в основном потому что его партнёрши не особо горели желанием отдавать ему эту часть тела, а иметь дело с проститутками он не любил. Здесь же, с Лаурой, он просто боялся навредить ей и сдерживался, хоть и с удовольствием взял бы её туда. А вот с развратницей Ханной... это совсем другое дело. С ней Гюнтер хотел осуществить те желания, которые, до этого, были лишь его фантазиями в этом мире. Эта женщина, своей едва скрытой сексуальностью и развратом, каждый раз будила в нём низменные чувства, заставляя думать лишь о сексе. И дело даже не в том что она была замужем и красива сама по себе... Нет, всему виной какая-то её чувственная энергетика, словно на самом деле, в ней сидела суккуб, всегда готовая принять мужчину в себя, а строгий образ нацистской бизнес-леди был всего лишь маской, скрывающей её настоящую сущность.

— Аааа... — мучительно простонала она когда Гюнтер, медленно но верно, вошёл в неё до конца. Одной своей рукой прижав её руки к спине, он на мгновение остановился, прислушиваясь к своим ощущениям. Стенки её заднего прохода крепко обхватили его член, даря чувство непередаваемого удовольствия. Что ж, пора действовать!

Чуть быстрее он начал выходить из неё. Когда же внутри осталась только головка Гюнтер снова нажал корпусом. Так и пошло-поехало. Через пару минут он уже не сдерживался и просто грубо трахал женщину, крепко сжимая своими пальцами её истерзанные красные ягодицы. Ханна, вначале лежавшая неподвижно, видимо, привыкла ко вторжению в свою задницу и начала помогать ему. С её губ снова стали слетать стоны, видно было, что она не только смирилась во своим наказанием но и стала получать от него удовольствие, отчего Гюнтер, несмотря на своё возбуждение, чуть не рассмеялся. Хотел наказать а вместо этого, наоборот, доставил только наслаждение.

Ещё через несколько минут он почувствовал что скоро снова кончит. И на этот раз Гюнтер был намерен не ждать её. Но Ханна и тут преподнесла ему сюрприз... Чувствуя как выходит на финишную прямую, он уже приготовился к извержению как развратная чертовка сжала руки в кулаки, открыла и рот и громко закричала, на мгновение сжав его член своей прямой кишкой. Вот же, похотливая шлюха, она опять кончила раньше него, со смесью досады и восхищения заметил Гюнтер и через несколько секунд тоже вздрогнул, до отказа прижавшись к её заднице.

Весь мир словно вспыхнул перед ним атомным взрывом, его разнесло на куски, собрало снова и опять разнесло. И так миллионы раз, пока сознание окончательно не отказало..

Очнулся Гюнтер неизвестно через сколько времени. Он лежал на спине Ханны, которая тихо дышала и тоже, видимо, приходила в себя. С трудом попытавшись подняться, Гюнтер обнаружил что до сих пор находится внутри женщины и осторожно вытащил своего бравого бойца, выдержавшего двойной штурм подряд. Снова усевшись на стул он закрыл глаза и просто сидел, не желая ни о чём думать. Ему было просто охренительно хорошо и хотелось просто сидеть, наслаждаться послевкусием оргазма.

Глухо застонала Ханна и тоже попыталась разогнуться. Со второй попытки у неё это получилось и она, едва не свалившись на каблуках, буквально упала к нему на колени, прижавшись к Гюнтеру. Он обнял её и прижал к себе. Так они и сидели, медленно приходя в себя.

Иногда по коридору слышались шаги проходящих мимо двери людей но никто не стучался в запертую дверь.

— Ладно, вставай, нас уже, наверное, потеряли... — ласково сказал он, погладив женщину по волосам.

— Мм... — донеслось до него. — Я не хочу, Гюнтер... давай ещё посидим? — предложила она каким-то просящим голосом и тесно прижалась к нему.

— Вставай-вставай, иначе Ева поднимет панику если не найдёт нас... — улыбаясь, поторопил её Гюнтер и чуть шлёпнул по заднице.

— Ой... вот зачем было так сильно бить? Теперь я сесть нормально не смогу... — довольно протянула она в противоположность своим словам.

— Потому что тебе это было нужно. И ты это заслужила. Я прав, плохая девочка? — спросил он, посмотрев ей прямо в глаза.

Ханна глубоко вздохнула и тоже улыбнулась.

— Да... Теперь я это понимаю... Знаешь, я не восприняла всерьёз твои слова о моей... заднице. Думала, ты пошутил. Вот я дура, да? — хихикнула она, посмотрев на него.

— Согласен, иногда ты бываешь той ещё сучкой! — рассмеялся он.

— Гюнтер, знаешь... Я хочу тебе кое-что рассказать... Только не сейчас, ладно? Просто ты открыл мне кое-что такое о чём я только подозревала, но... В общем, давай встретимся

через пару дней и мы поговорим обо всём откровенно, хорошо? — спросила она, волнуясь. Гюнтеру было забавно видеть как взрослая, состоявшаяся женщина ведёт себя с ним как девочка-студентка. Хотя, может быть и правы те кто говорят что любой человек, независимо от возраста и социального положения, в душе всегда ребёнок? Кто знает..

Гюнтер печально усмехнулся. Что ж, вот и наступил момент икс..

— К сожалению, через пару дней меня здесь уже не будет... — сообщил он то что хотел сказать как только пришёл к ней на работу. Но потом началась вся эта катавасия с речами и Гюнтер на некоторое время был озабочен совсем другими делами.

— Ты что, куда-то уезжаешь? — спросила она. — Если так, то можем и через неделю... Или приходи к Марианне на вечер, и когда ты меня станешь провожать, мы поговорим.

— Всё куда сложнее, Ханна... Я действительно уезжаю, но вот когда вернусь, не знаю... А могу и вообще не вернуться... — закончил он, глядя на неё ироничным взглядом.

Женщина внимательно взглянула на него и её улыбка пропала. Она как-то вся собралась, в глазах появилось беспокойство и Ханна с тревогой спросила:

— Гюнтер, не пугай меня! Куда это ты собрался? Что с тобой случилось?

— Дело в том что через пару дней я уезжаю на фронт. Рапорт уже подписан, назад дороги нет. Вот такие вот дела, дорогая... — серьёзно посмотрел на неё Гюнтер и мягко ссадил с себя ошеломлённую женщину.

Берлин.

28 апреля 1940 года.

Ханна Грубер.

Сегодня день у неё начался как нельзя лучше. Муж не появлялся уже вторые сутки, скорее всего, где-то отдыхая в компании таких же алкашей как и он сам. Вот пусть там и остаётся! Настроение с самого утра тоже было прекрасным и она с каким-то предвкушением приехала на работу. Едва войдя в кабинет, Ханна услышала как звонит служебный телефон, по которому общаются, в основном, сотрудники рейхсминистерства внутри огромного здания. Сняв трубку она услышала знакомый голос рейхсминистра Геббельса, её начальника.

— Ханна, мне понравилось ваше вчерашнее предложение о том чтобы использовать оберштурмфюрера Шольке для нашей цели! — обрадовал её Йозеф. Но едва она открыла рот чтобы поблагодарить его как тот продолжил: — Поэтому я принял решение... Сегодня он выступит перед воспитанниками "Гитлерюгенда" и расскажет им какими они должны быть когда вступят в армию. Подаст им пример героизма и воспитания в истинно немецком духе!

Ханна растерялась. Честно говоря, она рассчитывала немного по-другому использовать сына её подруги, к тому же у неё были сомнения что Гюнтер сможет сказать многотысячной аудитории что-то особенное. В конце концов, несмотря на свою блестящую карьеру и арийскую внешность, далеко не факт что он ещё окажется и хорошим оратором.

— Герр Геббельс... — осторожно сказала она, подбирая слова. — Конечно, Шольке отличный офицер, герой Рейха, но... я не уверена что он сможет выступить на трибуне. Дело в том, что..

— Бросьте, моя дорогая Ханна! — прервал её напористый голос начальника. — Я абсолютно уверен что он справится с таким делом. Это же не в атаку подниматься, верно? В общем, немедленно звоните ему, пусть приезжает на Майское поле и готовится к выступлению.

И отключился, не дожидаясь её новых возражений. Ханна медленно положила трубку, пытаясь понять что теперь делать. Видимо, придётся импровизировать и экстренно готовить Гюнтера к непривычной для него роли. Тяжело вздохнув, она взяла себя в руки и вышла из кабинета, чтобы сообщить Кларе о распоряжении насчёт звонка Шольке.

Мельком отметив несколько напряжённое выражение лица своей секретарши, Ханна рассказала ей что нужно сделать и удивилась увидев что та молчит и смотрит куда-то мимо неё. Да что с ней сегодня такое?

Внезапно, над самым её ухом, раздался донельзя знакомый довольный голос Гюнтера:

— А я уже здесь.

От неожиданности она даже вскрикнула, чувствуя что сердце на мгновение остановилось. Он что, стоял тут и ждал её? Почему Клара не сообщила ей? Хотелось выговорить им обоим но времени было мало и Ханна решила отложить это на потом. Она уведомила Гюнтера о том что им немедленно следует ехать и, со скрытым удовольствием, увидела как тот изрядно удивился.

Уже в машине её опасения начали подтверждаться. Гюнтер явно не горел желанием выступать перед огромной толпой людей и попытался отказаться. К счастью, опытная Ханна

смогла сбить его настрой невинным флиртом и уверенностью в том что он справится, хотя в душе по-прежнему опасалась что Гюнтер начнёт мямлить у микрофона или нести какую-нибудь чепуху. Чтобы дать ему стимул она даже согласилась на его угрозу, решив что это обычная шутка. В крайнем случае, Ханна решила после митинга остаться с ним наедине и утешить Гюнтера после того как тот что-нибудь расскажет на трибуне, тем более, после некоторого перерыва она сама хотела снова почувствовать на себе и внутри его мужественность.

Приехав на поле, они поднялись на трибуну и Ханна почувствовала как её волнение нарастает. Как себя поведёт Гюнтер? Что скажет? Будут ли довольны фюрер и Геббельс? И как воспримут его мальчишки из "Гитлерюгенда"? Вот, наконец, его выход...

...Оглушенная многотысячным рёвом, она стояла с открытым от изумления ртом и смотрела на Гюнтера, который неверной походкой только что отошёл от микрофона. Это было невероятно! И он говорил что не умеет выступать с речами?! Если Гюнтер добился такого эффекта "не умея", то что будет когда он "сумеет"? Море в коричневых рубашках бесновалось внизу, их поднятые руки напоминали лес, а от их криков у неё звенело в ушах. Просто поразительно как он сумел завести молодёжь и найти с ними общий язык! Только фюрер или Геббельс могут так завладеть вниманием слушателей, но сегодня Гюнтер переплюнул их всех, отчего Ханна почувствовала законную гордость за себя и за него. Он был великолепен! Любуясь парнем она почувствовала что была бы совсем не прочь отдаться ему тут же, прямо в эту минуту. Ох, как же он завёл её! Сладкая истома овладела ею и Ханна с трудом смогла сдержать своё возбуждение. Подумать только, как Гюнтер действует на неё! Даже просто думая о нём она уже возбуждалась, а уж когда была рядом... Пожалуй, на такой случай придётся брать из дома дополнительную пару трусиков. Или не одну..

Буквально тут же у неё зародилась ещё одна идея и она решила немедленно осуществить её. Уверенным голосом Ханна сообщила ему что он должен немедленно поехать с ней. Удивлённый Гюнтер недоверчиво уставился на неё, будто спрашивая, что ей ещё надо от него? Тут подошла подруга Гитлера, Ева Браун, и спросила подробности. Сама Ханна относилась к ней нейтрально, опасаясь сблизиться с женщиной, настолько близкой к фюреру. Кто её знает, какая она? Но сейчас та была радостно возбуждена и Ханна решила рассказать ей свою задумку. Ева удивилась и тут же напросилась вместе с ней, видимо, желая развлечься.

Недалеко от Майского поля, на стадионе, отдельно собрались множество представительниц "БДМ" со всех концов Германии на ежегодном митинге, под руководством своей руководительницы Ютты Рюдигер, убеждённой нацистки. Собрать сегодня здесь весь цвет женской нацистской молодёжи было непросто. Между Рюдигер и главой Национал-социалистической женской организации Гертрудой Шольц-Клинк были серьёзные разногласия и борьба за власть над умами молодых девушек Германии. К счастью, сам Ширах поддерживал Ютту, но её оппонент не сдавалась, всячески интригуя против них.

Предварительно, Ханна договорилась с ней, если что, привезти к ним одного гостя, красавчика-эсэсовца, и та согласилась. И вот теперь настала пора выполнить свою задумку. Выходя на поле, она оглянулась на Гюнтера и улыбнулась. Тот был поражён и, с круглыми глазами, вертел головой словно не веря самому себе. Отличный сюрприз для него!

Когда Гюнтер снова вышел к микрофону Ханна мысленно взмолилась чтобы и на этот раз он не оплошал, иначе все шишки со стороны недовольной Ютты упадут именно на её голову как на ту кто организовала всё это действие. И Гюнтер снова блестяще справился и не

подвёл её! Он нашёл правильные слова для девочек, смог заинтересовать их... Показал что думают о них настоящие мужчины на фронте, рассказал часть мужских секретов о которых некоторые девчонки не узнали бы за всю жизнь. Она видела как начинают гореть глаза у многих тысяч юных нацисток, будущих матерей и хранительниц очага. Многие из них прослезились когда Гюнтер рассказывал про своих умирающих товарищей. Да, пока они ещё не до конца взрослые но именно то что он обращался к ним не как к детям, которым только в куклы играть, а как к тем кто будет поддерживать своего мужчину во всём и всегда... Это тронуло женские сердца и приковало к нему внимание. Ханна, своим женским чутьём, также понимала что сейчас Гюнтер, у неё на глазах, превращается в нового кумира для юных девушек. И её это не удивляло... Молодой, красивый, сильный, служит в элитной охране... Кем, если не таким как он, восхищаться девочкам, только вступившим в пору любви? Наверняка теперь среди них будут разговоры о нём, одни скромницы начнут писать тайные любовные стихи и прятать их под подушку, другие, посмелее, постараются как-то познакомиться с ним... И его плакаты тоже станут висеть над девичьими кроватями.

Даже её саму, опытную и зрелую женщину, проняли его слова, заставив на некоторое время полностью отрешиться от реальности и просто слушать его, чувствуя что многое из сказанного им касается и Ханны. Одновременно с этим росло и её возбуждение от витавшей над стадионом женской энергетики, пропитанной восторгом, желанием и жгучим интересом к Гюнтеру. К тому моменту когда он, наконец, закончил, Ханна чувствовала себя как на углях. Между ног горело, лицо покраснело, сердце стучало и все её мысли были о том чтобы поскорее остаться с ним наедине, иначе она просто не выдержит этого напряжения... И когда улыбающийся Гюнтер подошёл к ней, Ханна взяла его под руку и потащила любовника прочь с поля, стараясь чтобы это хоть немного выглядело прилично.

Крики новых восторженных почитательниц Гюнтера оглушали её, заставляя сжимать губы от волны ревности, неизвестно откуда взявшейся. Ага, мечтайте, юные дурочки! Не женится он на вас, тут и без этих глупых куриц желающих хватает! Не нужны вы ему, с вашей неопытностью и наивностью... А вот она, Ханна, всё умеет и знает как доставить мужчине удовольствие так чтобы он надолго это запомнил и захотел получить снова и снова!

Заскочив в какую-то комнату под трибунами она хотела высказать ему всё что думала, особенно про попытку призвать девочек одеваться развратно но, внезапно даже для себя, потеряла контроль. Желание получить его член, прямо здесь и сейчас, полностью охватило её не оставив сил сопротивляться, выкинув прочь из головы все разумные мысли, и Ханна кинулась к его брюкам. Это было какое-то наваждение! Конечно, она любила секс и с радостью им занималась но раньше никогда так не реагировала на мужской орган. Причём, дело было не в каком-то абстрактном члене а именно о хозяйстве Гюнтера! Он просто занял все её думы не оставив Ханне выбора и возможности сомнений. Мысли женщины мутились, пульсация между ног достигла критической точки, рука бешено натирала клитор и она почувствовала как уплывает куда-то в неизвестность, сотрясаемая своим неконтролируемым телом и продолжая ощущать во рту твёрдость его члена..

...После ошеломительного оргазма, пока она витала в облаках, пытаясь прийти в себя, он задрал ей юбку, нагнул на стол и всадил в неё свой каменный член, вызвав у Ханны сладкий стон. Его орган уверенно и целенаправленно внутри неё рвался вперёд, пробираясь уже проторённым путём. Чувство приятной наполненности и мужской уверенности Гюнтера охватили женщину погрузив её в атмосферу удовольствия и желания. А когда парень зарычал, кончая в неё, Ханну унесло куда-то вдаль, в невообразимые райские кущи, где

живут только сексуально удовлетворённые женщины, мечтающие оставаться там вечно.

Пришла в себя она лёжа грудью на столе и чувствуя как любовник пытается проникнуть в её попку. Сначала Ханна решила что он просто не может попасть во влагалище, но его всё новые попытки заставили её вспомнить угрозу в машине и она похолодела. Неужели Гюнтер на самом деле хочет наказать её и взять анально? Конечно, она и раньше занималась таким сексом, но это было больно, к тому же Ханна позволяла такое далеко не всем мужчинам а только тем кто ей особенно нравился. Муж, например, уже много лет даже не пытался это делать... Да и многим любовникам вполне хватало влагалища. И вообще, такое бывало всегда с её разрешения.

А что же сейчас? Сейчас Гюнтер, не спрашивая её мнения, хочет исполнить свою угрозу. Ханна была вынуждена признать перед самой собой что да, в некотором роде она подставила его и заслужила наказание, но... Почему именно таким образом? Неужели нельзя как обычно?

Её размышления прервал сильный шлепок по заднице, разом оборвав их. Почувствовав обжигающую боль на ягодице, Ханна ощутила как в ней поднимается та самая развратная сущность которую она всячески старалась прятать от окружающих чтобы сохранить свою репутацию приличной, замужней женщины. Эта сущность зародилась в ней давно, после того как её взял один из первых любовников после замужества. Этот работяга был, в отличие от мужа, груб с ней. Тянул за волосы, оскорблял, шлёпал по её роскошной заднице, порвал одежду... Настоящий варвар или ландскнехт! К изумлению Ханны все эти действия привели её к такому оргазму что она надолго выпала из реальности, придя в себя через много времени после того как работяга ушёл. Встретившись с ним ещё пару раз, она с огорчением поняла что такое грубое обращение и не романтическая обстановка заводит её намного больше чем классический секс в удобной постели и ласковое обращение. В результате, после этого обычные встречи с другими мужчинами не давали ей такого оглушающего удовольствия и она, постепенно, перестала с ними встречаться. Сказать же любовникам какого ей хочется обращения с собой было стыдно. Вдруг кто-нибудь из них разболтает что уважаемая женщина, видный чиновник рейхсминистерства и одна из заместителей самого Геббельса, любит чтобы её шлёпали, обзывали разными словами и насиловали как последнюю шлюху... Нет, это абсолютно невозможно! Приходилось всячески подавлять эту тёмную сущность, не давая ей вылезать на свободу, отчего обычный секс стал казаться Ханне каким-то пресным. Борьба с собой изнуряла женщину, заставляя нервничать и срываться на муже и подчинённых. А потом случилась та встреча с Гюнтером у Марианны Шольке...

Все её слабые попытки сопротивления и мольбы не привели к результату, Гюнтер был непреклонен. Как тогда так и теперь Ханна снова почувствовала как под непрекращающимся потоком ударов мальчишки в ней набирает силы та, другая Ханна, которая сладостно извивается и готова на всё чтобы продолжалась эта порка... Задница горела и женщина ощутила себя покорной пластилиновой массой, из которой пусть Гюнтер вылепит что захочет, лишь бы не останавливался... Ему нужна её задница? Пусть берёт её! Она виновата и должна быть наказана, а каким образом, это его дело! Он покорила её тело и душу, Ханна послушна и с радостью подчинится ему. Развратная сущность женщины почти полностью вышла из-под контроля разума и с готовностью раздвинула ягодицы, подчиняясь приказу молодого любовника и... кого? Ответ напрашивался на язык но, невероятным усилием, Ханна смогла удержаться. Если она скажет ему это слово то всё... Она сама, добровольно, отдаст ему себя полностью, превратится в... Нет, даже в мыслях нельзя говорить! Это как

ящик Пандоры, стоит его открыть и всё... Назад возврата не будет.

Боль в заднем проходе, на удивление, оказалась не такой сильной как она ожидала. Видимо, потому что Гюнтер двигался медленно или из-за слюны... В этот момент женщине привиделась какая-то незнакомка рядом с ними, смотревшая на неё со смесью сочувствия и удовольствия, и тут же снова пропала. А Ханну внезапно, покинула боль и, наоборот, возбуждение и желание охватили ещё больше. Последняя преграда в разуме рухнула и на время Ханна пропала, превратившись в изнемогающую от жажды секса самку, готовую на всё чтобы принести удовольствие себе и своему юному любовнику...

...На этот раз она приходила в себя ещё дольше. С трудом собрав остатки сил, Ханна повалилась на колени сидящего Гюнтера и прижалась к нему, закрыв глаза. Тело всё ещё переживало последствия оргазма и не вполне подчинялось мозгу. Тёмная сущность снова затаилась в ней, удовлетворённо облизываясь и на время оставив женщину в покое. А сама Ханна явно ощутила как всё больше привязывается к Гюнтеру. Словно, каждый секс с ним это как ступенька к нему самому... Всё выше и ближе. Невидимые пути тащат женщину к нему и у неё не было желания сопротивляться им. Словно рабыня, влюблённая в своего хозяина и не замечающая своих оков... Хотелось просто сидеть здесь, забыть обо всём и чтобы о них тоже все забыли... Муж, работа, фюрер... Пусть все подождут!

Как гром среди ясного неба ошеломили её слова Гюнтера. Как это, на фронт?! Нет, он не должен туда ехать! Его место здесь, в Берлине, возле фюрера! У Германии много солдат, пусть они воюют на Западе, а Гюнтер пусть останется! Минутное оцепенение слетело с неё, разом придав силы и настроив на деловой лад.

— Гюнтер, я решу эту проблему, не волнуйся! — начала она, быстро просчитывая варианты. Мозг высокопоставленной чиновницы, стряхнув с себя послеоргазменный туман, снова заработал на полную мощность, выдавая ей возможные решения проблемы и их последствия.

— Ханна... — попытался сказать Гюнтер.

— Доверься мне, дорогой! — доверительно сказала женщина. — Я немедленно всё расскажу Йозефу, объясню что ты нужен нам здесь, в Берлине, что у меня на тебя большие планы... Он поговорит с фюрером!

— Ханна, послушай!.. — снова начал он, но Ханна опять перебила его, лихорадочно подбирая аргументы которые смогут убедить Геббельса и фюрера оставить его любовника в городе:

— Так, сейчас мы с тобой поедem в рейхсминистерство, думаю, Геббельс уже вернулся обратно..

— Проклятье, Ханна!!! — буквально крикнул он, отчего женщина вздрогнула и посмотрела на него. Даже сейчас, разгневанный и грозный, Гюнтер выглядел так грубо что она почувствовала как тёмная сущность ворохнулась в ней, словно раздумывая, а не вылезти ли снова? С трудом отбросив соблазнительные мысли, Ханна спросила с удивлением:

— Что такое?

— Ханна, не надо никуда звонить и ни с кем разговаривать! — уже тише сказал парень, строго глядя на неё. — Это моё решение и я в любом случае поеду туда.

Поражённая женщина не сразу нашла слова после такого его заявления.

— Но... зачем?! Или ты так шутишь? Если да, то совсем не смешно!

— Нет, это не шутка. Я уже всё давно обдумал и решил. Уезжаю, во вторник или

среду! — твёрдо ответил он и только сейчас она поняла что ничего не сможет сделать с этим. Гюнтер уедет на войну, где с ним может случиться всякое... Нет, прочь такие мысли! Всё будет хорошо! Постаравшись успокоиться, женщина спросила, не сумев сдержать умоляющих ноток в голосе:

— Ну скажи мне, зачем?! Ты же воевал! Неужели ты едешь туда чтобы заполучить ещё одну награду?

— Да причём тут это? — с досадой махнул он рукой. И объяснил ей про долг каждого немца, мужчины, тем более, офицера, в трудные для страны времена, заставив Ханну растеряться. Да, теперь она поняла его и снова в ней поднялась гордость за него, в том что он настоящий мужчина, не какой-то тыловик шарахающийся от передовой как чёрт от ладана... Но, вместе с тем, в ней проснулась другая её часть, которая требовала любой ценой удержать его вдали от опасностей, пусть даже обманом или преступлением. Рисовала перед женщиной кровавые картины обезображенного или мёртвого Гюнтера, с оторванными ногами или руками... И спрашивала: ты готова отдать его войне или хотя бы попытаешься сражаться за своё женское счастье? Ты же сама знаешь что он уже не просто любовник для тебя, а нечто большее? Зачем себя обманывать?

Обуреваемая сомнениями, Ханна промолчала, машинально приводя себя в порядок. Умиротворённое настроение после близости безвозвратно ушло, уступив место тревоге за Гюнтера. Умом она понимала его, но вот сердце... Оно не хотело слышать никаких доводов. Осмотрев себя в зеркало и поправив волосы, женщина поморщилась от неудобных ощущений в заднице и сказала:

— Пойдём, Гюнтер, нам пора.

Они вышли из комнаты и скоро оказались возле "Опеля", рядом с которым их ожидала встревоженная Ева. Она окинула их взволнованным взглядом и спросила:

— Фрау Грубер, Гюнтер, где вы были? Я вас потеряла.

— Не беспокойтесь, Ева, мы пообщались кое с кем о деле. Теперь можем ехать.

— Ну, хорошо... — поколебавшись, ответила девушка и залезла на заднее сиденье.

Сама Ханна осторожно села рядом с Гюнтером и всю дорогу молчала, погружённая в невесёлые мысли. Сам парень тоже не проявил желание разговаривать и лишь отвечал междометиями на радостные замечания Евы по поводу его оглушительного успеха на митингах.

Когда он высадил её у рейхсминистерства и уехал, она поднялась в свой кабинет и велела Кларе никого не впускать к ней в течении часа. Открыв шкаф, Ханна вытащила оттуда бутылку коньяка, подаренного ей самим Геббельсом и налила себе полбокала. Напиток скользнул ей в пищевод, принеся с собой некоторое облегчение. Ощувив как тело расслабляется а мозг отпускает напряжение, она откинулась в своём кресле и задумчиво посмотрела в окно.

Внезапно горло перехватило а из глаза одиноко скатилась слезинка, несказанно удивив её. В последний раз она плакала... Когда? Очень давно, даже не помнит. Возникло желание зареветь и Ханна с огромным трудом удержалась от этого. Ещё не хватало устроить истерику из-за него! Всхлипнув, она осторожно вытерла слёзы и снова глотнула коньяка.

Сделать ничего было невозможно. Только надеяться что война пощадит его и он вернётся обратно, живой и здоровый. Окончательно успокоившись и загнав мысли о Гюнтере глубоко внутрь, она выпрямилась и приказала Кларе войти с документами. Что ж, раз этот невероятный герой-любовник, сын её подруги, сумел так прочно закрепиться в её

сердце и вызвать у неё слёзы, то... Настала пора кое о чём серьёзно подумать!

Москва.

28 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

Саша устал. С самого утра, когда его привезли в столицу из затерянного в подмосковных лесах учебного лагеря, он провёл время в знакомой квартире, там где жил вместе с нянькой "Михаилом". Рассказывал, рисовал чертежи, планы, схемы, пытаясь играть роль младшего лейтенанта НКВД, который видел всё это во сне. В роли машинистки выступала Катя, которая появилась незадолго до обеда, вся какая-то довольная, весёлая и чем-то смущённая. На её лице то и дело появлялась улыбка а глаза задорно сверкали.

Александр, не ожидавший увидеть её в Москве, был рад новой встрече. К его удивлению, девушка ответила ему улыбкой и приступила к работе. Интересно, почему она такая радостная? Он с удовольствием бы поговорил с ней но "Михаил" не дал ему этой возможности. И началось..

...Саша рассказывал про самые лучшие, на его взгляд, образцы стрелкового вооружения Красной армии, которые появились в ходе будущей войны. Конечно, лучше всего было бы создать "Калаш", но как? Ведь ещё даже сам его создатель не знает что он создаст, а Александр помнил про этот легендарный автомат не больше чем обычный рядовой, знающий своё оружие лишь настолько чтобы сержант или старшина не докопался. Сборка-разборка, внешний вид... А какой металл, баллистика и всё такое... Увы, стрелковым оружием он не увлекался и не фанател от его ощущения в руках. О коллиматорных прицелах, планках Пикатинни и других фишках, улучшающих свойства оружия, знал лишь из фильмов. Поэтому говорил лишь о том что и так должно поступить на вооружение советской пехоты в ближайшие годы.

Потом перешли к противотанковому вооружению. ПТРД и ПТРС, гранаты. По этой теме он дал ещё пару советов, вспомнив кое-какие фильмы и прочитанную литературу. Затем настал черёд миномётов. Здесь Саша был почти бесполезен, все системы, про которые он знал, были уже созданы или разрабатывались в специализированных КБ.

А вот на теме артиллерии остановились более подробно. Александр высказал свои мысли и предположения о противотанковых пушках настоящего и будущего, настояв на том что именно эти модели и системы окажутся наиболее удачны в боях. Не ограничившись этим, Саша продолжил тему, перейдя на дивизионную и корпусную артиллерию. Как оказалось, "Михаил" неплохо разбирался в этом вопросе и последовали жаркие споры с убедительными аргументами с обеих сторон. Катя, сделавшая для себя перерыв на время прений, смотрела на них, но временами, словно уходила в себя, вспоминая что-то. Наконец, раздражённо махнув рукой, "нянька" признал его точку зрения и велел ей печатать дальше.

От пушек перешли к реактивной артиллерии. Прообразы "Катюш" ожили на рисунках Александра. Как оказалось, ракеты для них уже были опробованы при авиационных боях на Халхин-голе, поэтому разработка установок на базе грузовиков вряд ли могло быть таким уж долгим.

Танки... Здесь Саша снова был вынужден спорить с "Михаилом", почему-то абсолютно уверенным в том что лёгкие консервные банки под названием "Т-26" и семейство "БТ" являются вершиной танковой мысли. Да и "Т-28" тоже не являлся поводом для восторга. Ну

и что, если у этой мелочи высокая скорость? Снаряд-то они всё равно не опередят! Одно попадание и здравствуй, братская могила для трёх весёлых друзей... Нет уж, по представлениям Саши, танк — это тяжелобронированная машина, способная спасти себя и экипаж даже после нескольких попаданий. Если уж выбирать между бронёй, оружием и скоростью то он пожертвует именно последним. А значит, приоритет тяжёлым танкам! Ну и средним тоже. Они — главная сила будущих танковых дивизий и корпусов, а не "бэтэшки". С ролью разведчиков, на начальном этапе, вполне справятся броневики, а потом уже можно подумать о другом лёгком танке, которым бурно восхищался один из его друзей, ярый поклонник "WoT". Сам Саша не был игроком но общался с множеством парней, которые то и дело собачились, яростно доказывая друг другу что вот этот танк настоящая имба, а другой, наоборот, полное говно.

Затем перешли на самолёты. Разведчики, штурмовики, истребители, бомбардировщики... Их предполагаемое вооружение и тактика использования. Александр особо упирал что все эти машины должны быть вооружены, как минимум, крупнокалиберными пулемётами, не говоря уже о пушках. Всякие "Шкасы" тут не прокатят, несмотря на их скорострельность. В общем, доработанный для авиации "ДШК" или что-то похожее..

Наконец, вспомнив одну идею, он дал совет по усилению стрелкового отделения но тут всё упиралось в изменение Боевого устава Красной армии, а это явно не быстрое дело. Бюрократия задавила многие хорошие идеи... Саша лишь добился заверения что компетентные люди в Генштабе рассмотрят его идею и дадут по ней своё авторитетное заключение.

К вечеру, "Михаил" и Александр вышли ненадолго во двор, размяться и подышать на свежем воздухе. Усевшись на лавочке, Саша глубоко вздохнул и взгрустнул, вспомнив что завтра утром снова придётся бежать проклятую "пятёрку".. Конечно, прогресс был, он уже не падал от усталости в конце дистанции но всё равно, приятного было мало чувствовать одеревеневшие ноги и хрипящее дыхание.

— Ты абсолютно уверен в том что сейчас нам рассказал? — спросил нянька, закуривая папиросу. — Учти, завтра всё это будут читать на самом верху!

— Я понимаю, Михаил Алексеевич! — кивнул Александр. — Я весь день честно пытался вспомнить что мне приснилось. Знаете... Так странно себя чувствую. Там я прожил целую жизнь, а здесь, получается, прошла всего одна ночь... Удивительно, что помню так много, ведь сон часто забываешь когда просыпаешься, верно?

— Да, Саша, ты довольно необычный человек... — согласился с ним "нянька", остро посмотрев на него. — Расскажи-ка мне, как у тебя успехи в лагере? Выдерживаешь или не совсем?

Александр улыбнулся во весь рот. Понемногу, помаленьку но он начинал превращаться из абсолютно необученного "мяса" в заготовку будущего диверсанта. И ему это нравилось, несмотря на физические трудности. С недавнего времени его посетила мысль что именно такого пенделя он хотел чтобы изменить свою жизнь и стать кем-то более сильным, уверенным в себе. Там, в будущем, Саша был уверен что захоти он поступить в Силы спецопераций или, хотя бы, в десант, над ним посмеялись и отправили обратно домой, посоветовав поумерить свои амбиции. А здесь... Если, благодаря неожиданному бонусу, появилась такая возможность то глупо упускать её.

— Мне нравится, Михаил Алексеевич! Спасибо вам и товарищу Берии за то что

разрешили мне отправиться туда! — с искренним восторгом ответил он. — Конечно, вначале было трудно но я справляюсь. И ребята там классные!

— Классные? — с удивлением спросил "нянька".

— В смысле, очень хорошие! — поправился Саша. — Это у меня слово из той, сонной жизни вырвалось..

— Понятно... — протянул тот. Помолчав, он встал и спросил его: — Уже вечер, скоро вам с Катей надо выезжать... Пойдём в дом или ещё посидишь во дворе?

— Посижу... Здесь так хорошо! — с улыбкой ответил Саша, удобно откинувшись на спинку скамейки.

— Ладно, тогда до встречи. Скорее всего, на следующих выходных снова приедешь сюда... — сказав эту обнадеживающую фразу, "нянька" ушёл в дом оставив его одного. Хотя нет, недалеко от него удобно устроились два мужика неприметной внешности, вполголоса разговаривающие и иногда бросающие на него быстрые взгляды. Александр улыбнулся. Охрана из сотрудников в гражданском. Только непонятно чья, его самого или "Михаила".

Внезапно раздались быстрые шаги и из подъезда выпорхнула весёлая Катя, которая подошла и села на скамейку рядом с ним. Настроение Саши ещё больше повысилось. Девушка взглянула на него и спросила своим мелодичным голосом:

— Вы устали, Саша?

— Есть немного... — признался он. — Но сил у меня хватит чтобы вскинуть вас на плечо и обойти всю Москву! — улыбнулся Александр, любуясь красавицей-сержантом. Вопреки обыкновению, в последнее время она стала более общительной в разговоре с ним, прекратила дичиться, шипеть и пытаться уколоть его. Возможно, есть шанс воспользоваться этим и сблизиться с ней?

Придвинувшись вплотную он попытался слегка обнять её за талию но Катя мягко отвела его руку и слегка отодвинулась.

— Саша, не надо, пожалуйста. Да, я была не права, вы — хороший человек, но... — она замолчала.

Настроение у него резко упало. Чёрт побери, да сколько можно?! Он и так и этак, а Катя упорно держит дистанцию. В конце концов Александр решил не мучаться неизвестностью а прямо спросить то что вертелось у него на языке:

— Катя, у вас есть парень?

Девушка замялась, но потом решительно посмотрела на него.

— Да, есть! И мы любим друг друга! Так что, извините, но если вы надеялись... — она заколебалась, но всё-таки продолжила: — В общем, мы можем быть только товарищами, Саша.

— Понимаю... — угрюмо ответил он, испытав внезапное желание набить морду этому неизвестному, который успел влюбить в себя эту необыкновенную красотку. Но это желание быстро прошло, оставив в душе пустоту. И вообще, на что он надеялся? На ответный интерес с её стороны? А кто Саша для неё? Да никто, так, какой-то мутный тип. Да с такой внешностью она вполне могла быть подружкой какого-нибудь наркома или генерала! Может хватит мучить себя несбыточными надеждами и надеяться на любовь? Некоторые всю жизнь живут без этой самой любви и довольны. Увлечения, интересы, книги, клубы... А если секс нужен то найди себе не слишком скромную девчонку для снятия напряжения и живи спокойно! Некоторым вообще Дуни Кулаковой хватает... На фига все эти сердечные страдания и переживания? Он что, мазохист какой-то, сам себя изводить из-за той которой

он никуда не вперся?! Нет, пора прекращать вести себя как влюблённый идиот и радоваться жизни!

... — Саша, вы слышите меня? — ворвался в его сознание голос Кати. Она смотрела на него вопросительно и с некоторой тревогой. Тревогой? Вот он дурак, да ей плевать на него! Будет лучше если он просто перестанет с ней видеться. Девушке хорошо и ему тоже. С глаз долой из сердца вон! Да, так будет правильно. От принятого решения ему стало немного легче.

— Что вы сказали? Я задумался... — ответил Александр, глядя на эту, уже чужую для него девушку.

— Я говорю, если мы сможем через неделю приехать в Москву, то могу познакомить вас со своей подругой. Уверена, она вам понравится. Света очень красивая, умная, милая! — разливалась соловьём девушка. С какой-то отстранённостью Саша понял то что она хочет... Свести его с другой, чтобы он, наконец, отстал от неё со своими никому не нужными знаками внимания и переключился на другую. А сама Катя будет наслаждаться счастьем со своим парнем, чтоб он провалился!

Что ж, почему бы и нет? Клин клином вышибают, верно? Пора просто признать наедине с самим собой... Катю он НЕ ЛЮБИТ! Да, она ему сильно нравится, он хочет её как мужчина, но хотел бы Саша жить с ней как муж и жена? Хм, сложный вопрос... Возможно, но не факт. Правда состоит в том что она его на роль своего мужа не рассматривает! Никак! Абсолютно исключено! Более того, он ей неприятен. Значит... Почему бы и нет? Что он теряет? Ничего. Что может приобрести? Как минимум, приятные ощущения.

— Я согласен, Катя! — ответил он, оборвав свои мысленные терзания. — Если всё получится то я готов встретиться с вашей подругой.

Последней точкой в гроб его умирающей надежды на близкое общение с Катей стал её взгляд, полный искренней радости. Она улыбнулась и глаза наполнились счастьем и облегчением, которые, помимо воли, снова укололи его сердце.

— Я так рада, Саша! — воскликнула она, глядя на него. — Как только мы приедем в следующий раз я сразу побегу к ней и приведу её к нам, хорошо? Не волнуйтесь, она очень хорошая девушка, скромная, любит историю, литературу, увлекается книгами..

Она бы и дальше продолжала расписывать свою подругу но из подъезда снова послышались шаги и из него вышел "Михаил Алексеевич", который попрощался с ними за руку и куда-то ушёл. Два мужика, сексота, проводили его взглядами но остались на месте. Значит, это его, Сашина, персональная охрана на время пребывания в столице.

Подъехала машина, они с Катей залезли на заднее сиденье и вскоре уже выехали за город. Несмотря на плохую дорогу, девушка скоро заснула, привалившись к своей двери. Александр, несколько минут поглядев на спокойное лицо своей несостоявшейся подруги, решил сделать то же самое. Было уже темно, ехать далеко, значит, надо выспаться. Завтра новый день, новые занятия и знания... и, конечно, чёртова "пятёрка"!

Усмехнувшись, он выбросил из головы все мысли о Кате и закрыл глаза, тоже привалившись в угол между сиденьем и дверью. Через несколько минут, усталый и убаюканный непрерывным движением, Саша спал.

Москва.

Тот же день, вечер.

Залесский Алексей Дмитриевич.

За окном барака было темно, но через стенку то и дело слышались обрывки разговоров, смех и шарканье ног других жильцов. В другое время Алексея бы это раздражало но сейчас он ничего не замечал, погружившись в размышления.

...Утром довольная и счастливая Катя убежала на службу, перед этим приготовив ему завтрак и чувственно поцеловав. Полусонный, он наблюдал за быстро одевающейся девушкой и любовался ею. Вот как так может быть что его враг такая красивая?! Конечно, слишком наивная для сотрудника НКВД, но тут дело касается любви, а перед ней не то что сержант ГБ но и королевы пасуют. Что уж требовать от потерявшей голову молодой девчонки? Медовая ловушка в действии.

Ночью они не только занимались любовью но и разговаривали. Пользуясь тем что Катя была пьяной от счастья после прекращения недельной разлуки он, путём осторожных и невинных расспросов, узнал что про этого Сашу осведомлён ещё один следователь НКВД, некий Круглов. Оказывается, тот допрашивал его в присутствии Кати. Пока его тело отдыхало от которого по счёту оргазма, мозг напряжённо работал, обрабатывая новую информацию. Потом, когда девушка, наконец, заснула, ему показалось что начал вырисовываться некий план, который, если осуществится, поможет всё перевернуть так как ему надо.

Позже, после того как Катя убежала, Алексей снова переоделся в знакомом сарае и поехал на место очередной закладки. Там обнаружилось послание от его куратора. Смысл его был в том что руководство заинтересовалось этим таинственным Краузе и просило узнать про него подробнее. Методы и способы добычи информации полностью на усмотрение Алексея.

Собственно, как избавиться от охраны этого Краузе-Саша, он знал. С его способностями там не будет ничего сложного, тем более, эффект неожиданности. Главное, продумать маршрут прогулки и возможность приблизиться к цели вплотную, чтобы постараться взять его живым. Конечно, было бы легче просто ликвидировать Краузе, но допрашивать мертвеца до сих пор никто не научился.

Камнем преткновения стал вопрос: что делать с Катей? Если отбросить в сторону эмоции то, конечно, её следует убить. Во-первых, ради конспирации. Во-вторых, она ему уже не нужна, отработанный материал, мавр который должен уйти. Ведь если оставить её в живых, то НКВД будет трясти девчонку так что рано или поздно докопаются до утечки информации и выйдут на него самого. Конечно, у него всё давно готово к уходу на дно или, в крайнем случае, для последнего боя, но как же тогда главная цель? Если Алексею придётся скрываться то тогда он не сможет выполнить её. С другой стороны, сама Катя может догадаться что к нападению на Сашу может быть причастен он... Или нет? Девушка не обладает острым умом, к тому же ослеплена любовью. Кто может связать её ухажёра, обычного работягу, и секретного узника, который находится под надзором соответствующих органов?

Алексей вздохнул.

Хорошо, допустим, он её не убьёт... Минусы тут очевидны, но есть ли плюсы? Как ни странно, они тоже нашлись. Если она останется живой и не заподозрит его, то тогда он сможет по-прежнему получать информацию из НКВД без задержек и самую достоверную. Пусть у неё невысокое звание и ограниченный доступ но это всё же лучше чем вообще ничего. Где и когда он сможет снова приобрести такой источник в самой закрытой

советской организации? Да и, честно говоря, ему претило убивать её... Конечно, она служит в самой зловещей и проклятой спецслужбе коммунистов, но вот он с трудом мог представить её расстреливающей людей или ещё что-то в этом роде. За то время что Алексей с ней общался его чуйка ни разу не подала сигнал тревоги, а значит, она не испытывает к нему негатива. Естественно, знай она кто её любимый на самом деле то реакция была бы совсем другой, но... Что есть то есть.

Всё время знакомства с Катей было для него сплошным удовольствием, если не брать в расчёт её работу и наивные советские взгляды на жизнь. Секс, особенно после того как он раскрепостил её, был просто отличным. Да и по характеру девушка тоже ему нравилась. Хозяйственная, заботливая... в царское время она наверняка была бы хорошенькой гимназисткой или курсисткой. Холодный разум упрямо твердил что плевать на всё это, безопасность важнее всего! Сердце же уговаривало не спешить и всё хорошенько взвесить... Возможно, есть другие приемлемые варианты? Одно дело убивать без всяких сожалений мужчин, убеждённых "красных", свято веривших во всемирную революцию и счастье для рабочих и крестьян... А другое дело, убить просто так невинную девчонку, виновную лишь в том что влюбилась в своего классового врага.

Он чувствовал что его сущность восстаёт против этого, мешая принять твёрдое решение и колебался.

Но если оставить Катю в живых то придётся найти способ отвести от неё подозрения параноиков из "органов". А как это сделать он не знал, ведь всё будет указывать на девушку. Не знал пока не услышал про этого следователя Круглова... Вот кто будет жертвенной овечкой, осенило его. Катя рассказала про него всё что знала, после того как он разыграл лёгкую сцену ревности, как бы в шутку обвинив её в том что та крутит с ним роман на рабочем месте. Очень довольная тем что он её ревнует, Катя страстно доказала ему что Алексей был, есть и будет единственным мужчиной кому она досталась. И оказалось что у этого Круглова есть одна слабость на которой он мог сыграть. Да, в некотором роде, это было грязно, недостойно дворянина... За такое, до революции, его не только бы лишили дворянства но и вполне могли засадить в крепость или вызвать на дуэль. Вот только где все эти чистоплюи, боящиеся замарать свои холёные ручки в крови и дерьме? Лежат в могилах по всей России или мыкаются на чужбине, горько сетуя на свою долю. Тогда, в 1917 году, надо было проявить силу воли, твёрдость духа, даже жестокость и утопить в крови всех этих взбунтовавшихся мужиков, эсэров и большевиков, особенно Ленина и его свору! И тогда бы сейчас всё было бы по-старому, мир и покой... Были бы живы мама, Тихон и его Машенька.

Сжав челюсти от нахлынувшего приступа ярости Алексей с трудом успокоился. Увы, уже ничего не вернёшь, поезд ушёл... Также как ушли большинство царских генералов, которые, пусть и поздно, попытались вернуть взбесившуюся страну на прежнюю колею. Остался только он, Алексей, потомственный дворянин и беспощадный мститель за свою родню, безвозвратно разрушенное детство и погибшую Российскую империю, за величие которой проливали кровь миллионы русских солдат. Но если "красные" думают что победили всех врагов и могут почивать на лаврах... Что ж, он с радостью докажет им как они ошибаются!

Алексей окончательно решил: Катю он убивать не будет. И, несмотря на недовольно бурчавший о риске провала мозг, чувствовал что ему стало легче. План всё чётче вырисовывался у него в голове, словно кирпичики превращались в кладку. Конечно, предстояла ещё подготовка, но время было, целая неделя. Главное, чтобы Катя смогла

уговорить самого Сашу-Краузе и его начальство, ведь если это не получится то всё сорвётся. Вторая попытка у него вряд ли будет.

Закурив папиросу, он встал и посмотрел в окно. Прямо перед ним росло дерево и было почти ничего не видно, к тому же темнота. Но Алексей мыслями был уже там, завтра... Прежде всего следовало проследить за этим Кругловым. Катя, конечно, описала его внешность но этого мало. Потом узнать его привычки, где живёт... В общем, составить своё собственное впечатление о человеке, с которым ему скоро предстоит работать. Насчёт этого Круглова сомнений и жалости у него не было. Настоящий враг, после ликвидации которого на земле точно станет чище. Правда, был один нюанс насчёт его смерти... А вот чтобы всё вышло как надо, Алексею и придётся как следует поработать!

Удовлетворённо выдохнув, он выбросил папиросу и улёгся в постель. Завтра начинается активная работа и Алексей почувствовал предвкушение. Просто жить и ничего не делать против врагов, окружавших со всех сторон, было трудно. Зато если его план осуществится, "красные" получат такой пинок под зад что забегают как угорелые. Улыбнувшись, он закрыл глаза, чувствуя как мстительный зверь внутри него довольно заворчал, терпеливо дожидаясь подходящего момента.

Москва. Кремль.
29 апреля 1940 года.
Лаврентий Берия.

— Проходите, товарищи! — спокойный голос Сталина встретил группу людей, которые осторожно вошли в кабинет Вождя. Берия, уже сидевший там с самого утра, посмотрел на них и слегка усмехнулся. Сегодня, в некотором роде, исторический день для страны, особенно для её армии, и ему придётся, под руководством "Кобы", провести несколько таких знаменательных встреч.

Первыми посетителями главного кабинета СССР стали:
Нарком авиационной промышленности Шахурин Алексей Иванович.
Лавочкин Семён Алексеевич.
Горбунов Владимир Петрович.
Яковлев Александр Сергеевич.
Поликарпов Николай Николаевич.
Григорович Дмитрий Павлович.
Туполев Андрей Николаевич.
Петляков Владимир Михайлович.
Сухой Павел Осипович.
Люлька Архип Михайлович.
Ильюшин Сергей Владимирович.
Микоян Артём Иванович.

Гости расселись за длинным столом и молча стали переглядываться между собой, одновременно поглядывая на Сталина и на него, Берию. Некоторое время в кабинете царил тишина. Сталин раскуривал знаменитую трубку а он перебирал бумаги в своей толстой папке. За её содержимое иностранные шпионы и разведчики отдали бы всё что могли, зная об этом. Сегодня утром её доставил Лаврентию особый спецкурьер с охраной и с тех пор папка была постоянно при Берии.

Пыхнув дымом, Вождь начал медленно, по своему обыкновению, прохаживаться по кабинету, разглядывая прищуренными глазами посетителей.

— Я попросил вас собраться сегодня здесь, у меня, по одной простой причине! — наконец, заговорил Иосиф Виссарионович. — Вы все являетесь самыми выдающимися конструкторами нашего советского воздушного щита. Ваши истребители, штурмовики, бомбардировщики уже совсем скоро начнут защищать нашу с вами Родину. И именно от вас зависит смогут ли они выполнить эту непростую задачу.

Конструкторы, директора КБ и авиазаводов, внимательно слушавшие Сталина, переглянулись. Видимо, понимание ответственности упавшей на их плечи после слов Вождя, проняло их и заставило мысленно собраться. Берия знал что выполнение того что хотел от них "Коба" не будет таким лёгким делом. Многие из этих людей конфликтовали друг против друга, подсиживали, пытаясь протолкнуть в войска именно свою машину, при этом всячески обливая грязью конкурентов. Естественно, это авиационное интриганство не шло на пользу дела и командование ВВС не раз обращало на это внимание самого Сталина. Что ж, теперь

они получают втык от Самого... Так сказать, последнее предупреждение. Если же и это не поможет, то придётся ему, Берии, принимать жёсткие меры в отношении них.

— Я знаю, что вместо того чтобы совместно работать на общее дело и поднимать обороноспособность страны вы, товарищи, всячески собачитесь между собой, некоторые даже пишут доносы чтобы опорочить своего коллегу перед соответствующими органами. И иногда это у них даже получается... — грозно сказал Иосиф Виссарионович, обведя взглядом всех присутствующих.

— Некоторые из тех что сидят здесь, на себе ощутили что такое ложный донос... Я говорю о товарищах Петлякове, Туполеве, Григоровиче, Поликарпове. К сожалению, из-за ошибки следователей, не разобравшихся в деле, эти товарищи были осуждены и провели в местах заключения много месяцев и даже лет. От лица нашего государства я хочу попросить у вас прощения! — неожиданно закончил Сталин, отчего Берия изумлённо вскинул брови.

Этого не было по плану, видимо, Вождь решил сымпровизировать. Уже два дня назад, по прямому распоряжению Сталина, Лаврентий отдал приказ органам НКВД начать массово освобождать из лагерей и мест заключения сотни авиационных специалистов, из тех кто сумел выжить и не был расстрелян. Директора заводов, конструкторы, специалисты по двигателям... Все они свозились в Москву и, после недолгих формальностей, отпускались к семьям. В начале мая планировалось собрать отдельно тех кто занимался истребителями, штурмовиками, бомбардировщиками и поселить их в специальных местах с круглосуточной охраной, вместе с семьями. Нет, они могли выходить с охраняемой территории и прогуливаться по городу, но только вместе с охраной. Конечно, следить за сотнями человек одновременно было довольно трудно, пришлось для этого откомандировать в Москву множество сотрудников из других городов. А ведь тоже самое уже совсем скоро должно было произойти со специалистами в бронетанковой техники и артиллерии... Представив сколько людей потребуется для того чтобы обеспечить такую охрану, Лаврентий слегка поёжился. Пожалуй, нужно попросить у "Кобы" разрешение собрать всю эту толпу в одном месте и запретить выходить по одному. Тогда количество охраны можно сократить. Лучше всего было бы вообще снять охрану, раз уж их освободили но Сталин опасался того что немцы, пользуясь информацией нациста из будущего, попробуют устранить нужных ВВС людей чтобы приобрести дополнительные козыри, одновременно вырвав их у СССР. Эта мысль была логичной и Берия был намерен отнестись к охране авиаспециалистов со всей серьёзностью.

Ответом на неожиданную фразу Вождя стали ошарашенные взгляды присутствующих. Чтобы Сталин просил прощения? Может, им это послышалось? Но через несколько секунд они пришли в себя и тихо забормотали:

— Товарищ Сталин, да мы понимаем..

— Иосиф Виссарионович, никто тут не обижается на вас, правда ведь?

Все истово закивали, одновременно соглашаясь с тем что произошла ошибка, с кем не бывает?

— Очень хорошо, товарищи! — улыбнулся Сталин, весело блеснув прищуренными глазами. — Тогда продолжим. Позавчера многих ваших друзей и коллег, несправедливо обвинённых и осужденных, начали выпускать на свободу. После того как они встретятся с семьями и немного отдохнут, вы совместно приступите к своей работе.

Сталин прервался, наблюдая как на лицах большинства людей появляются робкие, пока ещё, улыбки. Да, теперь чтобы оправдать доверие Вождя, они станут землю носом рыть,

незаметно усмехнулся Берия. Поймав взгляд "Кобы", он встал и обратился к ним:

— Иосиф Виссарионович надеется что вы оправдаете его доверие и не подведёте наш народ и партию. После того что вы здесь узнаете, вам придётся подписать подписку о неразглашении. Это значит что никто, даже жена или родители, не должны знать ничего о вашей работе. Это не недоверие к вам, товарищи, а ради вашей же безопасности. Есть сведения что вражеские разведки готовят против вас разные акции, от похищения до убийства, чтобы подорвать нашу обороноспособность. Они не погнушаются даже захватить ваших близких, чтобы шантажом заставить вас раскрыть совершенно секретные сведения. Именно поэтому, вместе с семьями, вы станете жить на особо охраняемой территории. И работать там же. Конечно, вы сможете выходить наружу, но только вместе с моими сотрудниками. Прошу отнестись к этому разговору серьёзно, товарищи! Думаю, никто не хочет чтобы с вами или вашими семьями что-то случилось, верно? — спросил он.

Все закивали гораздо энергичнее. И неудивительно, одно дело бояться за себя, а другое за своих близких. Берия сел на место и Сталин продолжил:

— А теперь, товарищи, приступим к тому ради чего вы здесь находитесь. Откройте папки, которые находятся перед вами и начинайте изучать их. Все вопросы сможете задать только после того как изучите все документы. Начинайте!

Присутствующие дружно раскрыли папки и зашелестели страницами. Буквально тут же Берия увидел как у большинства сделались удивлённые лица, а некоторые не удержались от тихих восклицаний. Лаврентий отлично знал почему была такая реакция. Ведь каждый из них сейчас смотрел и читал свои же будущие идеи, которые должны были прийти к ним в голову через месяцы и годы но, благодаря Александру, это случилось намного раньше. Конечно, там была не вся информация, в основном, наброски рисунков, размеры корпуса и требования к высоте, скорости и других авиационных премудростей. Выжать из Саши удалось не слишком много, к сожалению, тот не особо интересовался самолётами, поэтому работе конструкторов хоть и был дан толчок, но не такой как хотелось бы. Что ж, хотя бы направление им указали, а дальше всё сами, своим умом.

Через полчаса, когда изобретатели и создатели будущего воздушного щита СССР ознакомились с предоставленными им документами, они начали закрывать их и круглыми глазами смотреть друг на друга. Берия, отошедший на это время к "Кобе" и тихо разговаривающий с ним о других делах, заметил что присутствующие закончили изучение бумаг и подошёл к их столу.

— Товарищи, вы все внимательно прочитали содержание этих папок? — спросил он, оглядывая их своим взором, скрытым пенсне. Все дружно закивали, а Яковлев, промокнув платком лоб, хрипло спросил:

— Лаврентий Павлович, можно вопрос?

Берия кивнул, уже зная что тот захочет спросить и угадал.

— Откуда это?! — чуть не вскрикнул донельзя ошеломлённый авиаконструктор и, по совместительству, заместитель наркома авиационной промышленности по новой технике. — Я же курирую это направление и просто обязан знать про вот это вот всё!.. — он хлопнул ладонью по своей папке. — Но я не то что не знал, даже не подозревал про эти самолёты! Кто их придумал и сконструировал, Лаврентий Павлович?

— Успокойтесь, пожалуйста, Александр Сергеевич! — попытался его усадить Шахурин. — Если вам будет легче, скажу что я тоже не знал об этом.

Временно потерявший дар речи Яковлев сел, продолжая смотреть на всех изучающим

взглядом, словно пытаясь понять кто сыграл с ними такую шутку. Берия, дождавшись едва заметного кивка Сталина, заговорил:

— Товарищи... На вопрос Александра Сергеевича полностью я ответить не могу. Скажу только что часть этих сведений добыта нашей разведкой а другая часть придумана одним изобретателем, которого никто из вас не знает, поскольку он всячески сторонился известности и работал в одиночку. Совсем недавно он умер и перед смертью просил передать свои наработки вам, своим коллегам, утверждая что вы сможете разобраться в его бумагах и довести эти чертежи до реальных прототипов. По его словам все эти самолёты будут опережать разработки капиталистических стран на несколько лет вперёд. Наверное, вы заметили что некоторые модели походят внешним видом на те которые вы проектируете сами? — спросил Берия своих слушателей.

Некоторые кивнули, с предельным вниманием слушая его.

— Так вот, это потому что он очень внимательно изучал ваши наброски и пытался помочь вашим КБ вырваться вперёд всего мира. Но, увы... смерть не пощадила его.

Конечно, Лаврентий понимал что эта версия худо слеплена и не факт что ей поверят, но его это мало заботило. Всё равно никто не посмеет выпрашивать подробности.

— Я могу сделать пояснения для вас всех, товарищи. Начнём с Александра Сергеевича. Как вы видите, на рисунке изображён самолёт поразительно похожий на "Як-1". На самом деле в нём есть и отличия, которые вы, Александр Сергеевич, должны воплотить в жизнь. А именно: уменьшены крылья и хвостовое оперение, увеличена мощность двигателя, улучшен обзор из кабины пилота а также усилена броня, топливные баки защищены протектором и заполнены нейтральным газом. Вооружение, как вы видите, состоит из 20-мм пушки в развале цилиндров и двух крупнокалиберных пулемётов. Особо хочу подчеркнуть пожелание умершего изобретателя — крылья и весь корпус самолёта должны быть цельнометаллическими. Никакого дерева и полотна! Этот самолёт будет называться "Як-3". Вам пока всё понятно, Александр Сергеевич? — выразительно спросил Берия.

Хмурый Яковлев кивнул. Было видно что у него возникли тысячи вопросов, но он понимал что сейчас не время и не место их задавать, особенно при конкурентах.

— Хорошо. Тогда продолжим. Будущий "Як-3" станет на время одним из наших основных истребителей завоевания господства в воздухе над полем боя. Также вам рекомендовано подумать о замене двух пулемётов на две пушки, чтобы усилить огневую мощь, и увеличения количества топливных баков для сопровождения бомбардировщиков вглубь территории противника. Всё необходимое для постройки этой машины, дюралюминий, приборы, вооружение будет поставляться в приоритетном порядке.

Внимательно выслушавший Берию, Яковлев снова раскрыл папку и углубился в изучение чертежей и рисунков, а Лаврентий перешёл к следующему.

— Теперь вы, Семён Алексеевич! — обратился он к Лавочкину, который попытался встать но, повинуясь взмаху его руки, снова сел. — Я знаю что ваша машина, под обозначением "И-301", утверждена для участия в первомайском параде. Конечно, это большая честь но и большая ответственность. Верно я говорю, Семён Алексеевич?

— Так точно, Лаврентий Павлович! — снова попытался встать авиаконструктор.

— Хорошо. Значит, вы знаете не только достоинства но и недостатки своего детища? — снова спросил Берия.

Тот покраснел и попытался оправдаться:

— Так у кого их нет, Лаврентий Павлович? Машина-то новая, "детские болезни".. Дайте

время, всё до ума доведём!

— Вы думаете, враги дадут нам время чтобы улучшить наши самолёты для борьбы с ними? — насмешливо прищурился Берия. Он вспомнил как назвал Саша эту модель Лавочкина: Лакированный Авиационный Гарантированный Гроб 3. И был намерен сделать всё чтобы лётчики, которым придётся летать на изделиях Семёна Алексеевича, не имели оснований для такого выражения.

Не дожидаясь ответа, Лаврентий продолжил:

— Этот самолёт в серию не пойдёт и ВВС его не примет! Конечно, живучесть вашей дельта-древесины и мощное вооружение внушает интерес, но недостатков у машины тоже немало.

— Но как же?.. — ошарашенно спросил Лавочкин, растерянно глядя на него. — Ведь он прошёл испытания, всё согласовано!

— А в серию пойдёт другой ваш самолёт! — вернул ему настроение Берия. — Он находится у вас в папке на пятой странице, соответственно, называться будет... ну пусть, "Ла-5". Естественно, это не означает того что на этом вы успокоитесь и станете почивать на лаврах. Даже пошедшая в серию машина должна непрерывно улучшаться, прогресс не стоит на месте и "Ла-5" скоро может превратиться, например, в "Ла-9".. Наверное, уже прочитали в папке какие должны быть к нему требования по вооружению, скорости и всему остальному? Только хочу напомнить, товарищи, ВСЕ фюзеляжи наших истребителей должны быть цельнометаллическими! А также в обязательном порядке оснащены радиосвязью! Это не обсуждается! — стальным голосом заявил Берия и оглядел всех суровым взглядом. — Имейте в виду, если это условие не будет выполнено, ваша машина вряд ли сможет быть принята на вооружение. Несмотря на дефицитные материалы, наша промышленность обеспечит вас всем необходимым. Ваша же работа — создать на практике то что вы видите.

— А какие сроки вы нам дадите? — снова подал голос неугомонный Яковлев, не заметив укоризненного взгляда Вождя.

— Через полгода вы все должны будете представить комиссии свой первый работающий образец. А к новому году и серийную машину для армии! — ответил Берия. — Я понимаю, что сроки поджимают но вы сами видите что сейчас творится в Европе... Никто не станет ждать пока мы все раскачаемся и, не торопясь, дадим результат.

Кинув взгляд на Сталина, тихо сидевшего за своим столом, он поймал его одобрителный взгляд и продолжил:

— Николай Николаевич! — обратился Лаврентий к Поликарпову, который приосанился, услышав что обращаются к нему. — Ваша главная и единственная задача, это — "И-185". Полностью сосредоточьтесь на нём. Но не забывайте, все условия для выпуска истребителей, которые я озвучил, касаются и вас.

Тот кивнул и мрачно вздохнул. Берия понимал его, впрочем, как и других. Им придётся переделывать свои машины, убирать дерево, заменяя его дюралюминием или металлом и добавляя в конструкцию самолёта радиостанцию. Да, это сдвинет сроки сборки но эти нововведения были жизненно необходимы для лётчика в бою.

Закончив с Поликарповым, Лаврентий обратил своё внимание на Микояна.

— Артём Иванович! Рекомендую всемерно форсировать свои работы по самолёту "МиГ-1", но с серьёзными изменениями, которые находятся в вашей папке. Те задачи которые там указаны... вы должны выполнить их точно и в срок. Когда вы это сделаете то

ваша машина получит другое наименование и индекс. Если успеете всё сделать не поступившись качеством то, возможно, именно ваш самолёт поступит на вооружение наших ВВС... — дал ему стимул Берия.

— И последнее, товарищи истребители! — обратился он ко всем кто занимался разработкой и производством воздушных охотников. — Каждый из вас должен, не отрываясь от главной задачи, продумать вариант истребителя дальнего действия, возможно, на новом реактивном двигателе, который сможет сопровождать наши бомбардировщики во вражеском тылу. Уверен, многие пилоты скажут вам спасибо за это! А теперь вы можете идти! — отпустил он их. — Останутся только те кто занимаются штурмовиками и бомбардировщиками.

Послышался шум отодвигаемых стульев и часть людей, крепко прижав к себе драгоценные папки, быстро вышла из кабинета, попрощавшись со Сталиным и Берией. Остались Шахурин, Туполев, Сухой, Петляков, Ильюшин и Люлька.

— Теперь что касается вас, товарищи бомбардировщики! — улыбнулся Берия, снова дождавшись подтверждающего кивка от Вождя. — Задача, которая перед вами стоит, разделена на две части. Первая: создать фронтовой, армейский бомбардировщик, который станет бомбить прифронтовую полосу и ближние тылы врага. Он должен отвечать нескольким параметрам, как и указано в ваших папках: иметь высокую скорость чтобы истребителям было нелегко его догнать, бронезащиту, от двух до четырёх мощных и надёжных моторов с протектированными баками, бомбовую нагрузку не менее тонны, корпус полностью металлический, все оборонительные точки защиты от истребителей должны быть оснащены только крупнокалиберными пулемётами не менее 12,7 мм. Пулемёты винтовочного калибра не подойдут! И ещё... эти пулемёты будут установлены так чтобы не осталось "мёртвых" зон для истребителей. Спереди, сзади, снизу, сверху, с боков... Везде атаку врага должен отбивать стрелок! — категорично закончил Лаврентий.

Он вспомнил о конструкции американских бомбардировщиков "Б-17" и "Б-29", рассказанные Александром, о трудностях с которыми сталкивались немецкие и японские истребители, пытающиеся сбить их... И решение хоть немного увеличить шансы советских пилотов выжить было логичным. В папке Туполева лежали рисунки "Ту-2", одного из лучших ближних бомбардировщиков будущей войны, а также наброски и скудная информация о "Ту-8".

— Вторая часть задачи: создать тяжёлый, дальний бомбардировщик, способный достать не только западную часть Германии но и северную Британию, особенно, военно-морскую базу Скапа-Флоу. Эта машина также должна быть оснащена пулемётами со всех сторон, хорошей бронезащитой, скоростью и, минимум, четырьмя двигателями. Причём, самолёт должен лететь даже при потере половины этих двигателей. Бомбовая нагрузка — не менее двух тонн. Радиостанции, само собой. Товарищ Петляков, это в большей степени касается вас, точнее, вашей машины "ТБ-7". Кстати, поступило предложение переименовать этот самолёт в вашу честь — "Пе-8".. Как вы на это смотрите, Владимир Михайлович? — спросил Берия удивлённого конструктора.

Тот в волнении ослабил узел галстука, слабо улыбнулся и нерешительно кивнул.

— Вот и хорошо! Да, ещё хотел бы добавить, Владимир Михайлович, ваш пикирующий бомбардировщик "100" также переименовывается в "Пе-2" и, с учётом тех изменений которые указаны в вашей папке, скорее всего, будет принят на вооружение ВВС! — снова обрадовал его Лаврентий. — Также есть предложение переоборудовать некоторые "двойки"

в самолёты-разведчики!

Петляков открыл рот, хотел что-то сказать но передумал и снова кивнул. Что и говорить, сегодня у него радостный день. Самого освободили, и дали путёвку в жизнь двум его детищам. Это ли не радость для любого авиаконструктора?

— А вы, товарищ Сухой, должны всячески помогать своим коллегам чтобы ваши проекты как можно скорее обрели плоть и кровь! — вспомнил Берия и о нём.

— Конечно, Лаврентий Павлович, можете быть во мне уверены, я не подведу! — заверил его ещё один изобретатель-конструктор.

— Товарищ Ильюшин, если вы думаете что мы про вас забыли, то зря! — шутливо сказал Берия, заметив как тот украдкой зевнул.

— Что вы, Лаврентий Павлович, и в мыслях не было! — заверил его улыбнувшийся Сергей Владимирович. — Просто ночью мало спал, вот и... — махнул он рукой.

— Понимаю. Знакомое ощущение... Но вернёмся к делам. Итак, вы у нас, можно сказать, единственный человек, на плечи которого мы смогли бы возложить ответственность за создание и ввод в строй бронированного штурмовика, настоящего летающего танка! — сжал кулак Берия и энергично потряс им в воздухе.

Сергей Владимирович был весь во внимании, чувствуя что от этого разговора будет зависеть как судьба его самого так и судьба самолёта, который полгода назад совершил свой первый полёт, под заводским обозначением "ЦКБ-55".

— Я смотрю, вы прочитали всё что написано в вашей папке? — спросил Лаврентий. — Не отвечайте, это риторический вопрос. Так вот, всё же напомним и настаиваю чтобы вы учли все эти нюансы, от которых, в значительной степени, будет зависеть не только выживаемость наших пилотов но и выполнение поставленной перед ними задачи!

Снова посмотрев на Сталина, он увидел как Вождь, удобно развалившись на стуле, смотрит на него, иногда пуская дым из своей знаменитой трубки. Запах "Герцеговины Флор" пополз по кабинету.

— Так как ваш штурмовик будет предназначен, в первую очередь, для работы по земле, то и броня у него должна быть соответствующая. Особенно снизу и с боков корпуса. Защита бронеотсека должна составлять не 4 мм, как сейчас, а не менее 8-10 мм! Сам бронеотсек включает в себе кабину пилота, место для кормового стрелка с крупнокалиберным пулемётом и двигатель с бензобаками. Да, вы не ослышались, самолёт должен быть двухместным, Сергей Владимирович! И полностью металлическим, даже крылья! Радиостанция даже не обсуждается! — подтвердил Берия, заметив как конструктор удивлённо вскинул брови.

— Так как машина станет действовать у земли то наибольшая опасность от истребителей будет сверху, поэтому обязательно нужен стрелок. Бронестекло, защищающее экипаж, должно быть не менее 65 мм толщиной. Баки, несмотря на то что они будут в бронекофоне, тоже должны быть протектированы. Знаю, что увеличится вес и снизится скорость, но на это есть решение... Товарищ Люлька и его коллеги создадут для этого новый двигатель, верно? — посмотрел на него Берия.

Практически весь разговор с истребителями и бомбардировщиками Люлька, видимо, прослушал в пол уха, с головой погружившись в изучение содержимого своей папки. Вздрогнув, он посмотрел на них слегка отсутствующим взглядом и рассеянно кивнул, снова уткнувшись в бумаги.

— Хорошо! В завершение, Сергей Владимирович, хочу сказать что мы прекрасно

понимаем ваши трудности. Предстоит основательная переделка центроплана и его аэродинамических качеств так как показано на рисунке в вашей папке. К тому же, внедрение нового двигателя и кабины стрелка тоже займёт время. Мы вас не торопим, товарищ Ильюшин, но к концу года вы обязаны предоставить нам первые результаты. И если вы сможете воплотить в жизнь то что сегодня прочитали и услышали, то наши лётчики получат мощный, бронированный штурмовик, способный даже сражаться с истребителями! — торжественно закончил Берия, глядя на авиаконструктора, который мысленно, похоже, уже начал что-то прикидывать и изменять.

— А как же мы будем называть эту новую машину? — внезапно очнулся он, вынырнув из своих расчётов.

— Так как сейчас ваш штурмовик неофициально называют "Ил-2", то новую модель, которую вы создадите, станем именовать... давайте, например, "Ил-6"! — сказал Берия, умолчав о том что, по словам Александра, эта машина в будущем называлась "Ил-10".

— Я согласен, Лаврентий Павлович! — буквально засветился от радости Ильюшин, крепко сжимая в руках драгоценную папку, в которой он увидел кучу соблазнительных идей. — Уже сегодня я немедленно начну работы по переделке самолёта и обещаю что к концу года, а возможно и раньше, смогу представить вам первый рабочий экземпляр. Конечно, если мне дадут всё что необходимо для работы! — оговорился он.

— Не беспокойтесь, Сергей Владимирович, мы об этом позаботимся! — заверил его Берия, дружелюбно улыбаясь. — От персонала до дефицитных материалов, всё что нужно вам предоставят!

— Спасибо вам, Лаврентий Павлович! — сердечно поблагодарил его Ильюшин и, пожав руку Лаврентию, попрощавшись со Сталиным, вышел из кабинета, держа двумя руками папку, словно боясь что её у него отберут. Вместе с ним вышли и авиаконструкторы-бомбардировщики, также со своими папками.

В кабинете из гостей остались только специалист по авиадвигателям Люлька и сам нарком Шахурин, который молчал но с интересом слушал беседы Берии с его подчинёнными.

— Ну что, Архип Михайлович, вот и до вас очередь дошла! — подошёл к нему Лаврентий.

Тот, наконец, закрыл папку и со всем вниманием посмотрел на него.

— Я вас внимательно слушаю, Лаврентий Павлович! — сказал он сложил руки на столе в замок.

— Товарищ Люлька, я знаю что вы сейчас работаете над двухконтурным реактивным двигателем. Бесспорно, это очень важное направление, но... я вас убедительно прошу помочь нашим авиаконструкторам с созданием новых поршневых двигателей для их машин! — со значением сказал Берия, выразительно глядя ему в глаза.

Тот вздохнул. Лаврентий прекрасно понимал что Люлька, работая над своим проектом, явно не хочет отвлекаться от него. Но Берия был намерен сделать всё чтобы он не смог самоустраниться от проблем других. На кону стояло слишком многое чтобы идти на поводу у самолюбивых учёных, всецело поглощённых только своей темой.

— Но, товарищ Берия... У меня совсем нет времени заниматься этим... Конечно, то что написано в моей папке представляет определённый интерес для меня, но в отношении других... Тут же только общие слова про новые двигатели для истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков! Никакой конкретики! — волнуясь, ответил Люлька. — Мне интересно,

кто писал всё это? Определённо, он явно не специалист по двигателям!

— Кто писал я вам всем уже объяснил! — похолодевшим голосом сказал Берия. — Если вы это прослушали... В таком случае, это ваша вина. Впрочем, я не настаиваю на вашем личном участии! — обрадовал его Лаврентий. — Можете найти среди своих коллег по авиадвигателям тех кто станет заниматься этими вопросами.

— Конечно, Лаврентий Павлович! — довольным голосом заверил его Люлька. — Я обязательно найду их. У меня есть на примете множество людей, которые, я уверен, справятся с этой задачей и смогут разработать поршневые двигатели для новых машин.

— Вот только... — усмехнулся Берия. — Отвечать за их действия, успехи и неудачи, будете именно вы, Архип Михайлович!

Тот растерянно застыл, осознав какую ответственность на него только что возложили. Скорее всего, он хотел просто спихнуть на других неинтересную ему тему и снова заняться своей работой, но не получилось. Теперь, волей-неволей, ему придётся контролировать и направлять работу своих товарищей, специалистов по двигателям и быть крайним, если у тех будет что-то не получаться. А всё из-за того что, по мнению Саши, именно Люлька был одним из самых лучших специалистов по авиадвигателям. Прочитал об этом мельком в интернете и рассказал Берии. Лаврентий же, хоть и сомневался в этом, решил положиться на него, при этом, естественно, предусмотрев запасные варианты.

— Поздравляю вас с новым назначением главного специалиста по двигателям особого научного центра! — пожал ему руку Берия, с удовольствием наблюдая ошеломлённый вид гостя. Тот забормотал что всегда готов оправдать доверие партии и народа.

Проводив взглядом, на вид слегка пришибленного Люльку, вышедшего из кабинета, Лаврентий, наконец, сел за стол, налил себе из графина воды и полностью выпил. Сегодня он говорил много и в горле стало сухо. Теперь снова настал черёд Вождя. Тот отложил погасшую трубку и посмотрел на наркома Шахурин, который закрыл свою папку, лежащую перед ним. Та была намного толще чем у остальных и содержала всю информацию о новых истребителях "Як-3", "Як-9", "Ла-5" и "Ла-9", "МиГ-1", высотном истребителе ПВО "МиГ-3" "И-185". Также там была информация о штурмовике "Ил-2" и "Ил-10", бомбардировщиках "Ту-2", "Пе-2", "Пе-8". Именно эти машины, по задумке Сталина, должны были стать основой воздушного щита страны до тех пор пока их не сменят реактивные собратья. Таким образом Шахурин знал всю информацию о новинках и был обязан сделать всё чтобы помочь осуществить эту грандиозную идею.

— Алексей Иванович, я прошу вас всемерно содействовать товарищам авиаконструкторам в их нелёгком труде! — произнёс Сталин. — Помогать им словом и делом. А также не давать расплыться на другие проекты и собачиться друг с другом. Знаю, некоторые из них этим увлекаются... — хмыкнул Вождь. — Интригуют, доносы пишут... Не надо этого, Алексей Иванович! Пусть работают а не отвлекаются на всю эту суету.

— Я возьму этот вопрос на контроль, Иосиф Виссарионович! — кивнул головой Шахурин. — А также распоряджусь чтобы работа авиазаводов и КБ при них была перераспределена в соответствии с полученными сегодня указаниями. Ещё будут направлены ресурсы, имеющиеся в распоряжении наркомата, для выполнения поставленных задач. Но я прошу вас, товарищ Сталин, решить вопрос закупки дефицитных материалов с наркомфином Зверевым. Конечно, я и сам поговорю с Арсением Григорьевичем, но..

— Хорошо, Алексей Иванович, он получит нужные указания... — согласился Вождь, снова потянувшись к трубке. — Придётся, наверное, закупать за границей но на

безопасности глупо экономить, верно, Лаврентий?

— Так точно, товарищ Сталин! — подтвердил он, встав с места.

— Да ты сиди, сиди... — махнул тот рукой. — У вас есть ещё вопросы, Алексей Иванович?

Шахурин задумался и, помедлив, сказал:

— На данный момент нет, но если появятся те которые я не смогу решить сам, то обращусь к вам, товарищ Сталин.

— Что ж, тогда не буду вас задерживать, товарищ Шахурин.

Попрощавшись с ними, Алексей Иванович вышел и Лаврентий остался наедине с Вождём.

— Расскажи, Лаврентий, как там поживает наш перебежчик из будущего? — нарушил молчание Иосиф Виссарионович, не глядя на Берия. — Что ты планируешь с ним дальше делать?

— Александр Самсонов продолжает находиться в одном из наших подмосковных учебных лагерей осназа НКВД. По докладам начальника лагеря и других наблюдателей старается упорно повысить свои физические показатели, а также умение владеть оружием и техникой. Получается это у него пока не слишком... — улыбнулся Лаврентий, вспомнив некоторые меткие выражения из докладов. — По утреннему бегу почти всё время в числе последних, владение холодным и огнестрельным оружием тоже на уровне новобранца-красноармейца, Но... все наблюдатели отмечают что по сравнению с первым его днём когда он чуть не умер во время пробежки, прогресс есть. Очень маленький но, всё-таки, он заметен. Теперь Саша уже не лежит пластом после финиша а бодро ковыляет... — рассмеялся, не выдержав, Берия.

Сталин тоже усмехнулся в усы, видимо, представив незадачливого Александра, который, охая и держась за бока, медленно тащится в столовую на завтрак.

— Ещё все они докладывают что он, несмотря на свои неудачи, не сдаётся а пытается соответствовать нормативам и требованиям лагеря. Сила духа у него явно есть, только телу не хватает выносливости, что вполне естественно, ведь он раньше никогда не пытался быть осназовцем... Зато он делает успехи на лекциях, помогает разбирать финский конфликт и присоединение Прибалтики... — продолжал докладывать Лаврентий, вспоминая все подробности докладов. — К нему в лагерь откомандировали стенографистку, сержанта НКВД, которая ему нравится. Ради неё он уже умудрился подраться с одним из курсантов, из-за чего оба едва не угодили под несколько нарядов по лагерю. Кстати, у него появилось прозвище — Засоня! — снова улыбнулся Берия.

— Засоня? — хмыкнул Сталин, с интересом взглянув на него. — Почему Засоня?

— В первый день учёбы встал самым последним, поэтому дежурный по лагерю так его назвал. Теперь это его чуть ли не официальное прозвище... — рассмеялся Берия, но быстро умолк, видя что Вождь не поддержал его, оставшись задумчивым.

— Скажи-ка мне, Лаврентий, он точно теперь уверен что является твоим младшим командиром? Его хорошо в этом... убедили? — внезапно спросил Иосиф Виссарионович, остро взглянув на него.

— Так точно, товарищ Сталин, не замечено ни единой попытки рассказать кем он является на самом деле или же откровений о будущем! — доложил Берия, разом отбросив весёлость.

— Что ж, тогда ладно... Так что ты планируешь делать с ним дальше? — вернулся

Вождь к началу разговора.

— Я считаю что надо продолжать обучать его в лагере и держать под плотным наблюдением. Уверен, что он ещё нам пригодится! — ответил Лаврентий, внутренне напрягшись. — Даже после того как Александр рассказал нам подробности, думаю, пользы от него нам будет всё равно больше от живого чем от мёртвого. Все возможные попытки потенциальных врагов узнать от него информацию о проекте "Потомок" обречены на провал. Установка в его голове сработает если он попытается рассказать об этом, неважно, добровольно или под пытками.

— А ты уверен, Лаврентий, что он рассказал нам ВСЁ? — спросил Сталин, продолжая смотреть на него прищуренным взглядом. — Возможно, кое-что он утаил?

— Конечно, товарищ Сталин, я абсолютно уверен что он рассказал нам НЕ всё... — позволил себе скупую улыбку Берия. — Насчёт будущих военных событий и техники, думаю, был почти правдив, но вот что касается нашей политики и некоторых личностей... Вот здесь всё не так очевидно.

Сталин одобрительно кивнул, отдавая должное проницательности своего наркома.

— Продолжай.

— По словам нашего сотрудника, который гипнотизировал его, при допросе человека в таком состоянии есть разные нюансы. В частности, нужно задавать правильные вопросы, прямые и без всяких двойных смыслов. Но так как мы не знаем что спрашивать то и получить правдивые ответы можем не всегда. К тому же, допрашиваемый мог элементарно забыть ту информацию, которую мы спрашиваем. Например, если попросить его зачитать список предателей то он может назвать пару-тройку фамилий, тех кого помнит. Но если прямо спрашивать другие фамилии, виновен ли этот человек, то его память может как бы получить толчок и подтвердить или опровергнуть его вину. Но мы просто не знаем про кого ещё спрашивать! Человеческий мозг очень сложная штука, Иосиф Виссарионович, поэтому вполне может быть что мы знаем не всё что хотели бы... — признал Берия, пытаясь оправдаться за свою гипотетическую вину.

В кабинете снова повисло молчание. Вождь глубоко задумался а Берия не решался потревожить его. Наконец, Сталин шевельнулся и поудобнее устроился на стуле:

— Ладно, оставим пока этого Александра... Возможно, он и правда ещё как-то пригодится. Ты мне вот что скажи, Лаврентий, ты на завтра и послезавтра всё подготовил?

— Так точно, товарищ Сталин, все нужные люди оповещены и морально настроены к завтрашней встрече. Сейчас готовятся и приводят себя в порядок! — доложил Берия.

— Хорошо! — кивнул Вождь, в который раз занявшись своей трубкой. Он начал забивать в неё табак, не торопясь и со знанием дела.

Раскурив её, Иосиф Виссарионович пыхнул дымом и спросил:

— А как там идёт дело с нашей особой группой?

Берия понял о чём его спрашивали. Речь шла о группе ликвидаторов, которая должна была заняться главным виновником сокрушительного провала советской разведки — эсэсовцем Гюнтером Шольке. Именно из-за этого поганца погибли и были схвачены десятки советских резидентов в рейхе и сочувствующих СССР, особенно, самый осведомлённый агент работающий в гестапо, информацию от которого было трудно переоценить. Наказать его стало для Лаврентия не только делом чести но и, в какой-мере, личным делом. Ведь не только его карьера но и сама жизнь повисла на волоске! Ещё немного и Вождь бы приказал его сместить или даже казнить за такое дело, хоть он и не был прямо виноват в этом. К

счастью, пока пронесло но Берия не намерен был больше подвергаться опасности из-за всезнающего немецкого ублюдка. Наказание за это только одно — смерть!

— Особая группа два дня назад из Мурманска отплыла морем в Швецию чтобы оттуда направиться в Германию. Такая легенда была разработана чтобы не позволить гестапо слишком быстро обратить на них внимание. Документы приготовлены, все участники группы хорошо говорят по-немецки, есть опыт работы за границей! — отрапортовал Лаврентий.

Он сам, лично готовил группу, подбирал для неё людей и был уверен что они, скорее, погибнут чем отступят от цели. Все они были сработаны друг с другом и на их счету уже были несколько выполненных заданий.

— Никто из них, не при каких обстоятельствах не должен будет попасть в руки гестапо живыми! Если не будет возможности для эвакуации, пусть принимают бой! — внушительно сказал Сталин, сверкнув глазами.

— Они все проинструктированы на этот счёт и прекрасно понимают риск, товарищ Сталин! — заверил его Лаврентий. — Более того, в группе есть мой сотрудник, имеющий приказ в безвыходном положении ликвидировать других членов группы и покончить с собой!

— А если он не сумеет этого сделать? Или не захочет? — спросил Вождь, продолжая буравить его взглядом. — Имей в виду, Лаврентий, ты лично, своей головой отвечаешь за то чтобы никто из них не заговорил на допросе!

— Не беспокойтесь, Иосиф Виссарионович, мой сотрудник знает что будет если он не выполнит приказ! — убедительно ответил Берия. Конечно, это непорядочно с точки зрения морали и даже грязно, но когда политика была благородным делом? На карту поставлено настолько много что судьба нескольких человек — ничто! Главное — результат! Так всегда было, есть и будет! Глупо поддаваться на сантименты, потому что враг обязательно воспользуется этим.

— Что ж, поверю тебе, Лаврентий... — снова пыхнул дымом Сталин и отложил свою трубку в сторону. — Я вот думаю, возможно, не стоило так сразу отпускать сотни всех этих специалистов в авиации и вооружении? Не поспешили ли мы?

— Думаю, нет, товарищ Сталин! — ответил Берия, порадовавшись что Вождь сменил неприятную ему тему. — Если Гитлер действительно нападёт на нас в следующем году, то больше ждать нельзя. Нужно срочно разрабатывать и внедрять в нашу армию новое вооружение, а без амнистированных это займёт намного больше времени чем у нас есть. Тем более, многие, судя по проверкам их дел, действительно оказались невиновны. Мой предшественник там такого наворотил... — покачал он головой. — К тому же они всё равно будут под нашим присмотром, просто в более мягком режиме.

Внезапно, словно осенённый какой-то мыслью, Иосиф Виссарионович медленно повернул к нему голову и спросил:

— Лаврентий, а ты спрашивал нашего перебежчика как именно этот Шольке сможет помочь фашистам выиграть войну? Я имею в виду, какие танки, самолёты, пушки он сможет внедрить в свой "Вермахт"? И можем ли мы как-то помешать этому?

— Только в самых общих чертах, мельком, товарищ Сталин! — вынужден был признаться Берия, кляня себя за такую оплошность. — Но я немедленно займусь этим вопросом!

— Плохо, что ты не подумал об этом раньше... — неодобрительно покачал головой

Вождь. — Как мы можем разрабатывать нашу новую технику если не знаем с чем она будет сражаться? Надеюсь, через пару дней ты сможешь доложить мне подробности?

— Так точно, товарищ Сталин! — вытянулся Берия по стойке "смирно". — Уже сегодня я прикажу чтобы Александру дали время для такого дела. Извините, Иосиф Виссарионович, замотался, не подумал об этом! — решил повиниться он на всякий случай.

Несколько мгновений тот смотрел на него не мигая, а потом добродушно усмехнулся:

— Ладно, Лаврентий, с кем не бывает? — и потом с намёком добавил: — Только ты уж не ошибайся слишком часто..

— Никак нет! Такого больше не повторится! — убеждённо ответил Берия, мысленно вздыхая с облегчением. Беседы с Вождем напоминали прогулку по минному полю, вроде внимательно смотришь под ноги но всё равно умудряешься едва не наступить на неприятные сюрпризы. После таких встреч иногда ему приходилось менять вспотевшие рубашки и расслабляться с помощью коньяка или вина. Да и женщина бы точно не помешала..

— Тогда иди, Лаврентий, не задерживаю... — проронил Сталин. — Уверен, у тебя ещё много дел. Не стоит откладывать их на потом, верно?

Выйдя из кабинета Сталина, он поймал вопросительный взгляд Поскребышева и молча пошёл к выходу из Кремля. К завтрашней встрече, по докладам, всё готово, поэтому можно немного порадовать себя, любимого. Сев в машину он велел заехать в управление, чтобы отдать несколько распоряжений, а вечером решил пораньше вернуться домой. Давно Лаврентий не уделял сыну времени и не говорил с ним по душам. Александр сказал что у него вырастет замечательный мальчик, станет великим специалистом... Что ж, можно отдохнуть от величия товарища Сталина и посвятить этот вечер семье. В конце концов, любовницы никуда не убегут а жена одна, законная и привычная.

— Поехали! — распорядился он и удобно откинулся на сиденье.

Подмосковье. Учебный лагерь осназа НКВД.

29 апреля 1940 года.

Александр Самсонов.

С трудом приходя в себя после очередной "пятёрки" Саша устало шёл к барраку-казарме. Сегодня пробежка далась ему гораздо тяжелее чем раньше. Чем было это вызвано он не знал, воскресным ли перерывом или тем что Александр полночи провёл в дороге, пытаясь уснуть в салоне немилосердно прыгающей на ухабах "эмки".. Результат один — он снова еле-еле добежал до конца.

Заправив постели и вымывшись, все группы позавтракали и разошлись на занятия. У одних лекции, у других физические занятия, у третьих ещё что-то... У его группы после приёма пищи по графику было вождение транспортных средств. За то время пока он здесь находился, ему пришлось учиться управлять мотоциклом, грузовиками "Газ" и "ЗиС". Саша тогда уныло оглядел скудную обстановку кабины и только вздохнул. Да... В будущем он привык ездить вместе с водителем в комфортабельных "Ивеко", "Ман" или "Камаз". За окном холод, грязь, дождь, а внутри мягкие сиденья, весёлая музыка "Дорожного радио" и тепло. А здесь? Советский минимализм в лучшем виде, грубо но надёжно... Хотя, это пока не факт.

Управлять всем этим автохозяйством оказалось не так сложно, хватило буквально пары уроков. На огромном пустыре в углу лагеря стоял большой ангар, в котором, каждый в своём боксе, стояли мотоциклы, грузовики и даже несколько легковушек советских, немецких и каких-то других иностранных марок. Также в этом ангаре нашлись лёгкие танки "Т-26", и серия "БТ". К ним их пока не подпускали, ограничиваясь машинами, но Александр не сомневался что скоро он прокатится и на этих раритетах. К его удивлению оказалось что ангар был заполнен, максимум, наполовину. Была ещё куча свободного пространства и, на его вопрос, получил ответ что эти места оставлены для иностранных образцов автомобильной и бронетанковой техники, которая со временем появится здесь.

От такого заявления брови Александра удивлённо поползли вверх. А не хило НКВД обучает своих диверсантов! Интересно, такая предусмотрительность в каждом учебном лагере или только им так повезло? В принципе, конечно, логично, каждый из них обязан уметь управлять зарубежной техникой, ведь кто знает с чем придётся столкнуться, выполняя задание за линией фронта? Там может и не быть времени чтобы научиться управлять, скажем, грузовиком "Опель-Блиц" или мотоциклом "R-12".

Заведя "ЗиС-5" или "Захар", он вырулил из ангара и повернул к полигону. Там была настоящая полоса препятствий: глубокие лужи, резкие повороты, подъёмы и спуски, грязь, песок... На его глазах, спускаясь на скорости, в прошлое занятие, курсант не вписался в поворот и лёг на бок. Сам отделался испугом, синяками и шишками а вот грузовик пришлось отправить в ремонтный бокс где несколько ремонтников, живущих рядом с ангаром, обещали через пару дней вернуть машину в строй.

Полигон был совсем рядом, буквально за углом огромного ангара. Сашу поразило что такие большие объекты уместились в площадь лагеря. Казалось бы, когда бежишь вокруг него утром, вроде и не слишком долго, ан нет, тут пусть и компактно, но всем места хватило.

И казарма, и полигон для техники, и учебные стрельбища, отдельный дом для командиров, столовая... В общем, всё что надо, влезло.

Добравшись до начала трассы, он остановился и вылез из грузовика. Вся его группа уже была здесь, ожидая инструктажа. Быстро встав в строй, Александр приготовился внимать инструктору, Фаддею Романовичу.

— Ну что, товарищи курсанты, вижу что собрались все... — кивнул сам себе головой преподаватель, окинув их взглядом. — Задача на сегодня другая, не такая как раньше. Надо будет не просто проехать полигон, а сделать это за определённое время. При этом не допустив того чтобы транспортное средство, именуемое грузовик, вышло из строя по вине ваших кривых рук и ног, которые, несомненно, у кого-нибудь из вас обязательно появятся!

Услышав вводную, Саша почувствовал как засосало под ложечкой от нехорошего предчувствия. Нет, он конечно, нашёл общий язык с "Захаркой", но в прошлые разы проходил полигон медленно, не торопясь, некоторые участки преодолевал на скорости не более 10–15 км/ч. А сейчас? Хорошо бы времени дали побольше но, зная изуверство Фаддея Романовича, на это надежда была слабая.

— Главное условие прохождения полигона — вы должны пройти его за 6 минут 30 секунд! — провозгласил инструктор, усмехнувшись в свои чапаевские усы.

Осознав условие, у Александра непроизвольно открылся рот. Вот это засада так засада! Со стороны ребят тоже послышались тихие и непечатные выражения. И неудивительно! Лучший результат прохождения дистанции на этом полигоне был у "Зайца" и составлял он 8 минут 2 секунды! А вот худшее время, принадлежавшее, естественно, "Засоне" было 10 минут 26 секунд.

— Видя ваши лица могу сказать — это возможно! — весело улыбнулся преподаватель, наслаждаясь их изумлением. — Но только при одном условии... Нигде не сбавлять скорость меньше чем до 20 км/ч!

Отлично! Просто, мать его, великолепно! Да как же её не сбавлять если там несколько глубоких луж, пара участков с песком, хаотично разбросанные крупные ветви деревьев и камни! И это не считая подъёмов и спусков, некоторые из которых заканчиваются крутыми поворотами! Если попробовать пройти их не снижая скорости то почти наверняка вылетишь с трассы и перевернёшься.

— Фаддей Романович, разрешите? — раздался голос "Филина".

— Слушаю, курсант? — с готовностью отозвался тот.

— За такое время мы не успеем пройти полигон. Это просто невозможно! — уверенно ответил их командир.

— Да что ты говоришь, курсант? — деланно удивился инструктор. — Прямо-таки и невозможно?

— Так точно, Фаддей Романович! — подтвердил "Филин", спокойно глядя ему в лицо. — Я сам долго крутил баранку, в том числе и на "ЗиС-5", поэтому и говорю. С учётом препятствий, эту дистанцию пройти за такое время невозможно.

Его слова глухими, неразборчивыми звуками поддержала вся группа, в том числе и Саша, который был абсолютно уверен что инструктор попросту издевается над ними, дав совершенно нереальный норматив.

— Я смотрю, все так думают? — прищурившись, спросил у них преподаватель, подойдя вплотную.

— Так точно!.. — вразнобой ответили члены группы.

Фаддей Романович на минуту задумался а потом заговорил:

— Знаете, курсанты, я хотел вас поощрить... порекомендовать Командиру сделать вам увольнительную в Москву, в честь праздника 1 мая... Тем, конечно, кто смог бы пройти полигон... Но вы сами всё похерили! — твёрдым голосом продолжил он. — Поэтому я решил изменить поощрение. Те, кто выполнит задачу... не побегут "пятёрку" после ужина! — закончил инструктор и зловеще усмехнулся.

"Вот же блядство! — мысленно взвыл Саша, поняв что им всем грозит. — Какая же он сука, этот Фаддей, мать его, Романович, чтоб он в толчок провалился, скотина!"

Угрюмое молчание ребят показало Александру что они полностью солидарны с ним в оценке их преподавателя. Лишать курсантов личного времени после ужина, неформально, считалось постыдным и инструкторы старались не пользоваться этим, наказывая парней другими способами. Фаддей Романович же, казалось, не видел в этом ничего плохого. Уже несколько раз, с тех пор как Саша сюда приехал, он видел как курсанты других групп, вместе или по одиночке, выполняли какие-нибудь задания после ужина и до самого отбоя, под наблюдением этого преподавателя. В основном, это была помощь механикам, когда те чинили технику, сломанную во время учений на полигоне. Видимо, то недоверие которое высказала группа "Филина", сильно задело самолюбивого инструктора и тот решил наказать их по особенному. Отменить же наказание мог только Командир лагеря, но такого, по словам ребят, не было ни разу за время обучения.

— Что носы повесили, товарищи курсанты? — развеселился Фаддей Романович. — Думаете, небось, что специально дал такое время чтобы вас завалить?

Он прошёлся перед строем несколько раз, а потом резко остановился и обернулся к ним.

— Глупые щенки! — разнёсся над территорией его громкий крик. — Считаете что это невозможно, да? И ты, Филин, тоже в этом уверен? Что ж, тогда я покажу вам, кутята, что если поднапрячься то возможно многое из того что невозможно! Глаза боятся а руки делают!

С этими словами он вручил свои часы удивлённому "Филину", буркнул чтобы тот засёк время и нырнул в машину, тут же заведя её. Все с некоторым злорадством смотрели на инструктора, мечтая увидеть как тот на своём примере поймёт что такое невозможно и с чем его есть.

Их командир дождался когда секундная стрелка дойдёт до двенадцати и резко взмахнул рукой. Фаддей Романович, неотрывно глядя на него, тут же дал газ и взревевший грузовик, брызнув из-под колёс землёй, рванулся вперёд.

Следующие несколько минут Александр, да и его сослуживцы, открыв рот, смотрели как инструктор проезжает дистанцию. Набрав скорость он, почти не притормаживая, проносился по лужам, вздымая вверх целые каскады грязной воды. Виртуозно объезжал крупные камни и ветки деревьев. А в повороты входил так что Саше показалось, будто пару раз машина ехала только на колёсах с одной стороны.

Остановившись перед ними, Фаддей Романович, весь мокрый и облепленный грязью, вышел из машины и подошёл к ошеломлённому "Филину".

— За сколько прошёл? — спросил он у командира группы.

Тот отдал часы и тихо ответил:

— За 6 минут 17 секунд, Фаддей Романович..

Инструктор досадливо скривился и, достав из кармана платок, начал вытирать своё

лицо.

— Старею, видимо... Раньше за 6 минут проходил... Ну что, убедились что это возможно? — обратился он к ним.

— Так точно! — гаркнули все.

"Филин" добавил:

— Если бы сам не видел то ни за что не поверил бы..

— Вот так-то, детишки... — удовлетворённо кивнул головой преподаватель и скомандовал: — А теперь давайте начинайте, хватит уже болтовнёй заниматься!

И началось... Первым решился "Филин". Он сразу развил большую скорость и прошёл больше половины дистанции прежде чем зацепил одну из веток. Грузовик подпрыгнул, вильнул, задел другую ветку и застыл, раскорячившись между ними. К счастью, мотор не заглох, командир быстро вырулил между ветками, прошёл "Чёртовы ворота" и благополучно закончил трассу. Остановившись перед ними, выпрыгнул из машины и выжидающе уставился на инструктора.

Тот цыкнул языком и сказал:

— Неплохо, но могло быть и лучше... 6 минут 57 секунд. Следующий!

Так, друг за другом полигон прошли все бойцы группы кроме Саша, которому выпало быть последним. "Боцман", "Хохол", "Заяц" и "Бомба" уложились в промежуток между 7 и 8 минутами, так как поневоле сбавляли скорость, опасаясь зацепить препятствия, объезжали лужи по краю чтобы не завязнуть в грязи и филигранно проходили в "Ворота".

"Лесник" не справился с управлением и умудрился передним колесом наехать на камень, отчего едва не вылетел из кабины, разбил лоб, нос и отправился в санчасть.

"Иваныч" аккуратно и медленно прошёл всю дистанцию, нигде не застряв, но финишировал почти на 10 минуте.

"Казах" невозмутимо тронул грузовик, набрал скорость... и застрял в первой же луже. После нескольких бесплодных попыток выбраться самостоятельно, он откинулся на сиденье и посмотрел на них, виновато разведя руки. Измазавшись в грязи, ребята вытащили машину и, беззлобно подшучивая над товарищем, вернулись на старт.

— Давай, Засоня, покажи класс! — сказал "Заяц", как обычно улыбаясь своей хитрой улыбкой.

— Да, только не усни за рулём! — поддержал его вечный спутник "Хохол", хлопнув Сашу по плечу.

Усмехнувшись, он залез в кабину и завёл мотор. Положив руки на руль, Александр смотрел на инструктора, который, подняв руку, неотрывно смотрел на свои часы.

— Пошёл! — крикнул он и рубанул рукой воздух.

Мгновенно нажав педаль, Саша постарался резко набрать максимальную скорость чтобы не терять ни единой секунды. Вот и первая лужа в которой увяз их степной товарищ... Чуть вильнув, он на скорости проехал по краю, там где вода едва доходила до осей. Первый поворот... Склон, подъём, резкий поворот на спуске... До отказа вывернув руль, Александр с трудом вписался в него, не снизив скорость. Снова небольшой холм... песочный участок! Мотор ревёт, толкая грузовик вперёд, машину слегка кидает из стороны в сторону... Уфф, прошёл! Теперь опять лужа, небольшая но глубокая, вода почти до радиатора. Вперёд, не снижать скорость! Куча брызг влетает в кабину через открытое пространство вместо лобового стекла и ему приходится трясти головой чтобы хоть немного увидеть куда ехать. С волос капает, обзор ухудшился но безжалостное время не даёт возможности вытереть лицо

руками, они обе нужны на руле и рычаге.

Начался участок с камнями и крупными ветками. То и дело выглядывая в окно, Саша старательно объезжал их. Поневоле пришлось снизить скорость, чтобы не повторить судьбу "Филина".. Отлично, пройдено! Теперь опять песок... Так, всё хорошо... Последняя лужа... Снова его окатило грязной водой. Отфыркиваясь, он опять до предела нажал на газ. По его подсчётам, Александр точно не будет последним на этот раз, что уже неплохо. Но надо попытаться сделать максимальный результат, а значит, педаль в пол!.. Последний холм! Теперь с него вниз и резко влево! Машина наклонилась вправо и он почувствовал как начинает съезжать вниз на сиденье... Неужели левая сторона оторвалась от земли?! Держать, держать руль! Тяжёлый удар! Саша подскакивает и с размаху бьётся головой о крышу кабины. Больно, чёрт! И грузовик снова на четырёх точках! Вырулил! Теперь осталось последнее препятствие — "Чёртовы ворота".

Это два больших камня стоящих рядом. Расстояние между ними всего на сантиметров десять больше чем габариты грузовика. Чтобы проехать между ними на большой скорости нужно отлично чувствовать свою машину, ощущать её размеры, иначе застрянешь. Конечно, можно притормозить и медленно проехать, но это опять потерянные секунды. Глаза Александра заметались между камнями, пытаюсь найти приемлемый результат... Снизить скорость? Нет! Прорвёмся! Вон и финиш за "Воротами" виден, ребята машут руками... Камни стремительно приближаются... И снова педаль в пол! Внутренне сжавшись, он намертво вцепился в руль, смотря прямо вперёд. Они уже совсем рядом! Давай-давай, ты сможешь, Захарка! — шептали его губы.

Сильнейший удар, скрежет железа, хруст дерева и Александр с отчаянием видит как он, вместе с грузовиком, отрывается от земли, одновременно та, почему-то, оказалась справа а не снизу. Вот она приблизилась вплотную и снова удар! Сашу оторвало от руля и с размаху бросило навстречу земле, которая быстро мелькала перед глазами.

Грузовик протащило на правом боку почти метров десять. Кабину смяло, радиатор парил, изуродованное левое переднее колесо, вихляя, катилось в сторону финиша, а окровавленный Александр, зажатый в обломках, чувствуя что сознание уходит, подумал:

"Не прорвался... А ведь почти получилось... Невезуха какая-то.."

Потом его глаза закрылись.

Берлин.

29 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

С самого утра, после того как он завёз Лауру на работу, Гюнтер просто лежал в кровати и размышлял. Вчера вечером, приехав со стадиона, он так и не смог заставить себя сообщить Цветочку о том что совсем скоро уезжает на фронт. Конечно, глупо было тянуть до последнего но сегодня, глядя на счастливую девушку, которая, напевая и пританцовывая, одевалась, Гюнтер так не хотел разрушать её настроение что промолчал. На вопрос о её матери, фрау Блюм, Лаура ответила что та, скрепя сердце, признала новую реальность и вернулась к себе, пообещав что будет часто навещать их чтобы он не обижал её дорогую доченьку. Мысль о частых встречах с потенциальной тёщей явно не доставила ему удовольствия..

По пути домой он заехал на вокзал и узнал расписание поездов. Оказалось, что 1 мая в 9

утра с вокзала Лертер отправляется поезд Берлин-Аахен, через Ганновер, скорее всего, именно тот на котором недавно уехал его друг Пауль. Хотелось купить билет заранее но кассир объяснила что пока неизвестно сколько будет мест так как состав ещё не сформирован.

Уже из дома он позвонил родителям. Трубку подняла мама. Молча выслушав его слова о том что её сын уезжает послезавтра, она ответила что непременно проводит его утром на вокзале.

— Заедь к нам завтра вечером, сынок, я соберу тебе вещи... — сказала она, уже в конце разговора.

— Не надо, мама, всё что нужно мне соберёт Лаура! — ответил он, улыбаясь. Для неё, как и для большинства матерей, Гюнтер по-прежнему оставался маленьким мальчиком которому надо вытирать сопли и застёгивать воротник чтобы не продуло.

— Кстати, а какие у вас с ней отношения? — оживившись, вдруг спросила женщина. — Если ты её любишь и она тебя, может, пора подумать о женитьбе? Мне она нравится, очень хорошая девушка, красивая, скромная..

Гюнтер закатил глаза. Ну вот, опять начинается... Ох уж это неистребимое женское любопытство!

— Мама! У нас всё хорошо, но насчёт свадьбы думать пока рановато. Мы сами всё решим, когда... решим! — закончил он.

— Смотри, сынок, будешь тянуть, уведут её... Такие девушки на дороге не валяются! — рассмеялась Марианна.

— Пусть только попробуют! — усмехнулся он. — Руки оторву!

Закончив разговор, он хотел позвонить Еве и Лотте но не дозвонился ни той ни другой. Что ж, возможно, это и к лучшему? Сообщит им завтра вечером, если смогут прийти утром, 1 мая, то хорошо. Не смогут... значит, не смогут. Всё-таки, рабочий день, мало ли что может помешать. Так, кто ещё?.. Аннелиза с Катариной, Мария и её дочки. Вроде всё?

Набрав номер особняка Бломфельдов Гюнтер дозвонился до Катарини. Оказалось, что Аннелиза с сыном ушли гулять а она осталась, поскольку неважно себя чувствует.

— Значит, уже послезавтра утром? — тихо спросила она.

— Да... С тобой всё в порядке? — слегка нахмурившись, спросил он. — Если что-то серьёзное, лучше съездить в больницу.

— Не волнуйся, Гюнтер, просто что-то нездоровится... — ответила она повеселевшим голосом. — Немного полежу и скоро пройдёт. А ты просто из вежливости беспокоишься или тебя на самом деле волнует моё состояние? — внезапно спросила женщина.

— Катарина, не говори ерунды! Конечно, я беспокоюсь о тебе! Ты же моя... — он спохватился в последний момент, мысленно чертыхнувшись. В самом деле, надо научиться следить за языком, иначе такие оговорки могут принести ему дополнительные проблемы. Мало ли что он чувствует к женщине, ей вовсе не обязательно знать об этом до того как он сам решит ей рассказать!

— Твоя что? — тут же спросила его женщина, казалось, даже затаив дыхание.

Повисло молчание. Гюнтер вздохнул. И что вот теперь ему сказать? Честно признаться что она привлекает его не меньше чем её подруга? И какая будет её реакция? Выбирай, дорогой, либо я либо она? Ну уж нет, он не готов отказаться от них обеих... Или она просто оскорбится?

— Гюнтер, скажи... Пожалуйста... — слышалось в телефонной трубке. — Не

молчи... просто скажи, чтобы..

— Чтобы что? — спросил Гюнтер, крепко сжимая трубку.

— Чтобы я знала... Чтобы не мучила себя, воображая то... чего, может, и не существует... — голос в трубке был еле слышен.

Острое чувство жалости горячей волной сжало его сердце. Да какого, вообще, чёрта!? Заморочил двум женщинам головы и теперь боится признать это вслух? В конце концов, он мужчина или подросток перед первым свиданием? Пора бы уже набраться мужества и прекратить мучить Катарину и себя... Да, она нравится ему ничуть не меньше чем другие его женщины! Возможно, это тоже любовь. Но если даже нет... Всё равно, его откуда-то появившееся чувство собственника злобно рычало внутри, не желая отпустить от себя такую замечательную женщину. Да пошло оно всё!

— Я сейчас приеду! — бросил он в трубку и положил её. То что Гюнтер хотел сказать лучше сделать не по телефону а прямо в глаза.

Дорога до особняка ему почти не запомнилась. Отложилось в памяти лишь покупка большого букета цветов в лавке и какой-то грузовик, медленно плетущийся перед ним и не дающий обогнать себя.

Вот и знакомый двор, по которому он, совсем недавно, тащил этого мерзкого хряка, по какому-то недоразумению, бывшему мужем его Аннелизы. Его? Да, пора расставить все точки над і.. Аннелиза и Катарина его женщины. Гюнтер будет всеми силами защищать их и не отдаст никому, если они сами не захотят уйти. Выходя из машины он весело улыбнулся. Гарем всё увеличивается и увеличивается... А ведь ещё надо как-то придумать чтобы его обитательницы не поубивали друг друга или его самого, иначе никакая регенерация не поможет. Просто разорвут на части и конец Гюнтеру Шольке. Пожалуй, эта проблема намного труднее чем выиграть войну... Тут количество дивизий не сыграет никакой роли. Да и нервы потребуются стальные..

Дверь особняка оказалась не закрыта на замок. Катарина постаралась или прислуга забыла закрыть, неважно... Толкнув её, Гюнтер вошёл внутрь и сразу направился в спальню подруги Аннелизы. Остановившись перед дверью её комнаты, он постучал.

— Гюнтер, это ты? — послышался слабый голос Катарины.

Медленно открыв дверь, Гюнтер зашёл к ней. Женщина лежала под одеялом в голубом халатике и смотрела на него. В прошлый раз, когда он искал мерзавца Мартина, Гюнтер не успел рассмотреть её комнату. Оказалось, она у Катарины была очень уютная. Широкая кровать с резными деревянными украшениями, белые кружевные шторы, мягкое кресло возле круглого столика в углу, книжный шкаф забитый книгами и всякими женскими безделушками, и ещё один в противоположном углу, скорее всего, для одежды.

Подойдя к женщине и тепло улыбнувшись, он протянул ей большой букет цветов, который до этого скрывал за своей спиной. Её глаза засветились от радости, рот приоткрылся..

— Ой, это мне? — спросила Катарина, приняв букет и зарывшись в него носом. — Спасибо, Гюнтер! Мне очень приятно!

Осторожно отложив букет, она потянулась к нему. Взяв женщину за руки он притянул её к себе и хотел обнять но почувствовал как женские губы несмело коснулись его губ. Слегка отстранившись, Катарина неотрывно смотрела ему в глаза, словно пытаясь понять его реакцию на этот робкий поцелуй. В её глазах было столько надежды что ему казалось невыносимым отнять её и безжалостно убить её чувство. Нет, такое не подделать, Гюнтер

чувствовал это. А значит..

Он медленно притянул к себе её покорное тело и ласково поцеловал женщину. В глазах Катарини появились слёзы, она всхлипнула и тесно прижалась к нему, видимо, опасаясь что Гюнтер оторвётся от неё. Её губы ожили и стали, сначала слабо а потом всё сильнее, отвечать ему. Закрыв глаза со следами слёз она истово целовалась, буквально вжимаясь в него. От такого приятного ощущения красивой и родной женщины он ощутил как знакомое возбуждение всё больше начинает охватывать его. Едва Гюнтер положил свою руку на её грудь как Катарина судорожно рванула свой халатик, пытаясь раздеться, и вдруг болезненно простонала.

Этот стон ворвался в его голову и мгновенно отрезвил его.

— Милая, тебе больно? — обеспокоенно спросил он, осторожно поддерживая ослабевшее женское тело и помогая ей опуститься на постель.

Закрыв глаза, Катарина крепко обхватила его руку, удерживая его возле себя:

— Ничего, Гюнтер... всё нормально... просто слабость. Не уходи... Пожалуйста... — прошептала она.

— Не волнуйся, никуда я не уйду... — успокоил он женщину.

— Ложись рядом со мной? — попросила она, повернув к нему голову.

Слегка поколебавшись, он снял китель, штаны и лёг к ней под одеяло. Та тут же положила голову на его плечо, крепко обняла рукой и, вдобавок, положила на него ногу. Гюнтер насмешливо фыркнул, едва удержавшись от смеха.

— Что? — спросила Катарина, приподняв голову.

— Ничего... Просто ты меня так опутала будто боишься что я сбегу от тебя... — сказал он, всё-таки, не вытерпев и рассмеявшись. Женщина ничего не ответила, только ещё сильнее прижалась к нему а он обнял её одной рукой.

В комнате стало тихо, умиротворённо, слышалось только их дыхание. Возбуждение улеглось, оставив после себя приятное расслабление. Гюнтер признался себе что, будь его воля, он так и продолжал бы лежать с ней под одним одеялом... Даже, наверное, заснул бы.

— Скажи... — тихо прошепестел её голос.

— Что сказать? — удивлённо спросил он, вынырнув из своих мыслей.

— Скажи то что сказал по телефону... Только до конца.

Гюнтер улыбнулся. Теперь то что тогда казалось ему таким сложным и противоречивым неожиданно обрело ясность и чёткость. Пора бы уже перестать врать самому себе и признать правду. Так будет лучше им обоим.

— Ты — моя женщина, Катарина. Уже давно, просто я сам, дурак, этого ещё не понимал. Сомневался, спорил сам с собой но, оказалось, упрямо не хотел признавать истину... А она такова что ты мне очень нравишься, моя милая красавица! Может я даже люблю тебя... Потому что мне ненавистна сама мысль о том чтобы потерять тебя! То и дело вспоминаю наше первое знакомство... Ты помнишь? — усмехнулся он.

— Конечно, разве можно такое забыть? — тихонько рассмеялась женщина. — Наверное, я влюбилась в тебя ещё тогда, на пожаре, когда ты меня поймал и прижал к себе. Представляешь, в тот момент я чуть не умерла от страха... А когда полетела вниз то вообще ничего не видела, задравшееся платье всё закрыло... А мысль была только одна — "Боже, ему же всё видно!"

Теперь уже рассмеялись оба.

— Согласен, зрелище было незабываемое... — улыбался Гюнтер, вспоминая тот

вечер. — Но кроме меня всю твою красоту видели десятки посторонних людей... Хоть и очень недолго.

— Мне стыдно! — Катарина поглубже зарылась ему в подмышку, словно пытаюсь скрыть от него пылающее лицо. Он протянул вторую руку и нежно начал гладить её шелковистые волосы, пахнувшие каким-то душистым мылом или шампунем. Потом запустил пальцы поглубже и стал осторожно касаться женской головы лёгкими нажатиями. Не прошло и минуты как женщина довольно заурчала как кошка.

— Ммм... Боже, как приятно... только не вздумай останавливаться! — сказала она с придыханием.

Улыбнувшись, Гюнтер усилил напор. И ощутил как её маленькая ручка под одеялом поползла вниз, к его паху. Такое внимание к его члену не осталось органом незамеченным и он тут же проснулся.

Катарина издала смешок:

— ЕМУ нравится..

— Ещё бы! — пожал он плечами. — Как он может устоять перед тобой? Это просто невозможно..

— Я вижу... Гюнтер... Я бы хотела ЕГО и тебя порадовать но, боюсь, в таком состоянии вряд ли смогу... — виновато сказала Катарина, продолжая наслаждаться массажем головы.

— Ничего страшного, Катарина, я могу и подождать... — успокоил он её. Конечно, Гюнтер бы хотел прямо сейчас получить её всю полностью но было бы слишком эгоистично заботиться только о себе и в ущерб ей. Кисть начала уставать и Гюнтер немного сбавил скорость массажа, отчего Катарина вздохнула и поудобнее устроилась на его груди, продолжая ласково поглаживать его член, засунув руку в трусы. Как оказалось, хватило даже этого и удивлённый Гюнтер радостно почувствовал что ещё несколько секунд и... Взрыв! Застонав от ударившего в голову и наполнившего тело гормона удовольствий он ощутил как её нежная ручка слегка сдавила член и помогает ему кончить до конца.

Полежав пару минут Гюнтер начал приходить в себя и сказал голосом полным признательности и благодарности:

— Огромное тебе спасибо, моя любимая! — и поцеловал её слегка влажные губы, на которых играла довольная улыбка.

— Это самое малое что я могу тебе дать, любимый! — ласково ответила она, взяв платок с тумбочки и вытирая с руки его сперму. — К тому же я видела что тебе это сейчас нужно.

Он не понял как Катарина это смогла определить но спорить по этому поводу, конечно, не стал. Зато у него появилась кое-какая своевременная мысль..

— Милый, я хотела тебе кое-что объяснить... — начала женщина но он прижал указательный палец к её губам, принуждая замолчать.

— Чуть позже, моя Катарина... — и с этими словами осторожно повернул её на спину. Недоумевающая женщина подчинилась и он быстро задрал её голубой халат до талии, чтобы тот не скрывал от его взора никаких тайн своей хозяйки.

— Что ты хочешь де. аххаа... — снова сбилась женщина ощутив как он, быстро устроившись головой между её ног, напористо провёл языком по клитору Катарины. Вздрогнув, она положила руки на его голову и попыталась убрать её но тщетно.

— Гюнтер, там... ой... там... — послышался её бессвязный лепет но Гюнтер не

обращал на это внимание, уже давно зная что в таких случаях могут пытаться сказать женщины. Он был занят гораздо более важным делом чем слушать слабые протесты Катарина, тем более что очень скоро они затихнут сами собой. Клитор слегка увеличился и быстро стал влажным. Одновременно с этим два его пальца проникли внутрь влагалища, снова вызвав у его женщины стон и заставив её вздрогнуть. Больше ничего связного Катарина уже не сказала, будучи всецело поглощена ощущениями у себя между ног. Всего несколько минут и женщина, крепко сжав его голову ногами, застонала и мелко затряслась. Он едва успел отстраниться когда в его сторону брызнула небольшая струйка её соков. В другое время он бы побрезговал таким, но теперь она была одной из его любимых женщин и чтобы Катарина была довольна это было небольшой платой.

Наконец, Катарина расслабилась и выпустила его из плена своих ног. Гюнтер снова лёг рядом с ней и она опять оплела его собой. Постепенно они отдышались и снова пришли в себя. Женщина крепко его поцеловала и сказала:

— А теперь я хочу сказать тебе огромное спасибо, дорогой! — и захихикала.

— Не за что, дорогая! Я видел что это было тебе нужно! — и тоже рассмеялся. Разве что он умолчал о том что как-то прочитал что секс для больных или раненых очень помогает выздоровлению. Вроде бы суть в том что удовольствие, которое испытывает человек во время секса, не только повышает настроение но и подстёгивает организм, укрепляет иммунитет. Конечно, не факт что это на самом деле правда, но, по крайней мере, вреда это точно не принесёт.

— Ты мне что-то хотела сказать? — нарушил Гюнтер молчание. — Я тебя немного перебил..

— Да уж, перебил ты меня так что я обо всём забыла... — усмехнулась Катарина. — Знаешь... я много думала... и пришла к выводу что действительно, именно тогда, на пожаре, я поняла что ты мне нравишься. И это было бы прекрасно... Если бы не то что в тебя влюбилась и Аннелиза...

— Серьёзно? Она тоже меня любит? — приятно удивился он. Конечно, у него были такие подозрения, но всё же..

— А ты что, не заметил? — изумлённо спросила та, поглядев на него. Удостоверившись, сказала: — Эх, мужчины... Всё вам надо прямо сказать, в упор не видят что их любят. Да по ней же всё видно! Я это поняла ещё когда тебя в больницу увезли! Она такими глазами смотрела на тебя что... — женщина не договорила и махнула рукой.

Он не нашёлся что ответить и промолчал.

— А потом... — продолжила Катарина. — Потом я боролась с собой... Ругалась, спорила, даже Бога просила чтобы помог мне... Ничего не помогло! С каждым днём я убеждалась что стрела этого негодника Купидона всё сильнее погружается в моё сердце... Я чувствовала что всё больше хочу быть с тобой, признаться тебе во всём и... будь что будет! К тому же мне было очень стыдно перед моей лучшей подругой Аннелизой. Она ведь мне всё рассказывала... Как ты ей нравишься, как скучает по тебе... Мне было и себя и её жалко, ведь получалось что я, как бы, её соперница, представляешь? Я — её лучшая подруга!

Она снова всхлипнула.

— Она спрашивает как и что ей сделать чтобы тебе понравиться а у меня ком в горле... Я едва не плачу! С одной стороны хочу ей помочь а с другой... с другой и себя до боли жаль... Я ведь тоже хочу счастья со своим мужчиной! — заплакала она, орошая его голую грудь своими слезами. — Как мне быть? Что делать, скажи?!

Этот вопрос, заданный её страдающим сердцем, поставил его в тупик. В самом деле, что ему ей сказать? Будто любит только её? А смысл? Всё равно она скоро поймёт что не одна в его сердце. Может, стоит сказать правду? Ага, давай ты будешь номером три в моём гареме? Согласна? Гюнтер огорчённо покачал головой.

— Я не знаю что тебе делать... — признался он. — Давай так, я тебе расскажу всю правду, без утайки, а ты уже потом сама решишь что делать?

Катарина, с заплаканным лицом, кивнула.

— Моя милая Катарина... — начал он, осторожно подбирая слова.. — Я люблю тебя! Но... я ещё люблю Аннелизу и Лауру! И ещё кое-кого..

Выдохнув, он отвернул голову в сторону чтобы не смотреть на неё. Что ж, вот он и сказал правду. Было трудно но необходимо, иначе, рано или поздно, это вышло бы на поверхность и разразился грандиозный скандал. Гюнтер надеялся что женщина не будет бить его слишком сильно. В конце концов, он это частично заслужил, не имея сил или желания сдерживать себя от того чтобы не задира́ть юбки всех красивых девушек и женщин которые ему нравятся.

Прошло почти полминуты в гробовом молчании. Гюнтер ощутил как её ручка взяла его за подбородок и медленно повернула к себе... и тут же обжигающая пощёчина заставила его левую щеку гореть огнём. Он с трудом справился со своим рефлексом закрыться и оттолкнуть её. В данном случае, это не нужно. Пусть успокоится.

— Я знала... Я чувствовала это! — проговорила Катарина каким-то сдавленным голосом. — Я понимаю чем тебе нравится твоя Лаура и почему ты любишь её... Но как ты смеешь говорить что при этом любишь и нас с Аннелизой?! Объясни! — от слёз в её глазах не осталось и следа, она смотрела на него со злостью и отчаянием.

— Хорошо, объясню... — ответил он, потирая горевшую щеку. — Вот представь большой, уютный, красивый дом с несколькими комнатами, каждая из которых по-своему очаровательна и неповторима. И в каждой такой комнате живёт девушка или женщина. Они все разные, со своими характерами, привычками... в общем, не похожи друг на друга... Но всех их связывает то что они любят этот дом, внутри него им уютно, хорошо, они чувствуют себя в безопасности и любви... Так вот, этот дом — я, точнее, моё сердце! И если вдруг какой-же женщине внутри плохо то и мне плохо, потому что дом, то есть я, тоже люблю их! И мне невыносима мысль что кто-то уйдёт из этого моего дома-сердца куда-то в другой дом! Останется пустое место которое станет саднить и болеть... Я не знаю как так вышло, но тебя я люблю не меньше чем других! Мне хочется чтобы ты была со мной, лежала на моей груди, целовала, говорила что любишь... а потом, когда-нибудь, родила мне детишек похожих на нас с тобой..! Я понимаю что это звучит странно, но это самый приблизительный пример того что я чувствую к тебе и другим моим избранницам..

По мере того как он рассказывал своё видение их отношений глаза и рот Катарины открывались всё больше. Наконец, она не выдержала и закричала:

— Ты! Ты... — пыталась она найти слова. — Ты скотина! Кобель! Бабник! Султан турецкий! Ах ты, сволочь, гарем захотел?! Мало тебе одной?..

Гюнтер успел лечь на живот уткнувшись лицом в подушку и закрыл голову руками. Теперь надо подождать пока она успокоится и они смогут нормально поговорить. К счастью, ослабленная болезнью девушка не могла бить его сильно и быстро выдохлась, опять залившись слезами. Снова повернувшись на спину Гюнтер несколько секунд с жалостью и состраданием смотрел на неё и решил уйти. Похоже, теперь он здесь нежеланный гость. По

крайней мере, для Катарины.

— Извини... Наверное, я не должен был тебе всё так прямо говорить... — попытался оправдаться он. — Но потом ты бы всё равно всё узнала, а раз я люблю тебя то не хочу врать..

Женщина, уткнувшись лицом в свою подушку, продолжала плакать, хоть и гораздо тише. Протянув руку Гюнтер осторожно погладил её по волосам, по спине и начал одеваться.

— Я пойду, милая... Поспи, отдохни, тебе сейчас полезно... — и с этими словами начал натягивать брюки. Он успел встать, надеть одну штанину и сунуть ногу в другую, когда сзади скрипнула кровать и Гюнтер краем глаза уловил какое-то движение. В следующее мгновение она обхватила его руками и постаралась повалить обратно. Так как в это время он стоял на одной ноге то у Катарины это получилось довольно легко. Сам Гюнтер лишь в последний момент смог извернуться чтобы не придавить её своим телом.

Упав на её кровать он не успел опомниться как на его грудь змеёй вползла женщина и прочно устроилась там, лишив его всякой возможности снова встать. Её красные от слёз глаза смотрели на него с мольбой а губы шептали:

— Не уходи, любимый... Прошу тебя! Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя... Пусть я буду не одна, я вытерплю!.. Только останься! Я не смогу жить если ты бросишь меня! Моё сердце просто разорвётся от боли если ты уйдёшь! Гюнтер, любимый мой... Я люблю, люблю... — не выдержав, она стала иступленно целовать его, глядя пальчиками его лицо, волосы, плечи..

— Катарина... — попытался он остановить её но она не слушала.

— Скажи, что мне сделать чтобы ты остался?! Я сделаю всё, слышишь? Хочешь, буду просто любовницей? Или кем угодно? И в сексе я сделаю всё что хочешь, только не уходи, пожалуйста! — она искательно заглядывала в его глаза, пытаясь прочитать там что-то для себя важное.

Гюнтер сумел схватить её руки и слегка оторвал женщину от себя.

— Катарина, да послушай же меня! — крикнул он. — Что с тобой такое? Я вовсе не собирался бросать тебя! С чего ты взяла?

— Но... ты же хотел уйти? — растерянно спросила она, даже не пытаясь вырваться.

— Я хотел уйти потому что был тебе противен... Забыла? — ответил Гюнтер, испытующе глядя на неё.

— Я... я просто сорвалась, Гюнтер... — казалось, она начала приходить в себя, но по-прежнему крепко вцепилась в его руки, словно боясь что он всё равно уйдёт. — Всё-таки не каждый день узнаёшь что твой любимый мужчина любит ещё несколько женщин а ты лишь одна из них... — печально закончила она.

— Понимаю тебя... — сказал Гюнтер, прижимая её к себе. — Но и ты пойми... Я такой какой есть и не могу себя изменить. Уже пробовал. Знаю, что большинство мужчин могут любить только одну женщину а вот я... видимо, у меня очень большое сердце... Если ты не сможешь меня принять я пойму... и не буду больше тебе мешать. Хотя и мне будет очень больно если ты меня покинешь... Я хочу ты осталась, любимая! — прошептал он, целуя её в губы.

Женщина крепко обняла его и ответила на поцелуй. Её губы были солёными от слёз.

— Я... подумала об этом. Но когда представила как больше никогда тебя не увижу, не почувствую твоих объятий, не услышу твоего голоса, запаха... Мне стало так плохо, сердце

буквально рвалось на части! И я поняла что согласна на всё чтобы ты остался со мной... Если для этого надо чтобы я смирилась с твоей Лаурой, с Аннелизой и другими... — она прерывисто вздохнула... — то я смирюсь. Да, наверное, с точки зрения женской гордости я поступаю неправильно, не уважаю себя, но мы, женщины, всегда выбираем сердцем, даже если потом обжигаемся и жалеем об этом... Как те мотыльки что летят на огонь чтобы погибнуть в нём... — вспомнила она беседу в парке.

Теперь уже у Гюнтера перехватило дыхание. Он понял, ради любви к нему женщина пошла на огромные жертвы, задавила свою гордость, согласилась на то чтобы быть не единственной для него, разделить Гюнтера со своей подругой и Лаурой... Большой цены и придумать было нельзя. И он мысленно пообещал себе что сделает всё чтобы Катарина никогда бы не пожалела о своём выборе и жертвах которые принесла на алтарь своей любви. Может Гюнтер и не женится на ней но постарается сделать так чтобы её всегда окружала его ласка, любовь и защита. Ведь имея гарем мужчина не только наслаждается его преимуществами но и несёт ответственность за то чтобы его обитательницам было там уютно и спокойно, они чувствовали на себе заботу своего мужчины и отца их будущих детей. По крайней мере, в его понимании это было именно так.

— Я говорил тогда, скажу и сейчас... — уверенно сказал Гюнтер. — Ни одна моя женщина не сгорит в огне. Она только согреется в нём, ощущая как я её люблю. И запомни навсегда: не важно сколько у меня будет женщин, я всегда буду любить тебя и никогда, слышишь меня, никогда не брошу! Ты — моя женщина, а я — твой мужчина! С этого момента все проблемы которые ты не можешь решить сама, говоришь мне. Любую опасность которая грозит тебе или Аннелизе, я ликвидирую. От тебя и Аннелизы мне требуется только одно — ваша любовь. Повтори!

— Ты — мой мужчина, я — твоя женщина! — счастливо улыбнулась она и снова его поцеловала. — Всё что мы не можем решить сами, говорим тебе. И ты меня... нас любишь и защитишь. Так?

— Именно! Иди ко мне, моя девочка! — он сграбастал её тело и мягко опустил на разбросанную постель. Она весело рассмеялась, снова прижавшись к нему.

— Я так сильно люблю тебя что даже не знаю как это выразить... — сказала женщина, глядя на него влюблёнными глазами. — Мы обе сильно тебя любим, милый Гюнтер, поверь! Наши сердца и мы все принадлежим тебе... с радостью!

— Знаешь, а может вы все подружитесь между собой и станете хорошими подругами, а? — подмигнул он игриво.

— Посмотрим! — рассмеялась она и вдруг задумалась. — Странно, я почему-то больше не ревную тебя ни к Лауре ни к Аннелизе... Такое чувство что так и надо..

— Так это же хорошо! Для близких подруг ссориться из-за одного парня самое последнее дело! Если они обе любят то незачем делить его, ругаться и выяснять отношения, верно? Пусть будет трио, тогда не придётся терять ни парня ни подругу.

— Не знаю-не знаю... — улыбнувшись, покачала она головой. — У меня ещё ни разу не было такой ситуации. Но я готова попробовать... Кто знает, может ты и прав? Я не хочу терять ни тебя ни Аннелизу.

— У нас с тобой одинаковые желания, любимая! Я тоже не хочу терять ни тебя ни её. Думаю, она тоже с нами согласится! — ответил он, продолжая прижимать к себе такое прекрасное тело ещё одной близкой ему женщины. — Только вот как бы у неё спросить?

Катарина ненадолго задумалась а потом загадочно рассмеялась:

— Не волнуйся, любимый, предоставь это мне.

Гюнтер удивлённо поднял брови:

— Ты уверена? Может, мне тоже присутствовать?

— Нет, мы с ней поворкуем по-женски, я всё ей объясню. Думаю, найду нужные слова, иначе она может тоже захотеть дать тебе пощёчину..

— Что ж, это небольшая цена если она, всё-таки, согласится... — задумчиво произнёс он, погладив левую щеку. — Кстати, а когда ты поговоришь?

Катарина посмотрела на настенные часы и сказала:

— Они с Роландом уже должны будут прийти... — она грустно вздохнула и выпустила его из объятий. — Я очень не хочу чтобы ты уходил, но будет лучше если я с ней поговорю наедине.

— Хорошо, милая, надеюсь на тебя и верю что не подведёшь... — он снова поцеловал её и быстро оделся. Женщина, закутавшись в свой халат, проводила его до двери.

— До нашей следующей встречи я поговорю с ней... — сказала она на прощание.

— Буду ждать! — напоследок Гюнтер снова прижал её к себе и пробежался рукой по груди, закончив между ног. Катарина охнула когда его пальцы, откинув полы халата, снова коснулись её клитора и нехотя отступила назад:

— Всё-всё, любимый, иди... А то опять захотим..

Гюнтер, в отличном настроении, вышел из особняка где сегодня решил назревший вопрос с двумя очаровательными подругами и сел в машину. Прогудев клаксоном, он вырулил на улицу и стал отдаляться от гостеприимного дома, на пороге которого махала ему рукой ещё одна его любимая женщина.

Москва. Кремль.
30 апреля 1940 года.
Лаврентий Берия.

Сегодняшнее утро чем-то напоминало вчерашнее, разве что гости в кабинете Вождя были другие. Все они, в той или иной степени, имели отношение к бронетанковой технике. Заслугой того что они оказались здесь была, опять же, информация Александра. Берия не знал почему тот выбрал именно этих людей и поэтому добавил некоторых по своему выбору, основываясь на рекомендациях начальника АБТУ РККА Павлова Дмитрия Григорьевича. Несмотря на то что, по словам Саша, в будущем Сталин казнит Павлова за неспособность Западного Особого Военного Округа эффективно противостоять немцам, Лаврентий не спешил начинать разработку против него.

Ведь заслуги Дмитрия Григорьевича перед страной были довольно велики: например, именно он, основываясь на результатах боёв в Испании против немецких танков, содействовал созданию "Т-34". Также, ещё в феврале 1938 года, он предложил установить на танки "Т-28" и сухопутный линкор "Т-35" пушку калибра 76 мм. Да и вообще заменить обе эти машины новым тяжёлым танком прорыва, в результате чего на свет появился грозный "КВ". Чуть позже, в ноябре 1939 года, после похода в Польшу, Павлов ратовал за расформирование танковых корпусов, предложив вместо них увеличить число танковых бригад. В этом его поддержали Шапошников, Тимошенко, Ковалёв и Кулик. Ещё он предложил идею переформировать пятнадцать лучших стрелковых дивизий в моторизованные. Так что степень его вины, пока что, была крайне неочевидна..

Именно поэтому Павлов и был сегодня здесь, в числе приглашённых. Кроме него в кабинет вошли: Кошкин Михаил Ильич, Котин Жозеф Яковлевич, назначенный всего две недели назад Наркомом тяжёлого машиностроения СССР Ефремов Александр Илларионович, а также приёмный сын "всенародного старосты" Ворошилов Пётр Климентьевич.

— Доброе утро! Присаживайтесь, товарищи! — приветственно показал Сталин рукой на длинный стол за которым день назад сидели авиаконструкторы. Все пятеро степенно, без лишней суеты, расселись и с любопытством поглядели на папки, которые уже лежали на своих местах. Заранее им про тему собрания никто ничего не сказал, поэтому они терялись в догадках зачем их, с утра пораньше, вызвали к Вождю.

Сталин, заново раскурив свою трубку, кратко сообщил гостям о тех изменениях которые их ждут после освобождения многих коллег а также показал своё недовольство тем что, вместо того чтобы отдать все силы усилению технической мощи Красной Армии, некоторые недалёковидные и неумные товарищи занимаются подхалимством и интриганством. После этого, как и вчера, он показал рукой что слово передаётся Лаврентию и сел за стол, начав читать какой-то документ.

Берия встал, одёрнул свою форму и заговорил то же что и вчера. Сообщил, что в связи с угрозой нападения или захвата, многие из них будут находиться под круглосуточной охраной НКВД и призвал отнестись к этому с пониманием.

— А теперь, товарищи, перейдём к тому делу ради которого мы вас сегодня

вызвали... — сказал Берия. — Откройте ваши папки и посмотрите их содержимое.

Гости, давно уже изнывавшие от любопытства, тут же открыли их и начали читать. Лаврентий улыбнулся, прекрасно зная их реакцию наперёд.

— Ни хрена себе!.. — восхищённо выдохнул Кошкин и сразу закашлялся. Недавний автопробег с экспериментальными танками из Харькова в Москву подорвал его здоровье и теперь, по личному настоянию Берии, его усиленно лечили пытаясь не допустить того чтобы будущий легендарный танкостроитель умер от пневмонии в сентябре этого года. Александр особенно настаивал на этом, сказав что Михаил Ильич является отцом "Т-34" и его преждевременная смерть сильно повредит обороноспособности страны. Заодно настоятельно попросил, через "Михаила Алексеевича", о разработке некоего лекарства "пенициллин", которым занимается учёный Александр Флеминг. По его словам, этот препарат очень поможет уменьшить смертность среди раненых во время войны. — Извините, товарищи, не сдержался..

Похожая реакция, видимо, охватила и остальных но они лучше себя контролировали. Павлов жадно просматривал свою папку, даже не пытаясь делать невозмутимый вид. Нарком Ефремов читал молча, лишь пару раз хмыкнув. Котин же подвинулся к Кошкину и они тут же о чём-то зашептались. Привлечённый шумом, Ворошилов тоже присоединился к ним вместе со своей папкой и это трио начало вполголоса обсуждение того что они сейчас увидели. До Берии долетали лишь обрывки слов но он понял что уже сейчас каждый из них хотел бы оказаться в своём КБ и всесторонне изучить новинки, которые им показали в присутствии самого Сталина. Что ж, их энтузиазм радует... Теперь главное чтобы эти люди претворили всё что увидели в жизнь, как можно скорее и не в ущерб качеству.

— Я смотрю, товарищи, вы приятно удивлены тем что увидели? — весело улыбаясь, спросил глава НКВД, глядя на изумлённых гостей.

— Это уж точно, Лаврентий Павлович... — тихо ответил Михаил Ильич, взволнованно покрутив шей. — Тут изображены наши машины... в смысле, которые мы разрабатываем, но... они какие-то не такие.

Остальные согласно закивали. В этот момент со стороны Вождя послышался глухой кашель и все тут же повернулись к нему, решив что он хочет что-то сказать по этому поводу. Как оказалось, Иосиф Виссарионович всего лишь поперхнулся дымом и успокаивающе махнул рукой, призывая не обращать на него внимания и продолжать обсуждение. Все снова оглянулись к Берии и тот не стал томить людей:

— Сегодня мы с вами будем решать сразу несколько исторических задач, от выполнения которых будет зависеть безопасность нашей социалистической Родины во время будущих военных конфликтов! — с некоторым пафосом заявил Лаврентий, вспомнив те фразы что он говорил ещё вчера, перед создателями воздушного неба страны. В конце концов, зачем выдумывать что-то новое? — Я говорю о новом лёгком, среднем и тяжёлом танках, которыми и будет в скором времени вооружена наша великая Красная Армия!

Все пятеро, казалось, перестали даже дышать, неотрывно глядя на него, что польстило Берии. Ему нравилось когда на него смотрят не столько со страхом сколько с уважением и он был благодарен Вождю за то что тот дал ему возможность вести разговор а сам оставил себе роль безмолвного наблюдателя.

— Начнём мы с лёгкого танка, товарищи. Надеюсь, ни для кого не секрет что наши "Т-26" стремительно устаревают? Единственное, чем он ещё может удивить вражеских танкистов это 45-мм орудие. Естественно, этого мало! Двигатель очень слабый, скорость

медленная, броня тонкая... Да что вам говорить, товарищи, вы лучше меня знаете его недостатки, верно?

Котин и Кошкин печально кивнули а Пётр Климентьевич тяжело вздохнул. Против правды не попрёшь, век "Т-26" закончился ещё в жаркой Испании... Берия глубокомысленно замолчал, придвинул к себе графин с водой и налил немного в бокал. Выпил и отставил посуду в сторону. Сегодня ему опять придётся много говорить, значит надо подготовиться заранее.

— Вы можете спросить... "А зачем нам, товарищ Берия, новый лёгкий танк? Ведь у нас вполне освоены "БТ-5" и "БТ-7"? Они быстрые, орудия тоже хорошие!" И я вам отвечу, товарищи — в совсем недалёком будущем капиталистические страны примут на вооружение противотанковые орудия от 50 до 88 мм. И это не считая танковых пушек! — выделил Берия фразу.

— И против них наши старые, добрые "БТ" уже будут бессильны... — с грустью закончил Лаврентий. — Именно поэтому нам нужен новый лёгкий танк. Который будет обладать, как минимум, той же скоростью но станет более бронированным, а также сможет сражаться не только против других лёгких танков но и средних тоже. Внимательно присмотритесь к рисунку на второй странице, товарищи!

Люди за столом сосредоточили своё внимание на нём и Михаил Ильич сразу сказал:

— Это же "проект 126"!

— Точно! Я тоже сразу его узнал... Над ним работают Гинзбург, Бушнев и Троянов! — подтвердил Жозеф Яковлевич Котин. — Только он явно не тот который они... хм, собрали.

— Совершенно верно, товарищи! — согласился с ними Берия. — Потому что эта машина будет называться "Т-50". По сути, ему предстоит серьёзная модернизация чтобы из бумажного танка он превратился в стальной. Я перечислю основные изменения которые вы должны будете воплотить в металле.

— Первое и самое главное! Штатное орудие, которым вооружён танк, слишком слабое. Поэтому есть предложение вооружить его 57-мм пушкой, чтобы он мог достойно сражаться как на поле боя так и поражать врага из засад. Я знаю что эта машина, в отличие от многих других, почти избавлена от недостатков в виде низкой надёжности подвески, трансмиссии и плохого обзора поле боя. Броня тоже намного лучше чем у семейства "БТ". Есть проблемы с двигателем но, уверен, вы их решите.

— Второе. Люк механика-водителя во лбу корпуса сильно ослабляет защиту, поэтому его нужно убрать. В случае подбития машины данный член экипажа должен будет спастись через нижний люк, тем более, это безопаснее чем вылезать у врага на виду. Этим же способом могут воспользоваться и другие члены экипажа, если совсем уж припрёт..

— Третье. Каждый такой танк в обязательном порядке станет снабжаться хорошей радиостанцией. Для разведчика это жизненно необходимо. Естественно, лучшая прицельная оптика, которую, при необходимости, мы закупим в Германии или Америке. Ещё на башне, с двух сторон, будут установлены установки дымопуска, не меньше десятка. Они смогут прикрыть машину и её экипаж в случае повреждений ходовой части на поле боя...

Берия замолчал. Честно говоря, ещё пару дней назад он даже не знал об этом танке. Да это и неудивительно, танкостроители часто разрабатывают сразу несколько моделей в своих КБ и если досконально разбираться в каждой из них, при этом не обладая особыми знаниями в танкостроении, можно легко перепутать. Но Саша рекомендовал обратить внимание именно на него, сказав что один его друг во сне из будущего, поклонник какой-то онлайн

игры... "Танковый мир" или что-то вроде этого, очень хвалил его и называл лучшим советским "светляком". Александр, сам не очень разбираясь в лёгких танках, верил другу и, видимо, думал что тот прав. Берия подозревал что там всё не так радужно как казалось этому Саше но всё-таки, решил довериться. В конце концов, оснований не доверять ему у него пока не было, даже учитывая что тот не горел любовью к коммунистам и лично к товарищу Сталину, но вот то что он хотел помочь Родине... Словом, Лаврентий чувствовал что Александр старается как может, пусть и получается у него не всегда как надо. Впрочем, в реальной жизни часто так бывает. Человек, каким бы он умным не был, никогда не сможет учесть абсолютно всё, поэтому и появилась поговорка "Хочешь насмешить Бога? Расскажи ему о своих планах".

— Что ж, с лёгким танком мы закончили... Я прав, товарищи? — спросил он, готовясь перейти к следующему вопросу.

— Извините, товарищ Берия, у меня вопрос... — подал голос Ворошилов.

Лаврентий, хоть и остался недоволен, не показал этого и кивнул:

— Слушаю вас, Пётр Климентьевич.

— Я хочу спросить... этот новый лёгкий танк заменит наши бронев автомобили или же они будут существовать параллельно? — поинтересовался приёмный сын "старосты".

Берия задумался, это был хороший вопрос. С одной стороны, броневики тоже нужны, они хороши для быстрых разведывательных рейдов. Вот только из-за того что машины были колёсными, то проводить эту разведку получалось только в сухую погоду или по нормальным дорогам, которые в стране часто отсутствовали. Стоило пойти дождю или же пустить броневики по бездорожью, их скорость и маневренность падала и они превращались в рычащие, медленно переваливающиеся по ухабам цели для вражеских артиллеристов. И это даже не упоминая их картонную броню. Нет, по мнению Берии, преимущества лёгкого танка перед броневиками очевидны. Пора заменять их в войсках, а всё семейство средних бронев автомобилей серии "БА" отправить на переделку в качестве бронедрезин. Вот там они будут на своём месте, охраняя железнодорожные пути. Что же касается лёгких броневиков то они будут использоваться как курьерские машины при штабах, заодно охраняя их.

— Окончательно этот вопрос ещё не решён но рассчитывайте на то что скоро все функции и задачи бронев автомобилей на поле боя возьмёт на себя "Т-50", товарищ Ворошилов... — ответил Лаврентий.

— Я понял, товарищ Берия.

— Теперь я хочу попросить вас открыть четвёртую страницу, товарищи. Там вы видите наш новый средний танк "Т-34", заслуга в создании которого, в основном, лежит на товарищах Кошкине и Павлове... Не будет преувеличением сказать что именно они заложили основу этой замечательной машины! — похвалил Лаврентий.

Оба гостя заметно смутились, особенно когда услышали тихие хлопки от стола Сталина, который, улыбаясь, смотрел на них.

— За хорошо выполненную работу эти товарищи в самом скором времени будут вознаграждены! — сказал Берия, усилив смущение и удовольствие на их лицах.

— Товарищ Берия, да ведь мы же не ради награды работаем! — подал голос Михаил Ильич, пытаясь скрыть довольную улыбку. Доброе слово и кошке приятно, а уж если оно заслуженно.. — Просто не хотим чтобы всякие враги лезли на нашу землю, да, товарищи? — обернулся он к остальным.

— Конечно, Михаил Ильич!

— Дело говоришь!

— Согласен, Миша!

— Я знаю это, товарищи! — кивнул Берия. — Но это поможет вам ещё лучше работать, даст стимул к новым высотам которые, несомненно, тоже покорятся вам.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович! — дрогнувшим голосом ответил Кошкин, одновременно, зачем-то вытащив из кармана платок. — И вам спасибо, Лаврентий Павлович! Я клянусь... — он запнулся, но тут же исправился.. — Мы клянёмся оправдать доверие нашего народа и партии! Но это не только наша заслуга... Мне помогли много других людей, товарищ Берия. И особенно, Морозов Александр Александрович вместе с Кучеренко Николаем Алексеевичем. Без них мы бы не смогли создать наше могучее детище..

— Я думаю, товарищи Морозов и Кучеренко тоже достойны быть награждёнными, товарищ Берия... — внезапно послышался приглушённый голос Сталина.

Все тут же повернулись к нему и Лаврентий не растерялся:

— Так точно, товарищ Сталин! Я позабочусь об этом.

Вождь кивнул в знак согласия и снова занялся документами, предоставив возможность Берии дальше вести беседу.

— Как вы видите на рисунке, на танке стоит новая башня, с гораздо более мощным орудием чем в оригинале... Кстати, что вы можете сказать по этому поводу, Михаил Ильич? — спросил Лаврентий, желая проверить начальника КБ из Харькова.

Тот внимательно вглядывался в рисунок, поворачивая его к себе так и этак. Не сдержав любопытства, к нему снова склонились Котин и Ворошилов.

— Хм... Раз такая большая башня, значит... значит там наверняка будет место для ещё одного человека, который понадобится для обслуживания такого крупного орудия... — задумчиво протянул он. — Выходит, экипаж увеличится до пяти... Кстати, а какой калибр у этого орудия? Тут явно не 76 мм..

— Это уж точно, по мне так не меньше 107 мм... — высказал предположение Жозеф Яковлевич, погладив подбородок.

— Ну тут ты уж загнул... — не согласился с ним Ворошилов, нависнув над Кошкиным с другой стороны. — 107 слишком много... тут от 80 до 90 мм примерно... Какой странный калибр, ни к селу ни к огороду..

— Калибр орудия составляет 85 мм, товарищи! — сообщил Берия, поняв что если он не поможет то гадание на кофейной гуще может затянуться, а время Вождя, да и его самого, было дорого. — Это переделанный для танка ствол нашей тяжёлой зенитки "52-К" образца 1939 года.

— Конечно! — с досадой ударил себя по колену Кошкин. — Как я сам не догадался? Очень оригинальное решение! Кстати, товарищ Берия, а кто придумал поставить на средний танк такое орудие? Могли бы мы с ним поговорить? — спросил он с загоревшимися глазами.

— Нет, Михаил Ильич, к сожалению, это невозможно! По крайней мере, пока! — покачал головой Лаврентий. — Так что придётся вам довольствоваться тем что есть. Что ещё можете сказать по машине?

Все трое снова склонились над папкой.

— Ага, это командирская башенка... хорошее решение, улучшится обзор... дополнительные баки позволят увеличить дальность рейда... — пробормотал Пётр Климентьевич.

— С другой стороны, если они воспламятся то танк превратится в душегубку... —

охладил его энтузиазм Котин.

— Согласен, над этим нужно хорошо подумать... Как бы рыбку съесть и... Хм! — поперхнулся Михаил Ильич. — Извините!

Сделав вид что не заметил, Берия снова заговорил:

— Товарищи, вот что вы должны сделать. Сейчас броня "Т-34" составляет 45 мм, к тому же под хорошими углами наклона. На данный момент это нас устраивает но прогресс, особенно на войне, не стоит на месте. Поэтому задание будет такое: довести толщину брони по всей окружности танка до 75 мм.

— Лаврентий Павлович, но масса... и двигатель? — поднял на него глаза Ворошилов.

— Если существующий двигатель не будет справляться с нагрузками, значит сделаете новый, у вас для этого будет время... минимум, до начала нового года. Это ещё не всё, товарищи... Я хочу чтобы вы заранее продумали и не допустили у нового танка "Т-34-85" всяких "детских" болезней. Подвеска, коробка передач, фрикционы... в общем, чтобы после того как машина выйдет из заводского цеха, танкисты могли сесть внутрь и отправиться на фронт не беспокоясь о мелких недоделках. Понимаю, это очень трудно, но вы постарайтесь. Помните, цена ваших ошибок — погубленные жизни наших бойцов! Далее... Как оказалось, новая машина может быть довольно шумной, выдавая себя грохотом траков и гулом двигателя за несколько километров, тем самым на корню похоронив идею скрытности. Поэтому прошу в обязательном порядке "обуть" катки резиной на каждом танке. Если не будет чего-то хватать на заводах, звоните нашему наркому Александру Илларионовичу, он поможет.

Ефремов, внимательно слушавший разговор, кивнул и пометил что-то в своём блокноте.

— Есть мысль поставить на двигатель глушитель, чтобы снизить шум. Если это осуществимо то подумайте об этом, товарищи... — продолжал Берия. — Что ещё? Рассмотрите возможность установки резины также и на сами гусеницы. Я слышал, американцы так делают. Плюс, чтобы усилить сцепление с землёй в зимнее время, разработайте на них дополнительные грунтозацепы. Про оптику, думаю, повторять не надо? В ближайшее время мы начнём закупки в Германии и США, поэтому не экономьте, экипажи наших танков должны будут видеть врага издали и не через мутный триплекс а так словно в окно посмотрели! Также подумайте про перископные приборы наблюдения вместо командирской башенки. Следующее... Каждый "Т-34", да и вообще, любой танк, должен быть оборудован рацией... Причём, хорошей рацией, которая не будет ломаться от сотрясений при езде и попадании снарядов. Ещё на каждой машине должно быть несколько огнетушителей. Внутренности танка должны быть обиты каким-нибудь подбоем чтобы уберечь людей от осколков брони при попадании снарядов. Ну и наконец, каждый танк должен быть вооружён зенитным крупнокалиберным пулемётом на башне, например, "ДШК".

Закончив озвучивать все идеи для нового танка, которые рассказал в отчёте Александр, Берия внимательно посмотрел на удивлённо переглядывающихся изобретателей.

— Что-то не так, товарищи? Или для вас это невозможно? — спросил он, придвигая к себе графин с водой.

Все пятеро переглянулись и Кошкин неуверенно сказал:

— Честно говоря, товарищ Берия, некоторые идеи нас удивили, но... думаем, такое возможно. Вот только для всего что вы сказали потребуется время..

— Я это знаю, Михаил Ильич, поэтому и даю минимальный срок до нового года.

Максимальный же... ровно год, до мая 1941 года. Поэтому прошу вас всецело сосредоточиться только на "Т-34-85", все остальные проекты пока отложить. Эта машина в будущем станет основой танковых сил нашей Красной Армии и наша с вами задача состоит в том чтобы как можно скорее это выполнить.

— Что ж, если у нас будет всё необходимое для работы то, думаю, мы сможем с этим справиться... Так, товарищи? — спросил Ворошилов, глядя на своих соратников.

— Да, тут много интересных идей нам подкинули... — усмехнулся Кошкин. — Будет любопытно посмотреть что у нас может получиться..

— Очень хорошо, товарищи! — улыбнулся Берия. — А теперь откроем шестую страницу и посмотрим на наш новый тяжёлый танк, который называется "КВ-85". Сразу скажу, эта модель будет состоять на вооружении Красной Армии временно, до появления настоящего тяжёлого танка. Не буду долго на нём останавливаться, лишь уточню что все выпускаемые в настоящее время танки "КВ" должны будут переоборудоваться новым орудием. Как вы знаете, головная боль "КВ" это слабый двигатель, не считая кучи других недостатков, поэтому в ближайшие дни все эти машины, успевшие поступить в войска, отправятся обратно на заводы, устранять дефекты и недоработки.

Гости переглянулись и задумчиво кивнули, лишь Котин тяжело вздохнул, так как имел непосредственное отношение к созданию этого тяжёлого танка.

— Вот теперь мы открываем восьмую страницу и, наконец, видим настоящий тяжёлый танк, который повергнет в трепет всех тех кто решит испытать нашу страну на зуб! — со скрытой гордостью произнёс Берия. Когда он в первый раз увидел рисунок этой машины та сразу ему понравилась. От танка, если смотреть на него спереди, буквально веяло угрозой врагу. Широкие гусеницы, мощное орудие, выступающий вперёд нос внушали уважение и чувство защиты для тех кем он будет управляться. — Этот танк мы решили назвать в честь нашего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина — ИС! Иосиф Сталин!

Все пятеро, хоть и видели рисунок мельком, когда просматривали свои папки в первый раз, снова впились в него взглядом. Что и говорить, он был красив... Конечно, Саша написал что этот танк в его реальности назывался "ИС-3", но Сталин решил что "ИС" должен быть только первым. Все остальные танки, которые будут построены на его базе, получают другие индексы.

— Товарищи, слушайте некоторые его данные! — внушительно сказал Лаврентий. — Масса примерно 50 тонн, мощность двигателя не менее 500 л.с., вооружение — специально разработанное танковое орудие калибра 122 мм, на базе нашей корпусной пушки "А-19".

— Сколько-сколько!? — ошеломлённо спросил Котин. Да и другие были потрясены, шутка ли, поставить на танк такую бандуру. — 122 мм? Это же..

— Это будет тяжёлый штурмовой танк, Жозеф Яковлевич! — объяснил Берия. — Он будет прорывать глубокоэшелонированную оборону противника, именно для этого, кроме хорошей брони, у него такая пушка... Раскалывать ДОТы более мелким калибром слишком ненадёжно и долго. Но я продолжу... Лоб корпуса, верхняя, средняя и нижняя детали составит минимум 110 мм. Борта корпуса — 90 мм. Корма — 60 мм. Лоб башни и маска орудия не меньше 250 мм. Борт и корма башни — тоже около 100 мм. Конечно, не считая оптимальных градусов наклона, что ещё больше повысит защиту..

— Даа... вот это танк так танк... — с уважением к будущей машине произнёс Ворошилов. — Признаться, хотел бы увидеть его в металле как можно быстрее, но... Я не уверен, товарищ Берия, что мы сможем создать этот "ИС" за год. Тут одна конструкторская

работа займёт много месяцев а уж построить с нуля тяжёлый танк, да ещё с кучей принципиально новых решений... Это вам не фунт изюма.

— Руководство понимает чрезвычайную сложность поставленной вам задачи но ровно через год вы должны будете не только полностью закончить бумажную часть работы но и создать макет новой машины в натуральную величину, товарищи. А если к этому времени будет готов опытный образец то... словом, каждый из вас сможет смело рассчитывать на награды и новые должности... — подделастил Берия горькую пилюлю.

Он снова всмотрелся в них и увиденное его порадовало. Им бросили вызов, призвали построить абсолютно новые машины в сжатые сроки и они были готовы принять его, доказать не только другим но и самим себе что СМОГУТ! Что не отступят, найдут нужные решения, в лепёшку расшибутся но сделают. Их горящие от возбуждения глаза ясно показывали Лаврентию что они мысленно уже начали работу..

— Естественно, "ИС" тоже будет оборудован хорошей рацией, оптикой и зенитным пулемётом. Большим недостатком этого танка является низкая скорострельность. Оно и понятно, калибр у орудия огромный... Поэтому мы все будем вам очень благодарны если вы сможете найти возможность решить эту проблему. Каким именно образом, пока не знаю... Да, и ещё... Боекомплект танка должен будет составлять не менее 28 снарядов, но лучше побольше...

После этого, в течении получаса, ответив на несколько уточняющих вопросов он отпустил гостей, предварительно добившись от них заверений что они приложат все усилия чтобы выполнить задачи. Начальник АБТУ пообещал что со своей стороны также поможет чем сможет, ресурсы, персонал и т. д.

Снова оставшись наедине, Берия заколебался но, всё-таки, решил признаться:

— Товарищ Сталин... С "Потомком" в лагере неприятность произошла..

Вождь медленно повернул к нему голову и неторопливо спросил:

— И что же там с ним случилось?

— Во время прохождения полигона на автомобиле "ЗиС-5" он не справился с управлением и перевернулся. Получил несколько довольно серьёзных травм и лежит в санчасти. Но так как там нет подходящих условий для его лечения начальник лагеря просит разрешения отправить его в ближайшую нормальную больницу... Конечно, под надёжной "легендой" и охраной... — дополнил Берия свой доклад.

Повисла тишина. Сталин думал больше минуты и, наконец, кивнул:

— Хорошо, Лаврентий... Пусть везут. Но его безопасность за пределами лагеря лежит на тебе.

— Так точно, товарищ Сталин! Разрешите идти?

— Иди, дорогой, иди... — отпустил его Вождь.

Берия вышел из кабинета и направился к лестнице. Вот же не вовремя этот Александр поранился, теперь придётся отложить распоряжение насчёт предполагаемого немецкого ответа в области техники и вооружения, который должен был написать Саша. Интересно, куда смотрели инструктор и начальник лагеря? Курсанты калечатся а они и в ус не дуют. Хвост им накрутить, что ли?

Берлин.

30 апреля 1940 года.

Гюнтер Шольке.

За окном лил сильный дождь, время от времени в небесах что-то грохотало, отдалённо напоминая Гюнтеру звук канонады, как тогда, в Польше. Ручьи воды барабанили по стёклам, словно пытаясь что-то отчаянно сказать людям, спрятавшимся от них в своих тёплых и уютных домах.

Он полулежал на кровати а рядом с ним, крепко вцепившись в него, покоилась Лаура. Настроение с самого утра было ни к чёрту, хотя винить, кроме самого себя, было некого. Сегодня утром Гюнтер всё же решился сказать своему Цветочку правду, больше нельзя было откладывать, и так протянул непозволительно долго. Но всё равно это ему далось с трудом... Очень не хотелось огорчать любимую таким известием, видеть как её радостное лицо мертвеет а в глазах поселяется тревога и страх..

Она как раз собиралась на работу, после того как покормила его своим, как всегда, изумительным завтраком. Пересилив себя и собрав всю свою волю Гюнтер признался что уже завтра уезжает на фронт. Медленно обернувшись к нему, она глядела на него не меньше минуты, видимо, надеясь что он шутит. Но его вид сказал ей всю правду... А потом она уронила свою сумку которую держала в руках... Нагнувшись за ней девушка едва не упала, пошатнувшись. И прежде чем опомнившийся Гюнтер успел подскочить к Лауре, она буквально рухнула на полочку для обуви возле двери.

Обняв её за плечи он попытался успокоить девушку но она, остановившимся взглядом, смотрела куда-то в стену напротив. Потом, двигаясь словно робот, сняла телефонную трубку и сухим, спокойным голосом позвонила на работу в клинику Шарите.

— Здравствуйте, фрау Кох, я не смогу сегодня выйти на работу, очень плохо себя чувствую. Извините! — и положила трубку, не слушая голос своей начальницы. После этого Лаура сняла обувь, взяла его за руку и повела в комнату, где заставила его прилечь и сама легла рядом. Не было ни вопросов ни истерик, ничего. Время от времени она поднимала голову, вглядывалась ему в лицо своими повлажневшими глазами и снова крепко вжималась в него. Так прошла пара часов..

Наконец, будто что-то её толкнуло и она встала с постели, с нежностью посмотрев на него. Погладив его рукой по щеке, Лаура вышла в прихожую и, судя по звукам, которые он услышал, сделала несколько звонков. Куда девушка звонила он не понял, разговор был недолгим и тихим. Спрашивать Гюнтер не стал а она сама не рассказала. Закончив с этим делом, Цветочек оделась и куда-то ушла, не сказав ему ни слова. Несколько обеспокоенный такой странной реакцией Лауры, он вытащил свой походный чемодан и начал, не торопясь, собирать вещи. Конечно, времени ещё полно, но пусть всё будет заранее готово.

Девушка пришла примерно через час с двумя полными сумками продуктов и тут же начала что-то готовить. Сунувшись к ней на кухню он был мягко но уверенно отведён обратно и уложен на постель. Опять наградив его ласковым поцелуем, девушка снова ушла готовить... Тревога Гюнтера усилилась. Это было настолько непохоже на поведение Лауры что внушало ему реальное беспокойство. Он был готов ко всему: слёзы, истерика, просьбы... Но ничего этого не было. Да что с ней такое? Теряясь в догадках, Гюнтер ходил по квартире не находя себе места, пока вдруг его не нарушил звонок в дверь.

— Милый, открой, пожалуйста! — прозвучал из кухни голос девушки. Ну, наконец-то, она нарушила своё непонятное молчание, обрадовался он, подходя к двери. Но открыв её, застыл от удивления, ибо за ней стояла Лотта!

В длинном промокшем плаще и маленьких ботиночках, печально поникшей шляпке она

выглядела настолько трогательно и беззащитно что Гюнтер с трудом сдержался чтобы не обнять её. Это было бы верхом безумия!

— Что ты здесь делаешь? — оторопело спросил он.

— Как что? Моя подруга Лаура позвонила и попросила меня срочно прийти к вам... — ответила ему девушка, обхватив себя руками, глядя на него со смесью радости и тревоги. — Сказала что кое-что случилось но расскажет она только лично. Вот я и прибежала... А ты что, не рад?

Очень интересно... Зачем Лаура ей позвонила и попросила прийти? И почему ему не сказала? Одни вопросы. Хм, пора бы ему сыграть роль гостеприимного хозяина и не держать уже не чужую ему промокшую девушку на пороге!

— Рад, конечно... Просто как-то неожиданно... Проходи! — он посторонился и Лотта прошмыгнула внутрь, окатив его слабым запахом своих духов. Принимая от неё плащ и шляпку Гюнтер повернулся к вешалке, а когда обернулся то тут же получил быстрый поцелуй в губы от проказливо улыбнувшейся девушки. Через мгновение в её руке возник влажный платочек и она тщательно провела ему по губам, стирая след своей помады. Надо же, какая предусмотрительная, искренне восхитился он. Настроение начало немного подниматься..

Под плащом на девушке оказалось обычное сиреневое платье чуть ниже колен. Улыбнувшись ему ещё раз, Лотта провела рукой по его груди и тут же юркнула на кухню, к Лауре.

— Привет, дорогая! Ну, рассказывай, что случилось? Ой, а что это у тебя с лицом? — затараторила она.

— Чуть позже узнаешь, Шарлотта, я всё расскажу... — ответила Лаура. — А сейчас ты бы не могла мне помочь? Мне ещё нужно столько приготовить.

— Конечно, Лаура, с удовольствием! Я люблю готовить..

Заинтригованный Гюнтер решил больше не ждать и попробовать разобраться в ситуации:

— Лаура, ты могла бы сказать мне что..

— Гюнтер, прошу тебя, потерпи немного, ладно? Сейчас ещё придёт кое-кто и я всё расскажу, хорошо? — хоть её голос и был спокоен но он чувствовал что любимая держится только силой воли. Напряжением так и веяло от девушки, это поняла и Лотта, которая уже больше не улыбалась. Внезапно Гюнтер похолодел... Неужели Лаура как-то узнала о том что он был с Шарлоттой? Да нет, невозможно! С чего бы той всё рассказывать? Это же идиотизм! Но тогда что?

— Ну хорошо, только я... — пробормотал он и тут снова раздался звонок.

— Это, наверное, она... — тихо сказала Лаура. — Гюнтер, открой, пожалуйста, ещё раз?

Пожав плечами, он развернулся и снова пошёл к двери. Она? Кто такая она? Что Лаура задумала? Что-то не нравятся ему такие загадки... Открыв дверь Гюнтер снова на время потерял дар речи, увидев очередную гостью, которая стояла на пороге в одном чёрно-белом платье и берете на чуть влажных волосах. Это была Ева..

— Здравствуй, Гюнтер! Что-то случилось? — улыбнулась ему женщина.

— Здравствуй, Ева... — он почувствовал как его рот сам собой расплылся в улыбке. Хоть и виделись они совсем недавно но вид неофициальной подружки фюрера согрел его сердце. Хотя... теперь она будет только его подружкой, а фюрер... фюрер обойдётся! Раз для

него существует только одна женщина — Германия, то пусть он ею и наслаждается. А Гюнтеру больше нравятся живые женщины. Каждому своё!

— Похоже, действительно кое-что случилось, но Лаура держит всё в секрете... А ты проходи, не стесняйся! — ответил он. — Кстати, на улице же дождь сильный, почему ты в одном платье?

— Не волнуйся, я приехала на машине так что не промокла! Но спасибо что беспокоишься... — с лёгким кокетством произнесла она и тут же стрельнула глазами в сторону кухни, откуда раздавались звуки двух женских голосов. — А что, там кто-то ещё?

— Да, моя Лаура пригласила ещё одну свою подругу... — улыбнулся он, крепко прижав её тело к себе. Позволив ему пару секунд насладиться такой близостью, Ева мягко высвободилась.

— Гюнтер, не надо... тут же твоя девушка.

— Я знаю, милая... — виновато опустил он голову. — Но я ничего не могу с собой поделать... Ты действуешь на меня как... Как магнит. Меня тянет к тебе всё сильнее с каждым разом.

— А как же Лаура? Ты понимаешь что она будет чувствовать если узнает о нас? Мне до сих пор стыдно что я поддалась тогда, в парке... — тихо проговорила Ева, не глядя ему в глаза.

— Конечно, понимаю... Но у меня в сердце, почему-то, нашлось место для всех вас, Ева... И когда я представляю что потеряю тебя или Лауру... Оно болит, сильно болит! — признался Гюнтер. — Я не хочу тебя потерять... И Лауру тоже... Никого!

— Гюнтер, это Ева пришла? — донёсся из кухни голос Лауры.

— Да, милая! — крикнул он в ответ. — Мы с тобой ещё поговорим об этом, обещаю! — прошептал он Еве.

Та кивнула и хотела идти к Лауре но Гюнтер, подчинившись внезапному желанию, крепко обнял её и поцеловал. Мгновенно напрягшееся женское тело попыталось оттолкнуть его руками но их сила была несоизмерима с мужской. Влажные губы Евы несколько секунд были сомкнуты но стоило ему ещё сильнее прижать женщину к себе и протолкнуть свой наглый язык ей в рот, как они разомкнулись и, тихо вздохнув, Ева ответила ему. Её руки нежно проšliсь по его голове, шее, плечам... Похоже, его мужская аура всё сильнее действует на неё и она уже не может противиться даже если её разум ещё не сдался окончательно. Чувствуя, что скоро совсем потеряет терпение, Гюнтер резко отстранил её и сам отошёл к стене, пытаясь совладать с собой и хозяйством в штанах.

С затуманенными поволокой глазами Ева пошатнулась и чуть не упала. Секунд через пять она уже пришла в себя и, посмотрев на него каким-то жалобным взглядом, ушла на кухню, где тут же начался оживлённый женский разговор...

Ещё больше часа Гюнтер просидел один в комнате. Чемодан был собран и готов, вещи уложены. Обведя взглядом спальню он почувствовал как сердце грустно сжалось от того что завтра утром он увидит свою, уже родную, квартиру, возможно, в последний раз. На окне, столике, тумбочках стояли и лежали разные безделушки, которые так любит покупать Лаура. На стене тикают часы с изображением весёлого, толстого бургера в тирольской шляпе с пёрышком, который подмигивает ему... Несколько маленьких картин с изображением природы и птиц... Всё такое близкое и родное. Как они останутся здесь, без него? Лаура, Ева, Лотта? Аннелиза с Катариной? Мария с дочками? Даже Ханна и та стала ему чуть ближе... Нет, что не говори, иногда секс сближает людей даже если они этого не

планируют... А уж если этот секс такой что сносит крышу, как с Ханной, то... Гюнтер усмехнулся. Да, ситуация у него получилась, конечно, явно нестандартная... Вот как её теперь разрулить без потерь? То и дело метаться от одной к другой это не самый лучший выход! А какой лучше? Выбрать одну и всех остальных отсеять? Сердце и чувство собственника тут же гневно выразили своё несогласие. Хорошо-хорошо, это только гипотетически, незачем так реагировать! Никто не собирается никого бросать! Яростное бурчание внутри медленно затихло так и не оставив верного ответа. Что ж, придётся искать его пользуясь методом проб и ошибок. Будем надеяться что дар богини поможет не только собрать но и удержать их вокруг него..

Наконец, его позвали на кухню. Гюнтер с любопытством зашёл и выдохнул от удивления. Стол был накрыт поистине роскошно. Салаты, жареная курица, мясо, грибы, шпинат, хлеб, овощи, фрукты... И венчали весь этот лукулловый рай несколько бутылок вина, шампанского и шнапса! Гюнтер даже не представлял себе сколько Лаура отдала денег за всё это великолепие но это его не волновало, рейхсмарки были.

Хозяйка и две её помощницы стояли рядом, глядя на него с ожиданием. Что ж, ему нетрудно похвалить их за это, тем более, они действительно здорово потрудились. Он восхищённо покачал головой, обзревая заваленный стол, и сказал:

— Девочки, я поистине впечатлён вашим талантом! У меня просто глаза разбегаются! Вот только без вашей помощи я даже половины не осилю, честно говорю!

Те переглянулись и Лотта рассмеялась:

— А что, я согласна! Бедный Гюнтер просто лопнет если попробует всё съесть в одиночку... А мы не можем этого допустить, верно, девочки?

Ева улыбнулась:

— Да, мы будем очень расстроены если это случится... Придётся ему помочь! Лаура, ты же не оставишь нас без помощи?

Гюнтер с радостью увидел что Лаура слегка улыбнулась, похоже, она сама начала отходить от шока или общение с подругами помогло? Да это и не важно, главное, девушка снова стала хоть чуть-чуть походить на саму себя, отбросив неживую маску на лице.

Все вместе они уселись за квадратный стол, причём так вышло что он сидел напротив Лауры, слева от него была Лотта, справа Ева. Гюнтер, для начала откупорил бутылку шампанского и разлил в бокалы весело пузырящийся напиток. За окном по-прежнему хлестал дождь, темнело, а внутри было сухо, тепло и уютно..

Он уже мысленно прикидывал первый тост, который решил сказать, когда внезапно, с бокалом в руке, встала Лаура. Обвела всех взглядом, задержавшись на нём, и начала говорить:

— Дорогие подруги! Я знаю, вы все гадаете почему я вам не сказала причину по которой всех сегодня собрала. Видит Бог, мне невероятно трудно принять её, хотя прошло уже много часов как я узнала это... — голос девушки дрогнул и она закусил губу.

Ева с Лоттой с удивлением и тревогой смотрели на неё а Гюнтер, наконец, стал догадываться что задумала Цветочек.

— Дело в том, что завтра... уже завтра, мой Гюнтер... Гюнтер... он уезжает... он уезжает на фронт! — выкрикнула она, всхлипнула, и несколькими большими глотками выпила шампанское. Тут же подавилась и на её глазах выступили слёзы. Гюнтер вскочил чтобы помочь ей но Лотта с Евой были ближе. Поставив свои нетронутые бокалы, они дружно начали хлопать её по спине и через минуту Лаура уже пришла в себя.

Слёзы катились по её щекам но она сама налила себе полный бокал и заявила:

— Девочки, вы почему не пьёте? Я хочу выпить за то чтобы моего любимого Гюнтера всё время хранил на поле боя ангел-хранитель. Чтобы его не только не убили но и не ранили! Я его очень люблю... Больше своей жизни люблю! И обещаю ждать столько сколько понадобится когда он вернётся домой с победой! Давайте выпьем за Гюнтера!

Она протянула к нему свой бокал и коснулась его. Гюнтер проглотил внезапно возникший ком в горле и, сделав то же самое с бокалами других дам, залпом выпил напиток. Лаура последовала его примеру. Кажется, она хочет напиться... Что ж, таким темпом порусски, у неё это быстро получится.

Ева с Лоттой, выпили по половине бокала и принялись за салаты, иногда поглядывая на него. Сам он тоже молчал, принявшись за курицу, изводившую его своим пленительным ароматом.

— Девочки, Гюнтер, а почему мы так тихо сидим? — вдруг спросила Лаура с заблестевшими глазами. — У нас же есть патефон! Включите его, пожалуйста.

Гюнтер принёс аппарат из коридора и завёл его. Кухню заполнил невесть откуда взявшийся хит "Sing, Sing, Sing" от Бенни Гудмана. Бодрая, танцевальная мелодия так и тянула в пляс. Первой не выдержала Лаура. Бросив салат, она выскочила из-за стола, подошла к нему и, схватив за руки, начала пытаться танцевать под музыку. Гюнтер охотно встал и присоединился к ней.

— А вы что сидите? Давайте к нам! — весело закричала Лаура и поманила подруг к ним. Те переглянулись, улыбнулись и тоже начали вставать. Тем временем, Цветочек, едва не упав из-за своей обуви, скинула её и, взяв одной рукой Гюнтера а другой Лотту, снова начала быстро танцевать под задорную музыку. Подчинившись её заразительному примеру и тоже сбросив обувь, девушки взялись друг за друга и Гюнтера и все вместе начали извиваться под ритмичный джаз. Лаура весело смеялась и через несколько секунд ей вторили Ева с Лоттой... а потом и Гюнтер не выдержал. Что ж, если это его проводы проходят таким образом то он точно не против! А значит, надо выпить ещё и, как однажды сказал Алекс — Понеслась!!

Берлин.

30 апреля 1940 года. Поздний вечер.

Гюнтер Шольке.

...В голове то и дело заливисто играл несравненный Бенни, отчего ноги, давно уже живущие отдельно от сигналов пьяного мозга, пытались снова пуститься в пляс. Увы, то что удалось сделать будучи трезвым в самом начале проводов, теперь уже было невозможно. Глаза потеряли чёткость а тело норовило обязательно обо что-нибудь стукнуться или вообще упасть на пол и просто лежать, наслаждаясь покоем.

Взяв из бара ещё пару бутылок Гюнтер, шатаясь, направился в гостиную, куда постепенно переехало из кухни уже сильно поддатое женское трио. Весёлый смех указал ему путь и заставил расплыться в пьяной улыбке. Как хорошо что все они здесь сегодня собрались! Жаль, конечно, что это его последний мирный вечер но, чёрт возьми, он выдался просто отличным! Все его девочки... пардон, не все а только некоторые, сегодня вместе с ним и начисто выдули из головы всю грусть по поводу предстоящего утром расставания.

После того первого "Синга" Гудмана патефон буквально оккупировали его девочки, заставляя вновь и вновь крутить эту пластинку. После каждого окончания мелодии все, под руководством стремительно пьянеющей Лауры, снова поднимали тосты и пили. За лучшую медсестру в мире — Лауру... Потом за Лотту... За подругу фюрера Еву... За самого фюрера... Конечно, за Германию... А уж за Гюнтера выпили столько что он и со счёта сбился. Уже несколько пустых бутылок стояли в углу, но никто не собирался останавливаться. Сам Гюнтер поначалу не собирался сильно напиваться, помня последствия своего прошлого загула, но дружно спевшееся трио с таким возмущением насело на него что отказаться он просто не смог. В конце концов, выходить на улицу Гюнтер не собирался, а значит и неприятностей с полицией не будет. И он мысленно махнул рукой..

Зайдя в гостиную с двумя бутылками в руках, в майке и форменных штанах, Гюнтер усмехнулся, с трудом сфокусировав взгляд на широком диване. В центре сидела раскрасневшаяся Лотта и весело что-то рассказывала, а Ева то и дело перебивала её. Лаура, уже довольно сильно подтая, навалилась на Лотту и, слегка приоткрыв ротик, слушала подруг. Оказалось, те рассказывали ей про его публичное выступление на стадионе, причём с такими подробностями что будь он чуть трезвее то наверняка бы покраснел.

— Лаура, ты бы видела его... Он был вели... великолепен! Все девчонки так его слушали! В моём отряде есть пара болтушек которые всегда любят шушукаться, даже когда... ик!.. извините... когда торжжж... жественное построение... А тут смотрю а они уста... ик!..вились на него и молчат! Представляешь? — заплетающимся языком говорила Лотта.

— Да, она права, Лаура... — согласилась Ева, допивая очередной бокал. — Я стояла рядом с ним и была просто в шоке... Он нашёл такие слова что мы все чуть не прослезились... А уж что было когда он кончил!

— Кончил? А он кончил? Как это? — удивилась Лаура, видимо, пытаюсь понять ситуацию. Ева с Лоттой дружно посмотрели на неё... и едва не свалились с дивана от хохота когда поняли смысл сказанного. Ева, пытаясь объяснить, тщетно открывала рот, выронив пустой бокал, но так и не смогла остановиться, сотрясаясь от смеха. У Лотты дёрнувшаяся

рука накрыла фужер и часть напитка пролила на её платье но она ничего не заметила.

Лаура несколько секунд недоумённо смотрела на подруг, пытаясь сосредоточиться, а потом махнула рукой:

— Да ну вас... — и сама присоединилась к веселью.

Тут к ним подошёл Гюнтер и хотел сесть с края но Лотта начала отодвигаться от Лауры, давая ему место между ними. Сев и разлив своим девочкам новое вино, он спросил:

— Я что-то не понял, куда, где и зачем я кончил?

Начавшиеся успокаиваться девушки, услышав вполне закономерный, с его точки зрения, вопрос снова прыснули смехом, навалившись на него. Поворачивая голову туда-сюда, Гюнтер слегка нахмурился. Похоже, он что-то пропустил? Или не понял? Определённо, есть смысл в том что они смеются но при чём тут он? Непонятно..

— Дамы, я повторяю вопрос... При чём тут что я кончил? Кстати... где и когда это случилось? Вы о чём вообще? — с трудом контролируя свой язык, спросил Гюнтер.

В следующую секунду, всхлипывающая от смеха Лотта, залпом допив свой бокал, буквально сползла головой к нему на колени, содрогаясь и вцепившись в его ноги. Лаура прижалась к его плечу и попыталась что-то объяснить но не смогла и снова глотнула из бокала. Лишь Ева, с трудом успокоившись, рассказала в чём дело.

Выслушав, Гюнтер пожал плечами. Ну выступил и выступил... А что кончил так это... Тьфу ты, закончил! Ох и пошлые у него девочки, оказывается, когда выпьют! Допив свой бокал и налив себе с девчонками заново Гюнтер устало закрыл глаза, облокотившись на спинку дивана. Было ощущение что он куда-то плывёт, в голове было пусто, лишь проскользнула вялая мысль что ему очень повезло приобрести себе столько красавиц и надо ценить это. Как там говорится? Одним выстрелом несколько зайцев? Хм... В принципе, это возможно, если посадить зайцев друг за другом, тогда одна пуля пробьёт сразу нескольких... Или лучше выстрелить дробью в кучу зайцев? Как лучше?

Он помотал головой с закрытыми глазами. Мысли явно свернули куда-то в сторону. Гюнтер ощутил как на его правое плечо навалилась Лаура и тут же засопела, крепко обхватив его руку. Через несколько секунд с его левым плечом то же самое сделала Лотта. С трудом открыв глаза, он посмотрел вокруг и натолкнулся на взгляд Евы, которая смотрела на него. Похоже, в силу возраста или того что пила меньше всех она была самой трезвой из подруг.

— Наверное, нам пора заканчивать Гюнтер? — спросила она, отведя взгляд. — Уже поздно, давай разбудим Лотту и мы пойдём. А ты уложи Лауру и тоже отдохни... Завтра утром тебе понадобятся силы.

— Вот именно, уже поздно, поэтому вы... ик!.. никуда не пойдёте! — категорично заявил Гюнтер. — Одних я вас не отпущу но и сам не смогу проводить... Поэтому все будут ночевать здесь! — стукнул он кулаком по колену но не рассчитал силы и зашипел от боли. — Проклятье!

— Гюнтер, но..

— Всё, Ева! Это не обсуждается! — отрубил он, как бы со стороны наблюдая за самим собой. Да, похоже, Гюнтер выпил больше чем рассчитывал.. — Вы все будете спать на нашей кровати... В смысле, вы трое... — поправился он.

— А ты? — спросила она, осторожно обнимая сидящую рядом Лотту.

— А я буду спать здесь, на диване... Увы, но вчетвером мы там не поместимся! — усмехнулся он.

Гюнтер, обхватив Лотту за талию, потащил девушку в спальню, Ева помогла с другой стороны. Зайти в комнату с первого раза получилось не слишком удачно. Гюнтера повело в самый неподходящий момент и он крепко ударился об косяк плечом, едва не свалившись на пол. Тут ещё Лотта открыла затуманенные глаза и, что-то тихо пробормотав, попыталась поцеловать его. Но не смогла и, обиженно всхлипнув, снова уснула.

Уложив девушку в середину Гюнтер с Евой отправились за Лаурой. Тем же манером и её перенесли на кровать. Слегка прищурившись, Гюнтер оценил ситуацию. Похоже, он всё-таки немного ошибся с расчётами, на кровати хватит места не только для Евы но и для него самого. Хотя есть риск свалиться во сне на пол... Или лучше вернуться на диван?

— Помоги мне раздеть их? — прервала его размышления Ева. За минут пять они справились с этим и теперь обе девушки лежали на кровати в одном белье, тихо посапывая. Аккуратно сложив их платья на стул, Ева обернулась к нему:

— Гюнтер..

— Что?

— Мне тоже надо раздеться. Может, отвернёшься? — спросила девушка, избегая смотреть ему в глаза.

Он подошёл к ней и вплотную и медленно покачал головой, улыбаясь во весь рот. Всё-таки найдя силы посмотреть ему в лицо Ева вдруг застыла. Повисло молчание, нарушаемое лишь тихим дыханием Лауры и Лотты на кровати. А затем... подрагивающие руки Евы потянулись к пуговицам платья. Она не отрывала от него взгляда, словно Гюнтер загипнотизировал её. Первая пуговица... вторая, третья... Женщина наклонилась, взялась руками за подол и медленно потянула вверх... Вот показались её длинные, спортивные ноги в чулках с поясом, белые трусики... потом появился животик. Наконец, настал черёд женской груди, которую закрывал белый лифчик. Ева не глядя отложила своё платье, продолжая неотрывно смотреть прямо ему в глаза. Её дыхание участилось а лицо покраснело..

Гюнтер почувствовал как возбуждение опять овладевает им. Казалось бы, секса ему хватает с лихвой, тем более с несколькими девушками... Но сейчас, глядя на полуголую женщину, он в который раз подумал что сделал правильный выбор отобрав её у фюрера который только и может что смотреть и драть на красавиц. Да, он великий германский лидер, но мужчина ли? Судя по состоянию и поведению Евы, весьма сомнительно..

Он встал к ней вплотную, поднял руку и нежно погладил пальцем по щеке. Член внизу, в плену штанов, пульсировал от желания. Ева слегка пошатнулась и опёрлась о него, в её глазах Гюнтер увидел что она тоже начала погружаться в океан похоти, забыв о том что в паре метров от них лежат две спящие девушки.

— Дальше... — тихо прошептал Гюнтер. — Полностью..

Женщина приоткрыла рот чтобы что-то сказать, скорее всего, возражения, но он пресёк это на корню, закрыв ей рот указательным пальцем... а потом провёл им по её губам. И вот, подчиняясь его желанию, бретельки лифчика упали и Гюнтер снова смог насладиться видом её груди с торчащими от возбуждения сосками. Быстро расстегнув свои штаны он взял руку Евы и засунул в них, заставляя её коснуться своего горячего органа. Робкая попытка женщины убрать руку быстро прошла и Гюнтер закрыл глаза от удовольствия, ощутив как ласковая женская ручка начала нежно поглаживать член.

Снова открыв глаза он увидел что Ева, прижавшись к нему, спрятала своё лицо на его груди, а второй рукой стала поглаживать его спину. Нежно взяв её за волосы, Гюнтер

оттянул её голову и тихо сказал:

— Я люблю тебя. Ты моя... и всегда будешь моей... — и жадно поцеловал её губы.

Потом он обхватил уже полностью покорную Еву и потащил обратно в гостиную, на диван. Навалился на неё, сорвал последнюю преграду на пути к пещере удовольствия и, с каким-то рыком, ворвался в неё. Ева тихо вскрикнула и, видимо, окончательно потеряв контроль, обхватила его своими ногами, крепко прижав к себе. Что ж, Гюнтер был только рад..

Её влагалище, разбуженное его умелыми руками и членом, со смачным звуком приняло в себя его орган и комнату наполнили тихие стоны, всхлипы и неразборчивый шёпот... Ева, закрыв глаза и закинув ему руки на шею, вжалась в него и шептала в забытии:

— Гюнтер... ах... Гю... я тоже люблю те... аа... Боже! Да!.. Ещё, умоляю!.. Давай же!.. Ох, мама... Как же хор... ах!..

Вдыхая запах одной из своих любимых женщин, Гюнтер решил кое-что проверить... Чувствуя что скоро не выдержит, он попытался зафиксировать своё возбуждение на одном уровне, тем самым, остановив его от извержения... И получилось! Большое тебе спасибо, богиня, за ещё один подарок! Довольно улыбнувшись, Гюнтер усилил напор и меньше чем через минуту Ева громко закричала, в последний момент закрыв свой рот ладонью. Её судорожно стиснутые ноги обхватили его торс, оторваться не было никакой возможности и он продолжил врываться в гостеприимное нутро женщины.

Через несколько минут такой "скачки" глаза Евы расширились, до краёв заполненные диким удовольствием и бесконечной благодарностью... и Гюнтер ощутил как женщина, закрыв рукой рот, снова мелко задрожала и замычала. Она опять кончила, его любимая Ева, с нежностью подумал он. А теперь его очередь! Отпустив контроль уже через несколько секунд Гюнтер тоже содрогался в оргазме, ощущая как миллионы его маленьких бойцов дружной атакой наперегонки штурмуют женскую утробу чтобы, вполне возможно, дать жизнь потомству.

— Да... — тихо прошептала Ева, не собираясь размыкать свои объятия. — Это было так сладко, ощущать тебя в себе... Мне так хорошо с тобой, Гюнтер..

— Я знаю, любимая... — ответил он. — А теперь уже поздно, давай в душ а потом спать.

— Давай! — согласилась улыбающаяся Ева. — Только я не смогу сама, может, отнесёшь меня туда?

— Вот ты хитрюга! — усмехнулся он.

— Сам виноват! — хихикнув, женщина упёрлась в него своим пальчиком. — Развратил бедную, беспомощную девушку, довёл её до изнеможения а теперь что? Ой... — она посмотрела на него испуганным взглядом. — Мы... Ты же сделал ЭТО внутри? А если..

— Значит, родишь! — твёрдо сказал он. — Это будет наш с тобой сын.

— А почему сразу сын? — игриво спросила она, не спеша его выпускать. — Вдруг это будет дочка?

— Если она будет похожа на тебя то я согласен... — улыбнулся Гюнтер, поглаживая её по волосам. — Такая же красивая, милая и ласковая... Но никто не помешает мне попробовать снова!

— Я знаю, вы, мужчины, всегда хотите сына... А он вырастет, возьмёт в руки оружие и пойдёт воевать... Или погибнет! — перестав улыбаться, закончила она.

— Это мужская судьба, Ева... — пожал он плечами. — Так всегда было, есть и будет.

Иначе сюда придут чужие сыновья и заставят наших женщин рожать им детей.

Ева мгновенно ошетибилась, глаза засверкали:

— Ни за что! Я скорее убью себя чем отдамся врагам! Чтобы смешать нашу чистую кровь с отбросами Запада и Востока? Этого никогда не будет!

— Конечно! Именно поэтому мы, мужчины, и отправляемся сражаться за наш Рейх... Чтобы вы, дети и женщины, могли спокойно наслаждаться жизнью в безопасной и сильной Германии! — закончил Гюнтер.

— Да, ты прав... — согласилась Ева неохотно. — Может быть, когда наш сын вырастет, войны уже закончатся и Германии будет не с кем воевать?

— Это вряд ли, любимая... — покачал он головой. — Но мы постараемся сделать так чтобы этих врагов у нас осталось как можно меньше.

— А что ты скажешь Лауре? — внезапно сменила тему женщина. — Рано или поздно она всё равно узнает... Да и мне стыдно её обманывать, она такая милая и хорошая.

— Об этом не беспокойся, Ева. Доверься мне. Я решу этот вопрос. Запомни одно — в любом случае ты будешь со мной! И ни фюрер ни кто другой не отнимет тебя у меня!

Она посмотрела несколько секунд ему в глаза. Словно увидев в них что-то что её удовлетворило она кивнула:

— Я верю тебе, мой любимый... Точнее, я знаю что ты всё сделаешь так как надо. А больше такой влюблённой дурочке как я и не нужно! — тихо рассмеялась она.

Потом они пошли в душ где смыли с себя любовный пот, заодно снова поласкав друг друга. Завернувшись в полотенца, дошли до кровати. Затем, после краткого спора и тихого настояния Евы, Гюнтер осторожно подвинул Лауру и Лотту ближе к одному краю кровати, лёг сам а с другого края устроилась Ева, по-хозяйски закинув на него свою ногу и положив голову на плечо.

Гюнтер чувствовал как полностью расслабленное и удовлетворённое тело начинает окутывать сном. Выпитый алкоголь, благодаря сексу, в значительной мере распался и теперь в глазах уже не стояла пьяная муть.

— А ты знаешь что очень сильно нравишься Лотте? — внезапно прямо в ухо зашептала Ева, проведя по нему языком.

Дёрнув головой от щекотки, он ответил:

— Трудно не заметить..

— И что же ты сделаешь? Кого выберешь? Лауру, меня или её? — с любопытством спросила она.

Погружаясь в сон Гюнтер меньше всего хотел сейчас решать какие-то проблемы и брякнул правду:

— Да никого не буду выбирать... Возьму вас всех... Давай спать, милая?

Последнее что он услышал, перед тем как окончательно провалиться в объятия Морфея, было:

— Гюнтер, ты серьёзно!? Гюнтер, чтоб тебя!.. Не спи! Я хочу поговорить об этом!..

Москва. Неизвестная больница.

1 мая 1940 года. Раннее утро.

Александр Самсонов.

— Ну, как ты, Саша? Уже лучше? — с тревогой спросила Катя, глядя на него.

— Спасибо, уже могу двигать головой... — усмехнулся он.

— Это хорошо... — удовлетворённо вздохнула девушка. — Мы так испугались когда узнали что ты разбился. Я смотрю, а ты весь в крови, без сознания... А чтобы вытащить тебя из кабины пришлось туда двум бойцам залезть, представляешь?

— Представляю... Кстати, а где мы? Что-то я не помню такой палаты в нашей санчасти... — удивился Саша, в который раз оглядываясь по сторонам.

— Ах да, я забыла сказать. Тебя приказали отправить в московскую больницу. И теперь ты будешь здесь пока не выздоровеешь... — просветила его Катя.

— Что ж, спасибо и на этом... Жаль только что уже в самом конце сорвался... Ещё бы чуть-чуть и финиш... — с огорчением вздохнул он. Вот не повезло так не повезло. Прошёл почти всю дистанцию и не вписался в Ворота. Да и машину конкретно угробил. Боль уже не донимала так сильно как раньше, организм восстанавливался. Конечно, встать с постели и передвигаться самостоятельно Александр не мог, но тенденция была положительная.

— Может, ты хочешь поесть? Или попить? — проявила заботу девушка, поправив ему подушку.

Он прислушался к себе. Желудок подавал сигналы но, как-то, нерешительно поэтому Саша решил подождать до завтрака, благо он должен быть уже скоро. А вот поговорить кое о чём не помешало бы. Так сказать, расставить точки над i..

— Нет, не хочу, Катя. Но хотел бы узнать от тебя кое-что важное для меня.

— Конечно, спрашивай... — кивнула та.

— Ты же знаешь что мне нравишься? — прямо в лоб спросил он. Конечно, возможно, он поступает неправильно но ему надоело изводить себя сомнениями и хотелось полной определённости.

Катя тихо вздохнула и отвела глаза.

— Саша, ну зачем опять?.. Мы же с тобой об этом уже говорили.

— Я знаю. Просто хочу услышать от тебя честный ответ. Ты хочешь познакомить меня со своей подругой Светой чтобы я отстал от тебя? — поинтересовался Александр, не спуская с неё глаз. — Ответь мне, как честная комсомолка, не лги, пожалуйста!

— Да... — наконец, ответила она, помолчав секунд десять. Девушка покраснела от смущения и никак не могла встретиться с ним взглядом.

— Спасибо, Катя... Лучше уж горькая правда чем сладкая ложь. Как уже сказал раньше, я согласен. Надеюсь, она мне понравится... — усмехнулся он с ноткой грусти.

— Я уверена в этом, Саша! — горячо принялась она уверять его, отчего ему стало ещё хуже. — Светка, она отличная девчонка! Я тебе уже рассказывала про неё, помнишь?

— Помню... — отозвался Александр. — А расскажи мне про своего парня? Какой он? — внезапно для самого себя спросил он. Чёрт, зачем ему это надо? Что на него нашло? Какая ему разница? Или это снова вылез дурацкий мазохизм, узнать побольше про своего более удачливого соперника?

— Про Лёшу? Зачем? — удивилась девушка.

— Извини, зря я спросил... — с досадой ответил он. — Можешь не говорить.

— Ничего, это не тайна... — сказала Катя. На её лице появилась мечтательная улыбка, глаза заблестели и Саша удивился как он мог раньше этого не заметить. — Лёша, он такой... Такой красивый, сильный, мужественный. Хоть и простой рабочий но он так много знает... Знаешь, вот иногда говорят что "быть как за каменной стеной".. Так вот, за ним я себя так и чувствую. Как будто в тёплом, уютном домике когда снаружи бушует вьюга или дождь. Мы

любим друг друга, я это чувствую! Когда я с ним то ощущаю себя самой счастливой женщиной на свете...

Она замолчала а Саша пытался найти другую тему для разговора.

— А можно тебя тоже кое о чём спросить? — внезапно заинтересовалась она, словно колеблясь.

— Спрашивай... — пожал он плечами. — Откровенность за откровенность.

— Скажи, зачем ты всё это выдумал? — и добавила, в ответ на его удивлённый взгляд. — Я имею в виду то что ты тогда рассказал... Что немцы нападут на нас через год... Про наш разгром, про Ленинград, Сталинград... Это же неправда, тут даже дураку ясно! Мы с немцами друзья, а если бы даже они попробовали напасть на нас то наша Красная Армия остановила бы их на границе а потом погнала назад, в Берлин. И немецкие рабочие, наши классовые братья, подняли бы у них в тылу восстание и в Германии тоже победили бы коммунисты.

Её тон из вопросительного, постепенно, превратился в обвиняющий. Саша видел что она на самом деле говорит то во что верит. Чёртова советская пропаганда! Вот из-за таких дурацких лозунгов и наивных ожиданий в 1941 году во многом и случилась такая катастрофа! "Малой кровью, на чужой территории!" Тьфу, блядство! Мы самые сильные а немцы слабаки! Саша почувствовал что в его душе разгорается гнев. Сколько раз в нашей истории было когда из-за такого шапкозакидательства страна несла тяжёлые потери? Битва при Калке, начало Северной войны, Русско-японская война... Неужели трудно понять что врага нужно уважать? Только тогда можно будет его победить! Да что далеко ходить? Во время всей ВОВ особисты карали тех бойцов и командиров которые осмеливались сомневаться в мощи советского оружия или утверждали что немецкое лучше. В результате, опять же, напрасные потери из-за недооценки врага.

— Да с чего ты взяла что неправда? — язвительно спросил он, пытаясь сдержаться. — Эти, так называемые, "друзья" совсем скоро начнут разрабатывать план нападения на нашу страну, помнишь, я говорил? Для Гитлера все договоры о мире это всего лишь бумажки которыми он подтерётся когда захочет! Это только мы всегда стараемся свято соблюдать договоры, боясь что нас обвинят в их нарушении! А другие, особенно европейцы, этим не заморачиваются! Надо — помирились, договор подписали. Надо — разорвали договор и айда воевать! Что ты там сказала про немецких рабочих? Поднимут восстание? Ха-ха! Да им плевать на нас, пойми, наконец! Своего главного коммуниста Тельмана они не поддержали потому что, в отличие от нас, им было важнее своё собственное положение а не счастье для всех рабочих мира! И когда мы будем воевать с ними эти самые рабочие будут с удовольствием расстреливать не только наших рабочих но и их семьи!..

— Замолчи! Не смей так говорить! — буквально зашипела девушка. — Ты ничего не понимаешь..

— О нет, я отлично понимаю, в отличие от тебя, глупышка! — повысил голос Александр, чувствуя что теряет над собой контроль. — Всё что я рассказал — правда, нравится тебе это или нет! И если руководство будет таким же слепым и глухим как ты то всё именно так и получится! А знаешь почему? Да потому что ты слепо веришь в пропаганду, где мы всегда побеждаем а враги всегда слабые и глупые! А это не сказка, это жизнь и она иногда очень сильно бьёт по таким наивным. Единственная надежда на то что в Германии совершают ту же ошибку думая что СССР — колосс на глиняных ногах!

— Ты... Ты самый настоящий враг! Провокатор! Трус! Паникёр! Шпион! — вскочила

девушка, глядя на него бешеными глазами. — Если бы не приказ, то..

— То что? Убила бы? — презрительно усмехнулся он. — Да пожалуйста! Вы, коммунисты, любите такой способ решения вопроса... Без долгих размышлений и колебаний — бац! прямо в лоб! Конечно, какие могут быть сомнения? Раз Ленин или Сталин что-то высокопарно сказал значит так и есть, верно? А кто не согласен — в расход!

— Только попробуй ещё раз полоскать своим грязным языком имя великого товарища Сталина, гадина! Или я за себя не отвечаю! — казалось, она сейчас накинется на него и разорвёт на кусочки.

Внезапно он почувствовал что его словно отпустило. Накатило опустошение и апатия. Да пошли они все к чёрту, эти тупые твердолобые коммунисты... Если не хотят смотреть правде в глаза то это только их проблема! Хотя нет, увы... Это проблема, к сожалению, будет общей. Тут не получится отделить зерна от плевел. Да, ему не нравятся коммунисты, но он любит свою страну, сотни миллионов простых людей, а значит, придётся спасти всех, не разбираясь кто коммунист а кто беспартийный. Это напомнило ему один спор со своим товарищем из будущего, который утверждал что если будет война с "НАТО" то он ни за что не станет защищать власть Путина и его олигархов, типа Сечина, Миллера и прочих. Дезертирует и спрячется где-нибудь в глуши.

Александр презрительно скривился. Ещё один, мать его, единоличник хренов! "Моя хата с краю — ничего не знаю!" С каким удовольствием он тогда несколько раз вмазал ему по лицу и телу! До сих пор было приятно вспомнить! Тогда, склонившись над изумлённым, харкающим кровью уже бывшим товарищем, он сказал:

— Какая же ты мразь, Серёга! Выходит, раз не хочешь воевать за Путина значит штык в землю и пора домой, да?! А то что кроме Путина и Сечина в стране живут 140 миллионов простых людей ты забыл, сука?! Их, значит, защищать не надо?! Пусть "Абрамсы" и "Брэдли" разъезжают по Красной площади, негритосы трахают наших жён, сестёр, дочерей, матерей? Зато, блядь, они, наконец, скинули проклятого Путина! Какая радость, гремите барабаны! Тебя пример Украины ничему не научил? Там тоже нашлась куча долбоёбов желающих скинуть ворюгу Януковича. И какой результат они получили, а? Ты, дебил, не понимаешь одной простой вещи — в крайнем случае, тот же Путин или олигархи смотаются за границу а вот "звёздно-полосатые" останутся! И будешь ты на них пахать так как не пахал никогда! И когда какой-нибудь ублюдок из Техаса или Алабамы, жуя свою жвачку, поманит тебя пальцем и прикажет привести к нему твою сестру Машу... Она же у тебя красавица, верно? Так вот, ты её приведёшь, сучий потрох, и ещё спасибо ему скажешь что он не поленился, поднял свою жирную задницу, приехал сюда из своей сраной Америки и сверг Путина, установив в стране свою любимую западную демократию! А сестра? Подумаешь, небольшая плата за такое дело! Может, она ему понравится и он возьмёт ее с собой в Америку, да? Да даже если Путин и остальные погибнут, достойная ли это плата за гибель своей страны? Ты, вижу, считаешь что да... А вот я, сука, не согласен! И если сюда придут эти бравые уроды, выкормыши Форт-Брэгг, то я стану уничтожать их любыми способами и мне будет абсолютно плевать цивилизованные они или запрещены Женевской конвенцией! И если для того чтобы защитить страну и простых людей мне придётся защищать и Путина вместе с его друзьями, то пусть так и будет, мать твою! Потому что если выбирать из двух зол то я выберу меньшую! И если всякие недовольные внутри страны, такие как ты, снова попытаются мутить воду, мечтая о революции и захвате власти, то я возьму палку, нож, автомат и стану мочить вас в сортире, где вам самое место! А теперь вали отсюда, скотина, пока нос не

сломал окончательно, урод траханый!..

— Короче, я понял что с тобой сейчас говорить бесполезно... Как говорится, пока гром не грянет мужик не перекрестится... — сказал он, отворачиваясь от неё. — Устал я, поспать хочу.

Несколько секунд слышалось лишь тяжёлое дыхание девушки а потом громко затопали сапоги и она почти выбежала из палаты. Что ж, ожидаемая реакция на его слова. Жаль только что теперь, похоже, накроется знакомство с её подружкой... Да и хрен с ней! Пожалуй, в самом деле, лучше вздремнуть пока есть возможность, в лагере вряд ли будет такая расслабуха.

Берлин.

1 мая 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Он снова стоял на перроне вокзала Лертер, уже в который раз. Во второй? Или третий? Неважно. В такое хмурое утро это было явно не то место где он хотел бы находиться, но что поделаешь? Не всегда всё зависит от желаний конкретного человека, тем более, военного. Голова побаливала после раннего подъёма и чрезмерного возлияния вечером, но он старался это не показывать. Гюнтер оглянулся и не сумел удержаться от широкой улыбки. Пожалуй, ни один из пассажиров не удостаивался такой свиты при отъезде как он. Прямо цветник!

Рядом с ним, прижавшись к его плечу и закрыв глаза, стояла Лаура с весьма болезненным видом. Вчерашняя пьянка свой след оставила и на ней. Также недалеко стояли Лотта с Евой, причём первая то и дело прижимала руки к вискам. Он вспомнил как они с трудом встали утром и дружно приняли таблетки от головы. Что ж, Гюнтер надеялся что это поможет..

С другой стороны стояла его семья, мать, отец, брат... и Ханна. Отдельной группой примостились Аннелиза с Роландом и Катарина. Наконец, самой крупной компанией стояли баронесса с дочерьми и... Ребекка. Так сказать, полный набор! Хотя, что тут делает Ребекка он не понял. Да, конечно, Гюнтер оказал ей помощь, но такое участие к нему... Или это опять дар богини сработал? Вряд ли, слишком мало времени прошло..

— Гюнтер... — первой начала Ева, когда он оторвался от Лауры и подошёл к ней. — Я... то есть, мы все, желаем тебе чтобы ты вернулся живой и здоровый. И побыстрее..

— Я обещаю что постараюсь сделать всё чтобы не погибнуть. У меня ещё целая куча планов на свою жизнь... и насчёт тебя тоже... — шёпотом добавил он.

Та покраснела, поколебалась... и, набравшись смелости, обняла его за шею, поцеловав в щеку.

— Если забеременеешь, подумай над именами нашего сына или дочери, как вернусь, обсудим. Хорошо? — улыбнулся он и подмигнул ей. Красная как помидор, женщина кивнула и, пересилив себя, отошла от него, на ходу вынимая из сумки платок.

Её сменила Лотта. Никого не стесняясь, она тоже обняла его и поцеловала прямо в губы, словно напоказ. Ошеломлённый Гюнтер не успел среагировать и лишь удивлённо расширил глаза. Вот это номер отмочила, чертовка!

— Милый, я буду очень волноваться за тебя... Но, почему-то уверена что с тобой ничего серьёзного не случится. Поэтому буду ждать и писать письма. А ты спокойно служи и... пожалуйста, не вздумай знакомиться там с кем-нибудь, ладно? Нас и так тут, как посмотрю,

слишком много... — кинула она взгляд на множество девушек и женщин провожающих Гюнтера.

— Сделаю всё чтобы этого не допустить, Лотта... — усмехнулся он. Нет, он, конечно, постарается, но... Мало ли что может там случиться? — Скажи, ты специально набилась Лауре в подруги чтобы стать ближе ко мне?

— Не понимаю о чём ты говоришь, Гюнтер... — пожала она плечами с самым бесхитростным видом. — Лаура очень приятная девушка, мне нравится с ней общаться.

— Ну-ну... Будем считать что я поверил... — ухмыльнулся Гюнтер, подавив желание снова поцеловаться с ней.

— Гюнтер, просто приезжай. Живой! — без всякой улыбки, серьёзно сказала она.

— Приеду! — кивнул он. — Ты просто жди.

Лотта, опустив глаза, отступила от него и подошла к Лауре, обняв её за плечи. К ним присоединилась Ева, обняв их обеих. Так они и стояли, втроём, неотрывно глядя на него.

Он подошёл к следующей группе. Аннелиза, едва сдерживая слёзы, смотрела на него, положив руки на плечи сына. Катарина печально улыбалась. Гюнтер решил больше не скрываться:

— Мои дорогие, любимые девочки! Вы мне обе очень дороги. Я не хочу терять ни одну из вас, потому что люблю. Знаю, это ненормально, но так оно и есть. Я не знаю пока как всё получится в дальнейшем, но обещаю что сделаю всё чтобы мы все были счастливы вместе!

Аннелиза, не выдержав, расплакалась и обняв, крепко прижалась к нему.

— Я боюсь, Гюнтер! А вдруг ты..

— Не говори так, подруга! — с нажимом прервала её Катарина. — С ним будет всё хорошо. Я ведь права? — требовательно спросила она у него, глядя прямо в глаза.

— Конечно! — кивнул он. — Если вы обе будете писать мне письма то со мной будет всё хорошо!

— Каждый день! Я каждый день буду тебе писать, мой любимый! — с трудом проговорила, пытаясь вытереть свои слёзы, Аннелиза. — И Катарина тоже!

— Да, так и будет! — пообещала та, тоже обняв его с другой стороны. — Только возвращайся. Без тебя мы... Нам будет очень тяжело.

— Обязательно вернусь! — подтвердил он. — Я же говорил что ни за что вас не брошу? Не допущу чтобы вы сгорели в пламени моего огня? Если вы на самом деле поверите то это осуществится. Потому что я этого хочу!

— Дядя Гюнтер, а вы можете стать моим папой? — внезапно подал голос Роланд. Аннелиза вздрогнула и внезапно затихла, словно превратившись в мумию. Гюнтер опустил на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с мальчиком.

— А ты этого хочешь, будущий солдат? — усмехнулся он, поправив чёрную фуражку.

— Да, хочу! — сказал Роланд. — И мама хочет и тётя Катарина!

— Сынок! — укорила его заплаканная мать.

— Что ж, если твоя мама и Катарина согласны то я с удовольствием! Они обе хорошие и красивые, правда, боец? — подмигнул он парнишке.

— Да! А ты женишься на них? — снова спросил тот.

— Роланд, ну хватит... — попыталась отвлечь его Катарина, но безуспешно.

— Как только фюрер издаст закон разрешающий многоженство то сразу. А если нет... то ты всё равно станешь моим сыном а твоя мама с Катариной моими жёнами. Пусть и неофициально. Ты согласен? — весело улыбнулся он.

— Согласен! — рассмеялся мальчик. — Когда я вырасту я тоже буду сражаться за фюрера и Германию! Стану большим и сильным как ты, папа! И тоже женюсь на нескольких девочках! — рассказал свои планы Роланд.

Гюнтер не выдержал и расхохотался. Аннелиза с Катариной тоже прыснули от смеха, закрыв рот рукой.

— Сынок, прекрати!.. Что за ерунду ты говоришь? — впервые улыбнулась Аннелиза, потрепав мальчика по голове.

— Устами ребёнка глаголет истина! Что ж, теперь у меня появился сын и две жены... — подвёл он итог. — Значит, от вас я жду писем а от тебя, сынок... Ты один мужчина в доме, поэтому обязан заботиться о маме и Катарине, понял? Не огорчай их, слушайся и защищай до моего возвращения. А если появится ещё какой-нибудь "папа" то гони его прочь!

— Обещаю! — кивнул Роланд под смущённые смешки двух подруг. — А ты мне привезёшь что-нибудь с войны?

— Что именно?

— Пистолет! Или гранату! Ни у кого из мальчишек нет а у меня будет! — загорелся он.

— Нет, Роланд, ты ещё маленький! Тебе нельзя играть с оружием! — всполошились обе женщины.

— Нет, я уже большой! Я мужчина! — упёрся мальчик.

— Успокойтесь, девочки! Сынок, оружие с фронта запрещено привозить. Но я смогу подарить тебе настоящую английскую или французскую каску. Хочешь? — предложил Гюнтер, сделав вид что хочет ткнуть мальчику пальцем в нос. Тот со смехом увернулся и сказал:

— Да! Я хочу её на свой день рождения!

— А когда он у тебя? — спросил он.

— Летом, в июле! — ответил парнишка.

— Обещаю, если успею приехать то подарю. Может, даже обе каски! — снова улыбнулся Гюнтер, вставая во весь рост.

Плюнув на всё он снова обнял своих... хм, жён и поцеловал обеих в губы. Конечно, все это видят, в том числе и Лаура, но какого чёрта? Пора бы уже начать их приучать к тому что он не может любить кого-то одного, оставив несчастными других. Если дар богини поможет то они примирятся с этим. А если нет... Тогда ему будет плохо.

— Я люблю тебя, Гюнтер! — погладив его по щеке, произнесла Аннелиза.

— И я тебя тоже люблю, милый! — поддержала подругу Катарина.

— Я вас обожаю, мои дорогие, очаровательные, красивые девочки! — сказал он, глядя на обеих. — Оставайтесь такими же красивыми как всегда. А я скоро вернусь!

Ласково потрепав по голове Роланда, он подошёл к баронессе с её семейством.

— Здравствуй, Мария! — поздоровался он. — Грета, Амалия, Ирма — моё почтение! Ребекка, искренне рад снова видеть тебя.

— Боже мой! — тихо сказала баронесса. — Неужели их так много? Я даже не ожидала..

— Кого? — не понял он.

— Твоих... — она замялась. — Твоих подруг..

— Да, так получилось... — не стал отрицать он. — Ума не приложу как так вышло но теперь... результат налицо, как говорится.

— А я, по-моему, поняла как у нашего Гюнтера так получилось... — кусая губы чтобы не расхохотаться, ответила Ребекка. — Только он туда приложил не ум а кое-что другое.

— Ребекка, я всегда знал что ты умная и в очередной раз в этом убедился! — подарил Гюнтер ей комплимент. — Ну что, будем прощаться или выяснять некоторые нюансы? Думаю, сейчас не подходящее для этого время и это вполне можно отложить до моего возвращения. Как считаете?

— Согласна, Гюнтер! — баронесса быстро пришла в себя и её лицо снова стало спокойным. — Я и мои дочери очень надеемся что ты вернёшься к нам живым и здоровым, чтобы..

— Чтобы решить кое-какую проблему, которую он создал! — закончила за неё Ребекка, которая, всё-таки, не выдержала и фыркнула от смеха. Мария недовольно на неё покосилась и продолжила:

— Как только ты вернёшься, я хотела бы поговорить с тобой... Ты знаешь о чём! — выделила она последнюю фразу.

— Конечно, Мария, не сомневайся, по возвращении я обязательно заеду к тебе и освежу в памяти некоторые приятные события которые недавно произошли! — улыбаясь, сказал он, вызвав на лице Марии слабую улыбку и покраснение лица. Ребекка картинно закашлялась, вызвав удивлённые взгляды дочерей баронессы.

— Ребекка, прекрати! — тихо сказала Мария, выразительно посмотрев на неё.

— Всё-всё, я молчу... — подняла она руки. — Кстати, Мария, ты ничего не забыла?

Баронесса слегка нахмурилась но сразу её губы расплылись в улыбке.

— Ах да, это тебе, Гюнтер. Наш совместный с Ребеккой подарок, тебе на прощание! — она раскрыла свою сумочку и подала ему... Билет?

— Что это? — удивился он, повертев его в руках.

— Это билет первого класса на твой поезд. И не вздумай опять отказываться! Там, на фронте, ты будешь вынужден терпеть всякие трудности и неудобства, так пусть хоть теперь, когда станешь ехать на поезде, тебя будет согревать наше внимание! — сказала Мария.

— Хм, а что мне делать со своим старым билетом? — озадаченно спросил он.

— Можешь выбросить его или отдать проводнику... — пожала плечами Ребекка. — Нам сказали что он уже недействителен.

— Мама, ты чудо! — восхитилась Ирма. — Такая заботливая!

— Да, наша мама очень добрая, Гюнтер! Верно? — спросила у него Грета, обнимая мать.

— Конечно! — согласился он. — А ещё она красивая, умная, аристократичная и гор... кх! кх! — закашлялся он, с трудом удержав свой непослушный язык.

Баронесса, несмотря на свою выдержку, умудрилась покраснеть, наградив его раздражённым взглядом, зато графиня снова не сдержалась и весело рассмеялась под удивлёнными взглядами Ирмы, Греты и Амалии, которые явно не поняли подтекста.

— Впрочем, могу с уверенностью заявить что её очаровательная подруга, по имени Ребекка, вряд ли ей уступит, особенно в последнем! — весело ей улыбнулся Гюнтер, заставив теперь уже Ребекку покраснеть и резко успокоиться, вызвав удивлённый взгляд на неё со стороны Марии.

Повисло неловкое молчание, которое он же и нарушил:

— Что ж, огромное вам спасибо, мои прекрасные дамы, что нашли возможность проводить меня. Я искренне вам за это благодарен и, поверьте, обязательно найду способ отблагодарить вас любым способом которым смогу. Или которым вы захотите! — добавил Гюнтер, хитро усмехнувшись.

Потом он обнялся с каждой из трёх девушек, которые, по его мнению, не спешили разжимать свои объятия. Затем настала очередь Марии, с которой тоже ограничился целомудренным обжиманием. Последней стала Ребекка, поцеловавшая его в щеку и тихо прошептавшая:

— Она тебя любит, Гюнтер. Не обижай её! — и добавила: — Я скажу ей чтобы она тебе почаще писала.

— Спасибо, Ребекка. А ты? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Ты сама писать мне не собираешься?

— А ты сам этого хочешь? — спросила она, казалось, задержав дыхание.

— Да, хочу! — ответил он. Похоже, графиня тоже подверглась влиянию дара богини... Ну что ж, пусть так, он не против.

— Тогда... Тогда жди, может и напишу... — тихо ответила она и тут же, разорвав дистанцию, вернулась к Марии и её дочерям.

Вот и настала очередь его семьи..

— Сынок, пожалуйста, возвращайся живым, ладно? — попросила Марианна, пытаясь сдержаться. — Не простужайся, держи ноги в тепле, ходи застёгнутым..

— Мама, успокойся, я уже давно взрослый и знаю как беречься! Лучше ты себя береги! — успокаивающе произнёс он, погладив её по плечу.

— Гюнтер, скажи, а кто все эти особы? — вдруг спросила она, посмотрев на его женщин. — Лауру я знаю, но остальные? Ты с ними целовался да и они, судя по их виду, к тебе..

— Мама, сейчас не время и не место обсуждать мою личную жизнь! Давай договоримся, как я вернусь мы всё это обсудим и я всё расскажу, хорошо? — снова он успокоил её.

— Хорошо, сынок, но всё же... — попыталась удовлетворить своё любопытство Марианна.

— Всё, мама, до моего возвращения тему закрыли! — и повернулся к брату. — Вальтер, будь мужчиной и помогай маме, ладно?

— Хорошо, братишка! Эх, как жалко что мне не хватает возраста чтобы поехать с тобой на войну! Вместе мы бы надрали задницу этим паршивым островитянам и французикам! — огорчился парень.

— Вальтер, нельзя употреблять такие выражения! — строго сказала Марианна, одёрнув сына.

Тот закатил глаза, вызвав усмешку Гюнтера. Бедная мама! Как хорошо что она не знает как выражаются мальчишки возраста Вальтера наедине! А уж если их много!.. Словом, лучше не лишать мать иллюзий, будет крепче спать. Гюнтер не удивился бы узнав что брат в тайне покуривает или заглядывается на девчонок. Что поделать, для большинства матерей их сыновья всегда маленькие даже если они вымахают под два метра ростом.

Подошёл отец. Взяв его за плечи он, с непривычной серьёзностью, посмотрел на него. Отвел его чуть в сторону и сказал:

— Знаю, Гюнтер, я не был с тобой таким уж хорошим отцом... Старался, но... Словом, если что не так, извини! Ты, главное, домой вернись а со всем остальным разберёмся!

Гюнтер с удивлением посмотрел на него. Сегодня отец был каким-то не таким как обычно. Ну что ж, если тот хочет признать свои ошибки и извиниться то разве он против?

— Я понимаю, отец. И ты меня, если что, прости. И... хочешь дам совет? Как мужчина

мужчине? — улыбнулся он.

— Слушаю! — усмехнувшись, кивнул тот.

— Почаще устраивай маме романтические вечера и горячие ночи. Иначе, всегда найдётся тот кто будет это делать вместо тебя, понимаешь? Ты же видишь, наша мама ещё в самом соку и другие мужчины это тоже видят. Пока она держится но если ты продолжишь игнорировать её то... результат может тебе не понравится, отец. Скажу честно, не будь я её сыном, то некоторые супружеские обязанности с удовольствием бы делал вместо тебя... — усмехнулся Гюнтер и потрепал отца по плечу.

Тот вытаращил глаза, некоторое время смотрел на него и... натужно рассмеялся:

— Да, сынок, вот удивил ты меня так удивил... В самом деле, ты уже давно вырос из коротких штанишек и кое-что начал понимать в жизни. Что ж, пожалуй, попробую последовать твоему совету... Кстати! — теперь уже он усмехнулся. — Как ты умудрился собрать вокруг себя столько красоток?

— Отец, не завидуй, это плохо! — рассмеялся Гюнтер, оглянувшись на свой цветник. — Скажем так, моя харизма стала усиливаться и некоторые дамы это заметили.

— Просто мне интересно как ты собрался разбираться со своим... гаремом? Они же тебя на куски порвут! Или ты сам от истощения сляжешь? — спросил отец, сдерживаясь от смеха. — Вот уж не ожидал что мой сын такой Казанова! Хорошо хоть Вальтер не такой..

— Рано радуешься, отец, он просто ещё маленький... Откуда ты знаешь что Вальтер, когда-нибудь, не переплюнет меня? — "успокоил" его Гюнтер, широко улыбнувшись. — А как разберусь... Это уж моё дело. Результат потом сам увидишь. Скажу одно, я постараюсь сделать так чтобы все были довольны. И у меня уже есть план. Нужно только время.

— Понимаю... Ну что, сын, давай обнимемся, что ли? — неуверенно спросил отец.

Гюнтер распахнул объятия и он обнялись а потом крепко, по-мужски, пожали друг другу руки.

— Удачи тебе, сынок! — на прощание сказал мужчина.

Едва он отошёл, к Гюнтеру подошла Ханна с еле скрываемой улыбкой.

— Вот ты развратник, негодный мальчишка... — тихо сказала она. — Какой кошмар! Неужели ты со всеми этими женщинами?..

— Не со всеми! — перебил он её, тоже улыбнувшись. — Но собираюсь! Только чуть позже.

— Ты играешь с огнём! — предупредила Ханна. — Ревнивая и влюблённая женщина опасна для жизни, учти! Она может убить тебя, себя или соперницу. Тебе это надо?

— Никто никого не убьёт! — заверил он женщину. — Я найду способ избежать таких крайностей. Да, это будет трудно но возможно.

— Чёрт тебя побери, Гюнтер! Что в тебе есть такого что мы, женщины, теряем головы? — спросила она, всматриваясь в него.

—..а ещё вы теряете юбки, трусики и лифчики из-за меня... — со смехом закончил он. — Наверное, каждая женщина видит во мне то что хочет видеть. Поэтому и отдаёт мне то что у неё есть самое главное, рассчитывая получить ещё больше взамен... — пожал он плечами.

— И что же это? — усмехнулась женщина.

— Любовь, конечно, что же ещё? — ответил Гюнтер, чувствуя как эта ходячая нимфоманка, под маской строгой чиновницы, снова начинает будоражить его. — Только ради любви женщина способна на разные безумства и даже преступления. Чем сильнее любишь тем на большее и готова ради него. Впрочем, на мужчин это действует так же.

— Почему ты думаешь что это любовь? — спросила она, напряжённо всматриваясь в него. Ему показалось что ответ на этот вопрос жизненно важен для неё.

— Сама посуди. Любовь, по моему мнению, прежде всего самопожертвование. Если ты любишь человека то готов лишиться чего-то, сделать наперекор себе чтобы помочь ему, быть нужным. Если же человек не готов для этого и всё делает только ради себя, пользуется другими не отдавая ничего взамен то это просто эгоист или циник. И тот и другой несчастные люди, потому что рано или поздно, кто-то или что-то всё равно отнимет у них самое дорогое что есть. Что бы они не делали, какими бы умными, опытными или сильными не были, всё равно не поможет. Нельзя только брать и ничего не отдавать, понимаешь? Должно быть равновесие а если оно нарушается то всегда бьёт по тем кто его вызвал... Хм, что-то я ударился в философию, извини... — опомнился Гюнтер. Что на него нашло, интересно? Целую лекцию прочитал.

— В общем, скажу просто. Если ты не знаешь любовь ли это, просто представь чего ты готова лишиться ради любимого человека. И когда поймёшь где предел тогда станет ясно как сильно ты любишь. Как-то так... — пожал он плечами.

— В твоих словах есть смысл... — признала она. — Гюнтер, ты ничего во мне не замечаешь? На лице?

Он подошёл ближе и взгляделся. Вроде, всё как обычно. Красивое лицо зрелой женщины, ухаживающей за собой... Или что-то изменилось?

— Да нет, по-моему, как обычно. А что? — спросил он с интересом.

— Нет... ничего... просто спросила... — запнулась она. — Наверное, показалось... Гюнтер, я буду скучать. И ждать..

— Я знаю, Ханна... — он подошёл ещё ближе и сказал: — А ещё будут скучать две ненасытные дырки которые прячутся под этой юбкой замужней шлюхи, текущей при виде меня.

Её глаза расширились, рот приоткрылся, она стрельнула глазами вокруг и зашептала:

— Гюнтер, замолчи... А если услышат? И я не шлюха..

— Брось... — ухмыльнулся он, наклонившись к ней. — Мы оба отлично знаем что ты — самая настоящая шлюха или нимфоманка, которая обожает грубость и мечтает насадиться на член. Держу пари ты даже сейчас течёшь, сучка... Я понял твою суть ещё тогда, в доме матери, так что тебе нечего больше передо мной стесняться. И мне нравится что ты такая. Поэтому запомни... Когда я приеду то займусь тобой гораздо плотнее чем раньше. Ты будешь думать о сексе только со мной, никаких других мужчин тебе больше не захочется. Привыкай к мысли что ты только моя, распутная чертовка...

Она сглотнула, задышала чаще и отступила от него на шаг. Он не мешал.

— Что ж, фрау Грубер, спасибо что пришли, обещаю, как вернусь то непременно нанесу визит прямо к вам домой, засвидетельствовать своё... почтение! — громко сказал он, улыбаясь во весь рот. Отчасти Гюнтер был даже благодарен ей за то что та разорвала дистанцию между ними, так как его член тоже не остался равнодушным и стал проявлять явный интерес к знакомой развратной сучке рядом с ним. Оказаться перед всеми со стояком в брюках не входило в его планы, поэтому Гюнтер подхватил свой чемодан, взял подошедшую заплаканную Лауру под руку и остановился возле вагона где было его место в первом классе.

— Ну что, любимая? До встречи? — ласково улыбнулся он и пальцем стёр слезинку с её щеки. — Хватит уже плакать.

— Извини... Я уже не плачу... Я там тебе еды положила, в дорогу... Немного, но что есть... — тихо сказала она, прижимаясь к нему.

— Зачем, Лаура? Я могу поесть в вагоне-ресторане.

— Мало ли как там кормят... А тут будешь есть и меня... вспоминать! — снова всхлипнула девушка и на её глазах снова появились слёзы.

— Эх ты, моя любимая девочка! — вздохнул он и нежно поцеловал её. Она жадно ответила, отчаянно пытаясь не отпустить его.

— Ты любишь меня? Точно? — с тревогой спросила она, поглаживая его лицо.

— Конечно, люблю! — искренне сказал он, сжимая её талию. — И всегда буду любить.

Никто не разлучит нас.

— И я тебя очень-очень люблю, мой милый! Каждый день буду думать о тебе и писать письма! — пылко сказала Лаура.

— А я постараюсь отвечать так часто как смогу. Кстати, как тебе твои подруги, Ева и Лотта? — спросил он.

— Они обе замечательные, я так рада что с ними познакомилась! — сквозь слёзы улыбнулась она. — Мы будем вместе собираться и разговаривать о тебе. Мне кажется, ты им тоже нравишься.

— Кхм... — кашлянул он.. — Думаю, ты права. Что ж, мне пора.

Будто подтверждая это, раздался свисток, кондуктор попросил пассажиров выйти в вагоны и занять свои места. Обняв Лауру в последний раз, Гюнтер подхватил чемодан и направился на своё место. Едва только он с комфортом устроился в роскошном купе и мысленно поблагодарил Марию с Ребеккой как раздался свист пара и состав тронулся. Подойдя к окну Гюнтер заметил своих женщин которые искали его силуэт. Помахав им он увидел как они заметили его и начали махать ему в ответ. Вагон двигался всё быстрее и вот уже провожающие остались позади, мимо проплыл перрон вокзала и начались станционные строения. Состав затрясло на стрелках и Гюнтер снова уселся на диван, обитый мягкой тканью. Впереди у него долгая дорога и можно было почитать утренние газеты, купленные на вокзале. Закончились три недели его новой бурной жизни и начинается её очередной этап, уже без его женщин и с многократно возросшей опасностью. Каким он будет? Что ему принесёт? Время покажет..

Берлин.

1 мая 1940 года.

Адольф Гитлер.

— Присаживайтесь, генерал! — пригласил он своего посетителя. Невысокий, крепко сбитый человек в мундире генерала "Люфтваффе" осторожно присел на край стула. Гитлер, улыбаясь, смотрел на него, пытаясь расположить к себе.

Эрхард Мильх, генерал-полковник авиации, ближайший помощник и заместитель Геринга. Ходили слухи что он был — "мишлинг", то есть, имел мать арийку и отца еврея но фюрер не верил этому. Ни один еврей, по его твёрдому мнению, не смог бы стать немецким генералом. Это было абсолютно исключено! После снятия кретина Геринга перед ним возникла проблема. Конечно, авторитет этого пузана во многом стал дутым, но всё-таки, рокировка командования "Люфтваффе" за десять дней до начала кампании на Западе это не самое лучшее что может случиться в отдельном роде войск. По словам Шольке этот Мильх довольно талантливый организатор благодаря которому немецкая авиация оставалась грозной силой до самого поражения Рейха в той истории. Значит, он компетентный руководитель, а недостатки... У кого их нет?

— Я пригласил вас сюда, генерал, чтобы лично вам сообщить... Вы же знаете о том что господин Геринг не оправдал моего доверия и я снял его с поста "Люфтваффе"? — спросил Гитлер, удобно устроившись в кресле.

— Так точно, мой фюрер... — кивнул гость. — Должен сказать, это решение многих из нас удивило. Но, раз вы так решили, то для этого наверняка были основания, я уверен в этом!

— Несомненно, так оно и есть! — подтвердил фюрер германского народа. — Так как наша авиация временно осталась без руководителя то я решил назначить именно вас, генерал. Надеюсь, в отличие от вашего бывшего начальника, вы оправдаете моё доверие?

Мильх вскочил из-за стола и вытянулся, глядя на него верными глазами:

— Не сомневайтесь, мой фюрер! Я приложу все свои усилия чтобы наша авиация не только сохранила свою мощь но и увеличила её!

— Я верю вам, дорогой Эрхард... — улыбнулся ему Гитлер. — А чтобы вы лучше соответствовали своей новой должности... повышаю вас до генерал-фельдмаршала!

— Спа... Спасибо, мой фюрер! — нервно сглотнул новоиспечённый начальник "Люфтваффе". — Клянусь, вы не пожалеете!

На его лице появилась пока ещё робкая улыбка и фюрер понял что этот человек будет до конца благодарен ему за два подарка сразу.

Гитлер познакомился с ним ещё в конце января 1933 года, сразу после официального прихода к власти. Геринг хотел привлечь того к возрождению "Люфтваффе" но Мильх тогда заколебался. Пришлось фюреру лично с ним поговорить и убедить что его усилия жизненно необходимы для развития немецкой авиации. Лишь только после этого тот согласился и приступил к работе. Отношения Мильха и Геринга были ровные, без особой дружбы или вражды, своё дело он знал, поэтому фюрер считал его лучшей заменой на посту руководителя министерства. А звание? В той истории он всё равно повысил его до генерал-фельдмаршала, только с разницей 2–3 месяца.

— Я хочу дать вам пару советов, Мильх... — продолжал Гитлер, великодушно улыбаясь. — Постарайтесь сработаться с Удетом и другими руководителями авиафирм. Юнкерс, Мессершмитт... Не надо всех этих интриг, жалоб друг на друга. Уверен, вы все умные люди и сможете найти компромиссы не в ущерб работе. Сконцентрируйтесь на тактической авиации — "Ju-87", "Ju-88", "Me-109", "Me-110", "He-111"... Кстати, держите вот это! — передал фюрер папку которую держал возле себя. — Нет, сейчас её открывать не надо, рассмотрите позже, в своём кабинете. Учтите, там совершенно секретные данные! Ни в коем случае не оставляйте её на виду! Всегда кладите в сейф, если уходите.

— Мой фюрер, разрешите хотя бы мельком узнать что там? — спросил генерал-фельдмаршал, смотря на папку с нескрываемым любопытством.

— Если вкратце, то там несколько довольно оригинальных предложений по поводу усиления нашей авиации, путём модификации существующих машин и разработки новых. Если вы и ваши помощники сумеет разобраться в них и воплотить в жизнь то мощь "Люфтваффе" вырастет в несколько раз... — милостиво приоткрыл тайну Гитлер.

В папке находилось всё что смог вспомнить Шольке по поводу авиации. Последние модели "мессершмиттов", "юнкерсов", новые "фокке-вульфы", "арадо", "Хейнкель -177", реактивные "Me-262" и так далее. Словом, столько подсказок для германских авиационных фирм что дух захватывало. Главное, чтобы эти умники смогли всё это воплотить в металле, а уж "птенцы Геринга".. точнее, уже Мильха, смогут донести волю фюрера до самых отдалённых вражеских стран.

— И ещё совет, Эрхард... Не пренебрегайте стратегическими бомбардировщиками! Совсем скоро они будут играть важнейшую роль в войне. Американцы и англичане уже сильно продвинулись в этом направлении, нам нельзя отставать от них! Кроме того, в папке есть предложения насчёт зенитных управляемых ракет "Вассерфаль" и "Рейнтохтер", они нам понадобятся если союзники решат бросить на нас армады своих бомбардировщиков! — размеренно говорил Гитлер, пытаясь заставить подчинённого осознать всю важность сведений.

— "Водопад" и "Дочь Рейна"? — переспросил заинтригованный Мильх. — Какие поэтические названия!

— Да, мне они тоже понравились... — согласился фюрер. — К сожалению, разработка этих ракет займёт не год и, скорее всего, даже не два, но всё равно форсируйте эти проекты, вам понятно, Мильх?

— Так точно! — снова вытянулся тот.

— Хорошо! У вас ещё есть вопросы ко мне, Эрхард? — спросил Гитлер.

— Я хотел спросить... Если возникнет нужда в ресурсах и финансах, то..

Фюрер понимающе кивнул:

— Министру финансов, графу Шверину фон Крозигу, будут даны надлежащие инструкции насчёт вас!

— Ещё раз благодарю вас, мой фюрер! — едва не поклонился сияющий от счастья Мильх. — Разрешите идти?

— Конечно, Эрхард, я вас не задерживаю! — махнул рукой Гитлер.

Генерал-фельдмаршал вышел, крепко зажав в руке папку. Что ж, одной проблемой меньше, подумал фюрер. "Люфтваффе" теперь в надёжных руках. Настало время решить проблему номер два. Кстати, недавно умерший граф Шверин не родственник ли фон Крозига? Надо бы узнать попозже.

Раздался осторожный стук в дверь кабинета и голос Гюнше спросил:

— Мой фюрер?

— Да, пусть заходит! — отозвался он, придвигая к себе ещё одну папку, гораздо толще чем ту что унёс Мильх. Через мгновение в помещение зашёл довольно моложавый 35-летний мужчина в гражданском костюме, который нёс в руке свою шляпу.

— Здравствуйте, Альберт! Как ваши дела? — тепло улыбнулся Гитлер, встречая своего личного архитектора Альберта Шпеера.

Ему нравился этот человек. Шпеер пришёл к нацизму ещё в самом начале 30-х годов. Впечатлившись речами Гитлера он вступил в "НСДАП" а потом и в СС, причём, даже до того как фюрер стал рейхсканцлером, что было только плюсом для его карьеры, потому что одно дело примкнуть к победителям когда те уже на самом верху и совсем другое когда исход борьбы ещё не ясен. Именно ему Геббельс поручил перестройку своего здания рейхсминистерства пропаганды, а потом и рейхсканцелярии. В его послужном списке также значатся оформление партийного съезда "НСДАП" в Нюрнберге, реконструкция штаб-квартиры партии в Мюнхене, переработка проекта Олимпийского стадиона для Игр 1936 года. В 1937 году он был назначен генеральным инспектором по строительству имперской столицы Мира. Шпеер был инициатором создания архитектурного проекта гигантского Зала Народа, который, к сожалению, из-за войны был вынужден отложить. Впрочем, кое-что уже было сделано. Альберт лично предложил принудительно выселить десятки тысяч берлинских евреев, чтобы снести их дома для осуществления его грандиозных планов. Конечно, Гитлер с удовольствием утвердил его решение и наградил верного, инициативного соратника "Золотым партийным знаком".

С началом войны на Шпеера дополнительно возложили задачу строительства и перестройку объектов военной авиационной промышленности, благодаря чему он стал тесно работать с организацией Тодта. И теперь у фюрера были на него новые планы, с которыми, несомненно, Альберт справится.

— Здравствуйте, мой фюрер! Благодарю, как нельзя лучше! — улыбнулся в ответ мужчина. — С праздником вас!

Гитлер с досадой поморщился. Хоть 1 мая и считалось в Германии праздником, как и в СССР, но фюрер его не любил.

— Бросьте, Альберт! Я не считаю этот день праздником... И вообще, давайте приступим к делам!

— Я весь во внимании, мой фюрер! — Альберт сел по другую сторону стола и приготовился внимательно слушать.

— Недавно я задумался о том что вы, мой дорогой Альберт, сможете принести большую пользу нашему Рейху не только в качестве архитектора но и в роли организатора, причём в государственном масштабе! — начал Гитлер, постепенно воодушевляясь. — По словам Фрица Тодта и ещё нескольких людей, вы — очень способный человек, Альберт, и поэтому я принял решение... Назначить вас рейхсминистром вооружения и боеприпасов! Также вы станете генеральным инспектором дорог, водных и энергоресурсов. И первым вашим заданием на новом посту станет строительство нашего испытательного полигона в Пенемюнде.

Гитлер замолчал и уставился на Шпеера с широкой улыбкой. Альберт отреагировал несколько странно. Он непроизвольно встал, поправил галстук, волосы... и затем огорошил его:

— Я вам очень благодарен, мой фюрер, но я не могу принять эту честь..

— Что? — изумился Гитлер. Меньше всего он ожидал что Шпеер будет ему возражать. Уж кто-кто но исполнительный Альберт? — Вы с ума сошли, Альберт? Почему?!

— Мой, фюрер, неужели вы не понимаете? — попытался объяснить Шпеер. — Я же архитектор! Я не разбираюсь в строительстве военных объектов и, тем более, производстве вооружения и боеприпасов! Поставьте передо мной все наши танки и я даже не смогу вам назвать их характеристики! С самолётами и пушками то же самое! То что я справляюсь со строительством сооружений господина Геринга не моя заслуга а множества моих помощников, которые наблюдают за ходом работ! Я же лишь подписываю документы и выделяю ресурсы, людей, технику! Вы представляете что будет если на меня взвалят такую чудовищную ответственность а я не справлюсь? Ведь от меня же станет зависеть вся военная промышленность Германии, каждый солдат и матрос будет надеяться что его оружие, созданное на наших заводах, не подведёт в бою и поможет ему выжить, победить! И если я что-то напортачу, создам оружие или технику которая не оправдывает ожиданий и станет причиной гибели множества наших людей..

Он передохнул и уже тихо закончил:

— Словом, это для меня слишком большой груз, мой фюрер... Я... Я боюсь что не справлюсь с вашим доверием.

Гитлер умилился и едва подавил желание подойти и дружески потрепать соратника по плечу. Вот кого он полностью приблизит к себе вместо трусливого, некомпетентного Геринга и интригана Гимmlера! Ему нужны именно такие как Шпеер! Ответственные, умные и... не карьеристы. С умеренной инициативой, не лезущие в политику а просто делающие свою работу. Причём, делающие хорошо. Но больше всего порадовало его то что Альберт даже не задумался о том что Гитлер, таким образом, возвысил его, ведь новая должность означала не только гигантский объём работы но и множество привилегий. Помимо большого оклада, личной охраны, нового кабинета и всего что положено чиновнику высшего ранга Альберт теперь официально входил в высшую элиту Третьего Рейха и получал возможность каждый день общаться с ним, фюрером, давать ему советы и пользоваться огромной властью. Теперь от Шпеера зависела судьба десятков миллионов немцев, гражданских и военных, судьбами которых он мог распоряжаться почти самостоятельно. Многие из людей за такую возможность не только бы отдали всё что у них есть но даже части тела. А Альберта прежде всего волнует то что он не справится с работой, из-за чего могут пострадать германские граждане. Да, несомненно, Шольке прав — именно Шпеер и должен занимать эту должность, по крайней мере, по своим человеческим качествам точно. А опыт? Он придёт со временем.

— Альберт... — обратился он к своему новому соратнику. — Послушайте меня. Сейчас, когда вы решили отказаться, я окончательно понял что выбрал абсолютно верную кандидатуру для руководителя нового рейхсминистерства. Понимаю что вы сейчас испытываете. Поверьте, всё чем я руководствуюсь на посту рейхсканцлера — это работа на благо Германии и всего немецкого народа! И я знаю что именно эти же соображения помогают и вам. Мы все, те от кого зависит жизнь множества людей, должны сделать всё от нас зависящее чтобы устранить угрозу еврейства, большевизма и власти Лондона, Парижа, Москвы! Конкретно же от вас, Альберт, мне нужно одно — дайте нашим солдатам и офицерам самое лучшее оружие! То которое принесёт нам победу и сможет сохранить жизни великого арийского народа! Я перебрал множество вариантов и никто из них не смог

бы сделать лучше то что предназначено именно вам! Поэтому я не приказываю а прошу... Альберт, мне нужна ваша помощь! Мне нужен ваш ум, ваши идеи, ваша способность работать ради безопасности Германии! Судьбы немецких женщин и детей теперь зависят и от вас тоже! Неужели допустите чтобы они стали погибать из-за того что вы не до конца уверены в себе? Я не верю в это, Альберт! Я знаком с вами уже много лет и вы ни разу не дали мне повода усомниться в ваших способностях! Вы всегда справлялись с поставленными задачами, притом не только в срок но даже опережая его! А ваши идеи принесли нашей стране много полезного. Вы опасаетесь что вам не хватит опыта? Но вы сами сказали что у вас есть множество хороших помощников. Вот и используйте их опыт пока сами не вникнете в дело! Пусть они работают а вы давайте им правильные задачи. Я сам тоже не во всём разбираюсь но не стесняюсь слушать советы..

Гитлер, всё-таки, не выдержал, встал из-за стола и подошёл к Шпееру.

— Альберт, на самом деле для меня важен лишь один вопрос: готовы ли вы работать для нашего народа в любом месте и любой должности для того чтобы принести ему максимальную пользу, не щадя себя и своего времени? Если да... То перед вами откроются все двери а моё доверие всегда будет помогать вам в работе. А если нет... То это будет для меня серьёзным разочарованием в вас. В такие великие времена, когда Рейх переживает серьёзные трудности и ему нужны такие люди как вы... Отойти в сторону это значит трусость и дезертирство, Альберт! Я не верю что вы сможете это сделать! Только не тот Шпеер которого я знаю!

Мужчина, молчавший всё время пока фюрер говорил с ним, медленно встал. Лицо его стало спокойным, глаза перестали бегать от волнения и смотрели прямо в лицо Гитлеру.

— Вы были правы, мой фюрер. Я поддался сомнениям, большая ответственность на минуту оглушила меня... Прошу прощения, такого больше не повторится! Я готов работать на пользу нашему народу везде куда вы меня поставите, мой фюрер! Обещаю, что приложу все силы чтобы оправдать ваше доверие и не подвести Германию!

— Благодарю, Альберт! — крепко пожал ему руку Гитлер. — Я знал что вы справитесь с этим!

— Только у меня вопрос, мой фюрер... — на миг заколебался Шпеер. — Но ведь сейчас этот пост занимает сам господин Тодт? Он работает всего полтора месяца. Неужели..

— Уже нет, Альберт! Фриц полностью сосредоточится на военно-строительных вопросах, я уже говорил с ним вчера. В вопросах техники и вооружения он смыслит не больше вас но у него нет вашей интуиции, работоспособности и желания инициативы а здесь нужны именно эти качества. Поэтому я принял решение разделить его обязанности и часть из них передать вам.

— Теперь я понял, мой фюрер! — задумчиво кивнул новоиспечённый министр. — Что ж, тогда не буду терять времени. Разрешите идти?

— Идите, Альберт! — разрешил Гитлер, продолжая тепло ему улыбаться. — Возьмите вот эту папку. Там все перспективные данные о новых броневиках, танках, самолётах, орудиях, стрелковом вооружении и других специальных проектах. Внимательно изучите их, посоветуйтесь с компетентными людьми в наших фирмах, выполняющих военные заказы и через несколько дней жду вас на доклад. Расскажите что из всего этого возможно сделать в самые краткие сроки а на что нужно время. Нужные люди, ресурсы, мощности... Вашим требованиям будет дан приоритет. "Вермахту", СС и "Люфтваффе" как воздух нужны новая техника и вооружение, поэтому держите эту папку при себе а сведения из неё оглашайте

только тем кому полностью доверяете. Конечно, представители гестапо помогут вам в этом деле, но всё равно, будьте осторожны, Альберт! За каждую страницу этой папки любой шпион многое бы отдал..

— Я понимаю, мой фюрер! — Шпеер аккуратно взял папку и посмотрел на неё с некоторым уважением.

Снова обменявшись рукопожатиями, Альберт покинул кабинет Гитлера и тот снова уселся за стол. Вот и вторая проблема решена. Что теперь? Вчера вечером вернулся из Токио японский посол в Германии Осима и привёз письмо своего императора. Среди высокопарных слов и цветистых выражений восточный союзник проявил вежливый интерес к новой информации но не обещал ничего конкретного. Чёртовы азиаты! Снова пытаются отвертеться от решительных действий! Конечно, до русского вопроса время ещё есть но всё равно надо усилить действия в этом направлении! Возможно, стоит передать им информацию о новом немецком танке "Pz. IV H"? У японцев дерьмовые танки и когда они схватятся с русскими "Т-34" им понадобятся серьёзные аргументы против них. Передать им документацию, например, и лицензию, послать в Японию группу инженеров-конструкторов... Не самых лучших, конечно. В принципе, идея неплохая... Чем лучше вооружишь союзника тем больше неприятностей он сможет доставить твоему врагу. С другой стороны, сегодняшний союзник может завтра стать врагом. Хотя... когда это случится, к этому времени у Германии уже будут совсем другие танки.

Гитлер усмехнулся. Пока всё идёт неплохо... А совсем скоро он сможет сполна расплатиться с Францией за Версальское унижение. Осталось уже совсем немного времени для возвращения давнего немецкого долга, который навесили на его страну в обычном железнодорожном вагоне..

Москва. Кремль.

1 мая 1940 года. Вечер.

Лаврентий Берия.

И снова в кабинете Вождя собрались гости. Да, сегодня праздник, советские люди, утром прошедшие многочисленными демонстрациями по улицам столицы, продолжают отмечать 1 мая, только уже у себя дома и во дворах. Увы, но люди на самом верху редко когда могут позволить себе такое, слишком большая ответственность лежит перед ними за безопасность тех кто сейчас празднует. Мельком посмотрев в окно, Лаврентий заметил что на Красной площади продолжают гулять множество людей с флажками и воздушными шариками, группами и по одиночке. Порядок по всей Москве обеспечивали не только милиция в своей синей форме но и его подчинённые, одетые по парадному.

Сам Берия, вместе со Сталиным и членами правительства, утром стояли на мавзолее и махали руками трудящимся, проходившим внизу мимо них. Гремела музыка, говорились речи, ветер трепал красные знамёна с лицом великого Ленина... Всё было красиво и торжественно. А сейчас, вечером, снова началась работа, которая не прерывается даже на праздники.

На этот раз Сталина почтили своим присутствием несколько человек, тех от кого зависит производство артиллерии Красной армии. Прежде всего это был Ванников Борис Львович, нарком вооружения СССР. Компанию ему составили конструктор Иванов Илья Иванович и, по словам Александра, "легенда и отец советской артиллерии" Грабин Василий

Гаврилович.

Берия уже в который раз кратко рассказал о освобождении множества талантливых конструкторов и оружейников из заключения, напомнил про подписки о неразглашении и новом режиме работы и охраны. По его наблюдениям, Иванов и Грабин всё восприняли положительно и понимающе.

— А теперь, товарищи, открывайте свои папки и изучайте то что там написано и нарисовано. Все пояснения я дам после того как вы прочитаете последнюю страницу. Начинайте! — распорядился Лаврентий и посмотрел на Сталина, который, по своему обыкновению, удобно устроился за столом в стороне и, попыхивая трубкой, изучал какие-то документы.

Все трое дружно открыли свои папки и кабинет погрузился в тишину, прерываемую, время от времени, шелестом страниц и тихим покашливанием Иосифа Виссарионовича. Первым закончил нарком Ванников. Он закрыл свою папку, слегка отодвинул её и погрузился в глубокую задумчивость, смотря прямо перед собой.

Чуть позже закончил изучение Иванов. Кашлянув, погладил свой подбородок, глянул на Берию, Сталина, Грабина и... снова открыл папку, на этот раз проглядывая страницы мельком.

Грабина пришлось ждать ещё минут десять, прежде чем тот оторвался от своей папки и изумлённо огляделся вокруг. Казалось, он хотел что-то сказать или спросить но сдержался.

Берия слегка улыбнулся и решил больше не мучить гостей.

— Я вижу, товарищи, что у вас появилось ко мне много вопросов по поводу содержимого того что вы прочитали? Что ж, тогда давайте сделаем так. Я расскажу вам то что стране нужно от вас получить и как можно скорее. А уж потом постараюсь ответить на ваши вопросы. Естественно, в пределах необходимой секретности. Итак, начнём!

Он заложил руки за спину и, подражая Сталину, стал медленно прохаживаться вдоль стола, говоря неторопливо и вдумчиво:

— Есть мнение прекратить выпуск наших лёгких противотанковых орудий 45-мм, под индексом 53-К. Бои в Испании, в Монголии и Финляндии показали что они пока достойно справляются с лёгкими вражескими танками но время не стоит на месте, товарищи. Сейчас во всех значимых странах мира идёт разработка и производство средних и даже тяжёлых танков и вот с ними наши привычные "сорокапятки" уже вряд ли совладают. А вариант подпускать танки в упор, чтобы добиться гарантированного поражения... Это не выход! Поэтому эту нишу есть предложение заменить насыщением пехоты противотанковыми ружьями. Броневики, бронетранспортёры и лёгкие танки, думаю, вполне по силам группам бронебойщиков. Естественно, те "сорокапятки" что уже есть в войсках, никто на слом отправлять не собирается. Но усилить их мощь необходимо. В частности, поставить на тот же лафет более мощное орудие. Откройте страницу номер 2, товарищи!

Гости дружно зашуршали папками и пригляделись.

— Как вы видите, на рисунке ствол орудия значительно удлинён, по сравнению со стандартной пушкой. Калибр этой новинки, примерно, 68. Предлагаю поручить модификацию этой "сорокапятки" заводу номер 172 в Мотовилихе. А уже потом начать переделывать все стандартные орудия под новый калибр. Что скажете, товарищи? — спросил Берия, остановившись и поглядев на всех троих.

Слово взял Грабин:

— Лаврентий Павлович, если другие страны разрабатывают новые танки, то конечно,

наш долг усиливать наши орудия, но... возможно, "сорокапятки" ещё послужат? Они лёгкие, расчёт спокойно может перекачивать её с места на место, меняя позицию. Из-за маленьких размеров хорошо маскировать. Скорострельность отличная. Выпуск налажен..

— Понимаю вас, Василий Гаврилович... — кивнул Берия, снова отправляясь в путешествие по кабинету. — Но в будущей войне все эти плюсы не спасут наши войска от главного минуса этой пушки — слабой бронепробиваемости. Ведь лёгкая "сорокапятка" сейчас — основа нашей противотанковой артиллерии. И эта артиллерия должна справляться со всеми танками противника, а не только с лёгкими. Именно поэтому мы и хотим усилить все оставшиеся 53-К. Но этого мало. Всё равно нужна новая пушка, которой по плечу все новинки танковой промышленности других стран. Теперь откройте четвертую страницу!

И снова вызванные специалисты по артиллерии перелистнули страницы.

— Это орудие, которое вы видите, называется "ЗиС-2". Да, оно крупнее и тяжелее чем привычная "сорокапятка", зато её возможности по борьбе со средними и тяжёлыми танками намного больше. Оно опасно для вражеской техники на расстоянии до километра и даже дальше, представляете? — поднял Берия указательный палец.

— Это ж какой калибр у такого ствола, интересно? — пробормотал Грабин, но Лаврентий его услышал.

— Это 57-мм орудие с длиной ствола 73 калибра. Благодаря этому, как вы понимаете, достигается высокая скорость снаряда и его бронепробиваемость. Скорострельность тоже почти не уступает "сорокапятке". Ещё одна особенность данного орудия — его щит. В отличие от обычного, прямого щита — он закруглённый. К тому же его толщина составляет 2 см, что позволяет уверенно защищать расчёт от стрелкового, пулемётного огня вражеской пехоты. Даже 20-мм орудия, стоящие на вооружении некоторых немецких танков, на большом расстоянии не смогут пробить такой щит. Тоже самое касается противотанковых ружей. Конечно, такой щит намного сложнее в производстве, дороже и делает пушку тяжелее, но... Я уверен, что благодаря данной особенности, потери артиллеристов во время боя снизятся.

— Хм, чем-то похоже на "Ф-24".. — задумчиво сказал Грабин, не отрываясь от папки. К нему вплотную подсел Иванов и тоже стал изучать рисунок.

— Всё верно, часть основы нового орудия взята из этой "полковушки".. — подтвердил Берия. — Такая пушка, в дальнейшем, и станет основой противотанковой артиллерии, вместе с её, так сказать, сестрой под названием "ЗиС-3", которая изображена на странице номер 6. Как вы видите, товарищи, она почти полностью повторяет "ЗиС-2", отличается только ствол с дульным тормозом. Это 76-мм орудие. Хоть его бронепробиваемость будет хуже чем у "двойки", зато фугасный снаряд мощнее. А теперь внимание! Особенно это касается вас, Василий Гаврилович! — выразительно сказал Лаврентий, отчего тот внимательно посмотрел на него.

— В ходе производства "ЗиС-2" могут появиться некоторые проблемы. В частности, плохая кучность стрельбы. Эта неприятность может оказаться следствием неправильной крутизны нарезки канала ствола, поэтому я прошу вас обратить на это особую осторожность! Да и вообще, во избежание брака, изготовление стволов для этих орудий должно быть на усиленном контроле мастеров и приемщиков на заводе! Далее, производственные мощности заводов, занятые сейчас производством "сорокапятков", должны быть освобождены, рабочие переобучены и полностью переключиться на производство новых пушек. Этот вопрос касается, в большей степени вас, Борис Львович! — посмотрел Берия на наркома

вооружения Ванникова, который всё это время внимательно слушал. Тот кивнул и записал что-то в свою записную книжку.

— Эти два орудия составят главный противотанковый щит нашей страны. В каждом батальоне, полку, дивизии будет находиться поровну "ЗиС-2" и "ЗиС-3. Они составят некий дуплекс в средней противотанковой артиллерии. А теперь перейдём к тяжёлому противотанковому орудию, товарищи, которое находится на странице номер 8. Внимательно посмотрите на него! — остановился Берия, чтобы передохнуть от хождения кругами возле стола.

Сталин продолжал молча работать с документами, не вмешиваясь в обсуждение, лишь изредка окидывая присутствующих взглядом из-за своих густых бровей.

— Ого! — восхищённо сказал Иванов, широко улыбнувшись. — Да такая пушка два танка подряд пробьёт насквозь!

— Насчёт двух не знаю... — улыбнулся ему в ответ Лаврентий. — Но один точно! Причём второго выстрела, скорее всего, уже не понадобится. Познакомьтесь — это 100-мм тяжёлая противотанковая пушка "БС-3"! Неофициально некоторые остряки это расшифровывают как "Бойся Сталина!" — хмыкнул он. — Наш мощный ответ на все перспективные тяжёлые танки врага! Скажу сразу, пока она не в приоритете так как для неё нет подходящих целей, но разрабатывать её нужно! Ствол у пушки, кстати, от нашего 100-мм морского орудия "Б-34". Также может использоваться как корпусная артиллерия из-за её большой дальности. Товарищ Грабин, это тоже теперь на вашей ответственности! — закончил Берия.

— Я понимаю, Лаврентий Павлович! — энергично кивнул тот. — Знаете, вы меня сегодня настолько приятно удивили... Куча идей в голове уже роятся, хочется тут же заняться ими... — он усмехнулся и покачал головой. — Вот приду домой и вместо того чтобы со всеми праздновать сразу засяду за бумаги..

— Ну-ну, Василий Гаврилович... — пожурил его Берия. — Уж сегодня вы можете полностью уделить время себе и семье, один день погоды не сделает. А вот завтра прошу начать изучать те задачи которые мы перед вами поставили. И я ещё не все из них огласил. Что ж, с противотанковой артиллерией закончили, теперь следующее. На странице номер 10 вы видите два танка, средний "Т-34-85" и тяжёлый "ИС". Сами машины будут разрабатывать танковые КБ а вот орудия для них на вашей совести, товарищи. Орудие для "тридцатьчетвёрки" будет создано на основе тяжёлой зенитки 85-мм образца 1939 года. "ИС" возьмёт на вооружение переделанный ствол от "А-19". Так что, товарищ Грабин, это теперь тоже ваша головная боль... Готовьтесь к тому что "танкисты" начнут зудеть над ухом и требовать у вас танковые пушки как можно быстрее..

— Как будто в первый раз... — весело хмыкнул конструктор. — Они всегда так делают, я уже привык.

— Хорошо, значит решено. Ещё один вопрос. Прошу вас хорошенько обсудить с "танкистами" идею штурмовых самоходных орудий на базе "тридцатьчетвёрки". Посмотрите, возможно ли поставить на них пушку больше чем 85-мм. Также подайте им мысль что неплохо бы соорудить тягачи, огнемётные танки и тралы для прохода в минных полях, тоже на основе "Т-34".

— Я вас понял, Лаврентий Павлович, поговорю с ними! — согласно кивнул Грабин, переглянувшись с Ивановым.

— Так, что ещё?.. — на несколько секунд задумался Берия. — Теперь обсудим

дальнобойную артиллерию. Тут ничего придумывать не надо, просто постараться увеличить выпуск гаубиц "М-30" для дивизионной артиллерии, а вместо гаубицы "М-10" разработать более мощную 152-мм корпусную гаубицу под названием "Д-1", она изображена на странице 13. По этому вопросу обязательно свяжитесь с конструктором Петровым Фёдором Фёдоровичем, думаю, вы все его знаете?

Все дружно кивнули, при этом Грабин криво усмехнулся. Берия знал что тот, почему-то, имел какие-то трения с Петровым, но сейчас было явно не до выяснения отношений.

— Наконец, надо увеличить выпуск хорошо себя зарекомендовавших пушек "А-19" и "МЛ-20". Одновременно с этим будет дано распоряжение увеличить производство артиллерийских тягачей для тяжёлой артиллерии — "Сталинец", "Коминтерн", "Комсомолец".. — вспомнил ещё Лаврентий. — Теперь перейдём к ракетной артиллерии, товарищи! Откройте страницу номер 15!

Дождавшись когда гости снова перелистнут содержимое своих папок, он продолжил:

— Как видите, здесь изображён трёхосный грузовик с некой рамой вместо кузова. Так вот, эта рама и служит направляющими для десятков ракетных снарядов. Преимущества очевидны: подъехал, поднял раму, выпустил снаряды, тут же уехал. А противник потом пусть стреляет в это место сколько хочет... — весело усмехнулся Берия. — Конечно, точность у такого оружия будет не слишком высокой, поэтому его нужно применять по площадям, тогда и получится хороший результат. Впрочем, использовать эти ракеты можно не только с грузовиков но и с тех же тягачей. Имейте в виду, товарищи, за ракетами славное будущее, поэтому прошу не недооценивать их!

Берия снова прервался, выпил воды и решил сесть. Прогулки вокруг стола и наматывание кругов утомили его.

— И, наконец, последнее — зенитная артиллерия. Здесь тоже есть к вам несколько предложений. Например, установить зенитки "61-к" в кузова грузовиков для увеличения мобильности. Ещё один вариант, посоветоваться с конструктором Логиновым Михаилом Николаевичем, который специализируется на зенитных орудиях, и совместно с ним разработать 57-мм пушку, причём сразу в самоходном а не в буксируемом варианте. Также возникает вопрос: нельзя ли создать сдвоенные зенитные орудия? Если это возможно, то в какие сроки и что для этого надо?

Лаврентий устало откинулся на спинку стула и обвёл гостей взглядом:

— В принципе, товарищи, вот и всё что я хотел вам сообщить. Задачи вам поставлены, ресурсы будут выделены, необходимые люди в помощь направлены... От вас требуется только одно — работать! Отдать все силы на то чтобы те системы, что вы видели в папках, обрели жизнь! Что ж, не буду вас больше задерживать, товарищи, забирайте папки и по домам, отдыхать до завтра! Ещё раз — с праздником! — закончил Берия.

Все трое дружно встали, сердечно попрощались со Сталиным, с Лаврентием и вышли за дверь, не забыв папки. Два соратника остались одни.

— Как тебе наши гости, Лаврентий? — спросил его Вождь, подняв глаза от документов.

— Налицо виден энтузиазм, товарищ Сталин. Думаю, что воодушевлённые вашим вниманием и новыми возможностями, идеями они будут работать на износ, чтобы выполнить те задачи которые встали перед ними! — ответил Берия, подбирая слова.

— На износ не надо, Лаврентий... — покачал головой Иосиф Виссарионович. — Они нам нужны живыми и здоровыми. Так что проследи за тем чтобы эти Кошкин и Логинов не умерли в этом году от туберкулёза и простуды. Найди лучших врачей, препараты, даже в

других странах... Но они должны жить, понимаешь? — глаза Сталина впелись в него, невольно вынуждая Лаврентия снова вытянуться. Аура власти Вождя в такие моменты подавляла его. — От таких людей во многом зависит наша обороноспособность и мы не имеем права допустить их смерть. Ни от болезней ни, тем более, от всяких диверсантов!

— Я понимаю, товарищ Сталин, и сделаю всё от меня зависящее чтобы все кто важен для нашей страны жили и работали! — со всей уверенностью ответил он, пытаясь не отводить взгляда.

Посмотрев на него ещё несколько секунд Сталин отвёл взгляд и, опустив голову к документам на столе, произнёс уже нормальным голосом:

— Пусть все они хорошо питаются, гуляют и отдыхают. Если увлекутся и забудут то насильно отправляй их в столовую, домой или на прогулку. Знаю я таких энтузиастов... Сутками будут сидеть, спать за столом а потом сердце не выдержит... Нет, нам такая работа не нужна, Лаврентий! Да, и ещё! — слегка усмехнулся Вождь. — Для тех у кого нет жён или подружек найди из своих сотрудниц девушек покрасивее, пусть они неотлучно находятся при них... Так сказать, воодушевляют и направляют в работе.

— Будет сделано, товарищ Сталин! — позволил себе лёгкую улыбку Лаврентий. Да эти конструкторы-изобретатели как сыр в масле будут кататься! О таких условиях большинству рабочих останется только мечтать. С другой стороны, и ответственность за работу у них намного выше. Каждая ошибка в расчётах, проектировании и производстве обернётся не только человеческой кровью но и, возможно, проигранными сражениями. Так что, всё справедливо, кому много дают от тех много и требуют.

— Как Александр? Пришёл в себя? — сменил тему Сталин.

— Так точно, находится в одной из московских больниц. Выздоровливает, причём, очень быстро... — собравшись, доложил Берия. — Кстати, поступила просьба от сержанта ГБ Цветковой, которая ему нравится, прогуляться с ним в субботу в парке.

— Гм... — задумался Вождь, снова отрываясь от документов. — Я не против, пусть немного отдохнёт от учёбы. Конечно, на тебе его охрана. Проследи чтобы там всё было нормально. Мне не нужны никакие неприятности, Лаврентий.

— Их не будет, товарищ Сталин! — уверенно сказал Берия. — О нём никто не знает, к тому же, во время нахождения Александра вне лагеря, его охраняют двое моих людей, опытных и осторожных.

— Всего двое? — удивился Иосиф Виссарионович. — Не мало для охраны?

— Поверьте, они ОЧЕНЬ хорошие профессионалы! — заверил его Лаврентий. — И это ещё не вся охрана, только явная. Ещё наготове отдельная группа усиления. Она всегда недалеко от него и, в случае опасности, сможет вмешаться. Если же плотно окружить его кучей охраны это будет подозрительно.

— Что ж, надеюсь, ты всё предусмотрел, Лаврентий... — вздохнул Сталин, снова вынимая трубку и набивая её табаком. — Завтра, как я понимаю, последняя встреча с конструкторами а потом уже надо собирать специальное заседание правительства, решать что вообще делать дальше... С кем дружить а с кем и.. — Вождь не договорил но Берии всё стало ясно.

В результате тех сведений что рассказал Александр, роли стран поменялись и возникла необходимость обдумать будущую политику Советского Союза в отношении Германии, Англии, Франции, Японии и США. Вопрос этот был очень важный и Сталин, видимо, был готов услышать разные мнения для выработки окончательного решения. К тому же,

абсолютное большинство соратников до сих пор не знало о планах рейха и было свято уверено что немцы друзья. Это заблуждение надо было исправить, чтобы наметить новый курс СССР.

— Вячеслав сказал что Гитлер отказался встретиться с нами в ближайшее время... — снова заговорил Вождь. — Предложил перенести встречу на лето, через пару месяцев... С одной стороны понятно, сейчас немцы заканчивают последние приготовления плана нападения на союзников и им не до нас. А вот с другой стороны... Возможно, они вообще не горят желанием с нами общаться, Лаврентий? — с интересом посмотрел на него Сталин.

— Вполне возможно, товарищ Сталин... — дипломатично согласился Берия. — Но раз примерно через два месяца... Значит, Гитлер уверен что за это время он решит французский вопрос и достигнет своих целей на западе?

— Это прямо напрашивается! — довольно кивнул Сталин. — А ведь, насколько мы знаем, многие немецкие генералы не уверены в успехе и скрытно стараются убедить Гитлера отказаться от этой авантюры. Думаю, слова этого Гюнтера окончательно убедили фюрера в успехе и он теперь не желает ничего слышать о сомнениях в своём Генеральном штабе.

— А выгодно ли нам, товарищ Сталин, чтобы нападение Гитлера на Францию оказалось успешным? — внезапно спросил Берия. — Ведь если у него всё получится то Германия усилится. Возможно, следует как-то предупредить Рейно в Париже, чтобы французы смогли подготовиться?

Сталин надолго задумался.

— Допустим... Что будет тогда? Они могут и не поверить нам, решить что это провокация и дезинформация. Но даже если и поверят... Да, у Франции хорошая армия, к тому же англичане их поддержат, но.. — Вождь замолчал, встал и направился в обход длинного гостевого стола, время от времени выпуская из трубки ароматный дымок. — Нет, этот вопрос надо решить обстоятельно, Лаврентий, поэтому в пятницу, 3 мая, мы с товарищами его обсудим. Как говорится, "Семь раз отмерь — один раз отрежь!"

Закончив обход стола, Сталин повернулся к нему и сказал:

— Я тебя не задерживаю, Лаврентий. Иди домой, посиди с семьёй, Серго... Подними бокал в честь праздника!

— Слушаюсь. И вас с праздником, Иосиф Виссарионович! — попрощался с Вождём Берия и вышел за дверь в приёмную где, как обычно, сидел бессменный Поскребышев. Уже сев в машину и велел водителю ехать домой, он подумал что послезавтра, в пятницу, будет, в некотором роде, исторический день для страны. Он покажет в какую сторону повернёт первое в мире государство рабочих и крестьян. Для кого-то этот поворот окажется спасительным, для других гибельным, но в одном Лаврентий был уверен точно: теперь история изменится и всё будет не так как случилось в реальности Александра. Страна и руководство предупреждены о важной опасности, принимают меры к её устранению. А к чему это приведёт и каковы будут результаты... Что ж, это будет ясно со временем!

Германия, Рейхсбан.

1 мая 1940 года. Вечер.

Гюнтер Шольке.

— Позвольте вам помочь, фрау! — он помог своей спутнице снять элегантный плащ, невзирая на слабую попытку отказаться, и повесил его на крючок возле входа. Её чемодан также занял предназначенное ему место. После этого Гюнтер более внимательно оглядел свою новую попутчицу.

Это была цветущая женщина средних лет, по крайней мере, выглядела она, на его взгляд, максимум лет на тридцать с хвостиком. Живое, доброе лицо с грустными зеленоватыми глазами, стройная фигура в чёрном, свободном платье ниже колен. На голове чёрная шляпка с маленькой вуалью.

Что ж, не самая неприятная компания, подумал он после беглого осмотра. С самого утра, после того как поезд вырвался из теснин столицы, пробираясь на юго-запад, Гюнтер скучал и просто смотрел в окно. Проезжая Потсдам, он невольно вглядывался в дома, надеясь увидеть особняк баронессы но уввы, тот был не виден со стороны вокзала. Сельская Германия была красива и он с удовольствием рассматривал её. Маленькие, аккуратные станции, фермы, домики. На полях виднелись люди, трудолюбиво возделывающие землю. Как будто и нет войны, пастораль... Вообще, Гюнтер выехал со значительным запасом. Расстояние от Берлина до Аахена составляло примерно 640 км, учитывая скорость паровоза, он должен был преодолеть это расстояние часов за 6–8.. Как бы не так! Пресловутая немецкая точность, на этот раз, сильно захромала. Возле Магдебурга пришлось простоять больше двух часов, пропуская на запад военные составы а обратно медицинский поезд. Потом остановились чтобы сменить поездную бригаду, залить воду в котёл. Затем, уже за Брауншвейгом, состав снова простоял почти час, по словам кондуктора, что-то случилось с рельсами. В результате, когда паровоз, пыхтя, втащился на железнодорожный вокзал Ганновера, уже был вечер. По расписанию, Гюнтер уже должен был подъезжать к цели, но то и дело извиняющийся кондуктор сообщил что в Аахен они прибудут только утром.

Пожав плечами, он начал готовиться ко сну, раздумывая доест ли то что ему собрала в дорогу Лаура или же отведать меню вагона-ресторана. Именно в этот момент выяснилось что у него появилась попутчица. Откровенно говоря, Гюнтер был рад этому. Сейчас, в военное время, богатеи не горели желанием ездить по "Рейхсбану" поэтому, с одной стороны, он не рассчитывал на попутчиков, с другой, на него напала скука. Всё время смотреть в окно тоже не выход. Зато теперь, похоже, у него появилась собеседница..

— Оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке, фрау! — отрекомендовался он, щёлкнув каблуками сапог и слегка наклонив голову.

— Гюнтер? Вас зовут Гюнтер? — почему-то несказанно удивилась женщина. Она уставилась на него с изумлением и смотрела во все глаза. Он слегка насторожился и более внимательно оглядел даму. Хм... Нет, определённо он её не помнит. Но она, получается, его знает? Или нет?

— Верно, фрау. А почему вы спросили словно мы знакомы? Если так то извините, я вас не помню... — покачал головой Гюнтер.

— Ой, извините, пожалуйста, оберштурмфюрер! — покраснела от смущения женщина. — Меня зовут Урсула Кляйн. А удивилась я так потому что моего мужа звали также как и вас, вот я и... — она замолчала и отвела свой взгляд.

— Вот оно что... — понимающе протянул он. — Теперь всё ясно. Кстати, ваша фамилия противоречит вашему виду, фрау Кляйн.. — Гюнтер широко улыбнулся. Голова женщины доходила ему до подбородка что, учитывая его высокий рост, была явно не низкой, даже без учёта каблучков.

Дама тоже слегка улыбнулась, но глаза её по-прежнему остались грустными:

— Это сейчас я такая. А в детстве была очень маленькой... Что же вы стоите, оберштурмфюрер? Давайте лучше присядем! — пригласила она и опустилась на мягкое сиденье напротив него.

— Фрау Кляйн, предлагаю отбросить официоз и перейти к простому общению. Называйте меня Гюнтером, мне будет так проще, да и вам, возможно, тоже... — сказал Гюнтер, удобно устроившись на своём месте и задёрнув занавески на окне. Сумерки стусились ещё больше и почти ничего за окном было не различить. Отдалённо слышались шаги, голоса, свистки паровозов а в купе было тепло и уютно.

— Что ж, Гюнтер, не имею ничего против. Вы правы, имя Гюнтер для меня давно привычно и в чём-то очень родное. Мой муж любил называть меня Улла... — печально произнесла женщина, погружившись в воспоминания. — Мы с ним прожили вместе много лет. Знаете, вы мне слегка его напоминаете, в молодости. Он был почти такой же высокий и приятный в общении..

Просвистел свисток, состав медленно тронулся постепенно убыстряя ход, и стыки под колёсами зазвучали всё чаще. Гюнтер решил совместить приятное с полезным и предложил:

— Знаете, Урсула... то есть, Улла, что вы скажете о моём предложении посетить вагон-ресторан и посмотреть чем нас с вами могут угостить? Скоро уже ложиться спать а я не люблю делать это на голодный желудок.

— Я согласна, Гюнтер! — отозвалась женщина, вставая и беря с собой сумочку. — Признаться, не отказалась бы чего-нибудь поесть. Весь день прошёл в этих предотъездных хлопотах так что я даже забыла нормально поужинать перед поездом.

— Тогда прошу за мной! — пригласил её Гюнтер, открыв дверь купе и предусмотрительно нащупал в кармане портмоне. Еда в вагоне-ресторане, в принципе, не должна быть особенно дорогой но вот напитки... Впрочем, деньги у него были, перед отъездом, заполняя разные бумаги, он зашёл в финансовый отдел СС где ему и выплатили апрельское жалование.

Они за несколько минут добрались до нужного вагона который располагался посредине состава и Гюнтер галантно отодвинул даме стул, заслужив этим благодарственный взгляд. Вышколенный официант подал меню и он бегло осмотрел его. Выбрав суп-гуляш по-тирольски и на второе пасту с грибами, ветчиной и сметанным соусом, Гюнтер поднял глаза на женщину и обнаружил что та даже не открыла своё меню. Урсула смотрела на него с каким-то странным выражением лица, словно едва сдерживая слёзы.

"Так, это надо справлять! — решительно подумал он. — Ей надо развеяться. А для этого лучший способ — немного выпить!" И Гюнтер взялся за дело. Заказал две бутылки шампанского, фрукты, шоколад. И заговорил:

— Я вижу что вы явно подавлены, Улла... Говорят, что если человек выскажет другому то что лежит у него на душе, гнетёт его, то ему станет легче. Поверьте, лично убедился в

этом. Поэтому, если я не вызываю у вас явного отторжения то готов послужить жилеткой... — мягко улыбнулся он, пытаясь помочь даме.

— Вы думаете? — поинтересовалась женщина. Она, всё-таки, заказала себе какой-то салат и теперь начала понемногу его есть. Делала она это без энтузиазма, словно зная что такой процесс нужен для организма но не находя в этом ни грамма удовольствия. При этом с её лица не сходило выражение грусти и печали. — Что ж, может вы и правы..

Гюнтер наполнил бокалы и протянул один Урсуле.

— Предлагаю выпить за нашу случайную встречу! — провозгласил он и слегка дотронулся до её бокала своим. Та молча кивнула и немного отпила. Он сделал то же самое, но побольше.

— Мой муж, Гюнтер Шварц, умер две недели назад от несчастного случая. Поскользнулся в ванной, когда вылезал из неё, ударился головой о чугунный бортик и... — её лицо перекосилось от боли и она закрыла лицо ладонями. — Извините, но это так больно... Кажется, что всё это сон, понимаете? Я была на кухне, готовила ужин. Даже сейчас помню что это была запеканка... Услышала какой-то стук и спросила что он там делает? А Гюнтер не ответил. Я и решила что мне послышалось... И почти полчаса я, напевая глупую песенку, продолжала готовить ужин! А он там лежал и, может, ждал помощи! Боже мой, наверное, из-за меня он умер! — голос её повисился, на глазах появились слёзы и Гюнтер понял что у неё сейчас начнётся истерика. Понятно, винит себя в смерти мужа и теперь занимается самообразованием.

Последующее действие вышло каким-то совершенно естественным и правильным. Он встал из-за стола, пересел к ней и, обняв за плечи, мягко привлёк к себе. Слово только дожидаясь этого, женщина уткнулась ему в грудь и горько расплакалась. Мда... роль жилетки, в данном случае, ему определённо удалась!

Следующие минут пять Гюнтер продолжал сидеть рядом с ней и успокаивать Урсулу, ласково поглаживая по густым волосам, одновременно шепча ей на ухо что она нисколько не виновата, что никак не смогла бы предотвратить это... В общем, полный набор утешителя вдов. В вагоне-ресторане, из-за позднего времени, почти не было посетителей и лишь официант иногда поглядывал на них. Гюнтер наскоро доел свой ужин и тихо сказал:

— Знаете, Улла, уже довольно поздно, ресторан закрывается, поэтому предлагаю вернуться в наше купе. Хорошо?

Та лишь молча кивнула, не в силах что-либо сказать. Отрываться от него она тоже не спешила, устроив голову на его плече и тихонько всхлипывая.

— Давайте допьём наше шампанское из бокалов и пойдём! — убедительным тоном сказал он, дождался пока женщина не возьмёт дрожащей рукой свой, и сказал:

— За хорошего мужа и отличного человека — Гюнтера Шварца! До дна!

Свой бокал он допил двумя большими глотками а Урсула закашлялась но, всё-же, одолела свою порцию. После этого, продолжая обнимать несчастную вдову, Гюнтер сумел схватить пальцами горлышки двух бутылок и они покинули вагон-ресторан, к видимой радости официанта, который тут же принялся наводить порядок.

Дорога в купе прошла нормально, женщина нашла в себе силы успокоиться и мягко отстранилась от него, с благодарностью поблагодарив его за участие и поддержку. Снова устроившись в своём купе, Гюнтер хотел сесть на своё место но Урсула сказала:

— Извините меня ещё раз, Гюнтер... Я не смогла совладать с собой, позволила себе недопустимую слабость и..

— Прекратите, Урсула! — властно ответил он и взял её за плечи. — Вы вели себя совершенно естественно и вам незачем просить прощения! Лучше расскажите мне о себе и о моём тёзке?

— Вы правда желаете это знать? Но зачем вам? — удивилась женщина, смотря на него своими заплаканными глазами. В её взгляде была какая-то мольба, смущение, горе... Словом, Урсула явно нуждалась в утешении.

— Потому что мне интересно. Я хочу понять какая вы, Улла! Каким был ваш муж, дети... Кстати, у вас есть дети? — спросил он, усаживаясь, наконец, на своё место. Причём, женщина снова села рядом с ним, явно намереваясь опять использовать его как жилетку. Что ж, Гюнтер был не против, в конце концов, это было меньше чем он мог сделать чтобы успокоить безутешную женщину.

— Ладно, Гюнтер... — сказала она, снова прислонившись к его плечу. — Возможно, мне в самом деле лучше выговориться... Как меня зовут вы знаете, мне уже 43 года, совсем старушка..

— Сколько-сколько?! — удивился Гюнтер. На его взгляд та явно была моложе, максимум чуть за тридцать. — Не может такого быть, Улла! Вы меня явно разыгрываете! — убеждённо ответил он, качая головой в несогласии.

Женщина тихо засмеялась и подняла на него глаза:

— Неужели я так молодо выгляжу? — спросила она и грустно усмехнулась. — Тем не менее, это правда. Просто привыкла в любых обстоятельствах ухаживать за собой. Всегда, если выхожу из дома то причёсана, накрашена и безукоризненно одета. Так меня мать воспитала, говорила: "Женщина всегда должна выглядеть как женщина а не что-то отдалённо похожее на неё!"

— Ваша мать была очень умной женщиной... — уважительно сказал Гюнтер. — Я с ней полностью согласен и думаю так же! Но всё же... Вы поразительно молодо выглядите, Улла!

— Спасибо за комплимент, Гюнтер... — она улыбнулась и вдруг спросила: — А хотите я вам докажу? Подайте, пожалуйста, мою сумочку?

Недоумевая, он потянулся и подал ей сумку, лежащую на её сиденье. Урсула открыла её, достала паспорт и протянула ему:

— Читайте и смотрите, недоверчивый молодой человек..

Гюнтер прочитал:

— Урсула Кляйн, 43 года, Ганновер... — он снова посмотрел на неё и сказал с восхищением: — Знаете, Улла, честно говоря, я умом понимаю что вы говорите правду но вот глаза мне всё равно кричат что передо мной сидит 30–33 летняя очаровательная, молодая, красивая женщина. Прямо какой-то когнитивный диссонанс!

— Ах, Гюнтер... — снова улыбнулась женщина, явно польщённая его оценкой: — У нас, женщин, есть много способов оставаться привлекательной даже тогда когда мы понимаем что наш век уходит... Но всё равно снова спасибо вам за очередной комплимент! Я чувствую что он искренний... Кстати, а что такое этот ваш когнитивный диссонанс? Я впервые слышу про него.

"Так... Похоже, я снова сказал что-то не то! — мысленно укорил себя Гюнтер. — Неужели сейчас люди ещё не знают про это? Надо выкручиваться.."

— Это когда тебе говорят одно, причём ты знаешь что говорят правильно... А твои глаза видят совсем другое. Примерно так.

— Теперь поняла... — кивнула она головой. — Тогда я продолжу?

— Конечно, Улла, но сначала мы немного выпьем иначе скоро шампанское в бутылке выдохнется, а это нежелательно... — проговорил Гюнтер, разливая по бокалам шипучий напиток. Урсула промолчала, видимо, не возражая. Они подняли свои бокалы и он спросил:

— Может вы хотите сказать тост? Ваша очередь.

Она повернулась к нему и несколько секунд смотрела в глаза:

— Знаете, Гюнтер, сегодня я впервые, со дня похорон моего мужа, улыбнулась... Вы меня развеселили и хоть немного ослабили ту тяжесть которая висит на моём сердце. Поэтому я хочу выпить за вас, Гюнтер. За того кто не только защищает нас, слабых женщин, от врагов но и умеет найти способ успокоить их, внести что-то хорошее и яркое в их жизнь... За вас, Гюнтер! — снова произнесла она и пригубила бокал.

Приятно польщённый, он последовал её примеру, за несколько глотков опустошив его. К удивлению Гюнтера, женщина тоже не остановилась пока внутри не осталось ни капли шампанского.

— На чём я остановилась? — спросила Урсула, но не успел он напомнить как она уже сама взмахнула рукой. Как успел заметить Гюнтер, с накрашенными ногтями. — Ах да, что мне 43 года... Да, это явно не то достижение в жизни о котором мечтает каждая женщина. Что ж... Я всю жизнь прожила в Ганновере и очень люблю его. Он такой красивый.. — Женщина мечтательно вздохнула. — Вы хоть раз там были?

— Увы, Улла... — с сожалением покачал он головой. — Не довелось. Только Берлин.

— Вы обязательно должны там побывать, Гюнтер! У нас столько достопримечательностей! Старая и новая Ратуша, часы Крёпке... А уж какое красивое у нас здание оперного театра! — с оживлением рассказывала женщина, мысленно вернувшись в родной город. Её глаза сверкали и из них на время пропали та грусть и горе которые захватили женщину после смерти его тётки. — А ведь есть ещё музей Нижней Саксонии и Рыночная церковь!

— С удовольствием воспользуюсь вашим предложением, если доведётся оказаться там! — улыбнулся Гюнтер. — Надеюсь, вы побудете моим гидом?

— Конечно, Гюнтер! — с воодушевлением согласилась женщина. — Будьте уверены, вы не пожалеете что приедете к нам.

— Знаете, я бы с радостью это сделал прямо сейчас но, сами понимаете, служба... — пожал он плечами с сожалением. Зато в душе Гюнтер был доволен. Ему удалось расшевелить свою спутницу, заставить её на время забыть об утрате, перевести мысли Уллы на более приятные вещи. Та уже сняла свою шляпку, выпустив на свободу густые, всё ещё прекрасные чёрные волосы, лицо покраснелось, то ли от выпивки то ли от эмоций. Даже в своей траурной одежде она выглядела очаровательно и Гюнтер вдруг впервые посмотрел на неё как на красивую женщину с которой вполне можно было бы... Стоп! Нет, вот этого ему явно не следует делать! Он теперь отлично знает что будет если Гюнтер возьмёт её. С ней случится то же самое что и с другими девушками и женщинами а это явно не входит в его планы. И так уже гарем разросся до совершенно неприличных размеров, пора бы придержать энтузиазм своего слишком прыткого члена... Так что только разговор и никакой инициативы в направлении постели! Сейчас она расскажет свою историю, они допьют шампанское и лягут спать. Отдельно! И никакого секса! Хватит! К тому же она совсем недавно потеряла мужа, какое он имеет право подкатывать к ней со своим мужским интересом? Правильно, абсолютно не имеет. И то что она очень красива, со вкусом одета и накрашена, а её грудь под чёрным платьем..

Гюнтер кашлянул от смущения и долил в бокалы остатки первой бутылки.

— Что с вами, Гюнтер? — с удивлением спросила женщина от которой не укрылось его внезапное смущение.

— Ничего, просто... Не обращайтесь внимания, Улла, продолжайте! — с трудом нашёл он слова.

— Ну ладно... — она ещё несколько секунд на него смотрела а потом заговорила снова: — У нас с Гюнтером была долгая, счастливая жизнь, результатом которой стала наша единственная дочь — Розалия... Я именно к ней сейчас и еду. Не могу больше быть одна в нашем доме без моего Гюнтера. А дочка живёт в Аахене, снимает квартиру, ей всего 22 года. Такая красивая, нежная, умная девочка! Я так ею горжусь! — голос Урсулы стал мягким и ласковым, было видно что она очень любит свою Розалию и беспокоится о ней.

— Не сомневаюсь в том что ей передались все ваши достоинства, Улла! — ответил Гюнтер, снова подавая ей бокал. — Что ж, теперь мой тост... Предлагаю выпить за ваш родной Ганновер! Пусть я пока его и не знаю, но уверен, с вашей помощью смогу это справиться. Прозит!

— О, я вообще-то, не любительница выпить но за свой любимый город не могу отказаться! — сказала улыбающаяся женщина и слегка прикоснулась своим бокалом о его, вызвав в купе мелодичный звон. Подбадриваемая им, Урсула тоже допила свой бокал и ещё больше раскраснелась. Очень хорошо, подумал Гюнтер, скоро она окончательно опьянеет и захочет спать.

— Расскажите о себе ещё что-нибудь? — предложил он, мягко привлекая её к себе.

Она, не сопротивляясь, облокотилась на него спиной и спросила:

— Что вы ещё хотите обо мне знать?

— Ваши увлечения, мысли, привычки... Расскажите о себе всё что хотите... — сформулировал Гюнтер своё желание.

— Хорошо, но потом и вы расскажете о себе? — поставила женщина условие, лукаво улыбнувшись. — А то я о вас почти ничего не знаю.

— Договорились! — кивнул он, рассчитывая что в процессе её рассказа, перемежаемого периодическими тостами, та просто заснёт и ему не придётся этого делать.

— Я люблю цветы. Розы, георгины, ландыши... Они такие красивые, хрупкие, нежные. Как я сама! — тихо засмеялась Урсула. — А ещё я люблю свой дом. У нас с Гюнтером такой милый домик... Мы его отделали по своему вкусу. Там уютно, особенно зимой, у камина. Когда на улице холод, вьюга... А дома тепло, изредка потрескивают дрова а ты сидишь рядом с мужем в обнимку под пледом, смотришь на снежинки за окном и думаешь... Как хорошо жить! Боже, как мы были счастливы! — внезапно всхлипнула женщина и он почувствовал как её тело, прижатое к нему, мелко затряслось.

— Ну всё-всё, успокойтесь, Улла... — тихо сказал он, крепче прижимая женщину к себе. Та доверчиво прижалась к нему и постепенно затихла.

— Извините меня, Гюнтер... Я опять расклеилась... — её голос звучал еле слышно. — Просто я, со смерти Гюнтера, находилась в каком-то шоке, понимаете? Моё тело что-то делало, разговаривало, занималось вопросами похорон, заполнением всяких юридических формальностей... А я сама, где-то глубоко внутри, сидела и, оцепенев, наблюдала за этим, не в силах понять и принять что моего милого Гюнтера больше нет... Потом я целыми днями ходила по комнатам, убиралась, ухаживала за цветами, разговаривала сама с собой... Мне кажется, ещё чуть-чуть и я бы сошла с ума. А затем что-то вдруг словно ударило меня. И

я поняла что не смогу быть там одна. Без мужа наш дом перестал быть милым и родным. Он потерял свою привлекательность. Я по-прежнему его люблю но жить там одна больше не могу... Он стал холодным и... чужим. Поэтому я собралась и решила поехать к моей Розалии, последнему близкому человеку в нашей семье. Вот и вся моя история, Гюнтер... — закончила она и замолчала.

— А кем был ваш муж, Улла? — спросил он, желая узнать на какие деньги его вдова решила ехать первым классом.

— Он был полковником интендантской службы "Вермахта". В его подчинении были все склады в городе и его окрестностях... — поведала ему женщина и Гюнтеру всё стало ясно. Что ж, ничего удивительного что полковник-тыловик смог так шикавать. Наверняка толкал налево содержимое своих складов. Впрочем, теперь это уже неважно. Он предстал перед таким судом где ему не помогут ни деньги ни связи.

— А теперь вы расскажите свою историю, Гюнтер! — попросила Урсула слегка заплетающимся голосом, отстраняясь от него. — Но сначала, вы не могли бы открыть вторую бутылку? Я хочу сказать тост. Сейчас же моя очередь, верно? — улыбнулась она. Приятный запах духов щекотал ему ноздри а накрашенные губы на миг показались Гюнтеру воротами в рай. В её глазах появилась поволока которая бывает у поддатых женщин и он решил усилить эффект.

— Конечно, Улла! — ответил он и осторожно попытался открыть бутылку. Хотя у него был большой опыт по этой части но в данном случае что-то пошло не так. То ли Гюнтер слишком резко откручивал пробку то ли ещё что, но случилось непредвиденное... Раздался сильный хлопок и пробка с огромной скоростью пронеслась прямо перед его глазами, отчего он едва не повторил судьбу бравого американского лётчика Рэйфа из фильма "Перл-Харбор", когда тому, во время знакомства с Эвелин, проклятая пробка угодила прямо в нос. Но не успел Гюнтер порадоваться своей удаче как выяснилось что пробка не самое плохое что его ждало. Ибо из бутылки, с радостным шипением, выплеснулась освобождённая пена, которая тут же облюбовала не только его лицо но и чёрный китель на груди. Не успокоившись этим, шампанское попыталось дотянуться и до Урсулы... К счастью, запала уже не хватило и платье женщины украсилось лишь несколькими каплями шипучей пены, быстро впитавшейся в ткань.

Ошеломлённый Гюнтер застыл, держа бутылку в руке, пытаясь прийти в себя. Точно так же застыла и Урсула, смотря на него. Отмерев, он открыл рот чтобы попытаться извиниться но внезапно дама рассмеялась. Нет, она пыталась сдержаться, Гюнтер видел это, но не смогла. Закрыв лицо руками, женщина хохотала так что наверняка было слышно в соседних купе. Отфыркиваясь, он с раздражением поставил проклятую бутылку на стол и начал вытирать лицо платком, который достал из кармана. Конечно, со стороны это, скорее всего, выглядело смешно но вот ему лично было не до смеха. Теперь, до чистки формы, от него будет пахнуть шампанским. Прямо какое-то дурацкое совпадение! Совсем недавно похожая история с ним случилась в ресторане, во время свидания с Лоттой, и вот опять... Определённо, ему надо серьёзно обновить навык обращения с тарой для алкоголя! Обливать себя каждый раз когда хочется выпить... Это никуда не годится.

Тем временем, женщина, наконец, почти успокоилась и лишь веселье в глазах говорило ему что она до сих пор забавляется его ошибкой. Урсула подвинулась к нему и сказала, безуспешно пытаясь убрать с лица улыбку:

— Ради Бога, простите меня, Гюнтер! Я не хотела, правда! Просто у вас был такой

вид... Извините меня, пожалуйста, я не смогла сдержаться! Это шампанское... я виновата что попросила вас открыть... — тут она закашлялась, видимо, пытаясь скрыть смех.

Раздражение Гюнтера прошло. В конце концов, ничего страшного не случилось, подумаешь, немного облился. Дело житейское, как говорил Алекс. Он улыбнулся в ответ и сказал:

— Я не обижаюсь, Улла. Понимаю, сам виноват, надо было осторожнее открывать пробку.. — Гюнтер вздохнул и добавил: — Китель только жалко, перед поездкой почистил.

— Ох... Ну конечно, как я не обратила внимания? — взволновалась женщина. — Снимайте его сейчас же! Я отнесу его проводнику, надеюсь, он сможет помочь мне!

И, несмотря на его протесты, упростила снять китель и отдать его ей. Урсулы не было минут десять, за это время Гюнтер сходил умылся и просто сидел, смотря в тёмное окно хоть и не видел там ничего. Вернувшись, она с огорчённым видом сказала что проводник ничем особым помочь не смог, надо было стирать чтобы избавиться от запаха, что в условиях поезда было трудноосуществимо.

— Извините меня ещё раз, Гюнтер, это моя вина... Если бы я не захотела сказать тост то ничего бы не было! — продолжала казнить себя женщина с грустным видом, обхватив себя руками. Его китель она повесила на крючок, рядом со своим плащом.

Ему стало жалко её и он сказал:

— Нет, это я виноват в собственной невнимательности, вот и был наказан... Что ж, часть напитка пропала но там ещё кое-что есть. Я сейчас налью и вы скажете свой тост! — на его взгляд, в бутылке было чуть больше половины шампанского, этого хватит ещё на пару тостов.

Наконец, они снова подняли бокалы и Гюнтер посмотрел на неё в ожидании:

— Теперь говорите!

— Гюнтер! Я хочу выпить за вашу девушку! Ведь она же у вас есть, верно? — и не дав ему сказать ни слова, продолжила: — Даже не думайте отрицать! Я абсолютно уверена что у такого красивого, сильного мужчины есть девушка! Судя по отсутствию кольца на пальце вы не женаты, но девушка у вас точно есть! Скажите, как её зовут?

Гюнтер слегка смутился. Оригинальный тост! Хотя, что ему скрывать? Девушка есть и даже не одна. Вот только зачем ей это говорить? Незачем. Поэтому он улыбнулся и ответил:

— Вы правы, Улла, есть. Её зовут Лаура, она медсестра. Очень любит меня..

— А вы её? — тут же спросила она и покраснела: — Ой, что я несу? Не отвечайте! Просто давайте выпьем за вашу Лауру! Уверена, она счастлива с вами! — и, не дожидаясь ответа, прикоснулась бокалом к его сосуду. Они выпили, снова до дна.

Когда женщина поставила свой бокал на столик её рука слегка дрожала, из-за чего она едва не промахнулась. О, похоже, Урсула уже почти готова... Ещё немного и дама отрубится окончательно. Гюнтер немного винил себя что выбрал такой способ утешения вдовы, особенно учитывая как та себя будет чувствовать утром, но слушать её плач было выше его сил. Одно дело когда это делают всякие хитрые, циничные сучки, пытающиеся разжалобить мужчину в расчёте на свои планы... Тогда можно просто смеяться над их напрасными усилиями. И совсем другое когда это горе искреннее, как у Урсулы. В таком случае он готов был на многое чтобы успокоить даму. Видимо, это его сентиментальность так себя проявляет.

Гюнтер решил снова налить шампанское чтобы добить бутылку когда увидел как женщина попыталась встать, качнулась и, несмотря на попытку схватиться за столик,

приземлилась прямо на него. В последний момент он попытался поймать её но, поскольку в одной руке держал бутылку то не смог. В результате Урсула оказалась сидящей на его коленях и вяло забарахталась, смущённо извиняясь:

— Простите, Гюнтер... что-то я не стою на ногах. Вы не могли бы выключить свет в купе? Он бьёт мне в глаза... — её голос стал ещё более невнятным но пока различимым.

— Хорошо, Улла, как хотите... — ответил он, осторожно ссаживая её с себя на сиденье. Встав, Гюнтер выключил плафон и купе погрузилось в почти полную темноту, нарушаемую лишь тусклым лунным светом из окна. Буквально на ощупь он разлил последнюю порцию шипучего напитка в два бокала и потряс бутылку. Судя по звуку там осталось на самом доньшке. Что ж, будет чем слегка опохмелиться утром, чтобы голова поменьше болела. Сам он хоть и тоже пил не меньше Уллы, но его развезло не так сильно как её. Гюнтер вполне соображал, мог передвигаться не качаясь и разговаривать членораздельно. Разве что мысли в голове стали более... развязными, что ли.

Снова усевшись на своё место он поднял бокал и сказал:

— Последний тост за мной, Улла. Вы готовы?

Та обхватила свой бокал двумя руками и невнятно проговорила:

— Да. Надо же, как сейчас стало уютно... и романтично... — она тихо засмеялась и едва не повалилась набок когда поезд слегка тряхнуло. Второй рукой Гюнтер крепко схватил её за руку и притянул к себе. Ещё не хватало чтобы она упала на пол и поранилась... В темноте он не мог различить её лица, лишь тёмное пятно вместо него.

— Я предлагаю выпить за вас, прекрасная Улла! За то что вы не сломались под ударом судьбы, смогли выстоять и жить дальше! За вашу красоту, силу и доброе сердце! Прозит! — сказал он и уже хотел соприкоснуться бокалами как та прервала его:

— Гюнтер, давайте на брудршф... то есть, бру-дер-шафт! — с трудом выговорила женщина.

На миг он в нерешительности замер. Это уже начинало идти по определённому сценарию, но... Неужели Урсула думает что они?.. Нет, она же любит своего мужа, как такое возможно? К тому же последняя порция шампанского наверняка свалит её окончательно и она уснёт. Так что нет никакого риска. А отказать красивой женщине в такой малости... И Гюнтер согласился.

Они просунули руки нужным образом и снова выпили до дна, причём дама, видимо, приноровилась и почти не отстала от него. Он ещё раздумывал когда почувствовал как к его губам медленно прикоснулись губы Урсулы. Гюнтер не услышал а, скорее, ощутил как она тихо прошептала:

— Пожалуйста.

Что ж, если он самовольно подрядился быть жилеткой то будет ею до конца. Гюнтер поставил свой бокал на столик, сделал то же самое с её посудой и уверенно привлёк Урсулу к себе, одновременно раздвигая мягкие женские губы своим языком. Да, он опять не устоял, но утешал себя мыслью что от одного раза с ней ничего не будет, силы дара не хватит чтобы она к нему привязалась. Утром же они расстанутся и вряд ли больше увидятся. Конечно, он не прочь бы посетить её родной Ганновер, полюбоваться часами и другими красотами города но если это не случится то ничего страшного. И всё это останется лишь в их памяти, как приятное дорожное приключение.

Тихо застонав ему в рот Урсула слегка отодвинулась от него и вдруг сказала, погладив в темноте его широкие плечи:

— Любимый мой, представляешь что мне приснилось? Как будто ты умер и я тебя похоронила... Какой ужасный сон, правда, Гюнтер?

Озадаченный Гюнтер уставился на неё пытаясь понять что она несёт но ничего не увидел. Похоже, она явно не в себе... Слишком много выпила.

— Улла, ты что... — хотел спросить он но тут же ощутил на своих губах маленький пальчик, который заставил его замолчать.

— Тсс! — ласково произнесла женщина, мягко нажимая ему на грудь, вынуждая лечь на спину. — Ничего не говори, просто помолчи, милый... Так вот, а ещё мне приснилось что вместо тебя я еду с каким-то молодым, симпатичным офицером. И его тоже зовут Гюнтер, как и тебя, надо же.. — Урсула хихикнула, проведя своими пальчиками под его майкой, доставив ему приятное ощущение.

Так вот оно что, внезапно понял он! Улла настолько опьянела что в темноте приняла его за своего мужа! Видимо, мозг женщины так и не смирился с тем что тот умер и теперь, пользуясь её состоянием, темнотой, сходством имён и внешности, решил поддаться иллюзии и заставил несчастную Урсулу поверить что та находится со своим любимым мужем.

— Он так на тебя похож в молодости! — тем временем продолжала Улла, нежно поднимая его майку. — Когда я в первый раз его увидела мне показалось что это ты... А потом мы с ним пили. Извини меня, я помню что ты говорил... Мне нельзя много пить. Но я была так раздавлена тем что ты, как будто, умер что захотела забыться... — Её голос стал более внятным и его стало лучше различать.

— Но теперь я знаю что это и есть ты, Гюнтер! — с радостью сказала она. Сам Гюнтер предпочёл промолчать, так и не решив что ему делать. Прекратить этот фарс и привести её в чувство? И что будет? Она поймёт свою ошибку, осознает что муж, по-прежнему, мёртв и снова расплачется или вообще, устроит истерику. А он окажется тем кто безжалостно разобьёт её иллюзию и снова ввергнет женщину в горе и страдание. Сейчас она счастлива, так надо ли ему лишать Урсулу кратковременного кусочка прежней, полной радости жизни? Возможно, в данном случае, лучше сладкая ложь чем горькая правда? Хотя бы на время?

Пока он размышлял и решал что делать, женщина уже всё решила за него. Майка была задрана до шеи а её шаловливые пальчики уже расстегнули его ширинку. Она склонилась над ним и начала покрывать лёгкими поцелуями его грудь.

— Боже, Гюнтер, ты стал такой большой! И от тебя так пахнет... Я чувствую что всё больше хочу тебя, мой любимый! — горячий шёпот женщины невольно возбуждал его, особенно когда та перешла с его груди на губы. Урсула снова поцеловала его а потом лизнула левое ухо и шею. Миллионы мурашек пробежали по телу Гюнтера тут же отозвавшись на его члене, который не замедлил показать свою готовность.

Женская ручка нырнула в его брюки и над ухом прозвучал довольный шёпот Урсулы:

— О... Ты меня приятно удивляешь, Гюнтер. Что с тобой такое сегодня? Неужели доктор Зильбер помог? В последнее время ты мне говорил что у тебя ТАМ проблемы но... — она ласково обхватила его член рукой и её голова поползла вниз. — Но я чувствую что ты в полном порядке, милый мой! И, кажется, он стал каким-то другим..

Гюнтер счёл за лучшее снова промолчать. Если ей легче воспринимать его как своего мужа то пусть... Удовольствие-то всё равно получит он а не его умерший тёзка. Конечно, в моральном плане это было неправильно и постыдно но Гюнтер давно уже смог договориться со своей совестью по этому вопросу, иначе после первой же замужней любовницы он стал бы импотентом.

Тем временем Гюнтер ощутил как его член внезапно оказался в горячем, влажном плену и не смог удержаться от стога удовольствия. Урсула оторвалась от его хозяйства и проговорила, похоже, с улыбкой:

— Да, я знаю как тебе это нравится, милый... Обещаю, сделаю всё как ты любишь!

И Гюнтер несколько минут наслаждался глубоким, чувственным минетом, ощущая как её губы вобрали в себя почти весь его член. Язык женщины творил настоящие чудеса, вызывая в нём сильнейшее желание взять головку Урсулы за волосы и натянуть её до конца. Знать бы ещё делал ли его тёзка такое или нет. Вдруг женщину это насторожит? Впрочем, и так всё шло очень даже неплохо.

Его размышления снова оказались прерваны быстро накатившей волной непреодолимого удовольствия, заставившего Гюнтера открыть рот и зарычать, одновременно выгнувшись дугой. Казалось, все мышцы в районе паха сократились и застыли, буквально выталкивая из его члена животворящую субстанцию, которая целиком исчезла во рту ненасытной Уллы. Наконец, его тело расслабилось и он глубоко вздохнул, постепенно приходя в себя. Сердце колотилось как ненормальное, мозг продолжал плавать в эндорфинах или дофаминах а сам Гюнтер едва осознавал где он и что с ним.

— Сколько же много у тебя её накопилось, Гюнтер... — донеслось до него удовлетворённое бормотание Урсулы. — Даже проглотила с трудом. И на вкус она какая-то другая. Гюнтер, что ты ел сегодня? — тихо рассмеялась она. — Хотя, не важно, мне понравилось... Жаль только что ты сейчас долго будешь восстанавливаться. Но ничего страшного, дай мне свою руку, поласкай меня там, как обычно... — попросила женщина, снимая с себя траурное платье.

Эти слова привели его в чувство и внушили некоторый стыд. Он сам получил удовольствие а бедная женщина осталась неудовлетворённой. Так не пойдёт! Он ведь именно этого и хотел, чтобы та хоть на время, почувствовала себя любимой и желанной, а теперь что? И Гюнтер снова, как и в прошлый раз, представил как его член крепнет и поднимается. Снова появилось возбуждение, сначала слабое, потом всё сильнее. И пока женщина пыталась нащупать его руку чтобы приложить её к своей промежности, он сделал то же самое с рукой Урсулы.

— Что это? — раздался её удивлённый возглас. — Это... Это что, ты опять? Не может быть! Он стоит! Но как, Гюнтер? Ты же только что... Боже мой, я не верю! — залепетала она, уже двумя руками ощупывая его могучее оружие, снова готовое к бою.

Не отвечая, Гюнтер взял её за талию и потянул к себе, чтобы насадить на член. Урсула, словно боясь поверить в такую удачу, суетясь, скинула с себя трусики и лифчик, выпустив на свободу свои довольно немаленькие груди. Правда, в темноте их было едва видно но на ощупь они были не меньше "тройки". Продолжая держать его за член, как будто опасаясь что он исчезнет, Урсула залезла на него и, со сладострастным всхлипом, медленно села на него своим лобком. Мода его брить пока не дошла до женщин но Гюнтеру сейчас было глубоко плевать, главное, он снова внутри!

— Надо обязательно... оох... сказать спаах... спасибо доктору Зильберу... Боже... аа... он сделал чудо... сильнее, любимый! — задыхаясь, шептала женщина, постепенно увеличивая темп. Не прекращая насаживаться, Урсула наклонилась к нему и страстно поцеловала в губы. В ответ Гюнтер усилил движения, буквально врываясь в неё до самой матки, что вызвало у вдовы всё более частые вздохи и стоны удовольствия. Взяв её за груди он притянул их к себе и стал по очереди ласкать соски языком, облизывая ореолы.

— Ох!! Гюнтер... ты никогдааахх... так не делал... Но продолжай, пожа... ааа... Только не останавливайся, прошуу... — ещё сильнее задвигалась на нём женщина, прижав его голову к своей пышной груди. Приближалась кульминация и Гюнтер почувствовал как знакомое давление медленно нарастает в его члене. Продолжая целовать её грудь, он вцепился руками в женские ягодицы и стал ещё сильнее вонзаться в неё. Урсула явно потеряла над собой контроль, её стоны перешли в настоящие крики, но мысль о том что их могут услышать в соседних купе никого не взволновала, им обоим точно было не до этого.

— Я сейчас кончу! — впервые, с того момента как начался интим, подал голос Гюнтер. Он хотел дать ей шанс привстать чтобы не брызнуть ей внутрь но та не захотела им воспользоваться.

Урсула с трудом проговорила:

— В меня, любимый!.. В меня!.. Как ты любишь!..

И он полностью отпустил себя, окончательно отдавшись новому оргазму. Снова, содрогаясь и пребывая где-то в облаках, Гюнтер с огромным облегчением спустил всё что было у него в загашниках и обессиленно распростёрся на удобном сиденье. Он ощущал себя выжатым окончательно и бесповоротно. В это время, захрипев и сильно дёрнувшись, достигла своего долгожданного удовольствия и Урсула, со стоном повалившись ему на грудь, обхватив руками за шею. Она тоже тяжело дышала, Гюнтер слышал как часто билось её сердце а член ощущал как стенки влагалища, обильно орошённые его спермой, всё ещё продолжали сжимать его. Женщина не торопилась слезать с него а он и не собирался сгонять. Мелькнула мысль что надо бы сходить обмыться но навалилась дикая усталость, к тому же было так приятно ощущать плотно прижатое к нему тело красивой женщины с мягкими грудями, что она тут же пропала. Хотелось просто лежать и наслаждаться теми прекрасными ощущениями которые дарит отличный секс.

Урсула слегка пошевелилась и тихо прошептала:

— Сегодня я побывала в раю, любимый. И это благодаря тебе... Я знаю что много раз тебе это говорила но скажу снова — Я люблю тебя, Гюнтер.

В ответ он промолчал и ласково погладил вдову по волосам. Она подняла голову и спросила:

— А ты меня любишь? Скажи!

И вот что ему делать? Сказать правду что нет? Что воспользовался её иллюзией для совместного удовольствия? Что ж, может какой-нибудь правдоруб, который всегда говорит правду, только правду и ничего кроме правды так бы и сделал... Но он, Гюнтер, понимающий человек и не может так жестоко обойтись с той кто только что подарила ему себя. Придётся солгать? Видимо, да, не в первый и уж точно не в последний раз. Скорее всего, наступит такой день когда эта ложь выйдет ему боком... Пусть так, Гюнтер примет этот удар судьбы и найдёт выход из положения. Решит вопрос так как привык это делать. А пока..

— Я тоже тебя люблю, моя милая Улла! — уверенно ответил он и крепко прижал к себе очаровательную вдову. Та облегчённо вздохнула, легла головой ему на грудь и уже через пару минут её дыхание сделалось ровным и спокойным. Она уснула а Гюнтер ещё лежал, вяло размышляя что делать утром и как разруливать такую непредвиденную ситуацию. Несмотря на весь его богатый опыт общения с женщинами такого у него ещё не было. Так и не придя к оптимальному решению, он закрыл глаза. Как там любят говорить некоторые дамы из будущего?

"Я подумаю об этом завтра?" — Гюнтер улыбнулся. Роль жилетки он выполнил на все сто процентов, может даже, перевыполнил. А значит, пора отдохнуть и набраться сил перед новым днём..

Москва.

2 мая 1940 года. Утро.

Александр Самсонов.

Он стоял на Красной площади и оцепенело оглядывался вокруг. Зрелище, которое Саша наблюдал, было настолько ужасным что просто дух захватывало от шока а сердце болезненно сжалось от ощущения беды. В Москву пришла война. Вся местность и сооружения, на сколько хватало глаз, разительно изменились.

Спасской башни больше не было. Вместо неё торчала какая-то обугленная красно-чёрная конструкция с обломанными краями из которой лениво поднимался лёгкий дым. Обломки часов, исторической достопримечательности великой русской столицы, лежали у её подножия. Подавляющее большинство других башен, видел он, тоже лежали в руинах а Собор Василия Блаженного лишился большей части своих куполов.

Сама кремлёвская стена была во многих местах разрушена, превратившись в груды кирпичей. Стоявший за ней Большой Кремлёвский дворец зиял множеством пробоин от попаданий снарядов и также был обгоревшим. Недалеко от него должен был располагаться Мавзолей с телом Ленина... Но его не было! Лишь куча чёрных камней возвышалась на этом месте.

Да и вся площадь почти не напоминала ту что запомнилась ему когда он гулял по ней. Большая территория была перерыта окопами и заставлена несколькими бетонными дотами. Все они были покрыты следами боя, бетон кое-где раскрошился, из амбразур тянулся чёрный дым. Виднелись несколько пулемётов, молчаливо смотревших в ту сторону откуда пришли враги. На позициях стояли или лежали обломки "сорокапятков" и "УСВ", изуродованные щиты на них были исклѐваны пулями и осколками. Были и несколько танков.

Метрах в двадцати от Саши стоял "Т-34" с распушенной правой гусеницей, два катка были буквально расколоты а остальные своим весом взрыли остатки брусчатки отчего машина слегка накренилась. Ствол на башне тоже был повёрнут вправо. Все люки оказались закрыты и Александр был почти уверен что экипаж так и остался сидеть на своих местах. Причиной же гибели могучей машины, видимо, послужила пробоина на правой стороне корпуса, судя по размеру, не меньше чем 88-мм орудия.

Чуть поодаль стояло то что раньше было танком "КВ-1". Корпус был вспучен внутренним взрывом а башня валялась рядом, как отрубленная голова. Танк был обложен мешками с песком, которые были разорваны снарядами, пытавшимися добраться до бронированной шкуры советского гиганта. Как предположил Саша, машина использовалась как неподвижная бронированная огневая точка, наподобие тех танков которые использовали немцы при отчаянной обороне Берлина в 1945 году, когда уже не имели времени и возможностей чинить ходовую часть и двигатели. Скорее всего, в данной ситуации было нечто похожее, "Клима" дотащили сюда тягачом, обложили мешками с песком и он принял здесь свой последний бой, погибнув при обороне самого сердца столицы. То и дело на глаза попадались сваренные из рельсов противотанковые "ежи".

Посмотрев в другую сторону Александр, с некоторым злорадством, понял что победа далась врагу явно недёшево. На всех выходах на площадь виднелись корпуса больше десятка

сгоревших немецких танков, "двойки", "тройки" и даже "четвёрки" застыли на месте не в силах преодолеть последние метры перед желанной целью. Между ними виднелись знаменитые "Ганомаги" и несколько броневиков с хорошо заметными следами повреждений.

Само собой, трупы. Очень много трупов. Целые и с оторванными конечностями. Подавляющее большинство из погибших советских солдат было одето в форму НКВД, но попадались и тела с армейскими петлицами. Вперемежку лежали мужики в рабочих спецовках и гражданских костюмах, сжимая в мёртвых руках винтовки, автоматы и гранаты. Похоже, в последнем бою за Кремль его обороняли не только красноармейцы и "чекисты" но и народные ополченцы вместе с рабочими батальонами. С немецкой стороны тоже были видны множество серо-зелёных бугорков, лежащих возле германской техники.

И тишина... Абсолютно зловещая тишина. Ни пения птиц, ни шороха шагов или гула моторов. Ни звука. Выражение "как будто всё вымерло" так и просилось на язык.

Потрясённый и опустошённый открывшейся ему апокалиптической картиной, Александр повернулся и медленно направился к линии обороны советских войск. Как он здесь оказался? Зачем? И почему он видит то что не должно быть? Ведь Москва не была взята?! Как такое возможно?! Бред? Сон? Откуда здесь это всё?

Вихрь мыслей мелькал в его голове пока он подходил ближе. Вот и бруствер... Взойдя на него, Саша посмотрел вниз. На дне добросовестно отрытых окопов, в обрамлении обломков брусчатки, сейчас полуразрушенных и обваленных, различались присыпанные землёй защитники. Валялись разбитые "мосинки" и пара "светок". Возле пулемётного гнезда лежала настоящая россыпь гильз и несколько пустых лент. Щит "Максима" был пробит в нескольких местах, скорее всего, 20-мм снарядами "двоек". Одна из них как раз была повёрнута башней прямо на позицию пулемёта. Крепко сжимал рукоятки оружия плотный старшина, уткнувшись в него подбородком. Верхней части головы, выше носа, у него не было, только искромсанный попаданием пули или снаряда череп со своим бывшим содержимым. Подальше, на оборудованной позиции, стояла тяжёлая 85-мм зенитка с наполовину сорванным щитом и опущенным к земле концом ствола. Несомненно, часть сгоревшей вражеской бронетехники именно на её счету. Расчёт лежал рядом, иссечённый пулями и осколками, которые не миновали и колёса зенитки. Гимнастёрки и штаны бойцов были порваны, у одного не хватало руки, другой зенитчик был словно перекручен и отброшен в сторону, лёжа в невообразимой позе без обеих ног, оторванных по самую промежность.

Саша почувствовал что его ноги задрожали и он опустился на землю, не успев ухватиться за что-нибудь. На душе было пусто и горько. Неужели все его усилия не помогли? Ведь он же предупредил Сталина! Почему не смогли отстоять столицу? Что помешало?

С трудом встав, Александр снова утвердился на ногах и бесцельно направился в сторону полуразрушенной Спасской башни. На автомате мозг отметил что, несмотря на множество трупов, нет запахов разложения, хотя время года было тёплым. Но Саше сейчас было явно не до того чтобы анализировать такие мелочи. Не пахнет? Да и хрен с ним, легче дышать. Главный вопрос теперь — Что делать? Куда идти?

Внезапно вдали слышались чьи-то неторопливые шаги. Человек подходил к нему со спины и Саша медленно обернулся, даже не подумав о том что это может быть враг, настолько он был потрясён открывшейся ему апокалиптической картиной. Именно поэтому его никогда не привлекал книжный и киношный жанр постапокалипсиса. Видеть родные

места разрушенными и опустошёнными? Смотреть как опустившиеся группы выживших организуют рейды чтобы собирать ценные осколки погибшей цивилизации в виде еды и патронов? Нет, ему такое точно не доставляло удовольствие, пусть другие любуются погибшими городами, попутно размышляя где бы достать "хабар" и другие "ништяки", задабривая "хомяка" и "жабу".

Саше понадобилось несколько секунд чтобы опознать того кто остановился позади него. Но как только он увидел донельзя знакомого ему парня как вся опустошённость и оцепенение мгновенно слетели. Это был Гюнтер, собственной персоной! В чёрной эсэсовской форме, которая сидела на нём как влитая, словно на Штирлице. В блестящих сапогах, неуместно выглядящих посреди недавно прошедшего жаркого боя. И каменным выражением лица, которое взбесило Александра.

— Ты?! Сука!!! — только и смог произнести он. А потом бросился на него, чтобы убить проклятого фашистского выкормыша наиболее болезненным способом. Это всё из-за него! Увы, Александр смог сделать только шаг а потом тело словно перестало его слушаться и он мог только сверкать глазами, не имея возможности добраться до бывшего товарища.

Теперь ему всё стало ясно. Ну конечно, как тут не догадаться? Всё что Саша увидел на Красной площади — результат работы именно этого треклятого ублюдка, верного почитателя своего кумира Гитлера. Это он смог сделать так чтобы немцы, всё-таки, ворвались в Москву и захватили её. Мразь в чёрной форме со сдвоенными молниями переиграла его, Александра...

— Здравствуй, Алекс! — первым поздоровался немец, усевшись на сброшенную башню "КВ". — Как у тебя дела?

Сделав ещё несколько попыток добраться до эсэсовца и потерпев неудачу Саша был вынужден признать что это невозможно. По каким причинам, неизвестно, но это факт с которым он ничего не может сделать. Подобрать винтовку и попробовать пристрелить? Оглядевшись, Александр не обнаружил ни одной, хотя, ранее, их видел. К этому моменту ярость слегка поутихла и он, не спуская глаз с Гюнтера, тоже уселся на один из разорванных мешков с песком. Фашист хочет поговорить? Что ж, можно и потрещать немного... А потом видно будет.

— Привет, Гюнтер... — отозвался он, стараясь успокоиться. — Если ты думаешь что я рад тебя видеть то сильно ошибаешься, скотина! Не знаю почему, но я не могу убить тебя..

— Это потому что мы с тобой во сне! — перебил его немец, насмешливо усмехнувшись. — Догадаешься кто это сделал? Всё что ты видишь — не существует, так что хватит изображать из себя кипящий чайник. Давай просто поговорим как двое разумных мужчин, обсудим наши дела. Времени не так много но оно есть. Фрейя, видимо, передумала и решила дать нам возможность пообщаться с тобой... Не знаю по каким причинам она это сделала но я благодарен ей.

Сон?! Изумлённо оглянувшись вокруг Александр увидел что все следы войны бесследно исчезли. Бронетехника, пушки, пулемёты, трупы пропали. Все башни и здания Кремля и Мавзолеей вновь засияли своими красками. Собор Василия Блаженного опять сверкал палитрой целых куполов а Красная площадь снова стала ровной и чистой. Окопы и доты тоже размылись в воздухе. В целом, вся местность вокруг приобрела узнаваемый вид, разве что не было видно ни одного человека и по-прежнему стояла полная тишина.

Поразительно! Так это богиня постаралась? Ну и ну... Одновременно с этим с его души словно камень свалился, настолько стало легко и свободно. Что ж, если всё это было только

в его воображении, то... Пожалуй, действительно стоит поговорить с Гюнтером. Приглядевшись, Саша понял что Гюнтер, на самом деле, сидит не на танковой башне а на неведомо откуда взявшемся стуле с вычурными ножками и спинкой. И рядом с ним самим, оказывается, стоит такой же.

— Садись! Как там у вас говорится? "В ногах правды нет?" — продолжал улыбаться немец, откинувшись на спинку своего стула.

— Верно, Гюнтер... — заставил себя улыбнуться в ответ Саша. Сердце, постепенно, начало успокаиваться а ком ярости внутри него рассосался бесследно. — Я смотрю, ты запомнил многое из нашего языка и культуры?

— Да, Алекс, мне это было интересно а общение с тобой пополняло мои знания. Должен сказать что ваши пословицы и поговорки пригодны почти во всех случаях жизни. Я часто их использую... — усмехнулся Гюнтер.

— Ладно, шутки в сторону. Говори, чего ты хотел? — решил перейти к делу Александр, убрав улыбку.

Немец тоже стал серьёзным.

— Я хочу узнать твои дальнейшие планы, Алекс. Что ты рассказал Сталину о Германии? — в лоб спросил Гюнтер, видимо, не желая долго кружить вокруг да около.

Саша удивился и едва не рассмеялся:

— А ху-ху не хо-хо? Может тебе ещё ключи от квартиры с деньгами отдать? И помочь их в машину загрузить?

— Ху-ху не хо-хо? — заинтересовался немец. — Надо будет запомнить, это выражение я ещё не слышал... А смысл я понял! — хохотнул Гюнтер. — Нет, денег мне не надо, их у меня и так хватает. В СС платят хорошо.

— Не сомневаюсь! — фыркнул Александр. — Уверен, ты очень доволен что служишь в самой зловещей организации мира, запятнавшей себя такой "славой" что и через века при одном упоминании о ней люди станут креститься и плевать.

— Ты не прав, Алекс! — уверенно покачал головой Гюнтер. — На данный момент наша чёрная форма внушает страх только евреям и тем кто против нашей власти. Остальным на нас плевать... Кто такие эсэсовцы для них? А, это личная охрана фюрера. Никаких зверств мои товарищи ещё не натворили. Пойми, наконец, голодный Ленинград, разрушенный Сталинград, Хатынь, Женский Яр... что там еще? Этого ничего нет! И если мы с тобой постараемся то и не будет! — убедительно говорил немец.

Всем своим видом Гюнтер показывал что говорит искренне... Но Александр боялся ему верить. Вдруг тот просто вешает ему лапшу на уши чтобы тот успокоился и не пытался усилить СССР до того момента когда Гитлер решит начать свой поход на восток?

— А концлагеря? Где твои сослуживцы убивают и пытаются заключённых? Этого тоже нет? — с сарказмом спросил он. — Или это коммунистическая пропаганда?

— Почему же нет, это самая настоящая правда... — не стал отрицать немец и тут же перешёл в наступление: — Но то же самое я могу спросить о ваших, советских, лагерях. Где brave солдаты НКВД на просторах Сибири делают ту же работу что и наши парни. Ты вообще не находишь что наши системы, нацистская и коммунистическая, очень схожи в методах и целях?

— Чего?! — возмущённо вскинулся Александр. — Ты что несёшь, идиот? В каком месте ты там сходство нашёл?!

— Давай порассуждаем! — усмехнулся Гюнтер и поудобнее устроился на стуле. — И

нацизм и коммунизм декларируют заботу о рабочих и крестьянах, так?

— Нет, не так! Они... — тут же попытался прервать Саша.

— Да послушай сначала! — повысил голос немец. — А потом уже выдвинешь контраргументы если они у тебя останутся. Так вот, и твоя страна и моя на самом деле пытаются это делать, только разными способами. Русские упирают на то что все рабочие и крестьяне мира являются братьями, должны обязательно скинуть свои правительства и стать чем-то наподобие советских республик. Так сказать, голубая мечта Ленина, Сталина и им подобных... — презрительно фыркнул Гюнтер. — При этом они согнали крестьян в колхозы, ввели трудодни, лишили их всего личного имущества и убили всякий стимул хорошо работать, потому что план-то общий. А раз общий, то зачем надрываться? Всё равно не заметят. В крайнем случае, благодарность объявят на собрании, часы подарят... Да ты же сам мне всё это рассказывал, помнишь? Когда спорили в интернете! Наша же партия прекрасно понимает что единство рабочих и крестьян всего мира это самый глупый миф в который могут поверить только полные кретины. Да, в двадцатые годы у нас в Германии среди рабочих были довольно сильны коммунистические взгляды но, потом, когда Гитлер пришёл к власти и дал нашему народу работу, они быстро забыли о классовом единстве и превратились в ярых индивидуалистов. Именно поэтому арест гамбургского докера по фамилии Тельман не привёл к восстанию или стачкам. Рабочим было плевать на ваши идеи... У них есть работа, стимул трудиться, деньги за неё... Зачем им сражаться за счастье рабочих других стран, верно? То же самое с крестьянами. Наши фермеры получили от государства помощь, разные льготы, и никто не додумался грабить их подчистую, понимая что крестьяне и рабочие становой хребет Германии. И вот результат!

Александр открыл рот чтобы снова возразить но Гюнтер поднял руку:

— Подожди, я ещё не закончил. Теперь перейдём к сходствам. Смотри, у вас есть пионерия и комсомол? А у нас "Гитлерюгенд". Вы неофициально зовёте Сталина Вождём? А мы так называем Гитлера официально. И в Германии и в СССР диктатура? Конечно! И наконец, самый главный вопрос: кому будет выгодна война между нами? — спросил немец уже без улыбки, наклонившись к Саше. — Вспомни, кто очень высоко поднялся после войны? Чьи войска торчали в моей стране и готовились напасть на твою? Кто вечно влезал в чужие дела и распространял свои гнилые, толерантные взгляды по всему миру?

Гюнтер замолчал и внимательно посмотрел на него:

— Я знаю, ты не коммунист и не зашорен "красной" пропагандой. Скажи честно, тебя самого устраивает такая система которая сейчас есть в СССР? Ведь ты же, как и я, хочешь своему народу другую, лучшую жизнь, без войны, голода, дурацких колхозов и т. д. Так почему, чёрт тебя побери, мы не можем объединиться и не надрать, наконец, задницу тем кто нас всех stravливает?! Или ты хочешь чтобы мы снова вгрызлись друг другу в глотку и потеряли миллионы хороших парней ради этих сытых крыс в костюмах на заказ из-за океана?! — внезапно закричал немец с перекосившимся лицом.

Повисла тишина, которую нарушало только частое дыхание Гюнтера, медленно приходящего в себя. Собравшись с мыслями, Саша заговорил, пытаясь контролировать каждое слово:

— Знаешь, Гюнтер... Ты говоришь очень убедительно, не спорю. Но я уже давно не мальчик чтобы верить тебе на слово. Да и события в Шарите я отлично помню. Если бы не ты, то мне не пришлось бы оттуда сбегать, связав медсестру и потом прорываться в посольство силой..

— Между прочим, она теперь моя девушка... — буркнул Гюнтер, уже совершенно спокойно. — И когда она мне рассказала как ты её лапал, мне захотелось прикончить тебя.

— Даже так? — невольно улыбнулся Александр. — Ну, извини, пришлось импровизировать... Впрочем, она красивая и добрая девушка, думаю, у вас с ней всё будет хорошо.

— Кстати, из-за твоего побега у меня были неприятности. Ладно, проехали... — махнул рукой немец. — Продолжай, что ты ещё хотел сказать?

— Я бы в любом случае не стал объектом опытов у этого живодёра Венцеля. Проехали так проехали... Я не согласен с тобой с тем что нацизм и коммунизм схожи. Там всё гораздо сложнее чем ты думаешь, Гюнтер. Но спорить с тобой не буду, пусть каждый останется при своём мнении. Да, я многое бы изменил у нас в стране, но сейчас не об этом. Хочу поговорить о другом... Ты спросил что я рассказал Сталину и каковы мои дальнейшие планы? Что ж, отвечу. Рассказал всё... Так что можете даже не разрабатывать "Барбароссу", уже бесполезно. А планы? Всеми силами помогать своей стране разрабатывать новое вооружение и технику, думаю, ты и сам это понимаешь. А вот конкретику опущу, тебе это знать не надо! — высказался Саша.

— В принципе, логично... — медленно кивнул головой немец. — Я делаю то же самое. Вот только у меня и в мыслях нет нападать на вас. Наоборот, я убеждаю Гитлера что это гибельное решение и наш истинный враг находится на западе а не на востоке.

— И как, получается? — усмехнулся Александр. Он сомневался в том что фюрер станет слушать своего же охранника. Это было бы противоестественно.

Гюнтер цыкнул языком:

— Пока не очень... — признался эсэсовец. — Но я работаю над этим. Мне нужно время чтобы переубедить его. Да там и другие проблемы мешают..

— Так я и думал... Даже если бы я поверил в твои намерения то это всё равно бы ничего не изменило. Гитлер спит и видит как бы уничтожить нас и все твои потуги ничего не меняют... — мрачно сказал Саша. — Кстати! Это ведь твоя заслуга в том что наши разведчики в Германии оказались провалены и схвачены, верно? — со злостью спросил он.

— Само собой! — невозмутимо пожал плечами тот. — Это самое первое что я сделал. Чтобы вражеские шпионы чувствовали себя в Рейхе как дома? Ха, размечтались! Туда им и дорога! Не хватало нам тут ваших... как его? Штирлицев! — вспомнил немец. — Большое тебе спасибо за имена некоторых из них. Помнишь, ты пару месяцев назад хвалился что советские агенты пролезли в нашу систему везде где только можно? Я запомнил и сделал выводы... — ухмыльнулся Гюнтер.

— Ну и сволочь же ты! — стиснул зубы Александр. — Ты хоть представляешь что наделал? У них же семьи остались, дети!

— Они профессиональные разведчики! — ответил тот, сверкая глазами. — И когда соглашались на эту работу то знали чем всё может закончиться! Про предателей я и не говорю... А что ты ожидал? Они станут вынюхивать все наши секреты а мы должны ничего не делать? Вот тебе ответный вопрос: если бы ты знал наших шпионов среди ваших генералов и партийцев то всё равно бы ничего не делал? Можешь не отвечать, это риторический вопрос, я и так знаю... Ты поступил бы точно так же как и я! Потому что патриот своей страны и они были бы для тебя врагами! И это правильно! Шпионов всегда ловили и наказывали, нечего сейчас лить слёзы о них!

К своему огорчению Александр был вынужден признать что чёртов немец прав.

Действительно, всё так и есть. Он поступил бы точно так же, причём, ещё и гордился бы этим. Вот же чёрт! Как непривычно осуждать другого человека за то что сделал бы сам на его месте..

Они помолчали. Наконец, Саша снова заговорил, мысленно заставив себя забыть о схваченных разведчиках. Теперь им уже никак не поможешь..

— Допустим, я согласен с тобой в том что нас хотят сравить англичане и американцы. Это очевидно. И я не хочу чтобы вы снова напали на нас... Как это предотвратить?

— Ну вот, наконец, начался конструктивный разговор! — снова улыбнулся Гюнтер. — Помнишь, перед тем как ты напал на меня в Шарите, я рассказывал свой план?

— Честно говоря, смутно... — покачал головой Александр. — Лучше напомни.

— Хорошо. Предлагаю действовать так. Я работаю с Гитлером, переубеждаю его и направляю всю нашу мощь на запад. Сначала против французов а потом уже осуществим "Морского льва". А ты в это время обрабатываешь Сталина чтобы тот вступил в союз с Германией и тогда против нас не устоят никакие союзники, даже если США развернут свою мощь в полную силу! — увлечённо рассказывал Гюнтер.

— Звучит неплохо но ты переоцениваешь моё влияние. Сталин с Берией охотно слушают то что я говорю но никакого воздействия на политику страны я не имею. С кем дружить и воевать они решают сами, я у них нечто вроде консультанта... — признался Александр.

— Хм, печально... — задумался немец. — Но ты, всё же, постарайся, на кону стоит весь мир. И это не метафора. В общем, оба стараемся помирить наших вождей и самим выжить.

— А что будет если у нас не получится? — задал резонный вопрос Саша. — Если наших усилий окажется недостаточно и Гитлер всё равно нападёт на нас? Что ты будешь делать?

Да, это было провокацией но Александр хотел знать позицию Гюнтера по этому вопросу, можно ли будет рассчитывать на него в такой ситуации. Немец надолго замолчал, напряжённо думая. Наконец, он заговорил:

— Я люблю свою страну, Алекс, больше жизни. Знаешь, я бы выразился теми словами которые ты мне как-то сказал... Из фильма "Брат", помнишь?"..В поле каждый колосок... Это Родина моя!" Я готов сражаться за неё против кого угодно и погибнуть, если придётся. Так вот, Гитлер — это ещё не вся Германия. Если он не послушается разумного совета и снова повернёт мою страну в тупик... то я постараюсь сделать так чтобы Рейх возглавил другой фюрер. "Король умер! Да здравствует король!"

— Ого! — изумился Саша. — Что, лаврам полковника Штауффенберга завидуешь? Как же так? Ведь Гитлер твой кумир?

— Повторяю — страна для меня важнее чем её фюрер! Он — всего лишь один человек! А в Германии живут десятки миллионов! И они не должны расплачиваться за непродуманные решения своего фюрера! — жёстко отрубил Гюнтер, гневно сжав кулаки.

Александр отчасти понимал что тот чувствует. Разочароваться в своём кумире и даже пытаться потом его убить... Что же такое произошло с Гюнтером раз он рассматривает такой вариант? Вряд ли расскажет, собака немецкая..

— Ты ведь понимаешь что если не сможешь этого сделать то война продолжится... — сказал он, глядя Гюнтеру прямо в глаза. — И Красной армии придётся снова навестить Берлин.

— В таком случае... Ты уж, извини, Алекс, но я сделаю всё чтобы твоя Красная армия потеряла намного больше людей чем в нашем варианте истории. Ни при каких

обстоятельствах я не допущу чтобы чья-либо армия, ваша или союзная, вошла на территорию Германии! — твёрдо ответил немец, не отводя взгляда. — Буду стрелять, взрывать, травить, душить... Каждого вражеского солдата, кто перейдёт нашу границу, ждёт смерть! Если ты думаешь что только у вас могут быть партизаны то ошибаешься. Если понадобится, каждый подросток станет подрывать вражеские танки, каждая девушка будет с улыбкой угощать вас вкусным обедом с ядом внутри. Каждый метр немецкой земли обернётся для вас потерями. Я клянусь, Алекс, из кожи вон вылезу но превращу всю нашу страну в такого ежа что любой пожалеет что ворвался сюда! И даже если твои красноармейцы смогут всё преодолеть то это будет пиррова победа. После неё вся ваша страна обезлюдеет ещё сильнее чем в 1945 году... Так что, не советую! Очень сильно не советую! Ты знаешь, я уважаю вашего Путина... Он сказал как-то: "Зачем нам такой мир если в нём не будет России?" Я с ним согласен, но переиначу фразу: Зачем мне мир в котором не будет моей Германии? Пусть тогда вообще не будет мира! — закончил Гюнтер свою страстную речь и отвёл, наконец, взгляд.

Продолжая глядеть на него Александр ясно понял что тот не врал. Гюнтер действительно сделает всё чтобы максимально осложнить захватчикам задачу. И если так случится что Красная армия снова придёт в Германию то к такому варианту событий придётся быть готовым. Хотя и нежелательно вообще допускать это.

— Я тебя понял, Гюнтер. Будем надеяться что самый наихудший вариант не осуществится... — тихо сказал он.

— Я тоже очень на это надеюсь... — ответил немец, глубоко вздохнув. — Ну что, наверное, мне пора? Фрейя уже намекает что время заканчивается..

Саша решил сменить тему, чтобы не заканчивать беседу на мрачной ноте:

— Скажи, у тебя на самом деле там какой-то гарем получился из трёх девушек? — улыбнулся он.

Гюнтер застыл и озадаченно вскинул брови. Одновременно с этим откуда-то раздался лёгкий женский смех.

— А ты откуда знаешь? Ах да, всё понятно... — улыбнулся он в ответ. — Кое-кто уже всё разболтал о моих делах. И я догадываюсь кто... Честно говоря, у тебя неточная информация. У меня не три а уже... так-так, уже восемь подруг! — подмигнул Гюнтер, с заговорщицким видом смотря на него.

Александр почувствовал что его челюсть сама собой опустилась. Некоторое время он не мог ничего сказать от удивления. Чуть придя в себя, спросил:

— Ты шутишь? Нет, серьёзно?

— Абсолютно! — с довольным выражением лица ответил тот.

— Подожди, ты хочешь сказать, одна любимая и семь любовниц? — попытался разобраться Саша. У него в голове не укладывалось как такое возможно. Две... ну три, ладно... Это ещё более-менее... Но восемь?!

— Нет, именно восемь! Все они мне дороги и любимы. И они меня тоже любят. К сожалению, жениться я смогу только на одной... кстати, это та самая медсестра, Лаура... так вот, но я вовсе не собираюсь забывать остальных моих женщин! — разглагольствовал немец, снова удобно усевшись на стул.

Александр продолжал удивлённо смотреть на него. Нет, он понимал что Гюнтер тот ещё ходок по бабам, но столько женщин одновременно это чересчур... Сам Саша был уверен что любому мужчине вполне хватит одной женщины, ведь чем их больше тем и проблем тоже. К тому же, если они узнают друг о друге то такое ему устроят что хоть караул кричи...

Да и вообще, откуда у него столько времени найдётся на них всех?

— А они знают друг о друге? — спросил он, с трудом сдержавшись от смеха.

— Да, я перед отъездом в... не важно, в общем, теперь они знают... — тяжело вздохнул немец. — Надеюсь, что пока буду отсутствовать они друг друга не переубивают. А когда приеду то разберусь с этой проблемой. Честно говоря, сам себе удивляюсь... — пожал он плечами. — Раньше всё было просто. Познакомились, трахнулись, разбежались... Ну, или встречались время от времени. А теперь... Так прикипел к ним что готов любому глотку порвать если кто захочет у меня их отнять. И всё время хочу их! Стал каким-то ненасытным сексуальным маньяком... Да и они сами ко мне липнут. Конечно, тут, скорее всего, дар Фрейи работает но всё же..

— Дар Фрейи? — переспросил Саша, внезапно вспомнив ночной визит незнакомки которая назвала себя богиней. — Так это не шутка?

— Какие уж тут шутки... — хмыкнул тот. — Он работает и, как мне кажется, не только привлекает женщин ко мне но и наоборот. Я думал над этим и решил что это, скорее всего, обоюдное действие. Я прав, ваше божественное величество? — вдруг громко крикнул он вверх. Ответом была тишина. Богиня не соизволила ответить, предоставив им самим возможность гадать. — Кстати, что мы всё обо мне? У тебя сколько девушек теперь? Две? Три?

Александр слегка смутился. Не рассказывать же немцу что все его попытки сблизиться с ней Катя не просто проигнорировала но и жёстко обломала. Видимо, эта девушка не его поля ягода. Жаль только что он слишком поздно это понял. Что ж, отрицательный результат тоже результат. Зато теперь он сделал выводы и станет вести себя с женским полом по-другому.

— Есть одна... Но там всё сложно... — округлённо сформулировал Саша.

— Ничего, главное, начало положено... — улыбнулся немец и встал со стула. — Думаю, через некоторое время у тебя тоже будет гарем, как и у меня. А мне уже пора... Наши тела сейчас спят но скоро утро.

— Нет уж, спасибо, но гарем меня не привлекает! — рассмеялся Александр, тоже вставая. — Мне вполне хватит и одной, ты же знаешь. Не представляю как можно любить восьмерых... Сердце не лопнет?

— Поверь мне, очень даже возможно! — парировал Гюнтер, подходя к нему. Как ни странно, теперь невидимый полог спал и они смогли сойтись вплотную. Правда, теперь Саша уже не пытался убить немца. — Ну что, давай прощаться! До встречи, хоть я и не знаю когда она будет! — и протянул ему руку.

Александр уставился на неё и замешкался... Пожать руку эсэсовцу? Тому чья форма вскоре наверняка обгадится кровью невинных? Нет, он пожмёт руку тому кто там, в другой истории, поступил как мужчина. Будущему соратнику который станет работать на общую цель по другую сторону границы. Такому человеку не стыдно пожать руку! Да, возможно, он снова совершает ошибку доверившись Гюнтеру, но... Если тот не врёт то перспективы их союза поражают воображение. В сущности, вопрос стоит по другому: Готов ли он пожать руку тому кто может остановить самую ужасную войну в истории? Даже если знает что на его счету жизни других советских патриотов, разведчиков-нелегалов? Сложный выбор... Что важнее? Личные принципы или безопасность твоей любимой страны? Каждый человек может сделать свой выбор. Саша сделал свой..

Он крепко пожал руку.

И всё исчезло...

...Вместо этого появились огромные чёрные глаза, смотрящие ему в лицо. Только глаза, потому что всё остальное он рассмотрел позже. Глаза были прекрасны! Добрые, заботливые, участливые..

— Как вы себя чувствуете, товарищ младший лейтенант государственной безопасности? — спросили глаза... Точнее, обладательница этих глаз. Александр перевёл взгляд ниже и внимательно осмотрел её.

Прежде всего бросался в глаза выразительный носик, который часто встречался у представительниц одной из горных республик. Чёрные брови и тронутые помадой губы украшали женское лицо, а такого же цвета густые волосы спускались вниз из-под белого медицинского колпака. Стройная фигура под белым халатом тоже привлекла его внимание.

— Хо... кхм, хорошо, уже выздоравливаю... А вы кто, прекрасная незнакомка? — с любопытством спросил он, продолжая разглядывать её. Определённо, эта дамочка очень даже колоритна, хоть и не так молода как Катя. Что-то в ней есть такое... Изюминка какая-то.

Женщина улыбнулась, отчего на взгляд Саши, стала ещё прекраснее:

— Я ваш новый лечащий врач, Наринэ Маргарян. Михаил Андреевич, в ведении которого вы находились, серьёзно простудился и лечится дома, поэтому до вашего выздоровления я заменю его.. — Голос её был мягким, ласковым, такой хотелось слушать и слушать... Говорила она по-русски чисто, без акцента. В прошлой жизни он не встречался с горянками и теперь буквально пожирал её глазами, не в силах успокоиться. Что с ним такое? Словно пубертатный подросток... С трудом справившись с собой, Александр ответил, с недовольством ощутив как его голос слегка охрип:

— Очень рад нашему знакомству, Наринэ! — прокашлявшись, он продолжил, стараясь вернуть себе хладнокровие. — Уверен, вам это уже сто раз говорили... Что ж, буду сто первым! Вы очень красивая женщина, Наринэ! Я даже не знал что дочери солнечной Армении бывают такими очаровательными!

— Вы правы, товарищ младший лейтенант... — улыбнувшись, она поправила волосы естественным жестом. — Я это слышала столько раз... Но каждый раз мне это приятно. Особенно, если говорят искренне, как, например, сейчас.

— Я бы не смог врать глядя в ваши глаза, Наринэ! — покачал головой Саша, удивляясь сам себе. Казалось, его язык сам по себе болтает что хочет а Александр лишь наблюдает за процессом. — И зачем так официально? Зовите меня просто Саша. Хорошо?

— Договорились, Александр... — кивнула врач, продолжая мягко улыбаться. — А теперь скажите мне как себя чувствуете?

— Нормально себя чувствую, Наринэ! — ответил он, садясь на кровати. — Сам хожу по палате, и до столовой добраться не проблема. Да и "утка" не понадобилась. Так что могу уже сегодня вечером прогуляться возле больницы под вашим непосредственным руководством! — закинул удочку Александр.

Что, чёрт побери, творится? Совсем недавно он был полностью увлечён Катей а теперь, стоило ему узнать что та занята, тут же переключился на другую... Очень на него не похоже. Обычно в таких ситуациях Александр молча переживал, рассматривал ситуацию с разных сторон, искал свои ошибки в разговоре, поведении... А теперь что? Неужели чёртов немец заразил его своей бесшабашностью и лёгким отношением к жизни?

Врач не выдержала и рассмеялась, закрыв рот рукой:

— Извините меня, Александр... То что вы уже ходите это хорошо, постарайтесь почаще это делать. Свежий воздух, особенно весной, очень полезен для здоровья. Поэтому вы будете гулять под непосредственным руководством моей помощницы Танечки!

От такого облома Саша невольно приоткрыл рот:

— Зачем Танечка? Не нужно мне Танечки! Ваше присутствие благотворно влияет на мой выздоравливающий организм а вот насчёт Танечки я не уверен!

— Успокойтесь, Александр! — весело улыбнулась Наринэ. — Зато я уверена. Поверьте, врач лучше знает что нужно для своего пациента, так что готовьтесь к вечерней прогулке. Танечка зайдёт к вам чуть позже. А мне пора... Вы же понимаете, я не могу уделить внимание только вам? Всего хорошего! — и она вышла из палаты, провожаемая сожаляющим взглядом Саши.

— До свидания! — опомнившись, вдогонку крикнул он ей.

Оставшись наедине с собой Александр недоумённо пожал плечами. Определённо что-то с ним случилось... Кстати, может весь этот разговор с Гюнтером на Красной площади ему приснился? Вернее, это и был сон но... как бы, специально наведённый? Недооценивать эту... хм, богиню Саша опасался, особенно после того как по её желанию едва не раздавил свои яйца. Вспомнив тогдашние ощущения он невольно вздрогнул. Нет, такого больше допускать нежелательно! А всё-таки, допустим что этот разговор реально был... Тогда снова возникает вопрос: можно ли верить этому немцу? Честно говоря, хотелось бы, но... Вон, параноики Сталин с Берией загипнотизировали его чтобы он не вздумал предать их. С их точки зрения они, возможно, поступили абсолютно логично но вот по его личному мнению, которое для него намного важнее, это было самым настоящим надругательством над его личностью и взглядами. Им, видите ли, не нравится что он не поддерживает коммунизм... А с какой стати ему это делать? Да, у СССР есть свои плюсы но есть и минусы! Как не крути но ему нравилась его прошлая жизнь... Хочешь — едь за границу отдыхать, хочешь одеться — одежды в магазинах завались, были бы деньги. То же самое с автомобилем... Конечно, печально что, в подавляющем большинстве это всё иностранное, хотелось бы побольше отечественного... Но пусть государство поддерживает своего производителя, не стесняясь, перенимает опыт у других стран, если само не может обеспечить своих граждан нормальной бытовой техникой и автомобилями. И тогда, возможно, "Жигули" не будут называть "Ведро с болтами".. А уж про сексуальные наряды девушек 21 века и их свободу в плане половых отношений и говорить не приходится. Конечно, там тоже были свои минусы — терроризм, вялотекущая война на Украине, Сирия, да и внутри страны социальное напряжение чувствовалось... да можно много перечислять! Короче, не слишком ему тут нравится, переделать бы кое-что... Ага, как же, Сталин послушает и согласится! Это же угроза власти! Открыть границы, массово дать людям самостоятельно зарабатывать и покупать автомобили... которых сейчас очень мало!

Александр вздохнул.

Нет, пока это неосуществимо. На пороге война, сейчас все силы должны быть брошены на оборону. А вот потом... А потом суп с котом! Великий Вождь и Учитель снова закрутит гайки и не видать Саше привычной жизни как своих ушей. Но войны может и не быть, если... Если Гюнтер на самом деле провернёт свою идею! А что делать ему, Александру? Поступать так как советует поговорка — "Надейся на лучшее но готовься к худшему!" То есть, продолжать помогать своими идеями и мыслями для безопасности страны! Эх, если

получится не воевать с немцами то сколько жизней удастся сохранить! Тогда не будет демографической ямы в конце 90-х. А сколько городов и деревень не превратятся в руины? Не сгорит Хатынь в Белоруссии, не станут немцы фотографироваться на фоне трамвайной остановки под Москвой, не будет дневника Тани Савичевой из умирающего от голода Ленинграда, не потечёт Волга кровью в Сталинграде... Разве ради всего этого не стоило пожать руку тому кто может предотвратить такое? А что если он ошибается и Гюнтер врёт? Или не врёт но просто не сможет переубедить или убрать своего фюрера? Тогда всё будет очень плохо... Поэтому отставить рефлексии, товарищ младший лейтенант государственной безопасности! Первоочередная задача — вернуться в учебный лагерь и продолжать осваивать "науку побеждать"! Азы он уже знает, остаётся повышать их до нужного уровня. Что же касается развлечений... Сегодня четверг, значит послезавтра он постарается вырваться на прогулку в парк и познакомиться с подругой Кати. Будем надеяться, она не такая как та и не станет его долго динамить... Хотя, советское целомудренное воспитание... Нет, в СССР секс есть, не надо утрировать! Просто он должен правильно себя повести и тогда всё будет в ажуре. А пока Саша станет наслаждаться общением с очаровательной Наринэ Маргарян..

В дверь постучали и, не дожидаясь его разрешения, вошёл донельзя знакомый ему посетитель. Ну конечно, кто бы ещё это мог быть кроме "няньки" — Николая... Точнее, для конспирации, "Михаила Алексеевича", чтоб его разорвало! Тоже, небось, один из этих параноиков которые помогли задурить ему голову... Но ничего, придёт время и будет возможность хорошенько врезать ему за это, благо, что рукопашному бою в лагере учили на совесть. К сожалению, его личные успехи в этом деле были довольно скромные но сколько он учится-то? Всего неделю с небольшим, так что всё впереди. Хотя, мелькала мысль что "нянька" тоже может знать пару приёмчиков и показать Саше где раки зимуют... Но попробовать всё равно стоит!

— Привет, Александр! — поздоровался тот, не дождавшись от него ни звука. — Как здоровье? Ничего не болит?

— Спасибо, Михаил Алексеевич, быстро выздоравливаю. Скоро уже смогу вернуться к занятиям! — с трудом улыбнулся Саша, поскольку его отношение к своему куратору резко снизилось.

— Что ж, это хорошая новость! — улыбнулся тот, но Александр не обманулся. "Нянька" просто играет свою роль, втираясь в его доверие. — А у меня для тебя небольшое задание!

— Какое? — удивился Саша. Он же ещё не совсем здоров, как может выполнять разные задания? Если только спать и гулять? Но вряд ли для этого нужно личное присутствие "Михаила Алексеевича".

— С самого верха... — выразительно поднял палец "нянька".. — Поступило распоряжение чтобы ты написал о тех мерах которые, по твоему мнению, сможет сделать этот немец чтобы ослабить нашу страну и помочь Германии победить. Особенный упор сделай на вооружении и технике, чтобы наши бойцы хотя бы приблизительно представляли что их ждёт на поле боя. Чтобы вражеские "сюрпризы" перестали быть таковыми. Понимаешь?

Вот оно что... Действительно, это важный вопрос про который Александр банально забыл. Упущение, однако... Так, надо напрячь мозговые извилины и представить себя в роли Гюнтера. Интересная будет ситуация, почувствовать как бы ты постарался максимально навредить собственной стране. Правда, есть проблема... Он же не знает что точно помнит

немец. Конечно, они многое обсуждали в виртуальном общении, но... Кстати, кучу информации Гюнтер почерпнул именно от него, Александра, когда тот хвастался успехами своей страны! Печально... Если бы знал заранее то держал бы рот на замке. Увы, снявши голову по волосам не плачут, придётся хорошенько подумать..

— Вот тебе бумага... — тем временем "нянька" протянул ему кучку листов. — Вот карандаш. Напиши всё что вспомнишь и передай сотруднику за дверь, он будет проинструктирован. Сделаешь?

— Конечно, Михаил Алексеевич! Даже не сомневайтесь! — подтвердил Саша. поудобнее устраиваясь на кровати.

— Молодец, младший лейтенант! — одобрительно кивнул тот, пожимая ему руку. — О завтраке не беспокойся, его тебе принесут прямо в палату. Ну... до встречи, что ли? Ах да, чуть не забыл... — махнул рукой куратор. — Руководство приняло решение поощрить тебя внеочередным увольнением за проявленные успехи в учёбе. А конкретнее — в субботу ты, вместе с Катей, отправляешься гулять в парк на весь день. Заодно и здоровье подтянешь..

— Вот за это отдельное спасибо, Михаил Алексеевич! — искренне улыбнулся Саша. Настроение повысилось и даже "нянька" показался ему добрее. Отличная новость! Уже послезавтра он сможет познакомиться с этой таинственной Светой, а потом... время покажет!

Куратор уже вышел а Александр, витая в облаках, даже не заметил. Быстро очнувшись, Саша взял первый лист и задумался. Пожалуй, лучше начать именно с этого... Что ж, как сказал один знаменитый на весь мир человек — поехали!

Москва. Кремль.

2 мая 1940 года. Утро.

Лаврентий Берия.

Кажется, он начал привыкать к этому ритуалу... инструкции для гостей, предупреждение о последствиях. Хорошо что, в обозримом будущем, это последняя такая встреча. Лаврентий не был дураком и понимал что каждое такое собрание — судьбоносное не только для его страны но и для многих других, ведь отголоски тех решений что принимаются в этом кабинете коснутся множества людей, богатых и бедных, государственных деятелей и простых граждан.

Сегодня в кабинет Сталина пригласили тех от кого зависело стрелковое вооружение Красной армии. А именно: выдающегося, по словам Александра, оружейника Дегтярёва Василия Алексеевича вместе с его, можно сказать учителем, Фёдоровым Владимиром Григорьевичем, создателем первого в мире автомата, который тот изобрёл ещё до революции. Также гостями в это утро оказались: Шпагин Георгий Семёнович, Симонов Сергей Гаврилович и Токарев Фёдор Васильевич.

Все они друг друга хорошо знали, причём Дегтярёв, Фёдоров, Шпагин и Симонов некоторое время работали практически в одном месте, Ковровском заводе, который сейчас именовался Инструментальный завод № 2 им. Киркижа.

— Ну что, товарищи! — сказал Берия после того как все поздоровались друг с другом и он довёл до гостей все новости и инструкции связанные с их новыми условиями работы. — Сегодня у нас с вами будет, я надеюсь, плодотворный разговор потому что перед нами одна цель — вооружить наших бойцов и командиров самым лучшим стрелковым оружием, которое поможет им в будущей войне, а она, к сожалению, уже не за горами.

Все пятеро переглянулись но ничего не сказали. Не нужно было быть академиком чтобы понять: все участвовавшие военные конфликты, в которых участвовал Советский Союз, вели к главной, крупномасштабной бойне в Европе. И после неё, скорее всего, карта мира основательно изменится а уж кто окажется на щите или со щитом покажет равнодушное ко всем время.

В это время закашлялся за своим столом Сталин и все дружно повернулись к нему, ожидая что тот выскажется на эту тему, но он, пыхнув трубкой, махнул рукой, показывая чтобы они не обращали на него внимания и продолжали беседу. Лаврентий решил на этот раз не наматывать круги вокруг длинного стола а сесть за него, подтянув к себе поближе графин с водой, заранее зная что тот ему понадобится.

— Так, начнём с винтовок. К сожалению, ваши автоматические винтовки, Сергей Гаврилович и Фёдор Васильевич, по-прежнему вызывают нарекания в войсках и не удовлетворяют требованиям к ним. Да, не спорю, скорострельность повысилась но некоторые другие параметры, в частности цена, сложность в обслуживании и капризность к боевым условиям сильно мешают использовать ваше оружие в полном объёме. Из частей приходят требования вернуть ваши винтовки обратно на заводы для доработки и устранения неисправностей, а пока снова дать им привычные и неприхотливые "мосинки". Как ни странно, только моряки оказались довольны ими... — усмехнулся Берия. — Что вы можете

сказать в своё оправдание, товарищи?

Симонов и Токарев, словно сговорившись, одновременно тяжело вздохнули, чем вызвали сочувственные улыбки остальных. Они отлично понимали что их оружие несовершенно, старались, делали что могли, но не всё было в их силах. Лаврентий знал это и поэтому не строго отчитывал а лишь мягко журил.

— Товарищ Берия... — наконец, заговорил более решительный Токарев. — Мы обещаем что исправим все недостатки и..

— Я это уже слышал, Фёдор Васильевич! — прервал его Берия подпустив в голос стали. — И не один раз, между прочим! А воз и ныне там! Мы удовлетворили все ваши требования по людям, помещениям, станкам, материалам... От вас требовался лишь результат! Где он? — риторически спросил Лаврентий. И сам же ответил: — Его нет! Почему?

В кабинете повисло молчание, которое решил нарушить Симонов, видимо, спасая коллегу:

— Мы делаем всё что в наших силах, товарищ Берия, но этот процесс не такой быстрый как бы нам хотелось. Некоторые недостатки оружия настолько серьёзны что, возможно, придётся изменять всю схему расположения..

— А это значит опять срыв сроков сдачи и откладывание на потом перевооружение Красной армии автоматическим оружием? — опять прервал его Берия. И вкрадчиво спросил: — Возможно, это преднамеренный саботаж?

Лаврентий заметил как все нервно переглянулись а некоторые даже побледнели. Такое подозрение, если оно окажется верным, могло привести к очень серьёзным неприятностям и гости это отлично понимали. И снова закашлялся Сталин, на взгляд непосвящённых совершенно естественно, но Берия уже давно знал Вождя и, кинув взгляд на него, тут же всё понял и мгновенно сориентировался:

— Конечно, это лишь подозрение но, в случае ваших дальнейших неудач, будет проведена серьёзная проверка причин такого затягивания важной государственной задачи! — резюмировал Лаврентий и решил немного снизить градус напряжения: — Поэтому было принято решение временно изъять из войск все ваши винтовки, заменив их на привычные "мосинки". А вам, товарищи, нужно будет сосредоточиться и на других задачах, естественно, не забывая о доработке ваших "АВС" и "СВТ".

Кто-то испустил еле слышный облегчённый вздох, который Берия предпочёл не заметить.

— Конкретно вы, Сергей Гаврилович, должны создать и разработать для Красной армии противотанковое ружьё калибра 14,5 мм. Его магазин должен составлять не менее 5 патронов но, если получится, то и 10. Также должна быть возможность установки на него оптического прицела средней кратности. Это новое оружие пригодится нашей пехоте против вражеских лёгких и средних танков в условиях отсутствия или уничтожения наших противотанковых пушек. С прицелом будет легче выцеливать уязвимые места бронемашин а также амбразуры дотов и дзотов, прикрытых бронированными створками. Примерный вид оружия вы найдёте в вашей папке на 2-й странице. Можете открыть, не стесняйтесь! — подбодрил его Берия, постаравшись улыбнуться.

Тот открыл папку, лежащую перед ним и всмотрелся в незнакомую конструкцию. Понятно, там был лишь грубый рисунок сделанный Сашей и предстояло хорошенько подумать как воплотить это в металле, но зато был показан первый шаг в этом направлении.

От Симонова лишь требовалось, так сказать, нарастить мясо на скелет и получить готовое изделие. Оружейник вздёрнул брови и удивлённо хмыкнул. Сидевший рядом с ним Дегтярёв скосил глаза, пытаясь подсмотреть что вызвало такую реакцию своего коллеги, но Берия решил отвлечь его. Хоть Саша и рассказал что в его реальности тот создал "ПТРД" почти одновременно с "ПТРС", но преимущество в скорострельности изделия Симонова превалировало и Лаврентий не хотел чтобы Василий Алексеевич отвлекался от производства других, более важных проектов и конкурировал с Сергеем Гавриловичем.

— Товарищ Дегтярёв, не надо коситься в чужую папку! — весомо сказал он. — Если потребуется ваш совет то поступит соответствующее указание и тогда вы сможете всё увидеть собственными глазами, без развития косоглазия. Это может нанести вред не только вашему зрению но и здоровью в целом. Вы понимаете ситуацию, Василий Алексеевич? — спросил он, внимательно поглядев на оружейника.

— Так точно, товарищ Берия! — едва не вскочил тот, видимо, проклиная себя за любопытство. Так повести себя при товарище Сталине и Берии... Просто верх неблагоразумия! Любопытной Варваре, как говорится... Хм!

— Вот и хорошо! — мягко сказал Лаврентий, наливая себе первый бокал из графина. — Так вот, товарищ Дегтярёв, вы должны, вместе с товарищем Шпагиным, создать новый пистолет-пулемёт на основе вашего "ППД". Учтёте все недостатки этого вида оружия и устранить их. В целом, бойцам нравится ваш пистолет-пулемёт за большой магазин и мощный патрон но кое-что они предлагают улучшить. Вот их рекомендации... — он подвинул оружейнику лист бумаги, который вынул из нагрудного кармана.

Тот углубился в чтение а Берия продолжил говорить:

— Советую вам, Василий Алексеевич и Сергей Гаврилович, объединиться с товарищем Судаевым Алексеем Ивановичем. Покажите ему рисунок на странице номер 3, пусть хорошо обдумает эту модель пистолета-пулемёта. Если он, с вашей помощью, сможет создать это оружие то, возможно, оно будет названо его именем. И ещё... Ваш пулемёт "ДС-39" так и не был доведён до ума. Конфликт в Финляндии выявил многочисленные нарекания в условиях низких температур, слабой живучестью основных деталей и разрывом патронов в ствольной коробке. Для исправления этого недостатка к вам в группу будет направлен Горюнов Пётр Максимович. Вместе с ним вы должны создать новый пулемёт, вместо "Максима", который будет обладать всеми достоинствами "ДС-39" но без его погрешностей. Вам понятны поставленные задачи, Василий Алексеевич? — спросил Лаврентий, внимательно глядя на Дегтярёва.

— Так точно, товарищ Берия! — энергично кивнул тот, с трудом оторвав взгляд от папки, которая, видимо, сильно заинтересовала его.

— Вот и хорошо... — удовлетворённо сказал Берия, мысленно вспоминая что ещё он хотел сказать. — Вы знаете конструктора Гаранина Георгия Семёновича?

— Да, я встречался с ним... — утвердительно ответил Дегтярёв а другие просто кивнули. — Очень хороший специалист, был бы не прочь работать с ним.

— У вас появится такая возможность! — обрадовал его Лаврентий, усмехнувшись. — Он должен будет разработать зенитный станок для вашего нового пулемёта, а заодно и для "ДШК". Кстати, есть мнение, вместо счетверённых зенитных "Максимов" сделать такую же установку из "ДШК". Думаю, пользы будет больше для защиты наземных войск, верно?

— Мы рассматривали этот вариант... — согласился с ним Дегтярёв, продолжая то и дело косить взглядом на свою папку. — Там пока есть некоторые проблемы но, я уверен, они

скоро решатся.

— Что ж, поверим вам! — внушительно сказал Берия. — Следующий вопрос. В США и Германии, по нашим сведениям, рассматривают вооружение своих пехотинцев ручным противотанковым орудием, которым можно стрелять с плеча. На дальних расстояниях оно бесполезно но если использовать его в городе или в лесу то тут может быть совсем другой результат. Откройте страницу номер 5, это грубый рисунок и приблизительный принцип действия. Крайне желательно чтобы наша страна не отстала в этом направлении!

— Ну и труба... — покачал головой Шпагин, переглянувшись с остальными. — Наверное, тяжёлая?

— Да уж нелёгкая... — согласился с ним Лаврентий, вспоминая рапорт Александра о "РПГ-2" и "РПГ-7". — Тем не менее, эта труба может спасти жизнь нашим бойцам если и ним приблизится вражеский танк.

— А зачем она, вообще, нужна? — пожал плечами Симонов. — У нас же есть противотанковые гранаты да и это новое ружьё, про которое вы мне сказали... Оно будет бить дальше, точнее.

— В этом вы правы... — вынужден был признать Лаврентий. — Но гранаты эффективны только на расстоянии броска, а ружьё сможет справиться только с лёгким или, при большом везении, со средним танком. А вот если к траншее подползёт тяжёлый танк то наш красноармеец вряд ли сможет подобраться к нему чтобы бросить гранату. Гранатомёт же, обладая большой бронепробиваемостью, остановит даже его. Поэтому он нам нужен, товарищи! — закончил Берия и снова налил себе воды. Выпив её, он облегчённо вздохнул. Вроде сказал всё что планировалось, задачи людям поставлены, осталось лишь ждать результатов, желательно, поскорее. Хотя..

— Минуту внимания, товарищи! — окликнул Берия уже собравшихся на выход оружейников. — Наступила насущная необходимость попробовать создать новый, так называемый "промежуточный" патрон для стрелкового оружия. Он так будет назван потому что его мощность должна быть сильнее пистолетного но слабее винтовочного патрона. И уже под него вы начнёте создавать не очередные пистолеты-пулемёты а именно автоматы. Понимаю, что вы хотите спросить подробности но я пока не могу вам рассказать больше чем уже поведал. Единственное — ориентируйтесь, примерно, на 7,62 на 39 мм. Вот теперь точно всё! — облегчённо усмехнулся Берия.

— Мы вас больше не задерживаем, товарищи! — объявил он и гости тут же начали вставать и идти к выходу, не забыв взять с собой свои папки, содержимое которых они теперь будут изучать от корки до корки. Вместо них в кабинет вошёл сидевший в приёмной, в компании с Поскребышевым, начальник Генштаба РККА Шапошников.

— Здравствуйте, Борис Михайлович! — внезапно оживился Сталин, с тёплой улыбкой вставая из-за стола. Подойдя к генералу он крепко пожал ему руку и, с места в карьер, обрадовал его: — Мы приняли решение присвоить вам новое звание, товарищ Шапошников... Вы теперь Маршал Советского Союза! Поздравляю вас!

Лицо выдающегося советского теоретика и тактика сначала недоумённо вытянулось а потом неверяще расплылось в улыбке. И неудивительно, получить высшее воинское звание в 58 лет, это не шутка. Теперь он достиг самого верха армейской иерархии и, как считал Берия, небезосновательно. Его трёхтомник "Мозг армии", написанный и изданный им в 1927 году, определил функции и задачи Генерального штаба будущего. На примере Великой Войны основательно разложены действия Австро-Венгрии, Франции и России, их ошибки.

успехи и последствия военных операций того времени. Словом, Лаврентий был искренне уверен что Шапошников заслуживал того чтобы быть маршалом.

— Спасибо, товарищ Сталин! — слегка дрожащим голосом ответил тот. — Служу Советскому Союзу!

— И хорошо служите, Борис Михайлович! — подхватил Вождь, улыбаясь. — Мы полностью довольны вами! Но вы были вызваны не только для того чтобы стать маршалом. Я помню, что по вашей инициативе были разработаны Уставы для нашей Красной армии... Так вот, поступило предложение усилить мощь стрелкового отделения нашей пехоты. Посмотрите, пожалуйста, вот эту бумагу и расскажите что вы о ней думаете? Возможно ли и, главное, целесообразно ли вводить такие изменения?

Он кивнул Берии и тот подал Шапошникову свою собственную папку, которая всю встречу пролежала перед ним на столе. В ней были рекомендации и советы Александра, которые тот рассказал в одной из бесед с "Михаилом Алексеевичем".

Борис Михайлович, по приглашению Сталина, сел за стол и углубился в чтение. На это ему потребовалось не больше пяти минут, после чего он закрыл папку и глубоко задумался. Сталин и Берия ему не мешали, один снова занялся своей любимой трубкой а другой подошёл к окну и начал всматриваться в просыпающуюся Москву. На площади иногда проносились фургоны с надписью "Хлеб", "Продукты", прохаживался милиционер, шли на работу и учёбу советские люди, не подозревающие о том что те кто решают их судьбу тоже не спят.

Наконец, новоиспечённый маршал очнулся и озадаченно хмыкнул. Лаврентий, как и Сталин, обернулись и выжидающе посмотрели на него.

— Разрешите я озвучу то что вы предлагаете, товарищ Сталин? — обратился он к Вождю и тот утвердительно кивнул. — Сейчас стрелковое отделение Красной армии состоит из 11 человек. Командир — младший сержант или сержант, вооружён "СВТ". Пулемётчик и его помощник, вооружены — "ДП-27" и "СВТ". Два автоматчика с "ППД-40" и шесть стрелков с той же "СВТ". Предложение состоит в том чтобы повысить огневую мощь отделения введя в него стрелка с... — тут Шапошников чуть запнулся. —..Противотанковым ружьём и его помощника вместо двух штатных стрелков. А также ввести в отделение снайпера и сапёра. Итого — оно будет состоять из командира, двух автоматчиков, пулемётного и противотанкового расчётов, снайпера, сапёра и двух стрелков. Я правильно понял?

Сталин кивнул, а Берия добавил:

— Из-за недостатков оружия в ближайшем времени автоматические винтовки "СВТ" и пистолеты-пулемёты "ППД" будут заменены на новые модели, которые пока разрабатываются. Что же касается противотанкового расчёта то, как мы считаем, это повысит шансы отделения на стойкую оборону против вражеских танков, в случае если рядом не окажется наших орудий или же они будут уничтожены. Снайпер, особенно в позиционной войне, не даст врагу высовываться из окопов и расхаживать их офицерам. А сапёр поможет прокладывать дорогу при наступлении без привлечения специальных подразделений для разминирования вражеских минных полей. К тому же они могут быть взаимозаменяемыми, то есть, на досуге учить товарищей по отделению своей специальности. Таким образом, в теории, мы можем получить множество универсальных бойцов, которые не растеряются в боевой ситуации. Конечно, это пока всё приблизительно... так сказать, "сырой" проект, но мы хотим чтобы вы всесторонне изучили

его и дали свою характеристику. Ваш авторитет мы уважаем и поэтому надеемся что ваше решение, как человека отлично знающего нашу армию, будет ей только на пользу.

— Довольно интересная идея, товарищи... — задумчиво произнёс Шапошников. — Сколько времени вы мне даёте на это?

— Самое большее — месяц, Борис Михайлович! — ответил Сталин, подойдя к нему. — Совсем скоро, по нашим сведениям, Гитлер снова захочет расширить свою коричневую империю и мы должны быть готовы к этому. Кстати, вам уже сообщили о завтрашнем совещании?

— Так точно, товарищ Сталин! — встал из-за стола маршал и одёрнул форму. — В назначенное время буду.

— Завтра, Борис Михайлович, товарищ Берия, в присутствии всех заинтересованных лиц, озвучит те сведения которые уже некоторое время поступают к нам из секретных источников. И, скажу сразу, они очень невесёлые... Поэтому готовьтесь, товарищ маршал, будут приняты решения которые многое изменят в нашей стране.

— Я всегда готов, товарищ Сталин! — вытянулся Шапошников. — В этом и состоит моя работа, правильно реагировать в сложные для страны моменты.

— Это вы верно сказали, Борис Михайлович... — согласился с ним Вождь. — Нас ждут сложные времена... И мы обязаны сделать всё чтобы выдержать их.

— Мы выдержим, Иосиф Виссарионович! — твёрдо ответил маршал. — Мы же все советские люди! А они всё выдержат!

— Правильные слова... — кивнул головой Сталин, снова пожимая ему руку. — Я надеюсь на вас, Борис Михайлович!

— Я не подведу, товарищ Сталин! — ответил тот, принимая стойку "смирно". — Разрешите идти?

— Идите, товарищ маршал, идите... — отпустил его Вождь. — И ты тоже иди, Лаврентий. Нам всем надо поработать..

Берия попрощался со Сталиным и вышел из кабинета. Ему сегодня предстояла долгая работа, собрать и систематизировать все сведения полученные от Саша, чтобы завтра выступить с докладом перед участниками совещания и убедить их в своей правоте. Конечно, время ещё было но не следует его зря терять! Не успеешь оглянуться как уже его не будет..

Германия, Аахен.

2 мая 1940 года. Утро.

Гюнтер Шольке.

— Внимание! Через полчаса станция Аахен! — разбудил его громкий голос проводника и вежливый стук в дверь купе. С трудом разлепив глаза, Гюнтер недоумённо осмотрелся и тут же всё вспомнил. Он ехал к своему новому месту службы и ему надо... Кстати, а кто это рядом с ним лежит?! Женщина?.. Ах да, это же безутешная вдова, фрау Кляйн, которую он, похоже, всё-таки смог утешить. Урсула, из-за не слишком широкой постели, спала вплотную к нему, положив голову ему на грудь и обхватив рукой. В таком положении встать, не разбудив даму, было довольно проблематичным но пора было собирать вещи и готовиться к выходу, а значит..

— Урсула, вставайте... — тихо сказал он прямо ей в волосы.

— Ммм... — глухо донеслось от его груди. Голова женщины приподнялась и она с

удивлением посмотрела вокруг, остановившись взглядом на нём. Несколько секунд в её глазах было искреннее удивление и непонимание а потом... в них появилась паника!

— О Боже! Боже мой... что я наделала? Какой ужас... — забормотала она, соскочив с него и пытаясь найти свои трусики, упавшие на пол. Одновременно схватив свой лифчик, неведомым образом оказавшийся там же, Урсула растерянно застыла, избегая смотреть на Гюнтера. Он, в это время, с интересом наблюдал за её метаниями, не чувствуя за собой никакой вины. В конце концов они оба получили удовольствие, вдова стала походить на нормальную женщину а не убитую навечно горем снулую рыбу. Да, он не рассчитывал заниматься с ней сексом но раз уж так получилось... Зачем об этом жалеть? Впрочем, имея большой опыт общения с женщинами Гюнтер знал что их реакция после незапланированного секса бывает не всегда адекватной и позитивной. Наваливается вина на себя и на мужчину, появляются вопросы, типа "Как это могло случится? Что он подумает обо мне?" и т. д. Нужно просто дать им успокоиться. Или помочь это сделать..

— Извините, оберштурмфюрер... — дрогнувшим голосом сказала женщина, избегая смотреть на него. — Вы... не могли бы отвернуться? Мне нужно одеться.

— Отвернуться? Могу, конечно. Но зачем? По-моему, у нас больше нет секретов друг от друга, Урсула. Или я не прав? — спросил он, глядя на красную от смущения даму, закрывшую своими руками главные прелести.

От его слов вдова покраснела ещё больше.

— Я прошу вас! — всхлипнула она на грани истерики.

— Хорошо, я отвернусь... — пробурчал Гюнтер, отворачиваясь к стенке. — Но уверяю, вам нечего стыдиться. Вы очень красивы, Урсула, и я нисколько не жалею что мы с вами... пообщались ночью.

Ответом ему было молчание, нарушаемое лишь шорохом одежды, которую спешно натягивала на себя женщина. Через пару минут она сказала:

— Можете обернуться, Гюнтер.

Он снова повернулся и увидел что та опять превратилась в безутешную вдову в чёрном, траурном платье. Её выдавали только глаза, где вместо вчерашнего горя и тоски появились откровенное непонимание и неверие в то что случилось. Она сидела на максимально возможном расстоянии от него на другой стороне купе и смотрела в окно, хотя вряд ли что там видела.

Гюнтер тяжело вздохнул. Честно говоря, он надеялся на здоровый утренний секс, так как по утрам у него всегда стояк, но... Похоже, на этот раз будет облом. Печально, но факт. Откинув одеяло он, полностью голый, не спеша потянулся, не обращая внимания на женщину, и тоже начал одеваться.

Пробормотав что ей нужно умыться и привести себя в порядок, она быстро вышла из купе, оставив его одного. Пожав плечами, Гюнтер оделся и, когда Урсула вернулась, последовал её примеру. Остаток пути они провели в молчании. Вдова, видимо, всё ещё переживала свою ночную импульсивность когда перепутала его с мужем а на него вдруг снова нахлынуло чувство предвкушения. Что не говори, новые впечатления от незнакомого места... Ведь он, после появления в этом мире, находился только в Берлине а теперь... Теперь всё будет по другому!

Мысли перескочили на другое. Среди ночи его сознание разбудила Фрейя и здорово изумила Гюнтера, сказав что передумала и он сможет переговорить с Алексом, если хочет. Естественно, у него было такое желание!.. Когда он очутился в иллюзии, созданной по его

просьбе, Гюнтера поразил и позабавил растерянный вид своего бывшего русского друга. Хотя, на его месте, видя Берлин в таком состоянии, наверное, он выглядел бы так же... Весь разговор оставил у него, в целом, положительное впечатление. Удалось установить с ним мосты и убедить действовать сообща. Главное, чтобы они смогли достичь тех целей что договорились. Да, придётся здорово потрудиться но это того стоит... Всё-таки, как хорошо что Алекс не коммунист а здравомыслящий человек! Иначе было бы труднее..

Посмотрев в окно он заметил что они уже въезжают на станцию. Появились новые ветки путей, станционные строения, пакгаузы, водокачки. Кое-где на путях стояли отдельные грузовые вагоны и составы. Их поезд начал замедлять ход и через несколько минут, после громкого паровозного свистка, остановился на перроне, окутав его облаком пара.

Галантно подав женщине плащ, он пропустил её вперёд и, несмотря на слабые возражения, взял чемодан Урсулы. В тамбуре Гюнтер вышел первым, опустил чемодан и помог вдове выйти из вагона. Она коротко поблагодарила его и начала оглядываться вокруг. Внезапно к ним подошла какая-то невзрачная "серая мышка", как мгновенно назвал её Гюнтер про себя и, мельком взглянув на него, обняла женщину.

— Наконец-то, мама! — улыбнулась девушка, став от этого чуть симпатичнее. — Я всю ночь прождала на вокзале а твоего поезда всё нет! Мне сказали что он задержится но я не думала что так сильно..

— Ох, здравствуй, моя девочка! — ответила так же улыбнувшаяся вдова, ласково погладив её по длинным, рыжеватым волосам. — Я сама не ожидала что так будет... Проводник сказал что мы немного задержимся, но это "немного" получилось на всю ночь..

— Здравствуйте, фройляйн! — решил напомнить о себе Гюнтер. — Меня зовут Гюнтер Шольке, оберштурмфюрер СС. Вижу что фрау Кляйн больше не нужна моя компания и я оставляю её на ваше попечение, Розалия.

— Ой, извините... — смутилась девушка, теребя ремень маленькой сумочки. — Я не успела представиться... А откуда вы меня знаете?

— Ваша очаровательная мать мне рассказала о вас... — не стал скрывать Гюнтер очевидную вещь. — Что вы красивая, умная, нежная! — весело улыбнулся он, глянув на снова покрасневшую женщину.

"Умная и нежная? Возможно. Но вот насчёт красоты Урсула явно приукрасила... — подумал он. — Впрочем, наверное, для любой матери их дети самые лучшие и красивые".

— Правда? — посмотрела девушка на свою мать. — Очень приятно познакомиться, герр Шольке.

— Взаимно, Розалия! — слегка кивнул он и повернулся к Урсуле. — Фрау Кляйн, был очень рад познакомиться с вами! Наше плодотворное общение во время пути принесло мне огромное удовольствие. Возможно, мы ещё увидимся, кто знает? А теперь, позвольте попрощаться с вами, дорогие дамы!

— Спасибо вам, Гюнтер! — поблагодарила его Урсула, смотря ему куда-то в район груди. — Вы... помогли мне! Я желаю вам удачи и чтобы вы вернулись домой живым!

— И я вам того же желаю! — сказала её дочь. — Спасибо что составили ей компанию и не дали грустить после смерти отца в пути. Ведь правда же, не дали?

— В этом я вам дам абсолютную гарантию, Розалия! — уверенно ответил он, с трудом скрывая улыбку. — Со мной вашей маме точно не было скучно!

Красная как рак Урсула умоляюще посмотрела на него и он решил больше не смущать

её своим присутствием. Взяв свой чемодан, Гюнтер кивнул и, не торопясь, направился к выходу с перрона.

— До свидания, герр Шольке! — донёсся до него голос Розалии. Он обернулся и помахал им рукой, после чего пошёл дальше.

Выйдя из вокзала на площадь Баннхофплатц Гюнтер огляделся. Здесь, в отличие от полностью мирного Берлина, были следы военного времени. Почти в самом центре, обложенное мешками с песком, стояло тяжёлое зенитное орудие 10,5 см "FlaK 38\39" с одним белым кольцом на конце ствола. Видимо, оно уже имело на своём счету сбитый самолёт противника. Хоть налётов вражеской авиации пока не было, значит зенитчики подстерегли какой-нибудь самолёт-разведчик, решивший полетать над городом. Его расчёт, под командованием обер-фельдфебеля "Люфтваффе", лениво расположился рядом. Ящики со снарядами стояли на краю площади, во избежание прямого попадания. Впрочем, подносчикам хватило бы несколько секунд чтобы принести их к орудию, в случае нужды. Возле зенитчиков стояли две девушки в лёгких платьях и весело разговаривали с ними.

Возле другого входа на вокзал стоял санитарный "Опель-блиц" с красным крестом на дверцах и капоте, из которого санитары осторожно выгрузили трёх раненых и занесли внутрь. Видимо, для отправки вглубь страны на поезде. На стенах самого вокзала и афишных тумбах висели патриотические плакаты, призывающие к осторожности, сдержанности и прославляющие рода войск. Над городом виднелись несколько аэростатов заграждения на длинных тросах. Словом, чувствовалось не такое уж далёкое дыхание фронта. Пусть эту войну и называли "странной" но выстрелы иногда всё равно звучали и люди погибали, хоть и в небольшом количестве, по сравнению с тяжёлыми боями Первой Мировой, когда каждая крупная операция оборачивалась жертвами в сотни тысяч убитых и раненых.

Перехватив чемодан в другую руку, он направился в городскую комендатуру, рассчитывая что там ему подробно объяснят где именно расположился его "Лейбштандарт". Та разместилась недалеко от площади, в уютном трёхэтажном доме, возле которого стояли часовые и то и дело входили-выходили офицеры. Войдя внутрь, Гюнтер огляделся и, уточнив у пробежавшего мимо лейтенанта где находится кабинет коменданта, направился прямо туда. На удивление в приёмной никого из посетителей не было, кроме плотной секретарши, которая не шла ни в какое сравнение с подчинённой Ханны, хрупкой и робкой Кларой.

— Здравствуйте, фрау! — поздоровался он, заметив на её пальце обручальное кольцо. — Я оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке, у меня срочный вопрос к коменданту города. Он у себя?

— Да, оберштурмфюрер... — ответила женщина тонким голосом, оторвавшись от своих бумаг и мельком глянув на него. — Я сейчас спрошу может ли он вас принять.

И, не дожидаясь его реакции, направилась к двери своего начальника. Гюнтер поставил свой чемодан на пол а сам уселся на один из стульев, приготовившись к ожиданию. Зная кабинетных крыс он не слишком рассчитывал на быстрый приём но на этот раз его приятно удивили. Секретарша вышла и распахнула перед ним дверь начальственного кабинета:

— Проходите, оберштурмфюрер, полковник Ингеманн готов вас принять.

— Благодарю! — кивнул ей обрадованный Гюнтер и вошёл внутрь, оставив свой чемодан в приёмной. Едва зайдя внутрь, он прогрохотал строевым шагом до середины просторного кабинета и вскинул руку:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — отозвался тот и, встав из-за стола, протянул ему руку. — Садитесь,

оберштурмфюрер. Каким ветром вас сюда принесло? По службе или в гости? — улыбнулся комендант, снова усаживаясь в удобное кресло.

Кабинет Ингеманна был небольшим но довольно уютным. На окне стояли цветы, светлые занавески висели по краям, большой шкаф с бумагами и книгами расположился справа от стола. Фюрер с большого портрета над головой коменданта грозно хмурился, глядя на них.

На вил полковнику было под пятьдесят. Простое, бесхитрое лицо с внимательными глазами, зачесанные в бок волосы, слегка напоминавшие причёску фюрера, грубые ладони человека не боящегося физического труда. Хорошо подогнанный мундир сидел на нём идеально. Похоже, один из тех кто дослужился до своего звания и должности с самых низов, честно и без лизоблюдства. Он расположился за столом, опустив на него сцепленные руки и смотрел на Гюнтера, чуть улыбаясь.

— Спасибо, герр оберст! — ответил Гюнтер, отодвигая стул и садясь на него. — Конечно же по службе. Я в вашем городе впервые и ничего не знаю. Поэтому мне нужна ваша помощь. Надеюсь, вы не откажетесь мне подсобить?

— Само собой, оберштурмфюрер... — уверенно кивнул тот. — Именно в этом и заключается часть моей работы. Говорите, что именно вам нужно?

— Я получил направление в полк "Лейбштандарт Адольф Гитлер" и должен прибыть в расположение не позднее 5 мая... — начал рассказ Гюнтер. — Решил приехать заранее чтобы побыстрее вникнуть в обстановку и ознакомиться с личным составом. От вас прошу указать мне где точнее расположился мой полк и я немедленно направлюсь туда. Вот и всё, господин полковник! — ожидающе посмотрел на него он.

Кустистые брови коменданта удивлённо взметнулись вверх. Он откинулся в кресле, задумчиво потёр подбородок и заговорил, не пытаясь скрыть своего замешательства:

— Позвольте, оберштурмфюрер... Но в окрестностях Аахена больше нет ни одной части СС! Поверьте, я бы знал об этом. Тем более, полк... Это же не иголка, сами понимаете. Что же касается именно Лейбштандарта то он убыл отсюда ещё в марте. С тех пор здесь размещаются, в основном, зенитные и вспомогательные службы. Возможно, произошла ошибка?

Гюнтер почувствовал себя так будто его окатили ведром холодной воды. Как это "убыл"?! Не может такого быть! Чтобы в дисциплинированном и педантичном кадровом отделе умудрились направить офицера СС буквально на пустое место? Да они что там, перепились на радостях? Как такое произошло? И, главное, что теперь делать?

— Это... Точно не шутка? — растерянно спросил он, отчаянно надеясь что это не так. — Может вы..

— Нет, оберштурмфюрер, я абсолютно в этом уверен! — подтвердил полковник, глядя на него с невольным сочувствием. — Такими вещами я не шучу.

— Что же мне теперь делать? — постепенно отходя от шока спросил Гюнтер, смотря на коменданта но не видя его. — Вы, случайно, не знаете куда именно убыл мой полк?

Тот выразительно покачал головой, как даже показалось Гюнтеру, с искренним сожалением:

— Увы, оберштурмфюрер... Да и сами подумайте, это же секретная информация которую мне знать просто не положено. Если бы я часто общался с вашими офицерами то может кто-то из них и сумел бы намекнуть мне, но... — внезапно он замолчал, словно что-то вспомнив.

Гюнтер, с внезапно затеплившейся надеждой, продолжал смотреть на него. Полковник, помолчав секунд десять, улыбнулся и сказал:

— Впрочем, кажется, есть одна возможность узнать куда делся ваш полк... Но я ничего не могу обещать! Сейчас попробую... — он вдруг громко крикнул в сторону двери.. — Бригитта!

Через несколько секунд дверь открылась и в кабинет вошла секретарша коменданта.

— Вы вызывали, герр оберст? — спросила она.

— Да, Бригитта. Дело в том что у этого молодого офицера произошла неприятность. Он должен был прибыть в расположение полка Лейбштандарт но, как ты знаешь, тот куда-то передислоцировался. Я знаю что ты общалась с какой-то подругой из этого полка... Не могла бы ты сказать ему куда уехали его товарищи, если знаешь это? — обратился к ней полковник.

Секретарша с сочувствием посмотрела на Гюнтера и, колеблясь, ответила:

— Господин полковник... я, конечно, дружила с Хильдой... она работает в медицинской службе... Но та не говорила точно куда их отправляют. Сказала что куда-то на северо-запад... Ещё пошутила что пришлёт мне знаменитые голландские тюльпаны. Вот и всё... — закончила Бригитта. Внезапно она вскинулась: — Ах да, она обмолвилась что-то о Мюнстере! Точно..

— Больше ничего, Бригитта? — спросил комендант.

— Ничего, господин полковник... — с сожалением ответила секретарша.

— Хорошо, спасибо. Можешь вернуться к работе! — сказал тот и женщина вышла из кабинета, вновь оставив их одних.

— Что ж, пусть и немного но мы узнали где теперь обитают ваши новые товарищи... — улыбнулся полковник, пытаясь поднять ему настроение. — Значит где-то в районе Мюнстера, скорее всего, ближе к голландской границе. И всё же, я не могу поверить что с вами случилась такая история! Уму непостижимо! Определённо, там, в Берлине, всё делают спустя рукава!

— Согласен с вами, герр оберст! — мрачно ответил Гюнтер, надевая фуражку и вставая. — Другое дело что придётся всё равно ехать наобум... Потеряю кучу времени пока найду свой полк, рыская по окрестностям. Пусть и не по своей вине, но опоздание к месту службы явно не пойдёт мне на пользу. Авторитет долго зарабатывается но очень быстро теряется..

— Что верно то верно, оберштурмфюрер! — сказал полковник, тоже вставая из-за стола. — Мне жаль что я ничем больше не могу вам помочь... Иначе бы с радостью это сделал!

Они пожали друг другу руки и Гюнтер направился к двери, когда в голову ему пришла смелая мысль. А что если..? Хм! В принципе, может получится! Что он теряет? Да ничего Зато сколько времени может сэкономить! Надо, всё-таки, попробовать!

— Извините, господин полковник... Не могли бы вы дать мне воспользоваться вашим телефоном? Возможно, кое-что ещё можно сделать! — загоревшись, спросил он.

— Конечно, о чём речь! — энергично ответил комендант и вместе с ним вышел в приёмную. Подойдя к Бригитте, он сказал ей: — Дай возможность оберштурмфюреру позвонить!

— Хорошо, господин полковник! — ответила та и подвинула Гюнтеру свой аппарат.

Так, номер он помнит... Главное, чтобы она сейчас уже была на службе! Набирая по

памяти номер, он мысленно скрестил пальцы на удачу. Соединение!

— Приёмная фрау Грубер, рейхсминистерство просвещения и пропаганды, слушаю! — раздался сквозь лёгкие шорохи в трубке знакомый голос Клары, секретарши Ханны.

— Здравствуйте, Клара! — невольно улыбнулся он. Чем-то ему нравилась эта симпатичная девица, теряющаяся перед ним. Если бы не нежелание дополнительных проблем то он, пожалуй, мог бы уделить ей больше внимания. Повисло молчание и, наконец, секунд через пять раздался её ошеломлённый голос, причём со знакомыми робкими интонациями:

— Оберштурмфюрер Шольке?!

— Он самый, Клара, собственный персоной! — ему стоило большого труда не рассмеяться и сохранить серьёзность. Всё же рядом посторонние и не надо давать им повод думать что он звонит просто ради флирта. — Фрау Грубер уже пришла?

— Даа... — протянула девушка, видимо, пытаясь прийти в себя. — Ей сообщить о вашем звонке?

— Именно так, Клара! — подтвердил Гюнтер. — И как можно быстрее.

— Хорошо... — ответила секретарша и, судя по звуку, положила трубку на стол.

Прошло не больше минуты когда в телефоне раздался шорох и он услышал знакомый голос Ханны:

— Оберштурмфюрер Шольке? Рада снова вас слышать! Что-то случилось?

— Да, фрау Грубер, случилось... И мне нужна ваша помощь! — твёрдо сказал Гюнтер, мысленно подбирая слова для объяснений.

— Так! — раздалось из трубки. — Клара, выйди на пять минут!.. Да, посиди в коридоре, я позову!.. Я тебя внимательно слушаю, Гюнтер... — её голос изменился став более соблазнительным и волнующим. От этого у Гюнтера прошла по телу волна лёгкого возбуждения, отозвавшись между ног.

Он был вынужден сглотнуть чтобы пропал комок в горле, неизвестно откуда взявшийся:

— Гм... Фрау Грубер, произошла очень досадная ошибка! В Берлине, в отделе кадров СС, меня заверили что мой полк находится здесь, в Аахене. На самом деле оказалось что Лейбштандарт убыл отсюда в неизвестном направлении ещё месяц назад. Я не знаю как такое могло произойти но сейчас это неважно. Вы не могли бы подсказать мне куда перебросили моих товарищей, фрау Грубер? Время идёт, я не хочу опоздать в расположение из-за чьей-то глупой ошибки.

В трубке слышалось лишь дыхание женщины. Наконец, она ответила:

— Поразительно! Ты это серьёзно?!

— Я не шучу, фрау Грубер.

— Как я поняла, ты там сейчас не один, верно? — спросила Ханна, вернув себе деловой тон.

— Да, так и есть! — коротко ответил он, избегая смотреть на полковника, который с живым интересом смотрел на него.

— Так-так... Знаешь, дай мне пятнадцать минут, я посмотрю что смогу сделать! — произнесла его самая страстная любовница. — Ты сейчас где находишься?

— В приёмной коменданта города полковника Ингеманна... — сказал он, понемногу загораясь надеждой.

— Отлично, никуда не уходи, я позвоню через пятнадцать минут в любом случае! Но, надеюсь, что с хорошими новостями... — энергично ответила Ханна и тут же игриво

добавила: — Если у меня получится то за тобой будет должок, Гюнтер!

— Без сомнения, фрау Грубер! — улыбнулся он. — Я умею быть благодарным и всегда плачу свои долги.

— Всё, тогда жди! — и положила трубку.

Гюнтер сделал то же самое и повернулся к полковнику:

— Моя знакомая позвонит в течении пятнадцати минут, просила никуда не уходить.

— Я понимаю, оберштурмфюрер... — кивнул тот. — Рад был помочь вам, но вынужден вернуться к работе. Желаю вам удачи! Бригитта, как только нашему гостю позвонят из Берлина то сразу передай ему трубку.

— Слушаюсь, господин полковник! — ответила та и, ободряюще ему улыбнувшись, снова приступила к работе.

Гюнтер, тем временем, уселся у стены, с трудом удержавшись от усмешки. Ханна, как обычно, в своём репертуаре, решила не упустить своей выгоды... Что ж, если она поможет ему то он, естественно, будет ей должен. Интересно, что она захочет взамен? Он даже представлял что это может быть и лишь надеялся что сможет выполнить её каприз. Деньги? Даже не смешно... Нет, зная Ханну это будет что-то особенное и, наверняка, развратное.

Пятнадцать минут прошли, потом двадцать... Звонка из Берлина не было, только местные. Наконец, когда он уже начал терять надежду, Бригитта, ответив на очередной звонок, призывно махнула ему рукой. Слово подброшенный, Гюнтер вскочил и тут же оказался рядом с ней, мгновенно выхватив трубку:

— Оберштурмфюрер Шольке слушает!

— Гюнтер? — послышался радостно-взволнованный голос чиновницы. — Я смогла узнать то что тебе нужно! И если ты думаешь что это было легко то сильно ошибаешься!

— Фрау Грубер, я ни минуты не сомневался в вас и всегда был уверен что вы сможете всё что захотите! — сделал комплимент Гюнтер, улыбаясь от души. У него как камень с души упал..

— Вы похотливый льстец, господин Шольке! — рассмеялась женщина. — Между прочим, мне всё ещё больно сидеть! — пожаловалась она.

— В жизни бывают много огорчений... — философски ответил он, снова вспомнив наказание Ханны. — Будем надеяться что мне больше не придётся этого делать. Но обещать ничего не буду! — едва не рассмеялся Гюнтер в ответ.

— Ах вот как! — шутливо возмутилась та. — Ну погоди, Гюнтер, вот только вернись!

— Фрау Грубер, я вынужден занимать чужой телефон! — напомнил он про свою просьбу.

— Извини... — тут же пришла в себя Ханна. — Значит, записывай — город Нойенкирхен, Рейхсгау Вестфалия-Север, 35 километров северо-западнее Мюнстера.

— Значит, всё-таки, Мюнстер... — вздохнул Гюнтер. — Да, не близко... Что ж, огромное спасибо вам, фрау Грубер! Как и сказал, я у вас в долгу.

— Я уже предвкушаю это! — жизнерадостно ответила женщина. — Так, что ещё? Точно! Если у тебя там будут проблемы, то обратись напрямую к гауляйтеру Альфреду Мейеру, он получит просьбу о содействии в таких ситуациях.

— Буду надеяться что больше у меня проблем не будет, фрау Грубер! Всего вам хорошего и удачного рабочего дня! — начал прощаться Гюнтер, но её следующая фраза буквально выбила его из колеи:

— Знаешь что... — донёсся до него её громкий, завлекающий шёпот. — Я сейчас

сизу... и на мне, под юбкой, нет трусиков, представляешь?

Гюнтер крепче сжал трубку, чувствуя как его охватило жаром. Благодаря своему развитому воображению, он легко представил эту картину и почувствовал как внизу началось знакомое шевеление. Вот же!!.. Ох, Ханна, чёртова развратница! Просто ходячий афродизиак какой-то! Нет, пора заканчивать этот разговор пока на штанах не образовался предательский бугор.

— Кхм... был рад снова услышать ваш голос, фрау Грубер! Извините, мне пора! — и положил трубку вспотевшей рукой.

— У вас всё получилось, оберштурмфюрер? — обратилась к нему секретарша коменданта, глядя на него с ожиданием. — Что с вами?

— Всё в порядке, Бригитта! — заверил её Гюнтер, подавив желание вытащить носовой платок чтобы вытереться. — Очень вам благодарен за помощь! Даже не знаю что бы без вас делал..

— Что вы, я рада что смогла вам помочь! — ответила та.

— До свидания! Передайте полковнику Ингеманну мою искреннюю благодарность! — сказал он, подхватывая свой чемодан и направляясь к двери.

— Непременно, оберштурмфюрер! — вслед ответила Бригитта.

Выйдя из здания, он осмотрелся и направился обратно на вокзал. В этом городе ему больше нечего было делать. Сядет на ближайший поезд на север и поедет к месту дислокации своего полка. Снова вспомнив шаловливую Ханну, Гюнтер усмехнулся. Да уж, скучно ему с ней точно не будет! Но ведь, кроме развратности, именно это его в ней и привлекает?..

Улыбаясь и уже предвкушая их новую, будущую, горячую встречу он вошёл в здание вокзала.

Берлин.

2 мая 1940 года.

Ханна Грубер.

В подавленном настроении она пришла на работу. После того как сутки назад Гюнтер уехал на запад у неё всё валилось из рук. На Ханну вдруг напала хандра и женщина начала работу в том состоянии когда смотришь в бумаги и никак не можешь понять что в них написано. На сердце было тяжело и она подозревала что такое чувство останется с ней надолго, до тех пор пока этот молодой, сильный и чертовски горячий парень не вернётся к ней обратно. Теперь уже было абсолютно ясно что Ханна не просто под села на него как рыбка на крючок... Нет, женщина ещё с удовольствием заглядывала его поглубже, даже не думая о том чтобы освободиться! Эдакое мазохистское удовольствие, осознавать что она попала в ловушку и радоваться этому..

Ханна удручённо покачала головой. Вот что теперь делать? Хороший вопрос... Да ещё тут обнаружили множество потенциальных соперниц на вокзале. Нет, она конечно, подозревала что не является единственной любовницей этого мальчишки но чтобы почти десяток?! Да, он далеко пойдёт с такими аппетитами... Как только выдерживает такую нагрузку его основной орган, от которого она уже без ума... Интересно, когда Гюнтер успел познакомиться с ними?

Невесёлые размышления прервала Клара которая без разрешения ворвалась в кабинет. Ханна недовольно нахмурилась, собираясь отчитать нахальную девчонку забывшую о правилах но та, покраснев, быстро протараторила:

— Фрау Грубер, вам звонит оберштурмфюрер Шольке!

И все мысли о секретарше мгновенно выветрились из головы! Неужели с ним что-то случилось? Или он звонит просто чтобы услышать её голос? Соскучился по ней? Усилим воли задавив эти розовые мечты Ханна быстрым шагом вышла в приёмную, досадуя что на телефон в её кабинете можно дозвониться только сотрудникам министерства.

В это время внутрь заглянула одна из сотрудниц с агитационными материалами:

— Фрау Грубер, я хотела чтобы вы посмотрели на эти..

— Позже! Я занята! — властно отрубилла она и сотрудница, как испуганная мышка, тут же скрылась за дверью. Ханна в рейхсминистерстве имела репутацию сильной, требовательной женщины и старательно поддерживала её, считая что сотрудники должны бояться и уважать свою начальницу. Неизвестно чего было больше по распоряжения Ханны выполнялись ими точно и в срок.

Выставив любопытную Клару за дверь она, с сильно бьющимся сердцем, взяла трубку... От того что Ханна слышала по телефону из далёкого Аахена у неё удивлённо поднялись брови. Ну и ну! Чем там в Главном отделе кадров СС занимаются? Как можно было допустить такую ошибку? Невообразимо! Будь она там начальницей то виновный не отделался бы выговором, это уж точно! Бедный Гюнтер! Он там один, в незнакомом городе... С другой стороны, парень позвонил именно ей, а значит у неё есть отличная возможность помочь ему! И тогда... Тогда у женщины появится чуть больше шансов стать к нему ближе чем другие вертихвостки с вокзала. Ради этого стоит воспользоваться

некоторыми связями..

После того как она положила трубку, мозг заработал в полную силу, изыскивая решение проблемы. Хандру как ветром сдуло! Так, кто может помочь? Этот? Нет, не имеет доступа! Тогда тот генерал из "ОКХ"? Да, нужно попробовать... Ханна решительно набрала номер абонента в Вюнсдорфе, под Цоссеном, и стала ждать, постукивая пальцами по столу секретарши:

— Алло? Это начальник второго отдела рейхсминистерства просвещения и пропаганды Ханна Грубер! — стальным голосом произнесла она. — Мне срочно нужен генерал-майор Хайнеке! Немедленно соедините с ним! Это вопрос безопасности Рейха!.. Да, сейчас же!

Она знала как разговаривать с телефонистками чтобы те без колебаний соединяли женщину с нужными ей людьми. И на этот раз всё получилось как надо..

— Эрих?.. Здравствуй, дорогой мой! — ответила она уже совершенно другим голосом, ласковым и манящим. — Как у тебя дела?.. Хорошо? Я рада за тебя!.. У меня? А вот у меня не очень... Но я позже тебе объясню, хорошо, дорогой?.. Эрих, у меня появилась проблема с которой только ты сможешь мне помочь... Всем чем сможешь? Отлично, я знала что ты не бросишь меня в беде... Слушай, я послала в Аахен, в полк "Лейбштандарт Адольф Гитлер", своего сотрудника с кучей агитационных материалов для распространения... Ну, всякие там брошюры, плакаты... И, представляешь, он сейчас звонит мне оттуда и говорит что эсэсовцев там давно нет!.. Ну да!.. Комендант города сказал что гвардия фюрера уехала оттуда ещё в марте или апреле! И он теперь не знает что ему делать и куда ехать!.. Да, согласна, вопиющая некомпетентность!.. От тебя? Скажи, пожалуйста, где сейчас расположились наши brave двухметровые красавцы?.. Что? Нет, они мне интересны только по работе, ты же знаешь... Ну конечно, я отлично помню наши встречи!.. Так что, сможешь?.. Я понимаю что секретно но ты же не думаешь что я английская шпионка, верно?.. Обещаю, что никому не скажу!.. Как-как?..

Она, не отрывая трубку от уха, схватила карандаш со стола и написала на отрывке листа то что ей продиктовал давний любовник, генерал из Верховного командования сухопутных сил "Вермахта", или коротко, "ОКХ".

— Огромное тебе спасибо, дорогой, ты меня очень выручил!.. Да, знаю, что обязана тебе и, как будет возможность, немедленно верну долг!.. Когда? Пока не могу сказать... Дело в том что мой муж начал странно себя вести... Мне кажется что он что-то подозревает поэтому я пока приличная, добропорядочная, замужняя женщина... Да, я тоже скучаю по тебе но пока никак... Конечно, обещаю, как появится возможность то сразу сообщу!.. Спасибо, дорогой, я тоже тебя целую и желаю хорошего рабочего дня!

Отлично! У неё получилось! Вот что значит связи, наработанные много лет! Без них всё было бы намного сложнее... Она познакомилась с этим генерал-майором, точнее, тогда ещё полковником, два года назад, когда по обыкновению, сидела в ресторане и не знала что делать. Вернуться домой к пьяному мужу? Или прогуляться по городу и завязать какое-нибудь необременительное знакомство?

Эрих сам подошёл к ней. Обычные любезности, комплименты, прогулка по улицам и через пару часов она уже была у него на квартире. В сексе полковник оказался средним. Удовольствие Ханна получила но не сказать чтобы уж сильное. С тех пор она изредка встречалась с ним, вежливо но твёрдо отвергая все его попытки помочь ей деньгами или подарками. Впрочем, будучи женат и сильно занят по службе, он и сам не мог часто с ней видиться. Вся эта связь тешила её самолюбие, всё-таки генерала среди любовников у

женщины раньше не было.

Ханна дозвонилась до Аахена и радостно сказала:

— Гюнтер? Я смогла узнать то что тебе нужно! И если ты думаешь что это было легко то сильно ошибаешься!.. Вы похотливый льстец, господин Шольке! Между прочим, мне всё ещё больно сидеть! — нарочито жалобно сказала она... — Ах вот как! Ну погоди, Гюнтер, только вернись!.. — шутливо возмутилась она. Настроение было такое что хотелось танцевать от радости.

— Извини... — опомнилась она. — Значит, записывай — город Нойенкирхен, рейхсгау Вестфалия-Север, 35 километров северо-западнее Мюнстера..

Слушая его такой знакомый голос она решила пошалить и заставить его потерять хладнокровие. Ей всегда нравилось видеть как этот несносный мальчик возбуждался от её пошлостей и, тем самым, заводил её саму:

— Знаешь что? Я сейчас сажу... и на мне, под юбкой, нет трусиков, представляешь? — и вся превратилась в слух.

На той стороне раздался какой-то звук и Гюнтер закашлялся. Ханна торжествующе улыбнулась. Она по-прежнему возбуждает его! Женщина готова была поклясться что у мальчишки сейчас начал просыпаться его большой, сильный орган, который совсем недавно устроил ей незабываемый сексуальный марафон!.. Про несколько оргазмов при этом даже говорить не следовало, иначе возбуждение снова захватит её при таких ошеломительных воспоминаниях! Ханна точно убедилась в этом когда Гюнтер скомкано попрощался с ней, причём, его голос был явно не таким как обычно..

Позвав Клару и велев ей связаться с гауляйтером Альфредом Мейером, она попросила его о содействии и получила ответ что, в случае нужды, он готов будет помочь некоему офицеру СС. Вернувшись в кабинет, Ханна уселась за свой стол и поняла что рабочее настроение снова с ней. Разговор с Гюнтером оказался именно тем что ей требовалось чтобы вернуть себе душевное спокойствие. А уж мысль о том что теперь этот порочный мальчишка у неё в долгу... Что бы такое придумать? В голове носилось множество разных идей, от вполне невинных до абсолютно развратных, от которых упал бы в обморок любой священник на исповеди... Впрочем, времени навалом чтобы всё это обдумать, а пока нужно работать! И Ханна погрузилась в бумаги, так и не сумев согнать с лица довольную улыбку..

Берлин.

То же время.

Усадьба баронессы фон Мантойфель.

— И что мы теперь планируем делать? — спросила Ребекка, внимательно глядя на неё.

Они, как и много раз до этого, сидели в рабочем кабинете баронессы. Сама Мария работала с документами а её подруга удобно устроилась в кресле напротив. Было уже позднее утро но лёгкие круги под глазами баронессы показывали той что она плохо спала ночью. И, судя по понимающему взгляду графини, та знала причину..

— Ты о чём? — осведомилась Мария, изучая ведомость. Она пыталась сосредоточиться но Ребекка, с её дотошностью и непоседливостью, то и дело отвлекала её.

— Да всё о том же! — всплеснула руками подруга. — Мы с тобой вместе были на вокзале вчера утром. И обе видели это! Надеюсь, ты не собираешься оставить всё как есть?

Мария вздохнула и отложила ведомость. Она знала Ребекку с самого детства и

понимала что не сможет нормально заняться документами пока та будет отвлекать её. Что ж, значит, надо поговорить и успокоить подругу..

— Ребекка, хватит ходить вокруг. Я не медиум и не знаю о чём ты думаешь, дорогая... Скажи прямо.

— Хорошо, скажу! — решительно произнесла женщина и, встав с кресла, начала прохаживаться по кабинету. — У мужчины, к которому ты явно равнодушна, вдруг обнаружилось множество других подружек, которые претендуют на него. Так вот, я хочу спросить тебя, Мария... Ты, наконец, собираешься сделать хоть что-то или же трусливо отойдёшь в сторонку, сказав что он тебе не особенно и нужен?

Баронесса молчала и смотрела на неё. Сегодня подруга была в красивом, цветочном платье чуть ниже колен, подол которого развевался когда та ходила туда-сюда. Умело покрашенная и причёсанная, она сцепила руки и внимательно вглядывалась в Марию, словно пытаясь понять все её тайные мысли.

Тем не менее, её вопрос бил точно в цель. Что же ей делать, после того как она узнала о стольких соперницах своего мужчины? Гордо отойти в сторону и сказать "Забирайте на здоровье"? Сердце туг же кольнуло показав ей своё отношение к такому варианту. Отдать ЕГО посторонней женщине? Чтобы она а не Мария лежала ночами на его плече? Чтобы чувствовала как бьётся его сильное и родное сердце и его губы шептали той что она самая лучшая? А что же сама Мария? Снова холодные, одинокие ночи? Опять гордая аристократка для всех а наедине плачущая, несчастная женщина сгорающая от любви и горя? Не слишком ли большая цена для этой гордости?! Почему другая а не она должна получить Гюнтера?

Да, Мария уже не молода, чтобы конкурировать в свежести с ровесницами её дочерей. Но что из этого? Почему она должна уступить дорогу другой? Мария тоже женщина и хочет своего, женского счастья! Хочет разговаривать с ним, глядя в глаза, кататься в машине, тесно прижавшись к его мужественному телу, получать от него цветы в подарок... И, конечно, ночами чувствовать как его стальной орган врывается внутрь неё, принося ей давно забытые ощущения невообразимого удовольствия, от которого хочется взлететь к небесам. А потом просыпаться по утрам, ощущая внутри себя полное спокойствие и радость проживания каждого мгновения.

В конце концов, эти молодые девчонки могут найти себе другого парня, возраст им позволяет. А вот ей уже осталось немного до того критичного момента когда никакая косметика не поможет скрыть признаки старости. В конце концов, она богата и влиятельна, с ней Гюнтеру не придётся беспокоиться о жизненных проблемах... Хотя, это явно не про него. Ему нравится она сама а не её деньги или связи. История с подаренным автомобилем этому подтверждение.

Баронесса невольно улыбнулась, вспомнив эту сцену.

Как он тогда покраснел... Как извинялся за свои непродуманные слова... Впрочем, она сама тогда слишком резко с ним говорила, накатило что-то грубое. Да и ни разу он не пытался воспользоваться ею как чековой книжкой. Но, главное, это их спасение при пожаре... Нет, глупо даже думать о том что ему нужны её богатства. А уж какая была тогда ночь, когда этот нахал осмелился прийти к ней в спальню и соблазнить!

Вспомнив о том как она утром проснулась крепко сжимая его член, и ошарашенное лицо подруги, Мария почувствовала как начала краснеть. Ребекка тут же это увидела и, давно зная её, спросила:

— Дорогая, о чём ты только что подумала? Ну-ка, признавайся!

Смущённая баронесса лишь махнула рукой, ощущая как горит лицо:

— Ни о чём... Так что ты там спросила? — попыталась она сменить тему.

— Я спросила — ты собираешься что-нибудь предпринять чтобы отводить от Гюнтера этих куриц? По-моему, они ему совершенно не подходят! — экспрессивно говорила подруга, вынуждая Марию переключиться с рабочих дел на личные.

— Я не знаю, Ребекка... — снова вздохнула она. — Ты же сама видела что он был с ними нежен. Значит, они ему нравятся..

— И что из этого? — возразила та, сверкая глазами от возмущения. — Значит, ты хочешь отдать им его? Не могу поверить что ты так легко хочешь упустить своё счастье! И потом, сама знаешь, Гюнтер молодой, красивый... в общем, идеал мужчины и, конечно, вокруг него полно всяких хищниц, готовых испробовать на нём свои чары. Он джентльмен и не может грубо их отвергнуть. И вообще, я считаю что любой мужчина слаб перед красивыми женщинами, а на вокзале, как не хотелось бы мне признавать, но они все были довольно симпатичны... К сожалению!

— Этому я не удивлена... — ответила баронесса, печально улыбаясь. — Гюнтер, если захочет, обворочит любую..

— Возможно... — согласилась подруга. — Но это не значит что надо опускать руки! Ты наголову красивее и лучше их всех и когда он вернётся то поймёт это! А пока мы должны сделать всё чтобы отдалить их от него!

— Мы? — переспросила Мария, насмешливо глядя на Ребекку. — Ты хочешь мне помочь в этом?

— Конечно, хочу! — с жаром ответила та. — Я же твоя лучшая подруга и не могу оставить тебя одну против стольких соперниц!

— Только поэтому? — спокойно поинтересовалась баронесса, чувствуя как её губы улыбаются всё шире. — Может ещё почему?

Ребекка заколебалась, слегка покраснела и гораздо тише добавила:

— Ещё я хочу помочь Гюнтеру сделать правильный выбор... За то что он тогда помог мне в истории с графом.

Мария не отрывала от неё глаз. С недавних пор у неё зародилось подозрение что её подруга тоже начала неровно дышать к Гюнтеру. Скорее всего, потому что тот, в буквальном смысле, спас её и теперь, как романтический рыцарь, невольно вскружил той голову. К сожалению, она только подозревала Ребекку, но твёрдой уверенности не было. Спросить прямо? А почему бы и нет?

— Дорогая, скажи мне, пожалуйста, вот что... — начала Мария, вставая из-за стола и подходя к подруге вплотную. — Только я прошу тебя ответить честно. Обещаю, это никак не отразится на нашей дружбе. Хорошо?

— Конечно, Мария... — ответила графиня, с некоторой опаской смотря на неё. Похоже, она насторожилась и ожидает подвоха?

— Тебе нравится Гюнтер? Как мужчина? — спросила баронесса и впиалась глазами в лицо подруги. Та покраснела ещё больше, глаза вильнули в сторону, избегая смотреть на неё а пальцы нервно сплелись между собой.

— Что... Что ты имеешь в виду "как мужчина"? — дрогнувшим голосом ответила она. — Мария, о чём ты говоришь? Давай лучше..

— Ребекка! — не дала ей сменить тему баронесса. — Мы с тобой лучшие подруги с самого детства. Помнишь, ещё тогда мы договорились никогда друг другу не врать? И не

ссориться? Но сейчас я начинаю думать что ты скрываешь от меня кое-что. Пожалуйста, милая моя, скажи мне правду! Я не хочу чтобы ты мне лгала в лицо!

Графиня молчала, кусая губы. Наконец, когда Мария уже начала терять надежду, она тихо прошептала:

— Да... нравится... Прости меня..

У баронессы как камень с души упал и, одновременно, в сердце появилась печаль. Значит, это правда? Её верная подруга тоже пала жертвой мужского обаяния Гюнтера. Нет, она не винила её... Устоять против него одинокой женщине, жаждущей любви, очень трудно. А уж после того как он избавил её от изнасилования... Шансов, честно сказать, было мало. Но что теперь делать? Ей и Ребекке?

Она взяла графиню за руку и почувствовала как та дрожит. Не выдержав, Мария обняла подругу и прижала к себе, нежно погладив по голове.

— Моя бедная Ребекка... — тихо сказала она.

— Прости... — всхлипнула та, крепко обнимая её. — Я сама не знаю как так случилось... Мы и общались-то совсем немного, но... Он уже несколько раз мне снился и мысли часто на него соскакивают. Что мне делать, Мария? Скажи! — подняла она голову чтобы посмотреть баронессе в глаза. На щеках графини блестели слёзы. — Я знаю что это неправильно, вы любите друг друга, ты моя подруга... Но я ничего не могу с собой поделать, понимаешь? Пыталась бороться с этим но меня хватило совсем ненадолго... Ты теперь презираешь меня?

— Что ты, милая? — удивилась Мария, вытирая слёзы с её глаз. — Вовсе нет! Поверь мне, я отлично тебя понимаю! Я же тоже пыталась сопротивляться этому чувству, помнишь? И ты сама меня убеждала что надо отпустить себя. Вот и отпустила... — тяжело вздохнула баронесса.

— Тогда что нам теперь делать? — задала вопрос подруга, вместе с ней садясь на диван. — Я просто не знаю... у меня в первый раз такая ситуация.

— Предлагаю подождать его возвращения! — сказала Мария, продолжая успокаивать графиню. — А когда он вернётся то мы все поговорим и... и решим что делать. Хорошо?

Ребекка молча кивнула.

Несколько минут они сидели обнявшись пока окончательно не успокоились. Мария, решив сменить тему, нарушила молчание:

— Так что ты предлагаешь насчёт наших... хм, соперниц? — улыбнулась она, слегка потормошив подругу. Та встрепенулась, сбрасывая с себя оцепенение, и на глазах снова превратилась во взрослую женщину, готовую ко всем жизненным перипетиям. Заплаканная девочка-подросток бесследно исчезла.

— Прежде всего я хочу узнать о них всё что можно! — заявила та. — Как их зовут, кто они, и их настоящее отношение к нему. А потом уже будет ясно что можно сделать.

Мария подумала и согласилась:

— Да, верно... Надо же нам знать кто хочет отнять нашего Гюнтера? — со смехом спросила она — У меня есть один знакомый в гестапо, я попрошу его узнать о них подробнее.

Ребекка улыбнулась и внезапно накинулась на неё, щекоча подмышками. Похоже, девочка-подросток снова вернулась... От неожиданности, Мария взвизгнула и, забыв свою аристократичную маску, вскочила и побежала за хохочущей подругой, которая обогнула стол чтобы спрятаться от неё.

— Ах ты, зараза! Ты же знаешь что я боюсь щекотки! — крикнула баронесса, прикидывая как бы добраться до этой несносной особы, которая в свои почти сорок ведёт себя как школьница.

— Конечно, знаю! — ответила та, бдительно следя за ней. — Поэтому и защекотала!

— А ещё подруга, называется! — пожаловалась баронесса, забыв про кипу документов, ожидающих её внимания. — Ну, держись у меня! — и рванулась в обход..

Все печальные и грустные мысли бесследно исчезли, оставив вместо себя лишь смех и весёлое настроение, что и требовалось обеим.

Берлин.

2 мая 1940 года. День.

Аннелиза Хаммерштайн (бывшая Бломфельд).

Вместе с Катариной они, под ручку, неторопливо прогуливались по парку Тиргартен, наслаждаясь прекрасным, солнечным днём. Деревья и кусты бурно зеленели, придавая воздуху насыщенный аромат, которым хотелось дышать каждое мгновение. Лёгкий ветерок нежно ласкал лицо, руки и ноги под тонким платьем, иногда шаловливо пытаясь задрать подол. Её сын Роланд не захотел идти в парк, решив остаться дома, играя в игрушки.

— Ну вот, милая, мы теперь, как бы, его жёны... — усмехнулась Катарина, кинув на неё взгляд. — Как ты себя чувствуешь в таком качестве?

Аннелиза весело улыбнулась:

— Уж точно получше чем когда была официально замужем за Мартином! Ощущения совсем другие! Нет, ты не думай, я всё понимаю... с точки зрения общества мы с тобой сейчас просто... просто его любовницы... — нашла она наиболее подходящее слово. — Но меня, почему-то, это никак не огорчает. Странно, правда?

— Да нет... — пожала плечами её подруга. — Наверное, потому что главное — быть рядом с любимым человеком. А есть отметка в паспорте или нет это уже вторично. Ты же отлично знаешь, что штамп вовсе не гарантирует тебе любовь... Только привилегию носить кольцо на пальце, вызывая зависть тех у кого его нет. Вот и всё.

— Ты права! — согласилась Аннелиза, поглядывая по сторонам. — Но, знаешь что... я нисколько не ревную к тебе. Хотя, по идее, должна же, верно?

— Я думала над этим... — подхватила Катарина. — Меня это удивило, ведь я тоже не чувствую в тебе соперницу. Наверное, потому что мы с тобой не две хищницы, которые готовы рвать добычу друг у друга, а... хм... скорее, две равные половинки одного целого... Нет, не так... — поправила она, с досадой тряхнув головой. — Вот представь... Ты же знаешь как выглядит знак автомобиля "Мерседес"?

— Конечно, знаю... — удивлённо пожала плечами Аннелиза, гадая такому странному повороту разговора. — Но при чём тут это?

— А при том! — пояснила подруга. — Там три луча на равном расстоянии друг от друга. И вот это мы и есть, понимаешь? Я, ты и Гюнтер... Три части одного целого!

Аннелиза удивилась и даже остановилась от такого сравнения Катарини. Но внезапно поняла её мысль. А ведь верно! Если смотреть с такого ракурса то всё сходится! Какая, всё-таки, она умница!

— Ты права, Катарина! — рассмеялась она, снова двинувшись по дорожке. — Хотя сравнение ты выбрала весьма своеобразное..

— Что первое в голову пришло то и сказала! — расхохоталась в ответ подруга. — Зато теперь понятнее стало почему мы не ревнуем друг к дружке. И это мне нравится... Я бы очень не хотела терять такую подругу как ты, Аннелиза. Даже из-за Гюнтера.

— Ты прямо прочитала мои мысли! — воскликнула женщина, шутливо хлопнув её по плечу. — Хорошая подруга дороже золота!

— Это точно! Полностью согласна, дорогая! — ответила Катарина. — А уж как радовался Роланд..

— Да, теперь он считает Гюнтера папой... Мне немного непривычно от этого но одновременно, я радуюсь за него... Уверена, отец из Гюнтера выйдет замечательный! — размечталась Аннелиза, вспоминая последнее свидание с ним.

— Очень надеюсь что с ним всё будет в порядке и он вернётся к нам! — уже без улыбки сказала Катарина, тем самым вернув Аннелизу с небес на землю.

— Я тоже беспокоюсь за него... — призналась она. — Но Гюнтер был так уверен в себе на вокзале... Словно знал что всё обойдётся. Как только он напишет нам свой адрес то сразу отправим ему письмо.

— Само собой! Это обязательно! — поддержала Катарина и вдруг резко сменила тему: — Я и подумать не могла что его придёт проводить столько разных... дамочек. Непостижимо, откуда они все взялись?

— Да, я тоже заметила! — вздохнула Аннелиза, поворачивая к выходу из парка. — Причём, одну из них я знаю... Это баронесса фон Мантойфель, она была нашей соседкой по дому, ещё до пожара. Правда, мы с ней почти не виделись..

— Это та важная особа в красивом, модном платье? — спросила подруга, слегка наморщив брови. — С ней, вроде бы, была ещё одна женщина и три молодые девушки?

— Да, это она и три её дочери... — подтвердила женщина. — Он спас их до того как вернулся за мной. Теперь, они, видимо, общаются иногда..

— Если у них к Гюнтеру не праздный интерес то дело плохо... — озабоченно сказала Катарина. — Я смотрела на них и, кажется, эта баронесса явно заинтересовалась им.

— Будем надеяться что ты ошибаешься, Катарина! — ответила Аннелиза, пытаясь отбросить неясные подозрения. — Впрочем, там и других хватало.

— Ты права, их слишком много. Надо что-то делать! — решила подруга, категорично глядя на неё.

— И что именно? — возрилась Аннелиза, с любопытством.

— Пока не знаю... — призналась Катарина, досадливо махнув рукой. — Но, определённо, оставить всё так нельзя!

— Как только надумаешь, сразу скажи! — попросила женщина, уже выходя из парка и направляясь к машине. — Потому что мне ничего в голову не приходит..

— Обещаю, дорогая! Это в наших с тобой интересах... А теперь поедem домой, я проголодалась на свежем воздухе!..

Берлин.

2 мая 1940 года.

Адольф Гитлер.

Фюрер сидел в своём любимом кресле и смотрел на человека стоявшего перед ним по стойке "смирно". Стальной взгляд, крепкая фигура и мужественное лицо, которое портит

длинный шрам на левой щеке. На данный момент ему был 31 год. Австриец с польскими корнями, получил "украшение" на лице участвуя во множестве дуэлей в 20-х годах. Проявил свои лидерские качества ещё в 1934 году когда, будучи в составе 89-го штандарта СС, участвовал в Венском путче. Через 4 года, во время аншлюса, арестовал президента Микласа и канцлера Шушнига. В том же, 1938 году, не растерялся и хорошо поправил своё материальное положение в ходе "Хрустальной ночи", приобретя роскошную виллу. Прежний хозяин, богатый еврей, бесследно исчез.

Как только началась война он попытался поступить в "Люфтваффе" но не смог из-за возраста. Впрочем, это его не огорчило и человек со шрамом примерил на себя чёрную форму СС. Недолго побыл в запасном батальоне "Лейбштандарта", потом был переведён в "Дивизию усиления СС" которую, в скором времени, планировали слить с некоторыми частями "Мёртвой головы" и развернуть в дивизию СС "Рейх".

На этого человека Шольке просил обратить особое внимание, указав что его авантюризм и склонность к нестандартным действиям в специальных операциях может принести большую пользу Германии. По словам оберштурмфюрера в той реальности на его счету множество операций, удачных и не очень.

— Отто Скорцени... — задумчиво произнёс Гитлер, отодвинув от себя личное дело офицера СС. — Хладнокровен, честолюбив, склонен к риску, давний соратник нашей партии... Это всё про вас?

— Так точно, мой фюрер! — лязгнул эсэсовец, глядя над головой Гитлера. И замолчал, даже не моргнув. Словно статуя у которой двигаются только губы. Полное самообладание и отсутствие страха. Такой далеко пойдёт если его правильно направлять. И если тот оправдает надежды фюрера то его ждёт блестящая карьера.

— Мне нужен человек для особых тайных операций, который будет подчиняться мне напрямую. Или же тому кого я лично укажу... — начал он вводить Скорцени в курс дела. — Человек, что сможет найти и выкрасть Сталина, Черчилля или Рейно, если понадобится. Или убить их.

— Это я, мой фюрер! — снова захохотал эсэсовец. Теперь он опустил взгляд и смотрел прямо на Гитлера, как верный пёс на своего хозяина.

— Меня не интересуют способы с помощью которых вы выполните то что я хочу. Если для этого потребуется сжечь дотла деревню или повесить обитателей монастыря вас должно волновать только сколько нужно канистр бензина или какую верёвку использовать чтобы она выдержала. Вам понятно? — требовательно спросил фюрер, сузив глаза.

— Так и будет, мой фюрер! — согласился великан, не отрывая от него взгляда.

— Я планирую сделать из вас самого лучшего диверсанта Рейха, Скорцени. Того, для которого нет слова "невозможно". Вся Германия станет славить вас, если вы сделаете всё как надо. Мальчишки из "Гитлерюгенда" будут мечтать служить под вашим началом. Но для этого вы должны будете забыть про стыд, мораль, совесть и сострадание! — продолжал Гитлер.

Он хотел встать из-за стола и подойти к нему но передумал. Этот Отто, как и все его личные охранники, имел рост почти два метра и задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо, фюрер не хотел. Та же проблема была и с этим Шольке, тот тоже возвышался над Гитлером и тому приходилось быть на некотором расстоянии чтобы нормально разговаривать с ним.

— Я не знаю этих слов, мой фюрер! — опять лязгнули танковые траки в голосе

Скорцени.

— Что вы сделаете, получив от меня приказ убить сотню детей? — внезапно спросил Гитлер.

— Я спрошу где и каким способом это сделать, мой фюрер! — тут же ответил эсэсовец.

Отличный экземпляр, восхитился Гитлер. Никаких эмоций или сомнений, получит приказ и сделает всё чтобы его выполнить, невзирая ни на какие жертвы. Вот у кого бы стоило поучиться некоторым генералам, которые предпочитают воевать в белых перчатках! Война — грязное дело! Уж ему ли это не знать, участнику Великой войны? И те кто хочет остаться чистенькими долго не живут.

— Хорошо, Скорцени! Я дам вам шанс отличиться и показать себя. Возможно, уже совсем скоро. Но это будет только один шанс, запомните! И если вы его не оправдаете то винить сможете только себя! — предостерёг его Гитлер.

— Я его оправдаю, мой фюрер! — твёрдо заверил его Отто.

— Надеюсь на это... — кивнул он, удовлетворённо подумав что этот человек явно ему подходит по взглядам и убеждениям. — Вы направляетесь на новое место службы — в учебный полк особого назначения "Бранденбург-800" под командование гауптмана Теодора фон Хиппеля. Он расположен в городе Бранденбург, недалеко от Берлина. Там вы пройдёте специальную подготовку под руководством опытных инструкторов. Обучитесь всему что нужно настоящему диверсанту. И как только овладеете всеми премудростями я вас заберу для особых акций. Есть какие-нибудь вопросы, Скорцени? — спросил Гитлер, любуясь своим безжалостным личным псом.

Сначала он досадливо поморщился, зная что инициатором создания "Бранденбурга" был абвер и его бывший начальник, адмирал Канарис, но потом его лицо снова разгладилось, когда Гитлер вспомнил какой смертью подох этот проклятый предатель. По личному приказу фюрера тот был повешен на рояльной струне. Гитлеру очень понравился способ казни заговорщиков из той реальности, про которую рассказал Шольке ещё в самую первую их встречу. С тех пор он решил что все изменники, которые будут пытаться злоумышлять против него, станут подвергаться именно этой процедуре. Обычный расстрел для таких грязных скотов был слишком быстрой и безболезненной смертью.

— Никаких, мой фюрер! Мне всё ясно! — громыхнул эсэсовец, вытягиваясь ещё сильнее.

— Что ж, буду ждать ваших успехов, Отто! — встал Гитлер с кресла чтобы пожать ему руку. Ладонь Скорцени была широкой и сильной, как раз чтобы держать рукоять оружия... или душить врагов.

— Разрешите идти, мой фюрер? — спросил он, снова уставившись куда-то поверх головы Гитлера.

— Конечно, идите... — и когда тот уже дошёл до двери, фюрер сказал ему вслед: — Знаете, какой девиз вашего нового подразделения? "Когда речь идёт о спасении немецкой крови, оправдано любое средство!" Понимаете? Абсолютно любое! Запомните это, Скорцени!

— Я буду помнить эти слова до конца жизни, мой фюрер! — без тени сомнений ответил обернувшийся к нему будущий диверсант.

— Правильно, так и должен отвечать настоящий немецкий патриот! — согласился Гитлер и махнул рукой, отпуская его. — А теперь идите!

И когда тяжёлые шаги его личного боевого пса затихли в коридоре фюрер с гордостью

подумал что с таким как этот Отто он перевернёт весь мир! Даже если этот мир будет против!

Москва.

2 мая 1940 года. Вечер.

Александр Самсонов.

— Таня, вовсе не обязательно поддерживать меня! Я и сам могу ходить! — немного раздражённо заявил Саша, когда та, в очередной раз, попыталась помочь ему.

— Извините, товарищ младший лейтенант государственной безопасности... — смущённо ответила девушка и отступила назад. — Я просто хотела помочь.

— Понимаю! — ответил он и устало вздохнул. — Но, поверьте, я уже достаточно крепок чтобы держаться на ногах без посторонней помощи. Поэтому не надо обращаться со мной как с ребёнком, который только встал на ноги. И вообще, давайте лучше посидим на скамейке..

Медсестра только кивнула и вместе с ним подошла к одной из них, стоявшей в небольшом зелёном закутке, недалеко от корпуса больницы. Когда Александр уселся, та устроилась рядом, сложив руки на коленях. Он мельком взглянул на неё и отвёл глаза.

...Девушка пришла к нему после ужина, в районе восьми часов чтобы, по распоряжению Наринэ, прогуляться с ним. Конечно, он предпочёл бы её саму но та, видимо, не была сторонницей романов на рабочем месте и вместо себя прислала эту вот... Танечку. Нет, Саша вовсе не был зол на медсестру, ведь она же не виновата в его расстройстве, это просто её работа. Но... осадок всё равно остался.

Сама Таня представляла собой довольно плотную девушку у которой, по его мнению, был только один, более-менее, плюс во внешности — большая грудь. К сожалению, всё остальное тоже было немаленькое. Круглое лицо с носом-картошкой, широкие бёдра, угадывающиеся под белым халатом, крупные руки... в общем, как говаривал один из друзей из будущего, "настоящая колхозница".

Александр был уверен что та хороший специалист да и сама по себе человек такой же... к тому же она не виновата что у неё такая внешность. Но, блин, какой же контраст с той же Наринэ! Да взять ту же Катю, чтоб её! Такая Танечка была бы настоящим подарком для тех кто предпочитает философию "Хорошего человека должно быть много!" или "Чтоб было за что взяться!", но сам Саша предпочитал стройных красавиц, наподобие той же Кати... или Наринэ. Вот они же следят за собой, ухаживают за телом... смотреть любо-дорого! А эта?..

От таких грустных мыслей пропадало всякое удовольствие от весеннего, тёплого вечера, напоенного ароматом расцветающей зелени. Вроде птички поют, всё хорошо... ан нет, чего-то не хватает.

— Танька! Ты что там расселась?! Быстрее пошли за мной, тебя там Андрей Сергеевич ищет! — закричал высокий санитар, внезапно появившись на пороге корпуса.

Девушка растерянно вскочила, дёрнулась на зов и заколебалась:

— Но... Товарищ младший..

— Всё хорошо, Таня, идите! — успокоил её Александр, махнув рукой. — Посидеть на скамейке я и сам могу. Ваша помощь в этом деле мне точно не нужна.

— Спасибо! Я быстро, товарищ младший лейтенант!.. Только не уходите без меня... — уже убегая, проговорила медсестра и убежала в корпус вместе с санитаром, сердито что-то

выговаривающим ей.

Наконец, он остался один и его настроение, почему-то, сразу улучшилось. Саша закрыл глаза, откинулся на спинку скамейки и погрузился в "нирвану". По его подсчёту прошло минут пять прежде чем его слух уловил неподалёку знакомый голос Наринэ. Открыв глаза он осмотрелся и, поверх кустов, увидел как врач вышла из-за угла.

Быстрым шагом, отчего её туфли звонко цокали по асфальту, та стремительно шла в сторону одной из скамеек, которая стояла по другую сторону высоких кустов, отделявших её от Александра. Женщина была явно расстроена, скорее, даже разозлена. И причину этого состояния Саша понял мгновенно.

За ней, буквально в паре шагов, широко шёл неизвестный командир. Две "шпалы" в петлицах... Насколько он помнил знаки различия РККА, за Наринэ шагал майор... точнее, интендант 2-го ранга. Тыловик, что ли? Довольное... точнее, самодовольное лицо, худая фигура, высокий рост. Габардиновая гимнастёрка, начищенные сапоги, блестящий козырёк фуражки... С первого взгляда Александр понял что этот тип явно из тех кто считает себя намного выше других, а своё мнение единственно верным. В своё время Саша повидал таких как он и ему даже посчастливилось несколько раз сбить с них "корону", когда те слишком явно пытались показать своё превосходство. Он считал что высокая должность, большая зарплата и хорошие связи вовсе не являются поводом к тому чтобы вести себя нагло и вызывающе. И если была подходящая возможность, с удовольствием показывал таким как этот тип, что все эти "плюшки" ни разу не гарантируют им физическую безопасность. Если ты занимаешь важную должность, имеешь в друзьях сильных города сего или у тебя денег куры не клюют то не надо этим козырять, считал Саша. По крайней мере, по отношению к нему. Иначе может оказаться что твои представления о безопасности и своей важности для мира не имеют под собой реальных оснований..

Только этого хватило чтобы Александр проникся к неизвестному командиру неприязнью. Но увидев как тот попытался схватить врача за руку, почувствовал что в груди поднимается знакомая злость. Так захотелось вмазать этому гаду! Чтобы тот получил хороший осветительный прибор на половину лица!.. Хватать за руку такую красивую женщину?

Тем временем, Наринэ дошла до скамейки и уселась на неё, не заметив что за кустами сидит Александр. Тот не отставал и примостился рядом с ней. Теперь Саша видел только верхнюю часть их голов, зато отлично слышал разговор.

— Товарищ интендант 2-го ранга, я вам в который раз говорю! Хватит ходить за мной! Я уже всё сказала по поводу вашего "щедрого" предложения! — выделила врач это слово. — И если вы надеетесь что я его изменю то ошибаетесь! Этого не будет!

Командир, судя по звуку, вздохнул:

— Наринэ, видимо, вы не понимаете всей серьёзности ситуации..

— Нет, это вы меня не понимаете! — перебила его женщина. — Я не собираюсь с вами прогуливаться, встречаться, ходить в ресторан или что ещё вы там предлагали! Мне это не интересно и не нужно! Вопрос закрыт!

— Вот тут вы ошибаетесь, моя прекрасная Наринэ! — возразил командир и в его голосе Саша отчётливо слышал раздражение. — Вопрос не только не закрыт, наоборот, он вполне актуален! Я не хотел доводить до этого но вы не оставили мне выбора..

— Что вы имеете в виду? — насторожилась женщина. Александр буквально чувствовал как она впиалась взглядом в своего собеседника.

— Дело в вашем брате, Карене. Вы же знаете что с ним случилось? — торжествующе спросил неизвестный наглец.

— Да... — растерялась врач. — Его недавно арестовали... Но я уверена, это просто ошибка! Наши органы разберутся и выпустят брата. Я точно знаю что он не виноват в том в чём его обвиняют! Его оговорили!

— Не знаю-не знаю... — с сомнением протянул интендант РККА. — Суть в том что у меня тоже есть брат, Василий. И он работает в этих самых органах. Так вот, дело вашего брата попало к нему. И теперь его судьба находится в руках Василия... Возможно, вы правы и ваш брат ни в чём не виноват..

— Так и есть! — перебила его Наринэ.

—..Но!.. Мой брат может решить иначе, понимаете? — вкрадчиво сказал тыловик. Судя по звуку, тот придвинулся к женщине вплотную.

— Что значит "иначе"? — резко сказала врач. — Если ваш брат справедливый и компетентный следователь то он разберётся в деле и отпустит Карена!

— Вы упорно не хотите понимать меня, Наринэ... — огорчённо вздохнул тот. — Хорошо, скажу прямо! Я могу попросить своего брата отнестись к вашему Карену с пониманием. И тогда его, скорее всего, отпустят. Но что вы, именно вы, Наринэ, можете сделать чтобы убедить меня поговорить с Васькой?

— Я? — удивилась женщина. — А что вы хотите чтобы я... — она замолчала и Саша почувствовал напряжение, сгустившееся на соседней скамейке. — То есть, вы хотите чтобы взамен на это я сходила с вами в кино или прогуляться? — наконец, сообразила Наринэ.

— Нет, моя милая... — радостно сказал интендант. — Мне этого мало. Я хочу чтобы вы не только прогулялись со мной но и пригласили к себе... с ночёвкой. Мне известно что вы живёте одна, так что..

— Да как вы смеете предлагать мне такое?! — со злостью вскрикнула врач. В следующее мгновение до Александра донёлся смачный звук пощёчины. — Как у вас наглости хватает вести себя подобно грязному шантажисту? Хоть бы постыдились предлагать такое приличной женщине! Вы позорите форму командира Красной армии, и ваше поведение недостойно мужчины! — негодовала Наринэ.

Саша невольно улыбнулся. Как она его!.. Правильно, с такими мразями только так и надо! И ни в коем случае нельзя соглашаться на условия шантажиста, даже если грозят серьёзные последствия. Стоит один раз пойти на поводу и всё... потом уже не выбраться.

— Ах ты, армянская стерва, блядь такая! — рассвирепел обманутый в чувствах мужчина. Его голос дрожал от ярости. — Ты какого хрена выкобениваешься, тварь?! Тебе что, плевать на своего Карена? Я ведь могу Ваську попросить и он там такое ему устроит что не выйдет твой брат никогда, поняла, сучка? Я долго терпел, пытался с тобой по-хорошему но, видно, ты любишь по-плохому... Раздвигай ноги, шлюха! — прорычал он и на скамейке завязалась борьба.

— Убери руки, скотина! На по... — попыталась позвать женщина. Интендант-насильник, пользуясь сгустившимися сумерками и уединением скамейки, успел заткнуть ей рот и та могла лишь мычать, пытаясь вырваться.

От такого финала разговора Александр вскочил и сжал кулаки от ярости. В памяти мгновенно возник тот трагический момент из-за которого они с Гюнтером оказались тут. Правда, там была красавица-немка а тут очаровательная армянка... Хотя сейчас она тоже своя, потому что советская. В любом случае, Саша не собирался смотреть как его врача,

более того, женщину, которая ему нравится, станет насилловать какой-то охеревший от вседозволенности ублюдок в форме. И если он думает что его брат-чекист защитит его... Что ж, иногда приятно развеивать чужие иллюзии и сбить с такого корону... В очередной раз.

Не обращая внимания на лёгкую боль в ноге, он быстро обошёл кусты и оказался на месте. Одного взгляда на открывшуюся картину ему хватило чтобы сжать зубы и с трудом сдержаться чтобы не убить этого урода.

Наринэ лежала на спине, с задранном халатом и платьем под ним. Из распахнутого на груди ворота торчала пухлая левая грудь с тёмным соском. Одной рукой насильник зажимал ей рот а другой, несмотря на сопротивление, хаотично шарил у неё между ног, одновременно пытаясь расстегнуть свои галифе. Врач двумя руками вцепилась в его руку и пока сдерживала его порыв.

От его внезапного появления все замерли. Урод прекратил копошиться у Наринэ между ног и поднял голову с мутными от желания глазами, пытаясь понять что случилось. Женщина же, после секундного замешательства, торопливо запахнула грудь и попыталась вылезти из-под него но не смогла.

Зловеще улыбнувшись, Александр шагнул и с удовольствием познакомил свой кулак с лицом командира РККА. Кулаку понравилось а вот роже интенданта, похоже, не очень... Того снесло с женщины и он покатился по земле пару метров, пачкая в пыли свою щегольскую форму. И пока несостоявшийся насильник приходил в себя, Саша шагнул и осторожно поднял всхлипывающую женщину. Та всё ещё была в шоке и не могла ничего сказать. Халат был помят, волосы растрёпаны, помада на губах размазана... Словом, на его взгляд, ей явно нужно было привести себя в порядок.

— Наринэ... Наринэ! Вы слышите меня? — сказал он, глядя её по голове и смотря в испуганные чёрные глаза. Тело армянки мелко дрожало но, похоже, стрессоустойчивость медработника помогла ей постепенно прийти в себя. Она зафиксировала на нём взгляд и медленно кивнула.

— Всё хорошо! Всё уже закончилось, успокойтесь... — медленно и монотонно начал ей говорить Александр. — Вам больше ничего не угрожает, сейчас вы должны уйти отсюда и привести себя в порядок. Прямо сейчас, слышите? Кивните!

Та снова кивнула, уже более осмысленно.

— Всё, идите! — мягко подтолкнул он Наринэ в сторону больничного корпуса.

— Я... Он... — попыталась она что-то сказать но язык ещё не вполне подчинился женщине.

— Здесь я сам разберусь, можете мне поверить... — успокаивающе сказал он. — А вас ждёт обход, пациенты... в общем, сами понимаете... Идите же!

Всё ещё мелко дрожа, врач бросила ненавистный взгляд на тыловику... и плюнула в его сторону, что-то сказав по-армянски. Потом повернулась, запахнула халат посильнее и, слегка покачиваясь, направилась в больницу.

Проводив её взглядом Саша повернулся, подошёл к шантажисту, присел перед ним и негромко сказал:

— А теперь мы с тобой побеседуем, НЕ товарищ командир..

Москва.

2 мая 1940 года. Вечер.

Александр Самсонов.

...Интендант попытался встать и это у него получилось, хоть и с трудом. Утвердившись на ногах, он сплюнул сгусток крови из разбитой губы и угрожающе прохрипел:

— Ты кто такой, мать твою? — его взгляд соскользнул с лица Александра и прошёлся по его петлицам. Похоже, заметил и нарукавные шевроны, т. к. заревел от ярости: — Младший лейтенант ГБ? Ты что, сука, охренел?! Ударил старшего по званию?! Я же тебя..

Что именно хотел с ним сделать обнаглевший тыловик, не испугавшийся сотрудника "НКВД", Саша так и не узнал потому что в этот момент его кулак мгновенно врезался в живот оппонента и выбил из него весь воздух. Тот согнулся и открыл рот, не в состоянии сказать ни слова. Александр отлично знал какие ощущения в это время испытывает армеец так как сам неоднократно получал такие удары в детстве. Надо сказать, очень неприятные были чувства..

Саша вздохнул. Похоже, самомнение этого уroda было настолько раздутым что пары ударов для его приведения в норму будет маловато. Что ж, если надо, он готов повторить урок. Причём, с удовольствием.

— Знаю, что ты сейчас говорить не можешь поэтому просто послушай. Начну по порядку. Во-первых, не просто младший лейтенант а младший лейтенант госбезопасности. Наверное, в темноте ты плохо разглядел? Понимаю, бывает и такое... Конечно, даже пересчитывая на армейские звания я всё равно ниже тебя но можешь мне поверить, гнида... Будь ты полковником или даже генералом, я сделал бы то же самое, веришь? — спокойно говорил Александр, понемногу успокаиваясь.

— Во-вторых, похоже, ты не понимаешь что только что сейчас пытался сделать. Хотел изнасиловать женщину, которая бы в жизни тебе не дала. Более того, ты ещё пытался её шантажировать чтобы залезть к ней под юбку.. — Саша покачал головой, удивляясь откуда берутся такие идиоты думающие что у них всегда всё прокатит? — Такие действия уголовно наказуемы, причём сразу по нескольким статьям, гадёньш! Но ты, наверное, решил что можешь себе это позволить, потому что у тебя есть брат Васька, который работает во всемогущих органах и сможет прикрыть тебя, если что? Так вот что я тебе скажу, тупица..

Он толкнул кашляющего командира на скамейку и тот повалился на неё как мешок. Александр сел рядом с ним и продолжил:

— Не сможет он прикрыть тебя потому что будет очень занят спасая свою собственную шкуру от обвинения в подлоге документов и превышения служебных полномочий. Вот сам подумай, будет ли ему дело до брата-кретина который решил воспользоваться им как своим щитом и подставил его, запятнав своим позором форму доблестной Рабоче-Крестьянской Красной армии? Очень сомневаюсь..

Насильник постепенно приходил в себя и бросал на него злобные взгляды. Но сделать что-то пока не пытался, видимо, понимая что сила не на его стороне. Надеялся на брата? Что ж, пусть попробует. Саша был уверен что узнай "Михаил Алексеевич" об этой истории, а он узнает если у него будут неприятности, то шишки упадут на головы именно этих двух

братьев-акробатов а не на него. Да, он ударил старшего по званию, но так сказать, в состоянии аффекта. Бывает... Зато спас женщину от изнасилования. Александр надеялся что здесь к этому относятся правильнее чем в далёком будущем, где можно вполне схлопотать неприятности за превышение самообороны если вдруг жертва ударит грабителя сильнее чем нужно.

— И ещё запомни, дурик... За то что я с тобой сделал — мне не будет ничего, понял? Хотя нет... — усмехнулся он. — Может, благодарность объявят перед строем... За то что спас женщину от изнасилования и выявил шантажиста-насильника в рядах Красной армии. Уголовный элемент, маскирующийся под командира. Уверен, твоё начальство будет радо узнать подробности этой истории, верно?

Тот сипло дышал но по-прежнему молчал, иногда поглаживая челюсть. Видимо, хороший у Саши получился удар, что радует... Наверное, ищет способы отомстить? Да плевать, он готов к неприятностям, если они будут! Интересно, настоящий, кадровый командир смог бы так ударить вышестоящего, рискнув своей карьерой и званием? Смотря какой... Александру было легче в этом отношении. Несмотря на форму он не был военным и не испытывал никакого пиетета перед погонами... или петлицами. В данном случае Саша просто ударил мужчину-насильника, а уж какая у него должность или звание, это было вторично.

— Наконец, в-третьих. Запомни, интендант... Наринэ не для тебя! Она слишком хороша для такой скотины как ты! Твой удел — трахать проституток за деньги или нападать в подворотнях. В крайнем случае, запугивать бедняжек которые побоятся сопротивляться. Поэтому, по хорошему говорю — забудь сюда дорогу. Эта женщина находится под негласным присмотром и любой кто захочет причинить ей вред, сильно об этом пожалеет. Тебе очень повезло что другие наблюдатели, мои товарищи, не заметили того что ты хотел с ней сделать. Иначе эту ночь ты уже сидел бы в подвале и рассказывал что работаешь на десять разведок сразу... А своим поступком ты хотел бросить тень на всю Красную армию, чтобы подорвать к ней доверие со стороны советского народа. Она не простая врач, так что больше не лезь к ней... Просто забудь её, если не хочешь лишиться не только звания но и свободы. А может и жизни... Ты всё понял, сволочь, или повторить? — придвинулся к нему Александр и зловеще усмехнулся в лицо. — Кстати, как тебя зовут-то?

Командир молча попытался встать, но Саша резко дёрнул его за форму и тот повалился обратно на скамейку. Зарывав, он взмахнул рукой чтобы ударить его но Александр легко увернулся, захватил его конечность и вывернул. Мужчина вскрикнул от боли:

— Больно, бля!

— Конечно, больно... А ты как думал? — нарочито удивился Саша. — Нападение на сотрудника при исполнении это серьёзно. Ну что, пройдем к моим товарищам для поездки в подвал или дать тебе последний шанс уйти отсюда на своих двоих? Не слышу ответа!! — вдруг рывкнул он прямо в ухо насильнику.

Тот вздрогнул и ответил сквозь зубы:

— Я понял!.. Отпусти!

— Вот скажешь кто ты, тогда отпущу... — пообещал Александр и усилил захват.

— Ааа! — застонал майор, выгибаясь от боли. — Рябоконь я!.. Степан Андреевич!

— Дальше! — потребовал Саша. — Должность?

— Начальник склада в/ч... — с трудом ответил командир, стоя в неудобной позе.

— Так я и думал! — заключил Александр, выпуская интенданта из захвата. —

Охреневший от вседозволенности тыловик, решивший что всё можно купить или запугать... Всё, свободен! — толкнул он его. — Иди отсюда, дебил, бя! Ещё раз увижу тебя возле неё — познакомишься с мрачными тайнами нашего ведомства... Только многие знания — многие печали, запомни!

Потирая руку, тыловик ушёл а Саша остался сидеть, заново переживая ситуацию и оценивая её. В принципе, более-менее, нормально получилось. Главную задачу — спасти Наринэ, он выполнил. Да, сначала поступил на эмоциях, не думая... Зато потом удачно пришла в голову мысль устроить спектакль и запугать уroda, благо что форма "НКВД" помогла. Придумал про негласное наблюдение и внушил тому мысль что врач явно не простая особа. Будем надеяться что этого хватит чтобы тот забыл про неё. А если нет, то... Впрочем, надо решать проблемы по мере их наступления. К тому же, возможно, появится ещё один плюс: расположение Наринэ к нему может увеличиться. Но это пока не факт, всё же он слишком мало её знает.

Александр поднялся и, довольный собой, направился в корпус. Определённо, учебный лагерь идёт ему на пользу... Он стал сильнее, жёстче, причём не только телом но и духом. Понемногу уходила та мягкость и стремление сгладить конфликт, которые были с ним до переноса. Теперь Саша смело принимал вызов и не отступал перед ним. Да, защита той немки перед смертью было его решением но оно было принято спонтанно, тоже на эмоциях. Окажись он один, без Гюнтера, что бы сделал? Хм... хороший вопрос! Без сомнения, вызвал бы полицию, но вот вступил бы он в драку сразу против пятерых, не обладая никаким преимуществом?

Поднявшись в свою палату, Александр улёгся на кровать и снова задумался. Хоть и пробыл он в лагере всего чуть больше недели но уже был результат. По крайней мере, азы рукопашки знакомы, что и было продемонстрировано десять минут назад. Раньше бы это у него не получилось. Значит надо и дальше учиться, учиться и ещё раз учиться! В данном случае, крылатое выражение Ленина как нельзя кстати. Он поймал себя на том что даже начал скучать по лагерю... Немного, совсем чуть-чуть.

Его размышления прервал осторожный стук в дверь. Прежде чем Александр успел ответить, дверь палаты приоткрылась и в проёме появилась голова врача.

— Александр? Вы ещё не спите? — спросила женщина, стоя на пороге. Она уже привела себя и одежду в порядок и выглядела почти как обычно. Не считая какого-то напряжения, которое он чувствовал даже на расстоянии.

— Ни в одном глазу, Наринэ! — широко улыбнулся он. — Что-то не спится..

Словно колеблясь, она закрыла за собой дверь и медленно прошла к его койке. Взяв стул, врач поставила его рядом с кроватью и, подобрав халат, осторожно уселась на него. Заинтригованный Саша сел на постели и посмотрел на неё.

— Александр! — начала она. — Я хотела бы..

— Саша! — поправил он её. — Не люблю официоз... Просто Саша.

Наринэ глубоко вздохнула и продолжила:

— Саша, я хотела бы поблагодарить вас за... за вашу помощь в этой неприятной ситуации! — нашла она подходящее выражение. — Поверьте, мне очень неловко что всё так получилось... Этот майор, он..

— Наринэ! — остановил её Александр, тепло смотря на врача. — Вам не нужно оправдываться или что-то объяснять. Я с ним поговорил и теперь знаю почему это случилось. Теперь вы можете забыть про него, он больше не побеспокоит вас!

— Нет, вы не понимаете, Саша! — взволнованно ответила женщина. — У Степана Андреевича есть брат. Он служит в вашей структуре! И может сделать так, что... — она замолчала.

— Не сможет, Наринэ! — возразил он, между делом завладев её ладонью. — Да, звание у него выше чем моё но, в данном случае, это ему не поможет. Я не простой младший лейтенант госбезопасности! — невольно прихвастнул Саша. — Так что можете спать спокойно, ни вам ни мне ничего не угрожает!

Врач дёрнула рукой и, видимо, только сейчас обнаружила что Саша держит её. Она мягко освободилась и с укором посмотрела на него. Александр не стал удерживать и сделал невинный вид. Наринэ несколько секунд смотрела на него и вдруг прыснула от смеха. Чёрные глаза лукаво блеснули и она, колеблясь, произнесла:

— Саша, могу я вас попросить... Никому не говорить о том что случилось? Я не хочу чтобы моя личная жизнь стала объектом пересудов и сплетен, понимаете?

— Знаете, в другое время я бы обиделся из-за такого сомнения во мне... — усмехнулся он, подавив желание сесть к ней ещё ближе. — Но после этого случая понимаю что ваше мнение о мужчинах вообще могло упасть, поэтому ответственно заверяю что от меня никто ничего не узнает. Даю слово!

— Спасибо, Саша! — с признательностью улыбнулась армянка. — Вы правы, после того как я поняла какой этот Рябокоть на самом деле... в общем, надеюсь что в нашей армии и "НКВД" таких очень мало. И уж точно вы не один из них! — убеждённо закончила она.

— Верно, Наринэ! — кивнул он. — Я нормальный мужчина, а эти... К сожалению, в нашей службе, да и в армии тоже, встречаются изредка такие экземпляры. Конечно, партия борется с ними, но... Иногда случаются инциденты.

— Кстати! — вдруг встрепенулась женщина. — А почему вы были одни? Насколько я помню, с вами должна была быть Танюша. Куда она делась? Неужели не пошла с вами?

— Да нет, она была... — пожал Саша плечами. — Но за ней пришёл санитар, сказал что её ищет какой-то Андрей Сергеевич и я отпустил девушку. В конце концов, зачем она мне нужна, сидя на скамейке? Вот вас я бы не отпустил, это точно! — широко улыбнулся он.

Наринэ снова улыбнулась и легко провела рукой по его плечу:

— Всё равно, она неправильно поступила. Медсестра обязана не бросать пациентов на произвол судьбы чтобы бежать куда-то ещё. Я поговорю с ней.

Саша промолчал, продолжая в упор смотреть на неё. Судьба Танечки была ему безразлична да и кто он такой чтобы вмешиваться в отношения медперсонала? Сами разберутся. Какая же эта Наринэ красивая!..

Женщина снова мягко улыбнулась и сказала:

— Ну я бы не сказала что очень красивая... — и, нежным движением, поправила волосы.

Александр вдруг понял что сказал последнюю фразу вслух и невольно смутился. Впрочем, он тут же пришёл в себя и сделал вид что так и было им задумано.

— Это правда, Наринэ! — убеждённо ответил он, смотря на неё не отводя глаз.

Врач не выдержала его взгляда и порывисто встала:

— Что ж, Саша, уже поздно, вам пора ложиться в постель... Скоро отбой.

Он, нарочито печально, вздохнул и, встав, откинул одеяло.

— Очень жаль... Общение с вами принесло мне много удовольствия и спать не хочется вообще.

— Тем не менее, нужно соблюдать распорядок. А общение... — она обернулась на пороге. — Мне тоже понравилось. Но вы ещё не выписаны а я не собираюсь увольняться, так что... Если хотите, можем продолжить завтра.

— Глупый вопрос... Конечно, хочу! — с жаром подтвердил Саша. — Да и голос у вас..

— Какой? — не сдержала любопытства Наринэ.

— Такой что хочется слушать и слушать... — признался он, медленно направившись к ней. — Особенно когда вы говорите тихо... Тембр у вас такой бархатный и волнующий..

Когда между ними остался всего метр, женщина открыла дверь и быстро вышла из палаты, словно опасаясь что Саша приблизится к ней вплотную. Когда дверь почти закрылась до него донёсся лёгкий, довольный смех и последнее пожелание прекрасной армянки:

— Спокойной ночи!

С улыбкой до ушей Александр разделся и нырнул в кровать. Определённо, в плане сближения с Наринэ, день прошёл удачный. Теперь надо не сбавлять обороты и обрабатывать красивую докторшу. А ведь?.. Точно, как он мог забыть? У него же есть дар, который будет ему помогать! Конечно, если эта богиня и Гюнтер ему не повесили лапшу на уши. Единственное препятствие — если она влюблена в кого-то. Но по её виду не скажешь что она сгорает по кому-то от страсти. Но это пока! Если он не напортачит это скоро изменится... Что ж, пора спать, как говорится, утро вечера мудренее!

Накрывшись одеялом, Саша закрыл глаза и, хотя думал что будет долго ворочаться, умудрился быстро уснуть.

Берлин.

3 мая 1940 года. Утро.

Хайнц Гротте.

Он и его группа приехали в германскую столицу пару часов назад из Гамбурга. Путь до цели получился кружным, через Швецию, но зато давал больше шансов что немецкое гестапо не заинтересуется четырьмя шведскими "фольксдойче", которые решили вернуться в родной Рейх, чтобы вместе бороться за жизненное пространство арийской расы.

Сам Хайнц Гротте, или Юрий Кузин, был советским ликвидатором-нелегалом. Ему было 22 года, среднего роста и ничем не примечательной внешности. Его отец был шведским коммунистом, перебравшимся в Советский Союз сразу после Великой революции, а мать уроженкой Архангельска. Поэтому Юрий не имел никаких проблем с языком и разговаривал ничуть не хуже коренного стокгольмца. На его счету уже было три успешных акции в Германии, Польше и Франции. Все цели были уничтожены а он сам без проблем вернулся на Родину. Хорошо владел холодным и огнестрельным оружием, знал несколько приёмов борьбы, умел устраивать "несчастные случаи" со своими жертвами. Его открытое, молодое лицо внушало людям доверие, особенно когда он широко улыбался. Юрий знал об этом и часто пользовался своей внешностью.

В группе состояло ещё три человека, каждый из которых знал друг друга хотя бы по одной акции.

Вторым человеком в группе был его верный товарищ Карл Хетцер, или Олег Воронов, высокий нескладный парень, 24 года, на котором любая одежда казалась чужой. Его всегда слегка растерянный вид часто побуждал людей думать что ему требуется помощь а глаза

просительно смотрели на окружающих. Хотя он и не владел шведским языком зато отлично болтал по-немецки, так как с самого детства жил среди поволжских немцев. Говорили что у него баварский акцент, поэтому по документам предки Карла были из-под Мюнхена. Только Юрий знал как обманчива внешность этого, вроде бы, нескладного и робкого парня. Когда нужно, Олег без колебаний убивал жертву любым способом, в том числе и своими руками, путём удушения или совершенно случайными предметами.

Третьим ликвидатором значился молчаливый Герберт Хазе, он же Андрей Валькович, двадцатитрёхлетний агент "НКВД". Это была его вторая акция вместе с Юрием и Олегом, но он уже успел заручиться их некоторым доверием. Как и все остальные, Андрей хорошо говорил по-немецки, благодаря учительнице-немке, умел стрелять и виртуозно владел ножом. Но главное его достоинство было в другом. Андрей был отличным актёром, мог мгновенно перевоплотиться в любого персонажа, изменяя мимику лица, поведение и даже голос. По его словам он, если понадобится, сыграл бы как самого пропитого пьяницу так и родовитого аристократа-повесу, которого бы приняли в любом благородном обществе. Также Андрей разбирался в литературе и искусстве, что помогало найти общий язык среди интеллигенции и людей высшего круга капиталистических стран.

Последним членом группы являлся Петер Баум, на самом деле, Василий Орлов. Ему было 25 лет, тоже хороший знаток немецкого, а также любитель точной стрельбы из пистолетов и револьверов. Работать ножом он не любил а вот пострелять... У него тоже была нестандартная внешность настоящего героя-любownika, от которого млела любая особа противоположного пола. Ему ничего не стоило завязать знакомство и разговорить любую девушку или женщину, чтобы получить нужную информацию о цели. Юрий знал что однажды Вася, чтобы добраться до цели, видного монархиста-эмигранта, умудрился соблазнить его жену, строгую и правильную даму, причём на это ему потребовалось всего два дня. А потом, на похоронах, он стоял рядом с могилой и успокаивал безутешную вдову. Закончилась эта история тем что Вася, пользуясь своим обаянием, разжалобил женщину и смог уговорить её пожертвовать ему крупную сумму денег на, якобы, восстановление родового гнезда, разрушенного подлыми большевиками в Польше. Ярая монархистка, ненавидящая большевиков, потом горько убивалась когда её "милый Янош", якобы, погиб в автокатастрофе, сорвавшись в пропасть. Сам же Вася сдал всю сумму под опись в кассу "НКВД", получив за это благодарности и новое звание.

Все члены группы были преданными молодыми коммунистами из 5 отдела ГУГБ НКВД, которых готовили к работе с восемнадцати лет тщательно отбирая сразу после школы, и они полностью разделяли, каждый по своим причинам, убеждение в том что Запад ждёт только подходящего момента чтобы уничтожить Советскую Россию и готовы были сделать всё чтобы этого не допустить. Вся группа была проинструктирована и подобрана лично товарищем Берией, который особо указал что цель следует уничтожить как можно быстрее, так как она принесла кучу неприятностей их стране. Впрочем, этого и не требовалось, все четверо, благодаря правильному воспитанию и искусной пропаганде и так были готовы сделать свою работу. Убить ярого врага Советской власти за рубежом или подлого предателя, который наплевал на вскормившую его страну ради эфемерных соблазнов западного образа жизни... Причина не важна, главное — приказ! Все они умрут, если угрожают их стране! Лаврентий Павлович сказал что они являются его лучшими людьми и не имеют права на ошибку. А после выполнения задания обещал не только способствовать в их карьере но и организовать встречу лично с товарищем Сталиным. Для

молодых парней, какими и были все четверо убеждённых коммунистов, это стало бы настоящим подарком. Шутка ли, говорить с самим Иосифом Виссарионовичем!.. Да за такое каждый из них готов убить хоть Гитлера, Черчилля или Рузвельта, дайте лишь приказ! А тут всего лишь какой-то мелкий офицер СС..

Но, несмотря на молодость, Юрий не был склонен недооценивать противника. Лучше перестраховаться и провести хорошую подготовку к акции, чем лезть наобум и завалить всё дело. Хотя он и был младше всех членов группы но Берия сам назначил его командиром, а значит, никто не возражал, тем более, они уже знали его.

...Унтерштурмфюрер Гюнтер Шольке, или по-русски, лейтенант войск СС. Служит в батальоне охраны Гитлера, в рейхсканцелярии. Житель Берлина, 24 года. Фронтовик, участник польской кампании, награждён "Железным Крестом 2 класса". Не женат, есть родители и младший брат. Судя по последним сведениям, подружки тоже нет. Значит, надо отследить его на месте службы и узнать точный адрес проживания. Его внешность, привычки... словом, всё что нужно для успешного выполнения задания.

Вообще-то, их группу должны были встретить но, по словам Берии, совсем недавно всю советскую разведку в Германии разгромило гестапо, причём, в этом была немалая заслуга этого самого Шольке. Узнав что благодаря этой эсэсовской сволочи погибли и были схвачены десятки разведчиков и сочувствующих СССР, Юрий про себя решил что постарается перед смертью заставить этого Шольке хорошенько помучаться. Обычно он не интересовался причинами по которым ему приказывали "гасить цель" но, в данном случае, к простому приказу добавилась и личная заинтересованность... Здесь нет никаких сомнений, самый настоящий враг, место которому в могиле!

Расположившись в недорогой гостинице на окраине Берлина, они распаковали вещи и уселись вокруг стола. Ещё на корабле Юрий предупредил всех что они должны разговаривать только на немецком, даже без посторонних. Все молча согласились, хотя и так прекрасно знали это.

— Ну что, камераден, вот мы и дома! — улыбнулся Хайнц, обедая своих подчинённых взглядом.

— Да, Хайнц, здесь даже пахнет как-то по домашнему... — подхватил Герберт, оглядываясь вокруг. — В Швеции всё же не так..

— Ничего не чувствую! — покачал головой Петер. — Хотя... если ты называешь запах жареных сосисок с первого этажа домашним то да, я с тобой согласен!

Все дружно рассмеялись.

— Так что будем делать, Хайни? — спросил Герберт, внимательно глядя на него. — С чего начнём?

Ещё в Гамбурге Юрий начерно составил план и стал его излагать:

— Я отправлюсь на Вильгельмштрассе, прогуляюсь там, посмотрю... Ты, Герберт, отправишься на поиски чёрного рынка. Сам знаешь зачем..

Тот кивнул. Во избежание подозрений, вся группа была полностью безоружна, что оказалось оправданным при досмотре в порту Гамбурга. Немецкие таможенники распотрошили все их вещи, даже прощупали подкладки и швы у чемоданов и оказались там оружие то вся операция закончилась бы не успев и начаться. Особенно усердно проверял вещи их начальник, бурча себе под нос про хитрых соотечественников, которые приехали на всё готовое в то время как они, истинные "рейхсдойче", сражались с внутренними врагами Германии и помогли фюреру прийти к власти.

Приобрести "стволы" предполагалось на месте, у вороватых армейских кладовщиков или местного криминалитета.

— Петер, пойдёшь на центральный почтамт, разговоришь там какую-нибудь фройляйн и постарайся узнать адрес.

Баум улыбнулся и откинулся на спинку стула. Помимо пользы для дела он ещё получал и физическое наслаждение соблазняя девушек в разных странах. Настоящая ходячая "медовая ловушка" для прекрасного пола. У него была единственная слабость — он не любил убивать женщин и всячески старался избегать этого. К счастью, начальство с пониманием относилось к этому и старалось подбирать для него цели исключительно из мужчин.

— А ты, Карл, останешься здесь! — повернулся Юрий к своему товарищу. — Займёшься обустройством нашего жилища и охраной.

— Как обычно... — слегка скривился тот. — Ты однообразен, Хайнц.

Юрий весело усмехнулся.

— Зато мы все живы, а это главное! Так что час отдыхаем, приводим себя в порядок, завтракаем, а потом за работу!..

Москва. Кремль.

3 мая 1940 года.

Лаврентий Берия.

— Добрый день, товарищи! Присаживайтесь! — сказал Сталин и первым подал пример, усевшись во главе длинного стола. Остальные последовали за ним, каждый на своё место. Помимо Берии сегодня здесь оказались те, кто получил приглашение от Вождя и самые, на его взгляд, нужные люди в данный момент.

Это были — нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, нарком обороны Климент Ворошилов и его заместитель командарм 1-го ранга Семён Тимошенко, маршал Шапошников, нарком ВМФ адмирал Кузнецов и наркомфин Зверев.

Подождав пока все рассядутся, Сталин медленно обвёл их взглядом и глухо сказал:

— Товарищи! Я был вынужден собрать вас сегодня чтобы сообщить очень неприятную новость... Через год, а может и раньше, фашистская Германия без предупреждения нападёт на нашу страну!

Присутствующие изумлённо переглянулись между собой а Молотов в растерянности поправил свой галстук. Берия понимал что тот чувствует ведь сейчас СССР и рейх находились, как бы, в дружбе и ничего не предвещало войны между ними.

— Я понимаю что вы удивлены. Более того, совсем недавно и я был уверен что мы с германским фюрером, несмотря на противостояние в Испании, находимся в неплохих отношениях и наше сотрудничество, а также торговля только укрепляются. Но увы... — тяжело вздохнул Вождь.. — Сколько волка не корми он всё равно в лес смотрит. Так что слушаю ваши предложения по этому поводу, товарищи!

Все молчали пока, наконец, не подал голос Молотов:

— Товарищ Сталин... А может, это ошибка? Ведь Гитлер совсем недавно говорил что..

— Я помню что он говорил, Вячеслав Михайлович! — прервал его Иосиф Виссарионович и недовольно нахмурился. — Но сведения абсолютно верные, товарищ Берия несколько раз уже это перепроверил. Верно, Лаврентий?

— Так точно! — кивнул он. — В скором времени немецкий Генеральный штаб начнёт

разработку плана нападения на Советский Союз. Гитлер считает нас недочеловеками и уверен что легко сокрушит нашу Красную армию. Конечно, в реальности этого не случится но думает он именно так.

— Как однажды сказал генералиссимус Суворов — "Широко шагает, пора и унять молодца!" — произнёс Шапошников, усмехнувшись. — Правда, это были слова о Наполеоне, но думаю, это же можно сказать и о Гитлере.

— Да, верные слова, Борис Михайлович... — улыбнулся Сталин, отчего его густые брови снова разошлись. — К сожалению, оказалось что для немецкого фюрера все подписанные договоры лишь бумажка которой можно воспользоваться разве что в отхожем месте.

— Товарищ Сталин, пусть только попробует! — эмоционально воскликнул Ворошилов. — Живо спесь с него собьём! Как только перейдёт границу то наши бойцы ему так вдарят что побежит в Берлин теряя штаны! А потом будет как положено — "Малой кровью, на чужой территории!" — в запале добавил он и, не сдержавшись, хлопнул ладонью по столу.

Тимошенко и Кузнецов усмехнулись. Берия тоже едва сдержал себя. Он уже знал то что для других пока было тайной. Дни Клима в качестве наркома обороны были уже сочтены. Провал в Финляндии, по словам Вождя, был целиком на его совести, а потому нужно было заменить его на посту. Наиболее вероятным кандидатом был его заместитель, Тимошенко. Да и вообще, через несколько дней планировалось введение новых званий и некоторые из присутствующих здесь в скором времени станут чуть выше в армейской иерархии.

— Климент Ефремович, я слышал от вас похожие слова перед войной с белофиннами... — ответил Вождь, глядя на него с непроницаемым выражением лица. — Но реальность оказалась несколько не той о которой вы говорили.

Ворошилов ступешался и промолчал, растерянно посмотрев на других. Все сделали вид что ничего особенного не происходит. Сталин, пусть и мягко, но осадил Клима... Что-то будет?

— Итак, товарищи, кто ещё что может сказать? — напомнил Иосиф Виссарионович о сути дела. После непродолжительного молчания вновь напомнил о себе Шапошников:

— Разрешите мне, товарищ Сталин?

— Конечно, Борис Михайлович! — повернулся к нему Вождь. — Мы вас внимательно слушаем.

— Раз над нами нависла такая угроза то считаю что надо всемерно затруднить будущие действия неприятеля! — начал новоиспечённый маршал Советского Союза. — А именно! Начать готовить по всем западным рубежам нашей страны, особенно на танкоопасных направлениях, глубокоэшелонированную линию обороны. Самое пристальное внимание обратить на главные дороги по которым могут двинуться немцы вглубь СССР. Создать там широкополосные минные поля, бетонные и стальные заграждения, а также пушечные доты. Готовить мобилизационный резерв 1-й очереди. Перебросить из внутренних округов, а также с Дальнего Востока, части имеющие боевой опыт. Соорудить в западных районах сеть аэродромов и передислоцировать на них основную часть нашей боевой авиации. Усилить маскировочные мероприятия. Обеспечить многослойную зенитную оборону городов, станций и других важных военных и стратегических объектов. Создать в глубине приграничной территории склады для бесперебойного снабжения сражающихся частей. На случай кратковременной оккупации эвакуировать все важные производства на расстоянии

не меньше 100 километров от границы. Это самое главное что я предлагаю сделать, товарищ Сталин! Остальное я вам доложу как только более тщательно обдумаю ситуацию! — твёрдо закончил маршал.

У всех присутствующих был весьма изумлённый и озадаченный вид. Даже Сталина проняло настолько что он забыл про свою трубку в руке и молча смотрел на Шапошникова. Сам Берия с уважением хмыкнул. Без долгих размышлений, всего за несколько минут, Шапошников составил целый перечень планов которые должны быть осуществлены в приоритетном порядке. Вот что значит опыт!

— Однако... — протянул Ворошилов, с удивлением глядя на маршала. — Круто вы взялись за дело, Борис Михайлович! Поймите, что значит "кратковременная оккупация?" — опомнился он и выражение его лица стало грозным. — Вы что же, думаете что нога фашистского солдата сможет пройти хотя бы километр по нашей священной земле!? Как вы вообще могли такое представить!?

— Товарищ Ворошилов! — уверенно ответил маршал. — Прежде всего, я военный и обязан учитывать любую возможность, даже самую неблагоприятную. Будучи уверен что этого не потребуется я, всё же, настаиваю на выполнении всех пунктов которые были мной озвучены. Война — это такое дело где каждую минуту может всё пойти не по плану.

— А может вы заразились паникёрством и пораженчеством? — не унимался Ворошилов, воинственно глядя на оппонента. — Вдумайтесь в свои слова! Все ваши, так называемые пункты, основаны на том что противник глубоко вторгнется на нашу территорию, более того, даже захватит её! Как это ещё называть, кроме страха перед врагом?

— Климент Ефремович! — покраснел от негодования Шапошников. — Я бы попросил вас..

— Тихо! — властно сказал Вождь и для усиления эффекта ударил ладонью по столу. Все тут же замолчали. Сталин медленно оглядел всех присутствующих и негромко добавил: — Вы не на базаре находитесь, товарищи. Ведите себя как культурные советские люди. Всем понятно?

Тихое бурчание и согласные кивки головами показали что все спорщики осознали свою ошибку и обещают её не повторять.

— Что касается вас, товарищ Ворошилов... — обернулся к нему Сталин. — Вам пока слова не давали, поэтому извинитесь перед Борисом Михайловичем и впредь будьте осторожны в выражениях. Я жду!

— Извините меня, товарищ маршал... — виновато произнёс тот, избегая смотреть в глаза. — Поддался эмоциям... Больше такого не повторится.

— Извиняю, Климент Ефремович! — кивнул Шапошников, уже успокоившись. — Понимаю, нервы.

— Вот и хорошо, товарищи! — улыбнулся Вождь. — Кто ещё что хочет добавить?

— Разрешите мне, товарищ Сталин? — подал голос наркомфин Зверев, до этого не проронивший ни слова.

— Мы вас слушаем, товарищ Зверев! — ответил Иосиф Виссарионович, оглядев всех за столом.

— Я хочу обратить ваше внимание, товарищи, что даже часть тех мероприятий, которые предлагает осуществить маршал Шапошников, обойдутся нашему бюджету очень дорого! — начал Арсений Григорьевич. — Все финансовые возможности наркомата обороны уже распределены и деньги выделены. Чтобы начать выполнять такие масштабные планы нужны

миллионы рублей! А их у нас нет! — твёрдо сообщил он. — Я понимаю, что это дело касается безопасности страны, но мне нечем финансировать такие проекты! Хочу добавить что по вашему указанию, товарищ Сталин, я выделил дополнительные средства для перевооружения танковой, артиллерийской и авиационной промышленности, причём, это было сделано в ущерб другим наркоматам, отчего от них уже начали поступать недоумённые и раздражённые запросы, сводящиеся к трём простым словам: "Где наши деньги?" Если же ещё больше урезать их бюджеты то возникнут настоящие проблемы с выполнением ими своих задач, для которых и были одобрены финансы. Это отразится и на нашей экономике, которая и так находится не в лучшем состоянии. Словом, предлагаю как-то ограничить идеи товарища маршала, иначе мы рискуем остаться, извините, без штанов. У меня всё! — закончил Зверев и спокойно оглядел всех присутствующих.

В кабинете повисло напряжённое молчание. Берия задумчиво забарабанил пальцами по столу. Действительно, что-то они в самом деле размахнулись, словно у них казна золотом забита... Как говорится, "гладко было на бумаге, да забыли про овраги. А по ним ходить!" Ещё одно из крылатых выражений великого Суворова, что называется, било не в бровь а в глаз. И что теперь делать?

Все взгляды устремились на того чьё слово имеет здесь решающее значение. Вождь неторопливо закурил, пыхнул несколько раз дымом и, нехотя, ответил:

— Значит, придётся ещё больше урезать траты других наркоматов... Остановить все гражданские стройки, чтобы не тратить на них деньги и освободить рабочих для возведения оборонительных сооружений. Возможно, понадобятся займы у населения. Что же касается того что мы не можем производить сами то, к сожалению, не останется ничего иного кроме как использовать золотой запас... — и тяжело вздохнул.

Берия понимающе кивнул. В той истории они тратили золото на оплату конвоев "лендлиза", чтобы вытянуть самые тяжёлые два года войны, а теперь придётся покупать на него дефицитные материалы и сложные станки для важных производств.

— Я вас понял, товарищ Сталин! — с непроницаемым лицом сказал Зверев. — Распоряжения мною будут отправлены сегодня же.

Берия вдруг кое-что вспомнил и спросил:

— Иосиф Виссарионович, я хотел бы внести предложение! Разрешите?

— Давай, Лаврентий, что там у тебя? — хмуро ответил Вождь, видимо, всё ещё не отойдя от нелёгкого решения.

— Предлагаю назначить ответственным за все инженерно-строительные работы на западной границе коринженера Карбышева Дмитрия Михайловича. У него большой опыт в таких делах, тем более, он уже занимался этим вопросом ещё в 1929 году. К тому же у него большой авторитет в инженерном деле, полтора года назад стал профессором... — сказал Берия, вспомнив слова Саши о выдающемся будущем генерале. На этот раз Лаврентий был намерен лично позаботиться о том чтобы такой нужный стране человек не попал в плен и не погиб ужасной смертью во вражеском концлагере.

— Карбышев... — протянул задумчиво Вождь. — Я слышал о нём. Его труды по тактике инженерных войск и обеспечению поле боя активно изучают наши командиры в училищах и академиях. Да и за границей Дмитрия Михайловича тоже уважают. Кстати, это не про него ли..? — не договорив, Сталин впился в Лаврентия взглядом.

Берия медленно кивнул, подтверждая предположение.

— Что ж, я не возражаю! — согласился Иосиф Виссарионович. — Но, думаю, его звание

слишком маленькое для такой должности. Поэтому скоро мы намерены это исправить.

"Это он о том что через несколько дней введут новые генеральские звания... — отметил про себя Берия. — А вот Шапошникову дал звание заочно. Хотя, Дмитрий Михайлович заслужил это.."

— А что это вы молчите, товарищ Кузнецов? — вдруг обратился Вождь к моряку, который молча слушал но ни слова не сказал за всё время совещания.

— Так что говорить-то, товарищ Сталин? — улыбнулся тот. — Обсуждаются ведь дела сухопутные а я в них не особо разбираюсь. Но раз меня пригласили, значит и до флота дело дойдёт, так думаю..

— Верно говорите, Николай Герасимович! — тоже озарился улыбкой Иосиф Виссарионович. — Вот и до вас добрались. Слушаем ваши предложения по ситуации.

Кузнецов перестал улыбаться и как-то собрался:

— Если нападение произойдёт в ближайшее время то я объявлю полную боевую готовность по флоту, рассредоточу корабли. Усилю оборону военно-морских баз в Севастополе, Мурманске и на Балтике. В основном, с помощью боновых заграждений, увеличении зенитного прикрытия кораблей и переброске морской истребительной авиации. Немцы вот-вот введут в эксплуатацию "Бисмарк" но он вряд ли сунется к нашим берегам. А со всем остальным мы, думаю, справимся. Если же говорить о долгосрочной подготовке то... настаиваю на срочной постройке не меньше двадцати эсминцев и нескольких подводных лодок! Это нужно для флота чтобы достойно встретить врага! — закончил он.

Тимошенко и Ворошилов едва слышно фыркнули, показав что они думают о аппетитах мореманов. Берия тоже усмехнулся... Губа не дура у Кузнецова, проси больше чтобы дали хоть сколько. Да один эсминец сколько стоит, не говоря уже о крейсере! Сталин тоже это понял и улыбнулся в усы.

— Мы подумаем о ваших желаниях, товарищ нарком! — объявил Вождь. — Что же касается точных сроков нападения то Лаврентий Павлович, уверен, сможет нам сообщить подробности, когда это случится.

— Я лично буду следить за этим вопросом, товарищ Сталин! — подтвердил он, энергично кивнув. — Подготовка к такому большому наступлению, как его не скрывай, всё равно будет заметна задолго до его начала. Да и всю агентуру переориентирую для этой цели..

Конечно, Берия не собирался раскрывать всем что в самом рейхе у него уже не было всевидящих глаз и ушей, а сотрудники посольства все под пристальным наблюдением гестапо и вряд ли смогут даже сходить в соседний магазин без того чтобы неприметные люди в штатском не заинтересовались ими. Зато в Польше, в приграничной зоне, у него были информаторы из просоветски настроенных поляков и коммунистов, хотя присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии изрядно поубавили их число. Потому что, прежде всего, они были сначала поляками а уж потом коммунистами и, совместный с немцами, раздел их страны всего несколько месяцев назад оставили у них не самые лучшие впечатления о Советской России. А ведь были ещё захваченная Чехословакия и бурлившая Румыния, где рвалась к власти ультранационалистическая "Железная гвардия", в рядах которой всё громче заявлял о себе бывший министр обороны страны, генерал Антонеску.

— Товарищи, я хочу сделать небольшое объявление! — сказал Вождь, слегка подняв свою руку. — Во вторник, 7 мая, будет издан важный Указ Президиума Верховного Совета

СССР, который коснётся многих наших командиров. Так что заранее готовьтесь к этому..

— А к чему именно, товарищ Сталин? — как бы в шутку спросил Ворошилов. — Может хоть намекнёте? Чтобы легче было готовиться?

— Не спешите, Климент Ефремович, всему своё время! — усмехнулся Иосиф Виссарионович. — Вот доживёте до вторника и всё сами узнаете... — выделил он свою фразу.

Ворошилов явно уловил смысл и слегка побледнел, не без оснований подозревая что сюрприз лично для него может оказаться не таким радостным как хотелось бы. Его бегающие глаза растерянно посмотрели на всех вокруг но он быстро взял себя в руки и даже улыбнулся:

— Что ж, будем с нетерпением ждать. Верно, товарищи?

Все дружно подтвердили что так и есть.

Сталин медленно, не торопясь, начал вставать из-за стола и тут же все сделали то же самое, отодвинув стулья.

— Я надеюсь, товарищи, все поняли что должны будут делать и к чему готовиться? — спросил Вождь, внимательно посмотрев на каждого.

— Так точно!.. — разноголосо раздалось в ответ.

— Тогда я вас больше не задерживаю! — сказал Иосиф Виссарионович и начал по очереди пожимать руки гостям. Первыми вышли Ворошилов с Тимошенко, за ними последовали наркомфин Зверев вместе с Кузнецовым и Шапошниковым. Но когда к Сталину подошли попрощаться Берия и Молотов, он не подал им руки а внушительно произнёс:

— Лаврентий Павлович, Вячеслав Михайлович... а вас я попрошу остаться!

Москва. Кремль.
3 мая 1940 года.
Лаврентий Берия.

Удивлённые, Берия и Молотов, снова вернулись на свои места и в ожидании воззрились на Сталина. Тот же не спешил садиться а стал, по своему обыкновению, прохаживаться по кабинету. Прошло не меньше минуты прежде чем раздался его негромкий голос:

— Я хочу услышать ваши соображения, товарищи, по двум вопросам. Первый — с кем вступать в союз в случае войны? И второй — с кем воевать, если не удастся остаться в стороне? Вячеслав Михайлович, вы начните первым..

Молотов откашлялся и медленно заговорил:

— В случае, если... точнее, когда Гитлер нападёт на нас то естественным шагом будет вступить в союз с Англией и Америкой. В таком положении мы сможем, как бы, зажать немцев в тиски и победить.

— Хм... — произнёс Вождь. — А если они не захотят с нами дружить? Ведь, судя по высказываниям Черчилля, что мы что Гитлер для него враги.

— Англосаксы понимают что если Гитлер победит нас то у него больше не останется на континенте сильных врагов. Германия неимоверно усилится и тогда уже они не смогут её остановить... — возразил Молотов. — Так что, при всей нелюбви к нам, они просто вынуждены будут помогать нашей стране!

— Мне кажется что для Лондона и Вашингтона будет идеальным если мы с Гитлером максимально ослабим друг друга! — решил высказаться Лаврентий. — Более того, если кто-то станет побеждать то они вполне могут начать помогать ослабевшему чтобы бойня затянулась. А потом придут они, светочи демократии, и соберут все сливки... — презрительно фыркнул он.

— Правильная мысль, Лаврентий! — довольно улыбнулся Сталин. — Я тоже об этом думал. И мы должны добиться чтобы такой сценарий ни в коем случае не состоялся. Наши бойцы могут сражаться и умирать только за интересы нашей страны а вовсе не для того чтобы таскать каштаны из огня для джентльменов из Сити. Поэтому война с Гитлером нам абсолютно невыгодна! Надо избежать её!

— А как, Иосиф Виссарионович? — спросил Молотов, пожав плечами. — Ведь если Гитлер так нас ненавидит то всё равно нападёт! Конечно, мы может пойти на уступки, чтобы выиграть время но я не уверен что это надолго поможет..

— Нет! Ни на какие уступки мы не пойдём! — твёрдым голосом ответил Вождь. — Те кто предлагают и идут на это — показывают свою слабость и вызывают презрение. Нам надо так заинтересовать Гитлера чтобы он сам передумал и бросил эту идею войны между СССР и Германией. Или отвлечь... Нам нужно время для перевооружения. Но даже в таком случае, идти на уступки очень опасно! Это лишь разожжёт его аппетит!

— Новые торговые договоры? — предположил Берия, переглянувшись с Вячеславом Михайловичем. — Увеличение поставок ресурсов?

— Нет, Лаврентий. Эти инициативы должны быть именно от немцев. Они пусть предлагают а мы будем решать, соглашаться или нет. Заодно провести крупные учения на

границе чтобы фюрер крепко подумал так ли мы слабы как он хочет. Так что думайте, товарищи, что нам может предложить Гитлер и чем ответим мы... Время пока есть, но не тяните... — сказал Сталин, наконец, усаживаясь за стол. — Союзники просчитались, подкармливая волка чтобы тот разорвал нас. А нам надо сделать так чтобы этот волк обернулся на своих хозяев и забыл про нас. Вот так вот..

— А если не получится? — спросил Лаврентий, внимательно глядя на него. — Вдруг ненависть Гитлера к нам, большевикам, настолько сильна что он наплюет на выгоду мира и решит всё равно напасть? И не станет ничего предлагать?

— Да, это очень даже реальный вариант! — согласился Вождь. — В таком случае придётся последовать совету товарища Молотова. Хотя мне и не нравится идея дружить с капиталистами, но боюсь, у нас не останется другого выхода. Одни мы, конечно, войну вытянем, но потери будут большие. Желательно избежать такого обескровливания когда нам станут пытаться диктовать условия, пользуясь слабостью советских людей.

— Как считаете, Вячеслав Михайлович, возможен ли наш союз с японцами? — встрепенулся Берия, озарённый новой идеей. — Например, натравить их куда-нибудь на юг? Или даже на восток?

— С японцами? — переспросил Молотов и ненадолго задумался. — Честно говоря, не уверен насчёт союза. Они сами по себе недоверчивы а уж после Монголии и подавно. Нет, я бы не советовал даже пытаться это делать..

— Мда... Думаю, вы правы а я погорячился... — протянул Лаврентий. — С ними у нас только война возможна. К тому же мы хотим вернуть себе южную часть Сахалина, которую они оккупировали после царского поражения 35 лет назад, а уж на это они подавно добровольно не пойдут, пока не заставим силой.

— Что верно то верно! — согласился Молотов и начал протирать очки платком.

На время все замолчали, обдумывая непростую ситуацию.

— А может не будем ни на кого надеяться? — снова спросил Берия. — Ведь сказал как-то один из царей — "У России есть только два союзника — её армия и флот!" Зато никто не предаст и не ударит в спину! Да и Победу не нужно будет ни с кем делить.

Сталин усмехнулся и посмотрел на него:

— Выражение, конечно, меткое... и в чём-то правильное. Но без союзников вся мощь врага будет направлена только на нас. А значит и потери нашей армии и флота будут выше чем хотелось бы. А ведь Германия не единственный наш враг... Есть Япония, да и про англо-американцев не забывай, Лаврентий. Мы для них ненамного хуже Гитлера потому что, во-первых — варвары, а во-вторых — посмели покушаться на их священную корову — частную собственность. Так что нам нельзя сильно ослабевать... Никак! Иначе им может прийти в голову закончить то что не смогут сделать немцы.

— Так что же делать-то? — поинтересовался Молотов и снова посмотрел на Вождя. Берия сделал то же самое. В конце концов, всё зависит именно от Сталина. Как он скажет так и будет.

Тот задумался и стал рассеянно поглаживать свою неизменную трубку. Наконец, окинув их взглядом, он заговорил:

— Предлагаю следующее... Наш посол во Франции, через местную компартию, предупредит что во второй декаде мая очень возможно резкое обострение обстановки в Бельгии и Голландии. И что вполне желательна переброска англо-французских войск поближе к границе с рейхом, а также укрепление Арденн. Не уверен что это им поможет, но

зато даст нам моральное право сказать что их предупредили заранее. А то что они не послушали... что ж, сами виноваты! Может даже немцы увязнут среди этих каналов, рек и речек, потеряют темп... Мало ли что может случиться?

Вождь замолчал но Берия с Молотовым поняли что это ещё не конец, будет продолжение.

— Что ещё?.. — сам себя спросил Сталин, и тут же ответил: — Надо найти способ, как бы со стороны, отвлечь Японию от нашего Дальнего Востока. Пусть себе штурмуют сотни островов, высаживают десанты, захватывают европейские колонии. Главное, подальше от нас. Намекнуть что одного авиаудара по Перл-Харбору им будет мало, можно полностью захватить базу морской пехотой и закрепиться там, под боком у американцев. Тогда те, чтобы выдернуть эту занозу, насмерть сцепятся с ними и не станут спасать европейцев. Словом, мы сделаем то что хотят сделать с нами союзники — стравим их, заставим пустить друг другу кровь... А сами станем наблюдать и копить силы. Усиленно готовить оборону западной границы, как предложил товарищ Шапошников. Создавать новую разведсеть в Германии... И вообще, не забывайте, товарищи! Это не сама Германия хочет войны с нами! Этого хочет только Гитлер! — со значением выделил Вождь. — Не будет Гитлера и может появиться новый фюрер, с которым уже, возможно, будет шанс договориться. Кто знает чем это обернётся для всего мира?.. А с Гитлером я попробую, всё-таки, пообщаться летом. Посмотрю в его глаза, послушаю что он скажет... И вот тогда уже пойму, что он нам готовит... И, главное — когда? — закончил он.

...Уже в машине, по пути в наркомат, Берия вдруг подумал: а не мог ли Гитлер, после откровения этого Шольке, прийти к таким же выводам? И приказать убить товарища Сталина? Нет человека — нет проблемы! Представив себе такую ситуацию, он поёжился. Если вдруг с Вождём что-то случится то в стране начнётся борьба за власть, грызня между партией, армией и госбезопасностью. И мало не покажется никому!.. Нет, определённо надо поговорить с Власиком, чтобы тот был вдвойне осторожен! Пусть у них не самые хорошие отношения но это явно не тот случай когда можно промолчать. Да и самому усилить охрану Вождя... Усилить надзор за всеми немцами в столице! Да и вообще за иностранцами! Предельное внимание!..

Берия тяжело вздохнул. Да, Александр прав! Пока жив Сталин, будет жить и он сам. А жить Лаврентий хотел долго и счастливо!.. Значит, они теперь накрепко связаны. И не пора ли ему намекнуть Вождю что некий бывший ефрейтор с усиками слишком зажился на этом свете?..

Г. Нойенкирхен, Рейхсгау Вестфалия-Север, Германия.

3 мая 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Вот, наконец, и заканчивается его долгая и утомительная дорога на новое место службы! Вспомнив все перипетии сложного пути, которые ему встретились, он тихо усмехнулся, глядя в окно грузовика как вдали вырастают первые дома окраины городка Нойенкирхен..

...После того как, благодаря коменданту Аахена полковнику Ингеманну, Гюнтер смог созвониться с Ханной и узнать новое место дислокации родной части, оставалось лишь дожидаться ближайшего поезда на север и отправиться куда следует. Казалось бы, что может

быть проще?.. Увы, полоса удачи закончилась в кабинете коменданта и сменилась на прямо противоположную.

Вновь войдя в здание вокзала и узнав от милой кассирши время отправления ближайшего состава он несказанно огорчился. С севера на юг, как раз по той железной дороге что была ему нужна, перебрасывали через Аахен, целую пехотную дивизию. В результате чего движение на север, в сторону Мюнстера, было полностью остановлено, а на юг начали идти пассажирские и грузовые составы с солдатами, техникой и имуществом, которым была дана "зелёная улица". Начальник вокзала извинялся, разводил руками но ничего не мог сделать, приказ из столичного управления "Рейхсбана" был категоричен.

Конечно, Гюнтер понимал ситуацию. До решающего наступления осталась всего неделя и, видимо, генералы решили провести перегруппировку, усилить ту часть войск что должна была наступать через Бельгию, но ему от этого было не легче. Весь вечер и ночь мимо, изредка останавливаясь на бункеровку и залив воды, проносились составы с пассажирскими и грузовыми вагонами, а также платформами, на которых были закреплены грузовики, орудия, полевые кухни и другое жизненно необходимое для нормального функционирования любой крупной воинской части имущество.

Уставший от бессонной ночи, раздражённый Гюнтер, который провёл её в зале ожидания, только утром смог узнать от виновато отводившего взгляд начальника вокзала, что последний состав только что прошёл и на дороге возобновляется нормальное движение. Заранее сформированный поезд, стоявший под парами на запасном пути, был готов немедленно двинуться на север и Гюнтер, наконец, смог с комфортом устроиться в купе. Состав только тронулся как он уже спал.

Его разбудили, по ощущениям, всего через пару часов, солнце уже стояло высоко, нагревая аккуратные поля своим щедрым теплом. Сойдя на вокзале в Мюнстере, Гюнтер сразу направился в комендатуру города но, не успев дойти до неё, изменил своё решение, увидев медленно проезжавший мимо трёхтонный грузовик "Henschel" с до боли знакомым отличительным знаком "Лейбштандарта" на переднем крыле — ключом.

Мгновенно сориентировавшись, он подскочил к кабине и, после краткого объяснения с гауптшарфюрером сидевшим рядом с водителем, устроился в кузове, вместе с двумя солдатами-грузчиками. Оказалось, что старшина роты СС ездил в город за дополнительным продовольствием и теперь возвращается обратно, в расположение части. Естественно, он не отказался подбросить офицера до места службы, тем более фронтовика, награждённого "Железным Крестом 2-го класса". Его любезность дошла до того что, выехав из города, он остановился и учтиво предложил Гюнтеру поменяться местами. Сидеть в тряском кузове удовольствия было мало и, малость поколебавшись, он согласился, поблагодарив за услугу. Тот улыбнулся и ответил что в СС все братья и ему это ничего не стоит. Таким вот образом Гюнтер и оказался почти у цели..

...Он ожидал что часть расположится за городом но водитель остановился у ничем не примечательного здания рядом с местной ратушей. Спрыгнувший из кузова гауптшарфюрер подошёл к кабине и сказал ему:

— Вот вы и приехали, оберштурмфюрер! — белозубо улыбнулся эсэсовец. — Здесь располагается штаб полка. Думаю, вы сначала хотите отметить и доложить о прибытии?

— Верно! — ответил Гюнтер, открывая дверь и тоже оказываясь на земле. — Кстати, кто сейчас командует полком? Как обычно, старина Зепп?

— А кто же ещё? — усмехнулся в ответ старшина СС. — Мы у него любимые детишки.

он от нас никуда не денется!

Они весело рассмеялись.

Действительно, Дитрих по-особому относился к своей любимой части, старался вникать во все сложные ситуации, помогал снабжать "Лейбштандарт" самым лучшим вооружением и техникой а также всегда вступался за него перед недовольными генералами "Вермахта", когда те пытались предъявить полку какие-то претензии. За это солдаты платили ему беспримерной преданностью и готовностью оправдать доверие Зеппа и самого фюрера, невзирая на собственные серьёзные потери.

Распрощавшись с гауптшарфюрером, Гюнтер миновал двух часовых возле входа и вошёл внутрь. Пройдя анфиладу комнат, в которых кипела работа и ходили озабоченные штабисты, он подошёл к самому дальнему кабинету, возле которого стоял маленький столик, за которым с трудом устроился высокий, темноволосый унтершарфюрер, что-то пишущий на бумаге. Подняв голову, тот посмотрел на Гюнтера и спросил, с оттенком любопытства:

— Здравствуйте, оберштурмфюрер! Я унтершарфюрер СС Роске, помощник обергруппенфюрера СС Йозефа Дитриха. Что вам угодно?

— Здравствуйте! — ответил он и слегка улыбнулся. — Меня зовут Гюнтер Шольке, я из нашего караульного батальона в Берлине. Мне поступил приказ на перевод сюда, в родной полк. Хочу представиться нашему Зеппу по случаю прибытия и получить назначение. Он у себя? — в свою очередь спросил Гюнтер, кивнув на дверь в кабинет.

— Да, только он, как бы сказать... немного не в духе... — понизив голос, заговорщицки ответил Роске.

— А что случилось? — поинтересовался он. — Насколько я знаю наш Дитрих частенько находится в таком состоянии.

— Что верно то верно... — согласился унтершарфюрер, выходя из-за стола и пожимая Гюнтеру руку. — Но сегодня наши парни опять проучили армейских сапёров, те пожаловались своему начальству, дело дошло аж до Гиммлера... ну а тот позвонил и потребовал от нашего Папы приструнить молодцов. Зепп яростно защищался, говоря что сапёры сами задирали наших, но Генрих прямо приказал ему не мутить воду... вот и пришлось Дитриху подчиниться. Правда, перед этим он сказал парням что доволен ими... — тихо рассмеялся Роске.

— Узнаю нашего Папу... — поддержал его Гюнтер, усмехнувшись. — Он не меняется, спорит не то что с Гиммлером но и с фюрером. Так что, я войду?

— Нет, лучше я сначала доложу! — возразил помощник, подходя к двери. — Иначе потом он обязательно спросит какого чёрта к нему приходят без моего ведома.

Гюнтер понимающе кивнул и одёрнул свою форму. Хоть Дитрих и слыл простым служакой который не особо придирается к внешнему виду подчинённых но не следовало давать ему повод думать что Шольке является каким-то расхристанным недотёпой, не умеющим следить за своей формой.

Постучав и не дожидаясь ответа Роске вошёл внутрь. Почти тут же он вышел обратно и приоткрыл дверь пошире:

— Прошу, оберштурмфюрер, проходите.

Сделав каменное лицо, Гюнтер прошёл мимо него и тут же начал рубить строевым шагом, остановившись перед широким столом в углу светлой комнаты.

— Обергруппенфюрер! Оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке явился на новое место службы и представляюсь по факту прибытия! — отчеканил он, глядя чуть выше головы

сидевшего в кресле командира "Лейбштандарта".

Знаменитый Йозеф Дитрих представлял собой не слишком высокого, широкоплечего мужчину, чем-то напоминая медведя. Круглое лицо было по-крестьянски простым, что было вполне закономерно для сына деревенского лавочника в Баварии. С юных лет Зепп мечтал стать солдатом но его желание осуществилось лишь когда началась Великая война, поскольку он был признан ограниченно годным из-за падения с лошади. В боях под Ипром оказался дважды ранен. Та же история повторилась на Сомме. Потом воевал на итальянском фронте, во Фландрии..

После окончания войны он тоже не сидел без дела. Участвовал в ликвидации Баварской Советской республики в 1919 году, освобождал Мюнхен. Через два года, в составе добровольческого штурмового батальона "Тейя", тайно поддерживаемого "рейхсвером", отбивал атаки поляков на Верхнюю Силезию, поддержанных французскими военными советниками. Хотя Берлин, под нажимом Антанты, официально отказался от них они смогли не допустить оккупации поляками Силезии.

В ноябре 1923 года принял участие в "Пивном путче", хоть и не сыграл там особой роли. Через 5 лет, в мае 1928 года, вступил в "НСДАП" и СС, постепенно стал телохранителем и любимцем Гитлера. Простые манеры, грубоватый юмор и увлечение спортом привлекали к нему солдат, особенно тех кто тоже был из деревень. Высшие же офицеры относились к Зеппу более сдержанно, не считая себе ровней. Особенно недолюбливал его Гиммлер, из-за того что личным приказом фюрера Дитрих был выведен из его подчинения и им напрямую командовал Гитлер. Сам Йозеф платил Гиммлеру тем же, не стесняясь обсуждать его личность в кругу друзей.

В "Ночь длинных ножей", выполняя приказ фюрера, он арестовал и расстрелял группу высокопоставленных членов СА, в том числе своего старого друга и сослуживца, начальника полиции Мюнхена, фронтовика — обергруппенфюрера СА Августа Шнайдхубера. За это Дитрих был повышен в звании.

Зепп обладал солдатской смекалкой и храбростью, за что был любим солдатами, но его военно-теоретический уровень знаний был низок. Он понимал это и в 1936, 1938 годах прошёл курсы командиров-танкистов в Цоссене и Вюнсдорфе. В это же время самоуверенный Йозеф ввязался в конфликт с Паулем Хауссером и его покровителем Гиммлером, который с трудом смогли предотвратить. В Польше "Лейбштандарт" показал себя не с лучшей стороны, понеся серьёзные потери при низких достижениях в бою, в результате чего Дитрих и фюрер срочно занялись дополнительной военной подготовкой, по их настоянию в часть были переведены армейские командиры, что понемногу начало выправлять ситуацию. Одно время "Лейбштандарт" провёл в Праге, затем кратковременно побывал в Аахене и теперь расположился здесь, недалеко от Мюнстера. Примерно через месяц ему должно было исполниться 48 лет. Именно таким и увидел его сейчас Гюнтер. Хоть он и много знал про первого командира элитной части СС но одно дело читать сухие строчки, а другое — видеть его наяву.

Посмотрев на него немного исподлобья Дитрих энергично встал из-за стола, подошёл к нему и протянул широкую, сильную ладонь, которую Гюнтер с удовольствием пожал.

— Без чинов, Шольке, без чинов! — гулким голосом пророкотал Зепп, улыбаясь. — Терпеть не могу весь этот долбаный этикет! Я простой человек, из низов, ты тоже не аристократ, так какого чёрта мы с тобой будем вести себя как два высокомерных болвана, верно? Называй меня просто Зепп, понял? Мне так нравится!

— Хорошо, Зепп, с удовольствием! — ответил он.

— Ты садись, Гюнтер, хватит изображать тут "асфальтового солдата"! — сказал Дитрих, усаживаясь обратно на место. — Чёртов Штайнер пустил это прозвище и теперь я никак не могу повлиять на тех засранцев которые втихомолку смеются над нами... — проворчал он. — Разве что бить им морды как это сделали мои парни с армейскими сапёрами... Только это и утешает. Что нового в Большом Берлине? Я уже неделю тут сижу и всё знаю лишь по слухам.

— Ничего особенного, Зепп! — пожал плечами Гюнтер. — Всё по-старому... Даже не знаю что рассказать.

— Этот "мюнхенский агроном" ещё копошится в Главном штабе? — внезапно спросил Йозеф, презрительно усмехнувшись. Гюнтеру потребовалось несколько секунд чтобы понять про кого тот говорит. Он невольно улыбнулся, не сумев совладать с собой:

— Да, рейхсфюрер, как обычно, занимается селекцией и другими "очень важными делами".. — выделил Гюнтер последние слова. Похоже, их с Дитрихом антипатия к Гиммлеру взаимна.

— Даже не сомневался в этом! — хохотнул Йозеф и гулко ударил ладонью по столу, отчего раздался хлопок на весь кабинет. — Вот в этом он мастер! Ну и сидел бы выращивал свои цветочки или пшеницу! Так нет, полез туда где ему делать нечего, идиот! Не пойму по каким причинам фюрер доверил ему руководство СС... Но когда-нибудь обязательно спрошу! — пригрозил Зепп.

Покачав головой Дитрих перестал улыбаться и серьёзно посмотрел на Гюнтера:

— Слушай меня внимательно, Шольке! Со мной служить просто. Выполняй приказы и береги парней. Вот и всё! Каждый из них — настоящая ценность для Германии! Да, и ещё... — спохватился он. — Если будешь свысока смотреть на солдат и задира́ть нос то я огорчусь! Тоже самое случится если станешь пить кофе оттопырив мизинец! Большинство наших парней деревенские, как и я, а ты городской. Хотя, вроде, офицер неплохой, раз за Польшу Крест получил... В общем, забудь про батальон охраны в Берлине, здесь всё повзрослому, понял? Мне плевать если на тебе будет грязная форма или ты не отдашь мне приветствие из-за того что замотался по службе... Главное, выполнять приказы и не кидать солдат в огонь просто так! Вздумаешь трусить или бежать без приказа — пристрелю лично! Всё ясно? — нахмурился Дитрих.

— Конечно, Зепп! — с готовностью подтвердил Гюнтер, подавив желание вскочить на ноги и вытянуться. — Даже не надейтесь что увидите меня бегущим назад или задирающим нос!

— Что ж, тогда мы с тобой поладим! — снова улыбнулся Йозеф. — Так, куда же тебя направить?

Тут Гюнтер своевременно вспомнил про Пауля и спросил:

— Если разрешите то в первый штурмбанн!

— Чёрт тебя побери, не смей больше никогда произносить это слово в моём полку! — внезапно разозлился Дитрих. — Проклятый "огородник" заставляет всех заучивать эти дурацкие обозначения но я люблю всё по-простому! Рота это именно рота, а не какой-то штурм! И не штурмбанн а батальон! Заруби себе на носу если хочешь здесь служить!

— Не вопрос, Зепп! — согласился Гюнтер. — Я сам привык к простым названиям.

— Вот и хорошо... — успокаиваясь, сказал Дитрих. — Кстати, почему туда?

— Там служит мой друг, унтерштурмфюрер Пауль Хофбауэр... — ответил Гюнтер,

тепло улыбнувшись от воспоминаний. — Он, когда уезжал, хотел чтобы я просился к нему в шт... извините, батальон.

— Хофбауэр... — задумался Дитрих, рассеянно сжимая и разжимая кулак. — А, вспомнил! Хороший офицер, сейчас командует взводом в первом батальоне. Но там пока вакансий нет, Шольке. Да и вообще, все должности командиров рот во всех батальонах заняты и я не хочу делать перемещения. Их я знаю а тебя пока нет, понимаешь?

— Тогда что мне делать? — растерялся Гюнтер, не предполагавший такого развития событий. Честно говоря, он был уверен что как только приедет то сразу вступит в командование ротой. Отличится, возможно, и на батальон встанет. А теперь..

— Неделю назад сломал ногу командир бронеразведывательного отряда... — начал, колеблясь, Йозеф. — Умудрился это сделать свалившись пьяным из кузова грузовика, кретин несчастный... Теперь долго в госпитале будет валяться, щупая задницы медсестёр... Там есть гауптшарфюрер, временно исполняющий обязанности командира но он, по-моему, не слишком справляется. Авторитета не хватает или что... Готов всегда быть на острие атаки, служить глазами и ушами своих товарищей? — вкрадчиво спросил Дитрих.

Гюнтер подавил вздох. Конечно, это не то на что он рассчитывал, довольно серьёзное понижение в должности. К тому же дополнительный риск гибели, ведь разведчики первыми примут на себя вражеский огонь... С другой стороны и отличиться шанс тоже выше чем командиром в обычной роте. Да и нет других вариантов, похоже... Придётся согласиться!

— Готов, Зепп! — уверенно кивнул он головой. Чему быть того не миновать... Опять этот Алекс со своими поговорками!

— Отлично, Шольке! — повеселел Дитрих. — Отправляйся прямо туда, принимай командование и наводи дисциплину. Мне надоело что они вечно шатаются без дела, займи их чем-нибудь! — напутствовал он Гюнтера. — Роске, бездельник! Ко мне! — вдруг заорал Зепп.

Дверь открылась и в кабинет зашёл невозмутимый помощник.

— Вот, посмотри на этого шалопа! — деланно возмутился Дитрих. — Целый день сидит за стеной и ни хрена ничего не делает! Спит и "Чёрный корпус" читает! Который уже раз хочу отправить его в строй но жалко... Кроме него никто не может лучше в качестве помощника вести бумажную работу. Первостатейный плут! — припечатал Йозеф Роске.

— Я подавал вам рапорт о переводе меня в строй уже восемь раз... — спокойно ответил тот. — Вы сами меня не отпускаете.

— И не отпущу! — выпучил глаза Зепп. — Я, что ли, должен разбираться во всей этой бумажной хрени?! А свои рапорта можешь себе засунуть туда где не светит солнце! Этот офицер назначен мною командиром отдельного бронеразведывательного отряда, понятно? Вместо Брайтшайдера. Поставь его на довольствие, словом, проведи по документам и сопроводи в расположение разведчиков, чтобы не потерялся... Всё, свободен! — махнул он рукой.

— Прошу за мной, оберштурмфюрер.

Они вышли из здания штаба и побрели по тихой улице на западную окраину городка.

— Ну, как вам наш Зепп? — глянув на Гюнтера, спросил Роске, заворачивая за угол дома. — Не разочарованы?

— Примерно таким я его и представлял... — ответил он, оглядываясь вокруг. — А здесь довольно неплохо! Такой патриархальный немецкий городок.

Где-то за домами начал неторопливо звонить колокол в церкви. Мимо иногда

проходили люди, военные и гражданские. Как Гюнтер понял, здесь располагался не только "Лейбштандарт" но и некоторые армейские части.

— Да, мне тоже нравится... — улыбнулся помощник, подходя к большому двухэтажному дому с двустворчатыми воротами во внутренний двор. — Только что-то мне подсказывает что долго мы здесь не задержимся. Кстати, вот мы и пришли! Здесь располагаются наши бронеразведчики! — сказал он, наваливаясь на створку ворот и, со скрипом, открывая её.

Гюнтер зашёл внутрь вслед за Роске, хмыкнул и недовольно покачал головой.

Двор представлял собой обширный открытый участок, по бокам которого стояли несколько сараев, откуда раздавалось довольное хрюканье поросёнка и квохтанье кур. Несколько из них лениво бродили по двору, настороженно посматривая на людей. В углу, возле большого корыта, аккуратно врытого в землю, толпились несколько уток и гусей, пытавшихся поплавать в импровизированном бассейне. Наверняка в таком хозяйстве должна была быть и корова но та, скорее всего, сейчас на лугу. Но недовольство Гюнтера вызвал не этот пасторальный пейзаж германского фермера.

В дальнем конце двора, под наскоро сооружённым навесом, стояли рядом две боевые машины. Точнее, два броневика.

Одним из них являлся лёгкий "Sd.Kfz. 223", четырёхколёсный разведывательный броневедомобиль с противопульной бронёй, вооружённый пулемётом "MG-34" во вращающейся башне. Мог развивать скорость по шоссе до 80 км/ч. Покрашенный в стандартный серый цвет, он стоял с раскрытым моторным отсеком позади корпуса. Рядом, на небольшом столике, лежали гаечные ключи, молоток и другие инструменты.

Другой его собрат представлял собой более грозное зрелище. Он был выше и длиннее, а также у него было целых восемь колёс, по четыре с каждой стороны. Покатый лоб корпуса, с защитной, треугольной пластиной перед радиатором, переходил в небольшую башню, из которой торчали два ствола — 2-см малокалиберной пушки и того же пулемёта что и у "223". Гюнтер сразу его узнал. "Sd.Kfz. 232" — 8-колёсный тяжёлый броневедомобиль, обладающий способностью резко поворачивать в сторону, благодаря всем рулевым осям. Обладая орудием он мог с успехом бороться с аналогичными по классу вражескими машинами и даже лёгкими танками. Это гробообразный броневик был ранним предком будущей знаменитой "Пумы", которая придёт ему на смену. Обе машины были радиийными, с дугами над корпусом, и могли связаться со своими частями в радиусе нескольких километров чтобы доложить обстановку на пути движения.

Возле машин никого не было видно но Гюнтер быстро нашёл взглядом того кто, видимо, должен был заниматься ремонтом или техническим обслуживанием машины но вместо этого бессовестно манкировал обязанностями. В дальнем углу, в тени крыши дома, на бревне расположился человек в белой нательной рубахе и штанах с подтяжками, лицо которого было накрыто чёрной пилоткой. Он тихонько посапывал, не обращая внимания на шум во дворе. Скорее всего, это был механик одного из броневиков.

Нахмурившись, Роске хотел было направиться к нему но Гюнтер остановил его, дав понять что справится сам. Тот усмехнулся и направился восвояси, тихо прикрыв за собой створку ворот. Неслышно ступая, Гюнтер подошёл к нему вплотную, наклонился к уху и громко рявкнул:

— Смирно! Доложить обстановку!

Как подорванный, спящий вскочил, ещё не успев окончательно проснуться, вытянул

руки по швам и начал громко докладывать, глядя на Гюнтера полусонными глазами:

— Оберштурмфюрер, занимаюсь проверкой технического состояния вверенного мне броневедомобиля в ходе регламентных работ! Докладывает обершарфюрер СС Георг Майснер!

Гюнтер одобрительно хмыкнул, оглядев своего будущего подчинённого. Мало того что мгновенно проснулся так ещё и правильно, без запинки, доложил. Майснер полностью пришёл в себя и теперь с интересом рассматривал его а Гюнтер делал то же самое с ним.

Ростом они были примерно одинаковы, разве что механик был на сантиметр или два пониже. Возрастом тоже он не особо отличался от Гюнтера. Короткие, светлые волосы, крепкая фигура, квадратный подбородок, внимательные глаза с хитринкой и слегка измазанные маслом ладони. На первый взгляд довольно опытный вояка, явно не новобранец, службу знает но, пользуясь отсутствием твёрдой руки, решил расслабиться. Вполне понятная ситуация, можно работать и приводить его в адекватное состояние.

— Каково состояние обеих машин? — осведомился Гюнтер, поставив на землю свой чемодан и оглядываясь на броневики. — Есть проблемы?

— Ничего серьёзного, оберштурмфюрер! — ответил обершарфюрер, надев на голову свою чёрную пилотку. — "Здоровяк" полностью исправен а у "Малыша" надо свечи поменять. Оба заправлены, вооружение загружено и проверено, ходовая часть и радиостанции в порядке.

— "Здоровяк" и "Малыш"? — удивился Гюнтер, подняв брови.

— Так точно! Мы их по-простому называем, оберштурмфюрер... — пояснил Майснер, весело усмехнувшись. — Не будешь же во время боя кричать — "223, слева оружие!" или "232, впереди танк"! А по имени или фамилии... Так мало ли, влезет кто на нашу частоту и узнает лишнего... Разрешите спросить? — внезапно поинтересовался он.

— Хочешь узнать кто я такой? — понятливо улыбнулся Гюнтер. Как ни странно, здесь, среди своих новых сослуживцев, он почувствовал себя как дома. Казалось, именно здесь его настоящее место а вовсе не в Берлине. — Сейчас узнаешь. Где временный командир отряда?

— В доме, проводит занятия с личным составом... — не моргнув глазом, ответил механик и покосился на приоткрытое окно, из которого не доносилось ни звука. Гюнтер тоже посмотрел в окно и с сожалением покачал головой. Скорее всего, весь личный состав дрыхнет без задних ног, пользуясь тем что этот Брайтшнайдер один из них... Что ж, пора наводить порядок!

— Послушай хороший совет, Георг Майснер... — обратился он к подчинённому, подойдя вплотную. — Не ври мне! Нам вместе воевать и мы должны быть как одна команда, понял? Неважно какой там у вас залёт, но я должен всегда знать правду! Иначе в бою мы не сможем друг другу доверять и сдохнем на радость врагу. Вопросы?

— Никак нет! — твёрдо ответил обершарфюрер, причём на его лице мелькнула смесь досады и вины. Похоже, не всё так безнадежно..

— Давай, зови всех сюда. Будем знакомиться... — вздохнул Гюнтер и снял фуражку. Солнце пригревало и в чёрной форме было довольно жарко. Надо будет переодеться и побыстрее, иначе от него станет вонять как от... словом, плохо вонять.

— Слушаюсь! — выпалил Майснер и рванул в дом. — Отряд!!! Строиться на улице! Бегом! — раздался его рёв изнутри.

В ответ послышались неразборчивые восклицания и ругань. Но не прошло и пары минут как раздался грохот сапог и наружу начали выбегать его новые подчинённые, на ходу

застёгивая чёрные куртки, надевая пилотки и закидывая на плечо оружие. Первым выскочил широкоплечий гауптшарфюрер, видимо, и есть тот самый Брайтшнайдер. Почти у всех были сонные лица а от парочки вообще несло алкогольным духом. Мда... определённо надо закрутить гайки!

Весь бронеразведотряд разобрался по экипажам, по росту и замер посреди утоптанного двора, глядя на него. Гюнтер заметил что большая часть людей, хоть и стоит по стойке "смирно" но умудряется это сделать так что было видно их слегка расслабленное состояние. Причём, у многих на форме были нагрудные знаки за атаку, у нескольких за ранение, а у двоих продетые через пуговицу чёрно-красные ленточки "Железного Креста". Ого, похоже, тут те ещё ветераны собрались, с некоторым уважением подумал он. С другой стороны, в разведку как раз и стараются направлять опытных, чтобы они могли мгновенно определить силы противника и принять под огнём верное решение, как спасти себя и товарищей. Несколько новобранцев легко определялись по более новой форме и строгой уставной стойке.

Всего во дворе собралось около тридцати человек, не считая самого Гюнтера. Так, это экипажи "Здоровяка" и "Малыша".. А эти, которые стоят по трое-четверо? Видимо, экипажи других броневиков, которые расположились в других дворах. Неудивительно, все они сюда бы и не влезли.

Брайтшнайдер, убедившись что все стоят как положено, вышел из строя и вытянулся перед Гюнтером:

— Оберштурмфюрер! Личный состав отдельного бронеразведывательного отряда моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер" построен! Докладывает временно исполняющий обязанности командира отряда гауптшарфюрер СС Брайтшнайдер!

— Вольно! — отозвался он. Все слегка расслабились, перенеся вес на одну из ног. — Гауптшарфюрер, встать в стой!

— Слушаюсь! — рывкнул тот и вернулся обратно.

Гюнтер заложил руки за спину и медленно прошёлся перед своими новыми боевыми товарищами, пристально вглядываясь в их лица. Теперь он за них отвечает. Их жизнь и смерть в его руках. Впрочем, как и наоборот! Гюнтер знал каково это, командовать людьми, в Польше он уже это делал. В сущности, ничего сложного. Самое главное — выполнение задачи! Желательно, с наименьшими потерями. Он имеет право послать их под пули и сам повести их туда, иначе от его командирского авторитета не останется ничего. Здесь собралась настоящая элита войск СС, они сами не боятся смерти и не потерпят над собой того кто трусит. А значит, надо быть ещё круче этих волков! Но этого мало... Настоящий командир, за которого солдаты будут готовы пойти даже в ад, всегда должен заботиться о подчинённых, иначе грош ему цена. И это значит не только следить за обеспечением личного состава хорошим питанием, обмундированием и боеприпасами но и вступаться за них перед начальством, если те набедокурят. А такое рано или поздно обязательно случится, он чувствовал это! Ведь здесь собрались не мальчики из церковного хора а настоящие солдаты, для которых убить человека как плюнуть на землю.

— Солдаты! — начал Гюнтер, остановившись посередине. — Я — оберштурмфюрер СС Гюнтер Шольке. Назначен командиром нашего отдельного бронеразведотряда. До этого служил в батальоне охраны фюрера в столице. Также как и вы, воевал в Польше. Смотрю, тут многие уже с боевым опытом, понюхали пороха на востоке, верно? — спросил он у всех сразу.

Строй молчал, продолжая изучать своего нового командира.

— Требований у меня немного! — продолжал Гюнтер. — Я приказываю — вы делаете. Даже если приказ вам непонятен. В бою иногда нет времени всё подробно объяснять, так что если я скажу чтобы вы плюхнулись в дерьмо и зарылись в него то жду молчаливого исполнения а не тупых вопросов зачем, почему и тому подобного. Это не моя личная прихоть а требования боевой обстановки, понятно?

Разведчики продолжали молчать, прожигая его своими взглядами. Тишина прерывалась только шумом проходивших и проезжавших на улице, за воротами, людей и машин, а также живностью во дворе.

— Я мог бы вам привести пример когда один кретин-подчинённый отказался выполнить мой, по его мнению, глупый приказ и через секунд десять погиб... Но не буду. Вы сами уже обстрелянные парни и должны всё это понимать. Далее... Сегодня в первый и в последний раз я вижу в расположении отряда такую безалаберность и злостное нарушение устава! В дальнейшем, буду строго за это наказывать! Лично! — мрачно нахмурился он.

Заметив как шевельнулся Брайтшнайдер, Гюнтер спросил:

— Что-то хотите добавить, гауптшарфюрер?

— Хотел бы уточнить, оберштурмфюрер, про какие нарушения вы говорите? — поинтересовался бывший взводный, смотря на него со слегка удивлённым видом. Гюнтер подошёл к нему вплотную и посмотрел прямо в глаза. Тот, не отводя взгляда, стоял с каменным выражением лица. Хочет поиграть в гляделки? Да пожалуйста..

— Что ж, если вы решили прикинуться глупыми мальчиками из "Гитлерюгенда" то поясию... — усмехнулся Гюнтер, продолжая смотреть в упор. — Караульная служба налажена отвратительно! Часового нет вообще... Какой-то хрен валяется в тени, не доделав ремонт вверенной ему боевой техники! От некоторых из вас пахнет шнапсом! Достаточно или мне продолжить? Отвечать!! — внезапно рявкнул он прямо в лицо Братшнайдеру.

Гауптшарфюрер невольно вздрогнул, моргнул... и отвел взгляд. Что и требовалось доказать! Впрочем, тот быстро взял себя в руки и заговорил:

— Моя вина, оберштурмфюрер! Что касается часового то мы же на своей земле, вокруг куча своих частей, кого тут опасаться? А выпивка... У Клауса сегодня день рождения вот мы и плотнули немного. Техника исправна, хоть сейчас в бой. С "Малышом" работы на пять минут, наш Георг прямо сейчас всё доделает... — оглянулся он на давешнего механика, который сейчас тоже стоял в строю, одетый по форме.

— Так точно, оберштурмфюрер! — восторженно воскликнул тот. — Можете засечь по своим часам, командир!

— Отставить! — жёстко сказал Гюнтер и механик, который уже наострился бежать к броневнику, замер на месте словно статуя. — Я не распускал строй! Наш Папа недоволен вами. Он сказал что вы расслабились как проститутки в конце рабочего дня! Или ночи... А я не люблю расслабленных солдат потому что отлично знаю к чему это может привести! И допускать этого не намерен! Так же как и краснеть из-за вас перед всем "Лейбштандартом"! — повысил он голос.

— Вы, свинские собаки, должны подавать пример всем остальным! — злился Гюнтер, в который раз оглядывая подчинённых. — И что же я вижу? Кучу мордovorотов не знающих чем заняться! Может заставить вас отжиматься по двести раз? Или ходить строем с утра до вечера? Как вам эта идея?

Красноречивое молчание послужило ему ответом. Судя по взглядам, хотя бы некоторые

прониклись... Уже неплохо! Но пора переходить к главному..

— Слушайте меня внимательно, бойцы... — продолжил Гюнтер нормальным голосом. — У нас осталось совсем немного времени до начала активных действий. Скоро придёт наш черёд показать "томми" и "лягушатникам" как могут сражаться настоящие немецкие парни, которые готовы на всё чтобы выполнить приказ... И я хочу чтобы мы все были одним целым! Командой, в которой каждый друг другу доверяет и готов прикрыть спину! Иначе просто сдохнем... Я думаю, никто не хочет гнить в земле когда наверху будут греметь победные фанфары, верно? — усмехнулся он. — А для этого слушайте меня и тогда, возможно, у вас появятся больше шансов прогуляться по Парижу и попробовать французские дырки..

На лицах солдат появились ухмылки, раздались еле слышные смешки.

— Хотя не уверен что мы почувствуем разницу... Но проверить всё равно не помешает! — открыто улыбнулся Гюнтер, чувствуя что нашёл общий язык с парнями взвода. — И последнее... Всё что происходит в отряде должно остаться здесь! Мы сами будем карать тех из-за кого у товарищей будут неприятности! Сами поздравлять и помогать им! Запомните! Перед Папой и фюрером я всегда буду на вашей стороне! Стану защищать как смогу... Но, если понадобится, пристрелю любого из вас как паршивого пса, который решит оскалить зубы на своего или плюнет на приказ!

Гюнтер, с суровым видом, снова прошёлся перед строем и тихо спросил:

— Всем всё понятно?

— Так точно! — грохнул могучий, слаженный рык, от которого всполошились куры и забегали в поисках укрытия.

— Вольно! Разойдись! — скомандовал он и тут же подозвал Майснера.

Тот тут же подбежал к нему и вытянулся:

— Оберштурмфюрер! По вашему..

— Отставить! — прервал его Гюнтер и спросил: — Тебе отдельный приказ... Найди чёрную, зелёную и коричневую краску. Нужно за... три, максимум четыре дня нанести камуфляж на все наши броневики. Ясно?

— Так точно! — кивнул механик. — Найду!

— Хорошо... Потом поспрашивай в ремонтных мастерских куски стали не меньше двух сантиметров толщиной. Установим их как дополнительную лобовую и бортовую броню. Задача ясна?

Тот снова кивнул.

— Всё, свободен! И доделай сейчас же "Малыша", чёрт бы тебя побрал! — крикнул он вдогонку Майснеру.

Оглядевшись, Гюнтер почувствовал что настроение стремительно улучшается. Один из солдат, выслушав тихие слова от недовольного Брайтшайдера, направился к воротам, поправляя пистолет-пулемёт на плече. Механик схватил инструменты и залез в потроха броневика, а остальные, переговариваясь, снова потянулись в дом.

Что ж, пожалуй, на первое время он себя показал. Но, конечно, всё решит их первый бой. Только после него подчинённые смогут окончательно принять его как своего командира. Естественно, при условии если он выживет и не угробит отряд. Или не провалит боевую задачу..

В любом случае, здесь Гюнтер чувствовал себя на своём месте. Даже его любимые женщины как-то слегка отступили на задний план. Вся его жизнь в Берлине осталась лишь в

воспоминаниях... Которые, возможно, получится освежить после вражеской капитуляции. Главное, они в безопасности, ведь налётов на Берлин не будет ещё несколько месяцев. Можно начинать писать письма..

С широкой улыбкой на лице Гюнтер подхватил свой чемодан, зашёл в дом и остановился на пороге:

— Эй, разведчики! Кто-нибудь скажет где моя комната, раздолбай?... — и весело рассмеялся.

Берлин.

3 мая 1940 года.

Лаура Блюм.

Девушка стояла в палате и бездумно перестилала постели. В этом не было ничего странного, ведь такая работа тоже входит в обязанности медсестры, пока пациенты находятся на прогулке или процедурах. Другое дело что это перестилание продолжалось уже довольно долго. Закончив с одной кроватью, Лаура переходила к другой, третьей, четвёртой... А потом начинала заново!

Удивлённые пациенты, терпеливо дожидавшиеся конца уборки, то и дело заглядывали в палату но медсестра не обращала на них никакого внимания. Она просто не понимала что делает. Тело выполняло привычную работу без всякого контроля мозга который, в это самое время, был занят тем же что и прошлые два дня — воспоминаниями о Гюнтере.

С того самого момента когда её любимый скрылся в вагоне поезда Лаура погрузилась в какое-то странное состояние. Она куда-то шла, что-то делала, с кем-то разговаривала но всё это, казалось, происходило не с самой Лаурой а с какой-то другой девушкой, управлявшей её телом. Сама медсестра равнодушно наблюдала за всем этим со стороны, продолжая неотрывно прокручивать в памяти последние слова Гюнтера, ЕГО улыбку, запах, движения..

...Она смутно помнила что с вокзала домой её подвезли Ева и Лотта. Девушки утешали Лауру, успокаивали... но, в конце концов, уехали. Оказавшись дома, она бездумно бродила по квартире то и дело останавливаясь и разглядывая ЕГО вещи. Вот парадная фуражка, которую ОН не взял с собой... "Да зачем она мне там нужна? Чтобы превратилась в замызганную тряпку или вообще потерялась?"..

В шкафу висели парадный китель и шинель с такими красивыми молниями. Девушка нежно погладила ткань кончиками пальцев и прижалась щекой, жадно вдыхая слабый запах одеколona Гюнтера. В голове снова проносились ЕГО слова — "Я люблю тебя!"..

В тот день она так и не смогла поесть, хотя желудок настойчиво напоминал о себе. Не раздевшись, Лаура так и заснула, крепко прижав к себе его подушку, а утром, как обычно, пошла в клинику. Фрау Кох что-то спрашивала но Лаура так и не смогла вспомнить о чём именно. Погрузившись в работу, девушка так и провела весь день но вечером, несмотря на усталость, с трудом уснула за полночь, сжимая в руке ЕГО перчатки..

...Сегодня повторилась та же история. Убирая постели, она вроде бы слышала голос фрау Кох но никакого желания общаться с кем-либо так и не возникло. Закончив с последней кроватью, Лаура поправила подушку и снова направилась к первой, намереваясь повторить процесс..

— Лаура!.. Лаура!! Ты что, оглохла совсем, девочка?! — ворвался в уши раздражённый голос старшей медсестры. Равнодушно повернув голову, девушка без эмоций посмотрела на свою начальницу, не переставая разбирать постель.

Фрау Кох, в своём обычном белом халате и чепчике, стояла рядом с ней, уперев руки в боки. Позади женщины столпились пациенты той палаты в которой она убиралась, и смотрели на девушку с некоторым страхом.

— Вот скажи мне! Что ты делаешь? — спросила она, нахмутив брови.

— Убираюсь, фрау Кох... — медленно проронила Лаура, меняя наволочку.

— В который раз? — хмыкнула начальница, не отрывая от неё взгляда. — В пятый? Или шестой?

Девушка молча отвернулась, не удостоив её ответом. Теперь настала очередь пододеяльника..

— Так! Похоже, всё гораздо хуже чем я думала! — сказала фрау Кох, и повернула к себе медсестру. В следующее мгновение сильная пощёчина буквально развернула Лауру, заставив её рухнуть на разобранную постель. В голове девушки словно что-то взорвалось, левая щека горела огнём, из-за чего пришлось прижать к ней ладонь. Мозг, отвлечённый неожиданной болью, слегка стряхнул с себя оцепенение и Лаура ошеломлённо спросила:

— Фрау Кох, за что?!

— Не за что а почему! — поправила медсестру начальница, вглядываясь в неё. — Ну, вот уже получше... Давай рассказывай что случилось?

— Случилось? — с удивлением переспросила девушка, поглаживая щеку. — А что случилось?

— Ты опять начинаешь? — посуровела старшая медсестра. — Это я у тебя должна спросить!

— Я... я не понимаю о чём вы, фрау Кох... — искренне спросила Лаура, гадая что произошло с её начальницей, которая всегда к ней хорошо относилась, хоть и не давала спуска.

Женщина тяжело вздохнула и обернулась к пациентам, которые так и продолжали стоять возле двери, активно перешёптываясь.

— Господа, выйдите за дверь, пожалуйста! — обратилась она к ним. — Через несколько минут вы сможете лечь на свои места а пока нам нужно поговорить.

Мужчины вышли, закрыв за собой дверь и начальница обернулась к Лауре.

— Хорошо, я объясню! Вчера ты пришла на работу на час раньше, и начала убираться там где не нужно. Твоя форма была не глажена, волосы в беспорядке, чепчик вообще отсутствовал. Твоё счастье что тебя не заметил доктор Венцель, иначе ты так легко бы не отделалась! К тебе обращались я, пациенты, твоя подруга Фрида... За весь день ты не сказала ни слова! Ходила по клинике как привидение! Ушла домой без разрешения! — постепенно повышая голос, говорила женщина.

У Лауры удивлённо расширились глаза. Как такое может быть? Она ничего не помнит из этого! Может, фрау Кох её с кем-то спутала?..

— А сегодня? Ты помнишь что сделала сегодня? — продолжала начальница, сверкая глазами от гнева. — Утром тебя попросили помочь перебинтовать пациента после операции! Что же ты сделала, а? Молча прошла мимо, даже не посмотрев на врача! Доктор Кригер был просто в ярости!.. Потом я сказала тебе погулять с пациентом в парке! А ты... ты просто бросила его на улице и ушла обратно в корпус, снова занявшись уборкой, в которой не было никакой нужды! Такое поведение нашего персонала никуда не годится, слышишь, девочка? Поэтому, ты мне всё расскажешь или я буду вынуждена доложить доктору Венцелю о твоём поведении! Вполне возможно, он тебя даже уволит! Теперь ты понимаешь что наделала, глупая девчонка?

С каждым словом старшей медсестры у девушки округлялись глаза всё больше и больше. Это невозможно чтобы она так себя вела! Просто невыносимо! Что фрау Кох выдумывает? Она бы в жизни... Внезапно в голове Лауры прояснилось и она застыла в шоке! А ведь

точно... Память услужливо подсказала как она, выведя пациента на улицу, просто развернулась и зашла обратно, отправившись убирать палату. А до этого пропустила мимо ушей просьбу доктора Кригера... Боже, какой кошмар! Неужели это она?! Что с ней произошло?..

Густо покраснев от стыда, девушка низко опустила голову, избегая смотреть на свою начальницу. У неё просто не было слов! Как можно было так себя вести? Позор, какой позор! Подумать только, фрау Кох, несмотря на то что Лаура относительно недавно здесь работала, сколько раз ставила её в пример! А сейчас что?..

— Простите, фрау Кох... — еле слышно прошептала она, спрятав пылающее лицо в ладони. — Я не понимаю как так вышло... Извините меня, пожалуйста.

— Для этого я должна знать что с тобой произошло! — строго сказала женщина. — И не вздумай отнекиваться! Я вижу что ты сильно не в себе и хочу знать истину! Хватит всхлипывать, давай говори!

Лаура почувствовала что какой-то спазм сжал её горло и она не могла сказать ни слова. Стыд перед строгой но справедливой начальницей, а также робость перед ней заставили медсестру открыть правду. Сделав над собой усилие, девушка с трудом прошептала только одно слово:

— Гюнтер..

Фрау Кох тяжело вздохнула и покачала головой:

— Я подозревала что дело в нём... Рассказывай, что случилось? — потребовала женщина, пристально глядя на Лауру. — Он тебя обижает?

Не в состоянии больше выговорить ни слова, девушка отрицательно мотнула головой.

— Так... Значит, он тебе изменил? Вот мерзавец! — в праведном гневе предположила старшая медсестра. — Такой красавчик как он..

Медсестра отчаянно покачала головой, показав что начальница опять попала пальцем в небо.

— Как? — удивилась та. — А что же тогда? Или он вообще тебя бросил?! — эта фраза привела Лауру просто в ужас и она, наконец, проглотила ком в горле.

— Он уехал! На фронт! — крикнула девушка и, не в состоянии больше сдержаться, буквально разревелась, повалившись на разобранную кровать и закрыв лицо руками. Тугая боль и напряжение, сковавшие её сердце с момента отъезда любимого, начали понемногу рассасываться. Рыдая, Лаура смутно почувствовала как сильные руки фрау Кох ласково привлекли девушку к себе и начали осторожно поглаживать её по голове.

— Теперь-то я поняла тебя, моя девочка... — успокаивающе говорила начальница. — И ты себе места не находишь, верно?

Лаура только и смогла что кивнуть головой, ничего не видя из-за слёз, застывших глаза.

— Ну ничего-ничего, хватит плакать, девочка. Ты ведь сама понимаешь, он офицер нашего фюрера и должен находиться там где опаснее всего... — тихо вещала старшая медсестра, продолжая поглаживать волосы девушки. — Такая уж судьба мужская, тут ничего не изменишь. Они там, на войне, сражаются за нас, за страну... А мы тут, ждём их возвращения, скучаем, пишем письма, поддерживаем чем можем... Ты должна быть сильной, девочка, слышишь? Ради своего Гюнтера! Он не должен знать что ты так сильно переживаешь... Ему там трудно а ты помогай ему отсюда! Хорошо работай, пиши радостные письма и ни в коем случае не огорчай его! Твой Гюнтер должен быть уверен что у тебя всё

хорошо..

Лаура медленно кивала, постепенно успокаиваясь. Осторожно вытерев слёзы, она подняла голову и посмотрела в лицо своей начальнице:

— Фрау Кох... а у вас тоже кто-нибудь там, на фронте? — спросила девушка.

— А как же! — с удивлением уставилась та на неё. — И муж там, и брат... Да и сын старший недавно добровольцем пошёл... Знаешь как сердце у меня за них болит? Иной раз так кольнёт что сама не знаю что и думать... То ли случилось что, то ли просто так... Но я никому ничего не показываю, поняла? И ты тоже не должна! Как бы тяжело не было но мы, женщины, должны терпеть! И работать, выполняя свой долг перед фюрером и Германией! Только тогда наши мужчины победят и вернуться домой, живые и здоровые! — закончила она, отстраняя её от своей груди. — Письмо ему ты уже написала?

— Нет... — с сожалением покачала головой Лаура. — Он уехал позавчера и ещё не успел прислать мне свой адрес. Но я обязательно ему напишу, фрау Кох, обещаю! — твёрдо сказала она, глядя на начальницу.

— Верю! — ободряюще улыбнулась та и поправила ей волосы. — А теперь давай, иди в туалет, приведи себя в порядок и начинай работать как раньше. Хорошо, девочка?

— Конечно, фрау Кох! — несмело улыбнулась в ответ Лаура. — Я вам так благодарна! Огромное спасибо вам!

— Да не за что, моя девочка! — рассмеялась, вставая и поправляя свою форму. — Знаешь сколько раз я утешала таких молоденьких глупышек как ты? О, ты просто не представляешь... Что я только не выслушала! — усмехнулась та. — Ведь быть начальником это не только говорить что делать и контролировать выполнение. Нет, всё гораздо сложнее! Твои работники живые люди, у них часто есть свои собственные проблемы, из-за которых они могут плохо работать... Настоящий руководитель должен всегда знать что происходит у него в коллективе и помогать своим подчинённым, иначе в самый неподходящий момент он рискует остаться без работника. А это никуда не годится! Конечно, есть те кому плевать на всё лишь бы люди худо-бедно работали и оставляли свои проблемы дома... Вот только пусть потом не удивляются что подчинённые работают спустя рукава и преподносят начальству разные неприятные сюрпризы!..

Они вместе вышли из палаты, в которую тут же начали заходить заждавшиеся пациенты, удивлённо смотрящие на них. Распрощавшись на пороге, фрау Кох направилась по своим делам, напоследок ободряюще улыбнувшись, а Лаура пошла в туалет.

...Приведя себя в порядок, она вышла оттуда и столкнулась со своей подругой Фридой, медсестрой из хирургического отделения клиники. Это она недавно успокаивала бьющуюся в истерике Лауру, когда к ним привезли израненного и залитого кровью Гюнтера после пожара. На удивлённый вопрос Фриды что с ней случилось, девушка, неожиданно для себя, смогла без надрыва кратко рассказать про Гюнтера.

Подруга выслушала её и, после сочувственного аханья, вдруг ошеломила Лауру простыми словами, которые буквально всколыхнули девушку:

— А ты езжай к нему! И тогда будешь рядом с ним!

От удивления та остановилась посреди коридора и посмотрела на Фриду:

— Куда, к нему? Ты о чём?

— Так ты же медсестра? Умеешь ухаживать за ранеными? Вот! — убедительно кивнула сама себе подруга. — У моей мамы сестра есть, тоже медсестрой тогда была, ещё при монархии, так вот она, чтобы рядом со своим мужем быть, отправилась к нему на фронт и

стала работать в полевом госпитале. Правда, он всё равно погиб... — грустно закончила Фрида.

Но Лаура уже не слышала окончания этой истории, всецело захваченная идеей подруги. Удивительно, как такое ей самой в голову не пришло? Боже, она и в самом деле глупышка, права фрау Кох! Надо было сразу об этом подумать, тогда, возможно, она бы вместе с Гюнтером уехала! Вместо этого девушка два дня провела впустую, страдая от тоски, хотя решение было на поверхности! Ей хотелось ударить себя по голове от такой собственной недалёковидности... Вот Фрида, хотя тоже не особо умная, но и то сразу сообразила а она? Что ж, зато теперь надо действовать безотлагательно!

— Фрида, ты просто умница! — радостно обняла она свою подругу. — Спасибо за замечательную идею! А теперь мне пора бежать!

И, не слушая удивлённых возгласов девушки, она буквально побежала к кабинету доктора Венцеля. Запыхавшись, Лаура хотела уже постучать в дверь когда внезапно замерла, поняв что несколько поторопилась. Сначала она хотела немедленно уволиться и этим же вечером ехать к Гюнтеру но вдруг к ней в голову пришла отрезвляющая мысль... Куда она поедет? Ведь Лаура даже не знает где именно находится "Лейбштандарт"! Да, судя по словам Гюнтера где-то в районе Аахена, но не ездить же ей вокруг города наугад? Нужен точный адрес! К тому же далеко не факт что её уволят уже сегодня... А может и вообще не уволят! От этого предположения девушка пришла в замешательство. Что же делать?..

После некоторого раздумья Лаура вспомнила слухи, ходившие среди персонала Шарите, о том что у доктора есть влиятельные знакомые в СС. Сам Венцель всячески отнекивался, если у него прямо спрашивали про это, но делал так неубедительно что было видно совершенно обратное. Глаза довольно сверкали, а голос был наполнен важностью.

Приняв решение, девушка решительно постучала в дверь кабинета.

— Да, войдите! — послышался изнутри голос Венцеля.

Открыв дверь, она зашла внутрь и присела на стул возле его рабочего стола, пытаясь собраться с мыслями. Насколько Лаура знала, доктор был хорошим человеком и знающим специалистом, относился к своим подчинённым хоть и требовательно но уважительно, не был замечен в самодурстве и других грехах которыми часто страдают начальники. К самой Лауре Венцель испытывал, похоже, отцовские чувства, старался всегда помогать ей в работе и не придирался к мелким огрехам в работе. Возможно, это потому что у него есть дочь всего лишь на несколько лет младше девушки, думала она.

— Моя дорогая Лаура! — радостно воскликнул он, увидев кто посетил его кабинет, и вышел из-за своего стола. — Как хорошо что ты зашла! Фрау Кох мне сказала что ты какая-то странная на работе. У тебя что-то случилось, милая? Могу я чем-нибудь помочь самой лучшей медсестре нашей клиники?

Девушка глубоко вздохнула и, избегая его взгляда, скороговоркой проговорила:

— Здравствуйте, доктор! Мне нужно чтобы вы меня уволили как можно скорее и рассказали где находится "Лейбштандарт"! — вывалила она самую суть, пока у неё не пропала смелость.

Венцель был настолько удивлён что у него приоткрылся рот а глаза расширились. Несколько секунд он просто не мог ничего сказать. Лаура была настолько смущена своими словами что низко опустила голову. Ну вот, сейчас он закричит и заставит её уйти... Или вызовет фрау Кох... Даже непонятно что хуже.

Наконец, придя в себя, доктор озадаченно хмыкнул и решил снова сесть за стол.

— Признаться, дорогая Лаура, я ничего не понимаю... Может ты объяснишь мне подробности? Почему я должен тебя уволить и причём тут "Лейбшгандарт"? — спросил он полным изумления голосом.

Сглотнув от волнения она решила сказать всю правду, ничего не скрывая:

— Понимаете, доктор... я знаю что веду себя неподобающе, но я вынуждена... В общем, вы же знаете что я и Гюнтер..

— Что вы встречаетесь и вместе живёте? — усмехнулся Венцель по-дружески. — Господи, да об этом знает самая последняя санитарка! Иногда я думаю что наша клиника одна большая телеграфная станция! Стоит только кому-нибудь что-то сказать или увидеть как через час все всё знают в самых мельчайших подробностях! Прямо-таки мгновенная связь!.. Но причём тут я?

— Доктор, только от вас зависит моё счастье! — взмолилась Лаура, подняв глаза на Венцеля. — Прошу вас, помогите мне и я буду вечно благодарна вам!

К её удивлению, доктор вдруг покраснел, неловко расслабил галстук-бабочку под халатом и посмотрел в сторону.

— Что... что ты имеешь в виду, Лаура? — его голос внезапно сел, а глаза бегали по кабинету, избегая смотреть на девушку. — Твое счастье? Но я... я не могу, понимаешь? Это решительно невозможно!

У девушки упало сердце от разочарования. Как?! Из-за чего? Неужели он не пойдёт ей навстречу?

— Но почему, доктор? — с надрывом спросила она, чувствуя что её глаза наполняются слезами. — Что вам мешает? От этого зависит моя судьба! Разве так трудно выполнить мою просьбу?

Потеряв хладнокровие, Венцель покраснел ещё больше и снова выскочил из-за стола, в волнении принявшись быстро ходить по кабинету:

— Ты соображаешь что говоришь, Лаура!? — воскликнул он, дрожащей рукой вытащив платок из кармана и вытерев вспотевшее лицо. — Конечно, это вовсе не так просто как ты думаешь! Нет, я понимаю, ты молодая, красивая... Возможно, у вас с Гюнтером вышло некоторое недопонимание... Но зачем так сразу рубить с плеча? Вы ещё помиритесь и всё будет хорошо, поверь мне! Нет, мне приятно твоё внимание, девочка... Но я женат, понимаешь? Я люблю свою жену и детей! И тем более, никогда не был сторонником служебных романов! Нет, я очень сожалею, но никак не могу помочь твоему счастью! Извини, но это так! — закончил он, тяжело дыша.

Лаура с удивлением смотрела на него. Она ничего не понимала. Причём тут его жена, дети? Служебный роман? И о каком недопонимании с Гюнтером он говорит? Какая-то загадка... Внезапно девушка вспомнила свои слова и буквально остолбенела, поняв что случилось... Неужели он решил что она в него влюбилась!? Так вот чем объясняется его странная реакция? Боже мой, что она наделала? Надо немедленно всё исправить!..

— Доктор Венцель! Вы всё неправильно поняли!.. — начала она, но внезапно, представив ситуацию с его стороны, Лаура невольно прыснула от смеха. Подумать только, она и доктор! Пытаясь сдержаться под недоумевающим взглядом начальника, девушка попыталась продолжить но не смогла совладать с собой и звонко рассмеялась, закрыв лицо руками.

— Лаура, с тобой всё в порядке? — спросил Венцель, осторожно тронув за плечо содрогающуюся от смеха девушку. — Принести воды?

С трудом покачав головой, она смогла успокоиться примерно через минуту. Вся красная, со слезами на глазах, Лаура попыталась улыбнуться, шмыгая носом, но Венцель опять всё не так понял.

— Ну-ну, успокойся, девочка, не плачь... — погладил он её по голове. — Ты же должна понимать что мы не можем быть вместе. Причины я тебе объяснил... Вот увидишь, скоро твой Гюнтер снова помирится с тобой.

Глубоко дыша, Лаура громадным усилием воли смогла сдержаться от нового приступа хохота. Да, давно она так не смеялась!.. Но всё же надо, наконец, рассказать ситуацию, иначе бедный доктор так и будет в заблуждении.

— Я неправильно выразилась, извините меня! — проговорила девушка, виновато улыбаясь. — Мы с Гюнтером вовсе не ссорились и я не... не влюблена в вас.

— Тогда что же значат твои слова о счастье? — удивился Венцель, вздохнув с облегчением.

— Дело в том что мой Гюнтер позавчера уехал на фронт. И я поняла что не могу тут оставаться, доктор! Я должна быть там, с ним! Вы же знаете, я медсестра и могу быть полезной в полевом госпитале. Кроме того, это и мой долг, помогать тем кто на передовой! — добавила девушка ещё один довод, зная что для Венцеля это не пустой звук.

— Ах вот оно что! — улыбнулся доктор, понимающе кивая головой. — А я тут подумал... Ну и удивила же ты меня, Лаура! Я уж решил что... Впрочем, ладно, забудем об этом! Так всё-таки, ты хочешь ехать туда по зову долга или из-за Гюнтера? — лукаво поинтересовался он, хитро глядя на неё.

— А разве одно другому мешает? — спросила она в ответ. — По обеим причинам!

— Что ж, твоё желание похвально... — задумчиво ответил Венцель. — Но ты уверена что выдержишь? Там ведь обстрелы, опасность, тяжёлые бытовые условия... Для хрупкой молодой девушки это не шутки.

— Я знаю что выдержу, доктор! — уверенно ответила девушка. — Главное, быть там, рядом с нашими героями! Я не изнеженная белоручка и не боюсь трудностей!

— Понимаю... — одобрительно сказал он. — Они там, на фронте, все герои! Я могу похлопотать о твоём переводе туда. Но что скажет твоя мать? Насколько я знаю, она против того чтобы ты рисковала собой.

Господи, мама! Лаура даже не подумала о ней! Да, она будет абсолютно точно не в восторге от новой инициативы своей дочери. Историю проживания с Гюнтером женщина с трудом приняла, хоть и ворчала что приличная молодая девушка не должна была так быстро прыгать в постель к мужчине, даже если он служит в охране самого фюрера. Но работа на фронте это совсем другое дело! Зная мать, девушка была уверена что та, если потребуется, силой заставит её остаться. Значит придётся сделать всё в тайне... Отказываться от своего плана Лаура точно не намеревалась! Если мама против... то это проблема самой мамы! А она уже не маленькая девочка и намерена сама решать как ей жить!

— Не беспокойтесь, доктор! — улыбнулась девушка. — Я её уговорю! Она поймёт меня.

Венцель с сомнением хмыкнул но промолчал. Зато выдвинул новый аргумент:

— Ты здесь на хорошем счету, Лаура, и я не уверен что фрау Кох готова с тобой расстаться... Что ты на это скажешь?

Она снова приуныла. Да, её начальница тоже могла помешать девушке, так как доктор часто прислушивался к её советам. Придётся уговорить строгую старшую медсестру, она тоже должна понять Лауру..

— Я прошу вас, поговорите с ней, доктор! Она вас очень уважает! — умоляюще попросила девушка. — Уверена, вы найдёте нужные слова!

Венцель улыбнулся. Лесть может найти дорогу к сердцу даже самого нечувствительного человека а он таким не был.

— Что ж, я попробую... Но есть ещё одна проблема, Лаура. Раз уж ты решила покинуть нас то должна найти себе замену. Думаю, это будет справедливо, верно? — сказал доктор, пристально глядя на неё.

Девушка с готовностью кивнула. Как раз недавно к ним пришли на работу несколько новых девочек, и парочка из них, на её взгляд, подавали хорошие надежды в качестве будущих медсестёр.

— Конечно, доктор! — согласилась она. — Я подберу себе помощницу до своего увольнения, обещаю.

— Вот и хорошо, Лаура! — произнёс он, с удовольствием откидываясь на спинку стула. — А теперь, раз мы решили эту проблему то..

— Извините меня ещё раз, доктор! — тихо перебила девушка. — Но не могли бы вы узнать где сейчас находится "Лейбштандарт"? Чтобы я знала куда ехать?

Венцель озадаченно моргнул:

— А с чего ты взяла что я это знаю?

— Ну... — протянула Лаура, слегка улыбнувшись. — Все говорят что у вас влиятельные друзья в СС. Вот я и подумала..

— Враньё! — энергично отмахнулся доктор, но его довольные глаза выдали себя. — Кто такое говорит? Не слушай ты их... Просто пару раз поговорили с бывшим пациентом. Да и зачем тебе заранее это знать? Как только... Точнее, если я добьюсь твоего перевода то в документах будет сказано где находится его полк. Так что это уже не проблема..

— Сказали что вы недавно разговаривали с самим рейхсфюрером? — с восхищённым видом спросила она.

Тот смутился и отвёл глаза:

— Уже и это знают? Никакой секретности, просто кошмар! Было дело, не спорю... Но это вовсе не значит что мы друзья!

— Я очень прошу вас, доктор! — самым ласковым голосом произнесла Лаура, призвав на помощь всю свою женскую хитрость. — Помогите мне перевестись в полевой госпиталь СС. Кстати, я вспомнила, Гюнтер перед отъездом просил меня передать вам подарок, бутылку вашего любимого французского вина... Если хотите, могу её принести уже завтра? — улыбнулась девушка, прекрасно зная эту маленькую слабость начальника.

Против такого зубодробительного приёма Венцель уже устоять не смог и кивнул головой:

— Передай мою благодарность Гюнтеру, когда увидишь его там... — потёр он руки от удовольствия. — А вино... да, думаю, завтра я смогу принять этот подарок от нашего героя. Кстати, говорят, он отлично выступил на стадионе? — вдруг спросил доктор.

— Да, я и мои подруги были в восторге! — согласилась та, вспомнив как с горящими глазами Лотта с Евой рассказали эту историю.

— А насчёт перевода... Ничего пока обещать не буду! Поговорю кое с кем... А ты пока иди, работай! — сказал он, не в силах убрать улыбку с лица.

— Я знаю, у вас всё получится, доктор! Вы просто волшебник! — на прощание сделала ему комплимент девушка и, попрощавшись, вышла из кабинета.

Направляясь в свой корпус Лаура вся сияла от радости. Совсем скоро она снова будет рядом с любимым и разделит с ним все трудности и опасности войны. Главное, они будут вместе! Остальное не важно!

Берлин.

3 мая 1940 года.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Уже который день он был напряжён как струна. Воспоминания о том злосчастном разговоре в кабинете фюрера преследовали Генриха даже ночью, вызывая кошмары, от которых Гиммлер просыпался мокрый от пота. То и дело казалось что вот-вот зазвонит телефон и резкий голос Гитлера сообщит ему о полной отставке. Тогда это будет полным крахом в его карьере... да и в жизни тоже. Враги не упустят случая расквитаться с когда-то всемогущим рейхсфюрером.

Сидя в кабинете, за свой столом, Генрих бездумно перебирал разные бумаги не видя их смысла. Даже недавний визит Хеди не смог наполнить его оптимизмом, как бы она не старалась... Нет, секретарша, конечно, попыталась узнать в чём дело и сможет ли она чем-то ему помочь, но он лишь грустно покачал головой. Увы, но здесь она бессильна.

Лицо Гиммлера исказилось от ярости когда он вспомнил про этого проклятого гестаповца который работал на русских больше десяти лет. Грязная свинья! С каким удовольствием Генрих лично бы пытал эту мразь из-за которой вся его жизнь повисла на волоске! Люди из "РСХА" докладывали что фюрер приказал провести над ним особую казнь... Она заключалась в том что избитого, с переломанными костями, но ещё живого Вилли привязали и на его лоб стали монотонно падать капли воды. Гиммлер слышал про этот способ, вроде бы китайский. От неё человек может сойти с ума. Что ж, фюреру не откажешь в фантазии, признал он. И ведь, какая сволочь, работал в той самой организации которая и должна была выявлять таких как он! Даже был награждён за отличную работу! Неудивительно что его даже не заподозрили... Вёл себя тихо, никуда не лез... словом, образцовый, дисциплинированный немец, идеальный работник, чтоб его!

Отбросив бумаги, Генрих встал из-за стола и прошёл к окну, равнодушно оглядывая давно знакомый пейзаж на улице. Машины, люди... Каждый из них целеустремлённо куда-то шёл или ехал, у них была цель, уверенность в завтрашнем дне. А вот он, Гиммлер, не знал что будет с ним даже через несколько минут. Может войти Бергер, Раттенхубер или даже его личный адъютант, приказать сдать оружие и арестовать именем фюрера.

Номинально и официально он по-прежнему первый человек в СС, никто не знает о том разговоре с Гитлером, но как же неприятно чувствовать себя бессильным! Впрочем, тому же Герингу ещё хуже, мысленно усмехнулся Гиммлер. Да, хоть что-то радостное случилось... Интересно, кого фюрер планирует поставить на место рейхсфюрера вместо него? По мнению Генриха ни один из его замов не годится для этой цели. Слишком мало опыта и авторитета. Назначь любого из них и тут же среди верхушки СС начнётся такая грызня что мало никому не покажется. Он, Гиммлер, может держать всех в узде а вот другие... Очень сомнительно! Надо как-то поправить свой положение перед фюрером, реабилитироваться. Но как? Нужен какой-то успех, причём крупный, такой чтобы перекрыть последствия его провала. Вот только где его добыть, этот успех?

Напряжённые раздумья ни к чему не привели. Сокрушённо вздохнув, Гиммлер вяло

подумал, может пригласить фюрера в Вевельсбург, там где сосредоточилась тайная, мистическая сила "Чёрного ордена"? Ритуалы, обряды посвящения новых членов, старинные документы о "чаше Грааля", короле "Генрихе 1 Птицелове"? Пообщаться с членами "Аненербе"? Развеемся, отвлечься от тяжких дум? Или отправиться туда одному? Хотя нет, фюрер вряд ли сейчас найдёт время для этого. На носу вторжение в страны Бенилюкса, генералы утрясают последние детали, каждый день идут совещания. Нет, лучше быть в Берлине, держать ситуацию под наблюдением.

Вернувшись к столу, Генрих решительно вытащил бутылку коньяка из одного из ящиков, открыл её, налил половину бокала и одним глотком опустошил его. Скривившись от вкуса напитка, Гиммлер рухнул в кресло. Не было настроения ни работать ни делать что-либо. Может, вызвать к себе этого проныру Шелленберга и пообщаться с ним? А почему бы и нет?..

Коньяк мягко обволакивал мозг, принося успокоение и расслабляя. Возможно, это и не такая уж и плохая идея? Хитрая бестия по имени Вальтер вполне может посоветовать что-нибудь. Ясное дело, вводить его в курс дела Гиммлер не собирался, но просто намекнуть на то что срочно нужна хорошая новость для фюрера... Да, так он и сделает! Приободрившись, Генрих убрал бутылку обратно и велел Хеди позвать Шелленберга..

Москва.

3 мая 1940 года. Вечер.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Устало раздевшись он, со вздохом облегчения, повалился на свою кровать, не обращая внимания на громкие разговоры соседей за тонкой стеной барака. Да, за эти дни ему пришлось хорошо потрудиться но это того стоило. Практически всё что от него зависело, он сделал. Готовы одежда, оружие, транспорт и место будущего содержания для этого Александра. Не всё прошло идеально но так всегда бывает когда операция многоходовая. Просто невозможно учесть все детали, особенно если ты один. Пришлось оставить за собой пару трупов но это не страшно, таких как они искать вряд ли будут. Настоящие отбросы общества, скорее всего, советская милиция даже спасибо бы ему сказала, узнай они что пара уголовников закончила свою жизнь несколько часов назад.

Служка за Кругловым тоже дала свой результат. Теперь Алексей знал где тот живёт, с кем... Когда приходит на работу и уходит. Маршрут передвижения, внешность, даже некоторые привычки. Если всё получится, этот нквдшник завтра умрёт, причём именно тем способом и в то время когда это нужно именно ему, Алексею. Конечно, тот постарается выжить и нарушить его планы, когда узнает что ему приготовлено, но если верна информация Кати и его собственные наблюдения, то у него просто не будет выбора. Конечно, это не значило что он не приготовил другой план, на случай провала. Крайне нежелательно, но тогда придётся действовать по самому грязному варианту... Что ж, по сравнению с тем что делали и делают подчинённые Берии, его действия в этом варианте, не будут чем-то особенным.

В парке, где должны будут завтра появиться Александр, Катя и её подруга, тоже всё готово. Он специально выбрал самый глухой, заросший участок, где появление посторонних маловероятно. В противном случае, могут быть жертвы среди них. Не то что бы это сильно огорчало Алексея но и просто так убивать прохожих он тоже не хотел. В конце концов, это

делается не ради удовольствия а для пользы дела. Если удача не повернётся к нему задом то следующий день будет просто замечательным. Он не только прикончит как минимум троих сотрудников "НКВД" но и серьёзно нарушит планы Берии и Сталина в отношении этого Саши.

Дополнительная трудность была в том что у него было очень мало времени и любая задержка могла выйти боком. И это не считая того что вся гуляющая компания, кроме чекистов, должна остаться живой. Александр, понятное дело, ну и Катя тоже, раз уж он решил рискнуть и не убивать девушку. Что же касается её подруги то её смерть тоже была необязательна так что пусть живёт. Алексей просто лишит их сознания и оставит лежать на земле... Девушек, конечно, потом допросят, но что они смогут рассказать кроме его изменённой личности? Главное, не произнести много фраз пока девушки ещё будут в сознании, так как, несмотря на все усилия, он не смог изменить голос настолько чтобы Катя не узнала его. Подсознание недовольно бурчало, все ещё пытаюсь убедить его не оставлять никаких свидетелей нападения на перебежчика но Алексей заглушил его. Девушки останутся жить и точка!

Открыв принесённый с собой небольшой фибровый чемоданчик он осторожно выложил на кровать то ради чего сегодня два уголовника распрощались с жизнью. Эта вещь определённо поможет ему завтра если всё пойдёт вкривь и вкось.

Новенькая командирская гимнастёрка и галифе младшего лейтенанта государственной безопасности! А также портупея и фуражка... Про это богатство он узнал случайно, когда в очередной раз обратился к обитателям московского "дна" за совершенно другой вещью. Двое урок похвастались перед ним своей удачей и предложили приобрести задёшево. На изумлённый вопрос Алексея откуда они всё это взяли те рассказали что месяц назад наткнулись на пьяного в хлам чекиста, который уснул на скамейке в парке. Сначала эти двое проходимцев решили просто ограбить его но потом приняли решение не мелочиться, рассудив что форму тоже можно кому-нибудь толкнуть. Удостоверение, к сожалению, они просто порвали. Немного помяли нквдшника, пользуясь его состоянием, сняли форму и дали дёру.

Он сразу понял какой подарок ему предлагают. Осторожно выяснив что эти двое болванов никому не успели похвастаться такой находкой, Алексей без малейших колебаний решил судьбу уголовников... Сказав что деньги у него на квартире, он повёл их за собой. Радостные и предвкушающие хорошую выручку, бандиты расслабились, оживлённо переговариваясь и начиная делить шкуру ещё не добытого медведя. Заведя их в глухой переулочек, Алексей двумя мгновенными ударами по горлу убил урок. Тела сбросил в колодец неподалёку, пользуясь не до конца прикрытой крышкой люка..

Была мысль воспользоваться формой чтобы вплотную приблизиться к охранникам но он решил не рисковать. Завидев одетого по форме коллегу те, скорее всего, даже из простого любопытства будут наблюдать за ним и мгновенно убить их не получится. Вряд ли там окажутся неопытные недавние стажёры, лучше перестраховаться и быть готовым к схватке с опытными профессионалами. Так что при подходе к ним он оденет ту одежду на которую они обратят меньше всего внимания... А уж потом займётся главной целью.

Ещё его мучил вопрос — будут ли эти двое чекистов единственной охраной или же, по сигналу тревоги, к ним быстро присоединится подкрепление? С одной стороны, оно будет заметно. К тому же, благодаря секретности, вряд ли кто-то знает про ценность этого Александра, так что могут решить что парочки хватит. С другой стороны, перестраховку

"НКВД" никто не отменял. Возможно, подумают что кашу маслом не испортишь..

Теперь вооружение. Как бы он хотел иметь бесшумное оружие для того чтобы не рисковать понапрасну и убить охрану не приближаясь к ней! Увы, Алексей не знал есть ли оно вообще, а если есть то как его достать. Значит придётся по старинке, ножами. Всего один выстрел и там будет не продохнуть от ищеек Берии.

Завтра утром, когда к нему прибежит Катя он, как бы между делом, осторожно намекнёт ей чтобы они прогулялись именно в той части парка что ему нужно. Пока она, с Сашей и своей подругой, станет добираться до места, Алексей займётся Кругловым, который в этот день будет ещё дома. Заставит его сделать всё что нужно и тут же поедет в парк. Главное, сделать всё так чтобы вся компания продолжала быть там, не уходя куда-то ещё. Ну а потом ликвидация охраны, нейтрализация свидетелей, захват цели и отход по заранее подготовленному маршруту. Да, план сложный, но в целом, выполнимый. Конечно, одному всё делать трудно, зато риск предательства минимален.

Осторожно сложив форму обратно в чемоданчик Алексей поставил его под стол и оглядел свою убогую комнату. Недолго ему осталось здесь жить... Сегодня днём, на работе, он уведомил Петровича что будет вынужден уехать на несколько дней, сочинив правдоподобную историю про больных родителей в деревне. Тот, подкреплённый сорокаградусным доводом, поверил и выхлопотал у начальства мастерской для него несколько отгулов. Это было нужно чтобы на время сменить жильё, в случае если "НКВД" умудрится докопаться до него. К тому же понадобится первое время часто приезжать к пленнику чтобы тот не вздумал сбежать, пользуясь его долгим отсутствием. Да и вообще, была мысль уволиться, другие рабочие уже начали открыто говорить что Петрович покровительствует ему и помогает прогуливать, а план выполнять им... Часть вещей надо будет оставить в квартире, чтобы создать иллюзию возвращения. Или пока не спешить и остаться пожить? С самой Катей, если та пройдёт проверку, он планировал встречаться на пути к её дому, чтобы узнавать последние новости о ходе поисков. Естественно, никто не будет рассказывать девушке все подробности но хоть какая-то информация уже хлеб.

Раздевшись, Алексей лёг под одеяло и достал из потайного места два маленьких медальона, которые он хранил с самого детства. На одном была изображена его красавица-мать в дореволюционном белом платье с широкополой шляпой. Она ласково улыбалась, глядя на своего уже взрослого сына. На другом смущённо смотрела на него Машенька, его первая девушка и любовь. Второй медальон им сделал в Петербурге один из мастеров, когда они ещё жили в бывшей столице империи до того когда Алексей зарезал важного советского чиновника за попытку изнасиловать его женщину.

Горло свело судорогой а глаза защипало. Всё... Всё у него отняли проклятые коммунисты! Никого не пощадили, твари! Скоты!.. Ради своей проклятой революции убили множество людей, разрушили страну! Да, теперь понемногу они же восстанавливают её границы но кто вернёт к жизни погибших!?

— Никогда не прощу, суки!! Никогда!! Кровью вашей зальюсь, животные, всё равно мало будет! — прохрипел он срывающимся от ненависти голосом. Мгновенным движением выхватив один из ножей Алексей, сжимая его в кулаке, с размаху всадил его в стену почти на треть. Перегородка вздрогнула и за ней тут же воцарилась тишина. Видимо, соседи решили что он разозлился из-за их громкой болтовни и таким образом выразил своё негодование.

Выплеснув злость, он с усилием вернул оружие на место и залез под одеяло. Звуки за стенкой возобновились но гораздо тише. Неудивительно, когда увидишь как из стены торчит

остриё ножа, трудно не понять душевное состояние соседа. Осталась всего одна ночь до активных действий после долгого перерыва, а потом... Предчувствуя вражескую смерть радостно зашевелился зверь внутри. Он тоже готовился к бою... или бойне.

— Я отомщу за тебя, мама. Слышишь? — тихо сказал Алексей, глядя вперёд невидящими глазами. — И за тебя, Машенька. И за Тихона тоже... И ты, старый казак Антип, если слышишь, то знай... Завтра я сделаю это не только за себя но и за вас... Знаю, такое не вернёт вам жизнь... Но это будет правильно! Справедливо!.. Простите меня что не смог спасти вас... Может после этого я и попаду в ад, к чертям на сковородку, но мне уже давно плевать на себя. Меня держит здесь только месть... Жизнь? — горько усмехнулся он. — А зачем мне она без вас? Зачем!? Чтобы смотреть как эти "красные" строят свой коммунизм на растоптанных обломках моей любимой России?.. Даже Катя, знай она кто я есть, убила бы меня... И правильно сделала бы! Врагов надо убивать! Даже если они твои любимые люди... Будьте вы прокляты!! — внезапно закричал он во весь голос, чувствуя что едва сдерживается от рыданий.

Тихие голоса за стенкой снова затихли. Но Алексей мысленно уже был далеко отсюда. Он вспоминал как в первый раз в жизни уплетал сладкую сдобу, купленную отцом, когда тот приезжал с германского фронта ненадолго домой. Тогда они в последний раз гуляли вместе... Папа, мама и он. Родители шли под ручку и весело смеялись... И он хохотал вместе с ними.

— Отец... ты не беспокойся! Я уже не ребёнок... и не струшу, как тогда, под кроватью... Я не смог защитить маму и Машеньку... Но завтра ОНИ не смогут защитить то что им дорого. И это будет только началом!.. — едва шевелились его губы..

Берлин.

4 мая 1940 года. Утро.

Альберт Шпеер.

Новый рейхсминистр вооружения Третьего Рейха стоял, заложив руки за спину, возле окна в своём новом кабинете и смотрел вниз, на просыпающийся город. Казалось бы, привычная картина но сегодня что-то было новым. Или это он сам себя ощущал по другому? Так или иначе но неожиданное возвышение, которое он получил от фюрера, заставляло его сердце учащённо биться от радости... и страха.

Любой человек, ведомый лишь честолюбием и жаждой наживы, увидел бы в такой должности лишь одни плюсы и возможность набить свои карманы побольше, наплевав на то как обернутся его непродуманные решения стране. И теперь, после нелёгкой борьбы с самим собой, Шпеер с гордостью понимал что он победил этот соблазн. Ему не понадобится воровать миллионы рейхсмарок из казны министерства на собственные нужды. Он не станет просаживать огромные средства на роскошные рестораны и дорогих содержанок. Нет! Всё, до последнего пфеннига, Альберт потратит на то чтобы максимально помочь немецкой армии получить самое лучшее вооружение, технику и снаряжение. Причём, как можно быстрее и без ущерба в качестве. Он считал себя патриотом Германии и был готов помогать фюреру укреплять её мощь, тем более перед лицом будущих грозных испытаний.

Страх же поселился в нём от того что Шпеер боялся не справиться с таким объёмом работ. Да, множество помощников по самым разным вопросам были готовы проконсультировать его, но этого мало! Он должен сам, лично разбираться в пехотном вооружении, танках, пушках, самолётах... Знать что нужно солдатам а что можно забраковать как несущественное и бесполезное. Куда вложить побольше средств для быстрого получения результата, а чем заниматься во вторую очередь. Ведь каждая его ошибка приведёт к многочисленным жертвам на фронте! Погибнут те немецкие солдаты которые могли бы жить и принести фюреру победу! Это недопустимо для него!..

Он до сих пор терялся в догадках почему фюрер решил что Альберт справится с этим делом лучше любого другого, того же Тодта, например. Видимо, Гитлер, со свойственной ему проницательностью, разглядел в нём то что не увидел сам Шпеер. Что ж, придётся засучить рукава и взяться за дело! Пусть сегодня суббота и он мог бы спокойно отдыхать дома но новое назначение взбудоражило его и он решил поработать, извинившись перед женой и детьми, которые хотели провести с ним время. Первое совещание после вступления в должность начнётся через час, а пока пора снова изучить ту секретную папку которую он получил от фюрера.

Вернувшись за свой широкий стол в просторном, светлом кабинете Альберт раскрыл её и снова стал просматривать грубые наброски и пояснительные надписи на многочисленных страницах.

...Новый единый пулемёт от фирмы Гросфуса. Общий вид, скорострельность, конструктор Вернер Грунер. "Хм, в первый раз слышу.." — мелькнула мысль у Шпеера.

...Штурмовая винтовка "StG". Внешний вид, новый патрон для неё, фирмы-производители, конструктор Хуго Шмайссер. "А вот про него знаю!.." — кивнул он сам себе.

Новая самозарядная винтовка на 10 патронов, которая должна будет заменить "Mauser-98k". Схема, устройство, преимущества и недостатки. Отдельно указано что всё лишь предположительно и нуждается в проверке. "Ну, это уж само собой... Без этого никак!" — согласился Альберт.

Специальная штурмовая винтовка для десантников "FG". Приблизительная конструкция, описание и непрофессиональный рисунок, сделанный, похоже, второпях. "Интересно, какой умник такое придумал?" — задумался Шпеер, разглядывая странное оружие.

Дульные гранатомёты для винтовок. Какие-то ручные, наплечные гранатомёты. Новые, модифицированные танки, реактивные самолёты, загадочные "шнорхели" для подлодок... Чего тут только не было? Альберт ошеломлённо качал головой, просматривая содержимое папки. Как тут разобраться? За что браться в первую очередь? Такое ощущение что его, как щенка не умеющего плавать, бросили в воду чтобы посмотреть сможет ли он выжить. Неужели фюрер настолько верит в него что согласился на это? Сам Шпеер не то что не мечтал, он даже не предполагал такой поворот судьбы. Стать рейхсминистром! Отличная карьера для молодого архитектора, едва отметившего 35 лет. Но недаром говорят, что чем выше заберёшься тем больнее падать.

Погрузившись в размышления и рассеянно рассматривая содержимое в бумагах он не заметил как прошёл час. В себя его привёл голос новой секретарши, привлекательной блондинки с загадочными глазами, которая тихо вошла в кабинет и сказала:

— Господин рейхсминистр, вызванные вами люди собрались в приёмной и готовы войти.

— Спасибо, Берта, пусть заходят... — ответил он, невольно задержавшись взглядом на её ногах, которые не скрывала юбка чуть выше колен. На его взгляд это было немного смело для официального заведения, но возможно, это просто не его дело? Какая ему разница красивы ли ножки его секретарши если он женат и не планирует изменять жене? Правильно, абсолютно никакого! А вот один вопрос, всё-таки, следует прояснить..

— Да, и ещё кое-что! Я не люблю этого "Господин рейхсминистр!" Вы не могли бы называть меня как-то более... неофициально? — спросил он, с трудом найдя подходящее слово.

Брови секретарши чуть взметнулись а на накрашенных губах появилась ласковая улыбка:

— Как вам будет угодно. Я могу называть вас "господин Шпеер".. — произнесла она. Но не успел он выразить своё одобрение как девушка добавила: — А что вы скажете о "Мой господин Шпеер"? — и быстрым движением язычка облизнула свои губы.

От такого неприкрытого намёка Альберт почувствовал как кровь прилила к голове и он покраснел. Одновременно горячая волна прокатилась и по телу, вызвав внизу сладкое тянущее ощущение. Какого чёрта она делает? Неужели заигрывает с ним? Не может быть! Или не знает что он женат?.. Возмутительно неприличная девушка! Пожалуй, если и в дальнейшем она не исправится придётся заменить её на какую-нибудь другую, более строгую.

Придя в себя и постаравшись не выдать своё смущение он ответил, с неудовольствием ощутив что его голос слегка охрип:

— "Господин Шпеер" будет в самый раз, Берта. А теперь пригласите гостей ко мне.

— Я вас слушаюсь, господин Шпеер! — ответила девушка мягким голосом и, лукаво

стрельнув в него взглядом, вышла из кабинета.

Дождаясь когда к нему войдут вызванные люди Альберт непроизвольно расслабил узел галстука. Что-то жарко в кабинете, наверное, надо открыть окно. Но в следующую минуту эта мысль бесследно ушла, так как гости начали заходить внутрь. Рассевшись за столом они переглянулись между собой и дружно посмотрели на Шпеера. Большинство из них он знал, о других слышал. Было всего несколько из тех о ком он вообще не имел понятия. Но прежде чем Альберт успел начать совещание как дверь снова приоткрылась и заглянула неугомонная Берта. Теперь секретарша была сама официальность:

— Извините, господин Шпеер, что отвлекаю. Я хотела узнать не будет ли у вас ко мне каких-нибудь дополнительных поручений? — спросила она.

— Дополнительных? — изумился он, гадая о чём та говорит. Боже, неужели она хочет сказать?..

— Я имею в виду, может вам или вашим гостям нужен чай или кофе? — невинно поинтересовалась девушка.

У Альберта отлегло от сердца. Ну конечно, всё вполне объяснимо! А он, дурак, вообразил себе какую-то непристойную картину... Да, похоже, это не она неприлична а сам Шпеер думает не о работе а о своей новой секретарше, на время забыв что он женат и отношения у них с Бертой должны быть строго официальные. Нет, надо побыстрее вникнуть в рабочий процесс, это отвлечёт его от ненужных мыслей!

— Спасибо, но пока не надо, Берта! — поблагодарил он, с признательностью кивнув головой. — И позаботьтесь о том чтобы нас никто не отвлекал. Не соединяйте ни с кем! Кроме, разве что, фюрера... — опомнился Альберт.

— Конечно, господин Шпеер, можете полностью положиться на меня. Я сделаю всё так как вы скажете! — ответила она своим мягким голосом и вышла, цокая неприлично высокими шпильками "лодочек".

Оглядев взглядом гостей он заметил как некоторые из них с удовольствием проводили девушку глазами и понимающе кивнули друг другу. Шпеер знал что они подумали... Об этом не говорилось вслух но многие начальники фирм и государственных учреждений не стеснялись использовать своих секретарш для снятия напряжения в конце рабочего дня. Причём, не всегда это происходило вынужденно. Если начальник был щедр или хорош собой то и сами девушки не отказывали себе в удовольствии с ними. К тому же прибавка к зарплате им бы не помешала.

Альберт вздохнул. Ему хотелось доказать им что он не такой, но Шпеер понимал что всё равно ему бы никто не поверил. Имея под рукой такую девушку и не воспользоваться? Нет, не поверят... И то что он женат и любит свою Маргарет тут бы никого не убедило. Жена это жена а секретарша лишь для развлечения. Так всегда было есть и будет, исключения редки.

Окончательно отбросив мысли о Берте в сторону, Шпеер снова оглядел людей и сказал:

— Здравствуйте, господа! Я пригласил вас сюда чтобы мы вместе смогли обсудить и понять, что ещё можем сделать для того чтобы помочь нашей великой стране победить в войне. И сделать это с наименьшими жертвами... У меня есть некоторые наброски, но сначала я хочу послушать именно вас! Заодно и познакомимся с теми с кем я ещё не имел чести общаться. Так что, слушаю вас, господа! Начинайте!..

Москва.

4 мая 1940 года.

Александр Самсонов.

С самого утра он был в радостном возбуждении. Извинился перед медсестрой Таней что не дождался её и вернулся в корпус один, с чувством сделал комплимент красивой Наринэ, когда та пришла с утренним обходом и заставил её улыбнуться. Плотно позавтракал, понимая что прогулка на свежем воздухе вызовет хороший аппетит. Потом в который раз осмотрел свою новенькую форму младшего лейтенанта ГБ и снова разлёгся на кровати, ожидая Катю, которая должна была приехать за ним вместе с охраной. Жаль только что кобура была пустой, оружие ему не выдали. Видимо, посчитали что не нужно... Честно говоря, он опасался что девушка раздумает знакомить его со своей подругой из-за недавнего конфликта но её телефонный звонок всё расставил по своим местам. То есть, или она оказалась отходчивой, либо желание, наконец, избавиться от него спихнув на подругу, оказалось настолько сильным что Катя решила не откладывать дело в долгий ящик.

Состояние его было почти идеальным, регенерация работала отлично, изумляя докторов, и Саша рассчитывал с понедельника снова начать обучение в лагере. Сколько ещё там осталось для него секретов!.. Прямо зуд появлялся, когда он представлял как снова начнёт метать ножи, стрелять, бегать и прыгать.

С начальством госпиталя вопрос о его прогулке был уже решён и его ждали лишь к ужину, на вечерний осмотр и последние процедуры. Армянка улыбалась, видя как он приглаживает свои короткие волосы и в который раз чистит блестящие сапоги.

— Куда это вы собрались, Александр? — с улыбкой спросила она, встретив его в холле больницы, когда он спустился вниз, не выдержав сидения в палате. — Судя по вашему виду, намереваетесь познакомиться с девушкой?

— Это уж как получится, дорогая Наринэ... — отшутился он, бросив на неё взгляд.

Женщина стояла сбоку от него, облокотившись плечом о стену и с интересом смотрела на его приготовления к свиданию.

— Вы симпатичный молодой человек, Саша, и я абсолютно уверена что с девушкой у вас проблем не будет! — убеждённо ответила врач. — Поэтому хочу пожелать чтобы ваша избранница была красивой, умной и порядочной девушкой.

— Спасибо, Наринэ, ваши слова да Богу в уши... — усмехнулся Александр. — Впрочем, даже если у меня ничего не получится со свиданием то я не особо огорчусь... Ведь здесь меня будет ждать очаровательная женщина готовая неустанно сражаться за моё здоровье и хорошее самочувствие. Верно я говорю? — подмигнул он.

Та весело рассмеялась и прикрыла рот рукой:

— Что касается вашего здоровья, в этом вы правы... А вот со вторым... Спасибо за комплимент но моё время уже почти прошло, к сожалению. Вы же понимаете, я намного вас старше и у нас..

— Ни слова больше, Наринэ! — прервал её Саша, протестующе подняв ладонь. — Это всё неубедительные отговорки для того чтобы заранее отрезать себе ту дорогу по которой хочется идти. История знает много примеров когда избранницы были старше чем их мужчины.

— Да что вы говорите? — насмешливо вскинула брови армянка. — Может приведёте, хотя бы... ну пусть три примера?

— Легко! — победно улыбнулся Александр, тут же внутренне похолодев. Идея

рассказать о семье Трампов, Макронов и Пугачёвой с треском провалилась, так как они ещё явно не были таковыми. Вот чёрт! Думай, голова, думай! Выручай хозяина!.. Точно! Как он мог забыть про великих женщин прошлого?

— Надеюсь, вы знаете про российскую царицу прошлого Екатерину Вторую? А про фаворитку французского короля Диану де Пуатье? Еще есть Нинон де Ланкло... — с превосходством ответил он. — Все их избранники были моложе чем они сами но это не помешало им наслаждаться жизнью.

Врач презрительно хмыкнула.

— По-моему, очень неудачные примеры вы привели, Саша... Про Екатерину я слышала. И согласна с тем что её называли Великой... Только забыли уточнить что слово Великая подразумевалось великая шлюха! В детстве я читала про неё. Даже не буду касаться того что она изменяла своему мужу, так как и он был той ещё сволочью! Но потом эта похотливая баба пропустила через себя десятки мужчин, пользуясь своей неограниченной властью! Устроила во дворце какой-то вертеп, соблазняя солдат и молодых офицеров! Разбрасывалась огромными государственными деньгами на подарки своим любовникам, дарила целые поместья и тысячи крестьян, умиравших от голода! Вместо того чтобы заботиться о народе эта блядища лишь тешила свою... свою ненасытную дырку! Нечего сказать, отличный пример для меня! — всё больше повышала голос Наринэ. — Нет уж, Александр, я не желаю иметь с этой развратной царицей ничего общего! А уж про французских дворянок я не слышала и слышать не хочу!

Врач покраснелась от гнева, глаза сверкали, она тяжело дышала и Саша невольно залюбовался ею. Почему-то захотелось схватить женщину в объятия и целовать, целовать! Та подняла на него взгляд, видимо, желая добавить что-то ещё но вдруг замерла.

— Почему вы на меня так смотрите? — с вызовом спросила Наринэ, глядя ему прямо в лицо. — Вам сказать нечего?

— Вы такая красивая когда злитесь... — неожиданно признался Александр, не успев подумать.

— Что?! — изумилась женщина. Открыв рот от удивления, она впиалась в него взглядом. — Так вы специально рассказали про эту царицу чтобы меня разозлить? Совсем с ума сошли?

— Нет, я хотел... — начал он, но его внезапно прервали.

— Здравствуйте! Надеюсь, ваш начальник разрешит мне забрать этого пациента на несколько часов? — осведомилась Катя, неслышно подошедшая к ним пока они разговаривали.

Застигнутая врасплох врач обернулась к ней, мгновенно смерила взглядом и раздражённо махнула рукой:

— Забирайте своего молодого человека, милочка! А вы, Александр, могли бы и сказать мне правду про свою девушку а не выдумывать небылицы! Ведь я же вам поверила! — покачала Наринэ головой и, резко развернувшись, гордо ушла по коридору.

Катя проводила её круглыми глазами и удивлённо спросила глядя на него:

— Что это с ней? И почему вы сказали что я ваша девушка? Это же неправда! — нахмурилась она.

Александр только и смог что безнадежно вздохнуть. Объяснение бы заняло время а он не хотел зря его терять, поэтому молча вышел из здания и направился к машине, на которой приехала Катя. Усевшись рядом с водителем, Саша обернулся назад и спросил девушку:

— Куда поедет? В какой парк?

— В Сокольники! — ответила та, удобно расположившись на заднем сиденье и бережно взяла на колени небольшой букет цветов, лежащий там же. — Я утром забежала к Светке и договорилась что мы встретимся с ней там. Место хорошее, я сама иногда там гуляю.

— Что ж, пусть будут Сокольники! — согласился он. — Поехали, шеф!

Водитель бросил на него насмешливый взгляд и завёл двигатель. Машина выехала со двора и покатила по улицам, то и дело останавливаясь на светофорах. Александр снова обернулся к девушке и спросил:

— Ну, давай, рассказывай о своей Свете поподробнее... Увлечения, характер, что любит а что нет. Надо же знать что ей интересно, верно?

Катя улыбнулась и хитро посмотрела на него:

— Так прямо всё вам и выложи... Ладно, слушайте! Моей подруге 21 год, она чуть выше меня. Скромная, воспитанная, комсомолка... Хм, что ещё? Ах да, любит читать, ходить в театр, мороженое обожает... — перечисляла девушка с задумчивым видом.

— Надеюсь, стройная и целоваться любит? — усмехнулся он.

— Да, она стройная... — подтвердила Катя и тут же поправилась: — Конечно, не так как я но тоже не толстушка. А целоваться, это вы сами у неё спросите! И не обижайте её! У неё и так с парнями грустно..

— Почему? — удивился он. — Раз она такая замечательная, как ты говоришь? Или что-то в ней не то? — заподозрил Саша.

— Всё в ней "то"! — рассердилась девушка, сверкнув на него глазами. — Это вы, парни, не видите своего счастья! Всё вам не подходит! Такая девушка пропадает а вы нос воротите! Только одно вам и нужно..

— Ну да, такие вот мы... редиски! — закончил разговор Александр и развернулся обратно вперёд, решив что всё узнает сам, на месте. Со слов Кати, вроде бы, неплохая картина получается но лучше убедиться самому.

Дальнейший путь до парка прошёл в молчании. Сам он задумался, пытаясь представить внешность и характер этой Светы, Катя тоже не горела желанием разговаривать а водитель вообще был как будто немой. Вот и Сокольники!..

Выйдя из машины Саша огляделся. В своё время он бывал тут редко и сейчас смутно припоминал подробности. Судя по видневшимся вдали зданиям Московского Политехнического Университета они сейчас были где-то в районе стыка парка, улицы Галушкина и Ростокинского проезда. Александр удивился. Странно, почему их высадили именно тут? Здесь же самый нелюдимый участок... Он думал что их привезут к главному входу, возле паркового Музея, а сейчас они совершенно на другом конце... Хотя, какая разница где гулять? Главное, с кем!

Так что желание спросить причину этого выбора быстро ушло. Тем более к ним подбежала улыбающаяся девушка в свободном бело-голубом платье с цветами и крепко обнялась с Катей, мимоходом поцеловав её в щёку.

— Здравствуй, Катюшка! — звонко воскликнула Света и взяла её за руки, то и дело косясь на него. — Как хорошо что вы приехали! Я сама только-только подошла.

— Так здоровались же утром? — удивилась Катя но всё же снова обнялась с ней. — Познакомься, Света, это — Саша, мой... знакомый! Я ему рассказала о тебе и он захотел с тобой познакомиться. Саша, это — Света, моя очень хорошая подруга, замечательный человек и душа компании!

— Ну уж ты меня и расхвалила, Катя... — немного смутилась та. — Ты тоже та ещё егоза! Саша, очень приятно с вами познакомиться! — искренне улыбнулась девушка, с интересом осматривая его.

— Прибавьте свою радость в два раза и поймёте какова моя радость при встрече с вами! — вернул он комплимент. Быстро нырнул в салон машины и вытащил оттуда букет роз, проигнорировав усмешку водителя. — Это вам, Света! Как знак того что ваша красота затмевает всё вокруг!

— Ой, какие они красивые! — восторженно воскликнула девушка, втянув носом запах цветов. — Большое спасибо вам, Саша! Вы такой галантный!

На слова подруги Катя лишь тихо фыркнула, видимо, вспомнив как он "галантно" с ней спорил. Но вслух ничего не сказала, к его облегчению.

— Прошу, Света! — весело улыбувшись, Саша выставил локоть и та без колебаний просунула свою руку. Ощущая локтем тёплую тяжесть её груди он демонстративно не обращал внимания на Катю. Да и зачем? Она уже отрезанный ломоть, свою задачу — свести его со своей подругой, выполнила... Так что Александр бы вообще не возражал если бы она оставила их наедине.

Света ему сразу понравилась. Вопреки словам Кати её подруга оказалась такой же стройной как и она сама. Пышные каштановые волосы, собранные в незамысловатую причёску, рассыпались по плечам. Нежная, тонкая шея вызвала у него желание поцеловать девушку прямо туда. В маленьких ушках простенькие серёжки, на шее тонкая цепочка. Голубые глаза, ямочки на щёчках, милый носик... Словом, очаровательная особа!

На ней было, как уже раньше отметил Саша, бело-голубое платье в тон глаз, на плечах лёгкий платок а на ногах туфли на небольшом каблучке. И главное, она вовсе не дичилась, в отличии от Кати! Хотя, может потому что не знала его настоящую сущность? В любом случае, сегодня Александр намеревался использовать всё своё обаяние чтобы получить от Светы, как минимум, поцелуй..

Потянув девушку за собой он направился в парк, весело пытаясь смешить Свету анекдотами, что у него отлично получилось. Она звонко смеялась, не стесняясь того что её голос далеко разносится. Катя пристроилась с другой стороны подруги, видимо, не желая оказаться с ним рядом. Ему же это было только на руку.

Честно говоря, Саша сейчас даже удивлялся самому себе... Как он мог так сильно привязаться к ней? Да, она красивая, это бесспорно! Но характер и взгляды! Твердолобая коммунистка, абсолютно уверенная в правоте партии. Скажи ей завтра что, согласно учению Маркса-Энгельса, Земля плоская то Катя лишь кивнёт и поверит. Нет, то что девушка так верит в свою страну и ярая патриотка это хорошо, но блин, надо же иметь хоть какой-то здравый смысл и понимать что не может всё быть так как хочет товарищ Сталин! А вот с этим у неё были явные проблемы... Пропаганда рулит! Особенно на молодёжь. Впрочем, Навальный тоже был кумиром российской молодёжи, готовой идти за него в огонь и в воду. Потом, правда, многие прозрели, только поздно было для них..

Эта часть парка была более пустынной чем другие. Густые кусты и разросшиеся деревья подступали к самой дорожке а за десятиминутную прогулку из посетителей им встретилась лишь пара школьников, скорее всего, сбежавших с последних уроков. Вихрастый мальчуган лет тринадцати смущённо насупил, увидев их и крепче сжал ручку второго портфеля который нёс. Шмыгнув носом и, смотря прямо вперёд, сильнее потащил за собой свою подружку в школьном фартуке, с косичками, которая густо покраснела и опустила глаза

вниз.

Проводив их взглядом, они дружно прыснули от смеха, причём Света сильнее прижалась к его плечу и уткнулась в него лицом, пытаясь успокоиться.

— Ну вот, скоро уже они, наверное, и целоваться начнут... — предположил Саша, прижимая к себе девушку ещё сильнее. Её грудь, примерно третьего или четвёртого размера, плотно прижалась к его локтю. — Давай на ты?

— Давай! — тут же согласилась она, и грустно добавила: — А мне никто портфель не носил, когда я была в их возрасте... Зато Катьке носили.

— Нашла что вспомнить! — рассмеялась та. — Да мне приходилось силой его вырывать, вечно находились всякие дурачки чтобы таскать его. А мне никто из них не нравился.

— Так в чём же дело, Света? — удивился он. — Давай мне свою сумочку и представь что мы с тобой школьники, сбежавшие с занятий!

Девушка задорно покосилась на него и воскликнула:

— А давай! — и тут же передала ему свою маленькую сумку. — Теперь ты мой кавалер и обязан носить мою поклажу! — произнесла она торжественным голосом но с улыбкой до ушей.

— Слушаю и повинуюсь, моя принцесса! — таким же тоном ответил он. — Но сумочка слишком лёгкая для меня, поэтому я возьму свою даму!

С этими словами Саша подхватил девушку на руки и, под её счастливый визг, закружил на месте. Катя тоже улыбалась, глядя на них. Обернувшись вокруг себя раз десять Александр, наконец, сжалился над Светой и опустил её на землю. Но из-за головокружения та не смогла устоять на ногах и крепко повисла на нём, закрыв глаза и пытаясь прийти в себя. На её пухлых губках, покрытых едва заметной помадой, играла радостная улыбка.

Тяжело дыша, Света сказала, не открывая глаз:

— Саша, ты такой хороший парень! Кать, почему ты нас раньше не познакомила?

Та слегка растерялась:

— Да я сама только недавно с ним познакомилась... Но ты же знаешь что у меня Лёша, так что..

— Да-да, знаю, он настоящий мужчина. Только он намного старше тебя, верно? — спросила Света.

Она уже пришла в себя и смотрела на подругу в ожидании ответа, при этом не выказывая никакого желания отстраниться от Саши.

— При чём тут это, Свет? — вздохнула Катя. — Мы уже говорили об этом и я не хочу опять возвращаться к разнице в возрасте.

— Хорошо, Катюш, не сердись, пожалуйста! — тут же повинилась подруга. — Обещаю, что больше не буду говорить про него. Мы же подруги?

— Конечно, Света. Ты меня тоже извини, что-то я сегодня сама не своя... — призналась та, покачав головой.

...Разговаривая, они гуляли уже полчаса в полном одиночестве. Света коротко рассказала о себе и своей жизни. Она единственная дочь в семье профессора университета и школьной учительницы. Живёт в получасе ходьбы от Сокольников. Увлекается чтением, историей, литературой... Недавно сдала на серебряный значок "ГТО" третьей ступени.

— Серьёзно? — удивился Саша и оглядел хрупкую девушку. — Серебряный значок?

Света с Катей расхохотались, заметив этот взгляд.

— Ты не смотри что мы с ней такие тонкие... — смеялась Катя. — У нас силы хватило чтобы всё пройти! По бегу, лыжным гонкам и плаванию она меня опередила зато во всём остальном я была лучше!

— Да уж, как Катя стреляет просто загляденье! — напоказ вздохнула Света, лукаво стрельнув на подругу взглядом. — А я только в край мишени из винтовки попала..

— Просто надо больше заниматься а не сидеть, уставившись в книгу! — нравоучительно заметила та. — Тогда и результаты будут.

— Я не люблю стрелять... — ответила Света. — Знаю что нужно, но..

— Ничего, Света, для девушки это не главное, ведь для войны есть мы, мужчины! — поддержал её Александр. — А вы будете ждать нас в тылу, в безопасности, когда мы придём с победой... — размечтался он. — А когда придём, вы приготовите нам вкусно поесть а потом... — загадочно замолчал Саша и хитро поглядел на обеих.

— А потом? — с интересом спросила Света, заглядывая ему в глаза.

— Да, что потом? — заинтересовалась и Катя.

— А потом любимая девушка отбросит смущение, жарко поцелует и покажет своему защитнику как она по нему сильно скучала... Сколько любви накопила за это время! Как рада его возвращению живым! Уверен, после этого оба будут спать как минимум до обеда! — закончил Александр, широко улыбнувшись.

— Ох, Саша! — снова рассмеялась покрасневшая Света, опять уткнувшись ему в плечо. — Зачем же так откровенно?

— Зато правдиво! — уверенно ответил он.

Осторожно освободив свой локоть, Саша непринуждённым жестом обнял девушку за талию и снова прижал к себе. Света охотно приняла его инициативу и её рука неуверенно тоже разместилась на его поясе. Хорошо, дело идёт как надо! Продолжая идти по дорожке он чувствовал себя отлично. Обнимает красивую девушку, а та его, вокруг цветёт зелень, поют птички... Что ещё надо для курсанта НКВД, отпущенного в увольнение? Кстати, при расставании надо будет ненароком узнать её адрес. Вдруг пригодится? Хотя... а почему не прямо сейчас?

— Свет, я хочу встретиться с тобой в следующий раз, когда меня отпустят в увольнение. Погуляем, поболтаем, мороженое поедим... Что скажешь? — подмигнул он.

— Конечно, я согласна! — с пылом ответила та. — А когда это будет?

— Пока даже не знаю... — пожал Александр плечами. — Но как мне тебя найти, если вдруг внезапно отпустят? Где ты живёшь?

— Саша, если вдруг ты... — начала Катя, но подруга бесхитростно перебила её:

— Я живу на Рижском проезде, дом... а квартира... Запомнил?

— Да, спасибо большое! — благодарно улыбнулся он и чуть сжал руку на её талии.

Света в ответ хихикнула и довольно поёжилась:

— А если вдруг зайдёшь в гости то мы с мамой угостим тебя чем-нибудь вкусеньким. Только вот папа сразу потащит тебя играть в шахматы... — сокрушённо покачала она головой.

— И что? Я умею играть в шахматы... — ответил он.

— Правда? — оживилась та. Но тут же опять вздохнула: — Ты не понимаешь... Папа ОЧЕНЬ хорошо играет в шахматы, он там какой-то то ли кандидат то ли мастер... И если проиграешь то он решит что ты... ну... — она замялась.

— Что я бестолочь и не достоин такой красавицы как ты? — ухмыльнулся

Александр. — Что ж, тогда можешь хоть сегодня вечером заявить ему что я вызываю его на поединок! И если я его побужду... или победу?.. в общем, если я выиграю, то... — задумался он, пытаясь придумать награду.

— Если выиграешь то заслужишь его полное уважение... — улыбнулась она в ответ. — Однажды он сказал что если из моих знакомых найдётся тот кто его обыграет или хотя бы сведёт вничью то папа спокойно отпустит меня гулять допоздна, представляешь?

— Значит, скоро мы с тобой будем гулять до утра! — уверенно сказал Саша и незаметно переместил руку на пару сантиметров с её талии вниз. Реакции не последовало, Света даже вида не показала что заметила движение его руки. А может и действительно не заметила..

— Какой ты самоуверенный! — насмешливо фыркнула Катя. — Глупо делить шкуру неубитого медведя.

— Согласен! Поэтому, Света, сообщи отцу чтобы освежил в памяти "сицилианскую защиту" и "ферзевой гамбит"! — отшутился Александр.

— А что это? — удивилась девушка, забавно нахмутив свой лобик.

— Шахматные термины, не обращай внимания... — отмахнулся Саша.

За поворотом дорожки показался пожилой мужчина, медленно идущий к ним навстречу. Против воли Александр присмотрелся к нему.

Не высокий, чуть сгорбившийся старик, не торопясь шёл навстречу, уткнувшись взглядом в землю. В правой руке у него была палка, на которую он опирался, чуть приволакивая ногу. Круглые очки на лице и борода клином напоминали "всесоюзного старосту". Видавший виды пиджак, застиранный галстук и потёртая шляпа указывали на то что перед ними прогуливается бывший интеллигент, возможно, профессор или доктор. Саше показалось что если бы он заговорил с ним то услышал старорежимное "Чего изволите, сударь?" или ещё что-то подобное.

Александр, вместе с девушками, чуть прижался к краю дорожки чтобы тот мог пройти мимо. Не поднимая взора от земли старик чуть приподнял шляпу, благодаря за вежливость и неспешно миновал их компанию. Света с Катей, примолкшие было на минуту, вновь начали шутить друг над другом и Сашей, так что он тут же забыл о нём как только тот прошёл мимо. Какое ему дело до старика когда в его руках горячее женское тело?

— Ох, если я ему скажу такое то он тут же захочет сразиться с тобой! — снова улыбнулась Света, возвращаясь к разговору. — И не отстанет от тебя пока не разгромит в пух и прах..

— А это мы ещё посмотрим кто кого! — самоуверенно ответил он, вспоминая как сражался в шахматы с компьютером. — Ты за кого будешь болеть, за меня или за отца?

— За тебя! — тут же рассмеялась девушка. — Мне так хочется чтобы ты его победил! А то никто не может и папа очень огорчается, говоря что не осталось нормальных молодых шахматистов в Москве.

— Ну, это он преувеличивает... — покачал головой Саша. — Я готов хоть сегодня переубедить его. Как только мы погуляем в парке..

— Серьёзно? — удивилась та. — Даже без подготовки? Но он же..

— Помогите! Молодые люди! — внезапно донёсшийся откуда-то сзади крик прервал Свету, заставив их всех обернуться. Из-за поворота дороги, задыхаясь, вышел давешний старик и крикнул почему-то сильным голосом. — Помогите, пожалуйста! Тут двум гражданам плохо!

Встревоженно переглянувшись, обе девушки тут же побежали к старику. Саша, нехотя,

за ними. Вот чего ему сейчас хотелось меньше всего так это ухаживать за двумя незнакомцами. Гораздо приятнее было держать в объятиях Свету и чувствовать как её грудь прижимается к нему.

К счастью, взаимопомощь у советских людей была развита намного сильнее чем в его время, где мимо страдающего человека безразлично пройдут толпы равнодушных эгоистов а те кто останутся то только для того чтобы снять это на телефон и показать потом видео знакомым, чтобы поржать. Мда, что не говори, это был один из плюсов советской власти, который был безвозвратно утрачен после его падения..

За поворотом дороги ему открылась странная картина. Прямо на дорожке лежали двое мужчин, причём один был в такой позе что не надо ходить к гадалке чтобы понять... Пациент скорее мёртв чем жив. Оба были одеты в обычную, непримечательную одежду, один брюнет, видимо, был в кепке слетевшей с него. Другой, коротко стриженный, лежал на животе.

Обе девушки стояли возле них, закрыв рот руками от шока. Старик же вёл себя довольно странно, на взгляд Александра. Он не обращал никакого внимания на тела и смотрел почти всё время только на Сашу, изредка окидывая взглядом окружающую местность.

— Молодой человек! Быстрее, пожалуйста! У нас мало времени! — поторопил его пожилой мужчина каким-то сдавленным голосом, будто ему трудно говорить и махнул ему рукой.

Саша удивился и, поневоле, замедлил шаг не доходя метров десяти до тел и девушек. Даже отсюда он видел что мужчины не дышат. Зачем Александр нужен этому старику? Оживлять людей он не умеет, разве только вызвать милицию? Кстати, а отчего вдруг эти два типа умерли одновременно? Сразу у обоих сердечный приступ? Бред! На телах никаких ран, кроме как на виске у брюнета... Странно. Да и вообще, соседство с трупами явно не нравилось Саше. Пожалуй, надо увести отсюда девушек и вызвать милицию. Пусть они разбираются кто эти типы и почему решили умереть!

— Послушайте, дедуля, я же вижу что они мертвы! — сказал он, подавив чувство тошноты. — Мы здесь уже никак не поможем. Давайте, я вызову милицию а потом мы с девушками пойдём дальше? У нас прогулка и я бы хотел..

— Ни в коем случае! — возразил старик сильным голосом, но тут же закашлялся и продолжил опять сдавленным голосом, будто через силу: — С чего вы взяли что они мертвы? Им просто плохо. Подойдите поближе и сами в этом убедитесь. Девушки, скажите же ему!

Света молчала, всё ещё не отойдя от шока и молча смотрела на тела круглыми глазами. Зато Катя уже пришла в себя и успокаивающе положила старику руку на плечо:

— Дедушка, Саша прав! Они оба умерли, им уже ничем не поможешь... — сказала она становясь на корточки и внимательно разглядывая мужчин. — Правда, отчего они умерли я не понимаю... Такое ощущение что.. — Девушка замолчала и начала прощупывать висок одного из трупов.

К этому времени Саша уже подошёл вплотную и мрачно уставился на тела. Ему не хотелось тут быть и он намеревался забрать Свету отсюда, выйти из парка и вызвать милицию. А Катя, если хочет, пусть остаётся тут вместе со стариком и сколько угодно любит трупами.

Пожилой мужчина подошёл к ним вплотную, поигрывая своей палкой. Катя, обследовав висок одного из мужчин, вдруг побледнела и медленно подняла голову, глядя на Сашу:

— Мне кажется, что... их убили.

— Что? — удивлённо нахмурился Александр. — Как убили?

— Ему просто разбили голову... — упавшим голосом ответила та.

— Верно, молодые люди! — вдруг подтвердил дед и его палка молниеносно врезалась в живот Саше, заставив его согнуться от сильнейшей боли и повалиться на дорожку. Упав на бок, Александр увидел как чёртов старик одним прыжком оказался сзади ошеломлённой Кати и ударил её по затылку рукой. Девушка беззвучно повалилась прямо на тело одного из мужчин. В следующее мгновение та же участь постигла и Свету, успевшую только ахнуть от страха. Она упала головой на землю и затихла.

Лежащий на земле Саша был просто в ступоре и ничего не понимал. Этот старик ударил его и вырубил... или убил? его спутниц! Да он, сука, вообще охренел на старости лет?! Какого чёрта творит? И как, вообще, этот старый пень так быстро движется? Это же невозможно в его возрасте! Александр же видел как тот проходил мимо них, опираясь на палку! Да из него чуть ли не песок сыплется! Но главное... Этот придурок ударил Свету! ЕГО Свету! Да за такое он его на куски порвёт! И не посмотрит на его возраст!..

Рыча от злости и преодолевая сильную боль Саша кое-как утвердился на ногах и, шатаясь, двинулся к старику, который стоял на месте и терпеливо ждал, глядя на него через очки.

— Молодец, крепкий! — одобрил его дед снова изменившимся голосом. Тот опять стал сильным и звучным. — Давай, пошли, Александр, у нас мало времени!

От такой наглости старикана Сашу охватила слепая ярость отчего даже боль в животе стала меньше:

— Ах ты сука старая! — выдавил он, с трудом выпрямляясь во весь рост. — Пошли, говоришь?! Я тебя сейчас в землю загоню, сволочь! Ты какого хуя мою девушку ударил, псих?! Думаешь, я не справлюсь с тобой, урод?..

— Нет, не справишься! — перебил его дед. — Ты слишком мал и глуп, щенок, чтобы тягаться со мной. А твоя Света, как и Катя, живы. Они без сознания, скоро придут в себя. Мне нужен только ты, так что давай двигайся добровольно иначе опять будет больно. Ну?! — поторопил он, видя что Саша не горит желанием выполнять его приказ.

— Да пошёл ты в жопу, старый хрен! — зло ответил Александр и попытался ударить одним из тех приёмов которые начал изучать в лагере. Подчиняться какому-то старику, который ударил его и вырубил девчонок? Да ну на хрен! Разбежался! Сейчас он его как следует..

Старик перед глазами куда-то пропал, вроде бы пригнулся или ушёл в бок, но ответка последовала незамедлительно. Удар пальцем куда-то вниз и Саша вновь согнулся от боли, не чувствуя ничего ниже живота! Боже, как больно!!! Казалось, всё его тело состоит из куска обнажённых нервов и все они трепещут, поджариваясь в огне.

Как сквозь сон Александр услышал злой голос старика который сказал ему прямо в ухо:

— Идёшь сам или тебя поторопить, щенок? Думаешь, это самая сильная боль которую ты испытал? Уверяю, я могу ударить ещё сильнее. Так что, пойдём со мной добровольно, или как?

В этот момент Саше был готов на всё чтобы боль ушла и, несмотря на злость, кивнул головой. Через секунду проклятый старик что-то сделал с его телом и ему стало намного легче. Нет, боль не пропала полностью, она будто притаилась, только и выжидая момента снова вцепиться в него. На удивление, он смог даже разогнуться и уже хотел попробовать

снова приложить старика как вдруг почувствовал что тот взял его под руку, одновременно уколов в бок каким-то ножом.

— Не советую дёргаться или снова сопротивляться. При малейшем подозрительном движении мой нож проткнёт твою печень и прежде чем сдохнуть ты узнаешь все круги ада, Александр. Уверяю тебя, их будет не семь а гораздо больше! — зловеще ухмыльнулся дед.

— Зачем я тебе, папаша? — стиснул зубы Саша, похолодев от ощущения ножа в близком соседстве со своим телом.

— Позже скажу, сейчас нет времени! И учти, позовёшь кого на помощь — умрёшь! И твои спасители тоже! — пригрозил старик и потащил его в заросли.

Идти через густые кусты было неудобно и Саша то и дело спотыкался. Но чёртов старый пень тащил его с недюжинной силой, не обращая внимания на препятствия. Пройдя метров пятьдесят они вывалились на ещё одну дорожку как раз недалеко от группы пионеров в красных галстуках, оживлённо болтающих между собой.

Дед мгновенно сориентировался и снова притворился немощным, буквально прижавшись к нему. Саша услышал тихий голос:

— Если хоть как-то подашь знак, я их всех убью. Хочешь проверить?

Александр, стиснув зубы от злости, медленно покачал головой. Рисковать своей жизнью это одно... А вот группой детей совсем другое.

— Молодец, щенок, правильно мыслишь... — довольно хмыкнул старикан.

Три мальчика и три девочки поравнялись с ними и хором поздоровались:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, детишки, здравствуйте! — с улыбкой ответил его похититель и важно кивнул головой. Саша сделал то же самое, подавив желание подмигнуть детям.

Когда же дети ушли за поворот старик тут же снова потащил его в заросли. Пройдя больше километра по заросшему парку они вышли на небольшую полянку, на которой стоял грузовик "ЗиС-5" с надписью "МИЛИЦИЯ" на кузове и за лобовым стеклом. Быстр подтащив Александра к будке, старик открыл дверь и молча показал ему внутрь. Выжидая возможность напасть и понимая что это его последний шанс вырваться, он залез внутрь и когда дед попытался сделать то же самое, ударил его ногой. К огромному разочарованию Саши удар пропал впустую. То ли старик догадался о его намерении или же просто был быстрее но сумел увернуться, залезть внутрь и у Александра тут же что-то взорвалось в голове. Чувствуя что тело больше ему не подчиняется, он повалился на пол кузова и отключился..

Москва.

4 мая 1940 года. Утро.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Сегодня утром он встал ещё до рассвета, быстро позавтракал и сразу направился к своему сараю. Быстрый осмотр показал что все, казалось бы, в беспорядке разбросанные на полу вещи лежат на своих местах. Значит, никто не позарился на ветхий, полуразрушенный сарай. Переодеваясь в форму младшего лейтенанта НКВД, принесённую с собой, Алексей почувствовал как внутри него буквально кипит энергия, а зверь довольно рычит предчувствуя кровь. Долгие дни подготовки, наконец, закончились и всё что он мог, сделал. В этот день его месть проклятым коммунистам снова вырвется наружу и обернётся для них такими неприятностями которых у них не было давно! Расслабились "красные товарищи", потеряли бдительность... Ничего, через несколько часов они будут бегать как ошпаренные! А уж в каком бешенстве будет лысый нарком, когда узнает что случилось... От таких мыслей губы Алексея скривила злорадная усмешка! Жаль что он не увидит этого лично!

Переодевшись и тщательно одёрнув форму он постарался принять спокойный и безразличный вид. В конце концов всё только начинается поэтому рано праздновать победу! Главное, сделать дело правильно и без осечек. Всего одна ошибка и придётся умереть. Нет, смерти Алексей уже давно не боялся, свыкся с тем что до старости он точно не доживёт... а вот провалить такой хороший план, это было бы очень печально.

Надев фуражку он вышел на порог и огляделся. На первый взгляд всё было в порядке но внезапно внутри ворохнулась "чуйка". Кто-то следит за ним?! Медленно поворачивая голову Алексей осмотрелся. Ни одного подозрительного шороха, птицы на окружающих деревьях не встревожены, кусты шевелятся естественным образом от лёгкого ветра... Неужели показалось? Постояв ещё минуту и не обнаружив ничего подозрительного Залесский закрыл дверь сарая и направился к автобусной остановке. Похоже, у него начинается паранойя..

Уже появились первые люди, торопившиеся на работу в это раннее субботнее утро, но Алексей знал что его цель в этот день должна быть ещё дома. Изредка проезжали машины-поливальки, воздух был свежим и чистым. Приветливо улыбнувшись нескольким симпатичным москвичкам он запрыгнул на заднюю площадку автобуса и через минут двадцать уже был на месте.

Следователь Круглов жил недалеко от станции метро "Рижская" в новом четырёхэтажном доме, на третьем этаже, вместе с матерью. Был не женат, не пил, словом, вёл жизнь образцового советского чекиста. Возможно, сам по себе он и был неплохим человеком но сегодня, по плану Алексея, должен был умереть. Причём умереть именно тогда и таким способом какой был ему нужен. Да, план у него грязный но, как он давно понял, остаться чистым в таком деле невозможно. А если попытаешься то просто умрёшь без всякой пользы для себя и для цели в жизни.

Поднявшись на нужный этаж он никого не встретил из жильцов и с облегчением перевёл дух. Это был один из опасных моментов плана. Конечно, он загримировал лицо, нацепил небольшие усы но всё равно был риск что потом, когда ищейки Берии начнут опрашивать свидетелей, кто-то мог сообщить что к Круглову приходил некий сослуживец.

Лучше обойтись без этого. Вытащил из кармана нужную вещь и постарался дышать как можно реже.

Вежливо постучал в нужную дверь и когда изнутри мужской голос спросил кому там с утра не спится, ответил:

— Товарищ старший майор, это младший лейтенант ГБ Новиков! Должен вручить вам срочный пакет под роспись! Откройте, пожалуйста!

Через несколько секунд послышался звук открываемого замка и Алексей напрягся, пытаясь не показать возбуждения которое плескалось внутри него. Дверь распахнулась и на пороге показался Круглов в форменных штанах и майке, с полотенцем через плечо.

Алексей мгновенно вытянулся и вскинул руку под козырёк, одновременно спрятав другую за спиной.

— Что за пакет, младший лейтенант? — хмуро бросил следователь, протягивая руку. — И почему на дом? Я через час буду в управлении.

— Разрешите пройти, товарищ старший майор? — осведомился он, подавая Круглову запечатанный конверт с подделанной печатью и пачкой пустых бумаг внутри. — Живот скрутило... — и для правдоподобности сделал страдальческое лицо, схватившись за него.

Смерив его насмешливым взглядом следователь посторонился.

— Проходи, коллега... Туалет за углом.

— Спасибо! — простонал Алексей и, оказавшись за спиной жертвы, быстро огляделся.

На его счастье Кругловы проживали в отдельной квартире и кроме них не было посторонних. Небольшая прихожая с вешалкой, полкой для обуви и маленькой, потемневшей от времени, тумбочкой. От неё отходил маленький коридор, упиравшийся, видимо, в одну из комнат. Туалет, скорее всего, был за углом, как и сказал следователь, но он Алексею был не нужен.

Выпрямившись в полный рост он приготовился, сейчас начнётся самая главная часть операции, после которой уже не будет пути назад..

— Товарищ старший майор? — спросил он следователя, который стоял к нему спиной и продолжал распаковывать конверт.

— Да? — отозвался тот, поворачиваясь к нему и вскидывая голову.

В следующее мгновение костяшки длинного и указательного пальца Алексея резко воткнулись ему в районе солнечного сплетения. Круглов странно хрюкнул, выпучил глаза и согнулся вдвое от сильной боли, выронив злополучный конверт. Быстрое движение, монархист уже обхватил шею "чекиста" локтевым сгибом и начал душить. Не сильно, только для того чтобы тот потерял сознание. Другой рукой он плотно прижал к лицу жертвы платок, пропитанный хлороформом, который тоже достал через "чёрный рынок".

Почувствовавший что происходит явно неладное Круглов, насколько мог, пытался сопротивляться, но явная нехватка воздуха и сильная боль отнимали у него силы. Сначала он пытался разжать руки Алексея но потом, видимо, поняв что не сможет этого сделать решил прибегнуть к другому способу. Залесский уже торжествовал когда внезапно почувствовал что жертва сильно ударила его каблуком армейского сапога по верхней стороне стопы.

Теперь уже он ощутил сильнейшую боль и зарычал, пытаясь сдержать крик. Нога горела огнём так будто по ней ударили молотком но монархист продолжал душить следователя, отлично понимая что нельзя останавливаться.

Прошло секунд десять прежде чем Круглов, подёргиваясь и хрипя, прекратил сопротивление и в квартире снова стало тихо. Алексей молился чтобы в это время сюда не

вышла его мать, хотя по словам Кати, та уже еле ходила. Но всё обошлось... Осторожно расслабив нажим Залесский внимательно осмотрел следователя. Пульс, пусть и неровно, бился.

Хорошо, всё идёт по плану! Хотя и не совсем, поморщился он, растирая стопу. Боль постепенно проходила но времени не было чтобы ждать её полного исчезновения. Каждая минута на счету! Глубоко вдыхая слегка затхлый воздух квартиры Алексей подошёл к двери комнаты и приоткрыл её.

В скудно обставленной комнате, видимо, спальне, лежала на кровати старая женщина, накрытая одеялом. Она лежала на боку, лицом к стене и, судя по ровному дыханию, спала. Залесский, стараясь не греметь своими сапогами, подошёл к ней, чувствуя себя последним подонком. Его буквально корежило от осознания того что нужно сделать. Всё-таки, применять насилие к беззащитным это... Это просто скотство, недостойное настоящего дворянина, да и вообще человека! Утешало лишь только что по плану эта старушка должна остаться в живых. В сущности, та даже не поймёт что происходит... Всё, отставить рефлексии! Так надо!

Прижав платок к лицу женщины он слегка надавил. Через несколько секунд та слегка сморщилась, попыталась вяло оттолкнуть платок но тут же её рука упала на постель. Нагнувшись, Алексей внимательно прислушался. Спит... Накануне Залесский тщательно прочитал свойства хлороформа и про его концентрацию, необходимую чтобы усыпить но не убить человека и накапал на платок именно столько сколько нужно для операции. Похоже, не ошибся..

Так, теперь дальше! Вернувшись к телу Круглова, лежащего в прихожей, он вынул другой пузырёк и подсунул ему под нос. Нашатырь подействовал стандартно и следователь, фыркнув, открыл мутные глаза. Самое первое что он увидел это "наган", смотревший ему прямо в лицо.

— Давай, Савелий, подъём! — проговорил Алексей, глядя на него с ненавистью. — Пора тебе сыграть свою последнюю роль в этой жизни!

Чихнув, тот с трудом сосредоточился на нём и спросил:

— Ты что, младший лейтенант, совсем с катушек съехал?! Ты представляешь что наделал? Нападение на старшего по званию!! Тебе жить на свете надоело или перепил!? — с каждой фразой голос Круглова крепнул и он весь напрягся, готовый накинуться на монархиста как только тот ослабит бдительность. Алексей это прекрасно понимал и не спускал с него глаз. Быстрое движение свободной руки и старший майор, всхлипнув, схватился за свой пах, куда слегка ударил Залесский.

— Ты не в том положении, скотина, чтобы пытаться тут командовать! Вставай, быстро! — снова подстегнул его Алексей, схватив следователя пальцами за ноздри и потянув вверх.

— Ааа!! — вскрикнул от боли Круглов и начал вставать, преодолевая последствия удара между ног. — Что тебе надо? Денег? Дам сколько есть и вали отсюда... — прохрипел он, утвердившись на ногах. Его злые глаза с ненавистью смотрели на монархиста.

На мгновение Залесский едва не потерял над собой контроль. Этот "красный" скот хочет откупиться от него? Вот же мразь! Да всех денег мира не хватит чтобы убедить Алексея помиловать его! Если бы он знал что им движет то не пытался бы всучить ему свои деньги, залитые кровью невинных жертв! Палец на спусковом крючке сжался и монархист почувствовал сильнейшее желание вынести мозги этому бериевскому подонку но, всё-таки,

пересилил себя и сдержался. Нельзя, Лёша! Действуй по плану! Только так!..

Обуздав свою ярость Алексей сильным толчком буквально заставил Круглова ввалиться в комнату и пока тот пытался понять что надо незваному гостю, Залесский быстро подошёл к кровати и приставил ствол "нагана" к седой голове матери следователя, продолжавшей безмятежно спать.

— Я скажу что мне от тебя надо, старший майор... — начал было Алексей, но его прервал какой-то полузадушенный голос следователя.

— Ты!.. Ты что задумал, сука?! Убери от неё оружие! — с расширившимися от ужаса глазами просипел Круглов, глядя на эту чудовищную для него картину.

"Молодец, Катюша, не соврала ты мне! — довольно подумал Алексей, хотя и сам чувствовал себя не в своей тарелке от таких действий. — Он действительно обожает свою мать больше всего на свете и боится за неё больше чем за себя!"

Что ж, Залесский прекрасно понимал его. Будь он на его месте то тоже сделал бы всё что угодно для спасения матери. Вот только, увы, тем тварям из Петербурга 1917 года было абсолютно наплевать на чувства маленького Алёши, когда он был в комнате под кроватью. Их интересовала только классовая справедливость в их понимании... ну и ещё возможность пограбить и насладиться ухоженным телом настоящей русской аристократки, до которой бы они никогда в жизни не доросли в своей вонючей грязи. Каждый сверчок знай свой шесток! Их удел выполнять приказы тех кто наверху, а если вздумают бунтовать... Пороть их и стрелять! Как же жаль что тогда непростительно промедлили и побоялись принять решительные меры те от кого зависело существование империи! Трусливые генералы и Великие князья погрязли в словоблудии с крысами из Госдумы и эсэрами... А надо было поставить пулемёты и стрелять этих тварей до расплава ствола!!! Отсечь прогнившую часть как при гангрене, тогда и вся страна бы удержалась... Всё равно потом большевики залили Россию кровью во время Гражданской, а так... Эх, да поздно теперь сожалеть! Осталось только мстить..

— Хочешь чтобы она жила, а? — спросил он, прищурившись. Ствол "нагана" упёрся прямо в ухо старушке. — Одно движение и она умрёт если ты не сделаешь то что мне нужно.

Круглов судорожно сглотнул, не отрывая взгляда от оружия. Его руки дрожали от волнения и не могли найти себе места. Лицо страдальчески сморщилось, казалось, он вот-вот заплачет. Определённо, ради неё этот "чекист" выполнит всё что Залесский скажет.

— Что тебе нужно?.. — голос старшего майора звучал глухо и безжизненно. Из него будто выпустили воздух, он словно стал меньше ростом. — Что, скажи, блядь?! Зачем ты сюда пришёл?! Зачем?!

— Прекрати истерику и слушай! — стальным голосом ответил Алексей. — Бери перо, бумагу, садись и пиши!

Тот явно удивился но, увидев как дёрнулась рука Залесского на оружии, быстро достал из ящика стола в середине комнаты нужные принадлежности и сел за него, не спуская напряжённого взгляда с монархиста.

— Хорошо! — одобрил Алексей, не ослабляя бдительности. — Теперь пиши!

— Постой! — внезапно выпалил Круглов, не отрывая взгляда от своей матери. — Почему она нас не слышит? Ты что... уже её..? — его голос пропал и от только беззвучно открывал рот как рыба выброшенная на берег.

— Нет! — успокоил его Залесский. — Она просто спит. Я усыпил её хлороформом, как и тебя. Скоро проснётся.

— Откуда мне знать что ты не врѣшь? — спросил следователь, мелко дрожа от напряжения. — Может ты..

— Она мне не нужна мѣртвой, идиот! — скривился монархист. — Я не любитель убивать беззащитных.

— Дай я проверю! — не уступал тот. — Иначе ничего писать не буду!

Алексей задумался, не спуская глаз. С одной стороны было опасно подпускать сына к матери. Вдруг он как-то сможет закрыть её от него? С другой, пули всё равно достанут их обоих, в крайнем случае. А ему нужен послушный Круглов..

— Ладно, можешь проверить пульс... — разрешил он, отступая в сторону. — Но потом ты сядешь и напишешь то что мне нужно, иначе, можешь не сомневаться, твоя мать умрѣт такой смертью какую ты бы не пожелал даже врагу! Понял?

Старший майор угрюмо кивнул и вышел из-за стола. Не отрывая взгляда от матери он подошёл к кровати и склонился над ней. Алексей напрягся до предела в ожидании какой-нибудь пакости от него но всё обошлось... Тот молча пощупал пульс и, видимо, немного расслабился. Осторожно погладил женщину по волосам и медленно вернулся за стол. Взял перьевую ручку он посмотрел на Залесского мрачным взглядом и спросил:

— Что писать?

— "Народному комиссару внутренних дел СССР, товарищу Берии!".. — начал Алексей не обращая внимания на изумлѣнно расширившиеся глаза следователя.

— "Эта пояснительная записка написана мной, следователем Кругловым Савелием Архиповичем, старшим майором госбезопасности. Считаю своим долгом пояснить свои действия, поскольку больше не могу держать это в себе. Знаю, что нет мне прощенья от справедливого гнева партии и советского народа, но и понимаю что дальше с этим жить не могу.."

Круглов прекратил писать, с удивлением глядя на Залесского но тот молча прижал "наган" к голове старушки. Стиснув зубы от злости следователь снова склонился над бумагой..

— "Некоторое время назад я совершил отвратительный проступок, порочащий честь советского командира и сотрудника органов государственной безопасности. Поддавшись страху наказания, постарался скрыть все следы и жить дальше, поклявшись что больше никогда не преступлю закон. К сожалению, каким-то неведомым мне образом, об этом случае узнал враг советской власти, некий Волошин Андрей Сергеевич. Заявившись ко мне домой он предъявил доказательства моего проступка и потребовал чтобы я выполнил то что ему нужно, угрожая, в случае отказа, донести на меня моему начальству а также убить мою мать. При попытке сопротивления я был избит и едва смог уговорить его не трогать мою мать, спавшую в своей комнате.

После этого он заставил меня рассказать информацию, представляющую государственную тайну. В частности, имена и фамилии сотрудников, звания и род их деятельности, а также сведения из допросов подозреваемых, которых я допрашивал. Особенно его заинтересовал немецкий перебежчик Дитрих Краузе, который называет себя Александром Самсоновым. Находясь в подавленном состоянии и страшая справедливого наказания я выдал ему всё что знал.

После того как он узнал о том что этот Самсонов в ближайшие выходные появится в Москве, на прогулке в парке, этот Волошин сообщил мне что я больше не нужен и попытался убить меня. Чудом у меня получилось вырваться и оторваться от него в переулке.

К сожалению, я так и не смог набраться смелости и сделать то что должен был с самого начала — сдаться на милость советского суда. Теперь я знаю точно что этот враг, или иностранный агент, если не убьёт то выдаст меня начальству анонимно, предъявив доказательства моего участия в этом проступке.

При длительном размышлении я пришёл к выводу что больше не могу жить дальше. Совесть грызёт меня день и ночь, но обречь на себя гнев сослуживцев и товарищей по партии ещё горше. Если я сдамся то моя мать не выдержит позора, узнав что сделал против своего народа её любимый, единственный сын. То же самое случится когда этот Волошин сделает то что обещал. Я ему больше не нужен и поэтому для меня остаётся только один выход..

Товарищ Берия! Я понимаю что мне нет прощения, что я трус и предатель... Я прошу не о себе, моя жизнь кончена, лишь только о матери! Не говорите ей почему я это сделал! Это моя последняя просьба ради той кто меня родила и кого я бесконечно люблю! Прощайте!"

С ошарашенным видом Круглов, под давлением Алексея, расписался и поставил нужную дату. Так, вроде теперь всё правильно. Конечно, причина будущей смерти следователя выглядит натянуто и неправдоподобно но особой тщательности тут и не нужно. Цель всей этой писанины одна — отвести любые подозрения от Кати и очернить самого Круглова. Любой графолог подтвердит что текст написан им самим, подпись тоже настоящая а уж то что Савелий выбрал такой странный способ уйти от неприятностей... Пусть его сослуживцы разбираются что за отвратительный проступок он совершил, ищут несуществующего Волошина, и что именно следователь ему разболтал о Александре. Осталось сделать лишь одно, самое последнее..

— Зачем тебе это письмо? — с искренним недоумением спросил следователь, по-прежнему сидя за столом. Его глаза пристально следили за монархистом, а лоб нахмурился. Нет, дураком Круглов не был и ему потребовалось всего несколько секунд чтобы понять причину. Он побледнел, судорожно сглотнул и сжал кулаки. По виску медленно покатила капля пота. — Ты хочешь меня убить? Сейчас?

— Не совсем... — покачал головой Алексей, продолжая прижимать ствол к голове его матери. — Ты сам себя убьёшь. Точнее, повесишься. Иначе... Твоя матушка умрёт. Я выстрелю ей в живот и она будет медленно умирать на твоих глазах. А тебя пощажу. Вот только как ты потом будешь жить, зная что мог но не спас самого дорогого для тебя человека?

Голос Алексея был абсолютно спокоен чего никак нельзя было сказать о внутреннем состоянии. Сердце гулко стучало, мозг кипел а внутри всё переворачивалось от своих равнодушных слов. Он знал что просто не сможет на самом деле осуществить то что говорит. Это уже было для него за гранью. Некоторые границы просто нельзя переходить если хочешь остаться человеком и не сойти с ума. После такого хоть сам вешайся, зная что в аду для тебя уже готова большая сковородка а черти только потирают лапы в ожидании грешника. В крайнем случае он просто застрелит его и уйдёт. Конечно, это был не самый лучший вариант, выстрел услышат, люди могут выбежать из квартир и Алексей будет замечен. Да, он заgrimирован, так что описание данное свидетелями следователям НКВД не сильно им поможет но всё равно, лишний риск. И правдоподобность предсмертного письма тоже будет вызывать сомнения. Так что лучше уж верёвка..

— Ты чудовище! — прорычал Круглов, медленно вставая из-за стола. Пальцы сжали край стола так что кисть побелела. — Зачем ты хочешь чтобы я это сделал? Говори, сука!

— Что ж, ты сам убил её, Савелий... — произнёс Алексей и сделал вид что медленно нажимает на спуск. Как и ожидалось, это тут же дало эффект.

— Стой!! — закричал следователь и выпрыгнул из-за стола. — Не стреляй! Я... я просто погорячился... Только не стреляй, ладно? — его взгляд потерял ярость и теперь стал каким-то умоляющим. — Я у неё единственный сын, если умру то за ней некому будет ухаживать, понимаешь? Я готов сделать всё что ты хочешь но не заставляй меня... убивать себя! У тебя у самого есть мать, подумай о ней!

Вот это он зря сказал! Потеряв контроль Алексей одним прыжком оказался рядом и со всей силы ударил его кулаком свободной руки по животу. Хотелось бы по лицу но нельзя, Круглов должен быть без внешних повреждений на тот момент когда его обнаружат.

— О матери, говоришь? — прошипел он сдавленным от ярости голосом, едва сдерживаясь чтобы не задушить следователя. — Так вы же сами её у меня отняли, твари! Убили у меня на глазах! Беззащитную, просто так! Она вам ничего не сделала, просто хотела жить! Неужели для вас это было так много, свиньи коммуняцкие?! И после этого ты говоришь что я чудовище?! Да по сравнению с вами я домашний мальчик-гимназист, собиратель марок! Да ты, сволочь, должен на коленях меня благодарить что я хочу оставить твою мать живой и удовлетворюсь только твоей смертью! Потому что я не вы! У меня есть границы! А вот вы... Вы, радетели за народ, готовы пойти на любую мерзость, подлость, убийство, предательство лишь бы всё было по вашему! Вот только сам народ-то спросили, хочет ли он вашу власть, поганые колхозы и всё прочее? Или всех скопом во враги народа записали, в том числе и сам народ? А? Я ведь видел, начиная с 37 года как часто "воронки" по ночам мимо проезжали... А потом, смотрю, то один директор пропал, потом другой... начальники да и рабочие бесследно пропадали. И как странно, что многие были коммунистами, гордились своими "корочками", на собраниях выступали, славили усатого грузина..

Бешенство отступало и Алексей взял себя в руки, мысленно подсадовав на свою несдержанность. Надо быть более спокойным, хоть и трудно. Образ красивой, мёртвой матери снова встал перед глазами.

— Было даже смешно один раз... хотел я одного важного коммуниста год назад отправить проведать товарища Ленина. Следил за ним, приготовился. Только ночью хотел к дому подойти и что ты думаешь? Подъехали ваши и через пару минут увезли под конвоем! Я даже рассмеялся... Надо же, враги мою работу делают, сами себя уничтожают! Ирония судьбы, согласен? Впрочем, ничего удивительного, после революции часто так бывает, победители уничтожают своих верных бывших товарищей... До сих пор помню его крики: "Товарищи, это нелепая ошибка! Я верный коммунист и никакой не шпион! Отпустите меня, я буду жаловаться самому товарищу Берии! У меня есть друзья в наркомате!.." Дурачок, верно? — усмехнулся он, отходя назад.

Застонав, Круглов с трудом встал сначала на колени, а потом на ноги. Не смотря на Алексея он тихо спросил:

— Значит, ты беляк недобитый? Контра? Прихвостень царский? Как зовут-то тебя, перед смертью хоть узнать хочу?

— Обойдётся! — грубо отказал Залесский. — Тебе моё имя ничего не скажет. А что насчёт беляка или прихвостня... То это ещё как сказать. Во время революции ребёнком был так что при всём желании не смог бы сражаться против вас. Но когда вырос то взял своё! Не один "красный" урод лёг от моей руки! — зло стиснул зубы он. — Всё, хватит болтать!

Сорви занавеску и привяжи её туда! — показал монархист рукой на крюк над окном. — Будешь тянуть, изменю свой план и твоя мать станет умирать с выпущенными кишками..

С мёртвым лицом следователь сделал что он сказал. Казалось, он потерял волю к сопротивлению и жизни. Механическими движениями Круглов встал на табурет, надел на шею петлю из занавески и только теперь посмотрел на Алексея.

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок? — спросил Залесский, тоже глядя на него.

Тот прохрипел, не спуская с него своих глаз:

— Будь ты проклят, паскуда... — и вытолкнул табурет из-под ног.

— Я уже давным-давно проклят... — ответил Алексей, глядя на дёргающегося следователя но тот его уже не слышал. Через минуту тело окончательно расслабилось и в комнате тут же запахло мочой. Залесский сморщился но ничего не сказал. Вполне естественная реакция организма после смерти..

Теперь можно уходить. Оставив письмо на столе он тщательно вытер все поверхности где прикасался к чему-либо и, прежде чем выйти из комнаты, тихо сказал матери погибшего:

— Я мог бы сказать что мне жаль что так всё случилось... Но мне не жаль... Если сможешь, живи дальше. А если нет, то... — не договорив, Алексей вышел в прихожую, снова проделал все операции по уничтожению следов, собрал с пола пустые бумажки ложного пакета и осторожно выглянул наружу, на лестничную площадку.

Всё было тихо и спокойно. Выйдя наружу он захлопнул дверь и начал спускаться вниз. Уже поздравляя себя с успехом Залесский похолодел услышав как где-то наверху открылась и закрылась чья-то дверь. Подавив желание посмотреть вверх он ускорил спуск. Отчаянно надеюсь что не вовремя вышедший жилец не догадается глянуть вниз между перилами Алексей быстро вышел из подъезда и пошёл прочь.

Во дворе, на удачу, никого не было, а когда он оказался на другой улице это было уже не страшно. Перейдя дорогу Залесский успел втиснуться в попутный автобус и вскоре снова был там же откуда и уехал. Вернувшись в сарай монархист снова переоделся в одежду бедного, старого интеллигента, загримировался и нацепил очки. Приблизившись к углу своего обшарпанного барака Алексей провёл рукой под отошедшей от стены трухлявой доске и нащупал там записку от Кати, которую она оставила во время его отсутствия. Он заранее предупредил её что может ненадолго отлучиться и показал место где девушка сможет оставить ему сообщение. Залесский смог убедить её что должен знать где она находится чтобы прийти туда и посмотреть на этого Сашу своими глазами, притворившись ревнивцем. Влюблённая "чекистка" поверила ему, более того, ей явно импонировало его намерение. Красивая глупышка, что тут ещё скажешь..

Теперь настала пора второго этапа дерзкого плана. В этом обличье он дотащился до местного отделения милиции и увидел то что ему было нужно — служебный грузовик "ЗиС-5" с надписью "МИЛИЦИЯ" за лобовым стеклом. Так как места для транспорта прямо перед входом не было то машина стояла за углом. Водитель, скорее всего, находился в здании пока не понадобится выезжать на место преступления. Что ж, сегодня грузовик послужит несколько другим целям, явно не в интересах милиции..

Оглянувшись по сторонам и дождавшись когда мимо пройдут немногочисленные прохожие Алексей, не торопясь, залез в кабину и ножным стартером завёл машину. Ему повезло что "Захар" стоял не рядом с окном а чуть дальше, иначе милиционеры могли обнаружить угон служебной машины намного раньше чем хотелось бы Залесскому.

Внутренне напряжённый как струна он, не торопясь, тронул грузовик с места и покатил

к парку Сокольники, где и должна была начаться третья, главная фаза его авантюрного плана. Движение по улицам было небольшое, регулировщики спокойно пропускали его на перекрёстках, хотя, наверное и удивлялись видя что за рулём милицейской машины сидит какой-то дед в круглых очках. Впрочем, пока это Алексея не волновало, его описание в этом облике всё равно скоро появится у "НКВД" вот только будет уже поздно. Ему нужен, максимум час-два, а потом он навсегда избавится от роли старого интеллигента. Пусть "чекисты" землю роют в его поисках! Хрен что найдут! Фанерный чемоданчик с формой младшего лейтенанта госбезопасности лежал рядом с ним на сиденье, её время скоро снова придёт.

Вот и Сокольники! Он съехал с дороги и направился вглубь парка по крайней прогулочной дорожке, внимательно осматривая местность. Выбрав подходящее место Алексей загнал машину в кусты, открыл фургон и закинул внутрь свой чемоданчик. Тот ему понадобится чуть позже. За грузовик он не волновался, даже если кто-то из любителей прогуляться увидит милицейский автомобиль то вряд ли рискнет узнавать что он тут делает. Интересоваться делами советских правоохранительных органов отбили охоту у людей уже давно. Раз стоит здесь грузовик милиции, значит так надо. Проходи, гражданин, не задерживайся, если не хочешь чтобы заинтересовались уже тобой..

Судя по записке Кати вся компания должна прогуливаться примерно... Залесский осмотрелся и понял где именно. Примерно, метров триста отсюда, если напрямик. Хорошо, пора действовать! Прячась за деревьями и густыми кустами, которые уже бурно распустили зелёные, сочные листья Алексей быстрым, скользящим шагом, который так не вязался с его обликом старичка, направился к нужной парковой дорожке.

Весь путь занял у него всего несколько минут и вот он у цели. Осторожно выглянув из кустов монархист заметил двух девушек и парня, весело разговаривающих и смеющихся. Катю Залесский узнал сразу, вторая девушка, скорее всего, та самая Света а вот с другой стороны Кати шёл незнакомый младший лейтенант "НКВД". Чуть выше среднего роста, спокойные глаза, прямое, открытое лицо.

"Вот, значит, ты какой — Дитрих Краузе, он же Александр Самсонов!" — подумал Алексей, цепко осматривая парня. "Что ж, совсем скоро мы с тобой познакомимся лично!"

Дождавшись когда вся компания, размахивая руками и рассказывая смешные вещи прошла мимо, Залесский продолжал сидеть на месте. Где же они, сволочи? Не может быть чтобы парня отпустили вообще без охраны!.. А, вот они, голубчики!

Из-за поворота показались неспешно идущие двое мужчин, одетые по-простому. Один был высокий брюнет в брюках, расстёгнутой белой рубашке и распахнутом пиджаке без галстука. На голове у него была залихватски сдвинутая на затылок кепка, отчего он немного походил на мелкого уголовника. На вид выглядел беспечным но прищуренные глаза ни на секунду не оставались спокойными, обшаривая местность. Про себя Алексей тут же окрестил его "Брюнет".

Второй был пониже, коротко стриженный, с обычным лицом но внимательными глазами, которые то и дело сверлили спины парня и девушек, идущих впереди. При этом он не забывал бдительно осматриваться по сторонам, от чего план наброситься на них из кустов был тут же отброшен. Слишком велик риск... Его монархист назвал "Зоркий".

Если гибель одного из них Залесский гарантировал то вот со вторым уже были вопросы. Тот вполне мог использовать нужную секунду чтобы выхватить оружие а грохот выстрела это провал операции. Он не склонен был недооценивать бериевских псов, поэтому придётся

использовать запасной вариант. Вот если Алексей окажется к ним вплотную то шансы прикончить обоих резко вырастут за счёт внезапности. Ладно, за работу!

Осторожно, так чтобы не задеть ветви, Залесский отошёл обратно в заросли и потом лёгким бегом рванул вперёд. Через несколько минут, обогнав троицу он, осмотревшись, тщательно отряхнулся и вышел на дорожку. Мгновение... и старый, интеллигентный дедушка в круглых очках, согнувшись и опираясь на трость, медленно идёт по парку, прогуливаясь на свежем майском воздухе.

Вот он поравнялся с компанией, продолжавшей весело дурачиться и, не поднимая головы, прошёл мимо. Их черёд наступит чуть позже, а пока займёмся "красными опричниками".. Метрах в ста позади них появились "Брюнет" с "Зорким", видимо, им велели не слишком сближаться с объектом охраны чтобы не мешать прогулке. Алексей понимал почему так. Никто в "НКВД" не мог предугадать о том что будет нападение, следовательно, и охрана вела себя немного расслабленно. Будь хотя бы подозрение об обратном то те двигались бы вплотную к ним, а то и вообще этой прогулки не было. Перестраховались бы. Но Берия был уверен что в Москве этому Александру ничего не грозит, вот и результат..

Внутренне напрягшись, Залесский приготовился к бою. Зверь внутри него довольно рычал, предчувствуя вражескую кровь, сердце радостно стучало в груди. Через несколько секунд он снова начнёт мстить гадам, товарищам тех кто лишил его всего... Алексей был уверен что родители, Тихон и Маша были бы довольны им. Главное, сделать всё как надо, ведь его ждёт впереди ещё одна, самая главная Цель!

Не торопясь, постукивая тростью, монархист мельком бросил взгляд на двух "чекистов", которые были от него уже метрах в десяти. Конечно, оба внимательно осмотрели его но маскировка и грим были безупречны, недаром столько тренировался. Скользнув по нему взглядом оба снова начали осматриваться по сторонам, периодически глядя в сторону охраняемого объекта. Ну-ну, суки, сейчас вы узнаете что не всех "беляков" раздавили! Есть ещё те кому не жалко отдать жизнь за Единую и Неделимую!

Он заранее сдвинулся влево, к краю дорожки, чтобы оба охранника оказались от него справа и левой рукой нащупал свой нож. Всё надо сделать очень быстро, буквально за пару секунд, иначе есть риск не только провалить операцию но и погибнуть здесь, на этой тихой парковой дорожке Сокольников.

Алексей подошёл к ним вплотную, шагнул ещё, чтобы оказаться у них за спиной и... Пора!! Резко распрямился, вскидывая вверх свою трость, залитую внизу свинцом, одновременно выхватывая левой рукой свой нож. Видимо, они были очень опытными или же их насторожил подозрительный шорох за спиной, но оба начали действовать лишь чуть позже чем он.

Ближний к нему "Брюнет" начал оборачиваться, правая рука нырнула под пиджак, несомненно не для того чтобы почесаться... Но трость в руках Алексея была быстрее! Сильнейший удар вместо затылка пришёлся в висок но этого хватило. Раздался лёгкий хруст и "Брюнет", так и не успев выхватить оружие, молча повалился на дорожку, вдобавок ко всему ударившись о неё головой. Отлично, один готов!

А вот второй почти успел, собака! Пользуясь тем что Алексей занялся его напарником тот полностью смог обернуться и с быстротой молнии выхватил пистолет "ТТ". Но Залесский, проведя удар тростью, мгновением позже метнул нож левой рукой, который воткнулся агенту охраны прямо в сердце, не дав тому выстрелить. "Зоркий" умер сразу. Ещё стоя на ногах, глаза его остекленели, рот открылся а рука с пистолетом бессильно упала

вниз. Постояв секунду его колени подогнулись и он, как подрубленное дерево, повалился на дорожку, лицом вниз. Нож в его груди от этого воткнулся до самой рукоятки, от чего тело "чекиста" немного выгнулось. Лезвие оказалось не таким длинным и не вышло из спины.

Хрипло дыша и обливаясь потом Алексей быстро посмотрел в обе стороны. Троица уже скрылась за поворотом а с другой стороны тоже никого не было. Но всё равно, надо спешить, мало ли кого принесёт? Чёрт, едва успел! Ещё бы секунда и хана ему... Эти двое были очень быстры и если бы не неожиданность то результат схватки мог быть совсем другим. Повезло ещё что они позволили ему подойти к себе вплотную, не ожидая нападения. Да и то, с трудом получилось. На совесть учат коммунисты своих сотрудников... Но ничего, он тоже не пальцем деланный!

Глубоко вздохнув, Алексей перевернул "Зоркого", вытащил нож из груди, обтёр его и положил на своё место, в левый рукав пиджака. Заглянув в их карманы обнаружил служебные удостоверения с фотографиями. Увы, использовать их вряд ли получится, нет времени на хорошую подделку. Оставив трупы лежать на месте он кинулся бежать к повороту. К счастью, Александр с девушками не успели далеко уйти и Залесский смог докричаться до них. Правда, была опасность что Катя узнает его голос но пришлось рисковать, да и расстояние смазало эффект узнавания. Во всяком случае, когда они подошли то девушка не обратила на него особого внимания, целиком сосредоточившись на телах охранников. Сам парень, судя по его виду, явно не горел желанием разбираться в странной ситуации и подошёл к ним вплотную очень неохотно. Это вызвало раздражение Алексея, того и гляди появятся посторонние, каждая минута на счету а этот щенок не торопится..

С трудом дождавшись Александра он начал действовать. К тому же Катя начала что-то подозревать. Снова удар тростью и парень, задохнувшись, временно выведен из игры. А уж справиться с девушками плёвое дело... Залесский хорошо рассчитал силу ударов и не сомневался что через некоторое время обе очнутся. Правда, этот щенок оказался не слишком умным, понадеявшись что справится с ним поэтому пришлось снова доказать тому что у него нет выбора кроме как подчиниться. Сломив его сопротивление Алексей заставил Александра двигаться в нужном ему направлении но не обольщался. Судя по напряжению тела этот парень только и ждёт подходящего момента чтобы вырваться и постараться отомстить "старика" за неожиданное нападение. Что ж, пусть попробует если снова хочет испытать боль, всё равно потом понадобится "ломать" его чтобы тот рассказал ему то что нужно.

Вывалившись из кустов на очередную дорожку они наткнулись на группу пионеров. Из-за того что всё внимание монархиста было отвлечено щенком он пропустил их приближение и теперь мысленно выругался на себя. Нельзя терять бдительность! Почти весь план был выполнен на отлично, остался последний этап! Провал недопустим! Пришлось снова запугать Александра убийством детей, хотя на такое он не пошёл бы даже в самом крайнем случае. Убивать маленьких, будущих коммунистов? Нет, до такого он не опустится! Да, это слабость недостойная настоящего диверсанта но всё в нём восставало против такого изуверства! Месть должна иметь свои границы иначе легко можно превратиться в настоящего монстра, который будет наслаждаться убийствами всех кто хоть как-то отдалённо напоминает врага.

"А что, будет лучше когда они вырастут и возьмут в руки оружие? Тогда благородство позволит тебе убить их без угрызания совести? — твердил ему холодный расчёт, а зверь внутри, распалённый смертью двух агентов, довольно зарычал. — Они видели тебя и должны

умереть!"

Мысленно заткнув этот голос Алексей тепло улыбнулся, поздоровался с ними и, увлекая Александра за собой, снова нырнул в кусты когда пионеры скрылись за поворотом. Ещё несколько минут быстрого шага и вот знакомые кусты за которыми стоит милицейский грузовик.

Открыв фургон он заставил парня залезть внутрь. Ожидание нападения оправдалось, тот попытался ударить его ногой когда Залесский забирался за ним. Напрасно! Легко отбив его ногу, Алексей очутился внутри и тут же вырубил его, заставив потерять сознание. Всё, теперь осталось довести его до более-менее надёжного места и начать "колоть".

Раскрыв свой чемоданчик, лежащий рядом с бессознательным телом Александра, он быстро переделался в форму "НКВД" а стариковские вещи засунул на их место. Всё равно они уже засвечены поэтому надо от них избавиться в укромном месте. Тщательно разгладив форму и поправив фуражку Залесский выпрыгнул наружу и внимательно осмотрелся, одновременно прислушиваясь. Вроде, всё было спокойно, никаких посторонних. Значит, пора ехать, только сначала крепко закрыть фургон чтобы очнувшийся парень не сумел выпрыгнуть на ходу. А то станется с него..

Запрыгнув в кабину и заведя грузовик он осторожно развернулся и направился к выезду из парка. Конечно, была опасность того что машину уже ищут но прошло слишком мало времени чтобы поиски развернулись уж слишком широко. К тому же монархист догадался замазать номера грязью и теперь машина ничем не отличалась от других милицейских "Захаров", которые колесили по Москве.

Выехав на Галушкина он направился в сторону Мытищ. По Ярославскому шоссе, не доезжая до кольцевой автодороги, Алексей свернул направо и углубился в небольшую рощу, за которой начинались сады и дачи. Ещё несколько минут и грузовик, рыча, остановился на границе крайнего участка. Двигатель затих и Залесский вылез наружу, разминая затёкшие за долгую дорогу мышцы. Всё-таки, Москва не маленький город и чтобы сюда добраться потребовалось ехать больше часа. Зато теперь он почти у цели..

Этот участок с неплохим дачным домиком принадлежал начальнику цеха того завода в мастерской которого работал Алексей. Он бывал здесь однажды когда тот привёз его и напарника чтобы починить колонку во дворе. Использовал своё служебное положение, гад такой... Зато теперь это пригодилось. Самого начальника в конце прошлого года арестовали за что-то и теперь дом стоял заброшенный так как хозяин был не женат. Здесь Залесского и его пленника вряд ли найдут, осталось только избавиться от машины в ближайшем пруду и дело в шляпе.

Открыв фургон он обнаружил что пленник так и не пришёл в себя, похоже, слишком сильно его ударил. Ничего, очнётся! Взвалив его на плечи Залесский поплёлся к домику, цепко поглядывая по сторонам. Был субботний день и садоводы наверняка уже работали на своих участках. К счастью, всю дачу окружал деревянный забор выше человеческого роста поэтому, найдя под бревном ключ, он открыл калитку и ввалился внутрь. Минуту передохнув, дошёл до несмазанной входной двери в дом и, пошарив под порогом, достал ещё один ключ, уже от двери. Открыв и эту преграду Алексей зашёл внутрь и, со вздохом облегчения, стащил с себя тело Александра. Так, в этой комнате должен быть погреб, где он заранее подготовил всё необходимое для содержания пленника... Откинув засов и распахнув крышку Залесский посмотрел внутрь. Всё так же как и было когда он в последний раз был тут. Подтащив парня к люку монархист аккуратно спустил его вниз и вытащил лестницу

обратно. От пола до люка было около трёх метров, стены гладкие, кирпичные, под ноги поставить нечего так что как бы он не старался пленник сам не выберется. Тем более, сверху будет засов на замке, да и сам по себе люк нелёгкий. Все полки, которые раньше здесь были Алексей разломал и вытащил. Пусть теперь этот Саша посидит один, как только Залесский избежит от грузовика то вплотную займётся им. Или чуть позже... Скорее всего, придётся вернуться домой чтобы не вызвать подозрения соседей. Вдруг как-то выйдут на него и начнут их опрашивать?..

Закрыв люк, а потом и сам дом, монархист вышел с участка и снова залез в грузовик. Заведя безотказный двигатель, он развернулся и поехал к большому пруду в паре километрах отсюда, куда ходили купаться разве что мальчишки из соседней деревни. Подъехав к нему и с удовольствием увидев что там нет рыбаков, Залесский выехал на небольшой обрыв где, по идее, должно быть глубоко и направил машину прямо в пруд. В последний момент "Захар", словно чувствуя свою участь, захрипел двигателем и замедлил скорость но уже набранной хватило чтобы свалиться с обрыва.

Алексей, успевший выпрыгнуть наружу, наблюдал как скрылась под водой кабина а потом и сам фургон. Через минуту только пузыри показывали место где милицейский "ЗиС" нырнул в воду. После этого монархист оглянулся. Конечно, остались следы колёс но трава скоро распрямится и всё будет шито-крыто. На саму машину могут наткнуться под водой только случайно, например, те же мальчишки, когда станут купаться. Но сейчас май, вода холодная, значит если это и случится то не раньше июня или июля, а к этому времени здесь не будет ни пленника ни, тем более, самого Залесского. Все зацепки к нему убраны, осталось только вернуться домой чтобы не вызвать подозрений, а уже завтра, выйдя из дома под предлогом работы, вернуться сюда..

— Ну что, господин Самсонов, настало нам время познакомиться получше! — улыбнулся Алексей и упругой походкой направился обратно к дороге чтобы поймать попутку. На душе было радостно, очень рискованный план всё-таки сработал, к тому же за один день удалось прикончить сразу троих "чекистов"! Довольно насвистывая марш одного из гвардейских полков Русской Императорской армии Залесский был счастлив!

г. Нойенкирхен, Германия.

4 мая 1940 года.

Расположение моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер".

Гюнтер Шольке.

Устало разогнувшись он отложил ещё одну бумагу и потряс рукой, чтобы размять кисть. Проклятье, сколько писанины на него свалилось! Гюнтер уже и забыл что значит быть командиром хотя бы небольшого подразделения. В Польше всё было гораздо легче, там он руководил боем а не сидел в штабе, зарывшись в разные приказы, распоряжения, запросы и так далее. Там у него был грамотный писарь который занимался всем этим бараклом. Увы, теперь приходится всё делать самому..

Тяжело вздохнув Гюнтер положил перед собой ведомость по горючему для техники своего отряда, просмотрел цифры и подписал её. Пойти прогуляться, что ли? С самого утра он тут сидит пока Брайтшнайдер во дворе занимается с парнями физической подготовкой. Подтягивание на врытом в углу импровизированном турнике, отжимания, вольная борьба между солдатами... Веселье в самом разгаре!

Окно в доме было открыто пропуская внутрь свежий воздух с примесью типично деревенских запахов сена и куриного дерьма. Сам Гюнтер сидел в брюках и белой майке чтобы не страдать от жаркого дня. Ещё вчера вечером он получил на вещевом складе полка, кроме обычной полевой, новую маскировочную форму и шлем, обтянутый той же тканью, а свою щегольскую чёрную снял и бережно уложил в чемодан. До поры до времени она ему не понадобится. Так же он распорядился чтобы экипажи броневиков тоже постоянно носили её, передвигаясь по городку, а в свои комбинезоны переодевались только внутри боевой машины. Нечего форсить своими петлицами разведчиков..

Ещё ему выдали личное оружие и теперь, помимо эсэсовского кортика, у него был пистолет "Люгер" и пистолет-пулемёт "МП-38" с несколькими магазинами. Также Гюнтеру были положены бинокль, фляжка и другое необходимое в бою имущество. Всё это хозяйство было им ещё вчера осмотрено, вычищено, смазано и разложено по местам.

Осмотрев мрачным взглядом стопку необходимых к подписанию бумаг, скопившихся за время командования недотёпы Брайтшайдера, он усмехнулся, вспомнив едва скрытое облегчение, отразившееся у того на лице когда гауптшарфюрер торжественно положил ему её на стол. Оно и видно что заниматься писаниной тому хотелось не больше чем самому Гюнтеру и он был рад спихнуть эту волокиту на него.

Тоскливо покосившись в окно, где сразу несколько парней пытались повалить на землю Майснера, он протянул руку за следующей бумагой но тут в дверь постучали.

— Войдите! — вскинул голову Гюнтер.

Дверь открылась и на пороге появился... Пауль! Лицо лучшего друга расплылось в улыбке, глаза сияли.

— Ха! Значит, это всё-таки ты, дружище? — крикнул тот и, раскинув руки, ринулся к Гюнтеру.

Они крепко обнялись друг с другом и Гюнтер ощутил на сердце приятную теплоту. Он ещё вчера планировал найти Пауля и преподнести ему сюрприз но знакомство с личным

составом, получение оружия и обмундирования заняли его до самого вечера. Плюс усталость от долгой дороги. Так что неудивительно что тот решил сам навестить его..

— Садись, Пауль и рассказывай! — сказал Гюнтер когда они удобно устроились за его столом.

— Что именно? — удивился друг. — Вообще-то, это я хотел узнать почему ты приехал так неожиданно и даже не зашёл ко мне! Лучшие друзья так не поступают..

— Извини, совсем замотался вчера... — развёл руками Гюнтер. — Как приехал то сразу к Папе, потом со своими орлами знакомился, получал имущество. Словом, не было ни минуты времени, даже поужинать смог только после отбоя. А с утра эти чёртовы бумаги! — с досадой показал он. — Едва не утонул в них!

— Понимаю! — рассмеялся Пауль, обзрев его внушительную кипу макулатуры. — Никогда не любил это дело... Чувствуешь себя каким-то бухгалтером а не боевым офицером! Пожалуй, это самый большой плюс того что я команду взводом а не ротой, как ты в Польше. Кстати, а почему тебя не поставили командиром роты, как раньше? Успел провиниться перед Папашей? — поинтересовался товарищ.

— Нет, всё гораздо проще... — махнул Гюнтер рукой и нахмурился. — Свободных вакансий нет а менять знакомого офицера накота в мешке он не хочет. Я его понимаю, наверное, сам бы так поступил на его месте. Зато я со своими парнями теперь твои глаза и уши! — усмехнулся он.

— Это точно! — согласился с ним Пауль. — Как ты с ними поладил, мне интересно? Как только их прежний командир сломал ногу и загремел в госпиталь они совсем отбились от рук. Задирают всех, ходят с таким видом будто братья самого фюрера... А этот Брайтшнайдер сам такой же, никакого толку в плане дисциплины и субординации! — скептически покачал головой друг.

— Как поладил? — переспросил Гюнтер и улыбнулся: — На самом деле нет никакого секрета. Просто с самого начала поставил себя командиром а не их собутыльником. Взгрел их как положено, показал что анархия кончилась, пора снова быть дисциплинированными солдатами фюрера а не шайкой великовозрастных громил.

— Думаешь, они уже приняли тебя? — поднял бровь Пауль.

— Не до конца... — признался Гюнтер. — Сам знаешь, только бой окончательно расставит всё по своим местам. Но я не расслабляюсь, уверен, они затихли ненадолго и готовят какую-нибудь каверзу чтобы прощупать меня. Что ж, пусть попробуют... — рассмеялся он. — Моя месть будет жестокой но справедливой.

— Слушай, тебе не надоело здесь сидеть? — внезапно спросил друг, оглянув его кабинет. — Может, пройдемся по городку, покажу тебе окрестности? Успеешь ещё заполнить бумаги.

Гюнтер задумался. С одной стороны следовало закончить с этой писаниной как можно быстрее, а с другой... Да пошло оно всё к чёрту! Никуда не денутся эти бумажки, надо прогуляться иначе его задница уже к вечеру станет квадратной.

Он решительно отодвинул от себя незаполненную ведомость и вышел из-за стола, надевая на себя полевой китель:

— Ты прав, дружище! Хватит тут сидеть когда на улице отличная погода! Пойдём отсюда из этого царства бумаг!

— Вот правильные слова, Гюнтер! — обрадовался Пауль, тоже вставая. — Конечно, этот городок та ещё дыра по сравнению с Берлином но прогуляться тут есть где. Ну что,

сразу в пивную или как?

— Нет, сначала просто прогулка! — усмехнулся Гюнтер в ответ, выходя во двор. — Хочу посмотреть эту твою дыру получше.

— Не мою а уже нашу... — поправил его друг.

Во дворе Гюнтер подозвал к себе Брайтшайдера, который показывал приёмы борьбы какому-то молодому, с мальчишеским лицом, эсэсовцу и велел ему остаться за старшего, предупредив что будет в центре, и они вдвоём вышли за ворота мимо часового.

Гюнтер придирчиво осмотрел солдата и удовлетворённо отвернулся. Похоже, расслабленность его отряда начала проходить и это радовало. Часовой был одет по форме, при штатном оружии и неторопливо расхаживал вдоль ворот.

Оказавшись на улице они, по совету Пауля, свернули в сторону центра и медленно пошли вперёд, изредка козыряя старшим по званию офицерам СС. Иногда попадались и армейские, приходилось приветствовать и их, но они оба делали это с некоторой бравадой, показывая что "Вермахт", конечно, уважают но СС гораздо лучше.

Девушки и молодые женщины, также проходящие мимо, достаивались более пристального внимания и изысканных комплиментов, которые явно не оставляли их равнодушными, вызывая в ответ смущённые или радостные улыбки и лукавые взгляды из-под шляпок и беретов.

Дома вокруг них были невысокие, каменные, все как на подбор аккуратные. На улице и во дворах много деревьев и кустов, многие из них были ровно пострижены. Они дошли до местной достопримечательности, церкви святой Анны, и осмотрели её со всех сторон.

Здание было построено в самом конце 19-го века в неороманском стиле, и состояло из нескольких башен, слегка напоминая укреплённый замок какого-нибудь средневекового рыцаря. Потом полюбовались виллой Хекинга с его парком, в котором прогуливались военнослужащие и жители городка. Затем настал черёд канала Макса Клеменса и завершилась их прогулка беглым осмотром противоположной части городка. За это время оба рассказали друг другу последние новости и поделились мыслями о будущем.

Как оказалось, Пауль практически повторил путь Гюнтера к месту службы. С той лишь разницей что узнал он о новом местопребывании "Лейбштандарта" ещё на вокзале в Аахене, едва сойдя с поезда. Какой-то гауптштурмфюрер, по личной надобности прибывший в город и любезничающий с девушкой, охотно просветил его насчёт ошибки и помог ему тут же сесть на нужный поезд до Мюнстера. Очутившись в Нойенкирхене и доложившись "папе" был сразу направлен командиром взвода в 1-й батальон, где и вступил в командование. Узнав о злключениях Гюнтера друг весело рассмеялся, заявив что тот всегда умеет находить лишние приключения на свою задницу.

Они уже вышли на ту улицу которая проходила через расположение разведывательного отряда когда заметили нечто странное. По улице быстрым шагом направлялись к одному из домов одиночки или группы солдат и офицеров СС и Вермахта. Они негромко переговаривались, подойдя к дому, останавливались и что-то рассматривали возле него. Слышались раздражённые крики и ругательства, хотя оба друга пока не могли разобрать сути. Переглянувшись, они без слов поняли друг друга и тоже поспешили туда, горя желанием узнать что случилось.

Протолкавшись через образовавшуюся толпу Гюнтер увидел что возле стены дома, окружённые эсэсовцами, стоят два человека, мужчина и женщина.

Незнакомец был уже в годах, лет сорока или пятидесяти, интеллигентно одет в

старомодный костюм чёрного цвета и галстук-бабочку. Чисто выбрит, в подрагивающей руке он держал разбитые очки. Раздавленная, грязная шляпа валялась рядом на земле. Видно было что мужчина нервничает или даже испуган. Он оглядывался вокруг с отчаянным видом и умоляюще смотрел на окруживших его солдат.

За ним, вцепившись в его плечо, стояла немолодая женщина, видимо, жена или подруга. Одета в простое, длинное платье тёмно-синего цвета, она всхлипывала, а её испуганные глаза смотрели в землю.

Перед этой парой стоял высокий, красивый оберштурмфюрер который сжимал в руке пистолет и с презрением смотрел на незнакомцев.

— ..Отвечай, свинья! — буквально выплюнул офицер, в лицо мужчине. Тот вздрогнул и перевёл взгляд на него:

— Я... Я Юлиус Эйхенбаум, господин оберштурмфюрер... — тихо ответил тот и сглотнул. Его выцветшие глаза слезились. — Мы с женой здесь живём и... — он замолчал и опустил голову.

— И вы евреи, верно? — нормальным голосом уточнил офицер.

Мужчина медленно кивнул.

— Что ж, хорошо что ты не стал отпираться... — кивнул сам себе оберштурмфюрер. — Всё равно бы тебе это не помогло. Благодаря тому что наши граждане бдительны и помогают государству в выявлении внутренних врагов количество грязных свиней в Рейхе неуклонно снижается. Правильно я говорю? — спросил он у окружающих, которые закивали и поддержали его возгласами одобрения.

— Ты прав, Йохан! Так с ними и надо, погаными животными! — сплюнул на землю стоявший рядом с Паулем незнакомый унтерштурмфюрер.

— Верно! А как ты узнал что они здесь прячутся? — с любопытством поинтересовался сосед Гюнтера, гауптштурмфюрер со шрамом на щеке.

— А я и не знал! — усмехнулся оберштурмфюрер, знаком показывая кому-то выйти из толпы. — Но, благодаря наблюдательности этой почтенной дамы, смог найти двух трусливых зайцев. Прошу вас, фрау Рот, выйдите к нам, не стесняйтесь!

На свободное место, слегка смущаясь, вышла плотная женщина лет тридцати, в платье в горошек и шляпе с цветами на голове. Рядом с ней встал мальчик десяти или двенадцати лет, одетый в чёрные шорты с подтяжками и коричневую рубашку с галстуком. Его волосы были гладко причёсаны а глаза гордо горели, глядя на обступивших их солдат и офицеров.

— Пауль, ты не знаешь кто этот оберштурмфюрер? — тем временем тихо спросил Гюнтер, глядя на офицера. Ему смутно казалось что он уже где-то его видел но не помнил точно.

— Это первый адъютант самого рейхсфюрера, Иоахим Пайпер... — так же тихо ответил друг. — Говорят что он сам вызвался служить именно в боевой части а не при штабе и упросил Гиммлера дать ему здесь отличиться. Ходят слухи что этому парню хотят доверить взвод в одной из наших рот.

Вот оно что! Теперь понятно почему Гюнтеру показалось знакомым это лицо. Тот самый энергичный и пробивной офицер СС который сделал больше всех для успеха операции "Вахта на Рейне" в самом конце 1944 года, когда Германия смогла собрать остатки самых лучших войск в смелом Арденнском наступлении на Западном фронте. И он же, судя по словам американских юристов будущего, был командиром тех фанатиков которые расстреляли у Мальмеди почти роту пленных американских артиллеристов. Очень

противоречивая фигура..

Отличный боевой командир. Смелый, умный, решительный. Его солдаты искренне уважали Пайпера, несмотря на молодость, и готовы были за него в огонь и в воду. Одновременно, убеждённый нацист и безжалостный офицер, готовый без колебаний расстрелять кого угодно, если понадобится выполнить приказ.

Гюнтер мельком читал что Пайпер был командиром взвода или роты во Французской кампании и вот теперь эта встреча. Что ж, вот и доказательство того что собой представляет Иоахим как человек с убеждениями.

— Расскажите всем, фрау Рот, как вы обнаружили этих евреев? — спросил оберштурмфюрер с поощряющей улыбкой.

— Честно говоря, это произошло случайно, господин офицер... — виновато вздохнула женщина, глядя на него. — И даже не я их обнаружила а мой сын Хельмут. Я шла из магазина и даже не обращала внимания на этот дом. Знала что в нём раньше жила еврейская семья но она уехала в Берлин ещё в начале прошлого года и думала что их больше нет... И тут, понимаете, Хельмут мне говорит: — "Мама, а что, эти евреи Эйхенбаумы снова вернулись?" Я сначала не поняла о чём он говорит и переспросила. И сын рассказал что видел сейчас в окне их лица. Конечно, я тоже посмотрела в окно но там уже никого не было. Только я своему Хельмуту верю, он у меня очень умный и способный мальчик... Поэтому и рассказала вам! — с любовью погладила его по голове родительница.

— А, так значит это твоя заслуга, герой? — весело улыбнулся Пайпер, переведя взгляд на сына женщины.

— Так точно, господин оберштурмфюрер! — подросток постарался вытянуться как смог и задрал подбородок. — Докладывает роттенфюрер Дойчес юнгфольк 3-го штамма Нойенкирхена Хельмут Рот!

Окружавшие его солдаты и офицеры СС весело рассмеялись, глядя как мальчишка старательно пытается изображать из себя взрослого воина. Гюнтер с Паулем тоже не удержались от улыбки. Тот покраснел от смущения но мужественно стоял, ожидая ответа Пайпера.

— Значит, ты у нас пимпф, верно? — по-доброму улыбнулся Йохан, становясь на одно колено чтобы быть на одном уровне с подростком.

— Так точно! — выкрикнул тот.

— Вольно, солдат! — разрешил оберштурмфюрер и обратился к окружающим: — Хватит смеяться, парни, Хельмут выполнил свой долг и мы за это его уважаем. Согласны?

Все дружно выразили своё одобрение и начали поздравлять мальчишку, покровительственно хлопая его по плечам и голове. Хельмут снова покраснел но уже от гордости. Он улыбался а его глаза сияли от радости. Ещё бы, прославленные охранники самого фюрера хвалят его!

— Молодец, парень, так держать! — пожал ему руку Пайпер и надел ему на голову свою фуражку. — Кем хочешь стать когда вырастешь?

— Таким же как вы, господин оберштурмфюрер! — звонко ответил подросток. — Поступить в Лейбштандарт и стать офицером! Служить фюреру и Германии, уничтожая евреев, цыган и других неполноценных людей!

— У нас подрастает отличная смена, Йохан! — усмехнулся гауптштурмфюрер со щрамом. — Если все немецкие дети будут такими как Хельмут то я спокоен за нашу страну..

— Полностью согласен с тобой, Эвальд! — отозвался Пайпер, поднимаясь на ноги и

поворачиваясь к матери Хельмута: — От своего имени и всех СС я благодарю вас, фрау Рот, за помощь в поимке двух грязных свиней, которые уже давно должны быть в лагере. Иначе они ещё долго могли бы прятаться от нашего справедливого возмездия..

— Что вы, господин оберштурмфюрер! Это же был наш долг! — ответила женщина, радостно улыбаясь. — Вы всегда можете рассчитывать на нас! Мы полностью разделяем мысли нашего фюрера в отношении неполноценных народов и готовы помогать ему во всём!

— Не сомневаюсь, фрау Рот! — кивнул Йохан и обратился к толпе: — Ну что, друзья, какую участь мы им уготовим? — спросил он, посмотрев на пожилую пару, которая всё это время молча стояла на месте.

— Наверное, лучше вызвать людей из гестапо? — неуверенно сказал Пауль, посмотрев на Гюнтера. — Это же их компетенция, вот пусть и работают.

Гюнтер молча кивнул в знак согласия. Ему было немного жалко эту семью но он знал что никак не может спасти их. Максимум что тем остаётся это подольше протянуть в лагере. Всё равно для них конец один... Да и зачем рисковать собой и своей службой для их защиты? Они ему никто. Хоть Гюнтер и не питал ненависти к евреям но это и не значило что он готов рисковать собой ради них. Если бы вместо них была какая-нибудь красивая еврейка то ещё может быть... А так? Нет, исключено!

— Я сначала тоже так думал, Пауль... — посмотрел на него Пайпер. — Но теперь, уверен, незачем беспокоить гестапо. Какой смысл? Их отправят в лагерь и всё равно они скоро сдохнут. Мы можем решить этот вопрос здесь и сейчас, верно?

Некоторые, кто уже понял смысл фразы, кивнули. Другие равнодушно пожали плечами, показывая что им всё равно.

— Вы хотите их расстрелять, господин оберштурмфюрер? — с оттенком недовольства спросил худощавый армейский обер-лейтенант, также стоявший в толпе любопытных.

— Абсолютно верно! — согласился с ним Пайпер, вытаскивая "Люгер" из кобуры. — Это намного легче чем ждать пока сюда приедут гестаповцы и займутся ими. Представьте, придётся везти их в лагерь, тратя топливо... потом несколько раз кормить чтобы они дожили до него. Зачем? Только лишние расходы для страны. Мы — немцы, экономная нация, и я считаю что использовать наши ресурсы для облегчения жизни вот этих скотов совершенно нерационально.

— А ты, оказывается, хозяйственный, Йохан? — хохотнул кто-то. — Заботишься о всей стране как рачительный человек.

— Конечно! — пожал тот плечами, наведя оружие на мужчину. — Я же сам гражданин Германии. А любой кто любит свою страну обязан быть таким. Зачем разбазаривать народное богатство на врагов если его можно потратить на своих граждан?

— С тобой трудно спорить... — кивнул гауптштурмфюрер, усмехнувшись.

— Пожалуйста, господин офицер... — весь дрожа, обратился к нему пожилой мужчина. — Не убивайте нас... не надо! Что мы вам сделали? Мы тоже любим Германию как и вы!

— Не смей ровнять себя со мной, животное! Я по-настоящему люблю Германию а ты и твои соплеменники просто пользовались её благами, присосались как пиявки и пили кровь нашего народа! — прошипел от злости Пайпер и поднёс пистолет вплотную ко лбу мужчины. Его спутница, зарывав, рухнула на землю, невнятно что-то причитая.

Армейский обер-лейтенант, скривившись и неодобрительно качая головой, вышел из толпы и медленно направился по улице. Его примеру последовала ещё пара человек.

Остальные же остались на месте, словно зрители, ожидающие финала. Фрау Рот широко открытыми глазами уставилась на оружие и побледнела. Её сын, напротив, был напряжён как струна.

Внезапно Пайпер усмехнулся и опустил оружие.

— У меня возникла идея! — обратился он к окружающим. — Хельмут, хочешь стать настоящим эсэсовцем? Взрослым мужчиной?

Тот сглотнул и с трудом отвёл взгляд от еврея, который продолжал дрожать, закрыв глаза.

— Да... — хрипло ответил он и тут же поправился: — Так точно, господин оберштурмфюрер!

— И ты готов для этого на всё? — улыбнулся Йохан, походя к нему.

— Готов, господин оберштурмфюрер! — решительно улыбнулся подросток. — А что мне надо сделать?

— Всего лишь убить эту скотину... — спокойно пожал плечами Пайпер, показав головой на еврея. — И всё.

— Я? — глаза мальчишки расширились и он снова посмотрел на пожилого мужчину. Казалось, он не верил в то что услышал. — Вы хотите чтобы я его... убил?

— Да! — подтвердил оберштурмфюрер, строго глядя на него. — Чтобы убил, прикончил, ликвидировал... Разные болваны придумали много слов для того чтобы выразить одну мысль и сгладить муки совести. Но я простой человек, солдат, и предпочитаю использовать прямое слово "убить". Неважно, кого, когда и где ты убиваешь... Военного, гражданского, мужчину, женщину... Всё равно это убийство и нечего стесняться. Есть различия только в том делаешь ли ты это по своему желанию или ради высшей цели. Я не говорю об удовольствии от убийств, это уже для всяких извращенцев. Настоящий мужчина, особенно если он в форме, убивает врагов потому что это выгодно его Родине, это просто работа, пусть грязная но необходимая. За которую, к тому же, ему ещё и платят..

— Запомни, парень! — продолжил он, положив Хельмуту руку на плечо. — Я не заставляю тебя убить этого еврея. Ты можешь отказаться и я сделаю это сам. Но ты должен сейчас решить для самого себя... На что ты готов ради нашего фюрера и Германии? Если ты боишься и считаешь что слишком мал для такой чести то я пойму. Носить форму Гитлерюгенда, петь "Хорста Весселя" и кричать на парадах "Хайль" ещё не значит быть настоящим нацистом и, тем более, эсэсовцем! Главное наше отличие от обычных людей — сила воли и духа! Мы можем и даже ОБЯЗАНЫ делать то что не могут они, понял? Не ради себя или своих желаний! Просто так НАДО! Для Германии! И потому что так велел фюрер И теперь ты должен решить... Прежде всего, для самого себя... Кто ты сейчас? Маленький мальчик в коротких шортах, который побоится взрослой ответственности и спрячется за юбку матери или же настоящий мужчина, решительный и жестокий нацист, готовый на всё ради своей страны и её фюрера? Это трудный выбор но ты обязан его сделать если считаешь себя мужчиной! Так что давай, отвечай..

Гюнтер поразился как Пайпер психологически тонко подводил мальчишку к нужному решению, используя иллюзию выбора. На самом деле его у Хельмута уже не было. Если он откажется при куче свидетелей то обречёт сам на себя позор и несмываемое пятно слабака, рохли, готового быть ответственным только на словах а не на деле. Для подростка, особенно в таком возрасте, это неприемлемо. В такие годы они все пытаются доказать что уже взрослые и хотят чтобы к ним обращались соответственно. После такого провала

самооценки его уже не будут уважать ни товарищи ни знакомые... Так что ответ был очевиден.

Хельмут взял протянутый Йоханом пистолет и медленно направил его на пожилого еврея. Его руки мелко дрожали и ствол тоже дёргался. Вот он, момент истины! После такого мальчишка, несомненно, изменится... Но в какую сторону?

— Мальчик, прошу тебя... — взмолился мужчина, протянув к нему руки. — Не стреляй! Мы хотим жить... Просто жить! Пожалуйста, не надо!..

— Не обращай внимания, Хельмут... — посоветовал Пайпер. — Они все так умоляют. Даже животные хотят жить. Их вина доказана уже самим фактом рождения. Раз фюрер сказал что они должны умереть — они умрут. Это закон. Просто прицелься ему в лоб и выстрели. Ничего сложного, поверь! И не закрывай глаза, ты должен всё увидеть сам!

Подросток уткнул оружие прямо в лоб мужчине. По виску его покатилась капля пота, он побледнел не меньше матери и облизнул пересохшие губы. Тяжёлое дыхание вырывалось из рта... Палец на спуске дрожал.

— Огонь! — внезапно крикнул оберштурмфюрер, словно щёлкнул кнутом. Хельмут вздрогнул и тут же раздался выстрел. У пожилого мужчины в центре лба образовалась небольшая дырочка, зато из затылка щедро плеснуло кровью и выбитыми мозгами. В следующую секунду остолбеневшего от неожиданности подростка согнуло в сильнейшем приступе рвоты. Кашляя, он опустился на землю и тут же к нему метнулась мать.

Тело мужчины покачнулось и завалилось назад.

— Ну вот, я же говорил ничего сложного! — резюмировал Пайпер и поднял пистолет из разжавшихся пальцев Хельмута. — Молодец, роттенфюрер, вот теперь я верю что из тебя выйдет настоящий эсэсовец! Буду рад если со временем ты окажешься под моим командованием. А то что блюёшь... Это нормально. Когда я убил своего первого врага то валялся на земле минут пять... Тьфу, даже вспоминать не хочу свою слабость! — сморщился он. — Зато потом было намного легче, поверь. Самое трудное — начать!

Переведя ствол на женщину, которая пыталась подползти к трупам мужа, он выстрелил ей в голову и она неподвижно уткнулась в землю. Спокойно убрав оружие в кобуру Пайпер весело улыбнулся и сказал:

— Всё, друзья, представление окончено, можно расходиться! Эй, кто-нибудь, уберите их! — окликнул он одного из полицейских, проходивших мимо. Обернувшись к матери, которая спешно вытирала рот мальчика своим платком, Йохан коротко кивнул: — Благодарю вас, фрау Рот, за правильно воспитанного в духе национал-социализма сына. Если получится, я доведу до герра Шираха что он отлично готовит нашу молодёжь!

Та, не в силах что-либо сказать, просто кивнула и постаралась улыбнуться. Пайпер же, подойдя к гауптштурмфюреру со шрамом, взял у него из рук свою бутылку "Хенесси" и направился вместе с ним куда-то в сторону.

Гюнтер, чувствуя себя довольно скверно, спросил друга:

— Как тебе эта сцена? Довольно решителен этот Пайпер, не правда ли?

— Что верно то верно... — согласился Пауль, сняв фуражку и пригладив свои волосы. — Даже не знаю как к этому относиться. Вроде бы он правильно сделал, да и гестапо звать не понадобилось... Но... что-то как-то не так. Не могу сформулировать!

— Давай-ка, отведи меня в ближайшую пивную! — решительно сказал Гюнтер. — Нам с тобой определённо стоит выпить!

— Не спорю, пиво нам сейчас точно не помешает! — согласился друг и они тоже

направились прочь от места гибели двух евреев.

Москва.

4 мая 1940 года. День.

Лаврентий Берия.

Он, как обычно, занимался служебными делами когда в его кабинет, без предварительного уведомления, вместе с секретарём ворвался возбуждённый Николай. Судя по тяжёлому дыханию, тот бежал и довольно долго. Изумлённый Берия поднял на него взгляд и начал вставать, нутром почуяв неприятности. В последний раз своего помощника в таком виде Лаврентий видел довольно давно и причина тогда была тоже очень серьёзная. Что на этот раз случилось?

— Лаврентий Павлович!.. — начал Николай но тут же запнулся, метнув взгляд на суровую секретаршу, готовую вцепиться в него.

— Тамара, выйди! — мгновенно понял его нарком.

Та, наградив помощника возмущённым взглядом, вышла и плотно заперла дверь. Берия только головой покачал. Как только его охрана на этаже пропустила? Видимо, узнали хоть он и был не в форме... Лаврентий молча подошёл к столу, налил из стоявшего на нём графина воды в стакан и протянул Николаю. Тот не кочевряжился и осушил его тремя могучими глотками. Глубоко вздохнул и поставил стакан на стол. А потом, глядя на напрягшегося Берия, ошарашил:

— "Потомка" похитили!

Осознав смысл двух коротких слов Лаврентий остро ощутил потребность сесть за стол, иначе предательски ослабевшие ноги могли не выдержать груз тела и его помощник увидел бы непостижимую картину лежащего на полу начальника. В голове хаотично вертелись сотни мыслей и Берия без раздумья схватил графин с водой. С остановившимся взглядом он доверху наполнил бокал и, наверное, перелил если бы не Николай с его предостерегающим возгласом. Даже не почувствовав воды Лаврентий выпил её и внезапно запустил бокалом в стену. Раздался хлесткий удар и сотни блестящих осколков разлетелись по кабинету.

На целую минуту нарком выпал из реальности, безостановочно выкрикивая грузинские ругательства в адрес похитителей, изредка перемежая их русскими, когда не хватало слов. Николай благоразумно молчал, дожидаясь окончания срыва. Что поделать, горячий темперамент Берии часто вырывался наружу когда дела шли не так как ему хотелось. Подчинённые знали эту особенность и терпеливо хранили молчание чтобы не навлечь гнев на себя.

Наконец, Лаврентий взял себя в руки и успокоился до той степени когда уже можно что-то делать осмысленно. Глубоко вздохнув и проведя руками по лицу нарком поднял на Николая осунувшееся лицо и тихо сказал:

— Докладывай. Всё что знаешь..

— Около часа назад гулявшие в отдалённой части парка Сокольники прибежали к милиционеру, патрулировавшему территорию возле входа, и сообщили ему что нашли на одной из дорожек два трупа мужчин и двух девушек без сознания... — начал говорить помощник, избегая глядеть ему в лицо. — Милиционер сразу поспешил туда. Оказавшись на месте он наскоро привёл девушек в сознание и осмотрел трупы, перед этим вызвав помощь мобильного патруля. Обе девушки, судя по их первым показаниям, оказались подругами.

Одна из них была Катя, товарищ Берия... Та, которая была стенографисткой при допросе Александра! — пояснил он на всякий случай.

Лаврентий медленно кивнул. Он, естественно, знал что сегодня у "Потомка" прогулка в парке с Катей и её подружкой. Сталин одобрил эту просьбу и разрешил Саше развеяться после автокатастрофы.

— А два мужских трупа оказались нашими сотрудниками, товарищ нарком... Из первого отдела ГУГБ, судя по удостоверениям. После того как милиционер это обнаружил он сразу оцепил место происшествия и сообщил нам. Я велел немедленно послать туда нашу следственную бригаду и экспертов. Потом сразу к вам... — закончил Николай и подобрался, готовясь ко всему.

На Берию напало какое-то оцепенение. Как всё это могло произойти?! Ведь охрана была, пусть и немногочисленная, но оба сотрудника имели большой опыт в своём деле, сработались. Как получилось что неизвестные похитители смогли ликвидировать их без единого выстрела? Сколько их было? Кто они? Зачем им Александр? Столько вопросов и ни на один из них нет внятного ответа... Но одно он подозревал очень сильно — где-то в "НКВД" протекло. Причём, очень сильно! О самом существовании "Потомка" знало очень ограниченное количество людей. Кроме Сталина и Берии, разумеется. Нет, видели его многие — сотрудники посольства в Берлине, пилоты и пассажиры транспортного самолёта, охранники первой тюрьмы, в которой содержался Саша... Но они знали только про немца-перебежчика Дитриха Краузе а не о пришельце из будущего! Об этом знало всего несколько человек... Сама Катя, этот... как его? Один из его доверенных людей... Круглов. И всё? Неужели они нарушили секретность и что-то разболтали посторонним, несмотря на подписки о неразглашении? Обязательно надо проверить обоих! Кто ещё мог знать? Может, немцы? Возможно, перед тем как явиться в посольство этот Дитрих-Саша успел наплести что-то нацистам и те, пусть и поздно, решили вернуть оракула? В принципе, тоже вариант.

Что ж, надо действовать и искать. Хотя, по идее, его сейчас могут просто жёстко колоть а потом просто убьют, когда выкачают всю информацию, при условии что вообще в неё поверят. Но есть вероятность что его просто выкрали и готовят к вывозу из страны. Тогда ещё есть шанс отбить "Потомка" назад.

— Значит, так! Послать туда нашего лучшего следователя. Пусть осмотрит место происшествия, поговорит с экспертами... в общем, ему лучше знать! — начал раздавать указания Лаврентий. — Москву закрыть для свободного выезда! Привлечь к поиску все силы милиции и органов госбезопасности! На всех дорогах из города, главных и второстепенных, установить посты "ОРУД" с нашими сотрудниками в усилении! Проверять каждый автомобиль! Не важно кого или что он везёт, понятно?! Легковые, грузовые, даже телеги! Все должны тщательно проверяться! Раздать всем сотрудникам фото Александра в нашей форме, посулить премию! Привлечь дружинников и равнодушных граждан... пусть всю Москву перетрясут, дома, подвалы, сараи... и канализацию тоже! — раздражённо говорил Берия, шагая по кабинету. — Мы должны найти его, Николай! Ты же отлично понимаешь его ценность?

Николай угрюмо кивнул. Он не был глуп и отлично понимал что неизвестные похитители смогут заставить Сашу говорить. Тот не военный, не обладает твёрдостью духа настоящего коммуниста. Пару раз ударят и тот "запоёт". И стоит этой информации выйти за пределы страны как появится вероятность что ей поверят за рубежом. Конечно, не факт что сразу и не факт что везде... Но работа спецслужб в том и состоит чтобы проверять даже

самые невероятные предположения. Могут так, на всякий случай, провести предварительную разведку немцы, англичане... возможно, и американцы подключатся. И если что-то действительно правдоподобное накопят то будут реальные неприятности. Впрочем, у немцев уже есть такой, чёртов Гюнтер. Но тогда у них может возникнуть желание убрать советского оракула и в этом случае они останутся в несомненном выигрыше.

Берия хотел снова что-то сказать но у него на столе внезапно зазвонил телефон. Лаврентий со злостью схватил трубку и только хотел разразиться бранью как услышал хорошо знакомый голос Поскребышева:

— Лаврентий Павлович? Вас срочно хочет видеть у себя товарищ Сталин! — и положил трубку не дожидаясь его ответа.

Берия застыл, чувствуя как сердце застучало сильнее а рука с трубкой дрогнула. Чёрт!!! Неужели ОН уже знает? Но как? Хотя, конечно, как он мог забыть? Сотрудники, хоть и подчинялись номинально ему, но охраной важных лиц непосредственно руководил его "лучший друг" Власик, личный охранник Вождя. Отношения у них были как у кошки с собакой, причём в самой острой стадии. Власик терпеть не мог Берия и тот платил ему тем же, зная что имеет над ним лишь формальную власть. Николай Сидорович был как тень Сталина и безгранично ему верен. Лаврентий завидовал его влиянию на Вождя и делал всё что мог чтобы опорочить его, но увы... Ничего пока не помогало. Конечно, тот вряд ли бы упустил такую возможность макнуть наркома в кучу говна. Хотя и сам мог пострадать, ведь это его отдел не справился с охраной и допустил не только гибель своих людей но и похищение объекта.

Словом, надо собираться и ехать в Кремль. Если всё настолько плохо то... есть вероятность что в свой кабинет он может и не вернуться. Печально, но такова жизнь. Конечно, пока мало информации но и произошло всё совсем недавно. Значит, надо как-то уговорить Сталина подождать хотя бы до завтра когда будут первые подробности и подвижки в деле. Против воли он ощутил страх... Как будто наркома опутали паутиной и паук медленно подтаскивает его к себе, плотоядно шевеля жвалами. Отбросив эту паническую мысль Лаврентий спешно стал одеваться. Взял фуражку, подтянул портупею и посмотрел на ожидающего Николая. Подумал и решил:

— Едешь со мной!

— Куда? — осмелился поинтересоваться помощник.

— К товарищу Сталину! — попытался усмехнуться Берия но почувствовал что вышло не очень. — ОН звонил, требует к себе. Подозреваю что ему уже доложили..

Тот сглотнул и начал, зачем-то, поправлять свой галстук.

— А может мне..

— Нет, поедешь! — неожиданно рыкнул нарком. — Будешь, если понадобится, помогать мне в процессе доклада. Или думал в стороне остаться? Не выйдет!

Николай уже пришёл в себя и с достоинством кивнул:

— Слушаюсь!

Впрочем, нельзя было ожидать от него сильной растерянности. Жизнь и суровые испытания серьёзно потрепали Николая и его было трудно надолго вывести из равновесия. Удары судьбы он уже принимал не раз и всегда мог с ними справляться.

— Всё, едем! — произнёс Берия и первым вышел из кабинета, слыша за собой шаги Николая.

Они спустились вниз и сели в уже стоявшую наготове машину, которая тут же рванула с

места. Дорога до Кремля была недолгой и они оба не произнесли ни слова, погруженные в нехорошие предчувствия. Учитывая какие масштабы могла принять их ошибка в недооценке охраны "Потомка" последствия со стороны Сталина было нетрудно представить.

Выходя из автомобиля уже в комплексе Кремля Берия глубоко вздохнул и направился внутрь, не отвечая на молчаливые приветствия часовых на входе. Поднявшись на нужный этаж они прошли по длинному коридору и оказались возле стола бессменного секретаря Вождя, Поскребышева. Тот окинул их взглядом и поднялся с места.

— Я доложу о вас, товарищ Берия... — и, постучав, вошёл внутрь.

Лаврентий, тем временем, вынул из кобуры своё оружие и отдал его дежурному сотруднику, стоявшему вместе с часовым около двери. Тот вытянулся и принял его, положив рядом с собой на столик.

Прошло около минуты, прежде чем Поскребышев вернулся и проговорил:

— Товарищ Сталин ждёт вас. Проходите!

Берия молча кивнул Николаю на один из стульев возле стены и решительно вошёл в знакомый кабинет, где бывал уже много раз. Но впервые он показался ему неуютным местом. Выйдет ли он отсюда всесильным наркомом, как выходил прежде? Или же Лаврентия выведут под конвоем его же собственные бывшие подчинённые? Животрепещущий вопрос, ответ на который он узнает очень скоро.

В кабинете всё было как обычно. Мягко светила лампа на столе у Сталина, дымилась трубка на специальной подставке, тихо тикали часы.

Сам Иосиф Виссарионович стоял у окна, спиной к Берии и молчал, глядя на улицу. Лаврентий строевым шагом дошёл до середины помещения и вытянулся:

— Вы меня вызывали, товарищ Сталин?

Тот не ответил, продолжая смотреть в окно. Нарком почувствовал что страх снова поднимает голову и усилием воли задавил его. Нельзя показывать его Сталину, тот не любит трусов. Свою судьбу каждый должен принимать с достоинством, как-то сказал он Берии и тот запомнил эти слова.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать, Лаврентий? — нарушил молчание Вождь своим тихим голосом.

— Вы про "Потомка", товарищ Сталин? — спросил он, почти зная ответ.

Наконец, повернувшись к нему лицом, Иосиф Виссарионович, мягко ступая, подошёл к нему вплотную и спросил:

— А что, у тебя есть для меня ещё одна катастрофа? Если так то выкладывай, потому что про первую я уже знаю от верных людей.

Вот Власик, сука! Берия едва сдержал свою ярость. Успел сдать его и настроить Вождя против Лаврентия... Надо как-то оправдаться, иначе... Судя по внешнему виду Сталин едва сдерживается чтобы не отдать его под трибунал.

— Признаю, это наша с Николаем Сидоровичем вина! — начал он, лихорадочно пытаясь выстроить план спасения. — Мы недооценили важность объекта и..

— Причём тут Власик?! — вспыхнул Вождь, сверкая глазами. — Это ты отвечаешь за безопасность "Потомка", забыл? Это твои люди погибли, не сумев его спасти!

— Верно, люди мои, но подчинялись они службе Власика, так как охрана важных лиц в его прямой ответственности! — защищался Берия, обливаясь потом. — Вы же знаете это, товарищ Сталин!

— Ты мне не юли, Лаврентий! — шипел Иосиф Виссарионович, похожий на дикого

кота перед нападением. — И с себя вину не снимай! Я тебе говорил, почему у этого пришельца слабая охрана? Говорил! Что ты мне ответил, помнишь?

— Так точно! — выговорил Берия, пытаясь удержать лицо. — Но Власик уверил меня что выделил очень опытных людей, к тому же дал им в поддержку смешанную группу усиления! Сказал что этого вполне достаточно чтобы охранять какого-то перебежчика!

Это было правдой. Власик действительно так говорил, когда они обсуждали способ охраны Александра. И, судя по изменившемуся лицу Сталина, об этом разговоре Николай Сидорович упомянуть забыл. Или же не посчитал нужным... И ошибся, как выяснилось!

Наступило молчание. Вождь слегка отодвинулся от него, продолжая в упор рассматривать наркома но психологически в кабинете стало чуть легче. Теперь уже на Берию не давил как пресс гнев Сталина. Похоже, он сумел отбить первую, самую сильную атаку и перенаправил ярость Иосифа Виссарионовича на своего противника. Вот пусть тот и расхлёбывает последствия своей недалёковидности!

— Я разберусь с этим! — непонятно кому пригрозил Сталин. — Докладывай, что известно о похищении?

— Почти никакой информации пока нет... — осторожно выдохнул Берия, чувствуя как его сердце снова стало стучать спокойнее. — Мои люди оцепили место где всё произошло, лучший следователь уже выехал в парк. Первые зацепки, уверен, будут вечером или завтра утром, как только эксперты тщательно обследуют это место и доложат следователю. А пока я велел закрыть все выезды из города, обыскивать весь транспорт, вплоть до телег. Поднял все силы милиции, госбезопасности и дружинников. Объявил награду для тех кто сможет узнать хоть какую-нибудь информацию о Александре или его похитителях. Розданы фото для ориентировок. Словом, вся Москва будет пропущена через сито. Кто бы не украл "Потомка", если они ещё в городе то вывезти его не смогут. А со временем обязательно найдут их логово, где они прячут Александра.

— Ты понимаешь, что в твоей организации сидит предатель? — буднично спросил Сталин но от его слов повеяло могильным холодом. — Только так чужие могли узнать кто такой в действительности этот перебежчик.

— Так точно! — тяжело вздохнул Берия. — Но круг этих людей очень ограничен. Я лично займусь проверкой и уверен что в течении дня найду эту крысу!

— Смотри, Лаврентий, ты вот на таком волоске висишь... Я стал сомневаться в тебе и твоём профессионализме! — показал Вождь маленький зазор между своими пальцами. — Если опять обосрёшься то я позабочусь о том чтобы ты в этом говне остался навечно. Тебе понятно?

— Так точно! — хрипло ответил Берия, чувствуя как липкий пот снова потёк на спине под формой.

— Завтра днём жду от тебя доклад о первых результатах расследования. И если ты не сумеешь меня чем-то приятно обрадовать то... У твоего кабинета появится новый хозяин. А вот что случится со старым... Это ещё вопрос! — зловеще усмехнулся Сталин и снова повернулся к окну. — Всё, пошёл отсюда!

Не чуя под собой ног Лаврентий вышел из кабинета, автоматически получил оружие и спустился вниз как сомнамбула. Очнулся он только в машине, когда Николай протянул ему неведомо откуда взявшуюся открытую бутылку водки:

— Выпейте, Лаврентий Павлович! Вам это необходимо!

Берия глотнул и тут же закашлялся. Жидкость огнём обожгла пищевод и внесла

некоторое успокоение в голову, охваченную смятением.

— Да, Коля, это было... тяжело! — с трудом подобрал он подходящее слово.

— Что ОН сказал? — спросил помощник с тревогой.

— То что у нас есть время до полудня следующего дня... — грустно усмехнулся Берия и тяжело вздохнул. — И если к этому моменту не будет хоть каких-нибудь успехов или зацепок то... секир-башка мне! Вот так-то, Коля..

Тот подавленно замолчал а Лаврентий с тоской подумал что, пожалуй, находиться так близко к Вождю не всегда бывает приятно и полезно для жизни..

Где-то в Москве.

4 мая 1940 года. Вечер.

Александр Самсонов.

Сознание возвращалось медленно. Гул в голове постепенно стихал, мысли начали вяло трепыхаться... Саша попытался открыть глаза но вокруг по-прежнему было темно. Мгновенно возникла паника — неужели ослеп?! Застонав, он попытался вскочить но резкая боль в черепушке снова повалила его на... пол? Крепко зажмурившись и открыв глаза Александр подождал пару минут и с нескрываемым облегчением убедился что полная темнота слегка рассеялась. Осознание этого было как бальзам на душу, он видит! А темно вокруг, видимо, потому что он находится... Хм, а где, интересно, он находится? Хороший вопрос... И ответ на него надо бы узнать поскорее.

Осторожно, стараясь не дёргать головой, Саша утвердился на затёкших ногах и посмотрел вверх, откуда пробивался из какой-то щели слабый свет. Он протянул руку чтобы попробовать дотянуться до этой дырки но с огорчением понял что роста не хватает. Что ж, тогда надо обследовать то место где он находится.

Вытянув руки, чтобы ненароком не стукнуться лбом о какое-нибудь препятствие, Александр двинулся вперёд и уже через пару метров ладони ощутили перед собой какую-то стену. Света по-прежнему не хватало чтобы понять ситуацию, поэтому пришлось полностью положиться на тактильные ощущения. Проведя по стене рукой и наткнувшись на горизонтальные и вертикальные канавки он решил что это, с большой вероятностью, кирпичная стена. Медленно двинувшись вдоль неё Саша обошёл по кругу всё помещение в котором оказался и пришёл к выводу что он, видимо, в подвале, ибо ни окон ни дверей на ощупь не обнаружил. А свет наверху, скорее всего, от неплотно прикрытого люка. Вывод? Хреновый! Он заперт и сам вылезти вряд ли сможет! Вот это поворот в никуда!

Донельзя озадаченный, Александр опустился на деревянный пол и постарался привести мысли в порядок. Как он сюда попал? Неизвестно. Последнее что Саша помнил, это свою попытку футбольным ударом проломить голову поганого деда, который так жёстко обломал его планы в отношении Светы и полностью похерил все приятные впечатления от прогулки. Увы, голова не мяч, да и он не футболист.

Ну, старый хрыч, попадись ему ещё раз! Теперь уже он учёный и не купится на его внешность! Да, сглумил Александр с самого начала, недооценил противника, понадеялся что уже крутой диверсант и сможет уделать деда одной левой... А оказалось, наоборот!

Тяжело вздохнув он попытался понять что было дальше. Скорее всего, его бессознательное тело привезли на этой милицейской машине в... куда привезли? Тоже вопрос... Ладно, раз есть подвал то обязан быть и дом, верно? Не факт, а если это погреб то он может быть и на улице. В любом случае, можно попытаться позвать на помощь, вдруг кто услышит?

Поорав минут пять и малость захрипев, Саша бросил это занятие. Видимо, похитители не так глуп чтобы оставлять его рядом с теми кто может освободить. Кто же этот дед такой? И зачем ему Александр?! Подозрения, конечно, были но лучше пока оставить их при себе. Раз его не убили значит захотят поговорить. Вот тогда и станет картина более ясной..

Между тем напомнил о себе желудок. Этот орган всегда был эгоистом которому глубоко плевать на то где находится хозяин и что ему грозит. У него только одна забота — "Хочу жрать!". И чем больше ты его испытываешь тем больше проблем он доставляет.

Глаза уже полностью адаптировались к темноте и Саша заметил в углу, почти под люком, какое-то тёмное пятно, которое он не заметил когда обходил свою темницу. Подойдя к нему и поворошив рукой Александр удивился. Судя по ткани это был грубый мешок, и явно не пустой. Подтащив добычу к себе и развязав горловину он почувствовал манящий запах ржаного хлеба и колбасы, отчего восторженный желудок резко усилил своё бурчание.

На ощупь вытащив еду Саша довольно хмыкнул. Чёртов дед заранее предусмотрел что ему понадобится и приготовил пищу. Что ж, спасибо и на этом! Втянув носом вкусный запах Александр приступил к обеду. Или ужину? Впрочем, неважно. Главное, есть чем успокоить ненасытный орган.

Через минут десять чуть подобревший, он сложил в мешок остаток еды и нащупал там какую-то полукруглую, металлическую посудину. Ага, это наверное, фляга с водой? Отвинтив крышку и осторожно глотнув, понял что не ошибся. Чистая, холодная вода. Хорошо, жить стало веселее... Так, а вторую потребность человека этот старик предусмотрел? — забеспокоился он.

Дойдя до другого угла Саша споткнулся о загремевшее ведро и облегчённо вздохнул. Вот и туалет, какой-никакой... Подложив под себя какое-то тряпьё, которое лежало на полу, Александр вытянулся на спине и стал смотреть на слабый лучик света который всё сильнее уменьшался. Похоже, вечер наступает.

Как там девчонки? Дед сказал что они только без сознания, но мало ли? Вдруг соврал? А Берия, интересно, что делает? Наверное, рвёт и мечет? Скорее всего, наверху сейчас такой шумон идёт что только перья летят... И Николай, который "Михаил Алексеевич", он же "нянька", тоже бегаёт весь в мыле, ищет его. Вот только если этот дед такой же хитрый как и сильный то были сомнения что его освободят ещё сегодня.

Свет пропал окончательно и подвал-погреб погрузился в темноту. Полная тишина давила на Сашу и он повернулся на бок, решив подремать. Утро вечера мудренее, это ещё предки знали. Так что, раз нет возможности сбежать то можно отдохнуть, выспаться перед завтрашним днём. Александр был на все сто процентов уверен что утром узнает ответы на кое-какие вопросы и решит что ему делать дальше. Вот только настроение портила одна гадкая мысль: ведь и этот дед наверняка захочет узнать от него ответы на свои вопросы! И вряд ли он успокоится если Саша откажется отвечать и пошлёт его куда подальше..

Закинув эту мысль в самую глухую часть мозга, чтобы не мешала, он закрыл глаза и скоро лишь его храп оглашал погреб, расположенный на краю садовых участков.

Берлин.

4 мая 1940 года. Поздний вечер.

Хайнц Гротте/Юрий Кузин

Все четверо собрались в уютной гостиной, медленно попивая кофе с булочками, которые купили в лавке напротив. В комнате играл патефон, для того чтобы исключить возможность прослушки. Сам Хайнц сидел в кресле у стены и оглядывал свою команду, дожидаясь когда её последний член, Петер Баум, пришедший десять минут назад с улицы, допьёт свою чашку.

Наконец, тот закончил с кофе и поставил посуду на маленький столик в центре. Он, вместе с остальными двумя, Карлом Хетцером и Гербертом Хазе, сидел на широком диване, прямо напротив кресла с командиром.

— Наконец-то... — недовольно пробурчал Карл, покосившись на него. — Где тебя так долго носило? Ты ещё вчера должен был узнать на почтамте то что нам нужно. Из-за тебя мы потеряли больше суток!

— Спокойно, Карл, не нервничай! — примирительно поднял руки Петер. — Не всегда всё получается так быстро как хотелось бы. Иногда приходится подождать..

Хазе усмехнулся и сказал Хайнцу:

— Держу пари что этот красавчик всё узнал ещё вчера, просто решил потянуть время чтобы опять залезть к кому-то под юбку..

— Даже не надейся выиграть! — отозвался Гротте, неодобрительно покачав головой. — Зная Петера я просто уверен в этом.

— Эй! — с наигранным возмущением ответил Баум. — Вы оба ошибаетесь! Эта девушка оказалась твёрдым орешком... Я смог расколоть её только сегодня днём. А взамен мне пришлось прогуляться с ней по улицам... Так что не надо тут инсинуаций!

— Слово-то какое ввернул... — хохотнул Хазе. — Хоть знаешь что оно обозначает или для важности вставил?

Петер снова хотел ответить но Хайнц слегка хлопнул ладонью по подлокотнику.

— Хватит!

Все тут же прекратили валять дурака и посмотрели на него.

— Сначала ты, Петер. Докладывай что узнал... — глянул на него Хайнц.

Веселье и дурашливость на лице агента тут же исчезли.

— В принципе, они живут не так уж далеко отсюда. Пересечение Фридрихштрассе и Миттельштрассе. Отец, мать, младший брат. Все образцовые и примерные нацисты. Брат состоит в "Гитлерюгенде".. — деловым тоном начал рассказывать Баум. — Завтра планирую туда сходить, разведать обстановку. Может даже в гости загляну под видом курьера или сослуживца.

Хайнц задумался на несколько секунд и кивнул.

— Хорошо! Так и сделай. Если увидишь там этого Шольке не вздумай сам всё делать.

— Обижает, Хайнц... — протянул Петер, качая головой. — Я не мальчик чтобы так сглупить.

— Так, Карла спрашивать не будем, он всё равно ничего не делал... — сказал Гротте, пытаясь сдержать улыбку. — Давай, Герберт!

— Ну спасибо, Хайнц! — ядовито ответил Хетцер, скривившись. — Сам меня тут запер а я виноват.

— У меня успехи есть но... — замялся Хазе. — Не слишком большие. Нашёл одного человека, который завтра обещает свести меня с другим человеком. А уж тот, возможно, поможет с тем что нам нужно. Только намекнул что придётся раскошелиться.

— Это само собой! — фыркнул Баум. — В их среде за деньги можно собственную мать завалить, вопрос лишь в цене.

— Ладно, завтра пойдёшь на встречу. Карл, подстрахуешь его! — сказал Хайнц, решив дать своему помощнику немного размяться.

— Вот за это спасибо, ком... герр Гротте! — едва не проговорился Хетцер, с досадой хлопнув себя по губам.

Сокрушённо покачав головой из-за промаха товарища Хайнц рассказал то что узнал сам:

— Вчера и сегодня я ходил к месту службы Шольке, между делом разговорился кое с кем... В общем, оказалось что совсем недавно этого Гюнтера то ли уволили то ли перевели из охраны Гитлера. Никто не знает где он теперь работает. Так что ловить его возле штаба СС, думаю, бесполезно. Надо стеречь подходы к дому. Поэтому завтра, Петер, я пойду с тобой.

— Как хочешь... — пожал тот плечами. — Докладывать ТУДА будем?

— Нет! — ответил Хайнц после короткого раздумья. — Во-первых, пока нечего. Во-вторых, опасно. В столице полно прослушивающих постов радиоперехвата. Если узнают что вышел в эфир незапланированный передатчик то могут сесть на хвост.

Радио у них было спрятано одним из тех мелких агентов, который смог уцелеть после грандиозного провала всех остальных. Поэтому пользоваться им было желательно только в крайнем случае.

— Тоже верно... — согласился с ним Хазе, вставая с дивана. — Ну что, спать?

— Да! — ответил Хайнц, тоже поднимаясь с кресла. — Рано ляжем рано встанем.

И первым пошёл в ванную. Карл за ним. Петер тоже двинулся за товарищами но Хазе придержал его.

— Признайся честно, ты и эту дамочку из почты соблазнил? — с заговорщицким видом спросил он.

— А тебе что? — усмехнулся тот.

— Просто хочу узнать правду.

— Ты же меня знаешь, Герберт! — весело рассмеялся Баум, хлопнув его по плечу. —

Если я захочу узнать какие под конкретной юбкой трусики то я это узнаю! Гарантия!

— Вот нарвёшься ты, Петер... — сокрушённо покачал тот головой. — Попадётся тебе ревнивый муж и всё, не будет больше весельчака Баума!

— Тут ты ошибаешься, старина! — оскалился тот. — Поверь, если я встречу с мужем одной из тех дамочек которая раздвинет ради меня свои ножки то это будет не моя проблема а его... Как бы в таком случае очаровательной жене не стать вдовой!

Хазе только безнадёжно вздохнул.

Москва.

5 мая 1940 года. Раннее утро.

Васька-Шкет.

— Слышь, Шкет, ты чо там вякал про тот сарай в кустах? — спросил у него "Серый". лузгая семечки за бараками, и смачно сплюнул. Васька проследил за полётом слюны и завистливо насупился — у него так не получалось, хоть он и старался. Как Серый это делает? Вроде и спрашивал и сам повторял... Никак, бля, не летело куда надо!

— Да я про ту хибару что от старого Митяя осталась... — буркнул он, отвернувшись от своего соседа, Серёги Михеева, или просто "Серого". — Помнишь того алкаша который ещё при царе на киче сидел?

— А... — протянул сосед, снова принимаясь за семечки. — Так он же лет пять назад окочурился! Теперь снизу зырит как трава растёт на его могилке! — рассмеялся "Серый".

— Ага, тот самый! — усмехнулся Васька, тоже вытаскивая семечки. — Вчера утром

такую хрень непонятную видел возле него..

— Какую? — фыркнул сосед. — Митяй, что ли, воскрес и пошёл пузырь искать на опохмел?

— Да не... — отмахнулся он, презрительно улыбнувшись. — Что я, живого от жмура не отличу? Короче... — замолчал Васька, не зная как сказать.

— Бля, рожай давай быстрее, Шкет, хули тянешь? — поторопил его "Серый", снова сплюнув. И опять прямо в банку, сучонок!..

— Я те сейчас по роже захуюрю! — взбеленился Васька, сжав кулаки. — Базар фильтруй!

— Лады, не кипишуй... — отозвался сосед, подняв примирительно руку. — Чо там за хрень была?

— Короче, я зашёл в кусты отлить, смотрю... а к этому сараю какой-то крендель подошёл... — задумчиво говорил "Шкет".

— Чо за крендель? — заинтересовался "Серый". — Прикинутый фраер?

— Хрен знает... — пожал тот плечами. — По виду обычный, шмотки простые. Под сороковник ему.

— И чо дальше? — хмыкнул кореш, продолжая лузгать.

— Зашёл этот фраер туда а через минут пять вышел вместо него какой-то старик незнакомый... — почесал голову Васька, пытаясь понять в чём дело.

— Старик? Из сарая? — переспросил "Серый", с сомнением глядя на него. — А фраер внутри остался?

— Сначала я так и подумал... Лежал там в кустах, ждал его. Думал, посмотрю куда двинет, авось "лопатник" цепану незаметно... — поделился "Шкет" своими мыслями. — Ждал-ждал а тот не выходит, падла... Ну я не выдержал, подобрался к халупе по тихому и заглянул внутрь. Там все стены в щелях, смотри-не хочу.

— И чо? — снова поторопил его друган.

— Через плечо! — огрызнулся Васька и шмыгнул носом. — Не было там никого! Валяется на полу какой-то мусор, бутылки, тряпьё, доски... А фраера нет!

— Туфту гонишь, Шкет! — авторитетно ответил "Серый", доставая из кармана грязных штанов папиросу. — Упустил ты его, дятел! Или он из другой дверки вылез пока ты там бока давил..

— Да не было там другого хода, бля буду! — возмутился Васька, со злостью глядя на кореша. — Я весь этот гнилой сарай обошёл, стены хоть и дырявые а мужик не пролезет! Даже я сам не пролез бы..

В свои 15 лет Васька и правда выглядел на пару лет младше. Рост не превышал 160 см а тело было хоть и небольшим но гибким и сильным. Рождённый от матери-прачки и отца-мастерового в первые годы Советской власти он с малых лет понял что за своё место в жизни следует бороться беспощадно и ни в коем случае не показывать слабость.

Пока мальчишка рос его родители начали спиваться и вскоре, чтобы не умереть с голоду, ему пришлось воровать. Сначала из карманов пьяных мужиков поздно вечером, потом решил перейти на женские сумки... Естественно, это привело к тому что на него обратили внимание такие же беспризорные волчата и после одной короткой но жестокой драки, когда Васька, благодаря своей скорости и изворотливости смог одолеть аж троих пацанов, его приняли в банду. С тех пор он так и промышлял в ней. За те несколько лет что прошли с его прихода сама банда основательно обновилась. Одни попались ментам и

отправились на исправление, другие погибли в разборках с другими бандами. Были и третьи, которым надоела блатная романтика и они, выучившись в ФЗО, смогли найти работу. Таких "предателей" все оставшиеся дружно презирали, обещая "поговорить" с ними если те встретятся на их пути.

Васька, к которому за юркость и маленький рост, приклеилось прозвище "Шкет", застал ещё старого главаря, "Андрюху-Царя", высокого и грубого парнягу, не стесняющегося лупить своих подчинённых если те начинали борзеть. Видимо, это всех достало потому что однажды утром, проснувшись, парнишка обнаружил что их главарь лежит в своей постели весь истыканный "пером". С тех пор главным стал "Серый", его сосед по бараку.

Родители уже давно не обращали на сына внимания и не интересовались им, озабоченные только одно проблемой — где и у кого найти деньги на выпивку. Оба много месяцев не работали а только пили, из-за чего он старался не появляться в своей комнате как можно дольше.

Криминальная жизнь сильно изменила когда-то, в общем-то, неплохого Ваську. Теперь он мог без зазрения совести вырвать сумку у старой бабки, избить девушку ради колечка или серёжек... Недавно порезал одного мужика когда тот пытался спасти свой кошелёк. При этом он не чувствовал за собой никакой вины. Он голодный, в плохой одежде... А значит имеет полное право взять что ему нужно у других. Жизнь — тяжёлая штука, а люди живут по волчьим законам. Хочешь жить хорошо? Значит надо быть самым сильным и жестоким. Конечно, тело подкачало но скорость и обманчивая внешность часто помогали ему в делах. Пусть все эти "лохи" работают, слушаются ментов и так далее... А он, Васька-Шкет, никогда не будет работать! Если же ему что-то понадобится то он силой возьмёт это у других! Решат вдруг сопротивляться... что ж, им же хуже. Верное "перо" всегда наготове.

Школу и приют он ненавидел и всегда старался бить этих чистеньких, домашних мальчиков, которые каждый день, как последние бараны шли в классы, чтобы получить ещё немного той мути что говорили учителя. Из-за этого его то и дело пытались поймать милиционеры но природная ловкость позволяла ему спастись даже из безнадёжных засад. Такая свободная жизнь, без контроля свыше, ему нравилась и он готов был на всё чтобы жить так и дальше. Конечно, была опасность когда-нибудь всё-таки попасться но Васька был уверен что это может произойти только с кем-то другим но точно не с ним! Он-то особенный..

— Тогда куда делся-то твой фраер, если его в халупе не было? А старик, выходит, внутри сидел? — презрительно хмыкнул "Серый".

"Шкет" угрюмо пожал плечами. Он обежал сарай вокруг, даже на деревянную крышу забрался, не обращая внимания на треск прогнивших досок... Но фраер словно испарился! Мистика какая-то..

— Слышь, кореш, давай сегодня ночью залезем туда? — внезапно озарило Ваську. — Пошарим там вдвоём, может найдём чо ценное? Рыжьё там или хрусты?

— Дурик ты, Шкет! — сплюнул "Серый", выбрасывая щелчком бычок. — Да нет в этой развалине ничо ценного! Всё чо было уже вынесли правильные пацаны... Сам же сказал что там тряпьё старое да мусор.

— А вдруг? — не унимался Васька, загоревшись идеей. — Я этот замок на раз-два вскрою, фигня вопрос... А ты на стрёме постоишь, если чо..

Кореш протяжно вздохнул но промолчал. "Шкет" следил за ним затаив дыхание. Конечно, была мысль сделать всё одному... Если повезёт и он найдёт что-то ценное то

можно схоронить себе всю добычу. Но Васька был осторожен и старался подстраховаться. Ведь если придёт этот фраер пока он будет внутри то можно и нарваться. А так, "Серый" может постоять "атасником" на шухере или отвлечь фраера и тогда "Шкет" сможет слинять вовремя.

— Не, ночью никак... — отказался друган, покачав головой. — Этой ночью мы в магазин хотим залезть, забыл? В тот который на соседней улице..

— Бля, точняк! — встрепенулся Васька, совсем забывший об этом. — И чо теперь?

— Ночью никак... — повторил медленно "Серый", закинув в рот новые семечки. — А вот прям шас можно..

"Шкет" с недоверием посмотрел на него и уже сам задумался. Конечно, можно и сейчас... Все ещё дрыхнут, они успеют там хорошенько пошарить. Вряд ли фраер часто там появляется. Но тогда времени мало, вон уже светает..

— А давай! Век воли не видать! — усмехнулся он, поднимаясь с земли. — Только быстро, скоро народ будет вставать, не хочу запалиться там!

— Харэ пиздеть, погнали! — вскочил "Серый" и бегом рванулся в нужную сторону. Радостный "Шкет" не отставал.

г. Нойенкирхен, Германия.

5 мая 1940 года. Утро.

Расположение полка "Лейбштандарт Адольф Гитлер".

Гюнтер Шольке.

— Равняйсь! Смирно!!! — рявкнул гауптшарфюрер, стоя сбоку от строя личного состава. — Равнение на середину!

Он развернулся и, печатая шаг, подошёл к Гюнтеру который расположился в центре площадки.

— Оберштурмфюрер! Личный состав отдельного бронеразведывательного отряда "Лейбштандарт СС Адольф Гитлер" построен для смотра! Докладывает заместители командира отряда гауптшарфюрер СС Брайтшнайдер! — отрапортовал тот и вытянулся в струнку, слегка выпятив локти.

Гюнтер окинул взглядом всё своё подразделение и спокойно ответил:

— Вольно! Встать в строй!

— Слушаюсь! — выкрикнул гауптшарфюрер и, таким же образом, вернулся в строй на своё место.

Гюнтер поправил свою фуражку и шагнул вперёд. Сегодня, пусть это было даже воскресенье, он решил провести смотр всех своих подчинённых и техники, чтобы знать кем и чем командует. Эта необходимость назрела потому что его отряд был расквартирован в нескольких дворах и он не имел возможности уследить за всеми нюансами жизни подразделения. Тот дом где Гюнтер поселился с самого начала был, своего рода, штабом отряда, но ему хотелось собрать всех вместе чтобы получить представление обо всём что входило в его ответственность.

Для этой цели, с помощью Пауля, была выбрана открытая асфальтовая площадка на краю города, которая бы смогла вместить весь отряд. Судя по некоторым признакам, раньше здесь располагались грузовики местного небольшого хлебозавода, которых теперь осталось всего три. Они сиротливо прижались друг к другу в углу двора чтобы освободить место для

эсэсовцев. Впрочем, Гюнтер был вполне удовлетворён. Вся техника и личный состав заняли примерно три четверти площади так что никто был не в обиде.

Сначала он начал осматривать своих людей более подробно.

Все высокие и рослые, как на подбор. Прямо взгляд радуется! Хотя тут нет ничего удивительного, очень строгий отбор в охрану фюрера отсеивал всех низкорослых или с какими-либо дефектами. И это не считая генеалогических требований... Физические упражнения каждый день закаляли солдат, убрав с их тел все ненужные жировые отложения, а каждодневные уроки пропаганды отточили их мысли, заставив слепо верить в идеи национал-социализма. Никаких сомнений или колебаний, стыда или страха... "Фюрер приказал — мы сделали!" — вот такой теперь была их философия, которую усиленно пестовали в них партийные инструкторы.

Подойдя к бойцам Гюнтер стал придирчиво проверять их внешний вид.

Вычищенная и отглаженная маскировочная, камуфлированная форма... Начищенные, блестящие на встающем солнце, шлемы с двумя молниями сбоку. Пряжки, сапоги, амуниция, фляги, противогазы, подсумки, оружие... всё проверялось им дотошно, без всяких скидок на заслуги подчинённых. Солдат мог иметь несколько значков за ранения и быть награждённым "Железным Крестом" но если не может или не хочет держать своё хозяйство в порядке то быть ему сегодня пропесоченным по всем требованиям устава! Это закон для любого германского солдата а уж про эсэсовцев и говорить нечего.

Экипажи машин щеголяли в своих комбинезонах и пилотках со светло-коричневыми кантами разведывательных частей, хотя у некоторых виднелись и розовые, как принадлежность к бронетанковым. В данном вопросе Папа был либерален и не требовал от них строгого соблюдения формы одежды, так как по службе они могли относиться и туда и сюда.

Обойдя всех подчинённых которых, вместе с ремонтниками, было почти под сотню, Гюнтер с трудом удержался от улыбки. Все солдаты, ветераны и новички, оказались превыше всяких похвал. Он выявил всего пару замечаний но они были настолько незначительны что Гюнтер и сам внутренне признал что буквально придрался к ним, чтобы не расхолаживать бойцов.

Что ж, люди его порадовали... Теперь настал черёд техники. Всего броневиков в отряде оказалось восемь. Четыре лёгких и столько же тяжёлых. Причём, среди тех и других оказались разные виды одной модели. В самом конце стояли несколько открытых полугусеничных "Sd.Kfz. 251". Они тоже были покрашены и усилены дополнительными бронелистами, особенно спереди, в дополнение к запасному колесу. В кузовах двух из них были установлены миномёты.

Например, среди лёгких были: один "Sd.Kfz. 221" с пулемётом, рядом стоял радиофицированный "Малыш", отличающийся от него только дугами над корпусом. Следующим был уже "222" с пушкой, а последним замыкал группу "221" с установленным на башне противотанковым ружьём "PzВ 39" вместо 2-см орудия, в дополнение к штатному пулемёту.

Похожая картина наблюдалась и среди тяжёлых машин.

"Sd.Kfz. 232" или "Здоровяк" тоже был радиофицированной версией броневика. Бок с бок с ним расположился стандартный восьмиколёсный "231" с пушкой. Ещё дальше высился настоящий связной центр отряда, "Sd.Kfz. 263", с гробообразной неподвижной рубкой, вооружённый лишь пулемётом. Впрочем, его главной задачей было не стрелять самому а

помогать другим машинам это делать. Самым же последним был ещё один обычный "231".

Все броневики, согласно распоряжению Гюнтера в самый первый день, были свежепокрашены в пятнисто-камуфлированный цвет, который должен был скрадывать их силуэты на фоне живой природы. Другое его указание также было выполнено. Все уязвимые места в лобовой проекции и по бортам усилены дополнительной бронёй, наваренной либо привинченной сверху. И конечно, машины оказались увешаны необходимыми для боя и экипажа вещами: канистрами, лопатами, ящиками с инструментами, тросом для буксировки, свёрнутым брезентом, маскировочными сетками и т. д.

Но больше всего Гюнтера удивило другое. Все броневики, помимо обновлённых тактических знаков и цифр, были проименованы. Помимо уже знакомых ему "Мальша" и "Здоровяка" в отряде оказались "Гордый гунн", "Ландскнехт", "Аттила", "Всегда первый!", "Баварец" и "Крестonosец".

Гюнтер только головой покачал от изумления. Похоже, в отряде явно оказался кто-то неплохо знакомый с древнегерманской историей, что вылилось в некоторые бурные фантазии о славном прошлом страны. Он не был уверен что такие художества разрешены уставом но решил закрыть на это глаза. В конце концов, если парням нравится и это повышает их боевой дух то на здоровье... Главное, чтобы сражались они умно и смело.

Но и это оказалось не всё! Приглядевшись, Гюнтер понял что глаза его не обманывают... Действительно, неуёмная фантазия разведчиков буквально выплеснулась наружу. Ибо на башнях, с обеих сторон, были нарисованы и небольшие эмблемы, наподобие тех которыми любят украшать свои машины эксперты "Люфтваффе" или команды подлодок на рубках: голова рыцаря в шлеме с султаном... оскалившийся в жуткой улыбке череп в каске... красиво нарисованная стрела в полёте... пиковый туз... стилизованное изображение кинжала СС... хищный нацистский орёл с горящими глазами... эмблема полка Ключ с эсэсовскими молниями над ним... и свастика утыканная по всему периметру острыми шипами.

подавив желание рассмеяться Гюнтер посмотрел на Брайтшнайдера и сказал:

— Гауптшарфюрер! Ко мне!

— Слушаюсь! — браво ответил тот и, опять же, строевым шагом направился к нему. — Оберштурмфюрер! Гаупт... — начал докладывать он, но Гюнтер нетерпеливо прервал его:

— Отставить! Твоя работа? — мотнул он головой в сторону боевых машин.

Губы заместителя дрогнули но в остальном Брайтшнайдер остался невозмутим.

— Никак нет!

— Без чинов, Бруно... — тяжело вздохнул Гюнтер. — Давай, рассказывай мне честно... Кто наплевал на устав и превратил броневики в галерею живописи?

Подчинённый разом сбросил с себя маску тупого солдафона и улыбнулся:

— Да есть тут в отряде пара умельцев... Они и провернули всё. А названия и эмблемы сделали по желанию экипажей.

— Что, всего двое? — не поверил Гюнтер. — За два дня?

— Там ещё армейские доброты помогали... — неохотно признался заместитель и с грустью добавил: — За помощь пришлось ящик рейнского отдать..

— А, так у нас, оказывается, ящик вина есть? Точнее, был? — поправился Гюнтер, с подозрением глядя на гауптшарфюрера. — И почему я узнал об этом только сейчас?

— Да этот ящик только вчера появился! — с досадой ответил тот. — Я не успел доложить..

— И откуда, интересно, он вдруг появился? — поднял бровь Гюнтер, несказанно заинтересованный неожиданно появившимся имуществом. Похоже, у него под носом проворачиваются всякие махинации а он ни сном ни духом? Непорядок! — Не помню чтобы в рацион нашего отряда входило вино!

Брайтшнайдер снова замялся. Видно было что ему не хочется говорить но суровый взгляд Гюнтера не оставил тому выбора.

— В карты мы его выиграли... — признался, наконец, Бруно. — У тыловика одного.

— Так... — протянул Гюнтер, не зная как на это реагировать. С одной стороны налицо явное нарушение устава, но с другой... А, к чёрту всё! — Бруно! Сейчас ты говоришь мне всё что есть у нас в отряде неучтённое и неположенное по штату! И чтобы без утаиваний! Я не хочу потом краснеть перед Папой когда выплывут ваши художества! А они обязательно выплывут, да ещё в самый неподходящий момент!..

Слушая откровения расторопного заместителя он только диву давался, чувствуя что его челюсть отвисает всё больше и больше. Как, оказывается, много в отряде имущества которое ему совершенно не положено! Ну вот абсолютно нигде не отражено в бумагах! А в реальности есть!.. Положим, двукратный запас боеприпасов и трёхкратный горючего для боевой техники ещё куда ни шло... Всё-таки, мало ли, вдруг снабженцы отстанут? Гюнтер даже готов был смириться с двумя ящиками шампанского и пятью канистрами шнапса в укромном месте... Но какого чёрта в отряде делает несовершеннолетний воспитанник "Гитлерюгенда"?!

Оказывается, 16-летний мальчишка прибился к ним ещё в Польше да так тут и остался. Горевший патриотическим пылом он приехал на фронт к отцу, унтерштурмфюреру второго батальона, но успел с ним переброситься перед боем всего парой слов. Потом атака и... парнишка стал безотцовщиной. Погоревав над трупом родителя он вытер слёзы и наотрез отказался возвращаться домой, к матери и старшей сестре, согласившись лишь написать им что всё в порядке.

С тех пор Эрих Ханке так и служил вместе со взрослыми эсэсовцами. Даже приехавшая в полк мать так и не смогла уговорить его вернуться. Тот упрямо твердил что уже давно вырос и будет мстить за отца всем врагам Германии и фюрера. Начальник штаба знал о нём, но вот насчёт Папы уверенности не было, поэтому при любом приближении Зеппа Эрих тут же куда-то исчезал. А потом появлялся как ни в чём не бывало, весёлый и довольный..

Уезжая, его мать слёзно просила парней оберегать мальчишку и те пообещали сделать всё возможное для этого. Привязавшиеся к нему разведчики обучили его стрелять, водить связной мотоцикл и теперь тот сидел в своём укрытии, опасаясь что новый командир отряда выгонит и отправит Эриха домой. Прямо настоящий "сын полка", как иногда бывало у русских, по рассказам Алекса.

Тяжело вздохнув, Гюнтер распустил строй, расстегнул верхнюю пуговицу маскировочной куртки, снял фуражку и уселся на скамейку, чувствуя что растерян. Вот что с ним делать? Подростку не место в боевой части, он был в этом уверен. Но какая гарантия что тот доедет до дома и не сбежит по дороге? Да никакой! Отправлять солдата? А толку? Даже если тот довезёт его до Кюстрина, откуда Эрих был родом, то что помешает ему снова уехать на фронт? Уж точно не мать и сестра... Пожалуй, надо бы поговорить с ним лично, увидеть его, узнать какой он сам по себе... Да, так и сделает! Но позже, вечером или завтра. Сначала он должен заняться куда более приятной писаниной чем заполнение всевозможных заявок и ведомостей... Пора написать первые письма своим женщинам! Честно говоря,

Гюнтер и сам чувствовал некоторую тоску по ним. Всё-таки, он тоже привязался к ним и был бы очень даже не прочь пообщаться со всеми ними, вспомнить и повторить некоторые приятные моменты..

Зайдя в дом и пройдя до своей комнаты, Гюнтер вытащил несколько чистых листов и начал писать первое письмо. Сначала, конечно, Лауре... Потом настанет очередь Евы. Затем Лотта, общее письмо Аннелизе с Катариной, ещё одно прекрасной баронессе (и не забыть сделать приписку для графини!), ну и потом уже Ханне.

Да, похоже это дело займёт у него не меньше пары часов. А ведь потом ещё надо позаниматься с личным составом, встретиться с Паулем... словом, дел опять по горло. Что ж, быстрее начнёт быстрее кончит!

Усевшись поудобнее и размяв руку Гюнтер начал писать, чувствуя как его рот расплывается в широкой улыбке. Он много что хотел бы сказать своим девочкам лично, но раз они далеко то придётся проявить своё красноречие на бумаге.

"Моя горячо любимая Лаура! Хотя прошло всего несколько дней но я уже скучаю.."

Берлин.

5 мая 1940 года.

Ева Браун.

Она сидела вместе с Гитлером и четой Геббельсов в кабинете и делала вид что участвует в разговоре но её мысли были далеко отсюда. Ощущение что чего-то не хватает преследовало её уже несколько дней. Сначала Ева не обращала внимания на это но с каждым днём чувство усиливалось. Никакое развлечение не приносило той радости что была раньше, книги, прогулки, даже покупки в магазинах лишь на короткое время оживляли её, а потом снова находила какая-то непонятная тоска, от которой хотелось убежать... Но от себя не убежишь.

— Ева! — ворвался в неё раздражённый голос Гитлера. — Ты слышишь меня?

Она спохватилась и вернулась в реальность. Оказалось, что фюрер и Геббельсы с удивлением смотрят на неё. Видимо, что-то спросили а девушка даже не услышала. Невольно покраснев, Ева в замешательстве обвела их взглядом и переспросила:

— Извините, я задумалась... Вы что-то сказали?

Гитлер возмущённо фыркнул, его щёточка усов дёрнулась:

— Вы слышали, Йозеф? Она, видите ли, задумалась! Мы тут обсуждаем важные вещи а она витает в облаках!

Геббельс огорчённо покачал головой а Магда презрительно усмехнулась. Жена Геббельса терпеть не могла Еву и часто старалась унижить её, особенно если рядом не было Гитлера. Похоже и сейчас, пользуясь его раздражением, она снова решила уколоть девушку:

— Дорогая, нельзя же так наплевательски игнорировать слова нашего любимого фюрера! Я понимаю что тебе не интересны его мысли но можно было хотя бы попытаться скрыть это и не выказывать так явно своё равнодушие! — и невинно улыбнулась.

Вот стерва! Ева почувствовала что в ней внезапно поднимается гнев против этой ухоженной гадины, которая то и дело отравляла ей жизнь. С трудом сдержавшись, она ответила ей:

— Это неправда, фрау! Просто... — девушка замаялась, не зная как оправдаться. — Я думала о том как тяжело сейчас нашим солдатам в Норвегии и... на Западе. Как они тоскуют

по своим семьям! А их жёны и подружки ждут своих мужчин домой..

Насупленные брови Гитлера разгладились и он сокрушённо откинулся на спинку своего кресла:

— Да-да, понимаю... Типичные женские мысли! Что ещё ожидать от Евы? Никакого понимания стратегического момента и чаяний великого германского народа! Наши солдаты завоёвывают жизненное пространство для своих детей, понимаешь? Там будут жить новые немцы! А доля наших женщин — ждать и надеяться! Верно, Магда? — обернулся он к жене Геббельса.

— Конечно, мой фюрер! — с жаром подтвердила та, украдкой от мужа очаровательно улыбнувшись Гитлеру. — Я отлично это понимаю и готова ждать своего Харальда столько сколько нужно! Уверена, что и все другие НАСТОЯЩИЕ немки тоже это понимают! — выделила она слово.

Ева только головой покачала. Она подозревала что Магда втайне завидует её близости к фюреру и совсем не прочь оказаться на её месте. Секретарши шептались что раньше жена Геббельса всю флиртвала с ним и только сам Гитлер был причиной тому что Магда так и не решилась изменить мужу с фюрером, хотя до этого, в первом браке, замужество не помешало ей увлечься молодым студентом, к тому же, евреем. Всё закончилось для него печально а Магда, встретив Йозефа, вышла за него замуж во второй раз, хотя и была очарована больше Гитлером чем его соратником. И с каждым разом Ева находила этому всё больше подтверждений.

— Вот! — вскинул Гитлер торжествующе свой указательный палец. — Недаром я твердил тебе, Ева, что именно такой и должна быть настоящая германская женщина! Мать и превосходная домохозяйка! А ты высказывала мне всякие порочащие про неё слухи..

— Можно узнать какие именно слухи, мой фюрер? — медовым голосом осведомилась Магда, но её взгляд, кинутый в сторону девушки, был остёр как кинжал.

Тот смутился и отмахнулся:

— Не важно, Магда! Всё равно я ни на грамм им не поверил... Так вот, Ева! — снова он вернулся к болезненной для неё теме: — Я хочу чтобы ты вела себя как жена моего верного соратника и ни в коем случае не порочила её честь! Бери с неё пример!

— Хватит!!! — неожиданно для всех и, прежде всего, для самой себя закричала Ева и вскочила с места, пылая гневом. Она пыталась сдержаться но на этот раз её хладнокровие и сдержанность рухнули. — Адольф, не смей мне приказывать быть похожей на эту тайную шлюху, у которой был еврейский любовник! Я, в отличии от неё, настоящая немка и никогда бы не запятнала себя грязной связью с презренным евреем!

— Что?! — мгновенно вскочила фрау Геббельс, сверкая глазами. — Да как ты смеешь, шлюха?! Я тебя сейчас!.. — побежала она вокруг стола чтобы вцепиться Еве в волосы. Та, сверкая глазами, сжала кулаки, с наслаждением мечтая как сейчас отомстит этой старой развалине.

Её муж попытался задержать жену но смог поймать только подол платья. Женщина дёрнулась и ворот запахнулся, открыв всем на обозрение её грудь в белом лифчике. Оцепенев, Йозеф растерялся и выпустил Магду. Она, даже не заметив беспорядка в одежде, накинулась на Еву и кабинет наполнился истошным женским визгом.

Гитлер, приоткрыв рот, удивлённо смотрел на дерущихся дам а Геббельс, вскочив с места, неуклюже захромал на помощь жене.

Ева ухитрилась извернуться и правой рукой слегка задеть Магду рукой по щеке, отчего у

той появилась царапина. В следующую секунду более тяжёлая фрау Геббельс повалила её на пол и вцепилась в волосы. Девушка, охваченная злостью, сделала то же самое, разрушив искусную причёску соперницы.

— Ах ты дрянь! — шипела разъярённая Магда, дёргая Еву за волосы, из-за чего та чувствовала сильную боль и унижение. — Я научу тебя уважать фюрера и его друзей, дерзкая сучка!

— Старая кляча! — кричала Ева, пытаюсь намотать на кисть чужие волосы и, одновременно, отбиваясь от её мужа. — Сама была развратной потаскухой которая готова лечь с кем попало, теперь и меня такой же хочешь сделать?! Ну уж нет! — и плюнула сопернице в лицо.

Ахнув от неожиданности Магда выпустила её волосы и только хотела залепить пощёчину как раздался разгневанный крик Гитлера о котором, в пылу ссоры, все умудрились забыть:

— Прекратить немедленно!!!

В кабинете тут же воцарилась тишина и все застыли в той позе в которой были. Геббельс, наклонившись, стоял держа одну из рук Евы. Его жена, сидя на ней и вцепившись в волосы, повернула голову. С растрёпанной причёской, царапиной на щеке и распахнутом платье она выглядела абсолютно противоположно своему обычному виду ухоженной, безупречно одетой и спокойной.

Сама Ева, лёжа под ней, глубоко дышала, не собираясь отпускать волосы соперницы.

В кабинет заглянул недоумённый Шауб и, тут же оценив обстановку, оказался рядом.

— Мой фюрер, вы в порядке? — обратился он к нему, встав сбоку.

Гитлер не ответил, продолжая сжигать женщин своим взглядом. Как по команде, обе они отпустили друг друга а Геббельс отошёл к нему, пряча глаза.

— Мой фюрер, простите меня! — с жалобным видом попросила Магда, слезая с Евы и на коленях подползая к Гитлеру. Её грудь, вздымавшаяся под лифчиком, невольно приковала его взор, Ева видела это. — Я не хотела, правда! Но эта... она меня оскорбила, вы же слышали? Извините, что стали свидетелем такой безобразной сцены! Обещаю, больше вы не увидите меня такой... недостойной вида настоящей германки! — смогла она подобрать слова.

Ева молча встала с пола и медленно двинулась к выходу, стараясь чтобы на неё не обратили внимания. Хватит этих выяснений отношений! Ей сейчас нужно выпить и полежать в одиночестве иначе она просто взорвётся.

Тем временем, Магда всхлипнула и обняла ноги Гитлера, крепко прижавшись к ним.

— Простите меня, пожалуйста! — молила она, глядя на него снизу вверх. — Если хотите, накажите меня но не прогоняйте! Я этого не вынесу, мой фюрер! — На своего мужа, стоящего рядом, женщина не обращала ни малейшего внимания, словно его не было в комнате.

Шауб, раньше других понявший в чём дело, украдкой взял Йозефа за локоть и потянул к выходу. Тот, сгорбленный и безучастный, как собачка на поводке направился за ним, не отрывая взгляда от жены, которая стояла на коленях и просила прощения за своё поведение.

Ева усмехнулась. Такая, как эта старая шлюха, отлично знает как вымолить у мужчины прощение... Особенно, стоя перед ним на коленях.

Гитлер, не отвечая, буквально рухнул в своё кресло, удручённо качая головой и закрыв лицо рукой. До девушки донёсся его глухой голос:

— Магда... как ты меня сейчас разочаровала..

— Простите-простите, мой фюрер! — иступленно извинялась женщина, целуя его вторую руку, безвольно лежащую на подлокотнике. — Я обещаю что больше никогда так не сделаю!

Она стала тереться о его кисть своим лицом а потом, не отрывая взгляда от лица Гитлера, медленно положила её на свою грудь. Фюрер не отреагировал.

Шауб довёл Йозефа до двери и кивнул на выход Еве, стоявшей на пороге. Кинув последний взгляд на Гитлера она увидела как фюрер убрал руку от лица и пристально смотрит на Магду, что-то шептавшую ему, жалко улыбаясь. А потом... потом ей показалось что руки женщины, по прежнему сидящей на коленях в распахнутом платье, что-то делают у него между ног а голова фрау Геббельс опускается всё ниже..

Покачав головой и презрительно усмехнувшись, Ева вышла из кабинета и зашагала в свою комнату. Перед ней, сторбившись, плёлся Йозеф, уткнувшись взглядом в пол. Его голова мелко подёргивалась а движения тела были замедленными.

На миг ей стало его жалко, но потом она отбросила эти мысли, поглощённая другим открытием, поразившим её намного сильнее чем жена, "идеальная немецкая домохозяйка", открыто изменяющая мужу с фюрером... Сегодня Ева впервые решилась открыто противоречить своему бывшему любимому мужчине, устроила драку на его глазах... и не испытала даже доли ревности, увидев у его ног свою бывшую соперницу. Всё прошло... У неё остался только ОН. Тот кто сейчас далеко..

Что ж, если в этом и состоял план Гюнтера то он блестяще удался. Заменить в ней любовь к фюреру любовью к нему, это просто нечто. Но, возможно, это и к лучшему? Определённо надо об этом подумать наедине с бутылкой шампанского в своей комнате..

А если этой старой дуре так хочется внимания фюрера то пусть его забирает. Теперь Еве уже всё равно... Чувствуя, как на лице появляется улыбка девушка зашла в свою комнату.

Москва.

5 мая 1940 года. День.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Солнце приближалось к полудню когда он, перестав надеяться на приход Кати, решил навестить пленника и провести с ним первую беседу. Откровенно говоря, Алексей пенял на себя что не сделал этого ещё вчера. Какого чёрта он вдруг решил что девчонка заявится к нему сразу после происшествия в парке?

Она вполне могла быть в больнице, хотя Залесский старался быть аккуратным. А возможно, её увезли в "НКВД" и теперь допрашивают, выясняя все подробности дерзкого похищения. Хотя он и не был следователем но, в общих чертах, представлял суть их работы... осмотр места преступления, опрашивание свидетелей, поиск улик и т. д. Значит, что?

В первую очередь, их приведут в сознание и будут допрашивать. Но что она знает? Какой-то старик ударил Сашу а потом и девушек. Те потеряли сознание. Очнулись — нет ни парня ни старика. Свидетели? Хм, разве что пионеры, но те вряд ли знают что органам нужна их помощь... Так, потом что? Потом Берия поймёт что у него где-то протекло... Станет искать "крота" в ведомстве, который мог теоретически слить информацию о Александре. Самые запрашиваемые варианты — Катя и Круглов. Обоих начнут проверять... Главное, чтобы девчонка не ляпнула о том что рассказывала ему секретные сведения, но это не в её интересах и она это отлично понимает. А потом они поймут что нигде нет второго посвящённого в тайну и начнут искать... придут к нему в квартиру и найдут повешенный труп своего сотрудника с покаянным письмом. Конечно, оно написано не идеально но могут списать на нервный срыв, ведь почерк его, любой графолог подтвердит. Физических повреждений на теле быть не должно... Словом, если выбирать между Кругловым и Катей то подозрений на мужике будет больше. Таким образом, скорее всего, та окажется свободной и сможет дальше приносить ему пользу своим болтливым языком... а также и другими частями тела.

Усмехнувшись, он оделся и вышел из барака, направившись к своему сараю, где в укромном месте хранились его вещи. Но перед этим спрятал, недалеко от входа, в неприметной трещине в стене, послание Кате, если та вдруг придёт к нему в его отсутствие. Про этот тайник девушка знала, т. к. иногда они обменивались, таким образом, посланиями если не могли встретиться лично. В нём Алексей написал что вынужден уйти на поиски другой работы и вернётся вечером.

Уже подходя к сараю он внезапно насторожился. Его "чуйка" вдруг подала сигнал тревоги. Мгновенно напрягшись, Залесский остановился и внимательно пригляделся. На первый взгляд всё было нормально, но что-то же встревожило его? Поколебавшись, Алексей осторожно начал подбираться к сараю. И только подойдя совсем близко, понял что именно не так... Замок на дужках был не закрыт! Он просто висел на них!

Вспотев от волнения, он пригнулся и снова огляделся вокруг, чтобы немедленно прыгнуть в сторону если на него накинута псы Берии. Нож сам собой оказался в руке и Залесский тут же оказался в кустах, готовый бежать или сражаться до конца, если

понадобится.

Прошло почти минут пять прежде чем волнение и напряжение в его теле начали проходить. Ничего вокруг не происходило. В отдалении слышались неразборчивые голоса, смех... Пели птицы на деревьях. Тихо..

Устав сидеть на месте, он решил рискнуть и, выйдя из кустов, снова подошёл к двери в сарай. Внимательно осмотрел замок и нахмурился. Ключ был только один, у него, а значит использовали отмычку. Но кто? Неужели НКВДшники? Получается, они просто открыли сарай, обыскали его и ушли? Или засада, всё-таки, была но её сняли до его прихода? А может, это были вообще не они? Хотя, кому нужен дырявый сарай с разным мусором? Непонятно... Ночью, видимо, был лёгкий дождь и земля вокруг была влажной. Возможно, остались следы? Ведь кроме него тут никто не ходил.

Алексей присел на корточки и внимательно пригляделся к земле. После тщательного обследования следов он хмыкнул и удивлённо потёр подбородок. Странно... Судя по отпечаткам, вокруг сарая топтался какой-то тип с небольшим размером обуви, навскидку 40–41. Но был ещё и второй, у которого нога чуть больше, он стоял у входа. Они открыли замок, зашли и..

Заглянув внутрь Залесский увидел там то что и ожидал. Весь мусор, лежащий на первый взгляд в беспорядке, а на самом деле в строго определённой последовательности, был передвинут и разбросан. Проникнув в сарай Алексей протянул руку в тайник под крышей и вытащил нетронутый мешок, в котором была сменная одежда. Поворошив её ему стало ясно что ничего не пропало. Выходит, не нашли? Хотя, если проникновение было ночью и они старались не пользоваться огнём то всё сходится. Наспех пошарили, убедились что пусто и ушли. Может, пара алкашей ищут тряпьё чтобы сдать на бутылку? Или любопытные мальчишки?

Устав перебирать варианты Залесский переоделся в чекистскую форму и поехал к своему пленнику, решив что сегодня ночью попробует залечь в засаде и выследить незнакомцев. Конечно, была возможность что те больше не вернутся но проверить не помешает.

Чисто выбритый, вежливый и улыбчивый, он внушал доверие людям и в автобусе граждане уважительно расступались перед ним. Хотя, возможно, и от страха? Всё-таки, органы в СССР были если не всеильны то уж точно весьма влиятельны.

Выйдя на конечной остановке Алексей спокойно остановил грузовик, едущий в нужную ему сторону и уселся рядом с водителем. Тот, сначала с опаской косившийся на незнакомца командира "НКВД", скоро оттаял под влиянием нескольких весёлых анекдотов. Залесский, когда хотел этого, был очень приятным собеседником а уж его кругозор позволял ему разговаривать на многие темы, недоступные для других людей, которые жили только в своём мире.

Проведя в приятном разговоре с водителем всю дорогу, Алексей попросил остановиться за несколько километров от нужного места, рядом с просёлочной дорогой, сворачивающей к соседней деревне, и сердечно распрощался с водителем, оставив у того впечатление что некоторые сотрудники устрашающего ведомства очень даже неплохие в общении люди.

Проводив взглядом удаляющийся грузовик Залесский оглянулся и, не увидев никого поблизости, нырнул в кусты. Лёгкий бег по негустому лесочку пару километров не доставил ему никаких трудностей, скорее, стал разминкой... Вот и знакомый участок появился!

Посидев в кустах минут десять и не обнаружив никакого движения, он спокойно вышел

из зарослей и подошёл к калитке. Два соседних участка были пусты. Один совсем зарос, растительность одичала и вымахала почти до пояса, видно было что хозяев нет или им явно не до своей дачки. Другой участок был более ухожен но также пуст, несмотря на то что уже было самое время для работы. Но на всякий случай надо быть настороже.

Внимательно осмотрев калитку Алексей не обнаружил никаких признаков что здесь были посторонние. Чужих следов нет, и маленькая щепка, которую он тогда засунул в щель, была на своём месте и в том положении что и раньше. Что ж, пока всё хорошо. Пусть так будет и дальше..

Открыв калитку и войдя внутрь двора он дошёл до двери в дом и повторил процедуру. Там тоже ничего подозрительного. Очутившись в сенях, Залесский затих, напрягая слух до предела и приготовив верный нож. Тишину нарушил только далёкий лай собаки, в остальном, ничто не нарушало спокойствие в доме.

Слегка расслабившись, Алексей обошёл все комнаты и убедился в безопасности. Окна не разбиты и не открывались. Теперь настал черёд разговора. Открыв замок на люке и откинув его в сторону, Залесский взглянул в темноту вниз и, увидев пленника, широко улыбнулся:

— Здравствуйте, Александр!

Тот, прищурившись от света, хмуро посмотрел на него и с трудом встал. Выглядел он неважно. Помятая форма, усталое лицо... Внезапно глаза его расширились и в них появилась радость:

— Товарищ младший лейтенант госбезопасности?! Наконец-то вы меня нашли! Михаил Алексеевич тоже тут? — начал быстро говорить пленник, задрал голову.

— Какой ещё Михаил Алексеевич? — с удивлением переспросил Залесский, ничего не понимая.

— Ну... мой куратор! — нетерпеливо пояснил Саша, глядя на него. — Что вы там стоите? Принесите лестницу и я вылезу из этой дыры, она мне за ночь уже осточертела!

Измученный Алексей продолжал стоять, теряясь в догадках. По его мнению, пленник не должен был так себя вести. Страх, непонимание, тревога... Вот что он ожидал увидеть. Или это попытка заморочить ему голову? Но оглядев себя Залесский тут же всё понял... и расхохотался, не сумев сдержаться! Как забавно! Этот дурачок увидел что он в форме и решил что пришла помощь! Ха-ха-ха!.. Вот умора!

Саша с недоумением продолжал смотреть на него. Наконец, видимо, он что-то заподозрил и медленно произнёс:

— Вы... не освободить меня пришли? Какого чёрта тут происходит?

Отсмеявшись, Залесский с трудом успокоился и принёс лестницу, чтобы спуститься вниз.

— Знаете, Саша, если вы не будете вести себя как капризный мальчишка, думаю, мы с вами поладим... — сказал он, приготовившись к спуску. — Я сейчас спущусь к вам чтобы поговорить. Не советую на меня нападать, это окончится для вас весьма болезненно, и другими неприятными ощущениями. Уж поверьте, это для вашей же безопасности. Договорились? Отойдите вглубь погреба! — велел Алексей, наблюдая за настороженным пленником.

После некоторого раздумья тот хмыкнул и отошёл к дальней стене. Что ж, вроде адекватный парень а не коммунистический фанатик, готовый умереть за идеи Ленина-Сталина. Спустив лестницу, Залесский быстро спустился вниз, каждую секунду готовый к

нападению. Оно и понятно, соблазн вырубить его и прорваться к лестнице, к свободе, очень большой. Конечно, у него не получится но он-то это не подозревает!

Но пока Саша вёл себя смирно, хотя его взгляд Алексею не понравился, тот определённо что-то задумал. Ну-ну, пусть попробует..

Присев на нижнюю ступеньку лестницы Залесский вытащил из кармана "Казбек" и закурил. Протянув одну из папирос Александру он предложил:

— Курите?

Пленник отрицательно мотнул головой, не сводя с него глаз.

— Заботитесь о своём здоровье? Похвально... — кивнул сам себе Залесский и с наслаждением выдохнул дым. Хорошо!..

— Ну что, пора нам с вами познакомиться, верно? — подмигнул он. — А то, как-то, невежливо получается..

— А где старик? — внезапно спросил Саша, отчего у Алексея поднялись брови. О чём это он? Ах да, парнишка же так и не понял кто есть кто... Признаться или попробовать поиграть с ним?

— Старик уехал... — ответил Залесский, решив попробовать провернуть одну рискованную затею. Если получится, то может даже, не придётся его убивать. — Он, как мавр, сделал своё дело и ушёл. А с тобой буду общаться я. Меня зовут Алексей Богданов, младший лейтенант государственной безопасности. Твой, в какой-то мере, коллега... — усмехнулся он.

У пленника на лице появилось растерянное выражение лица. Похоже, он никак не мог понять что за тип пришёл к нему в гости в погреб. Внутренне забавляясь, Алексей продолжил:

— А ты Александр Самсонов, верно? — тот заторможенно кивнул, не сводя с него изучающего взгляда. — И ты из будущего?

Саша будто очнулся и сделал лицо кирпичом. Скулы затвердели, взгляд будто впился в Залесского.

— Не понимаю о чём вы... — решительно мотнул он головой.

— Брось! — рассмеялся Алексей. — Я многое знаю про тебя, Александр! Но не всему верю, понимаешь?

— Если вы мой коллега то должны освободить меня и немедленно доложить товарищу Берии о моём местонахождении! — твёрдо сказал пленник и, как бы невзначай, немного сдвинулся вперёд.

— Стой на месте! — тут же рявкнул Залесский. — Ещё шаг и мой нож окажется в твоём теле. Живо назад!

Стиснув зубы, Саша с неохотой вернулся назад, к стене. Похоже, он окончательно убедился что его "коллега" явно не питает к нему добра.

— Так-то лучше, Александр... — усмехнулся Алексей, не спуская с него глаз. — Ты, похоже, так и не понял... Я не буду ходить вокруг да около. Можно, конечно, бить тебя, морить голодом или жаждой... Но это всё долго. А мне нужны ответы именно сейчас. Поэтому я сделаю по другому..

Он вытащил нож и любовно провёл пальцем по его блестящему лезвию.

— Я просто буду отрезать тебе пальцы на руках за твоё упорство. Сначала мизинец, потом безымянный... ну а затем настанет очередь других. Когда закончится первая пятёрка, возьмусь за вторую... — спокойно говорил Залесский, продолжая наблюдать за

побледневшим пленником. — А ведь есть ещё пальцы на ногах, не забывай. А на самое сладкое... догадаешься? — широко улыбнулся он.

Прыжок парня оказался для него неожиданностью, хоть Алексей и смотрел прямо на него. Рычащий от ярости Саша накинулся на Алексея, пытаясь ударить кулаком по лицу и, одновременно, коленом по телу. Залесский успел только вскочить со ступеньки а потом тело Александра повалилось на него. От удара кулака он увернулся а вот от колена уже не успел.

Удар в грудь отбросил его на лестницу и та затрещала под тяжестью двух тел. Не успел он опомниться как разъярённый пленник попытался провести приём, который, видимо, узнал в учебном лагере. Короткая "двойка" по лицу и сокрушительный третий! Точнее, почти третий..

Мужчина, получив два удара по челюсти и носу, в последний момент успел убрать голову и завершающий серию кулак прошёл вскользь по правому уху, оглушив его. Сашу это не остановило и он решил добавить левой ногой по корпусу. На этом его успех закончился..

В свою очередь, разозлившийся Алексей поймал его ногу в захват, дёрнул на себя, лишая равновесия, и Александр начал проваливаться на него, попытавшись схватиться за форму Залесского. В следующий момент левый кулак мужчины с силой врезался в скулу пленника и тот растянулся на земле, по прежнему с ногой в захвате.

На удивление, Саша почти тут же попытался встать но левая нога Залесского, ударившая тому в бок, заставила его скрючиться от боли. Застонав от боли и разочарования, он перекатился на спину и уставился на Алексея бешеным взглядом:

— Сука ублюдочная! Я тебя всё равно завалю, мразь! — буквально прорычал он, сверкая глазами. — И тебя и того старика!

Сплюнув кровь из разбитой губы и осторожно потрогав нос, Залесский выпустил ногу пленника из захвата и, усмехнувшись, сказал:

— Что ж, это была неплохая попытка, признаю... А мне урок — никогда не расслабляйся, даже если знаешь что сильнее. Что касается старика... то вряд ли ты его увидишь, он уже далеко. Всё, поиграли и хватит! Давай теперь поговорим как двое взрослых мужчин!.. На самом деле я не хочу тебе зла, но ты сам сейчас напал на меня. Понимаю, ты в ярости и всё такое... Просто пойми, я тебе не враг! — начал осуществлять свой план Алексей.

— Ага, просто добрый дядюшка! Кто ты такой на самом деле, мать твою?! — хмуро спросил пленник с трудом поднимаясь на ноги. А он ничего, крепкий... Алексей бил не сдерживаясь а Саша уже встал. — Только не надо заливать что ты младший лейтенант ГБ! В таком возрасте ты должен быть не меньше чем капитаном а то и майором! Сорокалетний младший лейтенант? Тьфу! Да и форма не твоя, на размер меньше! — огорошил его Александр.

Залесский удивлённо поднял брови. Вот это поворот! Этот парнишка, оказывается, довольно наблюдателен! Про размер формы он как-то не подумал. Действительно, она ему немного жала, но Алексей не обращал на это внимания. А ведь он прав! Мда... не подумал об этом. И что теперь делать? Может, пора начинать обрабатывать объект?

— Что ж, молодец... — усмехнулся он. — Заметил несурзанности. Ты прав, я не младший лейтенант государственной безопасности. На самом деле у меня другое звание. А эта форма для маскировки. Ты наверное, удивляешься каким образом и почему мы тебя выкрали? — спросил мужчина, вытаскивая платок и прижимая к носу. Тот тут же окрасился красным.

Александр фыркнул и сморщился от боли. Всё-таки удар Залесского был силен и пленник теперь явно страдал от боли но старался не показывать этого.

— Насколько я понял, этот проклятый старик как-то убил моих охранников и привёз меня сюда. Старый пень, если встречу его ещё раз то... — недоговорил он.

— Не встретишь! — повторил Алексей. — Теперь с тобой буду работать я и наша организация! — заявил Залесский, начиная скармливать Саше свою заготовку.

— Какая ещё, на хрен, организация? — скривился Александр, со стоном садясь у противоположной стены. — Ты что, иностранный шпион? Хотя вряд ли, по-русски чисто болтаешь..

— Дурак! — покачал головой Залесский. — Неужели ты думаешь что мы со стариком всё одни провернули? Конечно, нет! Это невозможно! Много людей, в том числе в системе "НКВД", работают на нас. Иначе, как ты думаешь, мы вообще узнали о тебе и о том кто ты на самом деле?

Смерив его недоверчивым взглядом Саша задумался. Неизвестно какие мысли бродили в его голове но вывод оказался правильным.

— Выходит, какой-то "крот" меня сдал? — утвердительно спросил он. — Логично получается... Но кто? Неужели Катя?! — поразился парень с вытянувшимся лицом. — Не верю!

Алексей отрицательно покачал головой, надо было навести пленника на ложный след.

— Попал пальцем в небо! Сам подумай, она же настоящая коммунистка. Скорее умерла бы чем выдала совершенно секретную информацию! Молодые идеалисты они такие... Под пытками умрут но промолчат! — горделивым тоном ответил он. — Есть... точнее, был ещё один человек, который знал всё что ты рассказывал и передал нам.

— Кто? Какая сука меня сдала? Скажи! — потребовал Александр. Желваки катнулись, показывая как он разозлён. И неудивительно, все его беды именно из-за предательства какого-то нквдшника.

— В принципе, уже могу сказать... — спокойно ответил Алексей. Повешенного-то "красные" уже наверняка нашли. — Это твой следователь, Савелий Круглов.

Следующую минуту он промолчал, слушая разнообразные выражения и планы пыток которые хотел сотворить с повешенным разъярённый пленник. Выдохшись, парень заткнулся, словно озарённый какой-то мыслью:

— Почему ты сказал мне его имя? "Был ещё один человек".. — повторил Саша. — Выходит, его уже больше нет? Или ты признался зная что я уже никому не скажу и вообще сдохну?

— А это уже будет зависеть только от тебя, Александр! — широко улыбнулся Залесский. — Но первое предположение верно, его уже действительно нет в живых.

— Если ты не врёшь то жаль... — огорчился Саша. — За такое предательство я бы его сам... своими собственными руками!

Алексей усмехнулся. Всё-таки, молодость имеет один недостаток, это импульсивность и незрелость. Они, в основном, исчезают с возрастом, наслаивается цинизм, опыт, спокойствие... А пока можно забить голову пленника дезинформацией и тогда, возможно, даже не понадобится применять жестокие меры чтобы получить от него нужные сведения. В идеале было бы отлично перевербовать его, заставить работать против коммунистов. Тем более, судя по всему, те ему верят. Хотя теперь, после того как Александр бесследно пропал, всё может измениться.

— Подожди-ка! — опомнился Саша, с подозрением глядя на него. — А кто его убил? Наверное, ваша организация? Чтобы замести следы, верно? Ведь он мог бы вывести на вас!

Залесский картинно несколько раз хлопнул в ладоши.

— Bravo, Александр! Ты придумал неплохую причину и, надо сказать, довольно убедительную... Но всё равно ошибся! На самом деле он не состоял в нашей организации. К сожалению, следователь Круглов был убеждённым коммунистом и с радостью бы не только отказался на нас работать но и сдал бы с потрохами своему начальству. Но... не мог! — развёл он руками.

— Почему? — поинтересовался парень, внимательно смотря на Алексея. — Что ему мешало?

— Видишь ли... — заговорил мужчина, тщательно подбирая слова. — Твой следователь оказался замаран в одном очень грязном деле. Не буду уточнять в каком, в данном случае это уже неважно. Получилось так что мы узнали об этом и начали его шантажировать. В случае огласки Круглову угрожал бы даже не лагерь а расстрел на месте. И его мать, которую он горячо любил, тоже ждали бы неприятности. Конечно, он колебался, пытался увильнуть... Само собой, быть предателем мало кому охота. Но страх за себя и за родительницу сделал своё дело. Круглов сломался и начал помогать нам всем чем мог, в обмен на наше молчание. Таким образом мы и узнали про тебя, Саша... Что ты прибыл из будущего. И, конечно, кучу невероятной информации, которой мы, естественно, не поверили. Многие считали что ты просто спятил. Другие были уверены что ты что-то скрываешь... Знаешь, мы бы вообще не обратили на тебя внимания, мало ли что там болтает бредни какой-то немецкий перебежчик? Но нас насторожило одно... То что "НКВД" усилило твою охрану и тебя посетил лично Берия. А он явно не тот человек чтобы прислушиваться к словам всяких психов, верно?

— Откуда вы знаете что я встречался с Берией? — с подозрением спросил пленник. — Его с нами там не было и вряд ли бы ему позволили присутствовать.

Залесский едва смог сдержать торжествующую улыбку. Всё-таки не сравнить его, сорокалетнего битого жизнью мужчину, и молодого парня, ещё не всегда умеющего просчитывать все варианты и расклады.

— А что, Берия был на встрече один? — с намёком спросил он. — Без охраны, водителя, помощника?

— Конечно, они были, но... — внезапно замолчал Александр и его глаза расширились от понимания. — Ты хочешь сказать что этот Круглов был не единственным вашим человеком в "НКВД"?

— Ну конечно нет! — радостно рассмеялся Залесский, чувствуя как глупая рыбка сама нанизывается на крючок. — наших людей там не один и не два. В разных отделах, на разных должностях. Сидят спокойно, не высовываются, плодотворно и аккуратно работают, ведут идеологически правильный образ жизни, всегда поддерживают линию партии и товарища Сталина... и внимательно смотрят и слушают! А потом уже передают всё интересное нам, понимаешь? Причём, работают на нас не из-под палки а по убеждению! Зная что делают правильное дело! — продолжал вещать про вымышленную организацию мужчина.

— Предательство — "правильное дело"? — презрительно сплюнул пленник. — Оно не может быть оправдано никакими причинами! Самое отвратительное что может сделать человек — это предать своих товарищей, тех кто на тебя надеется и верит!

— А это смотря с какой стороны посмотреть! — не согласился Залесский. — Ты

думаешь что если человек носит военную форму то он всегда разделяет ценности своей организации? Как бы не так! Могу привести одну из главных причин, благодаря которой наша организация постепенно расширяется. Это сталинские чистки, которые начались три года назад и продолжаются сейчас, хоть и в меньших масштабах. Несмотря на тщательный отбор и периодические встряски там работают живые люди, у которых есть и своя голова на плечах. Они видят что страна свернула не туда, ими правит хитрый грузин, пробившийся во власть благодаря интригам и подхалимству а не своей честностью! — увлечённо говорил он, отслеживая реакцию Александра.

— В смысле, расширяется? — видимо, не понял тот. — Я читал что эти чистки, с одной стороны, были необходимы, чтобы избавиться от людей Ежова. Но с другой, уверен что под каток попало и множество невиновных и честных работников. В том числе, разведчики и контрразведчики..

— Именно! — подтвердил Алексей. — Представь, работает человек на своём месте в "НКВД", старается принести пользу стране, считает себя патриотом... И тут вдруг арестовывают его, скажем, родственника... или друга детства, с которым он яблоки у соседа воровал. Называют его агентом вражеской разведки, троцкистом... Или вообще белогвардейцем из-за того что у него дальний родственник был офицером. Но он-то тут причём? Вроде бы сын за отца не отвечает, а уж за другую родню и подавно? Как бы не так! Все вокруг тут же начинают его сторониться, дескать, раз твой друг или родственник враг народа то, может и ты недалеко от него ушёл, а? Вдруг ты его сообщник? Ведь "органы" же непогрешимы! — исказившись от ненависти, сплюнул Залесский.

На этот раз пленник промолчал, погрузившись в раздумья. Но сам Алексей уже не мог и не хотел остановиться. Застарелая боль, рана на сердце, отсутствие человека с которым он мог бы говорить о таких вещах... Всё это буквально выталкивало из него слова.

— Такой чекист искренне недоумевает... Как?! Как мог быть врагом народа его друг детства или родственник? Это невозможно! Просто огромная ошибка! Так он думает... Но идёт время а "органы" не спешат выпускать жертву из своих рук. Человек пропадает... Либо в далёком лагере, либо... с концами. Служивцы, с которыми он работает, горячо клеймят предателя, затесавшегося в их ряды. Другие пожимают плечами, озабоченные тем чтобы самим не попасть под маховик. Словом, был наш парень, с которым вместе курили, работали, дни рождения отмечали... А завтра бац! И уже мгновенно перевернулись... "А я подозревал его!" — кричат они. "То-то он был какой-то странный в последнее время.." — думают другие. "Слава нашим чутким органам!" — с радостью подпевают третьи. А где-то в пустой квартире глухо рыдает мать-старушка, оплакивая своего арестованного сына... — с показной грустью закончил мужчина.

На минуту в погребке повисло молчание. Саша, видимо, переваривал то что услышал а Алексей пытался найти новые, убедительные слова для легенды своей информации.

— И что? — нарушил молчание пленник. — Хочешь сказать что внутри "НКВД" образовалась оппозиция из, так сказать, обиженных на власть и систему сотрудников? Не верю! Так такой отбор что все потенциальные предатели и недовольные отсеялись бы намного раньше.

— Абсолютно верно! — победно улыбнулся Залесский. — Но в том-то всё и дело что, поступая на службу, такой человек и не был предателем даже в мыслях! Понимаешь это? С самого начала это был искренний советский патриот, горячо одобрявший власть и её методы которыми она устраняла неудобных. Этот сотрудник принимал участие в арестах, может

даже, расстрелах, других неблагоприятных с точки зрения многих, делах. И совесть его была спокойна. Ведь он же не знал близко своих жертв. Раз сверху говорят что они предатели значит так оно и есть! Зачем ломать голову и сомневаться? Гораздо легче просто выполнить приказ и спать спокойно. Но что будет если начальство решит что "враг народа" его друг? Или близкий родственник, которого он любит и уважает? Отец, дядя, брат? Товарищ, который в детстве очень помог ему? Что случится тогда?.. — с намёком спросил он, глядя на нахмурившегося Сашу.

Тот снова молчал, но даже это было для мужчины красноречиво. И Алексей продолжил: — А случится то что если один, хоть и будет страдать и сомневаться но смирится с этим... То другому, напротив, в голову закрадутся первые крамольные мысли о том что в государстве советском отнюдь не всё гладко. Что если совершена такая страшная ошибка с его близкими то не могло ли быть так что этих ошибок намного больше? Потом возникнет предположение что его непосредственное начальство некомпетентно или даже преступно. О, тут можно дойти до такого святотатственного вывода о том что сам товарищ Сталин ведёт страну явно не туда куда нужно народу! И вот, потенциально, этот сотрудник уже наш... При этом он по-прежнему прилежно выполняет приказы, делает свою работу, не высказывает свои сомнения кому попало. Словом, никто не видит в нем зарождающегося протеста. Вот только разбуженная совесть и сомнения лишают его покоя, ему хочется узнать ответы на свои вопросы, прийти к согласию внутри себя... Но с кем говорить? С сослуживцами, которые сегодня здороваются с ним а завтра, в случае чего, без колебаний арестуют как агента иностранной державы? С членами семьи, если она у него есть? Тоже опасно. Не с кем поделиться, понимаешь, Саша? А совесть не успокаивается, не даёт спать ночью... Накапливается напряжение, раздражение. И сотрудник хочет забыться, выпить... Заткнуть эти мысли хоть ненадолго! Это замечает наш человек, подходит к нему, невзначай знакомится... О, у нас есть такие кадры, залезут в душу любому! — с воодушевлением придумывал на ходу Залесский.

— Допустим! — усмехнулся Александр. — Хоть я и слабо в это верю но допустим! Насколько я слышал, сотрудников периодически проверяют на полиграфе. А в таком случае ваших потенциальных предателей быстро бы обнаружили. Так что не надо тут мне лапшу вешать на уши, учёный уже..

— Ты слишком сильно веришь в могущество этого несовершенного прибора... — улыбнулся мужчина. Как хорошо что предварительно он успел продумать слабые места своей легенды для пленника! — На самом деле его можно обмануть даже смышлённому гражданскому. А уж для опытных сотрудников ведомства это ещё легче. Этот твой полиграф не панацея а средство успокоения для начальства. Прошёл его? Значит, абсолютно верен! Или думаешь в "НКВД" не было ни одного предателя? Если так то я разочарован в тебе, Саша... Запомни, предатели всегда были, есть и будут! В любой стране и в любой организации! Это человеческая природа и бесполезно с этим бороться до полного уничтожения. Можно лишь сдерживать это на низком уровне но, как и с тараканами, уничтожить полностью никогда не удастся!

— Получается, подошёл ваш человек, разговорился с таким обиженным и тот, расчувствовавшись, стал вашим сторонником? — не сдавался Александр. — Как-то слишком легко получается, не находишь?

— Естественно, всё это не сразу... Но почти всегда, когда такой сотрудник услышит ответы на свои вопросы... Причём, те ответы о которых он уже сам стал догадываться!.. Так

вот, услышав их, он начинает по другому смотреть на свою жизнь, работу и власть предержавших. И если искренне любит свою страну, а в "органы" стараются брать именно таких, то он понимает что настоящие, истинные враги, сидят высоко наверху. Они из тех кто отдаёт ему приказы, заставляют гнобить свой народ и в страхе дрожать по ночам... Вот тогда этот сотрудник уже вливается к нам, в стан единомышленников, которые ответили на мучившие его вопросы и дали нужные ответы! — закончил Залесский свою длинную речь.

— А что если среди твоих единомышленников тоже есть предатели, а? — снова усмехнулся Саша. — Ты же сам сказал что в любой организации есть предатели? Значит и у тебя они есть! — привёл он вполне логичный довод.

"Опа... Надо же, умудрился попасть в свою же ловушку! Заврался совсем!" — с досадой признал мужчина. Надо как-то вывернуться и притом сразу, иначе будет подозрительно. Пока он играет роль всезнающего и опытного, но если пленник поймёт что это маска то все его слова окажутся напрасными.

— Моя организация очень маленькая... — со снисходительным видом ответил Алексей. — И каждого из них я отбирал лично а не через кадровый отдел. К тому же, будь среди них предатель то я давно был бы арестован и расстрелян. Ведь мы совершили уже столько вещей, которые можно назвать антисоветчиной, что хватило бы на сотни лет лагерей. Есть, конечно, невольные осведомители, как тот же Круглов, но на них столько компромата что они и не пикнут против нас. Так что, разочарую тебя, но у меня предателей нет! Им я верю так же как себе! — сказал он, невольно улыбнувшись.

Учитывая то что вся вымышленная организация состояла только из него самого то можно было быть уверенным — предателя в ней не было! Но на будущее, сделал себе зарубку Залесский, стоит более тщательно продумывать то что говоришь, иначе будет прокол..

— Так зачем вы убили Круглова? — вернулся к старой теме Саша, видимо, решив свернуть разговор про организацию. — Потому что он пытался сорваться с крючка и донести на вас, при этом оставшись чистеньким? Хоть он и предатель, но мне интересно знать... Зачем?

— Хорошо, я расскажу... — согласился Алексей, быстро прокручивая в голове нужные мысли. — На самом деле мы его и пальцем не трогали. Просто сказали что "НКВД" вышел на него и готовится взять. Не понаслышке зная о работе коллег тот испугался и повесился у себя дома, решив не ждать этого момента.

— Да ну? — не поверил парень. — Я общался с ним, хоть и недолго. Он не произвёл на меня впечатление слабака! Скорее, поверю в то что он сражался и вы убили его, чтобы тот не вывел Берию на вас.

— Ты знал его недолго а вот мы, когда разрабатывали его, узнали о нём достаточно. И уж поверь, на самом деле он вовсе не такой положительный как ты думаешь. Это просто маска. Я это знаю отлично, потому сам общался с ним и собирал сведения. Так что не говори мне что он правоверный коммунист и истинный ленинец, это не так! — уверенно ответил Залесский.

— Поверить не могу... Повеситься? Ну и ну... — ошарашенно сказал Саша как бы про себя. — Я даже немного уважал его как человека. А он оказался... Вот же гад! Везде это гнильё! — покачал он головой.

— Привыкай, парень, в жизни много грязи и дерьма. Хочешь жить, умей приспособливаться! — философски заключил мужчина. Посмотрев на наручные часы он

упруго при поднялся со ступеньки и начал поправлять форму. Солнце клонилось к закату. Хотело бы продолжить этот интересный разговор, тем более, похоже, получилось навести между ним и пленником хрупкий мост, но пора ехать обратно. Дорога займёт немало времени а ведь ещё нужно будет сторожить незваных гостей возле сарая. Почему-то была уверенность что неизвестный или неизвестные снова заявятся ночью. Наверное, им что-то помешало или времени было мало. В любом случае, надо узнать кто они и что именно разнюхали.

— Мне уже пора, Саша... — сказал Залесский. — Вижу что еда и питьё уже есть? Давай ведро с отходами вылью? — предложил он.

— Мне что, опять здесь всю ночь торчать? — с неприязнью покосился на него Александр, вытаскивая вонючее ведро из дальнего угла. Запах был, хоть и не очень сильным. Крышка плотно закрывала ведро. — Может, закроешь меня наверху, где больше свежего воздуха?

— Нет, я тебе ещё не слишком доверяю! — правдиво ответил мужчина, принимая ведро. — А степень доверия зависит от тебя, парень. Будешь откровенным и адекватным, то не только выпущу тебя из этой ямы но и вообще отпущу.

— Не понял? — у Александра, видимо, чуть челюсть не отвисла. Оно и понятно. Такое заявление из уст похитителя звучит, как минимум, довольно странно. Хотя и сам Алексей, на его месте, возможно, был бы в шоке. — Так что тебе от меня нужно? Вы убили двух человек только чтобы поговорить со мной о жизни? Что за маразм?

— Не беспокойся, в своё время ты всё узнаешь... — успокоил его Залесский, поднимаясь по лестнице с ведром в руке. При этом он не ослаблял бдительности, кто его знает этого Александра? Вдруг решит снова попытаться напасть и удрать, используя его, якобы, неудобную позицию. Не надо искушать его..

— Я приеду завтра и мы обстоятельно поговорим о многом. Ты ответишь на мои вопросы, а я на твои. Всё, давай! — и, не давая пленнику ответить, быстро полез наверх. Закрыв люк, быстро опорожнил ведро и вернул его Саше обратно, просунув в небольшую щель между люком и полом. Тот продолжал молчать внизу.

Уже закрыв в прежнем порядке дом и калитку в саду, Залесский удовлетворённо подумал что дело идёт неплохо. Может, ему повезёт и этот Саша не станет занозой в заднице? В засаде, ожидая неизвестных, стоит хорошенько продумать завтрашний разговор. Если очень повезёт, может удастся такая головокружительная комбинация с участием пленника что просто дух захватывает..

Москва.

5 мая 1940 года. Вечер.

Лаврентий Берия.

Его осунувшееся лицо в зеркале выглядело как восковая маска в музее. Широкое лицо с очками словно слегка усохло от бессонной ночи, множества кружек чая и трудных размышлений. Он бы с удовольствием глотнул коньяк чтобы привести нервы в порядок но боялся что вызов к Сталину может произойти в любое время, а тот очень не любил пьяных, тем более, в такой кризисный момент. Приходилось сдерживать себя, что для могущественного наркома было довольно трудно. Вопреки ожиданиям, Вождь не приказал ему приехать в обед, как говорил раньше, а отложил до вечера и теперь Лаврентий с минуты

на минуту ждал специального следователя, который был назначен расследовать это дело, имеющее хорошие шансы похоронить Берия с концами.

Вздохнув и мысленно собравшись, Лаврентий вернулся за свой стол и затих, размышляя о невесёлых перспективах, которые его ожидают. К счастью, уже через минуту в дверь раздался осторожный стук и, после короткой заминки, она открылась. За неё оказались его адъютант и незнакомый, гладко выбритый высокий человек в форме старшего лейтенанта ГБ. Видимо, это и был следователь, один из подчинённых майора Сергиенко, начальника следственной части.

— Разрешите войти? — спросил незнакомец и вытянулся на пороге.

Берия только разрешающе рукой махнул. Сейчас ему было не уставных условностей, он хотел поскорее узнать новости и, желательно, хорошие.

— Давай, старший лейтенант, садись и докладывай всё что смог узнать. Порадуй меня... Кстати, как тебя звать? — медленно сказал он, снова подавив желание вытащить из стола коньяк. Сейчас уж точно не время для этого.

— Старший лейтенант государственной безопасности старший следователь Беляев. Откровенно говоря, товарищ нарком, оснований для радости мало! — спокойно ответил тот, положив на стол папку которую раскрыл на первой странице.

Берии понравилось что следователь не тушует перед ним, не пытается лебезить или выказывать страх. Значит правильного человека подобрал Сергиенко по его приказу. А вот его опыт Лаврентий сейчас и попытается оценить.

— Узнали, где находится Самсонов? — не выдержав, спросил он.

— Нет, пока это неизвестно. Но разрешите доложить всё по порядку, товарищ нарком? — обратился Беляев к нему. Берия тяжело вздохнул, кивнул и приготовился слушать.

— Предварительный осмотр места нападения показал что убил обоих сотрудников, оглушил девушек и похитил охраняемый объект только один человек! — ошеломил Лаврентия следователь.

— Что?! — вскинулся Берия, изумлённо глядя на него. — Всего один? Не может такого быть! Его охраняли два опытных сотрудника, у каждого из которых большой опыт в своём деле! Никакой одиночка не смог бы справиться с обоими так быстро, тем более, без единого выстрела! Лучше работай, старший лейтенант, и не корми меня разными баснями!.. — раздражённо закончил он.

— Извините, товарищ нарком, но я не Крылов и баснями не увлекаюсь! — затвердел скулами следователь. Видно было что его задело замечание Берии но самообладание и выдержка помогли ему сдержаться. — Если вы сомневаетесь в моём профессионализме то можете заменить меня кем угодно. А что касается моих слов то у меня есть доказательства, на основании которых я восстановил большую часть происшествия.

Лаврентий с удивлением всмотрелся в невозмутимое лицо подчинённого. Такой тип людей, не боящихся своего высшего начальства и с достоинством отстаивающих своё мнение против них, встречался ему довольно редко. Подавляющее большинство сотрудников либо подбострастничало перед ним либо не могло набраться духу чтобы доказать свою точку зрения. Этот же, видимо, не таков... С одной стороны, это вызвало глухое раздражение, ибо привыкнув к беспрекословному подчинению, такой явный отпор слишком сильно бил по самолюбию. Но с другой... благодаря складу характера этот Беляев вполне мог оказаться именно тем кто и был нужен чтобы распутать это дело. Что ж, можно пока спрятать внутри

себя огонь недовольства и выслушать следователя. Посмотреть на результаты его работы и уже тогда решить, казнить или миловать..

Хмыкнув, он сумел поощрительно улыбнуться и ответил:

— Ладно, Беляев, выкладывай свои доказательства. Посмотрю что ты смог сделать. Но учти, с результатами твоей работы я отправлюсь к самому товарищу Сталину! — сурово добавил Берия. — И если окажется что ты ошибся, то... уже в этом месяце станешь расследовать взаимоотношения пингвинов на севере. Уяснил?

— Так точно! — сказал тот и спокойно начал докладывать: — Прежде всего вызывает вопрос место совершения преступления. Довольно странное оно для прогулки, я бы сказал... Этот участок парка самый глухой и малолюдный. Подавляющее большинство посетителей гуляют в других местах, более открытых и комфортных но этот Александр, почему-то, выбрал именно его. Единственное логичное объяснение — это уединение с девушкой для поцелуев и так далее. Но вместе с ним было две девушки, а значит вариант отпадает. К тому же, судя по докладу, он знал про свою негласную охрану и вряд ли бы осмелился заниматься чем-то... неприличным! — смог найти подходящее слово следователь.

Берия задумчиво кивнул. А ведь верно, очень странное место выбрал Саша... Почему именно там? Или это не он выбирал? Интересно получается..

— Далее... — продолжил Беляев свой доклад. — Никаких свидетелей того что там было найти не удалось. Также с большей долей вероятности могу предположить что похитителю это было на руку, стало быть, он заранее знал где и когда будет прогуливаться объект. Вывод: утечка секретной информации или предательство наших сотрудников! Тем более, это предположение подтверждается ещё одним фактом, но о нём доложу позже. Убитых и оглушённых нашла пара влюблённых, также забредших в эту часть парка чтобы побыть наедине. Вот все данные на них, но считаю, они совершенно не причастны к происшествию... Что касается следов, то мы тщательно посмотрели всё вокруг но так как все люди передвигались по асфальтовой дорожке а не по земле то их просто нет. Зато в одном месте, от этой дорожки вглубь парка, были обнаружены следы обуви, которые соответствовали сапогам Александра и неизвестному. Оба следа, через кусты и заросли, вели на северо-восток. Поисковая собака уверенно взяла след и после непродолжительного бега привела нас на небольшой участок с краю парка где след оборвался. Тщательно изучив это место нами был сделан вывод что здесь, судя по следам колёс, стоял грузовик, на котором, видимо, и уехали Александр с похитителем. Разбросанные вокруг ветви деревьев и кустов доказывали что машина была замаскирована и ждала своего часа. Так как мы не знаем ни марку ни номер грузовика то не можем объявить его в розыск. Следы колёс ведут к выезду из парка на ближайшую к нему улицу и пропадают. Так что тут пока тупик... — с ноткой огорчения вздохнул следователь.

— Так... — протянул Лаврентий, впечатлённый проделанной Беляевым работой. Уже хоть что-то есть, хотя поверить в то что всего один человек сумел проверить такое дело было трудно. Жаль, конечно, что след оборвался но он был уверен что рано или поздно этот грузовик найдут. Они все подотчётны разным организациям так что это лишь дело времени. Вот только его у него очень мало. Сталин не всегда бывает терпеливым и согласным ждать у моря погоды.. — Значит, надо искать организацию у которой пропал грузовик? — спросил он.

— Так точно, я уже распорядился об этом. Уверен, что похититель угнал машину специально для этого дела. К сожалению, он может бросить её после того как отвезёт

Александра в нужное ему место или вообще сжечь. В таком случае мы тоже мало что сможем узнать... — высказал свои предположения следователь.

— Что ж, пока неплохо! — позволил себе слегка улыбнуться Берия. — Что ещё ты смог выяснить?

— А вот дальше, товарищ нарком, становится всё интереснее и интереснее! — ответил Беляев и прямо посмотрел ему в глаза. — Судя по всему, этот похититель был не только хорошо информированным насчёт этого Александра, но и отличным бойцом! Сейчас я изложу факты..

Москва.

5 мая 1940 года. Вечер.

Лаврентий Берия.

— Я внимательно слушаю! — подобрался он, готовясь к новой порции откровений.

— В первую очередь мы опросили обеих девушек которые к нашему приезду уже пришли в себя... — спокойно говорил старший следователь. — Их показания сходятся почти идеально. Было даже подозрение что они могли сговориться но на лицо все признаки шока и такое предположение было нами отброшено. Судя по их словам дело происходило следующим образом... Этот участок парка, по словам сержанта НКВД Екатерины Цветковой, был выбран по настоянию Александра, который не хотел чтобы им мешали. Они гуляли втроём, разговаривали. В какой-то момент навстречу им попался неторопливо идущий пожилой мужчина, одетый в поношенный но чистый костюм тёмного цвета. Он прихрамывал и был с палочкой, весь такой, по их словам, интеллигентный, как доктор до революции. Вся компания разминулась с ним и пошла дальше. Через несколько минут сзади раздался зовущий крик и из-за поворота выскочил этот старик, говоря что там двум мужчинам плохо и требуется помощь. Девушки, а потом и Александр, сразу бросились туда и обнаружили двух мужчин лежащих на дорожке. По словам Екатерины она сразу поняла что мужчины уже мертвы и им никак не помочь, но старик утверждал что они только без сознания. Девушка даже смогла понять что их именно убили но вот сделать уже ничего не успела. Потому что этот старик, точнее, похититель, внезапно напал на Александра. Тот был не готов к этому и сразу был выведен из строя ударами по животу и другим частям тела. После этого старик очень быстро оглушил девушек и они уже ничего не видели. Очнулись только после того как похититель с Александром давно исчезли... — закончил очередную часть доклада Беляев.

— Странно, почему он не убил девушек? — с удивлением спросил Берия. — Ведь они же видели его!

— Я тоже не понимал этого! — согласился старший следователь. — Время у него было, а вот свидетели были не нужны. Есть одно предположение но оно не очень тянет на объективность... Возможно, он не убил их потому что был в гриме и вообще полностью замаскировался под старика? Ведь очень трудно принять тот факт что пожилой мужчина с палочкой смог бесшумно убить двух опытных сотрудников охраны а потом так быстро двигаться? Так что, пусть пока и не доказано, но мы исходим из убедительного предположения о том что на самом деле под личиной старика скрывался вполне зрелый и очень опытный боевик. Это объясняет то почему наши сотрудники оказались не готовы к атаке. Они просто не увидели в нём ничего подозрительного и подпустили вплотную... Непростительная ошибка стоившая им жизни! — покачал головой Беляев. — Но, может, и просто пожалел девушек.

— Не верю! — уверенно ответил Лаврентий, напряжённо размышляя. — Опытный боевик так бы и сделал! Никаких свидетелей бы он не оставил! Это же дополнительная опасность, сам понимаешь... Если только девушки не были с ним заодно!

— У меня была такая мысль, товарищ нарком... — согласился тот. — Но в таком случае

что мешало им уехать вместе с похитителем и Сашей? Зачем оставаться, зная что на тебя падёт подозрение в пособничестве?

— Хм... логично! — вынужден был признаться Берия. — Что ещё скажешь?

— Проведено обследование трупов. Один из них убит сильным ударом в висок тупым предметом, предположительно, тростью. Другой погиб от удара ножа прямо в сердце. Причём, если первый даже не успел схватиться за оружие то второй его выхватил но вот выстрелить уже времени не хватило. Полагаю, вся атака на охранников закончилась за несколько секунд. Кем бы не оказался этот боевик но он явно обладает смекалкой, силой воли, храбростью и авантюризмом. Кстати, вполне возможно, это мог быть агент иностранной разведки! — предположил Беляев. — У них, уверен, хватает таких специалистов. Ведь если у нас утечка то вполне вероятно что другая страна решила выкрасть этого Александра для себя, хоть я и не знаю в чём его ценность.

— И не узнаешь, старлей! — отрубил Берия попытку выяснить подноготную Саши. — Для тебя должно быть важно только одно — найти Александра и его похитителя! А уж кем там является он сам, это не твоё дело! Понял?

— Так точно, товарищ нарком! — утвердительно кивнул старший следователь и, как ни в чём не бывало, снова заговорил: — Тревожная группа усиления из пяти агентов находилась в момент нападения примерно в пятистах метрах позади и ничего слышала. Проведённый допрос старшего группы показал что в это время один из сотрудников был в туалете, а ещё двое покупали пиво и мороженое, так как у одного из них вчера был день рождения. Остальные их ждали. Благодаря такому наплевательскому пренебрежению к служебным обязанностям и расслаблению они появились на месте нападения только через несколько минут после того как влюблённая пара обнаружила тела девушек и их товарищей. Своей властью я приказал задержать всю группу и сейчас мой помощник обстоятельно допрашивает их, выясняя было ли это всего лишь преступной халатностью или же за этим кроется нечто более серьёзное.

— Твари! — прорычал взбешённый Лаврентий. — Стною их на Чукотке! Заставлю белых медведей охранять! Пиво выпить захотели?! Мороженого отведать?! Жарко было?!.. Ничего, вы у меня ещё дрожать от холода будете!..

Выпустив пар Берия смог немного успокоиться и махнул рукой, показав что Беляев может продолжать доклад. Невозмутимый мужчина снова перелистнул страницу в папке:

— Руководствуясь вашей информацией о тех кто мог знать более точную информацию о Александре мы выехали на рабочее место Савелия Круглова, следователя который допрашивал Александра ранее и получил от него некие секретные сведения. Как оказалось, в тот день упомянутый сотрудник на рабочем месте не появлялся. Появилось первое подозрение что он может быть как-то причастен к нападению на Александра. Приехав к нему домой мы стучали и звонили но никто не открывал. Пришлось выбить дверь. Быстрый осмотр показал что в квартире находятся повешенный следователь и его мать, находящаяся без сознания и едва дышащая.

— Повешенный? — удивился Лаврентий, нахмурившись. — То есть, ты хочешь сказать что он не мог участвовать в этом деле? Савелий же мой... — едва не проговорился Берия.

— Тут пока спорный вопрос, товарищ нарком... — ответил старший следователь, задумчиво потерев подбородок и никак не показав интереса к его оговорке. Он вынул из папки листок бумаги и протянул его Берии. — Вот это мы нашли у него на столе.

Берия взял лист и начал читать. И чем больше читал тем больше поднимались его брови

от изумления. Что это за писанина?!

— Что это такое? — потряс он зажатым в руке листком бумаги. Потом раздражённо бросил его на стол и встал. — Я не верю в то что здесь написано! Какие доказательства что письмо не подделка?

— Письмо обследовал эксперт-графолог... — как всегда, невозмутимо начал пояснять Беляев. — Согласно его отчёту, почерк, без сомнения, принадлежит именно Круглову. Наклон букв, разные завитушки... словом, он уверен что писал повешенный. Разве что, по его предположению, умерший следователь был возбуждён или же нервничал. Это выдают некоторые мелкие различия по сравнению с его прошлыми почерками.

— Ничего не понимаю... — недоумённо проворчал Берия. — Чтобы опытный сотрудник, следователь, который был на хорошем счету... Ну пусть даже оступился, как он тут понаписал... Но повеситься! Это трусость! Он должен был явиться и сдать! Рассказать всё что знает об этом Волошине! — со злостью сказал он. — А теперь, благодаря его поступку, мы не имеем ни единой нормальной зацепки! Какой-то быстрый старик, который смог бесшумно справиться с двумя нашими опытными сотрудниками... И всё!

— В морге тело Круглова было обследовано и вынесено заключение. Повреждений костей или сильных ушибов на теле нет. Руки ему не связывали. По всем признакам он покончил с собой добровольно, без принуждения. В квартире тоже никаких следов посторонних или борьбы не обнаружено. Разве что у его матери было очень тяжёлое состояние... Она по прежнему без сознания, за её жизнь борются врачи... — дополнил доклад мужчина и закрыл папку.

— Думаешь, она что-то знает? — предположил Лаврентий.

— Сомнительно, товарищ нарком! — не согласился с ним Беляев. — Хотя... может она проснулась, увидела тело сына в петле и у неё случился какой-то приступ? Если нам повезёт и она очнётся то мы сможем её опросить. Но я бы на это не особо надеялся. Если Круглов действительно совершил то что написано в письме то уж точно не стал бы рассказывать матери об этом. По рассказам соседей он её очень любил. В сущности, она была его единственным близким человеком, так как жены или девушки у него не было.

— Плохо! — припечатал Берия с недовольным видом. — Слишком мало информации!

— Мы с помощниками работаем непрерывно... — начал тот, но нарком перебил его:

— Знаю, что работаете! И кое-что накопили... Но этого мало! — продолжил он. — Только товарища Сталина не интересуется сам процесс, ему нужен результат! И ответ всего на один, но самый важный вопрос — где похищенный?

— Я понимаю, товарищ Берия... — вздохнул Беляев и замаялся. — У меня есть подозрение, но вот доказательств своего предположения нет..

— Говори! — приказал малость разочарованный Лаврентий. Может, у этого следователя есть какая-то ценная мысль? Даже если бездоказательная, но вполне может оказаться полезной в данном случае.

— Я подумал... А не могло ли это быть заранее спланированным планом побега с участием самого Александра? Насколько я понял из слов вашего помощника Николая, он не был доволен своим пребыванием под нашим вниманием. К тому же, Александр не разделял наши идеалы и вполне мог затаить недовольство. Отсюда и желание сфабриковать с помощью неизвестного сообщника свой побег. Тогда объясняются некоторые вещи... Например, выбор именно этого безлюдного участка парка. Или то что его напарник пощадил девушек и не добил их, хотя как свидетели, они были бы опасны... — вслух рассуждал

старший следователь под прищуренным взглядом наркома.

— Ты хочешь сказать что Саша потенциальный предатель? — поразился Берия.

Такая мысль до этого ни разу не приходила ему в голову. Ведь он принёс столько пользы стране своими сведениями! Но если допустить эту возможность то... тогда, получается, все сведения и информация о людях, технике, событиях... грандиозный блеф? Дезинформация?! И страна, по его указке, свернула явно не туда? От такой перспективы его прошиб холодный пот. Если это подтвердится то быстрая смерть для Берии станет большой роскошью, ведь именно он убеждал Сталина в пользу этого Александра. А значит и отвечать за такое предательство подопечного только ему лично. Нет, это было бы слишком..

Внезапно его лицо прояснилось. Конечно! Как он мог забыть?..

— Нет, старлей, я не верю в его предательство! — уверенно сказал он, приходя в себя и вытерев пот со лба. — Да, Саша не был коммунистом и не разделял нашу идеологию, но предать он не мог, это точно! Дело в том что наш сотрудник основательно загипнотизировал его, внушил ему что он патриот нашей страны. При попытке что-то сделать против нас он, скорее, убил бы себя. Так что в этом направлении не копай..

— Просто, судя по следам, до грузовика они бежали вместе... — всё же сказал мужчина. — Да и другие мелкие признаки трактуются в пользу этой версии.

— Я сказал — не копай! Понял! — грозно нахмурился Берия, глядя на следователя в упор.

— Так точно! — вытянулся тот.

— Вот и хорошо... А бежали вместе... Скорее всего, этот старик заставил его, угрожая пистолетом или ножом... — предположил он. — Значит, получается, основной виновник утечки информации пока считается Круглов? — подытожил Лаврентий.

— В пользу этой версии указывает много деталей... — согласился Беляев. — Погибший был вынужден, под угрозой шантажа, рассказать чужому секретную информацию и помог в какой-то мере побегу, это ясно... Но вот чем именно его прижали? Это должно быть нечто очень важное и, наверняка, довольно грязное дело. Иначе вряд ли бы следователь в таком немалом звании пошёл на предательство.

— В принципе, это сейчас уже не важно! — резюмировал Берия, барабанив пальцами по столу. — Но пусть один из твоих людей, старлей, покопается в биографии этого Круглова. Возможно, что-то найдёт и тогда мы, может быть, узнаем как и, главное, кто вышел на него и заставил работать на себя.

— Будет сделано! — кивнул старший следователь, закрыв папку. — На данный момент у меня всё, товарищ нарком. Разрешите идти?

— Иди-иди... — согласился Лаврентий, вставая. — Докладываешь мне лично каждый вечер! Я распорядился чтобы все службы и отделы оказывали тебе любую помощь которая понадобится. Транспорт, ресурсы, нужные люди... Словом, бери всё что потребуется но найди мне того кто похитил Александра! А ещё лучше, его самого! Понял? — спросил он, внимательно глядя на подчинённого.

— Так точно, товарищ нарком! — опять вытянулся тот и тихо покинул кабинет, оставив Берию раздумывать над принесёнными им сведениями. Что ж, теперь хоть есть что доложить Вождю... Возможно, ему повезёт и его кабинет не сменит хозяина?

Берлин.

5 мая 1940 года. Вечер.

Хайнц Гротте.

Все четверо вновь собрались в комнате чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Опять комнату наполняла спокойная классическая музыка, маскировавшая разговор нелегальных советских ликвидаторов. На столе и в руках членов группы были бокалы свежего пива, до которого ещё не добралась помаленьку увеличивающаяся эпидемия эрзац продуктов. Пена постепенно спадала, открывая мужчинам привлекательный цвет напитка.

— Ну что, друзья, давайте обсудим что нам известно и, заодно, дальнейшие планы. Начни ты, Герберт, как у тебя успехи? — спросил Хайнц своего подчинённого который вернулся в отель совсем недавно. Тот едва успел принять душ и наскоро позавтракать, после того как сложил в углу неприметный рюкзак.

— Могу вас порадовать, парни! — улыбнулся тот широкой улыбкой. — Теперь у нас есть нужные инструменты для работы. Дельцы "чёрного рынка" не подвели. Цена оказалась, хоть и чуть выше чем я рассчитывал, но вполне приемлема. Вот в том рюкзаке и лежат наши новые игрушки! — кивнул он в угол. — Карл, принеси, будь другом?

— Иногда ты такой лентяй, Герберт... — покачал головой Хетцер, но встал с кресла и принёс рюкзак. Взвесив его в руке он уважительно хмыкнул: — Надеюсь, там не связка гранат?

— Нет, там более лёгкие штучки! — усмехнулся Герберт.

Карл перевернул рюкзак и на стол вывалились четыре пистолета, вместе с заряженными обоймами к ним. Оказалось, товарищ приобрёл два "Люгера" и два "Вальтера", на каждый ствол по две запасных обоймы. На первый взгляд, даже многовато но Герберт, видимо, решил закупиться с запасом. Кто знает с какими препятствиями придётся столкнуться чтобы выполнить задание? Например, отстреляться от патруля при раскрытии или ещё что..

— О... Неплохо... — уважительно протянул Петер, взяв в руки один из пистолетов и внимательно осматривая его. — Наконец-то есть то что поможет в трудную минуту. Всё время чувствовал себя голым когда ходил по улицам..

— Верно, у меня было то же самое чувство! — поддержал его Хетцер.

Несколько минут довольные члены группы перебирали и осматривали оружие. Оно оказалось в довольно неплохом состоянии. Слегка потёртый вид, было заметно что из них уже стреляли, но все механизмы работали нормально. Почистив и смазав пистолеты они распределили их между собой и снова вернулись к теме разговора.

— Карл, ты был с Гербертом... Как там была обстановка? Не заметил ничего подозрительного? — спросил Хайнц у своего заместителя, который прикрывал товарища на встрече с подпольным торговцем оружия.

— Полицейских или явных гестаповцев не заметил... — покачал головой тот. — Но то что их не было поблизости вообще, за это не поручусь. Вполне возможно что кто-то из их банды "постукивает", но даже если так то, видимо, ребята Мюллера только наблюдают. Так, на всякий случай, чтобы быть в курсе дела... Вряд ли их заинтересует продажа четырёх стволов недавно вернувшимся в страну "фольксдойче".

— Что ж, будем надеяться! — с осторожным оптимизмом ответил Хайнц. — Когда уходили, хвоста не было?

— Нет! — уже уверенно сказал Карл, усмехнувшись с превосходством. — Я специально подождал минут пять а потом отправился за Гербертом, следя за всеми подозрительными которые шли в ту же сторону что и мы. Никого и ничего!

— Ладно, будем считать что первый этап выполнен. Мы приехали, освоились и собрали первые сведения. Но есть пара неприятностей... — с сожалением сказал Хайнц, обведя всех взглядом. Подчинённые тут же насторожились и подтянулись.

— Дело в том что мы забыли про одну особенность, когда приехали сюда... — начал он, с удовлетворением отметив готовность группы к немедленным действиям. — У нас сейчас подходящий возраст для призыва в армию, понимаете? Нас могут призвать в "Вермахт" и отправить воевать за обожаемого фюрера в Норвегию или на запад. Сами понимаете, это нам совершенно не нужно.

Все глубоко задумались. Действительно, такая опасность вполне реальна. Дело даже не в том что воевать за врага у них не было никакого желания... Хуже всего что это абсолютно лишало их свободы перемещения и шансов выполнить задание. Что ж, вот и результат недостаточно продуманной легенды.

— И что делать? — спросил нахмуренный Карл, уставившись на него. — У меня, да и у нас всех, нет потребности погибать за фатерланд.

— Это уж точно... — угрюмо кивнул Герберт.

— Поэтому! — привлёк к себе внимание Хайнц. — Завтра ты, Герберт, вместе с Карлом снова отправитесь на встречу с обитателями "дна" и купите нам всем освобождение от службы. Я не знаю по какой причине, но они должны быть у вас! Болезнь, пацифизм, религиозные убеждения... Главное, чтобы мы могли предъявить патрулям нужную бумагу, объясняющую что мы делаем здесь, а не в окопах. Задача ясна?

Оба с готовностью кивнули. Деньги были, рейхсмарками их основательно обеспечили заранее.

— Так, с этим разобрались... — кивнул сам себе Хайнц. — Второе. Сегодня мы с Петером нанесли визит к семейству Шольке под видом его сослуживцев, находящихся в отпуске. Приняли нас довольно неплохо. Но вот сведения оказались неутешительными... Дело в том что наш Шольке буквально несколько дней назад уехал на фронт, на запад. Такие вот дела... — тяжело вздохнул он.

— А мамаша у него ух какая! — с восторгом начал было Петер, но увидев устремлённые на него осуждающие взгляды, тут же поднял руки. — Да я так просто, к сведению..

— Как я понял, куда именно неизвестно? — полуутвердительно спросил Карл, погладив свой подбородок.

— Верно... Он сам не уточнял местоположение, обмолвился только что в районе Аахена... — подтвердил Хайнц.

Герберт насмешливо хмыкнул.

— Это то же самое что искать иголку в стоге сена... "Лейбштандарт" может располагаться как в самом городе так и в его окрестностях. Нам нужны более точные сведения!

— Согласен! Но не идти же нам в отдел кадров СС? — со смешком ответил Петер. — "Скажите пожалуйста, где именно находится наш самый близкий друг унтерштурмфюрер Шольке? Мы так по нему соскучились!" — иронически произнёс он.

— Кстати, его повысили! — восторженно воскликнул Хайнц, вспомнив эту деталь. — Теперь он уже оберштурмфюрер, то есть, старший лейтенант СС.

— И что это меняет? — риторически спросил Карл, отпивая пиво. — Мне всё равно какое у него звание.

— В принципе, ничего. Но это всё равно важно. Вполне возможно что теперь у него там

будут подчинённые, а значит, достать его может быть сложнее чем раньше... — ответил Хайнц, присоединяясь к заместителю. — Его повысили за отвагу на пожаре. Он там, вроде бы, спас кучу людей и сам при этом чуть не погиб.

— Просто герой! — насмешливо сказал Петер. — Но лучше бы он погиб при пожаре. И нам не пришлось бы торчать тут, выжидая возможность "пожать ему руку".

— И ещё кое-что... — продолжил Хайнц, пропустив мимо ушей высказывание подчинённого. — У него, оказывается, есть любимая девушка.

— Какая неожиданность! — усмехнулся Петер, картинно взмахнув руками. — Если он не импотент и мужеложец то это нормально. Или я не прав?

— Петер, что с тобой такое сегодня? — нахмурившись, спросил Хайнц. — Ты какой-то странный... Случилось что-то?

— Нет, со мной всё в порядке! С чего ты взял? — с удивлением ответил тот, наткнувшись на его прямой взгляд. Несколько секунд он смог выдержать такую дуэль взоров но потом отвёл его. — Извини, командир, ничего серьёзного..

— Ладно! — бросил Хайнц, решив поговорить с ним откровенно прямо сейчас.. — Завтра мы с тобой отправимся в клинику Шарите, его девушка работает там медсестрой. Помнишь как её назвала фрау Шольке?

— Да, Лаура Блюм... — кивнул Петер, тоже вспомнив про своё пиво.

— Вот и хорошо! — закончил довольный Хайнц. — А теперь все готовьтесь спать, время уже позднее а добропорядочные немцы не сидят долго перед сном!

Карл с Гербертом быстро допили своё пиво и направились в комнаты, но когда с кресла встал и Петер то командир попросил его задержаться.

— погоди, я хочу с тобой поговорить... — произнёс Хайнц и открыл ещё одну бутылку пива.

Тот удивлённо вскинул брови но сел обратно и с интересом посмотрел на него.

— Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо... — начал он, налив в бокал Петеру свежую порцию напитка. — Я с Карлом знаком уже несколько лет, мы многое пережили вместе, пару раз были на волоске от смерти. С тобой и Гербертом у нас вторая операция но, по сути, я ничего о вас не знаю. А так нельзя! — с упором произнёс он. — Я должен знать какой ты, что думаешь, как действуешь... Я обязан доверить тебе свою спину, но как мне это сделать если ты и Герберт для меня "тёмные лошадки"? Да, наверху решили что хватит и простого приказа но я стараюсь доверять тем с кем служу. Потому что один в поле не воин, я так считаю.

— Вот оно что... — задумчиво протянул Петер, отпив глоток. — И ты хочешь чтобы я немного рассказал о себе?

— Да! — подтвердил Хайнц. — Я не говорю про мелкие подробности или что-то секретное, но должен представлять что ты за человек, понимаешь?

Повисло напряжённое молчание, лишь слышно было как за стеной неразборчиво переговариваются два их товарища.

— Что ж, в принципе, справедливо! — со вздохом сказал Петер и Хайнц внутренне расслабился. Он опасался что тот замкнётся и тогда придётся подсознательно не доверять подчинённому, а это уже большой риск неудачи. — Я тебя понимаю. Так что слушай и не говори потом что не слышал... — с тихим смешком начал тот.

— Я родился в обычной рабочей семье. Отец, мать... всё как положено. Жил не тужил, хоть и бедно тогда мы жили. Я был подростком когда всё началось в 33-м году. Сам знаешь,

что тогда творилось... Еды было мало, постоянно хотелось кушать. Как-то раз ушёл я к товарищу, чтобы вместе с ним яблоки посшибать... Не хлеб, конечно, но всё же еда. А обратно вернулся и... — ненадолго замолчал он. — Оказалось, некуда возвращаться. Большой пожар случился пока меня не было... Так-то вот. Родители, скорее всего, задохнулись... там ещё кто-то погиб, насколько я помню. Родственников больше рядом не оказалось и меня отправили в приют. В тот день моя жизнь и рухнула... — тяжело вздохнул Петер и выпил всю кружку несколькими большими глотками.

Хайнц молчал, не встречая со своими комментариями. Пусть Баум выговорится, ему станет легче да будет понятнее судьба товарища.

— А там я попал в ад! — горько усмехнулся Петер. — Если ты не был в приюте то советую и не бывать. Настоящая безнадёга была. "Старшаки" вели себя как хотели, били, отнимали лучшую еду. Воспитатели ни во что не вмешивались, лишь бы к ним не лезли. Директриса вообще появлялась раз в неделю, как бы для проформы. Конечно, взрослые таскали себе домой еду из нашего рациона а за оставшееся разгоралась целая битва. С самого начала мне пришлось плохо, я же был домашним мальчиком, хоть и не боялся драк. А эти суки!.. — стиснул кулаки от злости подчинённый. — Ладно бы один на один, я бы справился. Но они разок так попробовали, не получилось... И тогда налетели толпой! Я двоих успел отоварить, но потом меня тупо забили. В общем, долго рассказывать... — махнул он рукой. — Нет, там были пара воспитателей неравнодушных, они что-то пытались сделать... Но не могли. Да и делали, скорее всего, для галочки, чтобы свою совесть успокоить, я так думаю... Короче, терпел я всего пару месяцев. А потом просто сбежал из этого ада! — закончил Петер и сокрушённо посмотрел на пустую бутылку. — Эх, жаль кончилось..

— Не забывай, завтра ты должен быть в форме! — напомнил ему Хайнц, предусмотрительно порадовавшись из-за того что догадался спрятать ещё пару бутылок в надёжное место.

— Помню... — согласился с ним Баум и продолжил: — Пошатался я по улицам и тут меня окликнул какой-то щегол. Слово за слово, разговорились... Оказалось, это малец из одной банды беспризорников, а увидев меня они решили что из конкурентов, представляешь? — грустно улыбнулся он. — Я был голодный, усталый, хотел спать... И когда он предложил пойти к ним то согласился. Так и получилось что я остался с ними и стал одним из этих шакалов. Что они только не делали! Крали, воровали, били чужих или пьяных... Пару девушек изнасиловали скопом, твари! Кое-кого из них ловила милиция но мы часто меняли свои лежбища и они не могли схватить всех. Я сам не хотел в этом участвовать, совесть не позволяла. Тогда наш главарь решил что я буду просить милостыню. Это было лучше чем совершать преступления поэтому и согласился. Тут ещё оказалось что пользуюсь успехом у противоположного пола. Стоило мне посидеть один день, клянча деньги, как я умудрился собрать намного больше чем подавали другим до меня. И почти все рубли и копейки мне давали именно женщины! — невесело рассмеялся Петер. — На другой день некоторые из них принесли мне даже поесть... Спрашивали кто я и откуда. Ну я и говорил правду, родители погибли, пришлось милостыню просить. Они говорили, какой бедный и красивый мальчик! Кушай, вот тебе пирожок... или вкусный румяный хлеб прямо из магазина. От такой еды я начал поправляться, у меня даже появилась пара-тройка постоянных подносительниц, которые каждый день таскали мне разную еду. Но не всё было так хорошо как бы мне хотелось... Ведь большую часть еды всё равно отбирали главарь и его

подлизы. Естественно, мне это не нравилось и я решил при удобном случае сбежать от них. И такой случай скоро появился..

— Погоди, это всё на московских улицах было? — прервал его Хайнц, внимательно слушавший историю жизни подчинённого.

— Да... Марьяна роцца, если точнее... — ответил Петер с остановившимся взглядом. Похоже, он глубоко погрузился в воспоминания и теперь с трудом выплывал обратно. — Так вот... Среди этих сердобольных женщин была одна особенная. Стройная, лет за сорок, с мягкими и добрыми глазами. Представилась Надеждой Сергеевной. Она всегда приносила мне больше всего еды, жалела меня... При этом расспрашивала меня, как я оказался тут, почему сбежал из приюта... Ну я и рассказал всё честно, как меня там били, про равнодушные воспитателей, про воровство продуктов. Это я уже потом узнал что она была женой одного из крупных чиновников Наркомпроса. Как-то Надежда Сергеевна пришла радостная и сказала что я могу вернуться обратно. Дескать, она всё рассказала мужу и тот инициировал там проверку. Все факты подтвердились, хотя директриса пыталась всё скрыть. Её сняли, завхоза и поваров разогнали и посадили... В общем, справедливость восторжествовала... — усмехнулся Баум.

— И что, ты вернулся? — спросил Хайнц, после того как тот замолчал.

— Нет! — покачал тот головой. — Я уже вкусил свободы и не хотел снова оказаться под присмотром воспитателей и в компании малолетних придурков, готовых вырвать у тебя кусок хлеба изо рта. Так что я её поблагодарил и отказался. А потом... я помню, это было весной, в субботу... она пришла не вечером, как обычно, а днём... вся заплаканная, в чёрной одежде. Попросила меня отойти в сторонку, чтобы поговорить... Я, конечно, был удивлён... Ни разу такой её не видел. Всегда красиво одетая, ухоженная... Даже странно что наши ухари с района её не трогали. Ну и рассказала она мне что там у неё случилось... Оказалось, что у неё муж умер от инфаркта, прямо на работе. Их родители давно умерли, а с родными братьями и сёстрами они не общались, жили только сами по себе. Вот похоронила она мужа и теперь не может сидеть одна в своей квартире... Говорит, стало там так одиноко и неуютно. Решила прийти ко мне, так как близких подруг у неё тоже не было. И тут она смотрит на меня и говорит: "Васенька, а ты не хочешь немножко пожить у меня? Совсем чуть-чуть? Я бы тебе приготовила что ты хочешь?" Честно говоря, меня это предложение застало врасплох... Я даже решил что она так жестоко шутит. Сам подумай, подходит к тебе, нищему беспризорнику, такая женщина и предлагает крышу над головой, чистую постель и вволю еды.

— Я бы решил что это довольно странно... — ответил Хайнц, находясь под впечатлением истории детства своего подчинённого. — Слишком уж хорошо чтобы в это поверить.

— Вот именно! — подхватил Петер и эмоционально взмахнул рукой. — Я хотел отказаться... Но искушение было настолько сильным что не смог этого сделать... — с улыбкой закончил он. — Как представил что опять придётся вечером идти в грязный подвал, слушать как наш главарь разглагольствует о том какой он умный и жестокий... Как его верные подпевалы поддакивают ему. А остальные думают как бы кого грабануть или ещё что... К тому же, я уже сказал что хотел сбежать от них. В общем, я сделал вид что задумался и потом, типа неохотно, согласился..

Баум насмешливо фыркнул, видимо, вспомнив себя в ту минуту и, с сожалением посмотрев на пустую кружку, продолжил:

— Ты бы видел как она обрадовалась! Буквально вся засветилась! Обняла меня, не побоявшись испачкаться, и повела к себе. Оказывается, Надежда жила недалеко от того места где я просил милостыню, в трёхэтажном доме. Мы поднялись на самый последний, она открыла дверь и я просто... в общем, закрыть рот мне удалось только минуты через две, не меньше. Начну с того что квартира была не коммунальная а отдельная. Причём, большая! Несколько комнат, все богато обставлены разной красивой мебелью. Ковры на стенах, картины, лампы и люстры... Очень много разных книг в шкафах, даже дореволюционных достаточно, с ятями и твёрдыми знаками... А уж ванна! — восхищённо покачал он головой. — Это просто произведение искусства! Отделана гладкой плиткой с рисунками, большое зеркало... Всегда горячая вода есть! Ммм... я решил что попал в рай, представляешь?

Хайнц только головой покачал, с улыбкой наблюдая как Петер вспоминает свою добрую фею.

— И что дальше? — подбодрил он своего подчинённого.

— Дальше... — мечтательно уставился в пустоту Баум. — Дальше она включила мне воду в широкой ванне и я там лежал, наверное, часа два. Отмокал, балдел... Чуть не уснул там! А потом она позвала меня ужинать.. — Петер непроизвольно сглотнул. — Знаешь, я лучше не буду говорить чем она меня кормила, скажу одно... Это была самая лучшая еда за всю мою тогдашнюю жизнь! А завершился этот чудесный вечер тем что Надежда постелила мне постель в отдельной комнате, на хрустящей белой простыне... Лёжа на этой чудной кровати и слушая тиканье часов в углу, я твёрдо для себя решил: отплатить этой добрейшей женщине всем чем только смогу! Не огорчать своим поведением, помогать во всём... Словом, я ухватил этот шанс выбраться из помойной жизни и превратиться в человека, уважаемого гражданина нашей страны! — эмоционально сказал он и глубоко вздохнул.

— Очень интересно! — одобрительно ответил Хайнц, действительно захваченный повествованием, и приготовился слушать дальше.

— С утра началась моя новая жизнь... Первым делом, после плотного завтрака, мы пошли в магазин. Вернее, это она сказала что нам нужно кое-что купить... — усмехнулся Петер. — Ну, я решил что за продуктами, приготовился нести тяжёлые сумки... Оказалось, Надежда решила приодеть меня! Купила мне несколько рубашек, брюк, шорты, майки, бельё... Я просто стоял и не мог поверить в реальность. Всё думал что сплю. Вот проснусь и окажется что нахожусь опять в подвале, вместе с другими малолетками. И так не хотелось просыпаться! А она была вся такая радостная, хлопотала вокруг, спрашивала что мне больше нравится... А мне всё нравилось! На всё был согласен чтобы это не кончалось!.. Потом она сказала что мне нужно учиться в школе. Что ж, в школе так в школе... К хорошему быстро привыкаешь и через пару дней я уже вполне освоился в квартире. Вкусная еда, горячая вода, ласковая Надежда... И всё бы хорошо но, как оказалось, старая жизнь не хотела меня отпускать... — нахмурился Баум и сжал кулак от воспоминаний.

Помолчав минуту, он заговорил снова:

— Однажды вечером, когда я возвращался домой из магазина, куда ходил за хлебом, ко мне подошли несколько моих бывших, так сказать, товарищей из малолеток. Я уж и забыл про них, у меня появились свои интересы, которые поощряла Надежда... А тут снова эти нарисовались!.. Я спросил, чего надо? А они мне давай говорить что мол, нехорошо, забыл старых друзей, живёшь в достатке, о них не думаешь... Несправедливо, однако!

— Как я понял, ты им показал кузькину мать? — улыбнулся Хайнц, представив эту

цену.

— Честно говоря, не хотел вообще драться но пришлось... — нехотя кивнул Петер. — Они мне и говорят, типа, ночью откроешь нам дверь квартиры моей Нади и покажешь где та хранит деньги и ценности. А потом с нами уйдёшь, со мной главарь побалакать хочет. Вот тут я и не выдержал. Снова в эту грязь и клоаку? Да ни за что! Отбросил сумку, схватил какую-то палку и как вмазал первому! Хорошо попал, сразу вырубил паршивца! Только их четверо всего было, да и быстро спохватились... Накинулись группой. Я отмахивался как мог, лупил их пока палка не сломалась, на хрен... Ногами отбивался... В общем, забили они меня, всё-таки, суки! — стиснул зубы Баум. Его глаза превратились в узкие щёлки и полыхнули ненавистью. — Я был почти без сознания, но помню что нормально идти мог только один из них. Остальные еле тащились, поддерживая друг друга. Матерились на весь двор от злости. Как же, вчетвером еле справились с одним! Позор!.. Но зато с тех пор они уже ко мне больше не подходили. А через пару месяцев вообще куда-то пропали... Чёрт их знает куда, мне было плевать..

— Дотащился я до дома уже в темноте, да и то хорошо что помогли неравнодушные прохожие... — продолжил он, чуть отойдя от злости. — По лестнице, на свой этаж, взбирался, наверное, не меньше получаса. Время уже было позднее, все по квартирам сидят, так что и помочь было некому. Сил дотянуться до звонка уже не было, поэтому пришлось тихо стучать в дверь... Видимо, Надежда что-то услышала, потому что, наконец, открыла... Что тут началось! — печально улыбнулся Баум. — Охи, ахи, паника... Она вызвала "скорую", меня отвезли в больницу и я там провалялся почти неделю. Каждый день приходила, сама кормила меня разными супами и кашами. Даже фрукты достала... Представляешь, два больших апельсина! Я их тогда в первый раз в жизни увидел... А уж когда попробовал! Ммм... — мечтательно причмокнул он губами. — Потом я их много ел но тот, самый первый вкус, остался со мной навсегда. Но даже не это главное! Больше всего запомнился страх в её глазах... Страх за меня! И вот это окончательно подкупило!..

— Потом я вернулся к ней домой и снова зажил обычной жизнью московского старшекласника... — снова заговорил он. — Умудрился стать пионером, скорее всего, она помогла. А уж знания поглощал как губка! Мне действительно было это интересно, к тому же она сама мне помогала, объясняла там где я не понимал. Давала читать газеты, книги из огромной библиотеки. Рассказывала как изменилась жизнь простого народа после того как скинули Николашку. Оказывается, до революции большинство населения империи было неграмотно, женщины вообще почти не играли никакой роли в обществе, электричество было в зачаточном состоянии. А уж про богатства страны я и не говорю... Там всё было в руках всяких дворян-буржуев и надменных "золотопогонников", которые спускали огромные состояния в карты и били нижних чинов смертным боем. Говорила сколько пользы принесли стране большевики, особенно Ленин и Сталин. Да я и сам видел в газетах как наша страна развивалась и крепла! Строились новые огромные заводы, фабрики, Днепрогэс... "Комсомольцы! На самолёт!", призывы строить БАМ! Всё это наполняло мою душу гордостью за то что я тоже советский человек и скоро буду причастен к таким великим делам... — с горящими глазами говорил Петер, не замечая внимательного взгляда Хайнца. — А потом Надежда сообщила что многим странам не нравится наше первое в мире социалистическое государство и они готовы на всё чтобы его уничтожить. Иностранцы спецслужбы засылают к нам агентов, подкупают, запугивают и шантажируют наших людей... словом, ведут вражескую деятельность. Именно тогда я и задумался о том чтобы

принести пользу нашей стране в рядах чекистов. Не буду конкретно описывать такие подробности но в итоге свою мечту я осуществил и теперь нахожусь здесь, с вами! — закончил свою пламенную речь Петер.

— Да, очень интересное у тебя детство было... — задумчиво протянул Хайнц, глядя в окно. — Что ж, теперь многие вопросы у меня отпали. Вот тебе моя рука, Петер! Не только как командира но и как товарища! — и протянул ему свою руку.

Баум крепко пожал её и улыбнулся.

— Спасибо, Хайнц! Можешь быть полностью уверен во мне! Я не подведу ни тебя ни других! — с уверенностью ответил подчинённый.

— Верю, друг! — кивнул Гротте головой и, поколебавшись, всё-таки спросил: — Скажи, та история с дворянкой у которой ты выманил кучу денег и сдал в кассу... она действительно правдива? Или выдумка?

Петер весело рассмеялся.

— И ты тоже, Хайнц? — спросил он, слегка успокоившись. — Что ж, врать не буду, почти всё правда, кроме нескольких незначительных вещей. Понимаешь, дело в том что нужно верить в себя и мастерски вжиться в роль! В случае с этой княжной мне даже особо работать над собой не пришлось... Она действительно была очень красивой и на самом деле мне понравилась как женщина. Поэтому мои восторги были искренни и она ничего не заподозрила. Весь секрет в том чтобы найти у женщины её истинную страсть, её слабое место... Нажать на него, использовать, дать женщине то что она хочет... и всё! Она твоя! Даже если сама этого ещё не до конца понимает..

— И что же ты ей дал? — спросил Хайнц с нескрываемым любопытством. Отношения с женщинами его самого было неоднозначным. Стреляный боевик, опытный организатор, и в то же время он чувствовал некоторую робость с девушками, которая иногда мешала ему завести отношения. — Чем зацепил?

Баум внезапно замаялся и, неожиданно для Гротте, даже слегка покраснел:

— Хм... видишь ли... там я кое-что сделал с ней. В общем, давай пропустим эту тему? Это было довольно необычно даже для меня, а уж ты, я уверен, явно будешь не в своей тарелке. Главное, цель достигнута! В одном я точно убеждён — моя мнимая гибель огорчила её гораздо больше чем потеря нескольких миллионов, которые она дала мне перед этим и даже смерть мужа. Очень красивая и умная женщина но, к сожалению, искренне ненавидит советскую Россию... — с грустью вздохнул Петер. — Она вся осталась там, в призрачной Российской империи, среди балов, шампанского и галантных кавалеров, целующих её ручки..

— Понимаю, Петер... — кивнул Хайнц, поднимаясь на затёкшие ноги. Он прошёл к окну и выглянул наружу. Вроде, всё спокойно. Никаких подозрительных машин или типов, пялившихся на их отель, все равнодушно проходят мимо. Задёрнув занавеску, Хайнц обернулся к Петеру и сказал:

— Хорошо мы с тобой поговорили, но пора спать. Карл и Герберт уже легли... Спокойной ночи!

— И тебе того же, Хайнц! — Баум выключил продолжавший всё это время работать патефон и скрылся в своей комнате, оставив Гротте одного.

Раздевшись и уже оказавшись в постели он улёгся на спину и бездумно уставился в потолок, прокручивая в голове рассказ Петера. Сомневаться в его словах не было смысла, глаза и интонации голоса убеждали в том что если не всё то большинство сказанного было

правдой. А значит, Баум точно свой человек и не предаст в трудную минуту. Осталась лишь одна "тёмная лошадка" — Герберт. Но Карл за ним приглядывает, да и сам Хайнц планировал поговорить с ним таким же образом как и с Петером. Поручение, данное ему лично Берией, было недвусмысленным: — Ни один из группы не должен оказаться слабым звеном! А если вдруг окажется... в общем, Хайнцу очень не хотелось доводить ситуацию до того момента когда придётся стрелять в кого-то из них. Петер и Герберт ему нравились, но дополнительно убедиться в их надёжности всё равно придётся, иначе сердце будет не на месте.

Повернувшись на бок он закрыл глаза. Что теперь им делать, когда выяснилось что цель ускользнула? Предложения, конечно, были но лучше спросить у Центра, мало ли, вдруг что-то изменилось? Ведь они видят только свою часть работы а в Москве общая картина. Да ещё эта опасность загреметь в армию потенциального противника!.. Ладно, утро вечера мудренее! С этой мыслью Хайнц окончательно погрузился в сон.

Москва.

Ночь на 6 мая.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Вокруг было тихо. В отдалении, в районе бараков, слышались пьяные голоса, крики, мат, смех... Но здесь, в кустах, которые окружали его сарай, всё было спокойно. Алексей сидел здесь уже больше 3 часов и начал подумывать о том что, похоже, сглупил. Какова вероятность что неизвестные снова появятся здесь? Да, судя по некоторым признакам, они были вынуждены спешно уйти но зачем им опять возвращаться? Ветхий сарай не представлял собой какой-нибудь ценности, но "чуйка" настойчиво твердила о том что такая вот засада необходима, причём именно в эту ночь, а своему предчувствию Алексей доверял всегда, благо, оно ещё ни разу его не подводило.

Вздыхнув, он решил посидеть в засаде еще полчаса а потом идти спать. День вчера выдался довольно насыщенным и сегодняшней тоже не будет лёгким. Так прошло ещё минут пятнадцать..

Внезапно совсем недалеко от него раздался какой-то шорох и на маленькую полянку возле сарая осторожно вылезли из кустов два паренька-подростка. Алексей удивлённо покачал головой. Неужели это те кого он ждал? Два каких-то мелких раздолбая? Серьёзно? Хотя... В принципе, всё сходится. Кто ещё кроме любопытных мальчишек мог польститься на содержимое полуразрушенной хибары? И что теперь с ними делать? Хороший вопрос... Тем временем, оба подростка, крадучись, подошли к двери сарая и некоторое время старательно оглядывались и прислушивались. В темноте Залесский не мог как следует рассмотреть незваных гостей но обратил внимание на их движения. Тот что повыше двигался более основательно, видно было что он больше привык драться а не бегать... А вот второй, наоборот, был невысоким и двигался гибко как ласка. Сразу было ясно что его преимуществом была скорость.

— Чо, всё норм? — тихо спросил высокий, дёрнув замок на двери.

— Да, Серый, вроде никого... — так же громким шёпотом откликнулся мелкий, снова оглянувшись напоследок.

— Так давай, курочь эту хрень, времени мало! — раздражённо повысил голос первый.

— Тихо ты! — зашипел малец, весь вскинувшись. — Тут мужики недалеко, харэ галдеть..

— Да ни хуя они не услышат, водяру глушат... — всё-таки притих "Серый". — Начинай, Шкет..

Тому потребовалось меньше минуты чтобы справиться с замком на двери. Тихо скрежетнула дужка на петлях и дверь сарая медленно отворилась. Алексей, наблюдавший за этим из своих кустов, уважительно покачал головой. Ему самому на это потребовалось бы, пожалуй, не меньше времени чем этому "Шкету"..

— Короче, я внутрь а ты здесь стой, на стрёме! — громким шёпотом начал командовать мелкий, но его подельник заупрямился.

— Хрена се! — опять повысил он голос. — С какого перепуга?! Ты там себе схочмячишь чо-нить а я потом лапу соси? Не, я не согласный!

— Да ты там греметь будешь как медведь, дятел! — не сдержался "Шкет", раздражённо отбросив замок на землю. — Забыл как утром было? Всё из-за тебя! Начал тут грохотать, как только все менты города не сбежались... Да и не знаешь ты тут ничо, а я утром уже был! Так что стой и не вякай, Серый... Следи лучше за входом, мало ли какой фраер зайвится... — и с этими словами нырнул в темноту сарая.

Со злостью пнул замок так что тот едва не улетел в кусты, высокий уселся рядом со входом и начал оглядываться, бурча себе под нос что-то угрожающее в адрес сообщника. Алексей задумчиво смотрел на него. Если этот "Шкет" ничего не найдёт то можно их и не трогать. Пошуруют впустую и уйдут. А вот если обнаружат его тайник и всё что там спрятано... Тогда всё дело намного хуже. В первую очередь, именно для подростков.

Через минуту он едва сдержал ругательство, потому что наружу вышел малец, держа в руках заботливо спрятанный в тайнике большой мешок Залесского. Да чтоб вас через три дырки да наизнанку!.. Чёртов пацан умудрился найти его сокровище! А ведь там чего только нет... Помимо хорошей суммы денег в мешке были принадлежности для грима, одежда для других воплощений, в том числе и форма младшего лейтенанта ГБ, которую он снял и спрятал вечером, когда вернулся от пленника.

— Зырь чо нарыл! — с восторгом прошептал малец, вытряхивая на землю все его богатства. — Я ж говорил что знаю как тайники искать, а ты не верил..

— Ого! — тихо присвистнул подельник, присаживаясь на корточки и разглядывая добычу. — Да тут столько добра что нам обоим хватит! Давай, всё соберём и сваливаем!

От такого поворота событий Алексей едва не выпрыгнул чтобы тут же напасть на этих мелких уголовников, но сдержался, решив что лучше сделает это в кустах, когда они рванут обратно. Отпустить этих двух придурков со своими вещами Залесский не собирался в любом случае. Что ж, не повезло парнишкам, сегодня они умрут... К счастью, недаром говорят "Жадность фраера сгубила.." Малец отрицательно качнул головой и тихо сказал:

— Рано ещё! Ты собирай а я там опять порыщу, вдруг чо ещё надыбаю! — и снова юркнул внутрь. Не обратив особого внимания на его слова, высокий начал брать в руки каждую вещь и разглядывать, одобрительно угукая. Естественно, за окрестностями он следить перестал и Алексей решил воспользоваться этим. Пора кончать с этой шпаной..

Тихо передвигаясь и смотря под ноги, чтобы не наступить на сухие ветки, Залесский обошёл "Серого" и оказался у него сзади-сбоку, так как тот сидел почти у самого сарая. Почти не дыша, он подкрался к подростку и резво взмахнул рукой. В последний момент парнишка, видимо, что-то почувствовал и вскинул голову но сделать уже ничего не успел. Удар!.. И первый из шпаны повалился на землю, не сумев издать ни звука, только тихо звякнула по маленькому камню коробочка из-под монпансье, где Алексей держал свои деньги.

Оставив бессознательное тело лежать на земле, Залесский осторожно приблизился к двери в сарай и замер. Внутри было тихо. Странно... Подождав пару минут и не уловив никакого движения он шагнул внутрь... И тут же едва успел отпрыгнуть назад! На то место где стоял Алексей секунду назад, прилетела старая, тяжёлая сковородка, с громким стуком ударилась о косяк и упала на утоптанную землю.

Вот стервец! Похоже, увидел или услышал что с его подельником что-то случилось и решил сопротивляться. Что ж, он разделался с несколькими опытными бериевскими псами, неужели не справится с каким-то одним мальчишкой? Ладно, поиграем!

Напрягшись, монархист снова зашёл внутрь и прыгнул в сторону. Рядом, в темноте,

послышался шорох и в сторону входа полетела мятая кастрюля без одной ручки. Вот он где, сучонок! Алексей попытался схватить мальчика, оказавшегося всего в паре метров от него но тот, с изумительной ловкостью и скоростью, умудрился увернуться, при этом едва не ударив Залесского по голове. Мысленно выругав себя за то что снова недооценил противника, он полностью сосредоточился и опять кинулся к подростку. Похоже, жизнь была весьма сурова к беспризорнику и заставила его хорошо поработать над своими навыками скорости. Используя всю свою ловкость Залесский с трудом смог ухватить щенка за лодыжку и дёрнуть к себе. Раздался смачный мат и нога пацана снова едва не попала ему по голове! Уже не сдерживаясь, он зарычал от злости и со всей силой ударил его ногой. Тот всхлипнул от боли но всё равно попытался удрать в сторону двери... Не судьба! Навалившись сверху на маленького, юркого мальчика Алексей жёстко пробил ему по голове и, уже бессознательное тело "Шкета", покатило по земляному полу..

"Да... Неплохая драка вышла! Едва не ушёл, гадёныш..." — подумал монархист, тяжело дыша. Вот уж не думал что придётся приложить все свои умения чтобы победить подростка... Стареет, что ли? Найдя в укромном углу старую но ещё крепкую верёвку он тщательно связал мальчика и положил в угол. Потом проделал ту же операцию с его сообщником, затащив внутрь сарая. Затем тщательно собрал свои пожитки обратно в мешок и занёс тоже. Теперь осталось привести их в сознание и поговорить по душам. Узнать кто такие, зачем сюда залезли и, главное... знают ли их друзья куда они пошли? Время деньги, пора приступать..

Васька-Шкет.

То же время.

Сознание к нему вернулось как-то быстро, словно он спал и мгновенно проснулся. Только голова и тело болели, хотя это было привычно при его жизни. То и дело приходилось драться, либо со своими или с чужими, так что эта боль была знакома ему. Едва открыв глаза он попытался вскочить но, к своему изумлению, не смог. Быстро осмотрев себя в лунном свете, пробивающимся через разошедшиеся стены сарая, Васька похолодел... Он был плотно связан по рукам и ногам. Причём, связан надёжно, уж это парнишка определил точно, так как двигать он мог только пальцами рук да и то совсем чуть-чуть.

Чуть подальше от него ворочался и мычал "Серый", с кляпом во рту в виде грязной тряпки. Примерно такая же оказалась во рту и у него самого. В голове тут же мелькнули воспоминания: как они вернулись к этому треклятому сараю, как он нашёл богатую добычу а потом... потом подозрительный звук снаружи. Васька успел посмотреть в щель как его подельник неподвижно лежит на земле, рядом со входом, а обострённый слух уловил еле слышный шорох шагов. Жизнь беспризорника учит всегда быть настороже чтобы защитить себя и не голодать, поэтому неизвестный мужик, возникший в проёме двери, тут же получил от него очень кстати подвернувшейся под руку чугунной сковородкой. Вернее, почти получил..

Васька едва не вскрикнул от досады, увидев как смутно знакомый мужик ловко отпрыгнул назад. Быстрый, сука!.. Ну ничего, Васька-Шкет всё равно быстрее! Никто из банды не мог угнаться за ним или сравниться в скорости! И этот фраер тоже не сможет... Теперь в него полетела кастрюля но этот гад успел уйти в сторону и ринулся прямо к нему. Видимо, как-то умудрился заметить его в темноте. Тогда впервые Ваську охватила тревога.

Этот мужик был слишком быстрый и опасный, не чета тем с кем раньше сталкивался "Шкет", а значит, надо валить отсюда побыстрее и плевать на "Серого"! Тем временем, фраер почти достал его и только пресловутая скорость и ловкость помогли Ваське увернуться от мужика. Увы, но снова проделать то же самое он уж не смог. Будучи пойман за ногу, беспризорник опять попытался лягнуть его но сильнейший удар отправил "Шкета" в беспомощность..

— Ну что, соколики, очнулись? — прервал его воспоминания незнакомый голос из-за спины.

Резко повернув голову, от чего та взорвалась болью, Васька обнаружил за своей спиной сидевшего совсем близко того самого мужика, который и схватил его. И тут же похолодел, вспомнив где видел его раньше... Конечно, это же тот "чекист" за которым он наблюдал вчера утром! Именно тогда у него и возник вопрос — что делал "нквдшник" в старом сарае? И, главное, нет ли там чего ценного, раз он оттуда вышел? Получается, этот типок как-то узнал о них и решил поймать на горячем? А теперь решит сдать их в ментовку! Плохо, очень плохо... на Ваське висели несколько хулиганств, краж и даже одно изнасилование... Правда, он там не один был, но всё равно. Вдруг та тёлка запомнила его лицо? Надо попробовать разжалобить его, обещать исправиться, понять про трудное детство, злых взрослых и выставить себя хорошим мальчиком! Вдруг прокатит? Некоторые менты, особенно семейные, бывают добренькими, пожалеют и отпустят... Вот только дурацкая тряпка мешает!

— Так... — задумался на пару секунд мужик и повернулся к "Серому", который усиленно дёргался и мычал, пытаясь что-то сказать. — Давай начнём с тебя, дружок!

С этими словами он протянул руку и выдернул грязную тряпку изо рта сообщника Васьки, из-за чего парень закашлялся и сипло выругался, отплёвываясь.

— Сука, ты на кого свои грабки поднял, бля? Я тебя... — начал было качать права "Серый", но тут же заткнулся когда за секунду у его горла оказался нож, неведомо откуда возникший.

— Лучше молчи, дерьмо! — тихо но внушительно сказал мужик спокойным голосом. — Запомни две вещи. И ты тоже, пацан... — обратился он к Ваське, который весь сжался увидев что творит этот странный то ли мент то ли "нквдшник". — Первое — не оскорбляй тех кто старше тебя по возрасту. Второе — если ты думаешь что самое худшее уже позади то зря. Так что советую отвечать быстро и честно. Договорились или повторить? — при этом лезвие ножа вдавилось в горло "Серого" и из него вытекла маленькая капля крови.

— Да-да, дяденька, не бейте меня! Пожалуйста! Я не хотел!.. — тут же преобразился "Серый", прикинувшись раскаявшимся подростком которого так любят жалеть взрослые. Его глаза расширились от страха а тело забила дрожь.

— Неплохо! — слегка улыбнулся мужик, убрав нож от его горла. — Актёр из тебя вышел бы хороший. На какую-нибудь сердобольную бабку может и подействовало бы. Вот только я в своей жизни видел намного больше чем ты думаешь, парень... Так что давай, рассказывай мне про себя, своего друга и знает ли кто-нибудь о том что вы здесь?

Ваське оставалось лишь уныло молчать, слушая как его сообщник всё подробно рассказывает про себя, про него и всю банду. Но, похоже, фраеру была эта информация не особо интересна и он быстро стал спрашивать наводящие вопросы... Нет, никто не знает про то что они хотели посмотреть про этот сарай... Они просто беспризорники, которые хотят найти немного еды... Да, видели кучу денег и ворох одежды, в том числе военную форму...

Нет, они никому не скажут об этом и даже близко сюда не сунутся!.. Дядя, отпустите нас!..

Мужик рассеянно качал головой, поигрывая ножом в руках. Его взгляд смотрел, как будто, сквозь "Серого" а вот внутри Васьки нарастал страх от которого бегали мурашки по коже. Предчувствие, которое он слушал не всегда, настойчиво твердило что сейчас они явно попали в крупные неприятности. В голове появились вопросы, на которые у него не было ответов: почему этот мужик не вызвал других ментов, чтобы отвезти их в отделение? Это настораживало... С другой стороны, может это и хорошо? Вдруг размякнет и отпустит? Но что-то не верится, судя по его виду... И потом, он явно не похож на обычного мента! Ну вот никак! Уж это Васька ясно видит, так как за свою недолгую но трудную жизнь успел узнать как выглядят и обычно действуют милиционеры.

Голова у него варила неплохо, а уж в тяжёлых ситуациях, особенно когда грозила серьёзная опасность, работала на всю катушку. Что-то крутилось у него в сознании, словно не хватало всего одной маленькой детали чтобы понять общую картинку... Деньги, форма, набор ножей, разная одежда, усы, накладные волосы... Странное место хранения всего этого барахла... И вдобавок очень быстрый и сильный мужик. Что это всё может объединять?! Разгадка таилась совсем рядом, нужно было лишь сосредоточиться!

— Ясно всё с тобой, парень... Теперь молчи! — наконец, прервал своё молчание мужик, сунул ему обратно кляп и посмотрел на Ваську. Тот, не отрывал от него взгляда, смотрел в ответ. И вдруг, словно прорвав завесу непонимания, у него в голове щёлкнуло и всё встало на свои места! Картинка получилась объёмной и всё объясняющей. Деньги, одежда, оружие, сам мужик... Всё сходилось! Этот фраер — шпион!

От такого открытия перехватило дыхание а глаза выпучились от страха. Мгновенно пришло понимание — из этого сарая живыми им уже не уйти! Васька с малых лет не был дураком и сразу понял что этот гад очень скоро убьёт их чтобы они не рассказали про него самого и свою добычу никому. Даже если они поклянутся матерями, которых у них нет... Кто поверит беспризорнику? Только самый доверчивый и сердобольный дурак! А шпионы такими качествами явно не страдают!

От мысли что его жизнь, оказывается, такая хорошая и приятная, оборвётся очень скоро, на глазах выступили слёзы. А ведь он плакал в последний раз лет в семь, наверное... Что делать?!

Мужик задержал на нём взгляд. Некоторое время он смотрел ему прямо в глаза а потом медленно кивнул и... улыбнулся. Вот только веяло от этой улыбки не добром. Скорее, это оскал хищника, который понял что его жертва догадалась о своей участи.

— Догадался? — спросил он, снова начав мастерски крутить ножом. — Молодец, парень... Умный.

"Серый" тоже что-то заподозрил, потому что сделал попытку отодвинуться от страшного мужика, но едва тот перевёл взгляд на него, тут же замер как человек при виде змеи, готовой кинуться на добычу.

— Знаете, щенки, я вас в чём-то понимаю... — заговорил мужчина, отстранённо глядя в стену. — И даже сочувствую. Жить без родителей с самого детства, это трудно, по себе знаю. Только вот в чём проблема... Дело даже не в том что я не могу вас отпустить по той причине что уже понял этот малец. Просто вы — отбросы! Понятно? — спросил он.

Естественно, им было непонятно. Васька всё пытался найти способ спастись, но как это сделать будучи связанным по рукам и ногам? "Серый", похоже, не до конца осознал их положения, поэтому молчал, не зная в чём подлинная опасность их противника.

— Не понимаете? Хорошо, объясню. Вот смотрите, есть честные советские пионеры... ну или просто дети. Они играют, учатся в школе, стремятся в будущем стать хорошими специалистами, жениться, вырастить своих детей... Словом, стать нужными своему обществу и стране! Пусть я и не согласен с этим обществом и правителями почти во всём, но я хотя бы понимаю их цели и задачи! И, будь я коммунистом, наверное, гордился бы ими... — говорил мужик, встав на ноги и медленно расхаживая по свободному от мусора участку пола. — Но вот вы! Какой толк от вас? Какая польза? Никакая! Вы никому не нужны, от вас только вред! Причём вред не только конкретно советскому обществу но и любому другому! Демократическому, авторитарному... да какому угодно! Вы просто паразиты, мусор! Тараканы, мешающие жить нормальным людям! Вот скажите, кому или чему вы принесли пользу? — спросил он, словно забыв что у них обоих заткнуты рты.

— Ах да, вы же не можете ответить... — усмехнулся он, и снова начал играть ножом на ходу. — Но это и необязательно, я и так знаю ответ. А он прост — никому и ничему! Только лично себе. Всю свою недолгую жизнь вы крали, грабили, насиловали... может даже и убили кого-нибудь. Вы хоть представьте себе... Идёт какой-нибудь работяга после работы с деньгами в кармане, которые он заработал своим трудом. Мечтает купить что-нибудь жене, детям... А тут из подворотни вылезают такие уроды как вы и обчищают его, заодно и избив. Лёгкие деньги, верно? Зачем трудиться на благо общества когда можно просто отнять, да? Пусть другие работают а мы будем жить так как хотим, верно? — осуждающе покачал головой мужик. — Гуляй, рванина, мать вашу!

Походив немного он снова уселся на старый берёзовый чурбак, неведомо как оказавшийся в сарае, и продолжил:

— Знаю, что бы вы мне сказали... "Не мы такие — жизнь такая!" Вот только хрен! Это сказочка для слабохарактерных лентяев которые любят оправдывать себя тем что, дескать, их вынудили быть такими сволочами, а на самом деле внутри они белые и пушистые! Просто не дали им исправиться и поступать так как положено нормальным людям. В реальности всё гораздо проще... Им, то есть вам, нравится идти по этой кривой дорожке! Вот где правда кроется! Родителей в детстве потеряли? Печально но бывает. Я тоже стал сиротой в семь лет... Только я, почему-то, нашёл в себе силы не грабить и убивать ради наживы. Да, конечно, я тоже не ангел... Но убивал всегда только тех кого считал врагами, и они отнюдь не являлись беззащитными! Я хотел убить их а они меня, всё честно! Даже сейчас, зная что с вами сделаю, я не испытываю мук совести. Почему? Да потому что вы — бес-по-лез-ны! Просто эгоисты озабоченные только лишь своими личными потребностями и желаниями! Конечно, есть мизерный шанс что такие как вы, оставь я вас в живых, когда-нибудь исправились бы, стали нормальными людьми... Но я в это не верю. Даже тюрьма или колония вас не перевоспитает, потому что поздно. Да и вообще, эти места не исправляют людей а лишь изолируют их от нормальных, чтобы они не мешали им жить и работать. А всё потому что когда-то вы приняли первое неверное решение... Потом второе, третье... так и поехало. Перевоспитывать вас уже нет смысла, поэтому не буду больше рассусоливать перед вами... Может там, наверху, вы и увидите своих родных. Хотя... вряд ли! — поджал губы мужик и сделал быстрое движение рукой под горлом "Серого".

Тот не сразу понял что случилось. Замычав, он попытался что-то сказать, но хлынувшая из шеи кровь помешала ему. С ужасом глядя на убийцу, сообщник Васьки повалился боком на землю и скоро затих, залив землю под собой тёмной кровью.

"Шкет" вздрогнул, очнулся от монолога мужика и отчаянно забился, напрягая все свои

невеликие силы. Увы, верёвка была крепкой а узлы развязать пальцами рук он так и не смог. Как бы Васька хотел заверить его что готов сделать всё что угодно, лишь бы жить! Но тряпка надёжно закрывала рот и наружу вырывалось лишь беспомощное мычание.

Переведя взгляд на него, убийца равнодушно подошёл к нему и сказал:

— Иногда мне было интересно, как выглядят рай и ад... Уверен, в своё время я это обязательно узнаю. Но не сейчас! А вот твоё время пришло, парень. Догоняй своего друга! — с этими словами его нож с быстротой молнии воткнулся в грудь Васьки. Он почувствовал мгновенную боль а потом всё исчезло..

Залесский Алексей Дмитриевич.

Старательно вытерев своё оружие он спрятал его на место и начал прибираться. Осторожно выглянув, убедился что всё тихо. Потом взвалил на плечо высокого, так чтобы вся кровь из шеи не капала на него, и понёс к недалёкому оврагу, где тёк небольшой ручей, заросший густыми кустами. Спустившись вместе с телом вниз, Алексей мягко опустил его на землю, рядом с водой, и забросал ворохом старых веток. Всё равно тут редко кто бывает. Даже если обнаружат, вряд ли милиция будет рыть землю из-за какого-то беспризорника. Ладно, двух беспризорников.

С мальцом он повторил свой маршрут и тоже спрятал тело рядом с первым. Вздохнув, Залесский тщательно, насколько это возможно в темноте, осмотрел себя и закрыл дверь сарая на замок. После этого, с чувством облегчения от тяжёлой, неприятной но необходимой работы направился домой. Прошло уже полночи, он устал и хотел посмотреть одежду от следов грязи и крови. Пожалуй, лучше сегодня хорошо выспаться и наведаться к пленнику после обеда. Или вообще заночевать на даче. Хотя там особых условий для этого нет, но он неприхотлив, если надо то и на земле сможет. Так что хватит думать об этих мальчишках, пора на боковую..

Берлин.

6 мая 1940 года. Утро.

Хайнц Гротте.

— Кажется, это здесь... — заметил он, глядя сквозь распахнутые ворота на корпуса клиники Шарите.

— Что ж, тогда пошли, познакомимся поближе с фройляйн Блюм! — улыбнувшись, ответил Баум и первым шагнул вперёд.

Они пересекли прогулочную дорожку и поднялись по ступеням к главному входу. В него входили и выходили персонал и пациенты клиники, некоторые с любопытством смотрели на них. Сам Хайнц сегодня был одет в свободный, светло-серый костюм и шляпу, а также держал левую руку на перевязи. Его подчинённый Петер красовался в брюках и свободной белой рубашке, расстёгнутой на ворота, и слегка опирался на небольшую трость.

Оба, перед тем как приехать сюда на такси, решили сыграть роль раненых товарищей Шольке, находившихся на излечении. Отсюда и соответствующая маскировка. Они подошли к стойке регистрации и Хайнц вежливо улыбнулся медсестре средних лет за стойкой:

— Доброе утро, фройляйн! Мы с товарищем хотели бы узнать, ваша коллега Лаура Блюм работает сегодня или у неё выходной?

— Здравствуйте, господа! — отозвалась женщина с дежурной улыбкой стрельнув по ним взглядом. — Сейчас я посмотрю расписание... Да, она сегодня на работе. Могу я узнать кто её спрашивает?

— Конечно! — продолжал широко улыбаться Хайнц. — Мы давние боевые товарищи Гюнтера Шольке, её парня. Воевали вместе ещё в Польше. Хотим с ней поговорить о Гюнтере.

— Хорошо, подождите, пожалуйста, вон там, на креслах... — кивнула женщина, беря трубку телефона. — Я сейчас позвоню в её корпус и, если она не занята, то спустится к вам.

— Большое вам спасибо, фройляйн! — поблагодарил её Хайнц и они, вместе с Баумом, присели на пару кресел в углу обширного холла.

Прошло несколько минут когда Хайнц заметил как к стойке подошла молоденькая медсестра и что-то спросила у женщины. Та ответила и показала рукой на них. Девушка обернулась к ним, улыбнулась и быстро пошла к их закутку. Хайнц открыл было рот чтобы поприветствовать подружку Гюнтера но тут, неожиданно, встал Баум и, ослепительно улыбнувшись, быстро взял её за руку и поцеловал ладонь. Та удивлённо вздрогнула и нерешительно вытащила руку. Впрочем, Петер тут же исправился:

— Извините меня, фройляйн! Просто я не смог сдержать эмоций когда увидел любимую подругу нашего дорогого Гюнтера! — сказал он, неуклюже опускаясь в кресло.

— Что с вами? Вы ранены? — мгновенно определила девушка, с тревогой глядя на них.

— О, нет-нет, не беспокойтесь, фройляйн! — поспешил успокоить её Хайнц, успев бросить на товарища предостерегающий взгляд. — Наши раны уже почти прошли. Вы — Лаура Блум, любимая девушка нашего боевого товарища оберштурмфюрера Шольке? — на всякий случай уточнил он.

— Да, это я! — с радостью подтвердила девушка. — А вы, господа?

— Разрешите представиться — унтерштурмфюрер СС Фрайтаг! — отрекомендовался он, коротко кивнув. — А это мой друг, штурмшарфюрер СС Байер! — указал на подчинённого. — Мы ещё на излечении, поэтому не в форме.

— Что вы, я вам верю, господа! — с жаром ответила медсестра, с сочувствием посмотрев на его руку. — Чем могу вам помочь?

— Да, в сущности, пустяк... Дело в том что мы недавно договорились с Гюнтером, как только позволят раны, встретиться с ним за кружкой доброго немецкого пива, посидеть... вспомнить Польшу... — начал излагать легенду Хайнц. — И вот, день назад мы собрались навестить его, пришли к нему домой а нам сообщили что он отправился куда-то на запад. Причём, нам не сказал ни слова! А ведь мы друг другу, можно сказать, жизнь спасли от поганых пшеков! — покачал он головой. — В общем, как мы понимаем, встретиться с ним пока не сможем но хотя бы написать письмо было бы здорово! Его родители не смогли точно сказать его адрес части, возможно, вы знаете её расположение? Хоть мы сами из "Лейбштандарта" но никто из тех кто остался в Берлине так и не смог сказать где находится наш полк.

Девушка искренне огорчилась.

— Сожалею, господа, но вряд ли смогу вам помочь... Я и сама знаю очень мало. Он сказал что в Аахене или где-то рядом. Честно сказать, я тогда даже не узнавала точно... — сокрушённо ответила она.

— Может, он прислал вам письмо? — предположил Хайнц, не теряя надежды. — В таком случае там может быть написан обратный адрес.

— Нет, он уехал всего пять дней назад и писем от него пока не было. Возможно, он его уже написал но до меня оно ещё не дошло... — разрушила Лаура его надежду.

— Тогда не подскажите ли вы того кто может знать это? — испробовал ещё одну попытку Хайнц.

— Нет, этого я тоже не знаю... — покачала она головой и вздохнула. — А почему вы не узнаете в Главном штабе СС? Ведь вы сами служите в СС и отдел кадров или финансовый отдел наверняка в курсе где находится в данный момент каждый офицер СС.

— Увы, у нас слишком маленькие звания чтобы нам ответили на такой вопрос. К тому же, секретность, сами понимаете! — не сумел он скрыть своё огорчение. Да, не на это Хайнц надеялся когда ехал сюда. Похоже, тупик.. — Что же нам делать? — спросил он от безысходности.

— Ну... когда придёт его письмо то я могу позвонить вам и сказать где он служит... — предложила девушка, участливо глядя на них. — Конечно, если вы оставите мне свой номер и в письме будет обратный адрес.

— Вот это хорошее предложение, Лаура! — немного воспрял духом Хайнц и быстро вынул из внутреннего кармана бумажку с написанным номером телефона в их отеле. Надо же, предусмотрительно он ею запасся, как чувствовал. — Как только вы получите от него письмо, прошу вас, сразу же сообщите нам вот по этому номеру. Это очень важно! Я могу на вас полностью рассчитывать?

— Да, конечно, господа! — улыбнулась медсестра. Она хотела ещё что-то добавить но внезапно раздался строгий женский голос, от которого девушка вздрогнула и сразу обернулась.

— Лаура! Ты почему здесь? Уже справилась со своей работой? — нахмурилась незнакомая женщина в белом халате, глядя на неё с подозрением.

— Извините, фрау Кох, я уже бегу, там совсем немного осталось! — протараторила девушка и слегка покраснела. — Просто здесь пришли друзья моего Гюнтера и я с ними чуть-чуть поговорила.

— Друзья? — переспросила женщина и окинула их подозрительным взглядом. — Что ж, давай быстро заканчивай болтовню и за дело! Работы ещё много, к тому же, не забывай, ты должна научить свою сменщицу всему что знаешь сама! Поняла? Иначе никуда не отпущу!

— Да, фрау Кох, я сейчас! — откликнулась она и снова повернулась к ним. Взяв бумажку с номером телефона, Лаура смущённо улыбнулась и сказала: — Простите, но мне уже пора идти. Фрау Кох очень не любит когда я хожу без дела.

— Я смотрю, ваша начальница очень строгая? — улыбнулся Хайнц.

— Очень! — заговорщицки понизила голос девушка, тайком оглянувшись. — Но внутри она очень добрая, я знаю. Извините ещё раз! — и с этими словами она убежала обратно.

— Мда... — с сожалением отметил Хайнц, продолжая сидеть в кресле. — Я надеялся получить нужные сведения, но она и сама их не знает.

— Верно, эта простушка была вполне искренней, сразу видно, лгать не в её привычках! — кивнул в ответ Петер. — Но меня больше огорчило совсем другое..

— Что именно? — с удивлением спросил он.

— За весь разговор она ни разу не посмотрела на меня, представляешь? — с нарочитым огорчением пожаловался Баум. — Только на тебя и пялилась, чертовка! Как будто меня вообще не было здесь. Чёрт знает что!

— Кто о чём а ты о бабах! — невольно рассмеялся Хайнц, делая вид что с трудом встаёт

с кресла. — Видно, теряешь сноровку и навыки!

— Но-но, одна маленькая неудача ни о чём не говорит! — проворчал подчинённый, так же вставая на ноги и направляясь к выходу. — Вот увидишь, я обязательно реабилитируюсь!..

Дружески подначивая и подшучивая они вышли наружу и медленно зашагали к воротам, никуда не торопясь. Теперь оставалось лишь ждать..

г. Нойенкирхен.

Расположение моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер".

6 мая 1940 года.

Гюнтер Шольке.

Проведя со своими подчинёнными разминку, пробежавшись по улицам и покидав друг друга в борьбе, он с наслаждением сполоснулся в холодном душе, а потом снова сел за ненавистный стол, заваленный новой порцией бумаг. Чем ближе наступало время вторжения тем больше их становилось. Сегодня ожидалось прибытие со складов в Мюнстере дополнительного комплекта боеприпасов к технике и личному оружию, а также горючего, продовольствия и инструментов для ремонтной службы. С одной стороны это радовало, с другой... как же эта писанина надоела! Завести, всё-таки, писаря? Может, не одного? У "папаши" есть Роске, который тащит на себе всю документацию, почему бы и ему не сделать так же? Нет, не сейчас... Он — командир и пока часть не в бою, обязан лично этим заниматься. Нравится или нет, это его долг и обязанности офицера. И никого не интересует его желание!

В следующий час Гюнтер так и просидел за столом, подписывая бумаги и изредка отвечая на звонки телефона, который ему поставили связисты. чтобы он всегда был доступен для тыловиков и "папаши" Зеппа. Прервал его, на этот раз, не старина Пауль а стук в дверь и незнакомый молодой голос:

— Разрешите войти, оберштурмфюрер?

Он удивлённо поднял голову. За эти дни Гюнтер успел хотя бы парой слов обменяться со всеми своими подчинёнными но конкретно этот голос был ему незнаком. Интересно, кто на этот раз?

— Войдите! — крикнул он.

Дверь медленно открылась и в комнату шагнул... какой-то подросток одетый в аккуратную подогнанную полевую форму СС. Вот только правая петлица была полностью чёрной, что означало одно... Её обладатель был "Бевербером", самое низшее звание в СС, означавшее дословно "претендент". В сущности, он ещё даже не считался эсэсовцем, так как не принял присяги, не получил удостоверения личности и кортика, а также не дал клятву верности фюреру.

И пока Гюнтер изумлённо таращился на него, подросток принял строевую стойку, лихо выбросил вверх правую руку и выкрикнул:

— Хайль Гитлер!

Его голос неожиданно сорвался и вместо нормального звука получилось что-то писклявое. Парнишка густо покраснел но вызывающе вздёрнул подбородок и уставился чуть выше головы Гюнтера. Тот улыбнулся краем губ. Он начал догадываться кто пришёл..

— Кто такой? — отрывисто спросил Гюнтер, не сводя с него глаз.

— Бевербер 1-го батальона Эрих Ханке, оберштурмфюрер! — тут же ответил парнишка

и постарался щёлкнуть каблуками маленьких сапог но и тут его постигла неудача. Звук получился глухой и невнятный. Гюнтер постарался сохранить серьёзность, встал из-за стола и ответил:

— Хайль! Вольно!

Эрих слегка расслабился но продолжал стоять прямо.

— Вот ты, значит, какой, Эрих Ханке... — протянул Гюнтер, остановившись прямо перед ним. Ростом мальчишка доходил ему до шеи, так как сам Шольке вымахал почти под два метра. — Мне рассказали о тебе. Как звали твоего отца?

— Вольфганг Ханке, оберштурмфюрер! — выкрикнул подросток и посмотрел ему прямо в глаза. — Он был командиром взвода во втором батальоне нашего полка.

— Ясно! — кивнул Шольке и снова спросил: — Почему ты не вернулся в Кюстрин вместе с матерью и сестрой? Должен знать что по возрасту тебе не положено служить в боевой части! Ты состоишь в "Гитлерюгенде" и поэтому я намерен отправить тебя домой.

— Я не вернусь пока не кончится война! — дерзко заявил подросток глядя на него снизу вверх. — Буду мстить за отца всем нашим врагам!

— Ты отказываешься подчиниться прямому приказу старшего по званию? — с удивлением осведомился Гюнтер, заложив руки за спину.

Тот промолчал и стиснул зубы.

— Я задал вопрос! Отвечать, бевербер!! — рявкнул он своим поставленным командирским голосом.

Эрих опустил голову и тихо ответил:

— Никак нет, оберштурмфюрер.

— Хорошо! Это уже радует. Мне в отряде не нужен анархист который плюёт на мои приказы! — сказал Гюнтер, развернулся и направился обратно, к своему столу. Усевшись за него, он взглянул на Эриха и увидел в его глазах безумную надежду. Страдальчески вздохнул и откинулся на спинку стула. Вот что с ним делать? На самом деле отправить его домой? Сбежит обратно... Оставить? А если под шальную пулю или снаряд попадёт? Наступление через четыре дня. Хм... дилемма.

— Разрешите, оберштурмфюрер? — осмелился спросить Ханке.

— Чего тебе? — вырвался Гюнтер из своих трудных размышлений о судьбе подростка.

— Не отправляйте меня домой! Я пригожусь вам здесь, вот увидите! — с горящими глазами заговорил Эрих.

— Каким же образом, интересно? — скептически хмыкнул Гюнтер, не представляя чем может помочь подразделению несовершеннолетний член "Гитлерюгенда" без боевого опыта.

— Я смогу быть разведчиком! — тут же ответил Ханке, улыбнувшись. — Потому что неплохо знаю английский и французский языки.

— Что? — удивился Гюнтер, взглянув на мальчишку с новым интересом. — Откуда?

— Мама занималась со мной языками с семи лет! — гордо признался подросток. — Она мечтала чтобы я стал дипломатом, но мне больше всего хотелось стать военным, как отец. Могу переодеться в гражданскую одежду и ходить по деревням, считать вражеские танки и солдат... Находить разные важные штабы и склады. Разговаривать с жителями под видом местного мальчишки... Только оставьте меня, оберштурмфюрер! — взмолился Эрих, глядя на него жалостливым взглядом.

Гюнтер снова задумался. Теперь ситуация заиграла новыми красками и оказалось, что этот Ханке вполне может быть полезен. Если посмотреть на это с нужной стороны, то... Чтс

ж, пожалуй, можно не спешить с отправкой парня домой. Главное, держать его подальше от стрельбы. Возможно, услышит грохот боя и сам захочет вернуться..

— Я подумаю что можно сделать! — наконец, ответил он, оценивающе посмотрев на подростка. — Но обещать ничего не буду! Если... повторяю, если я всё же решу оставить тебя в моём отряде то стану требовать беспрекословного подчинения! Понял? Первая же твоя попытка неподчинения или саботажа моего приказа и... поедешь домой, связанный по рукам и ногам в угольном тендере! Это не обсуждается, ясно? — стальным голосом добавил Гюнтер.

— Так точно, оберштурмфюрер! — снова вытянулся дерзкий мальчишка, сияя как начищенный пфенниг. — Вы не пожалеете что оставите меня, обещаю!

— Посмотрим на твоё поведение, бевебер... — буркнул Шольке, всё ещё колеблясь. — А пока для тебя персональное задание — найти мне грамотного и честного парня на должность писаря. Учти, вся ответственность за его работу будет лежать на тебе! — предупредил он удивлённого подростка. — Так что ищи тщательно, а я посмотрю как у тебя получится. Ты уже здесь давно, в отличие от меня, всех знаешь... Словом, приступай немедленно! Как найдёшь — сразу ко мне! Свободен!

— Слушаюсь! Разрешите идти, командир? — спросил Эрих, по прежнему улыбаясь.

— Шагом марш, чертёнок! — гаркнул Гюнтер, с трудом удержавшись от ответной улыбки.

Ханке чётко развернулся и, пытаясь печатать шаг, вышел за дверь. Шольке только вздохнул и покачал головой. Сомнения в своём решении всё ещё не отпускали его. Вполне возможно, позже он пожалеет о своей доброте... Особенно, если этот парнишка умудрится погибнуть в Бельгии, Голландии или Франции. Но всё же что-то его зацепило в этом мальчишке. Дерзость, смелость, уверенность в себе? Не только. Скорее, он почувствовал в нём сильную личность, готовую, как и сам Гюнтер, сражаться за то что ему дорого и рисковать жизнью за свои взгляды и идеалы.

Именно из таких, похожих на него воспитанников "Гитлерюгенда", и состояла большая часть 12-й дивизии СС в прошлой реальности, когда в 1944 году эти молодые волки смогли крепко потрепать войска Союзников после их высадки во Франции. Хм... а может подать фюреру идею сформировать эту часть намного раньше? Ведь подростки не верят в свою смерть и смогут воевать там где опытные фронтовики уже мысленно себя похоронят. Перевести туда командирами часть опытных офицеров и шарфюреров из "Лейбштандарта", те обучат парней и... В принципе, неплохо может получиться. Нужно хорошо всё продумать и преподнести Гитлеру проработанный план. И тогда эта дивизия уже не будет 12-й по списку, а 3-й или 4-й.

А вот от другого персонажа неплохо было бы избавиться, причём как можно радикальнее. Вспомнив об этом скоте Гюнтер сморщился от отвращения. Вот уж действительно, этот человек осуществлял собой позор не только войск СС но и всей Германии. Уродливый и насквозь прогнивший, без всяких понятий о чести или совести — Оскар Пауль Дирлевангер..

По происхождению шваб, участник Великой войны, подавлял прокоммунистические восстания в Тюрингии, Саксонии, Руре и Верхней Силезии. Потом упорно пытался стать доктором наук, дважды вступал в нацистскую партию. Был уволен с нескольких мест работы за коррупцию и финансовые махинации, а также осужден за связь с 13-летней девочкой. Воевал в легионе "Кондор" в Испании и являлся близким другом начальника штаба

Гиммлера Готтлоба Бергера. Всего несколько дней назад был с трудом оправдан за недостатком улик, а уже через месяц этого негодяя назначат командиром специального подразделения СС, набранного из заключённых браконьеров в концлагере Заксенхаузен.

Читая о его "подвигах" в будущем Гюнтер испытывал только одно желание — подвергнуть его пыткам настолько болезненным чтобы тот спятил от боли! Именно из-за него организация СС, и так имевшая мрачную славу, замаралась настолько что отмыть её уже не представлялось возможным. Он просто больное животное, испытывающее удовольствие от массовых убийств и пыток людей, неважно мужчины это, женщины или дети... Такие не должны ходить по земле! В этом Шольке был абсолютно уверен. Надо попробовать очернить эту тварь перед фюрером, иначе его покровитель Бергер в июне протолкнёт своего дружка на командную должность где тот и развернётся во всю свою извращённую фантазию. Пока что СС слабо известна за границей и её репутация почти не замарана, но если дать волю таким как Оскар то скоро на любого эсэсовца, благодаря ему, станут бросаться с голыми руками чтобы убить. Это невыгодно ни фюреру ни самому Гюнтеру. Поэтому желательно в письме упираться именно на эти моменты о потере репутации организации личных охранников фюрера.

Отложив другие бумаги, он достал из стола чистый лист и начал медленно писать, обдумывая каждое слово. Письмо должно быть убедительным и ёмким, чтобы Гитлер проникся и не допустил такого развития событий..

Москва.

6 мая 1940 года.

Лаврентий Берия.

Хмурый, и с дурным настроением, он снова сидел в своём кабинете и смотрел на старшего следователя Беляева, который, со своей обычной невозмутимостью, неторопливо открыл папку и взял в руки первый лист бумаги.

— Докладывать, товарищ нарком? — спросил он.

Берия устало кивнул. Ночью он плохо спал и встал утром явно не с той ноги с которой нужно. Постоянное нервное напряжение и ожидание своей судьбы Вождём негативно повлияло на него. Очень неприятно чувствовать себя бессильным, обладая могучей властью и ресурсами. К слову, лицо старшего следователя тоже выглядело усталым, с мешками под глазами.

— В нашем деле появились некоторые обнадёживающие детали, товарищ нарком... — начал свой доклад Беляев. — Не могу заверить что это обязательно приведёт к скорой поимке похитителей, но хоть что-то... Первое. Как я и говорил, мы разослали фотографии Александра, а также грубый рисунок-ориентировку на этого старика. И есть первый результат! — со сдержанной радостью сообщил он.

— Какой? — поторопил его Берия. Неторопливая манера старшего следователя временами выводила его из себя, но он терпел. Главное, это его способности, а они у него были.

— Один уличный регулировщик на северо-востоке города заметил очень похожего по описанию старика за рулём милицейского грузовика, направляющегося в сторону выезда из Москвы. Его тогда это удивило но он не придавал значения... — рассказывал Беляев. — Решил, раз едет человек, значит, имеет право. А сегодня утром, перед разводом, я встретился с ним и он мне рассказал про этот случай. Немедленно предпринятые поиски в этом направлении, к сожалению, не дали результатов. Установленный на выезде из города пост уверенно заявил что тем утром ни одна милицейская машина мимо них не проезжала. К счастью, регулировщик запомнил номер грузовика. Благодаря этому мы выяснили что незадолго до этого в одном из городских отделений милиции был угнан служебный автомобиль, грузовик именно с таким номером. Получается, этот старик угнал машину чтобы без подозрений отвезти пленника... куда? Пока неизвестно... — вздохнул Беляев. — Существует несколько вариантов. То что он выехал из города раньше чем инспекторы ОРУД успели получить указания насчёт происшествия. Возможно, он не доехал до поста, где-то свернул и выехал по второстепенной дороге. И третий вариант — спрятался, затаился где-то рядом с границей города.

— Крайне нежелательно если оправдается первый или второй варианты! — раздражённо сказал Лаврентий, прикинув какой объём работы перед ним окажется если это случится. Тут уже придётся искать не иголку в стоге сена а, скорее, монетку на дне океана. — Но, на всякий случай, дам указание подмосковному отделу НКВД начать поиски грузовика и этого старика.

— Я как раз хотел попросить вас об этом, товарищ Берия... — кивнул старший

следователь. — Моих полномочий на это бы никак не хватило.

— А что по третьему варианту? — поинтересовался Лаврентий. — Если он спрятался вместе с Александром, то где именно лучше его искать?

— Полагаю, это будет какое-нибудь безлюдное место, причём, не сильно удалённое от дороги... — предположил Беляев, напряжённо задумавшись. — Какой-нибудь гараж, склад, заброшенный дом... Садовый участок, например! Хотя, вряд ли... Сейчас как раз люди начинают возиться на своих огородах и есть риск что кто-то из них может запомнить служебную машину или же тех кто на ней приедет. Скорее всего, у похитителей уже было готово убежище заранее.

— Всё-таки, какая наглость! — внезапно восхитился Берия, качая головой. — Украсть из-под носа охраны такого ценного человека, в Москве, днём! Кто бы они не были но ума и дерзости им не занимать!

— Что верно то верно, товарищ нарком! — согласился с ним старший следователь. — Проведено всё почти безупречно.

— Поэтому, перед тем как их расстрелять, я бы хотел посмотреть на них и узнать кто они... — зловеще улыбнулся Берия, сжав кулаки. — И особенно мне интересно, один ли это был предатель среди моего окружения или же есть ещё такие же "Кругловы"?

— Кстати, товарищ нарком, есть новые обстоятельства связанные и с ним тоже! — слегка улыбнулся Беляев, смотря на него.

— Так что же ты молчал?! — плотно сжал губы Лаврентий, подавив желание вскочить и наорать на него. — Какие ещё обстоятельства? Говори!

— Как выяснилось сегодня утром, примерно в то же время когда Круглов повесился, один из жильцов его дома видел некоего человека, спускавшегося вниз по лестнице в подъезде! — снова невозмутимо сказал старший следователь, опять не обратив внимания на вспышку начальства.

— И что? — не сразу понял Берия. — Он же не один жил в этом доме. Естественно, что и соседи ходят.

— Никак нет, товарищ нарком! — уверенно ответил Беляев. — Но позвольте я расскажу по порядку... Сам Круглов проживал на третьем этаже. А вот на четвёртом живёт некий Олег Витальевич Смолин, главный инженер одного из московских заводов. Женат, коммунист, не привлекался... ну, это сейчас не существенно. Главное тут в том что этот инженер заядлый курильщик. Каждый час дымит, иначе не может... А так как его жена категорически против того чтобы он курил в квартире то Олег Витальевич вынужден выходить на лестничную площадку. Точно так же он поступил и в то утро. И тут начинается самое интересное... — тут он замолчал и стал переключать бумагу из папки.

Берия смог только буркнуть:

— Продолжай давай! — как ни раздражало его такое неторопливое поведение старшего следователя но результаты тот приносил хорошие, поэтому нет смысла подгонять.

— Дело в том что все жильцы подъезда друг друга знают, пусть и не слишком близко... — заговорил Беляев, по своему обыкновению, с равнодушным лицом. — И когда Смолин подошёл к перилам и глянул вниз из простого любопытства то увидел торопливо спускавшегося командира НКВД!

— Так... — встрепенулся Лаврентий, слегка прищурившись. — Интересно..

— Согласен! — кивнул старший следователь. — К сожалению, расстояние было немаленьким, да и зрение у него уже не очень, поэтому разглядеть звание или другие знаки

различия свидетель не смог. Лицо тоже не видел, так как таинственный командир голову вверх так и не поднял. А то что неизвестный принадлежит к нашей службе определил по мелькнувшему околышу фуражки.

— Но с чего он решил что этот командир спускался именно от Круглова? — задумался Берия, погладив рукой свой подбородок. — Ведь он видел его между перилами в самом низу?

— Точнее, между первым и вторым этажом... — подтвердил Беляев. — Как я уже сказал, все жильцы подъезда знают друг друга. И Смолин отлично помнил что только Круглова он видел в нашей форме. Естественно, предположил что гость идёт от него. Решил что это был его друг или товарищ по службе, потому и не стал с самого начала говорить о нём. Но потом заколебался и решил, всё-таки, рассказать.

— Что это даёт нам? — медленно спросил Лаврентий, и сам же ответил: — Ничего! Кроме того что у похитителей... или похитителя, был сообщник.

— Это меня не удивляет. Для такой дерзкой операции одного человека явно недостаточно... — снова кивнул старший следователь. — Я бы предположил что их, минимум, двое. Один занимался похищением Александра, другой посетил Круглова. Вот только зачем? Следов борьбы не обнаружено, на теле тоже не замечено повреждений. Получается, они поговорили, потом Круглов его выпустил, закрыл дверь и сразу повесился? Странно как-то... И ещё кое-что не сходится... — он перелистнул бумаги в папке и вчитался в одну из них. — По показаниям всех сотрудников кто его видел в последнее время, Савелий не производил впечатления подавленного человека. Наоборот, был весел и дружелюбен в общении, шутил, рассказывал анекдоты. Как-то не похоже на человека, который готов свести счёты с жизнью.

— Маска для посторонних, чтобы никто не догадался? — предположил Берия, сам не веря в такую возможность.

— Сомневаюсь... — категорически покачал головой Беляев. — Однажды я имел возможность общаться с будущим самоубийцей. Он вёл себя явно не так как Круглов. Совсем не так..

— Ясно! — подвёл итог дискуссии Лаврентий. — Ещё какие новости?

— Больше никаких. Грузовик пока не обнаружен, идут поиски похитителей по всему городу, опрашиваются даже мальчишки на предмет подозрительных подвалов и заброшенных домов. Они же любят лазить по таким местам, вдруг случайно найдут? — предположил старший следователь. — Да, кстати... Мать Круглова, наконец, пришла в себя. Увы, она ничего не помнит и даже не знает что случилось с сыном. Говорит что заснула и проснулась только сейчас. Она тревожится почему находится не дома и просит встретиться с Савелием... По словам медиков, такому долгому сну есть объяснение. У старушки, видимо, случился приступ, стало плохо с сердцем. Тем более, возраст.

Берия устало вздохнул.

— Если она на самом деле ничего не знает то нет смысла дальше её допрашивать. Пусть сообщат о том что случилось с Кругловым но, по возможности, мягко.

Беляев кивнул.

— Что ж, если больше ничего нет, можешь идти... — отпустил его Лаврентий. — Но как только будут новости то сразу докладывай! — на всякий случай снова напомнил он.

— Так точно, товарищ нарком! — встал из-за стола старший следователь и, взяв свою папку, вышел из кабинета. Берия, посидев несколько минут в глубоком раздумье, потянулся

к ящику стола и достал бутылку коньяка. Нужно успокоиться, впереди новый тяжёлый день и он должен быть в форме..

Москва.

6 мая 1940 года.

Александр Самсонов.

Саша, как заведённый, продолжал наматывать круги по своему маленькому погребу, чувствуя как его стены постепенно давят на него. Желание выбраться наружу любой ценой усиливалось. Оказывается, как ценится то что мы не замечаем пока не лишимся этого? Чистый воздух, свобода, звуки города, пение птиц... Увы, из-за этих долбанных похитителей для него это всё стало недоступным. Не считая, конечно, так не вовремя прерванное свидание со Светой! Как они там, с Катей? Если этот хрен не соврал то должны уже прийти в себя и волнуются? Хотя, Кате-то плевать на него, но вот на её подругу он определённо произвёл впечатление..

Устав ходить по кругу Александр снова уселся под люком и погрузился в размышления по поводу того что услышал вчера от незнакомого младшего лейтенанта ГБ, который неожиданно оказался предателем. Вообще, весь этот разговор оставил у Саши больше вопросов чем ответов. Некоторые несоответствия бросались ему в глаза..

Прежде всего — возраст. Мужу лет сорок а он, всего лишь, младший лейтенант ГБ? Что, недавно начал служить? Или его резко понизили за какой-нибудь косяк? И второе — почему его форма выглядит на теле слишком тесной? Напрашивается предположение что это не его форма? Или... он вообще не сотрудник органов? Тогда откуда у него форма, точная копия как у Саши? Такая в магазине не продаётся, тем более, со знаками различия. Непонятно... Может он, на самом деле, гораздо выше званием а эту одел для маскировки? Чёрт, одни вопросы! Но даже не это главное..

Больше всего настораживали его слова про разветвлённую организацию предателей внутри всемогущего "НКВД". Попытавшись представить эту картину он покачал головой. С одной стороны, это кажется невозможным, ведь система контроля и верности там должна быть на высшем уровне. Но с другой... Кто-то же его сдал? Причём, вряд ли это был какой-то незначительный сотрудник, ведь его похищение было явно непростым делом. Да и этот мужик обрисовал довольно правдоподобную картину. По крайней мере, в теории... Ведь сотрудники этого ведомства тоже живые люди, они могут испытывать разные чувства и кто-то, возможно, мог возненавидеть систему в которой работает, после того как увидел что она сделала с его другом или знакомым. К тому же, правильно этот гад сказал что предатели есть в любой организации и "НКВД" не исключение.

Отсюда выходит вопрос: зачем они похитили его? Для чего? Предположим, хотят узнать будущее... А дальше? Изменить его в свою пользу? Допустим. Каким образом? Свергнуть Сталина? Произвести дворцовый переворот? Или вообще отринуть коммунизм? Опять одни вопросы... Нужно больше информации. Что ж, значит продолжим играть роль несмышлёного и оболваненного дурачка, которому можно забить голову своей пропагандой. Глядишь, получится войти к нему/к ним в доверие и его выпустят из погреба. А там можно прикинуться своим и попробовать сбежать..

И тут его словно током ударило! А надо ли возвращаться обратно под крыло Берии? Ведь..

Внезапно его размышления прервал звук шагов наверху, возле люка. Насторожившись, Александр затаил дыхание и прислушался. Кто там ходит? Его тюремщик или же освободители? Заскрежетал замок и через несколько секунд крышка люка поднялась вверх, впуская внутрь щедрую порцию свежего воздуха и света.

— Живой ещё? — усмехнулся давешний мужик, весело скалясь сверху.

— Не дождёшься... — проворчал Саша, вставая на ноги.

— Отойди от люка! — дружелюбно сказал тот и, дождавшись когда Александр отступит вглубь погреба, спустил вниз лестницу и слез сам. На нём была всё та же форма младшего лейтенанта ГБ. Снова усевшись на предпоследнюю ступеньку лестницы мужчина несколько секунд смотрел на него с интересом и поинтересовался: — Поговорим?

Александр молча кивнул головой из своего угла. И тут же спросил:

— Зачем я тут? Что ты от меня хочешь? Только честно!

— Хм... Честно, говоришь? — задумался его тюремщик, не спуская с него глаз. — Пожалуй, я бы мог сказать тебе всё честно... но в обмен на твою откровенность. Вчера говорил, в основном, я. Теперь твоя очередь. Идёт?

— Хорошо! — решил согласиться Саша, помня его угрозу пыток. Крайне не хотелось бы испытать на себе изуверскую фантазию этого мужика. А уж то что она у него явно развитая ему подсказывало подсознание, настоятельно рекомендуя не доводить до практики. — Вчера ты мне много что сказал о вашей... организации внутри НКВД. Допустим, я могу понять причины и следствия её членов. Действительно, в твоём рассказе есть логика, хоть и довольно своеобразная. Но ответь мне на главный вопрос... Зачем тебе я?! — последние слова Александр почти выкрикнул. Пребывание в погребе не прошло не прошло для него бесследно, он это чувствовал.

— Чтобы помочь нам сбросить этого усатого грузина с его трона, вот зачем! — спокойно ответил его собеседник, доставая "Казбек".

Что ж, это была одна из версий, мелькавших в его голове... Хотя чем он тут мог пригодиться ему было по-прежнему не ясно.

— Зачем? — спросил он. — Вы хотите организовать переворот и сами рулить страной?

— Рулить? — переспросил мужик. — Хм... Можно сказать и так. Неплохое слово, мне нравится.

— А что дальше? — насмешливо поинтересовался Саша. — Допустим, вы скинули Сталина. Не знаю как... Убили, отправили в ссылку, в тюрьму... Не важно. Что дальше?

— А дальше мы выпустим из тюрем и лагерей десятки или сотни тысяч невинно заключённых... — уверенно ответил тот, чиркая спичкой и закуривая. Табачный дым пополз по погребу, наполняя его запахом табака. — Ликвидируем колхозы, введём частную собственность. Словом, сделаем из Советского Союза новую Российскую империю. Понятно, без крепостного права или других перегибов царского времени, но будет нормальный император, верные дворяне и князья. Конечно, у них не будет таких прав как раньше, что они имели до октябрьского переворота, когда пропасть между классами была слишком большая. В общем, это будет что-то похожее на английское общество, только без консерваторов и их оппонентов.

— Что?! — только и смог сказать Александр, непроизвольно открыв рот. Они это серьёзно? Снова вернуть царизм? Неужели тот не врёт и они действительно хотят повернуть историю вспять? Быть такого не может! Стоп! Получается, они монархисты? — Вы на самом деле этого хотите?

— И хотим и сделаем! — подтвердил мужик, продолжая курить. Непонятно чему усмехнувшись, он добавил: — Конечно, не сразу. Но на перспективу план есть.

— Да вы спятили! — не выдержал Саша, отказываясь верить этому бреду. — Неужели вам непонятно что поезд ушёл? Возврат к прошлому невозможен! Абсолютная монархия себя изжила а ваш английский вариант в ближайшее время точно принесёт стране куда больше вреда чем пользы!

— С чего бы монархия себя изжила? — улыбнулся собеседник. Казалось, его забавляла реакция Александра. — Триста лет эта форма правления приносила империи громкие победы и расширение территорий а теперь вдруг изжила? А английский вариант тоже неплох, хоть и существенно ограничивает власть императора. Будет сильный премьер-министр, несколько партий как в Государственных Думах... Конечно, опять там соберётся куча болтунов, но это меньшая из зол, всяко лучше чем сплошной "одобрямс" и лизоблюдство перед Сталиным. И что тебе не нравится? Ведь ты сам почти из такого же общества сюда попал, верно? Только там был не император а президент и, как я понял, довольно сильный? Ты не коммунист и не веришь слепо в марксизм-ленинизм, который так и льют в уши людей каждый день. Неужели ты серьёзно думаешь что кухарка или рабочий смогут управлять государством?

— Да полно причин по которым это невозможно! — горячо ответил Александр, от волнения встав на ноги и начав ходить из угла в угол, впрочем, не приближаясь к оппоненту. — Начать с того что советское общество, точнее народ, уже не захочет снова иметь над собой царя и дворян! Он почувствовал вкус новой жизни и вряд ли смирится с тем что её у него отнимут! Сам подумай! Сейчас у людей есть какой-никакой достаток, страна развивается, крепнет, возвращает себе те территории которые потеряла во время революции. Большевики начали массово обучать народ, зная что от умного человека отдачи намного больше чем от тупого пенька. Электрификация по городам и сёлам! Строятся куча заводо-гигантов тяжёлой промышленности, в армии появляются танки и самолёты... Чёрт, да ты это знаешь лучше меня! А иметь над собой всяких сиятельств, благородий, превосходительств... Нет, не захочет! И это ведь только одна причина! Есть и другие!

Мужик загасил окурок и кинул его в угол. Теперь он уже не улыбался, глядя на него.

— Надо же как ты тут всё расписал... — насмешливо ответил он. — Всё хорошо, люди славят великого товарища Сталина, прямо кипятком от счастья писают живя под властью коммунистов! А тебе не кажется что это всё однобоко? Начнём с того что эти, так любимые тобой большевики, совершили в годы войны самое настоящее предательство! В то время когда наша армия напрягала все свои силы чтобы победить врага, что делали они? Эти твари разлагали и армию и тыл! Подговаривали нижних чинов не слушать приказы офицеров, дезертировать, брататься с немцами... Или, скажешь, я вру? В любой стране такие действия, тем более в военное время, трактуются однозначно — предательство и саботаж! Наказание — расстрел! Из-за слабости и нерешительности Николая и его генералов у них это получилось... Какой же результат такого чудовищного злодеяния против своей же страны? Распад и гражданская война! И пока верные престолу войска пытались навести порядок... Россия, по вине банды Ленина, лишилась Прибалтики, Финляндии, Польши, Белоруссии и части Украины! Если бы не этот удар в спину то армия выстояла бы, смогла собраться с силами и освободила свою землю, тем более что и сама Германия была на последнем издыхании!

— Я не сторонник большевиков! — ответил Саша. — Многое в их действиях и

намерениях мне не нравится. Но и положительные моменты в их власти я тоже вижу! И в том что они сделали перед той войной, с этим я согласен, это предательство своей страны и народа при активной поддержке немецкой разведки!

— Что ж, это меня радует... — усмехнулся собеседник. — Тогда продолжим! Насчёт того что народ, якобы, не захочет... Александр, народ прежде всего, хочет жить хорошо и в безопасности! Вот что главное! А уж какая власть им это обеспечит то дело десятое! Подавляющее большинство людей нейтральны, не рыба не мясо, так сказать... Есть определённая прослойка упёртых коммунистов, которые действительно верят в свою идею но они меньшинство от общей массы. Если их убрать то остальные спокойно примут новую власть, особенно если она будет действовать умно и без топорных действий. И потом, с чего ты решил что новая власть будет против возвращения исторических территорий, развития грамотности или электрификации? Вовсе нет! Тут я с тобой согласен, образованный человек всегда ценнее неуча. Естественно, развитие вооружения и новой техники тоже будет в приоритете. К тому же, почему ты думаешь что едва придя к власти мы сразу начнём всё менять? Нет, всё будет постепенно. Скажем, появится лозунг "Новый курс партии!", наподобие прошлого НЭПа. Сначала отменим колхозы, дадим людям свободно работать на своих участках, выращивать и поднимать сельское хозяйство и продавать плоды своих трудов на рынках без всяких принудительных планов, как сейчас. Параллельно, новые люди станут просматривать дела политических заключённых и реабилитировать их, если будут сомнения в правильности следствия. И я абсолютно уверен что таких дел появится очень много! Дадим людям стимул работать, поощрять денежными премиями, раздадим из колхозов всю скотину которая там бесхозяйственнодохнет... Ведь правильно говорят, у семи нянек дитя без присмотра. И понемногу начнём выжимать истинных коммунистов, сначала из власти а потом и вообще... Уверен, большинство сразу поймут куда ветер дует и перейдут на сторону победителей, такова человеческая натура. Будет вестись пропаганда на тему религии и возвращения Империи, с упором на её самые привлекательные стороны. И через несколько лет народ уже окажется готов к официальной смене власти когда партия, наполненная нашими сторонниками, передаст всю власть торжественно избранному императору новой Российской Империи. Или Советской, тут уже не суть важно... Кстати, никаких сиятельств и превосходительств не будет. Что-то другое придумаем... — закончил, наконец, свой монолог этот Алексей.

Саша удивлённо смотрел на него. Надо же, как они всё продумали... Конечно, не факт что у них бы всё получилось, но звучало довольно неплохо. С другой стороны, может всё что ему тут наплели — одна большая ложь? Очень может быть... Раз ему это рассказали то хотят от него поддержки? Или нет? Блин, как же всё непонятно..

— Давай дальше, послушаем твой следующий аргумент! — подбодрил его мужик, снова усмехнувшись. — Ты же сказал что полно причин? А назвал только одну.

— Не вопрос, скажу ещё... — ответил Александр, снова сядя на корточки в углу. — Раз ты знаешь что я из будущего то тем более должен знать что может скоро случится. Уже в следующем году.

— Имеешь в виду нападение Германии? — спросил Алексей.

— Да, именно так! — подтвердил Саша. — Сейчас Сталин обладает огромным авторитетом в стране и за рубежом. От него зависит вся жизнь в СССР. Пусть он не гениальный стратег, но организатор точно не самый худший. Перевод страны на военные рельсы, во многом, его заслуга. Я уж не говорю про его дипломатические усилия... Если же

он погибнет или будет отстранён от власти перед самой войной то в стране наступит хаос, она ослабнет и не сможет выдержать натиск немцев. Никто из его ближайших соратников не обладает его способностями, они просто не потянут. В таком случае возможна даже потеря Москвы, Ленинграда и прорыв врага на Урал... Нельзя этого делать! — убеждённо произнёс он.

— По моему, ты слишком превозносишь этого усатого... — прищурился мужик, слегка склонив голову набок. — Он сам как-то сказал что заменить можно любого. К тому же... Раз ты появился здесь и всё рассказал ему, значит теперь он предупреждён и принял меры против такого развития событий, верно? — логично спросил его тюремщик. — Все немецкие планы известны и можно легко приготовить им смертельные ловушки.

— Нет, не всё так просто... — покачал головой Александр. — Я же здесь не один появился.

— Что? — удивился тот, но тут же понимающе кивнул: — Твой немецкий товарищ, Гюнтер? Который обожает Гитлера?

— Да... И он знает почти то же самое что и я. А значит, может сделать то что мы не сможем предугадать... — с удручённым видом вздохнул Саша, решив умолчать о своём договоре с Гюнтером. — Кстати, я так понимаю, ваша организация не имеет планов воспользоваться нападением и попытаться прийти к власти через помощь Германии?

— Нет, исключено! — твёрдо сказал Алексей. — Для меня... то есть, для нас немцы как были врагами с той войны так и остались. Эта война станет лишь продолжением той что началась двадцать шесть лет назад. Я... Мы не идиоты и прекрасно понимаем что, придя к власти на немецких штыках, не сможем иметь никакой самостоятельности и станем лишь марионетками рейха. Нам это абсолютно не подходит! Всё что происходит в России, в том числе, смена власти, должны решать только сами русские. Никакие иностранцы к этому быть причастны не должны!

— А если на нас нападут не немцы? — с интересом спросил Саша, в душе довольный ответом собеседника, так как он придерживался того же мнения. — Японцы, англичане, американцы наконец?

— Не важно кто это будет! — махнул рукой Алексей. — Ещё раз говорю — любые решения, касающиеся власти в России, будут осуществлять только её жители и никто другой!

На минуту в подвале воцарилось молчание.

— Могу спросить личный вопрос? — поинтересовался Александр, снedaемый любопытством.

— Что ж, спроси... За спрос денег не берут... — усмехнулся тюремщик, снова открывая "Казбек".

— Мне кажется, лично у тебя есть какая-то особая причина для такой ненависти к большевикам. Что они тебе сделали? — решил узнать Саша, почуяв что его собеседник немного раскрылся, хоть и не утратил бдительности.

— Что сделали, спрашиваешь? — остро взглянул ему в глаза Алексей, закуривая. — Могу и рассказать, если интересно... Хоть и вспоминать больно..

...Помимо своей воли рассказ Алексея тронул его. Сначала, правда, мелькнула мысль что история его жизни была им выдумана, но стоило посмотреть на его эмоции на лице и сомнения отпали. Благодаря своему развитому воображению Саша ярко представил себе картину беспомощного мальчика под кроватью, в ужасе наблюдающего как его мать сначала пытаются изнасиловать а потом убивают озверевшие от безнаказанности "народные

поборники справедливости"... Как ребёнок, вместе со служанкой, бежит из полыхающего родительского дома... Его мытарства по стране... Теперь ему стали ясны причины по которым маленький испуганный мальчик, потерявший всех кого он любил по вине большевиков, превратился в фанатичного монархиста, готового без раздумий убивать любого коммуниста ради мести за свою порушенную юность.

— Да... история, конечно, нетривиальная... — покачал головой Александр, всё ещё находясь под впечатлением рассказа. — Но не понимаю... Ведь в то время было много таких историй. Народ врвался в дома богатеев, грабил и громил их дворцы, насиловал аристократок..

— Не народ! — резко поправил его Алексей. — Именно звери в человеческом облике, под названием большевики. Простой народ в то время сидел по домам и никуда не лез, опасаясь за свои жизни. Они просто хотели спокойной жизни, чтобы был порядок, чтобы можно было спокойно ходить по улицам не опасаясь что на тебя накинется пьяная матросско-солдатская шваль и не отнимет последнее, прикрываясь лозунгами!

— Ладно, пусть большевики... — уступил Александр, которого интересовал другой вопрос. — Но неужели тебя не интересовало почему всё это случилось? Не в том плане что к вам ворвались грабители, нет... А вообще в стране? Ведь не могло же всё из ничего возникнуть? Все эти стачки, забастовки, восстания? Неподчинение властям и революция, в конце концов? Ты пытался поставить себя на место тех кто не жил а выживал? У кого не было денег или возможности учиться и радоваться жизни? Кто вкалывал на фабриках и заводах за копейки? Да, народ русский очень терпеливый но у всего есть предел, понимаешь? Те же крестьяне и рабочие... Они же были, по сути, бесправным скотом! Начальники обманывали их с зарплатой а если те возмущались то им показывали на дверь: Не нравится? Уходи, другого возьмём! Жалобы на несправедливость были бесполезны, ибо рука руку моет. А тут ещё война, в которой многие простые люди не видели смысла... Ведь их заставили бросить свою землю, жену, детей и отправиться воевать за чуждые интересы! Всё это накопилось и взорвалось как перегретый котёл с плотно закрытой крышкой..

— Чуждые интересы!? — со злостью переспросил Алексей, сжимая кулаки. — Значит, по-твоему, защищать братский народ это неправильно? Мы что, должны были спокойно спустить немцам и австриякам такое злодейство? Ты хоть представляешь какие бы были последствия в таком случае? И это не говоря уже о чисто человеческом сострадании когда Белград и другие города превращались в руины..

— Если бы Россия не втянулась в эту войну а больше усилий предприняла чтобы облегчить участь своего собственного народа то, возможно, большевики и не смогли бы захватить власть у этой нерешительной буржуазии... Люди бы тогда не поддержали их и Николай мог бы править дальше! — возразил Саша, убеждённый в своей правоте.

— Если хочешь услышать мои слова то не перебивай! — осадил его мужик с перекошенным от гнева лицом. Похоже, для него эта тема была явно болезненной. — Допустим, мы бы утёрлись и отдали на растерзание наших братьев-славян. Потом было бы ещё хуже! Весь мир бы понял что русский народ слаб и труслив чтобы помочь защитить сербов! А значит можно и дальше унижать и плевать в его сторону! В политике, как тогда так и сейчас, всё решает сила государства! Если ты большой но добрый то всегда найдутся те кто захотят ударить тебя и отобрать твоё имущество, понимаешь? Это было проверкой нашей реакции, провокация! Хватит ли у нас духу показать силу... Они, конечно, знали что мы можем так сделать и вступиться, но война всё равно была неизбежна. Просто есть предел

дальше которого нельзя отступать ни стране ни человеку, иначе после этого они просто потеряют самоуважение.

— Велика Россия а отступать некуда — позади Москва! — тихо произнёс Александр, глядя в пустоту. Но его собеседник услышал:

— Как? — заинтересовался он. — А ведь верно! Отлично сказано! Тогда была именно такая ситуация, мы просто не имели права отступить! Да, как показали дальнейшие события, наша армия, как обычно, оказалась не готовой к войне но когда было по иному? Похоже, это наша национальная традиция, вступать в войну полуголым... Потом, получая тумачи, мы шустро одеваемся, вооружаемся и берёмся за дело серьёзно!

Оба помолчали. Саша, потому что ждал продолжения. А Алексей, скорее всего, подбирал слова. Наконец, он снова заговорил:

— Жалеешь рабочих и крестьян, да? Ах, какие они бедные и несчастные! Недоедают они, дети их голодные... Деньги им мало платят... — издевательски протянул он и со злостью сплюнул на пол. — Да что ты знаешь о них? Ни хрена ты не знаешь, извини за выражение! Я, хоть и маленький тогда был, а кое-что помню! На нашей улице жил один мастер с завода "Руссо-Балт". Он работал в мастерских на Эртелевом переулке, 10. И слышал как он жене своей говорил о некоторых рабочих которые, едва получив деньги тут же шли в кабаки и пили... А потом били своих жён или детей! Отец говорил что сам мастер, Матвей Иванович, раньше тоже был рабочим на другом заводе но прилежно работал, учился, не пил, поэтому и поднялся высоко. А этим лишь бы свою глотку залить поганым пойлом! — снова сплюнул Алексей. — Да и потом, уже повзрослев, я сам не раз видел когда твои "бедные" рабочие, уже как бы советские, шатались пьяными или с похмелья по улицам, выпрашивая на водку... Так что дело тут не в злобных начальниках, которые деньги зажимали, а в самих рабочих! Те, которые нормально работали, могли бы повторить путь мастера Матвея, но зачем? Гораздо же легче и приятнее пить и ругать власть, которая не даёт им, таким особенным и работающим, хорошо жить... Словом, все вокруг виноваты что я такой нищий и голодный! — покачал головой собеседник Саши.

— Потому эти отщепенцы и пошли за большевиками, те же убеждали их что виноваты не они сами а другие, которые могут себе позволить больше. Вот эти алкаши и с радостью поверили. Зачем упорно трудиться если можно взять оружие и пойти грабить тех у кого есть хорошая еда, одежда, дом? Запомни, большинство людей — это скоты, которые просто вынуждены вести себя прилично из-за страха наказания! Как только этот страх исчезает то всё... они сбрасывают с себя тонкий налёт цивилизации и превращаются в зверей. Это и случилось в тот день когда я... — он загнулся и стиснул зубы так что желваки катнулись. — Когда я потерял свою мать и Тихона. Они просто почувствовали безнаказанность. Полиция разбежалась и попряталась, остановить их некому... Да и оружие в руках придаёт уверенность. Замаскировать грабёж, изнасилование и убийство под благородные цели справедливости, что может быть приятнее? Да и совесть, если что, не будет мучить... Хотя, о чём это я? Какая совесть может быть у них?

Он порывисто встал и начал разминать ноги, видимо, отсидел из-за долгого разговора.

— И теперь ты серьёзно думаешь что после ТАКОГО я прощу их? — спросил Алексей презрительным тоном. — Скажу "Извините, товарищи рабочие и крестьяне, я понимаю как вам туго жилось и поэтому прощаю вам смерть моей матери? Никаких обид у меня к вам нет, что уж тут поделаешь, бывает.." Пушу слезу от их горестных историй о семерых детях на лавках, измордованной жене, покосившимся доме и недостатке угля или дров зимой? Войду

в их положение, дескать, лес рубят и щепки летят? — продолжал мужик, постепенно повышая голос. — Значит, смерть моей матери, Тихона, арест Маши это всё щепки!!?? — внезапно взревел он ярости. — Необходимые смерти ради высшей цели и общего блага народа!? Да клал я на такие цели если они требуют таких жертв, понятно?! Пусть, суки, живут в нищете, пусть подыхают от голода, если не могут нормально заработать на хлеб как другие! Чем им мешала жить моя мать, а? Она всегда была добра к простым людям, делала пожертвования, работала в госпитале сестрой милосердия! И что за это получила в благодарность? Попытку изнасилования и смерть от пули в собственном доме?

— Я понимаю, таким делам нет прощения. На твоём месте, скорее всего, я чувствовал бы то же самое... — признался Саша.

— Дай Бог чтобы ты не чувствовал то что чувствую я уже много лет! — ответил Алексей, постепенно остывая. Он снова вытащил папиросу и закурил, уже в третий раз. Пальцы его мелко дрожали и мужик сломал одну спичку прежде чем смог зажечь её. — Вся моя жизнь — месть! Вот что меня держит на свете! Именно поэтому я и помогаю другим членам нашей организации. Чтобы вся эта преступная власть, правившая в Москве, окончательно рухнула похоронив под собой всех тех кто её возводил, кто пользовался плодами труда, созданными на крови её граждан. Я хочу чтобы ты помог мне в этом, Александр! — внезапно сказал он и уставился ему прямо в глаза.

Саша сглотнул, удивлённый и растерянный. Выходит, его просто-напросто нагло перевербовывают? Теперь понятно почему его похититель вчера сказал что может даже отпустить его... Ясно дело, если Александр станет их сторонником то зачем его дальше держать? На воле он принесёт им гораздо больше пользы. Особенно, если начнёт давать Берии и Сталину "правильные" советы. Возможно, ему устроят правдоподобный побег, как это делали со своими завербованными агентами особо хитрые гестаповцы. И что теперь ему делать? С одной стороны — можно гордо отказаться. Тогда его ожидают, скорее всего, пытки и смерть. К тому же, одно дело если бы он действительно души не чаял в коммунизме и великом учителе, товарище Сталине... Но ведь нет, Саша вовсе не был таким! Пусть коммунизм и социализм на самом деле дал много хорошего людям но и минусов, на его взгляд, тоже было немало. Будь вместо него ностальгирующий по СССР попаданец, которому ненавистно всё что сейчас есть в Российской Федерации, то выбор был бы очевиден. Александр много читал таких книг, особенно ему запомнилась серия про Илью Лисова. Но это был явно не его случай... Хорошо, а если посмотреть с другой стороны? Допустим, он согласится. Или сделает вид что его убедили. Тогда шанс выжить значительно повысится. Его выпустят и он сможет вернуться обратно. Вот только какой ценой? Очень маловероятно что ему поверят на слово. Скорее всего, будут шантажировать чем-то что заставит его молчать или говорить то что им нужно. Например, заставят убить кого-то... А ведь есть ещё вероятность что Берия может просто не поверить в побег и правильно решить что его перевербовали, потому и не убили. Примерно то же самое было и с приказом Сталина о том что у СССР нет военнопленных, есть только предатели. И тогда получится что вернётся он только для того чтобы снова угодить в камеру, только допрашивать его станут уже гораздо жестче чем раньше... Тяжёлый выбор! Но решать что-то надо... Хотя..

— Мне нужно подумать! — твёрдо сказал он, глядя Алексею прямо в глаза. — Такие вопросы не решаются мгновенно. Я должен всё взвесить и решить.

— Молодец! — довольно усмехнулся тот, снова садясь на ступеньку лестницы. — Я бы точно не поверил, согласишься ты прямо сейчас. Это было бы очень подозрительно. Конечно,

ты можешь подумать... до завтра! Но советую тебе правильно оценить последствия. В обоих случаях, какое бы ты решение не принял, легко не будет. Это не игра, здесь второго шанса кинуть козыри не получится. Здесь погибают, если ошибаются.

— Я это понимаю... — хмуро кивнул Саша. — Именно поэтому и хочу всё хорошо обдумать.

— Что ж, тогда не буду мешать! — ответил Алексей и, словно что-то вспомнив, полез в карман галифе. — Вот тебе от меня небольшой подарок. Думаю, хлеб и колбаса тебе уже немного надоели? — с этими словами он кинул ему завёрнутый в хрустящую бумагу свёрток с дурманящим вкусом, от которого желудок снова радостно заурчал. — Воды тебе до завтра хватит, ведро вынесу тоже завтра. Всё, я пошёл. Кстати... судя по обстановке в городе, тебя не особо ищут. Никаких усиленных патрулей или чего-то другого. Видимо, после того как ты рассказал всё коммунистам, больше в тебе нужды нет.

Александр промолчал. Слегка пожав плечами, его собеседник упруго выбрался наружу и захлопнул за собой люк. Послышался скрежет замка, удаляющиеся шаги, и всё стихло. Он снова остался в опостылевшем одиночестве. Но запах еды отвлек его от размышлений. В темноте не было видно что за подарок оставил ему Алексей но нос и руки безошибочно распознали что это нечто типа пирожка, жирного и тёплого. Сглотнув, Саша осторожно откусил и замычал от удовольствия, чувствуя знакомый вкус картофеля. Не успев сдержаться Александр умял его всего за минуту, запив водой из фляги. Ощущая внутри приятное чувство, он глубоко вздохнул и снова стал перебирать все "за" и "против" обоих вариантов.

В конце концов, решил остановиться на полумерах. Надо согласиться, постараться выбраться из этого подвала-погребя, а там видно будет. Предавать страну ради чужих он бы никогда не стал, но тут-то другое дело. Судя по словам и эмоциям Алексей сам русский, то есть, как бы свой. Получается, ему предстояло выбрать какая Россия больше нравится — советская или... монархическая, точнее, премьерская. И в той и другой были свои плюсы и минусы. Для того же Ильи Лисова выбора бы не было, но он-то не книжный ГГ за которого решает автор, а живой человек! У него своя голова на плечах! С одной стороны, в преддверии войны нужен именно Сталин. С другой... а вдруг тот кто придёт ему на смену будет лучше? Тоже не факт, вон, в его времени тоже многие хотели чтобы вместо Путина правил Навальный или ещё кто... А кто даст гарантии что они будут лучше чем ВВП? Да никто! Наугад придётся... Как бы не пожалеть, потом поздно будет волосы рвать. Вот, блин, озадачили его..

Саша снова тяжело вздохнул и улёгся на своё место, уставившись в темноту.

Допустим, завтра он согласится. И начнётся его новая жизнь... А как быть с Наринэ? С Светой? Неужели он с ними больше не встретится? Ну нет, хватит уже жертвовать своими желаниями ради идеи! В конце концов, они ему нравятся, да и секса сколько времени не было... Непорядок! Решено, завтра он согласится но постарается поставить условия. А если поверят то надо придумать хорошую, правдоподобную историю для Берии, иначе не видать ему свободы как своих ушей. Эти параноики из "НКВД" не слезут с него пока не выпотрошат поминутно его действия, вплоть до того сколько раз он ходил в туалет.

В любом случае, умирать не хотелось категорически, значит придётся попробовать поиграть в кошки-мышки с этой организацией Алексея с одной стороны и "НКВД" Берии с другой. Оказаться между молотом и наковальней... Да уж, отличный выбор! Но другой был ещё хуже. Так что, Саша, хватит рефлексировать! Набирайся сил и думай как будешь действовать и говорить завтра. Время, конечно, есть но лучше заранее всё продумать...

Берлин.

6 мая 1940 года. Вечер.

Шарлотта Кольбе.

Девушка, вместе с Труды, шла по улице вечернего города и равнодушно слушала её болтовню. Сегодня они полдня гуляли, обедали в кафе, ходили по магазинам, но подруга так и не смогла развеселить Лотту. В конце концов, та нахмурилась, развернулась и строго спросила:

— Ну хватит, Шарлотта! Говори прямо, что у тебя случилось? Я ни разу не видела тебя такой!

— У меня? Ничего не случилось, всё нормально... — постаралась беззаботно пожать плечами девушка.

— Не ври! Я же вижу ты вся какая-то... отстранённая, что ли? — подобрала подходящий эпитет подруга.

Они уже подошли к перекрёстку улиц, одна из которых вела к дому Шарлотты. Сама Труды жила на другой, поэтому обычно именно здесь подруги и расставались.

— Да ничего я не отстранённая! — отмахнулась Лотта, не собираясь рассказывать ей про свои тревоги. — Сама выдумала чёрт знает что... Просто я сегодня не в настроении, вот и всё! Ладно, Труды, давай до завтра! Мне ещё за продуктами надо зайти... — пресекла она дальнейшие расспросы любопытной подруги. Они поцеловались в щёчку и девушка направилась к себе, не обращая внимания на обиженное лицо Труды.

...С тех пор как Гюнтер уехал Лотта, неожиданно для себя самой, загрустила. Высокий, сильный и, в то же время, добрый эсэсовец, умудрился прочно зацепить её и теперь девушка невольно тревожилась за него. Подумать только, хватило всего одного раза, когда они были наедине, и теперь Лотта мысленно то и дело вспоминала эту встречу, когда познала доселе невиданное блаженство. Да, несмотря на молодость, у неё уже были любовники, правда всего двое, но от них вовсе не было таких странных последствий. Они ей нравились, так, немного... С Гюнтером же всё было гораздо сильнее. Его глаза, улыбка, голос, руки... И, конечно, его хозяйство, которым он так изумительно её... Охх..

Шарлотта глубоко вздохнула и ускорила шаг, пытаясь отвлечься.

Каждый раз, когда девушка вспоминала его, дело кончалось одинаково. Она возбуждалась, щёки краснели, по телу пробегала сладкая дрожь и пересыхало во рту. Надо думать о чём-то другом! Например, о его девушке Лауре, перед которой ей было немного стыдно. Всё-таки, они теперь подруги, и спать с чужим парнем это не слишком правильно. Пожалуй, она красивее не меньше чем сама Лотта. Такая юная, волосы, глаза... Но, как с грустью поняла девушка, даже ради Лауры она бы не смогла отказаться встречаться с Гюнтером. Слишком сильно её к нему тянуло.

Правда, был ещё один вариант, на который она бы могла согласиться, но вот как к нему отнесётся сама Лаура? У Шарлотты пару раз были "игры" с одной из подруг в "БМД", которая и показала ей что хорошо может быть не только с мужчиной. Не сказать чтобы Лотте так уж сильно понравилось с другой девушкой, но что-то в этом её зацепило... Про самого Гюнтера она не волновалась. Своим женским чутьём Шарлотта чувствовала что он

не будет возражать если окажется в одной постели сразу с двумя своими девушками. Сама она, едва представив такую оргию втроем, едва смогла успокоиться, мысленно поразившись своей извращённой фантазии. Откуда в ней такие мысли и желания?.. Конечно, это кошмар... Но до чего же возбуждающий кошмар! Представив извивающиеся на постели голые тела Гюнтера и Лауры, а между ними себя, девушка отчаянно потрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения, от которого соски под лифчиком стали твёрдыми а между ног стало тепло... Что ж, если ради Гюнтера ей придётся соблазнить и Лауру, чтобы та не чувствовала её соперницей, то пусть так и будет.

— С вами всё в порядке, фройляйн? — чья-то твёрдая мужская рука уверенно легла на её плечо.

Едва не вскрикнув от неожиданности Шарлотта мгновенно обернулась и с испуганными глазами уставилась на незнакомого военного, стоявшего перед ней.

Это был довольно высокий парень, лет двадцати пяти, одетый в хорошо подогнанную форму лейтенанта "Люфтваффе". Весёлые глаза, сдвинутая на затылок фуражка, широкая улыбка... На груди значок участника "Легиона Кондор". Рядом с ним, задрав голову и смотря на девушку, стояла короткошёрстная такса.

— Я... Да, со мной всё в порядке, спасибо... — запинаясь, ответила девушка, отступив на шаг.

Щёлкнув каблуками сапог парень улыбнулся ещё шире и резко вскинул руку к головному убору:

— Разрешите представиться, лейтенант наших доблестных Люфтваффе Ганс Филипп, пилот "Зелёных сердец"! — представился он. Потом посмотрел вниз и сказал: — А это моя Минки-Пинки!

Собака в ответ завиляла своим маленьким хвостиком, словно здороваясь.

— А меня зовут Шарлотта, господин лейтенант! — ответила девушка и тут же нагнулась к собачке: — Ой, какая миленькая! — и погладила её.

— Верно, Шарлотта, она очень милая и всегда со мной! — ответил лейтенант и спросил, глядя на её форму: — Я вижу, вы состоите в БДМ?

— Да, вы правы! — подтвердила Лотта и взяла собачку на руки. Та сразу лизнула ей лицо и девушка весело засмеялась.

— Вы куда-то идёте? — осведомился лётчик. — Я провожу вас!

— Что вы, это вовсе не обязательно! — запротестовала она. — Я всего лишь вышла за продуктами.

— Тем более, помогу нести покупки! — отмёл возражения Ганс и приглашающе выставил локоть.

Девушка вздохнула но просунула в него свой. Вторая рука была занята Минки-Пинки, которая снова попыталась лизнуть её.

— Минки, веди себя прилично! — сказал пилот и они оба весело рассмеялись.

Хандра Шарлотты, под натиском широкой улыбки Ганса и умильно глядевшей на неё собачки, бесследно пропала и она направилась к лавке с продуктами чуть дальше по улице. Этот лётчик был довольно симпатичный, признала Лотта. Конечно, до Гюнтера ему далеко, но просто прогуляться и пообщаться с ним... Почему бы и нет? Ведь это никого ни к чему не обязывает.

Ганс терпеливо дождался пока она закупит всё что нужно и взял в руки тяжёлую сумку. От лавки до дома были идти всего пару минут поэтому очень скоро они уже стояли перед

нужной дверью.

— Спасибо вам, господин лейтенант! — поблагодарила его девушка, принимая сумку обратно. — Дальше уже я сама.

— Хорошо... — покладисто согласился пилот, отдавая ей продукты. — А мы с Пинки подождём вас на улице.

— Зачем? — удивилась она.

— Как это? — неподдельно изумился лётчик. — Вы забыли что обещали Пинки поужинать с нами в небольшом ресторане в соседнем квартале?

— Я? Обещала? — приоткрыла она рот. — Подождите, но я не помню, чтобы..

— Пинки, разве я могу ошибиться? — спросил он у собачки. Та громко тьякнула. — Ну вот, она подтверждает что нет.

Девушка не смогла сдержаться от смеха, глядя на импровизированную сценку.

— Вы всегда так нахальны, господин лейтенант? — спросила она, качая головой. — Или это Пинки нахальная?

— Для вас я просто Ганс, Шарлотта... — поправил её лётчик и добавил: — Я прошу всего один вечер, прекрасная фройляйн!

Лотта задумалась, закусив губу. В принципе, она сейчас свободна, дел никаких нет. Можно и поужинать если этот пилот не станет распускать руки. Всё равно у него нет шансов против Гюнтера. Да и собачка такая милая..

— Хорошо, Ганс! — решила она. — Я согласна. Но только если вы будете вести себя прилично! Договорились? — строго спросила девушка.

— Конечно, Шарлотта! Мы всегда ведём себя прилично. Правда, Пинки? — поинтересовался парень у своей таксы. Собачка снова тьякнула. — Ну вот, она снова права!

Девушка быстро занесла покупки домой и тут же вышла обратно, не став заморачиваться с переодеванием и косметикой.

...Кафе оказалось довольно милым и уютным. Хотя оно и располагалось недалеко от её дома но сама Лотта там ни разу не была, ни с подружкой ни одна. Они заказали себе по чашечке кофе и сидели, понемногу отпивая ароматный напиток из маленькой посуды. Несмотря на военное время кофе был настоящим, не какой-то там эрзац.

— Расскажите о себе, Ганс? — попросила его Шарлотта, полюбовавшись как пилот ласково поглаживает свою таксу, сидящую у него на коленях. — И что такое "Зелёные сердца"?

— Что ж, мне нечего скрывать, Лотта... — ответил лётчик, глядя ей прямо в глаза с лёгкой улыбкой. — Мне 23 года, родился в Мейсене. Отец был врачом, погиб на фронте вскоре после моего рождения. С самого детства увлекался планеризмом, что и решило мою судьбу. В 1936 году добровольно поступил в Люфтваффе фенрихом. Воевал в Испании против коммунистов, затем в Польше, где и одержал свою первую победу. А Зелёные сердца... это неофициальное название нашей истребительной эскадры. Вот и всё, собственно... — усмехнулся он, щекоча таксу по брюху.

— А как вы познакомились с Пинки? — спросила Шарлотта, с интересом наблюдая за собакой и её хозяином.

— Очень просто... — пожал тот плечами. — Шёл по улице и увидел маленького щеночка. Он, точнее она, была грязная и скулила от голода. Сам не знаю что на меня нашло, обычно я вовсе не так сентиментален... Но пожалел, взял её с собой, вымыл, покормил. И незаметно привязался к ней а она ко мне... — Ганс хитро улыбнулся и сказал: — Теперь вы

всё обо мне знаете, а вот я о вас ничего. Несправедливо, верно? Расскажите!

— Хорошо! — улыбнулась в ответ девушка, задумчиво глядя в окно. — Я чуть младше вас, служу в "БМД", это вы и так знаете... Что ещё? Живу в том доме, рядом с которым мы были, вместе с подругой. Кошек или собак у меня нет. Вот и всё..

— Я вижу вы не замужем, Шарлотта? — кивнул лётчик на её руку на которой не было кольца.

— Вы правы, не замужем... — согласилась девушка, усмехнувшись. — Но у меня есть парень, которому вряд ли понравится если его девушка надолго задержится в кафе с посторонним мужчиной, даже если это герой Люфтваффе.

— Вот как... — задумался Ганс, что-то прикидывая. — Если не секрет, кто ваш парень?

— Все не секрет. Его зовут Гюнтер, он оберштурмфюрер СС и служит в охране самого фюрера... — с гордостью ответила Лотта и встала из-за стола, накидывая на плечо сумочку. — Извините, Ганс, но мне уже пора идти. Было приятно с вами познакомиться и кофе оказался очень хорош. Спасибо за это!

— Мы же ещё встретимся с вами, Шарлотта? — тоже встал пилот, по-прежнему держа в руках Пинки.

— Кто знает? — вежливо улыбнулась девушка. — Может да а может нет. Время покажет... До свидания, Ганс!

— До свидания, Шарлотта! — он вежливо поцеловал её руку и Лотта направилась к себе, оставив его наслаждаться кофе в одиночку.

...Уже дома она с некоторой грустью подумала что, судя по его взглядам, понравилась ему... В другое время Шарлотта была бы только рада такому знакомству но не теперь. Гюнтер прочно поселился в ней и не давал никакому сопернику шансов серьёзно заинтересовать девушку. Что ж, ничего страшного, повздыхает этот лейтенант и забудет её. Девушек вокруг много, каждая вторая или третья будет только рада его вниманию.

Успокоив свою совесть, она стала разбирать покупки и через минуту уже забыла про него.

Берлин.

7 мая 1940 года. Утро.

Аннелиза Хаммерштайн.

— Роланд, хватит капризничать! Ешь то что у тебя в тарелке! — снова сказала Катарина, пытаясь уговорить мальчика позавтракать.

— Не хочу! — сморщился сын, отодвигая тарелку с супом. — Он невкусный!

Аннелиза вздохнула, глядя на эту сцену. Почти каждый день одно и тоже... Вот он, недостаток мужского воспитания у сыновей. Мать уже не авторитет и начинаются мелкие капризы. А потом, не дай Бог, вырастет какой-нибудь изнеженный маменькин сынок который будет плакать ударившись обо что-то... Ведь для мальчика должен быть примером взрослый мужчина, образ, на которого он бы хотел походить. Ох, как же она не сообразила! Надо попробовать..

— Сынок! Ты же хочешь быть похожим на папу Гюнтера, верно? — вкрадчиво спросила она, глядя на него.

— Конечно! — радостно улыбнулся Роланд. — Когда вырасту то обязательно стану эсэсовцем!

— А чтобы вырасти, стать высоким и сильным как он, знаешь что нужно делать? Всегда есть то что тебе дают! Папа Гюнтер таким вырос потому что всегда ел всю тарелку! Иногда даже две. И он никогда не капризничал, потому что так делают только девочки! Ты разве девочка? — с наивным видом поинтересовалась она.

Катарина закашлялась, пытаясь сдержать смех, но стоило Аннелизе на неё посмотреть как подруга тут же успокоилась и активно кивала её словам.

— Я не девочка! — нахмурился сын и слегка ударил по столу ладонью, едва не попав по тарелке. С подозрением посмотрев на суп, а потом на них, он спросил: — Папа Гюнтер точно всегда ел полные тарелки?

— Абсолютно точно! — кивнула она, а Катарина тут же её поддержала.

Тяжело вздохнув, Роланд снова придвинул к себе тарелку, взял ложку и начал есть. Обе женщины торжествующе переглянулись. Сработало!

Завершив завтрак, Роланд ушёл к себе в комнату, получив похвалу от обеих подруг. Они как раз хотели идти переодеваться перед прогулкой когда в дверь настойчиво зазвонили, а потом ещё и застучали. Обменявшись встревоженными взглядами, Аннелиза с Катариной подошли к двери. Но стоило ей приоткрыть дверь как та распахнулась и на пороге появился незваный гость, про которого все уже успели благополучно забыть..

С лихорадочно горевшими глазами, в мятом костюме, без шляпы... С запахом алкоголя из приоткрытого рта с плохими зубами... Таким предстал перед ошеломлённой Аннелизой и её подругой бывший муж женщины, Мартин Бломфельд.

Несколько секунд они смотрели друг на друга а потом мужчина криво усмехнулся и сказал визгливым голосом:

— Ну, здравствуй, моя дорогая жёнушка! Как поживаешь?

— Мартин?! — изумлённо ответила Аннелиза, не веря своим глазам. — Что ты здесь делаешь? Зачем ты пришёл? И... я уже не твоя жена, мы развелись!

— Я не давал согласия!.. Я не хочу с тобой разводиться, Аннелиза. Я всё ещё люблю тебя и сейчас мне нужна твоя помощь... — ответил тот, окидывая быстрым взглядом приходящую особняка а также стоявшую рядом Катарину.

— Зато я не люблю тебя, Мартин! — нашла в себе силы прямо признать это Аннелиза, с трудом сдерживая свой страх и гнев. — И никакой помощи ты от меня не дождёшься! Уходи, пока я не вызвала полицию!

— Что? — удивился мужчина. — Ты выгонишь отца своего ребёнка? Не дашь ему немного прийти в себя, помыться, отдохнуть? Увидеться с нашим дорогим мальчиком?

От такого беспардонного и наглого заявления у женщины перехватило дыхание. Какой же он бессовестный! Подумать только, она жила с этим негодяем столько лет! Где были её глаза?

— Отца?! — эхом повторила Аннелиза, сжав кулаки. — Вот, значит, как ты заговорил? Совсем недавно я слышала совсем другое! Ты кричал что Роланд не твой ребёнок, что я шлюха, родившая его неизвестно от кого! А теперь получается, ты его признал своим дорогим мальчиком?

Мужчина явно разозлился но смог сдержаться.

— Извини, милая, я погорячился... — ответил он, пытаясь шагнуть к ней, но женщина тут же отступила назад. Поколебавшись, Мартин остановился, протянув к ней руки. — Я в тот день был сам не в себе, неприятности разные... Вот и наговорил невесте что. Конечно же, Роланд мой сын и ты не шлюха а моя обожаемая жена, и у нас небольшая семейная

ссора! А развод это не страшно. Как развелись так и снова можем сойтись, верно? Кстати, где наш сын? Я хочу видеть его!

При упоминании сына с ней что-то случилось. Опасение за себя бесследно пропало, сменившись на сильное беспокойство за Роланда. Материнский инстинкт самки, защищающей своего детёныша, убил страх. Она категорически не хотела чтобы Мартин вообще был близко к её сыну. Хватит! Пусть убирается из её дома!

— Слушай меня внимательно, Мартин! — шагнула женщина вплотную к нему и твёрдым голосом произнесла: — Я скажу тебе правду! Роланд действительно не твой ребёнок! Его отец совсем другой человек, гораздо более достойный чем ты! Поэтому его ты больше не увидишь! Он сам не хочет общаться с тобой, потому что боится! Ты всегда был плохим отцом для него и ужасным мужем для меня! Я с радостью развелась с тобой и никогда больше не свяжу свою жизнь с таким негодяем как ты! Я даю тебе минуту чтобы ты сам ушёл из моего дома и никогда больше здесь не появлялся! Иначе вызову полицию и скажу что ты пытался напасть на Роланда и меня! Уходи немедленно!! — на последних словах она, всё-таки, сорвалась на крик.

Мартин явно не привык слышать такие слова от неё, поэтому его лицо всё покраснело от ярости. Тяжело дыша, он метнул взгляд на безмолвно стоявшую рядом Катарину и его лицо исказилось. Кажется, мужчина с удовольствием бы её ударил но присутствие подруги сдерживало его.

— Хорошо! Понимаю, ты уже снюхалась с этим паршивым эсэсовцем? И как он в постели?.. Впрочем, мне плевать! — тут же поправился Мартин. — Раз так, то... Предлагаю сделку! Я больше никогда не побеспокою тебя и не подойду к сыну... А за это ты в последний раз мне поможешь! Идёт?

— О чём ты говоришь? — не поняла она. — Какая ещё помощь?

— Мне нужны деньги, дорогая... Много денег! — признался мужчина, скривившись от злости. — Я задолжал серьёзным людям и теперь они требуют с меня... Сама понимаешь, те кто не платят свои долги... в общем, у них появляются крупные неприятности. Дай мне всего лишь пятьдесят тысяч рейхсмарок и дело с концом. Я уйду и ты забудешь обо мне..

— Сколько?! — приоткрыла она рот от изумления и шока. — Пятьдесят тысяч?

Не то что бы у неё не было этих денег. Благодаря тому что в последнее время Аннелиза прекратила давать ему свои финансы, те начали расти. Выручка от сети косметических лавок "Прекрасная арийка" исправно пополняла её счёт, на котором по-прежнему лежало состояние женщины, полученное по наследству. Требуемая Мартином сумма пробила бы серьёзную брешь в её финансовом положении но, возможно, ради своего спокойствия и сына лучше заплатить ему в последний раз? Вот только у Аннелизы имелись серьёзные сомнения что бывший муж больше не придёт. Ведь логика у таких людей проста — если получилось один раз то почему бы не попробовать снова? Нет, нельзя поддаваться на его требования! Чем больше ему дашь тем больше он захочет!

— Я больше не дам тебе ни единой рейхсмарки! — решительно произнесла она. — Всё равно ты спускаешь их на свои дурацкие карты и презренных проституток! И вообще, как тебе не стыдно?! Ведёшь себя как какой-то шантажист! Я устала всё это терпеть! Всё, уходи сейчас же! — потребовала женщина и шагнула к двери чтобы открыть её.

Мартин мгновенно вскинулся и вскрикнул от ярости. Всё напускное спокойствие и сдержанность слетело с него. Заревев, одной рукой схватив её за плечо, другой дал настолько сильную пощёчину что Аннелизу откинуло в сторону, к стене. Ей показалось что в

голове у неё что-то взорвалось и она, оглушенная, повалилась на пол. Левая щека горела огнём. Краем глаза она заметила как Катарина, вскрикнув, метнулась куда-то вглубь дома. Женщина её не винила, справиться с разъярённым Мартином она бы всё равно не смогла. Бывший муж, зло улыбаясь, шагнул к ней.

Зато через секунду произошло другое событие, которое тут же заставило её забыть обо всём. Из своей комнаты выбежал Роланд и, сжимая в руке тяжёлый учебник по истории Германии, с криком ударил мужчину по спине:

— Не трогай маму! Не бей её! Отпусти! — продолжая всё это кричать, мальчик снова ударил мужчину по спине, попав ему уголком книги.

Тот закричал от боли и резко повернулся. Заметив кто ударил его, он зарычал:

— Маленький ублюдок! Выродок похотливой суки! Я тебя сейчас..! — с этими словами Мартин размахнулся и попытался ударить мальчика, но тот поскользнулся и упал на пол, отчего кулак мужчины прошёл над ним.

— Не смей!!! — отчаянно закричала Аннелиза, чувствуя что готова убить его на месте за нападение на сына. Внезапно рядом с ней возникла какая-то фигура и произнесла шипящим от напряжения голосом Катарины:

— Только попробуй ещё хоть раз ударить Роланда и я воткну его тебе в живот, толстая свинья! Проклятый ублюдок!

Аннелиза только и смогла что удивлённо посмотреть на подругу, пока Роланд, пользуясь тем что Мартин застыл на месте, вскочил и снова убежал в комнату. Катарина выглядела как настоящая Валькирия. Глаза сверкали, лицо было каменным а в руке она сжимала большой кухонный нож, который нацелила прямо в брюхо мужчины.

Тяжело дыша, Мартин облизнул губы, то и дело косясь на оружие в руках Катарины.

— Вот значит как, да? — прохрипел он. — Теперь уже убить угрожаете? Из-за того что решил проучить жену и этого щенка?

— Уходи, сволочь! Иначе я тебе прямо сейчас кишки выпущу! — снова прошипела Катарина и шагнула к нему.

Тот скрипнул зубами от злости но отступил на шаг в сторону двери.

— Хорошо, сучки... На этот раз вам повезло. Но в следующий раз всё равно будет по моему, поняли? — ответил он, взявшись за ручку двери. — Твой Гюнтер теперь долго не появится, а может и вообще сдохнет за фюрера... И защитит вас некому! Я приду и получу всё что мне надо! А пока сидите и дрожите! — и с чувством плюнул в их сторону.

Рывком открыв дверь, Мартин вышел и с грохотом закрыл её обратно. В прихожей наступила тишина. Аннелиза вздрогнула от неожиданности когда из руки Катарины выпал нож и с грохотом ударился о пол. Всхлипнув, её подруга закрыла лицо руками и медленно опустилась на колени. Плечи женщины дрожали а она сама глухо зарыдала. Аннелиза присела рядом с ней, обняла и тоже заплакала. Тихо ступая, к ним приблизился Роланд с какой-то палкой и негромко сказал:

— Вы не бойтесь, я смогу защитить вас пока папа Гюнтер не приедет... У меня теперь есть палка. Вот! — показал он, вытянув руку. Крепко сжатые губы и решительное выражение маленького лица сына окончательно сломили Аннелизу:

— Сынок! — вскрикнула она, крепко прижала его к себе и зарыдала, чувствуя как со слезами из неё выходят напряжение и страх который испытала за себя и Роланда.

...Прошло около часа прежде чем все успокоились достаточно чтобы снова вести себя как обычно. Посоветовавшись с Катариной, Аннелиза решила обязательно обратиться в

полицию. Возможно, удастся найти управу на Мартина? Как же ей хотелось сейчас чтобы Гюнтер оказался здесь, рядом с ними! С ним было так хорошо и спокойно... А без него её накрывало ощущение незащитности, словно она стояла одна против сильного грабителя или убийцы. Если бы не решительность Катарины... То, вполне вероятно, он избил бы её. А может и вообще... убил.

Громкий стук в дверь заставил женщину оцепенеть на месте, не способной не только двигаться но и сказать что-то. Катарина, стоявшая рядом с ней, оказалась смелее. Закусив губу, она сразу схватила нож с пола а из своей комнаты вышел Роланд, крепко сжимая в побелевших пальцах свою палку, оказавшуюся сломанной ручкой от метлы, которую Аннелиза всё время забывала выкинуть.

Катарина, сжимая в руках свой огромный нож, встала рядом с дверью, шёпотом приказав Роланду немедленно уйти в свою комнату. Тот неохотно подчинился, пробурчав что всё равно защитит их. Переборов себя, Аннелиза смогла взять под контроль свой голос и громко спросила:

— Кто там?

Ответа не последовало, кроме такого же энергичного стука. Преодолевая свой страх, она подошла к двери, положила свою дрожащую ладонь на круглую ручку двери и, дождавшись кивка Катарины, открыла её... И тут же с облегчением вздохнула, чувствуя как успокаивается бешено стучащее сердце.

За дверью стоял почтальон.

Молодой парнишка в форме, вежливо улыбнулся и протянул ей конверт.

— Фрау Бломфельд? — спросил он.

— Нет... — машинально ответила она, принимая конверт. — Ой, извините, конечно это я! Просто мы развелись совсем недавно... — зачем-то пояснила женщина, ощущая стыд и неловкость.

Почтальон неуверенно пожал плечами и, снова улыбнувшись, ушёл к калитке, но Аннелиза мгновенно забыла о его существовании едва увидев от кого пришло письмо. Крепко сжав его в руке и улыбаясь, она обернулась к Катарине и радостно закричала:

— Гюнтер написал!

Быстро зайдя внутрь дома и закрыв дверь женщина быстро пошла в гостиную, на ходу пытаясь открыть конверт. Катарина, забыв про свой нож, не отставала ни на шаг. Едва сев на широкую тахту Аннелиза, наконец, справилась с конвертом и смогла вытащить письмо. Оно оказалось не слишком длинным, зато в дополнение к нему прилагалась фотография. На ней Гюнтер, в шлеме, маскировочной форме и с оружием, стоял в каком-то небольшом дворе и улыбался, опираясь на броневик. Двор походил на деревенский, судя по попавшей в кадр курице, которая возилась рядом с ногами Гюнтера. Надпись на обороте гласила:

"Моим любимым жёнам, Аннелизе и Катарине, на память от меня! Люблю, Целую!"

— Какой он тут красивый! — сказала Аннелиза, погладив пальцем фотографию.

— И мужественный! — добавила Катарина, прижавшись к ней. — А что в письме? Читай быстрее!

Отложив фото, Аннелиза развернула письмо и начала выразительно читать, так и не сумев согнать с лица улыбку:

" — Здравствуйте, мои красавицы! У меня всё хорошо. Добрался я до места службы, в общем-то, нормально. Вступил в должность и готовлюсь к выполнению поставленных командованием задач. Мои подчинённые — отличные ребята, я нашёл с ними общий язык и

скучать они мне вряд ли дадут. Честно говоря, я горд тем что нахожусь здесь, мои любимые девочки. Абсолютно уверен что уже совсем скоро мы снова пойдём в бой, доказывая всем что для элиты СС не существует слово "невозможно". Посылаю вам фотографию, которую сделал на следующий день после прибытия в часть. Надеюсь, она вам понравится... Но что я только о себе?

Расскажите лучше, как вы там? Что делаете, чем занимаетесь? Всё ли в порядке? Есть проблемы — не молчите, смело пишите! Хотя я и не могу лично помочь но у меня есть друзья в столице, которые смогут оказать вам помощь в случае нужды. Также напишите как там мой сынишка Роланд? Скажите что я помню о своём обещании и обязательно привезу ему английскую и французскую каски.

И последнее... Я вас обеих очень сильно люблю и готов на всё чтобы вы были со мной счастливы! Знайте это! Я благодарен Богу за то что он подарил мне вашу любовь и обещаю что никогда не оставлю вас, не брошу в беде! Это моё слово мужчины, слово офицера СС!

Крепко обнимаю вас и горячо целую везде где только захотите! Очень скучаю! Ваш Гюнтер! 04.05.40 "

— Он любит нас... — с нежностью сказала Катарина, глядя на неё.

— Да... — согласилась Аннелиза, с радостью чувствуя как сердце окутывает его забота а на душе воцаряется покой. Как мало надо женщине чтобы быть счастливой. Просто знать что её любовь взаимна и мужчина обязательно защитит. С ним как за каменной стеной..

— Давай прямо сейчас напишем ответ? — предложила Катарина, тоже счастливо улыбаясь.

— Согласна! — ответила она, вставая и взяв со стола перьевую ручку. Внезапно она замаялась: — Наверное, не надо ему писать о том что сегодня было? Гюнтеру сейчас там не до того чтобы разбирать наши проблемы.

Катарина задумалась, но отрицательно покачала головой.

— Нет, Аннелиза, я считаю что надо написать! В этот раз нам повезло но откуда мы знаем что в следующий раз будет так же? — резонно спросила она. — Представь что я бы не успела прибежать с ножом? Он бы избил и тебя и Роланда! Ты готова снова рискнуть сыном?

— Нет! — решительно ответила женщина, вздрогнув от последствий того что могло с ними случиться при неблагоприятном стечении обстоятельств. — Ты права! Может его друзья помогут нам? Я не переживу если Мартин снова попытается причинить вред Роланду!

— Верно! — кивнула Катарина и Аннелиза уселась писать ответ, иногда вписывая то что ей говорила Катарина..

Берлин.

То же время.

Ханна Грубер.

Она напряжённо работала в своём кабинете, подписывая документы и рассматривая эскизы разных фотографий и плакатов, которые принесли ей утром художники и фотографы её департамента. Но, несмотря на занятость, взгляд женщины то и дело останавливался на отдельном большом плакате, повешенном ею лично на простенок между окнами. На нём красовался, конечно же, Гюнтер!

В своей чёрной форме с серебристыми молниями СС он опирался плечом на танк и широко улыбался, сдвинув свой шлем на затылок. Художник мастерски отобразил его насмешливую улыбку, белые зубы и небрежно зажатый в руке автомат... или пистолет-пулемёт? Она этого не помнила. Сверху плаката надпись:

"Я защищаю наше Отечество! А что делаешь ты?"

Конечно, у неё были и другие его плакаты с воодушевляющими пропагандистскими воззваниями, а также фотографии, но именно этот, почему-то, нравился Ханне больше всего. Интересно, чем он сейчас занимается? Думает ли о ней? Как бы она хотела сейчас оказаться рядом с ним!

Женщина вздохнула и отвела взгляд, постаравшись вновь сосредоточиться на работе, но внезапно зазвонил телефон внутренней связи. По нему могли общаться только сами сотрудники внутри здания. Она взяла трубку и сказала:

— Ханна Грубер, слушаю!

— Фрау Грубер, вас беспокоит Хильда Моритц! — послышался в телефоне мягкий женский голос. — Господин Геббельс попросил вас немедленно зайти к нему.

— Уже иду! — ответила женщина и положила трубку, не прощаясь. Она встала из-за стола, вышла из кабинета и приёмной, где сидела Клара. Направляясь к кабинету соратника фюрера, рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса, она фыркнула, вспомнив обладательницу мягкого голоса.

Хильда Моритц, молодая девушка среднего роста со светлыми волосами и приятным лицом, была секретаршей Геббельса, уже пятой по счёту на её памяти. На этом посту они надолго не задерживались, максимум полгода и очередная девушка сменяла свою коллегу. Причины были разные... Одни надоедали Геббельсу после каждодневных дополнительных обязанностей у него в кабинете, другие сами уходили, не желая поддаваться домогательствам низкого, колченого мужчины. Были и такие которые беременели от него, наивно надеясь привязать к себе с помощью ребёнка. Какие же дурочки!

Конкретно эта Хильда, по твёрдому убеждению Ханны, относилась к той категории девушек которая не видела ничего страшного в том чтобы помочь своему начальнику расслабиться после трудного рабочего дня. Особенно, если за это получит небольшую премию. По её оценке Хильды хватит примерно на месяц, а потом появится другая. Впрочем, это не её дело, если Магда не обращает на это внимания то Ханне тем более не стоит в это влезать.

Зайдя в обширную приёмную Геббельса она надменно кивнула вставшей ей навстречу Хильде и, не останавливаясь, открыла дверь кабинета начальника, как делала уже давно. Йозеф ценил её, сначала как одну из своих бывших любовниц, а теперь как прекрасного специалиста поэтому и не обращал внимания на такие мелочи.

— Вы вызывали меня, герр Геббельс? — официальным тоном спросила Ханна, остановившись возле его большого стола, за которым и сидел друг фюрера.

— Ханна, моя дорогая! — радостно сказал Йозеф, неуклюже выбираясь из-за своего рабочего места. Он обошёл стол и слегка приобнял женщину, причём его рука, как бы случайно, с талии сползла на её ягодицу. Она предпочла не заметить этого, в конце концов, это всего лишь невинная ласка. — Как думаешь, зачем я тебя вызвал?

— Думаю, чтобы поручить мне ещё одну задачу чрезвычайной важности... — спокойно ответила Ханна. — Впрочем, как и всегда.

— Абсолютно верно! Именно так! — подхватил Йозеф, убрав свою руку с её

задницы. — У меня появилась идея! Помнишь того оберштурмфюрера который совсем недавно выступил с речью на поле и произвёл фурор среди нашей патриотической молодёжи?

Сердце Ханны тут же забилося чаще и она с трудом смогла сохранить равнодушный вид.

— Кажется, помню... Оберштурмфюрер Шальке? Ах нет, Шольке! Точно! — "вспомнила" женщина. — Он произнёс незабываемую речь! Все были в восторге!

— Это точно, я сам был восхищён! — согласился Геббельс, медленно ковыляя по кабинету и возбуждённо размахивая руками. — Настоящий нацист! Ариец высшей пробы! Нибелунг! К тому же отлично умеет зажигать в людях огонь с помощью речей! Живой пример для всех молодых немцев!

— Полностью разделяю вашу точку зрения, герр Геббельс! — отозвалась она, пытаясь сохранить маску на лице. — Вы что-то решили насчёт него?

— Да! — воскликнул Йозеф, вернувшись к своей мысли. — Я полагаю что перед решающим натиском, который мы скоро обрушим на Союзников, нам следует подбодрить полк охранников фюрера. Поэтому я хочу чтобы ты, моя дорогая Ханна, поехала к ним вместе со своими сотрудниками и провела культурный вечер. То есть, взяла с собой какую-нибудь певицу, чтобы она там спела что-то патриотическое... Или актрису. А ты произнесёшь речь о наших верных женщинах, которые... — внезапно он замолчал, словно что-то вспомнив, его лицо скривилось судорогой. Но не успела она удивиться, как Йозеф снова улыбнулся и продолжил: — Словом, сама найдёшь что сказать, ты опытная, я знаю. Хотя... Если у тебя много работы то можешь поручить это одному из своих заместителей..

— В этом нет необходимости, герр Геббельс! — поспешно сказала Ханна, не успев даже задуматься. — Это очень ответственная задача, поэтому я лично займусь ею! Можете положиться на мой опыт, я сделаю всё чтобы наши парни остались довольны!

— Вот и хорошо, Ханна, я знал что могу довериться тебе! — сказал он, снова улыбнулся и добавил: — Выезд завтра утром, а вернётесь вечером... или же на следующий день, как получится. Определись с теми кто будет сопровождать тебя, а также с певицей-актрисой. Думаю, это должна быть какая-нибудь знаменитость. Впрочем, решать тебе. Уверен, фюреру будет приятно узнать что его лейб-гвардия хорошо отдохнула перед будущими тяжёлыми днями когда им потребуются все силы чтобы победить!..

Охваченная предвкушением скорой встречи она быстрым шагом вернулась к себе и хотела уже зайти в кабинет когда Клара, волнуясь, протянула ей какой-то конверт.

— Что это? — спросила женщина, мысленно находясь уже там, рядом с Гюнтером.

— Это принесли только что... — тихо ответила секретарша, опустив глаза. — По моему, оно от оберштурмфюрера.

Эти слова сразу вернули Ханну к реальности. Схватив конверт, она посмотрела на Клару:

— Надеюсь, ты не вскрывала его? — спросила женщина с подозрением.

Вскрытие служебных писем входило в обязанности секретарши, поэтому и возникло опасение что та могла прочитать то что предназначено вовсе не ей.

— Нет, фрау Грубер! — отчаянно замотала головой девушка. — Я решила что оно личное и... подождала вас.

— Ты всё правильно сделала, Клара! Я довольна тобой! — улыбнувшись, ответила Ханна и зашла в кабинет, едва сдерживая себя от любопытства. Интересно, что он написал ей? Пройдя к столу, женщина взяла ножницы из ящика под ним, аккуратно срезала боковину

конверта и вытащила лист бумаги, исписанный ЕГО почерком. Но кроме письма там была ещё фотография! Улыбаясь, она почти минуту рассматривала его, любуясь... Как он красив! Просто молодой бог! Только очень похотливый... Наконец, наглядевшись, Ханна отложила фотографию, мельком подумав что стоит поставить её в рамку чтобы держать на столе. Это точно придаст ей хорошего настроения и стимула в работе.

Развернув бумагу она погрузилась в чтение..

"Здравствуй, моя самая горячая и развратная шлюшка! Как твоя задница? Уже прошла?)) Можешь мне не поверить но я скучаю по тебе, чему и сам удивляюсь. Похоже, твой бурлящий темперамент всё-таки зацепил меня, чертовка! Не буду лгать, я рассчитывал что мы останемся всего лишь любовниками, теми кто дарит друг другу бешеное удовольствие а потом забывает друг о друге до следующего раза. Но, как сказал однажды один мой знакомый, "Человек предполагает а Бог располагает". Кто я такой чтобы идти против Бога?)) В общем, теперь всё это вылилось во что-то более серьёзное... Не знаю к чему это всё приведёт но останавливаться не намерен! Ты теперь моя, советую смириться и принять это!

У меня тут всё хорошо, служба идёт как положено. Парни подобрались хорошие, да и я чувствуя себя так словно вернулся в свою стихию. Армия для меня как дом родной, хоть я эсэсовец и служу не в Вермахте. Скоро грядут великие события и я надеюсь оказаться в самой их гуще или острие. Возможно, ты тоже что-то предчувствуешь или знаешь? Да, чуть не забыл! Хочу ещё раз поблагодарить тебя за помощь в поиске своей части. Без тебя я наверняка опоздал бы и произвёл негативное впечатление на нашего "папашу". Думаю, ты знаешь о ком я? Так что готов выполнить любое твоё желание, как и обещал. Но только разумное желание! Надеюсь, не понадобится доставать луну с неба?)) Ха-ха... Хотя, зная тебя, уверен, это будет что-то горячее..

Что ещё? Вряд ли мы увидимся в ближайшее время поэтому у меня к тебе просьба. Помнишь ту медсестру с которой я приезжал на полигон? Лауру? Если со мной что-то случится... Позаботься о ней! Ты занимаешь немаленькую должность и у меня будет намного легче на сердце если буду знать что она под твоей опекой. Лаура умная и славная, просто ещё молодая и неопытная девочка. Поддержи её на первых порах, если что. Договорились? Конечно, я не планирую погибать, как и все солдаты мира, но это война, сама понимаешь..

Думаю, эта кампания не будет долгой, а значит после неё мы точно увидимся. И тогда берегись, Ханна! Я устрою тебе такие нагрузки что ты в свой кабинет будешь приползать а не приходиться)) А если станешь скучать по мне... ну, мало ли что на тебя найдёт?.. в таком случае смотри на свой стол и вспоминай как ты лежала на нём своей охренительной грудью и стонала когда я сзади брал тебя как римскую Мессалину!.. Проклятье! Стоило мне об этом вспомнить как этот неугомонный орган снова заявил о себе! Определённо, ОН тебя хорошо запомнил, шлюшка! Придётся теперь посидеть несколько минут чтобы успокоиться..

Всё, пора идти к своим парням! Пожелай мне удачи, Ханна, она мне пригодится! До встречи, моя развратница! 04.05.40. "

Счастливо улыбаясь, она медленно сложила лист и посмотрела в окно, не видя ничего что там происходит. Нахлынули воспоминания... Вот она в доме своей подруги Марианны... Потом на полигоне... В своём кабинете... Наконец, под стадионом, после его сногшибательной речи перед тысячами молодых девчонок... Как же ей было хорошо! Но завтра, когда Ханна свалится к нему как снег на голову, будет ещё лучше! А теперь надо постараться успокоиться и заняться делами. Сначала определить свою свиту, которая будет

сопровождать её, решить вопрос с певицей или актрисой. И в конце назначить вместо себя заместителя, ввести его в курс дела..

— Клара! — громко крикнула она через дверь, зная что девушка обязательно услышит Ханну. Действительно, не прошло и десяти секунд как раздался осторожный стук в дверь, та приоткрылась и внутрь вошла её секретарша.

— Вы меня звали, фрау Грубер? — спросила она своим мелодичным голосом. Ханна была довольна её работой. Та не путала документы, всегда находилась рядом, не слыла болтушкой и не производила впечатления легкомысленной особы. И это не считая симпатичной фигуры и личика.

— Да! Во-первых: вызови ко мне через час Эмиля Таубе, Ингрид Кнауф, Лору Бернстайн, Матиаса Шрайбера и Вернера Харпе! Пусть возьмут с собой все документы вот по этому списку. Так... Теперь второе! Срочно узнай кто в настоящее время находится в Берлине из знаменитых певиц или актрис! Доклад через... скажем, два часа! Третье! Прямо сейчас найди моего заместителя Людвиг Крейца, скажи чтобы немедленно шёл ко мне! Всё ясно? — спросила женщина, чувствуя как её снова охватило рабочее настроение.

— Всё запомнила, фрау Грубер! — кивнула девушка и вышла из кабинета.

Оставшись одна, Ханна встала из-за стола и подошла к плакату на стене. Мечтательно улыбнулась и подумала:

"Совсем скоро мы снова увидимся, дерзкий мальчишка... Я посмотрю в твои глаза и пойму что ты чувствуешь ко мне. А если ты думаешь что я отдам тебя этим настырным сучкам то сильно ошибаешься! Я знаю что тебе нравится, Гюнтер! И как это использовать!"

Победно усмехнувшись, женщина вдруг вспомнила об одном желании которое хотела осуществить с самого утра но забыла. Порывшись в своей сумке она вытащила зеркальце и внимательно всмотрелась в своё отражение... Довольная улыбка появилась на лице. Так и есть! Количество морщин возле глаз стало ещё меньше! Кожа разгладилась и, кажется, посвежела на вид... Неужели в самом деле она начала молодеть? Но это же невозможно! Обратить вспять процесс старения... Да за такое все женщины мира отдадут всё своё добро! Вот только результат налицо, в буквальном смысле. И в голове всё сильнее крепло убеждение что такое не обошлось без одного молодого, красивого и чертовски сексуального оберштурмфюрера СС... А значит, есть дополнительный стимул ни в коем случае не отпускать его от себя далеко.

"Нет, мальчик, хочешь ты этого или нет но мы теперь связаны с тобой навсегда! И я сделаю всё чтобы ты никуда от меня не делся!" — закусив губу, подумала женщина и ощутила как знакомое желание охватывает тело. С трудом стряхнув приятную истому она села за стол и почти тут же, поздоровавшись, в кабинет зашёл её заместитель.

— Добрый день, фрау Грубер! — сказал он, усаживаясь сбоку от стола.

— Здравствуйте, Людвиг! — ответила она, окончательно входя в рабочий ритм. — Завтра я уезжаю примерно на сутки и оставляю вас за себя. Поэтому внимательно слушайте и запоминайте! Вот что вы должны сделать во время моего отсутствия...

Москва.

7 мая 1940 года.

Залесский Алексей Дмитриевич.

На этот раз он решил не одевать форму сотрудника ненавистного "НКВД".. Появилось неясное, слабое предчувствие того что это может быть опасно. Никаких доказательств этому Алексей не нашёл, но снова, как и всегда, доверился своей "чуйке". Раз она говорит что это нежелательно, лучше её послушать, от греха подальше... Поэтому пришла пора создать новую внешность.

...Из знакомого сарая, осмотревшись и прислушавшись, вышел обычный мужчина лет сорока, в тёмных брюках, заправленных в сапоги, расстёгнутом пиджаке и чистой рубашке, открытой на вороте. Голову закрывала нахлобученная мятая кепка, а на лице красовались пышные "будённовские" усы. Документы, добытые им на "чёрном рынке", говорили любому любопытному что их владельцем является Яков Васильевич Покровский, живущий на Моховой, и работающий в местной котельной. Такой человек действительно был, и работал он там же где и указано... Даже усы у него были почти похожие. Вот только настоящий Яков Васильевич знать не знал что существует его двойник. Конечно, серьёзную проверку эти документы бы не прошли но этого и не требовалось. При малейшей опасности Алексей просто бы выкинул их и назвал вымышленным именем. Ну а в самом крайнем случае пришлось бы действовать напролом... Оружие, даже верный нож, решил оставить в сарае. В такой одежде, при случайном обыске он был бы подозрителен, а с Сашей Алексей справится своими силами, если тот решит снова напасть. Пошевелив усами, он довольно хмыкнул, закрыл дверь сарая и направился к выходу на улицу.

...Поймав попутный грузовик, едущий в подмосковную деревню и вполуха слушающий болтовню молодого парня-водителя, Алексей внимательно смотрел по улицам... И не смог сдержать улыбку.

Количество милиционеров и вообще, людей в форме явно увеличилось. Они то и дело попадались на глаза, с целеустремлённым видом идущие в разных направлениях. Иногда, возле открытых подвалов домов, виднелись непонятные гражданские вместе с одиноким милиционером, которые что-то оживлённо обсуждали и жестикулировали. Ищут его и Сашу? Ну ищите, ищите, соколики, мать вашу... Что, похоже Берия им хорошо пинка дал под зад? Забегали как тараканы?.. Ничего, это ещё не всё что Алексей им приготовил!

Внезапно, среди трёпа водителя, его уши поймали обрывок фразы:

... — достали они уже! Каждый раз когда выезжаю из города то обязательно тормозят! — покачал головой парень за рулём, назвавшийся при знакомстве Геней. — Всё в кузове вверх дном переворачивают! Совсем охренели! И ведь не только меня, но и все машины! Даже легковые, представляете? И телеги! Я пытался узнать что они там хотят найти в моём кузове, но бесполезно!.. Молчат, заразы! А вот когда в город еду то ничего не смотрят. Чёрт знает что творится!..

Надо же... Решили на выезде из города всё досматривать? В принципе, логично, мало ли, вдруг попадётся? Значит, знают что он уехал на грузовике, да и откуда взялась машина, скорее всего, тоже уже выяснили. Вот только маху они дали... Не уехал Алексей из города! А

если понадобится то уж точно не будет это делать по главной дороге. Что он, совсем дурак, что ли?..

Вежливо распрощавшись со словоохотливым водителем в паре километров от нужного съезда, он снова осмотрелся и нырнул в придорожные кусты, намереваясь опять приблизиться к садовым участкам вне дороги. Через некоторое время монархист уже был на месте. Мгновенный осмотр прилегающей территории успокоил его. Всё лежит на своих местах, калитку и дверь в дом никто не открывал... Можно заходить.

Вот и люк. Замок в порядке, внутри тихо. Видимо, пленник смирился и перестал буянить. Ну и правильно, это всё равно бесполезно. Достав ключ из тайника, Алексей начал медленно открывать люк, опасаясь что Саша может приготовить ему ловушку, например, стоять на лестнице и ждать его, чтобы напасть и снова попытаться вырваться на свободу.

Но нет, всё оказалось спокойно, под лестницей пришельца из будущего не оказалось... Осторожно спустившись вниз, до самого земляного пола, монархист заметил неподвижную фигуру которая сидела в углу, прижавшись к стене. После яркого дня глаза постепенно привыкали к темноте погреба.

Молча присев, как обычно, на нижнюю ступеньку лестницы Алексей снова достал пачку "Казбека" и закурил, с интересом глядя на пленника. На вид тот выглядел как обычно, но чувствовалось в нём какое-то напряжение. "Чуйка" тревоги не подавала, но что-то было не так. Интересно... Планирует новую попытку нападения? Вряд ли. Должен же он понимать что это бесполезно? Без всякого оружия, на готового к отпору Залесского... Нет, шансов у него ноль. Слишком велика разница в опыте и силе. Тогда что?

— И снова здравствуй, Саша! — вежливо сказал Алексей, первым начиная разговор. В конце концов, у него не так много времени чтобы сидеть тут играя в молчанку.

— Здравствуй... — немногословно ответил Александр, не двигаясь с места.

— Опустим разговоры о погоде, видах на урожай и так далее... — продолжил монархист, не дождавшись других слов. — Спрошу прямо — твой ответ на моё предложение? Да или нет?

— Не торопись, дядя... Или как там тебя... — усмехнулся Саша, слегка пошевелившись. Наверное, тело затекло и он решил усесться поудобнее. — Тебе не интересно услышать будущее?

Монархист хмыкнул. Всё-таки, хочет немного потянуть время перед ответом? Ладно, хоть его и не так много но, если тот согласится то оно всё окупится.

— Вообще-то, я уже много о нём знаю из твоих рассказов Круглову... — напомнил он пленнику. — Что ты конкретно хочешь рассказать?

— Вообще-то... — передразнил его Александр. — Я рассказывал всё очень сжато и за кадром осталось много того что я хочу поведать. Но сначала всего один вопрос... Ты и твоя организация работаете только на себя или же вам помогает какая-то другая страна?

Алексей нахмурился. К чему этот вопрос?

— Зачем тебе это знать? — резко спросил он.

— Дело в том... — медленно сказал Саша. — Что мы с тобой в одном очень сходимся... И ты и я являемся патриотами и хотим принести пользу нашей стране. Верно? Различия лишь в способах.

— Верно! — признал монархист после короткого раздумья. — И что дальше?

— А то что я никогда не буду помогать ни тебе ни кому другому если за тобой торчат уши чужой разведки, вот почему! — уверенно ответил Александр, снова пошевелившись. —

Так что ты скажешь на мой вопрос?

Алексей помолчал. Да, он принимал денежную помощь и советы от некоего иностранца. Естественно, не питал иллюзий насчёт него и знал что является для этого типа лишь полезной пешкой чтобы собирать сведения о "красных". Как только Залесский ошибётся или просто станет ненужным то его постараются убрать. Так, на всякий случай... Чтобы не болтал, если попадётся. В принципе, логично.

С другой стороны, и сам монархист знал что этот "некто" преследует только одну цель — ослабить Россию, неважно кто в ней правит, царь или генеральный секретарь. Чей он агент? Американский, английский, немецкий? Тоже неважно. Алексей использует его а тот, наоборот, Алексея. Пока у них планы общие а вот потом... В одном Залесский был уверен точно — ни у одной из чужих стран нет ни малейшего желания помогать России. А значит и они всего лишь временные союзники, нужные ему для его главной цели..

— Нет! — точно таким же тоном ответил он, глядя прямо в глаза Александру. — Я и моя организация ни от кого не зависимы и действуем лишь в интересах самой России! Мы считаем что вопрос власти в стране находится только в компетенции тех кто в ней живёт! Никакое вмешательство со стороны недопустимо!

— Хороший ответ! — согласился пленник, слегка улыбаясь. — А что тогда сказать про тех кто сбежал из страны после революции? Ведь там оказались десятки тысяч офицеров бывшей императорской и белой армии, вместе с семьями? Куча всяких дворян-аристократов, которые мечтают о возрождении империи?

— Они уже чужие для нас... — горько усмехнулся Алексей. — Просто трусы, не способные сражаться до конца даже если дело кажется проигранным. Я бы их понял, отправь они свои семьи в безопасные страны а сами вернулись бы обратно, чтобы сражаться против коммунистов. Но нет... Это те кто решил эвакуироваться вместе с ними и теперь наверняка влачат там жалкое существование на чужбине, жалуясь о своей былой жизни, которую потеряли! — покачал он головой. — Я презираю их! Все эти великие князья, депутаты Думы, генералы... Для них превыше всего была не Россия а своё собственное благосостояние! Свои земли, чины, звания... Нет, для них дорога назад закрыта! И если... точнее, когда мы победим, я сделаю всё чтобы ни один из них сюда не вернулся! Они сделали свой выбор и пусть теперь отвечают за него! Что же касается офицеров... Каждого из них ждёт проверка. Я считаю так... Если ты уклонился от борьбы, предал присягу, сбежал от воинского долга перед Родиной под предлогом защиты лично своей семьи то никакой ты, на хрен, не офицер а эгоист! А таким не место в новой России!

— Что ж, я тебя услышал... — кивнул головой Александр, и сказал: — А теперь послушай то что будет потом... точнее, может быть, если ничего не изменится..

...Следующий час Алексей начисто забыл про время, поглощённый открывающимся перед ним будущим. Тем что уже было для пришельца и только будет... или не будет?.. для них настоящих. Страшная война, в которой победители понесут огромные потери... Трудная жизнь людей, которые начали восстанавливать страну по угрозе нового нападения недавних союзников. Первый полёт в космос... Полудохлые советские генсеки, почивающие на лаврах и не желающие перемен... Медленно разлагающиеся партия, армия, спецслужбы и народ... гонения русскоязычных со всех окраин "красной" империи. Азия, Прибалтика, даже Украина! Отовсюду оголтелые банды националистов, осмелевшие слабостью Центра, начнут гнать тех кто поднимал и развивал их нищие республики..

Александр рассказывал настолько красочно что он будто наяву видел картины

испуганных русских женщин и детей, которых гонят с насиженных мест улюлюкающие молодчики с полного попустительства местных властей! Кулаки сжимались от гнева, представляя как травят русских детей их же одноклассники! В груди поднималась ярость... Окажись он там, монархист знал бы что делать! И сделал бы, без всяких сомнений! Просто взять оружие и убивать! Всех кто скажет хоть слово против русских! Кто хоть вякнет о том что они оккупанты! За каждую слезу русского ребёнка или женщины должны ответить не только сами местные ублюдки но и их жёны и дети! Око за око! Только так! К чёрту эти странные слова "политкорректность" и "толерантность"! Никакой жалости к поганым тварям! Раз они не ценят добро, которое им оказали русские, поднимая промышленность и развивая все эти придатки империи... что ж, значит надо показать им злобу разбуженного медведя, которого долго тыкали палками!

Беда русского, а теперь и советского народа в том что он слишком добр и снисходителен к своим врагам... Берёт в плен там где надо уничтожать, прощает тех кто достоин только виселицы или расстрела. К счастью, Алексей не такой... он помнит все обиды и хранит в сердце ненависть, которая угаснет только со смертью врагов или его самого. Бог велит прощать? Вот пусть он и прощает, раз такой добрый. Ему больше нравился пример Содома и Гоморры, где тот же Бог не стал особо разбираться и уничтожил всех скопом.

Но когда монархист решил что уже всё закончено и можно успокоиться то получил новую порцию впечатлений. Ненавистный Союз распался... И всё оказалось даже ещё хуже чем он думал, хотя казалось, куда ещё-то? Увы, это было ещё не дно... Рухнувшая на колени страна, с отколовшимися от неё территориями, обильно политыми кровью русских солдат. Нищие люди, продающие последнее на улицах чтобы выжить... пустые ассигнации, когда-то называвшиеся деньгами. Профессора, учёные массово уезжающие за границу из закрывающихся институтов... Безработные, готовые на любую работу. Засилье предателей в новом российском правительстве... Сепаратизм на Кавказе, в Татарии, в Башкирии и других местах... Влачащие жалкое существование осколки бывшей советской армии. Жирующие на всём этом всякие дельцы, активно торгующие чем попало. Бандиты, устраивавшие перестрелки на улицах... Радостные "западники" и продавшиеся с потрохами либералы, жмущие руку продажным политикам на их пути к светлому, демократическому будущему..

Он испытывал странное чувство. По идее, Алексей должен радоваться тому что проклятая советская империя рухнула и страна снова стала свободной... Но, почему-то, такая свобода оказалась хуже неволи. Не было у трона... то есть, руля жёсткого, уверенного в себе человека, который бы стал поднимать страну не обращая внимания на всякий либеральный визг обнаглевших от вседозволенности существей. Демократия России противопоказана, ей нужен твёрдый правитель и идея, сплачивающая народ, иначе снова разброд и шатания как в басне Крылова. Правда, Саша обмолвился что после какого-то Ельцина к власти пришёл бывший агент НКВД, или КГБ, который начал пытаться поднимать страну, но он уже не слушал, охваченный своими эмоциями..

Особенно его поразило то что, по словам Александра, многие русские... точнее, уже россияне, взяли моду каяться. Причём, почему-то перед своими же бывшими осколками, а заодно и перед всем миром. Дескать, извините нас что мы такие вот тёмные и агрессивные... Чушь какая-то! По его мнению, России да и всем её жителям не за что каяться! Мы... Они всё делали правильно! Немыслимо, извиняться за себя и свой народ перед чужими! Просто верх безумия! Ладно бы перед семьёй, друзьями... но извиняться

перед прибалтами, украинцами, кавказцами за то что мы русские?! Да ни за что! Где это видано чтобы иностранцы ругали свою страну и извинялись, допустим, за наполеоновское вторжение, за Крымскую войну? Такого нет и ни один здраво мыслящий патриот никогда так не сделает, просто потому что ему и в голову такое не придёт! "Моя страна всегда права!" Эти слова должны быть намертво выбиты в душе каждого!.. Ты можешь быть недоволен властью, царём, генсеком, президентом... Но это твои личные обиды на конкретного человека! Ненавидеть из-за этого свою страну и ожидать её поражения — это предательство, за которое может быть только одно наказание! Смерть!

— Я согласен! — внезапно услышал он слова своего пленника. Мысленно погрузившись в раздумья Алексей чертыхнулся. Опять потерял бдительность! А если бы Александр снова напал на него? Нельзя такого допускать! И тут до него дошло..

— Согласен? — переспросил монархист. Неужели Саша действительно согласился? Или это ловушка и он на что-то надеется? — То есть, ты готов пойти на сотрудничество с нашей организацией?

— Да, готов! — прямо ответил тот. — Но при некоторых условиях. Про гарантии не говорю, всё равно бесполезно.

— Хм... Удивил ты меня, Александр, порядком удивил... — задумчиво погладил подбородок Залесский. — И какие условия?

— Сначала про то что мне нужно будет делать, если соглашусь? Не люблю покупать kota в мешке.

— Справедливо! — вынужден был признать монархист. — Мы с тобой условимся о месте встречи, где сможем обмениваться посланиями. Конечно, это будет не сразу. Какое-то время тебя, скорее всего, посадят под замок и станут допрашивать, чтобы узнать что нужно было похитителям в моём лице. Но потом, думаю, выпустят. Конечно, охрана станет бдительнее но, уверен, выход для общения между нами я найду. В записках стану упоминать темы и мысли, которые ты должен будешь озвучивать Сталину и Берии. Например, смягчение и пересмотр приговоров заключённых по политической статье. Да и вообще, немного ослабить гайки на народе не помешает.

— Вряд ли от этого будет толк! — покачал головой пленник. — Я могу им что-то говорить, но как распорядиться этой информацией решают они сами.

— Ничего, главное, подать им нужные мысли правильными словами... — не согласился с ним Алексей. — Я тебе потом скажу и научу как можно жонглировать словами.

Тот странно усмехнулся и кивнул.

— Хорошо! Вот моё условие — никаких сведений и доказательств того что я согласился работать на вашу организацию быть не должно! — категорически потребовал Александр. — Я не хочу попасть в застенки из-за того что внезапно всплывёт компрометирующая меня бумажка.

— Не пойдёт! — так же категорически отказался Залесский. — Я должен иметь способ контролировать тебя! Думаешь, что поверю на слово и выпущу? Нет, я не такой легковёрный дурак. Будь у тебя семья или другие близкие родственники то мог бы через них... Но таких у тебя нет. Поэтому напишешь расписку! Это обязательное условие! Может и ещё условие будет..

Помолчав и стиснув зубы от злости, пленник нехотя кивнул. Похоже, понял что у него нет выхода. Иначе Алексей принудил бы его к нужному результату пытками. Есть много способов причинить боль человеку не уродуя его и даже не оставляя следов..

— Дальше что? Отпустишь меня, наконец? — спросил Саша, внезапно успокоившись и расслабившись.

— Конечно! — пожал плечами монархист, с улыбкой наблюдая за ним. — На свободе ты нужен мне гораздо больше чем здесь, я же, вроде, говорил..

— Ладно, давай быстрее покончим с этим и ты отпустишь меня! — нетерпеливо сказал он. — Где там надо подписаться кровью?

Несколько секунд Алексей внимательно наблюдал за ним. Такая внезапная уступчивость и даже энтузиазм удивили его. Он иначе представлял себе такой результат. Думал что придётся долго убеждать, угрожать, даже бить, чтобы тот согласился. Но Александр невольно ломал все его представления... Неужели он не понимает последствий, если напишет бумагу? Или надеется потом отнять и уничтожить?.. Пожалуй, в данном вопросе лучше не торопиться и обождать денёк, отговорившись что у него нет с собой бумаги и пера. Кстати, это и на самом деле так. Забыл совсем... А вечером хорошо обдумать поведение пленника и понять где тут причина такого неожиданного согласия. Что-то уж слишком всё подозрительно..

— Завтра я принесу всё необходимое... — обронил он, снова насторожившись. — А пока ещё одну ночь проведёшь тут. Спешить нам некуда, Берия не особо тебя ищет, похоже..

Сжав губы в тонкую линию Александр медленно кивнул и сам отошёл к стене, дав возможность Залесскому вылезти наружу.

— До завтра, Саша! — попрощался с ним монархист но ответа снизу так и не дождался. Пожав плечами, он снова привёл замки на люке и дверях в порядок и быстро покинул садовый участок, не заметив ничего подозрительного.

Берлин.

7 мая 1940 года. Вечер.

Лаура Блюм.

— Проходи, Лаура! — пригласил её доктор Венцель, приветливо показав рукой на стул у стены. Рядом с ним стояла фрау Кох с непроницаемым лицом. Девушка вопросительно посмотрела на них и, осторожно подойдя к стулу, присела на него, расправив на коленях платье.

Вызов к своему начальнику застал её в конце рабочего дня, когда она уже переоделась и готовилась отметить на стойке регистратуры. Удивлённо пожав плечами, девушка развернулась и направилась в знакомый кабинет, в котором уже бывала много раз. Её стажёрка, которую она обучала вместо себя, помахала Лауре рукой и выпорхнула из здания клиники. И теперь она сидела здесь, гадая по какой причине была вызвана..

Помолчав и мельком переглянувшись с фрау Кох, доктор Венцель приветливо улыбнулся и спросил:

— Скажи, Лаура, что ты скажешь о успехах твоей стажёрки, Хелен Нойманн? По твоему, она справляется с обязанностями медсестры?

Она задумалась на несколько секунд, вспоминая все процедуры которые делала новая стажёрка под её руководством, и уверенно ответила:

— Я считаю что Хелен полностью готова заменить меня, доктор Венцель! У неё есть способности к обязанностям медсестры, ей нравится работать с пациентами и я уверена что она хоть завтра может работать самостоятельно, без моего присмотра. Очень способная

девушка!

— Ну это уж я буду решать, Лаура... — твёрдо заявила старшая медсестра и посмотрела на доктора.

Тот кивнул головой и сказал:

— Завтра для вас с Хелен важный день! Фрау Кох устроит ей экзамен и посмотрит как она справляется со своими обязанностями. Если дело обстоит так как ты говоришь то завтра станет для тебя последним рабочим днём в нашей клинике. Видит Бог, ты мне нравишься и я не хотел бы тебя отпускать но просто не имею права сдерживать твой патриотический порыв помочь нашим раненым солдатам и офицерам на фронте! Это наш долг, Лаура, долг медика, и я горжусь тобой! Уверен, благодаря и твоим усилиям наши потери будут меньше чем могли бы! — закончил он слегка напыщенным тоном.

— Спасибо вам, доктор! — невольно расплываясь в улыбке ответила девушка. Какой приятный сюрприз! Если у Хелен всё получится то уже послезавтра Лаура встретится с Гюнтером! Эх, побыстрее бы!..

— Будь уверена, девочка, спрашивать её буду строго и без всяких скидок! Поняла меня? — внимательно посмотрела на неё фрау Кох.

— Конечно! Но я уверена в ней как в самой себе! — ответила Лаура со спокойной совестью. Всё что могла и знала сама, она ей передала. Главное, чтобы та не растерялась и ничего не перепутала.

— Что ж, тогда можешь идти домой! — отпустил её доктор Венцель и ободряюще улыбнулся.

Вежливо распрощавшись с начальством Лаура вышла из кабинета и, не в силах сдержать свою радость, побежала вниз по лестнице, стуча каблучками туфель. Вихрем пробежав по холлу и помахав рукой медсестре за стойкой, она вырвалась на улицу.

Солнце уже садилось, но было ещё тепло. Листья на деревьях шелестели на лёгком ветру, который ласково обдувал её лицо. Путь на трамвае до дома не занял много времени и уже скоро девушка поднималась на свой этаж, предвкушая как примет душ, поужинает и ляжет спать чтобы побыстрее настал следующий день.

Весело напевая какой-то привязавшийся мотив она остановилась перед дверью и, покопавшись в сумочке, вытащила ключи. И только сейчас заметила небольшой конверт засунутый уголком в щель между дверью и косяком. Заинтересовавшись, Лаура другой рукой вынула конверт и с любопытством посмотрела на адресат отправителя... В следующий миг девушка едва смогла сдержать радостный возглас! Письмо было от любимого Гюнтера! Он написал ей!..

Буквально на ощупь открыв дверь, она зашла в квартиру и захлопнула её обратно, не смея оторвать глаз от драгоценного кусочка бумаги. Бросив сумочку на пол, Лаура быстро прошла в комнату и осторожно развернула конверт... Вот его знакомый почерк, который девушка видела столько раз!..

"Моя горячо любимая Лаура! Прошло всего несколько дней но я уже скучаю по тебе! Со времени нашего с тобой знакомства, в результате несчастного случая который произошёл со мной, прошло около месяца но за это время я очень привязался к тебе! Более того, твоя любовь зажгла то же чувство и в моём сердце. Теперь я знаю абсолютно точно — мы с тобой связаны навсегда и никому не дано разорвать нашу душевную связь! Каждый день я думаю о тебе, представляю как ты живёшь там, в Берлине... Как сладко спишь, как одеваешься, идёшь на работу, слушаешь фрау Кох и ухаживаешь за пациентами. Даже во сне ты являешься ко

мне и утром я просыпаюсь и оглядываюсь вокруг, с сожалением убеждаясь что это лишь сон. А на самом деле ты далеко от меня... Увы, мне остаётся только письма писать и вспоминать наши горячие ночи которые, несомненно, продолжатся когда мы снова встретимся.

У меня всё хорошо, служу, занимаюсь с солдатами. Возможно, следующее письмо от меня придёт не скоро, нашу часть могут бросить... хм, в любое место и почта не сразу доберётся до нас.

Как там твои подруги? Ева, Лотта, Аннелиза с Катариной? Общаешься с ними? Я очень доволен что ты подружилась с этими славными девушками и рад вашей крепкой дружбе. Хоть и говорят что женской дружбы не существует но я надеюсь что в вашем случае она обязательно будет!

На этом я заканчиваю своё письмо, милая! Передавай привет своей матери, фрау Кох и доктору Венцелю! И конечно, своим подружкам! Горячо целую в шею, ушки, губы... а также ниже и ниже)) Всё, пора идти! Скучаю и люблю!

Твой Гюнтер. 04.05.40 "

Покраснев, Лаура поцеловала письмо и бережно положила на столик возле кровати, на которой они с Гюнтером так часто безумствовали. Перед сном она обязательно снова его перечитает а пока нужно принять душ и перекусить чем-нибудь. С отъездом любимого готовить стало не для кого, ей же самой много не надо, попробует немного поесть и всё... К тому же фигуру надо сохранить, а то Гюнтер неприятно удивится когда они снова встретятся. Уезжал от стройной а приедет к нему какая-то пышка... Нет, на такое Лаура не согласна! Да и самой ей нравится быть красивой а не полной!

Снова напевая полюбившийся мотив, девушка быстро направилась в ванную. На сердце было радостно и легко... Скоро, совсем скоро она снова обнимет и поцелует его! Если же он захочет большего... а он точно захочет!.. то Лаура с удовольствием покажет ему как горячо соскучилась по своему высокому, красивому и самому лучшему мужчине в мире!

Москва.

8 мая 1940 года. Утро.

Александр Самсонов

Наверху слышались знакомые звуки и Саша увидел как, после скрежета замка, поднялся наверх люк, отделявший его от свободы. Сегодня для него настало решающее время когда, наконец, решится вопрос быть ему свободным или же самому надеть себе ошейник, подчинившись этому мужику из таинственной организации. Кстати, из истории будущего он не помнил ни единого упоминания об этой компании чекистов-оппозиционеров. Хотя это тоже мало о чём говорит... Он ведь специально не искал про неё. Да и вполне возможно что организация была разгромлена по каким-либо причинам и все кто о ней знал были мертвы. Впрочем, это уже неважно, всё равно вступать в эту мутную компанию Саша не собирался. Во-первых, ему не внушал доверие этот Алексей... Одно его похищение и убийство охранников уже говорит о многом. Во-вторых, Александр по прежнему был уверен что устранение Сталина перед тяжёлой войной скорее навредит стране чем поможет. Да, он не испытывал пиетета перед усатым грузином, как это делали множество попаданцев в книгах других авторов... Но в данный отрезок истории страны он был нужен ей. Как символ, как хороший организатор! Победить в войне с наименьшими потерями — вот что главное! А вот

потом уже можно подумать и о операции "Преемник"..

Саша усмехнулся, вспомнив историю когда Путин подобрал вместо себя своего соратника, чтобы сохранить преемственность власти и не допустить отхода от своего курса перед пятидневной операцией по принуждению поедателя галстука к миру. Оригинально получилось тогда... По закону всё чётко вышло, а потом ВВП вернулся..

— Я смотрю, у тебя сегодня хорошее настроение? — улыбнулся его похититель, заглянув в погреб. — Уже предвкушаешь свободу?

— Да, я всё решил и готов к сотрудничеству! — уверенно кивнул головой Александр, вспомнив про импровизированное оружие, которое может помочь ему обернуть ситуацию в свою пользу.

Да уж... этот мужик хорошо продумал его место заточения и убрал из него всё что может быть использовано в качестве предмета для атаки. Ни камня, ни палки, ни железки... ничего! Разве что атаковать помойным ведром? Ха-ха... Пришлось использовать ЭТО. Попытка у него будет только одна. К сожалению, этот гад намного лучше него владеет всякими приёмчиками поэтому его преимущество — внезапность! Надо сделать так чтобы тот расслабился, решив что Саша окончательно сломался..

— Что ж, тогда не будем терять время и оформим наш договор маленькой формальностью! — ответил на это Алексей, спустившись вниз и вытащив из кармана лист бумаги, заполненный текстом. Протянув его Саше, мужик тут же отступил назад, не спуская с него глаз. Видно было что он настороже и готов к возможной атаке. Ну никто и не обещал что будет легко, верно? — Откровенно говоря, я хотел повязать тебя кровью, заставив убить кого-нибудь... Но поверю в твою искренность и не стану этого делать. Надеюсь, что не пожалею об этом?

Отрицательно покачав головой и взяв листок Александр быстро прочитал его. Как и ожидалось, это была, своего рода, клятва на верность организации оппозиционеров. В ней указывалось что Саша целиком и полностью разделяет её цели и готов не щадя жизни способствовать победе над прогнившим режимом узурпатора-Сталина, по вине которого российский (или советский?) народ терпит лишения и муки. Попади такая бумага к Берии, последствия для Александра были бы хуже некуда. Но подписать придётся, иначе чёртов монархист так и останется напряжённым как струна, а в таком положении любое нападение на него завершится гарантированным провалом. Слишком уж большая разница у них в силе, и опыте. Ну, была не была..

Предусмотрительно вынутое перо было положено мужиком на пол. Не колеблясь, Саша взял его и размашисто подписал, естественно, не своим родным почерком а что-то отдалённо похоже. Постаравшись улыбнуться как можно искреннее, он протянул листок обратно... Сейчас всё случится!

Алексей автоматически протянул руку в ответ чтобы взять листок и в этот момент Александр начал действовать... Левая рука, всё это время сжатая в кулак, резко метнулась в сторону мужика, выбрасывая в его сторону... песок! Да, обычный песок, который он насобирал по полу погреба. Больше ничего подходящего предусмотрительный похититель ему не оставил. Что ж, песок ему был нужен лишь для отвлечения внимания..

Рука Алексея, протянутая к листку, тут же взметнулась вверх, пытаясь отбить то что Саша в него бросил но, естественно, не получилось. Часть песка, к огромной удаче Александра, попала противнику в лицо и тот невольно вскрикнул, закрыв его второй рукой. Саша не терял времени и сразу атаковал, пытаясь нанести ему сильный удар кулаком.

Зарычав, противник постарался отпрыгнуть в сторону, один глаз был зажмурен, видимо, из-за песка, зато другой горел от ярости. Но внезапность нападения всё же помешала ему и он споткнулся, упав на пол. На мгновение Саша растерялся... Что делать? Кинуться на Алексея? Но не факт что получится победить, ведь тот сильнее и опытнее, уже успел убедиться в этом... Или сразу рвануть по лестнице наверх пока тот валяется и пытается прийти в себя? Ладно, к чёрту этого гада, свобода важнее!

Прыгнув на лестницу и быстро перебирая конечностями он схватился руками за край люка и попытался подтянуться... И тут же почувствовал как в его ногу крепко вцепились чьи-то руки! Хотя понятно чьи... Упёршись локтями чтобы не свалиться, Саша кинул взгляд вниз. Так и есть... Алексей, жмурясь одним глазом и ощерив рот, тянул его руками к себе.

— Куда, щенок?! Думаешь, ты меня... — издевательски начал он, но Александр не стал терять время даром.

Его вторая нога, обутая в сапог, мгновенно опустилась и, не успевший среагировать мужик, с криком боли опрокинулся назад, едва не сдёрнув за собой Сашу. Каблук сапога сокрушительно ударил похитителя в лоб, отчего тот свалился на пол погребца и застонал, видимо, оглушённый. Хотевший уже выскочить из люка Александр вспомнил про расписку и, мысленно выругавшись, спрыгнул обратно. С наслаждением ударив ногой по животу он хотел было повторить тоже самое по лицу но Алексей закрыл его руками и попытался сделать подсечку. Из-за удара ногой его скорость движений была невысокой, поэтому Саша без труда увернулся. Схватив с пола листок бумаги, он засунул его в карман и, теперь уже без помех, вылез из люка. Конечно, была мысль чтобы добить этого урода, но Саша не был уверен что ему хватит сил это сделать... К тому же его посетила соблазнительная мысль запереть мужика в погребе, добраться до своих и сдать его парням Берии. Стопроцентно, у них к нему будет очень много вопросов! Пусть посидит, сука, под замком, как это был вынужден сделать Саша.

Едва опустив за собой люк, он был вынужден сесть на него, потому что снизу раздался сильный удар и злобный крик обманутого мужика. Крышка была толстой и тяжёлой, поэтому тот не мог вылезти пока на ней был вес самого Александра. Чёрт, где же замок? Быстро оглянувшись вокруг Саша не увидел ничего знакомого. Куда его дел этот оппозиционер несчастный?

Так и не найдя замка, Александр задумался, чем бы придавить крышку? Сидеть на ней всё время не вариант. Наконец, его взгляд остановился на большом шкафе, стоящем у стены напротив люка. Если его опрокинуть на него... В принципе, его веса должно хватить чтобы Алексей не смог его поднять.

Встав на ноги, Саша схватился за шкаф и потянул на себя. Тот слегка накренился но в таком положении веса Александра явно не хватало чтобы его повалить. Придётся сойти с люка, упереться в стену и тогда уже уронить. Весь вопрос в том успеет ли он это сделать прежде чем пленник распахнёт люк и вылезет наружу. Да, проблема..

Удары под люком на некоторое время стихли и Саша решил воспользоваться этим. Постаравшись не шуметь, он слез с люка, готовый тут же вернуться если тот начнёт подниматься. Но пока всё было тихо... Подкравшись к стене, Александр упёрся в стену, поднатужился и шкаф начал понемногу наклоняться.

И тут снова раздался удар в люк! Крышка вздрогнула и приподнялась на несколько сантиметров. Сука, он сейчас поймёт что никто на ней не сидит и попытается вылезти! Саша удвоил усилия и шкаф начал падать прямо на люк. В этот же момент снизу раздался сильный

удар и крышка снова поднялась, но опуститься ей не дала сильная рука Алексея, который хотел распахнуть её и вылезти наружу. К счастью, большой шкаф успел с грохотом рухнуть на люк и окончательно захлопнул его, едва не отрубив пальцы мужику. Снизу раздался крик ярости. Всё, дело сделано!.. Теперь тот уже никуда не денется.

Усевшись прямо на пол Александр вытер пот со лба и задумался. Надо уходить отсюда немедленно! Хоть Алексей и приходил к нему всегда один но где гарантия что нет рядом его сообщников? Если их нет в доме, то вполне возможно, они во дворе или на улице.

Отдохнув несколько минут Саша поднялся с пола и недовольно сморщился, почувствовав свой запах... От него густо воняло потом, к тому же он чувствовал себя грязным. За время заключения, понятно, не мылся и вот результат. Прячась за занавесками, выглянул в окна но никого во дворе не заметил. Неужели те на улице? Странно..

Быстро обыскав домик Александр не нашёл ничего нужного. Ни оружия ни еды... Сразу видно, хозяина долго не было, везде пыль и запах нежилого помещения. Что ж, пора валить, как говорится..

Поминутно останавливаясь и прислушиваясь, он вышел из домика и добрался до калитки. Осторожно выглянув и не заметив ничего подозрительного, Саша вышел на улицу и задумался. Вокруг не было ни души. Все соседние дома, насколько он видел, не подавали никаких признаков присутствия человека. Похоже, Александр находился в каком-то посёлке... или садовом товариществе? Причём, тот подвал, в котором его держали, был расположен на самом крайнем участке. Улица, вдоль которой стояли дома и сараи, уходила куда-то за рощу, скорее всего, к дороге.

Здесь, видимо, пока никого нет, рабочий день. Значит, лучше направиться по этой улице к дороге, поймать там машину и вернуться в Москву. Вряд ли это товарищество находится слишком далеко от столицы.

Уже на выходе из дачного посёлка Саша заметил слегка ржавую табличку, прибитую к забору крайнего участка, и надпись — Садовое товарищество Отрадное. Так, теперь хоть ясно как это место называется. Вынув листок со своей подписью о "добровольном" сотрудничестве он разорвал его на мелкие клочки и выкинул в придорожную канаву, где медленно текла вода. Скоро бумага промокнет и всё написанное расплывётся безвозвратно, может и вообще затонет.

Напоследок окинув взглядом улицу и участки Александр повернулся к ним спиной и бодро направился по утоптанному просёлку к дороге, к которой та выходила..

Берлин.

8 мая 1940 года. Утро.

Ханна Грубер.

— Так, внимание! Все слушаем меня! — громко крикнула она, окинув взглядом всех кто сейчас отправится вместе с ней в поездку. — Вы все должны понять одно... Мы едем к нашим лучшим солдатам, охранникам самого фюрера! Это великая честь для нас и мы обязаны её оправдать! Поэтому делаем всё чтобы эсэсовцы из "Лейбштандарта" остались нами довольны! Помните, наша задача поднять их боевой дух и мы это сделаем! Всё ясно?! — строго спросила женщина.

— Да!.. Мы понимаем, фрау Грубер!.. Можете на нас рассчитывать!. — услышала Ханна разноголосые крики и довольно улыбнулась.

Она и её сотрудики, отобранные для поездки, стояли перед главным входом дожидаясь команды садиться в автобусы, стоявшие за оградой. Всё было готово, все нужные распоряжения отданы и люди проинструктированы. Пора ехать!..

Получив приказ, люди начали залезать в автобусы, весело переговариваясь. Снова окинув их взглядом Ханна усмехнулась. Почти 3/4 человек, которых она взяла с собой, состояли из молодых девушек и женщин. Уж она-то знала как сделать так чтобы множество сильных, половозрелых мужчин были довольны их визитом! Многие из этих девушек, на самом деле, были не особо нужны для этой поездки, так как были из других отделов министерства, но всё равно были отобраны Ханной исключительно исходя из их внешности. Солдаты и офицеры явно будут в восторге от прибытия к ним в гости стольких красоток, а значит и мероприятие тоже будет успешным.

Подождав пока её "курочки", как она мысленно назвала их, рассядутся в автобусы, Ханна села в служебный автомобиль и подала команду трогаться на вокзал. Дорога не заняла много времени и уже через полчаса специально выделенный им небольшой состав с парой вагонов отошёл от перрона. Ханна, пользуясь своим привилегированным положением, заняла целое купе и со вздохом облегчения расстегнула форменный пиджак. Хоть и утро но солнце уже начало согревать сиденья и становилось жарко. Приоткрыв окно, женщина высунула голову наружу, пытаясь насладиться свежим воздухом но тут же была вынуждена закрыть его снова из-за чёрного дыма паровоза, едва не закашлявшись.

Вздохнув и повесив шляпку на небольшой выступ Ханна задумалась.

Муж не появлялся уже третий день... Да и чёрт с ним! Если хочет пьянствовать то пусть! Ей давно было плевать на него... Гораздо приятнее думать о том сюрпризе который она сделает Гюнтеру. Радостная улыбка появилась на её губах, когда Ханна представила как они останутся вдвоём. Между ног тут же стало тепло, в животе потянуло приятной слабостью а соски напряглись. Боже, как же он её возбуждает! Она мечтает о нём как настоящая нимфоманка у которой не было мужчины уже много времени! Хуже всего... или лучше?.. то что его хочет не только её тело но и сердце. А самое главное, ей просто не хочется сопротивляться этому чувству, которое незаметно всё усиливается! Как приятно наедине с ним сбросить эту тяжёлую маску уверенной в себе строгой руководительницы и хоть немного побыть слабой женщиной! Снять с себя ответственность и покориться грубой похоти, которая дремлет в них обоих! Ох, как же это возбуждает..

Внезапно раздался стук в дверь и на пороге появился проводник, за которым стояла красивая женщина, одетая в воздушное платье чёрно-белого цвета, отделанное кружевами на зоне декольте и кистях. На голове её была широкая белая шляпа с большим павлиньим пером, в руке маленькая сумочка, покрытая блёстками.

— Ещё раз здравствуйте, фрау Грубер! — поприветствовала она женщину, пройдя мимо молчаливого проводника, который закрыл за ней дверь. — Надеюсь, вы не возражаете против моей компании?

Ханна мысленно поморщилась. Вот чего эту русскую сучку сюда принесло? Не сидится ей в своём купе? Но лицо женщины расплылось в радушной улыбке и она приветливо ответила:

— Что вы, Ольга, конечно нет! Я очень рада что вы заглянули ко мне! Присаживайтесь!

— Спасибо, фрау Грубер! — поблагодарила её известная актриса и присела напротив.

— Можете называть меня просто Ханна, я не возражаю... — предложила она, продолжая улыбаться.

Немецкая актриса русского происхождения Ольга Чехова была элегантной женщиной и, вдобавок, очень красивой. Вчера Клара доложила ей что в городе находится в числе прочих и она, удостоенная звания Государственной актрисы в 1936 году. Дважды побывав замужем и родив дочь, которая тоже была Ольгой и пошла по стопам матери, она до сих не растеряла своего очарования, умудряясь в свои 43 года великолепно выглядеть. Этот факт, неизвестно почему, раздражал Ханну, которая была всего на год её старше. Сделав выбор в её пользу и предложив Ольге поездку для поднятия духа воинов СС сейчас она уже начала жалеть об этом, так как почувствовала рядом невольную соперницу. Хотя, казалось бы, причём тут это?..

— Прекрасная погода, не так ли? — светски спросила киноактриса, вынув из сумочки небольшой веер и начиная обмахиваться.

Проследив взглядом дорогой и очень красиво украшенный аксессуар Ханна ответила:

— Вы правы, Ольга, сегодня довольно тепло... — решив сменить тему, она спросила: — Скажите, вы уже знаете что сказать нашим мальчикам при встрече?

— Думаю, да... Военные не слишком взыскательные в этом плане, поэтому я решила просто поговорить с ними, рассказать о себе. Сфотографироваться и дать автографы, если понадобится... — рассказала свою задумку актриса, закрыв глаза и плавно качая веером.

Ханна внимательно смотрела на неё. С самого детства ей внушали что русские — это варвары, грязные, косматые животные, которые только и могут что пить водку и плясать с медведями под балалайку. Сначала она в это верила но потом, повзрослев, к ней закрались некоторые сомнения... Ведь если так судить то как могла толпа пьяных варваров так долго сдерживать натиск армии кайзера? Да и Петербург с Москвой на фотографиях не были похожи на жилища недочеловеков. Хотя, может представители интеллигенции, такие как эта Ольга, выглядят как люди а простые русские совсем другие? В прошлом ей не доводилось разговаривать с русскими эмигрантами, почему бы сейчас этого не сделать? Всё равно в дороге делать нечего а так можно восполнить пробел в знаниях и удовлетворить своё любопытство. Естественно, мнение одного человека может быть пристрастным но что Ханна потеряет? Да ничего!

— Ольга, я совсем ничего не знаю о ваших соотечественниках... — начала она, усевшись с ногами поудобнее на своём сидении. — Может, вы расскажете кто такие русские на самом деле?

Актриса открыла глаза, медленно повернула голову и слегка улыбнулась. Её глаза, подведённые тушью, и накрашенные губы придавали ей вид женщины-вампа.

— Кто такие русские, спрашиваете вы? — повторила Ольга, отложив веер и задумчиво посмотрев в окно. — Что ж, я могу вам рассказать... Но моё повествование может быть долгим.

— А мы никуда не спешим! — парировала Ханна, усмехнувшись. — Ехать ещё несколько часов так что начинайте, я вас внимательно слушаю!

Германия.

8 мая 1940 года.

Ханна Грубер.

— Русские... это такая нация которую никто никогда не поймёт! — заговорила Ольга, не отрываясь от видов за окном. — Для того чтобы нас понять надо жить с нами. Долго жить. Разделять беды и горести, победы и успехи... Да и то не всегда получится. Наверное, любой иностранец сталкивается с этим. Например, я... Живу в Германии уже двадцать лет но всё равно не всегда могу понять вас, немцев. Точно так же и вы вряд ли сможете понять нас. Это нормально, просто у нас менталитет разный.

— Понимаете, Ханна, русские отличаются от всех остальных народов обострённым чувством справедливости! — продолжила женщина. — Бывает, что мы действуем даже вопреки не только элементарной логике но и собственной выгоде. Просто потому что считаем это правильным! Мы добрые если к нам с добром, готовы отдать последнюю рубашку с тела. И в то же время бываем очень жестоки, наплевав не только на чужую жизнь но и на свою. Да, у нас много неприятностей в жизни, всяких проблем, правители бывают слабые или жадные... Да, это так! Но.. — Ольга запнулась и замолчала на несколько секунд.

— Но всё это наши особенности! Хорошие или плохие, но они наши! — снова заговорила актриса и в её голосе появилось волнение. — В нашем народе спит великая сила, которая просыпается, к сожалению, только тогда когда стране угрожает смертельная опасность. А пока этого нет... мы терпим когда нас бьют, унижают, притесняют. Часто говорим что это всё ерунда, лишь бы не было войны. Вот наш самый главный страх! Мы миролюбивы когда нас не трогают, пока не пытаются прийти всякие Карлы, Наполеоны... И вот только тогда эта сила просыпается и объединяет нас! Правильно Россию сравнивают с медведем. Пока он спит, всё спокойно. Но не дай Бог какому-то охотнику начать его дразнить, думая что быстрые ноги или винтовка спасёт его... Нет, не спасёт! Даже раненый медведь смертельно опасен! Просто не надо лезть к нему, вот главный постулат для иностранцев! "Кто к нам придёт с мечом — тот от него и погибнет!" Это слова одного из наших древнерусских князей, который защищал северо-западные рубежи Руси от крестоносцев.

Ханна не была сильна в истории и не поняла как освободители гроба Господня могли оказаться на границе древней России, но решила не уточнять. Вместо этого просто кивнула, показав что вся во внимании.

— Я хочу сказать что не важно сколько будет врагов! Не важно чем они будут вооружены! Если Россия поднимется и пойдёт на врага то уж потери считать не будет, ни свои ни, тем более, чужие! Важна только победа, всё остальное второстепенно! — взволнованно сказала Ольга, неосознанно снова взяв в руки веер. — Жертвенность нашего народа всегда была очень высока. Просто когда на нашу землю приходят чужие то все русские на время откладывают всё менее важное, берут оружие и идут на врага.

— Скажите, что вы испытываете к большевикам, которые сейчас захватили вашу страну? — решила узнать Ханна. — Наверное, ненавидите?

— Мне их жалко... — грустно покачала головой актриса. — Их просто оболванили,

внушили чужие мысли о равенстве и братстве и они пошли против своих соотечественников. Гражданская война — это самое худшее что может произойти в любой стране. Когда брат идёт на брата а сын на отца, это... это ужасно! Такого просто не должно было быть!

— Неужели вы не хотели бы их наказать? — удивилась Ханна словам Ольги. — Ведь они лишили вас Родины, близких и знакомых?

— Да, раньше я хотела это сделать! — подтвердила женщина. — Но потом подумала и решила что если русский народ сам выбрал себе такую власть то пусть и живёт с ней. Лично у меня нет никакого желания возвращаться туда пока правят коммунисты, но если случится что-то такое что изменит страну то, конечно, я приеду... Снова хочу увидеть Москву, Кремль, собор Василия Блаженного, если его не разрушили большевики. Пройтись по Красной площади, по другим улицам... И Петербург тоже... Его старинные каналы, помнившие Петра Великого и поступь гвардейских полков... — её голос дрогнул а в уголке глаза показалась слезинка. Вытащив из своей сумки платок, актриса осторожно вытерла её и сглотнула. — Извините меня, Ханна.

— Что вы, я отлично вас понимаю! — искренне ответила женщина, поневоле проникшись сочувствием к русской эмигрантке. — Лишиться возможности жить на Родине — это самое худшее для того кто любит свою страну! Я не понимаю космополитов, для которых не важно где жить! Для меня навсегда Германия останется самой любимой страной и я нигде бы не захотела жить кроме как здесь! — твёрдо закончила Ханна.

— Я рада что вы понимаете это! — кивнула Ольга, убрав платок обратно. — Я чувствую то же самое по отношению к России. Ваша страна прекрасна, красива и богата... но меня всё равно тянет к нашим берёзкам.

— У нас тоже берёзы растут! — улыбнулась Ханна.

— Да, я знаю... Но они немецкие а я хочу наши, русские! — тоже улыбнулась актриса.

Обе женщины рассмеялись. Чувство раздражения, бывшее у Ханны при появлении эмигрантки, бесследно прошло. Оказывается, эта кинодива вовсе не напыщенная сучка как сначала решила она. Тем лучше..

— Ольга, некоторые мои собеседники высказали мысль что Германия может в будущем напасть на Россию и раздавить коммунизм. Скажите, как вы относитесь к этой идее? — задала женщина провокационный вопрос.

— Это была бы катастрофа! — горячо ответила актриса, к изумлению Ханны. — Если это случится то даже те кто не слишком любит Сталина всё равно будут сражаться против вас! Вы просто объедините всех русских вокруг него, понимаете? Я же говорила про русского медведя! И в этом случае будет так же.

— По-моему, вы преувеличиваете... — покачала головой несогласная Ханна. — Наша армия самая сильная в Европе, вооружена отличным оружием, никто не сможет победить её!

— Нет, Ханна, вы не понимаете... — убедительно говорила Ольга. — Даже если судить по размеру территории и количеству населения то у России огромное преимущество. На каждого вашего солдата большевики могут выставить десять. И по технике то же самое. Даже если вы будете показывать чудеса храбрости и героизма то всё равно лишь отсрочите поражение. Извините, но это правда. Ведь если подумать то даже занятие вами Москвы не принесёт победу Германии. Большевики просто отступят на Урал и закрепятся в горах. Они могут себе это позволить а вот Германии не хватит ни войск ни ресурсов для этого. Такое уже было когда Наполеон захватил Москву, ему это не помогло. И не забывайте о партизанах, Ханна! Их будет очень много, я заранее это знаю!

— И что же тогда вы предлагаете делать с большевиками? Просто оставить их в покое? — скептически спросила женщина. — Но вы же знаете что они хотят захватить весь мир и насадить везде свой коммунизм! Мы не потерпим такого!

— Уверена, это просто демагогия! — покачала головой Ольга. — Ни у одной страны не хватит сил чтобы захватить мир, даже у России! Не забывайте, ведь кроме Европы есть ещё и Америка. А она явно не симпатизирует ни вам ни большевикам! Моя самая большая мечта — чтобы русские и немцы больше никогда не воевали между собой!

— Даже не знаю что вам сказать на это, Ольга... Пока у власти в России Сталин, это вряд ли возможно... — не разделила её мечту Ханна.

Они помолчали несколько минут, обе глядя в окно под стук колёс, на проносившиеся мимо поля, рощи и маленькие станции, на которых их состав даже не снижал скорость.

— А что мы всё о политике как какие-то мужчины? — встрепенулась актриса, задорно улыбнувшись. — Давайте лучше о другом? Например, о кино?

— А давайте! — согласилась Ханна, которой тоже наскучило сидеть и молчать. — Расскажите, в каком фильме вы сейчас готовитесь сниматься?..

Берлин.

8 мая 1940 года. Ранний вечер.

Лаура Блум.

— Что ж, Хелен, поздравляю вас! Вы правильно ответили и на этот вопрос! — скуп улыбнулась фрау Кох. — С завтрашнего дня можете полностью взять на себя обязанности Лауры. Экзамен сдан!

— А-а-а!! — радостно завизжала девушка, подбежала к Лауре и, не дав той опомниться, повисла у неё на шее. — Я знала! Знала что справлюсь! Спасибо, я тебе так благодарна!

— Молодец, Хелен! — обняла та её в ответ и с признательностью посмотрела на свою начальницу. — Я тоже ни минуты не сомневалась в тебе! Ты очень умная и способная медсестра! И теперь я буду абсолютно спокойна, зная что вместо меня здесь останется девушка которая нисколько не уступает мне в работе. — Всё, теперь можешь идти домой и завтра без опозданий!

— Конечно, Лаура! Ещё раз спасибо! — счастливо улыбалась бывшая стажёрка а теперь полноправная медсестра. — До свидания, фрау Кох!

Она отскочила от неё и вихрем выбежала из кабинета. Скоро её торопливый перестук затих вдали и в комнате настала тишина. Старшая медсестра тяжело вздохнула, встала из-за стола и подошла к Лауре:

— Точно решила поехать? Не передумала?

— Нет, фрау Кох, нисколько! — улыбнулась девушка и добавила с радостью, которую едва сдерживала: — Подумать только, завтра я уже увижу моего Гюнтера! Так скучаю по нему!

— Сильно любишь его? — с сочувствием спросила женщина, ласково обняв её.

— Очень-очень! — с жаром ответила Лаура, прижавшись к ней. — Кажется, готова на всё что угодно лишь бы быть с ним рядом! Согласна терпеть жару, холод, невзгоды... Только вместе!

— Эх... Повезло ему с тобой, девочка! — погладила её по голове фрау Кох и добавила материнским тоном: — Ладно, иди к доктору Венцелю, попрощайся и беги домой,

собираться.

— Спасибо вам за всё, фрау Кох! — широко улыбнулась она, поцеловала свою начальницу в щёку и быстро вышла из кабинета. И не увидела как старшая медсестра перекрестила её, а потом тихо прошептала:

— Храни тебя Бог, Лаура...

... — Ну что, девочка, вот и пришла пора нам с тобой прощаться! — улыбаясь, сказал доктор Венцель когда Лаура ворвалась к нему в кабинет. — Смотрю, настроение у тебя отличное?

— Да, доктор! Я уже вся в нетерпении! — кивнула девушка, в волнении перебирая руками свой подол. Она смотрела как Венцель что-то достал из ящика в столе и протянул ей.

— Вот, держи... Это твоё направление на перевод в санитарную часть полка "Лейбштандарт". Он находится недалеко от Мюнстера. Поезда ходят регулярно, так что завтра днём или ближе к вечеру ты уже будешь там. Я созвонился с начальником санчасти и он пришлёт за тобой машину на вокзал.

Взяв несколько бумаг из его рук Лаура порывисто вскочила, обежала стол и звонко чмокнула доктора в щёку, как недавно это сделала со своей начальницей.

— Огромное вам спасибо, доктор Венцель! — чувствуя как готова взорваться от счастья, воскликнула девушка. — Не представляю что бы я делала без вашей помощи! Вы такой добрый! Мне очень повезло что вы были моим высшим начальником! Надеюсь, со временем мы ещё встретимся с вами, правда?

— Почему-то я абсолютно уверен в этом, девочка! — согласно кивнул доктор. — А теперь можешь идти домой, я тебя не держу. И покажи там, на фронте, что у нас в Шарите самые лучшие медсёстры!

— Обязательно, доктор! — обернулась Лаура уже у двери, послав ему последнюю улыбку. — Можете быть уверены, я не подведу ни вас ни фрау Кох.

Переодевшись и сдав форму сестре-хозяйке она наскоро попрощалась с Фридой и другими знакомыми медсёстрами. Потом быстро добралась до дома и уже в квартире задумалась... Пожалуй, будет некрасиво если Лаура уедет ни предупредив своих новых подруг, Лотту и Еву. Да и Аннелизе с Катариной тоже надо сказать, пусть порадуются за неё.

Схватив телефонную трубку девушка набрала их номер и рассказала радостную новость. Аннелиза, которая и взяла трубку, очень обрадовалась и заставила Лауру пообещать что она непременно передаст Гюнтеру привет от них с Катариной и Роланда. Заодно выяснилось что письмо от него получила, оказывается, не только сама Лаура но и её подруги. Сначала девушка удивилась, почему её любимый написал им но потом успокоилась, решив что он просто привязался к спасённым им женщинам.

Затем настал черёд Лотты и Евы... К счастью, они обе оказались дома и радостная Лаура пригласила их к себе, на прощальный вечер. И та и другая с радостью приняли приглашение, обещав приехать в течении часа. А пока было время девушка достала из большого шкафа в коридоре свой чемодан и начала прикидывать какие вещи в него положить для своей новой службы в полевом госпитале СС...

Первой прибежала Лотта. Раздался требовательный звонок в дверь и, едва Лаура её открыла, внутрь протиснулась подруга, радостно обняв девушку.

— Здравствуй, Лаура! Что новенького у Гюнтера? — спросила она, не успев даже снять свой берет.

Лотта оказалась в форме "БДМ", объяснив это тем что совсем недавно пришла домой и не успела переодеться когда позвонила подруга. Лаура только открыла рот чтобы рассказать подробности как в дверь снова позвонили. Уже зная кто за ней, девушка её распахнула и снова улыбнулась, увидев гостью.

Ева вежливо расцеловалась с самой Лаурой и Лоттой а потом они прошли на кухню, где девушка успела соорудить на скорую руку лёгкий ужин с бутылкой вина.

— Вот ты меня удивила, дорогая! — покачала головой Лотта, когда они пригубили свои бокалы. — Я даже подумать не могла что ты на это решишься!

— Да, Лаура, я тоже была в изумлении... — поддержала подругу Ева. — Сказать по правде, я тебе даже завидую. Поехать за Гюнтером на фронт, где могут убить... На такое не каждая девушка бы отважилась.

— А я, почему-то, не боюсь! — смело сказала Лаура, глядя на своих новых подруг. — Наоборот, очень рада что уже завтра я увижу его. Так по нему соскучилась что даже плохо было на работе..

— А твоя мама уже знает что ты уезжаешь? — внезапно поинтересовалась Ева, хитро смотря на неё. — Неужели она тебя отпустила одну?

— Ох... — спохватилась Лаура, внутренне похолодев. — Я... Я решила ничего пока ей не говорить, иначе она устроит скандал и никуда меня не пустит. Моя мама очень властная. Только Гюнтер может с ней справиться... — призналась девушка, тяжело вздохнув. — Но как приеду к нему то позвоню или напишу ей, чтобы не волновалась.

— Понятно... — протянула Лотта. — Скажи, а тебе не приходило от него письмо?

— Точно, приходило! — радостно вскинулась Лаура. — Вчера пришло. Хотите, прочитаю?

— Конечно, хотим! — одновременно ответили её подруги и, посмотрев друг на друга, весело расхохотались.

Девушка быстро сбегала за письмом, принесла его и начала читать. Лотта с Евой не перебивали, ей показалось, они даже дыхание затаили.

— Как он тебя любит! — вздохнула Ева, рассматривая фотографию, причём Лауре почудилось что та произнесла это с еле скрытой завистью.

— Это точно! — поддержала её Лотта, в свою очередь прижимаясь к ней плечом чтобы тоже разглядеть снимок. — Красавчик, правда?

— Согласна, девочки! — кивнула Лаура, забирая у них фото и бережно положив на стол. — Каждый день без него для меня пытка..

— Ладно, что мы всё о грустном? — спросила Лотта, допивая бокал. — Лаура, включи, пожалуйста, патефон? Раз мы сегодня видимся в последний раз перед долгой разлукой то давайте проведём этот вечер весело?

— В самом деле, ты права, дорогая! — ответила Ева, делая то же самое. — А потом я вам расскажу что совсем недавно было со мной у фюрера. Ни за что не поверите!..

г. Нойенкирхен, Германия.

8 мая 1940 года. То же время.

Гюнтер Шольке.

Время было уже далеко после обеда, когда он, наконец, решил выйти прогуляться из дома в котором располагался штаб. На душе царила радость и даже глубокое удовлетворение.

Сегодня утром Эрих Ханке заявился к нему после построения вместе с каким-то высоким парнем в звании роттенфюрера. Худощавый блондин немного стеснялся когда стоял перед ним вместе с мальчишкой.

Гюнтер смутно помнил его. Этот роттенфюрер, который представился ему как Гейнц Рупрехт из Висмара, был в строю на недавнем смотре. Улыбающийся Эрих представил его как первоклассного писаря, что и подтвердил сам Гейнц. Оказывается, до поступления в СС он, ещё подростком, помогал отцу в делах его маленькой фирмы и имел хороший почерк.

Наскоро проверив его способности и искренне поблагодарив пронырливого Ханке, он усадил парня за свой стол, показал что и как писать а потом с чистой совестью вышел из дома, намереваясь прогуляться по хорошей погоде. Но решил повременить с этим и узнать почему несколько его бойцов собрались в углу двора и что-то оживлённо, со смехом, обсуждают.

Особенно слышался громкий голос его заместителя Брайтшайдера:

— Ну что, слабаки, кто готов показать свою выносливость? Смелее, я не кусаюсь! — насмешливо улыбался крепыш Бруно, оглядывая подчинённых.

Окружающие его эсэсовцы смеялись и качали головами, говоря что отлично знают Брайтшайдера и не собираются терять свои деньги в заведомо проигрышной ситуации. Гюнтер заинтересовался ещё больше и подошёл вплотную. Его заметили и кто-то крикнул:

— Смирно!

— Вольно! — тут же ответил он, не желая разрушать атмосферу веселья. — Что тут у вас происходит? Опять ты, Бруно? Не сидится тебе без дела?

— Да я тут решил немного проверить физическую форму этих сосунков, по какому-то недоразумению называемых элитой СС... — поведал ему заместитель, с нескрываемой насмешкой разглядывая бойцов. — И оказалось что мы командуем кучей юнцов не умеющих подтянуться как положено!

— Это правда? — усмехнулся Гюнтер, качая головой с показным огорчением. — Неужели всё настолько плохо?

— Ну... — протянул Бруно —.. у некоторых есть шансы превратиться во что-то большее чем пустое место. Но их мало..

Тут же раздался многоголосый гомон уязвлённых эсэсовцев.

— Эй, Бруно, хватит трепаться!..

— Чёртов Брайтшайдер, сразу видно что на гражданке мельником работал... Силён, медведь... — бурчали солдаты, отводя глаза.

— Да этого громилу никто не превзойдёт! — раздражённо махнул рукой какой-то обершутце. — Он, если захочет, броневик приподнимет..

— Не превзойдёт, говоришь? — задумчиво переспросил Гюнтер, озарённый идеей. Хм... А почему бы и нет? Если она получится то его авторитет станет ещё выше. А если нет?.. Что ж, тогда надо сделать так чтобы слово "нет" не осуществилось, только и всего... Плёвое дело!

— Против лома нет приёма если нет другого лома! — озвучил он одну из неистребимых поговорок Алекса. — Давай-ка, Бруно, посмотрим чего ты стоишь!

С этими словами Гюнтер снял китель и отдал одному из бойцов. Подошёл к длинному турнику, сооружённому так чтобы на нём могли подтягиваться сразу двое, и посмотрел на своего заместителя:

— Предлагаю такие условия... Подтягиваемся столько сколько сможем. Кто проиграет

— ставит ящик... хм... — задумался он на пару секунд. — Ящик русской водки! Ты согласен, Бруно?

Брайтшнайдер, было заметно, заколебался. Ведь если его командир Гюнтер проиграет то это нанесёт ущерб авторитету. С другой стороны, отказаться сейчас, после такого публичного хвастовства, тоже не хочется. Надо поддержать слухи о том что он самый сильный и выносливый в разведывательном отряде.

— Согласен, командир! — предвкушающе улыбнулся он, тоже сбрасывая китель и передавая его одному из зрителей. — Это будет состязание века!

Вокруг весело рассмеялись. Бойцы окружили турник и начали подбадривать их обоим громкими возгласами и напутствиями. Оказалось, что их поклонники разделились примерно на равные группы, что ясно показало Гюнтеру о состоянии его авторитета. Надо его поднимать, даже и такими способами, иначе его приказы будут выполняться спустя рукава, а это недопустимо в бою.

По команде они оба подпрыгнули, вцепились в перекладины и начали подтягиваться. Крики одобрения усилились, азарт людей только увеличился. Даже часовой, стоявший на входе во двор, полностью переключил внимание внутрь, злостно нарушая инструкцию караульной службы, благо что никто этого не заметил.

...Первый десяток они подтянулись спокойно. Физической подготовке в войсках СС всегда уделяли повышенное внимание и поэтому такая физкультура для них была обычным делом. После второго десятка Гюнтер и его заместитель начали замедляться... Он чувствовал как мускулы на руках начинают наливаться свинцом, дыхание участилось.

— Тридцать два!.. Давайте, командир, утрите нос этому хвастуну Бруно!.. — слышалось рядом.

— Тридцать семь!.. Брайтшнайдер, чёртов слабак, не вздумай сдать, я поставил на тебя двадцать рейхсмарок! — вопил другой солдат, сжав кулаки от волнения.

— Какая разница кто победит? — весело пожимал плечами третий. — Всё равно мы выпьем на халяву, это главное!

Дружный хохот показал что большинство зрителей оценило ситуацию.

... — Сорок один! — продолжали считать рядом.

Брайтшнайдер зарычал и с трудом подтянулся на дрожащих от напряжения руках. Гюнтер сделал то же самое, пытаясь отключиться от ломоты в руках. Все звуки доносились до него словно издалека. Главное, полностью сосредоточиться и не обращать внимание на боль... Он должен победить!! Обязан!! Ещё раз подтянуться! Не считать, просто коснуться подбородком турника!.. Хорошо, теперь ещё раз!..

Бруно заревел раненым буйволом, собрал остатки сил и снова подтянулся, извиваясь от напряжения. По его лицу катился пот, могучие мускулы напоминали жгуты.

— Сорок три! — закричал Майснер, тоже бывший в рядах зрителей. Стоявший рядом Ханке с горящими глазами смотрел на них обоим.

В этот момент окончательно обессиленный заместитель сорвался с турника и тяжело повалился на землю с гримасой боли на лице.

— Бруно, я из-за тебя потерял кучу денег! — тут же послышался недовольный возглас из толпы зрителей. — Чтобы я ещё раз поставил на тебя? Да пусть меня разорвут на части если я это сделаю!

— Да пошёл ты... — сдавленно ответил Брайтшнайдер, с трудом вставая на ноги и разминая кисти.

Гюнтер висел и знал что он сейчас свалится. Вот прямо сейчас и упадёт... Но нельзя. Никак. Надо подтянуться хотя бы раз... Показать что сильнее! Рук Гюнтер уже не чувствовал. Видел их, знал что они его, но вообще не ощущал, словно их ему заморозили. Тело не подчинялось команде мозга подтянуться и молило только об отдыхе... Давай, хотя бы помаленьку, всего один раз и отдых!

Уговоры помогли и, неизвестно из каких закоулков появились крохи энергии, но тело начало подниматься... Подбородок всё ближе к перекладине... Ещё чуть-чуть! Ну!? Руки ходили ходуном... Есть!!!

— Сорок четыре!! — раздался торжествующий рёв множества голосов. Окончательно потеряв силы Гюнтер свалился с турника прямо в объятия подчинённых, которые бурно выражали восторг своим командиром. Всё тело болело, руки как чужие но в душе он был счастлив! Превозмог себя! Заодно и установил свой личный рекорд..

Наконец, когда радостные крики вокруг поутихли а раздосадованный Бруно, ворча, удалился в дом, рядом внезапно оказался улыбающийся до ушей Пауль.

— Поздравляю, дружище! — хлопнул друг его по плечу. — Ты теперь один из чемпионов "Лейбштандарта". Во всяком случае, я не слышал никого кто мог бы столько раз подтянуться. Стоял, смотрел и гордился тобой... А теперь давай одевайся и пошли со мной! — закончил он деловым тоном и подал ему китель.

— Куда? — удивился Гюнтер, с трудом одеваясь плохо сгибающимися руками. — Я хочу отлежаться и чтобы меня не кантовали хотя бы полчаса! Отстань, Пауль, я никуда не пойду!

— Пойдёшь, никуда не денешься! — решительно отрезал друг и обнял его за плечо. — Там такие цыпочки к нам приехали, слюной можно изойти!

— Чего? Какие ещё цыпочки? — никак не мог понять Гюнтер, вяло попытавшись отпихнуть Пауля.

— Самые настоящие, на любой вкус самого изысканного Дон Жуана! — продолжал тащить его несносный товарищ. — А на закуску настоящая русская аристократка, кинозвезда, представляешь?

— Ты бредишь, Пауль... — покачал головой он, смирившись с тем что ему придётся тащиться куда-то по городу. — Сколько ты выпил? Хотя запаха нет... Странно.

Они прошли мимо вытянувшегося часового, безуспешно пытавшегося не улыбаться, и вышли на улицу. По ней, группами и по одиночке, торопливо шли к центральной площади Нойенкирхена солдаты и офицеры расквартированных частей, вперемижку с жителями города.

Дорога не заняла много времени и уже минут через десять два друга оказались у цели. Поскольку сам город был небольшим то и площадь не отличалась крупными размерами. Окружающие дома давали достаточно места и обзора, а сегодня сотням мужчин в военной форме явно было на что посмотреть..

Возле нескольких больших автобусов, остановившихся на краю площади, кучковались десятки очаровательных девушек и женщин. Некоторые были одеты в форму рейхсминистерства пропаганды, другие щеголяли в красивых платьях и костюмах. Над площадью висел разноголосый гул собравшихся людей, которые активно общались между собой. Шутки, смех, радостные возгласы..

Отдельно, на грузовике "Мерседес-Бенц L4500" с откинутыми бортами, стояли две красивые зрелые женщины. Одна из них была одета очаровательно, с изящным вкусом, в

облегающее вечернее платье с голыми плечами. Его часто удивляло каким образом такое платье держится на теле и не сползает вниз. Должно быть, есть какой-то хитрый секрет, недоступный для мужчин..

Длинные, идеально уложенные волосы, стройная фигура, тонкая шея и очень привлекательное лицо невольно приковало к себе его взгляд. Похоже, это и есть пресловутая русская аристократка... Странно, он не помнил чтобы Алекс ему рассказывал о том что в нацистской Германии живёт некая русская дворянка на службе Рейха. Хотя, может он просто не успел? Ведь в тот роковой день гуляли они не слишком долго.

Но, переведя взгляд на её спутницу, Гюнтер был настолько поражён что застыл как столб, не в силах не то что двигаться но даже говорить. Рядом с этой русской стояла Ханна! Проклятье, неужели это не сон? Не может быть! Что она тут делает?..

В растерянности он моргнул несколько раз но это не помогло. Ханна как стояла в кузове грузовика вместе с русской гостьей так и продолжала стоять, не выказывая никакого намерения внезапно исчезать. Наконец, поверив в реальность, Гюнтер почувствовал как его охватывает сильная радость. Немедленно появилась мысль протолкаться вплотную и, первым делом, поздороваться... а потом взять её в охапку, затащить в безлюдное место и получить от своей женщины то что ему так не хватало вот уже несколько дней! И, конечно же, дать ей то же самое взамен.

Раз решил — надо сделать! В соответствии с этим постулатом Гюнтер оставил недоумевающего Пауля на месте и начал протискиваться вперёд, стараясь не толкнуть какого-нибудь вышестоящего по званию, которые то и дело попадались на пути. Он был уже близко от вожделенного грузовика когда на него, посаженный услужливым унтерштурмфюрером Роске, залез коренастый Зепп Дитрих.

Довольно оглядев обеих женщин, он подошёл к краю импровизированного помоста, вскинул вверх обе руки и громко заревел:

— Тихо!!! Слушать меня!!!

В течении полуминуты над площадью воцарилась тишина, нарушаемая лишь лаем какой-то собаки в паре кварталов отсюда. Все кто находились здесь, военные и гражданские, замолчали и смотрели на него. "Папа" усмехнулся, опустил руки и заговорил так что его слышали даже в отдалённых концах площади:

— Германские солдаты и офицеры! Сегодня у нас праздник! Какой именно? Не важно! Главное, что из Берлина приехали нас проведать множество красавиц, которые хотят увидеть настоящих немецких мужчин! И мы дадим им такую возможность! Верно, парни?!!

— Да!!!.. Конечно!.. Сколько угодно!.. — раздавались радостные крики вокруг Гюнтера, замершего рядом с грузовиком. Ханна в этот момент смотрела вдаль и по-прежнему не замечала его.

— И за этот праздник мы должны поблагодарить нашего министра, доктора Геббельса, который и организовал замечательную поездку для этих цы... хм, этих красавиц, настоящих немок и патриоток! — едва не поперхнулся Дитрих. — Я не любитель много болтать, поэтому даю слово нашим гостям! Прошу!

Первой заговорила Ханна, одетая в свою привычную форму:

— Здравствуйте, наши дорогие воины! Я очень рада видеть сегодня вас всех, таких сильных и мужественных! Глядя на вас моё сердце наполняется гордостью за то что нашу великую Германию защищают такие мужчины! Отдельно я хочу поблагодарить ваших матерей, которые родили вас не только для себя но и для службы нашей стране! Знайте,

солдаты, вся Германия смотрит на вас и ждёт только победы! Фюрер каждый день интересуется как вы тут живёте и любая просьба вашего командира, обергруппенфюрера СС Зеппа Дитриха, удовлетворяется им как можно быстрее! Он абсолютно уверен что вы всегда выполните то что вам поручено, несмотря ни на какие преграды! Да здравствует фюрер!!! — громко прокричала женщина.

Вверх взметнулись сотни рук и площадь вздрогнула от слаженного рёва:

— Зиг Хайль! Зиг Хайль!! Зиг Хайль!!!

Гюнтер смотрел на эти лица и видел что люди кричат это искренне. Радостные глаза, довольные лица... Нет, вряд ли тут найдётся хоть один кто кричал бы "Хальб литер!" вместо привычного "Хайль, Гитлер!". Эх, если бы в его будущей Германии были такие идейные патриоты то американские войска были бы давно вышвырнуты из страны! А потом они разделили бы с русскими Европу. Особенно чванливую Польшу, в который раз указав полякам их истинное место на задворках мировой истории. Но увы, немцы выродились и покорились, задавленные чувством вины за свои преступления, совершённые во время войны. Да, Гюнтер осуждал такие бессмысленные зверства, особенно на Востоке, совершённые благодаря зверской пропаганде, которая внушила немцам мысль о том что что русские — недочеловеки. А ведь истинный враг Германии вовсе не на Востоке а на Западе!..

В это время Ханну сменила русская аристократка. Её немецкий был очень хорош и лишь внимательный профессионал мог бы признать лёгкий акцент женщины.

— Я приветствую вас, германские солдаты и офицеры! Думаю, некоторые видели меня в фильмах, но всё-таки я представляюсь. Меня зовут Ольга Чехова, я русская. Но предки моего отца были местными, из Вестфалии. Они приехали в Россию в начале 19 века и с тех пор верно служили новой Родине пока большевики не вынудили меня и других моих родственников уехать из страны. Хоть я и патриотка своей страны но мне очень нравится Германия! С ней я чувствую свою духовную близость и не ощущаю себя чужой... Ваша страна приютила меня и, поверьте, я всегда останусь за это благодарна!..

Она продолжала рассказывать о своей любви к Германии, но Гюнтер её не слушал. Он неотрывно смотрел на Ханну, пытаясь сдержать своё возбуждение. Проклятье, да от неё прямо прёт сексом! Вон, даже Дитрих плотоядно на неё смотрит! Ну уж хрен, "папаша"! Эта шлюшка только моя! Ищи себе другую!

Сама Ханна, видимо, не подозревая о таком интересе к себе, продолжала осматривать стоящую внизу толпу, слегка улыбаясь. Но вот её взгляд опустился вниз и она чуть вздрогнула. Накрашенный яркой помадой рот приоткрылся и женщина радостно улыбнулась. Она, как бы случайно, провела ладонями по бёдрам, обтянутым длинной юбкой и провокационно прикусила губу. От такого, вроде бы невинного жеста, Гюнтера окатила волна нового возбуждения. Член буквально взывал об уединении, чтобы снова очутиться там где ему было так хорошо... Чёртова самка! Сама, наверное, думает о том же.

Сглотнув и переведя дыхание, он отвёл взгляд от Ханны и попытался сосредоточиться на другом. Например, попытался предположить на каком заводе был построен этот грузовик... Или какой у него пробег... Надо думать о чём угодно иначе стояк не уймётся. Всё-таки, благодаря богине, он какой-то гиперактивный в плане секса..

Речи внезапно закончились и обеих женщины начали спускаться с борта машины. Зепп прыгнул на землю и на руках спустил русскую аристократку, то же самое проделал с Ханной его адъютант Роске. Ольгу тут же обступил десяток желающих взять у неё автограф на память. Гюнтер снова заработал локтями и быстро пробрался к Ханне. Она тоже

оглядывала людей, пытаюсь найти его.

— Здравствуй, Ханна! — прокричал он, благо что вокруг стоял такой шум что можно было не стесняться подслушивания любопытных. — Как ты здесь оказалась?

— Мой дорогой Гюнтер! — улыбаясь до ушей, так же громко ответила она, встав к нему вплотную. Ему показалось что женщина лишь в последний момент сумела сдержаться чтобы не наброситься на него с объятиями и поцелуями. — Я приехала по заданию доктора Геббельса! А что, ты мне не рад? — изогнула она брови с вопросительным видом.

— Брось... — отмахнулся Гюнтер, чувствуя что его самоконтроль начинает сдавать. Ещё немного и он плюнет на всех, сожмёт её в своих руках и начнёт жадно целовать губы Ханны, компрометируя её и вызывая удивление на себя. — Ты отлично знаешь как я скучал по тебе! Уверен, и ты тоже..

— С чего бы это? — кокетливо ответила женщина, не отрываясь от его лица. — Я вас не знаю, оберштурмфюрер... И я замужем, не забываете! — едва сдерживаясь от смеха, Ханна повернула свою ручку с обручальным кольцом на пальце.

Гюнтер не выдержал и расхохотался. Его очень насмешило как искусно фрау Грубер изобразила из себя приличную, благовоспитанную и верную жену. Если бы он не знал её внутреннюю сущность то вполне мог бы и обмануться. Ханна, словно этого и ждала, тоже залилась смехом, прикрыв рот рукой в элегантной перчатке.

— А, вот вы где! — раздался совсем рядом громкий голос "папаши" и он возник прямо перед ними. — Фрау Грубер, Ольга, прошу за мной, я покажу вам комнаты в местной гостинице, а через час жду на торжественный ужин! И называйте меня просто — Зепп!

Стоявшая рядом с ним русская аристократка, кинувшая было взгляд на Гюнтера, вдруг пристально на него посмотрела и, поколебавшись, спросила:

— Извините, оберштурмфюрер... Но мы с вами не встречались раньше?

— Думаю, нет, Ольга... — покачал он головой. — Ваши фильмы я, к сожалению, не смотрел да и в Берлине был всего месяц.

— Да? Странно... И всё же я вас точно где-то видела. У меня хорошая память на лица... — с озадаченным видом ответила русская. Ханна тоже с удивлением смотрела на них. Но внезапно Ольга вскрикнула и показала на него своим пальчиком. — Точно! Я вспомнила! Вы были на нескольких плакатах, которые я видела в городе! Там на стенах домов и тумбах кое-где висели ваши изображения!

— Ах вот оно что! — понимающе улыбнулся Гюнтер. — Тогда вам следует поблагодарить фрау Грубер. Это была её идея. Она меня уговорила на съёмки, без неё я так бы и остался одним из тысяч неизвестных офицеров СС.

— Правда? — обернулась актриса к женщине. — Дорогая моя Ханна, вы удивительно точно умудряетесь находить примечательных людей для своих съёмок! Должна сказать, эти плакаты я рассматривала с удовольствием! Вы выглядели на них как живой! Ой, извините... — вдруг смутилась она. — Я даже не спросила как вас зовут! Простите ещё раз!

— Ничего страшного, Ольга! Меня зовут Гюнтер Шольке, командир отдельного разведывательного отряда полка "Лейбштандарт"! — щёлкнул он каблуками сапог и приложился к приятно пахнущей женской ручке губами. — Я очень рад что вы с фрау Грубер решили навестить нас! Как видите, все вокруг просто в восторге от вашего приезда!

— Скажите, Гюнтер, у вас в СС все офицеры такие высокие, красивые и галантные? — медленно опустила свою руку русская аристократка, изучающе глядя на него. — Или только такие как вы?

— Не могу сказать за всех, Ольга, но я привык всегда быть галантным в общении с женщинами... — улыбаясь, пожал Гюнтер плечами. — А уж если эта женщина очень красива и умна то моя галантность не знает границ. Так что... ссс! — зашипел он, когда почувствовал как его левый бок, рядом с которым стояла Ханна, пронзила резкая боль от сильного щипка. Но когда Гюнтер, раздражённый и недоумевающий, повернул к ней голову, то встретил лишь полный невинности взгляд ясных глаз.

— Что-то случилось? — удивилась актриса, с удивлением глядя на него.

— Нет, всё в порядке, Ольга... Так, старая рана, полученная в Польше... — отмахнулся Гюнтер, слегка отодвинувшись от Ханны. — Уже всё прошло.

— Вот и хорошо! — вмешалась фрау Грубер. Она отошла от него и взяла под ручку русскую актрису. — Думаю, нам пора. Правда, Зепп?

Дитрих, всё это время простоявший рядом с ними и разговаривающий со своим Роске, обернулся к ним, недоумевающе нахмурился, но тут же махнул рукой.

— Да, дамы, мы уже идём! Роске, веди нас!

— Кстати, Зепп... — слегка задержала его Ханна. — Надеюсь, на ужине будет присутствовать оберштурмфюрер Шольке? Я получила приказ доктора Геббельса кое о чём поговорить с ним и мне хотелось бы это сделать уже сегодня.

— Конечно, фрау Грубер, с этим проблем не будет, клянусь своей честью! — рявкнул Зепп. — На ужин будут приглашены все командиры подразделений а так как Шольке командует моей разведкой то и он будет! Слышал? Чтобы через час был на месте! Понятно?

— Так точно, Зепп! — вытянулся Гюнтер в струнку. — Буду ровно через час!

— Всё, свободен! — буркнул "папаша" и, в сопровождении верного унтерштурмфюрера Роске, увёл обеих женщин через толпу в сторону ближайшей гостиницы от своего штаба.

Площадь постепенно пустела. Всех приехавших из Берлина девушек и женщин уводили солдаты и офицеры на прогулку и экскурсию по городу. Впрочем, те с удовольствием кокетничали и флиртовали с бойцами, весело смеясь над их шутками и комплиментами, вполне заслуженными. Гюнтер не сомневался что уже вечером в городе образуется множество временных парочек и тёмные переулки станут оглашаться звуком поцелуев и приглушенными стонами. Что ж, опытная Ханна прекрасно знала что нужно множеству мужчин, оторванных от своих женщин. Любой боец после горячей ночи с девушкой явно получит море позитива и хорошего настроения, к тому же будет благодарен командованию, в том числе и Зеппу, за то что оно не только заботится о продовольствии и обмундировании солдата но и о его досуге и развлечениях. Конечно, никто из бойцов не знал что уже совсем скоро над ними будут свистеть пули, рваться снаряды, а раненые товарищи молить о помощи... Никто кроме Гюнтера.

Путь до родного расположения не занял много времени. Быстро заглянул в свой кабинет и, обнаружив что стопка бумаг на столе чуть поубавилась, он зашёл в свою комнату и начал переодеваться. Полевую форму долой — здравствуй, чёрная, парадная!

Теперь почистить сапоги, бляху, подтянуть португую... Посмотревшись в зеркало, Гюнтер убедился что выглядит очень даже ничего. В конце концов, его не фюрер вызывает. Выйдя из комнаты, он хотел найти Бруно но тот куда-то пропал, видимо, тоже пытался найти себе на вечер какую-нибудь столичную красотку... Чертыхнувшись, Гюнтер поймал за плечо куда-то целеустремлённого идущего бевербера Ханке и велел найти своего заместителя, передав ему что тот остаётся за старшего.

Шмыгнув носом подросток подтвердил получение приказа и тут же пропал с его глаз...

Хмыкнув, Гюнтер одёрнул форму и направился к воротам на улицу. Беспрепятственно дойдя до нужной гостиницы. возле которой уже появились первые парочки, он увидел знакомое лицо.

Йохан Пайпер, так же как и он, одетый в чёрную форму и надетую фуражку, стоял у входа и курил, облокотившись о стену.

— Гюнтер Шольке, верно? — спросил он, щелчком пальцев отбросив сигарету в сторону. — Командир наших разведчиков?

— Прямо в точку, оберштурмфюрер! — вежливо улыбнулся Гюнтер.

После того хладнокровного убийства евреев прямо на улице он не знал как относиться к Пайперу. С одной стороны это был явно любящий свою страну патриот, такой же как и сам Шольке. С другой... его метод расправы с, в общем-то, неопасными для государства евреями вызывал у него... нет, не отвращение а, так сказать, некоторое неприятие. Понятно, что Йохан просто выполнял установку фюрера, но всё же убивать беззащитных, которые тебе никак не угрожают... Это было неправильно.

— Эй, мы с тобой в одном звании! — весело взмахнул рукой Пайпер. — Давай просто по имени!

— Согласен, Йохан! — кивнул Гюнтер и обменялся с ним рукопожатием. — Что, тоже пригласили на званый ужин?

— Да, папаша сказал чтобы я тоже присутствовал... — вздохнул эсэсовец, глотнув своё любимое "Хенесси", стоявшее на деревянных перилах. — Хотя отлично знает как я не люблю все эти торжественные мероприятия. Знаешь, я спросил его, зачем ему тут нужен? А он ответил — "Раз я сказал чтобы ты был, значит будешь! А причины... Просто я так захотел, понял?!" Вот в этом и весь наш Зепп... Впрочем, я не обижаюсь на него. Он хороший командир.

— Это точно! — подтвердил Гюнтер, прислушиваясь к звукам в гостинице. Там шумели голоса, слышался громкий мужской смех и женское кокетливое хихиканье. Похоже, там уже начали веселье.. — Ну что, пойдём внутрь? Время уже без двух минут.

— погоди, Гюнтер... — попросил его Йоахим, допивая остатки пива и выкидывая пустую бутылку в кусты возле крыльца. — Я заметил что ты с Паулем не слишком радовался тому что ещё два еврея окончили свой земной путь. Считаешь, что я был не прав? Только честно!

Интересный вопрос... Ответить правду можно, но нужно ли? Хотя Йохан вряд ли пойдёт закладывать его гестапо, не такой он человек. Скорее, в морду сам даст или пристрелит. Но в доносах, судя по тому что читал про него Гюнтер в будущем, тот замечен не был.

— Скажем так... Я сомневаюсь... — осторожно начал он, раздумывая правильно ли он делает. — По сути, я не видел в них угрозы Германии. Что могут нам сделать пара старых евреев? Да ничего! Пусть дожили бы свой век, всё равно им уже немного оставалось.

Несколько секунд Пайпер смотрел на него, а потом улыбнулся.

— Знаешь, Гюнтер, ты напоминаешь мне меня самого! — сказал он удивлённому Шольке. — Я задал почти те же вопросы несколько лет тому назад самому рейхсфюреру. И знаешь что он мне ответил?.. Чёрт, время! — спохватился Йоахим, посмотрев на часы. — Сейчас уже не поговоришь, давай завтра с тобой встретимся? Чувствую, у нас с тобой интересный разговор намечается. Что скажешь?

Гюнтер кивнул. Несмотря на то что случилось совсем недавно, Пайпер как человек, ему

нравился. Иметь рядом такого боевого товарища он бы точно не отказался. А разговор действительно, скорее всего, окажется интересным. Кто знает, может он поймёт логику Пайпера? Или же случится наоборот?

— Отлично! — широко улыбнулся тот и бесцеремонно обнял его за плечи. — А теперь пошли внутрь, уверен, нас уже ждут! Дисциплина, педантичность и пунктуальность — вот сильные стороны нашего народа! Покажем им всем что мы его достойные сыны!..

С этими словами Гюнтер вместе с Пайпером вошли в гостиницу.

г. Нойенкирхен, Германия.

Расположение моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер".

8 мая 1940 года. Вечер.

Гюнтер Шольке.

...Зайдя в небольшой зал, заставленный широкими столами, Гюнтер с Иоахимом разошлись по своим местам. Пайпер разместился за одним из накрытых столов ближе ко входу, его же место оказалось недалеко от самого Зеппа. Неизвестно специально так вышло или по воле случая но за столами все сидели через одного, то есть, мужчина-женщина-мужчина-женщина... Сам Гюнтер оказался сидящим между Ханной с одной стороны и Ольгой с другой. Обе женщины за прошедший час не теряли времени даром и успели переодеться.

Русская эмигрантка выглядела очень привлекательно с затейливой причёской и ослепительно-белом платье, покрытом какой-то блестящей... хм, в общем, чем-то блестящем, которое сверкало в свете люстры на потолке. Наряд Ольги заинтересовал его своим треугольным вырезом на груди. Он был не слишком широким но вот его глубина... Сами груди были, естественно, не видны но, судя по мелькнувшему кусочку голой кожи там где её должен быть скрывать лифчик... Его просто не было! Неужели актриса надела такое платье под которым не носят бельё? От этой мысли Гюнтер слегка вспотел. Очень смело... Или же ему просто показалось! Да, скорее всего, так и есть. Вынужденное воздержание от секса плохо на него влияет, подсовывая ему намёки на то чего нет.

Повернув голову в другую сторону он почувствовал что у него перехватило дыхание. Проклятье, сегодня Ханна превзошла саму себя! Глаза жадно рассматривали эту сексуальную штучку, которая старательно делала вид что в упор не замечает его взгляда..

Длинные, распущенные волосы спускались по плечам, открывая нежную, несмотря на возраст, кожу шеи и обнажённых плеч, на которых были все две маленьких, тонких лямки платья. И какого платья! Сверху нежно-салатовое, оно постепенно к низу превращалась в ярко-изумрудное, и было настолько тонкое что Гюнтер, сидя сбоку, то и дело наблюдал весьма не маленькие и хорошо знакомые ему достоинства женщины когда та шевелилась. А полукруглый вырез на груди!.. Это же форменное издевательство над ним! Чёрт побери, похоже, и она тоже решила пренебречь нижним бельём? Потрясающе! Нет, конечно, он знал что Ханна даже близко не является пуританкой но чтобы до такой степени? Или эти две дамочки решили перещеголять друг дружку в нарядах? Померяться, так сказать, кто круче и смелее? Что ж, безоговорочно отдать пальму первенства кому-то из них было бы довольно трудно. Обе были ОЧЕНЬ хороши и провокационно сексуальны..

Сглотнув, Гюнтер постарался взять себя в руки. В конце концов, он уже не подросток чтобы залипнуть от вида ухоженных зрелых женщин, отлично знающих как сразить мужчину наповал. Да и стояк, чтоб его, опять появился!.. Гюнтер взял со стола салфетку и положил на колени но несколько не помогло... Надо просто сосредоточиться на нейтральном и всё успокоится! Например, подумать о количестве боеприпасов, горючего и продовольствия в отряде..

— Что с вами, оберштурмфюрер? — раздался слева влекущий голос этой порочной

Ханна. Она повернула к нему голову и с любопытством смотрела на него, держа бокал с шампанским в руке. Губы женщины слегка дрогнули в довольной улыбке когда она опустила взгляд вниз и заметила бугор в штанах.

"Заметила, зараза! Так, делаем лицо "кирпичом" и ведём себя как обычно!" — подумал он.

— Ничего, фрау Грубер, я в полном порядке! — ответил Гюнтер, глядя на неё в упор. Но невольно скосил взгляд в её вырез... И тут же Ханна чуть повернулась к нему, словно усаживаясь поудобнее, от чего грудь колыхнулась а его снова бросило в жар. С трудом вернув взгляд обратно он увидел как его любовница медленно провела языком по накрашенным губам и удовлетворённо отвернулась от него, обратившись с каким-то вопросом к другому своему спутнику, сидевшему слева от неё.

"Это было сильно! Что за женщина, просто поразительно как она действует на меня!.. Надо срочно отвлечься!" — выдохнув, решил Гюнтер, взял со стола свой бокал и несколькими глотками осушил превосходное шампанское. Обозрев обильно накрытый стол он выбрал себе какую-то рыбу, наложил салат и принялся за еду, так как в преддверии обещанного ужина отказался от своего собственного, который ему приготовил повар отряда.

Все вокруг тоже не стеснялись и разговаривали, не забывая при этом активно поглощать еду и напитки. Гюнтер не отставал и вскоре его тарелка была почти пуста, не считая нескольких рыбных костей. Он уже подумывал повторить понравившийся ему дар моря но тут услышал голос Ольги справа:

— Скажите, оберштурмфюрер, а правда что это именно вы совсем недавно проявили смелость при пожаре в столице и спасли много людей? — с живым любопытством обратилась к нему русская актриса. — Просто я мельком прочитала заметку в газете но вот имя и звание не запомнила и если бы не Ханна, скорее всего, так бы и осталась в неведении о подробностях этой истории.

— Всё верно, Ольга, так и есть... — подтвердил он, снова отпивая шампанское. — Просто повезло что мимо проходил.

— Но почему вы не дождались пожарных? — недоумевала женщина, с интересом глядя на него. — Это же их работа! А если бы вы погибли внутри?

— Я же офицер, Ольга! Мой главный долг — защищать Германию и её граждан. И это вовсе не значит что только от внешних врагов... — пожал Гюнтер плечами. — Что же касается пожарных... Как потом выяснилось, по пути на вызов их машина попала в аварию и не смогла бы успеть помочь людям, которые были там заперты. И если бы я промедлил или прошёл мимо то многие из них просто зажарились бы внутри или же задохнулись от дыма.

— Да, дорогая, я лично видела тех очаровательных женщин которые обязаны жизнью нашему герою и уверена что они вряд ли забудут о его подвиге! — вмешалась Ханна, которая, видимо, закончила беседу с другим своим соседом и решила поучаствовать их разговоре.

— Вы так думаете? — поинтересовалась эмигрантка.

— Абсолютно! — подтвердила женщина, знаком попросив Гюнтера налить ей бокал, что он и сделал. — Но это ещё не всё чем знаменит наш оберштурмфюрер!

— Хватит, фрау Грубер! — попытался остановить её Гюнтер, подняв руку. — Не думаю что Ольге это интересно.

— Нет, почему же? Напротив, я хочу знать как ещё отличился герр Шольке! — проявила живой интерес русская эмигрантка. — Он спас фюрера от тайного покушения?

— Нет, всё не так глобально... — рассмеялась Ханна, довольная как кошка. — На недавнем съезде "Гитлерюгенда", в присутствии фюрера, доктора Геббельса и других важных персон оберштурмфюрер произнёс настолько зажигательную речь что ему рукоплескали десятки тысяч человек, а от их восторженного рёва в ближайших зданиях едва не вылетели стёкла!

— Не слушайте её, Ольга, она преувеличивает! — хотел вмешаться Гюнтер. — На самом деле..

— Да-да, именно так всё и было! — с жаром продолжала несносная чиновница министерства, не обращая внимания на его попытки остановить её. — Он нашёл такие слова для наших юных бойцов что я определённо задумалась о том чтобы попросить герра Геббельса похлопотать перед рейхсфюрером и перевести его к нам! Это была бы настоящая находка в плане пропаганды! Он не только знает ЧТО говорить но, что ещё важнее, КАК говорить!

От такой перспективы Гюнтер похолодел. Неужели Ханна действительно имеет такие планы? Или опять дразнит? Перевод из элитного боевого соединения в штат "бумажно-идеологического" министерства? Что может быть позорнее?

— Хватит, Ханна! Ты же знаешь что я бы никогда не согласился на это! — твёрдо покачал он головой. — В крайнем случае пошёл бы к фюреру!

— Но и это ещё не всё, дорогая! — с заговорщицким видом продолжала женщина, понизив голос и сделав вид что не обратила внимания на его слова. — После того как фюрер и другие выразили ему свой восторг, я повезла его на Олимпийский стадион и там... — она загадочно замолчала.

Гюнтер тяжело вздохнул и решил просто не обращать внимания, принявшись за новую порцию изумительно вкусной рыбы. Сейчас Ханну остановила бы только пуля..

— Что "там"? — не сдержала любопытства актриса, тоже понизив голос. — Что случилось на стадионе?

Таинственно улыбаясь любовница склонилась к нему за спину, прижавшись к его плечу своей грудью и опёршись рукой о колено Гюнтера. Она лукаво поманила актрису указательным пальчиком, показав что хочет сказать что-то на ушко. Ольга с готовностью склонилась к ней, таким образом тоже очутившись за его спиной.

— Представьте, весь стадион был буквально забит нашими самыми верными последовательницами! Все трибуны и поле... — громко шептала Ханна за спиной Гюнтера. — А потом он снова начал говорить..

И принялась почти дословно пересказывать его речь... Гюнтер только головой покачал, снова отпивая бокал. Эту историю с его невольным красноречием Ханна наверняка ещё долго не забудет.

В следующий момент он едва не поперхнулся шампанским, потому что почувствовал как шаловливая ручка женщины с его колена поползла дальше, под салфетку, остановившись прямо на пахе Гюнтера. Она совсем сдурела?!

Поставив пустой бокал обратно Шольке положил руку на её кисть под салфеткой, собираясь остановить её и быстро посмотрел по сторонам. Сосед слева от Ханны всецело сосредоточился на другой женщине и сидел к ним вполборота спиной. То же самое сделал и сосед Ольги, активно споря со своим оппонентом на другой половине стола. Получается, никто не обращает на них внимания? Да, но это может измениться в любой момент!

Тем временем Ханна, не прекращая тихо рассказывать Ольге о его речи перед

девчонками, ласково сжала его орган. Реакция последовала незамедлительно. Не прошло и минуты как под воздействием нежных движений женщины, его член снова создал бугор в штанах а Гюнтер не нашёл в себе сил убрать её руку. Слишком уж приятно ему было... Адреналин в крови, от того что в любую секунду их могут спалить, бушевал вовсю... Сейчас куда больше его занимала мысль что делать когда эта развратница доведёт его до взрыва. Кончить в трусы и штаны было последним что бы он хотел..

К счастью, Ханна закончила рассказывать до того как Гюнтер окончательно потерял голову. Она распрямилась и убрала свою нахальную ручку с его колом стоящего члена. Как ни в чём не бывало, взяла свой бокал и тоже отпила, загадочно ему улыбнувшись.

— Поразительно! — сказала ему актриса, тоже выпрямившись. — Как жаль что я не была там в то время! Думаю, девочки были очень довольны! Гюнтер, вы явно знаете как найти дорогу к сердцу многих людей, а этот дар доступен не каждому.

— Я просто сказал то что думал сам... — ответил он, переводя дыхание. Возбуждение постепенно спадало, лишь неудовлетворённое желание между ног причиняло неудобство. — А если люди это видят и чувствуют искренность то речь удаётся.

— Согласна!.. — ответила Ольга и начала вставать. — Извините, Ханна, Гюнтер, мне надо ненадолго выйти. Я скоро вернусь!

С этими словами русская эмигрантка элегантно вышла из-за стола и направилась к выходу. Гюнтер невольно засмотрелся на её обтянутые платьем бёдра и задницу. Хороша эта русская Ольга, тут не поспоришь!

— Не туда смотришь, кобель... — тихо прошептала ему на ухо неслышно склонившаяся Ханна. Он невольно вздрогнул. — Эта штучка не для тебя. Или тебе всегда мало?

Гюнтер повернулся к ней и открыл рот чтобы ответить но внезапно гул голосов вокруг прервал громкий голос Дитриха, который встал из-за стола, держа в руках свой бокал.

— Дамы и господа! — громогласно начал он, заполнив весь зал своим шумом. — Сегодня, в нашем маленьком Нойенкирхене, мы принимаем очень приятных гостей..

Ханна, рассеяннo крутившая в руке свою ложку, внезапно выронила её. Та упала к ней на колени и, прежде чем женщина успела поймать настольный прибор, упала куда-то под стол. Гюнтер хотел наклониться чтобы поднять ложку но женщина жестом остановила его, показав что сделает это сама. Что ж, сама так сама, дело её... Ханна виртуозно залезла под длинную скатерть, свисавшую до пола, а Гюнтер стал слушать дальше.

-..и наш фюрер никогда не забывает своих верных охранников, которые всегда готовы выполнить его приказ! — продолжал говорить Зепп, несмотря на то что, по его словам, не был любителем долгой болтовни. — Мы стоим на страже завоеваний национал-социализма и будем нести его по всему миру! Наша свастика гордо поднимется над планетой и никто не помешает нам!! Сегодня Германия, а завтра весь мир!!..

Он вздрогнул как ошпаренный, когда почувствовал что к его паху что-то прикоснулось... Или кто-то?? Хотя, разве есть варианты? Что опять задумала эта сумасшедшая нимфоманка?!

— Надеюсь, я не пропустила ничего важного? — тихо спросила неслышно проскользнувшая на своё место русская эмигрантка. — Кстати, а где Ханна?

— Она... э... — завис Гюнтер, лихорадочно пытавшийся привести свои мысли в порядок. Но этому мешало то что любовница, не теряя времени, уже расстегнула ширинку под столом и его возбуждённый орган начали ласково перебирать нежные пальчики. — Куда-то вышла... Наверное, скоро вернётся! — наобум придумал он.

Словно в ответ на это Гюнтер ощутил как его член окутали мягкие губы и юркий женский язычок начал порхать по всему стволу, заставляя Шольке призвать на помощь всю свою выдержку чтобы не застонать от удовольствия.

— Хаааа... — сквозь зубы вырвался у него непонятный звук, несмотря на все усилия сдержаться. Невидимая под столом Ханна заглотнула почти весь его член и сжала губами, остановившись на несколько секунд.

— Вы что-то сказали? — осведомилась Ольга, посмотрев на него с вопросительным видом.

Не в силах вымолвить ни слова Гюнтер отчаянно покачал головой. Проклятье, да ему сейчас крышу снесёт! Полный зал людей слушает Зеппа, рядом с ним сидит эта русская а он получает удовольствие от минета под столом! Боже... Просто невероятно!.. Держаться! Надо держаться!! Иначе случится такой позор что его карьера накроется медным тазом!

..Сейчас, в эти самые дни, решается судьба не только нашей великой страны но и всего этого мира, захваченного властью евреев и прочих неполноценных народов! И я хочу чтобы... — заливался соловьём Дитрих, видимо, поймав волну.

Фрау Грубер, окончательно потеряв последние приличия, ещё больше насадилась ртом на его член. Неужели дошло до горлового? Она спятила, точно спятила... Гюнтер крепко сжал кулаки, закрыл глаза и приоткрыл рот. Больше он ничего не мог сделать. Реальность постепенно уплывала, голос "папаши" превратился в неразборчивое бормотание..

Ханна усилила натиск, шаловливо перебирая пальцами его "батарейки".. Всё, скоро он не выдержит и просто взорвётся..

— Гюнтер, вам плохо? — с трудом ворвался к нему в мозг встревоженный голос Ольги. — Вызвать врача?

С усилием повернув к ней голову, Гюнтер сумел скривить губы в улыбке и покачал головой. Любая попытка произнести хоть слово вылилась бы в совершенно непристойный в данной ситуации стон удовольствия. Недоумевающая актриса снова обратила своё внимание на оратора но всё же начала кидать на него подозрительные взгляды. Впрочем, Гюнтеру уже было не до неё, потому что он сделал роковую ошибку... Попытался представить Ханну под столом, старательно и с энтузиазмом ублажающую его. Результат последовал мгновенно!

Между ног возникло нестерпимое давление а потом... Освобождение!! Стало настолько хорошо что он почти потерял сознание. Тугое давление, копившееся в нём почти неделю, исчезало к его невыразимому облегчению... Уже на автомате Гюнтер закрыл рот рукой, закашлялся и начал содрогаться, не в силах контролировать собственное тело. Сейчас его не волновало ничего кроме как спустить всё что накопилось за эти несколько невыносимо длинных дней. Накатила знакомая слабость во время которой ничего не хотелось делать..

...Из райских кущ его вырвала Ольга, которая трясла Гюнтера за плечо и всё время повторяла, глядя на него испуганными и удивлёнными глазами:

— Что с вами? Скажите мне! Что с вами? Что случилось? Не молчите же!

Чувствуя на лице счастливую улыбку идиота он собрался с силами и прохрипел:

— Всё со мной хорошо, Ольга... очень хорошо... Да, очень..

Под столом, судя по ощущениям, Ханна аккуратно очистила его хозяйство своим языком и застегнула ширинку. Теперь надо как-то дать ей возможность вылезти... Но как?

— С вами точно всё в порядке, Гюнтер? — не успокаивалась актриса. — Вы так затряслись и побледнели! У вас был приступ?

Он покачал головой и тихо сказал, придумав, наконец, подходящий предлог:

— Ольга, если вас не затруднит... Принесите мне, пожалуйста, воды? Хорошо?

— Конечно, Гюнтер, я сейчас! — вскочила с места эмигрантка и, лавируя между столами, чуть ли не бегом направилась к выходу из зала. Получилось!..

Через несколько секунд скатерть, свисавшая почти до самого пола, осторожно поднялась. Сначала появилась рука Ханны, сжимавшая упавшую под стол ложку, а потом и она сама. Женщина гибко выползла наружу и уселась на своё место, выразительно помахав столовым прибором когда другой её сосед удивлённо посмотрел на Ханну. Тот понимающе кивнул и снова стал слушать Зеппа, который, похоже, решил заканчивать свою речь.

Прибежала Ольга со стаканом воды и буквально всунула его Гюнтеру в руку.

— Ханна, где вы были?! — раздался её раздражённый шёпот. — Оберштурмфюреру стало плохо, он едва не потерял сознание!

— Извините, дорогая, мне пришлось ненадолго выйти на улицу... В этой духоте стало дурно... — с невинным выражением лица ответила женщина, незаметно подмигнув ему. Гюнтер увидел что часть помады на её губах стёрлась и глазами указал на этот прокол. Та мгновенно отреагировала, достав из сумочки помаду и зеркальце, пока он с наслаждением осушал бокал. После секса у него всегда было сухо во рту..

...Все дружно захлопали, когда "папаша", наконец, закончил упражняться в словоблудии и выпили свои порции шампанского в тосте за "великий тысячелетний Рейх!" В течении часа большая часть еды и выпивки на столах была поглощена гостями и все начали, мало-помалу, расходиться, весёлые и поддатые.

Ханна вытащила его из-за стола, под предлогом погулять, и потащила на улицу. Гюнтер, как всегда после оргазма, подобревший и умиротворённый, с радостью согласился. Ольга вознамерилась было составить им компанию но фрау Грубер тут же сообщила что обергруппенфюрер желал бы задать ей несколько вопросов. В результате, они вдвоём вышли на вечерний воздух, дышащий прохладой, а русская эмигрантка направилась к командиру "Лейбштандарта".

Улица, на которой стояла гостиница, была ярко освещена и полна людей, которые гуляли, разговаривали, смеялись и даже, кое-где, целовались. Гюнтер заметил множество парочек, состоящих их солдат и офицеров "Вермахта", а также СС, под ручку и в обнимку фланирующих с девушками, приехавшими вместе с Ханной.

— Ну что, милый мальчишка, как тебе понравился мой сюрприз? — улыбаясь, спросила женщина, тесно прижавшаяся к нему. Её глаза довольно блестели. Похоже, у Ханны было превосходное настроение, как и у него.

— У меня просто нет слов... — покачал он головой, не в силах скрыть свою улыбку. — Ты переплюнула всё что я мог вообразить. Как тебе в голову пришло сделать это? А если бы тебя заметили? Я-то ладно, пережил бы как-нибудь... Но ты? Неужели забыла о своей репутации приличной, замужней женщины?

— Знаешь, в тот момент я даже не вспомнила об этом... — тихо призналась она, счастливо вздохнув. — Так тебя хотелось, что я просто потеряла голову. Какое-то сумасшествие накатило и я не смогла ему противиться. Мне очень тебя не хватало все эти дни, Гюнтер.

— Взаимно, Ханна! — признался он, глянув на неё. — Но как вообще ты здесь оказалась? И почему не сообщила заранее?

— А зачем? — пожала плечами женщина. — Я получила твоё письмо и почти сразу Геббельс предложил мне съездить сюда, к вам, чтобы развлечь и поднять боевой дух

доблестных воинов фюрера. Естественно, я согласилась... Пригласила эту русскую, взяла с собой побольше девочек из министерства и приехала. Кстати, я смотрю, она тебе понравилась? — внезапно спросила Ханна, остро взглянув на него.

— Да ничего особенного... — постарался он равнодушно пожать плечами. — Не спорю, она очень красива, но у меня же есть ты!

— Я и ещё куча других дамочек! — фыркнула женщина. — По дружески советую не пытаться за ней волочиться. Ольге симпатизируют Геббельс и, кажется, Гейдрих. Зачем тебе лишние неприятности, верно?

— Совершенно с тобой согласен! — поддержал он Ханну, с удовольствием чувствуя локтем её свободную грудь под платьем. — Неприятности мне вообще не нужны. Хватило уже их... Кстати, как там твоя Клара поживает? — решил Гюнтер сменить тему и тут же пожалел что не смог откусить себе язык перед этим. Кретин несчастный, вот зачем он это спросил?!

— Нормально поживает... — ответила Ханна, но тут же остановилась, развернула его к себе и с подозрением уставилась прямо в глаза. — А с чего это ты вдруг спросил? — ревниво поинтересовалась женщина. — Ты что, уже и с ней успел?! С моей секретаршей?!

— Конечно, нет! — с самым убедительным видом отверг Гюнтер такое предположение. — С ума сошла? Я её и видел-то лишь когда к тебе приходил!

— Гюнтер, ответь мне честно, поклянись! — сузила глаза фрау Грубер. — Ты спал с ней?

— Ханна, клянусь чем угодно! Не спал я с ней! — с жаром ответил он, чувствуя как по спине прокатился пот и ругая себя последними словами. Вот почему нельзя сначала подумать а уже потом говорить? Правильно Алекс сказал — "Язык мой — враг мой!"

Несколько секунд женщина смотрела ему прямо в глаза а он старался не отводить взгляд. Наконец, видимо, удовлетворённая, Ханна вздохнула, сокрушённо покачала головой и сказала:

— Ты неисправим, мой мальчик... Неужели тебе всё время мало? Милая мордашка, стройная фигурка и всё? Значит, надо сразу лезть к ней под юбку?

— Ханна, я вовсе..

— Нет, Гюнтер, не надо! — перебила его женщина. — Я верю что ты не спал с ней. Что-то мне подсказывает что ты не врёшь... Да и вообще, какое я имею право требовать это от тебя, верно? Сама замужем, мы с тобой просто любовники... Потрахались-разбежались... — внезапно всхлипнула Ханна и положила его голову на плечо.

— Эй, ты чего? — удивился он, развернув её к себе и ласково погладив по голове. — Успокойся! Ты для меня не просто любовница!

— А кто? — тут же спросила она, посмотрев на него со слезами на глазах. — Кто я для тебя?

— Ты — моя женщина, Ханна! — улыбаясь, ответил он, пальцем осторожно вытирая ей слёзы. — Запомни это и больше не плачь, ладно?

Слабая улыбка озарила по-прежнему красивое лицо чиновницы. Она снова всхлипнула и тихо попросила:

— Поцелуй меня..

— Здесь? Прямо на улице? — удивился Гюнтер, оглядываясь вокруг. Мимо проходили десятки людей, то и дело глядя на них. — Тут же много твоих девочек? Они знают что ты замужем и могут потом разболтать..

— Да плевать я на них хотела, мой мальчик! — отрывисто сказала женщина, глядя на него какими-то безумными глазами. — Просто поцелуй меня! Поцелуй не как любовницу а как свою женщину! Сделай, если это на самом деле так!

Что ж, раз она так хочет... Нельзя отказывать даме в таком приятном деле.

Он крепко прижал к себе её роскошное тело, наклонил голову и нежно поцеловал женщину. Она тут же ответила, шаловливый язычок проник к нему в рот и встретился с его. Ханна застонала и буквально вжалась в его тело. Кто-то рядом одобрительно заворчал, послышался весёлый женский смех, но Гюнтеру уже стало плевать.

— Это же фрау Грубер..

— Не может быть! А с кем она?..

— Ничего себе! А я думала что она замужем..

— Похоже, она сейчас точно забыла про это..

Снова раздалось девичье хихиканье, а потом Гюнтер полностью отключился от реальности, ощущая как в него вжимаются её груди. Член снова начал вставать и тут же оказался захвачен требовательной женской рукой, которая начала поглаживать его прямо через брюки. Нет, он считал себя безбашенным, но заняться сексом посреди оживлённой улицы?.. Это уже чересчур!

К счастью, остатки благоразумия сохранились не только у него. С разочарованным стоном женщина неохотно оторвалась от него, глядя на Гюнтера затуманенными от желания глазами. Наспех поправив своё платье она крепко схватила его за руку и потащила обратно, в гостиницу. Он не возражал, охваченный только одной мыслью: быстрее бы оказаться наедине!

Ворвавшись в холл и взяв ключ от номера у невозмутимого администратора они, чуть ли не бегом, направились наверх, в апартаменты Ханны. Женщина, тяжело дыша, пыталась вставить ключ в замочную скважину но это у неё плохо получалось, потому что Гюнтер плотно прижался к ней сзади. Его каменный член тёрся о задницу Ханны а руки завладели грудью фрау Грубер, отчего одна лямка платья сползла с плеча открыв его взору такую знакомую мягкую округлость со стоячим соском.

— Гюнтер, милый, подожди же... — хрипло шептала возбуждённая женщина, пытаясь повернуть ключ. Но он, как вампир, жадно целовал её шею и прикусил мочку ушка, вызвав у Ханны стон удовольствия. При этом левой рукой она пыталась расстегнуть его ширинку. Наконец, замок щёлкнул и дверь начала открываться... С этой минуты Гюнтер окончательно сорвался.

Зарычав как возбуждённый зверь он втолкнул свою женщину в номер и тут же ворвался сам, каблуком сапога с размаху захлопнув дверь. Не успела Ханна сказать ни слова как Гюнтер своими сильными руками схватил ворот чудесного платья фрау Грубер и с силой дёрнул в стороны. Тонкая ткань мгновенно порвалась, словно только и ждала этого, стремясь обнажить свою хозяйку.

Ахнув, женщина посмотрела на него сияющими глазами и простонала:

— Гюнтер..

Он на мгновение остановился, оглядывая свою законную добычу. Оказалось, эта чёртова нимфоманка не надела под платье не только лифчика... На Ханне не было даже трусиков! Просто охренеть! Ни одна из его прошлых и настоящих женщин не была настолько сексуальной и смелой в своём разврате и это буквально сводило Гюнтера с ума от желания! Интересно, чем он думал раньше?? Отдать эту самку другому? Нет! Ни за что!.. Конечно, она

шлюха, но чёрт возьми, ЕГО шлюха!

За пару секунд расстегнув свою ширинку он накинудся на неё и потащил на кровать. Ханна сама обхватила его руками и ногами, жадно целуя и что-то шепча ему прямо в ухо. Гюнтер не прислушивался, так как в этот момент власть над телом снова перешла от большой головы к головке. Не осталось ничего что могло бы его отвлечь..

Без всяких предварительных ласк или чего-то похожего он нащупал вождедённное место и с утробным звуком провалился в него, застонав от огромного удовольствия. Как же ему этого не хватало! Боже... Разве может быть в мире большее удовольствие чем находиться внутри женщины которая искренне тебя хочет? А уж в этом Гюнтер не сомневался, между ног у Ханны было настолько горячо и мокро что его органу не нужна была никакая смазка. Влагалище услужливо позаботилось об этом само..

Крепко сжимая в объятиях её покорное тело, Гюнтер вривался в неё резкими, быстрыми движениями, каждый раз вызывая у женщины громкие стоны которые ещё больше подбадривали его. Глаза Ханны были закрыты, но когда она их иногда открывала и смотрела на него то в них отражалось такое счастье что не подделать никакой, самой опытной актрисе. И пока её изумительное тело содрогалось под его напором руки фрау Грубер ласково скользили по его лицу, шее, груди, животу..

Наклонившись вниз и не прекращая трахать женщину, он стал жадно целовать её шею и груди даже не подумав о будущих компрометирующих Ханну засосов. Какие же у неё груди!.. Настоящее совершенство! А соски!.. Эта нежная шейка, которая так и просит его поцелуев! А вот и губы, страстно шепчущие что-то..

— Мальчик мой!.. ох... да... хорошо... ещё, пожалуйста!.. вот так... ты мой... всегда мой, а я твоя... люблю тебя... только твоя, Гюнтер!.. навсегда!.. ахххааа... не остана... да!.. глубже, Гюнтер!.. мой Гюнтер... Боооже ты мооой..

Внезапно она часто задышала, ещё крепче обхватила его ногами и распахнула глаза. Взгляд Ханны был безумным от желания.

— Ещё немного, любимый!.. Пожалуйста!.. Да!.. Да!!.. Да!!!!.. О, Боже!!! — и она громко закричала.

Не раздумывая, Гюнтер тут же закрыл ей рот рукой, не прекращая овладевать своей женщиной. Сейчас его бы не остановил никто, включая Зеппа или Гитлера. Он просто послал бы их отборным русским матом, которому научился от Алекса.

Внизу вдруг резко стало мокро, стенки влагалища туго сжали его орган, голова Ханны бешено моталась из стороны в сторону. Из-под его руки вырывались приглушенные крики, стоны, визги и другие непонятные звуки которые может издать женщина разрываема оргазмом на куски... Воистину, Бог умно поступил соблазнив человечество размножаться испытывая такое нестерпимое удовольствие!

Понемногу фрау Грубер успокаивалась и затихала, но теперь пришёл черёд Гюнтера. Чувствуя такое знакомое давление, которое вот-вот сорвёт предохранительный клапан, он усилил напор до максимума, словно выйдя на финишную прямую. Под ним всё хлюпало, обильно политое соками Ханны и, крепко сжав её груди в своих ладонях, Гюнтер с невероятным наслаждением начал заполнять влагалище женщины. Сведённые судорогой удовольствия зубы пропускали наружу его низкое рычание, словно самец покрывал самку, которую никогда и никому больше не отдаст.

Содрогаясь, он опустился на её тело и закрыл глаза, уткнувшись лицом между грудей. Дыхание постепенно приходило в норму но всё тело было мокрым от пота. Открыв глаза и

увидев перед собой сосок Гюнтер счастливо улыбнулся и лизнул его. Ханну вздрогнула и тихо засмеялась, погладив его по голове.

— Спасибо, милый мой... Ради такой встречи я была бы готова приехать к тебе на другой конец света! — довольным голосом сказала она.

Чувствуя как его член, наконец дорвавшийся до цели, успокоился, он медленно вышел из своей женщины и повалился рядом, непроизвольно застонав. Глубокое чувство удовлетворения и правильности охватило его. Да, просто отличный подарок ему сделала Ханна перед самым наступлением! Лучшего и пожелать нельзя!

...За окном приглушенно слышались шумы с улицы но здесь, в тихом номере гостиницы, было уютно и спокойно. С трудом сев на кровати, он начал раздеваться. Эх, форма стала вся помятая и пропитанная потом... Конечно, надо было бы сначала раздеться а уж потом заниматься постельной гимнастикой но рядом с Ханной Гюнтер терял благоразумие и превращался в озабоченного только одним желанием самца. И вот результат... Придётся завтра отдать китель в стирку. Да и плевать, в сущности! За такую встречу это очень маленькая цена.

Ханна повернулась к нему и прилегла на его плечо, заодно закинув на него ногу и руку. Такой жест Гюнтер встречал неоднократно и раньше. Видимо, женщина таким образом, как бы заявляет свои права на него? Например, как это происходит когда она гуляет со своим мужчиной под ручку. Типа, показывает потенциальным соперницам чтобы те не пытались крутить своими попками перед её парнем. Что ж, он не имел ничего против, тем более кроме них тут никого и не было.

— Спасибо... — сказала она и нежно поцеловала его. — Теперь я верю что являюсь для тебя не только любовницей. Тебе же понравилось? — послышался риторический вопрос.

Гюнтер усмехнулся. Ответ прямо напрашивался, хотя и так всё было ясно.

— Ты же сама знаешь?

— Всё равно скажи! — попросила фрау Грубер, проведя пальчиком по его отдохнувшему достоинству.

Он театрально вздохнул и искоса посмотрел на неё. В темноте не было видно её глаз но Гюнтер чувствовал как она ждёт ответа.

— Мне **ОЧЕНЬ** понравилось, Ханна! С удовольствием бы делал это с тобой каждый день!

— Я тоже! — тут же ответила она. Поколебавшись, Ханна добавила: — А если каждый день... То я могла бы попросить кое-кого и тебя вернули бы в Берлин.

— Даже не думай об этом! — вскинулся Гюнтер, пристально глядя на неё. — Я боевой офицер и не собираюсь сидеть всю войну в столице, даже ради тебя. Пойми, наконец, если мужчина патриот и умеет сражаться то он обязан быть на фронте, защищая свою страну! Иначе это потеря самоуважения и просто эгоизм! Или, что ещё хуже, трусость!

— Мужчины... — ответила женщина непонятым тоном. — Почему вы всегда хотите воевать? Неужели нельзя жить без этой проклятой войны? Нет, ты не думай, я понимаю что мы окружены врагами и должны сражаться за свою свободу, но... — она замолчала. — Я просто не знаю что сказать, Гюнтер... Я не хочу чтобы ты погиб. Не хочу чтобы погибли все эти солдаты и офицеры в городе. Не хочу чтобы их жёны и дети плакали и росли без них! Наверное, я дура, да? Несу какие-то глупости..

— Нет, Ханна... — медленно сказал он, поглаживая её по волосам. — Ты всё говоришь правильно. Но, понимаешь в чём дело... Мы, люди вообще, такие создания которые всегда

запрограммированы воевать. За свою землю, за ресурсы, за власть, за веру... Да полно причин на самом деле. Это заложено в нашей сути! Если мы перестанем воевать и все превратимся в пацифистов, что по определению невозможно, то просто выродимся как вид. Остановимся в развитии и погибнем! Подумай ещё вот о чём... Знаю, это звучит кощунственно, но война помогает развиваться человечеству в плане технологий только платить за это приходится множеством жизней. И ещё что хочу сказать... Ты никогда не думала что в космосе, за пределами нашей планеты, могут проживать разные пришельцы? Мне кажется, это вполне логично. И вот представь, если кто-то из них вдруг решит пожаловать к нам в гости чтобы... ну, например, колонизировать Землю для себя... Или отнять наши ресурсы а людей всех убить. Они прилетят и увидят нас, бегущих с луками и мечами. Как думаешь, что будет потом? Нас не будет, вот что! Это ещё одна причина чтобы развивать военные технологии пока они не прилетели! Потому что потом будет уже поздно! И я абсолютно уверен что они когда-нибудь прилетят, вопрос лишь во времени! И когда это случится, мы должны быть готовы встретить их таким оружием против которого пришельцы ничего не смогут сделать! В идеале человечество должно объединиться чтобы выйти в космос и воевать уже там, защищая свою планету! Но, боюсь, это случится не при нашей жизни... — тяжело вздохнул Гюнтер, сам удивившись своей проникновенной речи. Что на него вдруг нашло?

Ханна полулежала на нём, глядя на него круглыми глазами.

— Да, Гюнтер, ты меня всё больше удивляешь... — медленно проронила она. — Я и не знала что у тебя в голове бродят такие мысли. Ты действительно думаешь что там, наверху, где звёзды, живут какие-то таинственные пришельцы?

— Да! — твёрдо кивнул он. — Раз есть наша Земля с пригодным для дыхания воздухом, то наверняка есть и другие похожие планеты, а значит и жизнь на них очень вероятна.

— Хм... Может ты и прав, но сейчас об этом думать мне хочется меньше всего... — хихикнула женщина, снова положив голову ему на грудь. — Скажи, ты скучал по мне?

— Естественно! — признался он, почти не кривя душой. Да и как можно забыть такую горячую штучку? Это надо быть полным импотентом или евнухом чтобы отказаться от неё. — Не проходило и дня чтобы я не вспоминал о тебе.

— Ты врун, Гюнтер... — рассмеялась Ханна, пальцем рисуя на его животе какие-то узоры. — Но иногда так приятно обманываться. А вот я думала о тебе каждый день, и это правда! Представляешь, иногда сижу за своим столом, смотрю на документ и не понимаю что читаю... Потому что мысли о тебе.

— Ты что, правда влюбилась в меня? — спросил Гюнтер. Внутри него происходила какая-то странная борьба. С одной стороны, он похолодел, представив как в его гарем втиснется ещё одна особа и что произойдёт если об этом узнают другие его женщины. С другой... Чувство собственника и мужское эго радостно приветствовали такое предположение. Ещё бы, иметь возможность часто трахать такую роскошную женщину, которая будет выплёскивать всю свою сексуальность только на него одного! И это не считая того что Ханна занимала одну из высших должностей в далеко не последнем министерстве Рейха! Она имела огромное влияние на формирование умов и настроений немцев и даже сам колченогий болтун, её начальник, прислушивался к советам своей заместительницы! Было бы непростительной глупостью разорвать с ней связь. Да он и не собирался этого делать, чувствуя что Ханна, как-то незаметно, умудрилась тоже занять своё место в его огромном сердце. Поэтому он и ждал её ответа с таким волнением, ведь если она скажет что любит его

то пути назад уже не будет...

— Знаешь, милый... — помолчав, ответила женщина, поглаживая волосы на его груди. — Раньше я думала что мы просто любовники. Но скоро поняла что не испытывала к другим даже половины чувств которые ты у меня вызываешь. Просто как-то проснулась утром и поняла что хватит себя обманывать, дурочка! Ты попалась, Ханна! Незаметно запуталась в липкой паутине и поняла что... — она глубоко вздохнула и продолжила... — что не хочу из неё освобождаться. Наоборот, хочу ещё сильнее запутаться, чтобы навсегда остаться в ней... Такое странное чувство! Мне так хорошо рядом с тобой, Гюнтер! Ты намного младше меня но рядом с тобой я чувствую полный покой и безопасность! Словно я очутилась под крылом могучей птицы! Раньше я считала что моя настоящая жизнь — это работа! Ведь мне нравится там работать, я знаю что нужна на своём месте и с удовольствием погружалась в неё, видя результаты на улицах, в речах на радио... А теперь ты открыл для меня новую радость! Кстати, есть ещё одна причина по которой я от тебя уже никуда не денусь... Но про неё скажу попозже, когда окончательно пойму кое-что. Так что да, милый... Я люблю тебя! — закончила она, приподняла голову и нежно поцеловала его в губы.

Гюнтер ответил, внутренне ликуя. Да, ему предстоит ещё большие сложности и разборки внутри своего гарема, но плюсов всё же было больше, по его мнению.

— Что ж, тогда и я тебе скажу... Я люблю тебя, моя Ханна! — с этими словами уже он поцеловал её и с радостью ощутил ответный порыв. — Но как быть с твоим мужем? Дело не в ревности, он мне не соперник, просто ты станешь себя компрометировать и твоя репутация быстро рухнет. Тебе это нужно? — риторически спросил Гюнтер.

— Муж... — горько усмехнулась она. — Ничтожество, которое треплет мне нервы уже долгое время... Раньше я терпела его но теперь хватит. Если ты захочешь, я могу подать на развод хоть завтра! Не думаю что будут большие трудности. Конечно, он попытается выжать из меня как можно больше денег но я это улажу. А ведь когда-то он был совсем другим... Даже в чём-то похожим на тебя... Но увы... Он опустил и превратился... в животное! — буквально выплюнула это слово женщина.

— А репутация? Знаешь, после того как я себя сегодня отпустила и целовалась с тобой у всех на глазах... Сплетни в министерстве всё равно пойдут, мне ли не знать болтливость своих сотрудниц? — фыркнула Ханна и поудобнее разлеглась на нём. — Ну и плевать! Завтра, перед отъездом, я ещё и не то покажу! Пусть все знают что я по настоящему счастлива и не намерена больше скрывать это! Вот так! — разошлась женщина.

Гюнтер тихо засмеялся и прижал её покрепче к себе.

— Какая ты у меня воинственная! Что ж, тогда нам надо основательно закрепить наш договор. Соединиться, так сказать, вплотную..

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросила Ханна, когда он начал поворачивать её к себе задом. Внезапно её глаза расширились и она попыталась вырваться. — Нет! Гюнтер, пожалуйста! Давай не сейчас?

— Почему же нет? — пожал он плечами, пристраиваясь сзади. — Я отдохнул, ты тоже, у нас впереди вся ночь, нельзя зря терять такую возможность, верно?

— Хорошо, но только не туда! — умоляюще попросила женщина, глядя на него через плечо. — В тот раз там болело дня два..

— Это от непривычки! — "успокоил" её Гюнтер, предвкушая будущее удовольствие. — Чем чаще мы будем с тобой этим заниматься тем быстрее ты привыкнешь ко мне... и к

Нему! Ты теперь полностью моя женщина, поэтому лучше прогнись и расслабься... Да и вообще, неужели забыла как потом сама извивалась и просила не останавливаться? Разведи их руками... — велел он, смазывая её отверстие своей слюной. Впрочем, женское влагалище, судя по его пальцам, снова начало увлажняться, значит, вопреки словам Ханна тоже этого хочет, просто немного боится... Или специально дразнит?

— Ох, Гюнтер, ты настоящий извращенец... — обречённо прошептала она, окончательно покоряясь. — Неужели тебе нравится когда мне больно?

— Мне нравится когда тебе хорошо! — поправил он, упёршись стоячим членом в нужное место. — Я не виноват в том что твоё удовольствие часто рождается из боли и даже унижений. Так что, шлюшка, хватит болтать! — командирским голосом рявкнул Гюнтер, ощущая как возбуждение снова захлёстывает его. — Сегодня ночью твоей роскошной заднице предстоит много чего пережить, а значит меньше слов больше дела!

Его член, наконец, начал движение, раздвигая сморщенное отверстие ануса и медленно стал погружаться внутрь попки Ханны.

— Аххх... осторожнее... — вскрикнула женщина, вся напрягшись. — Мне больно! Помоги мне..

Гюнтер, с трудом достигший почти полного проникновения в задницу Ханны, прикоснулся губами к её ушку и прошептал:

— Я люблю тебя, моя девочка... Я всегда буду любить тебя... Никогда не брошу и буду защищать даже ценой своей жизни... Ты моя и я никому тебя не отдам! Поняла? — одновременно его палец начал массировать мокрый клитор, отчего она вздрогнула от удовольствия и выгнулась ещё больше.

— Да!!! — закричала женщина. — Да-да-да-да!.. Я... люблю... тебя... Гюнтер! Делай со мной что хочешь!.. Всё!

И сама качнула попкой насаживаясь на его член. Погружаясь в пучину удовольствия Гюнтер успел подумать что в эту ночь спать им вряд ли суждено..

Москва.

8 мая 1940 года. Поздний вечер.

Залесский Алексей Дмитриевич.

Ещё! Ну же! Последнее усилие!..

Он поднатужился, обливаясь потом и, согнувшись, снова надавил на проклятую крышку люка которая уже несколько часов держала его взаперти. Усталое тело отдавало все свои силы чтобы вырваться на волю. Стоя на лестнице трудно было расположиться с комфортом, к тому же давали о себе знать ушибы полученные в драке с этим юнцом.

Тяжёлая крышка приподнялась и появился зазор между нею и поверхностью пола. Уже хорошо... Долгое время Алексей бил, стучал снизу в люк с тех пор как понял что пленник окончательно сбежал, заперев его самого на своём месте. Какая ирония судьбы! Стиснув зубы от злости он снова начал толкать крышку. В результате тяжёлый шкаф, лежащий на люке и мешавший своим весом поднять его, начал смещаться в сторону. Да, это было медленно и мучительно но ничего другого ему не оставалось. Время работало против него... Во что бы то ни стало Залесскому надо было вылезти из заточения и сбежать до того как чёртов Саша доберётся до своих любимых НКВДшников и приведёт их сюда... А то что он это сделает, в этом у него сомнений не было.

Расстояние между люком и полом стало ещё больше, теперь можно было просунуть руку, если понадобится... Немного передохнув Алексей снова напрягся и стал давить на крышку, игнорируя боль в спине и руках. Осталось уже немного, надо постараться!.. Наконец, ещё через минут пятнадцать, шкаф передвинулся достаточно чтобы он мог вылезти из погреба и разлечься на полу, глубоко дыша. Сердце бешено стучало от нагрузок, во рту было сухо как будто Залесский побывал в Средней Азии.

Дав себе полежать минут десять он заставил себя встать, не обращая внимания на боль в теле и уставшие мышцы. Нет времени отдыхать! Скорее всего, псы Берии уже мчатся сюда, намереваясь схватить настоящего заговорщика, который состоит в организации предателей ведомства. Превозмогая боль монархист хрипло рассмеялся. Если он попадётся к ним в руки то они станут пытаться добиться чтобы он рассказал им все адреса, пароли, явки. А Алексей ничего им не расскажет... Потому что нечего рассказывать! Зная патологическую подозрительность и шпиономанию сотрудников НКВД они точно решат что эта организация существует и начнут яростно её искать. Что ж, если несколько десятков невиновных попадут под подозрение и будут арестованы или даже расстреляны, то уже неплохо! Какой-никакой урон..

Утвердившись на ногах, Алексей подошёл к ручкомойнику на маленькой кухне и жадно опустошил его. Состояние стало намного лучше, появились дополнительные силы. Прислушавшись, он не уловил ничего подозрительного на улице. Пора уходить!.. Вдобавок, появилось чувство голода но пока несильное, терпеть можно.

...Уже выйдя на улицу он заколебался. Возможно, стоит поджечь домик чтобы скрыть следы? А смысл? Всё равно Саша запомнил место и участок, он же расположен на краю. Да и название товарищества наверняка прочитал на заборе... К тому же пожар явно привлечёт внимание посторонних... Нет, пусть всё так и будет! Теперь надо поймать машину,

вернуться в город и, первым делом, отдохнуть. Сейчас от него мало толку да и бывший пленник не знает где он живёт.

...Направляясь по направлению к областной дороге, на которой был маленький шанс поймать запоздавшую машину, Алексей переходил от состояния ярости к нервному смеху. Подумать только, его обманул и победил молодой сопляк, уступавший ему во всём! Сила, опыт, даже "чуйка" были на стороне Залесского и всё равно не помогло! Этот... щенок, чтоб его, вырвался на свободу и теперь наверняка смеётся над ним! Мда... приходилось признать что он действительно расслабился, поверив что у пленника нет другого выхода кроме как принять его предложение. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Опять недооценка противника! А ведь были же тревожные признаки, были! Сначала то как Саша достал его во время неожиданного нападения... Потом слишком уж лёгкое согласие подписать бумагу о сотрудничестве. И ведь Алексей был настороже, готов к нападению! Вот только когда тот подписал её и передал ему то Залесский расслабился, решив что дело сделано. А Саша, видимо, только этого и ждал. А песок? Алексей тщательно обследовал подвал, убрав из него заранее всё что могло быть оружием, а вот про песок даже не подумал... Грубейший просчёт! И закономерное наказание... Счастье ещё что жив остался.

Но какой же дурак этот Александр! Отказаться от такого великолепного шанса сбросить коммунизм и вернуть былое величие империи! Нет, Алексей чувствовал что Саша сделал это вовсе не от любви к "красным". Просто не поверил ему. Решил что обманывает... Правильно решил, кстати! Но это и его, Залесского, оплошность. Видимо, был недостаточно убедителен или допустил какую-нибудь ошибку, поэтому пленник для вида согласился а потом блестяще реализовал свой план побега. А как этот стервец со шкафом придумал! Быстро и надёжно! Тупой в стратегии, но вот в тактике совсем не дилетант.

Покачав головой Алексей продолжал идти к шоссе. Дорога будет долгой, потому что поймать машину почти в полночь... это как ему должно повезти... Что ж, будет время детально разобрать ситуацию и принять решение что делать дальше. Главное, не столкнуться по пути с теми кто едет по его душу. Ничего, фары и гул мотора он увидит и услышит издали, успеет прыгнуть в кусты..

Вопреки его состоянию и настроению губы Алексея улыбались..

Москва.

9 мая 1940 года. Раннее утро.

Александр Самсонов.

Который уже час он тащился вдоль дороги, изнемогая от усталости. Первоначальная надежда поймать попутный грузовик, вернуться в город и вместе с сотрудниками НКВД приехать за своим похитителем давно пропала. О чём можно говорить если уже первый этап плана безнадёжно затянулся? Таким макаром возвращение в садовое товарищество затянется до вечера уже этого, нового дня. Конечно, была надежда что этот Алексей, волей-неволей, вынужден будет дожидаться его но мало ли? Вдруг, всё-таки, выберется как-то наружу? Или сообщники, обеспокоенные его долгим отсутствием, приедут и освободят своего незадачливого подельника. И тогда что?..

Выругавшись с досады Александр в который раз оглянулся назад и вдруг замер. Неужели ему не кажется? Вдали, в паре километров сзади, виднелись два тусклых жёлтых огонька, медленно приближающие к нему. Похоже, какая-то ранняя птичка уже едет в город

из района по своим делам..

Саша глубоко вздохнул и вышел на середину дороги. Как угодно но он должен остановить машину, потому что идти дальше пешком сил почти не было. Дождавшись когда неизвестный грузовик подъедет поближе, Александр раскинул руки и замер, глядя вперёд. Раздался пронзительный клаксон, потом ещё и ещё... Водитель явно пытался согнать его с дороги. Саша не отреагировал.

Наконец, раздался скрежет тормозов и грузовик остановился прямо перед парнем, не выключая фары, слепившие его. Распахнулась дверца и наружу вылез кряжистый, усатый мужик в расстёгнутом, замызганном сером пиджаке и кепке:

— Эй парень, ты совсем сдурел или напился так что глаза залило?! Чего под машину бросаешься?! А если бы я на тебя наехал?! — со злостью спросил водитель, подходя к нему.

— Я — Александр! — представился он, протянув руку.

Тот замолчал и удивлённо посмотрел на него. Подумал и пожал её:

— Степан Анатольевич... Так чего ты растопырился посреди дороги, а? — снова спросил водитель.

— Мне нужно срочно попасть в ближайшее отделение поли... милиции! — сказал Саша, едва успев прикусить язык. — Или, ещё лучше, в НКВД.

— Ничего себе... — мужик снял свою кепку и растерянно провёл ладонью по своим полуседым волосам. — А что случилось-то? Убили кого?

— Это секретная информация! Вы, товарищ, не имеете необходимого допуска для того чтобы я вам это рассказал!.. — официально ответил он, "включив" сотрудника НКВД. — Мне нужно срочно добраться до города и сообщить куда следует! Поехали!

С этими словами Александр обошёл капот грузовика и полез в кабину на пассажирское место. Степан Анатольевич удивлённо наблюдал за ним. Потом, словно опомнившись, она нахлобучил свою кепку обратно и торопливо залез на своё место. Но прежде чем завести машину, поколебался и спросил:

— А ваши документики можно, товарищ... Александр? А то, знаете ли..

— Документы пришли в негодность... — ляпнул Саша первое что взбрело в голову. — Но когда довезёте меня до милиции или НКВД то вам выразят благодарность. А если откажетесь везти то вам не избежать вопросов от компетентных органов, которых наверняка заинтересует почему вы отказали в помощи их сотруднику при исполнении! — на всякий случай пригрозил он, сделав грозный вид.

Неизвестно помогло ли это мужику принять нужное решение но тот сплюнул в окно и окинул Александра обеспокоенно-мрачным взглядом:

— Да я что?.. Надо, так отвезу... Только вы мне потом расписку напишите, почему я свернул с маршрута, иначе мне наш начальник Иваныч всю плешь проест за расход топлива и всё прочее.

— Будьте уверены, Степан Анатольевич, расписку вам напишут... — заверил его Саша. — А теперь поехали уже! Кстати, по пути вы на дороге, кроме меня, никого не видели?

— Нет, не видел... — пробурчал водитель, трогаясь с места. — И сейчас бы предпочёл не видеть... — совсем тихо закончил он, но Александр всё равно услышал.

Окончательно успокоившись, он закрыл глаза и уже через пару минут заснул, не обращая внимания на шум двигателя и тряску машины на дороге..

... — Проснитесь, товарищ Александр! Приехали! — громко крикнул водитель.

Вздвогнув, Саша проснулся и осоловело поглядел на Степана Анатольевича, который насмешливо смотрел на него, положив руки на руль. Всё тело затекло от неудобной позы, когда он заснул, прислонившись к дверце. Проведя рукой по заспанному лицу, Александр протяжно зевнул и огляделся.

Грузовик стоял на какой-то улице, рядом с обшарпанным двухэтажным зданием жёлтого цвета. Перед ним была разбита небольшая клумба с каким-то едва проклюнувшимися цветами. Над входом в здание висела большая вывеска "МИЛИЦИЯ".

Открыв дверцу, Саша вылез из кабины на улицу и с хрустом потянулся. Солнце уже начало подниматься и вокруг то и дело ходили люди, иногда разглядывая его. И неудивительно, вид Александра был явно не ахти. Грязная, когда-то, белая рубашка, измазанные брюки военного покроя и сапоги. Вдобавок, от него воняло потом.

Прошёл мимо интеллигентный мужчина в костюме и с портфелем. Презрительно оглядел его, покрепче вцепился в свою ношу и ускорил шаг. За ним быстро прошла симпатичная девушка в свободном платье и кокетливом берете. Она стрельнула в него глазками, еле слышно фыркнула и отвернулась в другую сторону.

Саша смутился. В самом деле, нужно привести себя в порядок, иначе самому стыдно. Он обернулся к водителю, продолжавшему сидеть в кабине, и сказал:

— Пойдёмте, Степан Анатольевич, я попрошу написать для вас расписку.

Тот высунул голову из окна и махнул рукой:

— Да и чёрт с ней, с распиской! Не нужна она мне... Расскажу что-нибудь Иванычу, не в первый раз... Удачи!

Заработал мотор и грузовик тронулся с места. На прощание помахав рукой водителю отдохнувший Александр посмотрел на вход в отделение милиции и направился внутрь...

г. Нойенкирхен, Германия.

Расположение моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер".

9 мая 1940 года. Утро.

Ханна Грубер.

— Ну что, оберштурмфюрер, куда мы теперь пойдём? Экскурсия закончена? — весело спросила женщина, с улыбкой глядя на Гюнтера, с которым шла под ручку, совершенно игнорируя удивлённые взгляды русской эмигрантки.

— Вовсе нет, фрау Грубер! — усмехнулся тот, пошевелив своим локтем её грудь отчего Ханна тут же почувствовала знакомую истому. — Сейчас нас ждёт главная достопримечательность этого милого городка — церковь святой Анны! Прошу за мной, дамы!

...Ночь была прекрасна, несмотря на то что спать им пришлось всего пару часов. Этот извращённый мальчишка, высотой под два метра ростом, вертел её послушное тело как игрушку, заставляя отдаваться ему как он хочет. Спереди, сзади, снизу и сверху... Казалось, он неутомим! Первоначальная боль от вторжения в её задницу быстро ушла и уже совсем скоро женщина тряслась в оргазме, совершенно позабыв о том где она и что с ней. Потом были долгие часы грубого секса где Ханна отпустила своё сознание полностью, называя себя всеми теми словами которые он её заставлял произносить, а заодно сама придумывая новые... Развратная сучка, замужняя мокрощёлка, текущая самка, покорная рабыня... Боже!.. вспоминая сейчас своё добровольное падение в омут бездонного удовольствия женщина

невольно краснела, а ведь она явно не неопытная девственница готовая упасть в обморок от вида возбуждённого мужского члена! Что же он такого делает с ней что Ханна абсолютно теряет голову, находясь в его объятиях и готова на всё чтобы снова и снова ощутить в себе его мужественное достоинство? Это просто наваждение, причём, с её полного согласия!

В конце концов, совершенно изнурённая и обессиленная, она потеряла сознание после очередного яркого оргазма, унёсшего её куда-то в невообразимые дали, где обитают тени всех женщин, которых их мужчины смогли довести до такого состояния. Проснувшись она утром от того что между её ног снова трудился Гюнтер, буквально вколачивая в Ханну свой неутомимый член. Поистине, это было чудо! Ни один её прежний мужчина не мог похвастаться такой выносливостью. А тело? Тело же разрывалось от двух противоположных желаний... С одной стороны, оно молило о передышке, чтобы хоть немного прийти в норму. С другой же... наоборот, хотело мужчину ещё больше. Как будто Гюнтер стал для неё настоящим наркотиком!

Сам же парень, видимо, успел отдохнуть и находился в отличном расположении духа. После того как он в который раз залил в неё свою волшебную сперму, Гюнтер подхватил женщину на руки и отнёс в душ. Настроившаяся на тёплую воду и медленное отмокание в ванне Ханна, против воли, издала истошный визг когда на её тело обрушилась довольно прохладная вода. Чувство сонливости и усталости мгновенно исчезло. Гюнтер же, усмехаясь, быстро вымыл её и заставил одеться, сказав что их ждёт культурная программа. Не в силах возразить своему мужчине, как она уже давно привыкла про себя его называть, Ханна натянула на себя платье и тщательно накрасилась, постаравшись убрать все видимые следы их безумств. Но, глядя в зеркало, понимала что получилось плохо..

Губы опухли от жадных поцелуев и были искусаны от страсти, помада не помогала. Подведённые глаза тоже выдавали бессонную ночь. Но хуже всего были несколько засосов, оставленные бесцеремонным Гюнтером на шее и над грудью. Как на зло, нарядное платье было с широким декольте и не скрывало эти красноречивые следы измены фрау Грубер. Другой одежды у неё не было а одолжить у кого-нибудь шарфик было невозможно во избежание огласки. Хотя, после вчерашнего публичного поцелуя на улице, вряд ли что-то осталось от её репутации верной замужней женщины.

Спускаясь в холл гостиницы Ханна поймала оценивающий взгляд поднимающейся навстречу горничной с бельём и увидела как та тут же опустила взгляд, а её губы дрогнули пытаясь сдержать улыбку. Без сомнения, её громкие крики и стоны ночью эта девушка явно слышала и сделала правильные выводы о их причинах. А раз знает эта горничная то знает и вся гостиница... Пройдя немного вперёд, Ханна внезапно обернулась.

Девушка стояла наверху лестницы и смотрела на них. Точнее, на Гюнтера. И взгляд у неё был довольно выразителен. Определённо, та не отказалась бы очутиться на месте Ханны. Женщина насмешливо улыбнулась ей, увидела как горничная вспыхнула от смущения и быстро ушла по коридору.

"Обойдётся, сучка, мой Гюнтер не для тебя!" — злорадно подумала она и вышла вместе с парнем наружу. Гюнтер, даже не заметивший эту сцену, хотел направиться по улице но тут Ханна проявила упрямство и направилась в ближайший магазинчик женской одежды.

Тут, к её досаде, она и встретила Ольгу. Видимо, та тоже решила прогуляться по городу, а так как он был небольшой то и встреча была неминуема. Русская актриса улыбнулась и открыла рот чтобы поздороваться но вдруг застыла, ошеломлённо глядя на её открытую шею,

с провокационными засосами на ней.

Демонстративно не обращая внимания на шок Ольги Ханна быстро выбрала себе широкий зелёный газовый шарф и обмотала шею, таким образом скрыв от чужих глаз свой компрометирующий вид. Нет, она не злилась на Гюнтера из-за этого, так как отлично знала что возбуждённые мужчины, когда овладевают женщинами, меньше всего думают о таких вещах... Да они вообще ни о чём не думают, обуреваемые желанием сосредоточенным исключительно между ног! Настоящие эгоисты!

Только после этого Ханна повернулась к русской и поздоровалась с ней как ни в чем не бывало. Потом, под руководством Гюнтера, они начали прогулку..

...Церковь святой Анны понравилась обоим женщинам которые не замедлили выразить свой восторг. Помимо них возле церкви находились и другие посетители, в том числе и её сотрудницы, гуляющие друг с другом или со своими кавалерами. Они перешёптывались, глядя на неё, и иногда хихикали но Ханну было не пронять. Как сохранить лицо и самообладание, даже если тебя раскрыли, она умела.

Тут Гюнтер отвлёкся на разговор с каким-то своим другом, назвавшимся Паулем, который тоже был со спутницей, между прочим, одной из подчинённых Ханны. Женщины, наконец, остались наедине и Ольга тут же заговорила, понизив голос:

— Дорогая Ханна, возможно, это не моё дело, но... Ваш вид, на мой взгляд, весьма красноречиво говорит что эта ночь была для вас довольно бессонной.

— Что вы имеете в виду, Ольга? — осведомилась она, с непроницаемой маской на лице. Как общаться с женщинами Ханна знала ничуть не хуже чем с мужчинами. Все эти подначки и лживые улыбочки, вкупе с фальшивыми комплиментами... Нет, с мужчинами намного легче! Они более прямолинейны и часто действуют в лоб, не утруждая себя всякими намёками и интригами.

— Ну... — слегка заколебалась русская, закусив губу. — Все эти следы на вашей шее... да и странные звуки, доносившиеся из вашего номера почти всю ночь... словом, я удивлена вашей безрассудностью. Насколько я знаю, вы замужем и... Мне кажется, это не пойдёт на пользу вашей репутации.

— Хм... Благодарю за заботу обо мне, Ольга, но я всегда готова ко всем неприятностям которые могут на меня обрушиться... — ответила женщина, глядя той прямо в глаза. — Что же касается засосов и моих криков удовольствия, которые вы наверняка слышали, то не считаю нужным давать вам пояснения на этот счёт. Тем более, вы же умная женщина и всё давно поняли. Не так ли, милочка?

Актриса слегка покраснела и отвела взгляд, видимо, ошарашенная её прямоотой. Наверное, думала что Ханна начнёт всё отрицать, придумывать всякие небылицы... В таких случаях надо перехватывать инициативу и ни в коем случае не оправдываться!

— Извините, если обидела... Я понимаю, оберштурмфюрер очень хорош собой, но... — заговорила русская эмигрантка. Ханна усмехнулась и прервала её:

— Знаете, Ольга, это на самом деле не ваше дело как именно я провожу своё время с одним из героев нашего Рейха. Я прекрасно осознаю все последствия своего поступка и, как уже говорила, полностью готова к ним. Предлагаю закрыть эту тему и больше не возвращаться к ней! — закончила женщина своим жёстким тоном, которым обычно делала разносы своим сотрудникам, когда они ошибались в работе.

Ольга в замешательстве кивнула. Тем временем, закончив разговор со своим другом, к ним подошёл Гюнтер. Он посмотрел на них обеих, улыбнулся и спросил:

— Что, секретничаете?

— Конечно, милый! И всё о тебе! — широко улыбнулась ему в ответ женщина и, на глазах изумлённой актрисы, поцеловала его.

Тот удивлённо посмотрел на неё, потом на отвернувшуюся Ольгу, пожал плечами и жарко поцеловал в ответ.

— Даже так? И о чём конкретно? — поинтересовался Шольке, уже не стесняясь обнимая женщину.

— Это только между нами, девочками! — рассмеялась Ханна, с удовольствием нежась в его руках. — Тебе знать не положено! — пропела она, проведя пальцем по его губам.

— Ах ты, таинственная моя! — Гюнтер сделал вид что хочет укунить её палец и женщина со смехом отдернула руку. Сейчас она чувствовала себя абсолютно счастливой. Её мужчина был рядом, она любима и ей не нужно больше притворяться, играть роль и сдерживать себя... Да здравствует свобода от оков общества! А Ольга... пусть смотрит и завидует!

Гюнтер намеревался взять их обеих под руку но Ханна тут же ловко вывернулась и пристроилась с другой стороны, оказавшись в середине между ним и актрисой. Пора было показать этой дамочке что ей тут ничего не светит!..

Потом они ещё час гуляли по городку. Шольке привёл их в тот дом где он жил со своими разведчиками, показал место где спит. Ханну поразил спартанский быт её любимого мужчины. Шкаф, стол и простая армейская койка. Здесь определённо не хватало женской руки! Впрочем, так даже лучше, не будет рядом с ним никакой вертихвостки, и так в Берлине их гораздо больше чем хотелось!

Затем познакомил их со своим заместителем Бруно, а также маленьким Эрихом, оказавшемся здесь по причине гибели отца. Краткий пересказ истории попадания подростка в его отряд Гюнтером заставил обеих женщин прослезиться от сочувствия. Ольга даже пообещала позаботиться о его семье и предложила увезти его с собой. Мальчик решительно отказался, заявив что он нужен именно тут и Шольке кивком головы подтвердил это. Что ж, это мужские дела, они сами разберутся и женщинам нечего в них лезть, здраво рассудила Ханна. К тому же у неё возникла соблазнительная идея использовать этого Ханке для пропаганды. Юный герой СС, мстящий за отца! Настоящий пример для подражания всех мальчишек Германии! Это великолепно! Геббельс будет в восторге!

Гюнтер затащил их на один из своих броневикумов и предложил сфотографироваться на башне, держась за непонятные дуги над корпусом. Боевая машина внушала Ханне трепет и уважение. Мрачный гений тевтонского духа с большими колёсами, раскрашенный в какие-то пятна и готовый убивать врагов Рейха! Осторожно погладив ствол маленькой пушки, торчащей из башни рядом с пулемётом, они спустились вниз, поддерживаемые Гюнтером и его заместителем.

Напоследок он привёл их на окраину городка и предложил пострелять из разного оружия. В отличие от Ольги, ни разу в жизни не державшей в руках даже пистолета, Ханна пару раз стреляла из "Р-08" и даже из винтовки. Зная что будет сильная отдача, она напряглась при выстреле. Видимо, из-за этого промахнулась по дереву метрах в семидесяти, зато плечо почти не болело. Ольга же вскрикнула при выстреле от испуга и выронила оружие, морщась от боли в плече. Гюнтер, смеясь, подобрал винтовку и выстрелил почти не целясь. Ханна видела как от дерева отлетел кусочек коры и упал на землю. Ничего удивительного, оружие создано мужчинами и для мужчин, потому и такой результат. А

женщины предназначены совсем для другого, более приятного..

Под конец Шольке показал свой пистолет-пулемёт и как из него стрелять. Увы, на этот раз Ханна опростоволосилась не меньше чем русская эмигрантка. Попытавшись поразить цель, она от бедра выпустила все патроны не отрывая пальца от спускового крючка и, открыв рот, в шоке смотрела на невредимое дерево. Как так?! Неужели ни разу не попала? Гюнтер подтвердил что так и есть, сказав что нужно стрелять короткими очередями и предложил попробовать снова.

Отчаянно сражаясь с дёргающимся в руках оружием женщина пыталась целиться но вылетающие горячие гильзы отвлекали её. Впрочем, он сказал что пара пуль всё-таки поразила цель и для неё это уже неплохой результат. Ольга, глядя на её мучения, категорически отказалась пробовать, сказав что она, скорее, попадёт в самую себя чем в это дерево.

...Наконец, настало время отъезда. Автобусы стояли на площади наготове, ожидая своих пассажиров. Сотни людей столпились здесь, одни уезжая, другие провожая. Девушки весело шутили с военными, некоторые из них наверняка оставили свои телефоны или адреса, а многие, в этом Ханна не сомневалась ни на минуту, ночью позволили эсэсовцам сполна воспользоваться их благосклонностью к лучшим воинам Рейха. Что ж, в этом и состояла главная задача "курочек", не так ли?

Ольга отошла попрощаться с Дитрихом, громогласно вещающим что-то своим офицерам, а Ханна снова взглянула Гюнтеру в лицо. Она нисколько не жалела об этой поездке! Помимо громадного сексуального удовольствия, которое ей надолго запомнится, женщина получила ответ на главный, мучающий её вопрос, который определил их отношения. Ханна призналась ему в любви и получила ответное, искреннее признание. Это самое главное! Конечно, она не одна у Гюнтера но это поправимо. Женская война бесшумна и часто незаметна мужчинам зато довольно жестока. Чего бы ей это не стоило но женщина намеревалась обосноваться к Гюнтеру вплотную и попытаться отеснить остальных соперниц. Если же это не удастся... значит она станет первой из них! Впрочем, ещё будет время это хорошо обдумать.

Подорванная репутация и слухи среди подчинённых? Муж? С этим Ханна тоже справится! Любовь Гюнтера подпитывала её силы и энергию, а значит она обязательно найдёт выход!

— Ну что, моя любимая шлюшка, пора прощаться... — ласково погладил её по голове Шольке. Женщина невольно прикрыла глаза от удовольствия. Как же не хочется уезжать!.. Но надо.

— Ты пиши мне, ладно? — внезапно для себя всхлипнула Ханна. Неужели она плачет?! — Каждый день пиши! Чтобы я знала что с тобой всё в порядке!

— Да что со мной может случиться? — немного неуверенно рассмеялся он, прижав её к своей груди. — Поверь, меня трудно убить! Ты, главное, сама себя береги, поняла? Кстати, ребятам понравились плакаты со мной! Теперь я, типа, кинозвезда! — хмыкнул Гюнтер, ероша её причёску. — Кстати, ты так и не сказала мне своё желание? Ну, за то что помогла мне найти свой полк.

— Я... Я пока не буду его говорить! — шмыгнула она носом, совладав с собой. — Но для этого ты обязательно должен жить! Слышишь? Обязательно!

— Это само собой! Гибель в моих планах не значит! — самоуверенно отмахнулся Шольке. — Так что готовься к следующему разу, поняла? То что было ночью это разминка!

Потом я займусь тобой по серьёзному! — шутливо пригрозил он.

Не выдержав, Ханна расхохоталась, ударив его кулачком по груди:

— Разминка?! Да ты чуть не убил меня своим членом! Ой... — спохватилась женщина, вспомнив что вокруг полно людей. — Я думала что сейчас разорвусь на части... — понизила она голос, оглядываясь.

— Не преувеличивай, я тебя щадил... — улыбнулся он и нежно поцеловал её. Ханна бы и не отрывалась от его губ но так она никогда не уедет. Поэтому невероятным усилием женщина оторвалась от него, заметив на губах Гюнтера свою помаду. Шаловливо облизав свои губы, она предусмотрительно отошла на пару шагов от него и быстро залезла в автобус. Конечно, многие видели этот поцелуй но ей уже было плевать на это..

— Все в автобусы!!! — громко закричала Ханна и увидела как её "курочки" начали заходить внутрь, обмениваясь с ээсовцами последними шутками и поцелуями. Прибежала запыхавшаяся Ольга, быстро попрощавшись на улице с Гюнтером, и уселась рядом с ней.

— Думаю, Ханна, вы довольны своей поездкой? — улыбнувшись, спросила актриса.

— Очень довольна! — ответила женщина, улыбнувшись в ответ. Она никому, тем более Ольге, не даст испортить себе настроение. — И я намереваюсь вскоре повторить визит!

— О! — вздёрнула брови русская, но предпочла не продолжать скользкую тему.

Скоро автобусы тронулись и прощально махающая рукой фигура Гюнтера, вместе с сотнями ээсовцев, пропала за домами. Быстро показалась окраина и колонна автобусов выехала на шоссе, по направлению к Мюнстеру. Ханна, не обращая внимания на оживлённый щебет своих сотрудниц, бездумно смотрела в окно. На душе было радостно и тревожно. Что-то надвигалось... Что-то страшное и неотвратимое. Но что именно? Она мысленно возвала к Богу и попросила:

"Боже, пожалуйста! Пусть он останется жив и не разлюбит меня! Умоляю!"

В этот момент луч солнца упал прямо на её лицо и ласково пригрел. Женщина улыбнулась. Тревога ушла бесследно. Всё будет хорошо..

г. Нойенкирхен, Германия.

9 мая 1940 года. День.

Лаура Блум.

Они выехали из Мюнстера полчаса назад. Путь по железной дороге прошёл нормально, не было никаких задержек, а на вокзале её уже ждал водитель за рулём медицинского "Опея", которого прислал начальник санитарной службы "Лейбштандарта".

С собой у неё был лишь небольшой чемодан с личными вещами и водитель, тщедушный санитар-ефрейтор, разрешил ей положить его на колени. Он оказался не болтливым и Лаура, едва последние дома Мюнстера остались позади, незаметно задремала.

Вчера, несмотря на то что она старалась много не пить, Лотта с Евой уговорили девушку выпить больше чем следовало и сегодня утром её состояние было явно не идеальным. Слегка болела голова и немного тошнило. Обе подруги тоже выглядели неважно и, наскоро попрощавшись с ней, разъехались на такси. Правда перед этим заставили пообещать что Лаура обязательно передаст их приветы и пожелания вернуться домой Гюнтеру.

В поезде девушка смогла подремать и теперь с любопытством смотрела в окно, любуясь сельским пейзажем. Живописные поля, рощи, аккуратные фольварки... Как же красива

родная Германия! А какой воздух! В городе пахнет совсем не так. Когда она теперь снова окажется в Берлине? Как там мама без неё? Может зря Лаура не предупредила её? Та наверняка волнуется... Нет, иначе мать точно заперла бы её и сторожила как цербер!

Внезапно она спохватилась что забыла позвонить друзьям Гюнтера которые приходили к ней на работу и искали его новое место службы. Вот растяпа! Совсем вылетело из головы... Они и номер оставили а Лаура так и не вспомнила... Наверное, Гюнтер будет недоволен. Надо будет попробовать позвонить когда она приедет в этот Нойенкирхен... Или лучше всё рассказать ему? Тогда он сам созвонится с ними... Да, это будет правильнее!

Навстречу попалась целая колонна автобусов едущих, видимо, в Мюнстер. Так как скорость их грузовика была небольшой, она смогла рассмотреть пассажиров довольно подробно. В первом из них сидела какая-то женщина в ярком светло-зелёном платье, только лица её девушка рассмотреть не успела. А потом она изрядно удивилась, заметив что почти все пассажиры автобусов были девушками и женщинами, причём довольно хорошенькими. Они весело хохотали и переговаривались. Интересно, откуда их столько? Впрочем, какое ей дело? Едут по своим делам а она по своим. Лучше представить как совсем скоро Лаура встретится с любимым Гюнтером..

И девушка, слегка улыбаясь, погрузилась в мечты..

— Фройляйн, мы приехали, слышите? — внезапно услышала Лаура и вздрогнула от неожиданности. Водитель насмешливо смотрел на неё и улыбался.

Оказывается, они уже были на месте. "Опель-блиц" стоял у длинного двухэтажного строения со множеством окон. Рядом с грузовиком то и дело проходили мужчины и женщины, одетые в белые халаты и форму с медицинскими петлицами. Неподалёку она заметила ещё несколько санитарных машин с большими красными крестами на кузовах.

— Спасибо вам большое, санитар-ефрейтор! — поблагодарила девушка водителя и, открыв дверцу, вылезла наружу.

В нос сразу ударил знакомый запах лекарств, бензина и чего-то ещё. Растерянно оглядевшись, Лаура постояла на месте а потом решила войти внутрь дома. Водитель, который привёз её, снова завёл грузовик и отъехал на стоянку к другим машинам.

Посторонившись, чтобы пропустить двух санитаров тащивших какой-то большой ящик, она вошла в здание и, поколебавшись, направилась вперёд, пытаясь понять где находится кабинет начальника медицинской службы "Лейбштандарта" штабс-арцта Генриха Лейтманна.

По очереди заглядывая в многочисленные комнаты, расположенные по обе стороны длинного, широкого коридора Лаура, наконец, наткнулась на стоявшего к ней спиной широкоплечего человека в белом халате, который властно распоряжался, резко размахивая рукой:

— Так, сколько носилок у нас в наличии, ассистент-арцт? — спросил он у робеющего парня, держащего в руках пачку бумаг.

— Ровно 175 носилок, герр штабс-арцт... — ответил тот, мельком заглянув в одну из папок.

— Мало! — недовольно рявкнул мужчина. — Должно быть ровно 230, согласно штатного имущества! Где остальные?

— А... Часть была передана медицинской службе армейского полка, у них не хватало... — слегка запинаясь, сказал подчинённый. — Ещё часть сломана когда на них вчера наехал грузовик.

— Немедленно починить то что сможете! — тут же выдал команду, как уверилась девушка, её будущий начальник. — Идите к армейцам и верните наше имущество, я не отдавал приказа выделить им носилки! Тот кто это сделал будет наказан за самоуправство! Если не хватит то немедленно поедете в Мюнстер и возьмёте из городской клиники необходимое количество! Я поговорю с её начальником! Всё, идите!

Ассистент-арцт тут же ринулся выполнять приказ, чуть не сбив Лауру с ног. Но едва она попыталась обратиться к мужчине как тот громогласно окликнул высокую, худощавую женщину в медицинском платье, чем-то напомнившую девушке фрау Кох.

— Анна! С перевязочными средствами у нас порядок, надеюсь? Или опять что-то не так?

— Успокойтесь, герр Лейтманн, всё в полном порядке! Я лично за этим проследила! — заверила его женщина и целеустремлённо пошла дальше по коридору.

— Ну хоть здесь не о чем волноваться... — пробурчал штабс-арцт. — И куда, интересно, запропастилась эта новенькая медсестра, чёрт бы её побрал? Машина уже давно должна была вернуться..

— Извините, герр штабс-арцт, но я уже здесь! — робко улыбаясь, предстала перед ним Лаура. Она немного опасалась своего нового начальника, так как этот Лейтманн никак не напоминал вежливого и обходительного доктора Венцеля. Шумный, сильный, властный... Он походил на генерала, руководящего сражением, а не на главного врача "Лейбштандарта".

— Ага! — многозначительно протянул тот, быстрым взглядом окинув девушку. — Значит, доехали? Очень хорошо, не люблю опозданий! Кажется, Лаура Блюм? Из Шарите?

— Всё верно, герр штабс-арцт! — подтвердила она, пытаясь сохранить хладнокровие.

— Отлично, фройляйн! Идите за мной! — распорядился Лейтманн и направился вперёд по коридору своими широкими шагами. Ей пришлось буквально бежать за ним, пытаясь не отстать. Они пошли почти до конца коридора когда новый начальник остановился возле одной из дверей, вынул из кармана ключ и открыл её.

— Проходите и садитесь! — сказал он, войдя первым и показав ей на стул возле небольшого стола у окна.

Кабинет доктора Лейтманна оказался небольшим. Кроме стола и двух стульев в дальнем углу, возле окна, стоял деревянный шкаф со стеклянной дверцей, за которой на полках лежали стопки разных бумаг. С другой стороны окна притулилась заправленная кровать. Видимо, он часто ночевал прямо в кабинете, не утруждая себя дойти до снимаемого жилья или отдельной палатки.

— К сожалению, у меня мало времени чтобы лучше познакомиться с вами, фройляйн Блюм... — вздохнул штабс-арцт, бросив взгляд в окно. — Поступил приказ срочно провести инвентаризацию имущества. Не знаю с чем это связано но, видимо, у командования есть для этого основания. Что касается вас... Из Берлина меня заверили что, несмотря на молодость, вы имеет хороший опыт ухода за ранеными и больными. Более того, в характеристике, подписанной вашим бывшим начальником доктором Венцелем, сказано что вы одна из лучших медицинских сестёр Шарите. Это на самом деле так или доктор Венцел преувеличил?

Лаура вспыхнула от смущения.

— Я не знаю что вам написал доктор Венцель, но у него не было оснований лгать. Думаю, что моя работа позволит вам самому составить впечатление и оценить мой опыт, доктор Лейтманн.

— Хорошо сказано, фройляйн! — слегка улыбнулся её начальник, при этом его лицо показалось ей чуть добрее. — Я так и сделаю. Вы действительно понимаете какую ответственность на себя взвалили? Здесь полевой госпиталь и не всегда получается работать в комфорте. Сейчас ещё ладно, но когда начнутся бои... — многозначительно недоговорил он.

— Не беспокойтесь об этом! — заверила девушка, постепенно возвращая себе хладнокровие. — Доктор Венцель довёл до меня все трудности и опасности новой работы. Меня это не пугает. Я хочу находиться именно тут чтобы помогать нашим солдатам выжить и поскорее вернуться в строй.

— Ну что же... Тогда добро пожаловать на новое место службы, Лаура Блюм! — доброжелательно усмехнулся Лейтманн и протянул ей широкую ладонь которую она слегка пожала. — Сейчас идите в комнату номер 17, там вы будете жить вместе с другой медсестрой, Мартой Швайгер. Она покажет где получить форму и всё необходимое для работы. Как только со всем разберётесь то немедленно начинайте помогать ей, у нас куча работы а людей не хватает. Да, чуть не забыл, вашей непосредственной начальницей будет фрау Грабовски... Она очень строгая особа и советую вам ни в коем случае не пререкаться с ней! — посоветовал штабс-арцт.

— Я вас поняла, доктор Лейтманн! — ответила Лаура и, окрылённая, быстро вышла из кабинета начальника.

Вернувшись немного назад по коридору она остановилась перед дверью на которой мелом была нарисована цифра 17. Несмело постучав и не дождавись ответа, девушка зашла внутрь и осмотрелась. Её будущее жильё представляло собой почти ту же копию кабинета доктора Лейтманна. Разве что не было стола, а шкаф расположился возле двери, не давая ей полностью открываться. Две одинаковые койки стояли по обе стороны окна, на котором висела занавеска. Завершали скудную обстановку две маленькие тумбочки возле кроватей и полукруглое настенное зеркало.

Правая койка была в беспорядке, видимо, хозяйка не потрудилась заправить её, значит Лауре достанется левая. Присев на неё и обведя взглядом маленькую комнатку, Лаура тихонько вздохнула. Что ж, её предупреждали об этом. Главное, Гюнтер совсем рядом, так что нечего унывать! Отбросив грустные мысли она раскрыла свой чемоданчик и начала вытаскивать из него свои вещи.

Тут входная дверь резко распахнулась и Лаура невольно вздрогнула от неожиданности. В комнату ворвалась какая-то девушка и с живым любопытством уставилась на неё.

На вид незнакомке было лет двадцать. Стройная, чуть выше Лауры, с волнистыми чёрными волосами под медицинской шапочкой, в платье медсестры только почему-то, короче обычного, она открыто улыбалась. Карие глаза, маленький носик и пухлые губки, чуть тронутые помадой, придавали ей очень симпатичный вид. Видимо, это и есть её напарница, подумала она.

— Ой, так ты моя новая соседка? — пропела девушка тонким голоском и с размаху упала на свою койку. — Меня зовут Марта, а тебя?

— А меня Лаура... — улыбнулась она в ответ.

— Лаура? Мне нравится! — заявила та, продолжая смотреть на неё. — Когда мне сказали что поделят какую-то незнакомую девчонку я так расстроилась... Просто уже привыкла жить одна да и в гости теперь не позовёшь. Ну и ладно! Зато будет с кем поболтать, правда?

— Ага... — растерянно ответила Лаура, не зная как реагировать на такую откровенность.

— Я уверена, мы с тобой подружимся! — не сбавляла оборотов Марта. — А ты хорошенькая! Конечно, я тоже не дурнушка! Слушай, ты же не замужем?

— Нет, не замужем... — удивилась она неожиданной смене темы разговора. — А что?

— Это здорово! — ещё больше обрадовалась Марта, хлопнув в ладоши от избытка чувств. — Знаешь, сколько здесь красавчиков служит? Просто с ума сойти! Даже не поймёшь кто тебе больше нравится! А вот я в восторге от оберштурмфюрера Пайпера... Знаешь его?

— Нет! — начала приходить в себя Лаура от напора соседки. — У меня уже есть парень и он тоже здесь служит.

— Правда? — восхитилась та. — Тогда я должна его знать! Я всех офицеров знаю! Как зовут твоего парня?

— Гюнтер Шольке, оберштурмфюрер... — ответила она, затаив дыхание.

— Шольке? — задумалась соседка, положив пальчик на свои губки. — Нет, такого я не знаю... А в каком батальоне он служит?

Лаура пожала плечами, этого она не знала.

— Он приехал сюда всего неделю назад.

— Ах вот оно что... — протянула Марта, кивнув сама себе. — Тогда неудивительно что я про него не знаю, слишком мало времени прошло. Наверное, он тоже красавчик?

— Да! А ещё он сильный, умный, добрый, благородный и... — замялась Лаура, не зная говорить или нет. — И очень любит меня. И я его тоже!

— О, любовь! Как романтично! — снова обрадовалась соседка. — Ты просто обязана мне показать его!

— Зачем это? — насторожилась девушка. Такой интерес к её парню посторонней особы не слишком понравился Лауре.

— Как зачем? — неподдельно удивилась та, схватив её за руку. — Чтобы я поняла кто из них красивее, твой Шольке или мой Пайпер!

— Я и так знаю что мой Гюнтер красивее! — уверенно ответила она.

— Нет, твоё мнение не считается, ты влюблена и значит, пристрастна! — не согласилась с ней Марта и вскочила с койки, не отпуская её руки. — Пойдём, у нас с тобой мало времени, скоро меня хватит фрау Грабовски и снова прочитает занудную лекцию от которой мне хочется зевать..

— Подожди, куда ты меня тащишь? — попыталась остановить её Лаура, но так и не смогла.

— Ты должна получить форму, обувь, шапочку и всё что нужно для работы, иначе фрау Грабовски сделает тебе замечание! — просветила её соседка, открывая дверь.

Что ж, её правда, вздохнула девушка, прекращая сопротивление. Увлекаемая по коридору непоседливой Мартой, уверенно лавирующей среди людей, Лаура подумала что с соседкой скучно ей точно не будет. Оставалось лишь понять к худу это или же к добру..

Москва.

9 мая 1940 года. Вечер.

Александр Самсонов.

— Саша, ты уверен что рассказал нам всё? Ничего не утаил? — с нажимом спросил его бывшая "нянька". Глаза липового "Михаила Алексеевича" смотрели на него непривычно жёстко а на губах не было и тени улыбки.

— Да, я сказал правду, только правду и ничего кроме правды... — усталым голосом ответил он, вспомнив выражение из американской судебной системы.

...С тех пор как Александр зашёл внутрь отделения милиции прошло много часов и с тех пор у него во рту не было ни куска хлеба. Только дали выпить кружку воды сердобольные милиционеры, прежде чем закрыть его в кабинете. Ему потребовалось больше трёх часов чтобы убедить начальника отделения позвонить в НКВД и сообщить что некий Самсонов находится тут. Тот упорно не хотел верить плохо воняющему и в ободранной форме странному типу, боясь выглядеть дурачком звоня в "куда надо". Но уговоры и намёки на повышение в звании и должности, если тот решится на звонок, сделали своё дело..

После звонка за ним приехали уже через полчаса. Перед отделением, подняв клубы пыли, резко остановилась легковушка, из которой тут же выпрыгнул "Михаил Алексеевич" и быстрым шагом ворвался внутрь. Распахнув дверь кабинета, где сидели Саша и ментовский начальник, "нянька" зашёл и молча положил перед последним какую-то бумагу, при этом не спуская внимательного взгляда с Александра.

Брови начальника отделения, когда он прочитал листок, удивлённо поползли вверх и он аж закашлялся. Интересно, что там было написано? Неужели лично Берия сподобился подписать бумагу? Но узнать это Александру было не суждено, так как милиционер поспешно встал из-за стола, вытянулся и заверил "Михаила Алексеевича" что тот может немедленно забрать Сашу. Никаких вопросов к нему не имеется и никто из его подчинённых, включая самого начальника, никогда не вспомнит что видели этого таинственного, оборванного человека.

Мотнув головой, "нянька" показал ему на дверь, дождался пока тот пройдёт мимо него и вышел за ним, так и не произнеся ни слова. Дежурный на входе проводил их любопытным взглядом но тоже хранил молчание. И только в машине, когда они оказались наедине с водителем, его опекун не выдержал..

Ругался он долго, со вкусом и ни разу не повторился. Некоторые выражения и завороты Саша ещё не слышал ни разу в жизни. Начал с описания мужских и женских половых органов, с которыми грозил познакомить Александра как можно ближе... Потом перешёл на зоофилические подробности нетрадиционного секса, причём Саша не предполагал как такое бы осуществилось даже в теории... И закончил тем что лучше бы Самсонова убили похитители, потому что когда за него возьмётся сам Берия, почти не спавший все эти дни и ночи, то... Словом, оторвался и облегчился от всей души.

Саша молчал, сначала с любопытством слушавший и пытавшийся запомнить несколько особо ярких выражений, но затем загрустил, представив что его ждёт. Явно ничего хорошего... Потом была езда по городу и скоро они остановились у знакомого дома, где

Александр вместе с "нянькой" недолго жили. Здесь к ним тайно приезжал Берия, отсюда они ходили гулять по парку и пили пиво... Неужели Лаврентий Павлович решил встретиться с ним именно на этой конспиративной квартире? Или просто его поселят здесь? Ладно, нечего гадать, сейчас всё выяснится.

Выйдя из машины и поднявшись на нужный этаж они вошли в привычную Александру квартиру. Здесь всё было по-прежнему, словно и не прошло больше двух недель. В той самой комнате, где он разговаривал с наркомом НКВД, обнаружился он сам.

Хмурый, осунувшийся, со впалыми щеками... Саше даже показалось что от него пахло алкоголем. Похоже, "нянька" не врал, говоря о переживаниях Берии. Хотя, скорее всего, тот волновался вовсе не о нём а о своей шкуре, которой мог лишиться если Сталин вдруг слишком сильно осерчает.

Смерив его взглядом, Берия мрачно усмехнулся и сказал:

— Рассказывай всё. Ничего не скрывай..

...Естественно, он не сказал всего. Точнее, поведал почти обо всём. Даже о попытке вербовки. Конечно, Саша с негодованием отказался! Он комсомолец, командир НКВД и уж точно не предатель. Была, конечно, мысль утаить этот момент но когда сотрудники привезут из садового товарищества запертого им похитителя тот может упомянуть этот разговор и тогда будут лишние подозрения насчёт правдивости рассказа. Нет, не надо ему такого риска!

Когда Александр сказал что запер Алексея вместо себя, Берия восторженно пристально посмотрел на "Михаила Алексеевича". Тот сразу понятно кивнул и быстро вышел из квартиры, грохоча сапогами. Впрочем, вернулся он быстро, уже через несколько минут. Видимо, передал приказ исполнителям и теперь те несутся на северо-восток столицы.

Услышав о существовании организации предателей в своём ведомстве Берия сжал зубы так что заходили желваки. Похоже, в отличии от Саши, он поверил в это. Хотя, ничего странного, подозрительные люди, всегда видевшие во всём обман и двойное дно, очень легко ведутся на подтверждение своих опасений. В этом и заключается слабость параноиков, они видят угрозу там где её нет. Теперь наверняка начнутся проверки в ведомстве, люди будут нервничать, пострадает рабочий процесс... Плохо.

...Долгий рассказ окончательно вымотал его. Хотелось даже не есть а жрать! А ещё спать... Слава Богу, попить ему дали, из того же графина который так и стоял тут с тех пор как Саша с "нянькой" жили в этой квартире.

— Значит, говоришь, всё рассказал правдиво и ничего не напутал? — спросил "Михаил Алексеевич", холодно улыбнувшись. — Только вот, понимаешь, Александр, нам нужно подтверждение твоих слов. Откуда мы знаем что там на самом деле происходило?

— Откуда я вам сейчас это подтверждение достану? — устало усмехнулся он, преодолевая сонливость. — Вы же отправили своих людей за моим похитителем? Они его привезут и всё станет ясно.

— А до этого предлагаешь нам ждать? — покачал головой "нянька", мельком бросив взгляд на Берию, молча сидевшего на своём месте. — Нет, Саша, у нас есть способ проверить твою правоту.

Словно ждавший этих слов в комнату вошёл человек от вида которого Александр ощутимо напрягся. Это был проклятый гипнотизёр! Именно этот тип тогда едва не переформатировал его сознание, превратив в убеждённого коммуниста, роль которого ему приходилось играть и сейчас. Неужели опять его хотят ввести в транс и устроить допрос по

настоящему? А что, вполне логичное решение с их стороны! Вот же суки!..

Готовый взорваться от злости Саша вдруг чуть не рассмеялся. Точно, как он мог забыть? Ему же не страшен гипноз! Эта, так называемая богиня, сделала так что его мозг мог теперь не подчиняться всяким внушениям. Он в любую минуту сможет сбросить транс в который его погрузят, при том что внешне Саша будет выглядеть в полном соответствии с ожиданиями гипнотизёра. Остановившийся взгляд, безжизненный голос... словом, все признаки налицо. Но под этой хрупкой маской Александр полностью сохранит свободу действий и силу воли. Так что давайте, товарищи чекисты, проверяйте! Всё равно ничего нового не узнаете... Только надо сыграть правдоподобную реакцию.

— Опять? — недовольно скривился он, с неприязнью посмотрев на невозмутимого гипнотизёра, ставшего рядом с ним. — Вы не верите мне? Но почему? Какой смысл? Если бы я был врагом то уж точно не пришёл бы сам сдаваться!

— Успокойся, Саша, это необходимая и безболезненная процедура! — властно сказал "Михаил Алексеевич" и жестом предложил своему сотруднику начинать. — И не веди себя как ребёнок! Раз надо — значит, надо!

Даже не пытаясь скрыть тяжёлый, укоряющий вздох он откинулся на спинку стула и, прищурившись, уставился на молчаливого сотрудника, который вынул из кармана какую-то цепочку с подвешенной монетой?.. и приказал считать до десяти.

Уже на цифре семь Саша почувствовал как его тело расслабляется и испытал лёгкое желание вздремнуть. Но одно мысленное усилие, мозг сбросил с себя этот дурман и снова заработал как обычно. Но внешне он замер, смотря неподвижно на одну точку и напоминал сам себе статую в музее. Что ж, посмотрим что они там будут спрашивать..

— Выйди! — бросил сотруднику "нянька", кивнув в сторону выхода и, так и не промолвив ни слова, гипнотизёр вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Наступило молчание. Берия встал со стула и подошёл к Александру вплотную. Наклонившись так что его лицо оказалось в десятке сантиметров от лица Саши, он уставился ему прямо в глаза. Самсонов продолжал равнодушно смотреть ему в лицо, не испытывая никаких внешних эмоций.

Берия хмыкнул, сжал пальцы в кулак и сделал резкое движение будто решил ударить Александра, остановив руку возле самого лица. Саша продолжал так же безмятежно и спокойно исследовать кулак перед своим лицом, не дёрнувшись и даже не моргнув взглядом.

— Лаврентий Павлович, он сейчас ничего не видит и не чувствует... — сказал "нянька", тоже подойдя к нему. — Можно спокойно спрашивать и он правдиво ответит на все вопросы.

— Ладно, давай начинай... — протянул Берия и вернулся на своё место. Его сменил "Михаил Алексеевич". Он подошёл к Саше и спросил, тщательно выговаривая слова:

— Всё что ты нам рассказал — правда?

— Да! — односложно ответил Александр, внутренне усмехаясь.

— Есть ли в твоём рассказе ложь, преувеличение или умалчивание?

— Нет! — тем же тоном ответил Саша.

— Ты предал нашу страну?

— Нет!

— Ты готов отдать жизнь за товарища Сталина?

— Да! — уверенно сказал Самсонов, продолжая сохранять полное равнодушие. Ага, разбежались, блин! Ещё чего не хватало! Он, вообще-то, собирается в первую очередь

сражаться и, если придётся, умирать именно за страну а не конкретно за нынешнего правителя. Неважно кто это, Сталин или Путин. Но сейчас надо играть роль чтобы ему поверили..

— Спроси его про Круглова! — подал голос Берия, непрерывно смотря на него.

— Ты знаешь из-за кого тебя похитили? Кто предатель? — спросил "нянька", снова повернувшись к нему.

— Да! — продолжал Саша свою игру.

— Это сержант НКВД Цветкова? — предположил "Михаил Алексеевич".

— Нет! — возразил Самсонов.

— Следователь НКВД Круглов? — снова спросил тот.

— Да! — согласился на этот раз Александр.

— Что ты знаешь об этом? — живо заинтересовался мужчина.

Саша промолчал. Он слышал что человек при гипнозе может отвечать только на конкретные вопросы, желательно, чтобы можно было ответить "Да" или "Нет".

— А, чёрт! — ругнулся "нянька", видимо, тоже вспомнив про это, и перефразировал вопрос: — Его убили сообщники твоего похитителя?

— Да! — ответил Александр, не изменяя свой голос.

— Круглов действительно сотрудничал с врагом и передавал им сведения о тебе? — не отставал "Михаил Алексеевич".

— Да!

— Почему ты не сопротивлялся когда похититель вёл тебя к грузовику в парке? — продолжал он докапываться до истины.

— Боялся за женщин и детей! — невозмутимо ответил Саша.

— Каких ещё детей? — удивился "нянька", переглянувшись с Берией.

— Пионеры. Они видели нас в парке. Похититель сказал что убьёт их если я захочу подать знак тревоги или сбежать! — равнодушно пояснил Александр.

— Так... вот оно что... — задумчиво проговорил "Михаил Алексеевич". — Ладно, тогда ответь ещё на кое-какие вопросы. То что ты рассказал нам о организации предателей внутри НКВД — правда? Он не лгал? Не выдумывал?

На этот вопрос Саша и сам не знал ответа. В интернете такой информации ему не попадалось но это ни о чём не говорило, так как специально он этим и не интересовался. Вполне могла быть оппозиция но, естественно, она и не собиралась заявлять о себе. С другой стороны, руководство НКВД, в том числе и сам Берия, тоже не были бы заинтересованы в обнаружении того что в их ведомстве свила гнездо вредительская организация. Даже будь эти документы в архивах то вполне на них мог быть гриф секретности. Словом, сор из избы выносить никому не было нужно. Но что-то отвечать надо..

— Он говорил уверенно.

— А сам ты как думаешь? — снова спросил "нянька".

Если бы это было возможно то Саша пожал плечами. Но нельзя.

— Это возможно!

— Что ж... — вздохнул "Михаил Алексеевич". — Похоже, большего мы от тебя не услышим. Лаврентий Павлович, возможно, стоит подождать приезда нашей группы, которая выехала в это садовое товарищество?

— Да, стоит подождать... — согласился с ним Берия, не спуская с него внимательного

взгляда. — Он же сейчас только слышит нас но когда его разбудят то не будет ничего помнить?

— Верно! Наш сотрудник, перед тем как привести его в сознание, прикажет ему забыть всё что он говорил или слышал во время гипноза... — подтвердил "нянька". — В сущности, Александр даже не заметит ничего, ему покажется что он ненадолго задремал, вот и всё.

— Хорошо! — удовлетворённо заметил Лаврентий Павлович, жестом подзывая его к себе. — Я вот думаю, что с ним теперь делать? Какие твои предложения?

— Хм... — задумался его помощник. — Думаю, можно вернуть его в подмосковный лагерь и пусть он там продолжает заниматься. Основную свою задачу, информирование о будущем, Саша выполнил, теперь пусть приносит пользу своими руками и ногами! — усмехнулся тот. — Судя по отзывам, из него может получиться неплохой осназовец.

— Эх, Коля... — огорчённо покачал головой Берия. — Ты не понял главного! Это для нас он теперь не представляет большой ценности, а вот для других наоборот! И попытка похищения это ярко показала! Насчёт учебного лагеря... Сомневаюсь что Александра теперь можно будет вообще выпустить на свободу! Мы не знаем кому ещё эти похитители смогли разболтать про "Потомка", вполне возможно что информация о нём уже вырвалась за границу. Так что выход только один..

— Вы предлагаете его... ликвидировать? — спокойно спросил "нянька".

Саша внутренне похолодел. Неужели его на самом деле собираются прикончить? А ведь верно! "Нет человека — нет проблемы!" Вот черти! Проклятые перестраховщики и параноики, растуды их!.. В таком случае надо немедленно действовать! Умирать от рук НКВДшников он не собирался ни в коем случае! Вот, значит, какова их благодарность? Саша отказался от сотрудничества с этим Алексеем, проявил всю свою смекалку чтобы вырваться из заточения и добраться до помощи, а что взамен? Пуля в лоб? Какие же сволочи!

— Это был бы самый надёжный вариант но он ещё может потребоваться для уточнения каких-либо моментов в разработке вооружения или в политике других стран... — вслух размышлял нарком НКВД. — Так что пока повременим с этим. Но прежде чем решить дело с учебным лагерем, пусть пока посидит где-нибудь в тайном месте, под хорошей охраной. И в дальнейшем вряд ли будет возможно отпустить его спокойно гулять, наверняка, если эта организация предателей на самом деле существует, то они будут следить за ним и снова попытаются выкрасть, пока мы будем вычищать это змеиное кубло. Думаю, придётся держать его взаперти до конца жизни. Вот такие пироги, Коля..

"Огромное вам спасибо за такую трогательную заботу, дорогой товарищ Берия! Бесконечно вам признателен за это! Век буду благодарен, чёртов очкастый параноик! Чтоб тебя, сука, самого похитили и пытали, сволочь!" — кипел от возмущения Саша, по-прежнему играя роль безучастного свидетеля при решении своей судьбы.

— До конца жизни сидеть в бетонном заключении? Да, не позавидуешь ему... — вроде бы с сожалением вздохнул "Михаил Алексеевич". Вот только Александр никому из них больше не верил. Пора было брать свою судьбу в собственные руки! Надо дожидаться подходящего момента и..

— Ты знаешь что я пережил пока его искали?! — внезапно сорвался Берия и вскочил со стула. — Да я каждый день, каждый час, каждую минуту ждал что сейчас войдут мои же люди и арестуют меня по приказу Вождя! Я, блядь, не мог работать, сосредоточиться ни на чём, даже спать! Слушал шаги в коридоре и ждал что они вот-вот распахнутся и... Я чуть не сошёл с ума, понимаешь?! Это невыносимое напряжение, ожидание конца... Нет, я больше

не хочу испытывать это! И если ради того чтобы я спал спокойно по ночам придётся всю жизнь держать его под замком... Значит, он будет там! Точка! Разговор закончен! Выполняй! — резко взмахнул рукой нарком и тяжело рухнул обратно на стул. Вытащив из кармана платок он шумно высморкался.

— Понял, Лаврентий Павлович... — тихо ответил "нянька" и, выглянув в окно, кому-то помахал. У Саши мелькнула мысль прямо сейчас "проснуться", напасть на этих... этих параноиков и попытаться прорваться. Но очень сомневался что сможет победить "Михаила Алексеевича" в бою. А потом ворвутся их охранники и дело будет кончено. Нет, надо подождать!

Через пару минут послышался звук открывающейся двери квартиры и в комнату снова вошёл гипнотизёр.

— Как только я скажу, заставишь его проснуться! — распорядился помощник Берии. Сотрудник кивнул, не говоря ни слова. Похоже, тот явно не любитель много болтать.

— Александр, когда ты проснёшься то забудешь всё что слышал и говорил в этой комнате! Потом спустишься вниз, сядешь в машину на заднее сиденье и поедешь в... в общем, туда куда тебя повезут! — начал внушать ему его бывший опекун. — Там ты будешь спокойно сидеть и не пытаться никуда сбежать. Также не будешь ничего спрашивать. Это надо для безопасности страны! Ты всё понял?

— Да! — коротко ответил он, готовый накинуться на "няньку". Ничего, дорогой опекун, настанет день когда Саша с наслаждением изобьёт его так что тот надолго "зависнет" в больнице. Пусть почувствует каково было самому Александру!

— Всё, буди его! Потом спустишься вниз и передашь лейтенанту ГБ Сотникову везти его на точку номер 17, он знает... — велел тот своему сотруднику.

Гипнотизёр присел перед Сашей, уставился ему в глаза и сказал:

— Александр, когда я скажу слово — Проснитесь! — вы придёте в себя и вам покажется что прошло всего несколько минут. После этого станете делать то что вам приказал Ни... Михаил Алексеевич. Вам всё понятно, Александр?

— Да! — ответил Саша.

— Проснитесь! — отчётливо сказал сотрудник.

Лёгкое оцепенение, которое позволяло ему мастерски притворяться, спало и Самсонов почувствовал как всё тело тут же затекло от неподвижной позы. Он пошевелился и недоумённо осмотрелся вокруг, остановив взгляд на своём опекуне, который вместе с Берией, внимательно наблюдал за ним. Гипнотизёр сразу вышел из комнаты и в коридоре хлопнула дверь.

— Что... Что случилось? — с удивлённым видом спросил Саша. — Я что, заснул? Подождите, меня же вроде допрашивали? Или нет?..

— Всё хорошо, Александр, мы полностью тебе верим! — улыбнулся "нянька", крепко пожимая ему руку. — У нас больше нет вопросов, поэтому ты можешь спуститься вниз, сесть в машину и ехать туда куда надо.

"Ссука!! Куда надо, говоришь? Ничего, я тебе покажу куда мне надо!" — со злостью подумал Саша, неуверенно вставая со стула.

— Да, хорошо... — ответил он вслух, разминая ноги. — Пожалуй, я так и сделаю! Всего вам хорошего, Михаил Алексеевич! И вам, товарищ нарком! Всегда рад вам помочь, товарищи! Разрешите идти?

— Да-да, иди! — подбодрил его "нянька, продолжая улыбаться. — А мы пока здесь

останемся с Лаврентием Павловичем.

— Слушаюсь! — отчеканил Саша, вскинул руку в приветствии, оглядел напоследок двух безжалостных интриганов решивших его судьбу, и вышел в коридор, поклявшись себе что их следующая встреча пройдёт в совсем другом формате. Уже подходя к двери квартиры ему на глаза попала стальная ложка для обуви и он, довольно улыбнувшись, спрятал её в рукаве.

Спустившись вниз по лестнице и выйдя из подъезда Александр подошёл к машине и без раздумий сел на заднее сиденье. Стоявший рядом лейтенант ГБ удивлённо посмотрел на него и уселся рядом с водителем. Двое бойцов НКВД сели с обеих сторон Саши, сжав его своими телами. Зарычал мотор, легковушка тронулась и они выехали со двора.

Он сидел спокойно, выжидая удобного момента. Автомобиль ехал по каким-то улицам, но точно сказать где они находятся Александр затруднился бы из-за стгутившейся темноты. Время уже было явно не детское. Наконец, дома стали явно похуже, кирпичные почти исчезли, потянулись деревянные избы и двухэтажные бараки, из чего Саша сделал вывод что его везут куда-то за город. Что ж, наверняка его ждёт ещё один секретный объект расположенный в глухом и укромном месте куда вряд ли забредут любопытные. Логично, что тут скажешь... Тем не менее, пора действовать, иначе можно не успеть вырваться на свободу. Лучше всего дождаться ближайшего крутого поворота и тогда..

Но получилось даже лучше. Впереди блеснула гладь воды, видимо, речка... Одна из тех маленьких, безымянных речушек, скорее всего, ответвлений большой реки Москвы или Клязьмы, шириной метров 5-10... К ней и спускалась дорога пологим уклоном, который заканчивался небольшим, как он мельком заметил в густых сумерках, добротным сделанным деревянным мостом, причём даже с оградой. Вот оно!..

Его спутники сидели расслабленно, абсолютно не ожидая нападения. Тот боец что слева то и дело клевал носом, похоже, не выспался. Другой смотрел в окно. Лейтенант ГБ, сидя рядом с водителем, тоже не обращал на него внимания, уставившись вперёд.

Легковушка, подчиняясь воле водителя, на спуске чуть сбавила скорость и Саша, мысленно перекрестившись, начал действовать... В данный момент, по его мнению, самым главным было вывести из строя именно водителя чтобы тот не справился с управлением и машина попала в аварию. Иначе, стоит им остановиться, вся троица или даже четвёрка сообща вырубит его.

В соответствии с таким планом Александр резко напряжился, вздёрнул обе ноги и со всей силы ударил в спинку сиденья водителя! Из-за того что спина имела упор, удар получился отменным. Беднягу водителя с размаху бросило лицом и грудью вперёд, прямо на руль. Он вскрикнул от боли и машину тут же повело влево, на встречную полосу. Одновременно, едва опустив ноги, Саша постарался достать обоих бойцов слаженными ударами локтей. Увы, получилось не совсем так как хотелось... Тот что сидел справа и глазел в окно тоже закричал и схватился за нос, в который угодил локоть Саши. А вот левый боец, разом стряхнув с себя дремоту, успел убрать голову к окну и удар пропал впустую. Лейтенант ГБ, увидев что сейчас машина улетит в кювет с другой стороны дороги, схватился за руль и резко повернул вправо, пытаясь вернуть автомобиль на свою полосу. Но перестарался..

Рывок оказался слишком резким и легковушка мгновенно перевернулась на левый бок. Лейтенанта бросило на водителя а Александр, вместе с правым бойцом, повалились на того что сидел слева. Брызнули по салону осколки разбитых стёкол, раздался пронзительный скрежет металла... Но это ещё было не всё! Машина, перевернувшись на спуске и имевшая

довольно приличную, несмотря на торможение скорость, покатила дальше вниз, к мосту... Наконец, перекувыркнувшись несколько раз, автомобиль по инерции проломил своей массой деревянные перила в самом начале моста и рухнул в речку левым бортом.

В салон с шумом ринулась холодная майская вода, очень быстро заливая его. Благодаря тому что Саша оказался зажат сверху и снизу бойцами НКВД, он почти не пострадал, чего не скажешь о его охранниках. Тот что снизу, видимо, потерял сознание при кувыркании машины и теперь не реагировал на то что уже оказался под водой. Зато правый, плюнув на Сашу, отчаянно пытался выбраться через разбитое боковое окно, матерясь во всё горло. На переднем сиденье копошился лейтенант ГБ с окровавленным лицом и неестественно вывернутой рукой. Водитель вообще никак себя не проявлял, видимо, тоже без сознания или же погиб.

— Куда, сволочь?! Я тебя не отпускал! — прохрипел Саша, намертво вцепившись в бойца сверху. Тот, оглянувшись и смотря бешеными от страха и ярости глазами, попытался лягнуть его но умудрился промахнуться в тесноте. Александр сделал единственное что пришло ему в голову... Кулаком вмазал ему в пах! Боец болезненно вскрикнул и мгновенно потерял желание драться или же вылезти из машины, почти полностью залитой водой, схватившись за пострадавшее место.

Увидев что в салоне сейчас не останется воздуха, Самсонов для гарантии ударил бойца ещё раз, только по лицу, глубоко вдохнул и ринулся в окно, вместо нквдшника. Спрятанная в сапоге ложка даже не понадобилась. Сквозь мутную воду он заметил как тот вяло попытался задержать его но удар сапога, пусть даже ослабленный, не оставил бойцу шанса. С трудом протиснувшись в небольшое окошко, Александр бросил взгляд на переднюю часть машины.

Глядя на него выпученными глазами, пытался протиснуться в своё окно лейтенант ГБ. Дверь, видимо, заклинило при аварии а в окно, тем более со сломанной рукой, тот не пролезал... Не став больше оставаться под водой Саша заработал руками и ногами. Буквально через пару секунд он уже вынырнул и, откашливаясь, стал жадно вдыхать тёплый вечерний воздух..

Судя по ощущениям, в том месте где машина свалилась с моста, глубина была метра четыре, может чуть больше... Подплыв к вязкому берегу и с трудом выбравшись на него, Александр не спускал глаз с поверхности речки, готовый к тому что придётся "помочь" своему конвою остаться вместе с автомобилем на дне. Просидев так несколько минут и почти отдышавшись, он встал. Вода снова успокоилась и лишь несколько пузырьков показывали что под гладью речки что-то было. Но никто из тех кто совсем недавно ехал вместе с ним на таинственную точку номер 17 так и не выплыл..

"Ну что, доволен, убивец? — спросила его совесть. — Благодаря тебе ещё четверо сотрудников погибли. Всего, получается, пятеро? Вместе с тем следаком? Как оно, убивать своих? Нравится? А ведь они просто выполняли свой долг, смекаешь? Не знаю как стране не НКВД от тебя пока одни только неприятности!"

" — Да пошла ты! — сплюнул он и начал снимать себя мокрую форму. — Не хрен было меня в пожизненное заключение запирать ни за что ни про что! Я тут, понимаешь, с трудом вырвался из плена, сам прибежал, а они меня под замок! Такова их благодарность? Да, ребят жалко, но и сидеть всю жизнь взаперти по воле кремлёвских параноиков я не желаю! Всё, потом это обсудим! Некогда сейчас!"

Совесть недовольно заткнулась но Саша чувствовал что она ещё вернётся к этому разговору... Плевать, что сделано то сделано! Что ж, теперь можно приступить к тому плану

который он успел наскоро набросать в голове.

Стратегическая цель осталась прежней — принести пользу своей стране! На этот раз не только знаниями но и действиями. И Александр знал куда ему теперь нужно и чем он займётся в будущем! Да, цель поистине глобальная и, скорее всего, он сломает себе шею, пытаясь выполнить её... Но, зная будущее, Саша был обязан попробовать предотвратить хотя бы малую часть той беды из-за которой Россия в его время жестоко страдала. Конечно, будет много крови и смертей, но он не видел другого способа выполнить свою задачу. Скорее всего, за то что Саша задумал его будут ловить не только враги но и НКВД, ведь Александр намеревался бороться с врагами их же методами. Как говорится, если хочешь чтобы тебя поняли — говори с людьми на их языке! С нормальными людьми — нормальным языком, а со всякими тварями, которые будут вредить стране... Ох, он им не позавидует!

Но это чуть позже... Сейчас же перед ним стоит задача тактическая — найти помощь и убежище, чтобы прийти в себя и подготовиться к дальней дороге. И он уже знает где можно всё это найти! Теперь бы не попасться посторонним на глаза, благо что почти наступила ночь и только далёкий лай собак говорил ему что недалеко находится жильё.

Наскоро выжав свою форму и вылив воду из сапог Саша целеустремлённо направился выполнять тактическую задачу. Теперь его дороги с НКВД разошлись, помощи и поддержки со стороны власти не будет и придётся надеяться только на себя! Путь будет долгий но недаром китайцы говорят "Дорога в тысячу ли начинается с первого шага!"..

г. Нойенкирхен, Германия.

Расположение моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер"

9 мая 1940 года. Поздний вечер.

Гюнтер Шольке.

Весь небольшой городок, до этого довольно тихий и спокойный, буквально бурлил. Все кто носил форму, неважно эсэсовскую или армейскую, были на ногах. На улицах гудели моторы грузовиков, рычали двигатели танков и бронетранспортёров, заглушая команды офицеров. Местные жители, ошеломлённые небывалым оживлением в такое позднее время, жались к домам или вообще смотрели из окон, не понимая что происходит..

Гюнтер, успевший вздремнуть несколько часов после отъезда ненасытной Ханны, был безжалостно разбужен час назад срочным распоряжением Зеппа Дитриха. Оно гласило что его подразделение должно немедленно заняться подготовкой к маршу в указанные на карте координаты местности. Сверившись с ней он едва не присвистнул... Точка назначения была всего в нескольких километрах от германо-голландской границы! Похоже, начинается!

С тех пор для него началась настоящая нервотрёпка. Бойцы быстро проверяли своё оружие и снаряжение, экипажи броневиков осматривали ходовую часть и вооружение своих машин а его заместитель Брайтшнайдер занялся снабженческими вопросами, пытаясь найти дополнительный грузовик чтобы загрузить в него официально не существующие запасы разведывательной группы. То и дело возле Гюнтера шнырял довольный Эрих Ханке с целеустремлённым видом. Шольке так и не понял чем тот занят но спросить всё никак не удавалось из-за непрерывных вопросов требующих его внимания.

Недавно найденный писарь тоже отвлекал Гюнтера прося его подписать то одну то другую бумагу. Словом, настоящий немецкий хаос, строго организованный и упорядоченный..

Стоя на улице он огляделся. Все его броневики и бронетранспортёры выстроились вплотную к заборам и друг другу. Кое-где были подняты капоты и открыты люки, механики в последний раз проверяли свою технику чтобы не подвела в нужный момент. По середине улицы проезжали машины других частей, в соседнем квартале, судя по лязгу гусениц, ворочался танк... Надо же, Гюнтер и не знал что рядом располагались танкисты. Вот что значит секретность! А ещё разведчик, называется..

Сигналя, мимо проехал медицинский "Опель-Блиц", едва не задавив перебежавшего дорогу Ханке. Со злостью посмотрев в кабину Шольке вздрогнул. Ему вдруг показалось что в ней, рядом с водителем, сидит... Лаура! К сожалению, несмотря на свет фар, было уже полностью темно да и машина проехала дальше, поэтому ему только и осталось как смотреть вслед, гадая что это за девушка так похожая на его Цветочек.

"А может это она и есть?" — внезапно вспыхнула в нём безумная надежда. Хоть он и видел её мельком и сбоку но до чего же похожа! И платье медицинское!

"Не носи чушь, дружище! — посоветовал ему здравый смысл. — Наша Лаура сейчас далеко в Берлине и уже давно видит сны! Или на ночном дежурстве в Шарите... Просто очень похожая на неё медсестра, вот и всё. А ты уже встрепенулся... Хе-хе-хе" — издевался он.

Да, это правда, глупо думать что Лаура вдруг окажется здесь. Надо заняться неотложными вопросами. Вон, опять к нему бежит писарь подписывать свои бумажки... Наконец, незадолго до полуночи, все приготовления были завершены, солдаты и техника полностью готовы к выступлению. Сняв свою фуражку, Гюнтер вытер потный лоб и устало присел на аккуратную скамейку во дворе. Позвонив в штаб и доложив через Роске что его отдельная разведывательная группа готова к маршу он получил распоряжение ждать приказа и не расслабляться. Что ж, ждать так ждать... Распустив строй и наказав подчинённым далеко не расходиться, Гюнтер хотел войти в дом когда услышал как его окликнули.

Развернувшись, он заметил как к нему от калитки идёт... Пайпер! Тот тоже был при полном снаряжении и готов к выступлению.

— Как дела, Гюнтер? Всё нормально? — поинтересовался Иоахим, садясь рядом с ним на скамейку.

— Да, всё отлично! Хоть сейчас можно выступать... — кивнул он, подавив желание открыть свою фляжку и глотнуть немного воды.

— Вот и хорошо... — согласился с ним оберштурмфюрер. Помолчав, он сказал: — Пока есть время может продолжим наш вчерашний разговор?

— Какой? — удивился Гюнтер и тут же вспомнил: — А, о евреях?

— Да... Именно о них! — ответил Пайпер, откидываясь на спинку скамейки. — Я ещё тогда сказал что намного раньше задал нашему рейхсфюреру тот же вопрос что и ты мне. Хочешь услышать ответ?

Шольке усмехнулся и тоже уселся поудобнее. Почему бы и нет? Может он услышит аргументы настоящего нациста и поймёт в чём такая страшная опасность евреев, потому что раньше, да и сейчас тоже, он не видел в них ничего угрожающего Германии.

— Хочу, Йохан! Мне на самом деле интересно! — подтвердил Гюнтер, глядя на него.

— Что ж, тогда начну... — медленно кивнул тот. — Скажи мне, какой враг опаснее для любой страны, внешний или внутренний?

— Ха... — улыбнулся Шольке такому простому вопросу. — Конечно, внутренний!

— Верно! — одобрительно сказал Пайпер. — Вот евреи и есть наш самый опасный

внутренний враг! Они, как и цыгане, не имеют своей земли, но мастерски умеют приспособливаться к жизни в любой стране. И всегда стараются взять под контроль именно финансы, потому что знают про силу денег. Несмотря на свою неполноценность эти хитрые иудеи стремятся влиять на жизнь страны, покупая политиков, чиновников и заставляя их принимать нужные им законы! Как пауки, опутывают своими липкими сетями истинных патриотов Германии... Ты знаешь сколько евреев среди банкиров, промышленников, высоких чиновников и профессоров было во время Веймарской республики? Сотни! И все они очень даже неплохо жили в то время когда каждый немец буквально выживал, пытаюсь прокормить себя и свою семью! Я спрашиваю тебя, это справедливо?!

Гюнтер хотел сказать но Иоахиму не требовался ответ, он разгорячился и говорил напористо, с полной уверенностью в своей правоте:

— На самом деле наши враги не французы или англичане... И даже не бедные, обманутые русские... Нет, это евреи во Франции, Англии и в России натравливают на нас эти народы! Конечно, ведь мы же сбросили с себя их удавку и теперь живём так как сами хотим! Отняли у них наши деньги и потратили на процветание Германии! О, они в ярости и хотят любой ценой покарать немцев за такое своеволие! Даже в Америке они стараются сделать так чтобы Рузвельт принял сторону союзников и помог уничтожить всё что сделал наш фюрер во благо Рейха! Поверь, Гюнтер, все эти еврейские толстосумы в дорогих костюмах связаны друг с другом по всему миру, во всех странах! Стремясь замаскироваться они меняют свои имена, фамилии, иногда даже веру, но сущность их остаётся неизменной — нажива, власть и презрение ко всем кто не еврей! Да, они не стреляют в нас, вежливо разговаривают и на вид являются очень даже приличными людьми... Только это всё маска! Евреи незаметно разлагают нас и заставляют забыть кем мы являемся и чистоту нашей крови! Наш фюрер сразу понял всю опасность такой тактики врага ещё когда сам был солдатом и принял меры...

Он, наконец, успокоился и замолчал.

Гюнтер был впечатлён его словами. Теперь он понимал почему нацисты так зверствовали в отношении евреев. Гитлер был превосходным оратором и его вдохновляющие речи бальзамом лились в души и сердца жителей Германии, уязвлённых жестоким поражением в войне. Хотя он сам, с высоты будущего, видел что фюрер просто нашёл козла отпущения, указал "крайнего", но именно это и было нужно людям! Сказал кто конкретно виновен в поражении... кто тайно саботировал усилия честных тружеников Германии... кто желал победы врагу. И вот результат. Нюрнбергские расовые законы, Хрустальная ночь... От проживавших в Германии до 1933 года полумиллиона евреев на данный момент осталось всего четверть, да и это количество продолжало быстро уменьшаться. Способ не новый но действенный и опробованный множество раз.

Для себя же он решил действовать как и раньше. То есть, принимать меры против евреев только при явной угрозе. Несмотря на довольно эмоциональную речь Пайпера Гюнтер чувствовал что это только часть правды. Убивать еврея за то что он еврей Шольке не собирался. Просто не мог воспринимать их как врагов. Вот французов, англичан, американцев... русских, наконец... вот их да, мог.

Внезапно над его ухом раздался громкий голос Эриха Ханке, незаметно подошедшего к ним:

— Правильно говорите, господин оберштурмфюрер! От этих евреев одни только неприятности! — нахмурившись, заявил он. — Давно пора бы их выгнать из нашей страны!

Нечего им пить нашу арийскую кровь!

— Да!.. Так и есть!.. Мальчишка прав!.. — окружил его гул голосов подчинённых. Оказывается, к ним присоединились больше десятка его солдат, внимательно слушавших короткую беседу своего командира с другим офицером.

— Так, разошлись все! — громко распорядился Гюнтер, встав со скамейки. — Без вас разберёмся что делать..

К нему пробрался Брайтшнайдер и сказал:

— Оберштурмфюрер, по радио передали команду выдвигаться. Мы первые!

— Понял, спасибо, Бруно! — кивнул Гюнтер и заорал: — По машинам!! Всем заняте свои места!!!

Все вокруг тут же забегали, устремившись к технике. Заревели двигатели, включились фары со светомаскировочными шторками. Он подошёл к "Здоровяку", выбранному им в качестве своей командирской машины, и залез на корпус, окунувшись в смесь запахов масла, бензина и металла. Удобно пристроившись в башне Шольке оглянулся назад. Последние разведчики торопливо залазили на броневики и бронетранспортёры. Ему показалось что чья-то маленькая фигурка буквально взлетела на один из "Ганомагов". Вот же шустрый парень... Наконец, на земле не осталось ни единого человека, все были на месте.

Заглянув в открытый люк он закричал водителю, пытаясь перекричать рёв мотора:

— Начать движение!

Мехвод его броневика, молодой улыбчивый балагур Курт Хассе, вскинул снизу голову, подмигнул и дурашливо козырнул:

— Есть начать движение, командир!

"Здоровяк" взревел и буквально прыгнул вперёд, от чего Гюнтер едва не свалился с него. Показав кулак лихачу он крепче вцепился в край люка на корпусе и счастливо улыбнулся. Подумать только, судьба подарила ему шанс быть на острие вторжения в Голландию! Чувствовать за собой мощь целого полка, готового прийти на помощь если разведчиков обидят... Теперь главное, выполнить три вещи... Не погибнуть самому. Не угробить своих ребят. И не дать "Лейбштандарту" попасть в засаду, что в порыве наступательного духа вполне возможно. С одной стороны нестись вперёд это правильно, время на войне имеет важнейшее значение. Опередишь врага, считай, победишь. С другой же, если враг уже готов к встрече то можно с размаху вляпаться в такую задницу что не будешь знать как из неё вылезти. Дилемма ещё та..

Двигаясь с хорошей скоростью броневик быстро достиг западной окраины Нойенкирхена и вырвался на простор, оставив на юге озеро Оффлумер. За ним, выдерживая интервал-дистанцию, неслись другие броневики, тускло светя перед собой маскировочными фарами.

На заборе крайнего дома, улыбаясь до ушей, сидел роттенфюрер "Гитлерюгенда" Хельмут Рот с гордо поднятой вверх рукой. Видимо, несмотря на глубокую ночь, решил проводить своих кумиров... Рядом с ним, кутаясь в шаль, стояла его мать, махая рукой проезжавшим мимо них машинам.

Гюнтер, поймав взгляд мальчишки, вскинул руку к виску и тоже улыбнулся. Тот что-то прокричал в ответ но он, из-за рёва мотора, ничего не услышал. Наверное, пожелал счастливого пути или остаться в живых... Всё-таки как не похож этот парень на своих ровесников из будущей Германии! Те набивают на себя дурацкие тату, прокалывают нос или уши, слушают дебильную музыку и плевать хотели на историю своей страны... Да и вообще

им глубоко по барабану на Германию, лишь бы правительство не мешало им пить, колоться и отрываться. Знают только свои права, малолетние кретины, а то что у них есть ещё и обязанности перед страной... Об этом, естественно, забывают. Что ж, такова подлая человеческая натура, сосредоточенная в первую очередь, на своих личных потребностях.

А этот Хельмут искренне верит в Германию, любит её всем сердцем и главное, готов воевать и убивать за неё! И за фюрера тоже. Правильно придумали "Гитлерюгенд", начинать борьбу за умы и души людей надо с самого раннего возраста, иначе потом поздно будет! Отличная физическая подготовка, походы, подростковая романтика вечернего костра, занятия, дружеская взаимопомощь, первая мужская дружба... Всё это спланирует ребят и готовит из них будущих солдат которые будут готовы отдать жизнь за свою любимую Германию, давшую им так много! Идея, сплотившая всю страну — вот что главное! Деньги, комфорт, это лишь приятная награда, бонус для тех кто не боится трудностей. Нельзя жить бесцельной жизнью, только лишь зарабатывая деньги на своё проживание и сосредоточившись на благе своей семьи! Этого мало! Нужна глобальная, стратегическая цель, которая сплотит весь народ и поведёт его вперёд! Безыдейное общество, живущее лишь своими мелкими желаниями — слабо! Рано или поздно оно разрушится, потому что общество эгоистов и единоличников нежизнеспособно! Даже русские это поняли! Сталин сплотил их своей идеологией и сейчас они, пусть даже дорогой ценой, но поднимают свою страну, развивают её... К сожалению, после войны... той, будущей войны, и Россия и Германия потеряли эту цель, в результате СССР развалится когда её жители разуверятся в идеологии. А Германия... Она окончательно покорится англосаксонскому могуществу, представляя собой пусть и сильное экономически но слабое в военном отношении государство. А ведь раньше, да и всегда, с государством считаются по силе не только экономики но и армии! Иначе, просто придут и заберут твоё добро более сильные и дерзкие..

Гюнтер очнулся от размышлений и снова широко улыбнулся. Сейчас он вершит историю! А вообще, ему не на что жаловаться... Он любит и любим, за ним мощь великой страны а впереди та цель за которую Гюнтер готов воевать и убивать врагов! И уж на этот раз он постарается сделать всё чтобы Берлин не лежал в руинах! Ни через пять лет ни вообще никогда! Неважно с кем придётся сражаться, любой кто захочет уничтожить Германию пусть заранее пишет завещание! Оно ему точно пригодится!..

Шольке глубоко вдохнул свежий ночной воздух и посмотрел вперёд, на тёмную дорогу, освещаемую фарами "Здоровяка". Куда она его приведёт? Скоро он это узнает, главное, быть готовым к любым сюрпризам изменчивой фортуны! А если та вздумает пошутить с ним и повилить своей задницей... Что ж, хорошо смеётся тот кто смеётся последним!

Берлин.

9 мая 1940 года. Поздний вечер.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Он ехал по пустынным улицам ночного города и вынужден был собрать всю свою волю в кулак чтобы не показать водителю и охране нервозность которая изнутри буквально колотила его. Поднятый телефонным звонком всего полчаса назад Гиммлер наскоро оделся, суетливо поцеловал свою Хеди, жившую у него почти официально, и быстро вышел из подъезда, гадая вернётся ли он ещё сюда... Перед тем как сесть в свою машину Генрих вскинул голову вверх и увидел Хедвиг. Та стояла в окне, обхватив свои плечи, и молча смотрела на него. Ему показалось что на щеках девушки блеснули слёзы.

Прощально подняв руку он нырнул в знакомый салон автомобиля и тот тут же рванул с места. Несмотря на состояние войны улицы столицы, особенно в центре, были ярко освещены. Людей, как и машин, было мало, разве что прогуливающиеся парочки или редкие патрули шли по тротуарам. Легковушка неслась по улицам, приближаясь к рейхсканцелярии, а Гиммлер всё гадал о причине по которой его вызвал к себе фюрер через своего адъютанта Шауба.

На арест это не походило, в таком случае его взяли бы прямо в доме, во избежание всяких случайностей. Бежать куда-то Генрих даже и не думал, неважно что его ждёт. Такой поступок лишь подтвердил бы его вину и окончательно затянул удавку на его шее. Не только карьера но и жизнь Гиммлера связана с фюрером. Нет, это не арест, утвердился он в этой мысли и ему стало немного легче. Но что же тогда? Надо набраться терпения, совсем скоро это будет ему известно.

Наконец, машина мягко остановилась перед главным входом в рейхсканцелярию и выскочивший спереди охранник услужливо распахнул ему дверцу. Со спокойным лицом вовсе не отражавшим его внутреннее состояние Генрих распахнул лёгкий плащ и прошёл внутрь, краем глаза удовлетворённо заметив как эсэсовцы на входе безукоризненно поприветствовали его.

В холле здания, несмотря на позднюю ночь, было довольно многолюдно. В разных направлениях деловито грохотали сапогами офицеры СС и Вермахта, звонили телефоны, пробегали мимо девушки из административного состава прижимая к себе папки и стопки бумаг... Словом, нормальная рабочая атмосфера государственного учреждения.

При виде рейхсфюрера все присутствующие офицеры вытягивались и отдавали приветствие, провожая его взглядами пока он шёл к главной лестнице по давно знакомому маршруту. Уже наверху, шагая по коридору ведущему к кабинету фюрера, Генрих увидел в его конце Шауба как обычно несущего свою службу. Верный цепной пёс готовый без раздумий пожертвовать своей жизнью чтобы Гитлер правил тысячелетним Рейхом вечно... Не запугаешь, не подкупишь. Можно только убить а это очень непросто.

Подойдя к двери кабинета Гиммлер остановился и вопросительно уставился на адъютанта, сбросившего неподвижность и подошедшего к нему.

— У фюрера сейчас последнее совещание с генералами, господин рейхсфюрер... — тихо пояснил Шауб. — Но я получил приказ немедленно сообщить ему как только вы

приедете. Подождите пару минут, я сообщу о вас.

Генрих кивнул и стал рассеянно рассматривать одну из картин висевших в коридоре изображающую Нюрнбергский съезд партии. Что и говорить, получилось роскошно. Художник мастерски отразил не только само мероприятие но и его атмосферу. Напряжённые лица, плотно сжатые губы... Гиммлер сам в тот день присутствовал там но на панораме его не было. Точно, он стоял закрытый другими людьми поэтому художник его и не показал..

— Прошу вас, рейхсфюрер! — появился из кабинета Шауб и приглашающе показал рукой.

Окончательно задавив в себе остатки страха Генрих твёрдым шагом вошёл в кабинет. Шауб тихо закрыл за ним дверь и остался в коридоре, на своём посту. В комнате никого не было, лишь за другой дверью слышался неразборчивый шум голосов. Видимо, там и идёт совещание. Хотя Гиммлер не совсем понимал зачем оно вообще нужно. Все генералы и так отлично знают что делать каждому из них, в Генеральном штабе Гальдер наверняка всё буквально разжевал и заставил проглотить. Что ж, фюреру виднее..

Вырвав его из размышлений дверь отворилась и в кабинет вышел Гитлер, тут же посмотревший на него с непонятым выражением лица. Вместе с ним внутрь ворвались обрывки слов:

... — Курт, мои части могут не успеть поддержать твоих десантников когда..

... — Надеюсь, наша авиация не даст вражеским подкреплениям..

... — Уверен, план Манштейна принесёт нам победу и..

Дверь закрылась, отсекая разговоры, и Гиммлер вскинул руку в нацистском приветствии, затаив дыхание от волнения. Фюрер заложил руки за спину и слегка прищурился, осматривая его. Не ответив на приветствие и ничего не сказав он прошёл до своего кресла и уселся в него, сложив кисти в замок на животе.

Рейхсфюрер нервно сглотнул. Плохой признак... Раньше Гитлер всегда отвечал, даже если это выглядело небрежной отмашкой руки.

— Генрих... — начал фюрер, не спуская с него своего тяжёлого взгляда. — Я принял решение дать тебе шанс искупить свою вину. Хотя бы немного... Ты готов доказать мне что можешь быть компетентен и продолжать дальше исполнять обязанности главы СС?

— Конечно, мой фюрер! — уверенно ответил Гиммлер, боясь поверить такой удаче. Неужели его простят и всё снова вернётся на круги своя? О, за такую возможность он готов драться руками и ногами! — Только скажите как это сделать и можете считать что уже выполнено!

Гитлер усмехнулся. Потом взял со стола неприметную серую папку, открыл её, полистал, закрыл а потом толкнул по гладкой поверхности в его сторону.

— Здесь то что должны сделать твои люди, Генрих! — внезапно голос фюрера похолодел и приобрёл ещё большую властность. — От этого задания зависит не только судьба Германии но и всего мира! Провал абсолютно недопустим! Ты слышишь, Генрих?!

— Да, мой фюрер! Провала не будет! Мои люди сделают всё что приказано или погибнут! — заверил рейхсфюрер, борясь с желанием открыть папку и узнать её содержимое.

— Надеюсь на это, Генрих... Очень надеюсь! — шумно вздохнул Гитлер, сбавив психологическое давление. Он, наконец, отвёл от него взгляд и посмотрел на дверь кабинета в котором продолжалось совещание генералов. — Этот приказ имеет три варианта

выполнения. Первый состоит в том что все нужные люди должны добровольно вернуться на нашу историческую Родину. Это было бы замечательно! Но, боюсь, они не захотят... Тогда в действие вступит второй вариант — они должны быть похищены и силой сопровождены в Германию. То же самое касается и не немцев, которые нам интересны. Наконец, если сорвутся оба варианта то твоим людям придётся применить третий вариант — все должны быть уничтожены! Желательно, под видом несчастных случаев. Но, если не получится, то любым способом. Главное, чтобы их знания и опыт не могли послужить нашим врагам! Открывай папку, Генрих, и читай!

Гиммлер последовал приказу и раскрыл папку. Его брови удивлённо поползли вверх... Ничего себе! Да, операция предстоит отнюдь не рядовая... Список людей, будущих целей для его агентов — Альберт Эйнштейн, Роберт Оппенгеймер, Макс Борн, Эдвард Теллер Джеймс Франк, Отто Штерн, Вольфганг Паули, Энрико Ферми... около двух десятков человек, причём слышал он только про Эйнштейна, да и то смутно. Это что, понадобится их всех заставить приехать, насильно выкрасть или убить?

— Позвольте, мой фюрер... — колеблясь, спросил Гиммлер. — А кто все эти люди? И в чём их ценность для нашего Рейха?

Гитлер некоторое время изучал его а потом хмыкнул:

— Это те кто помогут нам создать самое мощное и разрушительное оружие в мире! И одновременно не дать это сделать другим странам! Все эти учёные живут в Америке и Англии. Почти все из них немцы или евреи которые относятся к нам с презрением и страхом... Но мне всё равно что они думают о нас, их мнение не имеет ни малейшего значения! — завёлся фюрер. Его глаза засверкали, кулаки крепко сжались. — Они должны работать на нас и сделать нам супер бо... супер оружие! — поправился Гитлер. — Если понадобится то насильно! Любыми средствами! В крайнем случае, если будет невозможно вывезти их то они должны навсегда исчезнуть! Это приказ, Генрих, и только попробуй его не выполнить! — прорычал он, глядя на него своими бешеными глазами.

— Я его выполню, мой фюрер! — твёрдо сказал Гиммлер, пока не имея ни малейшего понятия как это выполнить. — Эти люди будут работать на благо Германии или не будут работать ни на кого!

— Только так, Генрих, только так! — ударил кулаком по столу Гитлер. — На всю операцию даю... три месяца! Этого достаточно чтобы твои люди смогли подобраться к ним и провести вербовку. Или два других варианта. И никто из наших агентов не должен попасть в руки англичан или американцев! Если их попытаются захватить то пусть принимают бой или проглотят цианид! Секретность должна быть наивысшей! МИД уже получил указание содействовать этой операции, его сотрудники помогут документами и своими связями, но истинной цели они знать не должны!

— Мне всё ясно, мой фюрер! — кивнул Гиммлер, закрывая папку и вставая. — Разрешите идти выполнять?

— Иди, Генрих... — согласился Гитлер, тоже вставая из-за стола. — И на этот раз не разочаруй меня! Это твой последний шанс вернуть моё пошатнувшееся доверие, не потеряй его! Если ты снова сядешь в лужу... — он медленно покачал головой... — я забуду всё что ты для меня сделал за много лет и дам тебе возможность самому испробовать то что испытывают твои узники в подвалах гестапо! — пригрозил фюрер побледневшему рейхсфюреру.

— Я... Я всё сделаю как надо, мой фюрер! — ответил он, с трудом сдержав дрожь в

голосе. Перспектива побывать в руках собственных специалистов по выбиванию показаний напугала его, что уж тут скрывать..

Гитлер властно махнул рукой и Гиммлер пошёл к двери, заранее распахнутой услужливым Шаубе. Как он так умудряется вовремя это делать? Неужели подслушивает? Впрочем, сейчас это неважно... Надо немедленно ехать к себе в Главный штаб СС, вызвать Гейдриха, Шелленберга и ещё кое-кого. Гитлер дал ему шанс вернуться на самый верх власти и Генрих твёрдо намеревался воспользоваться им. План должен быть идеален!..

Москва.

То же время.

Лаврентий Берия.

Его вырвал из объятий сна настойчивый телефонный звонок и голос жены:

— Вставай, тебе звонят! Лаврентий! Проснись!

Недовольно заворчав спросонья, он с раздражённым вздохом приоткрыл глаза и протянул руку к телефонному аппарату рядом с кроватью. Какой дурак звонит ему посреди ночи?! Что там опять случилось?

— Слушаю! Кто там?! — прохрипел Берия, чувствуя во рту привкус коньяка который употребил вчера вечером в честь удачного разрешения ситуации с Александром. А почему бы и нет? Имеет право! Нервы успокоить да и просто захотелось! Кто-то против? Вот и молчите!

— Лаврентий Павлович... — раздался в трубке голос его верного помощника Николая. — У меня для вас две новости... И обе плохие!

Сердце тут же рухнуло куда-то вниз, в горле появился комок который мешал сглотнуть. Сон мгновенно пропал. Что ещё могло такого случится после триумфального возвращения "Потомка"?! Так, спокойно! Без паники! Собраться, глубоко вздохнуть! Жена смотрела на него с тревогой, закутавшись в одеяло. Он попытался улыбнуться чтобы успокоить её но получилось, видимо, не очень.

— Говори! Что случилось? — спросил Берия, овладев своим голосом.

— Во-первых, вернулась наша группа из того садового товарищества где содержался Саша и где, по его словам, он оставил запертым своего похитителя... — докладывал Николай собранным тоном. — Там было пусто. Точнее, есть следы беспорядка... Разбитый шкаф, например... Но внутри никого нет. Поэтому предполагаем побег. Видимо, этот Алексей как-то выбрался из подвала или подпола и сбежал. Куда, неизвестно. К сожалению, группа не взяла с собой собаку, не было причин думать что она пригодится. Поэтому пока пусто. Эксперты уже выехали, посмотрят всё в в доме..

— Ясно... — подытожил Лаврентий, слегка переведя дух. Это, конечно, неприятно но ничего такого катастрофического нет. Неужели из-за этого надо было его будить? Коля перестраховывается или... Кстати, есть же ещё одна неприятная новость! — Завтра спрашиваем Александра более настойчиво. Что там ещё?

— Боюсь, спросить его будет нелегко... — с огорчённым вздохом сознался тот. — Вторая плохая новость состоит в том что до точки номер 17 машина с ним и нашими сотрудниками не добралась. Бесследно пропала в пути..

— Что?! — невольно вскричал он, от чего жена испуганно вздрогнула. — Как пропал? Опять?!

В голове вихрем взметнулись панические мысли а под ложечкой сильно засосало. Ведь сегодня утром он планировал доложить Сталину что пропажа нашлась! А теперь что получается? Не успели найти и опять потеряли? Нет, похоже, его кабинет точно обретёт нового хозяина... Да что такое с этим чёртовым Сашей творится?! Нет, давно надо было его закрыть в самую тайную дыру и ни в коем случае не выпускать наружу! И вот результат его мягкотелости! Неужели эти предатели внутри его ведомства пронюхали что "Потомок" нашёлся и тут же решили снова его похитить? Если так то надо чистить и чистить беспощадно! По малейшему подозрению брать и колоть поганцев! Подумать только, под его носом нагло проводить свои провокации! А его люди вообще мышей не ловят!..

— Да, опять... — удручённо подтвердил Николай. — Машина с ними должна была добраться до точки ещё часа два назад. Но её нет. Оттуда позвонили и спросили ждате ли наших сотрудников сегодня ночью? Сказали что к ним никто не приезжал. Я поднял тревогу, отправил усиленный наряд на грузовике по маршруту, гарнизон точки сделал то же самое... Никаких следов, машина не обнаружена, никто ничего не слышал..

Усилим воли сдержав грязные ругательства на языке Берия закрыл глаза и несколько секунд молчал, пытаясь успокоиться. Слава Богу, жена не лезла с расспросами, иначе он точно сорвался бы на ней. Мрачно подумал что спать ему сегодня уже не придётся..

— Я сейчас приеду! — ответил он, вылезая из кровати. — А пока поднимай все отделы в том районе, пусть землю носом роют, опрашивают слепых, глухих, пьяных, обследуют весь маршрут! Я не верю что все наши сотрудники в машине могли оказаться предателями, значит должны остаться следы борьбы или нападения! Назначаю тебя ответственным за это дело! Да, и ещё... Пусть этот старший следователь, как его там... В общем, чтобы немедленно приступил к расследованию нового исчезновения Александра и его конвоя! У него это неплохо получается..

— Так точно, Лаврентий Павлович! Отдам распоряжения сейчас же! — повеселевшим голосом отозвался Николай и положил трубку.

Уже полностью одевшись, Берия тоскливо подумал что не только его кабинет может обрести нового хозяина но и его дом. А новое жильё ему могут предоставить очень далеко отсюда и явно не такое комфортное как это. Впрочем, была опасность того что ему вообще никакого жилья больше не понадобится... Зачем мёртвому дом? Кусок земли и гроб вполне подойдёт..

Германо-голландская граница, западнее Гильдехауса.

Утро 10 мая 1940 года.

Гюнтер Шольке.

После получения предварительного сигнала перед началом операции по вторжению в страны Бенилюкса, его разведчики выдвинулись в район сосредоточения западнее небольшого городка Гильдехаус. Отсюда до границы было уже совсем близко. По скудным словам одного из солдат, местного уроженца, лесной массив, возле которого притулился небольшой фольварк, в котором и расположилась временно часть Шольке, был последним перед границей препятствием. Ближе подобраться было уже нельзя, их бы увидели голландские пограничники.

Гюнтер стоял возле фермы, в которой проживал сам бауэр, его жена и невестка с ребёнком. Сын, по его словам, был в армии. Шольке снял свой шлем и отпил воды из фляги,

с наслаждением ощущая как пересохшее горло омывается прохладой..

...Просёлочная дорога покрыла всю технику и солдат на открытом воздухе тонким слоем пыли, которая осела на форме, шлемах и оружии заставляя людей кашлять или прикрывать нижнюю часть лица платком. Очки защищали глаза но и их приходилось протирать время от времени... Знакомая картина, в Польше было примерно то же самое. По пути, в полях и на окраинах посёлков, Гюнтер видел в свете костров огромную массу сосредотачивающихся войск. Грузовики всех марок, телеги снабженцев, десятки танков, окружённых механиками-водителями, в последний раз проверявших свою технику... А также много артиллерии.

Маленькие противотанковые пушечки 3,7-см "Pak. 35/36" были прицеплены к грузовикам и лёгким тягачам. В кузовах сидели расчёты, курившие последние мирные сигареты. Средние и тяжёлые зенитки, такие как 8,8-см, уже тащили тягачи помощнее, "SdKfz. 7". Навстречу также попались батареи тяжёлых мортир 21-см "MRS.18" и даже дальнобойные 15-см "Kanone 18", которые могли бить почти на 25 км. Возле них стояли "SdKfz. 8" и "SdKfz. 9" произведённые фирмами "Daimler-Benz", "Skoda", "Krupp", "Bussing Nag" и "FAMO", громоздились зарядные ящики и свёрнутые в рулоны маскировочные сети.

И, конечно, пехота. Насколько Гюнтер мог заметить в темноте, здесь было несколько тысяч человек, как минимум. Гул их голосов пробивался даже через шум мотора "Здоровяка". Тут были и эсэсовцы и солдаты Вермахта. Несмотря на не слишком дружелюбное отношение между этими родами войск в данный момент они весело разговаривали и делились куревом. В конце концов, все эти шероховатости и мелкие придирки ничего не стоят. Все они немцы и делают одно дело.

Вот и сейчас "Лейбштандарт" был в подчинении 10-го армейского корпуса 18-й армии группы армий "Б". Гитлер, по своему обыкновению, пожелал чтобы его элитный полк находился на самом острейшем ударе и эсэсовцы намерены были сделать всё чтобы оправдать ожидания своего фюрера, даже если это приведёт к тяжёлым потерям..

Походив немного возле броневика Гюнтер решил зайти в дом. Семья бауэра не спала, видимо, разбуженная грохотом и гулом машин. Сам бауэр, кряжистый мужчина лет сорока, хромал по комнате. Он обернулся на звук открывшейся двери и, по доброму усмехнувшись, сказал:

— Проходите, господин офицер, садитесь к столу! Сейчас Вероника угостит вас чем-нибудь..

— Не стоит, господин..? — вопросительно поднял брови Гюнтер.

— Никакой я не господин... Называйте меня просто Хорст! — отмахнулся тот и тяжело опустился с другой стороны стола.

Тем временем его жена, не обращая внимания на слабые возражения Гюнтера, принесла хлеб, кровяную колбасу и пиво. От такого подарка желудок Шольке, несмотря на то что перед маршем он хорошо поел, снова заурчал. "Чёртов пролот, когда ты только успокоишься?" — мысленно обругал его хозяин, отпивая отличное пиво из глубокой кружки.

— Меня зовут Гюнтер Шольке, оберштурмфюрер СС! — представился он, когда промочил горло пенным напитком.

— Оберштурмфюрер? — удивился бауэр, задумчиво потерев подбородок. — Что-то я не знаю такого звания... По-армейски этот как?

— Обер-лейтенант... — улыбнулся Гюнтер, принимаясь за колбасу. — Командир разведывательного отряда.

Вероника, закончив все свои дела, тихо вышла из комнаты, предоставив мужчинам возможность поговорить наедине.

— Вот оно что! — глубокомысленно кивнул мужик. — Теперь понятно. Гляжу, наградили вас? Железный крест?

— Да, за Польшу. Там было, временами, довольно жарко... — сказал Гюнтер, пережёвывая вкусную еду.

— А я ведь тоже воевал... — вдруг признался бауэр, потеряв рукой хромающую ногу. — Фельдфебелем был в начале той, прошлой войны. Куда меня только не кидало... С запада на восток, потом обратно. То пуалю били, то иванов. Сначала Марна, потом Верденская мясорубка, Сомма... В Галиции тоже побывал, там мы хорошо надрали русским задницу... Но и они нам кровь пустили, что уж тут врать. Как дожил до капитуляции сам не пойму... — покачал головой Хорст, словно сам изумляясь своей удаче. — Десятки раз думал что всё, капут! Но нет, живой оставался. То ли Вероника за меня крепко молилась, то ли ещё что... Все камрады кого я знал, все погибли... А я вот остался! — тяжело вздохнул он.

— За это стоит выпить! — твёрдо решил Гюнтер.

— Не возражаю! — усмехнулся в ответ мужчина, отпивая из своей кружки. — Знаете, обер-лейтенант, больше всего мне тогда было обидно не то что погибли все товарищи кого я знал... война, что уж поделаться... И даже не то что наша любимая Германия была в разрухе... Нет... Самое обидное было то что всё это оказалось зря! Все эти жертвы, разрушения, голод, унижения... Всё напрасно! Четыре года мы воевали в грязи, на холоде, задохались от смрада трупов, питались всякой дрянью, пили из луж, мучались от дизентерии... Хоронили куски тел товарищей с которыми смеялись полчаса назад... Терпели лишения, напрягали все силы... А что в итоге? Что в итоге, я вас спрашиваю, обер-лейтенант?! Оказалось, всё впустую! Париж не взят, французы с англичанами торжествуют, американцы тоже приплыли... И только мы, немцы, проиграли! Ничего не приобрели, только всё потеряли... Разве это справедливо?!

— Вы правы, Хорст, это совершенно несправедливо! — убеждённо ответил Гюнтер, допив большую кружку пива и чувствуя что слегка взбодрился. — Можете мне поверить, на этот раз всё будет по другому! Совсем скоро Франция будет на коленях, наши солдаты пройдут парадом на Елисейских полях а элегантные француженки будут с радостью поднимать свои платья чтобы показать нам все свои секреты! Хотя вряд ли там окажется что-то новое..

Бауэр гулко расхохотался и Шольке поддержал его, отлично зная что так и будет. Всё-таки, послезнание хорошая штука!

— Хорошо бы, обер-лейтенант... — вздохнул Хорст и, встав из-за стола, подошёл к окну. — Я смотрю, в нашей армии много что изменилось... Техники стало больше, танки посильнее и аэропланы тоже.

Гюнтер тоже встал и приблизился к нему. Положил руку на плечо мужчине и серьёзно посмотрел ему в глаза.

— Послушайте, Хорст! — начал он уверенным голосом. — Послушайте и хорошенько запомните этот день! Сегодня начинается месть за наше поражение двадцать два года назад! На этот раз не будет никакого предательства в тылу! И русские не ударят нам в спину, как тогда! Я и все солдаты Германии смоют унижение и позор 18-го года! Мы сполна отомстим за вас и ваших погибших друзей, Хорст! Чего бы это нам не стоило но мы возьмём Париж! А потом настанет черёд Лондона и того толстого любителя сигар который всё время плетёт

козни против Рейха! Да, Союзники сильны, у них много техники, солдат и ресурсов, но это на войне не всегда самое главное... Есть ещё боевой дух и готовность к самопожертвованию! А вот этого у нас намного больше чем у них! Мы пойдём и раздавим всех кто попытается помешать нам! Всех и каждого! Верьте мне, Хорст! Наберитесь терпения и следите за новостями по радио! Вот и всё что я хотел вам сказать!

С этими словами Гюнтер ободряюще хлопнул его по плечу, надел свой шлем и вышел из дома на улицу. Из "Здоровяка" выскочил радист и подбежал к нему, радостно улыбаясь:

— Оберштурмфюрер, получен приказ из штаба полка к наступлению! Готовность десять минут!

— Хорошо, передай приказ о готовности всему отряду! — ответил он, охваченный мандражем. Гюнтер уже хотел залезть на свой командный броневик когда перед ним выросла фигура Хорста. Тот посмотрел на него, его глаза были влажными..

— Просто сделайте это, обер-лейтенант! Сделайте то что не смогли сделать мы! — голос бауэра дрожал от волнения. — Размажьте этих сволочей! Заставьте их заплатить за всё! Чтобы при слове "немец" их дети плакали от страха! За всех наших парней что заплатили жизнью и обильно полили своей кровью ту землю! Покажите им всю нашу ярость!!!.. А за нас не беспокойтесь! Тыл выдержит, мы выдержим! Голодать будем, но дадим вам всё что нужно для победы! Только сделайте это!

А потом он не сдержался и обнял ошеломлённого Гюнтера! Постояв так минуту, Шольке осторожно высвободился и тихо сказал:

— Мы сделаем это... Обещаю! Клянусь своей жизнью, Хорст..

Он запрыгнул на свой броневик, тот зарычал и мягко поехал вперёд, к краю роши. Обернувшись, Гюнтер увидел фигуру бауэра. Хорст стоял по стойке "смирно", приложив руку к виску. Старый немецкий фронтовик передал боевую эстафету своему потомку. Это было правильно! Всё что мог он сделал тогда, больше двадцати лет назад, и не его вина что этого оказалось недостаточно... Теперь настал черёд Гюнтера и его товарищей. И они не подведут, уж он-то это знает!

— Готовность пять минут! — крикнул снизу радист. Кивнул головой в знак того что понял, Гюнтер задрал голову. Ему показалось что наверху что-то мелькнуло. И он увидел..

Далеко на востоке уже начался восход. Солнца ещё не было но его отсвет уже окрасил небо так что было видно ИХ.

Первыми над головой промчались быстрые "Мессершмитты". Их были десятки! Они шли парами, четвёрками, целыми эскадрильями... Несколько секунд и они уже над Голландией. Не успел стихнуть звук их моторов как в вышине появились новые самолёты, летящие сомкнутым строем, крыло к крылу. Двухмоторные машины издавали заунывный гул который невольно давил сверху. Первые, робкие лучи солнца осветили фюзеляжи с крупными крестами на крыльях и Гюнтер сразу их узнал — "He-111" и "Ju-88". Тяжелогружённые бомбами самолёты медленно проплывали над головой неся голландцам множество подарков в своих бомболоках. Гюнтер надеялся что они не будут так уж часто промахиваться, хотя какой точности можно добиться при ковровых бомбардировках по площадям? Разве что случайно..

Под ними, немного отставая и на более низкой высоте, шли десятки трёхмоторных "Ju-52", таким же строем что и бомбардировщики. Там сейчас наверняка сидели десантники Штудента, которые должны были свалиться врагам на головы, захватить кучу важных мостов, переправ через сотни каналов и ручьёв пересекавших страну тюльпанов. Захватить и

удержать до подхода Гюнтера и его товарищей. Может сейчас в одном из десантных самолётов сидит и боксёр Макс Шмеллинг? Кто знает? А далеко на юге, над Бельгией, летит группа "Гранит" обер-лейтенанта Витцига, чтобы высадиться на крыше крепости Эбен-Эмаэль и покрыть себя неувядаемой славой! А вместе с ними летит непосредственный участник этого штурма снайпер Гюнтер Бауэр, сумевший выжить и после войны написать книгу воспоминаний которую с удовольствием прочитал Шольке. С минимальными потерями уничтожить огромную и мощную артиллерийскую позицию а потом открыть дорогу через мосты своим танкам! Вот это настоящие герои!.. Мысленно Шольке пожелал им удачи и поменьше потерь.

А теперь прямо над головой с гудением медленно проходили "воздушные пехотинцы". Так называли ещё в Испании "Ju-87" немецкие солдаты, которые были в восторге от действий пикировщиков. Артиллерия, миномёты, пулемёты... Всё что республиканцы и интербригады готовились обрушить на мятежников, всё это сравнивали с землёй и перепаживали медленные, уязвимые для истребителей, но очень меткие штурмовики-пикировщики с неубирающимися шасси, закрытые обтекателями. Чуть позже на всех них установят сирены и не слишком стойкие вражеские пехотинцы, обезумев от ужаса, станут выскакивать из окопов, бегая под пулемётами и бомбами на радость лётчикам.

"Летите, парни, для вас там полно работы! — в душе обратился к ним Гюнтер. — А потом мы поможем и закрепим успех!"

— Оберштурмфюрер! Получен сигнал "Данциг"! — внезапно закричал радист с соседней машины и Шольке тут же собрался. Прижал гарнитуру наушников и скомандовал:

— Группа, за мной, вперёд! Порядок вы знаете! Не отставать! Покажем голландцам кто хозяин в их доме!

"Здоровяк" рванулся вперёд по дороге и выехал из-за деревьев. Меньше чем в километре была пограничная застава, мост недалеко от Де-Поппе, откуда взлетела зелёная ракета. Всё в порядке, голландские пограничники обезврежены, местные нацисты, переодетые в форму голландской военной полиции, сделали своё дело. Молодцы!

Гюнтер оглянулся. За ним вытянулся весь его отряд а прямо из леса бежали группы пехотинцев на случай сопротивления, которого не последовало. И всю эту торжественную картину освещало своими первыми лучами солнце... Солнце будущей победы великого Рейха! Не будет захваченного и разрушенного Берлина! Не станут немецкие вдовы и матери ложиться под янки, англичан и русских за чулки и банку тушёнки! Не будет ничего этого! А как будет? Гюнтер этого ещё не знал но был готов сделать что потребуетя чтобы всё было по другому! И горе тому кто станет на его пути! Пощады не будет!

Конец первой книги. Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

"Союз германских девушек" — нацистская молодёжная женская организация в составе "Гитлерюгенда", в неё входили девушки от 14 до 18 лет.

"Пимпфы" — члены "Юнгфолька", составной части "Гитлерюгенд", в ней состояли мальчики от 10 до 14 лет.